Пушкину

КНИГА 10

1931-18

ПРИЛОЖЕНИЕ
К ЖУРНАЛУ
КРАСНАЯ НИВА
НА 1930 ГОД

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

А. С. ПУШКИН

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

В ШЕСТИ ТОМАХ

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
ДЕМЬЯНА БЕДНОГО. А. В. ЛУНАЧАРСКОГО.
П. Н. САКУЛИНА, В. И. СОЛОВЬЕВА,
П. Е. ЩЕГОЛЕВА

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ
А. В. ЛУНАЧАРСКОГО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1931 ЛЕНИНГРАД

lib.pushkinskijdom.ru

А. С. ПУШКИН

ТОМ ПЯТЫЙ

КРИТИКА, ИСТОРИЯ, АВТОБИОГРАФИЯ

РЕДАКЦИЯ

Н. К. КОЗМИНА, Н. О. ЛЕРНЕРА, Ю. Т. ОКСМАНА, П. Е. ЩЕГОЛЕВА.

СТАТЬИ М. Н. ПОКРОВСКОГО и И. В. СЕРГИЕВСКОГО

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ
КРАСНАЯ НИВА
НА 1930 ГОД

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1931 ЛЕНИНГРАД

lib.pushkinskijdom.ru

Главл. А 61503
Тираж 65000
Заказ № 840

lib.pushkinskijdom.ru

ПУШКИН — ИСТОРИК

Пушкин как историк старше своего поколения. Он умер, моложе сорока лет, почти накануне первых лекций Грановского в московском университете, за немного лет до первой диссертации Соловьева и первых статей Кавелина. Первая, еще более ранняя, попытка приложить к русской истории выводы тогдашней западно-европейской историографии, «История русского народа» Полевого — современница Пушкина. Пушкин посвятил ей две специальных статьи и довольно подробно разобрал ее — чтобы отдать преимущество истории Карамзина. «Желание отличиться от Карамзина», «желание противоречить Карамзину», вот что прежде всего другого бросилось в глаза Пушкину при чтении «Истории русского народа». «Рассказ г. Полевого слишком часто не что иное, как пародия рассказа историографа». И характеристика «историографа», т. е. Карамзина, представляет собою самую яркую страницу в статьях, посвященных Полевому.

«История русского народа» — довольно дилетантское произведение, и Пушкин был прав, когда он писал, что эта книга «походит более на разные журнальные статьи, чем на книгу». Но еще ранее «Истории» Полевого мы имеем в области древней русской истории исследовательскую работу европейского типа. «Древнейшее право руссов» Эверса вышло раньше, нежели Пушкин написал хотя одно из своих исторических произведений. Нет решительно никаких признаков того, чтобы Пушкин знал о книге дерптского профессора, легшей в основу будущих построений как Соловьева, так и Кавелина. Напротив, судя по тому, что он возводит новое направление в русской историографии к влиянию Вальтер-Скотта («новая школа французских историков образовалась под влиянием шотландского романиста», а «г-н Полевой сильно почувствовал достоинства Баранта и Тьерри и принял их образ мнений с неограниченным энтузиазмом молодого неофита»), нужно думать, что Эверс остался всецело вне поля его зрения: иначе, критикуя дилетантизм Полевого, как было не сравнить — вот дилетант, а вот настоящий ученый? Но, прожив три года в нескольких десятках верст от того места, где работал этот настоящий ученый, Пушкин едва ли знал об Эверсе больше того, что тот был ректором дерптского университета.

Из «новых» Пушкин несомненно читал Ог. Тьерри. «...Я сделался ужасным политиком с тех пор, как читаю Conquêtes de l'Angleterre par les Normands», писал он жене (в 1834 году — 4 года *после* того, как он критиковал Полевого!) и знал Гизо, на которого он ссылается в тех же статьях о Полевом: но ссылки настолько неопределенны, что могли быть сделаны и не на основании самостоятельного чтения «Курса современной истории» (как называлась в первом издании «История цивилизации» Гизо), а на основании журнальных статей о нем.

Научная историография 20-х—30-х годов почти что не существовала для Пушкина. Образцом *ученого* историка для него оставался Карамзин, в области науки стоявший на уровне не начала XIX, а второй половины XVIII столетия, когда научность ограничивалась стремлением точно констатировать факты (правильнее говоря, даже только тексты, передававшие о тех или других фактах: критика самих текстов только начиналась), и когда

lib.pushkinskijdom.ru

нравственные «апофегмы», то-есть субъективная оценка автором давно минувших событий и лиц с точки зрения «эпохи просвещения», считались отнюдь не противоречащими этой «научности». Не будем здесь воспроизводить *печатных* отзывов Пушкина о придворном «историографе» Александра I: когда имеешь дело с высказываниями Пушкина в печати, всегда нужно иметь в виду, что они не только прошли цензуру, прежде чем были напечатаны, но что они и писались, имея в виду цензуру. Но чтобы не сомневаться в полной искренности печатных отзывов Пушкина о Карамзине, достаточно привести две-три цитаты из его интимных писем к друзьям, где ему не было никакой необходимости притворяться в вопросе, совершенно безразличном для полиции Бенкендорфа (письма, конечно, могли попасть на глаза и ей). «Читаю только Карамзина да летописи», писал он Жуковскому в августе 1825 года (период наиболее острого «либерализма» Пушкина: 14-ое декабря было еще впереди). «Что за чудо два последние тома Карамзина! Какая жизнь. C'est palpitant comme la gazette d'hier [1], писал я Раевскому». Посылая «Бориса Годунова» тому же Раевскому, Пушкин требует, чтобы тот «прежде ее чтения пробежал последний том Карамзина». «Карамзин болен! — милый мой, это хуже многого. Ради бога успокой меня, не то мне страшно вдвое будет распечатывать газеты» (из письма Плетневу — в марте 1826 г.). «Дочери Карамзина сказали мне, чтоб я посвятил любимый труд [2] памяти отца. Итак, если еще можно, то напечатай на заглавном листе: «Драгоценной для россиян памяти Николая Михайловича Карамзина сей труд, гением его вдохновенный, с благоговением и благодарностию посвящает А. Пушкин» (из письма к тому же, октябрь 1830).

Но отношение к Карамзину — лакмусова бумажка для историка не только в наши дни, когда хвалить Карамзина считается хорошим вкусом в белогвардейском лагере: то же было и в дни Пушкина. Подражать Карамзину значило до известной степени бросать вызов общественному мнению современников Евгения Онегина, и Пушкин это понимал. Монолог Пимена, напечатанный в виде отрывка на два года раньше всей трагедии, сразу вызвал ропот публики. «Мне казалось», оправдывался Пушкин в письме к Раевскому, «что сей характер всё вместе нов и знаком для русского сердца, что трогательное равнодушие древних летописцев, столь постигнутое Карамзиным и отраженное в его бессмертном создании, украсит простоту моих стихов и заслужит снисходительную улыбку читателей. Что-ж вышло? Люди строгие обратили внимание на политические мнения Пимена и нашли их запоздалыми; другие сомневались, могут ли стихи без рифм быть названы стихами. Г-н Загоскин предложил променять сцену «Бориса Годунова» на картинку «Дамского Журнала». Тем и кончился строгий суд почтеннейшей публики...»

«Почтеннейшая публика», хотя и с трясущимися поджилками бывшая все же свидетельницей 14 декабря, уже не трогалась «равнодушием древних летописцев» и исторической живописью в карамзинском вкусе. Позже Пушкин должен был констатировать, что «История Пугачевского бунта» имела меньше успеха, чем какое-угодно другое из его произведений. «История Пугачевского бунта, не имев в публике никакого успеха, вероятно не будет иметь и нового издания», писал Пушкин через два года по выходе в свет своего главного исторического труда. А еще в «Пугачевском бунте» от Карамзина сохранилась почти только манера письма, не мировоззрение: в этом отношении Пушкин далеко ушел вперед от монолога Пимена.

Тут мы наталкиваемся на — кажущуюся, как увидим дальше — аномалию: поклонник ультра-монархического «историографа» в истории любил больше всего бунтовщиков. «Ах, боже мой! Чуть не забыл! Вот тебе задача», писал он брату из Михайловского осенью 1824 года: «историческое, сухое известие о Стеньке Разине, единственном поэтическом лице русской истории». И сряду после этого, в следующем письме: «Пришли мне... жизнь Емельки Пугачева».

---

[1] «Это трепещет жизнью, как вчерашняя газета», т. е. как-будто это написано о вчерашнем дне, а не о XVI столетии.

[2] Трагедию «Борис Годунов».

lib.pushkinskijdom.ru

Это 1824 год, кульминационная точка революционности Пушкина. Но это не напоминание о минутном увлечении. «Песни о Стеньке Разине» Пушкин чуть не десять лет спустя пытался проводить через цензуру самого Николая Павловича — вполне неудачно, как и можно догадаться. А Пугачев стал одним из коренных персонажей его литературного репертуара — с его личностью связаны две крупные вещи Пушкина: «Капитанская дочка» и «История Пугачевского бунта», о которой только что говорилось. Надо прибавить только, что над этой неудачной своей вещью Пушкин работал больше, чем над чем-либо еще, кроме «Онегина» и «Бориса Годунова».

Характеристика Пугачева у Пушкина прямо удивительна в подцензурной книжке 1830-х годов. Вы ожидаете исчадия ада или по крайней мере свирепого и кровожадного разбойника. Кое-где вы и наталкиваетесь на этот трафарет—трудно решить, насколько это искренно, насколько—подделка под «приличный случаю» полицейский тон, каким *нужно* говорить о государственном преступнике, да еще каком? Посягнувшем принять на себя царское имя! Но по самозванству Пугачева Пушкин решительно скользит. Из одного места «Истории» даже выходит, что Пугачев принял имя Петра III простотаки по уполномочию товарищей. «Самозванство показалось им (яицким казакам) надежною пружиною. Для сего нужен был только прошлец дерзкий и решительный, еще не известный народу. Выбор их пал на Пугачева. Им не трудно было его уговорить» (глава вторая). На всю эту психологию, к слову сказать, нет ни малейшего намека в источниках— Пугачев везде сам себя объявляет царем, и лишь потом проговаривается двум или трем, наиболее близким, заметив их подозрения. Уже тут мы видим попытку создать «смягчающие обстоятельства» — и для кого же? Сверхмятежника, можно сказать!

Пушкин его любил, этого архизлодея, нет никакого сомнения. Возьмите первое его появление в «Капитанской дочке»... «Мужик слез с палатей. Наружность его показалась мне замечательна. Он был лет сорока, росту среднего, худощав и широкоплеч. В черной бороде его показывалась проседь; живые большие глаза так и бегали. Лицо его имело выражение довольно приятное, но плутовское...» В это время герой повести, от имени которого ведется рассказ, еще не знает, кто перед ним. Но вот Гринев уже сознательно едет к «самозванцу», в его «Тушино», Бердскую слободу под Оренбургом. «Пугачев на первом месте сидел, облокотясь на стол и подпирал черную бороду своим широким кулаком. Черты лица его, правильные и довольно приятные, не изъявляли ничего свирепого».

В «Истории» Пушкин чрезвычайно настойчиво пользуется каждым свидетельством, хотя бы самым мимолетным, чтобы напомнить читателю, что речь идет о человеке выдающемся, настоящем «вожде», как сказали бы теперь, мужественном, умном, толковом, в моральном отношении гораздо выше окружавших его. «Утром 27 сентября Пугачев показался на высотах, ее (крепость Татищеву) окружающих. Все жители видели, как он расставил там свои пушки и сам направил их на крепость». Накануне, перед Нижне-Озерной, когда он «ехал впереди своего войска», «Берегись, государь», сказал ему старый казак: «Неравно из пушки убьют». «Старый ты человек», отвечал самозванец: «разве пушки льются на царей?»

Пушкин не пропустил этого, несмотря на то, что такие слова Пугачева в лоб били его же, Пушкина, концепцию — Пугачева, как царя по уполномочию кучки казацких заговорщиков. Мы сейчас увидим, что эта концепция еще раз возвращается — к еще большей выгоде для Пугачева. Но сначала еще несколько черточек, рисующих военную доблесть «самозванца». Под Оренбургом 2 ноября «...человек тысяча из его пехоты, почти у самого вала и рогаток стреляли из ружей и сайдаков. Сам Пугачев ими предводительствовал. Егери полевой команды выгнали их из предместия. Пугачев едва не попался в плен». В сражении под Татищевой, 22 марта 1774 г., «распоряжения Пугачева удивили князя Голицына (командовавшего правительственными войсками), не ожидавшего от него таких сведений в военном искусстве». Под Казанью Пугачев «вечером, в виду всех казанских жителей, сам ездил высматривать город...».

lib.pushkinskijdom.ru

Даже в плену он было выше всего окружающего. «Старые люди еще рассказывают о его смелых ответах на вопросы проезжих господ. Во всю дорогу он был весел и спокоен... Рассказывают, что многие женщины падали в обморок от его огненного взора и грозного голоса. Перед судом он оказал *неожиданную* слабость духа» Как видно, что Пушкин ожидал от своего героя иного поведения перед судом!

От этого портрета Пушкин соглашается отступить лишь тогда, когда ему еще раз нужно создать для Пугачева «смягчающие обстоятельства». Когда ему нужно показать, что «Пугачев не был самовластен» тут у него не оказывается других достоинств, «кроме некоторых военных познаний и дерзости необыкновенной. Он ничего не предпринимал без их (яицких казаков) согласия, они же часто действовали без его ведома, а иногда и вопреки его воле». Тут мы встречаем, если хотите, трафарет, но совершенно неожиданный для данного случая: трафарет доброго царя и злых его слуг...

В новейшее время некоторые авторы выступали с крайне резкой, «суздальской» идеализацией Пугачева, воображая, что они открывают Америку, и противопоставляя свою точку зрения «барской» точке зрения Пушкина. Они, видно, слишком давно читали последнего и успели основательно его забыть. Первым идеализатором вождя последней крестьянской революции в России был именно барин Пушкин.

Что «Историю Пугачевского бунта» писал барин, помещик, этого вы не позабудете ни на минуту — Пушкин не даст вам этого забыть. Пугачевская масса для него в самом лучшем случае «чернь», при чем не нужно упускать из виду, что у Пушкина это не просто устаревшее (кто его употреблял в XIX в.?) обозначение податных, «черных» людей «Чернь» у него имеет определенный моральный оттенок. «Кто светской черни не чуждался». «Чернь» это то, что есть низменного, пошлого и презренного в человечестве. В написанном одновременно с критикой «Истории русского народа» «Разговоре» мы имеем такой кусочек беседы двух литераторов-«аристократов», в роде Пушкина и Вяземского:

«*Б.* — О французской революции «Литературная Газета» молчит и хорошо делает.

А. — Помилуй, да посмотри же, читай: les aristocrates à la lanterne и повесить и т. д Ça ira.

Б. — И ты тут видишь французскую революцию?

А. — А ты что тут видишь, если смею спросить?

Б. — Крики бешеной черни.

А. — А что значили эти крики?

Б. — Что тогдашняя чернь остервенилась противу дворянства и вообще противу всего, что не было чернь

А. — Вот я тебя и поймал; а отчего чернь остервенилась именно на дворянство?

Б. — Потому что с некоторых пор дворянство было ей представлено сословием презренным и ненавистным.

А. — Следственно и я прав. В крике: les aristocrates à la lanterne — вся революция.

Б. — Ты не прав. В крике les aristocrates à la lanterne — один жалкий эпизод французской революции — гадкая фарса в огромной драме».

Итак, французскую революцию делала не «чернь», — ее вмешательство лишь запачкало революцию. Этим достаточно выясняется историческая роль «черни» для Пушкина. И когда мы читаем у него: «Многочисленная московская чернь, пьянствуя и шатаясь по улицам, с явным нетерпением ожидала Пугачева». «Императрица не упускала ни одного средства образумить ослепленную чернь». «Пугачев быстро переходил с одного места на другое. Чернь по прежнему стала стекаться около него...» «20 июля Пугачев под Курмышем переправился вплавь через Суру. Дворяне и чиновники бежали. Чернь встретила его на берегу с образами и хлебом», — мы знаем, что это все не просто устаревшая социальная номенклатура, в роде выражения «боярские дома» об усадьбах московских богатых дворян XIX столетия, в «Мыслях на дороге».

lib.pushkinskijdom.ru

Совершенно естественно, что «чернь» — характерно, что чем ближе к крепостному хозяйству, тем чаще — сменяется иногда более сильными эпитетами. Уже на Урале, в полосе заводов, «пришел к Пугачеву Белобородов с четырьмя тысячами бунтующей *сволочи*». Немного позже и сам Пугачев, «избавясь от погони Гагарина и Жолобова, и собрав уже до двух тысяч *всякой сволочи*, с ним (Салаватом и башкирцами) успели соединиться». А когда восстание перешло в коренные помещичьи районы, на правый берег Волги, «довольно было двух или трех *злодеев*, чтобы взбунтовать целые области. Составлялись отдельные шайки *грабителей* и бунтовщиков и каждая имела у себя своего Пугачева...» [1]

И если каждое проявление воинской доблести немедленно заносилось в кондуит Пугачева, никакие геройские подвиги не могли снять клейма презрения с «черни». «Прямо против Арского поля находилась главная городская батарея», начинает Пушкин свое описание штурма Пугачевым Казани. «Пугачев на нее не пошел, а с правого своего крыла отрядил к предместью толпу *заводских крестьян* под предводительством изменника Минеева. *Эта сволочь*, большею частью *безоружная*, подгоняемая казацкими нагайками, проворно перебегала из буерака в буерак, из лощины в лощину, перепалзывала через высоты, подверженные пушечным выстрелам, и таким образом забралась в овраги, находящиеся на краю самого предместья. Опасное сие место защищали гимназисты с одною пушкою. Но не смотря на их выстрелы, бунтовщики в точности исполнили приказания Пугачева; влезли на высоту, *прогнали гимназистов голыми кулаками*, пушку отбили, заняли летний губернаторский дом, соединенный с предместиями; пушку поставили в воротa, стали стрелять вдоль улиц, и кучами ворвались в предместия».

Нужно быть благодарным Пушкину за сохранение этого эпизода героического энтузиазма уральских горнорабочих в 1774 году. С голыми руками взять пушку — и уметь ею воспользоваться! — это украсило бы и 1905, и 1917 годы. Но от эпитета «сволочь» революционеров ничто не могло избавить под пером нашего поклонника Пугачева, — раз это были взбунтовавшиеся крепостные крестьяне.

«Естественным» назначением крепостного крестьянина было кормить помещика. Никакие полные негодования строфы Пушкина против *злоупотреблений* крепостным правом не могут закрыть того факта, что крепостное право «нормальное», не выходившее за пределы освященного традицией, было для него столь же само собою разумеющей вещью, как и для Карамзина. В 1834 году — как раз год выхода «Истории Пугачевского бунта» — Пушкин писал одной своей знакомой: «Не имея намерения поселиться в Болдине, не могу и думать об устройстве имения, дошедшего, между нами будь сказано, до совершенного разорения; я хочу только, чтобы меня не обкрадывали и исправно вносить процепты в ломбард. Улучшения придут впоследствии. Но будьте спокойны: Рейхман [2] пишет мне, что крестьяне находятся в такой нищете, а дела идут так худо, что он не мог взять на себя управления Болдиным... Нет сомнения, что Болдино стоит того, чтобы его спасти, хотя бы для Ольги и для Льва [3], которым грозит в будущем нищенская сума, или по меньшей мере бедность...».

Итак, имение надо «спасти», чтобы брат и сестра поэта могли жить в довольстве и праздности, приличной дворянскому званию. А что крестьяне «находятся в такой нищете», что специалист по управлению крепостными имениями отступился от предложенной ему задачи что-нибудь еще выжать из этих несчастных,—это же дело естественное. «Родители мои не знают, что она на волос от полного разорения», а что они уже разорили сполна своих крепостных, кто же об этом заботится?

«Не беда, что потерпит мужик. Так ведущее нас провидение указало — да он и привык...».

---

[1] *Курсив* везде мой и имеет единственной целью выделить *термины*, на которые я хочу обратить внимание читателя. *М. П.*

[2] Приглашенный управляющий.

[3] Сестра и брат Пушкина.

lib.pushkinskijdom.ru

Этот стих другого великого русского поэта отражает мировоззрение, которое, к сожалению, не было чуждым для величайшего из русских поэтов. Пушкин был барин-крепостник, но приличный, без «эксцессов». Это надо сказать прямо и просто, так и прямо и просто, как — мы увидим это дальше — сам Пушкин выражался о Петре I.

Но, скажет удивленный читатель, как же он при таких условиях мог идеализировать предводителя крестьянского восстания? Тут явное противоречие!

Снимем сначала это частное «противоречие» — это всего легче. Для Пушкина Пугачев вовсе не вождь крестьянской революции, направленной сознательно против господ. Пугачев для него *предводитель казацкого восстания*, к которому «чернь пристала, как пристает она ко всякому беспорядку, обещающему облегчение ее положения и грабеж». Но казаки — это совсем не то, что крепостные. Первый идеализатор Пугачева был в то же время и первым идеализатором казачества. «Яицкие казаки послушно несли службы по наряду московского приказа, но дома сохраняли первоначальный образ управления своего. Совершенное равенство прав; атаманы и старшины, избираемые народом, временные исполнители народных постановлений; круги, или совещания, где каждый казак имел свободный голос и где все общественные дела решаемы были большинством голосов; никаких письменных постановлений; *в куль да в воду* — за измену, трусость, убийство и воровство: таковы главные черты сего управления».

Что фактически равенства давно не было, что между казаками были кулаки-богатеи (из которых и выходили атаманы) и была беднота, что в основе всех казацких восстаний XVIII века лежало именно это классовое противоречие — этого Пушкин или не заметил, или не хотел замечать. Для него причиной бунтов были «различные притеснения, претерпеваемые» казаками «от членов канцелярии, учрежденной в войске правительством». Разделение казаков «на две стороны: атаманскую и логиновскую, или народную», объясняется просто личными раздорами, а позже деление на «согласных» и «несогласных» или на «послушных и непослушных» выражало только то или иное отношение казаков к своему начальству, или к центральному правительству.

Идеализация Пугачева и казачества есть лишь частный случай идеализации всего, что встает против *централизации* и *чиновничества:* идеалом Пушкина был феодальный режим, «смягченный просвещением»; предметом его ненависти — бюрократическая монархия. Чтобы понять его исторические симпатии и антипатии, нужно взять две его чисто художественные вещи: во-первых, «Дубровского», вся трагедия которого вытекла из коллизии с бюрократическим строем, во-вторых «Кирджали». На этих двух персонажах—одном совсем фантастическом, но «своем», одноеословнике, дворянине, бывшем гвардейце, другом—полу-реальном, но иностранце—меньше тяготел гнет цензуры. Кирджали мог убивать турецких полицейских — ведь это же были нехристи, неверные. Дубровский мог сжечь «приказных», оттягавших у его отца имение: характерно, как царская цензура проглотила это, наглядно тем демонстрируя суетность легенды, из народнической литературы забравшийся в полу-марксистскую, о каком-то якобы надклассовом деспотизме бюрократии, не считавшейся будто бы ни с какими привилегиями и традициями. Вывести в качестве героя, очарователя дворянских девиц, дворянина, который жжет чиновников, — можно было. А попробуйте представить себе в виде героя крепостного мужика, который жжет барскую усадьбу?

Мы подходим теперь к <u>исторической *социологии* Пушкина</u> — к его общим историческим концепциям, тесно связанным с его политическими убеждениями. Здесь Пушкин несравненно оригинальнее, чем в узко-исторических приемах и методах. Карамзин не много мог ему дать — кроме разве оценки Сперанского, как «буйного и невежественного поповича». Вообще говоря, социология самое слабое место Карамзина. Социологом дворянской монархии был не он, а Щербатов, но знакомства с идеями Щербатова у Пушкина заметно не больше, чем знакомства с западно-европейской историографией второй четверти XIX столетия. Характерно, что

lib.pushkinskijdom.ru

его симпатии тянулись гораздо больше к Радищеву («как можно в статье о русской словесности забыть Радищева? Кого же мы будем помнить?» Попытки Пушкина провести через николаевскую цензуру хотя бы отрывки Радищева слишком известны, чтобы о них нужно было здесь говорить) — т.-е. чистое республиканство ему ближе аристократической конституции. Но если Пушкин мечтал о республике, то, конечно, не о демократической.

Полевой заставил его поставить вопрос, который ставило всякий раз, вплоть до наших дней, каждое сближение русской исторической схемы со схемами, шедшими к нам с Запада: вопрос о феодализме. Автор «Истории русского народа» решал вопрос о феодализме в России категорически в положительном смысле. Пушкин отвечает в духе позднейшей академической традиции, закрепленной государственной школой: «Феодализма в России не было». Но в то время, как государственная школа (т.-е. русские гегельянцы всех оттенков и степеней) видели в этом *преимущество* России, Пушкин видел в этом *недостаток*, некоторое уродство русской истории: «Феодализма у нас не было — и тем хуже». Почему? «Феодализм мог бы... развиться, *как первый шаг учреждений независимости* (общины [были бы] второй), но он не успел. Он развился во времена татар, был подавлен Иваном III, гоним, истребляем Иваном IV». [1].

Нужно сказать, что это гораздо свежее и четче того, что можно будет найти в курсах представителей государственной школы 50 лет спустя. На примере Пушкина можно видеть, как умный дилетантизм бывает гораздо проницательнее академической учености. Как это ни удивительно, но Пушкин лучше понял общий смысл социальной борьбы XVI века, чем Ключевский, для которого опричнина Грозного была борьбой не с порядком, а с лицами. Но проницательность Пушкина была классово-заинтересованной проницательностью.

Разрыв Пушкина с традициями классического русского «монархизма», Щербатова и других русских последователей Монтескье, с особенной резкостью сказался в программе статей о *дворянстве* (1831 — 1832). Для русских монархистов, как и для Монтескье, дворянство тесно связано с монархией. «Что такое дворянство потомственное?» спрашивает Пушкин. «Сословие народа высшее, т.-е. награжденное большими преимуществами касательно собственности и частной свободы. — Кем? — *Народом или его представителями*. — С какою целию? — С целию иметь мощных защитников (народа) или близких и непосредственных к властям представителей». Подчеркнутые слова — не случайность. В разделе II-м мы читаем: «Кто составляет дворянство в *республике? — Богатые люди, которыми народ кормится*».

Итак, дворянство вовсе не обязательно *монархическое* учреждение. Монархическим по преимуществу учреждением является для Пушкина «аристократия» — точнее *придворная знать*. «Место феодализма заступила аристократия» (программа 3-ей статьи против Полевого). «Так как высшее дворянство не было наследственным (фактически), оно является дворянством пожизненным. Средства окружить деспотизм преданными наемниками и подавить всякую оппозицию и всякую независимость. Наследственность высшего дворянства — гарантия его независимости». [2]

Совершенно ясно, что Пушкин дорожил не наследственностью дворянского *звания*. Звание было наследственным, — требовать здесь наследственности значило ломиться в открытую дверь. Он добивался наследственности *политического положения*, его идеалом (пусть он об этом не напоминает прямо, но это само собою ясно) была *палата лордов*. Придворный, пусть он носит звание светлейшего князя, положение которого всецело зависит от милости царя: сегодня он всемогущ, завтра он ничто — в главах Пушкина не дворянин в настоящем смысле этого слова, хотя и «аристократ», т.-е. человек, поставленный выше других (и других дворян в том числе) в обществе.

---

[1] Программа 3-ей статьи о Полевом. Разрядка моя. М. П.

[2] План статей о дворянстве. В оригинале по-французски.

lib.pushkinskijdom.ru

Отсюда совершенно своеобразное — и опять гораздо более сознательное, чем у позднейших академических историков, — отношение Пушкина к *местничеству* Главное достоинство той «аристократии», которая «заступила место феодализма» в XVI веке, заключалось в том, что «она была наследственная — отселе местничество, на которое до сих пор привыкли смотреть самым детским образом. Не Феодор, а Языков и меньшое дворянство уничтожили местничество и боярство. С Феодора и Петра начинается революция в России, которая продолжается и до сего дня».[1]

«Было ли *зло* местничество?» задается далее «риторический» вопрос. Для Пушкина оно не было злом, в России оно было суррогатом «учреждений независимости». Злом была «аристократия» без политических прав — «необходимое средство тирании или скорее подлого деспотизма» (программа статьи о дворянстве).

Если местничество не было злом, не могла быть добром та «революция», которая местничество уничтожила. Мы уже видели, что Пушкин лучше, чем позднейшие историки, понимал социальные отношения Московского государства: другим образчиком его проницательности является его отношение к Петру. Касаться этой фигуры было делом особенно деликатным. Помимо традиции, тут надобно учесть и то, что Николай I явно видел в Петре свой прообраз. Свое «доверие» к Пушкину он ознаменовал тем, что поручил ему писать историю Петра. «Царь (между нами) взял меня на службу» писал Пушкин Нащокину в 1831 г.: «т.-е. дал мне жалование и позволил рыться в архивах для составления истории Петра I». Пушкин понимал, что он должен оправдать доверие и отнесся к поручению весьма серьезно. В каждую поездку в Москву он не забывал заглянуть в архивы (секретные, между прочим, оставались для него закрытыми: Николай, рассматривавший, очевидно, историю главным образом со стороны литературного стиля, не видел необходимости, чтобы его придворный историограф знал *все* о своем сюжете). Когда ему не удавалось найти времени для архивных занятий, это угнетало его совесть. «Вот уж три дня как я в Москве и все еще ничего не сделал» пишет он жене: «Архива не видал, с книгопродавцами не сторговался, всех визитов не отдал...» «Дома не сижу, в архиве не роюсь...» Эти архивные занятия Пушкин пытался организовать на широкую ногу, взяв себе в «ученые секретари» Погодина (письмо к последнему от 5 марта 1833 г.). Отнятие этого знака доверия рассматривалось как тяжелый удар: в 1834 году «извещение о том, что отставку я получу, но что вход в архивы мне будет запрещен» Пушкина «огорчило во всех отношениях».

При таких условиях у Пушкина не могло не образоваться некоторого *официального* отношения к Петру: нельзя было быть официальным историографом «великого преобразователя» и относиться к нему критически. Не только печатно Пушкин славословил Петра («Полтава»!), но даже в письмах, не очень интимных, он выдерживал тон исторического раболепства. В письме — не отправленном — к Чаадаеву (оказавшемся в руках Жуковского, через которого шли все придворные отношения Пушкина, что дает повод думать об этом письме, как полу-«открытом») читаем: «А Петр Великий, который один — целая всемирная история?» Но тут же говорится, что Пушкин «ни за что в свете не захотел бы» «иметь другой истории, как история наших предков, такую как нам бог ее послал»: а выше мы видели, что в действительности русская история казалась Пушкину далеко не идеальным образчиком исторического процесса вообще. Так же мало искренна и «симпатичная» фигура Петра в «Арапе», начатом за 10 лет до смерти поэта и не случайно так и неоконченном. Возможно, впрочем, что именно знакомство с архивами (хотя бы и не секретными) и объясняет нам, почему «Арап» не был окончен...

Только однажды Пушкин печатно попытался высказать свое настоящее отношение к Петру, замаскировав это отношение в бред помешанного. Но Николай был достаточно проницателен. Весной 1834 г. Пушкин писал Нащокину: «Вот тебе другие новости: я камер-юнкер с января месяца;

[1] Программа 3-й статьи против Полевого.

lib.pushkinskijdom.ru

Медный Всадник не пропущен — убытки и неприятности! За то Пугачев пропущен, и я печатаю его на счет государя».

Современный читатель, может быть, давно уже несколько удивляется как же это, в самом деле, Николай пропустил «Историю Пугачевского бунта»? Тут надобно ему сообщить, что Пугачев был совершенно определенной фигурой на шахматной доске Николая. Им пугали помещиков, не желавших поступиться своими правами на *личность* крепостного. Ибо вопрос об изъятии людей из числа предметов гражданского оборота под влиянием отчасти роста промышленности, начинавшей нуждаться в резервной армии труда, главным же образом под впечатлением надвигавшейся все ближе и ближе крестьянской революции, стал на очередь с первых же лет царствования Николая и держался до того, когда страх перед призраком коммунизма в 1848 году подавил на короткое время все прочие страхи. Через пять лет после смерти Пушкина Николай, проводя в государственном совете закон об «обязанных крестьянах», будет напоминать своим дворянам, совсем стилем своего историографа, о пугачевском бунте, показавшем «до чего может достигнуть буйство черни». Николай, конечно, отнюдь не был против эксплоатации крестьянина помещиком, но даже и он понимал, что пора этой эксплоатации принять новые формы. Пушкин, наивно принимавший дедовские формы эксплоатации, и тут был несколько позади своего поколения, хотя здесь уже не на очень много.

Но то Пугачев,—Петр же мог быть использован педагогически только в обратном смысле — в качестве примера, достойного подражания. И чтобы найти искреннее мнение Пушкина в том, чью историю он должен был украсить своей бесподобной прозой, надо обратиться к очень интимным его заметкам, — тем, которые не показывались, надо думать, даже ближайшим друзьям. В плане статей о дворянстве мы встречаем такую ремарку (по французски): «Петр I — одновременно Робеспьер и Наполеон (воплощенная революция)».

Что Петр — «революция», это мы уже видели: но тут эта революция принимает более конкретный образ. Историческими параллелями Петра («I», заметьте здесь — а не «великого»!) оказывается тот, кто сокрушил феодальный режим во Франции, и кто закрепил это разрушение. Поскольку участие «черни», т.-е. масс, для Пушкина было отрицательным моментом, принижавшим и портившим революцию, сравнение понятно. Но означало оно комплимент Петру или его порицание? Это расшифровывается замечательными «Заметками к истории Петра Великого»: заказчик этой истории был бы, вероятно, последним, кому Пушкин показал бы эти заметки; но мысли, выраженные в них, Пушкин не терял надежды провести контрабандой в своей будущей книге, — это видно из заключительной фразы: «NB. Это *внести* в историю Петра, *обдумав*» (оба слова подчеркнуты самим Пушкиным).

«Заметки», занимающие 2 страницы, — самое ценное, что дал русской истории Пушкин. Книги с *таким* освещением Петра у нас нет. Если бы была, это было бы совершенно оригинальное произведение, куда выше не только опять-таки, позднейших университетских курсов, но и того, что писали о Петре хотя бы Герцен и Чернышевский. Пушкин умел схватить то, чего нет ни у того, ни у другого: связь приемов и методов Петра с практикой крепостной вотчины. «Достойна удивления разность между государственными учреждениями Петра Великого и временными его указами. Первые суть плоды ума обширного, исполненного доброжелательства и мудрости; вторые — нередко жестокие, своенравны и, кажется, *писаны кнутом*. Первые были для вечности или, по крайней мере, для будущего; вторые— вырвались у *нетерпеливого, самовластного помещика*».

Так как это предположено было «внести в историю», то противоположение вечного и временного в делах Петра было необходимо. Это же ведь программа будущей цензурной книги, предназначенной на поднесение его величеству. В заметках уже только для себя «временное» решительно берет верх над «вечным». «1721 Сенат и синод подносят ему титул Отца отечества, Всероссийского императора и Петра Великого. Петр недолго церемонился и принял его. Сенат (т.-е. восемь стариков) прокричали: vivat!

lib.pushkinskijdom.ru

Петр отвечал речью, гораздо более приличной и рассудительной, чем это все торжество... 1722. Петр был гневен. Дворяне не явились на смотр. Издал указ, превосходящий варварством все прежние... 1722. Манифест о праве наследства, т.-е. уничтожил всякую законность в порядке наследства и отдал престол на произволение...»

Нет, Пушкин несравненно меньше любил Петра, чем Пугачева, и его книга о Петре, если бы он решился написать так, как думал, была бы одной из самых оригинальных книг по русской истории. По всей вероятности, кроме того, она вернула бы Пушкина в Михайловское. Но еще вероятнее, что Пушкин никогда бы ее не написал, воспользовавшись разрешением Николая только для того, чтобы собирать — для себя и для потомства — в архивах материал в духе сейчас процитированных заметок.

Что деятельность Петра, коронованного помещика (кто кроме Пушкина вносил в русскую историю *этот* мотив?), часто носила определенно антидворянский характер, этого не могли и не могут понять до сих пор многие историки — не диалектики. Обостренное классовое чутье помогло это понять Пушкину. «Вот уже 150 лет «табель о рангах» сметает дворянство в одну кучу (затем говорится [1], что уничтожение майоратства плутовским образом при Анне Ивановне довершило падение передового класса). Что из этого вышло? Восшествие Екатерины II, 14-е декабря и т. д.».

Петр не только сам был революционером, но являлся причиной и источником позднейших революций. Я начал с сопоставления Пушкина и Карамзина. Но мы видим, что родство Пушкина, как историка, идет не только в этом направлении. У кого это мы встречаем сопоставление 28 июня 1762 года и 14 декабря 1825? Да у Бестужева-Марлинского, писавшего Николаю, что он и его товарищи считали себя не хуже Орловых, которые возвели на престол Екатерину II. Эту чисто дворянскую, даже отдаленно не буржуазную черту первой буржуазной революции в России, сначала неестественно выпятили, потом, испугавшись слишком резкого контраста с обычной марксистской трактовкой, ее почти совсем стали смазывать. Ленин ее не смазывал, для него декабристы — «дворяне и помещики», и что-то должно было внести в историю 14 декабря это непосредственно-классовое их качество. Оно внесло не самое глубокое и серьезное, что было у декабристов (не только Пестель, но и Рылеев, даже Никита Муравьев гораздо ближе по своему мировоззрению к «дворянской буржуазии» или просто даже к буржуазии, чем к поклонникам феодальных вольностей), но художественно, может быть, наиболее яркое. Отсюда вышел Каховский; к этому крылу принадлежал Якубович. «Кстати, кто писал о горцах в «Пчеле»?» спрашивает Пушкин за две недели до 14 декабря. «Вот поэзия! Не Якубович ли, герой моего воображения? Когда я вру с женщинами, я их уверяю, что я с ним разбойничал на Кавказе, пристреливал Грибоедова, хоронил Шереметева etc. В нем много в самом деле романтизма. Жаль, что я с ним не встретился в Кабарде—поэма моя [2] была бы еще лучше».

Не уйдя далеко от Карамзина в понимании задач исторического исследования, Пушкин отпочковался от него *политически:* вот в чем, может быть, секрет противоречащих друг другу на первый взгляд его эпиграмм на историю Карамзина и его искреннего преклонения перед «историографом». Не даром приписывавшаяся Пушкину эпиграмма говорила о Карамзине, что тот доказывает «необходимость самовластья и прелести кнута». В эту сторону им было не по дороге. Но и здесь дорога Пушкина вела не к будущему, а к прошедшему, только к другому: не к тому, что было при московских царях, а к тому, что было, или должно было быть еще и до московских царей, и о чем мечтать в виду первых фабричных труб Москвы было еще страннее.

Но почему эти мечты оживились именно к двадцатым годам? Старый екатерининский «монаршизм» убила пугачевщина. Перед мятежом вилла-

[1] Где? Очевидно, что Пушкин чем-то пользовался в этом месте, но не Щербатовым, у которого не могло быть ссылки на 14 декабря.

[2] «Кавказский Пленник».

lib.pushkinskijdom.ru

нов было не до счетов со своим сюзереном, какие бы несправедливости ни чинил он своим вассалам. Поколение Карамзина выросло под знаком пугачевщины. Но для поколения, к которому принадлежал Пушкин, Пугачев был уже детской сказкой. У колыбели этого поколения стоял Павел с эспонтоном в руке, а при входе сверстников Пушкина в сознательную жизнь их встречал Аракчеев со шпицрутеном.

Фигура Павла уже для современников закрывала Пугачева. Один из верноподданных дворян, увидав грозного императора на улице, спрятался от него за забор строившегося Исаакиевского собора. Вдруг он слышит слова сторожа: «Вот наш Пугачев едет!» «Я», пишет спрятавшийся, «обратясь к нему, спросил: «Как ты смеешь так отзываться о государе?» Он, поглядев на меня, без всякого смущения отвечал: «А что, барин, ты видно и сам так думаешь, ибо прячешься от него». Отвечать было нечего...»

Война, объявленная дворянству *сверху*, заставляла забыть войну *снизу*, которой минуло уже четверть столетия. Дворянская фронда возрождалась в другом, более остром виде. Против Павла дворяне стояли именно как дворяне. К этой группе не мог не примкнуть даже и Карамзин, — но Карамзин не пошел дальше возмущений личностью Павла. Его отношение к Павлу напоминает отношение Пушкина к крепостному праву: Павел «заставил ненавидеть *злоупотребления* самодержавия», писал Карамзин. Пушкин, которому кроме Павла помогал еще и Аракчеев, сумел подняться до более широкого обобщения. Он возненавидел бюрократическую монархию как целое. И в этом сильнее всего сказалась классовая природа исторической философии Пушкина. Потому что, как еще давно сказано Лениным, «бюрократия была первым политическим орудием буржуазии против феодалов, вообще против представителей «старо-дворянского» уклада, первым выступлением на арену политического господства не породистых землевладельцев, а разночинцев, «мещанства».

М. ПОКРОВСКИЙ.

lib.pushkinskijdom.ru

ПУШКИН — ЖУРНАЛИСТ.

Журнал по самой своей сущности является одной из наиболее демократических форм социально-эстетического общения. Существование широко развернутой журнальной культуры немыслимо без наличия массовой аудитории, массового потребителя, достаточно устойчивого для того, чтобы можно было рассчитывать на его постоянную материальную и идеологическую поддержку.

В России вплоть до двадцатых годов прошлого века массовым спросом пользовалась только так называемая лубочная литература: литература волшебно-рыцарских повестей и романов, авантюрно-нравописательная беллетристика и т. д. Высокая же литература, образующая верхний слой литературного массива, представляла собою исключительное достояние узкого круга высококвалифицированных знатоков и любителей, в пределах которого замыкалось и производство эстетических ценностей и их потребление.

Один из крупнейших мемуаристов эпохи, Вигель, вспоминал позднее о своих сослуживцах по московскому архиву коллегии иностранных дел: «Исключая двух Тургеневых и Блудова, едва ли кто знал из моих товарищей, что есть уже русская словесность. Живши в одном городе с Дмитриевым и Карамзиным, они слыхали об них, может быть, встречались с ними, знали, что они что-то пишут, но читать их? Этого не приходило им в голову».[1] А между тем они вовсе не были людьми особо отсталыми или невежественными. Такова была вся масса современной дворянской молодежи.

При таких условиях журналистика, естественно, должна была вести существование самое скромное. Даже такому опытному и предприимчивому издателю, каким был Карамзин, приходилось вербовать своих подписчиков буквально поштучно. В одном из своих писем к Дмитриеву он выражает своему адресату вполне серьезную благодарность за нового субскрибента, которого отыскал тот среди офицеров своего полка.[2] А выпускаемый им «Вестник Европы» был одним из наиболее ходовых и распространенных периодических изданий того времени.

С другой стороны, писатель был достаточно экономически самостоятелен, чтобы искать какой-либо поддержки со стороны, вне обслуживаемого им замкнутого и обособленного коллектива Представителями старшего поколения, наиболее тесно связанными с салонно-кружковой культурой начала века, журнал расценивается, как определенно низшая форма общения с читателем, в сравнении с непосредственно личным общением с ним. «Сам пишу стихи полусонный и махинально», пишет Вяземский из Варшавы своим петербургским друзьям, «читать их здесь некому, а ты сам ремесленник и знаешь, что следственно первейшего и главнейшего удовольствия я не имею; а стоять в ряду с К Церетелевым в Сыне Отечества под клеймом: Варшава, чести и прибыли большой нет».

Чрезвычайно скромное место занимает журнал и в литературном обиходе юного Пушкина. Те четыре десятка стихотворений, которые были

[1] Вигель. Воспоминания. М. 1928 г. т. I, стр. 111.
[2] Карамзин. Письма к Дмитриеву, соб. 1866, стр. 18.

lib.pushkinskijdom.ru

помещены им в разных московских и петербургских изданиях до ссылки на юг, представляют собой довольно незначительную часть его лицейской и послелицейской продукции как в количественном отношении, так и, в особенности, в качественном. Своей широкой популярностью в среде дворянской, по преимуществу военной молодежи, он обязан тоже не тем своим произведениям, которые появлялись в повременной печати, а своим политическим эпиграммам и ноэлям, бытовавшим в списках и в устной передаче. Огромное большинство его читателей, даже позднее, знало его исключительно, как автора политических стихотворений. Когда один из его знакомых, Родзянко, писал о нем:

«И все его права — иль два иль три ноэля,
Гими Занду на устах, в руках портрет Лувеля»,

об'ективно это звучало, как донос, но суб'ективно выражало то представление, которое имело о нем все молодое поколение.

К началу двадцатых годов положение заметно меняется. Переживаемый страною хозяйственный кризис наново перекраивает культурную физиономию общества. Если до сих пор командные высоты культурной жизни сосредоточивались преимущественно в руках верхних слоев столичной аристократии, то теперь в орбиту культурной жизни включается вся масса служилого дворянства, а через нее и наиболее передовые группировки смежных социальных формаций. Меняется вместе с тем и общая литературная конъюнктура эпохи. Прежние камерные формы литературной жизни настолько явно вступают в конфликт с ее общим направлением, что даже самые стойкие и ортодоксальные хранители старых традиций начинают выше ценить удельный вес печатного слова, как одного из способов передачи эстетических ценностей от производителя к потребителю. Александр Тургенев один из основоположников «Арзамаса» — дружеского светско-артистического об'единения, наиболее, быть может, полно воплотившего принципы салонно-кружковой культуры, — пишет в 1820 г. о Пушкине: «Пора в печать. Я надеюсь от печати и другой пользы, лично для него: увидев себя в числе *напечатанных и, следовательно, уважаемых* авторов, он и сам станет уважать себя и несколько остепенится».[1] Примерно около того же времени у арзамасцев возникает даже идея собственного журнала, в котором, между прочим, Пушкин должен был сотрудничать. Задуман был он по очень широкой программе, вокруг него предполагалось организовать крупные литературные силы, но в конце концов предприятие это так и не вышло из стадии предварительных переговоров.

Вообще, в течение всей первой половины двадцатых годов процесс демократизации интеллектуального быта протекает в довольно замедленном темпе. Организационные формы идейной жизни массовой дворянской интеллигенции во многом еще продолжают подчиняться культурно-бытовым навыкам старой салонно-кружковой культуры. Интимные литературно-артистические сообщества перестают, правда, играть роль основных организационных центров эстетического быта, утрачивают свое руководящее значение в современном литературном движении, но продолжают еще функционировать в качестве одной из форм социально-эстетического общения. С книгой успешно конкурирует рукописная литература, при чем в состав ее входят не только произведения, которым доступ в печать был почему-либо закрыт, например, произведения политического характера, но и произведения в этом отношении совершенно нейтральные. Например, число списков «Бахчисарайского фонтана» достигало нескольких сотен, между тем, как тираж печатного издания немного превышал тысячу экземпляров.

Чрезвычайно широкое распространение получает альманашная литература, представляющая собою своего рода промежуточное звено между дружеским литературным сообществом и журналом, литература, в высшей степени типичная для той переходной эпохи, когда старые формы эстетиче-

[1] Вяземскому. Остафьевский Архив, т. II стр. 23.

lib-pushkinskijdom.ru

ского быта уже теряют свою жизнеспособность, а новые еще недостаточно крепки, чтобы окончательно заступить их место.

Осложнял общий ход вещей и еще один факт. Дело в том, что уже в начале двадцатых годов в литературе довольно заметно начинают обнаруживаться тенденции к профессионализации писательского труда, при чем пристальный учет эстетических навыков и пожеланий обслуживаемого коллектива, граничащий с сознательным приспособлением к его вкусам, требованиям, выдвигается идеологами этого течения в качестве одного из основных принципов своего литературного поведения. Для писателей старшего поколения такая постановка вопроса была неприемлема. «Слава богу», вспоминал позднее Жуковский, являющийся одним из наиболее ярких представителей этого поколения, «я никогда не был писателем по профессии, а писал только потому, что писалось». [1] В то же время пути ранней русской журналистики оказывались наиболее тесно увязанными с путями именно тех литературных группировок, которые момент профессионализма выдвигали на первый план. Такое положение вещей, естественно, поддерживало в писателях старшего поколения несколько оппозиционное отношение к росту журнальной культуры. «Не в охулку буди сказано знаменитому поэту», писал еще в 1827 г. поэт Языков по поводу журнальных симпатий Пушкина, «а участвовать в журнале — дело не поэтическое».[2]

Позиция, занимаемая в этом вопросе самим Пушкиным, складывалась под определяющим влиянием двух обстоятельств Прежде всего, проблема писательства, как профессии, а тем самым и проблема литературного рынка, в противоположность большинству его друзей-единомышленников, является для него не столько проблемой литературной тактики и стратегии, сколько проблемой повседневной писательской практики. Вырванный из привычной светско-артистической среды, лишенный сколько-нибудь твердой материальной базы, почти в самом начале своей деятельности очутившийся в положении ремесленника, для которого литературный труд фактически является единственным источником существования, он неизбежно должен был рано или поздно на деле почувствовать свою зависимость от потребителя. «Смиренно признаюсь», писал он позднее в своем незаконченном эпистолярном предисловии к «Борису Годунову», «что я воспитан в страхе почтенной публики, и что не вижу никакого унижения угождать ей, следовать духу времени, в чем и отличаюсь от новейшего поколения мыслителей и поэтов, которые великодушно презирают мнения своих современников и проповедуют свое, не заботясь о том, есть ли у них слушатели».[3]

В то же время требования и вкусы читателя в эту эпоху настолько близко совпадают с теми задачами, которые сам ставит перед собою поэт, каждое его новое произведение находит такой горячий отклик в том коллективе, к которому оно адресуется, что капитуляция перед этим коллективом менее всего приобретает для него характер какого-то конфликта, а сознательный учет навыков этого коллектива менее всего требует от него какой-то ломки собственных творческих вех. Работая на рынок, создавая продукт, в данный момент требуемый рынком, он все время сохраняет свою творческую самостоятельность, ни одним пунктом своей творческой программы не жертвуя вкусам потребителя. Оторванность от литературной жизни столиц, за которой он может следить только по случайным и далеко не исчерпывающим информациям своих столичных корреспондентов, нейтрализуя принципиальную сторону вопроса, еще более сглаживает его остроту и сложность.

Такое положение вещей во многом предопределило характер журнальных отношений Пушкина на первых этапах развития массовой журналистики. В 1825 г. начинает выходить «Московский Телеграф» Полевого—журнал, по широте своего культурного диапазона, по демократичности общей установки не имевший каких-либо прецедентов в литературной жизни предшествующей эпохи. Первый биограф Пушкина — Анненков, не утративший еще живого восприятия литературных отношений пушкинской поры, писал

---

[1] Никитенко. Записки и дневник, 1905 г., т. I, стр. 303.
[2] Языковский Архив, т. I, стр. 293.
[3] Пушкин — Раевскому, III — IV, 1827 г.

lib.pushkinskijdom.ru

о нем: «Московский Телеграф был современной противоположностью духу, господствовавшему у нас в эпоху литературных обществ; он их заместил образовав новое направление в словесности и критике. С его появления журнал вообще приобрел свой голос в деле литературы, вместо прежнего назначения: быть открытой ареной для всех писателей, поприщем для людей с самыми различными мнениями об искусстве».[1]

Естественно, что со стороны старшего поколения журнал должен был встретить отношение в лучшем случае нейтральное, готовое в каждую минуту перейти в прямую оппозицию. Жуковский, например, хотя и обещал Полевому свое сотрудничество в самом начале издания, но в течение двух лет колебался, прежде чем осуществить свое обещание. Из старших писателей один только Вяземский, в котором арзамасские традиции довольно сложно сочетались с новыми профессиональными веяниями, принял в «Московском Телеграфе» действительно живое и деятельное участие.

Для Пушкина двух точек зрения здесь не существовало. Приняв массового читателя, он не мог не принять журнала, как литературную форму, ориентированную на массовый спрос. В годы ссылки он не раз сам высказывался на ту тему, что хорошо было бы обзавестись журналом, посредством которого можно было бы обращаться к читателю не от случая к случаю, а планомерно и систематически. Таким образом, вопрос стоял не о принятии им журнала вообще, а о принятии или непринятии именно «Московского Телеграфа». Но во-первых, за Полевым стояла авторитетная рекомендация Вяземского, характеризовавшего его и первоначально предполагавшегося его соиздателя Раича как людей честных и благонамеренных, а во-вторых, общий тон и характер журнала на первых порах, по крайней мере, оказались вполне приемлемыми. Почва для сближения была, таким образом, благоприятная.

«Я Телеграфом очень доволен», писал поэт брату Льву в марте 1825 г. «и мыслю или мыслю поддержать его».[2] «Я даже такого мнения», повторяет он месяц спустя в письме к Вяземскому, «что должно непременно поддержать его журнал».[3] Вскоре он вступает и в непосредственные отношения и с самим Полевым, сообщая ему, что считает «Московский Телеграф» несомненно лучшим русским журналом и обещая ему свое активное содействие. Правда, обещание это оказалось выполненным не совсем в полной мере. За весь первый год существования журнала количество напечатанных в нем пушкинских пьес не достигает и десяти, при чем половину их составляют довольно незначительные эпиграмматические мелочи. Зато сюда же входят две, правда совершенно нейтральные, критические заметки. Это показывает, что журнал он использовал не только как один из способов общения с читателем, но в какой-то степени стремился охватить его и как цельную литературную форму.

Такое стремление тем более симптоматично, что вообще к Полевому, руководителю журнала, поэт относится гораздо более скептически, чем к Полевому-издателю. В его теоретических высказываниях Пушкин видел попытку массового читателя как-то организационно и идеологически самоопределиться, как-то оформить свое право на самостоятельное литературное мнение. Между тем, принимая массового читателя как носителя литературного спроса, Пушкин меньше всего признавал тем самым его эстетическую компетенцию. Он мог учитывать эстетические навыки обслуживаемого коллектива, мог следить за его пожеланиями, но право на руководство литературной жизнью, в частности право литературного суда, оставлял исключительно за корпоративной писательской верхушкой. Вяземского, выступающего в роли полномочного представителя этой верхушки при «Московском Телеграфе», он все время упрекает за недостаточно строгий контроль над покровительствуемым журналом.

---

[1] Анненков. А. С. Пушкин. Материалы для его биографии и оценки произведений. Спб., 1873 г., стр. 176.

[2] Пушкин — брату, 27. III. 1825 г.

[3] Пушкин — Вяземскому, IV. 1825 г.

lib.pushkinskijdom.ru

Именно вследствие этих соображений он категорически отказывается придать своему сотрудничеству у Полевого более четкий и планомерный характер. Сначала этот отказ мотивируется причинами чисто личного порядка. «Ты вызываешься сосводничать мне Полевого», пишет он Вяземскому, «дело в том, что я рад помогать ему, а условий верно никаких не выполню, следственно и денег его мне не надобно.» [1] И дальше неизменное наставление: «Да смотри за ним — ради бога! и ему случается завираться.» Вскоре, однако, проступают причины, более близкие к истине: «Ты уже получил ответ мой на предложение Телеграфа. Если ему нужны стихи мои, то пошли ему то, что тебе попадется (кроме Онегина), если же мое имя, то не соглашусь из благородной гордости, т. е. амбиции: Телеграф человек порядочный и честный — но враль и невежда; а вранье и невежество журнала делится между его издателями; в часть эту входить не намерен.» [2]

Дальнейшие обстоятельства писательской судьбы Пушкина еще более способствуют охлаждению его дружеских связей с Полевым, пока с небольшим через год после основания журнала не приводят к окончательному разрыву. В сентябре 1826 г., после шестилетней ссылки, проведенной в значительной мере в отрыве от живой литературной действительности, наедине с самим собою, поэт снова оказывается в Москве, лицом к лицу с современностью. Только теперь ему становится ясно, насколько основательны были тревожные сигналы друзей о том, что «с приездом Воейкова из Дерпта и с появлением Булгарина, литература наша совсем погибла», [3] что «журналисты друг на друга доносят, хлопочут только о грошах и то ищут их в грязи и в заводах». [4] Действительно, налицо была целая литературная партия, не только полностью усвоившая выдвинутое самим же поэтом положение о необходимости сознательного учета вкусов и пожеланий обслуживаемого коллектива, но и проводившая это положение в жизнь с гораздо большей откровенностью и последовательностью, готовая безоговорочно подчинить требованиям рынка всю творческую работу писателя. Вопросы писательства как ремесла, литературы, как отрасли промышленности, которые до сих пор Пушкину рисовались исключительно как вопросы его индивидуального писательского поведения, сразу приобретали для него остро принципиальный характер. В его литературные представления властно вторгался новый, до сих пор почти не ощутимый для него момент — момент литературной политики. После шестилетнего пребывания вне боевых рядов своей партии, вне зависимости от ее традиций и норм, поэт снова оказывается в ее авангарде, на положении одного из ответственных ее руководителей.

Однако, если он не хотел и не мог солидаризоваться с «лавочниками литературы», то еще менее обозначал для него переживаемый кризис простой возврат на старые позиции. Сознание изжитости, исторической обреченности старых камерных форм эстетического быта нисколько не поколебалось от тех впечатлений, которые вынес он из столкновения со своей литературной сменой. Свою очередную задачу он видел не в реставрации арзамасских традиций в чистом виде, а в том, чтобы арзамасскую, по существу программу, с ее принципами высокого поэтического мастерства и установкой на эстетически квалифицированного читателя, реорганизовать на основе новых организационных форм литературной жизни.

Проблема журнала, таким образом, вовсе не снималась им с повестки дня. Крайности наиболее нетерпимых из соратников поэта, мечтавших о том, чтобы на место журнала снова поставить дружеское светско-артистическое об'единение, были ему совершенно чужды, не говоря уже о том, что была совершенно очевидна неосуществимость подобной задачи. Не о разрушении журнала надо было думать, а о том, чтобы создать свой журнал, который, сохраняя все специфические особенности журнальной формы,—ориентированность на массовый спрос, широту культурного диапазона,—мог бы одновременно служить проводником собственной литературной политики. Если еще

[1] Пушкин — Вяземскому, 25. V. 1825 г.
[2] Пушкин — Вяземскому, VI. 1825 г.
[3] Дельвиг — Пушкину. 28. IX. 1824 г.
[4] Вяземский — Пушкину, 6. XI. 1824 г.

lib.pushkinskijdom.ru

в Михайловском ему приходило в голову, что «пора нам отослать и Булгарина, и Благонамеренного, и Полевого, друга нашего», [1] то теперь, когда Булгарин оказался на положении крупнейшего идеолога враждебной партии, «Благонамеренный», и прежде довольно далекий пушкинской группе, был накануне закрытия, а Полевой, хотя организационно и не примыкавший к булгаринскому крылу, но своей кампанией против арзамасских авторитетов, ливший воду на булгаринскую же мельницу, был отставлен, — теперь организация собственного органа становилась одной из важнейших и первоочередных задач.

Именно на этой почве происходит сближение Пушкина с «Московским Вестником» — журналом московских любомудров, представлявших собою наиболее правое, наиболее полно усвоившее высокие традиции отцов крыло литературной молодежи. Чисто тактического характера этого сближения не думал скрывать и сам он. «Полевой, Погодин, Сушков, Завельевский, кто бы ни издавал журнал, все равно», пишет он Вяземскому. «Дело в том, что нам надо завладеть одним журналом и царствовать в нем самовластно и единовластно. Мы слишком ленивы, чтобы переводить, выписывать, об'являть etc. etc. Это черная работа журнала, вот зачем и издатель существует.» [2] Полевой такою ролью журнального чернорабочего довольствоваться не хотел; не имея ни достаточного опыта, ни достаточной квалификации, он мечтал руководить журналом, — значит с намерением использовать его в качестве союзника надо было покончить. Погодин внушал в этом отношении больше доверия; для того, чтобы попытаться привлечь его к делу, этого было достаточно.

Довольно скоро, однако, начинает обнаруживаться, что и расчеты на Погодина, несмотря на всю их прямолинейность и убедительность, оправдывают себя далеко не полностью. Прежде всего оказывается, что любомудры нисколько не в меньшей степени, чем Полевой, претендуют на полную самостоятельность в области теоретических установок журнала. А этим установкам, непосредственно восходящим к германской идеалистической эстетике того времени, носившим сугубо отвлеченный, метафизический характер, Пушкин всегда был резко враждебен. Старый арзамасец, выученик салонно-материалистической философии эпохи просвещения, да и с ней знакомый более, чем поверхностно, он до конца жизни оставался здесь верным сыном своего поколения. «Ты пеняешь мне за Московский Вестник и немецкую Метафизику», пишет он около этого времени Дельвигу. «Бог видит, как я ненавижу и презираю её; да что делать! собрались ребята теплые, упрямые; поп свое, а чорт свое.—Я говорю: господа, охота вам из пустого в порожнее переливать—все это хорошо для немцев, пресыщенных уже положительными познаниями, но мы... Московский Вестник сидит в яме и спрашивает: веревка вещь какая... А время вещь такая, которую с никаким Вестником не стану я терять. Им же хуже, если они меня не слушают.» [3] Ясно, что при таких отношениях с основным редакционным ядром журнала нечего было и думать, чтобы считать журнал своим целиком и полностью. Приходилось пользоваться им исключительно как одной из возможностей общаться с аудиторией, всю программную часть уступив издателям. А этого для Пушкина было мало.

С точки зрения организационно-тактической «Московский Вестник» еще менее отвечал тем целям, которые преследовал Пушкин, вступая в союз с ним. Несколько сотен постоянных подписчиков едва обеспечивали самое существование журнала, а о сколько-нибудь успешной конкуренции с враждебной журналистикой булгаринского лагеря не приходилось и думать: перевес был явно на ее стороне. Напрасно Пушкин намекал на необходимость коренной реорганизации журнала, как единственного средства поднять его акции на литературном рынке. «Главная ошибка наша была в том, что мы хотели быть слишком дельными», писал он Погодину, подытоживая свои впечатления от журнала. «Стихотворная часть у нас славная, проза м. б.

---

[1] Пушкин — Вяземскому 27. V. 1826 г.
[2] Пушкин — Вяземскому. 9. XI. 1826 г.
[3] Пушкин — Дельвигу. 2. III. 1827 г.

lib.pushkinskijdom.ru

еще лучше, но вот беда — в ней слишком мало вздору. Ведь верно есть у вас повесть для Урании. Давайте ее в Вестник. Кстати о повестях: они должны быть непременно существенной частью журнала, как моды у Телеграфа».[1] Редакция оставалась глуха ко всем этим указаниям. Узко философическое направление журнала становилось в нем все более и более преобладающим, уводя его все дальше и дальше от треволнений литературной современности.

Наконец, наполовину мифическими оказались и материальные расчеты, которые имел в виду Пушкин, вступая в союз с журналом. В первый год сотрудничества он получил, во всяком случае, всего тысячу рублей, ровно в десять раз меньше того, что должен был получить, согласно заключенного с издателями предварительного соглашения. Такой провал для него, как для профессионала, фактически продолжавшего жить почти исключительно литературным заработком, не мог не быть весьма чувствительным. «Здесь в П. Б. дают мне (à la lettre) 10 рублей за стих» раздраженно жаловался он Соболевскому, «а у вас в Москве хотят меня заставить даром и исключительно журналу. Да еще говорят: он богат, чорт ли ему в деньгах. Положим так, но я богат через мою торговлю стишистую, а не прадедовскими вотчинами...»[2]

Факты поэтической эволюции Пушкина этих лет заставляют его особенно тревожно и болезненно переживать безрезультатность своего сближения с любомудрами. Именно в эти годы он, окончательно перерастая рамки современной литературы, становится на путь преодоления уже не внешних традиций, а своих собственных побед и достижений. Его поэтические искания все более и более индивидуализируются, его повседневная поэтическая практика все более и более принимает характер творчества «для себя». Недоумение, которым первоначально встречает этот перелом читатель, довольно быстро переходит в прямую неприязнь. Литературная репутация Пушкина, безостановочно растущая в течение всей первой половины двадцатых годов, начинает колебаться. Переиздания старых поэм еще находят сбыт, но последние главы «Онегина» встречаются уже с явным равнодушием, «Полтава» терпит решительный провал.

При таких условиях журнальная работа осмысливается как единственная возможность остаться активным участником литературной жизни, не меняя коренным образом своих творческих вех. Борьба с булгаринской партией в журналистике далеко уходит за пределы чисто принципиального спора, приобретая характер своего рода борьбы за существование. Все предпринимаемые им в этом направлении шаги направлены не столько против булгаринских принципов, сколько против тех организационных привилегий, которыми обусловливалось господство булгаринской журналистики на литературном рынке. Именно в такой плоскости разрабатывает Пушкин проект докладной записки об издании политического журнала, который собирался он совместно с Дельвигом выпускать с 1828 года. «Изо всех родов литературы периодические издания более приносят выгоды и чем разнообразнее по содержанию, тем более расходятся. Известия политические привлекают большое число читателей, будучи любопытны для всякого. Ведомости С.-Петербургские и Московские и Северная Пчела суть единственные журналы, в коих помещаются известия политические. Северная Пчела, издаваемая двумя известными литераторами, имея около 3000 подписчиков, естественно должна иметь большое влияние на читающую публику, следственно и на книжную торговлю. Таким образом газеты политические приносят своим издателям до 10.000 дохода, между тем, как чисто литературные едва ли окупают издержки издания. Всякий журналист имеет право говорить мнение свое о нововышедшей книге столь строго, как угодно ему. Северная Пчела пользуется этим правом и хорошо делает. Законом потребовать от журналиста благосклонности или беспристрастия было бы невозможно и несправедливо. Автору осужденной книги остается ожидать решения читающей публики или искать управы в другом журнале. Но журналы чисто ли-

[1] Пушкин — Погодину, VIII — IX. 1827 г.
[2] Пушкин — Соболевскому. V — VI. 1828 г.

lib.pushkinskijdom.ru

тературные вместо 3000 подписчиков имеют едва ли 300, и следственно голос их был бы вовсе не чувствительным. Таким образом, литературная торговля находится в руках издателей Северной Пчелы и критика, как и полемика, сделалась их монополией. От сего терпят вещественный ущерб те литераторы, которые не находятся в приятельских отношениях с издателями Северной Пчелы. Ни одно из их произведений не продается, ибо никто не станет покупать товара, охудшенного в самом газетном об'явлении. Для восстановления равновесия в литературе, нам необходим журнал, коего средства равнялись бы средствам «Северной Пчелы», т. е. журнал в котором печатались бы политические и заграничные новости».

Идея такого политического журнала, располагая которым можно было бы повести уже принципиальную борьбу с булгаринской партией, так, однако, и осталась неосуществленной. Дело замерло, не выйдя из стадии первоначальных предположений и гипотез. Вместо политического журнала Дельвигу удается добиться разрешения выпускать с 1830 года «Литературную газету», с самого начала определившуюся, как издание узко-корпоративное, цеховое, едва выходившее со своим мизерным тиражем, меньше чем в сотню экземпляров, за пределы столичного писательского круга. «...Эта газета так безобидна, так скучна в своей важности, что ее читают только писатели...» [1] довольно откровенно писал о ней сам Пушкин. И на страницах самой газеты он признавался весьма неосторожно в тактическом отношении, что она «необходима не столько для публики», сколько для некоторого числа писателей, не могущих по разным отношениям являться под своим именем ни в одном из петербургских или московских журналов». [1] Естественно, что о каком-либо соперничестве с органом булгаринского лагеря при таком положении вещей нечего было и думать. Все дело опять сводилось к исключительно словесной полемике.

В представлениях Пушкина, как мы уже говорили, такого рода полемика до тех пор, пока она велась со страниц издания, не подкрепленного реальной поддержкой читательской массы, была средством заведомо дефектным, заведомо бьющим мимо цели. В ряду прочих мероприятий, направленных против гегемонии булгаринской группы, поэт отводил ей место второстепенное и третьестепенное. Это не могло не наложить отпечатка известной вялости на всю его работу в газете.

Надо, правда, оговориться, что точному учету эта работа не поддается. Сложные взаимоотношения Пушкина с царской цензурой, в частности наложенное на него обязательство представлять все написанное на высочайший просмотр, приводили его к необходимости печататься анонимно. Часто поэтому очень трудно бывает определить—принадлежит та или иная мелкая политическая заметка ему или кому-нибудь из других сотрудников издания. Во всяком случае, если в отношении целого ряда вещей авторство Пушкина продолжает оставаться недоказанным, то о некоторых из них сейчас можно уже с уверенностью говорить, что они фигурируют под его именем абсолютно без всяких оснований.

С другой стороны, среди заметок, принадлежность которых Пушкину может считаться бесспорной, большинство носит характер сравнительно нейтральный, а таких, полемическая установка которых очевидна, — не больше двух-трех, при чем одна из самых резких и язвительных—та самая, в которой Булгарин был выведен под именем Видока, сыщика и авантюриста, — появилась в «Литературной газете» только после того, как Погодин отказался напечатать ее в «Московском Вестнике».

«Поддерживай ее до тех пор, покамест у нас нет другой», писал Пушкин о «Литературной газете» Вяземскому и в значительной мере так же относился к ней сам. Пока не было налицо другого издания, на которое можно было бы опереться в борьбе с булгаринской периодикой, сотрудничать в ней было можно и должно; но менее всего тем самым снимался с повестки дня вопрос об издании «своего» журнала. Известие о запрещении газеты, последовавшее в конце 1830 г., он принял довольно легко; уверенность в том, что «чисто литературной газеты у нас быть не может, должно принять

[1] Пушкин — Хитрово, II — XII. 1830.

lib.pushkinskijdom.ru

в союзницы или моду или политику»,[1] делала в глазах поэта ее судьбу заранее предрешенной. Если бы ее не приостановило правительство, она погибла бы сама собой, задохнувшись от бестиражья.

Так именно и произошло в действительности. Под редакцией Ореста Сомова, которому два месяца спустя после отстранения Дельвига было разрешено продолжать газету, она не продержалась и года, захирев окончательно. Не дожидаясь этого естественного конца, Пушкин снова принимается за хлопоты о собственном периодическом органе. В мае 1831 г. он возбуждает соответствующее ходатайство перед Бенкендорфом, в июле, не дождавшись ответа, возобновляет это ходатайство. Разрешение, однако, приходит почти год спустя и то не окончательное. К этому времени поэт и сам, повидимому, успел несколько охладеть к своему замыслу. Во всяком случае, к формированию авторских кадров задуманного издания он относится довольно вяло, о создании редакционного аппарата вообще не заботится и даже самый тип издания ясно себе не представляет: то ли это будет газета, то ли журнал, то ли еще что-нибудь.

Еще менее ясна для него теоретическая, программная установка издания, тем более, что она и не такое уж существенное значение имела в создавшейся ситуации. Центр тяжести лежал в том, что полученное разрешение подрывало гегемонию враждебной булгаринской журналистики. «Какую программу хотите вы видеть?» пишет Пушкин около этого времени Погодину. Часть политическая — официально ничтожная; часть литературная — существенно ничтожная; известия о курсе; о приезжающих и отъезжающих: вот Вам и вся программа. Я хотел уничтожить монополию и успел. Остальное меня мало интересует».[2]

Насколько мало интересовало поэта «остальное», видно уже по одному тому, что в качестве соиздателя он намеревался привлечь к делу не больше не меньше, как Греча, ближайшего единомышленника и соратника Булгарина. Переговоры с ним он начал еще в конце 1831 г. и, повидимому, не прекращал их и в дальнейшем, дожидаясь ответа на свое ходатайство. «С Пушкиным сходимся довольно дружно, и я надеюсь, что сойдемся в деле»,[3] писал в это время сам Греч. Расчет был прямой: посеять вражду между вождями враждебной группы, перетянуть одного из них, и к тому же старого, опытного журналиста, располагающего большим практическим стажем, на свою сторону и, обескровив тем самым другого, занять самому руководящую роль. Когда долгожданное разрешение, наконец, приходит и хлопоты по организации издания приобретают более реальный характер, Пушкин возобновляет эти переговоры с еще большей активностью и настойчивостью: он предлагает Греку перепродать ему «Сын Отечества» и быть его редактором, выражает желание совместно с ним выпускать литературно-политическую газету.

Несмотря на всю прямолинейность этих расчетов, предполагаемый альянс, однако, не состоялся. Прежде всего на это дело довольно косо посмотрел Булгарин, а с Булгариным Греч был связан не только долголетней совместной работой и общностью теоретических установок, но и зависел от него материально. Уйдя от Булгарина, он сразу же лишался своей основной материальной базы, а материальный успех пушкинского предприятия был еще весьма гипотетичен. А главное, и сам Греч смотрел на предлагаемый ему союз, как на шаг исключительно тактический. «Мое мнение», писал он Булгарину, «зачем выпускать из рук Пушкина и его партию. Мы уничтожим вовсе дурацкое совместительство и с 1834 г. объединимся в одной газете».[4] Договаривающиеся стороны говорили, таким образом, на разных языках. Если Пушкин в привлечении Греча видел один из способов к уничтожению враждебной партии и осуществлению своей гегемонии на журнальном фрон-

---

[1] Пушкин — Вяземскому, 2. V. 1830.
[2] Пушкин — Погодину, IX. 1832 г.
[3] Пиксанов. Несостоявшаяся газета Пушкина «Дневник», Пушкин и его современники, в. V, стр. 53.
[4] Там же, стр. 57.

lib.pushkinskijdom.ru

те, то Греч в сближении с Пушкиным заботится о том, чтобы поглотить и тем самым обезвредить пушкинскую группу.

Как бы то ни было, переговоры прекратились, не приведя ни к каким практическим результатам. Проходит месяц, и Греч уже тоном явного превосходства пророчит провал журнальному предприятию поэта, успокаивая своего ревнивого и подозрительного компаниона. Пушкин, таким образом, снова оказывается предоставленным самому себе; его новый сотрудник по организации издания, Тарасенко-Отрешков, уже утвержденный официальным редактором газеты, не располагал ни гречевским опытом, ни гречевскими связями, и на него можно было рассчитывать, очевидно, только как на хозяйственника-коммерсанта. «Голова моя кругом идет при мысли о газете. Как-то слажу с ней»,[1] делится поэт с женой своими беспокойствами.

Кажется, дело и на самом деле продвигалось не особенно успешно. Поездка в Москву, предпринятая, между прочим, с целью заинтересовать в предполагаемом издании московские литературные круги, тоже не дала особенно ощутительных результатов. Вдобавок высочайшее заключение по возбужденному ходатайству все еще не приходило, и вплотную приступить к делу было все еще нельзя. В конце года ближайшим друзьям Пушкина исход дела, по крайней мере в данный момент, был уже ясен. «Газеты он издавать не будет — и лучше», писал в ноябре 1832 г. Гоголь, сочетавший вместе с представлениями о высоком назначении поэта враждебно-предубежденное отношение к журналистике. «В нынешнее время приняться за опозоренное ремесло журналиста не слишком лестно и для неизвестного человека; но гению этим заняться — значит помрачить чистоту и непорочность души своей и сделаться обыкновенным человеком».[2] Вскоре разговоры о журнале затихают окончательно.

После провала «Дневника» Пушкин фактически выбывает из рядов современной литературы. Он не оставляет, правда, совсем своей поэтической работы, даже количественно не так уж сильно сокращает свою продукцию, но работает уже исключительно в плане личного совершенствования, без каких бы то ни было оглядок на литературное настоящее. Все более и более окрашивается его творчество тонами эксперимента: он имитирует стиховые формы славянского эпоса, пытается воссоздать жанр шекспировской хроники, производит опыты над перенесением в русскую поэзию ритмов и образов поэзии античной. Вместе с тем заметно возрастает удельный вес его внеэстетических писаний. Целые месяцы он проводит в архивных разысканиях, в кропотливом изучении документально-исторического материала, работая над петровской эпохой, составляя монументальную историю пугачевского восстания. Организационные вопросы литературной жизни совершенно ускользают из поля его зрения. Как литератор-профессионал, вынужденный все же выступать в печати и тем самым вынужденный как-то координировать свои выступления с теми или иными течениями литературной современности, он всецело отдается естественному течению вещей, ни на кого не нападая, ни с кем не споря.

Кризис, переживаемый поэтом, не носил исключительно личного характера. Это был кризис всей той системы литературного поведения, носителем которой Пушкин являлся и пропагандистом которой выступал в своих журнальных предприятиях. Белинский, который ощущал происходящие сдвиги с остротой непосредственного свидетеля-очевидца, отметил 1834 год — год основания «Библиотеки для чтения», толстого многотиражного ежемесячника, рассчитанного на самые широкие слои провинциально-поместного читателя — как конец пушкинского периода вообще. Командные высоты эстетической культуры окончательно закрепляются за писателем-массовиком, сознательно и неуклонно планирующим свою работу на основе тех или иных требований рынка.

Соратники Пушкина, теснее связанные с прошлым, чем сам поэт, чувствовали это, чувствовали, что основное русло исторического процесса

[1] Пушкин — жене; IX. 1832.

[2] Гоголь. Письма, т. I, стр. 228.

lib.pushkinskijdom.ru

окончательно перешло к новым людям, чуждым им и социально, и психологически, и идеологически, к людям, с которыми у них не может быть общего языка. Вяземский на предложение принять участие в новом журнале ответил категорическим отказом и демонстративно потребовал, чтобы его имя было снято с обложки. Его примеру последовали некоторые другие.

Пушкин, первоначально шире кого бы то ни было из своих коллег развернувший «систему рассчитанного противодействия» новым течениям, больше всех отдававший времени и энергии на борьбу с теми, кого он называл лавочниками литературы, выходил из этой борьбы более подавленным и обессиленным. Противопоставить себя новому напору противников у него уже нехватило решимости. Он не только согласился участвовать во вновь организованном журнале, но и особым соглашением с издателем журнала Смирдиным предоставил ему монопольное право на печатание всех своих новых произведений, обязавшись не публиковать их нигде, до появления их в «Библиотеке». Разумеется, от такого рода соглашения было еще далеко до принципиальной солидаризации с основными установками журнала. В значительной степени оно ограничивалось исключительно материальной стороной дела. Все более и более запутывавшиеся денежные отношения поэта заставляли его уделять этим вопросам больше внимания, чем, может быть, он сам хотел бы, а Смирдин платил щедро: небывалые гонорары, доходившие до десяти рублей за стих, давали повод даже людям, в общем нейтрально настроенным, обвинять его в излишнем корыстолюбии.

Но и этого материального соглашения было достаточно. В конце концов, своего теоретического несогласия с платформой журнала Пушкин за время своего сотрудничества в нем, формально не оговаривал никогда и нигде, печатно о самостоятельности своей позиции не заявлял ни разу. Для читателя, стоявшего в стороне от всех перипетий литературной жизни, его особая точка зрения, во всяком случае, была неизвестна. А факт активного сотрудничества в смирдинском журнале при вытекавшем из предоставленной ему монополии бойкоте всех других изданий был налицо у всех. При таком освещении союз с «Библиотекой», объективно далеко еще не обозначающий отказа от прежних позиций и свидетельствовавший лишь о прекращении активного сопротивления новым тенденциям литературной жизни, современники имели все основания рассматривать как капитуляцию перед лежащими в основе журнала принципами. Объективно была усталость, истощение от неравной борьбы; в представлении очевидцев получалось признание ошибочности старых взглядов и вступление под знамена смирдинской школы.

В течение всего 1834 и почти всего 1835 годов он строго выполняет свои обязательства перед Смирдиным. Верный в стане неверных, весь охваченный чувством идеологического одиночества среди представителей молодого поколения, он мирится со всем: с обращенной непосредственно против того понимания дела литературы, носителем которого был сам он, политикой организатора и руководителя «Библиотеки» Сенковского, проводимой им, несмотря на все многообразие объединяемых журналом авторских сил, с чисто диктаторской прямотой и настойчивостью, с тем, что его имя стоит в одном ряду с именами Греча и Булгарина — крупнейших теоретиков и практиков литературного меркантилизма — и с именами неведомых представителей того литературного молодняка, который был вспоен и вскормлен самой же «Библиотекой», с необходимостью выслушивать упреки своих бывших соратников, довольно прозрачно намекающих на чисто денежную подоплеку этого дела.

В дальнейшем, однако, все эти трудности даже для такого гибкого и чуждого предрассудков своей литературной касты работника, как Пушкин, оказываются непосильными. Только исключительной жесткостью, царившей в журнале обстановки, может быть объяснен тот факт, что после двухлетнего сотрудничества в «Библиотеке», поэт все же порывает с нею и принимается за «Современник». «Я принужден был приняться за журнал», писал он в конце 1835 г. своему московскому другу Нащокину. «Не ведаю, как еще пойдет. Смирдин уже предлагает мне 15.000, чтобы я от свое-

lib.pushkinskijdom.ru

го предприятия отступился и стал бы снова сотрудничать в его Библиотеке. Но хотя это было бы и выгодно, но не могу на это согласиться. Но Сенковский такая бестия, а Смирдин такая дура, что с ними связываться невозможно». [1]

О каком бы то ни было стремлении подорвать организацией журнала авторитет «Библиотеки» и тем самым прорвать боевой фронт всей смирдинской школы, не было и речи: провал «Московского Вестника», провал «Литературной газеты», провал неосуществившегося «Дневника», все эти поражения с достаточной очевидностью свидетельствовали о непоколебимости нового направления. Бессмысленность новых атак можно было предугадать заранее. Когда в первой книжке «Современника», подготовлявшейся к печати крайне спешно и беспорядочно, появилась статья Гоголя, сводившая всю задачу журнала к беспощадной войне с «Библиотекой», Пушкин в самом срочном порядке поспешил снять с себя всякую ответственность за нее, противопоставив боевым настроениям Гоголя идею мирного сосуществования обоих журналов.

«Признайтесь, что нападения Ваши на г. Сенковского не весьма основательны», писал он, возражая Гоголю. «...Он издает Библиотеку с удивительной сметливостью, с аккуратностью, к которой не приучили нас гг. русские журналисты. Мы, смиренные провинциалы, благодарны ему и за разнообразие статей, и за полноту книжек, и за свежие новости европейские и даже за отчет об литературной всячине. Жалеем, что многие литераторы, уважаемые и любимые нами, отказались от соучастия в журнале г. Смирдина, и надеемся, что Современник пополнит нам сей недостаток; но желаем, чтобы оба журнала не старались друг другу вредить, а действовали каждый сам по себе для пользы общей и для удовольствия жадно читающей публики». Позднее он пошел еще дальше и прямо заявлял, что все попытки перевести взаимоотношения обоих журналов в план издательской конкуренции — досужие измышления, которые ни в коей мере не составляют программы «Современника». Вся его дальнейшая политика по отношению к «Библиотеке» вполне соответствовала его принципиальным высказываниям. Статья Даля, направленная против организационных принципов Сенковского-редактора, так и не увидела света на страницах его журнала; возражения на его ответ Гоголю, присланные Мартосом, постигла та же судьба.

Тем более характерно такое миролюбие, что противники были настроены отнюдь не миролюбиво. Сенковский, раздраженный статьей Гоголя, писал, что, допустив у себя полемику, «Современник» сам назначил себе место на самых низших ступенях современной журналистики. «Северная Пчела», также удостоившаяся со стороны скрывшегося за маской скромного провинциала редактора «Современника» нескольких теплых фраз, и не думала прекращать борьбы против пушкинской группы, которую начала она еще в конце двадцатых годов. При таких условиях стремление Пушкина обеспечить журналу если не сочувствие, то нейтралитет противников, могло обозначать только одно: я вас не трогаю, не трогайте вы меня; я отдаю вам поле сражения, дайте мне возможность спокойно работать.

Вся организационная структура «Современника» определялась этой формулой. Он не претендовал ни на монументальность и универсализм «Библиотеки», ни на гибкость и злободневность «Северной Пчелы». Многое было в нем от прошлого, от старых традиций альманахов двадцатых годов, кое в чем открывались перспективы на будущее, намечались структурные формы «физиологических» сборников поры некрасовской молодости. Меньше всего было от настоящего: в период тридцатых годов журнал был абсолютно одинок. Так же одинок, как одинок был сам Пушкин на последнем этапе своего творческого пути, на том самом, о котором писал он: «Поэзия, кажется, для меня иссякла. Я весь в прозе, да еще какой...» [1] В «Современнике» поэзия тоже стояла не на первом плане. Стихотворный отдел, правда, был более или менее значителен, но художественной прозы, которая

[1] Пушкин — Нащокину. X. 1835 г.

lib.pushkinskijdom.ru

как раз стояла в центре современной литературы, не печаталось почти вовсе. Явно преобладал материал внеэстетического порядка: статейный, очерковый, мемуарный, — материал с максимально ослабленной установкой на форму выражения.

У публики «Современник» успеха не имел. О том, чтобы уравнять свои тиражи с тиражами «Библиотеки», Пушкин мог только желать, да и то не придавая слишком большого правдоподобия своим пожеланиям. Тем не менее, пока был жив Пушкин и пока за журналом стояло его имя, все еще популярное и авторитетное, — если не своим настоящим, то своим прошлым, — его судьба казалась более или менее устроенной. Ведь в начале тридцатых годов даже такой радикально настроенный писатель, как Белинский, мог еще говорить о том, что вернись сейчас старый Пушкин — не теперешний, а Пушкин начала двадцатых годов, автор байронических поэм, — и снова наступил бы пушкинский период: так сильно было обаяние имени. После смерти поэта говорить о возвращении пушкинского периода стало уже невозможно. В руках немногих оставшихся друзей и единомышленников созданный им журнал хиреет окончательно, — «истощив свои силы в заботах о литературной чистоплотности», — как довольно зло выразился по его адресу один из очевидцев его гибели.

«Пушкин столь же умен, сколь практичен», писал позднее Соболевский — один из ближайших друзей поэта. «Он практик и большой практик; даже всегда писал то, что требовали от него время и обстоятельства».

Когда время и обстоятельства потребовали, чтобы он, вместе со всем своим поколением посторонился, чтобы дать дорогу новым людям, с новым отношением к вещам и новыми идеалами, он пошел и на это, правда не без борьбы, свойственной всем, в конце концов, борьбы за историческое самосохранение. Его друзья и спутники оказались менее податливыми к времени и обстоятельствам. Их конец был бесславен и незаметен.

И. СЕРГИЕВСКИЙ.

[1] Пушкин — А. А. Фуке. 13. X. 1834.

lib.pushkinskijdom.ru

КРИТИКА, ИСТОРИЯ
АВТОБИОГРАФИЯ

lib.pushkinskijdom.ru

ОТ РЕДАКЦИИ.

В настоящем томе печатаются произведения Пушкина критические полемические, исторические и автобиографические.

В первую очередь, в порядке указанных нами разделов, мы даем произведения, напечатанные Пушкиным.

Во вторую очередь мы включаем статьи незаконченные и черновые. В отделе критики для большей усвояемости отрывков Пушкина мы изменяем общий хронологический перечень и даем произведения Пушкина по следующим отраслям: общие рассуждения о литературе; статьи по русской литературе; статьи, относящиеся до театра и драмы; статьи касательно иностранной литературы и художников; отрывки из писем, мыслей и замечаний; грамматические заметки и, наконец, статьи и заметки из «Литературной газеты», не имеющие твердого доказательства их принадлежности Пушкину. В отделе автобиографических опытов Пушкина мы печатаем: в первой части дневники и автобиографические записи Пушкина, во второй — записи Пушкина о своих литературных произведениях.

Демьян Бедный
А. В. Луначарский
В. И. Соловьев
П. Е. Щеголев

lib.pushkinskijdom.ru

КРИТИКА

ПИСЬМО К ИЗДАТЕЛЮ СЫНА ОТЕЧЕСТВА

В течение последних четырех лет мне случалось быть предметом журнальных замечаний. Часто несправедливые, часто непристойные, иные не заслуживали никакого внимания, на другие издали отвечать было невозможно. Оправдания оскорбленного авторского самолюбия не могли быть занимательны для публики; я молча предполагал исправить в новом издании недостатки, указанные мне каким бы то ни было образом, и с живейшей благодарностию читал изредка лестные похвалы и ободрения, чувствуя, что не одно, довольно слабое, достоинство моих стихотворений давало повод благородному изъявлению снисходительности и дружелюбия.

Ныне нахожусь в необходимости прервать молчание. Князь П. А. Вяземский, предприняв из дружбы ко мне издание *Бахчисарайского фонтана*, присоединил к оному *Разговор между Издателем и Антиромантиком*, разговор, вероятно, вымышленный: по крайней мере, если между нашими печатными классиками многие силою своих суждений сходствуют с Классиком Выборгской стороны, то, кажется, ни один из них не выражается с его остротой и светской вежливостию.

Сей разговор не понравился одному из судей нашей словесности. Он напечатал в 5 № *Вестника Европы* второй разговор между Издателем и Классиком, где между прочим прочел я следующее:

«*Изд.* Итак, разговор мой вам не нравится? — *Класс.* Признаюсь, жаль, что вы напечатали его при прекрасном стихотворении Пушкина, думаю, и сам автор об этом пожалеет».

Автор очень рад, что имеет случай благодарить князя Вяземского за прекрасный его подарок. *Разговор между Издателем и Классиком с Выборгской стороны или с Васильевского острова* писан более для Европы вообще, чем исключительно для России, где противники романтизма слишком слабы и не заметны и не стоят столь блистательного отражения.

Не хочу или не имею права жаловаться по другому отношению и с искренним смирением принимаю похвалы неизвестного критика.

Одесса. *Александр Пушкин.*

<1824, Сын Отечества, № XVIII.>

lib.pushkinskijdom.ru

О Г-ЖЕ СТАЛЬ И О Г. А. М—ВЕ.[1]

Из всех сочинений г-жи Сталь книга: *Десятилетнее изгнание* должна была преимущественно обратить на себя внимание русских. Взгляд быстрый и проницательный, замечания разительные по своей новости и истине, благодарность и доброжелательство, водившие пером сочинительницы — все приносит честь уму и чувствам необыкновенной женщины. Вот что сказано об ней в одной рукописи: «Читая ее книгу *Dix ans d'exil*, можно видеть ясно, что тронутая ласковым приемом русских бояр, она не высказала всего, что бросалось ей в глаза[2]. Не смею в том укорять красноречивую благородную чужеземку, которая первая отдала полную справедливость русскому народу, вечному предмету невежественной клеветы писателей иностранных». Эта снисходительность, которую не смеет порицать автор рукописи, именно и составляет главную прелесть той части книги, которая посвящена описанию нашего отечества. Г-жа Сталь оставила Россию, как священное убежище, как семейство, в которое она была принята с доверенностию и радушием. Исполняя долг благородного сердца, она говорит об нас с уважением и скромностию, с полнотою душевною хвалит, порицает осторожно, *не выносит сора из избы*. Будем же и мы благодарны знаменитой гостье нашей: почтим ее славную память, как она почтила гостеприимство наше....

Из России г-жа Сталь ехала в Швецию по печальным пустыням Финляндии. В преклонных летах, удаленная от всего милого ее сердцу, семь лет гонимая деятельным деспотизмом Наполеона, принимая мучительное участие в политическом состоянии Европы, она не могла, конечно, в сие время (в осень 1812 года) сохранить ясность души, потребную для наслаждения красотами природы. Не мудрено, что почернелые скалы, дремучие леса и озера наводили на нее уныние.

Недоконченные ее записки останавливаются на мрачном описании Финляндии....

Г. А. М.[3], *пробегая снова книжку г-жи Сталь, набрел* на сей последний отрывок и перевел его довольно тяжелою прозою, присовокупив к оному следующие *замечания на грезы г-жи Сталь*. «Не говоря уже о обличении ветренного легкомыслия, отсутствия наблюдательности и совершенного неведения местности, невольно поражающих читателей, *знакомых с творениями автора книги о Германии*, я в свою очередь был поражен самим рассказом, во всем подобным пошлому пустомельству тех *щепетильных французиков, которые, немного времени тому назад, являясь с скудным запасом сведений и богатыми надеждами в Россию, так радостно принимались щедрыми и подчас неуместно-добродушными на-*

---

[1] Муханове. *Ред.*

[2] Речь идет о большом обществе петербургском, прежде 1812 г. Соч.

[3] Сын отечества, № 10.

lib.pushkinskijdom.ru

шими соотечественниками (только по образу мыслей не нашими современниками)».

Что за слог и что за *тон!* Какое сношение имеют две страницы Записок с Дельфиною, Коринною, Взглядом на французскую революцию и пр., и что есть общего между *щепетильными* (?) *французиками* и дочерью Неккера, гонимою Наполеоном и покровительствуемою великодушием русского императора?

«Кто читал творения г-жи Сталь», продолжает г. А. М. «в коих так часто ширяется она и пр..., тому точно покажется странным, как беспредельные леса и пр... не сделали другого впечатления на автора Коринны, кроме скуки от единообразия!» — За сим г. А. М. ставит в пример самого себя. «Нет! никогда», говорит он, «не забуду я волнения души моей, расширявшейся для вмещения столь сильных впечатлений. Всегда буду помнить утра... и пр.» — Следует описание северной природы, слогом, совершенно отличным от прозы г-жи Сталь.

Далее советует он покойной сочинительнице, *посредством какого-либо толмача, расспросить извозчиков своих о точной причине пожаров* и пр.

Шутка о близости волков и медведей к Абовскому университету отменно не понравилась г-ну А. М.; но г. А. М. и сам расшутился. «Ужели», говорит он, «400 студентов, там воспитывающихся, готовят себя в звероловы? В этом случае, академию сию могла бы она точнее назвать псарным двором? Ужели г-жа Сталь не нашла другого *способа отыскивать причин,* замедляющих ход просвещения, как перерядившись Дианой, заставить читателя рыскать вместе с собою в лесах финляндских, по порошам за медведями и волками, и зачем их искать в берлогах?... Наконец от страха, наведенного *на робкую душу нашей барыни,* и проч.».

О сей *барыне* должно было говорить языком вежливым образованного человека. Эту *барыню* удостоил Наполеон гонения, монархи доверенности, Европа своего уважения, а г. А. М. журнальной статейки не весьма острой и весьма неприличной.

Уважен хочешь быть, умей других уважить.

9 июня 1825. Ст. Арз. [1]

<1825, «Московский Телеграф», № 12.>

О ПРЕДИСЛОВИИ Г-НА ЛЕМОНТЕ К ПЕРЕВОДУ БАСЕН И. А. КРЫЛОВА.

Любители нашей словесности были обрадованы предприятием графа Орлова, хотя и догадывались, что способ перевода, столь блестящий и столь недостаточный, нанесет несколько вреда басням неподражаемого нашего поэта. Многие с большим нетерпением ожидали предисловия г-на Лемонте; оно в самом деле очень замечательно, хотя и не совсем удовлетворительно. Вообще

[1] Псевдоним Пушкина: «Старый Арзамасец». *Ред.*

lib.pushkinskijdom.ru

там, где автор должен был необходимо писать по наслышке, суждения его могут иногда показаться ошибочными; напротив того, собственные догадки и заключения удивительно правильны. Жаль, что сей знаменитый писатель едва коснулся до таких предметов, о коих мнения его должны быть весьма любопытны. Читаешь его статью [1] с невольной досадою, как иногда слушаешь разговор очень умного человека, который, будучи связан какими-то приличиями, слишком многого не договаривает и слишком часто отмалчивается.

Бросив беглый взгляд на историю нашей словесности, автор говорит несколько слов о нашем языке, признает его первобытным, не сомневается в том, что он способен к усовершенствованию, и, ссылаясь на уверения русских, предполагает, что он богат, сладкозвучен и обилен разнообразными оборотами.

Мнения сии не трудно было оправдать. Как материал словесности, язык славяно-русский имеет неоспоримое превосходство пред всеми европейскими: судьба его была чрезвычайно счастлива. В XI веке древний греческий язык вдруг открыл ему свой лексикон, сокровищницу гармонии, даровал ему законы обдуманной своей грамматики, свои прекрасные обороты, величественное течение речи; словом, усыновил его, избавя таким образом от медленных усовершенствований времени. Сам по себе уже звучный и выразительный, отселе заемлет он гибкость и правильность. Простонародное наречие необходимо должно было отделиться от книжного, но впоследствии они сблизились, *и такова стихия, данная нам для сообщения наших мыслей.*

Г. Лемонте напрасно думает, что владычество татар оставило ржавчину на русском языке. Чуждый язык распространяется не саблею и пожарами, но собственным обилием и превосходством. Какие же новые понятия, требовавшие новых слов, могло принести нам кочующее племя варваров, не имевших ни словесности, ни торговли, ни законодательства? Их нашествие не оставило никаких следов в языке образованных китайцев, и предки наши, в течение двух веков стоная под татарским игом, на языке родном молились русскому богу, проклинали грозных властителей и передавали друг другу свои сетования. Таковой же пример видели мы в новейшей Греции. Какое действие имеет на порабощенный народ сохранение его языка? Рассмотрение сего вопроса завлекло бы нас слишком далеко. Как бы то ни было, едва-ли полсотни татарских слов перешло в русский язык. Войны литовские не имели также влияния на судьбу нашего языка; он один оставался неприкосновенною собственностью несчастного нашего отечества.

В царствование Петра I-го начал он приметно искажаться от необходимого введения голландских, немецких и французских слов. Сия мода распространяла свое влияние и на писателей, в то

[1] По крайней мере в переводе, напечатанном в Сыне Отечества. Мы не имели случая видеть французский подлинник.

lib.pushkinskijdom.ru

время покровительствуемых государями и вельможами; к счастью, явился Ломоносов.

Г. Лемонте в одном замечании говорит о всеобъемлющем гении Ломоносова; но он взглянул не с настоящей точки на великого сподвижника великого Петра.

Соединяя необыкновенную силу воли с необыкновенною силою понятия, Ломоносов обнял все отрасли просвещения. Жажда науки была сильнейшею страстью сей души, исполненной страстей. Историк, ритор, механик, химик, минералог, художник и стихотворец, он все испытал и все проник... Первый углубляется в историю отечества, утверждает правила общественного языка его, дает законы и образцы классического красноречия, с несчастным Рихманом предугадывает открытия Франклина, учреждает фабрику, сам сооружает махины, дарит художества мозаическими произведениями и наконец открывает нам истинные источники нашего поэтического языка.

Поэзия бывает исключительною страстию немногих, родившихся поэтами; она объемлет и поглощает все наблюдения, все усилия, все впечатления их жизни: но если мы станем исследовать жизнь Ломоносова, то найдем, что науки точные были всегда главным и любимым его занятием, стихотворство же иногда забавою, но чаще должностным упражнением. Мы напрасно искали бы в первом нашем лирике пламенных порывов чувства и воображения. Слог его, ровный, цветущий и живописный, заемлет главное достоинство от глубокого знания книжного славянского языка и от счастливого слияния оного с языком простонародным. Вот почему преложения псалмов и другие сильные и близкие подражания высокой поэзии священных книг суть его лучшие произведения[1]. Они останутся вечными памятниками русской словесности; по ним долго еще должны мы будем изучаться стихотворному языку нашему; но странно жаловаться, что светские люди не читают Ломоносова, и требовать, чтоб человек, умерший 70 лет тому назад, оставался и ныне любимцем публики. Как будто нужны для славы великого Ломоносова мелочные почести модного писателя!

Упомянув об исключительном употреблении французского языка в образованном кругу наших обществ, г. Лемонте столь-же остроумно, как и справедливо, замечает, что русский язык чрез то должен был непременно сохранить драгоценную свежесть, простоту и, так сказать, чистосердечность выражений. Не хочу оправдывать нашего равнодушия к успехам отечественной лите-

---

[1] Любопытно видеть, как тонко насмехается Тредьяковский над *славянщизнами* Ломоносова, как важно советует он ему перенимать *легкость и щеголевитость речений изрядной компании!* Но удивительно, что Сумароков с большою точностию определил в одном полустишии истинное достоинство Ломоносова-поэта.

Он наших стран Мальгерб, он Пиндару подобен!
Enfin Malherbe vint, et, le premier en France, etc.
Перевод. Наконец, пришел Малерб и первый во Франции, и т. д.

lib.pushkinskijdom.ru

ратуры, но нет сомнения, что если наши писатели чрез то теряют много удовольствия, по крайней мере язык и словесность много выигрывают. Кто отклонил французскую поэзию от образцов классической древности? Кто напудрил и нарумянил Мельпомену Расина и даже строгую музу старого Корнеля? Придворные Людовика XIV. Что навело холодный лоск вежливости и остроумия на все произведения писателей XVIII столетия? Общество M-es du Deffand, Boufflers, d'Epinay,[1] очень милых и образованных женщин. Но Мильтон и Данте писали не для *благосклонной улыбки прекрасного пола.*

Строгий и справедливый приговор французскому языку делает честь беспристрастию автора. Истинное просвещение беспристрастно. Приводя в пример судьбу сего прозаического языка, г. Лемонте утверждает, что и наш язык, не столько от своих поэтов, сколько от прозаиков, должен ожидать *европейской своей общежительности.* Русский переводчик оскорбился сим выражением; но если в подлиннике сказано civilisation Européenne[2], то сочинитель чуть ли не прав.

Положим, что русская поэзия достигла уже высокой степени образованности: просвещение века требует пищи для размышления, умы не могут довольствоваться одними играми гармонии и воображения, но ученость, политика и философия еще по русски не изъяснялись; метафизического языка у нас вовсе не существует. Проза наша так еще мало обработана, что даже в простой переписке мы принуждены *создавать* обороты для изъяснения понятий самых обыкновенных, так что леность наша охотнее выражается на языке чужом, коего механические формы давно готовы и всем известны.

Г. Лемонте, входя в некоторые подробности касательно жизни и привычек нашего Крылова, сказал, что он не говорит ни на каком иностранном языке и только понимает по-французски. *Не правда!* резко возражает переводчик в своем примечании. В самом деле, Крылов знает главные европейские языки и, сверх того, он, как Альфиери, пятидесяти лет выучился древнему греческому. В других землях таковая характеристическая чёрта известного человека была бы прославлена во всех журналах; но мы в биографии славных писателей наших довольствуемся означением года их рождения и подробностями послужного списка, да сами же потом и жалуемся на неведение иностранцев о всем, что до нас касается.

В заключение скажу, что мы должны благодарить графа Орлова, избравшего истинно-народного поэта, дабы познакомить Европу с литературою севера. Конечно ни один француз не осмелится кого бы то ни было поставить выше Лафонтена, но мы, кажется, можем предпочитать ему Крылова. Оба они вечно останутся любимцами своих единоземцев. Некто справедливо

---

[1] Госпожи дю Дефан, Буфлер, д'Эпине.
[2] Европейская цивилизация.

lib.pushkinskijdom.ru

заметил, что простодушие (naïveté, bonhomie) есть врожденное свойство французского народа; напротив того, отличительная черта в наших нравах есть какое-то веселое лукавство ума, насмешливость и живописный способ выражаться. Лафонтен и Крылов представители духа обоих народов.

Н. К.[1]

12 августа.

P. S. Мне показалось излишним замечать некоторые явные ошибки, простительные иностранцу, например, сближение Крылова с Карамзиным (сближение, ни на чем не основанное), мнимая неспособность языка нашего к стихосложению совершенно метрическому и проч.

<1825. Московский Телеграф, № XVII—XX.>

ОТРЫВКИ ИЗ ПИСЕМ, МЫСЛИ И ЗАМЕЧАНИЯ

Истинный вкус состоит не в безотчетном отвержении такого-то слова, такого-то оборота, но в чувстве соразмерности и сообразности.

Ученый без дарования подобен тому бедному мулле, который изрезал и съел Коран, думая исполниться духа магометова.

Однообразность в писателе доказывает односторонность ума, хоть, может быть, и глубокомысленного.

Жалуются на равнодушие русских женщин к нашей поэзии, полагая тому причиною незнание отечественного языка: но какая же дама не поймет стихов Жуковского, Вяземского или Баратынского? Дело в том, что женщины везде те же. Природа, одарив их тонким умом и чувствительностию самою раздражительною, едва ли не отказала им в чувстве изящного. Поэзия скользит по слуху их, недосягая души; они бесчувственны к ее гармонии; примечайте, как они поют модные романсы, как искажают стихи самые естественные, расстроивают меру, уничтожают рифму. Вслушивайтесь в их литературные суждения, и вы удивитесь кривизне и даже грубости их понятия.... Исключения редки...

Мне пришла в голову мысль, говорите вы: не может быть. Нет, N.N., вы изъясняетесь ошибочно; что-нибудь да не так.

Чем более мы холодны, расчетливы, осмотрительны, тем менее подвергаемся нападениям насмешки. Эгоизм может быть отвратительным, но он не смешон, ибо отменно благоразумен. Однако есть люди, которые любят себя с такою нежностию, удивляются своему гению с таким восторгом, думают о своем

[1] За такой подписью напечатана статья Пушкина. *Ред.*

lib.pushkinskijdom.ru

благосостоянии с таким умилением, о своих неудовольствиях с таким состраданием, что в них и эгоизм имеет всю смешную сторону энтузиазма и чувствительности.

Никто более Баратынского не имеет чувства в своих мыслях и вкуса в своих чувствах.

ПРИМЕРЫ НЕВЕЖЛИВОСТИ.

В некотором азиатском народе, мужчины каждый день, восстав от сна, благодарят бога, создавшего их не женщинами.

Магомет оспаривает у дам существование души.

Во Франции, в земле прославленной своею учтивостию, грамматика торжественно провозгласила мужеский род благороднейшим.

Стихотворец отдал свою трагедию на рассмотрение известному критику. В рукописи находился стих:

Я человек и шла путями заблуждений..

Критик подчеркнул стих, усомнясь, может-ли женщина называться человеком? Это напоминает известное решение: женщина не человек, курица не птица, прапорщик не сфицер.

Даже люди, выдающие себя за усерднейших почитателей прекрасного пола, не предполагают в женщинах ума, равного нашему, и, приноравливаясь к слабости их понятия, издают ученые книжки для дам, как будто для детей, и т. п.

Тредьяковский пришел однажды жаловаться Шувалову на Сумарокова. «Ваше высокопревосходительство! меня Александр Петрович так ударил в правую щеку, что она до сих пор у меня болит.» — «Как же, братец, отвечал ему Шувалов, у тебя болит правая щека, а ты держишься за левую.» — «Ах, ваше высокопревосходительство, вы имеете резон», отвечал Тредьяковский и перенес руку на другую сторону. Тредьяковскому не раз случалось быть битым. В деле Волынского сказано, что сей однажды в какой-то праздник потребовал оду у придворного пииты Василия Тредьяковского; но ода была не готова и пылкий статс-секретарь наказал тростию оплошного стихотворца.

Один из наших поэтов говорил гордо: пускай в стихах моих найдется бессмыслица, зато уж прозы не найдется. Байрон не мог изъяснить некоторые свои стихи. Есть два рода бессмыслицы: одна происходит от недостатка чувств и мыслей, заменяемого словами; другая — от полноты чувств и мыслей и недостатка слов для их выражения.

«Все, что превышает геометрию, превышает нас», сказал Паскаль. И в следствие того написал свои философические мысли!

---

lib.pushkinskijdom.ru

Un sonnet sans défaut vaut seul un long poëme.[1] Хорошая эпиграмма лучше плохой трагедии.... Что это значит? можно ли сказать, что хороший завтрак лучше дурной погоды?

Tous les genres sont bons, hors le genre ennuyeux.[2] Хорошо было сказать это в первый раз; но как можно важно повторять столь великую истину? Эта шутка Вольтера служит основаньем поверхностной критике литературных скептиков; но скептицизм во всяком случае есть только первый шаг умствования. Впрочем некто заметил, что и Вольтер не сказал: également bons.[3]

Путешественник Ансело говорит о какой-то грамматике, утвердившей правила нашего языка, и еще неизданной, о каком-то русском романе, прославившем автора и еще находящемся в рукописи, и о какой-то комедии, лучшей из всего русского театра и еще неигранной и не напечатанной. Забавная словесность!

Л., состаревшийся волокита, говорил: Moralement je suis toujours physique, mais physiquement je suis devenu moral.[4]

Вдохновение есть расположение души к живейшему принятию впечатлений и соображению понятий, следственно и объяснению оных. Вдохновение нужно в геометрии, как и в поэзии.

Иностранцы, утверждающие, что в древнем нашем дворянстве не существовало понятие о чести (point d'honneur), очень ошибаются. Сия честь, состоящая в готовности жертвовать всем для поддержания какого-нибудь условного правила во всем блеске своего безумия видна в древнем нашем местничестве. Бояре шли на опалу и на казнь, подвергая суду царскому свои родословные распри. Юный Феодор, уничтожив сию спесивую дворянскую опозицию, сделал то, на что не решились ни могущий Иоанн III, ни нетерпеливый внук его, ни тайно злобствующий Годунов.

Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие. «Государственное правило», говорит Карамзин, «ставит уважение к предкам в достоинство гражданину образованному». Греки в самом своем унижении помнили славное происхождение свое и тем самым уже были достойны своего освобождения... Может ли быть пороком в частном человеке то, что почитается добродетелью в целом народе? Предрассудок сей, утвержденный демократической завистию некоторых философов, служит только к

---

[1] Один безупречный сонет стоит длинной поэмы.
[2] Все жанры хороши, за исключением скучного.
[3] Одинаково хороши.
[4] Нравственно я остался плотским, но во плоти я сделался нравственным.

lib.pushkinskijdom.ru

распространению низкого эгоизма. Бескорыстная мысль, что внуки будут уважены за имя, нами им переданное, не есть ли благороднейшая надежда человеческого сердца?

Mes arrière-neveux me devront cet ombrage. [1]

Сказано: Les sociétés secrètes sont la diplomatie des peuples. [2] Но какой-же народ вверит права свои тайным обществам и какое правительство, уважающее себя, войдет с оными в переговоры?

Байрон говорил, что никогда не возьмется описывать страну, которой не видал бы собственными глазами. Однакож в Дон Жуане описывает он Россию; зато приметны некоторые погрешности противу местности. Например, он говорит о грязи улиц Измаила; Дон Жуан отправляется в Петербург *в кибитке, беспокойной повозке без рессор, по дурной каменистой дороге.* Измаил взят был зимою, в жестокой мороз. На улицах, неприятельские трупы прикрыты были снегом, и победитель ехал по ним, удивляясь опрятности города: «помилуй бог, как чисто!»... Зимняя кибитка не беспокойна, а зимняя дорога не камениста. Есть и другие ошибки, более важные. — Байрон много читал и расспрашивал о России. Он, кажется, любил ее и хорошо знал ее новейшую историю. В своих поэмах он часто говорит о России, о наших обычаях. Сон сарданапалов напоминает известную, политическую каррикатуру, изданную в Варшаве во время Суворовских войн. В лице Нимврода ивобразил он Петра Великого. В 1813 году Байрон намеревался через Персию приехать на Кавказ.

Тонкость не доказывает еще ума. Глупцы и даже сумашедшие бывают удивительно тонки. Прибавить можно, что тонкость редко соединяется с гением, обыкновенно простодушным. и с великим характером, всегда откровенным.

Не знаю где, но не у нас,
Достопочтенный лорд Мидас,
С душой посредственной и низкой, —
Чтоб не упасть дорогой склизкой,
Ползком propолз в известный чин
И стал известный господин.
Еще два слова об Мидасе:
Он не хранил в своем запасе
Глубоких замыслов и дум;
Имел он не блестящий ум,
Душой не слишком был отважен;
Зато был сух, учтив и важен.
Льстецы героя моего,
Не зная, как хвалить его,
Провозгласить решились тонким, и по

Пушкин.

---

[1] Мои правнуки будут мне обязаны этой сенью.
[2] Тайные общества суть дипломатия народов.

lib.pushkinskijdom.ru

Coquette, prude. Слово кокетка обрусело, но prude не переведено и не вошло еще в употребление. Слово это означает женщину, чрезмерно щекотливую в своих понятиях о чести (женской) — недотрогу. Таковое свойство предполагает нечистоту воображения, отвратительную в женщине, особенно молодой. Пожилой женщине позволяется многое знать и многого опасаться, но невинность есть лучшее украшение молодости. Во всяком случае, *прюдство* или смешно или несносно.

Некоторые люди не заботятся ни о славе, ни о бедствиях отечества, его историю знают только со времени кн. Потемкина, имеют некоторое понятие о статистике только той губернии, в которой находятся их поместья; со всем тем почитают себя патриотами, потому что любят ботвинью и что дети их бегают в красной рубашке.

Должно стараться иметь большинство голосов на своей стороне: не оскорбляйте же глупцов.

Появление Истории Государства Российского (как и надлежало быть) наделало много шуму и произвело сильное впечатление. 3.000 экземпляров разошлись в один месяц, чего не ожидал и сам Карамзин. Светские люди бросились читать историю своего отечества. Она была для них новым открытием. Древняя Россия, казалось, найдена Карамзиным, как Америка Колумбом. Несколько времени нигде ни о чем ином не говорили. Признаюсь, ничего нельзя вообразить глупее светских суждений, которые удалось мне слышать; они были в состоянии отучить хоть кого от охоты к славе. Одна дама (впрочем очень милая), при мне открыв вторую часть, прочла вслух: «Владимир усыновил Святополка, однакож не любил его»... *Однако!* зачем не *но?* однако! чувствуете-ли всю ничтожность вашего Карамзина?» — В журналах его не критиковали: у нас никто не в состоянии исследовать, оценить огромное создание Карамзина. К... бросился на предисловие. Н., молодой человек умный и пылкий, разобрал предисловие (предисловие!). М. в письме к В. пенял Карамзину, зачем в начале своего творения не поместил он какой-нибудь блестящей гипотезы о происхождении славян; т. е. требовал от историка, не истории, а чего-то другого. Некоторые остряки за ужином переложили первые главы Тита-Ливия слогом Карамзина; зато почти никто не сказал спасибо человеку, уединившемуся в ученый кабинет, во время самых лестных успехов, и посвятившему целых 12 лет жизни безмолвным и неутомимым трудам. Примечания к Русской Истории свидетельствуют обширную ученость Карамзина, приобретенную им уже в тех летах, когда для обыкновенных людей круг образования и познаний давно заключен и хлопоты по службе заменяют усилия к просвещению. Многие забывали, что Карамзин печатал свою Историю в России. Повторяю, что История Государства Российского

lib.pushkinskijdom.ru

есть не только создание великого писателя, но и подвиг честного человека. *(Извлечено из неизданных записок).*

Французская словесность родилась в передней и далее гостиной не доходила.

<Северные Цветы на 1828 год.>.

ОТРЫВОК ИЗ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЛЕТОПИСЕЙ.

Tantacne animis scholasticis irae![1]

Распря между двумя известными журналистами и тяжба одного из них с цензурою наделали шуму. Постараемся изложить исторически все дело sine ira et studio.[2]

В конце минувшего года *редактор Вестника Европы*, желая в следующем 1829 году потрудиться еще и в качестве *издателя*, объявил о том публике, все еще худо понимающей различие между сими двумя учеными званиями. Убедившись единогласным мнением критиков в односторонности и скудости *Вестника Европы*, сверх того *движимый глубоким чувством сострадания при виде беспомощного состояния литературы*, он обещал *употребить наконец свои старания, чтобы сделать журнал сей обширнее и разнообразнее*. Он надеялся *отныне далее видеть, свободнее соображать и решительнее действовать*. Он собирался пуститься *в неизмеримую область бытописания*, по которой Карамзин, как всем известно, *проложил тропинку, теряющуюся в тундрах бесплодных*. «Предполагаю работать сам», говорил почтенный редактор, «не отказывая однако ж и другим литераторам участвовать в трудах моих». Сии поздние, но тем не менее благие намерения, сия похвальная заботливость о русской литературе, сия великодушная снисходительность к сотрудникам тронули и обрадовали нас чрезвычайно. Приятно было бы нам приветствовать первые труды, первые успехи знаменитого редактора *Вестника Европы*. Его глубокие знания (думали мы), столь известные нам по слуху, дадут плод во время свое (в нынешнем 1829 году). Светильник исторической его критики озарит вышепомянутые тундры области бытописаний, а законы словесности, умолкшие при звуках журнальной полемики, заговорят устами ученого редактора. Он не ограничит своих глубокомысленных исследований замечаниями о заглавном листе *Истории Государства Российского*, или даже рассуждениями о *куньих мордках*, но верным взором обнимет наконец творение Карамзина, оценит истину его разысканий, укажет источники новых соображений, дополнит недосказанное. В критиках собственно-литературных мы не будем слышать то брюзгливого ворчанья какого-нибудь старого педанта, то непристойных криков пьяного семинариста. Критики г. Каченовского должны будут иметь решительное влияние на словесность. Молодые писатели не будут ими забавляться, как пошлыми шуточками журнального гаера. Писатели известные не будут ими прези-

[1] Возможен ли такой гнев в душах ученых мужей!
[2] Без гнева и пристрастия.

lib.pushkinskijdom.ru

рать, ибо услышат окончательный суд своим произведениям, оцененным ученостью, вкусом и хладнокровием.

Можем смело сказать, что мы ни единой минуты не усомнились в исполнении планов г. Каченовского, изложенных поэтическим слогом в газетном объявлении о подписке на *Вестник Европы*. Но г. Полевой, долгое время наблюдавший литературное поведение своих товарищей-журналистов, худо поверил новым обещаниям *Вестника*. Не ограничиваясь безмолвными сомнениями, он напечатал в 20-й книжке *Московского Телеграфа* прошедшего года статью, в которой сильно напал он на почтенного редактора *Вестника Европы*. Дав заметить неприличие некоторых выражений, употребленных, вероятно, неумышленно г. Каченовским, он говорит:

«Если бы он *(Вестник Европы)*, старец по летам, признался в незнании своем, принялся за дело скромно, поучился, бросил свои смешные предрассудки, заговорил голосом беспристрастия, мы все охотно уважили бы его сознание в слабости, желание учиться и познавать истину, все охотно стали бы слушать его».

Странные требования! В летах *Вестника Европы* уже не учатся и не бросают предрассудков закоренелых. Скромность, украшение седин, не есть необходимость литературная; а если сознания, требуемые г. Полевым, и заслуживают какое-нибудь уважение, то можно ли нам оные слушать из уст почтенного старца без болезненного чувства стыда и сострадания?

«Но *что* сделал до сих пор издатель *Вестника Европы?*» продолжает Полевой. «Где *его* права, и на какой возделанной *его трудами* земле он водрузит свои знамена: где, за каким океаном эта обетованная земля? Юноши, обогнавшие издателя *Вестника Европы*, не виноваты, что они шли вперед, когда издатель *Вестника Европы* засел на одном месте и неподвижно просидел более 20 лет. Дивиться ли, что теперь *Вестнику Европы* видятся чудные распри, грезятся кимвалы бряцающие и медь звенящая?»

На сие ответствуем:

Если г. Каченовский, не написав ни одной книги, достойной некоторого внимания, не напечатав втечение 26 лет ни одной замечательной статьи, снискал однако ж себе бессмертную славу, то чего же должно нам ожидать от него, когда наконец он примется за дело не на шутку? Г. Каченовский просидел 26 лет на одном месте, — согласен: но как могли юноши обогнать его, если он ни за чем и не гнался? Г. Каченовский ошибочно судил о музыке Верстовского: но разве он музыкант? Г. Каченовский перевел *Терезу и Фальдони:* что за беда?

Доселе казалось нам, что г. Полевой неправ, ибо обнаруживается какое-то пристрастие в замечаниях, которые с первого взгляда являются довольно основательными. Мы ожидали от г. Каченовского возражений неоспоримых или благородного молчания, каковым некоторые известные писатели всегда отвечествовали на неприличные и пристрастные выходки некоторых

lib.pushkinskijdom.ru

журналистов. Но сколь изумились мы, прочитав в 24 номере *Вестника Европы* следующее примечание редактора к статье своего почтенного сотрудника, г. Надоумки (одного из великих писателей, приносящих истинную честь и своему веку и журналу, в коем они участвуют).

«Здесь приличным считаю объявить, что препираться с Бенигною я не имею охоты, отказавшись навсегда от бесплодной полемики, а теперь не имею на то и права, предприняв другие меры к охранению своей личности от игривого произвола сего Бенигны и всех прочих. Я даже не читал бы статьи Телеграфической, если б не был увлечен следствиями неблагонамеренности, прикосновенными к чести службы и к достоинству места, при котором имею счастье продолжать оную. *Рдр*».

Сие загадочное примечание привело нас в большое беспокойство. Какие *меры к охранению своей личности от игривого произвола г. Бенигны* предпринял почтенный редактор? что значит *игривый произвол г. Бенигны*? что такое: *был увлечен следствиями неблагонамеренности, прикосновенными к чести службы и достоинству места*? (Впрочем смысл последней фразы доныне остается темен, как в логическом, так и в грамматическом отношении).

Многочисленные почитатели *Вестника Европы* затрепетали, прочитав сии мрачные, грозные, беспорядочные строки. Не смели вообразить, на что́ могло решиться рыцарское негодование Михаила Трофімовича. К счастью, скоро все объяснилось.

Оскорбленный, как издатель *Вестника Европы*, г. Каченовский решился требовать защиты законов, как ординарный профессор, статский советник и кавалер, и явился в цензурный комитет с жалобою на цензора, пропустившего статью г. Полевого.

Успокоясь на счет ужасного смысла вышепомянутого примечания, мы сожалели о бесполезном действии почтенного редактора. Все предвидели последствия оного. В статье г. Полевого личная честь г. Каченовского не была оскорблена. Говоря с неуважением о его занятиях литературных, издатель *Московского Телеграфа* не упомянул ни о его службе, ни о тайнах домашней жизни, ни о качествах его души.

Новое лицо выступило на сцену: цензор С. Н. Глинка явился ответчиком. Пылкость и неустрашимость его духа обнаружились в его речах, письмах и деловых записках. Он увлек сердце красноречием сердца и, вопреки чувству уважения и преданности, глубоко питаемому нами к почтенному профессору, мы желали победы храброму его противнику, ибо польза просвещения и словесности требует степени свободы, которая нам дарована мудрым и благодетельным Уставом. В. В. Измайлов, которому отечественная словесность уже многим обязана, снискал себе новое право на общую благодарность свободным изъяснением мнения столь же умеренного, как и справедливого.

Между тем, ожесточенный издатель *Московского Телеграфа* напечатал другую статью, в коей дерзновенно подтвердил и

lib.pushkinskijdom.ru

оправдал первые свои показания. Вся литературная жизнь г. Каченовского была разобрана по годам, все занятия оценены, все простодушные обмолвки выведены на позор. Г. Полевой доказал, что почтенный редактор пользуется славою ученого мужа, так сказать, на честное слово; а доныне, кроме переводов с переводов и кой-каких заимствованных кое-где статеек, ничего не произвел. Скудость, более достойная сожаления, нежели укоризны! Но что всего важнее, г. Полевой доказал, что Міхаил Трофімович несколько раз дозволял себе личности в своих критических статейках, что он упрекал издателя *Телеграфа* винным его заводом (пятном ужасным, как известно всему нашему дворянству!), что он неоднократно с упреком повторял г. Полевому, что сей последний купец (другое, столь же ужасное обвинение!), и все сие в непристойных, оскорбительных выражениях. Тут уже мы приняли совершенно сторону г. Полевого. Никто, более нашего, не уважает истинного, родового дворянства, коего существование столь важно в смысле государственном, но в мирной республике наук, какое нам дело до гербов и пыльных грамот? Потомок Трувора или Гостомысла, трудолюбивый профессор, честный аудитор и странствующий купец, равны пред законами критики. Князь Вяземский уже дал однажды заметить неприличность сих аристократических выходок; но не худо повторять полезные истины.

Однако ж, таково действие долговременного уважения! И тут мы укоряли г. Полевого в запальчивости и неумеренности. Мы с умилением взирали на почтенного старца, расстроенного до такой степени, что для поддержания ученой своей славы принужден он был обратиться к русскому букварю и преобразовать оный удивительным образом. Утешительно для нас, по крайней мере, то, что сведения Міхаила Трофімовича в греческой азбуке отныне не подлежат уже никакому сомнению.

С нетерпением ожидали мы развязки дела. Наконец решение главного управления цензуры водворило спокойствие в области словесности и прекратило распрю миром, равно выгодным для победителей и побежденных....

<Северные Цветы на 1830 год>

[РОМЕО И ДЖЮЛЬЕТА, ШЕКСПИРА].

Многие из трагедий, приписываемых Шекспиру, ему не принадлежат, а только им поправлены. Трагедия: *Ромео и Джюльета*, хотя слогом своим и совершенно отделяется от известных его приемов, но она так явно входит в его драматическую систему и носит на себе так много следов вольной и широкой его кисти, что ее должно почесть сочинением Шекспира. В ней отразилась Италия, современная поэту, с ее климатом, страстями, праздниками, негой, сонетами, с ее роскошным языком, исполненным блеска и concetti. [1] Так понял Шекспир драматическую

[1] Кончетти — с блеском выраженные тонкие мысли.

lib.pushkinskijdom.ru

местность. После Джюльеты, после Ромео, сих двух очаровательных созданий шекспировской грации, Меркутио, образец молодого кавалера того времени, изысканный, привязчивый, благородный Меркутио есть замечательнейшее лицо изо всей трагедии. Поэт избрал его в представители итальянцев, бывших модным народом Европы, французами XVI века.

<Северные Цветы на 1830 год[1]>

СТАТЬИ И ЗАМЕТКИ ИЗ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ» 1830 г.

1. Из отдела «Библиография».

ИЛИАДА ГОМЕРОВА.

переведенная Н. Гнедичем, членом Императорской Российской Академии и пр. — 2 ч. С. П. б., в типографии Императорской Российской Академии, 1829 (в 1-й ч. XV — 354, во 2-й — 362 стр. в боль. 4-ю д. л.).

Наконец вышел в свет так давно и так нетерпеливо ожиданный перевод Илиады! Когда писатели, избалованные минутными успехами, большею частью устремились на блестящие безделки; когда талант чуждается труда, а мода пренебрегает образцами величавой древности, когда поэзия не есть благоговейное служение, но токмо легкомысленное занятие: с чувством глубоким уважения и благодарности взираем на поэта, посвятившего гордо лучшие годы жизни исключительному труду, бескорыстным вдохновениям и совершению единого, высокого подвига. Русская Илиада перед нами. Приступаем к ее изучению, дабы со временем отдать отчет нашим читателям о книге, долженствующей иметь столь важное влияние на отечественную словесность.

ДЕННИЦА.

Альманах на 1830 год, изданный М. Максимовичем. — М. в Универс. типограф. 1830. XXXIV — 256 стр., в 16-ю д. л., с гравир. заглав. листком.[2]

В сем альманахе встречаем имена известнейших из наших писателей, также стихотворения нескольких дам: украшение неожиданное, приятная новость в нашей литературе.

Но замечательнейшая статья сего альманаха, статья, заслуживающая более, нежели беглый взгляд рассеянного читателя, есть *Обозрение Русской Словесности 1829 года*, сочинение г-на Киреевского. Автор принадлежит к молодой школе московских литераторов, школе, которая основалась под влиянием новейшей

[1] Примечание к сцене из трагедии Шекспира «Ромео и Юлия» с указанием вслед за текстом «Извлечено из рукописного сочинения А. С. Пушкина».

[2] Продается у А. Ф. Смирдина. Цена 10 р.

lib.pushkinskijdom.ru

немецкой философии и которая уже произвела Шевырева, заслужившего одобрительное внимание великого Гете, и Д. Веневитинова, так рано оплаканного друзьями всего прекрасного. Несколько критических статей г. Киреевского были напечатаны в *Московском Вестнике* и обратили на себя внимание малого числа истинных ценителей дарования. Вероятно, *Обзор* г. Киреевского сделает большое впечатление не потому, что мысли в нем зрелее (что, впрочем, неоспоримо, несмотря на слишком систематическое умонаправление автора), но потому только, что некоторые из его мнений выражены резко и неожиданно.

Г. Киреевский, ставя успехи гражданственности выше славы воинских подвигов, в начале статьи своей признает издание нового Цензурного Устава «важнейшим событием для блага России втечение многих лет и важнее наших блистательных побед за Дунаем и Араратом, важнее взятия Арзерума и той славной тени, которую бросили русские знамена на стены царьградские». Он приписывает сему Уставу уже заметное движение в текущей словесности прошедшего года. «Наши журналы заимствовали более из журналов иностранных; переводы, хотя по большей части дурные, передавали нам более следов умственной жизни наших соседей, и от того вся литература наша неприметно приближалась более к жизни обще-европейской. Самые перебранки наших журналов, их неприличные критики, их дикий тон, их странные личности, их вежливости *негородские*, — все это было похоже на нестройные движения распеленутого ребенка: движения, необходимые для развития силы, для будущей красоты и здоровья».

Сначала, рассматривая характер словесности XIX-го столетия, г. Киреевский говорит о тех писателях, кои, по его мнению, определили дух нашей литературы; но прежде посвящает красноречивую страницу памяти того, *кто подвинул на полвека образованность* нашего народа, кто всю жизнь употребил во благо отечества, кому и сам Карамзин обязан, может быть, своею первою образованностию. Он умер недавно (говорит г. Киреевский), почти всеми забытый, близ той Москвы, которая была свидетельницею и средоточием его блестящей деятельности. Имя его едва известно теперь большей части наших современников, и если бы Карамзин не говорил об нем, то, может быть, многие, читая эту статью, в первый раз услышали бы о делах Новикова и его товарищей и усомнились бы в достоверности столь близких к нам событий. Память об нем почти исчезла; участники его трудов разошлись, утонули в темных заботах частной деятельности; многих уже нет; но дело, ими совершенное, осталось: оно живет, оно приносит плоды и ждет благодарности потомства.

«Новиков не распространил, а создал у нас любовь к наукам и охоту к чтению. Прежде него, по свидетельству Карамзина, были в Москве две книжные лавки, продававшие ежегодно на 10 тысяч рублей; через несколько лет их было уже 20, и книг продавалось на 200.000. Кроме того, Новиков завел книжные

lib.pushkinskijdom.ru

лавки в других и в самых отдаленных городах России; распускал почти даром те сочинения, которые почитал особенно важными; заставлял переводить книги полезные, повсюду распространял участников своей деятельности, и скоро не только вся Европейская Россия, но и Сибирь начала читать. Тогда отечество наше было, хотя не надолго, свидетелем события, почти единственного в летописях нашего просвещения: рождения *общего мнения*».

Признав филантропическое влияние Карамзина за характер первой эпохи литературы XIX-го столетия, идеализм Жуковского за средоточие второй и Пушкина, поэта действительности, за представителя третьей, автор приступает к обозрению словесности прошлого года.

«XII том *Истории Российского Государства*, последний плод трудов великих, последний подвиг жизни полезной, священной для каждого русского, кажется, еще превзошел прежние силою красноречия, обширностью объема, верностью изображений, ясностью, стройностью картин и этим ровным блеском, этою чистотою, твердостью бриллиантовою карамзинского слога. Вообще достоинство его *Истории* растет вместе с жизнию протекших времен. Чем ближе к настоящему, тем полнее раскрывается перед нами судьба нашего отечества; чем сложнее картина событий, тем она стройнее отражается в зеркале его воображения, в этой чистой совести нашего народа».

В число исторических сочинений г. Киреевский включает и поэму *Полтаву*. «В самом деле», говорит он, «из двадцати критик, вышедших на эту поэму, более половины рассуждало о том, действительно ли согласны с историей описанные в ней лица и происшествия. — Критики не могли сделать большей похвалы Пушкину». Признавая в сей поэме большую зрелость таланта, он осуждает в ней недостаток единства интереса, «*единственного из всех единств, коего несоблюдение не прощается законами либеральной пиитики*». Этим изъясняет он малый успех, который имела последняя и едва ли не лучшая из поэм А. Пушкина.

«Жуковский», продолжает автор, «напечатал в прошедшем году свое *Море*, *Песнь победителей*, из Шиллера, и связанные отрывки из *Илиады*. Здесь в первый раз увидели мы в Гомере такое качество, которого не находили в других переводах: что у других напыщенно и низко, то здесь просто и благородно; что у других бездушно и вяло, здесь сильно, мужественно и трогательно; здесь все тепло, все возвышенно, каждое слово от души. Может быть это-то и ошибка, если прекрасное может быть ошибкою». — Автор имел в виду Кострова; в прошлом году мы не гордились еще *Илиадою* Гнедича.

«*Море* Жуковского живо напоминает всю прежнюю его поэзию. Те же звуки, то же чувство, та же особенность, та же прелесть. Кажется, все струны прежней его лиры отозвались здесь в одном душевном звуке. Есть однако отличие: что-то больше задумчивое, нежели в прежней его поэзии».

lib.pushkinskijdom.ru

Из молодых поэтов немецкой школы г. Киреевский упоминает о Шевыреве, Хомякове и Тютчеве. Истинный талант двух первых неоспорим. Но Хомяков написал *Ермака*, и сия трагедия уже заслуживает особенной критической статьи.

Глубокое чувство умиления внушило молодому критику несколько трогательных строк. Он говорит о своем друге, о *лучшем из избранных*, о покойном Веневитинове.

«Веневитинов создан был действовать сильно на просвещение своего отечества, быть украшением его поэзии и, может быть, создателем его философии. Кто вдумается с любовью в сочинения Веневитинова (ибо одна любовь дает нам полное разумение), кто в этих разорванных отрывках найдет следы общего им происхождения, единственно одушевлявшего их существа, кто постигнет глубину его мыслей, связанных стройною жизнью души поэтической, — тот узнает философа, проникнутого откровением своего века; тот узнает поэта глубокого, самобытного, которого каждое чувство освещено мыслью, каждая мысль согрета сердцем; которого мечта не украшается искусством, но сама собою родится прекрасная; которого лучшая песнь — есть собственное бытие, свободное развитие его полной, гармонической души. Ибо щедро природа наделила его своими дарами и их разнообразие согласила равновесием. Оттого все прекрасное было ему родное; оттого в познании самого себя находил он решение всех тайн искусства, и в собственной душе прочел начертание высших законов, и созерцал красоту создания. Оттого природа была ему доступною для ума и для сердца, он мог

В ее таинственную грудь
Как в сердце друга, заглянуть.

«Созвучие ума и сердца было отличительным характером его духа, и самая фантазия его была более музыкою мыслей и чувств, нежели игрою воображения. Это доказывает, что он был рожден еще более для философии, нежели для поэзии. Прозаические сочинения его, которые печатаются и скоро выйдут в свет, еще подтвердят все сказанное нами».

Тут критик сильно и остроумно доказывает преимущественную пользу немецких философов на тех из наших писателей, которые, не отличаясь личным дарованием, тем яснее показывают достоинство чужого или приобретенного. «Здесь господствуют два рода литераторов: одни следуют направлению французскому, другие немецкому. Что встречаем мы в сочинениях первых? *Мыслей* мы не встречаем у них (ибо мысли, собственно французские, уже стары, следовательно не мысли, а общие места: сами французы заимствуют их у немцев и англичан). Но мы находим у них *игру слов*, редко, весьма редко, и то случайно соединенную с остроумием, и *шутки*, почти всегда лишенные вкуса, часто лишенные всякого смысла. И может ли быть иначе? — Остроумие и вкус воспитываются только в кругу лучшего общества; а многие ли из наших писателей имеют счастье принадлежать к нему?

lib.pushkinskijdom.ru

«Напротив того в произведениях литераторов, которые напитаны чтением немецких умствователей, почти всегда найдем мы что-нибудь достойное уважения, хотя тень мысли, хотя стремление к этой тени».

В князе Вяземском г. Киреевский видит доказательство, что истинный талант блестит везде, во всяком направлении, под всяким влиянием. «Однако ж», говорит автор, «и князь Вяземский, несмотря на все свои дарования, несмотря на то, что мы можем назвать его остроумнейшим из наших писателей, еще выше там, где, как в *унынии*, голос сердца слышнее ума».

Автор не соглашается с мнением людей, утверждающих, что французское направление господствует также и в произведениях Баратынского. Он видит в нем поэта самобытного, *своеобразного*. «*Чтобы дослышать все оттенки лиры* Баратынского, надобно иметь и тоньше слух, и больше внимания, нежели для других поэтов. Чем более читаем его, тем более открываем в нем нового, незамеченного с первого взгляда, — верный признак поэзии сомкнутой в собственном бытии, но доступной не для всякого. Даже в художественном отношении, многие ли способны оценить вполне достоинство его стихов, эту мерность изящную, эту благородную *щеголеватость?* — Но если бы идеал лучшего общества явился вдруг в какой-нибудь неизвестной нам столице, то в его избранном кругу не знали бы другого языка».

Автор справедливо ставит *Эду*, одно из самых оригинальных произведений элегической поэзии, выше *Бального вечера*, поэмы, более блестящей, но менее изящной, менее трогательной, менее вольно и глубоко вдохновенной. Определяя характер поэзии барона Дельвига, критик говорит: «Всякое подражание по системе должно быть холодно и бездушно. Только подражание из любви может быть поэтическим и даже творческим. Но в последнем случае можем ли мы совершенно забыть самих себя? и не от того ли мы и любим образец наш, что находим в нем черты, соответствующие требованиям нашего духа? — Вот отчего новейшие всегда остаются новейшими во всех удачных подражаниях древним; скажу более: нет ни одного истинно-изящного перевода древних классиков, где бы не легли следы такого состояния души, которого не знали наши праотцы по уму. Чувство религиозное, коим мы обязаны христианству; романическая любовь, подарок арабов и варваров; уныние, дитя севера и зависимости; всякого рода фанатизм, необходимый плод борьбы вековых неустройств Европы с порывами к улучшению; наконец перевес мысленности над чувствами и оттуда стремление к единству и сосредоточению,...» и пр.

Рассуждая о некоторых произведениях драматической музы нашей, автор с такой веселостью изображает состояние сцены, что мы, не разделяя вполне его мнения, не можем однако ж не выписать сего оригинального места.

«Вообще наш театр представляет странное противоречие с самим собою: почти весь репертуар наших комедий состоит из

lib.pushkinskijdom.ru

подражаний французам, и, несмотря на то, именно те качества, которые отличают комедию французскую ото всех других: вкус, приличность, остроумие, чистота языка и все, что принадлежит к необходимостям хорошего общества,—все это совершенно чуждо нашему театру. Наша сцена, вместо того, чтобы быть зеркалом нашей жизни, служит увеличительным зеркалом для одних лакейских наших, далее которых не проникает наша комическая муза. В лакейской она *дома*, там ее гостиная, и кабинет, и уборная; там проводит она весь день, когда не ездит на запятках делать визиты музам соседних государств, и чтобы русскую Талию изобразить похоже, надобно представить ее в ливрее и в сапогах.

«Таков общий характер наших оригинальных комедий, еще неизмененный немногими, редкими исключениями. Причина этого характера заключается отчасти в том, что от Фонвизина до Грибоедова [1] мы не имели ни одного истинного комического таланта, а известно, что необыкновенный человек, как необыкновенная мысль, всегда дают одностороннее направление уму; что перевес силы уравновешивается только другою силою; что вред гения исправляется явлением другого, противодействующего.

«Между тем можно бы заметить нашим комическим писателям, что они поступают нерасчетливо, избирая *такое* направление. За простым народом им не угнаться, и как ни низок язык их, как ни богаты неприличностями их удалые шутки, как ни грубы их фарсы, которым хохочет раёк; но они никогда не достигнут до своего настоящего идеала, и все комедии их — любой извозчик убьет одним словом».

Исчисляя переводы, явившиеся в течение 1829 года, автор замечает, что шесть иностранных поэтов разделяют преимущественно любовь наших литераторов: Гете, Шиллер, Шекспир, Байрон, Мур и Мицкевич.

Пропустив некоторые сочинения, более или менее замечательные, но не входящие в область чистой литературы, автор обращается к сочинениям в роде повествовательном. Прошлый год богат был оными: но *Иван Выжигин*, бесспорно, более всех достоин был внимания по своему чрезвычайному успеху. Два издания разошлись менее чем в один год; третье готовится. Г. Киреевский произносит ему строгий и резкий приговор, [2] не изъясняя однако ж удовлетворительно неимоверного успеха нравственно-сатирического романа г. Булгарина.

«Замечательно», говорит г. Киреевский, «что в прошедшем году вышло около 100.000 экземпляров азбуки русской, около 60.000 азбуки славянской, 60.000 экземпляров катехизиса, около 15.000 азбуки французской, и вообще учебные книги расходились в этом году почти целою третью более, нежели в прежнем. Вот что нам нужно, чего недостает нам, чего по справедливости требует публика».

[1] Кажется, автор выразился ошибочно. Не хотел ли он сказать: *кроме Фонвизина и Грибоедова?*

[2] См. Денница, Обозрение Русской Словесности, стр. LXXII.

lib.pushkinskijdom.ru

Спешим окончить сие слишком уже пространное изложение. Г. Киреевский, вкратце упомянув о журналах, о духе их полемики, об альманахах, о переводах некоторых известных сочинений, заключает свою статью следующим печальным размышлением: «Но если мы будем рассматривать нашу словесность в отношении к словесностям других государств, если просвещенный европеец, развернув перед нами все умственные сокровища своей страны, спросит нас: «Где литература ваша? Какими произведениями можете вы гордиться перед Европою?» — Что будем отвечать ему? —

«Мы укажем ему на *Историю Российского Государства;* мы представим ему несколько од Державина, несколько стихотворений Жуковского и Пушкина, несколько басен Крылова, несколько сцен из Фонвизина и Грибоедова, и—где еще найдем мы произведение достоинства европейского?

«Будем беспристрастны и сознаемся, что у нас еще нет полного отражения умственной жизни народа, у нас еще нет литературы. Но утешимся: у нас есть благо, залог всех других: у нас есть надежда и мысль о великом назначении нашего отечества!»

Мы улыбнулись, прочитав сей меланхолический эпилог Но заметим г-ну Киреевскому, что там, где двадцатитрехлетний критик мог написать столь занимательное, столь красноречивое *Обозрение Словесности,* там есть словесность — и время зрелости оной уже недалеко.

ЮРИЙ МИЛОСЛАВСКИЙ, ИЛИ РУССКИЕ В 1612 ГОДУ.

Соч. М. Н. Загоскина. — М. в типогр. Н. Степанова, 1829. — 3 части, с виньетками на заглавных листах (в I-й части 255, во II-й части 166, в III-й 263 стр. в 12 д. л.).

В наше время под словом *роман* разумеем историческую эпоху, развитую в вымышленном повествовании. Вальтер Скотт увлек за собою целую толпу подражателей. Но как они все далеки от шотландского чародея!.. подобно ученику Агриппы, они, вызвав демона старины, не умели им управлять и сделались жертвами своей дерзости. В век, в который хотят они перенести читателя, перебираются они сами с тяжелым запасом домашних привычек, предрассудков и дневных впечатлений. Под *беретом,* осененным перьями, узнаете вы голову, причесанную вашим парикмахером; сквозь кружевную фразу à la Henri IV [1] проглядывает накрахмаленный галстух нынешнего dandy. [2] Готические героини воспитаны у Madame Campan, а государственные люди XVI-го столетия читают Times и Journal des débats. Сколько несообразностей, ненужных мелочей, важных упущений! сколько изысканности! а сверх всего, как мало жизни! Однако ж сии бледные произведения читаются в Европе. Потому ли, что люди,

[1] В стиле Генриха IV.
[2] Щеголя.

lib.pushkinskijdom.ru

как утверждала Madame de Stael, знают только историю своего времени и, следственно, не в состоянии заметить нелепости романических анахронизмов? потому ли, что изображение старины, даже слабое и неверное, имеет неизъяснимую прелесть для воображения, притупленного однообразной пестротою настоящего, ежедневного?

Спешим заметить, что упреки сии вовсе не касаются *Юрия Милославского*. Г. Загоскин точно переносит нас в 1612 год. Добрый наш народ, бояре, казаки, монахи, буйные шиши — все это угадано, все это действует, чувствует, как должно было действовать, чувствовать в смутные времена Минина и Авраамия Палицына. Как живы, как занимательны сцены старинной русской жизни! сколько истины и добродушной веселости в изображении характеров Кирши, Алексея Бурнаша, Федьки Хомяка, пана Копычинского, батьки Еремея! Романическое происшествие без насилия входит в раму обширнейшую, происшествия исторического. Автор не спешит своим рассказом, останавливается на подробностях, заглядывает и в сторону, но никогда не утомляет внимания читателя. Разговор (живой, драматический везде, где он простонароден) обличает мастера своего дела. Но неоспоримое дарование г. Загоскина заметно изменяет ему, когда он приближается к лицам историческим. Речь Минина на нижегородской площади слаба: в ней нет порывов народного красноречия. Боярская дума изображена холодно. Можно заметить два-три легких анахронизма и некоторые погрешности противу языка и *костюма*. Например, новейшее выражение: *столбовой дворянин* употреблено в смысле человека знатного рода (*мужа честна*, как говорят летописцы); *охотиться*, вместо: *ездить на охоту; пользовать*, вместо *лечить*. Эти два последние выражения не простонародные, как, видно, полагает автор, но просто принадлежат языку дурного общества. *Быть в ответе*, значило в старину: *быть в посольстве*. Некоторые пословицы употреблены автором не в их первобытном смысле: *из сказки слова не выкинешь*, вместо *из песни*. В песне слова составляют стих, и *слова не выкинешь*, не испортив *склада;* сказка — дело другое. Но сии мелкие погрешности и другие, замеченные в I-м номере *Московского Вестника* нынешнего года,[1] не могут повредить блистательному, вполне заслуженному успеху *Юрия Милославского*.

---

[1] *Московский Вестник* будет издаваться в нынешнем году в том виде, в каком издавался он в 1827 и 1828. Сей журнал почти постоянно отличается статьями любопытными, дельными критиками и благонамеренностию. Прежние сотрудники продолжают участвовать в сем издании.

lib.pushkinskijdom.ru

КАРЕЛИЯ, ИЛИ ЗАТОЧЕНИЕ МАРФЫ ИОАННОВНЫ РОМАНОВОЙ.

Описательное стихотворение в четырех частях Федора Глинки— СПБ, в типографии Х. Гинце, 1830. (VIII—112 стр. в 8-ю д. л. [1]).

Изо всех наших поэтов Ф. Н. Глинка, может быть, самый оригинальный. Он не исповедует ни древнего, ни французского классицизма, он не следует ни готическому, ни новейшему романтизму; слог его не напоминает ни величавой плавности Ломоносова, ни яркой и неровной живописи Державина, ни гармонической точности, отличительной черты школы, основанной Жуковским и Батюшковым. Вы столь же легко угадаете Глинку в элегическом его псалме, как узнаете князя Вяземского в станцах метафизических или Крылова в сатирической притче. Небрежность рифм и слога, обороты то смелые, то прозаические, простота, соединенная с изысканностию, какая-то вялость и в то же время энергическая пылкость, поэтическое добродушие, теплота чувств, однообразие мыслей и свежесть живописи, иногда мелочной, — все дает особенную печать его произведениям. Поэма *Карелия* служит подкреплением сего мнения. В ней, как в зеркале, видны достоинства и недостатки нашего поэта. Мы верно угодим нашим читателям, выписав несколько отрывков, вместо всякого критического разбора [2].

(Монах рассказывает Марфе Иоанновне о прибытии своем в Карелию).

«В страну сию пришел я летом.
Тогда был небывалый жар,
И было дымом все одето:
В лесах свирепствовал пожар,
В Кариоландии горело!..
От блеска не было ночей,
И солнце грустно без лучей,
Как раскаленный уголь, тлело!
Огонь пылал, ходил стеной,
По ветвям бегал, развивался,
Как длинный стяг перед войной;
И страшный вид передавался
Озер пустынных зеркалам....
От знойной смерти убегали
И зверь, и вод жильцы, и нам
Тогда казалось, уж настали
Кончина мира. гибель дней,
Давно на Патмосе в виденьи,
Предсказанные. Все в томленьи
Снедалось жадностью огней,
Порывом вихрей разнесенных;
И глыбы камней раскаленных
Трещали. — Этот блеск, сей жар
И вид дымящегося мира
Мне вспомянули песнь Омира:
В его стихах *лесной пожар.*
Но осень нам дала и тучи,
И ток гасительных дождей;
И нивой пепел стал зыбучий,
И жатвой радовал людей.....

«Дика Карелия, дика!
Надутый парус челнока
Меня промчал по сим озерам;
Я проходил по сим хребтам,
Зеленым дебрям и пещерам:
Везде пустыня; здесь и там
От Саломейского пролива
К семье Сюйсарских островов,
До речки. с жемчугом игривой [3],
До дальних северных лесов,
Нигде ни городов, ни башень

[1] Продается у издателя, книгопродавца Ив. Вас. Непейцына в д. Г. М. Балабина, под № 26-м. Цена экз 6 р., с пересылкою 7 р.

[2] В № 6-м *Литературной Газеты* было вкратце изложено содержание сей поэмы. — Издатель, г. Непейцын, заслуживает всякую похвалу за старательное и отлично-красивое издание оной

[3] В речке Повенчанке находят жемчуг, иногда довольно скатистый и крупный.

lib.pushkinskijdom.ru

Пловец унылый не видал,
Лишь изредка отрывки пашен
Висят на тощих ребрах скал;
И мертво все... пока шелойник
В Онегу, с свистом, сквозь леса
И нагло к челнам, как разбойник
И рвет на соймах паруса,
Под скрипом набережных сосен. —
Но живописна ваша осень
Страны Карелии пустой:
С своей палитры, дивной кистью,
Незъяснимой пестротой
Она златит, малюет листья:
Янтарь, и яхонт, и рубин
Горят на сих древесных купах,
И кудри алые рябин
Висят на мраморных уступах.
И вот, меж каменных громад,
Порой, я слышу шорох стад,
Бродящих лесовой тропою,
И под рогатой головою
Привески звонкие брянчат....

«Край этот мне казался дик:
Малы, рассеяны в нем селы,
Но сладок у лесной Карелы
Ее бесписьменный язык.
Казалось, я переселился
В края Авзонии опять:
И мне хотелось повторять
Их речь: в ней слух мой веселился
Игрою звонкой буквы Л.
Еще одним я был обманут:
Вдали, для глаз, повсюду ель
Да сосна, и под ней протянут
Нагих и серых камней ряд.
Тут, думал я, одни морозы,
Гнездо зимы. Иду... Вдруг... розы!
Все розы весело глядят!
И север позабыл я снова.
Как девы милые, в семье,
Обсядут старика седова,
Так розы в этой стороне,
Собравшись рощей молодою,
Живут с громадою седою.

«Сии места я осмотрел
И поражен был. Тут сбывалось
Великое!.. Но кто б умел,
Кто б мог сказать, когда то стало
Везде приметы и следы
И вид премены чрезвычайной
От ниспадения воды —
С каких высот? осталось тайной..
Но север некогда питал,
За твердью некоей плотины,
Запасы вод; доколь настал
Преображенья час! — И длинный
Кипучий, грозный, мощный вал
Сразился с древними горами;
Наземный череп растерзал
И стали щели — озерами.
Их общий всем, продольный вид
Внушал мне это заключенье.
Но ток, сорвавшись, все кипит,
Забыв былое заточенье,
Бежит и сыплет валуны
И стал. Из страшного набега
Явилась — зеркало страны —
Новорожденная Онега!

«Здесь поздно настает весна;
Глубоких долов, меж горами,
Карела дикая полна:
Там долго снег лежит буграми
И долго лед над озерами
Упрямо жмется к берегам
Уж часто видят, по лугам
Цветок синеется подснежный,
И мох цветистый оживет
Над трещиной скалы прибрежной;
А серый безобразный лед
(Когда глядим на даль с высот)
Большими пятнами темнеет
И от озер студеным веет...
И жизнь молчит, и по горам
Бедна карельская береза;
И в самом мае, по утрам,
Блистает серебро мороза...
Мертвеет долго все.... Но вдруг
Проснулось здесь и там движенье,
Дохнул какой-то теплый дух
И вмиг свершилось возрожденье:
Помчались лебедей полки
К приютам ведомым влекомых;
Снуют по соснам пауки;
И тучи, тучи насекомых
В веселом воздухе жужжат.
Взлетает жаворонок высоко,
И от черемух аромат
Льется долго и далеко....
И в тайне диких сих лесов
Живут малиновки семьями:
В тиши безтенных вечеров
Луга и бор и дичь бугров
Полны кругом их голосами,
Поют... поют... поют они
И только с утром замолкают:
Знать, в песне высказать желают,
Что в теплой видели стране,
Где часто провождали зимы;
Или предчувствием томимы,
Что скоро, из лесов густых,
Дохнет, как смерть, неотвратимый,
От беломорских стран пустых,
Губитель роскоши и цвета:
Он вмиг, как недуг, все сожмет,
И часто, в самой неге лета,
Природа смолкнет и замрет!

«По Суне плыли наши челны,
Под нами сталась небеса
И опрокинулися в волны
Уединенные леса.
Спокойно все на влаге светлой,
Была окрестность в тишине

lib.pushkinskijdom.ru

И ясно на глубоком дне,
Песок виднелся разноцветной.
И, за грядою серых скал,
Прибрежных нив желтело злато
И с сенокосов ароматом
Я в летней роскоши дышал.
Но что шумит?.... В пустыне шопот
Растет, растет, звучит, и вдруг —
Как будто конной рати топот,
Дивит и ужасает слух!
Гул, стук! — Знать где-то строят грады;
Свистит, визг! — Знать целый лес пилят!
Кружатся, блещут звезд громады,
И вихри влажные летят
Холодной, стекловидной пыли:
«Кивач!.. Кивач!... Ответствуй ты ли?..»
И выслал бурю он в ответ!....
Кипя над четырьмя скалами,
Он, с незапамятных нам лет,
Могучий исполин, валами
Катит жемчуг и серебро;
Когда ж в хрустальное ребро
Пронзится горними лучами,
Чудесной радуги цветы
Его опутают, как ленты;
Его зубристые хребты
Блестят — пустыни монументы.
Таков Кивач, таков он днем!
Но, под зарею летней ночи,
Вдвойне любуются им очи:
Как будто хочет небо в нем
На тысячи небес дробиться,
Чтоб после снова целым слиться
Внизу, на зеркале реки....
Тут буду я! Тут жизнь теки!....
О, счастье жизни сей волнистой!
Где ты? — В чертоге ль богача,
В обетах роскоши нечистой,
Или в Карелии лесистой,
Под вечным шумом Кивача?....

Духи основали свое царство в пустынях *лесной Карелы*. Вот как поэт наш изображает их.

В тех горах
Живут селениями духи:
Точь в точь, как мы! В больших
Лишь треугольником их кровли;
Они охотники до ловли,
И все у них, как и у нас:
Есть чернь и титул благородных;
Суды, расправы и приказ.
Но нет балов, торговок модных,
Карет, визитов, суеты
И бестолкового круженья;
Нет мотовства и разоренья,
Так стало, нет и нищеты!
Счет, вес и мера без обмана,
И у судейского кафтана
У них не делают кармана.—
Я не могу уверить вас:

lib.pushkinskijdom.ru

Имеют ли они Парнасс,
Собранья авторов и залы
Для чтения. — «А есть журналы?
Нет-с! — Ну, и ссоры меньше та
Литературные нахалы
Не назовут по именам
И по отечествам, чтоб гласно,
Под видом критики, ругать:
То с здравым смыслом несогласно!
И где, кто б мог закон сыскать,
Который бы людей уволил
От уз приличия? И им,
Как будто должное, дозволил
По личным прихотям своим,
Порою ж и по ссоре личной,
Кричать, писать, ругать публично?
Зато уж в обществе духов —
Вон там, на тех скалах огромных
Все так приязненны! так скромны
От человеческих грехов
Подчас, им бедным очень душно!
И если станет уж и скучно
Смотреть на глупости земных,
На наши шашни и проказы,
То псов с собой четвероглазых
И в лес! И вот лесов *чесных*
Приняв образ, часто странный,
То, выше ели, великаны,
То наравне, в траве, с травой!
Проказят, резвятся, хохочут,
Зовут, обходят и морочат....
Иди к ним, с умной головой,
Начитанный теорик, — что же?
Тебе ученость не поможет:
Ты угоришь: все глушь да мрак;
А духи шепчут: «ты дурак!
Сюда, мудрец, вот омут грязный!».
Не так ли иногда приказный,
Раскинув практику свою,
Из справки в справку ходит, ходит
И часто в бестолочь заводит
И толковитого судью?.....

2. Из отдела „Смесь".

<О НЕКРОЛОГИИ ГЕНЕРАЛА ОТ КАВАЛЕРИИ Н. Н. РАЕВСКОГО>

В конце истекшего года вышла в свет *Некрология генерала от кавалерии Н. Н. Раевского,* умершего 16 сентября 1829. Сие сжатое обозрение, писанное, как нам кажется, человеком, сведущим в военном деле, отличается благородною теплотою слога и чувств. Желательно, чтобы то же перо описало пространнее подвиги и приватную жизнь героя и добродетельного человека. С удивлением заметили мы непонятное упущение со стороны неизвестного автора некролога: он не упомянул о двух отроках, приведенных отцом на поля сражений в кровавом 1812-м году!... Отечество того не забыло.

lib.pushkinskijdom.ru

<О ПЕРЕВОДЕ РОМАНА БЕНЖАМЕНА КОНСТАНА: «АДОЛЬФ».>

Князь Вяземский перевел и скоро напечатает славный роман Бенжамена Констана. *Адольф* принадлежит к числу *двух или трех романов,*

В которых отразился век,
И современный человек
Изображен довольно верно
С его безнравственной душой,
Себялюбивой и сухой,
Мечтаньям преданной безмерно,
С его озлобленным умом,
Кипящим в действии пустом [1].

Бенжамен Констан первый вывел на сцену сей характер, впоследствии обнародованный гением лорда Байрона. С нетерпением ожидаем появления сей книги. Любопытно видеть, каким образом опытное и живое перо князя Вяземского победило трудность метафизического языка, всегда стройного, светского, часто вдохновенного. В сем отношении, перевод будет истинным созданием и важным событием в истории нашей литературы.

<О ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКЕ.>

В одном из наших журналов дают заметить, что *Литературная Гавета* у нас не может существовать по весьма простой причине: *у нас нет литературы.* — Если б это было справедливо, то мы не нуждались бы и в критике; однако ж произведения нашей литературы, как ни редки, но являются, живут и умирают, не оцененные по достоинству. Критика в наших журналах или ограничивается сухими библиографическими известиями, сатирическими замечаниями, более или менее остроумными, общими дружескими похвалами, или просто превращается в домашнюю переписку издателя с сотрудниками, с корректором и проч. — «Очистите место для новой статьи моей», пишет сотрудник. «С удовольствием», отвечает издатель. И это все напечатано. Недавно в одном журнале было упомянуто *о пороxе.* «Вот уже вам будет порох!» сказано в замечании наборщика; а сам издатель возражает на сие:

«Могущему пороку — брань,
Бессильному — презренье».

Эти семейственные шутки должны иметь свой ключ и вероятно очень забавны; но для нас они покамест не имеют никакого смысла.

Скажут, что критика должна единственно заниматься произведениями, имеющими видимое достоинство; не думаю.

[1] Евгений Онегин, глава VII.

lib.pushkinskijdom.ru

Иное сочинение само по себе ничтожно, но замечательно по своему успеху или влиянию; и в сем отношении нравственные наблюдения важнее наблюдений литературных. В прошлом году напечатано несколько книг (между прочими *Иван Выжигин*), о коих критика могла бы сказать много поучительного и любопытного. Но где же они были разобраны, пояснены? Не говорим уже о живых писателях, Ломоносов, Державин, Фон-Визин ожидают еще египетского суда. Высокопарные прозвища, безусловные похвалы, пошлые восклицания уже не могут удовлетворить людей здравомыслящих. Впрочем, *Литературная Газета* была у нас необходима не столько для публики, сколько для некоторого числа писателей, немогших по разным отношениям являться под своим именем ни в одном из петербургских или московских журналов.

<О ЗАПИСКАХ САМСОНА.>

Французские журналы извещают нас о скором появлении *Записок Самсона, парижского палача.* Этого должно было ожидать. Вот до чего довела нас жажда новизны и сильных впечатлений.

После соблазнительных *Исповедей* философии XVIII века, явились политические, неменее соблазнительные, откровения. Мы не довольствовались видеть людей известных в колпаке и в шлафроке, мы захотели последовать за ними в их спальню и далее. Когда нам и это надоело, явилась толпа людей темных с позорными своими сказаниями. Но мы не остановились на бесстыдных записках Генриетты Вильсон, Казановы и Современницы. Мы кинулись на плутовские признания полицейского шпиона и на пояснения оных клейменного каторжника. Журналы наполнились выписками из Видока. Поэт Гюго не постыдился в нем искать вдохновений для романа, исполненного огня и грязи. Недоставало палача в числе новейших литераторов. Наконец и он явился, и к стыду нашему скажем, что успех его *Записок* кажется несомнительным.

Не завидуем людям, которые, основав свои расчёты на безнравственности нашего любопытства, посвятили свое перо повторению сказаний, вероятно, безграмотного Самсона. Но признаемся же и мы, живущие в веке признаний: с нетерпеливостью, хотя и с отвращением, ожидаем мы *Записок парижского палача.* Посмотрим, что есть общего между им и людьми живыми? На каком зверином реве объяснит он свои мысли? Что скажет нам сие творение, внушившее графу Мейстру столь поэтическую, столь страшную страницу? Что скажет нам сей человек, в течение сорока лет кровавой жизни своей присутствовавший при последних содроганиях стольких жертв, и славных, и неизвестных, и священных, и ненавистных? Все, все они — его минутные знакомцы — чредою пройдут перед нами по гильотине, на которой он, свирепый фигляр, играет свою однообразную роль.

lib.pushkinskijdom.ru

Мученики, злодеи, герои — и царственный страдалец, и убийца его, и Шарлотта Кордѐ, и прелестница Дю-Барри, и безумец Лувель, и мятежник Бертон, и лекарь Кастен, отравлявший своих ближних, и Папавуань, резавший детей: мы их увидим опять в последнюю, страшную минуту. Головы одна за другою, запàдают перед нами, произнося каждая свое последнее слово... И, насытив жестокое наше любопытство, книга палача займет свое место в библиотеках, в ожидании ученых справок будущего историка.

<О «РАЗГОВОРЕ У КНЯГИНИ ХАЛДИНОЙ» ФОНВИЗИНА.>

Недавно в одном из наших журналов изъявили сомнение: точно ли *Разговор у Княгини Халдиной*, напечатанный в 3-м № *Литературной Газеты*, есть сочинение Фонвизина. Во первых: родной племянник покойного автора ручается в достоверности оного; во вторых, не так легко, как думают, подделаться под руку творца *Недоросля* и *Бригадира:* кто хотя немного изучал дух и слог Фонвизина, тот узнает тотчас их несомненные признаки и в *Разговоре*. Статья сия замечательна не только, как литературная редкость, но и как любопытное изображение нравов и мнений, господствовавших у нас лет сорок тому назад. Княгиня Халдина говорит Сорванцову *ты*, он ей также. Она бранит служанку, зачем не пустила она гостя в уборную. «Разве ты не знаешь, что я при мужчинах люблю одеваться?» — Да ведь стыдно, В. С., — отвечает служанка. «Глупа, радость», возражает княгиня. Все это, вероятно, было списано с натуры. Мы и тут узнаем подражение нравам парижским. Изображение Сорванцова достойно кисти, нарисовавшей семью Простаковых. Он записался в службу, чтоб ездить цугом. Он проводит ночи за картами и спит в присутственном месте, во время чтения запутанного дела. Он чувствует нелепость деловой бумаги и соглашается с мнением прочих из лености и беспечности. Он продает крестьян в рекруты и умно рассуждает о просвещении. Он взяток не берет из тщеславия и хлàднокровно извиняет бедных взяткобрателей. Словом, он истинно русский барич прошлого века, каковым образовали его природа и полупросвещение. Здравомысл напоминает Правдина и Стародума, хотя в нем и менее педантства. Прочитав *Разговор у княгини Халдиной*, пожалеешь невольно, что не Фонвизину досталось изображать новейшие наши нравы.

<О СТАТЬЯХ КНЯЗЯ ВЯЗЕМСКОГО.>

Некоторые журналы, обвиненные в неприличности их полемики, указали на князя Вяземского, как на начинщика брани, господствующей в нашей литературе. Указание неискрен-

lib.pushkinskijdom.ru

нее. Критические статьи к. Вяземского носят на себе отпечаток ума тонкого, наблюдательного, оригинального. Часто не соглашаешься с его мыслями, но они заставляют мыслить. Даже там, где его мнения явно противоречат нами принятым понятиям, он невольно увлекает необыкновенною силою рассуждения (discussion) и ловкостию самого софизма. Эпиграмматические же разборы его могут казаться обидными самолюбию авторскому, но к. Вяземский может смело сказать, что личность его противников никогда не была им оскорблена: они же всегда преступают черту литературных прений и поминутно, думая напасть на писателя, вызывают на себя негодование члена общества и даже гражданина. Но должно ли на них негодовать?— Не думаем. В них более извинительного незнания приличий. чем предосудительного намерения. — Чувство приличия зависит от воспитания и других обстоятельств. Люди светские имеют свой образ мыслей, свои предрассудки, непонятные для другой касты. Каким образом растолкуете вы мирному алеуту поединок двух французских офицеров? Щекотливость их покажется ему чрезвычайно странною, и он чуть-ли не будет прав.

Доказательством, что журналы наши никогда не думали выходить из границ благопристойности, служит их добродушное изумление при таковых обвинениях и их единогласное указание на того, чьи произведения более всего носят на себе печать ума светского и тонкого знания общежития.

<ОБЪЯСНЕНИЕ К ЗАМЕТКЕ ОБ ИЛЛИАДЕ.>

В одном из московских журналов выписывают объявление об *Илиаде*, напечатанное во 2-м № *Литературной Газеты*, и говорят, что сие *воззвание на счет* (?) труда г-на Гнедича обнаруживает дух партии, которая в литературе не должна быть терпима. В доказательство чего дают заметить, что в *Литературной Газете* сказано: «Русская Илиада должна иметь важное влияние на отечественную словесность»; а что в предисловии к своему переводу Н. И. Гнедич похвалил гекзаметры барона Дельвига.

Вот лучшее доказательство правила, слишком пренебрегаемого нашими критиками: ограничиваться замечаниями чисто-литературными, не примешивая к оным догадок на счет посторонних обстоятельств, догадок большею частию столь же несправедливых, как и неблагопристойных. Объявление о переводе *Илиады* писано мною и напечатано во время отсутствия барона Дельвига. Принужденным нахожусь сказать, что нынешние отношения барона Дельвига к Н. И. Гнедичу *не суть дружеские:* но как бы то ни было, это не может повредить их взаимному уважению. Н. И. Гнедич по благородству чувств, ему свойственному, откровенно сказал свое мнение насчет таланта баро-

lib.pushkinskijdom.ru

на Дельвига, похвалив произведения музы его. Пример утешительный в нынешнюю эпоху русской литературы [1].

Александр Пушкин.

<О ЗАПИСКАХ ВИДОКА.>

В одном из № *Литературной Газеты* упоминали о *Записках парижского палача:* нравственные сочинения Видока, полицейского сыщика, суть явление не менее отвратительное, не менее любопытное.

Представьте себе человека без имени и пристанища, живущего ежедневными донесениями, женатого на одной из тех несчастных, за которыми по своему званию обязан он иметь присмотр, отъявленного плута, столь же бесстыдного, как и гнусного, и потом вообразите себе, если можете, что должны быть нравственные сочинения такого человека.

Видок в своих записках именует себя патриотом, коренным французом (un bon Français), как будто Видок может иметь какое-нибудь отечество! Он уверяет, что служил в военной службе, и как ему не только дозволено, но и предписано всячески переодеваться, то и щеголяет орденом Почетного Легиона, возбуждая в кофейнях негодование честных бедняков, состоящих на половинном жалованье (officiers à la demi-solde). Он нагло хвастается дружбою умерших известных людей, находившихся в сношении с ним (кто молод не бывал? а Видок человек услужливый, деловой). Он с удивительной важностию толкует о хорошем обществе, как будто вход в оное может ему быть дозволен, и строго рассуждает об известных писателях, отчасти надеясь на их презрение, отчасти по рассчету: суждения Видока о Казимире де ла Вине, о Б. Констане должны быть любопытны именно по своей нелепости.

Кто бы мог поверить? Видок честолюбив! Он приходит в бешенство, читая неблагосклонный отзыв журналистов о его слоге (слог г-на Видока!). Он при сем случае пишет на своих *врагов* доносы, обвиняет их в безнравственности и вольнодумстве и толкует (не в шутку), о благородстве чувств и независимости мнений: раздражительность, смешная во всяком другом писаке, но в Видоке утешительная, ибо видим из нее, что человеческая природа, в самом гнусном своем уничижении, все еще сохраняет благоговение перед понятиями, священными для человеческого рода.

Предлагается важный вопрос:

---

[1] Ужели перевод *Илиады* столь незначителен, что Н. И. Гнедичу нужно покупать себе похвалы? Если же нет, то неужели критик, по предполагаемой приязни с переводчиком, должен непременно бранить труд его, чтобы показать свое беспристрастие?

lib.pushkinskijdom.ru

Сочинения шпиона Видока, палача Самсона и проч. не оскорбляют ни господствующей религии, ни правительства, ни даже нравственности в общем смысле этого слова; совсем тем, нельзя их не признать крайним оскорблением общественного приличия. Не должна ли гражданская власть обратить мудрое внимание на соблазн нового рода, совершенно ускользнувший от предусмотрения законодательства?

1831 г.

Из отдела „Библиография".

VIE POÉSIES ET PENSÉES DE JOSEPH DELORME. (ЖИЗНЬ, СТИХОТВОРЕНИЯ И МЫСЛИ ИОСИФА ДЕЛОРМА). — ПАРИЖ, 1829. (I т. в 16-ю д. л.). LES CONSOLATIONS, POÉSIES PAR SAINTE-BEUVE. (УТЕШЕНИЯ. СТИХОТВОРЕНИЯ СЕНТ-БЕВА). — ПАРИЖ, 1830. (I том в 18-ю д. л.).

Года два тому назад книжка, вышедшая в свет под заглавием Vie, poésies et pensées de J. Delorme, обратила на себя в Париже внимание критиков и публики. Вместо предисловия романическим слогом описана была жизнь бедного молодого поэта, умершего, как уверяли, в нищете и неизвестности. Друзья покойника предлагали публике стихи и мысли, найденные в его бумагах, извиняя недостатки их и заблуждения самого Делорма его молодостию, болезненным состоянием души и физическими страданиями. В стихах оказывался необыкновенный талант, ярко отсвеченный странным выбором предметов. Никогда ни на каком языке голый сплин не изъяснялся с такою сухою точностию; никогда заблуждения жалкой молодости, оставленной на произвол страстей, не были высказаны с такой разочарованностию. Смотря на ручей, осененный темными ветвями дерев, Делорм думает о самоубийстве и вот каким образом:

Pour qui veut se noyer, la place est bien choisie.
On n'aurait qu'à venir, un jour de fantaisie,
A cacher ses habits au pied de ce bouleau,
Et, comme pour un bain, à descendre dans l'eau:
Non pas en furieux, la tête la première;
Mais s'asseoir, regarder; d'un rayon de lumière
Dans le feuillage et l'eau suivre le long reflet,
Puis, quand on sentirait ses esprits au complet,
Qu'on aurait froid, alors, sans plus traîner la fête,
Pour ne plus la lever, plonger avant la tête.
C'est là mon plus doux voeu, quand je pense à mourir.
J'ai toujours été seul à pleurer, à souffrir;
Sans un coeur près du mien j'ai passé sur la terre;
Ainsi que j'ai vécu, mourons avec mystère,
Sans fracas, sans clameurs, sans voisins assemblés.
L'alouette, en mourant, se cache dans les blés;
Le rossignol, qui sent défaillir son ramage,
Et la bise arriver, et tomber son plumage,
Passe invisible à tous, comme un écho du bois:
Ainsi je veux passer. Seulement, un... deux mois,

lib.pushkinskijdom.ru

Peut-être un an après, un jour.... une soirée,
Quelque pâtre inquiet d'une chèvre égarée.
Un chasseur descendu vers la source, et voyant
Son chien qui s'y lançait sortir en aboyant,
Regardera: la lune avec lui qui regarde
Eclairera ce corps d'une lueur blafarde.
Et soudain il fuira jusqu'au hameau, tout droit.
De grand matin venus, quelques gens de l'endroit,
Tirant par les cheveux ce corps méconnaissable,
Cette chair en lambeaux, ces os chargés de sable,
Mélant des quolibets à quelques sots récits,
Deviseront longtemps sur mes restes noircis,
Et les brouetteront enfin au cimetière;
Vîte on clouera le tout dans quelque vielle bière,
Qu'un prêtre aspergera d'eau bénite trois fois;
Et je serai laisse sans nom, sans croix de bois![1]

У друга его, Виктора Гюго, рождается сын; Делорм его приветствует:

C'est un garçon encore le ciel vous l'a donné
Mon ami, vous voilà père d'un nouveau né;
Beau, frais, souriant d'aise à cette vie amère;
A peine il a coûte quelque plainte à sa mère.

---

[1] Для того, кто хочет утопиться, место очень подходящее
В любой день стоит только придти сюда,
Спрятать одежду под этой березой
И словно для купанья, погрузиться в воду:
Не как безумец, вниз головой,
Но присесть, поглядеть вокруг; следить
За отражением длинного луча света на листве и на воде;
Затем, когда почувствуешь, что дух исчерпал себя до конца,
И озябнешь, тогда, не затягивая праздника,
Погрузить голову, чтобы больше не поднимать ее.
Вот моя желанная мечта, когда я задумываю умереть.
Я всегда одиноко плакал и страдал;
Ничье сердце не билось рядом с моим, когда я проходил жизненный путь.
Так же, как я жил, пусть я умру — тайно,
Без шума, без криков, без толпы собравшихся соседей.
Жаворонок, умирая, прячется во ржи;
Соловей, чувствуя, что голос его ослабевает,
И приближается холодный ветер, и падает его оперение,
Исчезает из жизни незаметно для всех, как лесное эхо:
Я так же хочу исчезнуть Только через месяц, или два,
Может быть через год, однажды вечером,
Пастух в поисках за заблудившейся козой,
Или охотник, спустившись к ручью и заметив,
Что его собака, бежавшая туда, возвратилась с лаем,
Взглянет и луна, с ним вместе смотрящая,
Осветит тусклым сиянием это тело —
И внезапно бросится бежать прямо к поселку.
Несколько местных жителей придут ранним утром,
Вытянут за волосы неузнаваемое тело,
Эти обрывки мяса и кости, отягченные песком,
И, примешивая шутки к каким-нибудь глупым россказням,
Долго будут совещаться над моими почерневшими останками
И, наконец, повезут на тачке на кладбище;
Поскорее заколотят их в какой-нибудь старый гроб,
Который священник трижды окропит святой водой,
И меня оставят без имени, без деревянного креста!

lib.pushkinskijdom.ru

Il est nuit; je vous vois.... A doux bruit, le sommeil
Sur un sein blanc qui dort a pris l'enfant vermeil,
Et vous, père, veillant contre la cheminée,
Recueilli dans vous-même, et la tête inclinée,
Vous vous tournez souvent pour revoir, ô douceur!
Le nouveau-né, la mère, et le frère et la soeur,
Comme un pasteur joyeux de ses toisons nouvelles,
Ou comme un maître, au soir, qui compte ses javelles.
A cette heure si grave, en ce calme profond,
Qui sait, hors vous, l'abyme où votre coeur se fond,
Ami? qui sait vos pleurs, vos muettes caresses;
Les trésors du génie épanchés en tendresses;
L'aigle plus gémissant que la colombe au nid;
Les torrents ruisselants du rocher de granit,
Et, comme sous les feux d'un été de Norvège,
Au penchant des glaciers mille fontes de neige?
Vivez, soyez heureux, et chantez-nous un jour
Ces secrets plus qu'humains d'un ineffable amour!
— Moi, pendant ce temps-là, je veille aussi, je veille,
Non près des rideaux bleus de l'enfance vermeille,
Près du lit nuptial arrosé de parfum,
Mais près d'un froid grabat, sur le corps d'un défunt.
C'est un voisin, vieillard goutteux, mort de la pierre;
Ses nièces m'ont requis, je veille à leur prière.
Seul, je m'y suis assis dès neuf heures du soir.
A la tête du lit une croix en boix noir,
Avec un Christ en os, pose entre deux chandelles
Sur une chaise; auprès, le buis cher aux fidèles
Trempe dans une assiette, et je vois sous les draps
Le mort en long, pieds joints, et croisant les deux bras.
Oh! si, du moins, ce mort m'avait durant sa vie
Eté longtemps connu! s'il me prenait envie
De baiser ce front jaune une dernière fois!
En regardant toujours ces plis raides et droits,
Si je voyais enfin remuer quelque chose,
Bouger comme le pied d'un vivant qui repose,
Et la flamme bleuir! si j'entendais crier
Le bois de lit!.... ou bien si je pouvais prier!
Mais rien: nul effroi saint; pas de souvenir tendre;
Je regarde sans voir, j'écoute sans entendre;
Chaque heure sonne lente, et lorsque, par trop las
De ce calme abattant et de ces rêves plats,
Pour respirer un peu je vais à la fenêtre,
(Car au ciel de minuit le croissant vient de naître),
Voilà, soudain, qu'au toit lointain d'une maison,
Non pas vers l'orient, s'embrasse l'horizon
Et j'entends résonner, pour toute mélodie,
Des aboiements de chiens hurlant dans l'incendie. [1]

---

[1] Мой друг, вот вы стали отцом новорожденного;
Это еще мальчик, небо вам даровало его
Прекрасного, свежего, радостно улыбающегося этой горькой жизни;
Он стоил лишь несколько стонов своей матери.
Ночь; я вижу вас.... При нежных звуках сон
Обнял розового ребенка на белой спящей груди,
А вы, отец, бодрствующий у камина,
Задумавшись и склонив голову,
Вы часто оборачиваетесь, чтобы вновь увидеть,—о счастье!—
Младенца, мать, и брата, и сестру.
Как пастух, радующийся новым ягнятам,

lib.pushkinskijdom.ru

Между сими болезненными признаниями, сими мечтами печальных слабостей и безвкусными подражаниями давно осмеянной поэзии старого Ронсара, мы с изумлением находим стихотворения, исполненные свежести и чистоты. С какой меланхолической прелестию описывает он, например, свою музу!

Non, ma Muse n'est pas l'odalisque brillante
Qui danse les seins nus à la voix sémillante,
Aux noirs cheveux luisants, aux longs yeux de houri;
Elle n'est ni la jeune et vermeille Péri,
Dont l'aile radieuse éclipserait la queue
D'un beau paon, ni la fée à l'aile blanche et bleue,
Ces deux rivales soeurs, qui, dès qu'il a dit *oui*,
Ouvrent mondes et cieux à l'enfant ébloui.
Elle n'est pas non plus, ô ma Muse adorée!
Elle n'est pas la vierge ou la veuve éplorée,
Qui d'un cloître désert, d'une tour sans vassaux,
Solitaire habitante, erre sous les arceaux,
Disant un nom; descend aux tombes féodales;

Или как хозяин, ввечеру считающий стойки сжатого хлеба.
В этот торжественный час, в этой глубокой тишине,
Кто, кроме вас, знает бездну, в которой тает ваше сердце, друг?
Кто знает ваши слезы, ваши немые ласки, сокровища гения, изливающиеся в нежности,
Стон орла, более глубокий, чем стоны голубки в гнезде,
Иль поток, струящийся с гранитной скалы,
Иль бесчисленные ручьи от снега,
Тающего под зноем норвежского лета на склонах ледника?
Живите, будьте счастливы и когда-нибудь пропойте
Нам эти сверхчеловеческие тайны невыразимой любви.
А я в это время также бодрствую,
Не у голубых занавесей розового детства,
Не у брачного ложа, орошенного благовониями,
Но у холодного одра, над телом усопшего.
Это — сосед, подагрический старик, умерший от каменной болезни;
Его племянницы позвали меня, и я бодрствую по их просьбе.
Я сижу здесь один уже с девяти часов вечера.
В изголовье постели стоит на стуле
Между двумя свечами крест из черного дерева с костяным распятием;
Рядом с ним веточка букса, дорогая сердцу верующих,
Мокнет в тарелке, и я вижу под простынями
Мертвого, во всю длину, со сжатыми ногами и скрещенными руками.
О! если бы, по крайней мере, я долгое время знал
Этого мертвеца при жизни! Если бы мне хотелось
Поцеловать этот желтый лоб в последний раз!
Если бы, глядя все время на эти жесткие, прямые складки,
Я бы, наконец, увидел, что что-то шевелится
И движется подобно ноге отдыхающего животного,
И что пламя голубеет! Если бы я услышал,
Как заскрипела кровать!.... или если бы я мог молиться!
Но нет: никакого священного ужаса; никакого нежного воспоминания;
Я смотрю, не видя, слушаю, не слыша.
Каждый час бьет медленно, и когда, слишком усталый
От этого удручающего спокойствия и этих глупых грез,
Я подхожу к окну, чтобы немного вздохнуть
(Так как на полночном небе только что родился серп месяца),
Внезапно над далекой крышей дома,
Не на востоке, загорается небосклон,
И я слышу вместо песни
Лай собак, воющих на пожар.

lib.pushkinskijdom.ru

A genoux, de velours inonde au loin les dalles,
Et le front sur un marbre, épanche avec des pleurs
L'hymne mélodieux de ses nobles malheurs.
Non. — Mais quand seule au bois votre douleur chemine,
Avez-vous vu, là-bas, dans un fond, la chaumine
Sous l'arbre mort; auprès, un ravin est creusé;
Une fille en tout temps y lave un linge usé.
Peut-être à votre vue elle a baissé la tête,
Car, bien pauvre qu'elle est, sa naissance est honnête.
Elle eût pu, comme une autre, en de plus heureux jours
S'épanouir au monde et fleurir aux amours;
Voler en char; passer aux bals, aux promenades;
Respirer au balcon parfums et sérénades;
Ou, de sa harpe d'or éveillant cent rivaux,
Ne voir rien qu'un sourire entre tant de bravos.
Mais le ciel dès l'abord s'est obscurci sur elle,
Et l'arbuste en naissant fut atteint de la grêle:
Elle file, elle coud, et garde à la maison
Un père vieux, aveugle et privé de raison.[1]

Правда, что сию прелестную картину оканчивает он медицинским описанием чахотки; муза его харкает кровью:

. . . . . une toux déchirante
La prend dans sa chanson, pousse en sifflant un cri,
Et lance les graviers de son poumon meurtri.[2]

---

[1] Нет, моя муза — не блистающая звонкоголосая одалиска
С продолговатыми глазами гурии, с черными блестящими волосами,
Пляшущая с обнаженной грудью;
Это не юная и розовая Пери,
Сверкающие крылья которой затмили бы хвост прекрасного павлина,
Ни белокрылая и голубокрылая фея,—
Эти две сестры-соперницы, которые открывают миры и небеса
Ослепленному светом ребенку, лишь только он скажет *да*.
Она — о моя обожаемая муза! —
И не плачущая дева иль вдова,
Одинокая обитательница пустынного монастыря
Или башни без вассалов, которая бродит под сводами,
Произнося чье-то имя; спускается в рыцарские гробницы;
Склоняя колени на плиты, широко расстилает бархат платья
И, приникнув челом к мрамору, изливает со слезами
В мелодичном гимне свои благородные несчастия.
Нет. — Но, когда скорбь одиноко бредет по лесу,
Видали ли вы, там, в глубине, хижину
Под высохшим деревом? Рядом с нею вырыта канавка;
Девушка постоянно моет там свое изношенное белье.
Может быть, при виде вас, она опустит голову,
Так как, несмотря на всю свою бедность, она—почтенного рода.
Она могла бы, как всякая другая, в более счастливые дни
Блистать в свете и цвести для любви;
Мчаться в экипаже; бывать на балах, на гуляньях;
Вдыхать на балконе ароматы и серенады;
Или, своей золотой арфой вызывая сотни соперников,
Видеть лишь одни улыбки среди бесчисленных рукоплесканий.
Но небо с самого начала потемнело над нею,
И деревцо, едва родившись, было побито градом:
Она прядет, шьет и ухаживает дома
За старым, слепым и безумным отцом.

[2] . . . . . раздирающий кашель
Прерывает ее песнь, испускает крик со свистом,
И извергает кровяные сгустки из ее больной груди.

lib.pushkinskijdom.ru

Совершеннейшим стихотворением изо всего собрания, по нашему мнению, можно почесть следующую элегию, достойную стать наряду с лучшими произведениями Андрея Шенье.

Toujours je la connus pensive et sérieuse;
Enfant, dans les ébats de l'enfance joyeuse
Elle se mêlait peu, parlait déjà raison;
Et quand ses jeunes soeurs couraient sur le gazon,
Elle était la première à leur rappeler l'heure,
A dire qu'il fallait regagner la demeure;
Qu'elle avait de la cloche entendu le signal;
Qu'il était défendu d'approcher du canal,
De troubler dans le bois la biche familière,
De passer en jouant trop près de la volière:
Et ses soeurs l'écoutaient. Bientôt elle eut quinze ans,
Et sa raison brilla d'attraits plus séduisants:
Sein voilé, front serein où le calme repose,
Sous de beaux cheveux bruns une figure rose,
Une bouche discrète au sourire prudent,
Un parler sobre et froid, et qui plait cependant;
Une voix douce et ferme, et qui jamais ne tremble,
Et deux longs sourcils noirs qui se fondent ensemble.
Le devoir l'animait d'une grave perveur;
Elle avait l'air posé, réfléchi,non rêveur:
Elle ne rêvait pas comme la jeune fille
Qui de ses doigts distraits laisse tomber l'aiguille,
Et du bal de la veille au bal du lendemain
Pensè au bel inconnu qui lui pressa la main.
Le coude à la fenêtre, oubliant son ouvrage,
Jamais on ne la vit suivre à travers l'ombrage
Le vol interrompu des nuages du soir,
Puis cacher tout d'un coup son front dans son mouchoir.
Mais elle se disait qu'un avenir prospère
Avait changé soudain par la mort de son père;
Qu'elle était fille ainée, et que c'était raison
De prendre part active aux soins de la maison.
Ce coeur jeune et sévère ignorait la puissance
Des ennuis dont soupire et s'émeut l'innocence.
Il réprima toujours les attendrissements
Qui naissent sans savoir, et les troubles charmants
Et les désirs obscurs, et ces vagues délices,
De l'amoure dans les coeurs naturelles complices.
Maîtresse d'elle-même aux instants les plus doux,
En embrassant sa mère, elle lui disait *vous*.
Les galantes fadeurs, les propos pleins de zèle
Des jeunes gens oisifs étaient perdus chez elle;
Mais qu'un coeur éprouvé lui contât un chagrin,
A l'instant se voilait son visage serein:
Elle savait parler de maux, de vie amère,
Et donnait des conseils comme une jeune mère.
Aujourd'hui la voilà mère, épouse à son tour;
Mais c'est chez elle encor raison plutôt qu'amour.
Son paisible bonheur de respect se tempère;
Son époux déjà mûr serait pour elle un père;
Elle n'a pas connu l'oubli du premier mois,
Et la lune de miel qui ne luit qu'une fois,
Et son front et ses yeux ont gardé le mystère
De ces chastes secrets qu'une femme doit taire.
Heureuse comme avant, à son nouveau devoir
Elle a réglé sa vie.... Il est beau de la voir,

lib.pushkinskijdom.ru

Libre de son ménage. un soir de la semaine,
Sans toilette, en été, qui sort et se promène
Et s'asseoit à l'abri du soleil étouffant,
Vers six heures, sur l'herbe, avec sa belle enfant.
Ainsi passent ses jours depuis le premier âge,
Comme des flots sans nom sous un ciel sans orage,
D'un cours lent, uniforme, et pourtant solennel;
Car ils savent qu'ils vont au rivage éternel.
Et moi qui vois couler cette humble destinée
Au penchant du devoir doucement entraînée,
Ces jours purs, transparents, calmes, silencieux,
Qui consolent du bruit et reposent les yeux,
Sans le vouloir, hélas! je retombe en tristesse;
Je songe à mes longs jours passés avec vitesse,
Turbulents, sans bonheur, perdus pour le devoir,
Et je pense, ô mon Dieu! qu'il sera bintôt soir! [1]

---

[1] Я всегда видел ее задумчивой и серьезной;
Ребенком она редко принимала участие
В играх веселого детства; она уже была рассудительна,
И когда ее маленькие сестры бегали по траве,
Она первая напоминала им о времени,
О том, что пора уже возвращаться домой,
Что она услышала призыв колокола,
Что запрещено подходить к каналу,
Пугать в роще ручную лань,
Играя подбегать слишком близко к птичнику,—
И сестры слушались ее. Скоро ей исполнилось пятнадцать лет,
И ее разум украсился очарованиями более соблазнительными:
Прикрытая грудь, ясное чело, на котором почиет спокойствие,
Розовое лицо под прекрасными темными волосами,
Скромный рот со сдержанной улыбкой,
Холодный и трезвый разговор, который, однако, нравится,
Нежный и твердый голос, никогда не дрожащий,
И черные, сходящиеся брови.
Чувство долга рождало в ней важное усердие.
Она выглядела рассудительной, выдержанной, не мечтательной:
Она не мечтала, как молодая девушка,
Рассеянно роняющая из рук иглу
И думающая от вчерашнего до завтрашнего бала
О прекрасном незнакомце, пожавшем ей руку.
Никогда не видел никто, чтобы, облокотившись на окно
И позабыв работу, она следила во тьме
Неровный бег вечерних облаков,
А потом внезапно прятала бы лицо в платок.
Нет, она говорила себе, что счастливое будущее
Внезапно изменилось со смертью отца,
Что она—старшая дочь, и потому должна
Принимать деятельное участие в домашних заботах.
Это юное и строгое сердце не знало власти
Тоски, от которой вздыхает и волнуется невинность.
Она всегда подавляла разнеживающую грусть,
Возникающую бессознательно, очаровательные тревоги
И темные желания, все те смутные волнения,
Этих естественных пособников любви.
Владея вполне собой, она в самые нежные мгновения
Обнимая свою мать, говорила ей *вы*.
Приторные комплименты и пылкие фразы
Праздных молодых людей для нее тратились попусту.
Но когда измученное сердце рассказывало ей свое горе,

lib.pushkinskijdom.ru

Публика и критики горевали о преждевременной кончине таланта, столь много обещавшего, как вдруг узнали, что покойник жив и, слава богу, здоров. Сент-Бев, известный уже *Историей Французской Словесности в XVI столетии* и ученым изданием Ронсара, вздумал под вымышленным именем И. Делорма напечатать первые свои поэтические опыты, вероятно, опасаясь нареканий и строгости нравственной цензуры. Мистификация, столь печальная своею веселою развязкою должна была повредить успеху его стихотворений; однако ж новая школа с восторгом признала и присвоила себе нового собрата.

В *Мыслях* И. Делорма изложены его мнения касательно французского стихосложения. Критики хвалили верность, ученость и новизну сих замечаний. Нам показалось, что Делорм слишком много придает важности нововведениям так называемой *романтической* школы французских писателей, которые сами полагают слишком большую важность в форме стиха, в цензуре, в рифме, в употреблении некоторых старинных слов, некоторых старинных оборотов и т. п. Все это хорошо; но слишком напоминает гремушки и пеленки младенчества. Нет сомнения, что стихосложение французское самое своенравное, и смею сказать, неосновательное. Чем, например, оправдаете вы исключение *гиатуса* (hiatus), который французским ушам так нестерпим в соединении двух слов (как: été, où aller) и которого они же ищут для гармонии собственных имен: Zaïre, Aglaë, Eléonore. Заметим мимоходом, что законом о *гиатусе* одолжены французы латинскому *эллизиуму*.

Ее ясное чело тотчас омрачалось:
Она умела говорить о страданиях, о горькой жизни,
И давала советы, как молодая мать.
Теперь она сама мать и жена,
Но это скорее по рассудку, чем по любви.
Ее мирное счастье умеряется уважением;
Ее муж, уже не молодой, мог бы быть для нее отцом;
Она не знала забвенья первого месяца,
Этого медового месяца, сияющего только однажды,
И чело ее, и глаза сохранили неприкосновенность
Целомудренных тайн, о которых женщина должна молчать.
Счастливая по прежнему, она сообразует свою жизнь
С новыми обязанностями... Отрадно видеть ее,
Когда, освободившись от хозяйства, раз в неделю,
Вечером, часов в шесть, не наряжаясь, летом, она выходит погулять
И садится в тени от палящего солнца
На траву с своим прекрасным ребенком.
Так текут ее дни с ранних лет,
Как безыменные волны под безоблачным небом,
Медленным, однообразным, но торжественным потоком,
Ибо они знают, что стремятся к вечному берегу.
И при виде того, как тихо течет эта скромная доля,
Послушная голосу долга,
Эти чистые, прозрачные, спокойные, молчаливые дни,
Которые успокаивают от шума и на которых отдыхают глаза,
Невольно, увы, я вновь впадаю в грусть;
Я думаю о моих быстро ушедших долгих днях,
Бурных, бессчастных, потерянных для долга,
И, о боже, думаю о том. что скоро настанет вечер!

lib.pushkinskijdom.ru

По свойству латинского стихосложения слово, кончающееся на гласную теряет ее перед другою гласною.

Буало заменил сие правило законом об гиатусе:

Gardez qu'une voyelle à courir trop hâtée
Ne soit en son chemin par une autre heurtée [1].

Во вторых: как можно вечно рифмовать для глаз, а не для слуха? Почему рифмы должны согласоваться в числе (единственном или множественном), когда произношение в том и в другом одинаково? Однако ж нововводители всего этого еще не коснулись; покушения же их едва ли счастливы.

В прошлом году Сент-Бев выдал еще том стихотворений, под заглавием: Les Consolations [2]. В них Делорм является исправленным советами приятелей, людей степенных и нравственных. Уже он не отвергает отчаяннно утешений религии, но только тихо сомневается; уже он не ходит к Розе, но признается иногда в порочных вожделениях. Слог его также перебесился. Словом сказать и вкус и нравственность должны быть им довольны. Можно даже надеяться, что в третьем своем томе Делорм явится набожным, как Ламартин и совершенно порядочным человеком. К несчастию должны мы признаться, что радуясь перемене человека мы сожалеем о поэте. Бедный Делорм обладал свойством чрезвычайно важным, недостающим почти всем французским поэтам новейшего поколения, свойством, без которого нет истинной поэзии, т. е. *искренностию вдохновения*. Ныне французский поэт систематически сказал себе: *soyons religieux, soyons politiques*, а иной даже: *soyons extravagants* [3], и холод предначертания, натяжка, принужденность отзываются во всяком его творении, где никогда не видим движения минутного, вольного чувства, словом: где нет истинного вдохновения. Сохрани нас боже быть поборниками безнравственности в поэзии (разумеем слово сие не в детском смысле, в коем употребляют его у нас некоторые журналисты)! Поэзия, которая по своему высшему, свободному свойству не должна иметь никакой цели кроме самой себя, кольми паче не должна унижаться до того, чтоб силою слова потрясать вечные истины, на которых основаны счастие и величие человеческое, или превращать свой божественный нектар в любострастный, воспалительный состав. Но описывать слабости, заблуждения и страсти человеческие не есть безнравственность, так как анатомия не есть убийство; и мы не видим безнравственности в элегиях несчастного Делорма, в признаниях, раздирающих сердце, в стесненном описании его страстей и безверия, в его жалобах на судьбу, на самого себя...

Р. [4]

---

[1] Остерегайтесь, как бы в слишком поспешном беге
Гласная не столкнулась на своем пути с другою.

[2] Утешения.

[3] Будем религиозны, будем заниматься политикой... будем экстравагантны.

[4] Так подписался Пушкин. *Ред.*

lib.pushkinskijdom.ru

ТОРЖЕСТВО ДРУЖБЫ.
ИЛИ ОПРАВДАННЫЙ.
АЛЕКСАНДР АНФИМОВИЧ ОРЛОВ.

In arenam cum aequalibus descendi.
Cic<ero> [1]

Посреди полемики, раздирающей бедную нашу словесность, *Н. И. Греч* и *Ф. В. Булгарин* более десяти лет подают утешительный пример согласия, основанного на взаимном уважении, сходстве душ и занятий гражданских и литературных. Сей назидательный союз ознаменован почтенными памятниками. *Фаддей Венедиктович* скромно признал себя учеником *Николая Ивановича; Н. И.* поспешно провозгласил *Фаддея Венедиктовича ловким своим товарищем. Ф. В.* посвятил *Николаю Ивановичу* своего *Димитрия Самозванца; Н. И.* посвятил *Фаддею Венедиктовичу* свою *Поездку в Германию. Ф. В.* написал для *Грамматики Николая Ивановича* хвалебное предисловие *; *Н. И.* в *Северной Пчеле* (издаваемой *Гг. Гречем* и *Булгариным*) напечатал хвалебное объявление об *Иване Выжигине.* Единодушие истинно трогательное! — Ныне *Николай Иванович,* почитая *Фаддея Венедиктовича* оскорбленным в статье, напечатанной в № 9 *Телескопа,* заступился за своего товарища со свойственным ему прямодушием и горячностию. Он напечатал в *Сыне Отечества* (№ 27) статью, которая, конечно, заставит молчать дерзких противников *Фаддея Венедиктовича;* ибо *Николай Иванович* доказал неоспоримо:

1) Что М. И. Голенищев-Кутузов возведен в княжеское достоинство в июне 1812 г. (с. 65).

2) Что не сражение, а план сражения, составляет тайну главнокомандующего: (с. 65).

3) Что священник выходит навстречу подступающему неприятелю с крестом и святою водою: (с. 65).

4) Что секретарь выходит из дому в статском изношенном мундире, в треугольной шляпе со шпагою, в белом изношенном исподнем платье: (с. 65).

5) Что пословица: vox populi — vox dei [2], есть пословица латинская, и что она есть истинная причина французской революции: (с. 65).

6) Что *Иван Выжигин* не есть произведение образцовое, но, *относительно,* явление приятное и полезное: (с. 62).

7) Что *Фаддей Венедиктович* живет в своей деревне близ Дерпта, и просил его *(Николая Ивановича)* не посылать к нему вздоров: (с. 68).

И что следственно: *Ф. В. Булгарин своими талантами и трудами приносит честь своим согражданам:* что и доказать надлежало!

---

[1] Я вышел на арену вместе с равными мне. Цицерон.

* Смотри *Грамматику Греча,* напечатанную в типографии *Греча.* <Примеч. Пушкина>.

[2] Голос народа — голос божий

lib.pushkinskijdom.ru

Против этого нечего и говорить; мы первые громко одобряем *Николая Ивановича* за его откровенное и победоносное возражение, приносящее столько же чести его логике, как и горячности чувствований.

Но дружба — (сие священное чувство) — слишком далеко увлекла пламенную душу *Николая Ивановича,* и с его пера сорвались нижеследующие строки:

— *«Там — (в № 9 Телескопа) — взяли две глупейшие вышедшие в Москве — (да, в Москве) — книжонки, сочиненные каким-то А. Орловым».*

О, Николай Иванович, Николай Иванович! Какой пример подаете вы молодым литераторам? Какие выражения употребляете вы в статье, начинающейся сими строгими словами: *«у нас издавна, и по справедливости, жалуются на цинизм, невежество и недобросовестность рецензентов»?* Куда девалась ваша умеренность, знание приличия, ваша известная добросовестность? Перечтите, *Николай Иванович,* перечтите сии немногие строки — и вы сами, с прискорбием, сознаетесь в своей необдуманности!

— *«Две глупейшие книжонки... какой-то А. Орлов!..»* Шлюсь на всю почтенную публику: какой критик, какой журналист решился бы употребить сии неприятные выражения, говоря о произведениях живого автора. Ибо, слава богу: почтенный мой друг *Александр Анфимович Орлов* — жив! Он жив, несмотря на зависть и злобу журналистов; он жив, к радости книгопродавцев, к утешению многочисленных его читателей!

— *«Две глупейшие книжонки!»*... Произведения *Александра Анфимовича,* разделяющего с *Фаддеем Венедиктовичем* любовь российской публики, названы: *глупейшими книжонками!* — Дерзость неслыханная, удивительная, оскорбительная не для моего друга — (ибо и он живет в своей деревне, близ Сокольников; и он просил меня не посылать к нему всякого вздору); но оскорбительная для всей читающей публики! *

— *«Глупейшие книжонки.»*... Но чем докажете вы сию глупость? Знаете-ли вы, *Николай Иванович,* что более 5000 экземпляров сих *глупейших книжонок* разошлись и находятся в руках читающей публики, что *Выжигины г. Орлова* пользуются благосклонностию публики наровне с *Выжигиными г. Булгарина;* а что образованный класс читателей, которые гнушаются теми и другими, не может, и не должен судить о книгах, которых не читает?

Скрепя сердце, продолжаю свой разбор.

— *«Две глупейшие* — (глупейшие!) — *вышедшие в Москве. — (да, в Москве) — книжонки.»*...

В Москве, да, в Москве!... Что же тут предосудительного? К чему такая выходка противу первопрестольного града?.. Не в первый раз заметили мы сию странную ненависть к Москве

---

* См. *Разбор Денницы* в С<ыне> О<течества>. <Примеч. Пушкина>.

lib.pushkinskijdom.ru

в издателях *Сына Отечества и Северной Пчелы*. Больно для русского сердца слушать таковые отзывы о матушке Москве, о Москве белокаменной, о Москве, пострадавшей в 1612 году от поляков, а в 1812 году от всякого сброду.

Москва до ныне центр нашего просвещения: в Москве родились и воспитывались, по большей части, писатели коренные русские, не выходцы, не переметчики, для коих: ubi bene, ibi patria,[1] для коих все равно: бегать ли им под орлом французским, или русским языком позорить все русское — были бы только сыты.

Чем возгордилась петербургская литература?.. *Г. Булгариным*?.. Согласен, что сей великий писатель, равно почтенный и дарованиями и характером, заслужил бессмертную себе славу; но произведения г. *Орлова* ставят московского романиста если не выше, то, по крайней мере, наровне с петербургским его соперником. Не смотря на несогласие, царствующее между *Фаддеем Венедиктовичем* и *Александром Анфимовичем*, не смотря на страведливое негодование, возбужденное во мне неосторожными строками *Сына Отечества*, постараемся сравнить между собою сии два блистательные солнца нашей словесности.

Фаддей Венед. превышает *Александра Анфимовича* пленительною щеголеватостию выражений; *Александр Анф.* берет преимущество над *Фад. Венедиктовичем* живостию и остротою рассказа.

Романы Фаддея Венед. более обдуманы, доказывают бо́льшее терпение в авторе, * (и требуют еще большего терпения в читателе); повести *Александра Анф.* более кратки, но более замысловаты и заманчивы.

Фаддей Венед. более философ; *Александр Анф.* более поэт.

Фад. Венедиктович гений; ибо изобрел имя *Выжигина*, и сим смелым нововведением оживил пошлые подражания *Совестдралу и Английскому Милорду; Александр Анф.* искусно воспользовался изобретением г. *Булгарина* и извлек из оного бесконечно разнообразные эффекты!

Фаддей Венед., кажется нам, немного однообразен; ибо все его произведения не что иное, как *Выжигин* в различных изменениях: *Иван Выжигин, Петр Выжигин, Дмитрий Самозванец или Выжигин XVII столетия, собственные записки и нравственные статейки* — все сбивается на тот же самый предмет. *Александр Анф.* удивительно разнообразен. Сверх несметного числа *Выжигиных*, сколько цветов рассыпал он на поле словесности! *Встреча Чумы с Холерою; Сокол был бы Сокол, да Курица его съела, или Бежавшая Жена; Живые Обмороки, Погребение Купца*, и проч. и проч.

Однакоже беспристрастие требует, чтоб мы указали сторону, с коей *Фаддей Венед.* берет неоспоримое преимущество над своим

---

[1] Где хорошо, там и родина.

* «Гений есть *терпение* в высочайшей степени», сказал известный Бюффон. <Примеч. Пушкина.>

lib.pushkinskijdom.ru

счастливым соперником: разумею нравственную цель его сочинений. В самом деле, любезные слушатели, что может быть нравственнее сочинений г. *Булгарина?* Из них мы ясно узнаем: сколь не похвально лгать, красть, предаваться пьянству, картежной игре и тому под. *Г. Булгарин* наказует лица разными затейливыми именами: убийца назван у него — *Ножевым*, взяточник — *Взяткиным*, дурак — *Глаздуриным*, и проч. Историческая точность одна недозволила ему назвать Бориса Годунова—*Хлопотухиным*, Димитрия Самозванца — *Каторжниковым*, а Марину Мнишек — *княжною Шлюхиной;* зато и лица сии представлены несколько бледно.

В сем отношении, г. *Орлов* решительно уступает г. *Булгарину.* Впрочем, самые пламенные почитатели *Фаддея Венед.* признают в нем некоторую скуку, искупленную назидательностию; а самые ревностные поклонники *Александра Анф.* осуждают в нем иногда необдуманность, извиняемую, однакож, порывами гения.

Со всем тем *Александр Анф.* пользуется гораздо меньшею славою, нежели *Фаддей Венед.* Что же причиною сему видимому неравенству?

Оборотливость, любезные читатели, оборотливость *Фаддея Вечедиктовича, ловкого товарища Николая Ивановича! Иван Выжигин* существовал еще только в воображении почтенного автора, а уже в *Северном Архиве, Северной Пчеле* и *Сыне Отечества* отзывались об нем с величайшею похвалою. Г. Ансело в своем путешествии, возбудившем в Париже общее внимание, провозгласил сего, еще несуществовавшего, *Ивана Выжигина*, лучшим из русских романов. Наконец *Иван Выжигин* явился; и *Сын Отечества, Северный Архив* и *Северная Пчела* превознесли его до небес. Все кинулись его читать; многие прочли до конца; а между тем похвалы ему не умолкали в каждом номере *Сев. Архива, Сына Отеч.* и *Сев. Пчелы.* Сии усердные журналы ласково приглашали покупателей; ободряли, подстрекали ленивых читателей; угрожали местью недоброжелателям, недочитавшим *Ивана Выжигина*, из единой низкой зависти.

Между тем какие вспомогательные средства употреблял *Александр Анфимович Орлов?*

Никаких, любезные читатели!

Он не задавал обедов иностранным литераторам, не знающим русского языка, дабы за свою хлеб-соль получить местечко в их дорожных записках.

Он не хвалил самого себя в журналах, им самим издаваемых.

Он не заманивал унизительными ласкательствами и пышными обещаниями подписчиков и покупателей.

Он не шарлатанил газетными объявлениями, писанными слогом афиш собачьей комедии.

Он не отвечал ни на одну критику; он не называл своих противников дураками, подлецами, пьяницами, устрицами, и тому под.

lib.pushkinskijdom.ru

Но — обезоружил-ли тем он многочисленных врагов? Нимало. Вот как отзывались о нем его собратия.

«Автор вышеисчисленных творений сильно штурмует нашу бедную русскую литературу и хочет разрушить русский Парнас, не бомбами, но каркасами, при помощи услужливых издателей, которые щедро платят за каждый манускрипт знаменитого сего творца, по двадцати рублей ходячею монетою, как уверяли нас знающие дело книгопродавцы. Автор есть муж — *из ученых*, как видно по латинским фразам, которыми испещрены его творения, а сущность их доказывает, что он, как сказано в *Недоросле:* «убоясь бездны премудрости, вспять обратился». — Знаменитое лубочное произведение: *мыши кота хоронят или небылицы в лицах*, есть Илиада в сравнении с творениями Г. Орлова, а *Бова Королевич* — герой, до которого не возвысился еще почтенный автор.... Державин есть у нас *Альфа*, а Г. Орлов *Омега* в литературе, то есть, последнее звено в цепи литературных существ, и потому *заслуживает внимание, как все необыкновенное* *. Язык его, изложение и завязка, могут сравняться только с отвратительными картинами, которыми наполнены сии чада безвкусия, и с смелостью автора. Никогда в Петербурге подобные творения не увидели бы света, и ни один из петербургских уличных разносчиков (не говорим о книгопродавцах). не взялся бы их издавать. По какому праву г. Орлов вздумал наречь своих холопей: Хлыновских степняков. Игната и Сидора, детьми Ивана Выжигина, и еще в то самое время, когда автор Выжигина издает другой роман под тем же названием?.. Никогда такие омерзительные картины не появлялись на русском языке. За здравствует московское книгопечатание!» (*Сев. Пч<ела>*, 1831. № 46).

Какая злонамеренная и несправедливая критика! Мы заметили уже неприличие нападений на Москву; но в чем упрекают здесь почтенного *Александра Анфимовича?*... В том, что за каждое его сочинение книгопродавцы платят ему по 20 рублей? Что же? Бескорыстному сердцу моего друга приятно думать, что получив 20 рублей, доставил он другому 2000 выгоды **; между тем, как некоторый петербургский литератор, взяв за свою рукопись 30.000 заставил охать погорячившегося книгопродавца!!!

Ставят ему в грех, что он знает латинский язык. Конечно: доказано, что *Фаддей Венедиктович* (издавший Горация с чужими примечаниями) не знает по латыни; но ужели сему незнанию обязан он своею бессмертною славою?

Уверяют, что *г. Орлов из ученых*. Конечно: доказано, что *г. Булгарин* вовсе не учен, но опять повторяю: разве невежество есть достоинство столь завидное?

Этого недовольно: грозно требуют ответа от моего друга: как дерзнул он присвоить своим лицам имя, освященное самим *Фаддеем Венедиктовичем?* — Но разве *А. С. Пушкин* не дерзнул

* Важное сознание! прошу прислушать! <Примеч. Пушкина.>
** Историческая истина! <Примеч. Пушкина.>

lib.pushkinskijdom.ru

вывести в своем *Борисе Годунове* все лица романа *Г. Булгарина*, и даже воспользоваться многими местами сего романа в своей трагедии (писанной, говорят, пять лет прежде и известной публике еще в рукописи)?

Смело ссылаюсь на совесть самих издателей *Сев. Пчелы:* справедливы ли сии критики? виноват ли *Александр Анфимович Орлов?*

Но еще смелее ссылаюсь на почтенного *Николая Ивановича:* не чувствует-ли он глубокого раскаяния, оскорбив напрасно человека с столь отличным дарованием, *не состоявшего с ним ни в каких сношениях, вовсе его не знающего и не писавшего о нем ничего дурного?* *

Феофилакт Косичкин[1].

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О МИЗИНЦЕ Г. БУЛГАРИНА И О ПРОЧЕМ

Я не принадлежу к числу тех незлопамятных литераторов, которые, публично друг друга обругав, обнимаются потом всенародно, как *Пролаз* с *Высоносом*,[2] говоря в похвальбу себе и в утешение:

Ведь кажется у нас по полной оплеухе.

Нет: рассердясь единожды, сержусь я долго и утихаю не прежде, как истощив весь запас оскорбительных примечаний, обиняков, заграничных анекдотов и тому подобного. Для поддержания же себя в сем суровом расположении духа, перечитываю я тщательно мною переписанные в особую тетрадь статьи, подавшие мне повод к таковому ожесточению. Таким образом, пересматривая на днях антикритику, подавшую мне случай заступиться за почтенного друга моего *А. А. Орлова*, напал я на следующее место:

— «*Я решился на сие*» — (на оправдание Г. Булгарина) — «*не для того, чтоб оправдать и защищать Булгарина, который в этом не имеет надобности, ибо у него в одном мизинце более ума и таланта, нежели во многих головах рецензентов*» (*см. № 27 Сына Отечества*, издаваемого г.г. *Гречем и Булгариным*).

Изумился я, каким образом мог я пропустить без внимания сии красноречивые, но необдуманные строки! Я стал по пальцам пересчитывать всевозможных рецензентов, у коих менее ума в голове, нежели у г. *Булгарина в мизинце*, и теперь догадываюсь, кому *Николай Иванович* думал погрозить мизинчиком *Фаддея Венедиктовича*.

В самом деле, к кому может отнестись это затейливое выражение? Кто наши записные рецензенты?

---

* Сын Отечества, № 27, стр. 60. <Примеч. Пушкина>.

[1] Так подписал Пушкин эту статью, опубликовав ее (с редакционной отметкой Н. И. Надеждина «Сообщено») в «Телескопе» 1831 г., № 13.

[2] Комические персонажи лубочных картинок.

lib.pushkinskijdom.ru

Вы, г. издатель *Телескопа?* Вероятно мстительный *мизинчик* указует и на вас: предоставляю вам самим вступиться за свою голову. * Но кто же другие?

Г. *Полевой?* Но не смотря на прежние раздоры, на письма Бригадирши, на насмешки славного Грипусье, на недавнее прозвище Верхогляда и проч и проч., *всей Европе известно,* что *Телеграф* состоит в добром согласии с *Северной Пчелой* и Сыном *Отечества: мизинчик* касается не его.

Г. *Воейков?* Но сей замечательный литератор рецензиями мало занимается, а известен более изданием Хамелеонистики, остроумного сбора статей, в коих выводятся, так сказать, на чистую воду некоторые, так сказать, литературные плутни. Ловкие издатели *Северной Пчелы* уж верно не станут, как говорится, класть ему пальца в рот, хотя бы сей палец был и знаменитый, вышеупомянутый *мизинчик.*

Г. *Сомов?* Но кажется Литературная Газета, совершив свой единственный подвиг — совершенное уничтожение (литературной) славы Г. *Булгарина,* — почиет на своих лаврах и Г. *Греч,* вероятно, не станет тревожить сего счастливого усыпления, щекотя Газету проказливым *мизинчиком.*

Кого же оцарапал сей мизинец? Кто сии рецензенты, у коих — и так далее? Просвещенный читатель уже догадался, что дело идет обо мне, о *Феофилакте Косичкине.*

Всему свету известно, что никто постояннее моего не следовал за исполинским ходом нашего века. Сколько глубоких и блистательных творений по части политики, точных наук и чистой литературы, вышли у нас из печати в течение последнего десятилетия — (шагнувшего так далеко вперед) — и обратило на себя справедливое внимание завидующей нам Европы! Ни одного из таковых явлений не пропустил я из виду; обо всяком, как известно, написал я по одной статье, отличающейся ученостию, глубокомыслием и остроумием. Если долг беспристрастия требовал, чтоб я указывал иногда на недостатки разбираемого мною сочинения, то может ли кто нибудь из г. русских авторов жаловаться на заносчивость или невежество *Феофилакта Косичкина?* Может быть, по примеру г. *Полевого,* я слишком лестно отзываюсь о самом себе; я мог бы говорить в третьем лице и попросить моего друга подписать имя свое под сими справедливыми похвалами; но я гнушаюсь таковыми уловками и гг. русские журналисты, вероятно, не укорят меня в шарлатанстве.

И чтож! Г. *Греч* в журнале, с жадностию читаемом во всей просвещенной Европе, дает понимать, будто бы в мизинце его товарища более ума и таланта, чем в голове моей! Отзыв слишком для меня оскорбительный! Полагаю себя в праве объявить *во услышание всей Европы,* что я ничьих мизинцев не убоюсь; ибо, не входя в рассмотрение голов, уверяю, что пальцы мои —

* До мизинцев ли мне. *Изд.* <Телескоп.>

lib.pushkinskijdom.ru

(каждый особо и все пять в совокупности) — готовы воздать сторицею, кому бы то ни было. Dixi! [1]

Взявшись за перо, я не имел однакож целию объявить о сем почтеннейшей публике; подобно нашим писателям-аристократам — (разумею слово сие в его ироническом смысле) — я никогда не отвечал на журнальные критики: дружба, оскорбленная дружба призывает опять меня на помощь угнетенного дарования.

Признаюсь: после статьи, в которой так торжественно оправдал и защитил я *А. А. Орлова* — (статьи, принятой московскою и петербургскою публикою с отличной благосклонностию) — не ожидал я, чтоб *Северная Пчела* возобновила свои нападения на благородного друга моего и на первопрестольную столицу. Правда, сии нападения уже гораздо слабее прежних, но я не умолкну, доколе не принужу к совершенному безмолвию ожесточенных гонителей моего друга и непочтительного *Сына Отечества*, издевающегося над нашей древнею Москвою.

Северная Пчела (№ 101), объявляя о выходе нового *Выжигина*, говорит: «Заглавие сего романа заставило нас подумать, что это одно из многочисленных подражаний произведениям нашего *блаженного Г. А. Орлова*, знаменитого автора — — — Притом же всякое произведение московской литературы, носящее на себе печать изделия книгопродавцев *пятнадцатого класса* — — — приводит нас в невольный трепет». — «*Блаженный Г. Орлов*»... Что значит *блаженный Орлов?* О! конечно: если блаженство состоит в спокойствии духа, не возмущаемого ни завистью, ни корыстолюбием; в чистой совести, не запятнанной ни плутнями, ни лживыми доносами; в честном и благородном труде, в смиренном развитии дарования, данного от бога: то добрый и небогатый *Орлов* блажен и не станет завидовать ни богатству плута, ни чинам негодяя, ни известности шарлатана!!! Если же слово *блаженный* употреблено в смысле, коего здесь изъяснять не стану, то удивляюсь охоте некоторых людей, старающихся представить смешными вещи, вовсе не смешные, и которые даже не могут извинять неприличия мысли остроумием или веселостию оборота.

Насмешки над книгопродавцами пятнадцатого класса обличают аристократию чиновных издателей, некогда осмеянную так называемыми аристократическими нашими писателями. Повторим истину, столь же неоспоримую, как и нравственные размышления *г. Булгарина:* «чины не дают ни честности плуту, ни ума глупцу, ни дарования задорному мараке. Фильдинг и Лабрюер не были ни статскими советниками, ни даже коллежскими ассесорами. Разночинцы, вышедшие в дворянство, могут быть почтенными писателями, если только они люди с дарованием, образованностию и добросовестностию, а не фигляры и не наглецы».

---

[1] Я сказал.

lib.pushkinskijdom.ru

Надеюсь, что сей умеренный мой отзыв будет последним и что почтенные издатели *Северной Пчелы, Сына Отечества и Северного Архива* не вызовут меня снова на поприще, на котором являюсь редко, но не без успеха, как изволите видеть. Я человек миролюбивый, но всегда готов заступиться за моего друга; я не похожу на того китайского журналиста, который, потакая своему товарищу и в глазах выхваляя его бредни, говорит на ухо всякому: «этот пачкун и мерзавец ссорит меня со всеми порядочными людьми, марает меня своим товариществом; но что делать? он человек деловой и расторопный.»

Между тем полагаю себя в праве объявить о существовании романа, коего заглавие прилагаю здесь. Он поступит в печать или останется в рукописи, *смотря по обстоятельствам.*

НАСТОЯЩИЙ ВЫЖИГИН

Историко-нравственно-сатирический роман XIX века.

СОДЕРЖАНИЕ

Глава I. Рождение Выжигина в кудлашкиной канаре. Воспитание ради Христа. Глава II. Первый пасквиль Выжигина. Гарнизон. Глава III. Драка в кабаке. Ваше благородие! Дайте опохмелиться! Глава IV. Дружба с Евсеем. Фризовая шинель. Кража. Бегство. Глава V. Ubi bene, ibi patria [1]. Глава VI. Московский пожар. Выжигин грабит Москву. Глава VII. Выжигин перебегает. Глава VIII. Выжигин без куска хлеба. Выжигин ябедник. Выжигин торгаш. Глава IX. Выжигин игрок. Выжигин и отставной квартальный. Глава X. Встреча Выжигина с Высухиным. Глава XI. Веселая компания. Курьезный куплет и письмо-аноним к знатной особе. Глава XII. Танта. Выжигин попадается в дураки. Глава XIII. Свадьба Выжигина. Бедный племянничек! Ай да дядюшка! Глава XIV. Господин и госпожа Выжигины покупают на трудовые денежки деревню и с благодарностию объявляют о том почтенной публике. Глава XV. Семейственные неприятности. Выжигин ищет утешения в беседе муз и пишет пасквили и доносы. Глава XVI. Видок или маску долой! Глава XVII Выжигин раскаивается и делается порядочным человеком. Глава XVIII и последняя. Мышь в сыре.

Ф. Косичкин. [2]

1833

<О СОЧИНЕНИЯХ П. А. КАТЕНИНА.> [3]

На днях вышли в свет Сочинения и переводы в стихах Павла Катенина.

---

[1] Где хорошо, там и родина.

[2] Так подписал Пушкин эту статью, опубликовав ее (с отметкой Н. И. Надеждина «Сообщено») в «Телескопе» 1831 г., № 15.

[3] Статья, опубликованная Пушкиным в «Литерат. Прибавлениях к Русскому Инвалиду» 1833 г., № 26.

lib.pushkinskijdom.ru

Издатель (г. *Бахтин*) в начале предисловия, весьма замечательного, упомянул о том, что *П. А. Катенин*, почти при вступлении на поприще словесности, был встречен самыми несправедливыми и самыми неумеренными критиками.

Нам кажется, что г. *Катенин* (так, как и все наши писатели вообще) скорее мог бы жаловаться на безмолвие критики, чем на ее строгость или пристрастную привязчивость. Критики, по настоящему, еще у нас не существует: несправедливо было бы нам и требовать оной. У нас и литература едва ли существует; а на нет суда нет, говорит неоспоримая пословица. Если публика может довольствоваться тем, что называют у нас критикою, то это доказывает только, что мы еще не имеем нужды ни в *Шлегелях*, ни даже в *Лагарпах*.

Что же касается до несправедливой холодности, оказываемой публикою сочинениям г. *Катенина*, то во всех отношениях она делает ему честь: во первых, она доказывает отвращение поэта от мелочных способов добывать успехи, а во вторых, и его самостоятельность. Никогда не старался он угождать господствующему вкусу в публике, напротив: шел всегда своим путем, творя для самого себя, что и как ему было угодно. Он даже до того простер сию гордую независимость, что оставлял одну отрасль поэзии, как скоро становилась она модною, и удалялся туда, куда не сопровождали его ни пристрастие толпы, ни образцы какого-нибудь писателя, увлекающего за собою других. Таким образом, быв один из первых апостолов романтизма и первый введши в круг возвышенной поэзии язык и предметы простонародные, он первый отрекся от романтизма и обратился к классическим идолам, когда читающей публике начала нравиться новизна литературного преобразования.

Первым замечательным произведением г-на *Катенина* был перевод славной Биргеровой Леноры. Она была уже известна у нас по неверному и прелестному подражанию *Жуковского*, который сделал из нее то же, что *Байрон* в своем Манфреде сделал из *Фауста:* ослабил дух и формы своего образца. *Катенин* это чувствовал и вздумал показать нам Ленору в энергической красоте ее первобытного создания; он написал *Ольгу*. Но сия простота и даже грубость выражений, сия *сволочь*, заменившая *воздушную цепь теней*, сия виселица, вместо сельских картин, озаренных летнею луною, неприятно поразили непривычных читателей, и *Гнедич* взялся высказать их мнения в статье, коей несправедливость обличена была *Грибоедовым*. После *Ольги*, явился *Убийца*, лучшая, может быть, из баллад *Катенина*. Впечатление, им произведенное, было и того хуже: убийца, в припадке сумасшествия, бранил месяц, свидетеля его злодеяний, *плешивым!* Читатели, воспитанные на *Флориане* и *Парни*, расхохотались и почли балладу ниже всякой критики.

Таковы были первые неудачи *Катенина;* они имели влияние и на следующие его произведения. На театре имел он решительные успехи. От времени до времени в журналах и альманахах

lib.pushkinskijdom.ru

появлялись его стихотворения, коим наконец начали отдавать справедливость, и то скупо и неохотно. Между ими отличаются *Мстислав Мстиславичь*, стихотворение исполненное огня и движения, и *Старая Быль*, где столько простодушия и истинной поэзии.

В книге, ныне изданной, просвещенные читатели заметят *идиллию*, где с такой прелестною верностию постигнута буколическая природа, не Геснеровская, чопорная и манерная, но древняя простая, широкая, свободная; меланхолическую *элегию*, мастерской перевод трех песен из *Inferno*[1] и собрание *романсов о Сиде*, сию простонародную хронику, столь любопытную и поэтическую.— Знатоки отдадут справедливость ученой отделке и звучности гекзаметра и вообще механизму стиха г-на *Катенина*, слишком пренебрегаемому лучшими нашими стихотворцами.

А. Пушкин.

14 марта 1833.

1836—1837

Статьи для „Современника"

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ГЕОРГИЯ КОНИСКОГО

АРХИЕПИСКОПА БЕЛОРУССКОГО,

изд. Протоиереем Иоанном Григорьевичем С.П.б. 1835.

Георгий Кониский известен у нас краткой речью, которую произнес он в Мстиславле императрице Екатерине во время ее путешествия в 1787 году: «Оставим астрономам»... и проч. Речь сия, прославленная во всех наших реториках, ничто иное, как остроумное приветствие, и заключает в себе игру выражений, может быть, слишком затейливую: по нашему мнению, приветствие, коим высокопреосвященный Филарет встретил государя императора, приехавшего в Москву в конце 1830 года, в своей умилительной простоте заключает гораздо более истинного красноречия. Впрочем различие обстоятельств изъясняет и различие чувств, выражаемых обоими ораторами. Императрица путешествовала, окруженная всею пышностию двора своего, встречаемая всюду торжествами и празднествами; государь посетил Москву, опустошаемую заразой, пораженную скорбью и ужасом.

Но Георгий есть один из самых достопамятных мужей минувшего столетия. Жизнь его принадлежит истории. Он вступил в управление своею епархией, когда Белоруссия находилась еще под игом Польши. Православие было гонимо католическим фанатизмом. Церкви наши стояли пусты или отданы были уния-

[1] «Ад» Данте.

lib.pushkinskijdom.ru

там. Миссионеры насильно гнали народ в униятские костелы, ругались над ослушниками, секли их, заключали в темницы, томили голодом, отымали у них детей, дабы воспитывать их в своей вере, уничтожали браки, совершенные по обрядам нашей церкви, ругались над могилами православных. Георгий искал защиты у русского правительства; он доносил обо всем св. синоду и жаловался нашему посланнику, находившемуся в Варшаве. Ревность его пуще озлобила гонителей. Доминиканец Овлачинский, прославившийся ненавистию к нашей церкви, замыслил принести Георгия в жертву своему изуверству. В 1759 году Георгий, презирая опасности, ему угрожающие, поехал обозревать сетующую свою епархию. Овлачинский и миссионеры возмутили в Орше шляхту и жолнеров. Они разогнали народ, вышедший с хоругвями навстречу своему архипастырю, остановили колокольный звон и с воплем ворвались в церковь, где Георгий священнодействовал. Преосвященный едва успел спастись от их сабель в стенах Кутеинского монастыря, откуда тайно вывезли его в телеге, прикрыв навозом. Другой изувер, свирепый Зеновичь, предводительствуя езуитскими воспитанниками, ночью в Могилеве напал на архиерейский дом. Буйные молодые люди вломились в ворота, перебили окна, ранили несколько монахов, семинаристов и слуг; но к счастию не нашли Георгия, скрывшегося в подвалах своего дома.

Дерзость гонителей час от часу усиливалась. Польское правительство им потворствовало. Миссионеры своевольничали, поносили православную церковь, лестью и угрозами преклоняли к унии не только простой народ, но и священников. Георгий снова жаловался России. Императрица Елисавета Петровна, перед самой своей кончиною, и государь Петр III, при своем восшествии на престол, требовали от польского двора, чтоб гонения над нашими единоверцами были прекращены; но избавление православия предоставлено было Екатерине II.

Георгий предстал перед нею в 1762 году в Москве, когда она короновалась, и в след за русским духовенством принес ей вместе с поздравлениями тихие сетования народа, издревле нам родного, но отчужденного от России жребиями войны. Екатерина с глубоким вниманием выслушала печальную речь представителя будущих ее подданных, и когда, несколько времени спустя, св. синод думал вызвать Георгия и поручить в его управление Псковскую епархию, императрица на то не согласилась и сказала: «Георгий нужен в Польше».

В 1765 году Георгий явился в Варшаве и пред троном Станислава с жаром заступился за тех, которые именовались еще подданными Польши. Король поражен был его словами. Он обещал свое покровительство диссидентам и в следующем году действительно повелел «униятским архиереям, из среды своей избрав одного епископа, прислать в Варшаву, для изыскания и постановления надлежащих мер ко взаимному успокоению враждующих». Но гордые польские магнаты, презрев посредниче-

lib.pushkinskijdom.ru

ство России и Пруссии, отвергли справедливые требования диссидентов. В следствие сего Екатерина повелела своим войскам двинуться к Варшаве. Там, за оградою русских штыков, созван был сейм, учреждена согласительная комиссия и диссидентам возвращены их прежние права.

Георгий, один из первых членов Слуцкой конфедерации, определен был в члены сей комиссии. Он опять отправился в Варшаву и деятельно занялся объяснением древних грамот, на коих основаны были права диссидентов. Он умел приобрести уважение своих противников и даже их доверенность. «Мы за вами еще живем, сказал однажды ему униятский епископ Шептицкий, а когда католики вас догрызут, то примутся и за нас». Униаты втайне готовы были отложиться от папы и снова соединиться с греко-российскою церковью. Между тем Барская конфедерация, поддерживаемая политикою Шуазеля, воспламенила новую войну. Следствием оной был первый раздел Польши. Семь областей, древнее достояние нашего отечества, были ему возвращены — и в 1773 году Георгий явился пред Екатериною, уже как подданный, радостно приветствуя избавительницу и законную владычицу Белоруссии.

С тех пор Георгий мог спокойно посвятить себя на управление своею епархиею. Просвещение духовенства, ему подвластного, было главною его заботою. Он учреждал училища, беспрестанно поучал свою паству, а часы досуга посвящал ученым занятиям. Он умер в 1795 году, будучи 77 лет от роду.

Ныне протоиерей І. Григорович издал собрание сочинений Георгия Кониского, присовокупив к книге своей любопытное и прекрасно изложенное жизнеописание Георгия Кониского.

Проповеди Георгия просты и даже несколько грубы, как поучения старцев первоначальных; но их искренность увлекательна. Политические речи его имеют большое достоинство. Лучшая из них произнесена им Екатерине, по совершении ее коронования. Помещаем здесь несколько из его отдельных мыслей:

«Для молитвы пост есть тоже, что для птицы крылья.

*

Когда грешник, не хотящий покаяться в беззакониях своих, молится богородице и вопиет ей: *радуйся!* то приветствие сие столько же оскорбляет ее, как и то иудейское *радуйся*, когда распинатели Христовы, ударяя в ланиту божественного сына ее, приглашали: *радуйся, Царю Иудейский!* * Ибо нераскаянный грешник есть новый распинатель Христов **. Да ищем убо заступления и покрова ее, но оставим наперед грехи свои: ибо с грехами и из-под ризы своея изринет нас.

*

Душа бессмертная, от бренного тела, как птица из растерзанной сети, весело взлетевши, воспаряет в рай богонасажденный, где вечно цветет древо жизни, где жилище самому Христу и избранным его.

---

* Матф. 27, 28.
** Евр. 6, 6.

lib.pushkinskijdom.ru

❋

Телеса наши, в гробах согнившие и в прах рассыпавшиеся, возникнут от земли, как трава весною, и по соединении с душами восстанут, и укажутся всему небу, пред очами ангелов и человеков, пред очами предков наших и потомков, одни яко пшеница, другие же яко плевелы, ожидая серпов ангельских, и того места, которое назначено, особо для пшеницы, и особо для плевел.

❋

Вниди в клеть твою и помолися *. Такая уединенная молитва и в соборе может иметь место, если молящийся уединился от всех забот и попечений и пребывает безмолвен среди молвы, его окружающей; если он, отрясши от чувств своих все страсти и вожделения, един с единым богом беседует. Авраам, ведя сына своего Исаака на заклание, говорит сопровождающим: *седите вде со ослятем, ав же и детищ пойдем до онъде, и поклонившеся, возвратимся к вам* **. Так истинно молящийся, страстям своим, аки рабам, повелевает оставить его и ожидать, пока он молитву свою богу, аки Исаака, в жертву принесет. О, сколь отличны от сего молитвы наши! Мы и в уединении целое торжище вкруг себя собираем. Молясь, и покупаем, и продаем, и хозяйством управляем, и о лихоимстве заботимся, и друзьям ласкательствуем, и на врагов вооружаемся, и о сластях помышляем, и о сундуках своих трепещем. Подлинно, се ли молитва, и не паче ли торжище, молвы преисполненное? Где тут ум, разумеющий глаголы свои? Где сердце, долженствующее прилепиться к богу? Одни уста трубят и язык как кимвал звяцает; а мысли как птицы в воздухе, по всем странам носятся, а сердце хладно, как бездушный труп, закрытый вместе с сокровищем нашим.

❋

Иосиф, проданный братьями своими во Египет, соделавшись правителем царства, дал им в удел самую богатую землю, Гесем именуемую ***. Сын божий, по безмерной благости своей, соединившийся с нашею природою и таким образом соделавшийся братом нашим, дает нам, не часть некую области небесной, но все царство свое нераздельно. Небо отверсто для нас; престолы уготованы; объятия божественного брата нашего ждут нас. Пойдем, полетим к нему: но прежде должны мы сбросить с себя всю тяготу мирскую, влекущую нас к земле.

❋

Неверующему чудесам мы смело можем сказать с блаженным Августином: «Большее из всех чудес чудо есть то, что двенадесять человек, бесписьменных, безоружных, нищих, проповедывавших крест, победили, не только владык и сильных земли, но и самих богов языческих, и целый свет Христу покорили». Ты возразишь мне на сие, что сии победители мира сами были стинном: «Большее из всех чудес чудо есть то ,что двенадесять человек, без креста, меча и огня. Но вот мой краткий ответ: на то и посланы были сии победители своим воеводою· *Се ав посылаю вас, яко овцы посреде волков: предадят вы на сонмы, и на соборищах избивают вас* **** Особое убо чудо миру и печать истины евангельской есть страдальческая смерть посланников-победителей. Но посмотри, что с сими убиенными последовало? Цари персть их почитают и, отложив порфиру и венец, благоговейно преклоняют колена пред гробами их.

❋

Нигде не читаем, чтобы язычники страдали так за своих идолов, как мученики христианские за веру Христову. Да и в нынешних богоборных сонмищах атеистов и натуралистов, в главных гнездах их, во Франции и

---

* Матф. 6, 6
** Быт. 22, 5.
*** Быт. 47, 6. п.
**** Матф. 10, 16, 17.

lib.pushkinskijdom.ru

Англии, нашелся ли хотя один такой ревнитель, который бы за безбожие свое или натурализм произвольно на муки дерзнул? У нас, в России, за несколько пред сим лет, известный болярин, уличенный в безбожии, одним показанием кнута отрекся того.

*

Говорят многие: почему молитвы наши ни чудес не творят, ни лучшей перемены в нас не производят. Ах, стыдно и воспоминать молитвы наши! Об них можно тоже сказать, что сказал кормчий одному бывшему на корабле беззаконнику. Когда, во время сильной и опасной бури, все плаватели обратились к молитве, и вместе с ними и оный беззаконник нечто промолвил; то кормчий остановил его сими словами: «ты, пожалуй, молчи; не знает бог, что и ты с нами, и потому еще между отчаянием и надеждою находимся; а как услышит твою святую молитву, так мы и погибли». Достойна ли молитва имени своего, когда она в одних устах обращается, а ум не помнит и не знает того, что болтает язык. Читаем: *глаголы моя внуши, господи, разумей звание мое* *; а сами ни глаголов не внушаем, ни звания нашего не разумеем. Такая молитва переменит ли нас, окаянных и грешных, в добрых и богоугодных? Грешными в церковь приходим, грешнейшими выходим.

*

Радость плотская ограничивается наслаждением; по мере, как затихает веселый гудок, затихает и веселость. Но радость духовная есть радость вечная; она не умаляется в бедах, не кончается при смерти, но переходит и по ту сторону гроба.

*

Важны ли добрые дела наши в деле спасения? Я объясню тебе вопрос сей подобием. Возьми небольшой кусок меди и понеси его на торжище; там за него ты ничего не купишь; всякой с насмешкою скажет тебе известную пословицу: «приложи копейку, то купишь калач». Но ежели тот самый металл будет иметь изображение государя твоего, или другой знак его монеты; то купишь за него что тебе надобно. Так точно и дела наши. Ежели ты не имеешь веры и упования на Христа спасителя, не сомневайся признать, что они суетны. Но те самые дела совокупи с верою и упованием на него, тогда они будут важны; и если потребно тебе откупиться от грехов, или купить небесные вечные утехи, купишь ими несомненно.

*

Мы познаем разумом души; а телесные очи суть как бы очки, чрез кои душевные очи смотрят.

*

Чужий грех на мне не лежит. Но если чужий грех содевается моим советом, согласием или неосторожным примером; тогда он не только лежит на мне, но как жернов тяготит душу мою. Горе человеку тому, говорит сам спаситель, им же соблазн приходит **. Действительно грех соблазна прежде меня, прежде моей смерти, предшествует на суд божий, и уже по кончине моей следует туда же за мною. Скажу тоже иными словами. Все соблазненные примером моим, и прежде меня позванные на суд божий, уже понесли туда грехи мои. Убо уже готовы для меня муки. Но тут еще не все. Я умер, и перестал грешить: но все соблазненные мною, и при том все, от соблазненных мною вновь соблазняемые, оставаясь еще в сей жизни, посылают, в след за мною, бесчисленные беззакония, от единого примера моего, яко от единого блата, истекающие. Убо готовы для меня новые, сугубые мучения! Вот как ужасен грех соблазна, ужаснее многоглавой Лернейской гидры!»

Кониский написал также несколько стихотворений русских, польских и латинских. В художественном отношении они имеют

* Псал. 5, 2.
** Матф. 18, 7

lib.pushkinskijdom.ru

мало достоинства, хотя в них и виден дух мыслящий. Следующая элегия показалась нам достопримечательна:

Серпа ожидают созрелые класы;
А нам вестники смерти — седые власы.
О! смертный, беспечный, посмотри в зерцало:
Ты сед, как пятьдесят лет тебе миновало.
Как же ты собрался в смертную дорогу?
С чем ты предстанешь правосудному богу?
Путь смертный безвестен, и полон разбоя:
Искусного, храброго требует конвоя
Кто же тебя поведет и за тебя сразится?
Друг, проводив тебя к гробу, в дом возвратится.
Изнеможешь, пеший, таща грехов ношу!
Ах! тут-то нужно иметь подмогу хорошу
Подмогу, какая дана Сикеоту:
Но — та дана слевам, кровавому поту.
А ты много ли плакал за грехи? Считайся.
Не весь ли век твой есть цепь грехов? Признайся.
Ах! вижу, ты нагим, как родила мать:
Ни лоскута на душе твоей не сыскать!
Поверь же, не виидешь в небесны чертоги:
В ад тебя низринут, связав руки, ноги.
Без масла дел благих гаснет свеча веры;
Затворятся брачные буим девам двери;
Может быть, при смерти, «помяни мя» скажешь.
И тем уста свои навсегда завяжешь.
И так, доколе древа топор не коснется,
Плод добрых дел тебе принесть остается.

Но главное произведение Кониского остается до сих пор неизданным: *История Малороссии* известна только в рукописи. Георгий написал ее с целию государственною. Когда императрица Екатерина учредила Комиссию о составлении нового уложения, тогда, депутат малороссийского шляхетства, Андрей Григорьевич Полетика обратился к Георгию, как к человеку, сведущему в старинных правах и постановлениях сего края. Кониский, справедливо полагая, что одна только история народа может объяснить истинные требования оного, принялся за свой важный труд и совершил его с удивительным успехом. Он сочетал поэтическую свежесть летописи с критикой, необходимой в истории. Не говорю здесь о некоторых этнографических и этимологических объяснениях, помещенных им в начале его книги, которые перенес он в историю из хроники, не видя в них никакой существенной важности и не находя нужным противоречить общепринятым в то время понятиям. Под словом *критики* я разумею глубокое изучение достоверных событий и ясное, остроумное изложение их истинных причин и последствий.

Смелый и добросовестный в своих показаниях, Кониский не чужд некоторого невольного пристрастия. Ненависть к изуверству католическому и угнетениям, коим он сам так деятельно противился, отзывается в красноречивых его повествованиях. Любовь к родине часто увлекает его за пределы строгой справедливости. Должно заметить, что чем ближе подходит он к настоящему времени, тем искреннее, небрежнее и сильнее стано-

lib.pushkinskijdom.ru

вится его рассказ. Он любит говорить о подробностях войны и описывает битвы с удивительною точностию. Видно, что сердце дворянина еще бьется в нем под иноческою рясою (Конисский происходил от старинного шляхетского роду и этим вовсе не пренебрегал, как видно даже из эпитафии, вырезанной над его гробом и сочиненной им самим). Множество мест в Истории Малороссии суть картины, начертанные кистию великого живописца. Дабы дать о нем некоторое понятие тем, которые еще не читали его, помещаем здесь два отрывка из его рукописи.

Введение унии.

«По истреблении гетмана Наливайки таким неслыханным варварством, вышел от сейму или от вельмож, им управлявших, такой же варварский приговор и на весь народ русской. В нем объявлен он отступным, вероломным и бунтливым и осужден в рабство, преследование и всемерное гонение. Следствием сего Нероновского приговора было отлучение навсегда депутатов русских от сейма национального и всего рыцарства, от выборов и должностей правительственных и судебных, отбор староств, деревень и других ранговых имений от всех чиновников и урядников русских, и самих их уничтожение. Рыцарство русское названо хлопами, а народ, отвергавший унию, схизматиками. Во все правительственные и судебные уряды малороссийские посланы поляки с многочисленными штатами; города заняты польскими гарнизонами, а другие селения их же войсками; им дана власть все то делать народу русскому, что сами захотят и придумают, а они исполняли сей наказ с лихвою, и что только замыслить может своевольное, надменное и пьяное человечество, делали то над несчастным народом русским без угрызения совести; грабительства, насилие женщин и самых детей, побои, мучительства и убийства превзошли меру самых непросвещенных варваров. Они, почитая и называя народ невольниками, или ясыром польским, все его имение признавали своим. Собиравшихся вместе нескольких человек для обыкновенных хозяйских работ или празднеств, тотчас с побоями разгоняли, на разговорах их пытками истязывали, запрещая навсегда собираться и разговаривать вместе. Церкви русские силою и гвалтом обращали на унию. Духовенство римское, разъезжавшее с триумфом по Малой России для надсмотра и понуждения к униятству, вожено было от церкви до церкви людьми, запряженными в их длинные повозки по двенадцати человек и более. На прислуги сему духовенству выбираемы были полякам самые красивейшие из девиц. Русские церкви несогласовавшихся на унию прихожан отданы жидам в аренду, и получена за всякую в них отправку денежная плата от одного до пяти талеров, а за крещение младенцев и похороны мертвых от одного до четырех талеров. Жиды, яко непримиримые враги христианства, сии вселенские бродяги и притча в человечестве, с восхищением принялись за такое надежное для них скверноприбытчество, и тотчас ключи церковные и веревки колокольные отобрали к себе в корчмы. При всякой требе христианской повинен ктитор итти к жиду торжиться с ним, и по важности отправы, платить за нее и выпросить ключи; а жид при том, насмеявшись довольно богослужению христианскому и прехуливши все христианами чинимое, называя его языческим или по их гойским, приказывал ктитору возвращать ему ключи, с клятвою, что ничего в запись не отказано.

Страдание и отчаяние народа увеличилось новым приключением, сделавшим еще замечательную в сей земле эпоху. Чиновное шляхетство малороссийское, бывшее в воинских и земских должностях, не стерпя гонений от поляков и не могши перенесть лишения мест своих, а паче потеряния ранговых и нажитых имений, отложилось от народа своего и разными происками, посулами и дарами закупило знатнейших урядников римских, сладило и задружило с ними, и мало по малу согласилось первее на унию, потом обратилось совсем в католичество римское. В последствии, сие шля-

lib.pushkinskijdom.ru

хетство, соединяясь с польским шляхетством свойством, сродством и другими обязанностями, отреклось и от самой породы русской, и всемерно старалось изуродовать природные названия свои, приискать и придумать к ним польское произношение и назвать себя природными поляками Почему и доднесь между ними видны фамилии совсем русского названия, каковых у поляков не бывало, и в их наречии быть не могло, например: Проскура, Чернецкий, Кисель, Воловичь, Сокирка, Комар, Жупан и премногие другие, а с прежнего Чаплины названия Чаплинский, с Ходуна Ходневский, с Бурки Бурковский и так далее. Следствием переворота сего было то, что имения сему шляхетству и должности их возвращены, а ранговые утверждены им в вечность и во всем сравнены с польским шляхетством. В благодарность за то приняли и они в рассуждении народа русского всю систему политики польской, и подражая им, гнали преизлиха сей несчастный народ. Главное политическое намерение состояло в том, чтобы ослабить войска малороссийские и разрушить их полки, состоящие из реестровых казаков: в сем они и успели. Полки сии, претерпев в последнюю войну не малую убыль, не были дополнены другими от скарбу и жилищь казаков Запрещено чинить всякое в полки вспоможение. Главные чиновники воинские, перевернувшись в поляки, сделали в полках великие ваканции. Дисциплина военная и весь порядок опущены и казаки реестровые стали нечто пресмыкающееся без пастырей и вождей. Самые курени казацкие, бывшие ближе к границам польским, то от гонения, то от ласкательств польских, последуя знатной шляхте своей, обратились в поляки и в их веру, и составили известные и поныне околицы шляхетские. Недостаточные реестровые казаки, а паче холостые и мало привязанные к своим жительствам, а с ними и все почти охочекомонные, перешли в Сечь Запорожскую и тем ее знатно увеличили и усилили, сделав с тех пор, так сказать, сборным местом для всех казаков, в отечестве гонимых; а напротив того знатнейшие запорожские казаки перешли в полки малороссийские и стали у них чиновниками, но без дисциплины и регулы; отчего в полках их видимая сделалась перемена».

Казнь Остраницы.

«На место замученного Павлюги, выбран в 1638 году гетманом полковник Нежинский Стефан Остраница, а к нему придан в советники из старого и заслуженного товарищества Леон Гуня, коего благоразумие в войске отменно уважаемо было. Коронный гетман Лянцкоронский с войсками своими польскими не преставал нападать на города и селения малороссийские и на войска, их защищавшие, и нападения его сопровождаемы были грабежем, контрибуциями, убийствами и всех родов бесчинствами и насилиями. Гетману Остранице великого искусства надобно было собрать свои войска, везде рассеянные и всегда преследуемые поляками и их шпионами; наконец собрались они скрытыми путями и по ночам к городу Переяславлю, и первое предприятие их было очистить от войск польских приднепрские города, на обоих берегах сея реки имеющиесь, и восстановить безопасное сообщение жителей и войск обеих сторон. Успех соответствовал предприятию весьма удачно. Войска польские, при городах и внутри их бывшие, не ожидая никак предприятий казацких, по причине наведенных им страхов последнею зрадою и лютостию, над Павлюгою и другими чинами произведенною, ликовали в совершенной беспечности и потому они везде были разбиты; а упорно защищавшиесь истреблены до последнего. Амуниция их и артиллерия достались казакам и они, собравшись в одно место, вооруженные наилучшим образом, пошли искать гетмана Лянцкоронского, который с главным войском польским собрался и укрепился в стане при реке Старице. Гетман Остраница тут его застал и атаковал своим войском. Нападение и отпор были жестокие и превосходящие всякое воображение. Лянцкоронский знал, какому он подвержен мщению от казаков за злодейство, его вероломством и зрадою произведенное над гетманом их Павлюгою и старшинами, и для того защищался до отчаяния; а казаки, имея всегда в памяти недавно виденные ими на позорище в городах отрубленные головы их собратий, злобились на Лянцкоронского и поляков до остервенения, и потому вели атаку свою с жестокостию, похожею на нечто чудовищное; и

lib.pushkinskijdom.ru

наконец, сделавши залп со всех ружей и пушек и произведши дым почти непроницаемый, пошли и поползли на польские укрепления с удивительною отвагою и опрометчивостию, и вломясь в них, ударили на копья и сабли с слепым размахом. Крик и стон народный, треск и звук оружия уподоблялись грозной туче, все повергающей. Поражение поляков было повсеместно и самое губительное. Они оборонялись одними саблями, не успевая заряжать ружьев и пистолетов, и шли задом до реки Старицы, а тут, повергаясь в нее в беспамятстве, перетопились и загрязли целыми толпами. Гетман их Лянцкоронский, с лучшею немногою конницею, завременно бросился в реку, и, переправившись через нее, пустился в бег, не осматриваясь и куда лошади несли. Стан польский, наполненный мертвецами, достался казакам с превеликою добычею, состоящею в артиллерии и всякого рода оружии и запасах. Казаки по сей славной победе, воздевши руки к небесам, благодарили за нее бога, поборающего за невинных и неправедно гонимых. Потом, отдавая долг человечеству, погребли тела убиенных и сочли польских мертвецов 11,317, а своих 4,727 человек, и в том числе советника Гуню. Управившись с похоронами и корыстьми, погнались за гетманом Лянцкоронским, и настигнув его в местечке Полонном ожидающего помощи из Польши, тут атаковали его, вапершагось в замке. Он, не допустив казаков штурмовать замка, выслал против них навстречу церковную процессию с крестами, хоругвями и духовенством русским, кои, предлагая мир от гетмана и от всея Польши, молили и заклинали богом гетмана Остраницу и его войска, чтобы преклонились они на мирные предложения По долгом совещании и учиненых с обеих сторон клятвах, собрались в церковь высланные от обоих гетманов чиновники, и написавши тут трактат вечного мира и полной амнистии, предающей забвению все прошедшее, подписали его с присягою на евангелии о вечном хранении написанных артикулов и всех прав и привиллегий казацких и общенародных. За сим разошлись войска во свояси.

Гетман Остраница, разослав свои войска, иные по городам в гарнизоны, а другие в их жилища, сам и со старшинами генеральными, и со многими полковниками, и сотниками, заехал в город Канев для принесения богу благодарственных молений в монастыре тамошнем. Поляки, отличавшиеся всегда в условиях и клятвах непостоянными и вероломными, держали трактат с присягою, в Полонном заключенный, наравне со всеми прежними условиями и трактатами, у казаков с ними бывшими, то есть, в одном вероломстве и презорстве; а духовенство их, присвоив себе непонятную власть на дела божеские и человеческие, определяло хранение клятв между одними только католиками своими, а с другими народами бывшие у них клятвы и условия всегда им разрешало и отметало, яко схизматицкие и суду божию не подлежащие. По сим странным правилам, подлым коварством сопровождаемым, сведавши поляки чрез шпионов своих жидов о поездке гетмана Остраницы с штатом своим без нарочитой стражи в Канев, тут его в монастыре окружили многолюдною толпою войск своих, прошедших по ночам и байракам до самого монастыря Каневского, который стоял вне города. Гетман не прежде узнал о сем предательстве, как уже монастырь наполнен был войсками польскими, и потому сдался им без сопротивления. Они, перевязав весь штат гетманской и самого гетмана, всего тридцать семь человек, положили их на простые телеги, а монастырь и церковь тамошние разграбили допоследка, зажгли со всех сторон и сами с узниками скоропостижно убрались и прошли в Польшу скрытыми дорогами, боясь погони и нападения от городов. Приближаясь к Варшаве, построили они узников своих пешо по два, вместе связанных, а каждому из них накинули на шею веревку с петлею, за которую ведены они конницею по городу с триумфом и барабанным боем, проповедуя в народе, что схизматики сии пойманы на сражении, над ними одержанном; а потом заперты они в подземные тюрьмы и в оковы. Жены многих захваченных в неволе чиновников, забравши с собою малолетных детей своих, отправились в Варшаву, надеясь умилостивить и подвигнуть на жалость знатность тамошнюю трогательным предстательством детей их за своих отцев. Но они сим пищу только кровожадным тиранам умножили и отнюдь им не помогли; и чиновники сии,

lib.pushkinskijdom.ru

по нескольких днях своего заключения, повлечены на казнь без всяких разбирательств и ответов.

Казнь оная была еще первая в мире и в своем роде, и неслыханная в человечестве по лютости своей и коварству, и потомство едва ли поверит сему событию, ибо никакому дикому, и самому свирепому японцу, не придет в голову ее изобретение; а произведение в действо устрашило бы самых зверей и чудовищ.

Зрелище оное открывала процессия римская со множеством ксендзов их, которые уговаривали ведомых на жертву малороссиян, чтобы они приняли закон их на избавление свое в чистцу; но сии, ничего им не отвечая, молились богу по своей вере. Место казни наполнено было народом, войском и палачами с их орудиями. Гетман Остраница, обозный генеральный Сурмила и полковники Недригайло, Боюн и Риндичь были колесованы и им переломали поминутно руки и ноги, тянули с них по колесу жилы, пока они скончались; полковники Гайдаревский, Бутрим, Запалей и обозный Кизим и Сучевский пробиты железными спицами насквозь и подняты живые на сваи; есаулы полковые: Постыличь, Гарун, Сутяга, Подобай, Харчевичь, Чудан, Чурай и сотники: Чуприна, Околовичь, Сокальский, Мировичь и Ворожбит прибиты гвоздями стоячие к доскам, облитым смолою, и сожжены медленно огнем; хорунжие: Могилянский, Загреба, Скребило, Ахтырка, Потурай, Бурлей и Загнибеда растерзаны железными когтями, похожими на медвежью лапу; старшины: Ментяй, Дунаевский, Скубрей, Глянский, Завезун, Косырь, Гуртовый, Тумарь и Тугай четвертованы по частям. Жены и дети страдальцев оных, увидя первоначальную казнь, наполнили воздух воплями своими и рыданием, но скоро замолкли.... Оставшихся же по матерям детей, бродивших и ползавших около их трупов, пережгли всех в виду своих отцев на железных решетках, под кои подкидывали уголья и раздували шапками и метлами.

Главные члены человеческие, отрубленные у означенных чиновников малороссийских, как-то: головы, руки и ноги развезены по всей Малороссии и развешены на сваях по городам. Разъезжавшие при том войска польские, наполнившие всю Малороссию, делали все то над малороссиянами, что только хотели и придумать могли: всех родов бесчинства, насилия, грабежи и тиранства, превосходящие всякое понятие и описание. Они между прочим несколько раз повторяли произведенные в Варшаве лютости над несчастными малороссиянами, несколько раз варили в котлах и сожигали на угольях детей их в виду родителей, предавая самых отцев лютейшим казням. Наконец ограбив все церкви благочестивые русские, отдали их в аренду жидам, и утварь церковную, как-то: потиры, дискосы, ризы, стихари и все другие вещи распродали и пропили тем же жидам, кои из серебра церковного поделали себе посуду и убранство, а ризы и стихари перешили на платье жидовкам; а сии тем перед христианами хвастались, показывая нагрудники, на коих видны знаки нашитых крестов, ими сорванных. И таким образом Малороссия доведена была поляками до последнего разорения и изнеможения, и все в ней подобилось тогда некоему хаосу или смешению, грозящему последним разрушением. Никто из жителей не знал и не был обнадежен, кому принадлежит имение его, семейство и самое бытие их, и долго ли оно продлится? Всякой с потерянием имущества своего искал покровительства то у попов римских и униятских, то у жидов, их единомышленников, а своих непримиримых врагов, и не мог придумать за что схватиться».

Как историк, Георгий Кониский еще не оценен по достоинству, ибо счастливый мадригал приносит иногда более славы, нежели создание истинно высокое, редко понятное для записных ценителей ума человеческого и мало доступное для большого числа читателей.

Протоиерей І. Григорович, издав сочинение великого архиепископа Белоруссии, оказал обществу важную услугу. Будем надеяться, что и великий историк Малороссии найдет себе наконец столь же достойного издателя.

lib.pushkinskijdom.ru

АЛЕКСАНДР РАДИЩЕВ.[1]

Il ne faut pas qu'un honnête homme mérite d'être pendu.[2]
Слова Карамзина в 1819 году.

В конце первого десятилетия царствования Екатерины II, несколько молодых людей, едва вышедших из отрочества, отправлены были, по ее повелению, в Лейпцигский Университет, под надзором одного наставника и в сопровождении духовника. Учение пошло им не в прок. Надзиратель думал только о своих выгодах; духовник, монах добродушный но необразованный, не имел никакого влияния на их ум и нравственность. Молодые люди проказничали и вольнодумствовали. Они возвратились в Россию, где служба и заботы семейственные заменили для них лекции Геллерта и студенческие шалости. Большая часть из них исчезла, не оставив по себе следов; двое сделались известны: один на чреде заметной обнаружил совершенное бессилие и нещастную посредственность[3]; другой прославился совсем иначе.

Александр Радищев родился около 1750-го года. Он обучался сперва в Пажеском корпусе, и обратил на себя внимание начальства, как молодой человек, подающий о себе великие надежды. Университетская жизнь принесла ему мало пользы. Он не взял даже на себя труда выучиться порядочно латинскому и немецкому языку, дабы по крайней мере быть в состоянии понимать своих профессоров. Беспокойное любопытство, более нежели жажда познаний, была отличительная черта ума его. Он был кроток и задумчив. Тесная связь с молодым Ушаковым, имела на всю его жизнь влияние решительное и глубокое. Ушаков был немногим старше Радищева, но имел опытность светского человека. Он уже служил секретарем при тайном советнике Теплове, и его честолюбию открыто было блестящее поприще, как оставил он службу из любви к познаниям и вместе с молодыми студентами отправился в Лейпциг. Сходство умов и занятий сблизили с ним Радищева. Им попался в руки Гельвеций. Они жадно изучили начала его пошлой и бесплодной метафизики. Гримм, странствующий агент французской философии, в Лейпциге застал русских студентов за книгою о *Разуме*, и привез Гельвецию известие, лестное для его тщеславия и радостное для всей братии. Теперь было бы для нас непонятно, каким образом холодный и сухой Гельвеций мог сделаться любимцем молодых людей, пылких и чувствительных, если бы мы, по несчастию не знали, как соблазнительны, для развивающихся умов, мысли и правила новые, отвергаемые законом и преданиями. Нам уже слишком известна французская философия 18-го столетия; она рассмотрена со всех сторон и оценена. То, что некогда слыло скрытным учением Гиерофантов, было потом обнародовано, проповедано на площадях, и навек утратило прелесть таинственности

[1] Статья цензурой не была пропущена. *Ред.*
[2] Не годится, чтобы порядочный человек заслуживал быть повешенным
[3] <О. П. Козодавлев>.

lib.pushkinskijdom.ru

и новизны. Другие мысли, столь-же детские, другие мечты, столь же несбыточные, заменили мысли и мечты учеников Дидрота и Руссо, и легкомысленный поклонник молвы видит в них опять и цель человечества, и разрешение вечной загадки, не воображая, что в свою очередь они заменяются другими.

Радищев написал *Житие Ф. В. Ушакова*. Из этого отрывка видно, что Ушаков был от природы остроумен, красноречив и имел дар привлекать к себе сердца. Он умер на 21-м году своего возраста от следствий невоздержанной жизни, но на смертном одре он еще успел преподать Радищеву ужасный урок. Осужденный врачами на смерть, он равнодушно услышал свой приговор; вскоре муки его сделались нестерпимыми, и он потребовал яду от одного из своих товарищей *. Радищев тому воспротивился, но с тех пор самоубийство сделалось одним из любимых предметов его размышлений.

Возвратясь в Петербург, Радищев вступил в гражданскую службу, не преставая между тем заниматься и словесностию. Он женился. Состояние его было для него достаточно. В обществе он был уважаем как *сочинитель*. Граф Воронцов ему покровительствовал. Государыня знала его лично и определила в собственную свою канцелярию. Следуя обыкновенному ходу вещей, Радищев должен был достигнуть одной из первых степеней государственных. Но судьба готовила ему иное.

В то время существовали в России люди, известные под именем *мартинистов*. Мы еще застали несколько стариков, принадлежавших этому полу-политическому, полу-религиозному обществу. Странная смесь мистической набожности и философического вольнодумства, бескорыстная любовь к просвещению, практическая филантропия, ярко отличали их от поколения, которому они принадлежали. Люди, находившие свою выгоду в коварном злословии, старались представить мартинистов заговорщиками и приписывали им преступные политические виды. Императрица, долго смотревшая на усилия французских философов, как на игры искусных бойцов, и сама их ободрявшая своим царским рукоплесканием, с беспокойством видела их торжество, и с подозрением обратила внимание на русских мартинистов, которых считала проповедниками безначалия и адептами энциклопедистов. Нельзя отрицать, чтобы многие из них не принадлежали к числу недовольных; но их недоброжелательство ограничивалось брюзгливым порицанием настоящего, невинными надеждами на будущее и двусмысленными тостами на фран-масонских ужинах.

Радищев попал в их общество. Таинственность их бесед воспламенила его воображение. Он написал свое Путешествие из Петербурга в Москву, сатирическое возвание к возмущению, напечатал в домашней типографии и спокойно пустил его в продажу.

---

* А. М. Кутузова, которому Радищев и посвятил Житие Ф. В. Ушакова. <Примеч. Пушкина.>

lib.pushkinskijdom.ru

Если мысленно перенесемся мы к 1791 году, если вспомним тогдашние политические обстоятельства, если представим себе силу нашего правительства, наши законы, неизменившиеся со времен Петра I-го, их строгость, в то время еще не смягченную двадцатипятилетним царствованием Александра, самодержца, умевшего уважать человечество; если подумаем: какие суровые люди окружали еще престол Екатерины; то преступление Радищева покажется нам действием сумасшедшего. Мелкий чиновник, человек безо всякой власти, безо всякой опоры, дерзает вооружиться противу общего порядка, противу самодержавия, противу Екатерины! И заметьте: заговорщик надеется на соединенные силы своих товарищей; член тайного общества, в случае неудачи, или готовится изветом заслужить себе помилование или, смотря на многочисленность своих соумышленников, полагается на безнаказанность. Но Радищев один. У него нет ни товарищей, ни соумышленников. В случае неуспеха — а какого успеха может он ожидать? — он один отвечает за всё, он один представляется жертвой закону. Мы никогда не почитали Радищева великим человеком. Поступок его всегда казался нам преступлением, ничем неизвиняемым, а *Путешествие в Москву* весьма посредственною книгою; но со всем тем не можем в нем не признать преступника с духом необыкновенным; политического фанатика, заблуждающегося конечно, но действующего с удивительным самоотвержением и с какой-то рыцарскою совестливостию.

Но может быть сам Радищев не понял всей важности своих безумных заблуждений. Как иначе объяснить его беспечность и странную мысль разослать свою книгу ко всем своим знакомым, между прочим к Державину, которого поставил он в затруднительное положение? Как бы то ни было, книга его, с начала не замеченная, вероятно потому, что первые страницы чрезвычайно скучны и утомительны, вскоре произвела шум. Она дошла до государыни. Екатерина сильно была поражена. Несколько дней сряду читала она эти горькие, возмутительные сатиры. *Он мартинист*, говорила она Храповицкому (см. его записки), *да он хуже Пугачева; он хвалит Франклина* — Слово глубоко замечательное: монархиня, стремившаяся к соединению во едино всех разнородных частей государства, не могла равнодушно видеть отторжение колоний от владычества Англии.

Радищев предан был суду. Сенат осудил его на смерть (см. Полное Собрание Законов). Государыня смягчила приговор. Преступника лишили чинов и дворянства и в оковах сослали в Сибирь.

В Илимске Радищев предался мирным, литературным занятиям. Здесь написал он большую часть своих сочинений; многие из них относятся к статистике Сибири, к Китайской торговле, и пр. Сохранилась его переписка с одним из тогдашних вельмож, который, может быть, не вовсе был чужд изданию *Путешествия*. Радищев был тогда вдовцем. К нему поехала его свояченица, дабы разделить с изгнанником грустное его уединение. Он в

lib.pushkinskijdom.ru

одном из своих стихотворений упоминает о сем трогательном обстоятельстве.

Воздохну на том я месте
Где Ермак с своей дружиной
Садясь в лодки устремлялся
В ту страну ужасну, хладну,
В ту страну, где я средь бедствий,
Но на лоне жаркой дружбы,
Был блажен, и где оставил
Души нежной половину.

Бова, вступление.

Император Павел I, взошед на престол, вызвал Радищева из ссылки, возвратил ему чины и дворянство, обошелся с ним милостиво и взял с него обещание не писать ничего противного духу правительства. Радищев сдержал свое слово. Он во всё время царствования императора Павла I не написал ни одной строчки. Он жил в Петербурге, удаленный от дел и занимаясь воспитанием своих детей. Смиренный опытностию и годами, он даже переменил образ мыслей, ознаменовавший его бурную и кичливую молодость. Он не питал в сердце своем никакой злобы к прошедшему, и помирился искренно со славной памятию великой царицы.

Не станем укорять Радищева в слабости и непостоянстве характера. Время изменяет человека как в физическом, так и в духовном отношении. Муж, со вздохом или с улыбкою, отвергает мечты, волновавшие юношу. Моложавые мысли, как и моложавое лицо, всегда имеют что-то странное и смешное. Глупец один не изменяется, ибо время не приносит ему развития, а опыты для него не существуют. Мог-ли чувствительный и пылкий Радищев не содрогнуться при виде того, что происходило во Франции во время *Ужаса*? мог-ли он без омерзения глубокого слышать некогда любимые свои мысли, проповедуемые с высоты гильотины, при гнусных рукоплесканиях черни? Увлеченный однажды львиным ревом колоссального Мирабо, он уже не хотел сделаться поклонником Робеспьера, этого сентиментального тигра.

Император Александр, вступив на престол, вспомнил о Радищеве и, извиняя в нем то, что можно было приписать пылкости молодых лет и заблуждениям века, увидел в сочинителе Путешествия отвращение от многих злоупотреблений и некоторые благонамеренные виды. Он определил Радищева в комиссию составления законов и приказал ему изложить свои мысли касательно некоторых гражданских постановлений. Бедный Радищев, увлеченный предметом, некогда близким к его умозрительным занятиям, вспомнил старину и в проекте, представленном начальству, предался своим прежним мечтаниям. Граф З<авадовский> удивился молодости его седин и сказал ему с дружеским упреком: «Эх, Александр Николаевич, охота тебе пустословить по прежнему! или мало тебе было Сибири?» В этих словах Радищев увидел угрозу. Огорченный и испуганный, он возвратился домой, вспомнил о друге своей молодости, об Лейпцигском студенте,

lib.pushkinskijdom.ru

подавшим ему некогда первую мысль о самоубийстве... и отравился. Конец, им давно предвиденный и который он сам себе напророчил!

Сочинения Радищева в стихах и прозе (кроме Путешествия) изданы были в 1807 году. Самое пространное из его сичинений есть философическое Рассуждение *О Человеке, о его смертности и бессмертии.* Умствования оного пошлы и не оживлены слогом. Радищев, хотя и вооружается противу материализма, но в нем всё еще виден ученик Гельвеция. Он охотнее излагает, нежели опровергает доводы чистого афеизма. Между статьями литературными замечательно его суждение о Тилимахиде и о Тредьяковском, которого он любил, по тому-же самому чувству, которое заставило его бранить Ломоносова: из отвращения от общепринятых мнений. В стихах лучшее произведение его есть *Осьмнадцатый век,* лирическое стихотворение, писанное древним элегическим размером, где находятся следующие стихи, столь замечательные под его пером.

Урна времен часы изливает каплям подобно,
Капли в ручьи собрались, в реки ручьи возрасли,
И на дальнейшем брегу изливают пенистые волны
Вечности в море, а там нет ни предел ни брегов.
Не возвышается остров, ни дна там лот не находит;
Веки в него протекли, в нем исчезает их след;
Но знаменито во веки своею кровавой струею
С звуками грома течет, наше Столетье туда.
И сокрушен наконец корабль надежды несущий!
Пристани близок уже, в водоворот поглощен.
Счастие и добродетель и вольность, пожрал омут ярой,
Зри: восплывают еще страшны обломки в струе.
Нет! ты не будешь забвенно, столетье безумно и мудро;
Будешь проклято во век, в век удивлением всех.
Крови в твоей колыбели, припевание громы сражений.
Ах омочено в крови ты низпадаешь во гроб!..
Но зри две вознеслися скалы во среде струй кровавых,
Екатерина и Петр, вечности чада! и Росс.

Первая песть *Бовы* имеет также достоинство. Характер Бовы обрисован оригинально, и разговор его с Каргою забавен. Жаль что в *Бове,* как и в *Алеше Поповиче,* [1] другой его поэме, не включенной не знаем почему, в собрании его сочинений, нет и тени народности, необходимой в творениях такова рода; но Радищев думал подражать Вольтеру, потому что он вечно кому нибудь да подражал. Вообще Радищев писал лучше стихами, нежели прозою. В ней не имел он образца, а Ломоносов, Херасков, Державин и Костров успели уже обработать наш стихотворный язык.

Путешествие в Москву, причина его несчастия и славы, есть как уже мы сказали, очень посредственное произведение, не говоря

[1] Это произведение не А. Радищева, а его сына.

lib.pushkinskijdom.ru

даже о варварском слоге. Сетования на несчастное состояние народа, на насилие вельмож, и проч., преувеличены и пошлы. Порывы чувствительности, жеманной и надутой, иногда чрезвычайно смешны. Мы бы могли подтвердить суждение наше множеством выписок. Но читателю стоит открыть его книгу наудачу, чтоб удостовериться в истине нами сказанного.

В Радищеве отразилась вся французская философия его века: скептицизм Вольтера, филантропия Руссо, политический цинизм Дидрота и Рейналя: но всё в нескладном и искаженном виде, как все предметы криво отражаются в кривом зеркале. Он есть истинный представитель полупросвещения. Невежественное презрение ко всему прошедшему; слабоумное изумление перед своим веком, слепое пристрастие к новизне; частные, поверхностные сведения, на обум принаровленные ко всему — вот, что мы видим в Радищеве [1]. Он как будто старается раздражить верховную власть своим горьким злоречием; не лучше-ли было бы указать на благо, которое она в состоянии сотворить? Он поносит власть господ, как явное беззаконие; не лучше-ли было представить правительству и умным помещикам способы к постепенному улучшению состояния крестьян; он злится на цензуру; не лучше-ли было потолковать о правилах, коими должен руководствоваться законодатель, дабы с одной стороны сословие писателей не было притеснено и Мысль, священный дар божий, не была рабой и жертвою бессмысленной и своенравной управы; а с другой — чтоб писатель не употреблял сего божественного орудия к достижению цели низкой или преступной? Но всё это было бы просто полезно, и не произвело бы ни шума, ни соблазна, ибо само правительство не только не пренебрегало писателями и их не притесняло, но еще требовало их соучастия, вызывало на деятельность, вслушивалось в их суждения, принимало их советы — чувствовало нужду в содействии людей просвещенных и мыслящих, не пугаясь их смелости и не оскорбляясь их искренностью.

Какую цель имел Радищев? чего именно желал он? На сии вопросы вряд-ли бы мог он сам отвечать удовлетворительно. Влияние его было ничтожно. Все прочли его книгу и забыли ее не смотря на то, что в ней есть несколько благоразумных мыслей, несколько благонамеренных предположений, которые не имели никакой нужды быть облечены в бранчивые и напыщенные выражения, и не законно тиснуты в станках тайной типографии, с примесью пошлого и преступного пустословия. Они принесли бы истинную пользу, будучи представлены с бо́льшей искренностию и благоволением; ибо нет убедительности в поношениях, и нет истины где нет любви.

3 апреля 1836.

С. П. б.

---

[1] В рукописи Пушкина далее следовала сентенция, вычеркнутая им самим из позднейшей копии этой статьи: *Отымите у него честность, в остатке будет Полевой.*

lib.pushkinskijdom.ru

<ПРИЛОЖЕНИЯ>

I. От императрицы. Главнокомандовавшему в Санкт-Петербурге генерал-аншефу Брюсу.

Граф Яков Александровичь!

Не давно издана здесь книга под названием: *Путешествие из Петербурга в Москву*, наполненная самыми вредными умствованиями, разрушающими покой общественной, умаляющими должное ко властям уважение, стремящимися к тому, чтоб произвесть в народе негодование противу начальников и начальства, наконец оскорбительными изражениями противу сана и власти царской. Сочинителем сей книги оказался коллежский советник Александр Радищев, который, сам учинил в том признание, присовокупив к сему, что после цензуры Управы Благочиния вынес он многие листы в помянутую книгу, в собственной его типографии напечатанную, и потому взят под стражу. Таковое его преступление повелеваем рассмотреть и судить узаконенным порядком в Палате Уголовного Суда Санктпетербургской губернии, где заключа приговор, взнесть оный в Сенат наш.

Пребываем вам благосклонны. *Екатерина.*

II. Из записок Храповицкого.

26-го июня <1790>. Говорили (государыня) о книге Путешествие из Петербурга в Москву. «Тут рассеяние заразы Французской: Автор мартинист. Я прочла тридцать страниц». Посылала за Рылеевым (обер-полицмейстером). Открывается подозрение на Радищева.

2 июля. Продолжают писать примечания на книгу Радищева. А он сказывают препоручен Шешковскому и сидит в крепости.

7 июля. «Примечания на книгу Радищева послать к Шешковскому». Сказать изволили, что он бунтовщик, хуже Пугачева, показав мне, что в конце хвалит Франклина и себя таким-же представляет. Говорили с жаром и чувствительностию.

11 августа. Доклад о Радищеве, с приметною чувствительностию приказано рассмотреть в совете «чтоб не быть пристрастною, и объявить, чтоб не уважали до меня касающееся, понеже я презираю».

III. Отрывок из книги Р<адищева>. Клин.

Как было во городе во Риме, там жил да был Евфимиан Князь.... Поющий сию народную песнь, называемую Алексеем божиим человеком, был слепой старик, сидящий у ворот почтового двора, окруженной толпою, по большей части ребят и юношей. Сребровидная его глава, замкнутые очи, вид спокойствия в лице его зримого, заставляли взирающих на певца, предстоять ему со благоговением. Неискусной хотя его напев, но нежностию изречения сопровождаемый, проницал в сердца его слушателей, лучше природе внемлющих, нежели взращенные во благогласии уши жителей Москвы и Петербурга внемлют кудрявому напеву Габрieли, Мариези, или Тоди. Никто из предстоящих не остался без зыбления внутрь глубокого, когда Клинской певец, дошед до разлуки своего Ироя, едва прерывающимся ежемгновенно гласом, изрекал свое повествование. Место, на коем были его очи, исполнилося иступающих из чувствительной от бед души слез, и потоки оных пролилися по ланитам воспевающего. О природа, колико ты властительна! Взирая на плачущего старца, жены возрыдали; со уст юности отлетела сопутница ее улыбка; на лице отрочества явились робость, неложный знак болезненного, но неизвестного чувствования; даже мужественный возраст, к жестокости толико привыкший, вид восприял важности. О! природа вострепетал я паки.....

Сколь сладко неизвестительное чувствование скорби! Колико сердце оно обновляет, и оного чувствительность. Я рыдал в след за ямским собранием, и слезы мои были столь же для меня сладостны, как исторгнутые из

lib.pushkinskijcenter.ru

сердца Вертером..... О мой друг, мой друг! почто и ты не врел сея картины? ты бы прослезился со мною, и сладость взаимного чувствования, была бы гораздо усладительнее.

По окончании песнословия, все предстоящие давали старику, как будто бы награду за его труд. Он принимал все денежки и полушки, все куски и крающи хлеба, довольно равнодушно; но всегда сопровождая благодарность свою поклоном, крестяся и говоря к подающему: «Дай бог тебе здоровья». Я не хотел отъехать, небыв сопровождаем молитвою сего, конечно приятного небу, старца. Желал его благословения, на совершение пути и желания моего. Казалося мне, да и всегда сие мечтаю, как будто соблагословение чувствительных душ облегчает стезю в шествии, и отъемлет терние сомнительности. Подошед к нему, я в дрожащую его руку, толико же дрожащею от боязни, не тщеславия ли ради то делаю, положил ему рубль. Перекрестясь, не успел он изрещи, обыкновенного своего, благословения подающему, отвлечен от того необыкновенностию ощущения, лежащего в его горьсти. И сие уязвило мое сердце. Колико приятнее ему, вещал я сам себе, подаваемая ему полушка! Он чувствует в ней обыкновенное к бедствиям соболезнование человечества, в моем рубле ощущает может быть мою гордость. Он не сопровождает его своим благословением. О! колико мал я сам себе тогда казался, колико завидовал давшим полушку и крающку хлеба певшему старцу! —— Не пятак ли? сказал он, обращая речь свою неопределенно как и всякое свое слово. —— Нет, дедушка, рублевик, сказал близь стоящий его мальчик. —— По что такая милостыня? сказал слепой, опуская места своих очей и ища, казалося, мысленно вообразити себе то, что в горьсти его лежало. По что она немогущему ею пользоваться. Если бы я не лишен был зрения, сколь бы велика моя была за него благодарность. Неимея в нем нужды, я мог бы снабдить им неимущего. Ах! если бы он был у меня после бывшего здесь пожара, умолк бы хотя на одни сутки вопль алчущих птенцов моего соседа. Но на что он мне теперь? не вижу, куда его и положить; подаст он может быть случай к преступлению. Полушку не много прибыли украсть, но за рублем охотно многие протянут руку. Возми его назад, добрый господин, и ты и я с твоим рублем можем сделать вора. — — О истина! колико ты тяжка чувствительному сердцу, когда ты бываешь в укоризну. —— Возми его назад, мне право он ненадобен, да и я уже его не стою; ибо не служил изображенному на нем государю. Угодно было создателю, что бы еще в бодрых моих летах, лишен я был вождей монх. Терпеливо сношу его прещение. За грехи мои он меня посетил..... Я был воин; на многих бывал битвах с неприятелями отечества; сражался всегда неробко. Но воину всегда должно быть по нужде. Ярость исполняла всегда мое сердце при начатии сражения; я не щадил никогда у ног моих лежащего неприятеля, и просящего безоруженному, помилования не дарил. Вознесенный победою оружия нашего, когда устремлялся на каранне и добычу, пал я ниц, лишенный зрения и чувств, пролетевшим мимо очей, в силе своей пушечным ядром. О! вы, последующие мне, будьте мужественны, но помните человечество. — — Возвратил он мне мой рубль, и сел опять на место свое покойно.

Прими свой праздничной пирог дедушка, говорила слепому подошедшая женщина, лет пятидесяти. — — С каким восторгом он принял его обеими руками. — — Вот истинное благодеяние, вот истинная милостыня. Тридцать лет сряду, ем я сей пирог по праздникам и по воскресеньям. Не забыла ты своего обещания, что ты сделала во младенчестве своем. И стоит ли то, что я сделал для покойного твоего отца, что бы ты до гроба моего меня не забывала? Я, друзья мои, избавил отца ее, от обыкновенных нередко побой крестьянам, от проходящих солдат. Солдаты хотели что то у него отнять; он с ними заспорил. Дело было за гумнами. Солдаты начали мужика бить; я был сержантом той роты, которой были солдаты, прилучился тут; прибежал на крик мужика, и его избавил от побой; может быть чего и больше, но вперед отгадывать нельзя. Вот, что вспомнила кормилица моя нынешняя, когда увидела меня здесь в нищенском состоянии. Вот, чего непозабывает она каждой день и каждой праздник. Дело мое было невели-

lib.pushkinskijdom.ru

кое, но добрее. А доброе приятно господу; за ним никогда ни что не пропадает.

Не уже ли ты меня столько пред всеми обидишь, старичок, сказал я ему, и одно мое отвергнешь подаяние? Не уже ли моя милостыня есть милостыня грешника. Да и та бывает ему на пользу, если служит к умягчению его ожесточенного сердца. — — Ты огорчаешь давно уже огорченное сердце, естественною казнию, говорил старец; не ведал я, что мог тебя обидить, неприемля на вред послужить могущего подаяния; прости мне мой грех, но дай мне, коли хочешь мне что дать, дай, что может мне быть полезно..... Холодная у нас была весна, у меня болело горло — — платчишка небыло чем повязать шеи — — бог помиловал, болезнь миновалась. ... Нет ли старинького у тебя платка? Когда у меня заболит горло, я его повяжу; он мою согреет шею; горло болеть перестанет; я тебя вспоминать буду, если тебе нужно воспоминовение нищего. — — Я снял платок с моей шеи, повязал на шею слепого..... И расстался с ним.

Возвращаяся чрез Клин, я уже не нашел слепого певца. Он за три дня моего приезда умер. Но платок мой, сказывала мне та, которая ему приносила пирог по праздникам, надел заболев перед смертию на шею, и с ним положили его во гроб. О! если кто чувствует цену сего платка, тот чувствует и то, что во мне происходило слушав сие.

Вот каким слогом написана вся книга!

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ.

18-го января нынешнего года Российская Академия была удостоена присутствия его светлости принца Петра Ольденбургского, избранного ею в почетные члены. Непременный Секретарь, Д. И. Языков, открыл заседание чтением краткой истории Академии.

Екатерина II основала Российскую Академию в 1783 году и повелела княгине Дашковой быть председателем оной.

Екатерина, стремившаяся во всем установить закон и незыблемый порядок, хотела дать уложение и русскому языку. Академия, повинуясь ее наказу, тотчас приступила к составлению словаря. Императрица приняла в нем участие не только словом, но и делом. Часто осведомлялась она об успехах начатого труда и, несколько раз слыша, что словарь доведен до буквы *Н*, сказала однажды с видом некоторого нетерпения: все *Наш* да *Наш!* когда же вы мне скажете: *Ваш?* Академия удвоила старание. Через несколько времени на вопрос императрицын: что словарь? отвечали ей, что Академия дошла до буквы *П*. Императрица улыбнулась и заметила, что Академии пора было бы *Покой* оставить.

Несмотря на сии шутки, Академия должна была изумить государыню поспешным выполнением высочайшей ее воли: словарь окончен был в течение шести лет.* Карамзин справедливо удивляется таковому подвигу.

---

* Французская Академия, основанная в 1634 году и с тех пор безпрерывно занимавшаяся составлением своего словаря, издала оный не прежде, как в 1694 году. Словарь обветшал, пока еще над ним трудились, говорит Вильмен. Стали его переделывать. Прошло несколько лет, и все еще

lib.pushkinskijdom.ru

«Полный Словарь, изданный Академией», говорит он, «принадлежит к числу тех феноменов, коими Россия удивляет внимательных иноземцев; наша, без сомнения, счастливая судьба во всех отношениях есть какая-то необыкновенная скорость: мы зреем не веками, а десятилетиями. Италия, Франция, Англия, Германия славились уже многими великими писателями, еще не имея словаря: мы имели церковные, духовные книги; имели стихотворцев, писателей, но только одного истинно классического (Ломоносова), и представили систему языка, которая может равняться с знаменитыми творениями Академий Флорентинской и Парижской».

Многие из членов Академии участвовали в издании Собеседника Любителей Российского Слова. Следующее происшествие, говорит г. Языков, достойно быть сохранено в памяти: Фонвизин доставил в Собеседник статью под названием: «*Несколько вопросов, могущих возбудить в умных и честных людях особливое внимание*». Вопросы явились в Собеседнике с весьма остроумными ответами. Приведем здесь некоторые..

В. От чего все в долгах?

О. От того, что проживают более, нежели дохода имеют.

В. От чего, не только в Петербурге, но и в самой Москве, перевелись общества между благородными?

О. От размножения клубов.

В. От чего главное старание большей части дворян состоит не в том, чтобы поскорее сделать детей своих людьми, а в том, чтобы поскорее сделать их гвардии унтер-офицерами?

О. От того, что одно легче другого.

В. От чего в век законодательный никто в сей части не помышляет отличиться?

О. От того, что сие не есть дело всякого.

В. От чего у нас не стыдно не делать ничего?

О. Сие не ясно: стыдно делать дурное, а в обществе жить не есть не делать ничего.

В. От чего у нас начинаются дела с великим жаром и пылкостию, потом оставляются, а не редко и совсем забываются?

О. По той же причине, по которой человек старается.

В. В чем состоит наш национальный характер?

О. В остром и скором понятии всего, в образцовом послушании, и в корне всех добродетелей, от творца человеку данных.

В. От чего в прежние времена шуты, шпыни и балагуры чинов не имели, а ныне имеют и весьма большие?

О. Предки наши не все грамоте умели.

NB. Сей вопрос родился от *свободоязычия*, которого предки наши не имели.

Сии ответы писаны самой императрицей.

Академия пересматривала букву А. Деятельный Кольбер, удивлявшийся таковой медленности, приехал однажды в собрание Академии. Разбирали слово Ami. Но были такие споры о точном определении оного; рассуждали с такой утонченностию о том, что в слове ami предполагается ли светская обязанность, или сердечное отношение; чувство разделенное, или одно наружное изъявление, или усердие без вознаграждения, что министр, у коего при дворе так много было друзей, признался, что он более уже не удивляется медленности и затруднениям Академии. <Примечание Пушкина.>

lib.pushkinskijdom.ru

Под председательством А. А. Нартова (1802—1813) Академия издала:

1) Грамматику Российскую.
2) Сочинения и переводы Академии.
3) Словарь, расположенный по азбучному порядку.
4) Перевод Летописи Тацитовой.
5) Перевод Путешествия Младшего Анахарсиса.

В 1813 году, по смерти Нартова, А. С. Шишков, бывший в то время за границей с государем императором, назначен Председателем Российской Академии. Под его руководством Академия издала следующие книги:

1) Известия Академии, 11 книжек (1815—1823).
2) Повременное издание, 4 части (1829—1832).
3) Краткие записки, 3 книжки (1834—1836).
4) Квинтилиановы Критические Наставления (1834).
5) Собрание сочинений и переводов А. С. Шишкова, 16 частей.

Ныне Академия приготовляет третье издание своего словаря, коего распространение час от часу становится необходимее. Прекрасный наш язык, под пером писателей неученых и неискусных, быстро клонится к падению. Слова искажаются, Грамматика колеблется. Орфография, сия геральдика языка, изменяется по произволу всех и каждого.

Вслед за Непременным Секретарем, преосвященный Филарет представил отрывок из рукописи 1073 года, писанной для великого князя Святослава и хранящейся ныне в Московской Синодальной Библиотеке.

«Рукопись называется *Изборник*, т. е. извлечение избранных мест из разных писателей.

«Она содержит наиболее предметы, относящиеся до христианского учения, но частию и метафизические по разуму того века, например, *о естестве, о собстве, о лици, о различии, о случании, о супротивных, о оглаголемыих.*

«На обороте листа 237 начинается 175 статья книги, которая говорит о тропах и фигурах. Вот ее начало.

«Георьгия Хоуровьска о образех. Творьчьстии образи суть 27 (кз):

1. Инословие. 2. Превод (metaphora). 3. Напотребиие. 4. Приятиие. 5. Преходьноие. 6. Възврат. 7. Съприятиие. 8. Сънятиие. 9. Именотвориие (onomatopeia). 10. Сътвореииие. 11. Въименоместьство. 12. Отъимениие (metonymia). 13. Въспятословиие. 14. Окроугословие. 15. Нестатък. 16. Издрядиие. 17. Лихоречые. 17. Притъча. 19. Приклад. 20. Отъданиие. 21. Лицетворые (олицетворение). 22. Сълог, 23. Пороугание (ironia). 24. Вид. 25. Последословие.

«Инословиие оубо иесть ино нечто глаголюшти а ин разоум оуказаиюшти якоже иеже ие речено от бога к змии проклята ты и от всех зверий слово бо акы змии иесть на диавола же ино речь не змьием нарицаиема разоумеваием.

«Далее следуют подобные сему определения и прочих вышеисчисленных наименований, но не довольно понятные для читателя, может быть, и потому, что не довольно понимаемы были предметы составителем или переводчиком, издателями Русской Энциклопедии XI века.»

Непременный Секретарь прочел главу II из устава Академии о должностях и обязанностях Академии и следующий открывок

lib.pushkinskijdom.ru

из всеподданнейшего доклада Президента Академии, при поднесении на высочайшее усмотрение проекта устава:

«Академия есть страж языка; и потому должно ей со всевозможною к общей пользе ревностию вооружаться против всего несвойственного, чуждого, невразумительного, темного, *непристойного* в языке. Но сие вооружение ее долженствует быть на единой пользе словесности основанное, короткое, правдивое, без лицеприятия, без нападений и потворства, непохожее на те предосудительные сочинения, в которых, под мнимым разбором, пристрастное невежество или злость расточают недостойные похвалы или язвительные хулы без всякой истины и доказательств, в коих одних заключается достоинство и польза сего рода писаний».

За сим действительный член М. Е. Лобанов занял собрание чтением мнения своего *О духе словесности, как иностранной, так и отечественной.* Мнение сие заслуживает особенного разбора, как по своей сущности, так и по важности места, где оное было произнесено.

В. А. Поленов прочел *Краткое жизнеописание И. И. Лепехина,* первого Непременного Секретаря Российской Академии: статью дельную, полную, прекрасно изложенную, словом, истинно академическую.

После сего, действительные члены: М. Е. Лобанов, князь П. А. Ширинский-Шихматов и Б. М. Федоров читали, один после другого, сочинения своего стихи.

Наконец князь Ширинский-Шихматов прочел написанную г. Президентом краткую статью под заглавием: *Нечто о Карамзине.*

Невозможно было без особенного чувства слышать искренние, простые похвалы, воздаваемые почтенным старцем великому писателю, бывшему некогда предметом жестокой его критики, если не всегда справедливой, то всегда добросовестной [1]. При сем случае А. С. Шишков упомянул о пребывании Карамзина в Твери в 1811 году, при дворе блаженной памяти государыни великой княгини Екатерины Павловны, матери его светлости принца Петра Ольденбургского. Известно, что Карамзин читал тогда в присутствии покойного государя и августейшей сестры его некоторые главы Истории Государства Российского. «Вы слушали», пишет Историограф в своем посвящении «с восхитительным для меня вниманием; сравнивали давно минувшее с настоящим, и не завидовали славным опасностям Димитрия, ибо предвидели для себя еще славнейшие».

Пребывание Карамзина в Твери ознаменовано еще одним обстоятельством, важным для друзей его славной памяти, неизвестным еще для современников. По вызову государыни великой княгини, женщины с умом необыкновенно возвышенным, Карамзин написал свои мысли *о Древней и Новой России,* со всею искренностию прекрасной души, со всею смелостию убеждения сильного и глубокого. Государь прочел эти красноречивые страницы... прочел, и остался попрежнему милостив и благосклонен к прямодушному своему подданному. Когда нибудь потомство оценит и величие государя и благородство патриота....

Заседание 18 января 1836 года будет памятно в летописях Российской Академии.

ФРАНЦУЗСКАЯ АКАДЕМИЯ.

Скриб в Академии. Он занял кресла Арно, умершего в прошлом году.

Арно сочинил несколько трагедий, которые в свое время имели большой успех, а ныне совсем забыты. Такова участь поэтов, которые пишут для публики, угождая ее мнениям, применяясь к ее вкусу, а не для себя, не в следствие вдохновения

[1] Часть этой сентенции, от слова «бывшей» до «добросовестной», в тексте «Современника» была заменена многоточием. *Ред.*

lib.pushkinskijdom.ru

независимого, не из бескорыстной любви к своему искусству! Две или три басни, остроумные или грациозные, дают покойнику Арно более права на титло поэта, нежели все его драматические творения. Всем известен его *Листок:*

De ta tige détachée,
Pauvre feuille desséchée.
Où va-tu? — Je n'en sais rien, etc[1].

Участь этого маленького стихотворения замечательна. Костюшко перед своей смертью повторил его на берегу Женевского озера; Александр Ипсиланти перевел его на греческий язык; у нас его перевели Жуковский и Давыдов,

Наш боец чернокудрявый
С белым локоном на лбу.

Может быть, и сам Давыдов не знает стихов, которые написал ему Арно, услыша о его переводе. Он поместил их в примечаниях к своим сочинениям. *

При вступлении своем в Академию Скриб произнес блестящую речь, на которую столь же блистательно отвечал Вильмен, а J. Janin в своем фельетоне осмеял того и другого. В сем случае все три представителя французского остроумия были на сцене.

Речь г. Скриба.

Мм. гг.

«Когда Генуэзская республика, как вам известно, дерзнула сопротивляться Людовику XIV, тогда дож ее принужден был явиться в Версаль, чтоб испросить прощение у великого короля. В то время, как удивлялся он версальским садам, где каждый шаг представляет победу искусства над

[1] Оторвавшись от своего стебля,
Бедный сухой листок,
Куда несешься ты? — Я и сам не знаю и т. д.

* La feuille a obtenu dans plus d'une langue les honneurs de la traduction. Celle qui en a été faite en russe par le général Davouidoff, est. dit-on, remarquable par son élégance et sa fidélité. M. Davouidoff est un de ces hommes qui. nés avec le don de la poësie, ne s'y livrent que par caprice et pour se délasser de la guerre et des plaisirs. Instruit de l'honneur qu'il en avoit reçu. l'auteur de ces fables lui en adressa un exemplaire avec cet envoi:

A vous, poëte, à vous, guerrier,
Qui sablant le champagne au bord de l'Hipocrène,
Avec d'une feuille de chêne
Fait une feuille de laurier.

[*Листок* удостоился чести быть переведенным на несколько языков. Русский перевод его, сделанный генералом Давыдовым, замечателен, говорят, по своему изяществу и точности. Господин Давыдов — один из тех людей, которые, обладая природным даром к поэзии, предаются ей лишь из прихоти и чтобы отдохнуть от войны и наслаждений. Узнав о чести, оказанной ему г. Давыдовым, автор этих басен послал ему экземпляр их, с надписью:

Вам, поэт, вам, воин,
Который, упиваясь шампанским на берегу Гиппокрены,
Превратил дубовый листок
В лист лавров.

lib.pushkinskijdom.ru

природою, их шумным водопадам, апельсинным рощам и висячим террасам, его спросили: что находит он всего необыкновеннее в Версали? Дож отвечал: «мое присутствие!»

Так и я, мм. гг., видя вокруг себя все знаменитости Франции, окруженный славными воспоминаниями литературного величия, я должен бы удивляться всего более моему здесь присутствию, еслиб только одна мысль не успокаивала и не ободряла меня:

Академия, эта представительная палата литературы, желала, чтобы все роды произведений, получившие право гражданства по силе Буаловой хартии и законов вкуса, имели в недрах ее своих уполномоченных, ею утверждаемых: подобно нашим законодательным собраниям, где избранный небольшою деревнею сидит рядом с депутатом большого города, она предоставила мне вход в свое собрание и возвысила тем незначительный род сочинения, которого я представитель; я бы гордился этим позволением, еслиб автор водевилей имел право гордиться.

Да, м. г., я не ошибаюсь в истинной причине моего сюда назначения! Если довольно долго испытывал я свои силы на второстепенной сцене и старался изобразить Талию в миниатюре, если иногда на театре, более возвышенном, я старался начертать несколько картин большого размера, такие усилия не дают еще мне права почитать себя здесь одним из представителей комедии. Вы же, мм. гг., и не нуждаетесь в новых: вы имеете блистательных авторов *Домашнего Тирана, Адвоката, Двух Зятей, Школы Стариков;* вам хотелось только, чтобы кресла Ложона не оставались надолго праздными!

В его имени вы дали *Песни* грамоту на дворянство; вы захотели передать ее мне, и я только этому обстоятельству обязан честью занимать место между вами.

Может быть, этот род сочинения, по видимому столь незначительный, которого название странно слышать под классическими сводами этой залы, может быть, он достоин вашего внимания; и мне должно было бы по всей справедливости, или по крайней мере из благодарности к своему протектору, защищать его; мне бы должно рассказать вам историю водевиля (val de vire) от его колыбели до наших дней; но обязанность более важная и торжественная занимает мои мысли и останавливает на устах веселые напевы.

Много уже времени прошло с тех пор, как я в первый раз был в этой зале. Я учился тогда в Наполеоновском лицее, и на этом самом месте, где все осталось попрежнему, нам раздавали награды. Товарищи, соперники, друзья были здесь, как и теперь! Там родные, сестры, матери!... Счастлив, кто имеет мать свидетельницею своего торжества! Я тогда был счастлив! На этой стороне сидели наши учители, начальники, знаменитые литераторы и государственные люди: пальмы, назначенные в награду слабым достоинствам, раздавались тогда, как и теперь, великими талантами. Я спросил у моего соседа, как зовут президента? Он отвечал: это г. Фонтан (C'est le Grand-Maître M. de Fontanes).[1] А возле него кто это с таким важным и прекрасным видом? Главный секретарь университета, г. Арно, автор *Мария в Минтурне*, трагедии, которой прелестные стихи мы знали наизуст... Автор *Мария в Минтурне*. Я привстал, чтоб посмотреть на него: думал ли я тогда, что ученик займет место своего учителя — и что приду в это святилище я — положить кипарисную ветвь на гроб раздававшего венки!

Зачем, по крайней мере, голос сильнее и выразительнее моего не призван говорить похвальное слово этому добродетельному человеку и поэту, о котором вы сожалеете? По какому последнему для него несчастию трудная честь оценить произведения трагической его музы досталась в удел питомцу песни?

Увлеченный с юных лет непреодолимою наклонностию к поэзии, г. Арно был еще очень молод, когда издал *Мария в Минтурне*, первое свое произведение; это было смелое предприятие для молодого человека 24-х лет: возбудить участие к отвратительному Марию, человеку, наполнившему Италию кровию и кознями, человеку, который обесславил себя хищением

[1] Это гросмейстер <университета>, г. Фонтан.

lib.pushkinskijdom.ru

и грабительством, не имел подобно Сулле ни довольно величия души, чтоб остановиться во-время, ни довольно смелости, чтоб оставить свое поприще; но г. Арно понял, что в глазах толпы несчастием искупаются преступления. Он избрал героем не Мария гонителя, а Мария изгнанника, победителя кимвров, скитающегося беглеца; он чувствовал, что бывает на свете великое и благородное зрелище: слава в борьбе с несчастием, неудача, переносимая с мужеством — и он отгадал! Не подражая авторам, до него изображавшим этот предмет, не призывая на помощь ни посторонних интриг, ни женщин, ни трагической любви, он приступил к своему предмету с строгою простотою древности — и создал историческую картину, над которой возвышается везде великий образ Мария. И помните ли вы, мм. гг., какое впечатление производил этот раб, этот кимвр, когда он, испуганный при виде консульского чела, покрытого сорокалетнею славою, бросал кинжал и убегал повторяя:

«Я никогда не буду в состоянии умертвить Мария!»

Эта трагедия была посвящена его светлости графу Прованскому, будущему Лудовику XVIII. Арно был привязан к дому его потому, что принц любил литературу и покровительство его могло быть полезно молодому поэту: в те времена оно было необходимо даже и для литературного успеха; времена изменились, и слава богу, теперь писатель не имеет надобности просить вельмож удостоить его покровительством! В своем труде находит он славу — и еще более, если возможно — свою независимость.

В начале революции граф Прованский удалился в чужие края; а Арно, подвергаясь от того многим опасностям, поспешил переехать в Англию. Странная была его участь! Покровитель, им избранный, тогдашний принц, а в последствии король, был причиною, двукратного удаления Арно из Франции: в 92 году своим отъездом, в 1815 своим прибытием.

Арно старался снова возвратиться на родину. Захваченный как эмигрант в Дункирхене, он был брошен в тюрьму и освобожден из нее по приказу Комитета общественного спокойствия (Comité de salut public), который постановил, и на этот раз справедливо, что закон об эмигрантах не распространяется на литераторов, а следовательно и на автора Мария в Минтурне, поэтически предполагая, что вселенная принадлежит поэту, и что его отечество повсюду.

Наступили лучшие дни для Франции: республика еще существовала, но без кровавых топоров Децемвиров, даже без строгостей Рима и Спарты. По невоздержному вкусу к роскоши и удовольствиям, по забвению прошедшего и беспечности о будущем, можно было б назвать республику Афинскою, если б у кого только достало смелости сравнить Барраса с Периклом! Мы были тогда под правлением Директории, правлением слабым, веселым, роскошным, правленнем так сказать регентства революции.

Обратившись к литературным трудам, Арно издал сперва трагедию *Оскар*, где так мило выражены тихие чувства любви и дружбы; потом трагедию *Венецианцы*, коих пятый акт есть лучший акт драмы новейших времен. Впрочем, для исторической верности, мы должны сказать, что Арно не один сочинил этот пятый акт. Сперва он дал счастливую развязку своей пьесе. Montcassin, герой ее, не умирал, а был спасен своим соперником от казни; эта развязка не понравилась одному члену института, которого Арно знал в Италии, и которому читал свою трагедию Этот член института был генерал Бонапарт, которого мнения в литературе были столь же тверды и решительны, как и в политике; он терпеть не мог Вольтера, имел несчастие не любить Расина, но Корнеля готов был сделать первым министром. * Бонапарт любил развязки разительные и хотел, чтоб даже и на театре все препятствия уничтожались штыком.

Конец пятого акта *Венецианцев* был для этого человека неестественен: он находил, что счастие любовников портило развязку. Еслиб несчастие было неисправимо, говорил он г-ну Арно, то минутное ощущение, которое оно произвело во мне, осталось бы у меня до вечера, до завтра!... Нужно, чтоб герой умер, надо непременно убить его! Убейте его! и Montcassin был казнен,

* См. Mémorial de Las-cazes. <*Записки Ла-Каза*>.

lib.pushkinskijdom.ru

по повелению Наполеона, к великому удовольствию публики, утвердившей приговор рукоплесканиями. Бесполезно упоминать, что трагедия *Венецианцы* была посвящена генералу Бонапарту: это и справедливо.

Бонапарт любил Арно, и эта дружба никогда не изменялась; Арно, как надежному человеку, Бонапарт поручал образование Ионийских островов; Бонапарт принимает Арно в своем доме, в улице Шантерень, позволяя ему участвовать в домашних разговорах, которые тогда были историею; после, на адмиральском корабле, который вез в Египет кесаря и его фортуну, Бонапарт и Арно толкуют об Оссиане и Гомере; потом Бонапарт-император дает ему одно из первых мест в университете. Наполеон постоянно уважал Арно, хотя не раз мог бы жаловаться на его сатирические выходки и резкую откровенность. Тот, кто одним взглядом умел отгадать, оценить достоинство, в первый день своего прибытия в Италию, рукою победителя написал на своих памятных табличках имя Арно: и двадцать три года спустя после того, рукою умирающего, писал он это же имя в своем завещании, с утесов Св. Елены.

Что могу я прибавить к этому свидетельству?

После стодневного переворота, Арно был изгнан, а что и того удивительнее, лишен места, которое он занимал между вами и на которое он вами был призван. Касательно стихов и поэзии, Мольер сказал:

Hors qu'un commandement exprès du roi ne vienne...[1]

Повеление пришло и исключило Арно из института.

Во время своего изгнания, которое Арно перенес с благородством и твердостию, он сочинил последнее отделение басень, лучшее, по моему мнению, литературное его произведение: ибо здесь он создал новый род, который останется образцом, тем более, что автор не старался подражать ни Лафонтену, ни Флориану; здесь нет веселой простоты первого, нет изящной и грациозной чувствительности второго: здесь эпиграмма, здесь сатира, здесь Ювенал, сделавшийся баснописцем — может быть, по одинаковой причине.

Не был ли Арно увлечен сам своею гиперболою? Не представлялось ли ему общество слишком порочным, а люди слишком злыми? Справедливо упрекали Флориана за излишнее множество овечек, рассыпанных в его сочинениях. Кажется, в баснях Арно не слишком ли много волков?...

В отсутствие Арно, трагедия его *Германик* игралась в Париже и была принята с успехом в первый день, а на другой изгнана из театра подобно автору ее, изгнанному из Франции. Наконец, когда после пятилетней ссылки настал для него день правосудия, он возвратился в отечество и опять занял свое место между вами... Тут неожиданный случай снова и уже навсегда похитил его у вашей дружбы! Младший из его сыновей испытал жестокую потерю; отец спешил утешить сына и предпринял роковое для себя путешествие. Арно имел привычку долго прогуливаться пешком; на ходу сочинял он все свои творения. Однажды утром, по сильному жару, он проходил и просочинял более обыкновенного; усталый он воротился домой; лег на кровать и сказал дочери: поиграй на фортепиано; дочь повиновалась; отец, будто отдыхая, все более и более поникал головою: он уже был мертв, а она еще играла.

Он скончался без страдания, без предсмертных мучений, с улыбкою на устах, думая о своих утренних трудах, о детях, о друзьях, может быть, о вас, мм. гг.!

Он умер, оставив нам троих сыновей, свою и нашу надежду! троих сыновей, которые на поприщах литературном, военном и судебном, достойно поддерживают честь отцовского имени. Один из них, автор Регула, доказал, что принадлежит к одной из тех фамилий, которых слава наследственна, доказал, что аристократическое право дворянства, доставаемое авторством, подобно купленному оружием, может учреждать маиоратство.

Хотя ничто не подавало повода думать о скорой кончине Арно, но с некоторого времени здоровье его видимо слабело. Сильные удары, безжа-

[1] Если только не будет особого приказа короля.

lib.pushkinskijdom.ru

лостно направленные на человека и писателя, поколебали его крепкую, но чувствительную и раздражительную организацию.

В наши времена существует ядовитый род критики, которая достигает до сердца; ею не поскупились для Арно: и не смотря на свои седины, на прежние триумфы, он не мог, подобно Марию в Минтурне, обезоружить Кимвра.

Надобно сказать и то, весьма часто ошибались в характере Арно. В душе этого человека глубоко напечатлевались все воспоминания и добра и зла. Если он никогда не забывал нанесенного ему зла, то вечно за то носил в сердце благодеяние. Признаемся также, что, по живому и острому расположению ума своего, Арно не мог удержаться от острого слова, и если прибавим к этому недостатку необыкновенную откровенность Арно, то нам будет понятно, от чего он имел столько врагов. Между тем не было человека добрее его. Не раз доказывал он это; не раз, занимая важную должность при университете, он подавал руку помощи отвергнутому таланту или скромному достоинству. Арно принял в свою канцелярию нашего поэта Беранже, которого он один тогда разгадал. Разговор Арно был исполнен выражений смелых и живописных, носил на себе отпечаток той насмешливости, которая встречается в его баснях, разных стихотворениях и даже в песнях, оригинально веселых.... да, мм. гг., в песнях Арно, в песнях трагического писателя! Я так горжусь этим обстоятельством, что спешу заговорить о нем: это для меня важный авторитет, это новое доказательство в пользу рода сочинения, которому я осмеливаюсь, может быть, дерзко доставить между вами право гражданства.

Для этого, мм. гг., мне бы должно развернуть перед вами то, что я назову героическими временами песни, когда она сопутствовала в сражениях Роланду и храбрым рыцарям Карла Великого, или когда с труверами и менестрелями с арфою в руках она приходила к дверям дворца и садилась за стол с владельцем замка; показать вам, потом, как она отправилась в крестовые походы и возвращалась с первыми христианскими баронами: как она, сидя у готического очага, веселым напевом о султане Саладине забавляла досуги благородных дам. Потом я бы должен был представить вам ее, когда нежная и воинственная с Агнессою Сорель она научала Карла VII, каким образом возвращают королевства; как она, насмешливая и щеголеватая, писала с Франциском I веселые куплеты на стеклах Шамбора, потом вдруг, фанатическая и возмутительная, с крестом лиги, или под знаменем фронды, нападала на королей, низвергала министров, переменяла парламенты; и может быть, желая изобразить историю песни, я бы неожиданно рассказал вам всю историю Франции.

В знаменитой речи, исполненной тонких и остроумных мыслей, один из первых наших драматических авторов, доказывал здесь, что если бы какой нибудь ужасный переворот истребил с лица земли все истор[illegible] документы, оставив невредимым лишь собрание наших комедий, то это собрание заменило бы все летописи. Литературная свобода Академии позволит ли мне не вполне разделять это мнение? Я не думаю, чтоб комический автор был историком: это не его назначение; не думаю, чтобы в самом Мольере можно было найти историю нашей страны. Комедия Мольера говорит ли нам что нибудь о великих происшествиях века Лудовика XIV? Есть ли в ней хотя слово о заблуждениях, слабостях и ошибках великого короля? Говорит ли она об уничтожении Нантского эдикта? Нет, мм. гг., точно также, как комедия времен Людовика XV молчит о Parc-au-cerf [1], комедия времен империи—о страсти к завоеваниям! Если прибавим к этому новую невероятность (меня так часто упрекали в этом недостатке, что мне позволено будет прибавить еще тысячу первую в пользу истины) и если в свою очередь предположим, что, подобно тому наместнику Магомета, который сжег всю библиотеку александрийскую и сохранил только книгу пророка, найдется в наши времена какой-нибудь победитель калмыцкий или татарский, любитель веселостей, пристрастный к песням как Омар к Алкорану, сожжет все исторические книги, а пощадит только собрание наших песен разного рода и водевилей, напечатанных доныне, по-

[1] Олений парк.

lib.pushkinskijdom.ru

смотрим, нельзя ли будет с пособием одних этих документов восстановить главнейшие факты нашей истории? Быть может, я заблуждаюсь; быть может, это один только парадокс: но мне кажется, что с помощию этого веселого архива, этих поющих летописей, легко было бы отыскать имена, числа, происшествия, забытые комедиею, или исторические лица, пощаженные ею.

Подобная верность не возможна для комической музы, я знаю; я это говорю ей не в укоризну, а рассказываю просто как есть дело; я уверен, что ни Лудовик XIV, ни Лудовик XV, ни Наполеон, не потерпели бы на театре великих поучений истории, и не позволили бы вывести на сцену то, что бы до них близко касалось. Нынешний комический автор в сем отношении не имеет больше преимущества перед своими предшественниками. У нас раздражительность партий заступила место раздражительности правительства; в наш век свободы, мы не вольны изображать на сцене все смешное: всякая партия защищает своих и позволяет занимать смешное лишь у соседа; самое книгопечатание, эта неограниченная власть свободных правлений, книгопечатание хочет говорить правду всему свету, но не любит, чтоб говорили ему истину. Я здесь, повторяю, не хочу укорять комедию, но напротив оправдать ее и доказать, что от нее требовали невозможного, требовали, чтоб она заступила место истории.

По крайней мере, комедия нам описывает нравы?... Справедливо! Согласен, что она ближе к точности и истине нравоописательной, нежели к исторической; но со всем тем, исключая некоторые, весьма редкие произведения (как, наприм., *Туркарет*, образец точности), мы находим театр, по какой-то довольно странной судьбе, почти всегда в прямом противоречии с обществом. Например, мм. гг., касательно нравов? Разберем эпоху регентства! Если комедия выражает постоянно общество, то комедия тех времен должна бы нам представить странные вольности и веселые сатурналии. Совсем нет; она холодна, точна, взыскательна и благопристойна. Такова комедия Детуша, она не смеется или смеется очень мало, комедия Лашоссе плачет. Под скиптром Лудовика XV, или лучше под скиптром Вольтера, в ту минуту, когда разрешались эти великие вопросы, изменившие все общественные мысли и в быстром движении увлекавшие осьмнадцатое столетие, столь полное настоящим и будущим, мы видим на театре Дора, Мариво, Де Лану, т. е. остроумие, романизм и пустоту.

Во время самых жестоких периодов революции, когда трагедия, как говорили, рыскала по улицам, что представлял театр? Сцены человеколюбивые и чувствительные, как например: *Женщины*, *Сыновняя Любовь*, а в январе 93 года, во время суда над Лудовиком XVI, давали *Прекрасную Мызницу*, комедию пастушескую и чувствительную. Во время империи, в царство славы и побед, комедия не была победительницею и воинственною! При восстановлении Бурбонов, правлении мирном, лавры, военные мундиры, завладели сценою; Талия надела эполеты! А в наши времена? В эту самую минуту, в которую я говорю с вами, вообразите иностранца, нового Анахарсиса, упавшего с неба посреди нашей образованности и отправляющегося в театр, чтоб узнать точное и положительное состояние парижских нравов в 1835-м году? Как бы испугался этот почтенный иностранец! Он не посмел бы показаться в улицах Парижа невооруженный, не посмел бы сделать шага, чтоб не встретить убийства, прелюбодеяния, кровосмешения; а все от того, что его уверили, будто театр есть выражение общества.

И еслиб потом кто нибудь взял этого иностранца за руку и ввел в наши гостиные, в наш семейный круг, с каким бы удивлением увидел он, что ни в одну эпоху, может быть, нравственность наша не была так хороша, как теперь; что кроме некоторых исключений, о которых говорят только по их редкости, никогда еще под домашнею кровлею не жило столько добродетелей Еслиб ему сказать, что прежде высшие классы подавали пример порока, что часто сам двор ничтожил народную нравственность; если сказать ему, что теперь добродетель нисходит к нам свыше и отражается от престола на обществе: то, помирившись с этим обществом, которое он обвинял по незнанию, иностранец с радостию сказал бы: меня обманули; слава богу, театр не всегда служит выражением современных нравов!

Каким же образом растолковать, мм. гг., это постоянное противоречие между театром и обществом? Случай ли этому причиною, или скорее со-

lib.pushkinskijdom.ru

временный вкус и наклонности, отгаданные и разработанные авторами? Вы идете в театр не за нравоучением или исправлением, а для развлечения и удовольствия. Вас увеселяет более вымысел, нежели истина! Представляя то, что вы имеете ежедневно перед глазами, нельзя вам понравиться; но то, чего не видите вы в обыкновенной жизни, все чрезвычайное, романическое, вот что вас очаровывает, — теперь это и представляют вам.

Так во дни ужаса революции, именно потому, что вашим глазам больно было смотреть на кровавые сцены и грабительства, вы были счастливы, находя на театре человеколюбие и благотворительность, которые тогда были вымыслами....

Точно так и во времена восстановления Бурбонов, вам напоминали те дни, когда вы давали Европе законы — и прошедшее утешало вас в настоящем.

Следственно театр весьма редко бывает выражением современного общества: по крайней мере, как мы видели, он часто выражает противоположное, так что должно искать происшествия в том, именно, о чем театр молчит. Комедия изображает страсти всех времен, как изображали их Мольер, Данкур и Пикар, с такою веселостию, как Колен д'Арлевилль, с такою прелестью, как Андриё; она описывает редкие исключения и минутные странности; она едва приподнимает завесу и показывает нам только уголок общества; но нравы целого народа, целые эпохи, изящные или грубые, развратные или набожные, кровавые или героические, кто их нам откроет? Хороши они были или дурны, их вы найдете, мм. гг., в тех летописях, о которых я вам сейчас говорил:

Ces peintures naïves,
Des malices du siècle immortelles archives. [1]

Песня! она не имела никакой выгоды скрывать истину, а появлялась напротив именно для того, чтоб высказать ее! И так, мм. гг., пробежим снова те эпохи, о которых мы говорили, начнем с регентства, так мало сохраненного комическими авторами того времени и прибегнем к песенникам: не будут ли они более верными живописцами общества? Колле, например:

Chansonniers, mes confrères.
Le coeur, l'amour sont des chimères.
Dans vos chansons legères
Traitez de vieux abus
Ces vertus
Qu'on n'a plus. [2]

Не бойтесь, мм. гг., я вам прочту только один куплет и то отрывками:

L'amour est mort en France,
C'est un
Défunt
Mort de trop d'aisance!
. . . . . .
Et tous ces nigauds
Qui font des madrigaux
Supposent à nos dames
Des coeurs,
Des moeurs,

---

[1] В этих наивных картинках,
Бессмертных архивах лукавства век.

[2] Братья мои — песенники,
Сердце, любовь, это — химеры.
В ваших легкомысленных песнях
Изображайте как старый обман
Эти добродетели, которых больше нет.

lib.pushkinskijdom.ru

Des vertus, des ames!
Et remplissent de flammes
Nos amants presque eteints,
Ces pantins
Libertins! [1].

Не видите ли вы, мм. гг., всего регентства в этих стихах? А что было бы, еслиб я прочитал всю песню до конца!

Хотите ли узнать общество осьмнадцатого столетия. Это общество щегольское и остроумное, рассудительное и скептическое, которое верило не в бога, а в наслаждения? Хотите ли иметь понятие о его нравах, философии и маленьких ужимках? Не спрашивайте комедию — она вам ничего не скажет! Прочтите песни Вуазенона, Буфлера и кардинала Берни.

Пойдемте далее к тем временам, когда испуганной песне приходилось изломать свирель свою: она и тут не молчит, не перестает описывать нравов своего времени; она неотлучна как верное эхо, при всякой громкой эпохе принимает звуки и передает их нам. Так в нашу революцию, разделяющуюся на две различные половины, период ужасов изображен в безбожных песнях 93 года, период геройства и славы в воинственных гимнах, которые повели наших воинов на завоевание Европы.

Я не говорю вам о славе империи — она имела историографами всех песенников той эпохи, начиная с Дезожье, первого песенника всех времен, который производил песни, как Лафонтен басни!

Что касается до времен восстановления Бурбонов, то не спрашивайте о них наши театры, не ищите их в столбцах Монитёра: для этого у нас есть песни Беранже».

— В конце речи своей, остроумный оратор представляет песню во всегдашнем борении с господствующею силою: он припоминает, как она воевала во времена лиги и фронды, как осаждала палаты кардиналов Ришелье и Мазарина, как дерзала порицать важного Лудовика XIV, как осмеивала его престарелую любовницу, бесталантных министров и несчастных генералов; как при умном и безнравственном регенте и при слабом и холодном Лудовике XV нападения ее не прекратились; как, наконец, в безмолвное время грозного Наполеона она одна возвысила свой голос, и приводит в пример известную песню: Le roi d'Ivetot.

Il était un Roi d'Ivetot,
Peu connu dans l'histoire
Se levant tard, se couchant tôt.

---

[1] Любовь умерла во Франции,
Это
Покойник,
Умерший от слишком хорошей жизни!
. . . . . .
А все эти дурачки,
Что сочиняют мадригалы,
Предполагают у наших дам
Сердца,
Добрые нравы,
Добродетели, души!
И наполняют пламенем
Наших почти угасших любовников, —
Этих паяцов
И повес!

lib.pushkinskijdom.ru

Passant le iour à boire,
Et couronné par Jeanneton
D'un simple bonnet de coton etc. [1].

Признаюсь: вряд ли кому могло войти в голову, чтоб эта песня была сатира на Наполеона. Она очень мила (и чуть-ли не лучшая изо всех песень хваленого Béranger), но уж конечно в в ней нет и тени оппозиции.

Ответ Г. Вильмена, непременного секретаря Академии.

М. г.!

Ваша речь имела успех такой же, как и ваши комедии; здесь встречают вас те-же рукоплескания, которые раздаются при вашем имени на всех театрах Франции и почти всей Европы. Академия это предвидела: она была уверена, что избрать вас было делом справедливости и народности. Во всех родах литературы всякая прочная слава дает право на академическое звание; никому не может быть дозволено в продолжении 20 лет безнаказанно морить со смеху публику.

Напрасно, м г., следуя законам оффициальной скромности, вы бы стали унижать пред нами постоянные ваши успехи, опираясь на легкую форму ваших сочинений; все дело в произведении вкуса не в предмете и не в форме — но в таланте. Есть песни, которые гораздо лучше эпической поэмы. Знаменитый академик, которого вы теперь занимаете место и которого вы так удачно характеризовали, после великих трагических произведений отличился особенно своею оригинальностию в эпиграммах, названных им баснею. Этот человек с умом и талантом умел бы оценить всю творческую силу, которая видна в бесчисленных и разнообразных ваших комических произведениях. Он бы не упрекнул вас, ни за многих ваших сотрудников, ни за многие прелестные ваши произведения, которые принадлежат не вам одному, но которые без вас никогда бы не существовали. Арно знал, что вкус, который умеет выбирать и совершенствовать, есть важная часть изобретения, что мысль вполовину принадлежит тому, кто умеет придать ей настоящую цену. Он с радостию бы принял предложенного вами ему сотрудника — Наполеона, которого краткую и страшную пиитику вы так удачно изобразили.

Только пятый акт *Венецианцев* они создали вместе. Если это сообщество не было деятельнее, то виною тому не генерал Бонапарт, который в первом жару молодости и славы, между победой над Италией, управлением Францией, завоеванием Египта, занимался всем, думал обо всем вдруг, и не знал, куда деваться с своими мыслями и изобретениями в ожидании императорского престола. Арно привязался к нему с похода в Италию, со времени трагедии *Оскар*, которую послал он героическому обожателю Оссиана. Вскоре потом он принял участие в египетской экспедиции и последовал за кесарем в Александрию. Во время переезда на адмиральском корабле *Восток*, который нес в себе столько ученых и военных знаменитостей, Арно беспрестанно беседовал с генералом. Говорили о войне, об искусствах, о свободе, о завоевании всего света, о литературе, о трагедии. Бонапарт часто возвращался к этому последнему предмету, для которого он составил себе целую теорию. Политика, общественная польза — вот что по его мнению могло быть единственными предметами трагедии; где дело шло о любви, о сердечных борениях, не исключая и *Заиры*, все это он причислял к комедии. Арно противился этим нововведениям и однажды после

[1] Король Ивето.
Жил король в Ивето,
Мало известный в истории:
Он вставал поздно, рано ложился,
Проводил свои дни в попойках,
И увенчанный Жаннеттою
Простым ватным колпаком, и проч.

lib.pushkinskijdom.ru

долгого спора, когда генерал сказал ему: «Как бы то ни было, но мне хочется сочинить с вами вместе трагедию». — Охотно, отвечал Арно,—тогда, когда мы сочиним вместе план сражения!—

Не смотря на эту короткость в обращении, которой бы многие позавидовали, — не смотря на доверчивость счастливой звезде завоевателя, Арно не окончил путешествия. Долг дружбы задержал его в Мальте при начале завоевания. Но он был из первых между теми, которые призывали героя из Египта и приготовляли к тому общее мнение.

18-е брюмера Арно находился при Бонапарте одним из ревностных участников военного переворота, который основал империю, и находился при нем без всяких личных расчетов. Литератор в полном смысле слова, несколько беспечный и гордый, Арно не заботился более ни о своей будущности, ни о благосклонности своего покровителя. Сперва остался он в Мальте, а после в дали от политики и императорского двора принял на себя скромную и важную должность, где его влияние было всегда правосудно и благодетельно.

Свободные часы его были все посвящаемы литературе. Трагический автор школы *Дюсиса* в произведениях своих, он прибавил к древним формам новую степень ужаса, а иногда и простоты. Страстный обожатель Наполеона, он не воспевал его царствования. Великие властители, потрясающие сильно воображение народов, пробуждают его у поэтов уже долго после своей кончины. Одаренный умом колким и насмешливым, способным более к коварным намекам басни, нежели к панегирику, Арно выхвалял Наполеона лишь после его падения и то важным языком истории. Его пристрастие было благоговение к гению и к несчастию; оно вдохнуло ему много красноречивых страниц; он заплатил изгнанием за право написать их. Писатель мирный, враг всех общественных переворотов, он был увлечен бурей, сокрушившей династию.

По этому случаю, в продолжение некоторого времени, он не мог принадлежать более этой Академии, где он имел столько прав на свое место и, куда все его призывало. Он даже возвратился к нам при том правлении, которое так несправедливо изгнало его. Во второй раз услышал он здесь похвалы трудам, прославившим жизнь его, и таланту, которому никакая революция не могла дать отставки. Ему прочли те стихи, которыми означен был первый день его изгнания; и он нашел в рукоплесканиях и в живом соучастии публики сладкую награду своему благородному характеру.

Этот характер вместе с его славою дал ему право на место, требовавшее доверенности, которое опустело между нами после умного и почтенного *Андрие*, место, которое требует бескорыстной любви к словесности, призывает иногда к защите ее достоинства и должно быть нераздельно соединено с теми благородными чувствами, которые она внушает душе человека.

Как должны мы сожалеть, что внезапная смерть прекратила эту жизнь в полной ее силе и похитила Арно посреди недоконченных трудов его! Записки, писанные им с таким остроумием и беспечностию, составляют любопытный памятник его старости, и могут выдержать эту неблагодарную и грубую критику, которая всегда ожидает последних произведений художника и поэта. Арно, как умный и нечестолюбивый зритель, замешанный в движении века, не умел ими пользоваться, но видел много вещей и всегда умел оценять их с тою сильною прямотою совести, от которой яснее самый расчет разума. Ни собственная выгода, ни политические связи не имели влияния на верность его воспоминаний, на его нравственный инстинкт. Некоторые несчастия прежней королевской династии, может быть, нигде не были описаны с таким живым участием, как в книге Арно, изгнанного из Франции в 1815 году.

Это происходило от того, что чувства справедливости были у него врожденными; и его строки хоть носят иногда печать современных страстей, но дышат всегда откровенностию, которой нельзя не уважать.

Вы поняли и достойно оценили талант вашего предшественника; но ваше поприще, м. г., счастливое и легкое, не может сравниться с его поприщем. Вы, я знаю, уважаете музу науки, ученые труды, успехи, дорого купленные и добываемые с боя. Вы все это знаете по слухам: для вас литература с молодости была ряд наслаждений, славою, богатством. Это

lib.pushkinskijdom.ru

весьма редкая участь, пример опасный, быть может; но его оправдывают ваш талант и характер.

Не бойтесь, м. г., я не буду долго останавливаться на этой счастливой участи; но позвольте мне найти причину ее в вопросе более общем, который вы сейчас предложили себе и разрешили умно и удачно, но может быть, не совсем справедливо. Тайна ваших постоянных успехов заключается, я думаю, в том, что вы счастливо разгадали дух нашего века; вы создали род комедии, с которою он хорошо сроднился, которая походит на него, комедию живую, развязную, быструю; не обширную изящную картину, которую изучить нам не достает времени, а ряд портретов выразительных, которые блеснут, исчезнут, но не забываются. И так, не разделяя мнения, которое вы поддерживаете, не думая, подобно вам, что театр по существу своему должен быть в противоречии с нравами, противоположным полюсом общества, что он не должен походить на публику, чтобы нравиться публике, я, признаюсь вам, придерживаюсь второго мнения и могу опровергнуть ваши доказательства вашими же комедиями.

Без сомнения, одна комедия не составляет полной истории народа; но она объясняет, пополняет эту историю. Она ничего не говорит о политических происшествиях, по крайней мере со времен Аристофана, (или, если хотите, со времен Бертрана и Ратона), но она свидетельница духа и нравов народа, у которого родились эти происшествия. Не называя никого по имени, она пишет летопись каждого. Узнали ли б вы совершенно век Людовика XIV без Мольера? Знали ли бы вы, что была тогда двор, город и особенно Тартюф? Нет ни одной пьесы Мольера, не исключая и фантастической драмы Дон Жуана, которая бы не показала вам какой нибудь любопытной стороны народного духа в XVII столетии, не дала бы вам понятия о движении в нравах и не открыла б вам брожения мнений при мнимой тишине этой величественной эпохи?

Впоследствии, м. г., эта мелочная, жеманная драма Дората, Лану, и даже Мариво, которого вы уже слишком смешиваете с ними, уверены ли вы, что она в сильной противоположности с своим временем? XVIII-е столетие, столь полное настоящим и будущим, выражаясь вашими словами, XVIII-е столетие не походило ли в праздности высших классов, в злоупотреблениях ума, в утонченном разврате нравов на натянутую драму, которой оно рукоплескало? И даже не найдем ли мы и в других комедиях того времени, еще более слабых, верного изображения нравов, и может быть достойного наблюдений историков? Что же касается до хороших комедий той же эпохи, то они говорят много, и даже слишком много; например, Свадьба Фигаро, есть бесценное сведение для истории.

Я боюсь, м. г., следуя за вами далее, броситься ради комедии в летописи нашей революции: но и в эту эпоху, этот сентиментальный набор слов, это идолопоклонство *старости, добродетели, детству*, выводимое на театре во время политических ужасов, не было ли также чертою нравов? Тот же самый наглый обман не повторялся ли в речах трибуны и в программах народных праздников, где священные слова человечества смешивались с гнусными преступлениями; — это были проповеди и гимны новой *лиги*.

Мне кажется, м. г., что театр, хорош ли он или дурен, естественен ли он, или натянут, всегда, как прежде говорили и доказывали, театр есть драгоценный свидетель для истории нравов и мнений.

В нравах народа заключены его предрассудки, его воспоминания, его сожаления; для этого он иногда ходит в театр искать того, что не выражает настоящего его положения, но говорит ему о том, чего он желает, или что им потеряно. И потому я скажу, м. г., пользуясь вашим же примером: если в мирные времена *восстановления* ваши отставные полковники, ваши заслуженные храбрые солдаты были в такой милости у публики, то не от того, что эта картина противоречила духу времени; но напротив, потому что льстила ему, лаская обиженное народное самолюбие; проницательный политик мог бы открыть в этих представлениях, принимаемых толпою с восторгом, страсть, не потушенную в течение 15 лет, и вдруг вспыхнувшую.

Да, м. г.! в ваших же произведениях можно найти эту современную точность, которую вы, отняв у комедии, присвоили одной песне, и сделать вас историком против вашей воли. Впрочем, в этом деле вы приняли все

lib.pushkinskijdom.ru

возможные предосторожности: вы соединили песню с комедией, и что ни говори о вашей литературной теории, — со всех сторон вас ожидают рукоплескания.

Я признаюсь, что эта теория делается весьма правдоподобною в последних примерах вами приведенных. В наших глазах, почти в то самое мгновение, когда я говорю, исчезло было это соотношение, это сходство театра с публикою, или лучше сказать, казалось, что один из них хотел быть развратителем другого. Но в этом отзыве общественному перевороту, в этом бесплодном брожении возмутительных голов, нет ли чего такого, чем бы можно было изъяснить эту потребность сильных потрясений, столь противоположную нашим семейственным нравам, эту потребность, редко удовлетворенную на театре и которая бы уничтожилась сама собой, скукою публики, даже без пособия цензуры? Вы сами, милостивый государь, можете судить лучше других об этом, вы не заражены эпидемиею преувеличения, этой страстью к ложному, вы умеете на свободе соединять остроумие с здравым смыслом, и не нуждаетесь в неблагопристойных сценах для драматического эффекта.

Долгие успехи научили вас этому трудному искусству, от которого вы редко отступали, не смотря на огромное количество пьес, писанных наскоро. Аристократ Буало говорил:

Il faut, même en chanson, du bon sens et de l'art[1].

Этот совет, хотя, кажется, может быть ненужным и лишним в наше время, но тем не менее может быть применен с точностию ко всем родам песни на наших театрах. Ни легкость предмета, ни свобода формы, ни шалость ума, никогда не могут избавить автора от этих двух старинных условий, требуемых Буало: *здравого смысла и изящества;* и если бы даже они перестали быть принадлежностию больших произведений, то все бы надобно было требовать их соблюдения от водевиля и комической оперы.

Так в прошедшем столетии человек с необработанным талантом, Седен, с помощию здравого смысла и искусства нашел новое место на наших театрах и оставил незабытые произведения. Вам, м. г., приготовленному с ранних дней изучением литературы, вам предстояло менее усилий и затруднений. К той оригинальности, без которой ни один писатель не может занять сильно публики, вы присоединили изучение хороших образцев; ваши первые произведения, повидимому, импровизированные посреди юной, беспечной веселости, всегда носили на себе отпечаток искусства и были написаны с такою же быстротою, как и со тщанием.

Вы ограничивали ваш талант тесною и легкою рамкою. Оригинальные характеры, свежие, девственные представления нравов — уже были похищены у вас прежними мастерами. Бросая наблюдательный взгляд на наше общество, вы не нашли в нем уже тех резких образов, той борьбы между состояниями, того особенного характера разных классов, столь удобных для высшей комедии; и не смотря на счастливые примеры, вы не решились испытать свою силу в этой изящной сфере искусства. Вас прельщал успех более легкий и скорый. Вместо того, чтоб сосредоточить вашу комическую силу на каком нибудь предмете, требующем долгого размышления, вы раздробили ее на тысячу мелких блистательных очерков, возобновили ту изобретательную плодовитость испанских поэтов, которых произведения и успехи считались сотнями. Посреди общества, подведенного под один и тот же уровень, но общества деятельного, беспокойного, вы переносили на сцену его мнения, моды, причуды по мере того, как они появлялись пред вами.

Когда трудно было прямо ухватиться за минутную истину, вы часто искусно добирались до ней со стороны; для этого брали, вместо главной черты, мелочные оттенки и умели заставлять публику рукоплескать даже и тому, о чем вы молчали. Многие мелкие пьесы Мольера ценятся знатоками наравне с его большими произведениями. Вы умели быть оригинальным, подражая этим небольшим пьескам; и часто воспоминание или противоположная сторона какой-либо мысли великого поэта подавали вам средство написать целую новую пьесу.

[1] Даже в песенке требуется здравый смысл и искусство.

lib.pushkinskijdom.ru

Но особенно в наше время, под парижским горизонтом, в его шумной жизни, в его делах и удовольствиях на бирже, в литературе, вокруг себя, в происшествиях вчерашнего вечера, вы умели схватить предметы и освятить их вдохновением. Ваш театр приблизился к тем *пословицам* гостиных, где общество обрисовывает само себя, и говорит своим ежедневным языком. Но, пока вы писали под диктовку публики, возвращая ей, что она вам давала, сколько удачных и остроумных картин, сколько быстрых и живых разговоров обличали ваше участие в этой общей работе.

Вот причина, м. г., почему ваши пьесы забавляют всю Францию, переходят за границу и там переведенные, переделанные, сокращенные, увеличенные, по вкусу разных народов, поддерживают все театры от юга до севера. Везде хохотали, везде с жадностию хватались за ваши произведения. Это служит доказательством, что не костюм и минутные намеки составляют главное в этих совершенно парижских пьесах, — но что в них много истины и много веселости обще-человеческой.

Мне помнится, один знаменитый немецкий критик, слишком строгий к нашим классическим поэтам, может быть, умом и знанием завлеченный в невольный парадокс, предпочитал в полном смысле *Просителя* — *Мизантропу*. Я уверен, что вы сами несогласны с этим мнением; но заблуждение, в которое вы ввели такого критика своею остроумною комедиею, служит новым доказательством в вашу пользу; такое заблуждение было бы невозможно, если бы не было много ума и много жизни в этих легких сценах, которые не только играют, но на которые пишут комментарии за границей. Не повторяя слов критика, я не могу однако же не обратить внимания на особенное искусство, с которым ведены ваши важнейшие пьесы, на быстрое и свободное движение вашей драмы, на верность производимых ею впечатлений (хотя разговор и бывает иногда слишком украшен или слишком мелочен), на вашу тайну обрисовывать предмет во всех возможных видах, на ваш разговорный слог, то грациозный, то простой, то трогательный и всегда остроумный.

Какое расстояние от *Дипломата* до *Валерии*, от *Intérieur d'un Bureau* до *Michel et Christine*. Какое разнообразие, иногда какое остроумное нравоучение, в многочисленных пьесах, на предмет профанированный старинным театром: на брак! Одна из них, *Женитьба по расчету* (le Mariage d'argent), есть настоящая комедия в пяти актах без куплетов, без *сотрудников*, поддерживаемая драматическою целостью, единством характеров, истиною разговора, силою оставляемого ею в душе впечатления. Проза не вредит этому творению, также как и прекрасным комедиям Лесажа и Пикара.

Не надобно спрашивать, м. г., зачем вы не пытались чаще возобновлять эту высшую комедию, которая так удалася вам; у вас не было недостатка ни в таланте, ни в источниках смешного. Даже это поприще расширилось при действии наших общественных переворотов, и вам было возможно испытать свои силы над политическою комедиею, этою крайнею вольностию театрального искусства. Между большим числом ваших успехов замечательны *Bertrand et Raton* сколько по новости предмета, столько и по истине подробностей. Эта пьеса сама собою имела достоинство случайное, оцененное публикою, для которой потребность порядка была чувством народным. Она осмеивала мятеж и живо изображала, какое искусственное волнение и какие мелочные причины могут иногда возмущать спокойствие государства.

Впрочем, м. г., это поприще политической комедии, на котором вы сделали несколько шагов, скоро закрылось, и вы об этом не сожалеете. Вашему таланту остроумному и разнообразному не нужно отыскивать смешное в раздорах партий; вы и без этого средства умеете возбудить внимание и покупать победу. Вы еще молоды: публика ожидает от вас многого. Обратится ли ваш талант к успехам более редким, или возобновит прежние, академия во всяком случае не будет сожалеть о своем выборе. Ибо честь и жизнь литературного общества тогда только возможны, когда оно привлекает к себе все роды знаменитостей, узаконенных публикою. Это различные

[1] Внутри бюро.

lib.pushkinskijdom.ru

формы, в которых является состояние искусства в какой-либо нации. Не все приходят вдруг и не всякий принимает в этом деле одинаковое с другим участие; строгому вкусу, глубокой учености должно быть место возле смелого таланта; возле людей, посвятивших себя словесности для самой словесности, должны быть люди, для которых она лишь средство действия на трибуне, в суде и в театре. Все эти различные роды соприкасаются один к другому и соединяются: сие-то самое смешение и составляет характер академии. Каждая наша потеря, как и всякий наш выбор, более и более утверждают нас в этой мысли. Некогда из среды нас был похищен оратор, которого важное, возвышенное слово, громко прозвучав в национальных собраниях, тихо раздавалось в наших мирных беседах, муж доблестный и красноречивый, сохранивший всеобщее уважение и в отдалении от дел, и даже при кормиле правления. Кто возвратит нам Лене?[1]

По крайней мере да огласятся эти стены нашим сетованием и да простят нам, что мы поспешили воспользоваться этим случаем, чтобы гласно принести дань нашего благоговения на его смиренную и еще свежую могилу.

МНЕНИЕ М. Е. ЛОБАНОВА О ДУХЕ СЛОВЕСНОСТИ, КАК ИНОСТРАННОЙ, ТАК И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ.

(Читано им 18 января 1836 г. в Императорской Российской Академии).

Г. Лобанов заблагорассудил дать своему мнению форму неопределенную, вовсе не академическую: это краткая статья, в роде *журнальных отметок*, помещаемых в *Литературных Прибавлениях к Русскому Инвалиду*. Может статься, то, что хорошо в журнале, покажется слишком легковесным, если будет произнесено в присутствии всей академии и торжественно потом обнародовано. Как бы то ни было, мнение г. Лобанова заслуживает и даже требует самого внимательного рассмотрения.

«Любовь к чтению и желание образования (так начинается статья г. Лобанова) сильно увеличились в нашем отечестве в последние годы. Умножились типографии, умножилось число книг; журналы расходятся в большем количестве; книжная торговля распространяется».

Находя событие сие *приятным для наблюдателя успехов в нашем отечестве*, г. Лобанов изрекает неожиданное обвинение. «Беспристрастные наблюдатели» — говорит он — «носящие в сердцах своих любовь ко всему, что клонится к благу отечества, преходя в памяти своей все, в последние времена ими читанное, не без содрогания могу сказать: есть и в нашей новейшей словесности некоторый отголосок безнравия и нелепостей, порожденных иностранными писателями».

Г. Лобанов, не входя в объяснение того, что разумеет он под словами *безнравие и нелепость*, продолжает: «Народ заимствует у народа, и заимствовать полезное, подражать изящному — предписывает благоразумие. Но что ж заимствовать ныне (говорю о чистой словесности) у новейших писателей иностранных? Они часто обнажают такие нелепые, гнусные и чудовищные явления, распространяют такие пагубные и разрушительные мысли, о

[1] Французская академия на место умершего Лене выбрала г. Дюпати, мимо представлявшихся кандидатами Балланша, Виктора Гюго и Моле. Академия имела на то, вероятно ей известные, причины. Мы же не знаем, что такое г. Дюпати. <Примеч. Пушкина>

lib.pushkinskijdom.ru

которых читатель до сих пор не имел ни малейшего понятия и которые насильственно влагают в душу его зародыш безправия, безверия и следовательно будущих заблуждений или преступлений».

«Уже ли жизнь и кровавые дела разбойников, палачей и им подобных, наводняющих ныне словесность в повестях, романах, в стихах и прозе, и питающих одно только любопытство, представляются в образец для подражания? Ужели отвратительнейшие зрелища, внушающие не назидательный ужас, а омерзение, возмущающее душу, служат в пользу человечеству? Ужели истощилось необъятное поприще благородного, назидательного, доброго и возвышенного, что обратились к нелепому, *отвратному* (?), омерзительному и даже ненавистному?»

В подтверждение сих обвинений г. Лобанов приводит известное мнение эдимбургских журналистов *о нынешнем состоянии французской словесности*. При сем случае своды Академии огласились собственными именами Жюль-Жанена, Евгения Сю и прочих; имена сии снабжены были странными прилагательными... Но что, если (паче всякого чаяния) статья г. Лобанова будет переведена, и сии господа увидят имена свои, напечатанные в отчете императорской Российской Академии? Не пропадет ли втуне все красноречие нашего оратора? Не в праве ли будут они гордиться такой честию неожиданной, неслыханной в летописях европейских академий, где доселе произносились имена только тех из живых людей, которые воздвигнули себе вековечные памятники своими талантами, заслугами и трудами? (Академии безмолвствовали о других). Критическая статья английского аристарха напечатана была в журнале; там она заняла сй приличное место, и произвела свое действие. У нас *Библиотека* перевела ее и хорошо сделала. Но тут и надлежало остановиться.

Есть высоты, с которых не должны падать сатирические укоризны; есть звания, которые налагают на вас обязанность умеренности и благоприличия, независимо от надзора цензуры, Sponte sua, sine lege. [1]

«Для Франции» — пишет г. Лобанов — «для народов, отуманенных гибельною для человечества новейшею философиею, огрубелых в кровавых явлениях революций, и упавших в омут душевного и умственного разврата, самые отвратительнейшие зрелища, например: гнуснейшая из драм, омерзительнейший хаос ненавистного бесстыдства и кровосмешения, *Лукреция Борджиа*, не кажутся им таковыми; самые разрушительнейшие мысли для них не столь заразительны: ибо они давно ознакомились и, так сказать, срослись с ними в ужасах революций».

Спрашиваю: можно ли на целый народ изрекать такую страшную анафему? Народ, который произвел Фенелона, Расина, Боссюэта, Паскаля и Монтескье, — который и ныне гордится Шатобрианом и Балланшем; народ, который Ламартина признал

[1] По собственому почину, без давления закона. <Цитата из Овидия> Весь абзац этот из текста «Современника» был исключен. *Ред.*

lib.pushkinskijdom.ru

первым из своих поэтов, который Нибуру и Галламу противопоставил Баранта, обоих Тьерри и Гизо; народ, который оказывает столь сильное религиозное стремление, который так торжественно отрекается от жалких скептических умствований минувшего столетия, — ужели весь сей народ должен ответствовать за произведения нескольких писателей, большею частию молодых людей, употребляющих во зло свои таланты и основывающих корыстные расчеты на любопытстве и нервной раздражительности читателей? Для удовлетворения публики, всегда требующей новизны и сильных впечатлений, многие писатели обратились к изображениям отвратительным, мало заботясь об изящном, об истине, о собственном убеждении. Но нравственное чувство, как и талант, дается не всякому. Нельзя требовать от всех писателей стремления к одной цели. Никакой закон не может сказать: пишите именно о таких-то предметах, а не о других. Мысли, как и действия, разделяются на *преступные* и на *неподлежащие никакой ответственности*. Закон не вмешивается в привычки частного человека, не требует отчета о его обеде, о его прогулках, и тому подобном: закон также не вмешивается в предметы, избираемые писателем, не требует, чтоб он описывал нравы женевского пастора, а не приключения разбойника или палача, выхвалял счастие супружеское, а не смеялся над невзгодами брака. Требовать от всех произведений словесности изящества или нравственной цели было бы то же, что требовать от всякого гражданина беспорочного житья и образованности. Закон постигает одни преступления, оставляя слабости и пороки на совесть каждого. Вопреки мнению г. Лобанова, мы не думаем, чтоб нынешние писатели *представляли разбойников и палачей в образец для подражания*. Лесаж, написав «Жильблаза» и «Гусмана д'Альфараш», конечно, не имел намерения преподавать уроки в воровстве и в плутнях. Шиллер сочинил своих «Разбойников» вероятно не с тою целию, чтоб молодых людей вызвать из университетов на большие дороги. Зачем же и в нынешних писателях предполагать преступные замыслы, когда их произведения просто изъясняются желанием занять и поразить воображение читателя? Приключения ловких плутов, страшные истории о разбойниках, о мертвецах и пр. всегда занимали любопытство не только детей, но и взрослых ребят; а рассказчики и стихотворцы исстари пользовались этой наклонностию души нашей.

Мы не полагаем, чтобы нынешняя раздражительная, *опрометчивая, бессвязная французская словесность была следствием политических волнений*.[1] В словесности французской совершилась своя революция, чуждая политическому перевороту, ниспровергшему старинную монархию Людовика XIV. В самое мрачное время революции литература производила приторные, сентиментальные, нравоучительные книжки. Литературные чудовища начали появляться уже в последние времена кроткого и благоче-

[1] Современник, № 1: «О движении журнальной литературы. <Примеч. Пушкина>.

lib.pushkinskijdom.ru

стивого Восстановления (Restauration). Начало сему явлению должно искать в самой литературе. Долгое время покорствовав своенравным уставам, давшим ей слишком стеснительные формы, она ударилась в крайнюю сторону и забвение всяких правил стала почитать законною свободой. Мелочная и ложная теория, утвержденная старинными риторами, будто бы *польза* есть условие и цель изящной словесности, сама собою уничтожилась. Почувствовали, что цель художества есть *идеал*, а не *нравоучение*. Но писатели французские поняли одну только половину истины неоспоримой, и положили, что и нравственное безобразие может быть целию поэзии, т. е. идеалом! Прежние романисты представляли человеческую природу в какой-то жеманной напыщенности; награда добродетели и наказание порока были непременным условием всякого их вымысла: нынешние, напротив, любят выставлять порок всегда и везде торжествующим и в сердце человеческом обретают только две струны: эгоизм и тщеславие. Таковой поверхностный взгляд на природу человеческую обличает, конечно, мелкомыслие, и вскоре так-же будет смешон и приторен, как чопорность и торжественность романов Арно и г-жи Котен. Покамест он еще нов, и публика, т. е. большинство читателей, с непривычки, видит в нынешних романистах глубочайших знатоков природы человеческой. Но уже «словесность отчаяния» (как назвал ее Гете), «словесность сатаническая» (как говорит Соувей), словесность гальваническая, каторжная, пуншевая, кровавая, цыгарочная и пр., — эта словесность, давно уже осужденная высшею критикою, начинает упадать даже и во мнении публики.

Французская словесность, со времен Кантемира имевшая всегда прямое или косвенное влияние на рождающуюся нашу литературу, должна была отозваться и в нашу эпоху. Но ныне влияние ее было слабо. Оно ограничилось только переводами и кой-какими подражаниями, не имевшими большого успеха. Журналы наши, которые, как и везде, правильно и неправильно управляют общим мнением, вообще оказались противниками новой романической школы. Оригинальные романы, имевшие у нас наиболее успеха, принадлежат к роду нравоописательных и исторических. Лесаж и Вальтер-Скотт служили им образцами, а не Бальзак и не Жюль-Жанен. Поэзия осталась чужда влиянию французскому; она более и более дружится с поэзией германскою, и гордо сохраняет свою независимость от вкусов и требований публики.

«Останавливаясь на духе и направлении нашей словесности»— продолжает г. Лобанов — «всякой просвещенный человек, всякой благомыслящий русский видит: в теориях наук — сбивчивость, непроницаемую тьму и хаос несвязных мыслей; в приговорах литературных — совершенную безотчетность, бессовестность, наглость и даже буйство. Приличие, уважение, здравый ум отвергнуты, забыты, уничтожены. Романтизм, слово до сих пор неопределенное, но слово магическое, сделался для многих эгидою

lib.pushkinskijdom.ru

совершенной безотчетливости и литературного сумасбродства. Критика, сия кроткая наставница и добросовестная подруга словесности, ныне обратилась в площадное гаерство, в литературное пиратство, в способ добывать себе поживу из кармана слабоумия дерзкими и буйными выходками, не редко даже против мужей государственных, знаменитых и гражданскими и литературными заслугами. Ни сан, ни ум, ни талант, ни лета, ни что не уважается. Ломоносов слывет педантом. Величайший гений, оставивший в достояние России высокую песнь богу, песнь, которой нет равной ни на одном языке народов вселенной, как бы не существует для нашей словесности: он, как бы *бесталанный* (г. Лобанов, вероятно, хотел сказать *бесталантный*), оставлен без внимания. Имя Карамзина, мудреца глубокого, писателя добросовестного, мужа чистого сердцем, предано глумлению....»

Конечно, критика находится у нас еще в младенческом состоянии. Она редко сохраняет важность и приличие, ей свойственные; может быть, ее решения часто внушены расчетами, а не убеждением. Неуважение к именам, освященным славою (первый признак невежества и слабомыслия), к несчастию, почитается у нас не только дозволенным, но еще и похвальным удальством. Но и тут г. Лобанов сделал несправедливые указания: у Ломоносова оспоривали (весьма неосновательно) титло поэта, но никто, нигде, сколько я помню, не называл его педантом: напротив, ныне вошло в обыкновение хвалить в нем мужа ученого, унижая стихотворца. Имя великого Державина всегда произносится с чувством пристрастия, даже суеверного. Чистая, высокая слава Карамзина принадлежит России, и ни один писатель с истинным талантом, ни один истинно ученый человек, даже из бывших ему противниками, не отказал ему дани уважения глубокого и благодарности.

Мы не принадлежим к числу подобострастных поклонников нашего века, но должны признаться, что науки сделали шаг вперед. Умствования великих европейских мыслителей не были тщетны и для нас. Теория наук освободилась от эмпиризма, возымела вид более общий, оказала более стремления к единству. Германская философия, особенно в Москве, нашла много молодых, пылких, добросовестных последователей, и, хотя говорили они языком мало понятным для непосвященных, но тем не менее их влияние было благотворно и час от часу становится более ощутительно.

«Не стану говорить ни о господствующем вкусе, ни о понятиях и учениях об изящном. Первый явно везде и во всем обнаруживается и всякому известен; а последние так сбивчивы и превратны, в новейших эфемерных и разрушающих одна другую системах, или так спутаны в суесловных мудрованиях, что они непроницаемы для здравого разума. Ныне едва ли верят, что изящное при некоторых только изменениях форм, было и есть одно и то же для всех веков и народов; что Гомеры, Данты, Софоклы Шекспиры, Шиллеры, Расины, Державины, не смотря на разли-

lib.pushkinskijdom.ru

чие их форм, рода, веры и нравов, все созидали изящное и для всех веков; что писатели, романтики ли они или классики, должны удовлетворять ум, воображение и сердце образованных и просвещенных людей, а не одной толпы несмысленной, плещущей без разбора и гаерам подкачельным. Нет, ныне проповедуют, что ум человеческий далеко ушел вперед, что он может оставить в покое древних и даже новейших знаменитых писателей, что ему не нужны руководители и образцы, что ныне всякий пишущий есть самобытный гений, — и под знаменем сего ложного учения, поражая великих писателей древности именем тяжелых и приторных классиков (которые однакожь за тысячи лет пленяли своих сограждан и всегда будут давать много возвышенных наслаждений своему читателю), под знаменем сего ложного учения, новейшие писатели безотчетно омрачают разум неопытной юности и ведут к совершенному упадку и нравственность и словесность».

Оставляя без возражения сию филиппику, не могу не остановиться на заключении, выведенном г. Лобановым изо всего им сказанного:

«По множеству сочиняемых ныне безнравственных книг цензуре предстоит непреодолимый труд проникнуть все ухищрения пишущих. Не легко разрушить превратность мнений в словесности и обуздать дерзость языка, если он, движимый злонамеренностию, будет провозглашать нелепое и даже вредное. Кто ж должен содействовать в сем трудном подвиге? Каждый добросовестный русский писатель, каждый просвещенный отец семейства, а всего более Академия, для сего самого учрежденная. Она, движимая любовию к государю и отечеству, имеет право, на ней лежит долг неослабно обнаруживать, поражать и разрушать зло, где бы оно ни встретилось на поприще словесности. *Академия* (сказано в ее Уставе, гл. III, § 2, и во всеподданнейшем докладе § III), *яко сословие, учрежденное для наблюдения нравственности, целомудрия и чистоты языка, равбор книг, или критические суждения, долженствует почитать одною из главнейших своих обязанностей.* И так, милостивые государи, каждый из почтенных сочленов моих да представляет для рассмотрения и напечатания в собрания сей Академии, согласно с ее Уставом, разборы сочинений и суждения о книгах и журналах новейшей нашей словесности и, тем содействуя общей пользе, да исполняет истинное назначение сего высочайше утвержденного сословия».

Но где же у нас это множество безнравственных книг? Кто сии дерзкие, злонамеренные писатели, ухищряющиеся ниспровергать законы, на коих основано благоденствие общества? И можно ли укорять у нас цензуру в неосмотрительности и послаблении? Мы знаем противное. [1] Вопреки мнению г. Лобанова, цензура не должна *проникать все ухищрения* пишущих. «Цензура должен-

[1] Последние три слова из «Современника» были изъяты. *Ред.*

lib.pushkinskijdom.ru

ствует обращать особенное внимание на дух рассматриваемой книги, на видимую цель и намерение автора, и в *суждениях своих принимать всегда за основание явный смысл речи, не дозволяя себе произвольного толкования оной в дурную сторону*» (Устав о Цензуре § 6). Такова была высочайшая воля, даровавшая нам литературную собственность и законную свободу мысли! Если с первого взгляда сие основное правило нашей цензуры и может показаться льготою чрезвычайною, то по внимательнейшем рассмотрении увидим, что без того не было бы возможности напечатать ни одной строчки, ибо всякое слово может быть перетолковано в худую сторону. *Нелепое*, если оно просто нелепо, а не заключает в себе ничего противного вере, правительству, нравственности и чести личной, не подлежит уничтожению цензуры. Нелепость, как и глупость, подлежит осмеянию общества и не вызывает на себя действия закона. Просвещенный отец семейства не даст в руки своим детям многих книг, дозволенных цензурою: книги пишутся не для всех возрастов одинаково. Некоторые моралисты утверждают, что и восьмнадцатилетней девушке нельзя позволить чтение романов: из того еще не следует, чтоб цензура должна была запрещать все романы. Цензура есть установление благодетельное, а не притеснительное; она есть верный страж благодеяния частного и государственного, а не докучливая нянька, следующая по пятам шаловливых ребят.

Заключим искренним желанием, чтобы Российская Академия, уже принесшая истинную пользу нашему прекрасному языку и совершившая столь много знаменитых подвигов, ободрила, оживила отечественную словесность, награждая достойных писателей деятельным своим покровительством, а недостойных — наказывая одним ей приличным оружием [1]: невниманием.

ВОЛЬТЕР.

(Correspondance inédite de Voltaire avec le président de Brosses, etc. Paris. 1836).

Недавно издана в Париже переписка Вольтера с президентом де Броссом. Она касается покупки земли, совершенной Вольтером в 1758 году.

Всякая строчка великого писателя становится драгоценной для потомства. Мы с любопытством рассматриваем автографы, хотя бы они были ничто иное, как отрывок из расходной тетради или записки к портному об отсрочке платежа. Нас невольно поражает мысль, что рука, начертавшая эти смиренные цифры, эти незначащие слова, тем же самым почерком и, может быть, тем же самым пером написала и великие творения, предмет наших изучений и восторгов. Но, кажется, одному Вольтеру предоставлено было составить из деловой переписки о покупке земли

[1] Предпоследние три слова из «Современника» были изъяты. *Ред.*

[2] Неизданная переписка Вольтер с президентом де Броес, и проч. Паоиж, 1836.

lib.pushkinskijdom.ru

книгу, на каждой странице заставляющую вас смеяться, и передать сделкам и купчаям всю заманчивость остроумного памфлета. Судьба на столь забавного покупщика послала продавца не менее забавного. Президент де Бросс есть один из замечательнейших писателей прошедшего столетия. Он известен многими учеными сочинениями,[1] но лучшим из его произведений мы почитаем письма, им написанные из Италии в 1730—1740 и недавно вновь изданные под заглавием: «L'Italie il y a cent ans»[2]. В этих дружеских письмах де Бросс обнаружил необыкновенный талант. Ученость истинная, но никогда неотягощенная педантизмом, глубокомыслие, шутливая острота, картины, набросанные с небрежением, но живо и смело, ставят его книгу выше всего, что̀ писано было в том же роде.

Вольтер, изгнанный из Парижа, принужденный бежать из Берлина, искал убежища на берегу Женевского озера. Слава не спасала его от беспокойств. Личная свобода его была не безопасна; он дрожал за свои капиталы, розданные им в разные руки. Покровительство маленькой, мещанской республики не слишком его ободряло. Он хотел на всякой случай помириться с своим отечеством и желал (пишет он сам) иметь одну ногу в монархии, другую в республике — дабы перешагать туда и сюда, смотря по обстоятельствам. Местечко Турне (Tournoy), принадлежавшее президенту де Бросс, обратило на себя его внимание. Он знал президента за человека беспечного, расточительного, вечно имеющего нужду в деньгах, и вступил с ним в переговоры следующим письмом:

«Я прочел с величайшим удовольствием то, что вы пишете об Австралии; но позвольте сделать вам предложение, касающееся твердой земли. Вы не такой человек, чтобы Турне могло приносить вам доход. Шуэ, ваш арендатор, думает уничтожить свой контракт. Хотите ли продать мне землю вашу пожизненно? Я стар и хвор. Я знаю, что дело это для меня невыгодно, но вам оно будет полезно, а мне приятно — и вот условия, которые вздумалось мне повергнуть вашему благоусмотрению.

«Обязуюсь из материалов вашего прегадкого замка выстроить хорошенький домик. Думаю на то употребить 25.000 ливров. Другие 25.000 ливров заплачу вам чистыми деньгами.

«Все, чем украшу землю, весь скот, все земледельческие орудия, коими снабжу хозяйство, будут вам принадлежать. Если умру, не успев выстроить дом, то у вас останутся в руках 25.000 ливров, и вы достроите его, коли вам будет угодно. Но я постараюсь прожить еще два года, и тогда вы будете даром иметь очень порядочный домик.

«Сверх сего обязуюсь прожить не более четырех или пяти лет.

«Взамен сих честных предложений, требую вступить в полное владение вашим движимым и недвижимым имением, правами, лесом, скотом[3] и даже

---

[1] Histoire des navigations aux terres australes; Traité de la formation mécanique des langues; Histoire du VII siècle de la République Romaine; Traité du culte des dieux fétisches, и проч. <Примеч. Пушкина>.

[История морских плаваний в южные земли; Трактат о механическом образовании языков; История VII века Римской республики; Трактат о культе богов-фетишей и проч.]

[2] Италия сто лет тому назад.

[3] Из текста «Современника» слово это было цензурой изъято. *Ред.*

lib.pushkinskijdom.ru

каноником, до самого того времени, как он меня похоронит. Если этот забавный торг покажется вам выгодным, то вы одним словом можете утвердить его не на шутку. Жизнь слишком коротка: дела не должны длиться.

«Прибавлю еще слово. Я украсил мою норку, прозванную les Délices [1]; я украсил дом в Лозане; то и другое теперь стоит вдвое противу прежней цены: то же сделаю и с вашей землею. В теперешнем ее положении вы никогда ее с рук не сбудете.

«Во всяком случае прошу вас сохранить все это в тайне, и честь имею», и проч.

Де Бросс не замедлил своим ответом. Письмо его, как и Вольтерово, исполнено ума и веселости.

«Если бы я был в вашем соседстве (пишет он) в то время, как вы поселились так близко к городу [2], то восхищаясь вместе с вами физическою красотою берегов вашего озера, я бы имел честь шепнуть вам на ухо, что нравственный характер жителей требовал, чтобы вы поселились во Франции, по двум важным причинам: во-первых, потому что надобно жить у себя дома, во-вторых, потому что не надобно жить у чужих. Вы не можете вообразить, до какой степени эта республика заставляет меня любить монархии..... Я бы вам и тогда предложил свой замок, еслиб он был вас достоин; но замок мой не имеет даже чести быть древностию: это просто *ветошь*. Вы вздумали возвратить ему юность, как Мемнону: я очень одобряю ваше предположение. Вы не знаете, может быть, что г. д'Аржанталь имел для вас то же намерение. — Приступим к делу.»

Тут де Бросс разбирает одно за другим все условия, предлагаемые Вольтером; с иными соглашается, другим противоречит, обнаруживая сметливость и гонкость, которых Вольтер от президента, кажется, не ожидал. Это подстрекнуло его самолюбие. Он начал хитрить; переписка завязалась живее. Наконец 15 декабря купчая была совершена.

Эти письма, заключающие в себе переговоры торгующихся, и несколько других, писанных по заключении торга, составляют лучшую часть переписки Вольтера с де Броссом. Оба друг перед другом кокетничают; оба поминутно оставляют деловые запросы для шуток самых неожиданных, для суждений самых искренних о людях и происшествиях современных. В этих письмах Вольтер является Вольтером, т. е. любезнейшим из собеседников; де Бросс — тем острым писателем, который так оригинально описал Италию в ее правлении и привычках, в ее жизни художественной и сладострастной.

Но вскоре согласие между новым хозяином земли и прежним ее владельцем было прервано. Война, как и многие другие войны, началась от причин маловажных. Срубленные деревья осердили нетерпеливого Вольтера; он поссорился с президентом, не менее его раздражительным. Надобно видеть, что̀ такое гнев Вольтера! Он уже смотрит на де Бросса, как на врага, как на Фрерона, как на великого инквизитора. Он собирается его погубить: «qu'il

[1] Отрада... *Ред.*

[2] Вольтер в 1775 году купил *Les Dèlices sur St Jean*, близ самой Женевы <Примеч. Пушкина>.

lib.pushkinskijdom.ru

trembler!» — восклицает он в бешенстве — «il ne s'agit pas de le rendre ridicule: il s'agit de le deshonorer!». [1] Он жалуется, он плачет, он скрежещет... а все дело в двухстах франках. Де Бросс с своей стороны не хочет уступить вспыльчивому философу; в ответ на его жалобы он пишет знаменитому старцу надменное письмо, укоряет его в природной дерзости, советует ему в минуты сумасшествия воздерживаться от пера, дабы не краснеть опомнившись потом, и оканчивает письмо желанием Ювенала:

Mens sana in corpore sano [2]

Посторонние вмешиваются в распрю соседей. Общий их приятель, г. Рюфе, старается усовестить Вольтера и пишет к нему едкое письмо (которое, вероятно, диктовано самим де Броссом): «Вы боитесь быть обманутым» — говорит г. Рюфе, — «но из двух ролей это лучшая... Вы не имели никогда тяжеб: они разорительны, даже когда их и выигрываем... Вспомните устрицу Лафонтена и пятую сцену второго действия в *Скапиновых Обманах*. [3] Сверх адвокатов, вы должны еще опасаться и литературной черни, которая рада будет на вас наброситься....»

Вольтер первый утомился и уступил. Он долго дулся на упрямого президента. и был причиною тому, что де Бросс не попал в Академию (что в то время много значило). Сверх того Вольтер имел удовольствие его пережить: де Бросс, младший из двух пятнадцатью годами, умер в 1777 году, годом прежде Вольтера.

Не смотря на множество материалов, собранных для истории Вольтера (их целая библиотека), как человек деловой, капиталист и владелец, он еще весьма мало известен. Ныне изданная переписка открывает многое. «Надобно видеть» — пишет издатель в своем предисловии — «как баловень Европы, собеседник Екатерины Великой и Фридерика II, занимается последними мелочами для поддержания своей местной важности; надобно видеть, как он в праздничном кафтане въезжает в свое графство, сопровождаемый своими обеими племянницами *(которые все в бриллиантах)*; как выслушивает он речь своего священника. и как новые подданные приветствуют его пальбой из пушек, взятых на прокат у Женевской республики. — Он в вечной распре со всем местным духовенством. *Габель* (налог на соль) находит в нем тонкого и и деятельного противника. Он хочет быть банкиром своей провинции. Вот он пускается в спекуляции. У него свои дворяне: он шлет их посланниками в Швейцарию. И все это его ворочает; он искренно тревожится обо всем, с этой раздражительностию страстей, исключительно ему свойственной. Он расточает то искусные рассуждения адвоката, то придирки прокурора, то хитрости купца, то гиперболы стихотворца, то порывы истинного

---

[1] Пусть он трепещет!..... Дело идет не о том, чтобы его высмеять, а о том, чтобы его обесчестить!

[2] Здоровый дух в здоровом теле.

[3] Сцену, в которой Леандр заставляет Скапина на коленях признаваться во всех своих плутнях. <Примеч. Пушкина>

lib.pushkinskijdom.ru

красноречия. Письмо его к президенту о драке в кабаке право напоминает его заступление за семейство Коласа.»

В одном из этих писем встретили мы неизвестные стихи Вольтера. На них легкая печать его неподражаемого таланта. Они писаны соседу, который прислал ему розаны.

Vos rosiers sont dans mes jardins,
Et leurs fleurs vont bientôt paraître
Doux asile où je suis mon maître!
Je renonce aux lauriers si vains,
Qu'à Paris j'aimais trop peut-être.
Je me suis trop piqué les mains
Aux épines qu'ils ont fait naître.

Признаемся в *рококо* нашего запоздалого вкуса: в этих семи стихах мы находим более *слога*, более жизни, более мысли, нежели в полдюжине длинных французских стихотворений, писанных в нынешнем вкусе, где мысль заменяется исковерканным выражением, ясный язык Вольтера — напыщенным языком Ронсара, живость его — несносным однообразием, а остроумие — площадным цинизмом или вялой меланхолией.

Вообще переписка Вольтера с де Броссом представляет нам творца Меропы и Кандида с его милой стороны. Его притязания, его слабости, его детская раздражительность — все это не вредит ему в нашем воображении. Мы охотно извиняем его, и готовы следовать за всеми движениями пылкой его души и беспокойной чувствительности. Но не такое чувство рождается при чтении писем, приложенных издателем к концу книги, нами разбираемой. Эти новые письма найдены в бумагах г. де ла Туша, бывшего французским посланником при дворе Фридерика II (в 1752 г.).

В это время Вольтер не ладил с *Северным Соломоном*[2], своим прежним учеником. Мопертюи, президент Берлинской Академии, поссорился с профессором Кёнигом. Король взял сторону своего президента; Вольтер заступился за профессора. Явилось сочинение без имени автора, под заглавием: *Письмо к Публике*. В нем осуждали Кёнига и задевали Вольтера. Вольтер возразил и напечатал свой колкий ответ в немецких журналах. Спустя несколько времени «Письмо к Публике» было перепечатано в Берлине с изображением короны, скиптра и прусского орла на заглавном листе. Вольтер только тогда догадался, с кем имел он неосторожность состязаться, и стал помышлять о благоразумном отступлении. Он видел в поступках короля явное к нему охла-

---

[1] Ваши розовые кусты — в моих садах,
И на них скоро появятся цветы, —
Сладостный приют, где я хозяин себе!
Я отказываюсь от суетных лавров,
Которые слишком, быть может, любил в Париже.
Я слишком исколол себе руки
Шипами, которые выросли на них.

[2] Так называл Вольтер Фридерика II в хвалебных своих посланиях. <Примеч. Пушкина>.

lib.pushkinskijdom.ru

ждение и предчувствовал опалу. «Я стараюсь тому не верить» — писал он в Париж к д'Аржанталю, — «но боюсь быть подобну рогатым мужьям, которые силятся уверить себя в верности своих жен. Бедняжки втайне чувствуют свое горе!» Не смотря на свое уныние, он однакожь не мог удержаться, чтоб еще раз не задеть своих противников. Он написал самую язвительную из своих сатир (la Diatribe du Dr. Akakia)[1] и напечатал ее, выманив обманом позволение на то от самого короля.

Следствия известны. Сатира, по повелению Фридерика, сожжена была рукою палача. Вольтер уехал из Берлина, задержан был во Франкфурте прусскими приставами, несколько дней находился под арестом и принужден был выдать стихотворения Фридерика, напечатанные для немногих, и между коими находилась сатирическая поэма против Людовика XV и его двора.

Вся эта жалкая история мало приносит чести философии. Вольтер, во все течение долгой своей жизни, никогда не умел сохранить своего собственного достоинства. В его молодости заключение в Бастилию, изгнание и преследование не могли привлечь на его особу сострадания и сочувствия, в которых почти никогда не отказывали страждущему таланту. Наперсник государей, идол Европы, первый писатель своего века, предводитель умов и современного мнения, Вольтер и в старости не привлекал уважения к своим сединам: лавры, их покрывающие, были обрызганы грязью. Клевета, преследующая знаменитость, но всегда уничтожающаяся перед лицом истины, вопреки общему закону, для него не исчезала, ибо была всегда правдоподобна. Он не имел самоуважения и не чувствовал необходимости в уважении людей. Что влекло его в Берлин? Зачем ему было променивать свою независимость на своенравные[2] милости государя, ему чужого, не имевшего никакого права его к тому принудить?...

К чести Фридерика II скажем, что сам от себя король, вопреки природной своей насмешливости, не стал бы унижать своего старого учителя, не надел бы на первого из французских поэтов шутовского кафтана, не предал бы его на посмеяние света, если бы сам Вольтер не напрашивался на такое жалкое посрамление.

До сих пор полагали, что Вольтер сам от себя, в порыве благородного огорчения, отослал Фридерику каммергерский ключ и прусский орден, знаки непостоянных его милостей; но теперь открывается, что король сам их потребовал обратно. Роль переменена: Фридерик негодует и грозит, Вольтер плачет и умоляет....

Что̀ из этого заключить? Что гений имеет свои слабости, которые утешают посредственность, но печалят благородные сердца, напоминая им о несовершенстве человечества; что настоящее место писателя есть его ученый кабинет, и что наконец независимость и самоуважение одни могут нас возвысить над мелочами жизни и над бурями судьбы.

---

[1] Памфлет доктора Акакия.

[2] Эпитет «своенравные» из текста «Современника» был изъят. *Ред.*

lib.pushkinskijdom.ru

ФРАКИЙСКИЕ ЭЛЕГИИ *

СТИХОТВОРЕНИЯ ВИКТОРА ТЕПЛЯКОВА. 1836.

В наше время молодому человеку, который готовится посетить великолепный Восток, мудрено, садясь на корабль, не вспомнить лорда Байрона и невольным соучастием не сблизить судьбы своей с судьбою Чильд-Гарольда. Ежели, паче чаяния, молодой человек еще и поэт и захочет выразить свои чувствования, то как избежать ему подражания? Можно ли за то его укорять? Талант неволен, и его подражание не есть постыдное похищение — признак умственной скудости, но благородная надежда на свои собственные силы, надежда открыть новые миры, стремясь по следам гения, — или чувство, в смирении своем еще более возвышенное: желание изучить свой образец и дать ему вторичную жизнь [1].

Нет сомнения, что фантастическая тень Чильд-Гарольда сопровождала г. Теплякова на корабле, принесшем его к Фракийским берегам. Звуки прощальных строф

Adieu, adieu, my native land! [2]

отзываются в самом начале его песень:

Плывем!... Бледнеет день; бегут брега родные;
Златой струится блеск по синему пути;
Прости, земля! прости Россия!
Прости, о родина, прости!

Но уже с первых стихов поэт обнаруживает самобытный талант:

Безумец! что за грусть? В минуту разлученья
Чьи слезы ты лобзал на берегу родном?
Чьи слышал ты благословенья?
Одно минувшее мудреным, тяжким сном
В тот миг душе твоей мелькало,
И юности твоей избитый бурей челн,
И бездны, перед ней отверстые, казало! —
Пусть так! Но грустно мне! Как плеск угрюмых волн
Печально в сердце раздается!
Как быстро мой корабль в чужую даль несется!
О, лютня странника, святой от грусти щит,
Гляди, подруга дум заветных!
Пусть в каждом звуке струн приветных
К тебе душа моя, о родина, летит!

I.

Пускай на юность ты мою
Венец терновый наложила —
О мать! душа не позабыла

---

* Отпечатаны и на днях поступят в продажу. <Примеч. Пушкина.>

[1] Вычеркнуто: Так Брюлов, усыпляя нарочно свою творческую силу, с пламенным и благородным подобострастием списывал Афинскую школу Рафаэля. А между тем в голове его уже шаталась поколебленная Помпея, кумиры падали, народ бежал по тесной улице, чудно освещенной Волканом.

[2] Прости, прости, родная земля!

lib.pushkinskijdom.ru

Любовь старинную твою!
Теперь — сны сердца прочь летите!
К отчизне душу не маните!
Там никому меня не жаль!
Синей, синей, чужая даль!
Седые волны, не дремлите!

II.

Как жадно вольной грудью я
Пью беспредельности дыханье!
Лазурный мир! в твоем сиянье
Сгорает, тонет мысль моя!
Шумите, парусы, шумите!
Мечты о родине, молчите·
Там никому меня не жаль!
Синей, синей, чужая даль!
Седые волны, не дремлите!

III.

Увижу я страну богов;
Красноречивый прах открою:
И зашумит передо мною
Рой незапамятных веков!
Гуляйте-ж, ветры, не молчите!
Утесы родины, простите!
Там никому меня не жаль!
Синей, синей, чужая даль!
Седые волны, не дремлите!

Тут есть гармония, лирическое движение, истина чувств!

Вскоре поэт плывет мимо берегов, прославленных изгнанием Овидия; они мелькают перед ним на краю волн,

Как пояс желтый, и струистый.

Поэт приветствует неэримую гробницу Овидия стихами слишком небрежными:

Святая тишина Назоновой гробницы
Громка, как дальний шум победной колесницы!
О! кто средь мертвых сих песков
Мне славный гроб его укажет?
Кто повесть мук его расскажет —
Степной ли ветр, иль плеск валов,
Иль в шуме бури глас веков?...
Но тише.... тише..... что за звуки?
Чья тень над бездною седой
Меня манит, подъемля руки,
Качая тихо головой?
У ног лежит венец терновый (!),
В лучах сияет голова,
Белее волн хитон *перловый*,
Святей их ропота слова. —
И под эфирными перстами
О древних людях, с их бедами,
Златая лира говорит.
Печально струн ее бряцанье:
В нем сердцу слышится изгнанье;
В нем стон о родине звучит,
Как плач души без упованья.

lib.pushkinskijdom.ru

Тишина гробницы, громкая как дальний шум колесницы; стон, звучащий как плач души; слова, которые святее ропота волн... все это не точно, фальшиво, или просто ничего не значит.

Гресет в одном из своих посланий пишет:

Je cesse d'estimer Ovide,
Quand il vient sur de faibles tons
Me chanter, pleureur insipide,
De longues lamentations [1]

Книга *Tristium* [2] не заслуживала такого строгого осуждения. Она выше, по нашему мнению, всех прочих сочинений Овидиевых (кроме «Превращений»). Героиды, элегии любовные, и самая поэма «Ars amande» [3], мнимая причина его изгнания, уступают «Элегиям Понтийским». В сих последних более истинного чувства, более простодушия, более индивидуальности, и менее холодного остроумия. Сколько яркости в описании чуждого климата и чуждой земли! Сколько живости в подробностях! И какая грусть о Риме! Какие трогательные жалобы! Благодарим г. Теплякова за то, что он не ищет блистать душевной твердостию на счет бедного изгнанника, а с живостию заступается за него.

И ты-ль тюремный вопль, о странник! назовешь
Ласкательством души уничиженной?—
Нет, сам терновою стезею ты идешь,
Слепой судьбы проклятьем пораженный!...

Подобно мне (Овидию), ты сир и одинок меж всех
И знаешь сам хлад жизни без отрады;
Огнь сердца без тепла, и без веселья смех,
И плач без слез, и слезы без услады!

Песнь, которую поэт влагает в уста Назоновой тени, имела бы более достинства, если бы г. Тепляков более соображался с характером Овидия, так искренно обнаруженным в его *плаче*. Он не сказал бы, что при набегах гетов и бессов поэт

Радостно на смертный мчался бой

Овидий добродушно признается, что он и смолоду не был охотник до войны, что тяжело ему под старость покрывать седину свою шлемом и трепетной рукой хвататься за меч при первой вести о набеге. (См. Trist. Lib. IV. El. 1).

Элегия «Томис» оканчивается прекрасными стихами:

Не буря-ль это, кормчий мой?
Уж через мачты море хлещет,
И пред чудовищной волной,

---

[1] Я перестаю ценить Овидия,
Когда он начинает вяло
Размазывать, — несносный плакса, —
Свои тягучие жалобы.

[2] «Печальных песен.»

[3] «Искусство любви.»

lib.pushkinskijdom.ru

Как пред тираном раб немой,
Корабль твой гнется и трепещет!»
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

«Вели стрелять! Быть может, нас
Какой нибудь в сей страшный час
Корабль услышит отдаленный!» —
И грянул знак.... и все молчит,
Лишь море бьется и кипит,
Как тигр бросаясь разъяренный; —
Лишь ветра свист, лишь бури вой,
Лишь с неба голос громовой
Толпе ответствуют смятенной.»
«Мой кормчий, как твой бледен лик!»
— Не ты-ль дерзнул бы в этот миг,
О странник, буре улыбаться? —
«Ты отгадал!...» Я сердцем с ней
Желал-бы каждый миг сливаться;
Желал-бы в бой стихий вмешаться!...
Но нет, — и громче, и сильней
Святой призыв с другого света,
Слова погибшего поэта
Теперь звучат в душе моей!

Вскоре из глаз поэта исчезают берега, с которых низвергаются в море воды семиустного Дуная.

Как стар сей шумный Истр! *Чела его морщины*
Седых веков скрывают рой:
Во мгле их Дария мелькает челн немой,
Мелькают и орлы Траяновой дружины.
Скажи, сафирный бог, над брегом ли твоим
По дебрям и горам, сквозь бор необозримый
Средь тучи варваров, на этот вечный Рим
Летел Сатурн неотразимый?
Не ты ль спирал свой быстрый бег
Народов с бурными волнами,
И твой ли в их крови *не растопился* брег,
Племен бесчисленных усеянный костями?

Хотите ль знать, зачем, куда,
И из какой глуши далекой
Неслась их бурная чреда,
Как лавы огненной потоки?
— Спросите вы, зачем к садам,
К богатым нивам и лугам
По ветру саван свой летучий
Мчат саранчи голодной тучи;
Спросите молнию, куда она летит,
Откуда ураган крушительный бежит,
Зачем кочует вал ревучий!

Следует идиллическая, немного бледная картина народа кочующего; размышления при виде развалин Венецианского замка имеют ту невыгоду, что напоминают некоторые строфы из четвертой песни Чильд-Гарольда, строфы, слишком сильно врезанные в наше воображение. Но вскоре поэт снова одушевляется.

lib.pushkinskijdom.ru

Улегся ветер; вод стекло
Ясней небес лазурных блещет;
Повисший парус наш, как лебедя крыло,
Свинцом охотника пронзенное, трепещет.
Но что за гул?.. Как гром глухой
Над тихим морем он раздался. —
То грохот пушки заревой,
Из русской Варны он примчался!
О радость! завтра мы узрим
Страну поклонников Пророка;
Под небом вечно голубым
Упьемся воздухом твоим,
Земля роскошного Востока!
И в темных миртовых садах,
Фонтанов мраморных при медленном журчаньи,
При соблазнительных луны твоей лучах,
В твоем, о юная невольница, лобзаньи
Цветов родной твоей страны,
Живых восточных роз отведаем дыханье
И жар, и свежесть их весны!....

Элегия «Гебеджинские Развалины», по мнению нашему, лучшая изо всех. В ней обнаруживается необыкновенное искусство в описаниях, яркость в выражениях и сила в мыслях. Пользуясь нам данным позволением, выписываем бо́льшую часть этой элегии.

Столбов, поникнувших седыми головами,
Столбов у тленности угрюмой на часах,
Стоящих пасмурно над падшими столбами —
Повсюду сумрачный дедал в моих очах!
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Дружины мертвецов гранитных!
Не вы ли стражи тех столбов,
На коих чудеса веков,
Искусств и знаний первобытных
Рукою Сифовых начертаны сынов?...
Как знать? И здесь былой порою,
Творенья, мо́жет быть весною,
Род человеческий без умолку жужжал —
В те времена, как наших башен
Главою отрок достигал,
И мамонта, могуч и страшен,
На битву равную охотник вызывал!
Быть может, некогда и в этом запустеньи
Гигантской роскоши лилось обвороженье:
Вздымались портики близ кедровых палат,
Кругом висячие сады благоухали,
Теснились медные чудовища у врат,
И мрамор золотом расписанных аркад
Слоны гранитные хребтами подпирали!
И здесь огромных башен лес,
До вековых переворотов,
Пронзал, быть может, свод небес,
И пена горных струй, средь пальмовых древес,
Из пасти бронзовых сверкала бегемотов! —
И здесь на жертвенную кровь,
Быть может, мирными венчанные цветами,

lib.pushkinskijdom.ru

Колоссы яшмовых богов
Глядели весело алмазными очами....
Так, так! подлунного величия звездой
И сей Ничтожества был озарен объедок, —

Парил умов надменных рой,
Цвела любовь.... и напоследок —
Повсюду смерть, повсюду прах
В печальных странника очах!

Лишь ты, Армида красотою,
Над сей могилой вековою,
Природа-мать, лишь ты одна
Души магической полна!
Какою роскошью чудесной
Сей град развалин неизвестный
Повсюду богатит она! —
Взгляните: этот столб, гигант окаменелый,
Как в поле колос переспелый,
К земле он древнею склонился головой:
Но с ним, подвинутый годами,
Сосед, увенчанный цветами,
Гирляндой связан молодой;
Но с головы его маститой
Кудрей зеленых вьется рой,
И плащ из листьев шелковитый,
Колышет ветр на нем лесной!
Вот столб другой: на дерн кудрявый,
Как труп он рухнулся безглавый;
Но по сияющим развалины рубцам
Играет свежий плющ и вьется мирт душистый,
И великана корень мшистый
Корзиной вешним стал цветам!
И вместо рухнувшей громады
Уж юный тополь нежит взгляды,
И тихо все... лишь соловей,
Как сердце, полное — то безнадежной муки,
То чудной радости — с густых его ветвей
Свои льет пламенные звуки....
Лишь посреди седых столбов,
Хаоса диких трав, обломков и цветов,
Вечерним золотом облитых —
Семейство ящериц от странника бежит,
И в камнях, зелени узорами обвитых,
Кустами дальними шумит!...

Иероглифы вековые,
Былого мира мавзолей!
Меж вами и душой моей,
Скажите, что за симпатия? —
Нет! вы не мертвая ничтожества строка:
Ваш прах — урок судьбы тщеславию потомков,
Живей ли гордый лавр сих дребезгов цветка?...
О дайте ж, дайте для венка
Мне листьев с мертвых сих обломков!

Остатки Древности святой,
Когда безмолвию я над вами
Парю крылатою мечтой —
Века сменяются веками,

lib.pushkinskijdom.ru

Как волны моря предо мной!
И с великанами былыми —
Тогда я будто как с родными
И неземного бытия
Призыв блаженный слышу я!...

Но день погас, а я душою,
К сим камням будто пригвожден,
И вот уж яхонтовой мглою
Оделся вечный небосклон.
По морю синего эфира,
Как челн мистического мира,
Царица ночи поплыла,
И на чудесные громады
Свои опаловые взгляды,
Сквозь тень лесную, навела
Рубины звезд над нею блещут
И меж столбов седых трепещут;
И будто движа их, встают
Из-под земли былого дети,
И мертвый град свой узнают,
Паря во мгле тысячелетий.....

Зверей и птиц ночных приют,
Давноминувшего зерцало,
Ничтожных дребезгов твоих
Для градов наших бы достало!
К обломкам гордых зданий сих,
О, Альпаскары! приступите,
Свои им грезы расскажите,
Откройте им: богов земных
О чем тщеславие хлопочет?
Чего докучливый от них
Народов муравейник хочет?...
Ты прав, божественный певец:
Века веков лишь повторенье!
Сперва — свободы обольщенье,
Гремушки славы наконец;
За славой — роскоши потоки,
Богатства с золотым ярмом,
Потом — изящные пороки.
Глухое варварство потом!...

Это прекрасно! Энергия последних стихов удивительна!

Остальные элегии (между коими шестая весьма замечательна) заключают в себе недостатки и красоты, уже нами указанные: силу выражения, переходящую часто в надутость, яркость описания, затемненную иногда неточностию. — Вообще главные достоинства «Фракийских Элегий»: блеск и энергия; главные недостатки: напыщенность и однообразие.

К «Фракийским Элегиям» присовокуплены разные мелкие стихотворения, имеющие неоспоримое достоинство: везде гармония, везде мысли, изредка истина чувств. Если бы г. Тепляков ничего другого не написал, кроме элегии *Одиночество* и станса *Любовь и Ненависть*, то и тут занял бы он почетное место между нашими поэтами. Заключим разбор, выписав стихотворение, которым заключается и книга г. Теплякова.

lib.pushkinskijdom.ru

ОДИНОЧЕСТВО

I.

В лесу осенний ветр и стонет и дрожит;
По морю темному ревучий вал кочует;
Укыло крупный дождь в окно мое стучит.
Раздумье тяжкое мечты мои волнует.

II.

Мне грустно! Догорел камин трескучий мой;
Последний красный блеск над угольями вьется...
Мне грустно! Тусклый день уж гаснет надо мной;
Уж с неба темного туманный вечер льется.

III.

Как сладко он для двух супругов пролетит,
В кругу, где бабушка *внучат* своих ласкает;
У кресел дедовских красавица сидит —
И былям старины, работая, внимает!

IV.

Мечта докучная! зачем перед тобой
Супругов долгие лобзанья пламенеют.
Что в том, как их сердца, под ризою ночной,
Средь ненасытных ласк, в палящей неге млеют.

V.

Меж тем как он кипит, мой одинокий ум!
Как сердце спрое, облившись кровью, рвется,
Когда душа моя, средь вихря горьких дум,
Над их мучительно-завидной долей вьется!

VI.

Но если для меня безвестный уголок
Не создан, темными *дубами* осененный,
Подруга милая и яркий камелёк,
В часы осенних бурь друзьями окруженный, —

VII.

О жар святых молитв, зажгись в душе моей!
Луч веры пламенной блесни в ее пустыне!
Пролейся в грудь мою целительный елей:
Пусть сны вчерашние не мучат сердца ныне!

VIII.

Пусть, упоенная надеждой неземной,
С душой всемирною моя соединится;
Пускай сей мрачный дол исчезнет предо мной;
Осенний в окна ветр, бушуя, не стучится!

IX.

О, пусть превыше звезд мой вознесется дух,
Туда, где взор Творца им сонмы зажигает!
В мирах надсолнечных пускай мой жадный слух
Органам ангелов, восторженный, внимает.....

lib.pushkinskijdom.ru

X

Пусть я увижу их, в безмолвии святом,
Пред троном Вечного, коленопреклоненных:
Прочту символы тайн, пылающих на нем,
И юным первенцам творенья откровенных...

XI.

Пусть Соломоновой премудрости звезда
Блеснет душе моей в безоблачном эфире;
Поправ земную грусть, быть может я тогда
Не буду тосковать о друге в здешнем мире!

ДЖОН ТЕННЕР.

С некоторого времени Северо-Американские Штаты обращают на себя в Европе внимание людей наиболее мыслящих. Не политические происшествия тому виною: Америка спокойно совершает свое поприще, доныне безопасная и цветущая, сильная миром, упроченным ей географическим ее положением, гордая своими учреждениями. Но несколько глубоких умов в недавнее время занялись исследованием нравов и постановлений американских, и их наблюдения возбудили снова вопросы, которые полагали давно уже решенными. Уважение к сему новому народу и к его уложению, плоду новейшего просвещения, сильно поколебалось. С изумлением увидели демократию в ее отвратительном цинизме, в ее жестоких предрассудках, в ее нестерпимом тиранстве. Все благородное, бескорыстное, все возвышающее душу человеческую — подавленное неумолимым эгоизмом и страстию к довольству (comfort); большинство, нагло притесняющее общество; рабство негров посреди образованности и свободы; родословные гонения в народе, не имеющем дворянства; со стороны избирателей алчность и зависть; со стороны управляющих робость и подобострастие; талант, из уважения к равенству, принужденный к добровольному остракизму; богач, надевающий оборванный кафтан, дабы на улице не оскорбить надменной нищеты, им втайне презираемой: такова картина Американских Штатов, недавно выставленная перед нами.

Отношения Штатов к индийским племенам, древним владельцам земли, ныне заселенной европейскими выходцами, подверглись также строгому разбору новых наблюдателей. Явная несправедливость, ябеда и бесчеловечие Американского Конгресса осуждены с негодованием; так или иначе, чрез меч и огонь, или от рома и ябеды, или средствами более нравственными, но дикость должна исчезнуть при приближении цивилизации. Таков неизбежный закон. Остатки древних обитателей Америки скоро совершенно истребятся; и пространные степи, необозримые реки, на которых сетьми и стрелами добывали они себе пищу, обратятся в обработанные поля, усеянные деревнями, и в торговые гавани, где задымятся пироскафы и разовьется флаг американский.

lib.pushkinskijdom.ru

Нравы Северо-Американских дикарей знакомы нам по описанию знаменитых романистов. Но Шатобриан и Купер оба представили нам индийцев с их поэтической стороны и закрасили истину красками своего воображения. «Дикари, выставленные в романах» — пишет Вашингтон-Ирвинг — «так же похожи на настоящих дикарей, как идиллические пастухи на пастухов обыкновенных.» Это самое подозревали и читатели; и недоверчивость к словам заманчивых повествователей уменьшала удовольствие, доставляемое их блестящими произведениями.

В Нью-Йорке недавно изданы «Записки Джона Теннера», проведшего тридцать лет в пустынях Северной Америки, между дикими ее обитателями. Эти «Записки» драгоценны во всех отношениях. Они самый полный, и вероятно последний, документ бытия народа, коего скоро не останется и следов. Летописи племен безграмотных, они разливают истинный свет на то, что некоторые философы называют естественным состоянием человека; показания простодушные и бесстрастные, они наконец будут свидетельствовать перед светом о средствах, которые Американские Штаты употребляли в XIX столетии к распространению своего владычества и христианской цивилизации. Достоверность сих «Записок» не подлежит никакому сомнению. Джон Теннер еще жив; многие особы (между прочим Токвиль, автор славной книги: «De la démocratie en Amérique»[1] видели его и купили от него самого его книгу. По их мнению, подлога тут быть не может. Да и стоит прочитать несколько страниц, чтобы в том удостовериться: отсутствие всякого искусства и смиренная простота повествования ручаются за истину.

Отец Джона Теннера, выходец из Виргинии, был священником. По смерти жены своей, он поселился в одном месте, называемом Эльк-Горн, в недальнем расстоянии от Цинциннати.

Эльк-Горн был подвержен нападениям индийцев. Дядя Джона Теннера однажды ночью, сговорясь с своими соседями, приближился к стану индийцев и застрелил одного из них, Прочие бросились в реку и уплыли...,

Отец Теннера, отправляясь однажды утром в дальнее селение, приказал своим обеим дочерям отослать маленького Джона в школу. Они вспомнили о том уже после обеда. Но шел дождь, и Джон остался дома. Вечером отец возвратился и, узнав, что он в школу не ходил, послал его самого за тростником, и больно его высек. С той поры отеческий дом опостылел маленькому Теннеру; он часто думал и говаривал: «Мне бы хотелось уйти к диким!»

«Отец мой» — пишет Теннер — «оставил Эльк-Горн, и отправился к устью Биг-Миами, где он должен был завести новое поселение. Там на берегу нашли мы обработанную землю и несколько хижин, покинутых поселенцами из опасения диких. Отец мой исправил хижины и окружил их забором. Это было весною. Он занялся хлебопашеством Дней десять спустя по своем прибытии на место, он сказал нам, что лошади его беспо-

[1] «О демократии в Америке».

lib.pushkinskijdom.ru

кятся, чуя близость индийцев, которые вероятно рыщут по лесу. «Джон»— прибавил он, обращаясь ко мне,—«ты сегодня сиди дома.» Потом пошел он засевать поле с своими неграми и старшим моим братом.

«Нас осталось дома четверо детей. Мачеха, чтоб вернее меня удержать, поручила мне смотреть за младшим, которому не было еще году. Я скоро соскучился и стал щипать его, чтоб заставить кричать. Мачеха велела мне взять его на руки и с ним гулять по комнатам. Я послушался, но не перестал его щипать. Наконец она стала его кормить грудью, а я побежал проворно на двор и ускользнул в калитку, оттуда в поле. Не в далеком расстоянии от дома, и близ самого поля, стояло ореховое дерево, под которым бегал я собирать прошлогодние орехи. Я осторожно до него добрался, чтоб не быть замечену ни отцом, ни его работниками..... Как теперь вижу отца моего, стоящего с ружьем на страже посреди поля. Я спрятался за дерево и думал про себя: «Мне бы очень хотелось увидеть индийцев!»

«Уж моя соломенная шляпа была почти полна орехами, как вдруг услышал я шорох. Я оглянулся: индийцы! Старик и молодой человек схватили меня и потащили. Один из них выбросил из моей шляпы орехи и надел мне ее на голову. После того ничего не помню. Вероятно я упал в обморок, потому что не закричал. Наконец я очнулся под высоким деревом. Старика не было. Я находился между молодым человеком и другим индийцем, широкоплечим и малорослым. Вероятно я его чем-нибудь да рассердил, потому что он потащил меня в сторону, схватил свой *томагавк* (дубину) и знаками велел мне глядеть вверх. Я понял, что он мне приказывал в последний раз взглянуть на небо, потому что готовился меня убить. Я повиновался; но молодой индиец, похитивший меня, удержал удар, занесенный над мою головою. Оба заспорили с живостию. Покровитель мой закричал. Несколько голосов ему отвечало. Старик и четыре другие индийца прибежали поспешно. Старый начальник, казалось, строго говорил тому, кто угрожал мне смертию. Потом он и молодой человек взяли меня, каждый за руку, и потащили опять. Между тем ужасный индиец шел за нами. Я замедлял их отступление, и заметно было, что они боялись быть настигнуты.

«В расстоянии одной мили от нашего дома, у берега реки, в кустах, спрятан был ими челнок из древесной коры. Они сели в него все семеро, взяли меня с собою, и переправились на другой берег, у самого устья Биг-Миами. Челнок остановили. В лесу спрятаны были одеяла (кожаные) и запасы; они предложили мне дичины и медвежьего жиру. Но я не мог есть. Наш дом отселе был еще виден; они смотрели на него, и потом обращались ко мне со смехом. Не знаю, что они говорили.

«Отобедав, они пошли вверх по берегу, таща меня с собою по прежнему, и сняли с меня башмаки, полагая, что они мешали бежать. Я не терял еще надежды от них избавиться, несмотря на надзор, и замечал все предметы, дабы по ним направить свой обратный побег; упирался также ногами о высокую траву и о мягкую землю, дабы оставить следы. Я надеялся убежать во время их сна. Настала ночь; старик и молодой индиец легли со мною под одеяло и крепко прижали меня. Я так устал, что тотчас заснул. На другой день я проснулся на заре. Индийцы уже встали и готовы были в путь. Таким образом шли мы четыре дня. Меня кормили скудно; я все надеялся убежать, но при наступлении ночи, сон каждый раз мною овладевал совершенно. Ноги мои распухли и были все в ранах и в занозах. Старик мне помог кое-как и дал пару *мокасинов* (род кожаных лаптей), которые облегчили меня немного.

«Я шел обыкновенно между стариком и молодым индийцем. Часто заставляли они меня бегать, до упаду. Несколько дней я почти ничего не ел. Мы встретили широкую реку, впадающую (думаю) в Миами. Она была так глубока, что мне нельзя было ее перейти. Старик взял меня к себе на плечи, и перенес на другой берег. Вода доходила ему под мышки; я увидел, что одному мне перейти эту реку было невозможно, и потерял всю надежду на скорое избавление. Я проворно вскарабкался на берег, стал бегать по лесу, и спугнул с гнезда дикую птицу. Гнездо полно было яиц; я взял

lib.pushkinskijdom.ru

их в платок и воротился к реке. Индийцы стали смеяться, увидев меня с моею добычею, разложили огонь и стали варить яйца в маленьком котле. Я был очень голоден и жадно смотрел на эти приготовления. Вдруг прибежал старик, схватил котел и вылил воду на огонь вместе с яйцами. Он наскоро что-то шепнул молодому человеку. Индийцы поспешно подобрали яйца и рассеялись по лесам. Двое из них умчали меня со всевозможною быстротою. Я думал, что за ними гнались, и впоследствии узнал, что не ошибся. Вероятно меня искали на том берегу реки.....

«Два или три дня после того, встретили мы отряд индийцев, состоявший из двадцати или тридцати человек. Они шли в европейские селения. Старик долго с ними разговаривал. Узнав (как после мне сказали), что белые люди за нами гнались, они пошли им навстречу. Произошло жаркое сражение, и с обеих сторон легло много мертвых.

«Поход наш сквозь леса был труден и скучен. Через десять дней пришли мы на берег Миами. Индийцы рассыпались по лесу и стали осматривать деревья, перекликаясь между собою. Выбрали одно ореховое дерево (hickory), срубили его, сняли кору и сшили из нее челнок, в котором мы все поместились; поплыли по течению реки, и вышли на берег у большой индийской деревни, выстроенной близ устья другой какой-то реки. Жители выбежали к нам навстречу. Молодая женщина с криком кинулась на меня и била по голове. Казалось, многие из жителей хотели меня убить: однако старик и молодой человек уговорили их меня оставить. Повидимому, я часто бывал предметом разговоров, но не понимал их языка. Старик знал несколько английских слов. Он иногда приказывал мне сходить за водою, разложить огонь и тому подобное, начиная таким образом требовать от меня различных услуг.

«Мы отправились далее. В некотором расстоянии от индийской деревни находилась американская контора. Тут несколько купцов со мною долго разговаривали. Они хотели меня выкупить, но старик на то не согласился. Они объяснили мне, что я у старика заступаю место его сына, умершего недавно; обошлись со мною ласково, и хорошо меня кормили во все время нашего пребывания. Когда мы расстались, я стал кричать — в первый раз после моего похищения из дому родительского. Купцы утешили меня, обещав через десять дней выкупить из неволи.»

Наконец челнок причалил к месту, где обитали похитители бедного Джона. Старуха вышла из деревянного шалаша и побежала к ним навстречу. Старик сказал ей несколько слов; она закричала, обняла, прижала к сердцу своему маленького пленника и потащила в шалаш.

Похититель Джона Теннера назывался Монито-о-гезик. Младший из его сыновей умер незадолго перед происшествием, здесь описанным. Жена его объявила, что не будет жива, если ей не отыщут ее сына. То-есть, она требовала молодого невольника, с тем чтоб его усыновить. Старый Монито-о-гезик с сыном своим Киш-кау-ко и с двумя единоплеменниками, жителями Гуронского озера, тотчас отправились в путь, чтоб только удовлетворить желание старухи. Трое молодых людей, родственники старика, присоединились к нему. Все семеро пришли к селениям, расположенным на берегах Оио. Накануне похищения, индийцы переправились через реку и спрятались близ Теннерова дома. Молодые люди с нетерпением ожидали появления ребенка и несколько раз готовы были выстрелить по работникам. Старик насилу мог их удержать.

Возвратясь благополучно домой с своею добычею, старый Монито-о-гезик на другой же день созвал своих родных и зна-

lib.pushkinskijdom.ru

комых, и Джон Теннер был торжественно усыновлен на самой могиле маленького дикаря.

Была весна. Индийцы оставили свои селения и все отправились на ловлю зверей. Выбрав себе удобное место, они стали ограждать его забором из зеленых ветвей и молодых дерев, из-за которых должны были стрелять. Джону поручили обламывать сухие веточки и обрывать листья с той стороны, где скрывались охотники. Маленький пленник, утомленный зноем и трудом, всегда голодный и грустный, лениво исполнял свою должность. Старый Монито-о-гезик, застав однажды его спящим, ударил мальчика по голове своим *томагауком* и бросил за-мертво в кусты. Возвратясь в табор, старик сказал жене своей: «Старуха! мальчик, которого я тебе привел, ни к чему не годен: я его убил. Ты найдешь его там-то.» Старуха с дочерью прибежали, нашли Теннера еще живого и привели его в чувства.

Жизнь маленького приемыша была самая горестная. Его заставляли работать сверх сил; старик и сыновья его били бедного мальчика поминутно. Есть ему почти ничего не давали; ночью он спал обыкновенно между дверью и очагом, и всякий, входя и выходя, непременно давал ему ногою толчок. Старик возненавидел его и обходился с ним с удивительной жестокостию. Теннер никогда не мог забыть следующего происшествия.

Однажды Монито-о-гезик, вышед из своей хижины, вдруг возвратился, схватил мальчика за волосы, потащил за дверь, и уткнул *как кошку* лицом в навозную кучу. «Подобно всем индийцам» —говорит американский издатель его записок — «Теннер имеет привычку скрывать свои ощущения. Но когда рассказывал он мне сие приключение, блеск его взгляда и судорожный трепет верхней губы доказывали, что жажда мщения — отличительное свойство людей, с которыми провел он свою жизнь — не была чужда и ему. Тридцать лет спустя, желал он еще омыть обиду, претерпенную им на двенадцатом году!»

Зимою начались военные приготовления. Монито-о-гезик, отправляясь в поход, сказал Теннеру: «Иду убить твоего отца, братьев и всех родственников».... Через несколько дней он возвратился и показал Джону белую, старую шляпу, которую он тотчас узнал: она принадлежала брату его. Старик уверил его, что сдержал свое слово и что никто из его родных уже более не существует.

Время шло, и Джон Теннер начал привыкать к судьбе своей. Хотя Монито-о-гезик все обходился с ним сурово, но старуха его любила искренно и старалась облегчать его участь. — Через два года произошла важная перемена. Начальница племени Отавуавов, Нет-но-куа, родственница старого индийца, похитителя Джона Теннера, купила его, чтоб заменить себе потерю сына Джон Теннер был выменен на боченок водки и на несколько фунтов табаку.

Вторично усыновленный, Теннер нашел в новой матери своей ласковую и добрую покровительницу. Он искренно к ней привя-

lib.pushkinskijdom.ru

зался; вскоре отвык от привычек своей детской образованности и сделался совершенным индийцем, — и теперь, когда судьба привела его снова в общество, от коего был он оторгнут в младенчестве, Джон Теннер сохранил вид, характер и предрассудки дикарей, его усыновивших.

«Записки» Теннера представляют живую и грустную картину. В них есть какое-то однообразие, какая-то сонная бессвязность и отсутствие мысли, дающие некоторое понятие о жизни американских дикарей. Это длинная повесть о застреленных зверях, о метелях, о голодных, дальних шествиях, об охотниках замерзших на пути, о скотских оргиях, о ссорах, о вражде, о жизни бедной и трудной, о нуждах, непонятных для чад образованности.

Американские дикари все вообще звероловы. Цивилизация европейская, вытеснив их из наследственных пустынь, подарила им порох и свинец: тем и ограничилось ее благодетельное влияние. Искусный стрелок почитается между ими за великого человека. Теннер рассказывает первый свой опыт на поприще, на котором потом прославился.

«Я отроду еще не стрелял. Мать моя (Нет-но-куа) только что купила боченок пороху. Ободренный ее снисходительностию, я попросил у ней пистолет, чтоб итти в лес стрелять голубей. Мать моя согласилась, говоря: «Пора тебе быть охотником». Мне дали заряженный пистолет и сказали, что если удастся застрелить птицу, то дадут ружье и станут учить охоте.

«С того времени я возмужал и несколько раз находился в затруднительном положении; но никогда жажда успеха не была во мне столь пламенна. Едва вышел я из табора, как увидел голубей в близком расстоянии. Я взвел курок и поднял пистолет почти к самому носу; прицелился и выстрелил. В то же время мне послышалось жужжание, подобное свисту брошенного камня; пистолет полетел через мою голову, а голубь лежал под деревом, на котором сидел.

«Не заботясь о моем изрядном лице, я побежал в табор с застреленным голубем. Раны мои осмотрели; мне дали ружье, порох и дробь и позволили стрелять по птицам. С той поры стали со мною обходиться с уважением.»

Вскоре после того молодой охотник отличился новым подвигом.

«Дичь становилась редка; толпа наша (отряд охотников с женами и детьми) голодала. Предводитель наш советовал перенести табор на другое место. Накануне назначенного дня для походу, мать моя долго говорила о наших неудачах и об ужасной скудости, нас постигшей. Я лег спать; но ее песни и молитвы разбудили меня. Старуха громко молилась большую часть ночи.

«На другой день, рано утром, она разбудила нас; велела обуваться и быть готовым в поход. Потом призвала своего сына Уа-ме-гон-е-бью, и сказала ему: «Сын мой, в нынешнюю ночь я молилась великому духу. Он явился мне в образе человеческом и сказал: Нет-но-куа! завтра будет вам медведь для обеда. Вы встретите на пути вашем (по такому-то направлению) круглую долину и на долине тропинку: медведь находится на трй тропинке.»

«Но молодой человек, не всегда уважавший слова своей матери, вышел из хижины и рассказал сон ее другим индийцам. «Старуха уверяет» — сказал он смеясь — «что мы сегодня будем есть медведя; но не знаю, кто-то его убьет.» — Нет-но-куа его за то побранила, но не могла уговорить итти на медведя.

«Мы пошли в поход. Мужчины шли вперед и несли наши пожитки. Пришед на место, они отправились на ловлю, а дети остались стеречь по-

lib.pushkinskijdom.ru

клажу до прибытия женщин. Я был тут же: ружье было при мне. Я все думал о том, что говорила старуха, и решился итти отыскивать долину, приснившуюся ей; зарядил ружье пулею и, не говоря никому ни слова, воротился назад.

«Я прибыл к одному месту, где вероятно некогда находился пруд, и увидел круглое, малое пространство посреди леса. Вот, — подумал я, — долина, назначенная старухою. Вскоре нашел род тропинки, вероятно русло иссохшего ручейка. Все покрыто было глубоким снегом.

«Мать сказывала также, что во сне видела она дым на том месте, где находился медведь. Я был уверен, что нашел долину ею описанную, и долго ждал появления дыма. Однакож дым не показывался. Наскучa напрасным ожиданием, сделал я несколько шагов там, где, казалось, шла тропинка, и вдруг увяз по пояс в снегу.

«Выкарабкавшись проворно, прошел я еще несколько шагов, как вспомнил вдруг рассказы индийцев о медведях, и мне пришло в голову, что, может быть, место, куда я провалился, была медвежья берлога. Я воротился и во глубине впадины увидел голову медведя; приставил ему дуло ружья между глазами, и выстрелил. Коль скоро дым разошелся, я взял палку и несколько раз воткнул ее конец в глаза и рану; потом, удостоверясь, что медведь убит, стал его тащить из берлоги, но не смог, и возвратился в табор по своим следам.

«Вошел в шалаш моей матери. Старуха сказала мне: «Сын мой, вынь из котла кусок бобрового мяса, которое мне дали сегодня; да оставь половину брату, который с охоты еще не воротился, и сегодня ничего не ел»... Я съел свой кусок и, видя, что старуха одна, подошел к ней и сказал ей на ухо: «Мать! я убил медведя!» — Что ты говоришь? — «Я убил медведя!» — Точно ли он убит? — «Точно». — Она несколько времени глядела на меня неподвижно; потом обняла меня с нежностию и долго ласкала. Пошли за убитым медведем; и как это был еще первый, то, по обычаю индийцев, его изжарили целиком, и все охотники приглашены были съесть его вместе с нами.»

Описание различных охот и приключений во время преследования зверей занимает много места в «Записках» Джона Теннера. Истории об одних убитых медведях составляют целый роман. То, что он говорит о *муве*, американском олене (cervus alces), достойно исследования натуралистов.

«Индийцы уверены, что муз между прочим одарен способностию долго оставаться под водою. Двое из моих знакомых, люди не лживые, возвратились однажды вечером с охоты и рассказали нам, что молодой муз, загнанный ими в маленький пруд, нырнул в средину. Они до вечера стерегли его на берегу, куря табак; во все время не видели они ни малейшего движения воды, ни другой какой-либо приметы скрывшегося муза, и, потеряв надежду на успех, наконец возвратились.

«Несколько минут по их прибытии, явился одинокий охотник с свежею добычею. Он рассказал, что звериный след привел его к берегам пруда, где нашел он следы двух человек, повидимому прибывших туда с музом почти в одно время. Он заключил, что муз был ими убит; сел на берег, и вскоре увидел муза, приставшего тихо над неглубокою водою, и застрелил его в пруду.

«Индийцы полагают, что муз животное самое осторожное и что достать его весьма трудно. Он бдительнее, нежели дикий буйвол (bison, bos americanus) и канадский олень (karibou), и имеет более острое чутье. Он быстрее лося, осторожнее и хитрее дикой козы (l'antilope). В самую страшную бурю, когда ветер и гром сливают свой продолжительный рев с беспрестанным шумом проливного дождя, если сухой прутик хрустнет в лесу под ногою или рукою человеческой, муз уже слышит. Он не всегда убегает, но перестает есть, и вслушивается во все звуки. Если в течение целого часа человек не произведет никакого шума, то муз начинает есть опять, но уж

lib.pushkinskijdom.ru

не забывает звука, им услышанного, и на несколько часов осторожность его остается деятельес.»

Легкость и неутомимость индийцев в преследовании зверей почти неимоверны. Вот как Теннер описывает охоту за лосями.

«Холодная погода только что начиналась. Снег был еще не глубже одного фута; а мы уже чувствовали голод. Нам встретилась толпа лосей, и мы убили четырех в один день.

«Вот как индийцы травят лосей. Спугнув с места, они преследуют их ровным шагом в течение нескольких часов. Испуганные звери сгоряча опережают их на несколько миль; но индийцы, следуя за ними все тем же шагом, наконец настигают их; толпа лосей, завидя их, бежит с новым усилием, и исчезает опять на час или на два. Охотники начинают открывать их скорее и скорее, и лоси все долее и долее остаются в их виду; наконец охотники уж ни на минуту не теряют их из глаз. Усталые лоси бегут тихой рысью; вскоре идут шагом. Тогда и охотники находятся почти в совершенном изнеможении. Однако они обыкновенно могут еще дать залп из ружей по стаду лосей; но выстрелы придают зверям новую силу; а охотники, ежели снег не глубок, редко имеют дух и возможность выстрелить более одного или двух раз. В продолжительном бегстве лось не легко высвобождает копыто свое; в глубоких снегах его достигнуть легко. Есть индийцы, которые могут преследовать лосей по степи и бесснежной; но таких мало.»

Препятствия, нужды, встречаемые индийцами в сих предприятиях, превосходят все, что можно себе вообразить. Находясь в беспрестанном движении, они не едят по целым суткам и принуждены иногда, после такого насильственного поста, довольствоваться вареной кожаной обувью. Проваливаясь в пропасти, покрытые снегом, переправляясь через бурные реки на легкой древесной коре, они находятся в ежеминутной опасности потерять или жизнь, или средства к ее поддержанию. Подмочив гнилое дерево, из коего добывают себе огонь, часто охотники замерзают в снеговой степи. Сам Теннер несколько раз чувствовал приближение ледяной смерти.

«Однажды рано утром» — говорит он — «я погнал лося и преследовал его до ночи; уже готов был его достигнуть, но вдруг лишился и сил и надежды. Одежда моя, вопреки морозу, была вся мокра. Вскоре она оледенела. Мои суконные *митассы* (порты) изорвались в клочки во время бега сквозь кустарники. Я почувствовал, что замерзаю.... Около полуночи достиг места, где стояла наша хижина; ее уже там не было: старуха перенесла ее на другое место.... Я пошел по следам моей семьи, и вскоре холод стал нечувствителен: мною овладело усыпление, обыкновенный признак предшествующей смерти. Я удвоил усилия; и хотя был в совершенной памяти и понимал очень хорошо опасность своего положения, но с трудом мог удержать желание прилечь на землю. Наконец совершенно забылся, не знаю на долго ли, и очнувшись как ото сна, увидел, что кружился на одном месте.»

«Я стал искать своих следов и вдруг вдали увидел огонь; но снова потерял чувства. Если бы я упал, то уж никогда бы не встал. Я стал опять кружиться на одном месте; наконец достиг нашей хижины. Вошед в нее, я упал, однакож не лишился чувств. Как теперь вижу огонь, освещающий ярко нашу хижину, и лед, ее покрывающий; как теперь слышу слова старухи: она говорила, что ждали меня задолго перед наступлением ночи, не полагая, чтоб я так долго остался на охоте.... Целый месяц я не мог выйти: лицо, руки и ляжки были у меня сильно отморожены....»

lib.pushkinskijdom.ru

Подвергаясь таковым трудам и опасностям, индийцы имеют целию заготовление бобровых мехов, буйволовых кож и прочего, дабы продать и выменять их купцам американским. Но редко получают они выгоду в торговых своих оборотах: купцы обыкновенно пользуются их простотою и склонностию к крепким напиткам. Выменяв часть товаров на ром и водку, бедные индийцы отдают и остальные за бесценок; за продолжительным пьянством следует голод и нищета, и несчастные дикари принуждены вскоре опять обратиться к скудной и бедственной своей промышленности. Джон Теннер следующим образом описывает одну из этих оргий.

«Торг наш кончился. Старуха подарила купцу десять прекрасных бобровых мехов. В замену подарка обыкновенно получала она одно платье, серебряные украшения, знаки ее владычества, и бочку рому. Когда купец послал за нею, чтоб вручить свой подарок, она так была пьяна, что не могла держаться на ногах. Я явился вместо ее и был немножко навеселе; нарядился в ее платье, надел на себя и серебряные украшения; потом взвалив бочку на плечи, принес ее в хижину. Тут я поставил бочку наземь и прошиб дно обухом. «Я не из тех начальников» — сказал я — «которые тянут ром из дырочки: пей кто хочет и сколько хочет!» — Старуха прибежала с тремя котлами, — и в пять минут все было выпито. Я пьянствовал с индийцами во второй раз отроду; у меня спрятан был ром; тайно ходил я пить, и был пьян два дня сряду. Остатки пошел допивать с племянником старухи.... Он не был еще пьян, но жена его лежала перед огнем в совершенном бесчувствии.....

«Мы сели пить. В это время индиец, из племени Ожибуай, вошел шатаясь. и повалился перед огнем. Уж было поздно; но весь табор шумел и пьянствовал. Я с товарищем вышел, чтоб попировать с теми, которые захотят нас пригласить; не будучи еще очень пьяны, мы спрятали котел с остальною водкою. Погуляв несколько времени, мы воротились. Жена товарища моего все еще лежала перед огнем; но на ней уже не было ее серебряных украшений. Мы кинулись к нашему котлу: котел исчез; индиец, оставленный нами перед огнем, скрылся; и по многим причинам мы подозревали его в этом воровстве. Дошло до меня, что он сказывал, будто бы я его поил. На другой день пошел я в его хижину и потребовал котла. Он велел своей жене принести его. Таким образом вор сыскался, и брат мой получил обратно серебряные украшения!!...»

Оставляем читателю судить, какое улучшение в нравах дикарей приносит соприкосновение цивилизации!

Легкомысленность, невоздержность, лукавство и жестокость — главные пороки диких американцев. Убийство между ими не почитается преступлением; но родственники и друзья убитого обыкновенно мстят за его смерть. Джон Теннер навлек на себя ненависть одного индийца и несколько раз подвергался его удару. «Ты давно мог бы меня убить» — сказал ему однажды Теннер — «но ты не мужчина, у тебя нет даже сердца женского, ни смелости собачьей. Никогда не прощу тебе, что ты на меня замахнулся ножом, и не имел духа поразить». — Храбрость почитается между индийцами главною человеческою добродетелью: трус презираем у них наравне с ленивым или слабым охотником. Иногда, если убийство произошло в пьянстве или ненарочно, родственники торжественно прощают душегубца. Теннер рассказывает любопытный случай.

lib.pushkinskijdom.ru

«Молодой человек, из племени Оттоваua, живший у меня во время моей болезни, отлучился в табор новоприбывших индийцев, которые в то время пьянствовали. В полночь его привели к нам пьяного. Один из проводников втолкнул его в хижину, сказав: «Смотрите за ним: молодой человек напроказил.»

«Мы разложили огонь и увидели молодого человека, стоящего с ножем в руке, всего окровавленного. Его не могли уложить; я приказал ему лечь, и он повиновался. Я запретил делать разыскания и упоминать ему об окровавленном ноже.

«Утром, встав от глубокого сна, он ничего не помнил. Молодой человек сказал нам, что накануне, кажется, он напился пьян, что очень голоден и хочет готовить себе обед. Он изумился, когда я сказал ему, что он убил человека. Он знал только, что во время пьянства кричал, вспомня об отце своем, убитом некогда на том самом месте белыми людьми. Он очень опечалился и тотчас побежал взглянуть на того, кого зарезал. Несчастный был еще жив. Мы узнали, что когда был он поражен, тогда лежал пьяный без памяти и что сам убийца вероятно не знал, кто была его жертва. Родственники не говорили ничего, но переводчик (американского губернатора) сильно его упрекал.

«Ясно было, что раненый не мог жить, и что последний час его был уже близок. Убийца возвратился к нам. Мы приготовили значительные подарки: кто дал одеяло, кто кусок сукна, кто то, кто другое. Он унес их тотчас и положил перед раненым. Потом обратясь к родственникам, сказал им: «Друзья мои, вы видите, что я убил вашего брата; но я сам не знал, что̀ делал. Я не имел злого намерения: недавно приходил он в наш табор, и я с ним виделся дружелюбно; но в пьянстве я обезумел, и жизнь моя вам принадлежит. Я беден, и живу у чужих; но они готовы отвести меня к моему семейству и прислали вам эти подарки. Жизнь моя в ваших руках; подарки перед вами: выбирайте, что̀ хотите. Друзья мои жаловаться не станут.»

«При сих словах он сел, наклонив голову и закрыв глаза руками в ожидании смертельного удара. Но старая мать убитого вышла вперед и сказала ему: «Ни я, ни дети мои смерти твоей не хотят. Не отвечаю за моего мужа: его здесь нет; однакож подарки твои принимаю, и буду стараться отвратить от тебя мщение мужа. Это несчастие случилось нечаянно. За что же твоя мать будет плакать, как я?» —

«На другой день молодой человек умер, и многие из нас помогли убийце вырыть могилу. Когда все было готово, губернатор подарил мертвецу богатые одеяла, платья и прочее (что, по обычаю индийцев, должно было быть схоронено вместе с телом). Эти подарки положены были в кучу на краю могилы. Но старуха, вместо того чтоб их закопать, предложила молодым людям разыграть их между собою.

«Разные игры следовали одна за другою: стреляли в цель, прыгали, боролись и пр. Но лучший кусок сукна был назначен наградою победителю за бег взапуски. Сам убийца его выиграл. Старуха подозвала его и сказала: «Молодой человек! Сын мой был очень мне дорог; боюсь, долго и часто буду его оплакивать; я была бы счастлива, если бы ты заступил его место, и любил и охранял меня подобно ему. Боюсь только моего мужа.» — Молодой человек, благодарный за ее заступление, принял тотчас предложение. Он был усыновлен, и родственники убитого всегда обходились с ним ласково и дружелюбно.»

Не все ссоры и убийства кончаются так миролюбиво. Джон Теннер описал одну ссору, где ужасное и смешное странным образом перемешаны между собою.

«Брат мой Уа-ме-гон-е-бью вошел в шалаш, где молодой человек бил одну старуху. Брат удержал его за руку. В это самое время пьяный старик, по имени Та-бу-шиш, вошел туда же, и, вероятно не разобрав порядочно в чем дело, схватил брата за волосы и откусил ему нос. Народ сбежался; произошло смятение. Многих изранили. Бег-уа-из, один из старых

lib.pushkinskijdom.ru

«Индийцы полагают, что муз животное самое осторожное и что достать пистолет, чтоб итти в лес стрелят голубей. Мать моя согласилась, говоря: начальников, бывший всегда к нам благосклонен, прибежал на шум. и почел своею обязанностию вмешаться в дело. Между тем брат мой, заметя свою потерю, поднял руки, не подымая глаз, вцепился в волосы первой попавшейся ему головы, и разом откусил ей нос. Это был нос нашего друга, старого Бег-уа-иза! Утолив немного свое бешенство, Уа-ме-гон-е-бью узнал его и закричал: «Дядя! это ты!» — Бег-уа-из был человек добрый и смирный; он знал, что брат откусил ему нос совсем неумышленно. Он нимало не осердился и сказал: «Я стар: не долго будут смеяться над потерею моего носа.»

«С своей стороны я был в сильном негодовании на старика, обезобразившего брата моего. Я вошел в хижину к Уа-ме-гон-е-бью и сел подле него. Он весь был окровавлен; несколько времени молчал, и когда заговорил, я увидел, что он был в полном своем рассудке. «Завтра»—сказал он—«я буду плакать с моими детьми; послезавтра пойду к Та-бу-шишу (врагу своему), и мы оба умрем: я не хочу жить, чтоб быть вечно посмешищем.» Я обещался ему помочь в его предприятии и приготовился к делу. Но проспавшись и проплакав целый день с своими детьми, он оставил свои злобные намерения и решился как-нибудь обойтися без носу также, как и Бег-уа-из.

«Несколько дней спустя, Та-бу-шиш опасно занемог горячкою. Он ужасно похудел. и, казалось, умирал. Наконец прислал он к Уа-ме-гон-е-бью два котла и другие значительные подарки и велел ему сказать: «Друг мой, я тебя обезобразил, а ты наслал на меня болезнь. Я много страдал, а коли умру, то дети мои будут страдать еще более. Посылаю тебе подарки, дабы ты оставил мне жизнь....» Уа-ме-гон-е-бью отвечал ему через посланного: «Не я наслал на тебя болезнь; вылечить тебя не могу, подарков твоих не хочу.» Та-бу-шиш томился около месяца; волоса у него вылезли; потом он начал выздоравливать, и мы все пошли в степи по разным направлениям, удаляясь один от другого как можно более.....

«Однажды мы расположились табором близ деревушки, в которую переселился Та-бу-шиш, и готовы были уже снова выступить, как вдруг увидели его. Он был весь голый, расписан и украшен как для битвы, и держал в руках оружие. Он медленно к нам приближался. и казался глубоко раздраженным. Но никто из нас не понял его намерения до самой той минуты, как он уставил дуло своего ружья в спину моему брату. «Друг мой» — сказал он ему — «мы довольно пожили; мы довольно друг друга помучили. Тебя просили от моего имени довольствоваться тем, что уже я вытерпел; ты не согласился; через тебя я все еще страдаю; жизнь мне несносна: нам должно вместе умереть.» Два молодые индийца, видя его намерение, тотчас натянули свои луки и прицелились в него стрелами; но Та-бу-шиш не обратил на них никакого внимания. Уа-ме-гон-е-бью испугался и не смел приподнять голову. Та-бу-шиш готов был биться с ним на смерть, но он не принял вызова. С той поры я вовсе перестал его уважать: последний индиец был храбрее и великодушнее его.»

Если частные распри индийцев жестоки и кровопролитны, то войны их, за то, вовсе не губительны и ограничиваются по большей части утомительными походами. Начальники не пользуются никакою властию, а дикари не знают, что такое повиновение воинское. Они, наскуча походом, оставляют войско один за другим, и возвращаются каждый в свою хижину, не успев увидеть неприятеля. Старшины упрямятся несколько времени; но оставшись одни без воинов, следуют общему примеру, и война кончается безо всякого последствия.

Джон Теннер рассказывает с видимым удовольствием один из своих военных подвигов, который немного походит на воровство, но тем не менее доказывает его предприимчивость и неустрашимость. Какие-то индийцы похитили у него лошадь. Он

lib.pushkinskijdom.ru

отправился с намерением или отыскать ее, или заменить. Посещая индийские селения, в одном из них не встретил он никакого гостеприимства. Это его оскорбило, и заметив добрую лошадь, принадлежавшую старшине, он из мести решился присвоить ее себе.

«У меня под одеялом» — говорит он — «спрятан был аркан. Я искусно набросил его на шею лошади — и не поскакал, а полетел. Когда лошадь начала задыхаться, я остановился, чтоб оглянуться: хижины негостеприимной деревни были едва видны и казались маленькими точками на далекой долине.....

«Тут я подумал, что не хорошо поступаю, похищая любимую лошадь человека, не сделавшего мне никакого зла, хотя и отказавшего мне в должном гостеприимстве. Я соскочил с лошади и пустил ее на волю. Но в ту же минуту увидел толпу индийцев, скачущих из-за возвышения. Я едва успел убежать в ближний орешник. Они искали меня несколько времени по разным направлениям, а я между тем спрятался с большей осторожностию. Они рассеялись. Многие прошли близехонько от меня; но я был так хорошо спрятан, что мог безопасно наблюдать за всеми их движениями. Один молодой человек разделся донага, как для сражения, запел свою боевую песнь, бросил ружье и с простою дубиною в руках пошел прямо к месту, где я был спрятан. Он уже был от меня шагах в двадцати. Курок у ружья моего был взведен, и я целил в сердце... Но он воротился. Он конечно не видал меня, но мысль находиться под надзором невидимого врага, вооруженного ружьем, вероятно поколебала его. Меня искали до ночи, и тогда лошадь уведена была обратно.

«Я тотчас пустился в обратный путь, радуясь, что избавился от такой опасности; шел день и ночь, и на третьи сутки прибыл к реке Мауз. Купцы тамошней конторы пеняли, что я упустил из рук похищенную мною лошадь, и сказали, что дали бы за нее хорошую цену.

«В двадцати милях от этой конторы жил один из моих друзей, по имени Бе-на. Я просил его осведомиться о моей лошади и об ее похитителе. Бе-на впустил меня в шалаш, где жили две старухи, и сквозь щелку указал на ту хижину, где жил Ба-гис-кун-нунг с четырьмя своими сыновьями. Лошади их паслись около хижины. Бе-на указал на прекрасного черного коня, вымененного ими на мою лошадь.... Я тотчас отправился к Ба-гис-кун-нунгу и сказал ему: «Мне нужна лошадь». — У меня нет лишней лошади. — «Так я ж одну уведу». — А я тебя убью. — Мы расстались. Я приготовился к утру отправиться в путь. Бе-на дал мне буйволовую кожу вместо седла; а старуха продала мне ремень, в замену аркана, мною оставленного на шее лошади индийского старшины. Рано утром вошел я в хижину Бе-на, еще спавшего, и покрыл его тихонько совершенно новым одеялом, мне принадлежавшим. Потом пошел далее.

«Приближаясь к хижине Ба-гис-кун-нунга, увидел я старшего его сына, сидящего на пороге..... Заметив меня, он закричал изо всей мочи..... Вся деревня пришла в смятение.... Народ собрался около меня.... Никто, казалось, не хотел мешаться в это дело. Одно семейство моего обидчика изъявляло явную неприязнь....

«Я так был взволнован, что не чувствовал под собою земли; кажется однако, я не был испуган. Набросив петлю на черную лошадь, я все еще не садился верхом, потому что это движение лишило бы меня на минуту возможности защищаться, — и можно было бы напасть на меня с тыла. Подумав однако, что вид малейшей нерешительности был бы для меня чрезвычайно невыгодным, я хотел вскочить на лошадь; но сделал слишком большое усилие, перепрыгнул через лошадь и растянулся на той стороне, с ружьем в одной руке, с луком и стрелами в другой. Я встал поспешно, оглядываясь кругом, дабы надзирать над движениями моих неприятелей. Все хохотали во все горло, кроме семьи Ба-гис кун-нунга. Это ободрило меня, и я сел верхом с большей решимостию. Я видел, что, ежели бы в самом деле хотели на меня напасть, то воспользовались бы минутой моего

lib.pushkinskijdom.ru

падения. К тому же веселый хохот индийцев доказывал, что предприятие мое вовсе их не оскорбляло.»

Джон Теннер отбился от погони, и остался спокойным владетелем геройски похищенного коня.

Он иногда выдает себя за человека недоступного предрассудкам; но поминутно обличает свое индийское суеверие. Теннер верит снам и предсказаниям старух: те и другие для него всегда сбываются. Когда голоден, ему снятся жирные медведи, вкусные рыбы, и через несколько времени в самом деле удастся ему застрелить дикую козу или поймать осетра. В затруднительных обстоятельствах ему всегда является во сне какой-то молодой человек, который дает добрый совет или ободряет его. Теннер поэтически описывает одно видение, которое имел он в пустыне на берегу Малого Сас - Кау.

«На берегу этой реки есть место, нарочно созданное для индийского табора прекрасная пристань, маленькая долина, густой лес, прислоненный к холму... Но это место напоминает ужасное происшествие: здесь совершилось братоубийство, злодеяние столь неслыханное, что самое место почитается проклятым Ни один индиец не причалит челнока своего к долине «Двух Убитых»; никто не осмелится там ночевать. Предание гласит, что некогда в индийском таборе, здесь остановившемся, два брата (имевшие сокола своим *тотемом* [1] поссорились между собою, и один из них убил другого Свидетели так были поражены сим ужасным злодейством, что тут же умертвили братоубийцу Оба брата похоронены вместе.

«Приближаясь к сему месту, я много думал о двух братьях, имевших один со мною *тотем*, и которых почитал я родственниками матери моей (Нет-но-куа) Я слыхал, что когда располагались на их могиле (что несколько раз и случалось), они выходили из-под земли и возобновляли ссору и убийство По крайней мере достоверно, что они беспокоили посетителей и мешали им спать. Любопытство мое было встревожено. Мне хотелось рассказать индийцам не только, что я останавливался в этом страшном месте, но что еще там и ночевал.

«Солнце садилось, когда я туда прибыл. Я вытащил свой челнок на берег, разложил огонь и, отужинав, заснул.

«Прошло несколько минут, и я увидел обоих мертвецов, встающих из могилы Они пришли и сели у огня прямо передо мною. Глаза их были неподвижно устремлены на меня. Они не улыбнулись и не сказали ни слова. Я проснулся. Ночь была темная и бурная Я никого не видел, не услышал ни одного звука, кроме шума шатающихся дерев. Вероятно я заснул опять, ибо мертвецы опять явились. Они, кажется, стояли внизу, на берегу реки, потому что головы их были наравне с землею, на которой разложил я огонь Глаза их все были устремлены на меня. Вскоре они встали опять, один за другим, и сели снова против меня. Но тут уже они смеялись, били меня тросточками и мучили различным образом. Я хотел им сказать слово, но не стало голосу; пробовал бежать: ноги не двигались. Целую ночь я волновался и был в беспрестанном страхе. Один из них сказал мне между прочим, чтоб я взглянул на подошву ближнего холма. Я увидел связанную лошадь, глядевшую на меня. «Вот тебе, брат» — сказал мне жеби [2] «лошадь на завтрашний путь Когда ты поедешь домой, тебе можно будет взять ее снова, а с нами провести еще одну ночь.

«Наконец рассвело, и я с большим удовольствием заметил, что эти страшные привидения исчезли с ночным мраком. Но, пробыв долго между индийцами и зная множество примеров тому, что сны часто сбываются, я

---

[1] Род герба. *Сокол* был тоже *тотемом* и Д. Теннера <Примеч. Пушкина>.

[2] Мертвец <Примеч. Пушкина>.

lib.pushkinskijdom.ru

стал не на шутку помышлять о лошади, данной мне мертвецом; пошел к холму и увидел конские следы и другие приметы, а в некотором расстоянии нашел и лошадь, которую тотчас узнал; она принадлежала купцу, с которым имел я дело. Дорога сухим путем была несколькими милями короче пути водяного. Я бросил челнок, навьючил лошадь и отправился к конторе, куда на другой день и прибыл. Впоследствие времени я всегда старался миновать могилу обоих братьев; а рассказ о моем видении и страданиях ночных увеличил в индийцах суеверный их ужас.»

Джон Теннер был дважды женат. Описание первой его любви имеет в его «Записках» какую-то дикую прелесть. Красавица его носила имя, имевшее очень поэтическое значение, но которое с трудом поместилось бы в элегии: она звалась Мис-куа-бун-о-куа, что по индийски значит заря.

«Однажды вечером» — говорит Теннер — «сидя перед нашей хижиной, увидел я молодую девушку. Она, гуляя, курила табак и изредка на меня посматривала; наконец подошла ко мне и предложила мне курить из своей трубки. Я отвечал, что не курю. «Ты от того» — сказала она — «отказываешься, что не хочешь коснуться моей трубки». Я взял трубку из ее рук и покурил немного — в самом деле в первый раз от роду. Она со мною разговорилась и понравилась мне. С той поры мы часто видались, и я к ней привязался.

«Вхожу в эти подробности, потому что у индийцев таким образом не знакомятся. У них обыкновенно молодой человек женится на девушке вовсе ему незнакомой. Они видались; может быть, взглянули друг на друга; но вероятно никогда между собою не говорили; свадьба решена стариками, и редко молодая чета противится воле родительской. Оба знают, что, если союз сей будет неприятен одному из двух, или обоим вместе, то легко будет его расторгнуть.

«Разговоры мои с Мис-куа-бун-о-куа вскоре наделали много шуму в нашем селении. Однажды старый Очук-ку-ков вошел ко мне в хижину, держа за руку одну из многочисленных своих внучек. Он, судя по слухам, полагал, что я хотел жениться. «Вот тебе» — сказал он моей матери — «самая добрая и самая прекрасная из моих внучек: я отдаю ее твоему сыну». С этим словом он ушел, оставя ее у нас в хижине.....

«Мать моя всегда любила молодую девушку, которая считалась красавицей. Однакож старуха смутилась и сказала мне наедине: «Сын, девушка прекрасна и добра, но не бери ее за себя: она больна и через год умрет. Тебе нужна жена сильная и здоровая, и так предложим ей хороший подарок и отошлем ее к родителям». Девушка возвратилась с богатыми подарками, а через год предсказание старухи сбылось.

«С каждым днем любовь наша усиливалась. Мать моя, вероятно, не осуждала нашей склонности. Я ничего ей не говорил; но она знала все, и вскоре я в том удостоверился. Однажды проведши в первый раз большую часть ночи с моей любовницей, я воротился поздно и заснул. На заре старуха разбудила меня, ударив прутом по голым ногам.

«Вставай» — сказала она — «вставай, молодой жених, ступай на охоту. Жена твоя будет тебя более почитать, когда рано воротишься к ней с добычей, нежели когда станешь величаться, гуляя по селению в отсутствие ловцов.» Я молча взял ружье и вышел. В полдень воротился, неся на плечах жирного муза, мною застреленного, и сбросил его к ногам матери, сказав ей грубым голосом: «Вот тебе, старуха, что ты сегодня утром от меня требовала.» Она была очень довольна и похвалила меня. Из того я заключил, что связь моя с молодой девушкой не была ей противна, и очень был тому рад. Многие из индийцев чуждаются своих старых родителей; но хотя Нет-но-куа была уже дряхла и немощна, я сохранял к ней прежнее, безусловное почтение.

«Я с жаром предавался охоте и почти всегда возвращался рано, или по крайней мере засветло, обремененный добычею. Я тщательно наряжался и разгуливал по селению, играя на индийской свирели, называемой пи-бе-

lib.pushkinskijdom.ru

«Я лег в обыкновенный час, не желая показать ему свои подозрения. Палатки у меня не было, и я лежал под крашеной холстиной. Растянувшись на земле, я выбрал такое положение, что мог видеть каждое его движение. Настала гроза. Он, казалось, стал еще более беспокоен и нетерпелив. При первых дождевых каплях я предложил ему разделить со мною приют. Он согласился. Дождь шел сильно; огонь наш был залит; скоро потом *мустики* (род комаров) напали на нас. Он опять разложил огонь и стал обмахивать меня веткою.

«Я чувствовал, что мне не должно было засыпать; но усыпление начинало овладевать мною. Вдруг разразилась новая гроза сильнее первой. Я оставался как усыпленный, не открывая глаз, не шевелясь и не теряя из виду молодого человека. Однажды сильный удар грома, казалось, смутил его. Я увидел, что он бросал в огонь немного табаку в виде приношения. В другой раз, когда сон, казалось, совершенно мною овладевал, я увидел, что он стерег меня, как кошка, готовая броситься на свою жертву; однакожь я все противился дремоте.

«Поутру он с нами отзавтракал, как обыкновенно, и ушел вперед прежде, нежели успел я собраться. Дочь моя, с которой разговаривал он в лесу, казалась еще более испуганною и долго не хотела войти в челнок; мать уговаривала ее и старалась скрыть от меня ее смятение. Наконец мы поехали. Молодой человек плыл у берега, не в дальнем от нас расстоянии, до десяти часов утра. Тогда при довольно опасном и быстром повороте, откуда взору открывалось далекое пространство, и он и челнок его исчезли, что очень меня удивило.

«На сем месте река имеет до 80 вержей ширины, а в десяти—от поворота, о котором я упоминал—находится маленький, утесистый остров. Я был раздет и с усилием правил челноком против бурного течения (что заставляло меня жаться как можно ближе к берегу), как вдруг вблизи раздался ружейный выстрел; пуля просвистала над моей головою. Я почувствовал как бы удар по боку. Весло выпало у меня из правой руки, которая сама повисла. Дым выстрела затемнял кусты, но со второго взгляда я узнал убегающего Ом-чу-гвут-она.

«Дочери мои закричали. Я обратил внимание на челнок: он был весь окровавлен. Я старался левою рукою направить его на берег, чтобы преследовать молодого человека; но течение было слишком сильно для меня: оно принесло нас на утесистый островок. Я ступил на него и, вытащив левою рукою челнок на камень, попробовал зарядить ружье; но не успел того сделать, и упал без чувств. Очнувшись, я увидел, что был один на острову. Челнок с моими дочерьми исчезал вдали, возвращаясь вспять по течению. Я снова лишился чувств, но наконец пришел в себя.

«Полагая, что мой убийца надзирал за мною из какого-нибудь скрытого места, я осмотрел свои раны. Правая рука была в очень худом состоянии: пуля, вошедшая в бок близ легкого, осталась во мне. Я отчаялся в жизни и стал кликать Ом-чу-гвут-она, прося его прекратить мне и жизнь и мучения: «Ты убил меня»—кричал я—«но хотя я и смертельно ранен, однако боюсь прожить несколько дней. Приди же, если ты муж, и выстрели в меня еще раз.» Звал его несколько раз, но не получил ответа.

«Я был почти гол: в минуту как меня ранили, на мне, кроме порт, была одна рубашка, и та вся разорванная во время усилий при плавании. Я лежал на голом утесе, на зное летнего дня; земляные и черные мухи кусали меня; в будущем видел я лишь медленную смерть. Но по захождении солнца, сила и надежда возвратились; я доплыл до того берега. Вышед из воды, мог стать на ноги и испустил крик бранный, называемый *сассакуи*, в знак радости и вызова. Но потеря крови и усилия во время плавания снова лишили меня чувств.

«Пришед в себя, я спрятался близ берега, чтоб наблюдать за моим врагом. Вскоре увидел я Ом-чу-гвут-она, выходящего из своей западни; он пустил в воду свой челнок, поплыл вниз по реке и прошел близехонько от меня. Мне сильно хотелось кинуться на него, чтоб схватить и задавить его в воде; но я не понадеялся на свои силы и таким образом пропустил его, не открываясь.

lib.pushkinskijdom.ru

Наконец Джон Теннер увидел свою семью, которая приняла его с великою радостию. Брат его обнял с восторгом, обрезал ему волосы и употребил всевозможные старания, дабы удержать его у себя дома. Одичалый американец, с своей стороны, звал его к себе, к Лесному озеру, выхваляя ему через переводчика дикую жизнь и раздолье степей. Братья его были женаты; сестра Люси имела десять человек детей. Наконец просьбы родных на него подействовали: он решился оставить индийцев и с своими детьми переселиться в общество, которому принадлежал по праву рождения.

Но приключения Теннера тем еще не кончились. Судьба назначала ему еще новые испытания. Возвратясь к диким своим знакомцам и объявив им о своем намерении, он возбудил сильное негодование. Индийцы не соглашались выдать ему детей. Жена отказывалась следовать за ним к людям чуждым и ненавистным. Власти американские принуждены были вмешаться в семейственные дела Джона Теннера. Угрозой и ласкою уговорили индийцев отпустить его домой со всем семейством. Он еще в последний раз отправился с родными к Красной-Реке на охоту за буйволами, прощаясь навсегда с дикой жизнию, имевшей для него столько прелести. Возвратясь он стал готовиться в дорогу.

Индийцы простились с ним дружелюбно. Сын его не захотел за ним следовать и остался вольным дикарем. Теннер отправился с двумя дочерьми и с их матерью, которая не хотела с ними расстаться. Послушаем, как Теннер описывает свое последнее путешествие.

«В обратном пути я предпочел ехать по Недоброй Реке, что должно было сократить дорогу на несколько миль. Близ устья реки Осетра в то время стоял табор или деревня из шести или семи хижин. Тут находился молодой человек, по имени Ом-чу-гвут-он. Он был высечен, по приказанию американского начальства, за настоящую или мнимую вину, и глубоко за то злобствовал. Узнав о моем проезде, он приехал ко мне на своем челночке.

«Довольно странным образом стал он искать разговора со мною и вздумал уверять, что между нами существовали сношения семейственные; ночевал с нами вместе, и утром мы с ним отправились в одно время. Причаля к берегу, я приметил, что он искал случая встретиться в лесу с одной из моих дочерей, которая тотчас воротилась, немного встревоженная. Мать ее также несколько раз в течение дня имела с нею тайные разговоры; но девочка всё была печальна и несколько раз вскрикивала.

«К ночи, когда расположились мы ночевать, молодой человек тотчас удалился. Я притворно занимался своими распоряжениями, а между тем не выпускал его из виду; — вдруг приближился к нему и увидел его посреди всего снаряда охотничьего. Он обматывал около пули оленью жилу, длиною около пяти вершков. Я сказал ему: «Брат мой» (так называл он меня сам) «если у тебя не достает пороху, пуль или кремней, то возьми у меня, сколько тебе понадобится.» Он отвечал, что ни в чем не нуждается, а я воротился к себе на ночлег.

«Несколько времени я его не видал. Вдруг явился он в наряде и украшениях воина, идущего в сражение. В первую половину ночи он надзирал за всеми моими движениями с удивительным вниманием; подозрения мои, уже и без того сильно возбужденные, увеличились еще более. Однакожь он продолжал со мною разговаривать много и дружелюбно и попросил у меня ножик, чтобы нарезать табаку; он вместо того, чтоб возвратить его, сунул себе за пояс. Я полагал, что он отдаст мне его по утру,

lib.pushkinskijdom.ru

гвун. В течение некоторого времени Мис-куа-бун-о-куа притворно отвергала меня. Я стал охладевать; тогда она забыла все притворство.. С моей стороны желание привести жену к нам в хижину уменьшилось. Я хотел прервать с нею всякие сношения. Увидя явное равнодушие, она хотела тронуть мне сердце то слезами, то упреками; но я ничего не говорил об ней старухе, и с каждым днем охлаждение мое становилось сильнее.

«Около того времени мне понадобилось побыть на Красной-Реке, и я отправился с одним индийцем, у которого была сильная и легкая лошадь. Нам предстояла дорога на семьдесят миль. Мы по очереди ехали верхом, а пеший между тем бежал держа лошадь за хвост. Мы были в дороге одни сутки. На возвратном пути я был один и шел пешком. Темнота ночи и усталость заставили меня ночевать в десяти милях от нашей хижины.

«Пришед домой на другой день, я увидел Мис-куа-бун-о-куа сидящую на моем месте. Я остановился у дверей в недоумении. Она потупила голову. Старуха сказала мне с видом сердитым: «Что-же, разве оборотишься ты спиною к нашей хижине и обесчестишь эту бедную девушку, которой ты не стоишь? Все, что случилось между вами, сделалось по твоей же воле, не с моего и не с ее согласия. Ты сам за нею бегал повсюду; а теперь неужто прогонишь ее, как будто она на тебя навязалась?»... Укоризны матери казались мне несовсем несправедливы. Я вошел и сел подле девушки... Таким образом мы стали муж и жена.»

Джон Теннер оставил свою жену и взял другую, от которой имел троих детей. Вопреки своей долговременной привычке и страстной любви к жизни охотничей, жизни трудов, опасностей и восхищений непонятных и неизъяснимых, одичалый американец всегда помышлял о возвращении в недра семейства, от которого так долго был насильственно отторгнут. Наконец решился исполнить давнишнее свое намерение и отправился к берегам Биг-Миами, к месту пребывания прежнего своего семейства.

Пришед в одно из тамошних поселений, встретил он старого индийца и узнал в нем молодого дикаря, некогда его похитившего. Они дружески обнялись. Теннер узнал от него о смерти старика, так страшно с ним познакомившегося. Индиец рассказал ему подробности его похищения, о которых Теннер имел только смутное понятие. На вопрос его: правда ли, что старый Теннер и все его семейство учинились жертвою индийцев, как некогда Манито-о-гезик уверял маленького своего пленника? Индиец отвечал, что старик солгал, и рассказал ему следующее:

«Год спустя после похищения Джона Теннера, Монито-о-гезик воротился к тому месту, где совершил первое свое предприятие. Тут с утра до полудня он подстерегал старого Теннера и его работников. Они все вместе вошли в дом; в поле остался только старший сын, пахавший землю сохою, запряженною лошадьми. Индийцы на него бросились; лошади дернули; брат Джона Теннера запутался в веревках, упал, и был схвачен. Лошадей убили стрелами. Индийцы утащили молодого Теннера в лесa, переправясь до ночи через Оио. Пленника привязали к дереву веревками; но он успел перегрызть узел, высвободил руку, вынул ножичек из кармана, перерезал свои узы, тотчас побежал к реке и бросился вплавь. Индийцы, услышав шум, проснулись, погнались было за ним; но ночь была темна, и он успел убежать, оставя им на память свою шляпу.»

Отец Теннера умер тому лет десять, оставя имение свое старшему сыну, и не позабыв в своей духовной того, чья участь была ему неизвестна.

lib.pushkinskijdom.ru

«Вскоре пламенная жажда начала меня мучить. Берега реки были круты и каменисты. Я не мог лежа напиться от раненой руки, на которую не в силах был опереться. Надлежало войти в воду по самые губы. Вечер свежел более и более, и силы мои вместе с тем возобновлялись. Кровь, казалось, лилась свободнее; я занялся своею раною. Несмотря на опухоль мяса, я постарался соединить раздробленные косточки; сперва разорвал на бинты остаток своей рубашки, потом зубами и левой рукою стал их обвивать около руки сначала слабо, а потом все туже, туже, пока наконец успел ее порядочно перевязать. Вместо лубков привязал я прутики и повесил руку на веревочку, накинутую на шею.

«После того взял корку с дерева, похожего на вишневое, и, разжевав ее, приложил к моим ранам, надеясь тем остановить течение крови. Кусты, отделявшие меня от реки, были все окровавлены. Настала ночь. Я выбрал для ночлега мшистое место. Пень служил мне изголовьем. Я не хотел удалиться от берега, дабы наблюдать надо всем, что случится, и дабы в случае жажды иметь возможность ее утолить. Я знал, что лодка, принадлежащая купцам, должна была около того времени проехать в этом самом месте, ждал я от них то помощи. Индийских хижин не было ближе тех, откуда к нам присоединился Ом-чу-гвут-он, и я имел причину думать, что кроме его, дочерей моих и жены, никого кругом не было.

«Простертый на земле, я стал молиться великому духу, прося его сжалиться надо мною и ниспослать помощь в час скорби. Оканчивая молитвы, заметил я, что мустики, которые роем облепили голое тело мое, умножая страдания, стали отлетать, покружились надо мною и наконец исчезли. Я не приписал этого непосредственному действию великого духа: вечер становился холодным, и следовательно это было влияние воздуха. Я был однакожь уверен, как и всегда, во время бедствий и опасности, что владыко дней моих невидимо находился близ меня, мощно мне покровительствуя. Я спал тихо и спокойно; но часто просыпался и всякой раз помнил, просыпаясь, что снилась мне лодка с белыми людьми.

«Около полуночи услышал я на той стороне реки женские голоса, и мне показались они голосами моих дочерей. Я подумал, что Ом-чу-гвут-он открыл место, куда они скрылись, и как-нибудь их обижал, потому что крики их изъявляли страдание. Но я не имел силы встать и итти к ним на помощь.

«На другой день, прежде десяти часов утра, услышал я по реке человеческие голоса и увидел лодку, наполненную белыми людьми, подобную той, которую видел во сне. Эти люди вышли на берег, не в дальнем расстоянии от места, где я лежал, и стали готовить завтрак. Я узнал лодку г. Стюарта, гудзонского купца, которого ждали около того времени. Полагая, что появление мое произведет над ними впечатление неприятное, я дождался конца их завтрака.

«Когда приготовились они к отплытию, я вошел в брод, дабы обратить на себя их внимание. Увидя меня, французы перестали грести, и все устремили на меня взор с видом сомнения и ужаса. Течение быстро их уносило, и зов мой, произнесенный на индийском языке, не производил никакого действия. Наконец я стал звать г. Стюарта по имени, и вспомнив несколько английских слов, умолял путешественников воротиться за мною. В одну минуту весла опустились, и лодка подъехала так близко, что я мог в нее войти.

«Никто не узнал меня, хотя гг. Стюарт и Грант были мне очень знакомы. Я был весь окровавлен, и вероятно страдания очень меня переменили. Меня осыпали вопросами. Вскоре узнали, кто я таков и что со мною случилось. Приготовили мне постелю в лодке. Я умолял купцов ехать за моими детьми в то направление, откуда слышались их крики, и боялся найти их умерщвленными. Но все розыскания были тщетны...

«Узнав об имени моего убийцы, купцы решились тотчас отправиться в деревню, где жил Ом-чу-гвут-он, и обещались убить его на месте, если успеют поймать. Меня спрятали на самое дно лодки. Когда причалили мы к хижинам, старик вышел к нам навстречу, спрашивая: «Что нового?» — Все хорошо — отвечал г. Стюарт — другой новости нет. — «Белые люди» — возразил старик — «никогда нам правды не скажут. Я знаю, что в той стране, откуда вы прибыли, есть новости. Один из наших молодых людей, Ом-чу-гвут-

lib.pushkinskijdom.ru

он, был там и сказывал, что Сокол (индийское прозвище Д. Теннера), который дней несколько тому назад проезжал здесь с женой и с детьми, всех их перерезал Но, кажется, Ом-чу-гвут-он сделал сам что-нибудь недоброе: он что-то, неспокоен, а увидя вас, бежал.»

«Гг. Стюарт и Грант стали однакожь искать Ом-чу-гвут-она по всем хижинам и, удостоверясь в его побеге, сказали старику. «Правда, он сделал недоброе дело; но тот, кого хотел он убить с нами; неизвестно, будет ли он еще жив....» Тогда показали меня индийцам, собравшимся на берегу.

«Здесь мы несколько времени отдыхали Осмотрели мои раны. Я удостоверился, что пуля, раздробив кость руки, вошла в бок близ ребра, и просил г Гранта вынуть ее; но ни он, ни г Стюарт на то не согласились Я принужден был сам начать операцию левою рукою Ланцет, данный мне г. Грантом, переломился Я взял перочинный ножичек, и тот переломился, потому что в этом месте мясо очень отвердело Наконец дали мне широкую бритву, и я вынул пулю; она была очень сплющена Оленья жила и другие снадобья остались в ране. Коль скоро увидел я, что пуля ниже ребр не опустилась, стал надеяться на выздоровление: но, имея причину полагать, что рана моя была отравлена ядом, предвидел медленное выздоровление.

«После того отправились мы в деревню, в которой старшиною был родной брат моего убийцы Тут г. Стюарт имел предосторожность спрятать меня опять Жители призваны были один за другим; им роздали табаку Но все розыскания опять остались тщетными. Наконец меня показали, и сказано было старшине, что мой убийца был его родной брат Он потупил голову и отказался отвечать на вопросы белых людей Но мы узнали от других индийцев, что жена моя с дочерьми останавливалась в этой деревне на пути своем к Дождевому озеру

«Мы тотчас туда отправились и нашли их задержанных в конторе. Подозрение тамошних купцов было возбуждено их беспокойством и ужасом, также и моим отсутствием. Коль скоро меня завидели, старуха убежала в лес; но купцы послали за нею погоню, ее поймали и привели

«Гг. Стюарт и Грант предоставили мне самому произвести приговор над женою, явно виновной в покушении на мою жизнь Они объявили ее преступление равным злодейству Ом-чу-гвут-она и достойным смерти или всякой другой казни Но я потребовал, чтоб ее только прогнали из конторы без запасов и запретили б туда являться. Она была мать моих детей: я не хотел чтоб она была повешена или забита до смерти (как предлагали мне купцы); но вид ее становился мне несносен: по просьбе моей, ее прогнали без наказания.

«Дочери сказали, что в ту минуту, как упал я без чувств на камень, они, почитая меня мертвым и повинуясь приказанию матери, пустились в обратный путь и предались бегству В некотором расстоянии от островка, где я лежал, старуха причалила к кустарнику, спрятала там мое платье и после долгого перехода скрылась в лесу; но потом, размыслив, что лучше бы сделала, если б присвоила себе мою собственность, воротилась. Тогда-то услышал я крики дочерей, сопровождавших старуху, которая подбирала мое платье на берегу....»

Ныне Джон Теннер живет между образованными своими соотечественниками Он в тяжбе с своею мачехою о нескольких неграх, оставленных ему по наследству. Он очень выгодно продал свои любопытные «Записки»; и на днях будет вероятно членом *Общества Воздержности.*[1] Словом, есть надежда, что Теннер современем сделается настоящим *yankee*[2] <янки>, с чем и поздравляем его от искреннего сердца. The Reviewer.[3]

[1] Общество, коего цель — истребление пьянства. Члены обязываются не употреблять и не покупать никаких крепких напитков Изд<*ателъ*>. <Примеч. Пушкина>

[2] Прозвище, данное американцам; смысл его нам неизвестен. Изд<*ателъ*> <Примеч. Пушкина>.

[3] «Обозреватель». Так подписался Пушкин. *Ред.*

lib.pushkinskijdom.ru

<О МИЛЬТОНЕ И ШАТОБРИАНОВОМ ПЕРЕВОДЕ «ПОТЕРЯННОГО РАЯ»>

Долгое время французы пренебрегали словесностию своих соседей. Уверенные в своем превосходстве над всем человечеством, они ценили славных писателей иностранных относительно меры, как отдалились они от французских привычек и правил, установленных французскими критиками, <и> никогда не дерзали быть верными своим подлинникам; они тщательно их преобразовывали.

В переводных книгах, изданных в прошлом столетии, нельзя прочесть ни одного предисловия, где бы не находилась неизбежная фраза: мы думали угодить публике и с тем вместе оказать услугу и нашему автору. <Переводчик> полагал оказать публике и самому автору услугу, исключив из его книги места, которые могли бы оскорбить вкус образованного французского читателя. Странно, когда подумаешь, кто, кого и перед <кем> извинял таким образом! И вот к чему ведет невежественная страсть к народности!.. Наконец критика спохватилась. Стали подозревать что г. Летурнеры могли ошибочно судить о Шекспире, и не совсем благоразумно поступили, переправляя на свой лад Гамлета, Ромео и Лира. От переводчиков стали требовать более верности, а менее щекотливости и усердия к публике — пожелали видеть Данте, Шекспира и Сервантеса в их собственном виде, в их народной одежде — и [с их] природными недостатками. Даже мнение, утвержденное веками и принятое всеми, что переводчик должен стараться передавать дух, а не букву, нашло противников и искусные опровержения. —

Ныне (пример неслыханный!) первый из французских писателей переводит Мильтона *слово в слово* и объявляет, что подстрочный перевод был бы верхом его искусства, еслиб только оный был возможен! — Таковое смирение во французском писателе, первом мастере своего дела, должно было сильно изумить поборников *исправительных переводов* и вероятно будет иметь большое влияние на словесность.

Изо всех иноземных великих писателей Мильтон был всех несчастнее во Франции. Не говорим о жалких переводах в прозе, в которых он был безвинно оклеветан, не говорим о переводе в стихах аббата Делиля, который ужасно поправил его грубые недостатки и украсил его без милосердия; но как-же выводили его собственное лицо в трагедиях и в романах писатели новейшей романтической школы? Что сделал из него г. Альфред де Виньи, которого французские критики, без церемонии, поставили на одной доске с Вальтером Скоттом? Как выставил <его> Виктор Юго, другой любимец парижской публики? Может быть, читатели забыли и St. Mars, и Кромвеля — и потому не могут судить о нелепости вымыслов Виктора Юго — Выведем того и другого на суд всякого знающего и благомыслящего человека.

lib.pushkinskijdom.ru

Начнем с трагедии — одного из самых нелепых произведений человека, впрочем одаренного талантом.[1]

Мы не станем следовать за спотыкливым ходом этой драммы скучной и чудовищной; мы хотим только показать нашим читателям, в каком виде в ней представлен Мильтон, еще неизвестный поэт, но политический писатель, уже славный в Европе своим горьким и заносчивым красноречием.

Кромвель во дворце своем беседует с лордом Рочестером, переодетым в методиста, и с четырьмя шутами. Тут-же находится Мильтон со своим вожатым (лицом довольно не нужным, ибо Мильтон ослеп уже гораздо после). Протектор говорит Рочестеру:

Так как мы теперь одни, то я хочу посмеяться: представлю вам моих шутов. Когда мы находимся в веселом духе, тогда они бывают очень забавны. Мы все пишем стихи, даже и мой старый Мильтон.

Мильтон (с досадою).

Старый Мильтон! Извините, милорд: я девятью годами моложе вас.

Кромвель.

Как угодно.

Мильтон.

Вы родились в 99, а я в 608.

Кромвель.

Какое свежее воспоминание!

Мильтон (с живостию).

Вы бы могли обходиться со мною учтивее: я сын нотариуса, городового альдермана.

Кромвель.

Ну, не сердись — я знаю, что ты великий феолог и даже хороший стихотворец, хотя пониже Вайверса и Дона.

Мильтон (говоря сам про себя).

Пониже! как это слово жестоко! Но погодим. Увидят, отказало-ли мне небо в своих дарах. Потомство мне судия. Оно поймет мою Еву, падающую в адскую ночь, как сладкое сновидение; Адама преступного и доброго, и Неукротимого духа, царствующего также над одною вечностию, высокого в своем

[1] Зачеркнуто: Драма *Кромвель* была первым опытом романтизма на сцене Парижского театра. Виктор Юго почел нужным сразу уничтожить все законы все предания французской драмы, царствовавшие из за классических кулис Единство места и времени, величавое однообразие слога, стихосложение Расина и Буало — всё было им ниспровергнуто: однако справедливость требует заметить, что В Юго не коснулся единства действия; в его трагедии нет никакого действия, и того менее занимательности.

lib.pushkinskijdom.ru

отчаянии, глубокого в безумии, исходящего из огненного озера, которое бьет он огромным своим крылом! Ибо пламенный гений во мне работает. Я обдумываю, *молча*, странное намерение. Я живу в мысли моей, и ею Мильтон утешен: так, я хочу в свою очередь создать свой мир между адом, землею и небом.

Лорд Рочестер (про себя).

Что он там городит?

Один из шутов.

Смешной мечтатель!

Кромвель (пожимая плечами).

Твой *Иконокласт* очень хорошая книга, но твой черт, Левиафан..... *(смеясь)* очень плох...

Мильтон (сквозь зубы, с негодованием).

И Кромвель смеется над моим Сатаною!

Рочестер (подходит к нему).

Г. Мильтон!

Мильтон (не слыша его и обратясь к Кромвелю).

Он это говорит из зависти.

Рочестер (Мильтону, который слушает его с рассеянностию).

По чести вы не понимаете поэзию. Вы умны, но у вас недостает вкуса. Послушайте: французы учители наши во всем. Изучайте Ракана, читайте его пастушеские стихотворения. Пусть Аминта и Тирсис гуляют у вас по лугам; пусть она ведет за собою барашка на голубой ленточке. Но Ева, Адам, ад, огненное озеро! Сатана голый, с опаленными крыльями! Другое дело: кабы вы его прикрыли щегольским платьем; кабы вы дали ему огромный парик и шлем с золотою шишкою, розовый камзол, и мантию флорентинскую, как недавно видел я во французской опере Солнце в праздничном кафтане.

Мильтон (удивленный).

Это что за пустословие?

Рочестер (кусая губы).

Опять я забылся! — Я сударь, шутил.

Мильтон.

Очень глупая шутка!

Далее Мильтон утверждает, что править государством безделица; то-ли дело писать латинские стихи. Немного времени

lib.pushkinskijdom.ru

спустя Мильтон бросается в ноги Кромвелю, умоляя его не домогаться престола, на что протектор отвечает ему: г. Мильтон, государственный секретарь, ты пиит, ты в лирическом восторге забыл, кто я таков и проч. —

В сцене, не имеющей ни исторической истины, ни драматического правдоподобия, в бессмысленной пародии церемониала, наблюдаемого при коронации английских королей, Мильтон и один из придворных шутов играют главную роль. Мильтон проповедует республику, шут подымает перчатку королевского рыцаря...

Вот каким жалким безумцем, каким ничтожным пустомелей выведен Мильтон, человеком, который вероятно сам не ведал, что творил, оскорбляя великую тень! В течение всей трагедии, кроме насмешек и ругательства ничего иного Мильтон не слышит; правда и то, что и сам он, во все время, ни разу не вымолвит дельного слова. Это старый, которого все презирают, и на которого никто не обращает никакого внимания.

Нет, г. Юго! Не таков был Джон Мильтон, друг и сподвижник Кромвеля, суровый фанатик, строгий творец Иконокласта и книги: Defensio populi! [1] Не таким языком изъяснялся бы с Кромвелем тот, который написал ему свой славный пророческий сонет Cromwell, our chief, etc! [2]

Не мог быть посмешищем развратного Рочестера и придворных шутов тот, кто *в злые дни, жертва злых языков,* в бедности, в гонении и в слепоте сохранил непреклонность души и продиктовал Потерянный Рай.

Если г. Юго, будучи сам поэт (хотя и второстепенный), так худо понял поэта Мильтона, то всяк легко себе вообразит, что под его пером стало из лица Кромвеля, с которым не имел он уж ровно никакого сочувствия! Но это не касается до нашего предмета. От неровного, грубого, Виктора Юго и его уродливых драм перейдем к чопорному, манерному графу Виньи и к его облизанному роману.

Альфред де Виньи в своем Сен-Марсе также выводит перед нами Мильтона и вот в каких обстоятельствах:

У славной Марии Делорм, любовницы кардинала Ришелье, собирается общество придворных и ученых. Скюдери толкует им свою аллегорическую карту любви. Гости в восхищении от крепости *Красоты,* стоящей на реке *Гордости,* от деревни *Записочек,* от гавани *Равнодушия* и проч., и проч. Все осыпают г-на Скюдери напыщенными похвалами, кроме Мольера Корнеля и Декарта которые тут-же находятся. Вдруг хозяйка представляет обществу молодого, путешествующего англичанина, по имени Джона Мильтона, и заставляет его читать гостям отрывки из Потерянного Рая. Хорошо: да как-же французы, не зная английского языка, поймут мильтоновы стихи? Очень просто: места,

[1] Защита народа.
[2] Кромвель, наш вождь, и проч.

lib.pushkinskijdom.ru

которые он будет читать, переведены на французский язык, переписаны на особых листочках, и списки розданы гостям. Мильтон будет декламировать, а гости следовать за ним. Да зачем-же ему беспокоиться, если уже стихи переведены? Стало быть Мильтон великий декламатор, — или звуки английского языка чрезвычайно как любопытны? А какое дело графу де Виньи до всех этих нелепых несообразностей? Ему надобно, чтоб Мильтон читал в парижском обществе свой Потерянный Рай и чтоб французские умники над ним посмеялись и не поняли духа великого поэта (разумеется, кроме Мольера, Корнеля и Декарта), и из этого выдет следующая ефектная сцена.

«Хозяйка взяла листы и раздала их гостям. Все уселись и замолчали. Не скоро уговорили молодого иностранца начать чтение и отойти от окна, где он, казалось, с большим удовольствием разговаривал с Корнелем. Наконец он подошел к креслам, стоявшим у стола: он, казалось, был слабого здоровья и, можно сказать, упал, а не сел в них. Он облокотился на стол и закрыл рукою глаза свои, большие и выразительные, но полузакрытые и покрасневшие от бдений и слез. Он читал стихи свои наизуст, недоверчивые его слушатели смотрели на него с видом высокомерным, или по крайней мере, покровительственным; другие с рассеянным видом просматривали перевод стихов его.

«Голос его, сначала глухой, постепенно очищался; скоро поэтическое вдохновение исхитило его из него самого, и взгляд его, возведенный к небу, сделался высоким, как взгляд рафаелева евангелиста, ибо свет еще отражался в нем. Он повествовал в стихах своих о первом грехопадении человека и призывал святого духа, который предпочитает всем храмам сердце чистое и бесхитростное, который все ведает и присутствовал при рождении времени.

«Это начало принято было с глубоким молчанием, а последняя мысль с легким ропотом. Он ничего не слыхал, видел все сквозь какое-то облако, — он был в мире, им созданном, и продолжал.

«Он повествовал о духе адском, прикованном в пламени мстительном цепями диамантовыми; о времени, девять раз наделившем смертных днями и ночами в продолжение его падения; о зримой тьме вечных темниц и пламенеющем океане, в котором плавали падшие ангелы; гремящий его голос начал речь князя демонов: Ты-ли, говорил он, ты-ли тот, сиявший в ослепительном блеске блаженных селений света! О! как ниспал ты! Теки со мною.... Что нам до поля нашей небесной битвы? Ужели все для нас погибло? Мы всё сохранили, и волю непреклонную, и дух мести ненасытимой, и ненависть бесконечную, и мужество непреодолимое, ужели это не победа?

«Тут слуга громким голосом возвестил о прибытии гг. Монтрезора и д'Антрэг. Они раскланялись, поговорили, передвигали все кресла и наконец уселись. Слушатели воспользовались этим, чтобы начать множество частных разговоров; в них слышались только хулы и упреки в безвкусии; некоторые умные, но слишком

lib.pushkinskijdom.ru

привязанные к старине люди, вскричали, что они этого не понимают, что это выше их разумения (не думая, чтобы говорили правду), и этим ложным смирением привлекали себе похвалу, а поэту охуждение: выгода двойная. Иные говорили даже, что это поругание святыни.

«Прерванный поэт закрыл лицо руками и облокотился на стол, чтобы не слышать всего этого шума похвал и критик. Только три человека подошли к нему: то были какой-то офицер, Покелень и Корнель; сей последний сказал Мильтону на ухо:

— Советую вам переменить ваши картины; та, которую вы нам изобразили, слишком высока для ваших слушателей». [1]

Мильтон, несмотря на то, что назначенные для чтения места переведены и что он должен читать их по порядку, ищет в памяти своей то, что по его мнению более произведет действия на слушателей, не заботясь о том, поймут-ли его или нет. Но посредством какого-то чуда (неизъясненного г-м де Виньи) все его понимают. Дебарро находит его приторным; Скюдери—скучным и холодным. Мария Делорм очень тронута описанием Адама в первобытном его состоянии. Мольер, Корнель и Декарт осыпают его комплиментами etc., etc.

Или мы очень ошибаемся, или Мильтон, проезжая через Париж, не стал бы показывать себя, как заезжий фигляр, и в доме непотребной женщины забавлять общество чтением стихов, писанных на языке, неизвестном никому из присутствующих, жеманясь и рисуясь, то *закрывая* глаза, то *возводя их в потолок*. — Разговоры его с Дету, с Корнелем и Декартом не были бы пошлым и изысканным пустословием; а в обществе играл бы он роль, ему приличную, скромную роль благородного и хорошо воспитанного молодого человека.

После удивительных вымыслов В. Юго и графа де Виньи, хотите ли видеть картину, просто набросанную другим живописцем? Прочтите в *Вудстоке* встречу одного из действующих лиц с Мильтоном в кабинете Кромвеля: — — [2].

Французский романист конечно не довольствовался бы таким незначащим и естественным изображением. У него Мильтон, занятый государственными делами, непременно терялся бы в пиитических мечтаниях и на полях какого-нибудь отчета намарал бы несколько стихов из Потерянного Рая; Кромвель бы это подметил, разбранил бы своего секретаря, назвал бы его стихоплетом и врагом, etc., а из того бы вышел *ефект*, о котором бедный В. Скотт и не подумал! —

Перевод, изданный Шатобрияном, заглаживает до некоторой степени прегрешения молодых французских писателей, так невинно, но так жестоко оскорбивших великую тень. Мы сказали уже, что Шатобриян переводил Мильтона почти слово в слово, так близко, как только то мог позволить синтаксис французского

[1] Пушкин цитировал «Сен Марс» А. де Виньи по переводу А. И. Очкина, изд. 2. СПБ, 1835. ч. III, стр. 188—191. *Ред.*

[2] Оставлено место для цитаты из Вальтер Скотта. *Ред.*

libpushkinskijdom.ru

языка: труд тяжелый и неблагодарный, незаметный для большинства читателей и который может быть оценен двумя, тремя знатоками!

Но удачен ли новый перевод? Шатобриян нашел в Низаре критика неумолимого. Низар в статье, исполненной тонкой сметливости, сильно напал и на способ перевода, избранный Шатобияном, и на самый перевод. Нет сомнения, что, стараясь передать Мильтона *слово в слово*, Шатобриян, однако, не мог соблюсти в своем преложении верности смысла и выражения. Подстрочный перевод никогда не может быть верен. Каждый язык имеет свои обороты, свои условленные риторические фигуры, свои усвоенные выражения, которые не могут быть переведены на другой язык соответствующими словами. Возьмем первые фразы: Comment vous portez vous; How do you do. Попробуйте перевести их слово в слово на руский язык.[1]

Если уже русский язык, столь гибкий и мощный в своих оборотах и средствах, столь переимчивый и общежительный в своих отношениях к чужим языкам, не способен к переводу подстрочному, к преложению слово в слово, то каким образом язык французский, столь осторожный в своих привычках, столь пристрастный к своим преданиям, столь неприязненный к языкам, даже ему единоплеменным, выдержит таковой опыт, особенно в борьбе с языком Мильтона, сего поэта, всё вместе и изысканного и простодушного, темного, запутанного, выразительного, своенравного, и смелого даже до бессмыслия?

Перевод Потерянного Рая есть торговая спекуляция. Первый из современных французских писателей, учитель всего пишущего поколения, бывший некогда первым министром, несколько раз посланником, Шатобриян на старости лет перевел Мильтона *для куска хлеба*. Каково бы ни было исполнение труда, им предпринятого, но самый сей труд и цель оного делают честь знаменитому старцу. Тот, кто, поторговавшись немного с самим собою, мог спокойно пользоваться щедротами нового правительства, властию, почестями и богатством, предпочел им честную бедность. Уклонившись от палаты перов, где долго раздавался красноречивый его голос, Шатобриян приходит в книжную лавку с продажной рукописью, но с неподкупной совестию. После этого что скажет критика? Станет-ли она строгостию оценки смущать благородного труженика и подобно скупому покупщику хулить его товар? Но Шатобриян не имеет нужды в снисхождении: к своему переводу присовокупил он два тома, столь же блестящие, как и все прежние его произведения, и критика может оказаться строгою к их недостаткам столько, сколько ей будет угодно: несомненные красоты, страницы, достойные лучших вре-

[1] Кстати, недавно (в Телескопе кажется) кто-то, критикуя перевод, хотел вероятно блеснуть знанием италиянского языка и пенял переводчику, зачем он пропустил в своем переводе выражение *battars/ la guancia* — бить себя по щекам. — *Battars la guancia* значит *раскаяться;* перевести иначе не имело бы никакого смысла. <Примеч. Пушкина.>

lib.pushkinskijdom.ru

мен великого писателя, спасут его книгу от пренебрежения читателей, несмотря на все ее недостатки.

Английские критики строго осудили *Опыт об Английской литературе*. Они нашли его слишком поверхностным, слишком недостаточным; поверив заглавию, они от Шатобрияна требовали ученой критики и совершенного знания предметов, близко знакомых им самим; но совсем не того должно было искать в сем блестящем обозрении. В ученой критике Шатобриян не тверд, робок, и сам не свой; он говорит о писателях, которых не читал; судит о них вскользь и по наслышке и кое-как отделывается от скучной должности библиографа; но поминутно из под пера его вылетают вдохновенные страницы; он поминутно забывает критические изыскания и на свободе развивает свои мысли о великих исторических эпохах, которые сближает с теми, коим сам он был свидетель. Много искренности, много сердечного красноречия, много простодушия (иногда детского, но всегда привлекательного) в сих отрывках, чуждых истории английской литературы, но которые и составляют истинное достоинство *Опыта*.

<Отрывки «Опыта об английской литературе» Шатобрияна в переводе Пушкина>.

<1.>

Порядок общественный, вне порядка политического, составлен из религии, умственной деятельности и промышленности материяльной. Во всяком народе, во время величайших бедствий и важнейших событий, священник молится, стихотворец поет, ученый мыслит, живописец, ваятель, зодчий творят и зиждут, ремесленник работает. Смотря только на них, вы видите мир настоящий, истинный, неподвижный, основание человечества, однако, повидимому, чуждый обществу политическому. Но священник в своей молитве, поэт, художник, ученый в своих творениях, ремесленник в своем труде открывают от времени до времени, в какую эпоху они живут, в них отзываются удары событий, от которых сильнее и обильнее текли их жалобы, их пот и даже вдохновение.....

<2.>

Средние века представляют картину странную и которая кажется произведением мощного, но расстроенного воображения. В древности каждый народ исходит, так сказать, из собственного своего источника. Некий первобытный дух проникает во всё и во всем отзывается. Нравы и гражданские установления делаются однородными. Общество в средних веках было составлено из обломков тысячи других обществ. Римская цивилизация и паганизм в нем оставили свои следы, христианская религия несла ему свое учение и торжества, франки, готфы, бургундцы сохраняли обычаи и нравы, свойственные их племенам. Все роды собственности и законов были перемешаны между собою.... Р

lib.pushkinskijdom.ru

формы свободы и рабства сталкивались между собою: монархическая свобода короля, аристократическая свобода благородно-рожденного, личная свобода священника, общая свобода волостей, исключительная свобода городов, судилищ, сословий ремесленных и купечества, представительная свобода народа, рабство римское, повинность варварских племен, крепость приземельная. Отселе явления, несообразные ни с чем, обычаи, один другому противуречащие, а связанные только узами религии. Кажется, будто народы разные, не имеющие между собою никакого сношения, согласились жить под одною властию, около единого алтаря.

1837

ПОСЛЕДНИЙ ИЗ СВОЙСТВЕННИКОВ ИОАННЫ Д'АРК.[1]

В Лондоне, в прошлом 1836 году, умер некто Г. Дюлис (Jean-François-Philippe Dulys), потомок родного брата Иоанны д'Арк, славной Орлеанской Девственницы. Г. Дюлис переселился в Англию в начале французской революции; он был женат на англичанке и не оставил по себе детей. По своей духовной назначил он по себе наследником родственника жены своей, Джемса Белли, книгопродавца Эдимбургского. Между его бумагами найдены подлинные грамоты королей Карла VII, Генриха III и Людовика XIII, подтверждающие дворянство роду господ д'Арк Дюлис (d'Arc Dulys). Все сии грамоты проданы были с публичного торгу, за весьма дорогую цену, также как и любопытный автограф: письмо Вольтера к отцу покойного господина Дюлиса.

Повидимому Дюлис-отец был добрый дворянин, мало занимавшийся литературою. Однакож около 1767-го года дошло до него, что некто Mr. de Voltaire издал какое-то сочинение об Орлеанской героине. Книга продавалась очень дорого. Г. Дюлис решился однакож ее купить, полагая найти в ней достоверную историю славной своей прабабки. Он был изумлен самым неприятным образом, когда получил маленькую книжку in 18, напечатанную в Голландии и украшенную удивительными картинками. В первом пылу негодования написал он Вольтеру следующее письмо, с коего копия найдена также между бумагами покойника. (Письмо сие так же, как и ответ Вольтера, напечатано в журнале *Morning Chronicle*).

Милостивый Государь,

Недавно имел я случай приобрести за шесть луи д'оров, написанную вами историю осады Орлеана в 1429 году. Это сочи-

[1] «Документы», на которых основана эта статья, равно как и самый эпизод столкновения Вольтера с Дюлисом, вымышлены и стилизованы самим Пушкиным. *Ред.*

lib.pushkinskijdom.ru

нение преисполнено не только грубых ошибок, непростительных для человека, знающего сколько-нибудь историю Франции, но еще и нелепою клеветою касательно короля Карла VII, Иоанны д'Арк, по прозванию Орлеанской девственницы, Агнессы Сорель, господ Латримулья, Лагира, Бодрикура и других благородных и знатных особ Из приложенных копий с достоверных грамот, которые хранятся у меня в замке моем (Tournebu, baillage de Chaumont en Tourraine), вы ясно увидите, что Иоанна д'Арк была родная сестра Луке д'Арк дю Ферону (Lucas d'Arc, seigneur du Feron), от коего происхожу по прямой линии. А по сему, не только я полагаю себя в праве, но даже и ставлю себе в непременную обязанность требовать от вас удовлетворения за дерзкие, злостные и лживые показания, которые вы себе дозволили напечатать касательно вышеупомянутой девственницы. И так прошу вас, милостивый государь, дать мне знать о месте и времени, так-же и об оружии, вами избираемом для немедленного окончания сего дела.

Честь имею и проч.

Не смотря на смешную сторону этого дела, Вольтер принял его не в шутку. Он испугался шуму, который мог бы из того произойти, а может быть и шпаги щекотливого дворянина, и тотчас прислал следующий ответ.

22 мая 1767.

Милостивый Государь

Письмо, которым вы меня удостоили, застало меня в постели, с которой не схожу вот уже около осьми месяцев. Кажется, вы не изволите знать, что я бедный старик удрученный болезнями и горестями, а не один из тех храбрых рыцарей, от которых вы произошли. Могу вас уверить, что я никаким образом не участвовал в составлении глупой рифмованной хроники (l'impertinante chronique rimée), о которой изволите мне писать. Европа наводнена печатными глупостями, которые публика великодушно мне приписывает. Лет сорок тому назад случилось мне напечатать поэму под заглавием Генрияда Исчисляя в ней героев, прославивших Францию, взял я на себя смелость обратиться к знаменитой вашей родственнице (votre illustre cousine) с следующими словами:

— Et toi, brave Amazone
La honte des Anglois et le soutien du trône.[1]

Вот единственное место в моих сочинениях, где упомянуто о бессмертной героини, которая спасла Францию. Жалею, что я не посвятил слабого своего таланта на прославление божиих

[1] А ты, храбрая амазонка
Позор англичанам и опора трона.

lib.pushkinskijdom.ru

чудес, вместо того, чтобы трудиться для удовольствия публики бессмысленной и не благодарной

Честь имею быть
Милостивый Государь,
Вашим покорнейшим слугою
Voltaire,
gentilhomme de chambre du Roy.[1]

Английский журналист по поводу напечатания сей переписки делает следующие замечания.

«Судьба Иоанны д'Арк в отношении <к> ее отечеству по истине достойна изумления: мы конечно должны разделить с французами стыд ее суда и казни. Но варварство англичан может еще быть извинено предрассудками века, ожесточением оскорбленной народной гордости, которая искренно приписала действию нечистой силы подвиги юной пастушки. Спрашивается, чем извинить малодушную неблагодарность французов? Конечно не страхом диявола, которого исстари они не боялись. По крайней мере мы хоть что-нибудь да сделали для памяти славной девы; наш лауреат посвятил ей первые девственные порывы своего (еще не купленного) вдохновения. Англия дала пристанище последнему из ее сродников. Как-же Франция постаралась загладить кровавое пятно, замаравшее самую меланхолическую страницу ее хроники? Правда, дворянство дано было родственникам Иоанны д'Арк; но их потомство пресмыкалось в неизвестности. Ни одного д'Арка или Дюлиса не видно при дворе французских королей от Карла VII до самого Карла X-го. Новейшая история не представляет предмета более трогательного, более поэтического жизни и смерти Орлеанской героини; что-же сделал из того Вольтер, сей достойный представитель своего народа? Раз в жизни случилось ему быть истинно поэтом, и вот на что употребляет он вдохновение! Он сатаническим дыханием раздувает искры, тлевшие в пепле мученического костра, и как пьяный дикарь пляшет около своего потешного огня. Он как римский палач присовокупляет поругание к смертным мучениям девы. Поэма лауреата не стоит конечно поэмы Вольтера в отношении силы вымысла, но творение Соуте есть подвиг честного человека и плод благородного восторга. Заметим, что Вольтер, окруженный во Франции врагами и завистниками, на каждом своем шагу подвергавшийся самым ядовитым порицаниям, почти не нашел обвинителей, когда явилась его преступная поэма. Самые ожесточенные враги его были обезоружены. Все с восторгом приняли книгу, в которой презрение ко всему, что почитается священным для человека и гражданина, доведено до последней степени кинизма. Никто не вздумал заступиться за честь своего отечества, и вызов доброго и честного Дюлиса, если бы стал

[1] Вольтер, дворянин из стольничьей службы короля.

lib.pushkinskijdom.ru

тогда известен, возбудил бы неистощимый хохот не только в философических гостинных барона д'Ольбаха и M-me Jeoffrin, но и в старинных залах потомков Лагира и Латримулья. «Жалкий век! Жалкий народ!»

<РЕДАКЦИОННЫЕ ПРЕДИСЛОВИЯ, ПОСЛЕСЛОВИЯ, ПОЛЕМИЧЕСКИЕ И ИНФОРМАЦИОННЫЕ ЗАМЕТКИ В «СОВРЕМЕННИКЕ».>

<ПОСЛЕСЛОВИЕ К «ДОЛИНЕ АЖИТУГАЙ».>

Вот явление, неожиданное в нашей литературе! Сын полудикого Кавказа становится в ряды наших писателей; черкес изъясняется на русском языке свободно, сильно и живописно. Мы ни одного слова не хотели переменить в предлагаемом отрывке; любопытно видеть, как Султан Газы-Гирей (потомок крымских Гиреев), видевший вблизи роскошную образованность, остался верен привычкам и преданиям наследственным, как русской офицер помнит чувства ненависти к России, волновавшие его отроческое сердце; как наконец магометанин с глубокой думою смотрит на крест, *эту хоругвь Европы и просвещения.* [1]

Издатель.

ЗАПИСКИ Н. А. ДУРОВОЙ. ИЗДАВАЕМЫЕ А. ПУШКИНЫМ.

Modo vir, modo foemina.
Ovidius. [2]

В 1808 году молодой мальчик, по имени Александров, вступил рядовым в Конно-Польский Уланский полк, отличился, получил за храбрость солдатский георгиевский крест, и в том же году произведен был в офицеры в Мариупольский Гусарский полк. В последствии перешел он в Литовский Уланский и продолжал свою службу столь же ревностно, как и начал.

Повидимому все это в порядке вещей и довольно обыкновенно; однакож это самое наделало много шуму, породило много толков и произвело сильное впечатление от одного нечаянно открывшегося обстоятельства: корнет Александров был девица Надежда Дурова.

Какие причины заставили молодую девушку, хорошей дворянской фамилии, оставить отеческий дом, отречься от своего пола, принять на себя труды и обязанности, которые пугают и мужчин, и явиться на поле сражений — и каких еще? Наполеоновских! Что побудило ее? Тайные, семейные огорчения? Воспаленное воображение? Врожденная, неукротимая склонность? Любовь?... Вот вопросы, ныне забытые, но которые в то время сильно занимали общество.

---

[1] Цитата из «Долины Ажитугай».
[2] То муж, то женщина. Овидий. *Ред.*

lib.pushkinskijdom.ru

Ныне Н. А. Дурова сама разрешает свою тайну. Удостоенные ее доверенности, мы будем издателями ее любопытных записок. С неизъяснимым участием прочли мы признания женщины, столь необыкновенной; с изумлением увидели, что нежные пальчики, некогда сжимавшие окровавленную рукоять уланской сабли, владеют и пером быстрым, живописным и пламенным. Надежда Андреевна позволила нам украсить страницы *Современника* отрывками из журнала, веденного ею в 1812—13 году. С глубочайшей благодарностию спешим воспользоваться ее позволением.

Изд<атель>.

ОТ РЕДАКЦИИ.

I.

Для очистки совести нашей и для предупреждения всех возможных толков и недоразумений вольных и невольных, почитаем обязанностью сознаться, что напечатание в 1-й книжке журнала нашего *Хроники Русского в Париже* есть не что иное, как следствие нашей нескромности, что сии отрывки из дружеских писем, или, лучше сказать, домашнего журнала, никогда не были предназначены к печати, особенно в том виде, в каком они представлены публике. Глубокомыслие, остроумие, верность и тонкая наблюдательность, оргинальность и индивидуальность слога полного жизни и движения, которые везде пробиваются сквозь небрежность и беглость выражения, служат лучшим доказательством того, чего можно было бы ожидать от пера, писавшего таким образом *про себя*, когда следовало бы ему писать *про других*. Мы имели случай стороною подслушать этот apartе,[1] подсмотреть эти ежедневные, ежеминутные отметки, и поторопились, как водится ныне, в эпоху разоблачения всех тайн, поделиться удовольствием и свежими современными новинками с читателями «Современника». Можно было бы, и по некоторым отношениям следовало бы для порядка, дать этим разбросанным чертам стройное единство, облачить в литературную форму. Но мы предпочли сохранить в нем живой, теплый, внезапный отпечаток мыслей, чувств, впечатлений, городских вестей, булеварных, академических, салонных, кабинетных движений, — так сказать *стенографировать* эти горячие следы, эту лихорадку парижской жизни; впрочем, кажется, мы и не ошиблись в своем предпочтении. По всем отзывам образованных и просвещенных людей, Парижская хроника возбудила живейшее любопытство и внимание. Даже и тупые печатные замечания подтвердили нас в убеждении, что способ, нами избранный, едва ли не лучший. Вкус иных людей может служить всегда надежным и неизменным руководством: стоит только выворотить вкус их напзнанку. То,

[1] Разговор с самим собой.

lib.pushkinskijdom.ru

чего они оценить не могли, что показалось им неприличным, неуместным, то, без сомнения, имеет внутреннее многоценное достоинство, следовательно, не их имеем в виду в настоящем объяснении. Но мы желали только, по обязанности редакторской, приняв на себя всю ответственность за произвольное напечатание помянутых выписок, отклонить ее от того, который писал их, забывая, что есть книгопечатание на белом свете.

II.

Статья, присланная нам из Твери с подписью А. Б., не могла быть напечатана в сей книжке по недостатку времени.

Мы получили также статью Г. *Косичкина*. Но, к сожалению, и эта статья доставлена поздно, и мы, боясь замедлить выход этой книжки, отлагаем ее до следующей.

ПИСЬМО К ИЗДАТЕЛЮ.

Георгий Кониский, о котором напечатана статья в первом нумере «Современника», начинает свои пастырские поучения следующими замечательными словами:

«Первое слово к вам, благочестивые слушатели, Христовы люди, рассудил я сказать о себе самом... Должность моя, как вы сами видите, есть учительская: а учители добрые и нелукавые себе первее учат, нежели других, своему уху, яко ближайшему, наперед проповедуют, нежели чужим».

Приемля журнальный жезл, собираясь проповедовать истинную критику, весьма достохвально поступили бы вы, м. г., еслиб перед стадом своих подписчиков изложили предварительно свои мысли о должности критика и журналиста и принесли искреннее покаяние в слабостях, нераздельных с природою человека вообще и журналиста в особенности. По крайней мере, вы можете подать благой пример собратии вашей, поместив в своем журнале несколько искренних замечаний, которые пришли мне в голову по прочтении первого нумера «Современника».

Статья «О движении журнальной литературы», по справедливости, обратила на себя общее внимание. Вы в ней изложили остроумно, резко и прямодушно весьма много справедливых замечаний. Но признаюсь, она не соответствует тому, чего ожидали мы от направления, которое дано будет вами вашей критике. Прочитав со вниманием эту немного сбивчивую статью, всего яснее увидел я большое ожесточение противу г. Сенковского. По мнению вашему, вся наша словесность обращается около «Библиотеки для Чтения». Все другие повременные издания рассмотрены только в отношении к ней. «Северная Пчела» и «Сын Отечества» представлены каким-то сильным арьергардом, подкрепляющим «Библиотеку». «Московский Наблюдатель», по вашим словам, образовался только с тем намерением, чтоб воевать противу «Библиотеки». Он даже получил строгий выговор за то, что нападения его ограничились только двумя

lib.pushkinskijdom.ru

статейками; должно было, говорите вы, или не начинать вовсе, или, если начать, то уже не отставать. «Литературные Прибавления», «Телескоп» и «Молва» похвалены вами за их оппозиционное отношение к «Библиотеке». Признаюсь, это изумило тех, которые с нетерпением ожидали появления вашего журнала. Неужто, говорили они, цель «Современника» — следовать по пятам за «Библиотекою», нападая на нее в расплох, и вооруженной рукою отбивая от нее подписчиков? Надеюсь, что опасения сии лживы и что «Современник» изберет для себя круг действия более обширный и благородный...

Обвинения ваши касательно г. Сенковского ограничиваются следующими пунктами:

1. Г. Сенковский исключительно завладел отделением критики в журнале, издаваемом от имени книгопродавца Смирдина.
2. Г. Сенковский переправляет статьи, ему доставляемые для помещения в «Библиотеке».
3. Г. Сенковский в своих критических суждениях невсегда соблюдает тон важности и беспристрастия.
4. Г. Сенковский не употребляет местоимений *сей* и *оный*.
5. Г. Сенковский имеет около пяти тысяч подписчиков.

Первые два обвинительные пункта относятся к домашним, так сказать, распоряжениям книгопродавца Смирдина и до публики не касаются. Что же до важного тона критики, то не понимаю, как можно говорить не в шутку о некоторых произведениях Отечественной литературы. Публика требует отчета обо всем выходящем. Неужто журналисту надлежит наблюдать один и тот же тон в отношении ко всем книгам, им разбираемым? Разница — критиковать «Историю Государства Российского» и романы гг. *** и пр. Критик, стараясь быть всегда равно учтивым и важным, без сомнения погрешает противу приличия. В обществе вы локтем задеваете соседа, вы извиняетесь: очень хорошо; но гуляя под качелями, вы толкнули лавочника, и не скажете же ему: mille pardons [1]. Вы скажете: зачем ходить толкаться под качели? зачем упоминать о книгах, которые не стоят никакого внимания? Но если публика того требует непременно, зачем ей не угодить? Celà vous coutes peu et leur fait tout de plaisir! [2]—Да позвольте узнать: что значит и ваш разбор альманаха *Мое Новоселье*, который так счастливо сравнили вы с тощим котом, мяукающим на кровле опустелого дома? Сравнение очень забавно, но в нем не вижу я ничего важного. *Врачю! исцелился сам!* Признаюсь, некоторые из веселых разборов, попадающихся в «Библиотеке для Чтения», тешат меня несказанно, и мне было бы очень жаль, если бы критик предпочел хранить величественное молчание.

Шутки г. Сенковского на счет невинных местоимений *сей, сия, сие, оный, оная, оное* — ничто иное как шутки. Вольно же

---

[1] Тысяча извинений.
[2] Это стоит вам так мало и так много удовольствия дает им.

lib.pushkinskijdom.ru

было публике и даже некоторым писателям принять их за чистую монету. Может ли письменный язык быть совершенно подобным разговорному? Нет, также как разговорный язык никогда не может быть совершенно подобным письменному. Не одни местоимения *сей и оный*,[1] но и причастия вообще и множество слов необходимых обыкновенно избегаются в разговоре. Мы не говорим: карета скачущая по мосту, слуга метущий комнату; мы говорим: которая скачет, который метет, и пр.,—заменяя выразительную краткость причастия вялым оборотом. Из того еще не следует, что в русском языке причастие должно быть уничтожено. Чем богаче язык выражениями и оборотами, тем лучше для искусного писателя Письменный язык оживляется поминутно выражениями, рождающимися в разговоре. но не должен отрекаться от приобретенного им в течение веков. Писать единственно языком разговорным — значит не знать языка. — Но вы несправедливо сравнили гонение на *сей* и *оный* со введением i и v в орфографию русских слов и напрасно потревожили прах Тредьяковского, который никогда ни с кем не заводил споров об этих буквах Ученый профессор, желавший преобразить нашу орфографию, действовал сам от себя, без предварительного примера Замечу мимоходом, что орфография г. Каченовского не есть затруднительная новость, но давно существует в наших священных книгах. Всякий литератор, получивший классическое образование, обязан знать ее правила, даже и не следуя оным.

Что же касается до последнего пункта, т. е. до 5.000 подписчиков. то позвольте мне изъявить искреннее желание, чтоб на следующий год могли вы заслужить точно такое ж обвинение.

Признайтесь, что нападения ваши на г. Сенковского не весьма основательны Многие из его статей, пропущенных вами без внимания, достойны были занять место в лучших из европейских журналов В показаниях его касательно Востока мы должны верить ему, как люди непосвященные. Он издает «Библиотеку» с удивительной сметливостию, с аккуратностию, к которой не приучили нас г.г русские журналисты. Мы, смиренные провинциалы, благодарны ему — и за разнообразие статей, и за полноту книжек, и за свежие новости европейские и даже за отчет об литературной всячине. Желеем, что многие литераторы, уважаемые и любимые нами, отказались от соучастия в журнале г. Смирдина, и надеемся, что «Современник» пополнит нам сей недостаток; но желаем, чтоб оба журнала друг другу не старались вредить, а действовали каждый сам по себе для пользы общей и для удовольствия жадно читающей публики.

Обращаясь к «Северной Пчеле», вы упрекаете ее в том, что она без разбора помещала все в нее бросаемые известия, объявления и тому подобное. Но как же ей и делать иначе? «Север-

[1] Впрочем мы говорим: в сию минуту, сей час. по сию пору, и проч. <Примеч. Пушкина>.

lib.pushkinskijdom.ru

ная Пчела» газета, а доход газеты составляют именно объявления, известия и проч.. без разбора печатаемые Английские газеты, считающие у себя до 15.000 подписчиков, окупают издержки издания только печатанием объявлений. Не за объявления должно было укорять «Северную Пчелу», но за помещения скучных статей с подписью: Ф. Б., которые (несмотря на ваше пренебрежение ко вкусу бедных провинциалов) давно оценены у нас по достоинству Будьте уверены, что мы с крайней досадою видим, что г.г. журналисты думают нас занять нравоучительными статейками, исполненными самых детских мыслей и пошлых шуточек, которые достались «Северной Пчеле» вероятно по наследству от «Трудолюбивой Пчелы».

То, что вы говорите о «Прибавлениях к Инвалиду», вообще справедливо. Издатель оставил на полемическом поприще следы неизгладимые, и до сих пор подвизается на оном с неоспоримым успехом. Мы помним «Хамелеонистику», ряд статеек в своем роде классических. Но позвольте вам заметить, что вы хвалите г. Воейкова именно за то самое, за что негодуете на г. Сенковского: за шутливые разборы того, что не стоит быть разобрано не в шутку.

Жалею, что вы, говоря о «Телескопе», не упомянули о г Белинском. Он обличает талант, подающий большую надежду. Если бы с независимостию мнений и остроумием своим соединял он более учености, более начитанности, более уважения к преданию, более осмотрительности, — словом более зрелости, то мы бы имели в нем критика весьма замечательного.

Говоря о равнодушии журналистов к важным литературным событиям, вы указываете на смерть Вальтер-Скотта. Но смерть Вальтер-Скотта не есть событие литературное; о Вальтер-Скотте же и его романах впопад и не впопад было у нас говорено довольно.

Вы говорите, что в последнее время замечено было в публике равнодушие к поэзии и охота к романам, повестям и тому подобному. Но поэзия не всегда ли есть наслаждение малого числа избранных, между тем как повести и романы читаются всеми и везде? И где подметили вы это равнодушие? Скорее можно укорить наших поэтов в бездействии, нежели публику в охлаждении. Державин вышел в свет третьим изданием; слышно, готовится четвертое. На заглавном листе басен Крылова (изданных в прошлом году) выставлено: *тридцатая тысяча*. Новые поэты, Кукольник и Бенедиктов, приняты были с восторгом Кольцов обратил на себя общее благосклонное внимание... Где же тут равнодушие публики к поэзии?

Вы укоряете наших журналистов за то, что они не сказали нам: что такое был Вальтер-Скотт? Что такое нынешняя французская литература? Что такое наша публика? Что такое наши писатели?

В самом деле, вопросы весьма любопытные! Мы надеемся, что вы их разрешите в последствии и что избегнете в нашей критике

lib.pushkinskijdom.ru

недостатков, так строго и так справедливо вами осужденных в статье, которую в праве мы назвать программою вашего журнала.*

Тверь
23 апреля 1836.

А. Б.[1]

<ПРИМЕЧАНИЕ К ПОВЕСТИ «НОС»>

Н. В. Гоголь долго не соглашался на напечатание этой шутки; но мы нашли в ней так много неожиданного, фантастического, веселого, оригинального, что уговорили его позволить нам поделиться с публикою удовольствием, которое доставило нам его рукопись.

Издатель.

<ПРИМЕЧАНИЕ К СЛОВУ «БОГАДЕЛЬНЯ»>[2]

Слово это весьма неправильно составлено из двух слов, *бога деля* (для), и потому должно писать *богадельня*.

Издатель.

<ПРИМЕЧАНИЕ К ЗАПИСКЕ «О ДРЕВНЕЙ И НОВОЙ РОССИИ».>

Во втором № Современника (на 1836 год) уже упомянуто было о неизданном сочинении покойного Карамзина. Мы почитаем себя счастливыми, имея возможность представить нашим читателям, хотя отрывок из драгоценной рукописи. Они услышат, если не полную речь великого нашего соотечественника, то по крайней мере звуки его умолкнувшего голоса.

А. Пушкин.

ОТ РЕДАКЦИИ.

I.

Современник будет издаваться и в следующем 1837 году.

Каждые три месяца будет выходить по одному тому.

Цена за все четыре тома, составляющие годовое издание, 25 рублей асс., с пересылкою 30 рублей асс.

Подписка в С. П. Б. принимается во всех книжных лавках. Иногородные могут адресоваться в Газетную Экспедицию.

II.

Издатель «Современника» не печатал никакой программы своего журнала полагая, что слова: *литературный журнал* уже заключают в себе достаточное объяснение.

---

* С удовольствием помещая здесь письмо г. А. Б., нахожусь в необходимости дать моим читателям некоторые об'яснения. Статья *О движении журнальной литературы* напечатана в моем журнале, но из сего еще не следует, чтобы все мнения, в ней выраженные с такою юношескою живостию и прямодушием, были совершенно сходны с моими собственными. Во всяком случае, она не есть и не могла быть программою «Современника».

Издатель.

[1] Под этим псевдонимом укрылся сам Пушкин.

[2] В статье «Прогулка по Москве».

lib.pushkinskijdom.ru

Некоторые из журналистов почли нужным составить программу нового журнала. Один из них объявил, что «Современник» будет иметь целию — уронить «Библиотеку для Чтения», издаваемую г. Смирдиным; в «Северной же Пчеле» сказано, что «Современник», будет продолжением «Литературной Газеты», издаваемой некогда покойным бароном Дельвигом.

Издатель «Современника» принужден объявить, что он не имеет чести быть в сношении с г.г. журналистами, взявшими на себя труд составить за него программу и что он никогда им того не поручал. Отклоняя однакожь от себя цель, недостойную литератора и несправедливо ему приписанную в «Библиотеке для Чтения», он вполне признает справедливость объявления, напечатанного в «Северной Пчеле»: «Современник», по духу своей критики, по многим именам сотрудников, в нем участвующих, по неизменному образу мнения о предметах, подлежащих его суду, будет продолжением «Литературной Газеты».

III.

Обстоятельства не позволили издателю лично заняться печатанием первых двух нумеров своего журнала; вкрались некоторые ошибки, и одна довольно важная, происшедшая от недоразумения; публике дано обещание, которое издатель ни в каком случае не может и не намерен исполнить — сказано было в примечании к статье: *Новые Книги*, что книги, означенные звездочкою, будут современем разобраны. В списке вновь вышедшим книгам звездочкою означены были у издателя те, которые показались ему замечательными, или которые намерен он был прочитать; но он не предполагал отдавать о всех их отчет публике: многие не входят в область литературы, о других потребны сведения, которых он не приобрел.

IV.

В первом томе «Современника», в статье: *Новые Книги*, под параграфом, относящимся к *Вастоле*, поэме Виланда, изданной А. Пушкиным, ошибкою пропущена подпись издателя.

V.

Редакция «Современника» не может принять на себя обратного доставления присылаемых статей.

<ЗАМЕТКА О «СТАРИНЕ И НОВИЗНЕ»>.

От редакции.

Спешим уведомить публику, что в начале будущего 1837 года выйдет в свет: *Старина и Новизна, Исторический и Литературный Сборник*, изданный к. Вяземским.

В сей книге будут помещены многие любопытные материалы, относящиеся до истории нашей, извлеченные из бумаг графа

lib.pushkinskijdom.ru

Ивана Захаровича Чернышева, подаренных издателю сыном его графом Григорьем Ивановичем. Между прочими статьями упомянем о письмах и рескриптах царевича Алексея Петровича, Екатерины II, графа Чернышева, об анекдоте о принце Бироне и проч. и проч., почерпнутых из других достоверных источников. Будут еще письма Екатерины II к вице-адмиралу принцу Нассау-Зигену, отрывок из собственноручных записок графа Растопчина, воспоминание о графе Каподистрии и некоторых современных ему происшествиях. Литературное отделение будет также разнообразно и составлено из отрывков из собственноручных записок Ив Ив. Дмитриева, нескольких писем Карамзина, из повестей, разных стихотворений, писем о современной русской литературе, нескольких глав из биографических и литературных записок о фон-Визине и о временах его, известия о первых трех песнях «Потерянного Рая», с английского прозою на русский язык переведенных нашим поэтом Петровым и ненапечатанных в собрании творений его, и проч. и проч. В конце книги будут помещены разные снимки с рукописей, вошедших в состав Сборника.

1836

<РЕЦЕНЗИИ И ЗАМЕТКИ В «СОВРЕМЕННИКЕ» В ОТДЕЛЕ «НОВЫЕ КНИГИ»>.

ВАСТОЛА, ИЛИ ЖЕЛАНИЯ.

Повесть в стихах, сочинение Виланда, издал А. Пушкин. СП-бург, в тип. Д. Внеш. Торг., 1836, в 8, стр. 96.

В одном из наших журналов дано было почувствовать, что издатель Вастолы хотел присвоить себе чужое произведение, выставя свое имя на книге, им изданной.. Обвинение несправедливое: печатать чужие произведения, с согласия или по просьбе автора, до сих пор никому не воспрещалось. Это называется *издавать;* слово ясно; по крайней мере до сих пор другого не придумано.

В том же журнале сказано было, что «Вастола переведена каким-то бедным литератором, что А. С. П. только дал ему на прокат свое имя, и что лучше бы сделал, дав ему из своего кармана тысячу рублей».

Переводчик Виландовой поэмы, гражданин и литератор заслуженный, почтенный отец семейства, не мог ожидать нападения столь жестокого. Он человек небогатый, но честный и благородный. Он мог поручить другому приятный труд издать свою поэму, но конечно бы не принял милостыни, от кого-бы то ни было.

После такового объяснения не можем решиться здесь наименовать настоящего переводчика. [1] Жалеем, что искреннее желание ему услужить могло подать повод к намекам, столь оскорбительным.

---

[1] Переводчиком «Вастолы» был Е. П. Люценко. *Ред.*

lib.pushkinskijdom.ru

ВЕЧЕРА НА ХУТОРЕ БЛИЗ ДИКАНЬКИ.

Повести, изданные Пасичником Рудым Панько́м. Издание второе. Две части, в 8 д. л., XIV, 203 и X, 233, в тип. Д. Внешн. Торговли.

Читатели наши конечно помнят впечатление, произведенное над ними появлением «Вечеров на хуторе»: все обрадовались этому живому описанию племени поющего и пляшущего, этим свежим картинам малороссийской природы, этой веселости, простодушной и вместе лукавой. Как изумились мы русской книге, которая заставляла нас смеяться, мы, не смеявшиеся со времен Фонвизина! Мы так были благодарны молодому автору, что охотно простили ему неровность и неправильность его слога, бессвязность и неправдоподобие некоторых рассказов, предоставя сии недостатки на поживу критики. Автор оправдал таковое снисхождение. Он с тех пор непрестанно развивался и совершенствовался. Он издал Арабески, где находится его Невский проспект, самое полное из его произведений. Вслед за тем явился Миргород, где с жадностию все прочли и Старосветских помещиков, эту шутливую, трогательную идиллию, которая заставляет вас смеяться сквозь слезы грусти и умиления, и Тараса Бульбу, коего начало достойно Вальтер-Скотта. Г. Гоголь идет еще вперед. Желаем и надеемся иметь часто случай говорить о нем в нашем журнале. *

ОБ ОБЯЗАННОСТЯХ ЧЕЛОВЕКА. СОЧИНЕНИЕ СИЛЬВИО ПЕЛЛИКО.

На днях выдет из печати новый перевод книги: Dei Doveri degli uomini, сочинения славного Сильвио Пеллико. [1]

Есть книга, коей каждое слово истолковано, объяснено, проповедано во всех концах земли, применно ко всевозможным обстоятельствам жизни и происшествиям мира; из коей нельзя повторить ни единого выражения, которого не знали бы все наизуст, которое не было бы уже *пословицею народов;* она не заключает уже для нас ничего неизвестного; но книга сия называется Евангелием, — и такова ее вечно-новая прелесть, что если мы, пресыщенные миром или удрученные унынием, случайно откроем ее, то уже не в силах противиться ее сладостному увлечению и погружаемся духом в ее божественное красноречие.

И не всуе, собираясь сказать несколько слов о книге кроткого страдальца, дерзнули мы упомянуть о божественном Евангелии: мало было избранных (даже между первоначальными пастырями церкви), которые бы в своих творениях приближились кротостию

* На днях будет представлена на здешнем Театре его комедия *Ревизор*. <Примеч. Пушкина>.

[1] <Перевод С. Н. Дирина. «Об обязанностях человека, наставление юноше. Сочинение Сильвио Пеллико. С итальянского. СПБ. В типографии Н. Греча. 1836>.

lib.pushkinskijdom.ru

духа, сладостию красноречия и младенческою простотою сердца к проповеди небесного учителя.

В позднейшие времена неизвестный гворец книги «О подражании Иисусу Христу», Фенелон и Сильвио Пеллико в высшей степени принадлежат к сим избранным, которых ангел господний приветствовал именем *человеков благоволения.*

Сильвио Пеллико десять лет провел в разных темницах и, получа свободу, издал свои записки. Изумление было всеобщее: ждали жалоб, напитанных горечью, — прочли умилительные размышления, исполненные ясного спокойствия, любви и доброжелательства.

Признаемся в нашем суетном зломыслии. Читая сии записки, где ни разу не вырывается из-под пера несчастного узника выражения нетерпения, упрека или ненависти, мы невольно предполагали скрытое намерение в этой ненарушимой благосклонности ко всем и ко всему; эта умеренность казалась нам искусством. И восхищаясь писателем, мы укоряли человека в неискренности. Книга *Dei doveri* устыдила нас и разрешила нам тайну прекрасной души, тайну человека-христианина.

Сказав, какую книгу напомнило нам сочинение Сильвио Пеллико, мы ничего более не можем и не должны прибавить к похвале нашей.

В одном из наших журналов, в статье писателя с истинным талантом, критика, заслужившего доверенность просвещенных читателей, с удивлением прочли мы следующие строки о книге Сильвио Пеллико:

«Если бы книга *Обязанностей* не вышла вслед за книгою *Жизни* (Мои Темницы), она показалась бы нам общими местами, сухим, произвольно догматическим уроком, который мы бы прослушали без внимания».

Неужели Сильвио Пеллико имеет нужду в извинении? Неужели его книга, вся исполненная сердечной теплоты, прелести неизъяснимой, гармонического красноречия, могла кому бы то ни было, и в каком бы то ни было случае, показаться *сухой* и холодно догматической? Неужели, если б она была написана в тишине Фиваиды или в библиотеке философа, а не в грустном уединении темницы, недостойна была бы обратить на себя внимания человека, одаренного сердцем? — Не можем поверить, чтобы в самом деле такова была мысль автора «Истории Поэзии».

Это уж не ново, это было уж сказано — вот одна из самых обыкновенных обвинений критики. Но всё уже было сказано, все понятия выражены и повторены в течение столетий: что ж из этого следует? Что дух человеческий уже ничего нового не производит? Нет, не станем на него клеветать: разум неистощим в *соображении* понятий, как язык неистощим в *соединении* слов. Все слова находятся в лексиконе; но книги, поминутно появляющиеся, не суть повторение лексикона. *Мысль* отдельно никогда ничего нового не представляет; *мысли же* могут быть разнообразны до бесконечности.

lib.pushkinskijdom.ru

Как лучшее опровержение мнения г-на Шевырева, привожу собственные его слова:

«Прочтите ее (книгу Пеллико) с тою же верою, с какою она писана, и вы вступите из темного мира сомнений, расстройства, раздора головы с сердцем в светлый мир порядка и согласия. Задача жизни и счастия вам покажется проста. Вы как-то соберете себя, рассеянного по мелочам страстей, привычек и прихотей — и в вашей душе вы ощутите два чувства, которые к сожалению очень редки в эту эпоху: чувство довольства и чувство надежды».

СЛОВАРЬ О СВЯТЫХ, ПРОСЛАВЛЕННЫХ В РОССИЙСКОЙ ЦЕРКВИ, И О НЕКОТОРЫХ СПОДВИЖНИКАХ БЛАГОЧЕСТИЯ МЕСТНО-ЧТИМЫХ. 1836 г. С.П.Б.

В наше время главный недостаток, отзывающийся во всех почти ученых произведениях, есть отсутствие труда. Редко случается критике указывать на плоды долгих изучений и терпеливых разысканий. Что же из того происходит? Наши так называемые *ученые* принуждены заменять существенные достоинства изворотами более или менее удачными: порицанием предшественников, новизною *взглядов*, приноровлением модных понятий к старым давно известным предметам, и пр. Таковые средства (которые, в некотором смысле, можно назвать шарлатанством) не подвигают науки ни на шаг, поселяют жалкий *дух сомнения и отрицания* в умах незрелых и слабых, и печалят людей истинно ученых и здравомыслящих.

Словарь о Святых не принадлежит к числу опрометчивых и скороспелых произведений, наводняющих наши книжные лавки. Отчетливость в предварительных изысканиях, полнота в совершении предпринятого труда поставили сию книгу высоко во мнении знающих людей. Издатель [1] на своем поприще имел предшественником Новикова, напечатавшего в 1784 году *Опыт Исторического Словаря о всех в истинной православной вере святою непорочною жизнию прославившихся святых мужах.* С того времени прошло более пятидесяти лет; средства и источники умножились; для нового издателя труд был облегчен, но вместе с тем и удвоен. *В Опыте* Новикова помещено 169 имен угодников, с описанием их жития, или безо всякого объяснения: *Словарь о Святых* заключает в себе 363 имени, т. е. более, нежели вдвое. У Новикова источники изредка указаны внизу самого текста: в нынешнем «Словаре» полный «Указатель» источникам напечатан особо, в два столбца, мелким шрифтом, и составляет целый печатный лист.

«Церковь российская» — сказно в предисловии — «весьма осторожно оглашала святыми угодников своих, и только по явном

[1] Князь Д. А. Эристов. *Ред.*

lib.pushkinskijdom.ru

открытии нетления мощей, прославленных чудесами, помещала их в месяцословы. Россия к утверждению православия своего видела во многих местах явное знамение благодати над мощами тех, кои святостию жизни, примером благочестия, или христианским самоотвержением явили себя достойными почитания; но имена сих угодников не были внесены в «Общие Святцы Российской церкви»; а память их совершалась в тех только местах, где они почивают. Причиною такой местности было отделение духовной власти Новгорода от главной духовной власти России, и потом разделение митрополии на Киевскую и Московскую. Уже в половине XVI века московский митрополит Макарий, составляя «Великие Четьи-Минеи», собрал жития и некоторых святых, еще дотоле в патериках не помещенных, и для установления им служеб имел в Москве, 1547 года, собор, на котором двенадцати святым российским назначено повсюду празднование и службы, а девяти — только в местах, где мощи их почивают. Те церкви, которые не успели на собор представить свидетельств о своих местных угодниках, после получали, по рассмотрению митрополита, дозволение совершать память их, и потом, при патриархах, некоторые из них внесены в общие месяцословы. Митрополит Ростовский Димитрий, в своих «Четьих-Минеях», поместил преподобных киевопечерских под числом совершения их памяти. Но и за сим многие не внесены в месяцословы, хотя некоторым сочинены особые службы, кондаки и тропари; таковы угодники новогородские, псковские, вологодские и другие.

«В предлагаемом «Словаре» помещены жития святых, прославленных в российской церкви; жития некоторых других подвижников благочестия, коих память благоговейно сохраняется там, где они жили или почили; наконец краткие известия о тех богоугодно-поживших, которых имена выписаны из синодиков или древних монастырских записок. При описании жизни святого, прославленного во всей российской церкви, обозначены в «Словаре» месяц и число совершения памяти; относительно прочих также означается место и день, когда чтится их память совершением молебных пений или панихид, по введенному постановлениями или преданием обычаю».

Слог издателя должен будет служить образцом для всех ученых словарей. Он прост, полон и краток. Нам случилось в «Энциклопедическом Лексиконе» (впрочем, книге необходимой и имеющей столь великое достоинство) найти в описании какого-то сражения уподобление одного из корпусов кораблю или птице, не помним наверное чему: таковые риторические фигуры в каком-нибудь ином сочинении могут быть дурны или хороши, смотря по таланту писателя; но в словаре они во всяком случае нестерпимы.

Издатель «Словаря о Святых» оказал важную услугу истории. Между тем книга его имеет и общую занимательность: есть люди, не имеющие никакого понятия о житии того св. угодника, чье имя носят от купели до могилы, и чью память празднуют

lib.pushkinskijdom.ru

ежегодно. Не дозволяя себе никакой укоризны, не можем, по крайней мере, не дивиться крайнему их нелюбопытству.

Наконец и библиофилы будут благодарны за типографическую изящность издания: «Словарь» напечатан в большую осьмушку, на лучшей веленевой бумаге, и есть отличное произведение типографии Второго Отделения собственной канцелярии Е. И. В.

НОВЫЙ РОМАН.

Недавно одна рукопись, под заглавием: *Село Михайловское*, ходила в обществе по рукам, и произвела большое впечатление. Это роман, сочиненный дамою. [1] Говорят, в нем много оригинальности, много чувства, много живых и сильных изображений. С нетерпением ожидаем его появления.

КАВАЛЕРИСТ, — ДЕВИЦА,

происшествие в России, в 2 част. Издал Иван Бутовский. С.П.Б. При подписке I ч. выдается, а на 2 билет.

Под сим заглавием вышел в свет первый том записок Н. А. Дуровой. Читатели «Современника» видели уже отрывки из этой книги. Они оценили без сомнения прелесть этого искреннего и небрежного рассказа, столь далекого от авторских притязаний, и простоту, с которою пылкая героиня описывает самые необыкновенные происшествия. В сем первом томе описаны детские лета, первая молодость и первые походы Надежды Андреевны. Ожидаем появления последнего тома, дабы подробнее разобрать книгу, замечательную по всем отношениям.

КЛЮЧЬ К ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО Н. М. КАРАМЗИНА. 2 ч. М.

Издав сии два тома, г. Строев оказал более пользы русской истории, нежели все наши историки с высшими взглядами, вместе взятые. Те из них, которые не суть еще закоренелые верхогляды, принуждены будут в том сознаться. Г. Строев облегчил до невероятной степени изучение русской истории. «*Ключь* составлен по *второму* изданию «Истории Государства Российского», *самому полному и исправному*», пишет г. Строев. Издатели «Истории Государства Российского» должны будут поскорее приобрести право на перепечатание «Ключа», необходимого дополнения к бессмертной книге Карамзина.

---

[1] В. С. Миклашевич. *Ред.*

lib.pushkinskijdom.ru

<РЕЦЕНЗИИ ЗАГОТОВЛЕННЫЕ ДЛЯ «СОВРЕМЕННИКА»>.

<1. ТРИ ПОВЕСТИ Н. ПАВЛОВА. Москва, в типографии Н. Степанова, 1835.>

Три повести г. Павлова очень замечательны и имели успех вполне заслуженный. Они рассказаны с большим искусством, слогом, к которому не приучили нас наши записные романисты.

Повесть *Имянины*, несмотря на свою занимательность, представляет некоторые несообразности. *Идеализированное лакейство* имеет в себе что-то неестественное, неприятное для здравого вкуса. Может быть то-же самое происшествие представляло в разительной простоте своей сильнейшие краски и положения более драматические, но гребовало и кисти более сильной и более глубины в знании человеческого сердца.

Аукцион есть очень милая шутка, легкая картинка, в которой оригинально вмещены три или четыре лица. — *А я на аукцион— а я с аукциона* — черта истинно комическая.

Об *Ятагане* скажем тоже что и об *Имянинах*. Занимательность этой повести не извиняет несообразности. — Развязка не сбыточна или по крайней мере есть анахронизм. — Зато все лица живы и действуют и говорят каждый, как ему свойственно говорить и действовать. В слоге г. Павлова, чистом и свободном, *изредко* отзывается *манерность;* в описаниях — близорукая мелочность нынешних французских романистов. Г. Павлова так расхвалили в Московском Наблюдателе, что мы в сих строках хотели ограничить наши замечания одними порицаниями, но в заключении должны сказать, что г. Павлов первый у нас написал истинно занимательные рассказы. Книга его принадлежит к числу тех, от которых, по выражению одной дамы, забываешь итти обедать.

Талант г-на Павлова выше его произведений. В доказательство привожу одно место, где чувство истины увлекло автора даже противу его воли — В *Имянинах* несмотря на то, что выслужившийся офицер видимо герой и любимец его воображения, автор дал ему черты, обнаруживающие холопа: <«Верьте, что не сметь сесть, не знать, куда и как сесть — это самое мучительно́е чувство! Зато я теперь вымещаю тогдашние страдания на первом, кто попадется. Понимаете ли вы удовольствие отвечать грубо на вежливое слово; едва кивнуть головой, когда учтиво снимают перед вами шляпу, и развалиться на креслах перед чопорным баричем, перед чинным богачем?»>.

<2. ПАМЯТНЫЕ ЗАПИСКИ ГИТУЛЯРНОГО СОВЕТНИКА ЧУХИНА, ИЛИ ПРОСТАЯ ИСТОРИЯ ОБЫКНОВЕННОЙ ЖИЗНИ. СОЧИНЕНИЕ ФАДДЕЯ БУЛГАРИНА. СПБ. В типографии Асександра Смирдина. 1835>

Г. Булгарин в предисловии к одному из своих романов уведомляет публику, что есть люди, не признающие в нем никакого

lib.pushkinskijdom.ru

таланта. Это, повидимому, очень его удивляет. Он даже выразил свое удивление и знаком препинания (!).

С нашей стороны, мы знаем людей, которые признают талант в г. Булгарине, но и тут не удивляемся.

Новый роман г-на Булгарина ни мало не уступает его прежним.

<3. НЕДОВОЛЬНЫЕ, КОМЕДИЯ В ЧЕТЫРЕХ ДЕЙСТВИЯХ, СОЧИНЕНИЕ М. Н. ЗАГОСКИНА. МОСКВА, В тип. Н. Степанова. 1836.>

Московские журналы произнесли строгой приговор над новой комедией г-на Загоскина. [Они находят ее пошлой и скучной]. *Недовольные* в самом деле скучная, тяжелая пиэса, писанная довольно легкими стихами. Лица, выведенные на сцену, не смешны и не естественны. Нет ни одного комического положения, а разговор пошлый и натянутый не заставляет забывать отсутствие действия. —

Г. Загоскин заслужил благосклонность публики своими романами — В них есть и живость и воображение, занимательность, и даже веселость, это бесценное качество, едва-ли не самый редкий из даров. — Мы наскоро здесь упоминаем о неудаче автора Рославлева, дабы уж более не возвращаться к предмету, для нас не приятному.

lib.pushkinskijdom.ru

ИСТОРИЯ

ИСТОРИЯ РУССКОГО НАРОДА,

сочинение Николая Полевого. Том I. — М. в типогр. Августа Семена, 1829. (LXXXII — 368 стран., в 8-ю д. л. В конце книги приложена таблица, содержащая в себе генеалогическую роспись русских князей с 862 по 1055 год.) [1]

СТАТЬЯ I.

Мы не охотники разбирать заглавия и предисловия книг, о коих обязываемся отдавать отчет публике; но перед нами первый том *Истории Русского народа*, соч. г. Полевым, и поневоле должны мы остановиться на первой строке посвящения: *г-ну Нибуру, первому историку нашего века*. Спрашивается: кем и каким образом г. Полевой уполномочен назначать места писателям, заслужившим всемирную известность? должен ли г. Нибур быть благодарен г. Полевому за милостивое производство в первые историки нашего века, не в пример другим? Нет ли тут со стороны г. Полевого излишней самонадеянности? Зачем с первой страницы вооружать уже на себя читателя, всегда недоверчивого к выходкам авторского самолюбия и предубежденного против нескромности? Самое посвящение, вероятно, не помирит его с г. Полевым. В нем господствует единая мысль, единое слово: *Я*, еще более неловкое, чем ненавистное *Я*. Послушаем г. Полевого: «В то время, когда образованность и просвещение соединяют все народы союзом дружбы, основанной на высшем созерцании жребия человечества, когда высокие помышления, плоды философских наблюдений, и великие истины прошедшего и настоящего, составляют общее наследие различных народов и быстро разделяются между обитателями отдаленных одна от другой стран;...» тогда—чтоб вы думали? «*я осмеливаюсь поднести вам мою Историю Русского народа*».

---

[1] Раздается в книжном магазине А. Смирдина. Подписная цена за все 12 томов 40 руб. с пересылкой 45 рублей.

lib.pushkinskijdom.ru

Belle conclusion et digne de l'exorde![1]

Далее. «Я не поколебался писать историю России после Карамзина; утвердительно скажу, что я верно изобразил историю России; я знал подробности событий, я чувствовал их, как русский; я был беспристрастен, как гражданин мира»..... Воля ваша: хвалить себя немножко можно; зачем терять хоть единый голос в собственную пользу? Но есть мера всему. Далее: «Она (картина г-на Полевого) достойна вашего взора (Нибурова). Пусть приношение мое покажет вам, что в России столько же умеют ценить и почитать вас, как и в других просвещенных странах мира». Опять! как можно самому себя выдавать за представителя всей России? За посвящением следует предисловие. Вступление в оное писано темным, изысканным слогом и своими противоречиями и многословием напоминает философическую статью об русской истории, напечатанную в *Московском Телеграфе* и разобранную с такой оригинальной веселостию в *Славянине*.

Приемлем смелость заметить г-ну Полевому, что он поступил по крайней мере неискусно, напав на *Историю Государства Российского* в то самое время, как начинал печатать *Историю Русского Народа*. Чем полнее, чем искреннее отдал бы он справедливость Карамзину, чем смиренне отозвался бы он о самом себе, тем охотнее были бы все готовы приветствовать его появление на поприще, ознаменованном бессмертным трудом его предшественника. Он отдалил бы от себя нарекания, правдоподобные, если не совсем справедливые. Уважение к именам, освященным славою, не есть подлость (как осмелился кто-то напечатать), но первый признак ума просвещенного. Позорить их дозволяется токмо ветренному невежеству, как некогда, по указу эфоров, одним хиосским жителям дозволено было пакостить всенародно.

Карамзин есть первый наш историк и последний летописец. Своею критикой он принадлежит истории, простодушием и апофегмами — хронике. Критика его состоит в ученом сличении преданий, в остроумном изыскании истины, в ясном и верном изображении событий. Нет ни единой эпохи, ни единого важного происшествия, которые не были бы удовлетворительно развиты Карамзиным. Где рассказ его неудовлетворителен, там недоставало ему источников: он их не заменял своевольными догадками. Нравственные его размышления своею иноческою простотою дают его повествованию всю неизъяснимую прелесть древней летописи. Он их употреблял, как краски, но не полагал в них никакой существенной важности. «Заметим, что сии апофтегмы», говорит он в предисловии, столь много критикованном и столь еще мало понятом, «бывают для основательных умов или полу-истинами, или весьма обыкновенными истинами, которые не имеют большой цены в истории, где ищем действия и характеров». Не должно видеть в отдельных размышлениях насильственного направления повествования к какой нибудь известной цели. Историк,

[1] Прекрасное и достойное начала окончание.

lib.pushkinskijdom.ru

добросовестно рассказав происшествие, выводит одно заключение, вы другое, г-н Полевой никакого: *вольному воля*, как говорили наши предки.

Г. Полевой замечает, что 5-я глава XII-го тома была еще недописана Карамзиным, а начало ее, вместе с первыми четырьмя главами, было уже переписано и готово к печати, и делает вопрос: «*Когда же думал историк?*»

На сие ответствуем:

Когда первые труды Карамзина были с жадностию принимаемы публикою, им образуемою, когда лестный успех следовал за каждым новым произведением его гармонического пера, тогда уже думал он об истории России и мысленно обнимал свое будущее создание. Вероятно, что XII том не был им еще начат, а уже историк думал о той странице, на которой смерть застала последнюю его мысль..... Г-н Полевой, немного подумав, конечно сам удивится своему легкомысленному вопросу.

(Продолжение обещано).

СТАТЬЯ II.

Действие В. Скотта ощутительно во всех отраслях ему современной словесности. Новая школа французских историков образовалась под влиянием шотландского романиста. Он указал им источники совершенно новые, неподозреваемые прежде, несмотря на существование исторической драмы, созданной Шекспиром и Гете.

Г-н Полевой сильно почувствовал достоинства Баранта и Тьерри и принял их образ мнений с неограниченным энтузиазмом молодого неофита. Пленяясь романическою живостию истины, выведенной перед нас в простодушной наготе летописи, он фанатически отвергнул существование всякой другой истории. Судим не по словам г-на Полевого, ибо из них невозможно вывести никакого положительного заключения; но основываемся на самом духе, в котором вообще писана *История Русского Народа*, на старании г-на Полевого сохранить драгоценные краски старины и частых его заимствованиях у летописей. Но желание отличиться от Карамзина слишком явно в г-не Полевом, и как заглавие его книги есть не что иное, как пустая пародия заглавия *Истории Государства Российского*, так и рассказ г-на Полевого слишком часто не что иное, как пародия рассказа историографа.

История Русского Народа начинается живым географическим изображением Скандинавии и нравов диких ее обитателей (подражение Тьерри); но переходя к описанию стран, Россиею ныне именуемых, и народов, некогда там обитавших, г-н Полевой становится столь же темен в изложении своих этнографических понятий, как в философических рассуждениях своего предисловия. Он или повторяет сбивчиво то, что было ясно изложено Карамзиным, или касается предметов, вовсе чуждых истории русского народа, и, утомляя внимание читателя, говорит поминутно:

lib.pushkinskijdom.ru

«Итак мы видим... Из сего следует... Мы в нескольких словах означили главные черты великой картины.....», между тем, как мы ничего не видим, как из этого ничего не следует и как г-н Полевой в весьма многих словах означил не главные черты великой картины.

Желание противоречить Карамзину поминутно завлекает г-на Полевого в мелочные придирки, в пустые замечания, большею частию несправедливые. Он, то соглашается с Татищевым, то ссылается на Розенкампфа, то утвердительно и без доказательства повторяет некоторые скептические намеки г-на Каченовского. Признав уже достоверность похода к Царюграду, он сомневается, имел ли Олег с собою сухопутное войско. «Где могли пройти его дружины», говорит г-н Полевой, «не через Булгарию по крайней мере». Почему же нет? какая тут физическая невозможность? Оспоривая у Карамзина смысл выражения: *на ключ*, он пускается в догадки, ни на чем неосновательные. Быть может, и Карамзин ошибся в применении своей догадки: ключ (символ хозяйства), как котел у козаков, означал, вероятно, общее хозяйство, артель.[1] В древнем договоре Карамзин читает: *милым ближникам*, ссылаясь на сгоревший Троицкой список. Г-н Полевой, признавая, что в других списках поставлено ad libita librarii[2] *милым* и *малым*, подчеркивает, однако ж, слово *сгоревший*, читает *малым* (малолетним, младшим) и переводит: *дальним* (дальним ближним!). Не говорим уже о довольно смешном противоречии; но что за мысль отдавать наследство дальним родственникам мимо ближайших?

Первый том *Истории Русского Народа* писан с удивительной опрометчивостию. Г-н Полевой утверждает, что дикая поэзия согревала душу скандинава, что песнопения скальда воспламеняли его, что религия усиливала в нем врожденную склонность к независимости и презрению смерти (склонность к презрению смерти!), что он гордился названием *Берсеркера*, и пр.; а чрез три страницы г-н Полевой уверяет, что не слава вела его в битвы; что он ее не знал, что недостаток пищи, одежды, жадность добычи были причинами его походов. Г-н Полевой не видит еще государства Российского в начальных княжениях скандинавских витязей, а в Ольге признает уже мудрую образовательницу системы скрепления частей в единое целое, а у Владимира стремление к единовластию. В уделах г-н Полевой видит то образ восточного самодержавия, то феодальную систему, общую тогда в Европе. Промахи, указанные в *Московском Вестнике*, почти невероятны.

Г-н Полевой в своем предисловии весьма искусно дает заметить, что слог в истории есть дело весьма второстепенное, если уже не совсем излишнее; он говорит о нем почти с презрением.

---

[1] *Стряпчий* с *ключем* ведал хозяйственной частию Двора. В Малороссии *ключевать* значит *управлять хозяйством*. <Примеч. Пушкина>

[2] По произволу переписчика.

lib.pushkinskijdom.ru

Maître renard, peut-être on vous croirait....[1] По крайней мере слог есть самая слабая сторона *Истории Русского Народа.* Невозможно отвергать у г-на Полевого ни остроумия, ни воображения, ни способности живо чувствовать, но искусство писать до такой степени чуждо ему, что в его сочинении картины, мысли, слова, все обезображено, перепутано и затемнено.

P. S. Сказав откровенно наш образ мыслей насчет *Истории Русского Народа,* не можем умолчать о критиках, которым она подала повод. В журнале, издаваемом ученым, известным профессором, напечатана статья[2], в коей брань доведена до исступления; более чем в 30 страницах грубых насмешек и ругательства нет ни одного дельного обвинения, ни одного поучительного показания, кроме ссылки на мнение самого издателя, мнение весьма любопытное, коему доказательства с нетерпением должны ожидать любители отечественной истории. *Московский Вестник....* (et tu autem, Brute!)[3] сказал свое мнение насчет г-на П. еще с большим, непростительнейшим забвением своей обязанности, непростительнейшим, ибо издатель *Московского Вестника* доказал, что чувство приличия ему сродно и что, следственно, он добровольно пренебрегает оным. Ужели так трудно нашей братье критикам сохранить хладнокровие? Как не вспомнить, по крайней мере, совета старинной сказки.

То же бы ты слово
Да не так бы молвил.

<1830>.

---

[1] Сударыня лисичка, быть может, вам поверят...

[2] Выписки, коими наполнена сия статья, в самом деле *пойдут в пример галиматьи,* но и самый текст почти от них не отличается. <Примеч. Пушкина>

[3] «И ты, Брут!»

lib.pushkinskijdom.ru

ИСТОРИЯ ПУГАЧЕВСКОГО БУНТА.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сей исторический отрывок составлял часть труда, мною оставленного. В нем собрано все, что было обнародовано правительством касательно Пугачева, и то, что показалось мне достоверным в иностранных писателях, говоривших о нем. Также имел я случай пользоваться некоторыми рукописями, преданиями и свидетельством живых.

Дело о Пугачеве, доныне нераспечатанное, находилось в государственном санкт-петербургском архиве, вместе с другими важными бумагами, некогда тайнами государственными, ныне превращенными в исторические материалы. Государь император по своем восшествии на престол приказал привести их в порядок. Сии сокровища вынесены были из подвалов, где несколько наводнений посетило их и едва не уничтожило.

Будущий историк, коему позволено будет распечатать дело о Пугачеве, легко исправит и дополнит мой труд — конечно, несовершенный, но добросовестный. Историческая страница, на которой встречаются имена Екатерины, Румянцева, двух Паниных, Суворова, Бибикова, Михельсона и Державина, не должна быть затеряна для потомства.

А. Пушкин.

2-го ноября 1833.

Село Болдино.

lib.pushkinskijdom.ru

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Мне кажется сего вора всех замыслов и похождений не только посредственному, но ниже самому превосходнейшему историку порядочно описать едва-ли бы удалось; коего все затеи не от разума и воинского распорядка, но от дерзости, случая и удачи зависели. Почему и сам Пугачев (думаю) подробностей оных не только рассказать, но нарочитой части припомнить не в состоянии, поелику не от его одного непосредственно, но от многих его сообщников полной воли и удальства в разных вдруг местах происходили.

Архимандрит Платон Любарский.

Глава первая.

Начало яицких казаков — Поэтическое предание — Царская грамота. — Грабежи на Каспийском море. — Стенька Разин — Нечай и Шамай. — Предположения Петра Великого. — Внутренние беспокойства. — Побег кочующего народа. — Бунт яицких казаков. — Их усмирение.

Яик, по указу Екатерины II переименованный в Урал, выходит из гор, давших ему нынешнее его название; течет к югу вдоль их цепи, до того места, где некогда положено было основание Оренбургу и где теперь находится Орская крепость; тут, разделив каменистый хребет их, поворачивает на запад и, протекши более двух тысяч пятисот верст, впадает в Каспийское море. Он орошает часть Башкирии, составляет почти всю юго-восточную границу Оренбургской губернии; справа примыкают к нему заволжские степи; слева простираются печальные пустыни, где кочуют орды диких племен, известных у нас под именем киргиз-кайсаков. Его течение быстро; мутные воды наполнены рыбою всякого рода; берега большею частию глинистые, песчаные и безлесные, но в местах поемных удобные для скотоводства. Близ устья оброс он высоким камышем, где кроются кабаны и тигры.

На сей-то реке, в пятнадцатом столетии, явились донские казаки, разъезжавшие по Хвалынскому морю [1] Они зимовали на ее берегах, в то время еще покрытых лесом и безопасных по своему уединению; весною снова пускались в море, разбойничали до глубокой осени и к зиме возвращались на Яик. Подаваясь все вверх с одного места на другое, наконец они избрали себе постоянным пребыванием урочище Коловратное, в шестидесяти верстах от нынешнего Уральска.

В соседстве новых поселенцев кочевали некоторые татарские семейства, отделившиеся от улусов Золотой Орды и искавшие привольных пажитей на берегах того же Яика. Сначала оба племени враждовали между собою, но в последствии времени вошли в дружелюбные сношения: казаки стали получать жен из татарских улусов. Сохранилось поэтическое предание: казаки, страст-

lib.pushkinskijdom.ru

ные к холостой жизни, положили между собой убивать приживаемых детей, а жен бросать при выступлении в новый поход. Один из их атаманов, по имени *Гугня*, первый преступил жестокий закон, пощадив молодую жену, и казаки, по примеру атамана, покорились игу семейственной жизни. Доныне просвещенные и гостеприимные жители уральских берегов пьют на своих пирах здоровье бабушки Гугнихи [2].

Живя набегами, окруженные неприязненными племенами, казаки чувствовали необходимость в сильном покровительстве и в царствование Михаила Феодоровича послали от себя в Москву просить государя, чтоб он принял их под свою высокую руку. Поселение казаков на бесхозяйном Яике могло казаться завоеванием, коего важность была очевидна. Царь обласкал новых подданных и пожаловал им грамоту [3] на реку Яик, отдав им ее от вершины до устья и дозволя им *набираться на житье вольными людьми.*

Число их час-от-часу умножалось. Они продолжали разъезжать по Каспийскому морю, соединялись там с донскими казаками, вместе нападали на торговые персидские суда, и грабили приморские селения. Шах жаловался царю. Из Москвы посланы были на Дон и на Яик увещевательные грамоты.

Казаки на лодках, еще нагруженных добычею, поехали Волгою в Нижний-Новгород; оттоле отправились в Москву и явились ко двору с повинною головою, каждый неся топор и плаху. Им велено было ехать в Польшу и под Ригу заслуживать там свои вины; а на Яик посланы были стрельцы, в последствии времени составившие с казаками одно племя.

Стенька Разин посетил Яицкие жилища. По свидетельству летописей, казаки приняли его как неприятеля. Городок их был взят сим отважным мятежником, а стрельцы, там находившиеся, побиты или потоплены [4].

Предание, согласное с татарским летописцем, относит к тому же времени походы двух яицких атаманов, Нечая и Шамая [5]. Первый, набрав вольницу, отправился в Хиву, в надежде на богатую добычу. Счастие ему благоприятствовало. Совершив трудный путь, казаки достигли Хивы. Хан с войском своим находился тогда на войне. Нечай овладел городом без всякого препятствия; но зажился в нем, и поздно выступил в обратный поход. Обремененные добычею, казаки были настигнуты возвратившимся ханом и на берегу Сыр-Дарьи разбиты и истреблены. Не более трех возвратилось на Яик, с объявлением о погибели храброго Нечая. Несколько лет после, другой атаман, по прозванию Шамай, пустился по его следам. Но он попался в плен степным калмыки, а казаки его отправились далее, сбились с дороги, на Хиву не попали и пришли к Аральскому морю, на котором принуждены были зимовать. Их постигнул голод. Несчастные бродяги убивали и ели друг друга. Большая часть погибла. Остальные послали наконец от себя к Хивинскому хану просить, чтоб он их принял и спас от голодной смерти. Хивинцы приехали за

lib.pushkinskijdom.ru

ними, забрали всех и отвели рабами в свой город. Там они и пропали. Шамай же, несколько лет после, привезен был калмыками в Яицкое войско, вероятно, для размена. С тех пор у казаков охота к дальним походам охладела. Они мало-по-малу привыкли к жизни семейной и гражданственной.

Яицкие казаки послушно несли службы по наряду московского приказа; но дома сохраняли первоначальный образ управления своего. Совершенное равенство прав; атаманы и старшины, избираемые народом, временные исполнители народных постановлений; круги, или совещания, где каждый казак имел свободный голос и где все общественные дела решены были большинством голосов; никаких письменных постановлений; *в куль да в воду* — за измену, трусость, убийство и воровство: таковы главные черты сего управления [6]. К простым и грубым учреждениям, еще принесенным ими с Дона, яицкие казаки присовокупляли и другие, местные, относящиеся к рыболовству, главному источнику их богатства, и к праву нанимать на службу требуемое число казаков, учреждения чрезвычайно сложные и определенные с величайшею утонченностью [7].

Петр Великий принял первые меры для введения яицких казаков в общую систему государственного управления. В 1720 году яицкое войско отдано было в ведомство военной коллегии. Казаки возмутились, сожгли свой городок, с намерением—бежать в Киргизские степи; но были жестоко усмирены полковником Захаровым. Сделана была им перепись, определена служба, и назначено жалованье. Государь сам назначил войскового атамана.

В царствование Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны правительство хотело исполнить предположение Петра. Тому благоприятствовали возникшие раздоры между войсковым атаманом Меркульевым и войсковым старшиною Логиновым и разделение через то казаков на две стороны: атаманскую и логиновскую, или народную. В 1740 году положено было преобразовать внутреннее управление яицкого войска, и Неплюев, бывший в то время оренбургским губернатором, представил в военную коллегию проект нового учреждения; но большая часть предположений и предписаний осталась без исполнения до восшествия на престол государыни Екатерины II.

С самого 1762 года стороны логиновской яицкие казаки начали жаловаться на различные притеснения, ими претерпеваемые от членов канцелярии, учрежденной в войске правительством: на удержание определенного жалованья, самовольные налоги и нарушение старинных прав и обычаев рыбной ловли. Чиновники, посылаемые к ним для рассмотрения их жалоб, не могли или не хотели их удовлетворить. Казаки неоднократно возмущались, и генерал-маиоры Потапов и Черепов (первый в 1766 году, а второй в 1767) принуждены были прибегнуть к силе оружия и к ужасу казней. В Яицком городке учреждена была следственная комиссия. В ней присутствовали генерал-маиоры Потапов, Черепов, Бримфельд и Давыдов, и гвардии капитан Чебышев. Бой-

lib.pushkinskijdom.ru

сковой атаман Андрей Бородин был отставлен; на его место выбран Петр Тамбовцев; члены канцелярии осуждены уплатить войску, сверх удержанных денег, значительную пеню; но они умели избегнуть исполнения приговора. Казаки не теряли надежды. Они покушались довести до сведения самой императрицы справедливые свои жалобы. Но тайно посланные от них люди были, по повелению президента военной коллегии, графа Чернышева, схвачены в Петербурге, заключены в оковы и наказаны как бунтовщики. Между тем велено было нарядить несколько сот казаков на службу в Кизляр. Местное начальство воспользовалось и сим случаем, дабы новыми притеснениями мстить народу за его сопротивления. Узнали, что правительство имело намерение составить из казаков гусарские эскадроны, и что уже повелено брить им бороду. Генерал-маиор Траубенберг, присланный для того в Яицкий городок, навлек на себя народное негодование. Казаки волновались. Наконец, в 1771 году, мятеж обнаружился во всей своей силе.

Происшествие, не менее важное, подало к оному повод. Между Волгой и Яиком, по необозримым степям астраханским и саратовским, кочевали мирные калмыки, в начале осьмнадцатого столетия ушедшие от границ Китая под покровительство белого царя. С тех пор они верно служили России, охраняя южные ее границы. Русские приставы, пользуясь их простотою и отдаленностию от средоточия правления, начали их угнетать. Жалобы сего смирного и доброго народа не доходили до высшего начальства: выведенные из терпения, они решились оставить Россию и тайно снеслись с китайским правительством. Им не трудно было, не возбуждая подозрения, прикочевать к самому берегу Яика. И вдруг, в числе тридцати тысяч кибиток, они перешли на другую сторону и потянулись по киргизской степи к пределам прежнего отечества [6]. Правительство спешило удержать неожиданный побег. Яицкому войску велено было выступить в погоню; но казаки (кроме весьма малого числа) не послушались, и явно отказались от всякой службы.

Тамошние начальники прибегнули к строжайшим мерам, для прекращения мятежа; но наказания уже не могли смирить ожесточенных. 13 января 1771 года, они собрались на площади, взяли из церкви иконы и пошли, под предводительством казака Кирпичникова, в дом гвардии капитана Дурнова, находившегося в Яицком городке по делам следственной комиссии. Они требовали отрешения членов канцелярии и выдачи задержанного жалованья. Генерал-маиор Траубенберг пошел им на-встречу с войском и пушками, приказывая разойтиться; но ни его повеления, ни увещания войскового атамана не имели никакого действия. Траубенберг велел стрелять; казаки бросились на пушки. Произошло сражение; мятежники одолели. Траубенберг был убит у ворот своего дома, Дурнов изранен, Тамбовцев повешен, члены канцелярии посажены под стражу; а на место их учреждено новое начальство.

lib.pushkinskijdom.ru

Мятежники торжествовали. Они отправили от себя выборных в Петербург, дабы объяснить и оправдать кровавое происшествие. Между тем генерал-маиор Фрейман послан был из Москвы, для их усмирения, с одною ротой гренадер и с артиллерией. Фрейман весною прибыл в Оренбург, где дождался слития рек, и — взяв с собою две легкие полевые команды и несколько казаков, пошел к Яицкому городку [9]. Мятежники, в числе трех тысяч, выехали против него; оба войска сошлись в семидесяти верстах от города. 3 и 4 июня произошли жаркие сражения. Фрейман картечью открыл себе дорогу. Мятежники прискакали в свои домы, забрали жен и детей и стали переправляться через реку Чаган, намереваясь бежать к Каспийскому морю. Фрейман, вслед за ними вступивший в город, успел удержать народ угрозами и увещаниями. За ушедшими послана погоня, и почти все были переловлены. В Оренбурге учредилась следственная комиссия под председательством полковника Неронова. Множество мятежников было туда отправлено. В тюрьмах не достало места. Их рассадили по лавкам Гостиного и Менового дворов. Прежнее казацкое правление было уничтожено. Начальство поручено яицкому коменданту, подполковнику Симонову. В его канцелярии повелено присутствовать войсковому старшине Мартемьяну Бородину и старшине (простому) Мостовщикову. Зачинщики бунта наказаны были кнутом; около ста сорока человек сослано в Сибирь; другие отданы в солдаты (NB все бежали); остальные прощены и приведены ко вторичной присяге. Сии строгие и необходимые меры восстановили наружный порядок; но спокойствие было ненадежно. «То ли еще будет!» говорили прощеные мятежники: «так ли мы тряхнем Москвою.» — Казаки все еще были разделены на две стороны: согласную и несогласную (или, как весьма точно переводила слова сии военная коллегия, на послушную и непослушную). Тайные совещания происходили по степным уметам [10] и отдаленным хуторам. Все предвещало новый мятеж. Недоставало предводителя. Предводитель сыскался.

Глава вторая.

Появление Пугачева. — Бегство его из Казани. — Показания Кожевникова. — Первые успехи самозванца. — Измена илецких казаков — Взятие крепости Рассыпной. — Нурали-Хан. — Распоряжение Рейнсдорпа. — Взятие Нижне-Озерной. — Взятие Татищевой. — Совет в Оренбурге. — Взятие Чернореченской. — Пугачев в Сакмарске.

В смутное сие время, по казацким дворам шатался неизвестный бродяга, нанимаясь в работники то к одному хозяину, то к другому, и принимаясь за всякие ремесла [1] Он был свидетелем усмирения мятежа и казни зачинщиков, уходил на время в Иргизские скиты; оттуда, в конце 1772 года, послан был для закупки рыбы в Яицкий городок, где и стоял у казака Дениса Пьянова. Он отличался дерзостию своих речей, поносил начальство, и подговаривал казаков бежать в области турецкого сул-

lib.pushkinskijdom.ru

тана; он уверял, что и донские казаки не замедлят за ними последовать, что у него на границе заготовлено двести тысяч рублей и товару на семьдесят тысяч, и что какой-то паша, тотчас по приходе казаков, должен им выдать до пяти миллионов; покамест обещал он каждому по двенадцати рублей в месяц жалованья. Сверх того сказывал он, будто бы противу яицких казаков из Москвы идут два полка, и что около рождества, или крещения, непременно будет бунт. Некоторые из послушных хотели его поймать и представить, как возмутителя, в комендантскую канцелярию; но он скрылся вместе с Денисом Пьяновым и был пойман уже в селе Малыковке (что ныне Волгск) по указанию крестьянина, ехавшего с ним одною дорогой [2]. Сей бродяга был Емельян Пугачев, донской казак и раскольник, пришедший с ложным письменным видом из-за польской границы, с намерением поселиться на реке Иргизе, посреди тамошних раскольников. Он был отослан под стражею в Симбирск, и оттуда в Казань; и как все, относящееся к делам яицкого войска, по тогдашним обстоятельствам могло казаться важным, то оренбургский губернатор и почел за нужное уведомить о том государственную военную коллегию донесением от 18 января 1773 года.

Яицкие бунтовщики были тогда не редки, и казанское начальство не обратило большого внимания на присланного преступника. Пугачев содержался в тюрьме не строже прочих невольников. Между тем сообщники его не дремали. Однажды он, под стражею двух гарнизонных солдат, ходил по городу, для собирания милостыни. У Замочной Решетки (так называлась одна из главных казанских улиц) стояла готовая тройка. Пугачев, подошед к ней, вдруг оттолкнул одного из солдат, его сопровождавших; другой помог колоднику сесть в кибитку и вместе с ним ускакал из города. Это случилось 19 июня 1773 года. Три дня после, в Казани получено было утвержденное в Петербурге решение суда, по коему Пугачев приговорен к наказанию плетьми и к ссылке в Пелым, на каторжную работу [3].

Пугачев явился на хуторах отставного казака Данилы Шелудякова, у которого жил он прежде в работниках. Там производились тогда совещания злоумышленников.

Сперва дело шло о побеге в Турцию: мысль издавна общая всем недовольным казакам. Известно, что в царствование Анны Иоанновны, Игнатий Некрасов успел привести ее в действо и увлечь за собой множество донских казаков. Потомки их доныне живут в турецких областях, сохраняя на чуждой им родине веру, язык и обычаи прежнего своего отечества. Во время последней турецкой войны они дрались противу нас отчаянно. Часть их явилась к императору Николаю, уже переплывшему Дунай на запорожской лодке; так же, как остаток Сечи, они принесли повинную за своих отцов и возвратились под владычество законного своего государя

Но яицкие заговорщики слишком привязаны были к своим богатым, родимым берегам. Они, вместо побега, положили быть

lib.pushkinskijdom.ru

новому мятежу. Самозванство показалось им надежною причиною. Для сего нужен был только прошлец дерзкий и решительный, еще неизвестный народу. Выбор их пал на Пугачева. Им не трудно было его уговорить. Они немедленно начали собирать себе сообщников.

Военная коллегия дала знать о побеге казанского колодника во все места, где, по предположениям, мог он укрываться. Вскоре подполковник Симонов узнал, что беглеца видели на хуторах, находящихся около Яицкого городка. Отряды были посланы для поимки Пугачева, но не имели в том успеха: Пугачев и его главные сообщники спасались от поиска, переходя с одного места на другое и час-от-часу умножая свою шайку. Между тем разнеслись странные слухи... Многие казаки взяты были под стражу. Схватили Михаила Кожевникова, привели в комендантскую канцелярию и пыткою вынудили от него следующие важные показания:

В начале сентября находился он на своем хуторе, как приехал к нему Иван Зарубин и объявил за тайну, что великая особа находится в их краю. Он убеждал Кожевникова скрыть ее на своем хуторе. Кожевников согласился. Зарубин уехал и в ту же ночь перед светом возвратился с Тимофеем Мясниковым и с неведомым человеком, все трое верхами. Незнакомец был росту среднего, широкоплеч и худощав. Черная борода его начинала седеть. Он был в верблюжьем армяке, в голубой калмыцкой шапке и вооружен винтовкою. Зарубин и Мясников поехали в город *для повестки народу*, а незнакомец, оставшись у Кожевникова, объявил ему, что он император Петр III, что слухи о смерти его были ложны, что он, при помощи караульного офицера, ушел в Киев, где скрывался около года; что потом был в Цареграде и тайно находился в русском войске во время последней турецкой войны; что оттуда явился он на Дону. и был потом схвачен в Царицыне, но вскоре освобожден верными казаками; что в прошлом году находился он на Иргизе и в Яицком городке, где был снова пойман и отвезен в Казань; что часовой, подкупленный за семьсот рублей неизвестным купцом, освободил его снова; что после подъезжал он к Яицкому городку, но, узнав через одну женщину о строгости, с каковою ныне требуются и осматриваются паспорты, воротился на Сызранскую дорогу, по коей скитался несколько времени, пока наконец с Таловинского умета взят Зарубиным и Мясниковым и привезен к Кожевникову. Высказав нелепую повесть, самозванец стал объяснять свои предположения. Он намерен был обнаружить себя по выступлении казацкого войска на *плавню* (осеннее рыболовство), во избежание сопротивления со стороны гарнизона и *напрасного кровопролития*. Во время же плавни хотел он явиться посреди казаков, связать атамана, итти прямо на Яицкий городок, овладеть им и учредить заставы по всем дорогам, дабы никуда преждевременно не дошло о нем известия. В случае же неудачи думал он *броситься в Русь*, увлечь ее всю за собою, повсюду поставить новых судей (*ибо* в нынешних, по его словам, присмотрена им многая неправда) и

lib.pushkinskijdom.ru

возвести на престол государя великого князя. *Сам же я*, говорил он, *уже царствовать не желаю*. Пугачев на хуторе Кожевникова находился три дня; Зарубин и Мясников приехали за ним и увезли его на Усихину Россошь, где и намерен он был скрываться до самой плавни. Кожевников, Коновалов и Кочуров проводили его.

Взятие под стражу Кожевникова и казаков, замешанных в его показании, ускорило ход происшествий. 18 сентября Пугачев, с Будоринского [4] форпоста, пришел под Яицкий городок с толпою, из трехсот человек состоящею, и остановился в трех верстах от города, за рекой Чаганом.

В городе все пришло в смятение. Недавно усмиренные жители начали перебегать на сторону новых мятежников. Симонов выслал против Пугачева пятьсот казаков, подкрепленных пехотою, и с двумя пушками. Двести казаков при капитане Крылове отряжены были вперед. К ним выехал навстречу казак, держа над головою возмутительное письмо от самозванца. Казаки потребовали, чтоб письмо было им прочтено. Крылов тому противился. Произошел мятеж, и половина отряда тут же передалась на сторону самозванца, и потащила за собой пятьдесят верных казаков, ухватя за узды их лошадей. Видя измену в своем отряде, Наумов возвратился в город. Захваченные казаки приведены были к Пугачеву, и одиннадцать из них, по приказанию его, повешены. Сии первые его жертвы были, сотники: Витошнов, Черторогов, Раинев и Коновалов; пятидесятники: Руженников, Толстов, Подъячев и Колпаков; рядовые: Сидоровкин, Ларзянев и Чукалин.

На другой день Пугачев приближился к городу; но при виде выходящего против него войска, стал отступать, рассыпав по степи свою шайку. Симонов не преследовал его, ибо казаков не хотел отрядить, опасаясь от них измены, а пехоту не смел отдалить от города, коего жители готовы были взбунтоваться. Он донес обо всем оренбургскому губернатору, генерал-поручику Рейнсдорпу, требуя от него легкого войска для преследования Пугачева. Но прямое сообщение с Оренбургом было уже пресечено, и донесение Симонова дошло до губернатора не прежде, как через неделю.

С шайкой, умноженной новыми бунтовщиками, Пугачев пошел прямо к Илецкому городку [5] и послал начальствовавшему в нем атаману Портнову повеление — выдти к нему навстречу и с ним соединиться. Он обещал казакам пожаловать их крестом и бородою (илецкие, как и яицкие, казаки были все староверцы), реками и лугами, деньгами и провиантом, свинцом и порохом, и вечною вольностию, угрожая местию в случае непослушания. Верный своему долгу, атаман думал сопротивляться; но казаки связали его и приняли Пугачева с колокольным звоном и с хлебом-солью. Пугачев повесил атамана, три дня праздновал победу и взяв с собою всех илецких казаков и городские пушки, пошел на крепость Рассыпную [6].

lib.pushkinskijdom.ru

Крепости, в том краю выстроенные, были не что иное, как деревни, окруженные плетнем или деревянным забором. Несколько старых солдат и тамошних казаков, под защитой двух или трех пушек, были в них безопасны от стрел и копий диких племен, рассеянных по степям Оренбургской губернии и около ее границ. 24 сентября Пугачев напал на Рассыпную Казаки и тут изменили. Крепость была взята. Комендант, маиор Веловский, несколько офицеров и один священник были повешены, а гарнизонная рота и полтораста казаков присоединены к мятежникам.

Слух о самозванце быстро распространялся. Еще с Будоринского форпоста Пугачев писал к киргиз-кайсакскому хану, именуя себя государем Петром III и требуя от него сына в заложники и ста человек вспомогательного войска. Нурали-Хан подъезжал к Яицкому городку под видом переговоров с начальством, коему предлагал он свои услуги. Его благодарили и отвечали, что надеются управиться с мятежниками без его помощи. Хан послал оренбургскому губернатору татарское письмо самозванца с первым известием о его появлении. «Мы, люди живущие на степях,— писал Нурали к губернатору,—не знаем, кто сей, разъезжающий по берегу: обманщик ли, или настоящий государь? Посланый от нас воротился, объявив, что того разведать не мог, а что борода у того человека русая». Присем, пользуясь обстоятельствами, хан требовал от губернатора возвращения аманатов, отогнанного скота и выдачи бежавших из орды рабов. Рейнсдорп спешил отвечать, что кончина императора Петра III известна всему свету; что сам он видел государя во гробе и целовал его мертвую руку. Он увещевал хана, в случае побега самозванца в киргизские степи, выдать его правительству, обещая за то милость императрицы. Прошения хана были исполнены. Между тем Нурали вошел в дружеские сношения с самозванцем, не преставая уверять Рейнсдорпа в своем усердии к императрице, а киргизцы стали готовиться к набегам.

Вслед за известием хана получено было в Оренбурге донесение Яицкого коменданта, посланное через Самару. Вскоре потом пришло и донесение Веловского о взятии Илецкого городка. Рейнсдорп поспешил принять меры к прекращению возникающего зла. Он предписал бригадиру барону Билову выступить из Оренбурга, с четырмястами солдат пехоты и конницы и с шестью полевыми орудиями, и идти к Яицкому городку, забирая по дороге людей с форпостов и из крепостей. Командиру Верхне-Озерной дистанции [7], бригадиру барону Корфу велел, как можно скорее, идти к Оренбургу; подполковнику Симонову отрядить маиора Наумова с полевой командой и с казаками, для соединения с Биловым; ставропольской канцелярии [8] велено было выслать к Симонову пятьсот вооруженных калмыков, а ближайшим башкирцам и татарам собраться, как можно скорее, и в числе тысячи человек идти навстречу Наумову. Ни одно из сих распоряжений не было исполнено. Билов занял Татищеву крепость и двинулся было на Озерную; но, в пятнадцати верстах от оной,

lib.pushkinskijdom.ru

услышав ночью пушечные выстрелы, отступил, полагая крепость уже взятою Пугачевым. Рейнсдорп вторично приказал ему спешить на поражение бунтовщиков; Билов не послушался и остался в Татищевой. Корф отговаривался от похода под различными предлогами. Вместо пятисот вооруженных калмыков, не собралось их и трехсот, и те бежали с дороги. Башкирцы и татары не слушались предписания, маиор же Наумов и войсковой старшина Бородин, выступив из Яицкого городка, шли издали по следам Пугачева, и 3 октября прибыли в Оренбург степною стороною, не видав неприятеля.

Из Рассыпной Пугачев пошел на Нижне-Озерную [9]. На дороге встретил он капитана Сурина, высланного на помощь Веловскому, комендантом Нижне-Озерной, маиором Харловым. Пугачев его повесил, а рота пристала к мятежникам. Узнав о приближении Пугачева, Харлов отправил в Татищеву молодую жену свою, дочь тамошнего коменданта Елагина, а сам приготовился к обороне. Казаки его изменили. и ушли к Пугачеву. Харлов остался с малым числом престарелых солдат. Ночью на 26 сентября. вздумал он, для их ободрения, палить из двух своих пушек, и сии-то несчастные выстрелы остановили Билова, шедшего к нему на помощь. Утром Пугачев показался перед крепостью. Он ехал впереди своего войска. «Берегись, государь,» сказал ему старый казак: «неравно из пушки убьют». — «Старый ты человек», отвечал самозванец: «разве пушки льются на царей?» — Харлов бегал от одного солдата к другому и приказывал стрелять. Никто не слушался. Он схватил фитиль, выпалил из одной пушки. и кинулся к другой. В сие время бунтовщики заняли крепость, бросились на единственного ее защитника и изранили его. Полумертвый, он думал от них откупиться, и повел их к избе, где было спрятано его имущество. Между тем за крепостью уже ставили виселицу; перед нею сидел Пугачев, принимая присягу жителей и гарнизона. К нему привели Харлова, обезумленного от ран и истекающего кровью. Глаз, вышибленный копьем. висел у него на щеке. Пугачев велел его казнить и с ним прапорщиков Фигнера и Кабалерова, одного писаря и татарина Бикбая. Гарнизон стал просить за своего доброго коменданта; но яицкие казаки, предводители мятежа, были неумолимы. Ни один из страдальцев не оказал малодушия. Магометанин Бикбай, взошед на лестницу, перекрестился и сам надел на себя петлю [10]. На другой день Пугачев выступил, и пошел на Татищеву [11].

В сей крепости начальствовал полковник Елагин. Гарнизон был умножен отрядом Билова, искавшего в ней своей безопасности. Утром 27 сентября Пугачев показался на высотах, ее окружающих. Все жители видели, как он расставил там свои пушки и сам направил их на крепость. Мятежники подъехали к стенам, уговаривая гарнизон — *не слушаться бояр* и сдаться добровольно. Им отвечали выстрелами. Они отступили. Бесполезная пальба продолжалась с полудня до вечера; в то время

lib.pushkinskijdom.ru

скирды сена, находившиеся близ крепости, загорелись, подожженные осаждающими. Пожар быстро достигнул деревянных укреплений. Солдаты бросились тушить огонь. Пугачев, пользуясь смятением, напал с другой стороны. Крепостные казаки ему передались. Раненый Елагин и сам Билов оборонялись отчаянно. Наконец мятежники ворвались в дымящиеся развалины. Начальники были захвачены. Билову отсекли голову. С Елагина, человека тучного, содрали кожу; злодеи вынули из него сало и мазали им свои раны. Жену его изрубили. Дочь их, накануне овдовевшая Харлова, приведена была к победителю, распоряжавшему казнию ее родителей. Пугачев поражен был ее красотою и взял несчастную к себе в наложницы, пощадив для нее семилетнего ее брата. Вдова маиора Веловского, бежавшая из Рассыпной, также находилась в Татищевой: ее удавили. Все офицеры были повешены. Несколько солдат и башкирцев выведены в поле и расстрелены картечью. Прочие острижены по-казацки и присоединены к мятежникам. Тринадцать пушек достались победителю.

Известия об успехах Пугачева приходили в Оренбург одно за другим. Едва Веловский успел донести о взятии Илецкого городка, уже Харлов доносил о взятии Рассыпной; вслед за тем Билов, из Татищевой, извещал о взятии Нижне-Озерной; маиор Крузе, из Чернореченской, о пальбе, происходящей под Татищевой. Наконец (28 сентября) триста человек татар, насилу собранные и отправленные к Татащевой, возвратились с дороги с известием об участи Билова и Елагина. Рейнсдорп, испуганный быстротою пожара, собрал совет из главных оренбургских чиновников, и следующие меры были им утверждены:

1) Все мосты через Сакмару разломать и пустить вниз по реке.

2) У польских конфедератов, содержащихся в Оренбурге, отобрать оружие и отправить их в Троицкую крепость под строжайшим присмотром.

3) Разночинцам, имеющим оружие, назначить места для защищения города, отдав их в распоряжение обер-коменданту, генерал-маиору Валленштерну; прочим находиться в готовности, в случае пожара, и быть под начальством таможенного директора Обухова.

4) Сеитовских татар перевести в город и поручить начальство над ними коллежскому советнику Тимашеву.

5) Артиллерию отдать в распоряжение действительному статскому советнику Старову-Милюкову, служившему некогда в артиллерии.

Сверх того, Рейнсдорп, думая уже о безопасности самого Оренбурга, приказал обер-коменданту исправить городские укрепления и привести в оборонительное состояние. Гарнизонам же малых крепостей, еще невзятых Пугачевым, велено было идти в Оренбург, зарывая или потопляя тяжести и порох.

lib.pushkinskijdom.ru

Из Татищевой, 29 сентября, Пугачев пошел на Чернореченскую [12]. В сей крепости оставалось несколько старых солдат при капитане Нечаеве, заступившем место коменданта, маиора Крузе который скрылся в Оренбург. Они сдались без сопротивления. Пугачев повесил капитана, по жалобе крепостной его девки.

Пугачев, оставя Оренбург вправе, пошел к Сакмарскому городку [13], коего жители ожидали его с нетерпением. — 1-го октября, из татарской деревни Каргале, поехал он туда в сопровождении нескольких казаков. Очевидец описывает его прибытие следующим образом [14].

«В крепости у станичной избы постланы были ковры, и поставлен стол с хлебом и солью. Поп ожидал Пугачева с крестом и с святыми иконами. Когда въехал он в крепость, начали звонить в колокола; народ снял шапки, и когда самозванец стал сходить с лошади, при помощи двух из его казаков, подхвативших его под руки, тогда все пали ниц. Он приложился ко кресту, хлеб-соль поцеловал и, сев на уготовленный стул, сказал: *вставайте, детушки.* Потом все целовали его руку. — Пугачев осведомился о городских казаках. Ему отвечали: что иные на службе, другие с их атаманом, Данилом Донским, взяты в Оренбург, и что только двадцать человек оставлены для почтовой гоньбы, но и те скрылись. Он обратился к священнику, и грозно приказал ему отыскать их, промолвя: *ты поп, так будь и атаман; ты и все жители отвечаете мне за них своими головами.* — Потом поехал он к атаманову отцу, у которого был ему приготовлен обед. *Если б твой сын был здесь,* сказал он старику, *то ваш обед был бы высок и честен: но хлеб-соль твоя помрачилась. Какой он атаман, коли место свое покинул?* — После обеда, пьяный, он велел было казнить хозяина; но бывшие при нем казаки упросили его; старик был только закован и посажен на одну ночь в станичную избу под караул. На другой день сысканные казаки представлены были Пугачеву. Он обошелся с ними ласково и взял с собою. Они спросили его: сколько прикажет взять припасов? *Возьмите,* отвечал он, *краюшку хлеба; вы проводите меня только до Оренбурга.* — В сие время башкирцы, присланные от оренбургского губернатора, окружили город. Пугачев к ним выехал и без бою взял всех в свое войско. На берегу Сакмары повесил он шесть человек [15].»

В тридцати верстах от Сакмарского городка находилась крепость Пречистенская. Лучшая часть ее гарнизона была взята Биловым на походе его к Татищевой. Один из отрядов Пугачева занял ее без сопротивления. Офицеры и гарнизон вышли навстречу победителям. Самозванец по своему обыкновению принял солдат в свое войско, и в первый раз оказал позорную милость офицерам.

Пугачев усиливался: прошло две недели со дня, как явился он под Яицким городком с горстью бунтовщиков, и уж он имел до трех тысяч пехоты и конницы, и более двадцати пушек. Семь крепостей были им взяты, или сдались ему. Войско его с час-на-

lib.pushkinskijdom.ru

час умножалось неимоверно. Он решился пользоваться счастием, и 3 октября, ночью, под Сакмарским городком перешел реку через мост, уцелевший вопреки распоряжениям Рейнсдорпа, и потянулся к Оренбургу.

Глава третия.

Меры правительства. — Состояние Оренбурга. — Объявление Рейнсдорпа о Пугачеве. — Разбойник Хлопуша. — Пугачев под Оренбургом. — Бердская слобода. — Сообщники Пугачева. — Генерал-маиор Кар. — Его неудача. — Гибель полковника Чернышева. — Кар оставляет армию. — Бибиков.

Оренбургские дела принимали худой оборот. С часу-на-час ожидали общего возмущения Яицкого войска; башкирцы, взволнованные своими старшинами (которых Пугачев успел задарить верблюдами и товарами, захваченными у бухарцев), начали нападать на русские селения и кучами присоединяться к войску бунтовщиков. Служивые калмыки бежали с форпостов. Мордва, чуваши, черемисы перестали повиноваться русскому начальству. Господские крестьяне явно оказывали свою приверженность самозванцу, и вскоре не только Оренбургская, но и пограничные с нею губернии пришли в опасное колебание.

Губернаторы, казанский—фон-Брант, сибирский—Чичерин и астраханский—Кречетников, вслед за Рейнсдорпом известили государственную военную коллегию о яицких происшествиях. Императрица с беспокойством обратила внимание на возникающее бедствие. Тогдашние обстоятельства сильно благоприятствовали беспорядкам. Войска отовсюду были отвлечены в Турцию и в волнующуюся Польшу. Строгие меры, принятые по всей России для прекращения недавно свирепствовавшей чумы, производили в черни общее негодование. Рекрутский набор усиливал затруднения. Повелено было нескольким ротам и эскадронам из Москвы, Петербурга, Новагорода и Бахмута на-скоро следовать в Казань. Начальство над ними поручено генерал-маиору Кару, отличившемуся в Польше твердым исполнением строгих предписаний начальства. Он находился в Петербурге, при приеме рекрут. Ему велено было сдать свою бригаду генерал-маиору Нащокину, и спешить к местам, угрожаемым опасностию. К нему присоединили генерал-маиора Фреймана, уже усмирявшего раз яицкое войско и хорошо знавшего театр новых беспорядков. Начальникам окрестных губерний велено было, с их стороны, делать нужные распоряжения. Манифестом от 15 октября правительство объявляло народу о появлении самозванца, увещевая обольщенных отстать заблаговременно от преступного заблуждения [1].

Обратимся к Оренбургу.

В сем городе находилось до трех тысяч войска и до семидесяти орудий. С таковыми средствами можно и должно было уничтожить мятежников. К несчастию, между военными начальниками не было ни одного, знавшего свое дело. Оробев с самого

lib.pushkinskijdom.ru

начала, они дали время Пугачеву усилиться, и лишили себя средств к наступательным движениям. Оренбург претерпел бедственную осаду, коей любопытное изображение сохранено самим Рейнсдорпом [2].

Несколько дней появление Пугачева была тайною для оренбургских жителей; но молва о взятии крепостей вскоре разошлась по городу, а поспешное выступление Билова [3] подтвердило справедливые слухи. В Оренбурге оказалось волнение; казаки с угрозами роптали; устрашенные жители говорили о сдаче города. Схвачен был зачинщик смятения, отставной сержант [4], подосланный Пугачевым. В допросе он показал, что имел намерение заколоть губернатора. В селениях, около Оренбурга, начали показываться возмутители. Рейнсдорп обнародовал объявление о Пугачеве, в коем объяснял его настоящее звание и прежние преступления [5]. Оно было писано темным и запутанным слогом. В нем было сказано, что о *злодействующем с Яицкой стороны носится слух, якобы он другова состояния, нежели как есть;* но что он в самом деле донской казак Емельян Пугачев, за прежние преступления наказанный кнутом с поставлением на лице знаков. Сие показание было несправедливо [6]. Рейнсдорп поверил ложному слуху, и мятежники потом торжествовали, укоряя его в клевете [7].

Казалось, все меры, предпринимаемые Рейнсдорпом, обращались ему во вред. В оренбургском остроге содержался тогда в оковах злодей, известный под именем Хлопуши. Двадцать лет разбойничал он в тамошних краях; три раза ссылаем был в Сибирь и три раза находил способ уходить. Рейнсдорп вздумал [8] употребить смышленного каторжника, и чрез него переслать в шайку Пугачевскую увещевательные манифесты. Хлопуша клялся в точности исполнить его препоручения. Он был освобожден, явился прямо к Пугачеву и вручил ему самому все губернаторские бумаги. «Знаю, братец, что тут написано», сказал безграмотный Пугачев, и подарил ему полтину денег и платье недавно повешенного киргизца. Хорошо зная край, на который так долго наводил ужас своими разбоями, Хлопуша сделался ему необходим. Пугачев наименовал его полковником и поручил ему грабеж и возмущение заводов. Хлопуша оправдал его доверенность. Он пошел по реке Сакмаре, возмущая окрестные селения; явился на Бугульчанской и Стерлитамацкой пристанях, и на уральских заводах и переслал оттоле Пугачеву пушки, ядра и порох, умножа свою шайку приписными крестьянами и башкирцами, товарищами его разбоев.

5 октября Пугачев со своими силами расположился лагерем на казачьих лугах, в пяти верстах от Оренбурга. Он тотчас двинулся вперед и под пушечными выстрелами поставил одну батарею на паперти церкви у самого предместия, а другую в загородном губернаторском доме. Он отступил, отбитый сильною пальбою. В тот же день, по приказанию губернатора, предместие было выжжено. Уцелела одна только изба и Георгиевская церковь.

lib.pushkinskijdom.ru

Жители переведены были в город, и им обещано вознаграждение за весь убыток. Начали очищать ров, окружающий город, а вал обносить рогатками.

Ночью около всего города запылали скирды заготовленного на зиму сена. Губернатор не успел перевести оное в город. Противу зажигателей (уже на другой день утром) выступил маиор Наумов (только что прибывший из Яицкого городка). С ним была тысяча пятьсот человек конницы и пехоты. Встреченный пушками, он перестреливался, и отступил без всякого успеха. Его солдаты робели, а казакам он не доверял.

Рейнсдорп собрал опять совет из военных и гражданских своих чиновников и требовал от них письменного мнения: выступить ли еще против злодея, или под защитой городских укреплений ожидать прибытия новых войск? На сем совете действительный статский советник Старов-Милюков один объявил мнение, достойное военного человека: *итти противу бунтовщиков*. Прочие боялись новою неудачею привести жителей в опасное уныние и только думали защищаться. С последним мнением согласился и Рейнсдорп.

8 октября мятежники выехали грабить меновой двор, находившийся в трех верстах от города[9]. Высланный противу них отряд прогнал их, убив на месте двести человек и захватив до ста шестнадцати. Рейнсдорп, желая воспользоваться сим случаем, несколько ободрившим его войско, хотел на другой день выступить против Пугачева; но все начальники единогласно донесли ему, что на войско никаким образом положиться было невозможно: солдаты, приведенные в уныние и недоумение, сражались неохотно; казаки на самом месте сражения могли соединиться с мятежниками, и следствия их измены были бы гибелью для Оренбурга. Рейнсдорп не знал, что делать[10]. Он кое-как успел однакож уговорить и усовестить своих подчиненных, и 12 октября Наумов вывел опять из города свое ненадежное войско.

Сражение завязалось. Артиллерия Пугачева была превосходнее числом вывезенной из города. Оренбургские казаки, с непривычки, робели ядер и жались к городу, под прикрытие пушек, расставленных по валу. Отряд Наумова был окружен со всех сторон многочисленными толпами. Он выстроился в карре, и начал отступать, отстреливаясь от неприятеля. Сражение продолжалось четыре часа. Наумов убитыми, ранеными и бежавшими потерял сто семнадцать человек.

Не проходило дня без перестрелок. Мятежники толпами разъезжали около городского вала и нападали на фуражиров. Пугачев несколько раз подступал под Оренбург со всеми своими силами. Но он не имел намерения взять его приступом. «*Не стану тратить людей*», говорил он сакмарским казакам, «*а выморю город мором*». Не раз находил он способ доставлять жителям возмутительные свои листы. Схватили в городе несколько злодеев, подосланных от самозва ца: у них находили порох и фитили.

lib.pushkinskijdom.ru

Вскоре в Оренбурге оказался недостаток в сене. У войска и у жителей худые и к работе неспособные лошади были отобраны и отправлены частию к Илецкой Защите и к Верхо-Яицкой крепости, частию в Уфимский уезд. Но, в нескольких верстах от города, лошади были захвачены бунтующими крестьянами и татарами, а казаки, гнавшие табун, отосланы к Пугачеву.

Осенняя стужа настала ранее обыкновенного. С 14 октября начались уже морозы; 16-го выпал снег. 18-го Пугачев, зажегши свой лагерь, со всеми гяжестями пошел обратно от Яика к Сакмаре и расположился под Бердскою [11] слободою, близ летней сакмарской дороги, в семи верстах от Оренбурга. Оттоле разъезды его не преставали тревожить город, нападать на фуражиров и держать гарнизон во всегдашнем опасении.

2 ноября Пугачев со всеми силами подступил опять к Оренбургу и, поставя около всего города баттареи, открыл ужасный огонь. С городской стены отвечали ему тем же. Между тем человек тысяча из его пехоты, со стороны реки закравшись в погреба выжженного предместия, почти у самого вала и рогаток, стреляли из ружей и сайдаков. Сам Пугачев ими предводительствовал. Егери полевой команды выгнали их из предместия. Пугачев едва не попался в плен. Вечером огонь утих; но во всю ночь мятежники пальбою сопровождали бой часов соборной церкви, делая по выстрелу на каждый час.

На другой день огонь возобновился, несмотря на стужу и мятель. Мятежники в церкви разложили огонь, истопили избу, уцелевшую в выжженном предместии, и грелись попеременно. Пугачев поставил пушку на паперти, а другую велел втащить на колокольню. В версте от города находилась высокая мишень, служившая целью во время артиллерийских учений. Мятежники устроили там свою главную баттарею. Обоюдная пальба продолжалась целый день. Ночью Пугачев, отступил, претерпев незначительный урон и не сделав вреда осажденным [12]. Утром из города высланы были невольники под прикрытием казаков срыть мишень и другие укрепления, а избу разломать. В церкви, куда мятежники приносили своих раненых, видны были на помосте кровавые лужи. Оклады с икон были ободраны, напрестольное одеяние в лоскутьях. Церковь осквернена была даже калом лошадиным и человечьим..

Стужа усилилась. 6 ноября Пугачев с яицкими казаками перешел из своего нового лагеря в самую слободу. Башкирцы, калмыки и заводские крестьяне остались на прежнем месте, в своих кибитках и землянках. Разъезды, нападения и перестрелки не прекращались. С каждым днем силы Пугачева увеличивались. Войско его состояло уже из двадцати пяти тысяч; ядром оного были яицкие казаки и солдаты, захваченные по крепостям; но около их скоплялось неимоверное множество татар, башкирцев, калмыков, бунтующих крестьян, беглых каторжников и бродяг всякого рода. Вся эта сволочь была кое-как вооружена, кто копьем, кто пистолетом, кто офицерскою шпагой. Иным розданы

lib.pushkinskijdom.ru

были штыки, наткнутые на длинные палки; другие носили дубины; большая часть не имела никакого оружия. Войско разделено было на полки, состоящие из пятисот человек. Жалованье получали одни яицкие казаки; прочие довольствовались грабежом. Вино продавалось от казны. Корм и лошадей доставали от башкирцев. За побег объявлена была смертная казнь. Десятник головою отвечал за своего беглеца. Учреждены были частые разъезды и караулы. Пугачев строго наблюдал за их исправностию, сам их объезжая, иногда и ночью. Учения (особенно артиллерийские) происходили почти всякой день. Церковная служба отправлялась ежедневно. На ектении поминали государя Петра Феодоровича и супругу его, государыню Екатерину Алексеевну. Пугачев, будучи раскольником, в церковь никогда не ходил. Когда ездил он по базару, или по бердским улицам, то всегда бросал в народ медными деньгами. Суд и расправу давал сидя в креслах перед своею избою. По бокам его сидели два казака, один с булавою, другой с серебряным топором. Подходящие к нему кланялись в землю и, перекрестясь, целовали его руку. Бердская слобода была вертепом убийств и распутства. Лагерь полон был офицерских жен и дочерей, отданных на поругание разбойникам. Казни происходили каждый день. Овраги около Берды были завалены трупами расстреленных, удавленных, четвертованных страдальцев. Шайки разбойников устремлялись во все стороны, пьянствуя по селениям, грабя казну и достояние дворян, но не касаясь крестьянской собственности. Смельчаки подъезжали к рогаткам оренбургским; иные, наткнув шапку на копье, кричали: *Господа казаки! пора вам одуматься и служить государю Петру Федоровичу*. Другие требовали, чтобы им выдали *Мартюшку Бородина* (войскового старшину, прибывшего в Оренбург из Яицкого городка вместе с отрядом Наумова) и звали казаков к себе в гости, говоря: *У нашего батюшки вина много!* Из города противу них выезжали наездники, и завязывались перестрелки иногда довольно жаркие. Нередко сам Пугачев являлся тут же, хвастая молодечеством. Однажды прискакал он, пьяный, потеряв шапку и шатаясь на седле,—и едва не попался в плен. Казаки спасли его и утащили, подхватив его лошадь под уздцы [13].

Пугачев не был самовластен. Яицкие казаки, зачинщики бунта, управляли действиями прошлеца, неимевшего другого достоинства, кроме некоторых военных познаний и дерзости необыкновенной. Он ничего не предпринимал без их согласия; они же часто действовали без его ведома, а иногда и вопреки его воли. Они оказывали ему наружное почтение, при народе ходили за ним без шапок и били ему челом: но на-едине обходились с ним как с товарищем, и вместе пьянствовали, сидя при нем в шапках и в одних рубахах, и распевая бурлацкие песни. Пугачев скучал их опекою. *Улица моя тесна*, говорил он Денису Пьянову, пируя на свадьбе младшего его сына [14]. Не терпя постороннего влияния на царя, ими созданного, они не допускали самозванца

lib.pushkinskijdom.ru

иметь иных любимцев и поверенных. Пугачев, в начале своего бунта, взял к себе в писаря сержанта Кармицкого, простив его под самой виселицей. Кармицкий сделался вскоре его любимцем. Яицкие казаки, при взятии Татищевой, удавили его и бросили с камнем на шее в воду. Пугачев о нем осведомился. *Он пошел*, отвечали ему, *к своей матушке вниз по Яику*. Пугачев, молча, махнул рукой. Молодая Харлова имела несчастие привязать к себе самозванца. Он держал ее в своем лагере под Оренбургом. Она одна имела право во всякое время входить в его кибитку; по ее просьбе прислал он в Озерную приказ—похоронить тела им повешенных при взятии крепости. Она встревожила подозрение ревнивых злодеев, и Пугачев, уступив их требованию, предал им свою наложницу. Харлова и семилетний брат ее были расстрелены. Раненые, они сползлись друг с другом и обнялись. Тела их, брошенные в кусты, оставались долго в том же положении.

В числе главных мятежников отличался Зарубин (он же и Чика), с самого начала бунта сподвижник и пестун Пугачева. Он именовался фельдмаршалом и был первый по самозванце. Овчинников, Шигаев, Лысов и Чумаков предводительствовали войском. Все они назывались именами вельмож, окружавших в то время престол Екатерины: Чика графом Чернышевым, Шигаев графом Воронцовым, Овчинников графом Паниным, Чумаков графом Орловым [15].Отставной артиллерийский капрал Белобородов пользовался полною доверенностию самозванца. Он вместе с Падуровым заведывал письменными делами у безграмотного Пугачева и ввел строгий порядок и повиновение в шайках бунтовщиков. Перфильев, при начале бунта находившийся в Петербурге по делам Яицкого войска, обещался правительству привести казаков в повиновение и выдать самого Пугачева в руки правосудия: но приехав в Берду, оказался одним из самых ожесточенных бунтовщиков и соединил судьбу свою с судьбою самозванца. Разбойник Хлопуша из-под кнута, клейменый рукою палача, с ноздрями, вырванными до хрящей, был один из любимцев Пугачева. Стыдясь своего безобразия, он носил на лице сетку, или закрывался рукавом, как будто защищаясь от мороза [16]. Вот какие люди колебали государством!

Кар, между тем, прибыл на границу Оренбургской губернии. Казанский губернатор, еще до приезда его, успел собрать несколько сот гарнизонных, отставных и поселенных солдат и расположить их частию около Кичуевского фельдшанца, частию по реке Черемшану, наполовине дороги от Кичуева до Ставрополя. На Волге находились человек тридцать рядовых при одном офицере, для поимки разбойников: им велено было примечать за движениями бунтовщиков. Брант писал в Москву, к генерал-аншефу князю Волконскому, требуя от него войска. Но Московский гарнизон был весь отряжен для отвода рекрут, а Томский полк, находившийся в Москве, содержал караулы на заставах, учрежденных в 1771 году во время свирепствовавшей чумы.

lib.pushkinskijdom.ru

Князь Волконский мог отрядить только триста рядовых при одной пушке и тотчас послал их на подводах в Казань.

Кар предписал симбирскому коменданту полковнику Чернышеву, идущему по Самарской линии к Оренбургу, занять как можно скорее Татищеву. Он был намерен, тотчас по прибытии генерал-маиора Фреймана, находившегося в Калуге для приема рекрут, послать его на подкрепление Чернышеву. Кар не сомневался в успехе. «Опасаюсь только, писал он графу З. Г. Чернышеву, чтобы сии разбойники, сведав о приближении команд, не обратились бы в бег, не допустя до себя оных, по тем же самым местам, отколь они появились». Он предвидел затруднения только в преследовании Пугачева, по причине зимы и недостатка в коннице.

В начале ноября, не дождавшись ни артиллерии, ни ста семидесяти гренадер, посланных к нему из Симбирска, ни высланных к нему из Уфы вооруженных башкирцев и мещеряков, он стал подаваться вперед. На дороге, во ста верстах от Оренбурга, он узнал, что отряженный от Пугачева ссыльный разбойник Хлопуша, вылив пушки на Овзяно-Петровском [17] заводе и возмутив приписных крестьян и окрестных башкирцев, возвращается под Оренбург. Кар поспешил пресечь ему дорогу, и 7 ноября послал секунд-маиора Шишкина с четырьмястами рядовых и двумя пушками в деревню Юзееву [18], а сам с генералом Фрейманом и премиер-маиором Ф. Варнстедом, только что подоспевшими из Калуги, выступил из Сарманаевой. Шишкин был встречен под самой Юзеевой шестьюстами мятежниками. Татары и вооруженные крестьяне, бывшие при нем, тотчас передались. Шишкин однако рассеял сию толпу несколькими выстрелами. Он занял деревню, куда Кар и Фрейман и прибыли в четвертом часу ночи. Войско было так утомлено, что невозможно было даже учредить конные разъезды. Генералы решились ожидать света, чтоб напасть на бунтовщиков, и на заре увидели перед собою ту же толпу. Мятежникам передали увещевательный манифест; они его приняли, но отъехали с бранью, говоря, что их манифесты правее, и начали стрелять из бывшей у них пушки. Их разогнали опять.... В это время Кар услышал у себя в тылу четыре дальних пушечных выстрела. Он испугался и поспешно начал отступать, полагая себя отрезанным от Казани. Тут более двух тысяч мятежников наскакали со всех сторон и открыли огонь из девяти орудий. Пугачев сам ими предводительствовал. Хлопуша успел с ним соединиться. Рассыпавшись по полям на расстоянии пушечного выстрела, они были вне всякой опасности. Конница Кара была утомлена и малочисленна. Мятежники, имея добрых лошадей, при наступлении пехоты, отдалялись, проворно перевозя свои пушки с одной горы на другую, и таким образом семнадцать верст сопровождали отступающего Кара. Он целых восемь часов отстреливался из своих пяти пушек, бросил свой обоз и потерял (если верить его донесению) не более ста двадцати человек убитыми, ранеными

lib.pushkinskijdom.ru

и бежавшими. Башкирцы, ожидаемые из Уфы, не бывали; находившиеся в недальнем расстоянии, под начальством князя Уракова, бежали заслыша пальбу. Солдаты, по большей части престарелые или рекруты, громко роптали и готовы были сдаться; молодые офицеры, не бывавшие в огне, не умели их ободрить. Гренадеры, отправленные на подводах из Симбирска, при поручике Карташове, ехали с такой оплошностию, что даже ружья не были у них заряжены, и каждый спал в своих санях. Они сдались с четырех первых выстрелов, услышанных Каром поутру из деревни Юзеевой.

Кар потерял вдруг свою самонадеянность. С донесением о своем уроне он представил военной коллегии, что для поражения Пугачева нужны не слабые отряды, а целые полки, надежная конница и сильная артиллерия. Он немедленно послал повеление полковнику Чернышеву не выступать из Переволоцкой. и стараться в ней укрепиться в ожидании дальнейших распоряжений. Но посланный к Чернышеву не мог уже его догнать.

11 ноября Чернышев выступил из Переволоцкой и 13-го в ночь прибыл в Чернореченскую. Тут он получил от двух илецких казаков, приведенных самарским атаманом, известие о разбитии Кара и о взятии ста семидесяти гренадер. В истине последнего показания Чернышев не мог усомниться: гренадеры были отправлены им самим из Симбирска, где они находились при отводе рекрут. Он не знал, на что решиться: отступить ли к Переволоцкой, или спешить к Оренбургу, куда накануне отправил он донесение о своем приближении. В сие время явились к нему пять казаков и один солдат, которые, как уверяли, бежали из Пугачевского стана. Между ними находился казацкий сотник депутат[19] Падуров. Он уверил Чернышева в своем усердии, представя в доказательство свою депутатскую медаль, и советовал немедленно итти к Оренбургу, вызываясь провести его безопасными местами. Чернышев ему поверил. и в тот же час, без барабанного бою, выступил из Чернореченской. Падуров вел его горами, уверяя, что передовые караулы Пугачева далеки, и что если на рассвете они его и увидят, то опасность уже минуется и он беспрепятственно успеет вступить в Оренбург. Утром Чернышев пришел к Сакмаре, и при урочище Маяке, в пяти верстах от Оренбурга, начал переправляться по льду. С ним было тысяча пятьсот солдат и казаков, пятьсот калмыков и двенадцать пушек. Капитан Ружевский переправился первый с артиллерией и легким войском; он тотчас, взяв в собой трех казаков, отправился в Оренбург. и явился к губернатору с известием о прибытии Чернышева. — В самое сие время в Оренбурге услышали пушечную пальбу, которая через четверть часа и умолкла... Несколько времени спустя Рейнсдорп получил известие, что весь отряд Чернышева взят и ведется в лагерь Пугачева.

Чернышев был обманут Падуровым, который привел его прямо к Пугачеву. Мятежники вдруг на него бросились и овладели артиллерией. Казаки и калмыки изменили. Пехота, утомлен-

lib.pushkinskijdom.ru

ная стужею, голодом и ночным переходом, не могла сопротивляться. Все было захвачено. Пугачев повесил Чернышева, тридцать шесть офицеров, одну прапорщицу и калмыцкого полковника [20], оставшегося верным своему несчастному начальнику.

В то же самое время бригадир Корф вступал в Оренбург с двумя тысячами четырьмя стами человек войска и с двадцатью орудиями. Пугачев напал и на него: но был отражен городскими казаками.

Оренбургское начальство казалось обезумленным от ужаса. 14 ноября Рейнсдорп, не подав накануне никакой помощи отряду несчастного Чернышева, вздумал сделать сильную вылазку. Все войско, бывшее в городе (включая туда же и вновь прибывший отряд), было выведено в поле, под предводительством оберкоменданта. Бунтовщики, верные своей системе, сражались издали и врассыпную, производя беспрестанный огонь из многочисленных своих орудий. Изнуренная городская конница не могла иметь и надежды на успех. Валленштерн принужден был составить карре и отступить, потеряв тридцать два человека [21]. В тот же день маиор Варнстед, отряженный Каром на Ново-Московскую дорогу, встречен был сильным отрядом Пугачева и поспешно отступил, потеряв до дву-сот человек убитыми.

Получив известие о взятии Чернышева, Кар совершенно упал духом и думал уже не о победе над презренным бунтовщиком, но о собственной безопасности. Он донес обо всем военной коллегии, самовольно отказался от начальства, под предлогом болезни, дал несколько умных советов на счет образа действий противу Пугачева и, оставя свое войско на попечение Фрейману, уехал в Москву, где появление его произвело общий ропот. Императрица, строгим указом, повелела его исключить из службы [22]. С того времени жил он в своей деревне, где и умер в начале царствования императора Александра.

Императрица видела необходимость взять сильные меры против возрастающего зла. Она искала надежного военачальника и выбрала генерал-аншефа Бибикова. — Александр Ильич Бибиков принадлежал к числу замечательнейших лиц екатерининских времен, столь богатых людьми знаменитыми. В молодых еще летах он успел уже отличиться на поприще войны и гражданственности. Он служил с честию в семилетнюю войну и обратил на себя внимание Фридриха Великого. Важные препоручения были на него возлагаемы: в 1763 году послан он был в Казань для усмирения взбунтовавшихся заводских крестьян. Твердостию и благоразумною кротостию вскоре восстановил он порядок. В 1766 году, когда составлялась комиссия нового уложения, он председательствовал в Костроме на выборах; сам был избран депутатом и потом назначен в предводители всего собрания. В 1771 году он назначен был, на место генерал-поручика Веймарна, главнокомандующим в Польшу, где в скором времени успел не только устроить упущенные дела, но и приобрести любовь и доверенность побежденных.

lib.pushkinskijdom.ru

В эпоху, нами списываемую, находился он в Петербурге. Сдав недавно главное начальство над завоеванною Польшею генерал-поручику Романиусу, он готовился ехать в Турцию служить при графе Румянцове. Бибиков был холодно принят императрицею, дотоле всегда к нему благосклонною. Может быть, она была недовольна нескромными словами, вынужденными у него досадою; ибо усердный на деле и душею преданный государыне, Бибиков был брюзглив и смел в своих суждениях. Но Екатерина умела властвовать над своими предубеждениями. Она подошла к нему, на придворном бале, с прежнею ласковой улыбкой, и, милостиво с ним разговаривая, объявила ему новое его назначение. Бибиков отвечал, что он посвятил себя на службу отечеству, и тут же привел слова простонародной песни, применив их к своему положению:

Сарафан ли мой, дорогой сарафан!
Везде ты сарафан, пригожаешься;
А не надо, сарафан, и под лавкой лежишь.

Он безотговорочно принял на себя многотрудную должность, и 9 декабря отправился из Петербурга.

Приехав в Москву, Бибиков нашел старую столицу в страхе и унынии. Жители, недавние свидетели бунта и чумы, трепетали в ожидании нового бедствия. Множество дворян бежало в Москву из губерний, уже разоряемых Пугачевым, или угрожаемых возмущением. Холопья, ими навезенные, распускали по площадям вести о вольности и об истреблении господ. Многочисленная московская чернь, пьянствуя и шатаясь по улицам, с явным нетерпением ожидала Пугачева. Жители приняли Бибикова с восторгом, доказывавшим, в какой опасности полагали себя. Он оставил Москву, спеша оправдать ее надежды.

Глава четвертая.

Действия мятежников. — Маиор Заев. — Взятие Ильинской крепости. — Смерть Камешкова и Воронова. — Состояние Оренбурга. — Осада Яицкого городка. — Сражение под Бердою. — Бибиков в Казани. — Екатерина II, помещица казанская. — Мнение Европы. — Вольтер. — Указ о доме и семействе Пугачева.

Разбитие Кара и Фреймана, погибель Чернышева и неудачные вылазки Валленштерна и Корфа увеличили в мятежниках дерзость и самонадеянность. Они кинулись во все стороны, разоряя селения, города, возмущая народ, и нигде не находили сопротивления. Торнов с шестьюстами человек взбунтовал и ограбил всю Нагайбацкую область. Чика, между тем, подступил под Уфу с десятитысячным отрядом и осадил ее в конце ноября. Город не имел укреплений подобных оренбургским; однако ж комендант Мясоедов и дворяне, искавшие в нем убежища, решились обороняться. Чика, не отваживаясь на сильные нападения, остановился в селе Чесноковке, в десяти верстах

lib.pushkinskijdom.ru

от Уфы, взбунтовал окрестные деревни, большую частию башкирские, и отрезал город от всякого сообщения. Ульянов, Давыдов и Белобородов действовали между Уфою и Казанью. Между тем Пугачев послал Хлопушу с пятьюстами человек и шестью пушками взять крепости Ильинскую и Верхне-Озерную, к востоку от Оренбурга. Для защиты сей стороны отражен был Сибирским губернатором Чичериным генерал-поручик Декалонг и генерал-маиор Станиславский [1]. Первый прикрывал границы сибирские; последний находился в Орской [2] крепости, действуя нерешительно, теряя бодрость при малейшей опасности. и под различными предлогами отказываясь от исполнения своего долга.

Хлопуша взял Ильинскую, на приступе заколов коменданта, поручика Лопатина: но пощадил офицеров и не разорил даже крепости. Он пошел на Верхне-Озерную. Комендант, подполковник Демарин отразил его нападение. Узнав о том, Пугачев сам поспешил на помощь Хлопуши и, соединясь с ним 26 ноября утром, подступил тот же час к крепости. Целый день пальба не умолкала. Несколько раз мятежники спешась ударяли в копья, но всегда были опрокинуты. Вечером Пугачев отступил в башкирскую деревню, за двенадцать верст от Верхне-Озерной. Тут узнал он, что с сибирской линии идут к Ильинской три роты, отряженные генерал-маиором Станиславским. Он пошел пересечь им дорогу.

Маиор Заев, начальствовавший сим отрядом, успел однако занять Ильинскую (27 ноября). Крепость, оставленная Хлопушею, не была им выжжена. Жители не были выведены. Между ними находилось несколько пленных конфедератов. Стены и некоторые избы были повреждены. Войско все было взято, кроме одного сержанта и раненого офицера. Анбар был отворен. Несколько четвертей муки и сухарей валялось на дворе. Одна пушка брошена была в воротах. Заев наскоро сделал некоторые распоряжения, расставил по трем бастионам три пушки, бывшие в его отряде (на четвертый не достало); также учредил караулы и разъезды и стал ожидать неприятеля.

На другой день в сумерки Пугачев явился перед крепостью. Мятежники приближились и, разъезжая около нее, кричали часовым: «не стреляйте. и выходите вон: здесь государь.» По них выстрелили из пушки. Убило ядром одну лошадь. Мятежники скрылись, и через час показались из-за горы, скача врассыпную под предводительством самого Пугачева. Их отогнали пушками. Солдаты и пленные поляки (особливо последние) с жаром просились на вылазку; но Заев не согласился, опасаясь от них измены. «Оставайтесь здесь и защищайтесь» — сказал он им — «а я от генерала выходить на вылазку повеления не имею.»

29-го Пугачев подступил опять, везя две пушки на санях и перед ними подвигая несколько возов сена. Он кинулся к бастиону, на котором не было пушки. Заев поспешил поставить

lib.pushkinskijdom.ru

там две; но прежде, нежели успели их перетащить, мятежники разбили ядрами деревянный бастион, спешась, бросились и доломали его, и с обычным воплем ворвались в крепость. Солдаты расстроились и побежали. Заев, почти все офицеры и двести рядовых были убиты. Остальных погнали в ближнюю татарскую деревню. Пленные солдаты приведены были против заряженной пушки. Пугачев, в красном казацком платье, приехал верхом в сопровождении Хлопуши. При его появлении солдаты поставлены были на колена. Он сказал им: *прощает вас бог и я, ваш государь Петр III, император. Вставайте!* Потом велел оборотить пушку и выпалить в степь. Ему представили капитана Камешкова и прапорщика Воронова. История должна сохранить сии смиренные имена. — *За чем вы шли на меня, на вашего государя?* спросил победитель. — «Ты нам не государь», отвечали пленники: «у нас в России государыня императрица Екатерина Алексеевна и государь цесаревич Павел Петрович; а ты вор и самозванец.» Они тут же были повешены. — Потом привели капитана Башарина. Пугачев не сказал уже ему ни слова, велел было вешать и его Но взятые в плен солдаты стали за него просить. *Коли он был до вас добр,* сказал самозванец, *то я его прощаю.* И велел его так же, как и солдат, остричь по-казацки, а раненых отвести в крепость. Казаки, бывшие в отряде, были приняты мятежниками, как товарищи На вопрос, за чем они тотчас не присоединились к осаждающим, они отвечали, что боялись солдат.

От Ильинской Пугачев опять обратился к Верхне-Озерной. Ему непременно хотелось ее взять, тем более, что в ней находилась жена бригадира Корфа. Он грозился ее повесить, злобясь на ее мужа, который думал обмануть его лживыми переговорами [8].

30 ноября он снова окружил крепость и целый день стрелял по ней из пушек, покушаясь на приступ, то с той, то с другой стороны. Демарин, для ободрения своих, целый день стоял на валу, сам заряжая пушку. Пугачев отступил и хотел итти противу Станиславского, но, перехватив оренбургскую почту, раздумал и возвратился в Бердскую слободу.

Во время его отсутствия, Рейнсдорп хотел сделать вылазку, и 30-го, ночью, войско выступило было из города; но лошади, изнуренные бескормицей, падали и дохли под тяжестью артиллерии, а несколько казаков бежало. Валленштерн принужден был возвратиться.

В Оренбурге начинал оказываться недостаток в съестных припасах. Рейнсдорп требовал оных от Декалонга и Станиславского. Оба отговаривались. Он ежечасно ожидал прибытия нового войска и не получал о нем никакого известия будучи отрезан отовсюду, кроме Сибири и киргиз-кайсацких степей. Для поимки языка высылал он иногда до тысячи человек, и то нередко без успеха Вздумал он, по совету Тимашева, расставить капканы около вала и как волков, ловить мятежников, разъез-

lib.pushkinskijdom.ru

жающих ночью близ города. Сами осажденные смеялись над сею военною хитростию, хотя им было не до смеха; а Падуров, в одном из своих писем, язвительно упрекал губернатора его неудачной выдумкой, предрекая ему гибель и насмешливо советуя покориться самозванцу.

Яицкий городок, сие первое гнездо бунта, долго не выходил из повиновения, устрашенный войском Симонова. Наконец частые пересылки с бунтовщиками и ложные слухи о взятии Оренбурга ободрили приверженцев Пугачева. Казаки, отряжаемые Симоновым из города для содержания караулов, или для поимки возмутителей подсылаемых из Бердской слободы, начали явно оказывать неповиновение, освобождать схваченных бунтовщиков, вязать верных старшин и перебегать в лагерь к самозванцу. Разнесся слух о приближении мятежнического отряда. В ночь с 29 на 30 декабря старшина Мостовщиков выступил противу него. Через несколько часов трое из бывших с ним казаков прискакали в крепость и объявили, что Мостовщиков в семи верстах от города был окружен и захвачен многочисленными толпами бунтовщиков. Смятение в городе было велико. Симонов оробел; к счастию, в крепости находился капитан Крылов, человек решительный и благоразумный. Он в первую минуту беспорядка принял начальство над гарнизоном и сделал нужные распоряжения. 31 декабря отряд мятежников, под предводительством Толкачева, вошел в город. Жители приняли его с восторгом и, тут же вооружась чем ни попало, с ним соединились, бросились к крепости изо всех переулков, засели в высокие избы и начали стрелять из окошек. Выстрелы, говорит один свидетель, сыпались подобно дроби битой десятью барабанщиками. В крепости падали не только люди стоявшие на виду, но и те, которые на минуту приподымались из-за заплотов. — Мятежники, безопасные в десяти саженях от крепости, и большею частию *гулебщики* (охотники) попадали даже в щели, из которых стреляли осажденные. Симонов и Крылов хотели зажечь ближайшие дома. Но бомбы падали в снег и угасали, или тотчас были заливаемы. Ни одна изба не загоралась. Наконец трое рядовых вызвались зажечь ближайший двор, что им и удалось. Пожар быстро распространился. Мятежники выбежали; из крепости начали по них стрелять из пушек; они удалились, унося убитых и раненых. К вечеру ободренный гарнизон сделал вылазку и успел зажечь еще несколько домов.

В крепости находилось до тысячи гарнизонных солдат и послушных; довольное количество пороху, но мало съестных припасов. Мятежники осадили крепость, завалили бревнами обгорелую площадь и ведущие к ней улицы и переулки; за строениями взвели до шестнадцати баттарей; в избах, подверженных выстрелам, поделали двойные стены, засыпав промежуток землею, и начали вести подкопы. Осажденные старались только отдалить неприятеля, очищая площадь и нападая на укрепленные избы. Сии опасные вылазки производились ежедневно, иногда два раза

lib.pushkinskijdom.ru

в день и всегда с успехом: солдаты были остервенены, а послушные не могли ожидать пощады от мятежников.

Положение Оренбурга становилось ужасным. У жителей отобрали муку и крупу, и стали им производить ежедневную раздачу. Лошадей давно уже кормили хворостом. Большая часть их пала и употреблена была в пищу. Голод увеличивался. Куль муки продавался (и то самым тайным образом) за двадцать пять рублей. По предложению Рычкова (академика, находившегося в то время в Оренбурге) стали жарить бычачьи и лошадиные кожи и, мелко изрубив, мешать в хлебы. Произошли болезни. Ропот становился громче. Опасались мятежа.

В сей крайности Рейнсдорп решился еще раз попробовать счастие оружия, и 13 января все войска, находившиеся в Оренбурге, выступили из города тремя колоннами, под предводительством Валленштерна, Корфа и Наумова. Но темнота зимнего утра, глубина снега и изнурение лошадей препятствовали дружному содействию войск. Наумов первый прибыл к назначенному месту. Мятежники увидели его и успели сделать свои распоряжения. Валленштерн, долженствовавший занять высоты и дороги из Берды в Каргале, был предупрежден. Корф был встречен сильным пушечным огнем; толпы мятежников начали заезжать в тыл обеим колоннам. Казаки, оставленные в резерве, бежали от них и, прискакав к колонне Валленштерна, произвели общий беспорядок. Он очутился между трех огней; солдаты его бежали. Валленштерн отступил; Корф ему последовал; Наумов, сначала действовавший довольно удачно, страшась быть отрезан, кинулся за ними. Все войско бежало в беспорядке до самого Оренбурга, потеряв до четырехсот убитыми и ранеными, и оставя пятнадцать орудий в руках разбойников. После сей неудачи, Рейнсдорп уже не осмеливался действовать наступательно и под защитою стен и пушек стал ожидать своего освобождения.

Бибиков прибыл в Казань 25 декабря. В городе не нашел он ни губернатора, ни главных чиновников. Большая часть дворян и купцов бежала в губернии еще безопасные. Брант был в Козмодемьянске. Приезд Бибикова оживил унывший город; выехавшие жители стали возвращаться. 1 января 1774 года, после молебствия и слова, говоренного казанским архиереем Вениамином, Бибиков собрал у себя дворянство, и произнес умную и сильную речь, в которой, изобразив настоящее бедствие и попечения правительства о пресечении оного, обратился к сословию, которое вместе с правительством обречено было на гибель крамолою, и требовал содействия от его усердия к отечеству и верности к престолу. Речь сия произвела глубокое впечатление. Собрание тут же положило на свой счет составить и вооружить конное войско, поставя с двухсот душ одного рекрута. Генерал-маиор Ларионов, родственник Бибикова, был избран в начальники легиона. Дворянство симбирское, свияжское и пензенское последовало сему примеру: были составлены еще два конных

lib.pushkinskijdom.ru

отряда и поручены начальству маиоров Гладкова и Чемесова, и капитана Матюнина. Казанский магистрат также вооружил на свое иждивение один эскадрон гусар.

Императрица изъявила казанскому дворянству монаршее благоволение, милость и покровительство, и в особом письме к Бибикову, именуя себя казанскою помещицею, вызывалась принять участие в мерах, предпринимаемых общими силами. Дворянский предводитель Макаров отвечал императрице речью, сочиненною гвардии подпоручиком Державиным, находившимся тогда при главнокомандующем [5].

Бибиков, стараясь ободрить окружавших его жителей и подчиненных, казался равнодушным и веселым; но беспокойство, досада и нетерпение терзали его. В письмах к графу Чернышеву, фон-Визину и своим родственникам, он живо изображает затруднительность своего положения. 30 декабря писал он своей жене: «Наведавшись о всех обстоятельствах, дела здесь нашел прескверны, так что и описать буде б хотел, не могу; вдруг себя увидел гораздо в худших обстоятельствах и заботе, нежели как сначала в Польше со мною было. Пишу день и ночь, пера из рук не выпуская; делаю все возможное, и прошу господа о помощи. Он един исправить может своею милостию. Правда, поздненько хватились. Войска мои прибывать начали вчера; баталион гренадер и два эскадрона гусар, что я велел везти на почте, прибыли. Но к утушению заразы, сего очень мало, а зло таково, что похоже (помнишь) на петербургской пожар, как в разных местах вдруг горело, и как было поспевать всюду трудно. Со всем тем, с надеждою на Бога, буду делать что только в моей возможности будет. Бедный старик губернатор, Брант, так замучен, что насилу уже таскается. Отдаст богу ответ в пролитой крови и погибели множества людей невинных, кто скоростию перепакостил здешние дела и обнажил от войск. Впрочем я здоров, только пить ни есть не хочется, и сахарные явства на ум нейдут. Зло велико, преужасно. Батюшку, милостивого государя, прошу о родительских молитвах, а праведную [6] Евпраксию нередко поминаю. Ух! дурно.»

В самом деле, положение дел было ужасно. Общее возмущение башкирцев, калмыков и других народов, рассеянных по тамошнему краю, отовсюду пресекало сообщение. Войско было малочисленно и ненадежно. Начальники оставляли свои места и бежали, завидя башкирца с сайдаком или заводского мужика с дубиной [7]. Зима усугубила затруднения. Степи покрыты были глубоким снегом [8]. Невозможно было двинуться вперед, не запасшись не только хлебом, но и дровами [9]. Селения были пусты, главные города в осаде, другие заняты шайками бунтовщиков, заводы разграблены и выжжены, чернь везде волновалась и злодействовала. Войска, посланные изо всех концов государства, подвигались медленно. Зло, ничем не прегражденное, разливалось быстро и широко. От Илецкого городка до Гурьева, яицкие казаки бунтовали. Губернии Казанская, Нижегородская и Астра-

lib.pushkinskijdom.ru

ханская [10] были наполнены шайками разбойников; пламя могло ворваться в самую Сибирь; в Перми начинались беспокойства; Екатеринбург был в опасности. Киргиз-кайсаки, пользуясь отсутствием войск, начали переходить через открытую границу, грабить хутора, отгонять скот, захватывать жителей [11]. Закубанские народы шевелились, возбуждаемые Турциею; даже некоторые из европейских держав думали воспользоваться затруднительным положением, в каком находилась тогда Россия [12].

Виновник сего ужасного смятения привлекал общее внимание. В Европе принимали Пугачева за орудие турецкой политики. Вольтер, тогдашний представитель господствующих мнений, писал Екатерине: C'est apparemment le Chevalier de Tott qui a fait jouer cette farce, mais nous ne sommes plus au temps de Demetrius, et telle pièce de théâtre qui réussissait il y a deux cents ans, est sifflée aujourd'hui. *

Императрица, досадуя на сплетни европейские, отвечала Вольтеру с некоторым нетерпением: Monsieur, les gazettes seules font beaucoup de bruit du brigand Pougatschef lequel n'est en relation directe, ni inderecte avec Mr. de Tott. Je fais autant de cas des canons fondus par l'un, que des entreprises de l'autre. Mr. de Pougatschef et Mr. de Totte ont cependant cela de commun, que le premier file tous les jours sa corde de chanvre et que le second s'expose à chaque instant au cordon de soie [13]. **

Несмотря на свое презрение к разбойнику, императрица не упускала ни одного средства образумить ослепленную чернь. Разосланы были всюду увещевательные манифесты; обещано десять тысяч рублей за поимку самозванца. Особенно опасались сношений Яика с Доном. Атаман Ефремов был сменен, а на его место избран Семен Сулин. Послано в Черкаск повеление сжечь дом и имущество Пугачева, а семейство его, *бево всякого оскорбления*, отправить в Казань, для уличения самозванца в случае поимки его. Донское начальство в точности исполнило слова высочайшего указа: дом Пугачева, находившийся в Зимовейской станице, был за год перед сим продан его женою, пришедшею в крайнюю бедность, и уже сломан и перенесен на чужой двор. Его перевезли на прежнее место и в присутствии духовенства и всей станицы сожгли. Палачи развеяли пепел на ветер, двор окопали и огородили, оставя на веки в запустение, как место проклятое. Начальство, от имени всех зимовейских каза-

---

* Перевод: Повидимому, это кавалер де Тотт устроил втот фарс, но мы живем уже не во времена Димитрия, и пьеса, которая имела успех двести лет тому назад, ныне освистывается публикой.

** Перевод: Сударь, только газеты поднимают много шуму по поводу разбойника Пугачева, который не имеет ни прямого, ни косвенного отношения к г. де Тотт. Я столько же придаю значения пушкам одного, сколько предприятиям другого. Однако, г. де Пугачев и г де Тотт имеют то общее, что первый прядет каждый день свою веревку из конопли, а второй каждую минуту приближается к шелковому шнурку.

lib.pushkinskijdom.ru

ков, просило дозволения перенести их станицу на другое место, *хотя бы и менее выгодное*. Государыня не согласилась на столь убыточное доказательство усердия, и только переименовала Зимовейскую станицу в Потемкинскую, покрыв мрачные воспоминания о мятежнике славой имени нового, уже любезного ей и отечеству. Жена Пугачева, сын и две дочери (все трое малолетние) были отосланы в Казань, куда отправлен и родной его брат, служивший казаком во второй армии. Между тем отобраны следующие подробные сведения о злодее, колебавшем государство [14].

Емельян Пугачев, Зимовейской станицы служилый казак, был сын Ивана Михайлова, умершего в давних годах. Он был сорока лет от-роду, росту среднего, смугл и худощав; волосы имел темно-русые, бороду черную, не большую и клином. Верхний зуб был вышибен еще в ребячестве, в кулачном бою. На левом виску имел он белое пятно, а на обеих грудях знаки, остьшиеся после болезни, называемой черною немочью [15]. Он не знал грамоте и крестился по-раскольничьи. Лет тому десять женился он на казачке Софье Недюжиной, от которой имел пятеро детей. В 1770 году был он на службе во второй армии, находился при взятии Бендер, и через год отпущен на Дон, по причине болезни. Он ездил для излечения в Черкаск. По его возвращении на родину, зимовейский атаман спрашивал его на станичном сборе, откуда взял он карюю лошадь, на которой приехал домой? Пугачев отвечал, что купил ее в Таганроге; но каазки, зная его беспутную жизнь, не поверили и послали его взять тому письменное свидетельство. Пугачев уехал. Между тем узнали, что он подговаривал некоторых казаков, поселенных под Таганрогом, бежать за Кубань. Положено было отдать Пугачева в руки правительству. Возвратясь в декабре месяце, он скрывался на своем хуторе, где и был пойман; но успел убежать; скитался месяца три неведомо где; наконец, в великом посту, однажды вечером пришел тайно к своему дому и постучался в окошко. Жена впустила его и дала знать о нем казакам. Пугачев был снова пойман и отправлен под караулом к сыщику, старшине Макарову, в Нижнюю Чирскую станицу, а оттуда в Черкаск. С дороги он бежал опять, и с тех пор уже на Дону не являлся. Из показаний самого Пугачева, в конце 1772 года приведенного в канцелярию дворцовых дел, известно уже было, что после своего побега скрывался он за польской границей, в раскольничьей слободе Ветке; потом взял паспорт с Добрянского форпоста, сказавшись выходцем из Польши, и пробрался на Яик, питаясь милостыней. — Все сии известия были обнародованы; между тем правительство запретило народу толковать о Пугачеве, коего имя волновало чернь. Сия временная полицейская мера имела силу закона до самого восшествия на престол покойного государя императора Александра, когда разрешено было писать и печатать о Пугачеве [16]. Доныне престарелые свидетели тогдашнего смятения неохотно отвечают на вопросы любопытных.

lib.pushkinskijdom.ru

Глава пятая.

Распоряжение Бибикова. — Первые успехи. — Взятие Самары и Заинска. — Державин. — Михельсон. — Продолжение осады Яицкого городка. — Свадьба Пугачева. — Разорение Илецкой Защиты. — Смерть Лысова. — Сражение под Татищевой. — Бегство Пугачева. — Казнь Хлопуши. — Освобождение Оренбурга. — Пугачев разбит вторично. — Сражение при Чесноковке. — Освобождение Уфы и Яицкого городка. — Смерть Бибикова.

Наконец войска, отовсюду посланные противу Пугачева, стали приближаться к месту своего назначения. Бибиков устремил их к Оренбургу. Генерал-маиор князь Голицын, с своим корпусом, должен был заградить московскую дорогу, действуя от Казани до Оренбурга. Генерал-маиору Мансурову вверено было правое крыло для прикрытия самарской линии, куда со своими отрядами следовал маиор Муфель и подполковник Гринев. Генерал-маиор Ларионов послан был к Уфе и к Екатеринбургу. Декалонг охранял Сибирь. и должен был отрядить маиора Гагрина с одною полевою командою для защиты Кунгура. В Малыковку послан был гвардии поручик Державин. для прикрытия Волги со стороны Пензы и Саратова. Успех оправдал сии распоряжения. Бибиков сначала сомневался в духе своего войска. В одном из полков (во Владимирском) оказались было приверженцы Пугачева. Начальникам городов, через которые полк проходил, велено было разослать по кабакам переодетых чиновников. Таким образом возмутители были открыты и захвачены. В последствии Бибиков был доволен своими полками. «Дела мои, богу благодарение! (писал он в феврале) идут час-от-часу лучше; войски подвигаются к гнезду злодеев. Что мною довольны (в Петербурге), то я изо всех писем вижу, только спросили бы у гуся: не зябнут ли ноги?»

Маиор Муфель, с одною полевою командою, 29 декабря приближился к Самаре, занятой накануне шайкою бунтовщиков, и встреченный ими, разбил и гнал их до самого города. Тут они, под прикрытием городских пушек, думали сопротивляться. Но драгуны ударили в палаши и въехали в город, рубя и попирая бегущих. В самое сие время, в двух верстах от Самары, показались ставропольские калмыки [1], идущие на помощь бунтовщикам. Они побежали, увидя высланную противу них конницу. Город был очищен. Шесть пушек и двести пленных достались победителю. Вслед за Муфелем вступили в Самару подполковник Гринев и генерал-маиор Мансуров. Последний немедленно послал отряд к Ставрополю. для усмирения калмыков: но они разбежались, и отряд, не видав их, возвратился в Самару.

Полковник Бибиков, отряженный из Казани с четырьмя гренадерскими ротами и одним эскадроном гусар на подкрепление генерал-маиора Фреймана, стоявшего в Бугульме безо всякого действия, пошел на Заинск, коего семидесятилетний комендант, капитан Мертвецов, принял с честью шайку разбойников, сдав им начальство над городом. Бунтовщики укрепились как умели; в пяти верстах от города, Бибиков услышал уже их пушечную пальбу. Рогатки их были сломаны, баттареи взяты, предместия

lib.pushkinskijdom.ru

заняты; все бежало. Двадцать пять бунтовавших деревень пришли в повиновение. К Бибикову являлось в день до четырех тысяч раскаявшихся крестьян; им выдавали билеты, и всех распускали по домам.

Державин, начальствуя тремя фузелерными ротами, привел в повиновение раскольничьи селения, находящиеся на берегах Иргиза и орды племен, кочующих между Яиком и Волгою [2]. Узнав однажды, что множество народу собралось в одной деревне, с намерением итти служить у Пугачева, он приехал с двумя казаками прямо к сборному месту и потребовал от народа объяснения. Двое из зачинщиков выступили из толпы, объявили ему свое намерение и начали к нему приступать с укорами и угрозами. Народ уже готов был остервениться. Но Державин строго на них прикрикнул и велел своим казакам вешать обоих зачинщиков. Приказ его был тотчас исполнен, и сборище разбежалось.

Генерал-маиор Ларионов, начальник дворянского легиона, отряженный для освобождения Уфы, не оправдал общей доверенности. «За грехи мои (писал Бибиков) навязался мне братец мой А. Л., который сам вызвался сперва командовать особливым деташментом, а теперь с места сдвинуть не могу». Ларионов оставался в Бакалах без всякого действия. Его неспособность заставила главнокомандующего послать на его место, некогда раненого при его глазах и уже отличившегося в войне противу конфедератов офицера, полковника Михельсона.

Князь Голицын принял начальство над войсками Фреймана. 22 января перешел он чрез Каму. 6 февраля соединился с ним полковник Бибиков; Мансуров — 10-го. Войско двинулось к Оренбургу.

Пугачев знал о приближении войск. и мало о том заботился. Он надеялся на измену рядовых и на оплошность начальников. *Попадутся сами нам в руки*, отвечал он своим сообщникам, когда настойчиво звали они его навстречу приближающихся отрядов. В случае ж поражения намеревался он бежать, оставя свою сволочь на произвол судьбы. Для того держал он на лучшем корму тридцать лошадей, выбранных им на скачке. Башкирцы подозревали его намерение и роптали. «Ты взбунтовал нас, говорили они, и хочешь нас оставить, а там нас будут усмирять, как усмиряли отцов наших». (Казни 1740 года были у них в свежей памяти [3]). Яицкие же казаки в случае неудачи думали предать Пугачева в руки правительства и тем заслужить себе помилование. Они стерегли его, как заложника. Бибиков понимал их и Пугачева, когда писал фон-Визину следующие замечательные строки: «Пугачев не что иное, как чучело, которым играют воры, яицкие казаки: не Пугачев важен; важно общее негодование [4].»

Пугачев из-под Оренбурга отлучился к Яицкому городку. Его прибытие оживило деятельность мятежников. 20 января он сам предводительствовал достопамятным приступом. Ночью взорвана была часть вала под баттареею, устроенною при *Старице* (прежнем русле Яика). Мятежники, под дымом и пылью,

lib.pushkinskijdom.ru

с криком бросились к крепости, заняли ров и, ставя лестницы, силились взойти на вал; но были опрокинуты и отражены. Все жители, даже женщины и дети, подкрепляли их. Пугачев стоял во рву с копьем в руке, сначала стараясь лаской возбудить ревность приступающих, наконец сам коля бегущих. Приступ длился девять часов сряду, при неумолкной пальбе и перестрелке. Наконец подпоручик Толстовалов с пятидесятью охотниками сделал вылазку, очистил ров и прогнал бунтовщиков, убив до четырехсот человек и потеряв не более пятнадцати. Пугачев скрежетал. Он поклялся повесить не только Симонова и Крылова, но и все семейство последнего, находившееся в то время в Оренбурге. Таким образом, обречен был смерти и четырех-летний ребенок, в последствии славный Крылов.

Пугачев в Яицком городке увидел молодую казачку, Устинью Кузнецову, и влюбился в нее. Он стал ее сватать. Отец и мать изумились и отвечали ему: «помилуй государь! Дочь наша не княжна не королевна; как ей быть за тобою? Да и как тебе жениться, когда матушка государыня еще здравствует?» Пугачев однако, в начале февраля, женился на Устиньи, наименовал ее императрицей, назначил ей штатс-дам и фрейлин из яицких казачек и хотел, чтоб на ектении поминали после государя Петра Федоровича супругу его государыню Устинью Петровну. Попы его не согласились, сказывая, что не получили на то разрешения от синода. Отказ их огорчил Пугачева; но он не настаивал в своем требовании. Жена его оставалась в Яицком городке, и он ездил к ней каждую неделю. Его присутствие ознаменовано было всегда новыми покушениями на крепость. Осажденные, с своей стороны, не теряли бодрости. Их пальба не умолкала, вылазки не прекращались.

19 февраля ночью прибежал из города в крепость *малолеток*[5] и объявил, что с прошедшего дня подведен под колокольню подкоп, куда и положено двадцать пуд пороху, и что Пугачев назначил того же числа напасть на крепость. Извет показался невероятным. Симонов полагал, что малолеток был подослан нарочно для посеяния пустого страха. Осажденные вели контрмину и не слыхали никакой земляной работы: двадцатью пудами пороху мудрено взорвать было шестиярусную, высокую колокольню. Однако же, как под нею в подвале сохранялся весь пороховой запас (что могли знать и мятежники), то и поспешили оный убрать, разобрали кирпичный пол и начали вести контрмину. Гарнизон приготовился; ожидали взрыва и приступа. Не прошло и двух часов, как вдруг подкоп был приведен в действие; колокольня тихо зашаталась. Нижняя палата развалилась, и верхние шесть ярусов осели, подавив несколько людей, находившихся близ колокольни. Камни, не быв разметаны, свалились в груду. Бывшие же в самом верхнем ярусе шесть часовых при пушке, свалились оттоле живы; а один из них в то время спавший, опустился не только без всякого вреда, но даже не проснувшись.

lib.pushkinskijdom.ru

Еще колокольня валилась, как уже из крепости загремели пушки; гарнизон, стоявший в ружье, тотчас занял развалины колокольни. и поставил там баттарею. Мятежники, не ожидавшие таковой встречи, остановились в недоумении; через несколько минут они подняли свой обычный визг; но никто не шел вперед. Напрасно предводители кричали: на слом, на слом, атаманы молодцы! Приступу не было; визг продолжался до зари, и бунтовщики разошлись, ропща на Пугачева, обещавшего им, что при взрыве колокольни, на крепость упадет каменный град и передавит весь гарнизон.

На другой день Пугачев получил из-под Оренбурга известие о приближении князя Голицына и поспешно уехал в Берду, взяв с собою пятьсот человек конницы и до полуторы тысячи подвод. Сия весть дошла и до осажденных. Они предались радости, рассчитывая, что помощь приспеет к ним через две недели. Но минута их освобождения была еще далека.

Во время частых отлучек Пугачева, Шигаев, Падуров и Хлопуша управляли осадой Оренбурга. Хлопуша, пользуясь его отсутствием, вздумал овладеть Илецкою Защитой [6] (где добывается каменная соль) и в конце февраля, взяв с собою четыреста человек, напал на оную. Защита была взята при помощи тамошних ссыльных работников, между коими находилось и семейство Хлопуши. Казенное имущество было разграблено; офицеры перебиты, кроме одного, пощаженного по просьбе работников; колодники присоединены к шайке мятежников. Пугачев, возвратясь в Берду, негодовал на своеволие смелого каторжника. и укорял его за разорение Защиты, как за ущерб государственной казне. Пугачев выступил против князя Голицына с десятью тысячами отборного войска, оставя под Оренбургом Шигаева с двумя тысячами. Накануне велел он тайно задавить одного из верных своих сообщников, Дмитрия Лысова. Несколько дней пред тем, они ехали вместе из Каргале в Берду, будучи оба пьяны, и дорогою поссорились. Лысов наскакал сзади на Пугачева и ударил его копьем. Пугачев упал с лошади; но панцырь, который всегда носил он под платьем, спас его жизнь. Их помирили товарищи, и Пугачев пил еще с Лысовым за несколько часов до его смерти.

Пугачев занял крепости Тоцкую и Сарочинскую [7] и с обыкновенною дерзостию ночью, в сильный буран, напал на передовые отряды Голицына; но был отражен маиорами Пушкиным и Елагиным. В сем сражении убит храбрый Елагин. В самое сие время Мансуров соединился с князем Голицыным. Пугачев отступил к Новосергиевской [8], не успев сжечь крепостей, им оставленных. Голицын, оставя в Сарочинской свои запасы под прикрытием четырехсот человек при осьми пушках, через два дня пошел далее. Пугачев сделал движение на Илецкий городок и, вдруг повернув к Татищевой, в ней засел и стал там укрепляться. Голицын послал было к Илецкому городку подполковника Бедрягу с тремя эскадронами конницы, подкрепляемой пехотою и

lib.pushkinskijdom.ru

пушками, а сам пошел прямо на Переволоцкую • (куда возвратился и Бедряга); оттуда, оставя обоз под прикрытием одного баталиона при подполковнике Гриневе, 22 марта подступил под Татищеву.

Крепость, в прошедшем году взятая и выжженная Пугачевым, была уже им исправлена. Сгоревшие деревянные укрепления были заменены снеговыми. Распоряжения Пугачева удивили князя Голицына, не ожидавшего от него таких сведений в военном искусстве. Голицын сначала отрядил триста человек для высмотра неприятеля [10]. Мятежники, притаясь, подпустили их к самой крепости, и вдруг сделали сильную вылазку: но были удержаны двумя эскадронами, подкреплявшими первых. Полковник Бибиков тот же час послал егерей, которые, бегая на лыжах по глубокому снегу, заняли все выгодные высоты. Голицын разделил войска на две колонны, стал приближаться и открыл огонь, на который из крепости отвечали столь же сильно. Пальба продолжалась три часа. Голицын увидел, что одними пушками одолеть было невозможно, и велел генералу Фрейману с левою колонною итти на приступ. Пугачев выставил против него семь пушек. Фрейман их отнял и бросился на оледенелый вал. Мятежники защищались отчаянно, но принуждены были уступить силе правильного оружия — и бежали во все стороны. Конница, дотоле недействовавшая, преследовала их по всем дорогам. Кровопролитие было ужасно. В одной крепости пало до тысячи трех сот мятежников. На пространстве двадцати верст кругом, около Татищевой, лежали их тела. Голицын потерял до четырехсот убитыми и ранеными, в том числе более двадцати офицеров [11]. Победа была решительная. Тридцать шесть пушек и более трех тысяч пленных достались победителю. Пугачев с шестьюдесятьми казаками пробился сквозь неприятельское войско и прискакал сампят в Бердскую слободу с известием о своем поражении. Бунтовщики начали выбираться из Берды, кто верхом, кто на санях. На воза громоздили загрaбленное имущество. Женщины и дети шли пешие. Пугачев велел разбить бочки вина, стоявшие у его избы, опасаясь пьянства и смятения. Вино хлынуло по улице. Между тем Шигаев, видя, что все пропало, думал заслужить себе прощение и, задержав Пугачева и Хлопушу [12], послал от себя к оренбургскому губернатору с предложением о выдаче ему самозванца и прося дать ему сигнал двумя пушечными выстрелами. Сотник Логинов, сопровождавший бегство Пугачева, явился к Рейнсдорпу с сим известием. Бедный Рейнсдорп не смел поверить своему счастию и целых два часа не мог решиться дать требуемый сигнал! Пугачев и Хлопуша были между тем освобождены ссылочными, находившимися в Берде. Пугачев бежал с десятью пушками, с загрaбленною добычею и с двумя тысячами остальной сволочи. Хлопуша прискакал в Каргале, с намерением спасти жену и сына. Татары связали его, и послали уведомить о том губернатора. Славный каторжник был привезен в Оренбург, где наконец отсекли ему голову, в июне 1774 года.

lib.pushkinskijdom.ru

Оренбургские жители, услышав о своем освобождении, толпами бросились из города вслед за шестьюстами человек пехоты, высланных Рейнсдорпом к оставленной слободе, и овладели жизненными запасами. В Берде найдено осьмнадцать пушек, семнадцать бочек медных денег [13] и множество хлеба. В Оренбурге спешили принести богу благодарение за нечаянное избавление. Благословляли Голицына. Рейнсдорп писал ему, поздравляя его с победою и называя спасителем Оренбурга [14]. Отвсюду начали в город навозить запасы. Настало изобилие, и бедственная шестимесячная осада была забыта в одно радостное мгновение. 26 марта Голицын приехал в Оренбург; жители приняли его с восторгом неописанным.

Бибиков с нетерпением ожидал сего перелома. Для ускорения военных действий выехал он из Казани и был встречен в Бугульме известием о совершенном поражении Пугачева. Он обрадовался несказанно. «То-то жернов с сердца свалился (писал он от 26 марта жене своей). Сегодня войдут мои в Оренбург; немедленно и я туда поспешу добраться, чтобы еще ловчее было поворачивать своими; а сколько седых волос прибавилось в бороде, то бог видит; а на голове плешь еще более стала: однако я по морозу хожу без парика.»

Между тем Пугачев, миновав разосланные разъезды, прибыл утром 24-го в Сеитовскую [15] слободу, зажег ее и пошел к Сакмарскому городку, забирая дорогою новую сволочь. Он полагал наверное, что из Татищевой Голицын со всеми своими силами должен был обратиться к Яицкому городку, и вдруг пошел занять снова Бердскую слободу, надеясь нечаянно овладеть Оренбургом. Голицын, узнав о таковой дерзости чрез полковника Хорвата, преследовавшего Пугачева от самой Татищевой, усилил свое войско бывшими в Оренбурге пехотными отрядами и казаками; взяв для них последних лошадей у своих офицеров, немедленно пошел навстречу самозванцу и встретил его в Каргале. Пугачев, увидя свою ошибку, стал отступать, искусно пользуясь местоположением. На узкой дороге, против полковников Бибикова и Аршеневского, выставил он семь пушек и под их прикрытием проворно устремился к реке Сакмаре. Но тут к Бибикову подоспели пушки; он, заняв гору, выстроил баттарею; Хорват, в последней теснине, бросясь на мятежников, отбил орудия и, обратя в бегство, восемь верст преследовал их толпы и вместе с ними въехал в Сакмарский городок. Пугачев потерял последние пушки, четыреста человек убитыми и три тысячи пятьсот взятыми в плен. В числе последних находились и главные его сообщники: Шигаев, Почиталин, Падуров и другие. Пугачев с четырьмя заводскими мужиками бежал к Пречистенской и оттоле на уральские заводы. Усталая конница не могла его достичь. После сей решительной победы Голицын возвратился в Оренбург, отрядив Фреймана — для усмирения Башкирии, Аршеневского — для очищения Новомосковской дороги, а Мансурова — к Илецкому городку, дабы, очистя всю ту сторону, шел он на освобождение Симонова.

lib.pushkinskijdom.ru

Михельсон с своей стороны действовал не менее удачно. Приняв 18 марта начальство над своим отрядом, он тотчас двинулся к Уфе. Против него, для преграждения пути, выслано было Чикою две тысячи человек с четырьмя пушками, которые и ожидали его в деревне Жукове. Михельсон, оставя их у себя в тылу, пошел прямо на Чесноковку, где стоял Чика с десятью тысячами мятежников, и рассея дорогою несколько мелких отрядов, 25-го на рассвете пришел в деревню Требикову (в пяти верстах от Чесноковки). Тут он был встречен толпою бунтовщиков с двумя пушками. Маиор Харин разбил их и рассеял; егери отняли пушки, и Михельсон двинулся вперед. Обоз его шел под прикрытием ста человек и одной пушки. Они прикрывали и тыл Михельсона, в случае нападения. 26-го, на рассвете, у деревни Зубовки, встретил он мятежников. Часть их выбежала на лыжах и верхами и, растянувшись по обеим сторонам дороги, старалась окружить его. Три тысячи, подкрепленные десятью пушками, пошли прямо ему на-встречу. Между тем открыли огонь из баттареи, поставленной в деревне. Сражение продолжалось четыре часа. Бунтовщики дрались храбро. Наконец Михельсон, увидя конницу, идущую к ним на подкрепление, устремил все свои силы на главную толпу и велел своей коннице, спешившейся в начале сражения, садиться на-конь и ударить в палаши. Передовые толпы бежали, брося пушки. Харин, рубя их, вместе с ними вступил в Чесноковку. Между тем конница, шедшая к ним на помощь в Зубовку, была отражена, и бежала к Чесноковке же, где Харин встретил ее и всю захватил. Лыжники, успевшие зайти в тыл Михельсону и отрезать от него обоз, в то же время были разбиты двумя ротами гренадер. Они разбежались по лесам. Взято в плен три тысячи бунтовщиков. Заводские и экономические крестьяне распущены были по деревням. Захвачено двадцать пять пушек и множество запасов. Михельсон повесил двух главных бунтовщиков: башкирского старшину и выборного села Чесноковки. Уфа была освобождена. Михельсон, нигде не останавливаясь, пошел на Табинск, куда, после Чесноковского дела, прискакали Ульянов и Чика. Там они были схвачены [16] казаками и выданы победителю, который отослал их скованных в Уфу. После того Михельсон учредил разъезды во все стороны, и успел восстановить спокойствие в большей части бунтовавших деревень.

Илецкий городок и крепости Озерная и Рассыпная, свидетели первых успехов Пугачева, были уже оставлены мятежниками. Начальники их, Чулошников и Кизилбашин, бежали в Яицкий городок. Весть о поражении самозванца под Татищевой в тот же день до них достигла. Беглецы, преследуемые гусарами Хорвата, проскакали через крепости, крича: спасайтесь, детушки! все пропало! — Они на-скоро перевязывали свои раны и спешили к Яицкому городку. Вскоре настала весенняя оттепель; реки вскрылись, и тела убитых под Татищевой поплыли мимо крепостей [17]. Жены и матери стояли у берега, стараясь узнать между ними своих мужьев и сыновей.

lib.pushkinskijdom.ru

Мансуров 6 и 7 апреля занял оставленные крепости и Илецкий городок, нашед в последнем четырнадцать пушек. 15-го, при опасной переправе через разлившуюся речку Быковку, на него напали Овчинников, Перфильев и Дегтерев. Мятежники были разбиты и рассеяны; Бедряга и Бородин их преследовали; но распутица спасла предводителей. Мансуров немедленно пошел к Яицкому городку.

Крепость находилась в осаде с самого начала года [18]. Отсутствие Пугачева не охлаждало мятежников. В кузницах приготовлялись ломы и лопаты; возвышались новые баттареи. Мятежники деятельно продолжали свои земляные работы, то обрывая берег Чечоры и тем уничтожая сообщение одной части города с другой, то копая траншеи, дабы препятствовать вылазкам. Они намерены были вести подкопы по яру Старицы, кругом всей крепости, под соборную церковь, под баттареи, и под комендантские палаты. Осажденные находились в вечной опасности и с своей стороны принуждены были отовсюду вести контрмины, с трудом прорубая землю, промерзшую на целый аршин; перегораживали крепость новою стеною и кулями, наполненными кирпичем взорванной колокольни.

9 марта, на рассвете, двести пятьдесят рядовых вышли из крепости; целью вылазки было уничтожение новой баттареи, сильно беспокоившей осажденных. Солдаты дошли до завалов, но были встречены сильным огнем. Они смешались. Мятежники хватали их в тесных проходах между завалами и избами, которые хотели они зажечь; кололи раненых и падающих, и топорами отсекали им головы. Солдаты бежали. Убито их было до тридцати человек, ранено до осьмидесяти. Никогда с таким уроном гарнизон с вылазки не возвращался. Удалось сжечь одну баттарею, не главную, да несколько изб. Показание трех захваченных бунтовщиков увеличило уныние осажденных: они объявили о подкопах, веденных под крепость, и о скором прибытии Пугачева. Устрашенный Симонов велел всюду производить новые работы; около его дома беспрестанно пробовали землю буравами; стали копать новый ров. Люди, изнуренные тяжкою работою, почти не спали; ночью половина гарнизона всегда стояла в ружье; другой позволено было только сидя дремать. Лазарет наполнился больными; съестных запасов оставалось не более как дней на десять. Солдатам начали выдавать в сутки только по четверть фунта муки, то-есть, десятую часть меры обыкновенной. Не было уже ни круп, ни соли. Вскипятив артельный котел воды и забелив ее мукою, каждый выпивал чашку свою, что и составляло их насуточную пищу. Женщины не могли более вытерпливать голода; они стали проситься вон из крепости, что и было им позволено; несколько слабых и больных солдат вышли за ними; но бунтовщики их не приняли, а женщин, продержав одну ночь под караулом, прогнали обратно в крепость, требуя выдачи своих сообщников, и обещаясь за то принять и прокормить высланных. Симонов на то не согласился, опасаясь умножить число врагов. Голод

lib.pushkinskijdom.ru

час-от-часу становился ужаснее. Лошадиного мяса, раздававшегося на вес, уже не было. Стали есть кошек и собак. В начале осады, месяца за три до сего, брошены были на лед убитые лошади; о них вспомнили, и люди с жадностию грызли кости, объеденные собаками. Наконец и сей запас истощился. Стали изобретать новые способы к пропитанию. Нашли род глины, отменно мягкой и без примеси песку. Попробовали ее сварить и, составя из нее какой-то кисель, стали употреблять в пищу. Солдаты совсем обессилели. Некоторые не могли ходить. Дети больных матерей чахли и умирали. Женщины несколько раз покушались тронуть мятежников и валялись в их ногах, умоляя о позволении остаться в городе. Их отгоняли с прежними требованиями. Одне казачки были приняты. Ожидаемой помощи не приходило. Осажденные отлагали свою надежду со дня на день, с недели на другую. Бунтовщики кричали гарнизону, что войска правительства разбиты, что Оренбург, Уфа и Казань уже преклонились самозванцу, что он скоро придет к Яицкому городку и что тогда уж пощады не будет. В случае-ж покорности обещали они от его имени не только помилование, но и награды. То же старались они внушить и бедным женщинам, которые просились из крепости в город. Начальникам невозможно было обнадеживать осажденных скорым прибытием помощи; ибо никто не мог уж и слышать о том без негодования: так ожесточены были сердца долгим напрасным ожиданием! Старались удержать гарнизон в верности и повиновении, повторяя, что позорною изменою никто не спасется от гибели, что бунтовщики, озлобленные долговременным сопротивлением, не пощадят и клятвопреступников. Старались возбудить в душе несчастных надежду на бога всемогущего и всевидящего, и ободренные страдальцы повторяли, что лучше предать себя воле его, нежели служить разбойнику, и во все время бедственной осады, кроме двух или трех человек, из крепости беглых не было.

Наступила страстная неделя. Осажденные питались одною глиною уже пятнадцатый день. Никто не хотел умереть голодною смертью. Решились все до одного (кроме совершенно изнеможенных) итти на последнюю вылазку. Не надеялись победить (бунтовщики так укрепились, что уже ни с какой стороны к ним из крепости приступу не было), хотели только умереть честною смертию воинов.

Во вторник, в день, назначенный к вылазке, часовые, поставленные на кровле соборной церкви, приметили, что бунтовщики в смятении бегали по городу, прощаясь между собою, соединялись и толпами выезжали в степь. Казачки провожали их. Осажденные догадывались о чем-то необыкновенном и предались опять надежде. «Все это нас так ободрило» — говорит свидетель осады, претерпевший весь ее ужас, — «как будто мы съели по куску хлеба.» Мало-по-малу смятение утихло; всё, казалось, вошло в обыкновенный порядок. Уныние овладело осажденными пуще прежнего. Они молча глядели в степь, отколе ожидали еще

lib.pushkinskijdom.ru

недавно избавителей... Вдруг, в пятом часу по полудни, вдали показалась пыль, и они увидели толпы, без порядка скачущие из за рощи одна за другою. Бунтовщики въезжали в разные ворота, каждый в те, близ коих находился его дом. Осажденные понимали, что мятежники разбиты и бегут; но еще не смели радоваться; опасались отчаянного приступа. Жители бегали взад и вперед по улицам, как на пожаре. К вечеру ударили в соборной колокол, собрали круг, потом кучею пошли к крепости. Осажденные готовились их отразить; но увидели, что они ведут связанных своих предводителей, атаманов Каргина и Толкачева. Бунтовщики приближались, громко моля о помиловании. Симонов принял их, сам не веря своему избавлению. Гарнизон бросился на ковриги хлеба, нанесенные жителями. До светлого воскресения, пишет очевидец сих происшествий, оставалось еще четыре дня, но для нас уже сей день был светлым праздником. Самые те, которые от слабости и болезни не подымались с постели, мгновенно были исцелены. Всё в крепости было в движении, благодарили бога, поздравляли друг друга; во всю ночь никто не спал. Жители уведомили осажденных об освобождении Оренбурга и о скором прибытии Мансурова. 17 апреля прибыл Мансуров. Ворота крепости, запертые и заваленные с самого 30 декабря, отворились. Мансуров принял начальство над городом. Начальники бунта, Каргин, Толкачев и Горшков, и незаконнная жена самозванца, Устинья Кузнецова, были под стражею отправлены в Оренбург.

Таков был успех распоряжений искусного, умного военачальника. Но Бибиков не успел довершить начатого им: измученный трудами, беспокойством и досадами, мало заботясь о своем уже расстроенном здоровьи, он занемог в Бугульме горячкою и, чувствуя приближающуюся кончину, сделал еще несколько распоряжений. Он запечатал все свои тайные бумаги, приказав доставить их императрице, и сдал начальство генерал-поручику Щербатову, старшему по нем. Узнав по слухам об освобождении Уфы, он успел еще донести о том императрице и скончался 9 апреля, в 11 часов утра, на сорок четвертом году от рождения. Тело его несколько дней стояло на берегу Камы, чрез которую в то время не было возможности переправиться. Казань желала погребсти его в своем соборе и сооружить памятник своему избавителю; но, по требованию его семейства, тело Бибикова отвезено было в его деревню. Андреевская лента, звание сенатора и чин полковника гвардии не застали его в живых. Умирая, говорил он: «Не жалею о детях и жене; государыня призрит их: жалею об отечестве» [19]. — Молва приписала смерть его действию яда, будто бы данного ему одним из конфедератов. Державин воспел кончину Бибикова. Екатерина оплакала его и осыпала его семейство своими щедротами [20]. Петербург и Москва поражены были ужасом. Вскоре и вся Россия почувствовала невозвратную потерю [21].

lib.pushkinskijdom.ru

Глава шестая.

Новые успехи Пугачева. — Башкирец Салават. — Взятие сибирских крепостей. — Сражение под Троицкою. — Отступление Пугачева. — Первая встреча его с Михельсоном. — Преследование Пугачева. — Бездействие войск. — Взятие Осы — Пугачев под Казанью.

Пугачев, коего положение казалось отчаянным, явился на Авзяно-Петровских заводах. Овчинников и Перфильев, преследуемые маиором Шевичем, проскакали через Сакмарскую линию с тремястами яицких казаков и успели с ним соединиться. Ставропольские и оренбургские калмыки хотели им последовать и в числе шестисот кибиток двинулись было к Сорочинской крепости. В ней находился при провианте и фураже отставной подполковник Мелькович, человек умный и решительный. Он принял начальство над гарнизоном и, на них напав, принудил их возвратиться на прежние жилища.

Пугачев быстро переходил с одного места на другое. Чернь по прежнему стала стекаться около него; башкирцы, уже почти усмиренные, снова взволновались. Комендант Верхо-Яицкой крепости, полковник Ступишин, вошел в Башкирию, сжег несколько пустых селений и, захватив одного из бунтовщиков, отрезал ему уши, нос, пальцы правой руки, и отпустил его, грозясь поступить таким же образом со всеми бунтовщиками. Башкирцы не унялись. Старый их мятежник Юлай, скрывшийся во время казней 1741 года,[1] явился между ними с сыном своим Салаватом. Вся Башкирия восстала, и бедствие разгорелось с вящшей силою. Фрейман должен был преследоавть Пугачева; Михельсон силился пресечь ему дорогу; но распутица его спасала. Дороги были непроходимы, люди вязли в бездонной грязи; реки разливались на несколько верст; ручьи становились реками. Фрейман остановился в Стерлитамацке. Михельсон, успевший еще переправиться через Вятку по льду, а через Уфу на осьми лодках, продолжал путь, не смотря на всевозможные препятствия, и 5 мая у Симского завода настиг толпу башкирцев, предводительствуемых свирепым Салаватом. Михельсон прогнал их, завод освободил и через день пошел далее. Салават остановился в осьмнадцати верстах от завода, ожидая Белобородова. Они соединились и выступили навстречу Михельсону, с двумя тысячами бунтовщиков и с восемью пушками. Михельсон разбил их снова, отнял у них пушки, положил на месте до трехсот человек, рассеял остальных и спешил к Уйскому заводу, надеясь настигнуть самого Пугачева; но вскоре узнал, что самозванец находился уже на Белорецких заводах.

За рекою Юрзенем Михельсон успел разбить еще толпу мятежников и преследовал их до Саткинского завода. Тут узнал он, что Пугачев, набрав до шести тысяч башкирцев и крестьян, пошел на крепость Магнитную. Михельсон решился углубиться в Уральские горы, надеясь соединиться с Фрейманом около вершины Яика.

lib.pushkinskijdom.ru

Пугачев, зажегши ограбленные им Белорецкие заводы, быстро перешел через Уральские горы и 5 мая приступил к Магнитной, не имея при себе ни одной пушки Капитан Тихановский оборонялся храбро. Пугачев сам был ранен картечью в руку и отступил, претерпев значительный урон. Крепость казалась спасена; но в ней открылась измена: пороховые ящики ночью были взорваны Мятежники бросились разобрали заплоты и ворвались Тихановский с женою были повешены; крепость разграблена и выжжена В тот же день пришел к Пугачеву Белобородов с четырьмя тысячами бунтующей сволочи.

Генерал-поручик Декалонг из Челябинска, недавно освобожденного от бунтовщиков, двинулся к Верхо-Яицкой крепости, надеясь настигнуть Пугачева еще на Белорецких заводах; но, вышел на линию, получил от Верхо-Яицкого коменданта, полковника Ступишина, донесение, что Пугачев идет вверх по линии от одной крепости на другую, как в начале своего грозного появления Декалонг спешил к Верхо-Яицкой Тут узнал он о взятии Магнитной Он двинулся к Кизильской Но прошед уже пятнадцать верст, узнал от пойманного башкирца, что Пугачев, услыша о приближении войска, шел уже не к Кизильской, а прямо Уральскими горами, на Карагайскую Декалонг пошел назад Приближаясь к Карагайской, он увидел одни дымящиеся развалины; Пугачев покинул ее накануне. Декалонг надеялся догнать его в Петрозаводской; но и тут уже его не застал. Крепость была разорена и выжжена, церковь разграблена, жители уведены.

Декалонг, оставя линию, пошел внутреннею дорогою прямо на Уйскую крепость. У него оставалось овса только на одни сутки. Он думал настигнуть Пугачева хотя в Степной крепости; но узнав, что и Степная уже взята, пустился к Троицкой. На дороге, в Сенарской нашел он множество народа из окрестных, разоренных крепостей. Офицерские жены и дети, босые, оборванные, рыдали, не зная где искать убежища. Декалонг принял их под свое покровительство и отдал на попечение своим офицерам. 21 мая утром приближился он к Троицкой, прошед шестьдесят верст усиленным переходом, и наконец увидел Пугачева, расположившегося лагерем под крепостию взятою им накануне. Декалонг тотчас на него напал. У Пугачева было более десяти тысяч войска и до тридцати пушек. Сражение продолжалось целых четыре часа. Во все время Пугачев лежал в своей палатке, жестоко страдая от раны, полученной им под Магнитною. Действиями распоряжал Белобородов. Наконец мятежники расстроились. Пугачев сел на лошадь и с подвязанною рукою бросался всюду, стараясь восстановить порядок; но все рассеялось и бежало. Пугачев ушел с одною пушкою по Челябинской дороге. Преследовать было невозможно. Конница была слишком изнурена В лагере найдено до трех тысяч людей всякого звания пола и возраста захваченных самозванцем и обреченных погибели. Крепость была спасена от пожара и грабежа. Но комен-

lib.pushkinskijdom.ru

дант, бригадир Фейервар, был убит накануне, во время приступа, а офицеры его повешены.

Пугачев и Белобородов, ведая, что усталость войска и изнурение лошадей не позволят Декалонгу воспользоваться своею победою, привели в устройство свои рассеянные толпы и стали в порядке отступать, забирая крепости и быстро усиливаясь. Маиоры Гагрин и Жолобов, отряженные Декалонгом на другой день после сражения, преследовали их, но не могли достигнуть.

Михельсон, между тем, шел Уральскими горами, по дорогам мало-известным. Деревни башкирские были пусты. Не было возможности достать нужные припасы. Отряд его был в ежечасной опасности. Многочисленные шайки бунтовщиков кружились около него. 13 мая башкирцы, под предводительством мятежного старшины, на него напали и сразились отчаянно; загнанные в болото, они не сдавались. Все, кроме одного, насильно пощаженного, были изрублены вместе с своим начальником. Михельсон потерял одного офицера и шестьдесят рядовых убитыми и ранеными.

Пленный башкирец, обласканный Михельсоном, объявил ему о взятии Магнитной и о движении Декалонга. Михельсон, нашед сии известия сообразными с своими предположениями, вышел из гор, и пошел на Троицкую, в надежде освободить сию крепость, или встретить Пугачева в случае его отступления. Вскоре услышал он о победе Декалонга и пошел на Варламово, с намерением пресечь дорогу Пугачеву. В самом деле, 22 мая утром, приближаясь к Варламову, он встретил передовые отряды Пугачева. Увидя стройное войско, Михельсон не мог сначала вообразить, чтоб это был остаток сволочи, разбитой накануне, и принял его (говорит он насмешливо в своем донесении) за корпус генерал-поручика и кавалера Декалонга; но вскоре удостоверился в истине. Он остановился, удерживая выгодное свое положение у леса, прикрывавшего его тыл. Пугачев двинулся противу него, и вдруг поворотил на Чербакульскую крепость. Михельсон пошел через лес, и перерезал ему дорогу. Пугачев в первый раз увидел перед собою того, кто должен был нанести ему столько ударов и положить предел кровавому его поприщу. Пугачев тотчас напал на его левое крыло, привел оное в расстройство и отнял две пушки. Но Михельсон ударил на мятежников со всею своею конницею, рассеял их в одно мгновение, взял назад свои пушки, а с ними и последнюю, оставшуюся у Пугачева после его разбития под Троицкой, положил на месте до шестисот человек, в плен взял до пятисот и гнал остальных несколько верст. Ночь прекратила преследование. Михельсон ночевал на поле сражения. — На другой день отдал он в приказе строгий выговор роте, потерявшей свои пушки, и отнял у ней пуговицы и обшлага, до выслуги. Рота не замедлила загладить свое бесчестие [2].

23-го, Михельсон пошел на Чербакульскую крепость. Казаки, в ней находившиеся, бунтовали. Михельсон привел их к присяге,

lib.pushkinskijdom.ru

присоединив к своему отряду, и в последствии был всегда ими доволен.

Жолобов и Гагрин действовали медленно и нерешительно. Жолобов, уведомив Михельсона, что Пугачев собрал остаток рассеянной толпы и набирает новую, отказался итти против него, под предлогом разлития рек и дурных дорог. Михельсон жаловался Декалонгу; а Декалонг, сам обещаясь выступить для истребления последних сил самозванца, остался в Челябе и еще отозвал к себе Жолобова и Гагрина.

Таким образом преследование Пугачева предоставлено было одному Михельсону. Он пошел к Златоустовскому заводу, услыша, что там находилось несколько яицких бунтовщиков; но они бежали, узнав о его приближении. След их, чем далее шел, тем более рассыпался, а наконец совсем пропал.

27 мая Михельсон прибыл на Саткинский завод [8]. Салават, с новою шайкою, злодействовал в окрестностях. Уже Симский завод был им разграблен и сожжен. Услыша о Михельсоне, он перешел реку Ай и остановился в горах, где Пугачев, избавясь от погони Гагрина и Жолобова и собрав уже до двух тысяч всякой сволочи, с ним успел соединиться.

Михельсон, на Саткинском заводе, спасенном его быстротою, сделал первый свой роздых по выступлении из-под Уфы. Через два дня пошел он против Пугачева и Салавата и прибыл на берег Ая. Мосты были сняты. Мятежники на противном берегу видя малочисленность его отряда, полагали себя в безопасности.

Но 30-го, утром Михельсон приказал пятидесяти казакам переправиться вплавь, взяв с собою по одному егерю. Мятежники бросились было на них, но были рассеяны пушечными выстрелами с противного берега. Егери и казаки удержались кое-как, а Михельсон между тем переправился с остальным отрядом; порох перевезла конница, пушки потопили и перетащили по дну реки на канатах. Михельсон быстро напал на неприятеля, смял и преследовал его боле двадцати верст, убив до четырехсот и взяв множество в плен. Пугачев, Белобородов и раненый Салават едва успели спастись.

Окрестности были пусты. Михельсон ни от кого не мог узнать о стремлении неприятеля. Он пошел на-удачу, и 2 июня отряженный им капитан Карташевский ночью был окружен шайкою Салавата. К утру Михельсон подоспел к нему на помощь. Мятежники рассыпались и бежали. Михельсон преследовал их с крайнею осторожностию. Пехота прикрывала его обоз. Сам он шел немного впереди, с частию своей конницы. Сии распоряжения спасли его. Многочисленная толпа мятежников неожиданно окружила его обоз и напала на пехоту. Сам Пугачев ими предводительствовал, успев в течение шести дней близ Саткинского завода набрать около пяти тысяч бунтовщиков. Михельсон прискакал на помощь; он послал Харина соединить всю свою конницу, а сам с пехотой остался у обоза. Мятеж-

lib.pushkinskijdom.ru

ники были разбиты и снова бежали. Тут Михельсон узнал от пленных, что Пугачев имел намерение итти на Уфу. Он поспешил пресечь ему дорогу и 5 июня встретил его снова. Сражение было неизбежимо. Михельсон быстро напал на него и снова разбил, и прогнал.

При всех своих успехах, Михельсон увидел необходимость прекратить на время свое преследование. У него уже не было ни запасов, ни зарядов. Оставалось только по два патрона на человека. Михельсон пошел в Уфу, дабы там запастися всем для него нужным.

Пока Михельсон, бросаясь во все стороны, везде поражал мятежников, прочие начальники оставались неподвижны. Декалонг стоял в Челябе и, завидуя Михельсону, нарочно не хотел ему содействовать. Фрейман, лично храбрый, но предводитель робкий и нерешительный, стоял в Кизильской крепости, досадуя на Тимашева, ушедшего в Зелаирскую[4] крепость с лучшею его конницею. — Станиславский узнав, что Пугачев близ Верхо-Яицкой крепости собрал значительную толпу, отказался от службы и скрылся в любимую свою Орскую крепость. Полковники Якубович и Обернибесов и маиор Дуве находились около Уфы. Вокруг их спокойно собирались бунтующие башкирцы. Бирск сожжен был почти в их виду, а они переходили с одного места на другое, избегая малейшей опасности и не думая о дружном содействии. По распоряжению князя Щербатова, войско Голицына оставалось без всякой пользы около Оренбурга и Яицкого городка, в местах уже безопасных; а край, где снова разгорался пожар, оставался почти беззащитен[5].

Пугачев, отраженный от Кунгура маиором Поповым, двинулся было к Екатеринбургу; но узнав о войсках, там находящихся, обратился к Красно-Уфимску.

Кама была открыта, и Казань в опасности. Брант наскоро послал в пригород Осу маиора Скрыпицына с гарнизонным отрядом и с вооруженными крестьянами, а сам писал князю Щербатову, требуя немедленной помощи. Щербатов понадеялся на Обернибесова и Дуве, которые должны были помочь маиору Скрыпицыну в случае опасности; и не сделал никаких новых распоряжений.

18 июня Пугачев явился перед Осою. Скрыпицын выступил против него; но потеряв три пушки в самом начале сражения, поспешно возвратился в крепость. Пугачев велел своим спешиться и итти на приступ. Мятежники вошли в город, выжгли его, но от крепости отражены были пушками.

На другой день Пугачев со своими старшинами ездил по берегу Камы, высматривая места, удобные для переправы. По его приказанию поправляли дорогу и мостили топкие места. 20-го снова приступил он к крепости и снова был отражен. Тогда Белобородов присоветовал ему окружить крепость возами сена, соломы и бересты, и зажечь таким образом деревянные стены. Пятнадцать возов были подвезены на лошадях в

lib.pushkinskijdom.ru

близкое расстояние от крепости, а потом подвигаемы вперед людьми безопасными под их прикрытием. Скрыпицын, уже колебавшийся, потребовал сроку на одни сутки, и сдался на другой день, приняв Пугачева на коленах, с иконами и хлебом-солью. Самозванец обласкал его и оставил при нем его шпагу. Несчастный, думая современем оправдаться, написал обще с капитаном Смирновым и подпоручиком Минеевым, письмо к казанскому губернатору и носил при себе в ожидании удобного случая тайно его отослать. Минеев донес о том Пугачеву. Письмо было схвачено, Скрыпицын и Смирнов повешены, а доносчик назван от Пугачева полковником.

23 июня Пугачев переправился через Каму и пошел на винокуренные заводы Ижевский и Воткинский. Венцель, начальник оных, был мучительски умерщвлен, заводы разграблены, и все работники забраны в злодейскую толпу. Минеев, изменою своею заслуживший доверенность Пугачева, советовал ему итти прямо на Казань. Распоряжения губернатора были ему известны. Он вызвался вести Пугачева и ручался за успех. Пугачев недолго колебался и пошел на Казань.

Щербатов, получив известие о взятии Осы, испугался. Он послал Обернибесову повеление занять Шумской перевоз, а маиора Меллина отправил к Шурманскому; Голицыну приказал скорее следовать в Уфу, дабы оттуда действовать по своему благоусмотрению, а сам с одним эскадроном гусар и ротою гренадер отправился в Бугульму.

В Казани находилось только полторы тысячи войска; но шесть тысяч жителей были наскоро вооружены. Брант и комендант Баннер приготовились к обороне. Генерал-маиор Потемкин, начальник тайной комиссии, учрежденной по делу Пугачева, усердно им содействовал. Генерал-маиор Ларионов не дождался Пугачева. Он с своими людьми переправился через Волгу и уехал в Нижний Новгород.

Полковник Толстой, начальник казанского конного легиона, выступил против Пугачева и 10 июля встретил его в двенадцати верстах от города. Произошло сражение. Храбрый Толстой был убит [6], а отряд его рассеян. На другой день Пугачев показался на левом берегу Казанки и расположился лагерем у Троицкой мельницы. Вечером, в виду всех казанских жителей, он сам ездил высматривать город, и возвратился в лагерь, отложа приступ до следующего утра.

Глава седьмая.

Пугач в в Казани. — Бедствие города. — Появление Михельсона. — Три сражения. — Освобождение Казани. — Свидание Пугачева с его семейством. — Опровержение клеветы. — Распоряжение Михельсона.

12 июля, на заре, мятежники, под предводительством Пугачева, потянулись от села Царицына по Арскому полю, двигая перед собою возы сена и соломы, между коими везли пушки.

lib.pushkinskijdom.ru

Они быстро заняли находившиеся близ предместья кирпичные сараи, рощу и загородный дом Кудрявцова, устроили там свои баттареи и сбили слабый отряд, охранявший дорогу. Он отступил, выстроясь в карре и оградясь рогатками.

Прямо против Арского поля находилась главная городская баттарея. Пугачев на нее не пошел, а с правого своего крыла отрядил к предместию толпу заводских крестьян под предводительством изменника Минеева. Эта сволочь, большею частию безоружная, подгоняемая казацкими ногайками, проворно перебегала из буерака в буерак, из лощины в лощину, перепалзывала через высоты, подверженные пушечным выстрелам, и таким образом забралася в овраги, находящиеся на краю самого предместия. Опасное сие место защищали гимназисты, с одною пушкою. Но, несмотря на их выстрелы, бунтовщики в точности исполнили приказание Пугачева; влезли на высоту, прогнали гимназистов голыми кулаками, пушку отбили, заняли летний губернаторский дом, соединенный с предместиями; пушку поставили в ворота, стали стрелять вдоль улиц и кучами ворвались в предместия. С другой стороны, левое крыло Пугачева бросилось к Суконной слободе. Суконщики (люди разного звания и большею частию кулачные бойцы), ободряемые преосвященным Вениамином, вооружились чем ни попало, поставили пушку у Горлова кабака и приготовились к обороне[1]. Башкирцы, с Шарной горы, пустили в них свои стрелы, и бросились в улицы. Суконщики приняли было их в рычаги, в копья и сабли; но их пушку разорвало с первого выстрела и убило канонера. В это время Пугачев на Шарной горе поставил свои пушки и пустил картечью по своим и по чужим. Слобода загорелась. Суконщики бежали. Мятежники сбили караулы и рогатки и устремились по городским улицам. Увидя пламя, жители и городское войско, оставя пушки, бросились к крепости, как к последнему убежищу. Потемкин вошел вместе с ними. Город стал добычею мятежников. Они бросились грабить домы и купеческие лавки; вбегали в церкви и монастыри, обдирали иконостасы; резали всех, которые попадались им в немецком платье. Пугачев, поставя свои баттареи в трактире гостиного двора, за церквами, у триумфальных ворот, стрелял по крепости, особенно по Спасскому монастырю, занимающему ее правый угол и коего ветхие стены едва держались. С другой стороны, Минеев, втащив одну пушку на врата казанского монастыря, а другую поставя на церковной паперти, стрелял по крепости, в самое опасное место. Прилетевшее оттоле ядро разбило одну из его пушек. Разбойники, надев на себя женские платья, поповские стихари, с криком бегали по улицам, грабя и зажигая домы. Осаждавшие крепость им завидовали, боясь остаться без добычи.... Вдруг Пугачев приказал им отступить и, зажегши еще несколько домов, возвратился в свой лагерь. Настала буря. Огненное море разлилось по всему городу. Искры и головни летели в крепость и зажгли несколько деревянных кровель. В сию минуту часть одной стены с громом

lib.pushkinskijdom.ru

обрушилась и подавила несколько человек. Осажденные, стеснившиеся в крепости, подняли вопль, думая, что злодей вломился и что последний их час уже настал.

Из города погнали пленных и повезли добычу. Башкирцы, несмотря на строгие запрещения Пугачева, били нагайками народ и кололи копьями отстающих женщин и детей. Множество потонуло, переправляясь в брод через Казанку. Народ, пригнанный в лагерь, поставлен был на колена перед пушками. Женщины подняли вой. Им объявили прощение. Все закричали: ура! и кинулись к ставке Пугачева. Пугачев сидел в креслах, принимая дары казанских татар, приехавших к нему с поклоном. Потом спрашивали: кто желает служить государю Петру Федоровичу? — Охотников нашлось множество.

Преосвещенный Вениамин [2] во все время приступа находился в крепости, в Благовещенском соборе, и на коленях со всем народом молил бога о спасении христиан. Едва умолкла пальба, он поднял чудотворные иконы, и несмотря на нестерпимый зной пожара и на падающие бревна, со всем бывшим при нем духовенством, сопровождаемый народом, обошел снутри крепость при молебном пении. — К вечеру буря утихла, и ветер оборотился в противную сторону. Настала ночь, ужасная для жителей! Казань, обращенная в груды горящих углей, дымилась и рдела во мраке. Никто не спал. С рассветом жители спешили взойти на крепостные стены, и устремили взоры в ту сторону, откуда ожидали нового приступа. Но, вместо Пугачевских полчищ, с изумлением увидели гусаров Михельсона, скачущих в город с офицером, посланным от него к губернатору.

Никто не знал, что уже накануне Михельсон, в семи верстах от города, имел жаркое дело с Пугачевым и что мятежники отступили в беспорядке.

Мы оставили Михельсона, неутомимо преследующим опрометчивое стремление Пугачева. В Уфе оставил он своих больных и раненых взял с собою маиора Дуве, и 21 июня находился в Бурнове, в нескольких верстах от Бирска. Мост, сожженный Якубовичем, был опять наведен мятежниками. Около трех тысяч вышли на-встречу Михельсону. Он их разбил, и отрядил Дуве противу шайки башкирцев, находившихся не в дальнем расстоянии. Дуве их рассеял. Михельсон пошел на Осу, и 27 июня разбив на дороге толпу башкирцев и татар, узнал от них о взятии Осы, и о переправе Пугачева через Каму. Михельсон пошел по его следам. На Каме не было ни мостов, ни лодок. Конница переправилась вплавь, пехота на плотах. Михельсон, оставя Пугачева вправе, пошел прямо на Казань, и 11 июля вечером был уже в пятидесяти верстах от неё.

Ночью отряд его тронулся с места. Поутру, в сорока пяти верстах от Казани, услышал пушечную пальбу. К полудню густой багровый дым возвестил ему о жребии города.

Полдневный жар и усталость отряда заставили Михельсона остановиться на один час. Между тем узнал он, что недалеко на-

lib.pushkinskijdom.ru

ходилась толпа мятежников Михельсон на них напал и взял четыреста в плен; остальные бежали к Казани и известили Пугачева о приближении неприятеля Тогда-то Пугачев, опасаясь нечаянного нападения, отступил от крепости и приказал своим скорее выбираться из города а сам заняв выгодное местоположение, выстроился близ Царицына в семи верстах от Казани.

Михельсон, получив о том донесение, пустился через лес одною колонною и, вышед в поле, увидел перед собою мятежников, стоящих в боевом порядке.

Михельсон отрядил Харина против их левого крыла, Дуве противу правого, а сам пошел прямо на главную неприятельскую баттарею. Пугачев, ободренный победою и усилясь захваченными пушками, встретил нападение сильным огнем Перед баттареей простиралось болото, чрез которое Михельсон должен был перейти, между тем, как Харин и Дуве старались обойти неприятеля. Михельсон взял баттарею; Дуве на правом фланге отбил также две пушки Мятежники, разделясь на две кучи, пошли — одни на-встречу Харину и, остановясь в теснине за рвом, поставили баттареи и открыли огонь; другие старались заехать в тыл отряду Михельсо[illegible] оставя Дуве, пошел на подкрепление Харина, проходившего чрез овраг под неприятельскими ядрами. Наконец после пяти часов упорного сражения, Пугачев был разбит и бежал, потеряв восемьсот человек убитыми и сто восемьдесят взятыми в плен. Потеря Михельсона была незначительна. Темнота ночи и усталость отряда не позволили Михельсону преследовать Пугачева

Переночевав на месте сражения перед свегом Михельсон пошел к Казани На-встречу ему поминутно попадались кучи грабителей, пьянствовавших целую ночь на развалинах сгоревшего города Их рубили и брали в плен Прибыв к Арскому полю, Михельсон увидел приближающегося неприятеля: Пугачев узнав о малочисленности его отряда, спешил предупредить его соединение с городским войском Михельсон, послав уведомить о том губернатора встретил пушечными выстрелами толпу кинувшуюся на него с воплем и визгом и принудил ее отступить. Потемкин подоспел из города с гарнизоном Пугачев перешел через Казанку и удалился за пятнадцать верст от города в село Сухую Реку Преследовать его было невозможно: у Михельсона не было и тридцати годных лошадей.

Казань была освобождена Жители гснились на стене крепости, дабы издали взглянуть на лагерь своего избавителя Михельсон не трогался с места, ожидая нового нападения В самом деле, Пугачев, негодуя на свои неудачи, не терял однако же надежды одолеть наконец Михельсона Он отвсюду набирал новую сволочь соединяясь с отдельными своими отрядами, и 15 июля утром приказав прочесть перед своими толпами манифест в котором объявлял о своем намерении итти на Москву устремился в третий раз на Михельсона Войско его состояло из двадцати пяти тысяч всякого сброду. Многочисленные толпы двинулись

lib.pushkinskijdom.ru

тою же дорогою, по которой уже два раза бежали. Облака пыли, дикие вопли, шум и грохот возвестили их приближение. Михельсон выступил противу их с осьмьюстами карабинер, гусар и чугуевских казаков. Он занял место прежнего сражения близ Царицына. и разделил войско свое на три отряда, в близком расстоянии один от другого. Бунтовщики на него бросились. Яицкие казаки стояли в тылу и по приказанию Пугачева должны были колоть своих беглецов. Но Михельсон и Харин с двух сторон на них ударили, опрокинули и погнали. Все было кончено в одно мгновение. Напрасно Пугачев старался удержать рассыпавшиеся толпы, сперва доскакав до первого своего лагеря, а потом и до второго. Харин живо его преследовал, не давая ему времени нигде остановиться. В сих лагерях находилось до десяти тысяч казанских жителей всякого пола и звания. Они были освобождены. Казанка была запружена мертвыми телами, пять тысяч пленных и девять пушек остались в руках у победителя. Убито в сражении до двух тысяч, большею частию татар и башкирцев. Михельсон потерял до ста человек убитыми и ранеными. Он вошел в город при кликах восхищенных жителей, свидетелей его победы. Губернатор, измученный болезнею, от которой он и умер через две недели, встретил победителя за воротами крепости, в сопровождении дворянства и духовенства. Михельсон отправился прямо в собор, где преосвященный Вениамин отслужил благодарственный молебен.

Состояние Казани было ужасно: из двух тысяч осьми сот шестидесяти семи домов, в ней находившихся, две тысячи пятьдесят семь сгорело. Двадцать пять церквей и три монастыря также сгорели Гостиный двор и остальные домы, церкви и монастыри были разграблены. Найдено до трехсот убитых и раненых обывателей; около пятисот пропали без вести. В числе убитых находился директор гимназии, Каниц, несколько учителей и учеников, и полковник Родионов. Генерал-маиор Кудрявцев [8]. старик сто-десятилетний, не хотел скрыться в крепость, несмотря на всевозможные увещания. Он на коленах молился в Казанском девичьем монастыре. Вбежало несколько грабителей. Он стал их увещевать. Злодеи умертвили его на церковной паперти.

Так бедный колодник, за год тому бежавший из Казани, отпраздновал свое возвращение! Тюремный двор. где ожидал он плетей и каторги, был им сожжен, а невольники, его недавние товарищи, выпущены. В казармах содержалась уже несколько месяцев казачка Софья Пугачева, с тремя своими детьми. Самозванец, увидя их, сказывают, заплакал, но не изменил самому себе. Он велел их отвести в лагерь, сказав, как уверяют: *я ее знаю; муж ее оказал мне великую услугу.* [4] Изменник Минеев, главный виновник бедствия Казани, при первом разбитии Пугачева попался в плен и, по приговору военного суда, загнат был сквозь строй до смерти.

Казанское начальство стало печись о размещении жителей по уцелевшим домам. Они были приглашены в лагерь, для раз-

lib.pushkinskijdom.ru

бора добычи, отнятой у Пугачева, и для обратного получения своей собственности. Спешили разделиться кое-как. Люди зажиточные стали нищими; кто был скуден, очутился богат!

История должна опровергнуть клевету, легкомысленно повторенную светом: утверждали, что Михельсон мог предупредить взятие Казани, но что он нарочно дал мятежникам время ограбить город, дабы в свою очередь поживиться богатою добычею, предпочитая какую бы то ни было прибыль славе, почестям и царским наградам, ожидавшим спасителя Казани и усмирителя бунта! Читатели видели, как быстро и как неутомимо Михельсон преследовал Пугачева. Если Потемкин и Брант сделали бы свое дело и успели удержаться хоть несколько часов, то Казань была бы спасена. Солдаты Михельсона конечно обогатились; но стыдно было бы нам обвинять, без доказательства, старого, заслуженного воина, проведшего всю жизнь на поле чести и умершего главнокомандующим русскими войсками [5].

14 июля прибыл в Казань подполковник граф Меллин и был отряжен Михельсоном для преследования Пугачева. Сам Михельсон остался в городе, для возобновления своей конницы и для заготовления припасов. Прочие начальники наскоро сделали некоторые военные распоряжения, ибо, несмотря на разбитие Пугачева, знали уже, сколь был опасен сей предприимчивый и деятельный мятежник. Его движения были столь быстры и непредвидимы, что не было средства его преследовать; к тому же конница была слишком изнурена. Старались перехватить ему дорогу; но войска, рассеянные на великом пространстве, не могли всюду поспевать и делать скорые обороты. Должно сказать и то, что редкий из тогдашних начальников был в состоянии управиться с Пугачевым или с менее известными его сообщниками.

Глава осьмая.

Пугачев за Волгою. — Общее смятение. — Письмо генерала Ступишина. — Намерение Екатерины. — Граф. П. Ив. Панин — Движение войск — Взятие Пензы — Смерть Всеволожского. — Споры Державина с Бошняком. — Взятие Саратова. — Пугачев под Царицыным. — Смерть астронома Ловица. — Поражение Пугачева — Суворов. — Пугачев выдан правительству. — Разговор его с графом Паниным. — Суд над Пугачевым и над его сообщниками. — Казнь бунтовщиков.

Пугачев бежал по Кокшайской дороге на переменных лошадях, с тремястами яицких и илецких казаков, и наконец ударился в лес. Харин, преследовавший его целые тридцать верст, принужден был остановиться. Пугачев ночевал в лесу. Его семейство было при нем. Между его товарищами находились два новые лица: один из них был молодой Пулавский, родной брат славного конфедерата [1]. Он находился в Казани военнопленным и из ненависти к России присоединился к шайке Пугачева. Другой был пастор реформатского исповедания. Во время казанского пожара, он был приведен к Пугачеву; са-

lib.pushkinskijdom.ru

мозванец узнал его: некогда, ходя в цепях по городским улицам, Пугачев получал от него милостыню. Бедный пастор ожидал смерти. Пугачев принял его ласково и пожаловал в полковники. Пастор-полковник посажен был верхом на башкирскую лошадь. Он сопровождал бегство Пугачева и, несколько дней уже спустя, отстал от него и возвратился в Казань [2].

Пугачев два дня бродил то в одну, то в другую сторону, обманывая тем высланную погоню. Сволочь его, рассыпавшись, производила обычные грабежи. Белобородов пойман был в окрестностях Казани, высечен кнутом, потом отвезен в Москву и казнен смертию. Несколько сотен беглецов присоединились к Пугачеву. 18 июля он вдруг устремился к Волге, на Кокшайский перевоз, и в числе пятисот человек лучшего своего войска переправился на другую сторону.

Переправа Пугачева произвела общее смятение. Вся западная сторона Волги восстала и передалась самозванцу. Господские крестьяне взбунтовались; иноверцы и новокрещеные стали убивать русских священников. Воеводы бежали из городов, дворяне из поместий; чернь ловила тех и других и отвсюду приводила к Пугачеву. Пугачев об'явил народу вольность, истребление дворянского рода, отпущение повинностей и безденежную раздачу соли [3]. Он пошел на Цывильск, ограбил город, повесил воеводу и, разделив шайку свою на две части, послал одну по нижегородской дороге, а другую по алатырской, и пресек таким образом сообщение Нижнего с Казанью. Нижегородский губернатор, генерал-поручик Ступишин, писал к князю Волконскому, что участь Казани ожидает и Нижний и что он не отвечает и за Москву. Все отряды, находившиеся в губерниях Казанской и Оренбургской, пришли в движение и устремлены были против Пугачева. Щербатов из Бугульмы, а князь Голицын из Мензелинска, поспешили в Казань; Меллин переправился через Волгу и 19 июля выступил из Свияжска; Мансуров из Яицкого городка двинулся к Сызрани; Муфель пошел к Симбирску; Михельсон из Чебоксаров устремился к Арзамасу, дабы пресечь Пугачеву дорогу к Москве...

Но Пугачев не имел уже намерения итти на старую столицу. Окруженный отвсюду войсками правительства, не доверяя своим сообщникам, он уже думал о своем спасении; цель его была: пробраться за Кубань, или в Персию. Главные бунтовщики предвидели конец затеянному ими делу и уже торговались о голове своего предводителя! Перфильев, от имени всех виновных казаков, послал тайно в Петербург одного поверенного с предложением о выдаче самозванца. Правительство, однажды им обманутое, худо верило ему: однако вошло с ним в сношение [4]. Пугачев бежал; но бегство его казалось нашествием. Никогда успехи его не были ужаснее, никогда мятеж не свирепствовал с такою силою. Возмущение переходило от одной деревни к другой; от провинции к провинции. Довольно было появления двух или трех злодеев, чтоб взбунтовать целые

lib.pushkinskijdom.ru

области. Составлялись отдельные шайки грабителей и бунтовщиков: и каждая имела у себя своего Пугачева.....

Сии горестные известия сделали в Петербурге глубокое впечатление и омрачили радость, произведенную окончанием Турецкой войны и заключением славного Кучук-Кайнарджиского мира. Императрица, недовольная медлительностью князя Щербатова, еще в начале июля. решилась отозвать его и поручить главное начальство над войском князю Голицыну. Курьер, ехавший с сим указом, остановлен был в Нижнем-Новгороде по причине небезопасности дороги. Когда же государыня узнала о взятии Казани и о перенесении бунта за Волгу, тогда она уже думала сама ехать в край, где усиливалось бедствие и опасность, и лично предводительствовать войском. Граф Никита Иванович Панин успел уговорить ее оставить сие намерение. Императрица не знала, кому предоставить спасение отечества. В сие время вельможа, удаленный от двора и, подобно Бибикову, бывший в немилости, граф Петр Иванович Панин [5], сам вызвался принять на себя подвиг, недовершенный его предшественником. Екатерина с признательностию увидела усердие благородного своего подданного, и граф Панин, в то время, как вооружив своих крестьян и дворовых, готовился итти на-встречу Пугачеву, получил, в своей деревне, повеление принять главное начальство над губерниями, где свирепствовал мятеж, и над войсками, туда посланными. Таким образом покоритель Бендер пошел войною противу простого казака, четыре года тому назад безвестно служившего в рядах войска, вверенного его начальству.

20 июля. Пугачев под Курмышем переправился вплавь через Суру. Дворяне и чиновники бежали. Чернь встретила его на берегу с образами и хлебом. Ей прочтен возмутительный манифест. Инвалидная команда приведена была к Пугачеву. Майор Юрлов, начальник оной, и унтер-офицер, коего имя, к сожалению, не сохранилось, одни не захотели присягнуть и в глаза обличали самозванца. Их повесили, и мертвых били нагайками. Вдова Юрлова спасена была ее дворовыми людьми. Пугачев велел раздать чувашам казенное вино; повесил несколько дворян, приведенных к нему крестьянами их, и пошел к Ядринску, оставя город под начальством четырех яицких казаков и дав им в распоряжение шестьдесят приставших к нему холопьев. Он оставил за собою малую шайку, для задержания графа Меллина. Михельсон, шедший к Арзамасу, отрядил Харина к Ядринску, куда спешил и граф Меллин. Пугачев, узнав о том, обратился к Алатырю; но прикрывая свое движение, послал к Ядринску шайку, которая и была отбита воеводою и жителями, а после сего встречена графом Меллиным и совсем рассеяна. Меллин поспешил к Алатырю; мимоходом освободил Курмыш, где повесил нескольких мятежников, а казака, назвавшегося воеводою, взял с собою, как языка. Офицеры инвалидной команды, присягнувшие самозванцу, оправды-

lib.pushkinskijdom.ru

вались тем, что присяга дана была ими *не от искреннего сердца, но для наблюдения интереса Ее Императорского Величества.* «А что мы, писали они Ступишину, перед богом и всемилостейшею государынею нашей нарушили присягу, и тому злодею присягали, в том приносим наше христианское покаяние и слезно просим отпущения себе нашего невольного греха; ибо не иное нас к сему привело, как смертный страх». Двадцать человек подписали сие постыдное извинение.

Пугачев стремился с необыкновенною быстротою, отряжая во все стороны свои шайки. Не знали, в которой находился он сам. Настичь его было невозможно: он скакал проселочными дорогами, забирая свежих лошадей, и оставлял за собою возмутителей, которые в числе двух, трех и не более пяти, разъезжали безопасно по селениям и городам, набирая всюду новые шайки. Трое из них явились в окрестностях Нижнего-Новгорода; крестьяне Демидова связали их и представили Ступишину. Он велел их повесить на барках и пустить вниз по Волге, мимо бунтующих берегов.

27 июля Пугачев вошел в Саранск. Он был встречен не только черным народом, но духовенством и купечеством.... Триста человек дворян, всякого пола и возраста, были им тут повешены; крестьяне и дворовые люди стекались к нему толпами. Он выступил из города 30-го. На другой день Меллин вошел в Саранск, взял под караул прапорщика Шахмаметева, посаженного в воеводы от самозванца, также и других важных изменников духовного и дворянского звания, а черных людей велел высечь плетьми под виселицею.

Михельсон из Арзамаса устремился за Пугачевым. Муфель из Симбирска спешил ему же на-встречу. Меллин шел по его пятам. Таким образом три отряда окружали Пугачева. Князь Щербатов с нетерпением ожидал прибытия войск из Башкирии, дабы отправить подкрепление действующим отрядам, и сам хотел спешить за ними; но, получа указ от 8 июля, сдал начальство князю Голицыну и отправился в Петербург.

Между тем Пугачев приближился к Пензе. Воевода Всеволожский несколько времени держал чернь в повиновении и дал время дворянам спастись. Пугачев явился перед городом. Жители вышли к нему на-встречу с иконами и хлебом, и пали перед ним на колена. Пугачев в'ехал в Пензу. Всеволожский, оставленный городским войском, заперся в своем доме с двенадцатью дворянами, и решился защищаться. Дом был зажжен; храбрый Всеволожский погиб со своими товарищами; казенные и дворянские домы были ограблены. Пугачев посадил в воеводы господского мужика и пошел к Саратову.

Узнав о взятии Пензы, саратовское начальство стало делать свои распоряжения.

В Саратове находился тогда Державин. Он отряжен был (как мы уже видели) в село Малыковку, дабы оттуда пресечь дорогу Пугачеву в случае побега его на Иргиз. Державин, известясь

lib.pushkinskijdom.ru

о сношениях Пугачева с киргиз-кайсаками, успел отрезать их от кочующих орд по рекам Узеням и намеревался итти на освобождение Яицкого городка; но был предупрежден генералом Мансуровым. В конце июля прибыл он в Саратов, где чин гвардии поручика, резкий ум и пылкий характер доставили ему важное влияние на общее мнение.

1 августа Державин, обще с главным судиею конторы опекунства колонистов, Лодыжинским, потребозал саратовского коменданта Бошняка. для совещания о мерах, кои должно было предпринять в настоящих обстоятельствах. Державин утверждал, что около конторских магазинов, внутри города, должно было сделать укрепление, перевезти туда казну, лодки на Волге сжечь, по берегу расставить баттареи и итти навстречу Пугачеву. Бошняк не соглашался оставить свою крепость и хотел держаться за городом. Спорили, горячились — и Державин, вышед из себя, предлагал арестовать коменданта. Бошняк остался неколебим, повторяя, что он вверенной ему крепости и божиих церквей покинуть на расхищение не хочет. Державин, оставя его, приехал в магистрат; предложил, чтобы все обыватели поголовно явились на земляную работу к месту, назначенному Лодыжинским. Бошняк жаловался, но никто его не слушал. Памятником сих споров осталось язвительное письмо Державина к упрямому коменданту [6].

4 августа узнали в Саратове, что Пугачев выступил из Пензы. и приближается к Петровску. Державин потребовал отряд донских казаков и пустился с ними в Петровск, дабы вывезти оттуда казну, порох и пушки. Но, подъезжая к городу, услышал он колокольный звон и увидел передовые толпы мятежников, вступающие в город, и духовенство, вышедшее к ним навстречу с образами и хлебом. Он поехал вперед с есаулом и двумя казаками и, видя, что более делать было нечего, пустился с ними обратно к Саратову. Отряд его остался на дороге, ожидая Пугачева. Самозванец к ним подъехал в сопровождении своих сообщников. Они приняли его, стоя на коленах. Услыша от них о гвардейском офицере, Пугачев тут же переменил лошадь и, взяв в руки дротик, сам с четырьмя казаками поскакал за ним в погоню. Один из казаков, сопровождавших Державина, был заколот Пугачевым. Державин успел добраться до Саратова, откуда на другой день выехал вместе с Лодыжинским, оставя защиту города на попечение осмеянного им Бошняка [7].

5 августа Пугачев пошел к Саратову. Войско его состояло из трехсот яицких казаков и ста-пятидесяти донских, приставших к нему накануне, и тысяч до десяти калмыков, башкирцев, ясачных татар, господских крестьян, холопьев и всякой сволочи. Тысяч до двух были кое-как вооружены, остальные шли с топорами, вилами и дубинами. Пушек было у него тринадцать.

6-го Пугачев пришел к Саратову и остановился в трех верстах от города.

lib.pushkinskijdom.ru

Бошняк отрядил саратовских казаков для поимки языка; но они передались Пугачеву. Между тем обыватели тайно подослали к самозванцу купца Кобякова с изменническими предложениями. Бунтовщики подъехали к самой крепости, разговаривая с солдатами. Бошняк велел стрелять. Тогда жители, предводительствуемые городским головою Протопоповым, явно возмутились и приступили к Бошняку, требуя, чтоб он не начинал сражения и ожидал возвращения Кобякова. Бошняк спросил: как осмелились они, без его ведома, вступить в переговоры с самозванцем? Они продолжали шуметь. Между тем Кобяков возвратился с возмутительным письмом. Бошняк, выхватив его из рук изменника, разорвал и растоптал, а Кобякова велел взять под караул. Купцы пристали к нему с просьбами и угрозами, и Бошняк принужден был им уступить и освободить Кобякова. Он однако приготовился к обороне. В это время Пугачев занял Соколову гору, господствующую над Саратовым, поставил баттарею и начал по городу стрелять. По первому выстрелу крепостные казаки и обыватели разбежались. Бошняк велел выпалить из мортиры; но бомба упала в пятидесяти саженях. Он обошел свое войско и всюду увидел уныние: однако не терял своей бодрости. Мятежники напали на крепость. Он открыл огонь. и уже успел их отразить, как вдруг триста артиллеристов, выхватя из - под пушек клинья и фитили, выбежали из крепости и передались. В это время сам Пугачев кинулся с горы на крепость. Тогда Бошняк, с одним Саратовским баталионом, решился продраться сквозь толпы мятежников. Он приказал маиору Салманову выступить с первою половиной баталиона; но, заметя в нем робость или готовность изменить, отрешил его от начальства. Маиор Бутырин заступился за него, и Бошняк вторично оказал слабость: он оставил Салманова при его месте и, обратясь ко второй половине баталиона, приказал распускать знамена и выходить из укреплений. В сию минуту Салманов передался, и Бошняк остался с шестидесятью человеками офицеров и солдат. Храбрый Бошняк с этою горстью людей выступил из крепости. и целые шесть часов сряду шел — пробиваясь сквозь бесчисленные толпы разбойников. Ночь прекратила сражение. Бошняк достиг берегов Волги. Казну и канцелярские дела отправил рекою в Астрахань, а сам, 11 августа благополучно прибыл в Царицын.

Мятежники, овладев Саратовым, выпустили колодников, отворили хлебные и соляные анбары, разбили кабаки и разграбили дома. Пугачев повесил всех дворян, попавшихся в его руки, и запретил хоронить тела; назначил в комендanты города казацкого пятидесятника Уфимцева, и 9 августа в полдень выступил из города. — 11-го в разоренный Саратов прибыл Муфель, а 14-го Михельсон. Оба, соединясь, поспешили вслед за Пугачевым.

Пугачев следовал по течению Волги. Иностранцы, тут поселенные, большею частию бродяги и негодяи, все к нему присое-

lib.pushkinskijdom.ru

динились, возмущенные польским конфедератом (неизвестно кем по имени, только не Пулавским; последний уже тогда отстал от Пугачева, негодуя на его зверскую свирепость). Пугачев составил из них гусарский полк. Волжские казаки перешли также на его сторону.

Таким образом Пугачев со дня на день усиливался. Войско его состояло уже из двадцати тысяч. Шайки его наполняли губернии Нижегородскую, Воронежскую и Астраханскую. Беглый холоп Евсигнеев, назвавшись также Петром III, взял Инсару, Троицк, Наровчат и Керенск, повесил воевод и дворян и везде учредил свое правление. Разбойник Фирска подступил под Симбирск, убив в сражении полковника Рычкова, заступившего место Чернышева, погибшего под Оренбургом при начале бунта; гарнизон изменил ему. Симбирск был спасен однакож прибытием полковника Обернибесова. Фирска наполнил окрестности убийствами и грабежами. Верхний и Нижний Ломов были ограблены и сожжены другими злодеями. Состояние сего обширного края было ужасно. Дворянство обречено было погибели. Во всех селениях, на воротах барских дворов висели помещики, или их управители [8]. Мятежники и отряды, их преследующие, отнимали у крестьян лошадей, запасы и последнее имущество. Правление было повсюду пресечено. Народ не знал, кому повиноваться. На вопрос: кому вы веруете? *Петру Федоровичу или Екатерине Алексеевне?* мирные люди не смели отвечать, не зная — какой стороне принадлежали вопрошатели.

13 августа Пугачев приближился к Дмитриевску (Камышенке). Его встретил маиор Диц с пятью стами гарнизонных солдат, тысячью донских казаков и пятью стами калмыков, предводительствуемых князьями Дундуковым и Дербетевым. Сражение завязалось. Калмыки разбежались при первом пушечном выстреле. Казаки дрались храбро и доходили до самых пушек, но были отрезаны и передались. Диц был убит. Гарнизонные солдаты со всеми пушками были взяты. Пугачев ночевал на месте сражения; на другой день занял Дубовку и двинулся к Царицыну.

В сем городе, хорошо укрепленном, начальствовал полковник Цыплетев. С ним находился храбрый Бошняк. 21 августа Пугачев подступил с обыкновенною дерзостию. Отбитый с уроном, он удалился за восемь верст от крепости. Против него выслали полторы тысячи донских казаков; но только четыреста возвратились: остальные передались.

На другой день Пугачев подступил к городу со стороны Волги и был опять отбит Бошняком. Между тем услышал он о приближении отрядов, и поспешно стал удаляться к Сарепте.

Михельсон, Муфель и Меллин прибыли 20-го в Дубовку, а 22-го вступили в Царицын.

Пугачев бежал по берегу Волги. Тут он встретил астронома Ловица и спросил, что он за человек. Услыша, что Ловиц наблюдал течение светил небесных, он велел его повесить *побли-*

lib.pushkinskijdom.ru

же к звездам. Ад'юнкт Иноходцев, бывший тут же, успел убежать.

Пугачев отдыхал в Сарепте целые сутки, скрываясь в своем шатре с двумя наложницами [9]. Семейство его находилось тут же. Он пустился вниз к Черному Яру. Михельсон шел по его пятам. Наконец, 25-го, на рассвете он настигнул Пугачева в ста пяти верстах от Царицына.

Пугачев стоял на высоте, между двумя дорогами. Михельсон ночью обошел его и стал противу мятежников. Утром Пугачев опять увидел перед собою своего грозного гонителя; но не смутился, а смело пошел на Михельсона, отрядив свою пешую сволочь против донских и чугуевских казаков, стоящих по обоим крылам отряда. Сражение продолжалось недолго. Несколько пушечных выстрелов расстроили мятежников. Михельсон на них ударил. Они бежали, брося пушки и весь обоз. Пугачев, переправясь через мост, напрасно старался их удержать; он бежал вместе с ними. Их били и преследовали сорок верст. Пугачев потерял до четырех тысяч убитыми и до семи тысяч взятыми в плен. Остальные рассеялись. Пугачев, в семидесяти верстах от места сражения, переплыл Волгу, выше Черноярска, на четырех лодках, и ушел на луговую сторону, не более как с тридцатью казаками. Преследовавшая его конница опоздала четвертью часа. Беглецы, не успевшие переправиться на лодках, бросились вплавь. и перетонули.

Сие поражение было последним и решительным. Граф Панин, прибывший в то время в Керенск, послал в Петербург радостное известие, отдав в донесении своем полную справедливость быстроте, искусству и храбрости Михельсона. Между тем новое, важное лицо является на сцене действия: Суворов прибыл в Царицын.

Еще при жизни Бибикова, государственная коллегия, видя важность возмущения, вызывала Суворова, который в то время находился под стенами Силистрии; но граф Румянцев не пустил его, дабы не подать Европе слишком великого понятия о внутренних беспокойствах государства. Такова была слава Суворова! По окончании же войны. Суворов получил повеление немедленно ехать в Москву, к князю Волконскому, для принятия дальнейших препоручений. Он свиделся с графом Паниным в его деревне и явился в отряде Михельсона несколько дней после последней победы. Суворов имел от графа Панина предписание начальникам войск и губернаторам — исполнять все его приказания. Он принял начальство над Михельсоновым отрядом, посадил пехоту на лошадей, отбитых у Пугачева, и в Царицыне переправился через Волгу. В одной из бунтовавших деревень он взял, под видом наказания, пятьдесят пар волов, и с сим запасом углубился в пространную степь, где нет ни леса, ни воды, и где днем должно было ему направлять путь свой по солнцу, а ночью по звездам.

lib.pushkinskijdom.ru

Пугачев скитался по той же степи. Войска отовсюду окружали его; Меллин и Муфель, также перешедшие через Волгу, отрезывали ему дорогу к северу; легкий полевой отряд шел ему на-встречу из Астрахани; князь Голицын и Мансуров преграждали его от Яика; Дундуков с своими калмыками рыскал по степи; разъезды учреждены были от Гурьева до Саратова, и от Черного до Красного Яра. Пугачев не имел средств выбраться из сетей, его стесняющих. Его сообщники, с одной стороны видя неминуемую гибель, а с другой — надежду на прощение, стали сговариваться, и решились выдать его правительству.

Пугачев хотел итти к Каспийскому морю, надеясь как-нибудь пробраться в киргиз-кайсацкие степи. Казаки на то притворно согласились: но сказав, что хотят взять с собою жен и детей, повезли его на Узени, обыкновенное убежище тамошних преступников и беглецов. 14 сентября они прибыли в селения тамошних староверов. Тут произошло последнее совещание. Казаки, несогласившиеся отдаться в руки правительства, рассеялись. Прочие пошли к ставке Пугачева.

Пугачев сидел один в задумчивости. Оружие его висело в стороне. Услыша вошедших казаков, он поднял голову и спросил, чего им надобно? Они стали говорить о своем отчаянном положении и, между тем, тихо подвигаясь, стараясь загородить его от висевшего оружия. Пугачев начал опять их уговаривать итти к Гурьеву городку. Казаки отвечали, что они долго ездили за ним и что уже ему пора ехать за ними. Что же? сказал Пугачев, вы хотите изменить своему государю? — Что делать! отвечали казаки, и вдруг на него кинулись. Пугачев успел от них отбиться. Они отступили на несколько шагов. *Я давно видел вашу измену*, сказал Пугачев и, подозвав своего любимца, илецкого казака Творогова, протянул ему свои руки и сказал: *вяжи!* Творогов хотел ему скрутить локти назад. Пугачев не дался. *Разве я разбойник?* говорил он гневно. Казаки посадили его верхом и повезли к Яицкому городку. Во всю дорогу Пугачев им угрожал местью великого князя. Однажды нашел он способ высвободить руки, выхватил саблю и пистолет, ранил выстрелом одного из казаков и закричал, чтоб вязали изменников. Но никто уже его не слушал. Казаки, подъехав к Яицкому городку, послали уведомить о том коменданта. Казак Харчев и сержант Бардовский высланы были к ним навстречу, приняли Пугачева, посадили его в колодку и привезли в город, прямо к гвардии капитан-поручику Маврину, члену следственной комиссии [10].

Маврин допросил самозванца. Пугачев с первого слова открылся ему. *Богу было угодно*, сказал он, *наказать Россию через мое окаянство.* — Велено было жителям собраться на городскую площадь; туда приведены были и бунтовщики, содержащиеся в оковах. Маврин вывел Пугачева и показал его народу. Все узнали его; бунтовщики потупили голову. Пугачев громко стал их уличать, и сказал: *вы погубили меня; вы несколько дней*

lib.pushkinskijdom.ru

сряду меня упрашивали принять на себя имя покойного великого государя; я долго отрицался, а когда и согласился, то все, что ни делал, было с вашей воли и согласия; вы же поступали часто без ведома моего и даже вопреки моей воли. Бунтовщики не отвечали ни слова.

Суворов между тем прибыл на Узени и узнал от пустынников, что Пугачев был связан его сообщниками и что они повезли его к Яицкому городку. Суворов поспешил туда же. Ночью сбился он с дороги и нашел на огни, раскладенные в степи ворующими киргизами. Суворов на них напал и прогнал, потеряв несколько человек, и между ними своего адъютанта Максимовича. Через несколько дней прибыл он в Яицкий городок. Симонов сдал ему Пугачева. Суворов с любопытством расспрашивал славного мятежника о его военных действиях и намерениях и повез его в Симбирск, куда должен был приехать и граф Панин.

Пугачев сидел в деревянной клетке на двухколесной телеге. Сильный отряд, при двух пушках, окружал его. Суворов от него не отлучался. В деревне Мостах (в сто сорока верстах от Самары) случился пожар близ избы, где ночевал Пугачев. Его высадили из клетки, привязали к телеге вместе с его сыном, резвым и смелым мальчиком, и во всю ночь Суворов сам их караулил. В Коспорье, против Самары, ночью, в волновую погоду, Суворов переправился через Волгу и пришел в Симбирск в начале октября.

Пугачева привезли прямо на двор к графу Панину, который встретил его на крыльце, окруженный своим штабом. — Кто ты таков? спросил он у самозванца. — *Емельян Иванов Пугачев,* отвечал тот. — Как же смел ты, вор, назваться государем? продолжал Панин. — *Я не ворон* (возразил Пугачев, играя словами и изъясняясь, по своему обыкновению, иносказательно), *я вороненок, а ворон-то еще летает.* — Надобно знать, что яицкие бунтовщики, в опровержение общей молвы, распустили слух, что между ними действительно находился некто Пугачев, но что он с государем Петром III, ими предводительствующим, ничего общего не имеет. Панин, заметя, что дерзость Пугачева поразила народ, столпившийся около двора, ударил самозванца по лицу до крови и вырвал у него клок бороды. Пугачев стал на колена и просил помилования. Он посажен был под крепкий караул, скованный по рукам и по ногам, с железным обручем около поясницы, на цепи, привинченной к стене. Академик Рычков, отец убитого симбирского коменданта, видел его тут и описал свое свидание. Пугачев ел уху на деревянном блюде. Увидя Рычкова, он сказал ему: «добро пожаловать» и пригласил его с ним отобедать. *Из чего,* пишет академик, *я познал его подлый дух.* Рычков спросил его, как мог он отважиться на такие великие злодеяния? — Пугачев отвечал: *виноват перед богом и государыней, но буду стараться заслужить все мои вины.* Говоря о своем сыне, Рычков не мог удержаться от слез; Пугачев, глядя на него, сам заплакал.

lib.pushkinskijdom.ru

Наконец Пугачева отправили в Москву, где участь его должна была решиться [11]. Его везли в зимней кибитке, на переменных обывательских лошадях; гвардии капитан Галахов и капитан Повало-Швейковский, несколько месяцев пред сим бывшие в плену у самозванца, сопровождали его. Он был в оковах. Солдаты кормили его из своих рук. и говорили детям, которые теснились около его клетки: помните, дети, что вы видели Пугачева. Старые люди еще рассказывают о его смелых ответах на вопросы проезжих господ. Во всю дорогу он был весел и спокоен. В Москве встречен он был многочисленным народом, недавно ожидавшим его с нетерпением и едва усмиренным поимкою грозного злодея. Он был посажен на Монетный двор, где с утра до ночи, в течение двух месяцев, любопытные могли видеть его прикованного к стене. и еще страшного в самом бессилии. Рассказывают, что многие женщины падали в обморок от его огненного взора и грозного голоса. Перед судом он оказал неожиданную слабость духа [12]. Принуждены были постепенно приготовить его к услышанию смертного приговора. Пугачев и Перфильев приговорены были к четвертованию; Чика — к отсечению головы; Шигаев, Падуров и Торнов—к виселице; осьмнадцать человек — к наказанию кнутом и к ссылке на каторжную работу. — Казнь Пугачева и его сообщников совершилась в Москве, 10 января 1775 года. С утра бесчисленное множество народа столпилось на Болоте, где воздвигнут был высокий намост. На нем сидели палачи и пили вино, в ожидании жертв. Около намоста стояли три виселицы. Кругом выстроены были пехотные полки. Офицеры были в шубах, по причине жестокого мороза. Кровли домов и лавок усеяны были людьми; низкая площадь и ближние улицы заставлены каретами и колясками. Вдруг все заколебалось и зашумело; закричали: везут, везут! Вслед за отрядом кирасир ехали сани с высоким амвоном. На нем, с открытою головою, сидел Пугачев, насупротив его духовник. Тут же находился чиновник тайной экспедиции. Пугачев, пока его везли, кланялся на обе стороны. За санями следовала еще конница и шла толпа прочих осужденных. Очевидец (в то время едва вышедший из отрочества, ныне старец, увенчанный славою поэта и государственного мужа) описывает следующим образом кровавое позорище:

«Сани остановились против крыльца лобного места. Пугачев и любимец его Перфильев, в препровождении духовника и двух чиновников, едва взошли на эшафот, раздалось повелительное слово: *на караул*, и один из чиновников начал читать манифест. Почти каждое слово до меня доходило.

«При произнесении чтецом имени и прозвища главного злодея, также и станицы, где он родился, обер-полицеймейстер спрашивал его громко: ты ли донской казак, Емелька Пугачев? Он столь же громко ответствовал: так, государь, я донской казак Зимовейской станицы, Емелька Пугачев. Потом, во все продолжения чтения манифеста, он, глядя на собор, часто крестился,

lib.pushkinskijdom.ru

между тем, как сподвижник его, Перфильев, немалого роста, сутулый, рябой и свиреповидный, стоял неподвижно, потупя глаза в землю. По прочтении манифеста, духовник сказал им несколько слов, благословил их и пошел с эшафота. Читавший манифест. последовал за ним. Тогда Пугачев, сделав с крестным знамением несколько земных поклонов, обратился к соборам, потом с утопленным видом стал прощаться с народом; кланялся на все стороны, говоря прерывающимся голосом: *прости, народ православный; отпусти, в чем я согрубил перед тобою... прости, народ православный!* При сем слове экзекутор дал знак: палачи бросились раздевать его; сорвали белый бараний тулуп; стали раздирать рукава шелкового малинового полукафтанья. Тогда он сплеснул руками, повалился навзничь, и в миг окровавленная голова уже висела в воздухе [13]...»

Палач имел тайное повеление, сократить мучения преступников. У трупа отрезали руки и ноги, палачи разнесли их по четырем углам эшафота, голову показали уже потом и воткнули на высокий кол. Перфильев, перекрестясь, простерся ниц и остался недвижим. Палачи его подняли и казнили так же, как и Пугачева. Между тем, Шигаев, Падуров и Торнов уже висели в последних содроганиях... В сие время зазвенел колокольчик; Чику повезли в Уфу, где казнь его должна была совершиться. Тогда начались торговые казни; народ разошелся; осталась малая кучка любопытных около столба, к которому, один после другого, привязывались преступники, присужденные к кнуту. Отрубленные члены четвертованных мятежников были разнесены по московским заставам и, несколько дней после, сожжены вместе с телами. Палачи развеяли пепел. Помилованные мятежники были, на другой день казней, приведены пред грановитую палату. Им объявили прощение, и при всем народе сняли с них оковы.

Так кончился мятеж, начатый горстию непослушных казаков, усилившийся по непростительному нерадению начальства и поколебавший государство от Сибири до Москвы, и от Кубани до Муромских лесов. Совершенное спокойствие долго еще не водворялось. Панин и Суворов целый год оставались в усмиренных губерниях, утверждая в них ослабленное правление, возобновляя города и крепости и искореняя последние отрасли пресеченного бунта. В конце 1775 года обнародовано было общее прощение, и повелено все дело предать вечному забвению. Екатерина, желая истребить воспоминание об ужасной эпохе, уничтожила древнее название реки, коей берега были первыми свидетелями возмущения. Яицкие казаки переименованы были в уральские, а городок их назвался сим же именем. Но следы страшного бунтовщика сохранились еще в краях, где он свирепствовал. Народ живо еще помнит кровавую пору, которую — так выразительно — прозвал он *пугачевщиною*.

lib.pushkinskijdom.ru

ПРИМЕЧАНИЯ.
К ГЛАВЕ ПЕРВОЙ

[1] Некоторые из ученых яицких казаков почитают себя потомками стрельцов. Мнение сие не без основания, как увидим ниже. Самые удовлетворительные исследования о первоначальном поселении яицких казаков находим мы в *Историческом и статистическом обозрении уральских казаков*, сочинении А. И. Левшина, отличающемся, как и прочие произведения автора, истинною ученостию и здравой критикою.

«Время и образ казачьей жизни (говорит автор) лишили нас точных и несомненных сведений о происхождении уральских казаков. Все исторические об них известия, теперь существующие, основаны только на преданиях, довольно поздних, не совсем определительных и никем критически не разобранных.

«Древнейшее, впрочем самое краткое, описание сих преданий находим в доношении станичного атамана яикского, Федора Рукавишникова, государственной коллегии иностранных дел, 1720 года[1].

«Дополнением и приложением оного служат: 1. Донесение оренбургского губернатора Неплюева военной коллегии от 22 ноября 1748 года[2]. 2. Оренбургская история Рычкова. 3. Его же Оренбургская топография. 4. Довольно любопытный рукописный журнал бывшего войскового атамана яикского, Ивана Акутина[3]. 5. Некоторые новейшие акты, хранящиеся в архивах уральской войсковой канцелярии и оренбургской пограничной комиссии.

«Вот лучшие и почти единственные источники для истории уральских казаков.

«То, что писали об них иностранцы, не может быть сюда причислено; ибо большая часть таковых сочинений основана на догадках, ни чем не доказанных, часто противоречащих истине и нелепых. Так например, сочинитель примечаний на Родословную историю татар Абулгази-Баядур-Хана утверждает, что казаки уральские произошли от древних кипчаков; что они пришли в подданство России в след за покорением Астрахани; что они имеют особливый смешанный язык, которым говорят со всеми соседними татарами; что они могут выставить 30.000 вооруженных воинов; что город Уральск стоит в 40 верстах от устья Урала, текущего в Каспийское море и пр.[4]. Все сии нелепости, которые не заслуживают опровержения для русских, приняты однако ж в прочих частях Европы за справедливые. Знаменитый Пуффендорф и Дегинь внесли их, к сожалению, в свои сочинения[5].

«Возвращаясь к вышеупомянутым пяти источникам нашим и сравнивая их между собою, во всех видим ту главную истину, что яикские или уральские[6] казаки произошли от донских, но о времени поселения их на занимаемых теперь местах не находим положительного и единогласного известия.

«Рукавишников, писавший, как сказали мы, в 1720 году, полагал что предки его пришли на Яик, *может быть, назад около двух сот лет*, т. е. в первой половине XVI столетия.

«Неплюев повторяет слова Рукавишникова.

«Рычков, в Оренбургской истории, пишет: *начало сего яикского войска,*

---

[1] Сие доношение, в копии мною найденное в делах архива оренбургской пограничной комиссии, есть то самое, о котором говорит Рычков в своей Топографии; но он Рукавишникова называет Крашенинниковым. Некоторые, достойные вероятия, жители уральские сказывали мне, что атаман сей носил обе фамилии. Л<евшин>.

[2] Отпуск сего донесения нашел я также в архиве оренбургской пограничной комиссии. Л.

[3] За список с сего журнала, равно как и за другие сведения, на которых основана часть сего описания, обязан я благодарностию некоторым чиновникам уральского войска. Л.

[4] Родословной истории о татарах часть 2-ая, глава 2-я, также часть 9, глава 9. Л.

[5] Histoire des Huns et Tàt. liv. 19, chap. 2. Л.

[6] Далее увидим, когда река Яик получила название Урала. Л.

lib.pushkinskijdom.ru

по известиям от яикских старшин, произошло около 1584 года[1]. В Топографии же, сочиненной после Истории, он говорит, что первое поселение казаков на Яике случилось в XIV столетии[2].

«Сие последнее известие основано им на предании, полученном в 1748 году от яикского войскового атамана, Ильи Меркульева, которого отец, Григорий, был также войсковым атаманом, жил сто лет, умер в 1741 году и слышал в молодости от столетней же бабки своей, что она, будучи лет двадцати от роду, знала очень старую татарку, по имени *Гугниху*, рассказывавшую ей следующее: «Во время Тамерлана один донской казак, по имени Василий Гугна, с 30 человеками товарищей из казаков же и одним татарином, удалился с Дона для грабежей на восток, сделал лодки, пустился на оных в Каспийское море, дошли до устья Урала и, найдя окрестности оного необитаемыми, поселился в них. По прошествии нескольких лет, шайка сия напала на скрывшихся близ ее жилища в лесах трех братьев татар, из которых младший был женат на ней Гугнихе (повествовательнице), и которые отделились от Золотой Орды, также рассеявшейся потому, что Тамерлан, возвращаясь из России, намеревался напасть на оную. Трех братьев сих казаки побили, а ее Гугниху взяли в плен и подарили своему атаману». Далее, после нескольких пустых подробностей, также повествовательница рассказывала — «что муж ее еще в детстве слыхал о российском городе Астрахани; что с казаками, ее пленившими, при ней соединилось много татар Золотой орды и русских, что они убивали детей своих и пр.»

«Продолжение ее рассказов сходно с тем, что мы будем описывать за истинное; но изложенное сейчас начало, не взирая на известную ученость, полезные труды и обширные сведения Рычкова о Средней Азии и Оренбургском крае, хронологически невозможно и противно многим несомненным историческим известиям. Поелику же сия повесть принята за единственный и правдоподобнейший источник для истории уральских казаков и поелику она неоднократно повторена в новейших русских и иностранных сочинениях[3], то мы обязанностию почитаем войти в некоторые, даже скучные, подробности, для опровержения оной:

«1. Если атаман Григорий Меркульев, живший около ста лет, умер в 1741 году, то он родился в 1641, или близ того времени. Столетняя бабка его, рассказывавшая ему такую подробную и важную для всякого казака историю и следовательно умершая не прежде, как когда ему было лет 15, то есть около 1656 года, должна была родиться в 1556 году, или хотя в 1550; Гугниху же узнала она на 20 году своего возраста, т. е. около 1570 года. Положив теперь, что Гугнихе было тогда лет 90, выдет, что она родилась в 1480 году, или, короче сказать, в конце XV столетия. Как же она могла помнить такие происшествия, которые были в XIV столетии, т. е. почти за сто лет до ее рождения: ибо Тамерлан приходил в Россию в 1395 году?[4].

«2. Муж Гугнихи *в малых летах слыхал от стариков, что от реки Яика не очень далеко есть российские города Астрахань и другие*[5]. Известно, что Астрахань взята в 1554 году[6]; и так не должно ли здесь предполагаться, что сама Гугниха и муж ее жили в XVI столетии? Таково предположение ближе к истине и, как увидим сейчас, согласно с прочими известиями о начале уральских казаков.

«3. И Гугниха, и Рукавишников, и Рычков в Истории Оренбургской, и предания, мною самим слышанные в Уральске и Гурьеве, единогласно говорят, что уральские казаки происходят от донских. Но во времена

---

[1] Известия об уральском войске, помещенные в Оренбургской истории Рычкова, собраны им, по собственным словам его, в 1744 году; а те, которые поместил он в Топографии своей, получены им в 1748 году. Л<евшин>.

[2] См. Сочинения и переводы ежемесячные 1762 года, месяц август. Л.

[3] Напр., в хозяйственном описании Астраханской губернии 1809 года; в 29 книжке Сына Отечества на 1821 год, и пр. Л.

[4] История российская, г. Карамзина, том 5, стр. 144. Л.

[5] Подлинные слова Рычкова в той же 2 главе Топографии. Л.

[6] Той же Истории г. Карамзина, том 8, стр. 222. Л.

lib.pushkinskijdom.ru

Тамерлана. донские казаки еще не существовали, и история нигде нам не говорит об них прежде XVI столетия. Даже если принять, что они составляют один и тот же народ с азовскими казаками, то и о сих последних, как пишет г. Карамзин[1], летописи в первый раз упоминают уже в 1499 году, т. е. слишком чрез сто лет после нашествия Тамерлана.

«4. В XIV столетии Россия еще не свергла ига татарского; границы ее тогда были отдалены от Каспийского моря более, нежели на тысячу верст, и обширная степь, от Дона чрез Волгу до Яика простирающаяся, была покрыта племенами монголо-татарскими. Как же могла горсть буйных казаков не только пробраться чрез такое большое расстояние и чрез тысячи неприятелей, но даже поселиться между ними, и грабить их? Миллер, известный своими изысканиями и сведениями в истории нашей, говорит:[2] *пока татары южными российского государства странами владели, о российских казаках ничего не слышно было.*

«Показав несправедливость повести, помещенной Рычковым в Оренбургской топографии, примем первые его об уральском казачьем войске известия, напечатанные в Оренбургской истории; дополним оные сведения, заключающимися в помянутых доношениях Рукавишникова и Неплюева, и преданиями, мною самим собранными на Урале; сообразим их с сочинениями знаменитейших писателей и предложим читателям следующее историческое обозрение уральских казаков.»

[2] О Гугнихе смотри подробное баснословие Рычкова в его Оренбургской истории.

[3] Грамота сия не сохранилась. Старые казаки говорили Рычкову, что оная сгорела во время бывшего пожара. «Не только сия грамота, говорит г. Левшин, без которой нельзя точно определить начала подданства уральских казаков России, но и многие другие, данные им царями Михаилом Федоровичем, Алексеем Михайловичем и Федором Алексеевичем, сгорели. Древнейший и единственный акт, найденный Неплюевым в Яицкой войсковой избе, была грамота царей Петра и Иоанна Алексеевичей, 1684 года, где упоминается о прежних службах войска со времен Михаила».

С 1655, то есть с первой службы уральских казаков против поляков и шведов, до 1681 года нет известий о походах их. В 1681 и 1682 годах служили триста казаков под Чигирином. В 1683, послано было из них 500 человек к Мензелинску для усмирения бунтовавших башкирцев, за что, сверх жалованья, деньгами и сукном, повелено было снабжать их артиллерийскими снарядами[3]. Со времен Петра Великого они были употребляемы в большей части главных военных действий России, как то: в 1696 под Азовом; в 1701, 1703, 1704 и 1707 против шведов; в 1708 году 1225 казаков были опять посланы для усмирения башкирцев; в 1711 году 1500 человек на Кубань; в 1717 году 1500 казаков пошли с князем Бековичем-Черкасским в Хиву; и так далее. *(Г. Левшин).*

[4] Г. Левшин справедливо замечает, что царские стрельцы вероятно помешали яицким казакам принять участие в возмущении Разина. Как бы то ни было, нынешние уральские казаки не терпят имени его, и слова *Разина порода* почитаются у них за жесточайшую брань.

[5] В те ж времена из казаков яицкого войска некто, по прозванию Нечай, собрав себе в компанию 500 человек, взял намерение итти в Хиву, уповая быть там великому богатству, и получить себе знатную добычу. С оными отправился он по Яику реке вверх и будучи у гор, называемых ныне *Дьяковыми*, от нынешнего городка вверх Яика 30 верст, остановился и по казачьему обыкновению учинил совет, или круг, для рассуждения о том своем предприятии, и чтоб избрать человека, для показания прямого и удобнейшего туда тракту. Когда в кругу учинен был о том доклад, тогда дьяк его, или писарь, выступя, стал представлять, коль отважно и не сходно оное их предприятие, изъясняя, что путь будет степной незнакомой, провианта с ними не довольно, да и самих их на такое великое

[1] См. Истор. Рос. государства, том 6, примеч. 495. Л.

[2] В статье *О начале и происхождении казаков.* Соч. и перев. 1760 года. Л.

[3] Доношение Неплюева и журнал Акутина.

lib.pushkinskijdom.ru

дело малолюдно. Помянутый Нечай от сего Дьякова представления так много рассердился и в такую запальчивость пришел, что, не выходя из того круга, приказал его повесить: почему он тогда ж и повешен, а оные горы прозваны, и поныне именуются *Дьяковыми*.

Отправясь он Нечай в путь свой с теми казаками, до Хивы способно дошел и, поступя под нее в такое время, когда хивинский хан со всем своим войском был на войне в других тамошних сторонах, а в городе Хиве, кроме малых и престарелых, никого почти не было, без всякого труда и препятствия городом и всем тамошним богатством завладел, а ханских жен в полон побрал, из которых одну он Нечай сам себе взял и при себе ее содержал. По таковом счастливом завладении, он Нечай и бывшие с ним казаки несколько времени жили в Хиве во всяких забавах и об опасности весьма мало думали; но та ханская жена, знатно полюбя его Нечая, советовала ему: ежели он хочет живот свой спасти, то б он со всеми своими людьми заблаговременно из города убирался, дабы хан с войском своим тут его не застал; и хотя он Нечай той ханской жены наконец и послушал, однако не весьма скоро из Хивы выступил и в пути, будучи отягощен многою и богатою добычею, скоро следовать не мог; а хан, вскоре потом возвратясь из своего походу, и видя, что город его Хива разграблен, ни мало не мешкав, со всем своим войском в погоню за ним Нечаем отправился и чрез три дня его настиг на реке именуемой *Сыр-Дарья*, где казаки чрез горловину ее переправились, и напал на них с таким устремлением, что Нечай с казаками своими хотя и храбро оборонялся, и многих хивинцев побил, но напоследок со всеми имевшимися при нем людьми побит, кроме трех или четырех человек, кои, ушед от того побоища, в войско яицкое возвратились и о его погибели рассказали. В оном войсковых атаманов объявлении показано и сие, яко бы хивинцы с того времени оную горловину, которая из Аральского моря в Каспийское впала, на устье ее от Каспийского моря завалили в таком рассуждении, дабы в предбудущие времена из моря в море судами ходу не было; но я последнее сие обстоятельство, за неимением достовернейших известий, не утверждаю, а представляю оное так, как мне от помянутых войсковых атаманов сказано.

Несколько лет после того яицкие казаки селением своим перешли к устью реки *Чагана*, на то третие место, где ныне Яицкой казачий город находится. Утвердившись же тут селением и еще в людстве гораздо умножась, один из них, по прозванию *Шамай*, прибрав себе в товарищество человек до 300, взял такое ж намерение, как и Нечай, а именно, чтоб еще опыт учинить походом на Хиву для наживы тамошними богатствами. И так, согласясь, пошли вверх по Яику до Илека реки, по которой вверх несколько дней отошед, зазимовали, а весною далее отправились. Будучи около реки Сыр-Дарьи, на степи усмотрели двух калмыцких ребят, которые ходили для звероловства, и разрывали ямы звериные; ибо тогда около оной реки Сыр-Дарьи кочевали еще калмыки. Захватя сих калмыцких ребят, употребили они их на той степи за вожей, ради показания дорог. И хотя калмыки оных своих ребят у них казаков к себе требовали, но они им в том отказали. За сие калмыки, озлобясь, употребили противу их такое лукавство, что, собравшись многолюдно, скрылись в потаенное низменное место, а вперед себя послали на высокое место двух калмык, и приказали, усмотря яицких казаков, рыть землю и, бросая оную вверх, делать такой вид, якобы они роют звериные ж ямы. Передовые казаки, увидевшие их, подумали, что то еще калмыцкие гулебщики роют ямы, и сказали о том Шаме, своему атаману, и потом все из обозу поскакали за ними. Калмыки от казаков во всю силу побежали на те самые места, где было скрытное калмыцкое войско, и так их навели на калмык, которые все вдруг на них казаков ударили и, помянутого атамана с несколькими казаками захватя, удержали у себя одного атамана, для сего токмо, чтобы тем удержанием прежде захваченных ими калмык высвободить; ибо прочих отпустя, требовали оных своих калмычат к себе обратно; но наказной атаман ответствовал, что у них атаманов много, а без вожей им пробыть нельзя, и с тем далее в путь свой отправились; токмо на то место, где прежде с атаманом Нечаем казаки через горловину Сыр-Дарьи пере-

lib.pushkinskijdom.ru

правлялись, не потрафили, но прошибшись выше угодили к Аральскому морю, где у них провианта не стало. К тому ж наступило зимнее время; чего ради принуждены они были на том Аральском море зимовать, и в такой великой глад пришли, что друг друга умерщвляя ели, а другие с голоду помирали. Оставшие ж посылали к хивинцам с прошением, чтобы их к себе взяли и спасли б их тем от смерти; почему приехав к ним хивинцы, всех их к себе и забрали. И так все оные яицкие казаки 300 человек там пропали. Означенный же атаман Шамай, спустя несколько лет, калмыками привезен и отдан в яицкое войско. *(Топография Оренбургская).*

[6] Смотри статью г-на С. *О внутреннем состоянии донских казаков в конце XVI столетия,* напечатанную в *Соревнователе Просвещения* 1824 года. Вот что пишет г. Левшин о казацких кругах: «коль скоро, бывало, получится какой-нибудь указ или случится какое-нибудь общее войсковое дело; то на колокольне соборной церкви бьют *сполох,* или повестку, дабы все казаки сходились на сборное место к войсковой избе, или приказу (что ныне канцелярия войсковая), где ожидает их войсковой атаман. Когда соберется довольно много народа, то атаман выходит к оному из избы на крыльцо, с серебряной позолоченной булавою; за ним с жезлами в руках есаулы, которые тотчас идут в средину собрания, кладут жезлы и шапки на землю, читают молитву и кланяются сперва атаману, а потом на все стороны окружающим их казакам. После того берут они жезлы и шапки опять в руки, подходят к атаману, принимая от него приказания, возвращаются к народу и громко приветствуют оный сими словами: *Помолчите, атаманы молодцы и все великое войско яицкое!* А наконец, объявив дело, для которого созвано собрание, вопрошают: *Любо-ль, атаманы молодцы?* Тогда со всех сторон или кричат: *любо,* или подымаются ропот и крики: *не-любо.* В последнем случае атаман сам начинал увещевать несогласных, объясняя дело и исчисляя пользы оного. Если казаки были им довольны, то убеждения его часто действовали; в противном случае никто не внимал ему, и воля народа исполнялась. *(Историч. и статист. обозрение уральских казаков).*

[7] Уральское казачье войско так же, как и все казаки, не платит государству податей; но оно несет службу и обязано во всякое время по первому требованию выставлять на свой счет определенное число одетых и вооруженных конных воинов; а в случае нужды, все, считающиеся на службе, должны выступить в поход. Теперь служащих казаков в уральском войске 12 полков. Из них один в Илецкой и один в Сакмарской станицах. Сии оба полка, как неучаствующие в богатых рыбных промыслах уральских, не участвуют и в наряде казаков в армию; но отправляют только линейную службу, т. е. оберегают границу от киргизов. Остальные 10 полков, считающиеся на службе, но действительно не служащие, выставляют на свой счет полки в армию и стражу на линию, по всему пространству земель своих до Каспийского моря. Как первая, так и вторая служба, несутся не по очереди, но по найму, за деньги. При первом повелении правительства о наряде одного или нескольких полков, делается раскладка: на сколько человек, считающихся в службе, приходит поставить одного вооруженного, и потом каждый таковой участок общими силами нанимает одного казака с тем, чтобы он сам себя и обмундировал и вооружил. Плата ему простирается рублей до 1000, до 1500 и более; а за 10-ти месячный поход в Бухарию, для сопровождения бывшей там миссии нашей, по неизвестности земель, платили по 2000 и даже до 3000 руб. каждому казаку. Тот, который в случае раскладки, не может за себя заплатить, сам нанимается в поход. Иные, нанявшись, сдают свою обязанность другим, иногда с барышем для себя. — Плата тем, кои нанимаются в линейную стражу, самая малая: потому что они, имея в форпостах и крепостях свои собственные домы, скотоводство, мену и все имущество, невольно идут оберегать границу, хотя впрочем необходимость сия лишает их права участвовать в общих рыбных промыслах.

Обыкновение служить по найму, с одной стороны повидимому несправедливое, потому, что богатый всегда от службы избавлен, а бедный всегда несет ее, с другой стороны полезно: ибо — 1-е, теперь всякой

lib.pushkinskijdom.ru

казак, выступающий в поход, имеет возможность хорошо одеться и вооружиться; 2-е, он, оставляя семейство свое, может уделить оному довольно денег на содержание во время своей отлучки; 3-е, человек, занимающийся промыслом каким-нибудь, или работою, полезен для него и для других, не принужден бросать занятий своих и невольно итти на службу, которую бы отправлял очень неисправно. Отставные казаки уже ни в каких службах не участвуют; а потому и на рыбные ловли без платы ездить не могут. — *(Историч. и статист. обозрение уральских казаков.)*.

Выписываем из той же книги живое и любопытное изображение рыбной ловли на Урале.

«Теперь обратим внимание на рыболовство уральского войска и рассмотрим оное подробнее как потому, что оно составляет главнейший и почти единственный источник богатства здешних жителей, так и потому, что различные образы производства оного очень любопытны. Прежде же всего заметим, что против города Уральска ежегодно после весеннего половодья делают из толстых бревен через Урал загороду или решетку, называемую *учуг*, который останавливает и не пускает далее в верх рыбу, идущую из моря [1].

«Главнейшие рыбные ловли, из которых ни одной нельзя начать прежде дня, определяемого войсковою канцеляриею, суть:

«1-ая, багренье, разделяющееся на *малое и большое*. Первое начинается около 20 или 18 числа декабря и не продолжается долее 25-го; второе начинают около 6 января и оканчивают в том же месяце. Багрят рыбу только от Уральска верст на 200 вниз; далее не продолжают, потому что там производится осенняя ловля.

«Образ багрения таков: в назначенный день и час являются на Урал атаман багрения (всякий раз назначаемый канцеляриею из штаб-офицеров), и все имеющие право багрить казаки, всякий в маленьких одиночных санках в одну лошадь, с пешнею, лопатою и несколькими баграми, коих железные острия лежат на гужах хомута у оглобли, а деревянные составные шесты, длиною в 3, 4, иногда в 12 сажен, тащатся по снегу. Прибыв на сборное место, становятся впереди атаман и около его несколько конных казаков, для соблюдения порядка; а за ним рядами все выехавшие багрить. Число сих последних простирается всегда до нескольких тысяч; ежели кто из них осмелится поскакать с места один, то передовые блюстители порядка рубят у него багры и збрую.

«Строгая и справедливая мера сия невольно удерживает на месте казаков, из коих почти у каждого на лице написано нетерпеливое желание скорее пуститься вперед. Этого мало: даже у лошадей их, приученных к сему промыслу, в глазах видно нетерпение скакать. Атаман, на которого все взоры устремлены, ходя около саней своих и приближаясь к ним как будто для того, чтоб садиться, и опять отходя, не раз заставляет их ошибаться в сигнале; наконец он действительно бросается в санки, дает знак, пускает во всю прыть лошадь свою, и за ним скачет все собравшееся войско. Тут уже нет никакого порядка и никому пощады. Всякий старается опередить другого, и горе тому, кто по несчастию вывалится из саней. Если он не будет раздавлен, чему примеров мало помнят, то легко может быть изуродован.

«Прискакав к назначенному для ловли месту [2], все сани останавливаются; всякий выскакивает из них с наивозможною поспешностию, пробивает во льду небольшой прорубь, и тотчас опускает в него багор свой. Картина, представляющаяся в сию минуту для зрителей с берегов Урала, обворожительна! Скорость, с каковою все казаки друг друга обгоняют, всеобщее движение, в которое всё приходит тотчас по приезде на место ловли, и в несколько минут возрастающий на льду лес багров, поражают

---

[1] По словам стариков, прежде так бывало много в Урале рыбы, что от напору оной учуг ломался и ее прогоняли назад пушечными выстрелами в берега.

[2] Места сии называются здесь *етовы* и замечаются осенью по множеству рыбы, которая, расположившись в них зимовать, при восхождении и захождении солнечном на поверхности воды показывается.

lib.pushkinskijdom.ru

глаза необыкновенным образом. Лишь только багры опущены, рыба, встревоженная шумом скачущих лошадей, поднимается с места, суетится и напирается на багры, опускаемые, так, чтобы они на несколько вершков не доходили до дна. В изобильном месте, иногда еще не пройдет четверти часа от начала багрения, как уже везде на льду видны трепещущие осетры, белуги, севрюги и пр. Если рыба, попавшая на багор, столь велика, что один не может ее вытащить, то он тотчас просит помощи, и товарищи его или соседы *подбагривают* ему. На каждый день багрения назначается рубеж, далее которого никто не должен ехать.

«После малого багренья ежегодно отправляют от лица войска некоторое количество наилучшей икры и рыбы ко двору. Приношение сие, как знак верноподданства, издавна существующее, называется *презентом*, или первым кусом. Для ловли такового презента обыкновенно назначается лучшее место или *етов;* и если в оной набагрят мало, то недостающее количество рыбы покупают на сумму войсковой канцелярии. Если же во время багренья для двора, поймают рыбы более, нежели нужно, то остальную запрещается несколько времени продавать, дабы ее не привезли в Петербург прежде посланной от войска. Офицеры, с презентом отправляемые, получают денежные награды от двора на путевые издержки, на ковш и саблю.

«2-ая рыбная ловля, есть *весенняя плавня* или *севрюжное* рыболовство, так называемое потому, что в сие время попадаются почти только одни севрюги. Начинается она в апреле, тотчас по вскрытии льда под Уральском, и продолжается около двух месяцев по всему пространству Урала до моря. Для нее, так как и для всех прочих промыслов, назначается день, избирается атаман, и дается ему пушка, по выстрелу из которой все собравшиеся на промысел казаки пускаются с места в маленьких бударах, непомещающих в себе более одного человека, и каждый начинает выкидывать определенной длины сеть свою. Употребляемые в сие время сети состоят из двух полотен, одного редкого, а другого частого, дабы между ними запутывалась рыба, которая весною обыкновенно подымается из моря вверх по Уралу. Один конец таковой сети привязан к плавающему по воде боченку или куску дерева; а другой держит казак за две веревки. Для привала назначается рубеж, и против него на берегу ставка атаманская, близ которой все должны оканчивать ловлю. Окончание возвещается вечером опять пушечным выстрелом. Осетров и белуг, кои в сие время попадаются, по положению должно бросать назад в воду; ибо, во-первых, они тогда еще малы, во-вторых, слишком дешевы. Преступающих сие положение наказывают и отнимают у них всю наловленную рыбу.

3-я осенняя плавня, начинающаяся 1 октября, оканчивается в ноябре; имеет то отличие от весенней, что, во-первых, в оной употребляются сети совсем другого рода, т. е. сплетенные на подобие мешка, которым рыбу как бы черпают[1]; во-вторых, при каждой из сетей сих, *ярыгами* называемых, находятся два человека в двух бударках по обеим сторонам. Начинают осенний промысел так же, как и прочие, под начальством особого атамана, из назначенного рубежа. Дабы один большой сетью или ярыгою не захватил более пространства и следовательно более рыбы, нежели другой, у коего сеть меньше, то определена однажды навсегда длина всех сетей. Когда на одном месте выловят всю рыбу, то опять собираются туда, где атаман, и едут далее до следующего рубежа, или, говоря языком казаков, делают другой *удар*.

«Осенняя плавня производится только с того места, где оканчивается багренье, т. е. верстах в 200 от Уральска и до моря[2].

«4-я, неводами; начинают ловить зимою, также по назначению канцелярии; но не собранием, а по одиночке, кто где желает. Невод пропускается под льдом на шесте, который направляют, куда хотят, посредством прорубов.

«5-я, рыболовство *аханное* или *аханами*, т. е. особого рода сетями; про-

[1] Это потому, что рыба в сие время избрала место на зимовку.

[2] Каждый казак имеет при сем лове у себя работника. За полутора или двухмесячные труды должен он ему заплатить от 70 до 100 рублей.

lib.pushkinskijdom.ru

изводится около половины декабря и только в море, т. е. недалеко от Гурьева. В день, назначенный для начала сего промысла, начальник оного раздает всем желающим и имеющим право ловить, участки по жребию. Участки все равны, т.-е. каждому казаку отводится равное пространство на определенное число аханов, определенной же меры. Чиновники получают по чинам своим по два, по три и более участков.

«Ахан, опущенный в море под лед, вешается в перпендикулярном к поверхности положении и придерживается на обоих краях и на середине тремя веревками или петлями, для коих делаются три проруба и в кои вдевают палки или шестики, на льду над прорубами лежащие.

«Установленные таким образом аханы требуют только того, чтоб промышленник от времени до времени подходил к ним, за средину подымал каждый из среднего проруба, или, как здесь говорят, *наслушивал*, и если по тяжести почувствует, что в нем уже запуталась какая-нибудь рыба, то вытаскивал бы его, снимал добычу и потом по прежнему устанавливал. Сей способ ловли чрезвычайно выгоден для тех, которые занимаются оным; но, недопуская рыбы вверх Урала, он делает подрыв багренным промышленникам.

«6-я, *Курхайской* лов бывает обыкновенно весною и только в море, или, лучше сказать, на взморье. Он производится посредством сетей, которые в перпендикулярном к поверхности воды положении привязываются на концах и средине к трем шестам, вбитым в дно морское. Рыбу, идущую из моря и запутывающуюся в сии сети, снимают в лодки, на коих разъезжает промышленник около своих снастей.

«7-я, лов крючками, навешанными на веревку, которая также тремя петлями удерживаема бывает под льдом, менее всех сказанных значителен.

«О лове удочками и пр., по маловажности, нечего и говорить.

С нынешнего 1821 года, по дозволению высшего начальства, в первый раз начали казаки рыбную ловлю в Чалкажском озере или по здешнему морце, за 80 верст от Уральска в киргизской степи находящемся.

Рыбы, попадающиеся в Урале в наибольшем количестве, суть: осетр, белуга, шип, севрюга, белая рыбица, судак, лещ, щука, берш, сазан, сом, головли. Осетры ловятся иногда пудов в 7, 8 и даже до 9. Белуги пудов в 20, 30, а редко и в 40; первые, чем больше, тем лучше и дороже; вторые чем больше, тем хуже и дешевле. Но вообще вся рыба теперь стала мельче прежнего, от уменьшения вод в море и Урале. Цены икре и рыбе в багренье не имеют сравнения с ценами в весенний лов; в продолжение сего последнего они вчетверо ниже: ибо время года не позволяет сберегать рыбу иначе, как посолив ее.

Соль казаки уральские получают или из Индерского и Грязного соленых озер, находящихся недалеко от границы в степи Киргизской, или из озер, по берегам Эмбы лежащих. Есть также и около Узеней небольшие соленые озера.

[8] Самым достоверным и беспристрастным известием о побеге калмыков обязаны мы отцу Иакинфу, коего глубокие познания и добросовестные труды разлили столь яркий свет на сношения наши с востоком. С благодарностию помещаем здесь сообщенный им отрывок из неизданной еще книги о калмыках:

Нет сомнения в том, что *Убаши* и *Сэрын* предприняли возвратиться на родину по предварительному сношению с алтайскими своими единоплеменниками, исполненными ненависти к Китаю. Они, вероятно, думали и то, что сия держава, по покорении Чжуньгарии, вызвала оттуда свои войска обратно; а в Или и Тарбагтае оставила слабые гарнизоны, которые соединенными силами легко будет вытеснить; в переходе же чрез земли киргиз-казаков тем менее предполагали опасности, что сии хищники, отважные пред купеческими караванами, всегда трепетали при одном взгляде на калмыцкое вооружение. Одним словом, калмыки в мыслях своих представляли, что сей путь будет для них, как прежде всегда было, приятною прогулкою от песчаных равнин Волги и Урала до гористых вершин Иртыша. Но случилось совсем противное: ибо встретились такие обстоятельства, которые были вне всех предположений.

lib.pushkinskijdom.ru

Чжуньгарское Ойратство на востоке, некогда страшное для Северной Азии, уже не существовало; и *волжские калмыки*, долго бывшие под российским владением, по выходе за границу, считались беглецами, коих российское правительство преследуя оружием своим, предписало и киргиз-казакам на каждом, так сказать, шагу остановлять их вооруженною рукою. Китайское пограничное начальство, по первому слуху о походе *торготов* на восток, приняло с своей стороны все меры предосторожности [1], и также предписало казакам и кэргызцам недопускать их проходить пастбищными местами; в случае же их упорства отражать силу силою. Мог ли хотя один кэргызец и казак остаться равнодушным при столь неожиданном для них случае безнаказанно грабить?

Российские отряды, назначенные для преследования беглецов, по равным причинам, зависевшим более от времени и местности, не могли догнать их. Бывшие яицкие казаки в сие самое время начали уже волноваться и отказались от повиновения. Оренбургские казаки хотя выступили в поход и в половине февраля соединились с Нурали, ханом Меньшой казачьей орды: но, за недостатком подножного корма, вскоре принуждены были возвратиться на границу. После обыкновенных переписок, требовавших довольного времени, уже 12 апреля выступил из Орской крепости отряд регулярных войск и успел соединиться с ханом Нурали: но калмыки между тем, подавшись более на юг, столько удалились, что сей отряд мог только несколько времени, и то издали, тревожить тыл их; а около Улу-тага, когда и солдаты и лошади от голода и жажды не в состоянии были итти далее, начальник отряда Траубенберг принужден был поворотить на север и через Уйскую крепость возвратиться на линию [2].

Но киргиз-казаки, несмотря на то, вооружились с величайшею ревностию. Их ханы: Нурали в Меньшой, Аблай в Средней и Эрали в Большой орде, один за другим нападали на калмыков со всех сторон; и сии беглецы целый год должны были на пути своем беспрерывно сражаться, защищая свои семейства от плена и стада от расхищения. Весною следующего (1772) года кэргызцы (буруты) довершили несчастие калмыков, загнав в обширную песчаную степь по северную сторону озера Балхати, где голод и жажда погубили у них множество и людей и скота.

По перенесении неимоверных трудностей, по претерпении бесчисленных бедствий, наконец калмыки приближились к вожделенным пределам древней их отчизны: но здесь новое несчастие представилось очам их. Пограничная цепь китайских караулов грозно преградила им вход в прежнее отечество, и калмыки не иначе могли проникнуть в оное, как с потерею своей независимости. Крайнее изнеможение народа принудило Убаши с прочими князьями поддаться китайской державе безусловно. Он вышел из России в 33.000 кибиток, в коих считалось около 169.000 душ обоего пола. При вступлении в Или из помянутого числа осталось не более 70.000 душ [3]. Калмыки в течение одного года потеряли 100.000 человек, кои пали жертвою меча или болезней, и остались в пустынях Азии в пищу зверям, или уведены в плен, и распроданы по отдаленным странам в рабство.

Китайский император предписал принять сих несчастных странников и новых своих подданных с примерным человеколюбием. Немедленно доставлено было калмыкам вспоможение юртами, скотом, одеждою и хлебом. Когда же разместили их по кочевьям, тогда для обзаведения еще

---

[1] Китай содержит в Чжуньгарии охранных войск не более 35.000, которые растянуты по трем дорогам от Кашгара до Халми, от Или до Баркюля и от Чугучака до Улясутая на пространстве не менее 7.000 верст; почему пограничное китайское начальство в Чжуньгарии не могло спокойно смотреть на приближение волжских калмыков.

[2] См. опис. Кирг.-Кайс. орд и степей г. Левшина, ч. II, стр. 256.

[3] Так показал китайскому правительству *Убаши* с прочими князьями. В книжке: *Си-юй-Вынь-цвян-лу* число бежавших из России калмыков увеличено. Ошибка сия произошла от того, что сочинитель помянутой книжки писал свои записки по сказаниям простых калмыков. См. Опис. Чжуньг. и В. Туркист., стран. 186 и сл.

lib.pushkinskijdom.ru

было выдано им: лошадей, рогатого скота и овец 1.125.000 гол.; кирпичного чаю 20.000 мес. [1]; пшеницы и проса 20.000 чет.; овчин 51.000; бязей [2] 51.000; хлопчатой бумаги 1.500 пуд.; юрт 400; серебра около 400 пуд.

Осенью того же года *Убаши* и князья *Цебок-Дорцзи, Сэрын, Гунгэ, Момыньту, Шара-Кэукынь* и *Цилэ-Мупир* препровождены были к китайскому двору, находившемуся в Жехэ. Сии князья, кроме *Сэрына*, были ближайшие родственники хана *Убаши*, потомки *Чакдор-Чжаба*, старшего сына хана *Аюки*. Один только *Цебок-Дорцзи* был правнук *Гуньчжаба*, младшего сына хана *Аюки*. *Убаши* получил титул Чжорикту Хана; а прочим князьям, в том числе и оставшимся в Или, даны разные другие княжеские титулы. Сии владельцы при отъезде из Жехэ осыпаны были наградами; по возвращении же их в Или, три дивизии из торготов размещены в Тарбагатае, или в Хурь-хара-усу, а *Убаши* с четырьмя дивизиями *торготов* и *Гуньгэ с хошотами* поселены в Харашаре по берегам Большого и Малого Юлдуса [3], где часть людей их обязана заниматься хлебопашеством под надзором китайских чиновников [4]. Калмыки, ушедшие в китайскую сторону, разделены на 13 дивизий.

Российское правительство отнеслось к китайским министрам, чтоб по силе заключенного между Россией и Китаем договора, обратно выдали бежавших с Волги калмыков; но получило в ответ, что китайский двор не может удовлетворить оной просьбы по тем же самым причинам, по которым и российский двор отказал в выдаче *Сэрына*, ушедшего из Чжунгарии на Волгу, для спасения себя от преследования законов.

Впрочем волжские калмыки, повидимому, вскоре и сами раскаялись в своем опрометчивом предприятии. В 1791 году получены с китайской стороны разные известия, что калмыки намереваются возвратиться из китайских владений, и по-прежнему отдаться в российское подданство. Вследствие оных известий уже предписано было сибирскому начальству дать им убежище в России и поселить их на первый случай в Колыванской губернии [5].

Но кажется, что калмыки, быв окружены китайскими караулами и лазутчиками, и разделены между собою значительным пространством, не имели никакой воможности к исполнению своего намерения.

[9] Полевые команды состояли из 500 человек пехоты, конницы и артиллерийских служителей. В 1775 году они заменены были губернскими батальонами.

[10] Умет — постоялый двор.

ПРИМЕЧАНИЯ
К ГЛАВЕ ВТОРОЙ.

[1] Пугачев на хуторе Шелудякова косил сено. В Уральске жива еще старая казачка, носившая черевики его работы. Однажды, нанявшись накопать гряды в огороде, вырыл он четыре могилы. Сие обстоятельство истолковано было после, как предзнаменование его участи.

[2] Малыковских управительских дел земский Трофим Герасимов и Мечетной слободы смотритель Федот Фаддеев, и сотник Сергей Протопопов, в бытность его в Мечетной слободе письменно объявили: Мечетной слободы крестьянин Семен Филиппов был в Яицке за покупкою хлеба а ехал оттуда с раскольником Емельяном Ивановым. Сей в городке Яицке подговаривал казаков бежать на *реку Лобу*, к турецкому султану, обещал по 12 рублей жалованья на человека, объявляя, что у него на границе оставлено до 200 тысяч рублей, да товару на 70 тыс., а по приходе их паша

[1] Место или ящик содержит в себе 36 кирпичей или плиток чая, из коих каждая весит около $3^1/_2$ ф.

[2] *Бязью* в Туркистане называется белая бумажная ткань, которая бывает неодинаковой меры.

[3] В Вост. Туркистане от Или на юго-восток.

[4] Возвращение *торготов* из России в Чжуньгарию описано в *Синьцзян-чжи-лао:* начальной тетради на лист. 51—56.

[5] См. Полн. собр. росс. зак. Т. XXIII, № 16.937.

lib.pushkinskijdom.ru

де даст им до 5 миллионов. Некоторые казаки хотели было его связать и отвести в комендантскую канцелярию, но он-де скрылся, и находится вероятно. в селе Малыковке.

Вследствие сего вышедший из-за польской границы с данным с Добрянского форпосту паспортом для определения на жительство по реке Иргизу, раскольник Емельян Иванов был найден и приведен ко управительским делам выборным Митрофаном Федоровым, и Филаретова раскольничьяго скита иноком Филаретом, и крестьянином Мечетной слободы Степаном Васильевым с товарищи, — оказался *подозрителен, бит кнутом;* а в допросе показал: что он Зимовейской служилый казак Емельян Иванов Пугачев, от роду 40 лет; с той станицы бежал великим постом сего 72 года в слободу Ветку за границу, жил там недель 15, явился на Добрянском форпосте, где сказался вышедшим из Польши; и в августе месяце, высидев тут 6 недель в карантине, пришел в Яицк и стоял с неделю у казака Дениса Степанова Пьянова. А все-де говорил он пьяный, а об подданстве султану, и встрече пашею и 5 мил. не говаривал, — а имел-де он намерение в *симбирскую провинциальную* канцелярию явиться, для определения к жительству на реке Иргизе. По резолюции дворцовых дел был он отправлен под караулом с мужиками малыковскими, а сообщено сие в коменд. канцелярию, учрежденную в городе Яицке 19 декабря 1772. *(Промемория от дворцовых малыковских дел в комендантскую канцелярию, учрежденную в городе Яицке, декабря 18, 1772 года, поданная смотрителем Иваном Расторгуевым).*

Крестьянин Семен Филипов содержался под караулом до самого 1775 года. По окончании следствия над Пугачевым и его сообщниками, велено было его освободить и сверх того, о награждении его, Филипова, яко доносителя в Малыковке о начальном прельщении злодея Пугачева, представить на рассмотрение правительствующему сенату. *(См. сентенцию 10 января 1775 года.)*

[8] «Оному Пугачеву, за побег его за границу в Польшу и за утайку по выходе его оттуда в Россию о своем названии, а тем больше за говорение возмутительных и вредных слов, касающихся до побега всех яицких казаков в Турецкую область, учинить наказание плетьми и послать, так как бродягу и привыкшего к праздной и продерзкой жизни, в город Пелым, где употреблять его в казенную работу. 6 мая 1773.» *(Записки о жизни и службе А. И. Бибикова.)*

[4] Форпост Будоринский в 79 верстах от Яицкого городка.

[5] Илецкий городок в 145 верстах от Яицкого городка и в 124 от Оренбурга. В нем находилось до 300 казаков. Илецкие казаки были тут поселены статским советником Кириловым, образователем Оренбургской губернии.

[6] Крепость Рассыпная, выстроенная при том месте, где обыкновенно перебирались киргизцы вброд через Яик. Она находится в 25 верстах от Илецкого городка, а в 101 от Оренбурга.

[7] В 1773 году Оренбургская губерния разделялась на четыре *провинции*: Оренбургскую, Исетскую, Уфимскую и Ставропольскую. К первой принадлежали дистрикт (уезд) Оренбургский, и Яицкий городок со всеми форпостами и станицами, до самого Гурьева, также и Бугульминская земская контора. Исетская провинция заключала в себе Зауральскую Башкирию и уезды Исетский, Шадринский и Окуневский; Уфимская провинция — уезды Осинский, Бирский и Мензелинский. Ставропольскую провинцию составлял один обширный уезд. Сверх сего, Оренбургская губерния разделялась еще на восемь *линейных дистанций* (ряд крепостей, выстроенных по рекам Волге, Самаре, Яику, Сакмаре и Ую); сии дистанции находились под ведомством военных начальников, пользовавшихся правами провинциальных воевод. *(См. Бишинга и Рычкова.)*

[8] Ставропольская канцелярия ведала дела крещеных калмыков, поселенных в Оренбургской губернии.

[9] Нижне-Озерная находится в 19 верстах от Рассыпной и в 82 от Оренбурга. Она выстроена на высоком берегу Яика. — Память капитана Сурина сохранилась в солдатской песне:

lib.pushkinskijdom.ru

Из крепости из Зерной,
На подмогу Рассыпной,
Вышел капитан Сурин
Со командою один, и проч.

10. Неизвестный автор краткой исторической записки: Histoire de la révolte de Pougatschef[1], рассказывает смерть Харлова следующим образом:

Le major Charlof avait épousé, depuis quelques semaines, la fille du colonel Ielagin, jeune personne très aimable. Il avait été dangereusement blessé en défendant la place et on l'avait rapporté chez lui. Lorsque la forteresse fut prise, Pougatschef envoya chez lui, le fit arracher de son lit et emmener devant lui. La jeune épouse, au désespoir, le suivit, se jetta aux pieds du vainqueur, et lui demanda la grace de son mari. — Je vais le faire pendre en ta présence, — répondit le barbare. A ces mots, la jeune femme verse un torrent de larmes, embrassa de nouveau les pieds de Pougatschef et implora sa pitié; tout fut inutile et Charlof fut pendu à l'instant même, en présence de son épouse. A peine eut-il expiré que les cosaques se saisirent de la femme et la forcèrent d'assouvir la passion brutale de Pougatschef. — Автор находит тут невероятности и пускается в рассуждения. — Les peuples les plus barbares respectent les moeurs jusqu'a un certain point, et Pougatschef avait trop de bon sens pour commettre devant ses soldats etc.[2]

Болтовня; но вообще вся записка замечательна, и вероятно, составлена дипломатическим агентом, находившимся в то время в Петербурге.

[11] Крепость Татищева при устье реки Камыш-Самары, основана Кириловым, образователем Оренбургской губернии, и названа от него Камыш-Самарою. Татищев, заступивший место Кирилова, назвал ее своим именем: *Татищева пристань*. Находится в 28 верстах от Нижне-Озерной и в 54 (прямой дорогою) от Оренбурга.

[12] Чернореченская в 36 верстах от Татищевой и в 18 от Оренбурга.

[13] Сакмарский город, основанный при реке Сакмаре, находится в 29 в. от Оренбурга. В нем было до 300 казаков.

[14] Показания крестьянина Алексея Кирилова от 6 октября 1773 года. *(Из Оренбургского архива)*.

[15] Повешены два курьера, ехавшие в Оренбург, один из Сибири, другой из Уфы, гарнизонный капрал, толмач-татарин, старый садовник, некогда бывший в Петербурге и знавший государя Петра III, да приказчик с рудников Твердышевских.

---

[1] История восстания Пугачева.

[2] Майор Харлов несколько недель тому назад женился на дочери полковника Елагина, очень милой молодой особе. Он был опасно ранен, защищая крепость, и его отнесли раненого домой. Когда крепость была взята, Пугачев послал к нему, велел стащить его с кровати и привести к себе. Молодая жена, в отчаянии, последовала за ним, бросилась к ногам победителя и просила о помиловании мужа. — Я его повешу на твоих глазах — ответил варвар. При этих словах, молодая женщина, проливая потоки слез, снова обняла ноги Пугачева, умоляя о сострадании; все было напрасно, и Харлов был тотчас же повешен на глазах у жены. Едва он испустил дух, как казаки бросились на его жену и принудили ее удовлетворить грубую страсть Пугачева..... Даже самые варварские народы считаются до известной степени с требованиями нравственности, и у Пугачева было слишком много здравого смысла, чтобы он мог совершить в присутствии солдат и т. д.

lib.pushkinskijdom.ru

ПРИМЕЧАНИЯ

К ГЛАВЕ ТРЕТЬЕЙ

[1] См. Приложения, I[1]

[2] Журнал осаде, веденный в губернаторской канцелярии, помещен в любопытной рукописи академика Рычкова. Читатель найдет ее в Приложении. Я имел в руках три списка, доставленные мне гг. Спасским, Языковым и Лажечниковым.

[3] Билов выступил из Оренбурга 24 сентября. В этот день губернатор давал у себя бал. Весть о Пугачеве разошлась на бале.

[4] Сержант сей назывался Иван Костицын. Участь его неизвестна. Его допрашивал подполковник В. Могутов.

[5] См. Приложения III.

[6] В донесении малыковской земской конторы сказано о Пугачеве: *окавался подозрителен, бит кнутом.* См. в Приложениях на II главу примечание 2.

[7] Падуров, в последствии времени повешенный, писал Мартемьяну Бородину, увещевая его покориться Пугачеву: «А ныне вы называете его (самозванца) донским казаком Емельяном Пугачевым и яко бы у него ноздри рваные и клейменой. А по усмотрению моему, у него тех признаков не имеется.»

[8] По совету одного из чиновников (говорит Рычков).

[9] Меновой двор, на котором с азиатскими народами, чрез все лето до самой осени, торг и мена производятся, построен на степной стороне реки Яика, в виду из города, расстоянием от берега версты с две; ближе строить его было невозможно, потому что прилегло все место низменное и водопоемное. В нем находится пограничная таможня; лавок вокруг всего двора 246, да анбаров 140. Внутри же построен особый двор для азиатских купцов с 98 лавками и 8 анбарами. В 1762 году полавочных денег взималось 4.854 рубля. Меновой двор укреплен батареями *(Топография Оренбургской губернии.)*

[10] Der klaglichste Zustand des Orenburgischen Gouvernements ist weit kritischer als ich Ihn beschreiben kann, eine reguläre feindliche Armee von zehntausend Mann würde mir nicht in Schrecken setzen, allein ein Verrathen mit 3000 [2] Rebellen macht ganz Orenburg zittern — — — Meine aus 1200 Mann bestehende Garnison ist noch das einzige Komando worauf ich mich verlasse, durch die gnade des Höchsten haben wir 12 spions aufgefangen etc. (Письмо Рейнсдорпа к гр. Чернышеву от 9 октября 1773.)

[Перевод: Плачевное положение Оренбургской губернии еще ужаснее, чем я могу описать; меня бы не испугала регулярная вражеская армия в 10 тысяч человек, а между тем один предатель с тремя тысячами мятежников держит в трепете весь Оренбург — — — Мой гарнизон, состоящий из 1.200 человек — единственная военная сила, на которую я могу положиться. По милости всевышнего, мы поймали 12 шпионов и т. д.]

[11] *Бердская казачья слобода, при реке* Сакмаре. Она обнесена была оплотом и рогатками. По углам были батареи. Дворов в ней было до двухсот. Жалованных казаков считалось до ста. Они имели своего атамана и особых старшин.

[12] В городе убито 7 человек, в том числе одна баба, шедшая за водой.

[13] В другой раз Пугачев, пьяный ,лежа в кибитке во время бури сбился с дороги и въехал в оренбургские ворота. Часовые его окликали. Казак Федулев, правивший лошадьми, молча поворотил и успел ускакать. Федулев, недавно умерший, был один из казаков, предавших самозванца в руки правительства.

[14] Слышано мною от самого Дмитрия Денисовича Пьянова, доныне здравствующего в Уральске.

---

[1] «Приложения», составляющие 2-ую часть «Истории Пугачева», в настоящем издании не печатаются, но ссылки оставляются. *Ред.*

[2] Рейнсдорп в сем числе не считает башкирцев.

lib.pushkinskijdom.ru

[15] Кажется, Пугачев и его сообщники не полагали важности в этой пародии. Они в шутку называли также Бердскую слободу — Москвою, деревню Каргале — Петербургом, а Сакмарской городок — Киевом.

[16] Так пишет Кар в письме к графу Чернышеву от 11 ноября 1773.

[17] Овзяно-Петровский завод принадлежал купцу Твердышеву, человеку предприимчивому и смышленому. Твердышев нажил свое огромное имение в течение семи лет. Потомки его наследников суть доныне одни из богатейших людей в России.

[18] Деревня Юзеева в 120 верстах от Оренбурга.

[19] То есть, депутат в комиссии составления нового уложения. Депутатов было 652 человека. Им розданы были, для ношения в петлице, на золотой цепочке золотые овальные медали, с изображением на одной стороне вензелевого е. и. в. имени, а на другой пирамиды, увенчанной императорскою короной, с надписью: *Блаженство каждого и всех;* а внизу: *1766 год, декабря 14 день.*

[20] Из сего калмыцкого полковника сделали капитана Калмыкова.

[21] При сем сражении пойман был один из первых зачинщиков бунта, Данила Шелудяков. Старый наездник принял оренбургских казаков за своих, и подскакал к ним с повелениями. Казак схватил его за ворот; Пугачев, некогда живший у него в работниках, любил его и звал своим отцом. На другой день, не нашед его между убитыми, многие подъезжали к городу и требовали его выдачи. Дня через два, перед светом, три человека подъехали к городскому валу и требовали опять Шелудякова. Им отвечали: приведите к нам и сына его (Пугачева), и обещали за то 500 рублей награждения. Они отъехали молча. Шелудяков был пытан и умер дней через пять.

ПРИМЕЧАНИЯ

К ГЛАВЕ ЧЕТВЕРТОЙ.

[1] У Декалонга со Станиславским было до 5.000 войска. Но все они были растянуты на великом пространстве от крепости Верхояицкой до Орской. Декалонг их не сосредоточил, боясь оставить линейные крепости без обороны.

[2] Орская крепость на степной стороне реки Яика, в двух верстах от реки Ори, выстроена в 1735 году под названием Оренбурга. Она имела изрядные земляные укрепления. В ней всегда находился командир Орской дистанции и двойное число гарнизона, по причине близ-кочующих орд.

[3] Корф, после сражения 14 ноября, подсылал к Пугачеву казака с предложениями о сдаче Оренбурга и с обещанием выдти к нему навстречу. Пугачев осторожно подъезжал к Оренбургу и, усомнясь в искренности предложений, скоро возвратился в Берду.

[4] Рейнсдорп, потеряв надежду победить Пугачева силой оружия, пустился в полемику не весьма приличную. В ответ на дерзкие увещания самозванца он послал ему письмо, с следующею надписью: *Пресущему злодею и от бога отступившему человеку, сатанину внуку, Емельке Пугачеву,* Секретари Пугачева не остались в долгу. Помещаем здесь письмо Падурова, как образец канцелярского его слога. «Оренбургскому губернатору, сатанину внуку, дьявольскому сыну. Прескверное ваше увещевание здесь получено, за что вас, яко всескверного общему покою ненавистника, благодарим. Да и сколько ты себя, по действу сатанину, ни ухищрял, однако власть божию не перемудришь. Ведай, мошенник: известно (да и по всему, тебе, бестии, знать должно), сколько ты ни пробовал своего всескверного щастия, однако щастие ваше служит единому твоему отцу, сатане. Разумей, бестия, хотя ты по действу сатанину во многих местах капканы и расставил, однако ваши труды остаются вотще, а на тебя здесь хотя веревочных не станет петель, а мы у Мордвина, хоть гривну дадим, мочальных (возмем), да на тебя веревку свить можем; не сумневайся мошенник, из б... сделан. Наш всемилостивейший монарх, аки орел поднебесный, во всех армиях на один день бывает; а с нами всегда присутствует. Да и—б

lib.pushkinskijdom.ru

мы вам советовали, оставя свое невредие, придти к нашему чадолюбивому отцу и всемилостивейшему монарху; егда придешь в покорение, сколько твоих озлоблений ни было, не только во всех *извинениях* всемилостивейше прощает, да и сверх того вас прежнего достоинства не лишит; а здесь не безъизвестно, что вы и мертвечину в честь кушаете, и тако объявя вам сие, да и пребудем по склонности вашей ко услугам готовы. Февраля 23 дня 1774 года».

[5] Я не имел случая читать эту речь. Помещаем письмо, сочиненное также Державиным по тому же поводу.

«Всеавгустейшая государыня, премудрая и непобеднмая императрица!

«Дражайшее нам и потомкам нашим неоцененное слово, сей приятный и для позднейшего рода казанского дворянства фимиам, сей глас радости, вечной славы нашей и вечного нашего веселия, в высочайшем вашего императорского величества к нам благоволении слыша, кто бы не получил из нас восторга в душу свою, чье бы не возыграло сердце о толиком благополучии своем? Облиста нас в скорби нашей и печали свет милосердия твоего! А потому, если бы кто теперь из нас не радовался, тот бы по истине еще худо изъявил усердие свое отечеству и вашему императорскому величеству, даянием некоторой части имения своего на составление корпуса нашего. И быть угодна наша жертва пред тобою; се счастие наше, се восхищение душ наших!

«Но всемилостивейшая государыня, ваше императорское величество обыкнуть соизволили взирать на малые знаки усердия, как на великие; изливая окрест престола щедроты благоутробия своего, изливаете оные и в страны отдаленные; осиявая лучами милости своея всех купно, и всех везде своим человеколюбием милуете; а потому конечно и посильное даяние долга нашего, собственно самим же нам нужное, ваше императорское величество, толь милостиво и благоугодно от нас приять соизволили.

«*Сей есть прямо образ мыслей благородных*, ваше императорское величество в честь нам сказать изволили. Чтож мы из сего высочайшего нам признания заключить должны? Не сущее ли одно токмо матернее побуждение к исполнению долга нашего? не милосердие ли одно? За то мы похвалу получаем, что истинное дело наше! но кроме особливые, и заслугу превышающие почести, хвалится ли за то священнослужитель, что он всенародно бога молит? Кроме неописанные вашего императорского величества к нам милости, достойны ли и дворяне за то похвалы особливой, что они хотят защищать свое отечество? Они суть щит его, они подпора престола царского. Пепел предков наших вопиет к нам и зовет нас на поражение самозванца. Глас потомства уже укоряет нас, что в век преславной, великой Екатерины, могло возникнуть зло сие; кровь братий наших, еще дымящаяся, устремляет нас на истребление злодея. Чтож мы медлили? Чего давно недоставало нам, дабы совокупно поставить грудь свою противу хищника? Ежели душа у дворянина есть, то все у него есть ко ополчению. Чего ж недоставало? не усердия ли нашего? Нет! мы давно горели им, мы давно собиралися, и хотели пренебречь жизнь свою; а теперь, по милости вашего императорского величества, есть у нас и согласитель мыслей наших. Руководством его составился у нас корпус. Избранный в нем начальник трудится, товарищи его усердствуют, все в порядке. Имение наше готово на пожертвование, кровь наша на излияние, души наши на положение; умрем, — кто не имеет мыслей сих, тот не дворянин.

«Но сколь ни велик восторг должности нашей, сколь ни жарко рвение сердец наших, однако слабы бы были силы наши на истребление гнусного врага нашего, еслиб ваше императорское величество не ускорили войсками своими в защищение наше, а паче всего присылкою к нам его превосходительства Александра Ильича Бибикова. Может быть, мы бы были и по сю пору в нерешимости составить корпус наш, ежели б не он подал нам свои благоразумные советы. Он приездом своим рассыпал туман уныния, носящегося над градом здешним. Он ободрил души наши. Он укрепил сердца, колеблющиеся в верности богу, отечеству и тебе, всемилостивейшая государыня; словом сказать, он оживотворил страну почти умирающую. Величие монарха паче познается в том, что он умеет разбирать людей и употреблять их во благовремении; то и в сем не оскудевает вашего императорского величества тончайшее проницание; на сей случай здесь на-

lib.pushkinskijdom.ru

добен министр, воин, судия, чтитель святые веры. По прозорливому вашего императорского величества изволению, мы все сие в Александре Ильиче Бибикове видим; за все сие из глубины сердец наших, любомудрой душе твоей восписуем благодарение.

«Но едва успеваем сказать здесь, всемилостивейшая государыня, вашему императорскому величеству крайние чувствия искренности нашей за милости твои; едва успеваем воскурить пред образом твоим, великая императрица, нам священным и нам любезным, кадило сердец наших за благоволения твои; уже мы слышим новый глас, новые от тебя радости нового нам твоего великодушия и снисхождения. Что ты с нами делаешь? в трех частях света владычество имеющая, славимая в концах земных, честь царей, украшение корон, из боголепия величества своего, из сияния славы своея, снисходишь и именуешься нашею *казанскою помещицею!* о радости для нас неизглаголенной, о счастия для нас неокончаемого! се прямо путь к сердцам нашим! се преславное превозношение праху нашего и потомков наших. Та, которая дает законы полвселенной, подчиняет себя нашему постановлению! Та, которая владычествует нами, подражает нашему примеру! тем ты более, тем ты величественнее.

«И так, исполнением долга нашего хотя мы не заслуживаем особливого вашего императорского величества нам признания, любезного и нам дражайшего товарищества твоего; однако высочайшую волю твою разверстым принимаем сердцем и почитаем благополучием, начертаваем неоцененные слова благоволения твоего с благоговением в память нашу. Признаем тебя своею помещицею, принимаем тебя в свое сотоварищество. Когда угодно тебе, равняем тебя с собою. Но за сие ходатайствуй и ты за нас у престола величества твоего. Ежели где силы наши слабы совершить усердие наше, помогай нам и заступай нас у тебя. Мы более на тебя, нежели на себя, надеемся.

«Великая императрица! чем же воздадим мы тебе за твою матернюю любовь к нам, за сии твои несказанные нам благодеяния? Наполняем сердца наши токмо вящшим воспламенением искоренить из света злобу, царства твоего недостойную. Просим царя царей, да подаст он нам в том свою помощь, а вашему императорскому величеству, истинной матери отечества, с любезным вашего императорского величества сыном, с сею бесценною надеждой нашею и с дражайшею его супругою, в безмятежном царстве, многие лета благоденствия.»

[6] Монахиня Евпраксия Кириловна, бабка Александра Ильича. Он ею был воспитан; в семействе своем почиталась она праведною.

[7] См. в Приложении письмо Бибикова к графу Чернышеву от 24 января 1774 года. — 5 января того же года писал он Философу: «Терпение мое час от часу становится короче, в ожидании полков, ибо ежечасно получаю страшные известия; с другой же стороны, что башкирцы с всякою сволочью партиями разъезжают, заводы и селения грабят, и делают убийства. Воеводы и начальники отовсюду бегут с устрашением, и глупая чернь охотно на обольщение злодейское бежит навстречу к ним же. Не могу тебе, мой друг, подробно описать бедствие и разорение здешнего края, следовательно суди и о моем по тому положении. Скареды и срамцы здешние гарнизоны всего боятся, ни куда носа не смеют показать, сидят по местам как сурки, и только что рапорты страшные присылают. Пугачевские дерзости и его сообщников из всех пределов вышли; всюду посылают манифесты, указы. День и ночь работаю как каторжный, рвусь, надседаюсь и горю как в огне адском; но варварству предательств и злодейству не вижу еще перемены, не устает злость и свирепство, и можно ли от домашнего врага довольно охраниться, все к измене, злодейству и бунту на скопищах. Бог один всемогущ, обратит все сие в лучшее. Я при моих заботах непрестанно его прошу, и проч.

[8] Снег в Оренбургской губернии выпадает иногда на три аршина.

[9] См. в Приложении письмо Бибикова к графу Чернышеву.

[10] Не должно терять из виду тогдашнее разделение государства на губернии и провинции.

[11] В 1774 году уведено в плен киргизцами до 1380 человек.

lib.pushkinskijdom.ru

[12] См. в Записках Храповицкого (в 1791 году) весьма любопытный разговор государыни о Густаве III.

[13] См. переписку Вольтера с императрицею.

[14] Помещаем здесь показания жены Пугачева, Софьи Дмитриевой, в том виде, как они были представлены в военную коллегию.

Описание известному злодею и самозванцу, какого он есть свойства и примет, учиненное по объявлению жены его, Софьи Дмитриевой.

1. Мужа ее, войска Донского, Зимовейской станицы служилого казака, зовут Емельян Иванов сын, прозывается Пугачевым.

2. Отец его родной, был той же Зимовейской станицы служилой казак, Иван Михайлов сын Пугачев же, который в давних годах умре.

3. Тому мужу ее ныне от роду будет лет сорок, лицом сухощав, во рту верхнего спереди зуба нет, который он выбил саласками[1], еще в малолетстве в игре, а от того времени и доныне не вырастает. На левом виску от болезни круглый белый признак, от лица совсем отменный величиною с двукопеечник; на обеих грудях, назад тому третий год, были провалы, от чего и мнит она, что быть надобно признакам же. На лице имеет желтые конопатины; сам собою смугловат, волосы на голове темно-русые, по-казацки подстригал, росту среднего, борода была клином черная, небольшая.

4. Веру содержал истинно православную; в церковь божию ходил, исповедовался и святых таин приобщался, на что и имел отца духовного, Зимовейской же станицы священника Федора Тихонова; а крест ко изображению, совокуплял большой с двумя последними пальцами

5. Женился тот муж ее на ней, и она шла, оба первобрачные, назад тому лет с 10, и с которым и прижили детей пятерых, из коих двое померли, а трое и теперь в живых. Первый сын Трофим десяти лет, да дочери вторая Аграфена по седьмому году, а третья Христина по четвертому году.

6. Оный же муж ее, назад тому три года, послан на службу во вторую армию, где и был два года, и оттуда, ныне другой год, за грудною болезнию, о которой выше значит, по весне отпущен, а посему и был в доме одно лето, в которую бытность и нанял вместо себя в службу в Бахмуте на Донце казака, а как его звать и прозвания, да и где теперь находится, не знает; — а после сего

7. В октябре месяце 772 года он, оставивши ее с детьми, неведомо куда бежал, и где был, и какие от него происходили дела, об оном, как он ничего не сказывал, так и сама не знала; а

8. 773 года, в великом посту, тот муж ее тайным образом пришел к хуторскому их дому вечером под окошко, которого она и пустила; но тогож самого часа объявила казакам, а они, взявши его, повели к станичному атаману, а он-де отправил в Верхнюю Чирскую станицу, к старшине, но о имени его не упомнит, а оттуда в Черкасской; но не довезя однакож до оного, в Цымлянской станице бежал, и потому, где теперь находится, не ведает.

9. Во время ж той мужа ее поимки, сказывал он атаману и на сборе всем казакам, что был в Моздоке, но что делал, потому ж не знает.

10. Писем он к ней, как с службы из армии, так и из бегов своих никогда не присылывал; да и чтоб в станицу их или к кому другому писал, об оном не знает; он же вовсе и грамоте не умеет.

11. Что же муж ее точно есть упоминаемый Емельян Пугачев то сверх ее самоличного с детьми сознания и уличения, могут в справедливость доказать и родной его брат, Зимовейской же станицы казак Дементий Иванов сын Пугачев (который ныне находится в службе в 1-й армии), да родные ж сестры, из коих первая Ульяна Иванова, коя ныне находится в замужестве той же станицы за казаком Федором Григорьевым, по прозванию Брыкалиным, а вторая Федосья Иванова, которая также замужем за казаком из Прусак Симоном Никитиным, а прозвания не знает, кой ныне жительство имеет в Азове, которые все мужа ее также знают довольно.

---

[1] Технический термин у кулачных бойцов, значит удар по челюстям.

lib.pushkinskijdom.ru

12. Речь и разговоры муж ее имел по обыкновению казацкому, а иностранного языка никакого не знал.

13. Домом они жили в Зимовейской станице своим собственным, который по побеге мужа (что дневного пропитания с детьми иметь стало не от чего) продала за 24 руб. 50 коп. Есауловской станицы казаду Ереме Евсееву на слом, который его в ту Есауловскую станицу к сломке и перевез; а ныне особою командою паки в Зимовейскую станицу перевезен и на том же месте, где он стоял и они жили, сожжен; а хутор их, состоящий также неподалеку Зимовейской станицы, сожжен же.

14. Сама же та Пугачева жена, казачья дочь, и отец ее был Есауловской станицы служилый казак, Дмитрий, по прозванию Недюжин, а отчества не припомнит, потому что она после него осталась в малолетстве, и после ж которого остались и теперь вживе находятся, дочери его, а ей сестры родные, первая Анна Дмитриева, в замужестве Есауловской станицы за казаком Фомою Андреевым, по прозванию Пилюгиным, который и находится в службе тому ныне 8-й год, а в которой армии, не знает. Вторая Василиса Дмитриева, в замужестве также есауловской станицы за казаком Григорием Федоровым по прозванию Махичевым; да третий сын отца ее, а ей брат родной, Иван Дмитриев по прозванию Недюжин, живет в Есауловской же станице служилым казаком, и по отъезде ее в здешнее место, был при доме своем и к наряду в службу в готовности.

Прилагаю не менее любопытное извлечение из показаний бывшего в 1771 году Зимовейской станицы атаманом отставного казака Трофима Фомина:

«В 1771 году, в феврале месяце, Емельян Пугачев отбыл в город Черкаск для излечения болезни, со взятым у меня станичным билетом и через месяц возвратился на карей лошади. На допрос мой, где он ее достал, отвечал он: на станичном сборе, что купил в Таганрожской крепости конного казацкого полку у казака Василья Кусачкина. Но казаки, не поверя ему, послали его взять письменный вид от ротного командира. Пугачев и поехал, но пред его возвращением, взять его, Прусак, бывший Зимовейской станицы казак, а ныне состоящий в Таганрокском казацком полку, явился у нас, и на станичном сборе показал, что он с женою и Василий Кусачкин, да еще третий, по уговору Пугачева, бегали за Кубань на Куму реку, где он (Прусак), побыв малое время, оставил их и возвратился на Дон. По чему и отправил я при станичном рапорте в Черкаск Прусака с женою и родною ее матерью, по причине их побега. В декабре того же года Пугачев был пойман в его хуторе и содержался под караулом. Намерен был я его, как превдношатающегося, выдать находящемуся тогда в сыске и высылке беглых всякого звания людей, старшине Михайле Макарову. Но Пугачев со станичной избы из-под караула бежал, и уже чрез три месяца на том же хуторе пойман, и показал на станичном сборе, что был в Моздоке, почему при рапорте и послан мною к старшине Макарову в нижнюю Черкаскую станицу, а сей через нашу станицу послал уже его при рапорте в Черкаск. Когда его провели, увидя по подорожной, что послан он был в колодке, которой на нем уже не было, приказал я ему набить другую, и отослал его в верхнюю Курмоярскую станицу, от которой в принятии оного Пугачева росписку получил. Через две недели спустя, от старшины Макарова по всем станицам прислано было объявление, что оный Пугачев бежал с дороги, и не иначе ежели явится где, изловить; а как он бежал, не знаю.»

За неумением грамоте, Василий Ермолаев руку приложил.

[15] Г. Левшин пишет, что самозванец показывал сии пятна легковерным своим сообщникам и выдавал их за какие-то царские знаки. Оно не совсем так; самозванец, хвастая, показывал их, как знаки ран, им полученных.

[16] Многие и воспользовались сим разрешением; несмотря на то, история Пугачевского возмущения мало известна. В Записках о жизни и службе А. И. Бибикова, мы находим самое подробное известие об оном, но сочинитель довел свой рассказ только до смерти Бибикова. Книжка, изданная под заглавием: *Михельсон в Кавани*, есть не что иное, как весьма любопытное письмо архимандрита Платона Любарского, напечатан-

lib.pushkinskijdom.ru

ное почти без всякой перемены, с приобщением незначущих показаний. Г. Левшин в своем Историческом и статистическом обозрении уральских казаков, слегка коснулся Пугачева. Сей кровавый и любопытный эпизод царствования Екатерины мало еще известен.

ПРИМЕЧАНИЯ

К ГЛАВЕ ПЯТОЙ.

[1] Крещеные калмыки, поселенные в Оренбургской губернии, разделялись на оренбургских и ставропольских. См. в Рычкове (в его Оренбургской топографии) подробное о них известие.

[2] Державин, в объяснениях на свои сочинения, говорит, что он имел счастие освободить около полуторы тысячи пленных колонистов от киргизов. Державин написал свои Записки, к сожалению, еще неизданные.

[3] Бунтовавшие башкирцы жестоко усмирены были генерал-лейтенантом князем Урусовым, прозванным, как Силла, счастливым, ибо все ему удавалось.

[4] См. в Приложении письмо Бибикова к фон-Визину. Письмо сие, вместе с другими драгоценными бумагами, доставлено было родственниками и наследниками фон-Визина князю Вяземскому, занимавшемуся биографией автора Недоросля. Надеемся в непродолжительном времени издать в свет сие замечательное по всем отношениям сочинение.

[5] Малолеток, недостигший 14-ти-летнего возраста.

[6] Илецкая Защита находится от Оренбурга в 62 верстах, в степи, за рекою Уралом, на самом том месте, где добывается славная илецкая соль. «Добывание оной соли», пишет Рычков, «уже издавна на том месте, сперва от башкирцев, а потом и от крепостных обывателей, чинилось, но о построении сей крепости определение учинено уже в прошлом 1753 году октября 26 числа, по состоявшемуся в правительствующем сенате того ж 1753 года мая 24 числа указу, коим в Оренбурге и принадлежащих к оному новых крепостях и селениях учредить казенные соляные магазины, и продажу илецкой и эбелейской соли чинить по тогдашней указной цене по 35 коп. пуд; для чего тогда ж и соляное правление в городе Оренбурге учреждено. Явившийся тогда подрядчик, оренбургских казаков сотник Алексей Углицкой, обязался той соли заготовлять и ставить в оренбургский магазин четыре года, на каждый год по пятидесяти пуд, а буде возобновится то и более, ценою по 6 коп. за пуд, своим коштом, а сверх того в будущий 1754 год летом построить там своим же коштом, по указанию от инженерной команды, небольшую защиту оплотом с батареями для пушек, тут же сделать несколько покоев и казарм для гарнизону, и провиантский магазин, и на все жилые покои в осеннее и зимнее время ставить дрова, а провиант, сколько б там войсковой команды не случилось, возить туда из Оренбурга на своих подводах, что все и учинено, и гарнизоном определена туда из Алексеевского пехотного полка одна рота в полном комплекте; а иногда по случаям и более военных людей командируемо бывает, для которых, яко же и для работающих в добывании той соли людей (коих человек ста по два и более бывает) имеется там церковь и священник с церковными служителями. — *(Топография Оренбургская).*

[7] Тоцкая крепость, при устье реки Сороки, в 206 верстах от Оренбурга. Выстроена при Кирилове, в 1736 году. — Сорочинская крепость, главная на самарской дистанции, в 176 верстах от Оренбурга и в 30 от Тоцкой.

[8] Крепость Новосергиевская от Сорочинской в 40, а от Оренбурга в 136 верстах. Выстроена при тайном советнике Татищеве, под именем *Тевкелева Брода*, и переименована при Неплюеве в Новосергиевскую.

[9] Переволоцкая, большою дорогою в 78 верстах от Оренбурга, а прямо степью в 60. Выстроена в верховье реки Самары.

[10] Les rebelles restèrent si tranquilles à Tatitscheva, que le Prince lui-même doutait qu'ils fussent dans cette place. Pour en apprendre des nouvelles, il envoya trois cosaques qui s'approchèrent de la forteresse, sans rien apercevoir. Les rebelles leur envoyèrent une femme, qui leur présenta du

lib.pushkinskijdom.ru

pain et du sel, selon l'usage des Russes, et qui interrogée par les cosaques, les assura que les rebelle après avoir été dans la place, en étaient tous sortis. Lorsque Pougatschef crut avoir trompé les cosaques par cette ruse, il fit sortir de la forteresse quelques centaines d'hommes pour s'emparer d'eux. L'un des trois fit tué et second pris; mais le troisième s'echappa et vint rendre compte à Galitzin de ce qu'il venait de voir. Aussitôt le Prince résolut de marcher sur la place dans le jour même et d'attaquer l'ennemi dans ses retranchements. — *(Histoire de la rèvolte de Pougatschef.)*[1]

[11] Бибиков в письме от 26 марта:

«Мы потеряли 9 офицеров и 150 рядовых; убито 12 офицеров, ранено и 150 рядовых. Вот какая была пирушка! А бедный мой Кошелев[2] тяжело в ногу ранен; боюсь, чтоб не умер, хотя Голицын и пишет, что не опасно.»

[12] Рычков пишет, что Шигаев велел связать Пугачева и Хлопушу. Показание невероятное. Увидим, что Пугачев и Шигаев действовали заодно несколько времени после бегства их из-под Оренбурга.

[13] Пугачев, вопреки общему мнению, никогда не бил монету с изображением государя Петра III, с надписью Redivivus et ultor [3] (как уверяют иностранные писатели). Безграмотные и полу-грамотные бунтовщики не могли вымышлять замысловатые, латинские надписи и довольствовались уже готовыми деньгами.

[14] La victoire que Votre Altesse vient de remporter sur les rebelles rend la vie aux habitans d'Orenburg. Cette ville bloquée depuis six mois et réduite à une famine affreuse retentit d'allégresse et les habitants font des voeux pour la prospérité de leur illustre libérateur. Un poude de farine contait déjà 16 roubles et maintenant l'abondance succède à la misère. J'ai tiré un transport de 500 четверть de Kargallé et j'attends un autre re 1 000 d'Orsk. Si le détachement de Votre Altesse réussit de captiver Pougatschef nous serons au somble de nos souhaits et les Baschkirs ne manqueront pas de chercher grâce. —[4].

[15] Слобода Сеитовская (она ж и Каргалинская), часто упоминаемая в сей истории, находится в 20 верстах от Берды, а от Оренбурга в 18-ти. Названа по имени казанского татарина Сеита-Хаялина, первого, явившегося в оренбургскую канцелярию с просьбой об отводе земель под поселение. В Сеитовской слободе числилось до 1.200 душ, состоящих на особых

---

[1] Мятежники вели себя так тихо в Татищевой, что сам князь начал сомневаться, действительно ли они там. Чтобы разузнать это, он послал трех казаков, которые приблизились к крепости, ничего не заметив. Мятежники выслали к ним женщину, которая поднесла им хлеб-соль по русскому обычаю и на вопросы казаков уверила их, что мятежники, побывав в станице, все ушли оттуда. Пугачев, полагая, что он обманул казаков этой хитростью, выслал из крепости несколько сот человек, чтобы захватить их. Один из трех казаков был убит, другой захвачен, но третий убежал и доложил Голицыну обо всем, что видел. Князь тотчас же решил выступить в Татищеву в тот же день и атаковать врага в его укреплениях. *(История пугачевского бунта).*

[2] Р. А. Кошелев, впоследствии обер-гофмейстер.

[3] Воскресший мститель.

[4] Победа, одержанная вашей светлостью над мятежниками, возвращает жизнь жителям Оренбурга. Этот город, подвергшийся шестимесячной осаде и истерзанный голодом, теперь шумно ликует, и жители его возносят молитвы за благополучие своего славного освободителя. Пуд муки стоил уже 16 рублей, а теперь нищета сменяется изобилием. Я получил транспорт с 500 четвертей из Каргалы и ожидаю другого с 1000 четвертей из Орска. Если отряду вашей светлости удастся захватить Пугачева, то нам не останется желать ничего лучшего, и башкирцы не замедлят просить помилования.

lib.pushkinskijdom.ru

[16] По своем разбитии, Чика с Ульяновым остановились ночевать в Богоявленском медиплавиленном заводе. Приказчик угостил их и, напоив допьяна, ночью связал и представил в Тобольск. Михельсон подарил 500 рублей приказчиковой жене, подавшей совет напоить беглецов.

[17] В Озерной старая казачка каждый день бродила над Яиком, клюкою пригребая к берегу плывущие трупы и приговаривая: «Не ты-ли, мое детище? Не ты-ли, мой Степушка? Не твои-ли черные кудри свежа вода моет?» И видя лицо незнакомое, тихо отталкивала труп.

[18] Следующие любопытные подробности взяты мною из весьма замечательной статьи *(Оборона Яицкой крепости от партии мятежников)*, напечатанной в *Отечественных Записках* П. П. Свиньина. В некоторых показаниях следовал я журналу Симонова, предполагая более достоверности в официальном документе, нежели в воспоминаниях старика. Но вообще статья неизвестного очевидца носит драгоценную печать истины, неукрашенной и простодушной.

[19] Слова сии сохранены Державиным в Оде его на смерть Бибикова. — Последняя строфа должна была быть вырезана на его гробе:

Он был искусный вождь во брани,
Совета муж, любитель муз,
Отечества подпора тверда,
Блюститель веры, правды друг;
Екатериной чтим за службу,
За здравый ум, за добродетель,
За искренность души его.
Он умер, трон обороняя:
Стой, путник! стой благоговейно.
Здесь Бибикова прах сокрыт.

[20] Императрица велела спросить у вдовы покойного, чего она собственно для себя желала; супруга Бибикова просила обеспечить судьбу одного из родственников ее мужа, служившего под его начальством.

[21] Державин, до конца своей жизни чтивший память первого своего покровителя, узнав, что сын А. И. Бибикова намерен был издать записки о жизни и службе отца, написал о нем следующие строки:

«Посвятив краткую, но наполненную славными деяниями жизнь свою на службу отечеству, Александр Ильич Бибиков по всей справедливости заслужил уважение и признательность соотечественников; они не престанут воспоминать с почтением полезные обществу дела сего знаменитого мужа и благословлять его память.

«Читая о службе и переменах в оной сего примерного государственного человека, всякий легко усмотрит необыкновенные его способности, мужество, предусмотрение, предприимчивость и расторопность, так что он во всех родах налагаемых на него должностей, с отличием и достоверностию был употребляем; везде показал искусство свое и ревность, не токмо прежде, в царствование императрицы Елисаветы, но и во многих поручениях от Екатерины Великой, ознаменованные успехами. Он был хороший генерал, муж в гражданских делах проницательный, справедливый и честный; тонкий политик, одаренный умом просвещениым, всеобщим, гибким, но всегда благородным. Сердце доброе его готово было к услугам и к помощи друзьям своим, даже и с пожертвованием собственных своих польз; твердый нрав, верою и благочестием подкрепленный, доставлял ему от всех доверенность, в которой он был неколебим; любил словесность, и сам весьма хорошо писал на природном языке; знал немецкий и французский язык, и незадолго пред смертию выучил и английский; умел выбирать людей, был доступен и благоприветлив всякому; но знал однако важною своею поступью, соединенною с приятностию, держать подчиненных своих в должном подобострастии. Важность не умаляла в нем веселия, а простота не унижала важности. Всякий нижний и высший чиновник его любил и боялся. Последний подвиг к защите престола и к спасению отечества соверша, кончиною своею увенчал добродетельную жизнь, к сожалению всей империи, тогда пресекшуюся.»

lib.pushkinskijdom.ru

ПРИМЕЧАНИЯ

К ГЛАВЕ ШЕСТОЙ.

[1] См. Рычкова Историю оренбургскую

[2] Histoire de la révolte de Pougatshef.

[3] Троицко-Саткинский завод, один из важнейших в Оренбургской губернии, на речке Сатке, в 254 верстах от Уфы.

[4] Зелаирская крепость находится в самом центре Башкирии, в 229 верстах от Оренбурга. Она выстроена в 1755 году, после последнего башкирского бунта (перед пугачевским).

[5] Державин в примечаниях к своим сочинениям говорит, что князь Щербатов, князь Голицын и Брант перессорились, друг к другу не пошли в команду, дали скопиться новым злодейским силам, и расстроили начало побед.

ПРИМЕЧАНИЯ

К ГЛАВЕ СЕДЬМОЙ.

[1] В сентенции сказано было, что Пугачев ворвался в город изменою суконщиков. Следствие доказало, что суконщики не изменяли; напротив, они последние бросили оружие и уступили превосходной силе.

[2] Впоследствии Вениамин был оклеветан одним из мятежников (Аристовым) и несколько времени находился в немилости. Императрица, убедясь в его невинности, вознаградила его саном митрополитским и прислала ему белый клобук при следующем письме:

Преосвященнейший митрополит, Вениамин казанский!

«По приезде моем, первым попечением было для меня рассматривать дела бездельника Аристова: и узнала я, к крайнему удовольствию моему, что невинность вашего преосвященства совершенно открылась. Покройте почтенную главу вашу сим отличным знаком чести; да будет оный для всякого всегдашним напоминанием торжествующей добродетели вашей; позабудьте прискорбие и печаль, кои вас уязвляли; припишите сие судьбе божией, благоволивший вас прославить по несчастных и смутных обстоятельствах тамошнего края; принесите молитвы господу богу; а я с отменным доброжелательством есмь

Екатерина.

Ответ Вениамина митрополита Казанского.

«Всемилостивейшая Государыня!

«Милость и суд беспримерные Вашего императорского величества, кои на мне соизволили удивить пред целым светом, воскресили меня от гроба, возвратили жизнь, которую я от младых ногтей посвятил на службу по бозе в непоколебимой верности вашему монаршему престолу и отечественной пользе, сколько от меня зависит; а продолжалась она пятьдесят три года; но которую клевета, наглость и злоба против совести и человечества исторгнуть покушались. Неоцененным монарших ваших щедрот залогом, который с несказанным чувствованием моего сердца сподобихся приять на главу мою, покрыся, и отъяся поношение мое, поношение мое в человецех. Чтож воздам тебе, правосуднейшая в свете монархиня, толико попечительному о спасении моем господеви? Истощение всей дарованной мне вашим высоко-монаршим великодушием жизни в возблагодарение не довлеет; разве, до последнего моего издыхания, вышнего молить не престану день и нощь, да сохранит дражайшую жизнь вашу за толь сердобольное сохранение моей до позднейших человеку возможных лет; да ниспошлет с высоты святые своея на венценосную главу вашу вся благословения, коими древле благословлен был Соломон. Крепкая десница господа сил да отвращает во вся дни живота от превожделенного здравия вашего недуги, от неусыпных трудов утомление, от возрастающей и процветающей славы зависть и злобу; да будет дом, держава и престо-

lib.pushkinskijdom.ru

ваш яко дние неба. С таковым моим усердствованием и всеподданическою верностью, пока дух во мне пребудет, есмь Вашего императорского величества всеподданнейший раб и богомолец

смиренный Вениамин, митрополит Казанский.»

[3] Генерал-маиор Нефед Никитич Кудрявцев, сын Никиты Алферьевича, пользовавшегося доверенностию Петра Великого, в чине поручика гвардии Преображенского полка, участвовал в первом Персидском походе; в царствование Анны Иоанновны сражался противу турок и татар, а при императрице Елизавете противу пруссаков; вышел в отставку при императрице Екатерине II. Тело его погребено в той церкви, где он был убит. *(Извлечено из неизданного Исторического словаря, составленного Д. Н. Бантыш-Каменским).*

[4] Так говорит автор исторической записки «Histoire de la révolte de Pougatschef»; в официальных документах, бывших у меня в руках, я ничего о том не отыскал. Достоверно однакож то, что семейство Пугачева находилось при нем до 24 августа 1774 года.

[5] Иван Иванович Михельсон, генерал от кавалерии и главнокомандующий Молдавскою армиею, родился около 1735 года, умер в 1809. Под его начальством находился, в начале славной службы своей, князь варшавский. Михельсон в глубокой старости сохранял юношескую живость, любил воинские опасности и еще посещал передовые перестрелки.

ПРИМЕЧАНИЯ
К ГЛАВЕ ОСЬМОЙ.

[1] Их было три брата. Старший, известный дерзким покушением на особу короля Станислава Понятовского; меньшой с 1772 года находился в плену, и жил в доме губернатора, которым был он принят, как родной.

[2] Слышано мною от К. Ф. Фукса, доктора и профессора медицины при Казанском университете, человека столь же ученого, как и любезного и снисходительного. Ему обязан я многими любопытными известиями касательно эпохи и стороны, здесь описанных.

[3] Пред сим цена соли, установленная Пугачевым, была по 5 коп. за пуд; подушный оклад по 3 коп. с души; жалованье военным чинам обещал он утроить, а рекрутский набор производить через каждые 5 лет.

[4] За сообщение бумаг, обнаруживающих сношения Перфильева с правительством (обстоятельство вовсе неизвестное), обязаны мы благодарностию А. П. Галахову, внуку капитана гвардии, на коего правительством возложены были в то время важные поручения.

[5] Граф Петр Иванович Панин, генерал-аншеф, орденов св. Андрея и св. Георгия первой степени кавалер, и проч., сын генерал-поручика Ивана Васильевича, родился в 1721 году. Начал службу свою под начальством фельдмаршала графа Миниха; в 1736 году находился при взятии Перекопа и Бахчисарая. Во время семилетней войны служил генерал-маиором, и был главным виновником успеха Франкфуртского сражения. 1762 года пожалован он в сенаторы. 1769 назначен он был главнокомандующим второй армии. 1770 взяты им Бендеры; в том же году вышел он в отставку. Возмущение Пугачева вызвало снова Панина из уединения на поприще трудов политических. Он скончался в Москве в 1789 году, на 69 году от рождения.

[6] См. Приложения, II.

[7] Показания казаков Фомина и Лепелина. Они не знают имени гвардейского офицера, с ними отряженного к Петровску; но Бошняк в своем донесении именует Державина.

[8] В то время издан был список (еще не весьма полный) жертвам Пугачева и его товарищей; помещаем его здесь:

Описание, собранное поныне из ведомостей разных городов, сколько самозванцем и бунтовщиком Емелькою Пугачевым и его злодейскими сообщниками осквернено и разграблено божиих храмов, также побито дворянства, духовенства, мещанства и прочих званий людей, с показанием, кто именно и в которых местах.

lib.pushkinskijdom.ru

В городе Казани: Ворвавшись они в город, и входя во храмы божии в шапках, с оружием, грабили и выгоняли укрывающихся там людей; *А именно:* В Казанском богородицком соборе, во Владимирском соборе, в церкви Московских чудотворцев, в церкви Николая чудотворца, именуемого Тольского, в церкви Николая чудотворца, именуемого Низкого, в церкви Живоначальные троицы, в церкви Воскресения христова, в церкви Варламия Хутынского, в церкви Пресвятые богородицы грузинские, в церкви Вознесения господня, в церкви Тихвинские пресвятые богородицы, в церкви четырех евангелистов, в церкви Алексея человека божия, в Троицком Федоровском монастыре, в церкви Рождества пресвятые богородицы, в Петропавловском соборе, не могши отбить дверей, стреляли с паперти в окошки,

В городе Цывильске, в церкви Казанские богородицы.

В Чебоксарском уезде, приходских церквах: в селе Сретенском, в селе Богоявленском, селе Успенском, селе Введенском.

В оных церквах злодеи не только грабили и убивали, но и святые иконы кололи и утварь церковную раздирали.

То ж самое делали Пензенской провинции; в городе Петровске, в церкви Казанские богородицы, в селе Чардыме, в приходской церкви.

Нижегородской губернии, в Арзамасском уезде: в селе Черковском, в приходской церкви. *Алатырского уезда:* в селе Сутяжном, в приходской церкви, в селе Семеновском, в приходской церкви, в городе Курмыше, в соборной церкви Николаевской и Троицкой.

Курмышского уезда, в приходских церквах: в селе Шуматове, селе Шумшевашах, селе Больших Туванах, селе Алменеве, селе Усе.

Воронежской губернии, в Нижнем Ломове: в Богородском казанском монастыре.

Оренбургской губернии: в Оренбургском предместии, в церкви Георгиевской, на Меновом дворе, в церкви Захария и Елисаветы, святые иконы вынуты из мест своих и повержены на землю, и некоторые расколоты.

В загородном губернаторском доме, в церкви святого Иоанна предтечи тож учинено.

В Сакмарском городке
— Татищевой крепости
— Рассыпной крепости
— Сорочинской крепости
— Тацкой крепости
— Магнитной крепости
— Карагайской

В приходских сих крепостей церквах, входя злодеи, оклады с икон и всю утварь церковную грабили.

Бугульминского ведомства, в селе Спасском, в приходскую церковь въезжали на лошадях, и грабили церковную утварь.

В селе Борисоглебском, и в Канжинской слободе, в приходских церквах то ж делали.

Пермской провинции: В разных церквах делали грабежи, а в некоторых и в царские двери входили, как то: на Юговском Осокина заводе, в селе Крестовоздвиженском, в селе Дубенском, на Ижевском казенном заводе, в селе Березовке, в селе Троицком, Олпина тож, Осинского уезда в селе Крылове, на Юго-Камском заводе, в селе Николаевском, в Троицкой крепости.

Да сожжены церкви: на Саткинском заводе, в пригороде Осе, на Петропавловском и Воткинском заводах, в Икосове винокуренном заводе, Златоустовском и Сатковском заводах, Авзяно-Петровском заводе.

Сверх того, по Оренбургской линии злодеи, шед даже до Троицкой крепости, церкви божии сожигали, и образа находили после разбросаны, а иные и расколоты.

В городе Казани убиты до смерти: генерал-маиор Нефед Кудрявцев, полковник Иван Родионов, сын его артиллерии отставной капитан Александр Родионов, коллежский советник Казимир Гурской, коллежские ассесоры: Петр Брюховской, Федор Попов с женою, премьер маиор Данила Хвостов, капитаны: Василий Онучин, Лука Ефимов, поручик Александр Маслов. *Подпоручики:* Иван Богданов, Иван Носов, Гаврила Нармоцкий.

lib.pushkinskijdom.ru

Прапорщики: Павел Лелин, Андрей Герздорф, Алексей Тарбеев. *Комиссары:* Лука Ефимов, Иван Пономарев лекарский ученик Иван Михайлов. *При гимназии информаторы:* немецкого класса: Аарон Тих, рисовального: Иван Кавелин, ученик Иван Петров, часовой мастер Шильд, отставной секретарь Александр Голдобин. *Регистраторы:* Иван Ворохов, Григорий Овсяников. *Канцеляристы:* Иван Карпов, Александр Акишев, Герасим Андроников, подканцелярист Степан Попов. *Унтер-офицеры:* сержант Иван Белобородов, вахмистр Онисим Нармоцкий, подпрапорщики: Степан Реутов, Иван Неудашнов, каптенармус Дмитрий Стрелков. *Солдаты:* Степан Печищев, Леонтий Чекалин. *Щетчики:* Онисим Колотов, Никита Спиридонов, Федор Калашников. *Инвалидные:* Денис Ерофеев, Гаврила Юдин, слесарь Фризиус, седельник Гросман, конюх Иван Красногоров. *Купцы:* Максим Васильев, Иван Назарьев, сын его: Гаврила Назарьев, Кирила Ларионов, Иван Котельников, Козма Игнатьев, Григорий Мордвинов, Борис Ростовцев, Иван Пирожников, Михайла Евстифеев, Федор Тюленев, Яков Нижегородов, Роман Федоров, Михайла Сухоруков, Василий Рыбников, Филип Кашкин. *Цеховые:* Иван Коренев, Петр Ильин, Михайла Расторгуев, Иван Фролов, Петр Белоусов, Петр Кочанов, Илья Петров, Григорий Смирнов, Алексей Андреев, Иван Сапожников, Василий Киселев, Василий Федосеев, Федор Востряков. *Дворовые люди:* Управителя Петра Кондратьева: Прокофий Алексеев, капитана Аристова: Федор Вербовской, архитектора Кафтырева, Гаврила Васильев, секретаря Аристова: Козма Яковлев, манора Хвостова, Петр Степанов, маиорши Ивановой: Данила Ильин, капитана Левашева: Алексей Никифоров, Никифор Федоров, Петр Григорьев, Антип Андреев, Данила Власов, Денис Григорьев, Петр Афанасьев; купца Каменева, Михайла Иванов, бригадира Люткина, Прокофий Шелудяков. *Экономические крестьяне:* Иван Данилов, Иван Прокофьев, Иван Кондратьев. *Казанской суконной фабрики мастеровые и работники:* Степан Шумихин. Давыд Понамарев, Яков Герасимов, Кондратий Петров, Петр Самойлов.

Да сгорели в Казанском магистрате: ратман Афанасий Шапошников, копиист Федор Копылов.

В Свияжском уезде убиты до смерти: инвалидной команды полковой обозной Палкин, копиист Федоров.

В Цывильске убиты до смерти в городе: воевода, колежский асссор Петр Копьев, штатной команды прапорщик Алексей Абаринов, секретарь Попов и его жена Татьяна Степанова, дворовых людей мужского пола шесть, женского два, канцелярист один, купец один.

В уезде: священников четыре, дьячек один, пономарь один, матросов три, новокрещенных два.

В Чебоксарском уезде убиты до смерти: Чебоксарской морской инвалидной команды: капитан с сыном, прапорщиков два, прапорщик один, штатной команды солдат один прапорщик Иван Тихомиров с женою его, экономического правления копиист один, престарелых матросов четыре, да молодой один, священников двенадцать, дьяконов пять, дьячков два, купец один.

В Царевококшайском уезде убиты до смерти: Свияжской провинции отставной канцелярист Андрей Дмитриев, священник один, полковой обозной один, подъячий один, малолетный один.

В городе Пензе убиты до смерти: воевода Андрей Всеволожский, товарищ Петр Гуляев. *Подпоручики:* Михайла Суровцев, Федор Слепцов. *Секретари:* Степан Дудкин, жена его, да сын, подпоручик Игнатий Дудкин, Сергей Григорьев с женою, с сыном и двумя дочерьми *Приказные служители:* Андрей Петров, Гаврила Елисеевской, Федор Иконников, Василий Терехов с женою, Иван Дмитриев, Семен Терехов, Иван Аврамов, *В уезде:* генерал-маиор Алексей Пахомов, с женою, секунд-маиор Иван Веревкин, с женою, поручик Флор Слепцов, капитаны Алексей Тутаев, Гаврила Юматов, помещик Скуратов, маиорша Дарья Селивачева, поручик Петр Иванов, подпоручик Борис Яковлев и дети Романовы, сержант Петр Неклюдов, с женою и с сыном, секунд-маиор Иван Стяшкин, жена его Татьяна Степанова, маиорша Федосья Назарьева, с сестрою Марьею Даниловою, с двумя дочерьми, с племянницею Федосьею Шемяковою, по-

lib.pushkinskijdom.ru

ручик Иван Пелюгин, с женою и с дочерью девицею Ольгою, отставной драгун князь Михайла Звенигородской, квартирмистр Ермолай Стяшкин, с женою и с сыном Иваном, маиор Егор Мартынов, с женою Афимьею Яковлевою, с сыном Сергеем и с женою его, полковник Никифор Хомяков, майор Иван Стяшкин, жена его Татьяна Степанова, поручик Степан Башен, прапорщик Евдоким Степанов, прапорщика Александра Стромилова дети; сыновья: Михайла, Николай, дочь Авдотья, да брат родной Сергей, прапорщик Фаддей Зеленской с женою, прапорщик Сергей Грязев с женою, вдова маиорша Анисья Безобразова, капитанша Елена Романова, капитан Григорий Раков, маиор Василий Кологривов с женою, прапорщик Козма Бартенев, маиора Михайлова Мартынова дети: Николай, Савва, надворная советница Грабова, помещица Анна Репьева, регистратор Алексей Дертев, прапорщик Кадышев, надворная советница Прасковья Ермолаева с сыном, помещица Дарья Халабурдина, поручик Иван Лунин, поручика князя Павла Барятинского жена Прасковья Гаврилова с малолетною дочерью, прапорщик Андрей из дворян, да однодворец Михайла Слепцовы, секретарь Сергей Сверчков, с женою его Настасьею Ивановою, вахмистр Яков Жмакин, с дочерью его, девкою Мариною, прапорщик Николай Агафонников с женою и с матерью, секунд-маиор Лев Дубенской с женою, подъячий из дворян Василий Агафонников с женою, капитанши Марфы Киреевой дочь, девица Анна, маиор Иван Веревкин с женою, сержант Тимофей Авксентьев, поручик Максим Дмитриев, капитан Михайла Киреев с дочерью, поручик Андрей Пансырев, капитан Иван Дмитриев, прапорщик Иван Тутаев, поручик Егор Морев, с женою Анною Петровою, граф Гаврила Головин, маиорша Елена Варыпаева, подпоручик Александр Гладков, дворянская жена Прасковья Проскуровская, архитектор, смоленский шляхтич Федор Яковлев, поручик Жмакин, капитан Иван Именников, вдова Елена Юрасова, дворянская жена Наталья Бекетова, вдова Пелагея Шахмаметева и дочь ее, девица, однодворец Иван Юрасов. *Прапорщики:* Иван Буланин, Иван Нетесев, Степан Романов, подпоручик Лев Ергаков с женою, капитан Алексей Козлов, секунд-маиор Ивашев, подпоручик Николай, да гвардии капрал Василий Киселевы, поручик Гаврила Алферьев, маиор Никита Костяевской, с женою, капитан Тутаев с женою, подпоручика Василья Митькова дочери: Наталья, Марья; сыновья: Алексей и Михайла, да своячина его, девица Пелагея Квашнина, Саранский воевода Василий Протасьев, с женою и с сыном, поручик Федор Левин, с женою и с сыном Алексеем, экономической казначей, секунд-маиор Федор Григоров с женою, маиорша Авдотья Возницына, с дочерью, вдовы дворянки: Анна и Прасковья Проскуровские, помещик Семен Литомгин, с женою, поручик Иван, да подпоручик Максим Тоузаковы, вдова подполковница Марфа Агарева, однодворческая жена Пелагея Метлина, маиор Григорий Зубарев, с женою и детьми; двумя сыновьями, с дочерью девицею, поручик Федор Бекетов, с женою Марьею Егоровою, маиорша Екатерина Конабеева, дворянская жена Варвара Тургенева, княгиня Анна Мустафина, подпоручика Гаврилы Левина жена, с детьми, сыновями: Дмитрием, Николаем, да с дочерью, гвардии капральша Федосья Ермолаева, с дочерью вдовою, прапорщицею Авдотьею Юрьевою, подпрапорщик Степан Пересекин, с женою, сыном Гаврилом, дочерьми: Катериною, Аграфеною, Анною, Авдотьею; маиор Федор Кашкаров, жена его, с дочерьми, малолетными детьми, и одна француженка, протоколист Петр Иванов, с женою Татьяною Дмитриевою и с детьми премьер маиором Семеном Ивановым, с женою Елисаветою Михайловою, и с сыном Петром, недоросль Дмитрий Иванов, маиорша Лукерья Ивина, с сыном Алексеем, с дочерью Пелагеею, вахмистр Михайло Брюхов, с женою, прокурорша Марфа Агарева, секунд-маиор Николай Степанов, с женою, дворянская жена Пелагея Ховрина, поручик Алексей Зубецкой, с женою, помещица Авдотья Жедринская, вахмистр Никита Никифоров, помещик Никита Подгорнов, титулярный советник Иван Ползамасов, с сыном Сергеем, подпоручика Василия Золотарева жена камер-лакей Яков Выдрин с женою, подпоручик Алексей Слепцов, с женою Аграфеною Сергеевою, подпоручица Катерина Платцова, прапорщица Анна Чуфарова, легкой полевой команды подпоручик Иван Обухов, вахмистр Яков Жмакин, с дочерью Мариною, сержант

lib.pushkinskijdom.ru

Иван Кашкаров, с зятем, ассесором Никитою Иевлевым, с женою его Матреною Михайловою и с их дочерью Марьею, титулярный советник Иван Алферьев, с женою, однодворческая жена Дарья Чарыкова, однодворцы: Семен Федорчуков, Петр Митюрин, легкой полевой команды солдат один, штатной команды два солдата, вахмистр Иван Симонов, однодворцев четыре, пахатных солдат три, четыре священника, и один из них с женою, понамарь один, прапорщика Ивана Булавина приказчик, капитана Ивана Осоргина приказчик, графа Гаврила Головкина приказчик, вахмистра Якова Якушкина приказчик, лейб-гвардии капитана князя Михайла Долгорукова приказчик, полковника Петра Волконского приказчик, капитана Николая Загоскина приказчик, вдовы Анны Смагиной два старосты, вдовы Пелагеи Грецовой приказчик, с женою и дочерью, княжны Марьи Долгоруковой приказчик, с женою, кадета Петра Загряжского приказчик, капитана Василья Новикова приказчик, подпоручика Николая Зыбина приказчик, сержанта Сергея Мартынова дворовый человек, бригадирши Аграфены Киселевой приказчик, архитектора, Смоленского шляхтича Яковлева дворовых два человека, поручика Сергея Тухачевского приказчик, прапорщика Ивана Булавина дворовый человек, прапорщика Афанасья Суморокова дворовый человек, графа Андрея Шувалова староста один, выборных два, статского советника Афанасья Зубова дворовый человек, манора Нилы Акинфиева два приказчика и один кучер, коллежской ассесорши Катерины Бахметевой дворовый человек, штык-юнкера Аблязова управитель, полковника Степана Ермолаева приказчик, капитана Николая Владимирова дворовый человек, статского советника Ивана Ермолаева приказчик, секунд-маиора Александра Соловцова дворовый человек, ипоземец Иван Миллер, архитектора Василия Баженова земской, генеральши Екатерины Левашевой приказчик, сержантов Андрея и Ивана Левиных приказчик, с женою, девиц Анны и Марьи Языковых приказчикова жена, новокрещеных два, надворной советницы Прасковьи Ермолаевой крестьянин, коллежского ассесора Петра Хлебникова крестьянин, капитана Василия Новикова крестьянин, подполковника Степана Ермолаева крестьянин один, женки две, статского советника Афанасья Зубова крестьянин, девицы Ольги Назарьевой крестьянин.

В Симбирском уезде убиты до смерти: полковница, вдова Марья Теплова, помещица вдова Домна Поспелова, сестра ее, милитинского дворянина Якова Агненова жена Ульяна Александрова, подпоручик Иван Манахтин, маиор Василий Аристов, с дочерью девицею, помещицы, вдовы Прасковья и Анна, Петровы дочери, Насакины, симбирского баталиона полковник и комендант Андрей Рычков, экономический казначей, поручик Тишин, с женою и два малолетних сына, экономический крестьянин Александр Васильев, подполковник Василий Языков, маиор Александр Родионов, подполковника Никиты Философова приказчик Василий Ерофеев, подполковника Петра Зимнинского приказчик Тимофей Михайлов, фабриканта Воронцова формовальщик Алексей Адрианов.

В городе Петровске убиты до смерти: воеводский товарищ, секундмайор Буткевич, теща его Марья Иванова, секретарь Лука Яковлев, с женою Марьею Михайловою и с сыном Петром, штатной команды барабанщик Иван Хомутинников, пахатный солдат Игнатий Ношкин, солдата Хрулева жена Авдотья Васильева.

В уезде: подполковница, вдова Ирина Никитина, дочь Дурасова, капитана Николая Коптева сын, младенец Лев, корнет Михайла Шильников, с женою Прасковьею Макаровою, и малолетный сын Григорий, сержанта Самсона Каракозова жена Екатерина, маиорша, вдова Анисья Безобразова, помещики: Николай да Василий Киселевы, приказчик их Афанасий Семенов, помещиков Григория и Игнатия Киселевых приказчик Степан Матвеев, прапорщик Иван Яковлев, прапорщик Гаврила Власьев, прапорщик Николай Чемодуров, подпоручик Федот Бекетов, с женою Марьею, капитан-поручика Федора Меиса жена Софья, поручика Николая Бахметева крестьянин Иван Иванов, пахатной солдат Фаддей Скапинцев, малороссиянин Иван Озерецкой.

В Ковьмодемьянском уезде убиты до смерти: священников два, дьяконов два, дьячок один, семинарист один.

lib.pushkinskijdom.ru

В Пермском уезде убиты до смерти: Екатеринбургского ведомства: капитан Воинов, подпоручик Посохов, солдат один; Юговских заводов управитель, шихтмейстер Яковлев, унтер-шихтмейстер Бахман, князь Михайла Михайловича Голицына приказчик Михайла Ключников, подъячий Василий Клестов, питейной продажи целовальник один, графа Романа Ларионовича Воронцова Ягошихинского завода унтер-шихтмейстер Манаков. *Священники:* Василий Козмин, Аникий Борисов, Родион Леонтьев; дьячек Иван Попов, дьячек Илья Петров, экономических дел копиист Петр Курбатов, атаман Колесников, отставной капрал Лукиан Омельянов, Юговских заводов плавильщик Козма Орлов. *Пушкари:* Демид Сочин и Никифор Совин, экономической крестьянин Алимпий Карманов, крестьянин Гаврила Трегубов, князя Голицына крестьян четырнадцать человек, графа Строганова крестьян три человека. *Государственных:* крестьянин Егор Зуев, и еще семь человек, сотник Яков и крестьянин Михайла Поповы, крестьянин Софронов, Ермолай Меденников, Федор Бурков, Иван Осетров, крестьянин Ермаков, и еще два человека, крестьянская девка.

В городе Ставрополе убиты до смерти: Бригадир и ставропольский комендант Иван фон-Фегезаг, воеводский товарищ, надворный советник Сергей Милкович, секретарь Семен Микляев. *Ставропольского баталиона секунд-маиоры:* Павел Алашеев, Алексей Карачев, Никита Семенов. *Капитаны:* Григорий Калмыков, Петр Лабухин *Поручики·* Афанасий Семенов, Дмитрий Новокрещенов. *Прапорщики:* Яков Дворянинов, Василий Трофимов, Федор Попков, Василий Плешивцев; лекарь Иван Финк.

В уезде отставные: секунд-маиор Артемий Бережнев *Прапорщики:* Филат Струйской, Петр Поляков; подпрапорщик Петр Тургенев, с сыном Иваном, сержант Михайла Кулыгин *Ставропольского баталиона сержанты:* Иван Свешников, Василий Гущин. Яков Петров, Михайла Савушкин, Семен Львов; подпрапорщик Иван Фомин, капрал Лука Матвеев.

Солдаты: Игнатий Буторин, Фрол Бердняков, Петр Вагин, Митрофан Мухановский, Никита Козлов, Василий Григорьев, Григорий Колесников, Афанасий Кондуков, Гурий Ульянов. деньщик Максим Андреев, Ставропольского духовного управления копиист Василий Татлин. *Дворовые люди:* прапорщика Филата Струйского· Елизар Семенов, помещицы Аграфены Стрекаловой: Егор Горох, Осип Александров. помещицы Прасковьи Чемесовой· Иван Михайлов, ясачной крестьянин Осип Звонарев, разночинец Михайла Васильев. *Ставропольского Калмыцкого корпуса:* ротмистр Никанор Буратов, солдат Иван Шонбо.

Нижегородской губернии, в Нижегородском уезде убиты до смерти: графа Николая Головина приказчик Алексей Тетеев, с женою Настасьею, брат его Иван Тетеев, с сыном Василием. *Выборные:* Андрей Киреев, Иван Фадеев, крестьянин Павел Кордюков, немец один, француз один, артиллерии капитана, князь Петра Дадияна, приказчик Петр Кучин, с женою Дарьею.

В городе Алатыре убиты до смерти: премьер-маиор Роман Грабов, с женою Катериною, коллежский ассесор Галактион Кляпиков. землемер, подпоручик Федор Вишняков, с женою Анною, и братом его двоюродным, Федором Прокофьевым; секретарь Василий Попов, с женою Авдотьею Ивановою, с детьми, дочерьми, Варварою, Глафирою, с сыном Алексеем, и матерью Матреною Васильевою, протоколист Матвей Леонтьев, с женою Марьею, с детьми, сыном Николаем, дочерьми Анною и Александрою, капитан Иван Недоростков, с женою. *Штатной команды солдаты:* Алексей Зенкин, Тимофей Запылихин.

В уезде: прокурор Василий Кривской, капитан Николай Лихутин, с женою Анною Ивановою, сержант Иван Любовцов, маиорша Федосья Назарьева, капитан Петр Зубатов, из дворян капрал Александр Зиновьев, маиор Семен Марков, из дворян каптенармус Афанасий Ананьин, прапорщик Василий Мещеринов. помещица Прасковья Телегина. помещица, вдова Авдотья Тимашева, полковника Федора Волкова свояченица Татьяна Иванова. прапорщик Василий Мертваго, с женою Пелагеею Ивановою, Маиор Борис Мертваго, вахмистр Андрей Назарьев, капитан Алексей Матынев, с женою Мариною Алексеевою, коллежского ассесора Ивана Мачавариянова

lib.pushkinskijdom.ru

свояченица Нина Егорова, экономического казначея князь Василья Туркистанова жена Ирина Борисова.

При экономическом винокуреном заводе: прапорщики: Алексей Гедеев с женою Еленою Романовою, Василий Дуров с женою Авдотьею Васильевою, помощник Сергей Бедауров с женою Александрою Петровою. Поручика Саввы Остренева жена Анна Егорова, ассесора Мачавариянова дочь, девица Файна Иванова, племянник его Николай Гаврилов, инвалидного секунд-маиора Чеботарева жена Анна Иванова, мать ее Авдотья Гедеева, племянница ее, девица Марья Туркманова, арлатовской дворцовой волости управитель, секунд-маиор Михайла Нелидов, поручик Иван Смолков с женою Афимьею Ивановою, мать его, маиорша Дарья Никитина, прапорщика Дмитрия Жмакина жена Анисья Андреева, маиора Растригина жена Авдотья Козмина, мать его Прасковья Михаилова; дети его, дочери: Ирина, Федосья, Фекла, поручик Андрей Саврасов с женою Афимьею Матвеевою, теща его Анна Кирилова, дворянин Егор Пазухин с женою Марьею Алексеевою; дети его, сын Алексей, дочери: Анна, Елисавста, дворянина Федота Захарина дочь, девица Татьяна, помещика Ивана Салманова теща Авдотья Афанасьева, жена Акулина Лукианова, сын его Николай, дворянин Афанасий Яхонтов с женою Домною Никитиною; дети их, сын Степан, дочери: Пелагея, Дарья; дворянин Феопемт Яхонтов с женою Екатериною Семеновою; дети их, сыновья: Дмитрий, Павел, дочери: Авдотья, Акулина; теща Авдотья Антонова; капрал Иван Салманов, капитанша, вдова Анна Брюхова, дворянская жена Прасковья Телегина, поручик Иван Алабин, солдат Василий Шебалин, прапорщик Григорий Куроедов с женою Анною Ивановою, дворянка Прасковья Апраксина, капитанша вдова, Ирина Аленина, помещица Варвара Василисова, капитан Николай Страхов, мать его, вдова Ручица Домна Данилова, помещик Василий Апраксин с женою Анисьею Дмитриевою, сын его, прапорщик, Алексей, прапорщик Иван Ашанин с женою Авдотьею Семеновою, вдова помещица Агафья Тахтарова, капитан Иван Ляхов, капитана Ивана Полумордвинова сын Михайла, прапорщик Иван Анцыфоров с женою Анною Романовою, девка Вера Данилова, вдова Марья Данилова, подполковница вдова Прасковья Кишенская, сын ее, маиор Николай, малолетный Аврам, дворянская жена вдова Анисья Неронова, сын ее, поручик Иван с женою Прасковью Андреевою, гвардии прапорщик Иван Стечкин, с женою Василисою Петровою, помещик Ефим Неронов; дети его: сын Алексей, дочери Наталия, Анна, Мавра; помещица Федосья Лаптева, прапорщик Григорий Неверов, прапорщик Григорий Нагаткин, с женою Феклою Васильевою; дети, сын Петр, дочь, девица Акулина; прапорщик Андрей Терснин, помещица Авдотья Варыпаева, прапорщик Василий Теренин, сержант Козма Теренин, дворянка Прасковья Григорьева, дворянка Прасковья Иванова, солдатская жена Анна Осипова, помещик, князь Артоман Чегодаев, с женою Натальею Ивановою.

Прапорщики: Федор <и> Борис Брюховы, поручица, вдова Прасковья Брюхова, сержант Сергей Ананьин, с женою Марьею Васильевой, дочь его Надежда; канцелярист Федор Крюковской, прапорщик Александр Грязнов, дворянин Зураб Давыдов, служитель его Яков Андреев, прапорщик, из грузин Евсевий Семенов, канцелярист Михайла Соколовский, писарь Никита Верин, прапорщик Василий Тимашев, с женою Катериною Антоновою, дочь его: девица Елисавета, помещица Марья Пучкова, капитан Яков Бурцов, подпоручик Василий Шалимов, с женою Акулиною Ильиною, приемыш, девка Анна, университетского учителя Грачевского дочь Вера, дворянин Дмитрий Пасмуров, с женою Ириною Федоровою, капитан Михайла Ашанин, капитанша Прасковья Павлова, сын ее, капитан Василий, его сын, сержант Федор, прапорщик Василий Шишкин, фурьер Василий Бабушкин, с женою Марфою Ивановою, и дочь его Елисавета, поручик Александр Зимнинской, с женою Авдотьею Григорьевою, прапорщик Василий Кошкин, прапорщик Василий Зимнинской, с женою Мариамою Васильевою, маиор Никифор Юрасов, прапорщик Семен Юрасов, с женою Татьяною Моисеевою, дворян два человека: один мужеского, а другой женского пола, князь Борис Дивеев, подпрапорщик Ефим Шукин, протоколиста Матвея Леонтьева мать Ирина, Данилы Кутькина жена Анна Федорова, староста Тимофей Федотов, секунд-маиора

lib.pushkinskijdom.ru

Андрея Кикина староста Федор Гаврилов, десятской Федор Агафонов, помещика Алексея Сеченова приказчик Захар Андреев, маиора Ивана Протасьева призчик Петр Васильев, помещика Петра Пазухина староста Андрей Алексеев, помещика Ивана Ананьина староста Федор Иванов. *Крестьяне:* Макар Федоров, Андрей Николаев, помещицы Варвары Языковой дворовый человек Евдоким Фирсов, помещика Нилы Панова крестьянин Авдей Федоров, секунд-маиора Афанасья Давыдова дворовые люди: Прокофий Прохоров, Степан Данилов, арзамасская купецкая жена Марья Федорова, полковника Федора Волкова приказчик Иван Козмин, сын его Евграф; помещика Алексея Бахметева приказчик Иван Петров с женою Федосьею Романовою, генерал-маиора и кавалера Михайлы Кречетникова дворовый человек Максим Леонтьев, староста Карп Иванов, артиллерии подполковника Льва Пушкина дворовый человек Семен Иванов, генерал-поручика Ивана Левашева прикащик Федор Логинов, с женою Татьяною Федоровою и с дочерью Елисаветою, Ефим Иванов, Аверьян Борисов, полковника Григорья Бахметева выборный Алексей Игнатьев, гвардии капрала Егора Кроткаго человек Михайла Егоров, капитана Алексея Матцынева прикащик Дементий Дмитриев, секунд-маиора Петра Акинфиева прикащик Александр Васильев. *Экономического ведомства крестьяне:* Прокофий Афанасьев, Иван Володимиров, Михей Яковлев; полковника князь Александра Одоевского прикащик Григорий Лебедев, помещика Александра Зимпинского прикащик Никита Моисеев с женою Прасковьею Андреевою, бригадира Иевлева прикащик Степан Семенов, солдатская жена Фекла Семенова. *Графа Ивана Петровича Салтыкова:* штуцмейстер Иван Штепсин, прикащик Антон Дроздов, староста Анкудин Феклистов, прикащик Никита Алымов, с женою и с дочерью, прикащик Алексей Головлев, земской Иван Вернеев, крестьянин Иван Трофимов, прикащик Петр Протопопов, крестьянин Федор Вайцов. Графа *Андрея Петровича Шувалова:* прикащик Тимофей Щепотев, с женою Настасьею Ивановою, земский Филипп Петров, экономической крестьянин Михей Яковлев, прикащик Михайла Савельев, с женою Авдотьей Федоровою, прикащик Борис Турчанинов, прикащик Кондратий Филипов. *Священники:* Яков Федоров, Василий Алексеев, Афанасий Иванов, Иван Прохоров, Антип Борисов, Иван Борисов, диакон Федор Михайлов.

В Арзамасском уезде убиты до смерти: гвардии конного полка секундротмистр Иван Исупов, с женою Ириною Петровою и с дочерьми Еленою и вдовою Настасьею, титулярного советника Ивана Бахметева дочь, священник Василий Алексеев, поручика Николая Языкова служитель Сергей Борисов, капитана Петра Ермолова дворовый человек Егор Васильев, прикащик Парфен, секунд-маиора князь Ивана Кольцова-Масальского земский Семен Алексеев, прапорщика Алексея Дубенского прикащик Кондратий Андреев, служитель Иван Гуняев.

В городе Курмыше убиты до смерти: секунд-маиоры: Василий Юрлов, Дмитрий Маковнев, вдова Наталья Ульянина. *Курмышской канцелярии:* квартирмистр Александр Филипов, канцелярист Михайла Еремеев.

В уезде священники: Афанасий Дмитриев, Алексей Семенов, Василий Антонов, Гаврила Евтропов, Гаврила Михайлов, Андрей Степанов, Михайла Дмитриев, Петр Иванов, Андрей Алексеев, Григорий Матвеев, Михайла Васильев, Федор Алексеев. *Диаконы:* Андрей Федоров, Василий Гаврилов, Григорий Гаврилов, Константин Васильев, Иван Михайлов, Иван Никифоров, Иван Андреев, Михайла Иванов, Алексей Андреев, Иван Андреянов. *Дьячки:* Петр Иванов, Иван Григорьев, Корнил Васильев, Иван Васильев, Василий Никитин, Петр Афанасьев, Василий Иванов, Сергей Григорьев. *Понамари:* Петр Иванов, Матвей Иванов, Василий Тимофеев, Егор Антонов, Петр и Агафон Федоровы, Дмитрий Федоров, Илья Михайлов, Семен Кузмин, статского советника Ивана Ермолаева прикащик Яков Реутов. *Курмышской инвалидной команды:* поручик Тимофей Муромцев, солдат Дмитрий Гусев, подпоручик Иван Мантуров, с детьми Кирилом и Николаем, помещика Лариона Любятинского староста Афанасий Васильев; коллежской советницы Прасковьи Стражиной человек Федор Тимофеев; прапорщик Андрей Крашев, Цывыльской канцелярии секретарь Никита Попов, и жена его Татьяна Степанова. *Дворовых людей:* мужеского

lib.pushkinskijdom.ru

пола четыре, женского два, малолетных два, матрос Абрам Васильев, духовных дел копииста Павла Попова сын Василий, матрос Иван Львов, священника Семена Иванова жена Прасковья Степанова, сотник Иван Илдеряков. *Крестьяне:* Дмитрий Перфильев, Петр Никитин.

Города Ядринска в разных местах убиты до смерти: священников и причетников с их женами тридцать восемь.

Города Оренбурга в крепостях убиты до смерти:

В Черноречепской крепости: капитан Нечаев.

В Татищевой: комендант, полковник Елагин с женою.

В Рассыпной: комендант, секунд-маиор Веловской с женою, капитан Савинич, поручик Кирпичев, прапорщик Осипов, священник один, воинских нижних чинов, регулярных и нерегулярных двенадцать.

В Сорочинской: регулярных шесть, разночинцев пять.

В Бузулукской: манора Племянникова приказчик и староста, регистратора Арапова работник.

В Борской: отставной капитан Петр Рогов, помещичьих крестьян два человека.

В Пречистенской: отставных двенадцать человек.

В Зелаирской: адъютанта Бурунова жена Матрена Иванова с прочими отставных с женами ж в числе четырех человек, с пятью обоих полов младенцами.

В Магнитной: священник один, капитан Сергей Тихановской с женою, отставных солдат двое.

В Нижне-Озерной: комендант, секунд-маиор Харлов с женою и братом.

В состоящей на Самарской дистанции деревне Милоховой: отставной капитан Трофим Милохов.

В городе Троицке убиты до смерти: воевода, секунд-маиор Варфоломей Сталповской, товарищ, капитан князь Алексей Чегодаев, с приписью Михайла Скорняков, Троицких дворцовых управительских дел управитель гоф-фурьер Андрей Половинкин. *В уезде оного:* Троицкой штатной команды солдаты: Савелий Волов, Степан Федоров, Петр Горбунов, разночинец Трофим Образцов, дворцовый крестьянин Григорий Павлов, канцеляриста Ивана Григорьева дворовый человек Антон Яковлев.

В городе Краснослободске убиты до смерти: воевода, секунд-маиор Иван Селунской, секретарь Василий Тютрюмов, помещик, капитан Данила Сталыпин. *В уезде оного:* поп Иван Яковлев, казенного дворцового Троицко-Острожского винокуренного завода сержант Никита Голов.

Дворцовых управительских дел: в должности стряпчего канцелярист Степан Снежницкой, канцелярист Семен Дубровской, дворянин Никита Степанов, дворянин Юдин.

В городе Наровчате убиты до смерти: воевода Афанасий Ценин, в должности секретаря регистратор Семен Корольков, капрал Степан Кашин, священник Иван Иванов, города Инсары воеводского товарища Юматова дворовый человек Савелий Иванов, проезжавший человек один, Наровчатской канцелярии отставной копиист Александр Соколов, помещика Арапова дворовый человек Василий Аникеев, дворцовый крестьянин Иван Сорокин.

В городе Инсаре убиты до смерти: священники: Козма Семионов, Андрей Миронов. *Инсарской инвалидной команды секунд-маиоры:* Василий Денисьев, и жена его Наталья Петрова, Андрей Кузьмин, и жена его Фекла Емельянова. *Капитаны:* Дмитрий Куприн, жена его Татьяна Григорьева; Иван Щербаков, жена его Марфа Иванова; Петр Кресников. *Поручик:* Михайла Юрлов, жена его Прасковья Юдина. *Подпоручики:* Алексей Пьянкин, жена его Меланья Евсеева, сестра его Меланья Тимофеева, Алексей Корнилов, Нефед Онуфриев, Андрей Каряпин, жена его Ирина Иванова, подпоручика Андрея Турмышева жена Пелагея Петрова. *Прапорщики:* Прокофий Соколов, жена его Настасья Тимофеева, Николай Козлов, Савва Агафонов, жена его Степанида Степанова, ротный квартирмистр Иона Стунетов, сержант Гаврила Маклаков, каптенармуса Прокофья

lib.pushkinskijdom.ru

Страхова жена Аксинья Васильева. *Капралы:* Иван Васильев, Игнатий Салынин, жена его Февронья Филипова, Михайла Матвеев, жена его Авдотья Федорова, Василий Теплов, жена его Прасковья Игнатьева, Павел Филимонов. *Солдаты:* Агап Голубчиков, Захар Крылов, Данила Прокофьев, Авдей Мелихов, Иван Юдин, Никита Бельянинов, Василий Ногин, Владимир Иванцов, Федор Трофимов, Степан Евсигнеев, Алексей Пирожков, Иван Вилкин, Александр Караулов, Козма Паршин, Михайла Бакаев, Федор Назаров, Иван Букаев, Тит Хомов, Осип Леонтьевской, Петр Шадрин, Яков Мадрыгин, Федот Федоров, жена его Агафья Григорьева, Гаврила Лосев, жена его Прасковья Васильева, Василий Петин, жена его Устинья Артемьева, Елисей Чеканов, жена его Настасья Иванова, солдата Герасима Киселева жена Ненила Титова, солдата Григория Иконникова жена Федосья Степанова, канцелярист Иван Андреев. *Инсарской штатной команды: Солдаты:* Борис Шульгин, Антон Камшилин, сторож Перфил Герасимов, купец Филипп Соснин. *Порпоручики:* Алексей Голосеин, Федор Голосеин, сестра его Анна Иванова, корнет Дмитрий Голосеин, жена его Матрена Никитина, московского купца Рюмина приказчик Максим Евстратов.

Пензенского уезда: из дворян отставной драгун Егор Ульянин, жена его Настасья Михайлова, сестра ее Катерина Михайлова ж.

Алатырского уезда: поручик Прокофий Лукин, жена его Пелагея Никифорова.

Норовчатского уезда: прапорщик Николай Ермолов.

Темниковского уезда: татар шестнадцать человек, помещика Платона Орлова приказчик, а как его звали, неизвестно.

В Инсарском уезде: поручика Василья Губарева крестьянин Тимофей Гаврилов, секунд-маиор Василий Ягодинской, жена его Татьяна Иванова, недоросль князь Анисим Чюрмантеев, жена его Авдотья Данилова, артиллерин маиор Николай Нечаев. *Инсарской инвалидной команды секунд-маиоры:* Гаврила Помелов, Кирила Муратов. Поручик Петр Долгов, частный смотритель, капитан князь Максим Чюрмантеев, помещицы Елизаветы Шипилевой приказчик Андрей Карпов, коллежский ассесор Иван Кожин, жена его Татьяна Сергеева, дочери их, девицы: Аграфена, Авдотья, Варвара; мать его Кожина, Авдотья Николаева; премьер-маиор Семен Мерзлятьев, жена Анна Петрова; управитель, прапорщик Перфилий Унковской, подполковника Дмитрия Чуфаровского приказчик Яков Никифоров, жена его Афимья Матвеева, поручика Андрея Мневского жена Катерина Михайлова, отставной солдат Павел Енолеев, поручик Ермолаев, дворянин Веденяпин, помещица Мещеринова.

В Шацком уезде убиты до смерти: Поп Осип, диакон Василий, дьячек, пономарь Михайла, прапорщица Анна Мальцова, помещица Александра Ханыкова, приказчик Фома Никифоров, питейных сборов служитель, однодворец Игнат Белозерцов, поручик Яков Огалин с сыном Львом, помещицы княгини Дашковой приказчик Тимофей Федоров, питейных сборов служитель, Кунгурский купец Яков Носков, однодворческие дети: Степан и Петр Подъяпольские, генерал-маиора Никиты Смирнова приказчик Иван Петров, жена его Улита Иванова, титулярной советницы Анны Постниковой прикащик Андрей Родионов, целовальник один, помещика Николая Колычева прикащик Михайла Андреев с женою, помещица вдова Татьяна Пятова, помещица Агафья Якутина, корнет Евстрат Евсюков, писчики: Иван Кучуров, Степан Дивеев, помещика Кольцова-Мосальского прикащик Восков, подполковник Осип Кузмищев, однодворец Матвей Тверитинов, поручики: Филип Тенишев, Николай Реткин, вахмистр Козма Марков, помещика Александра Васильчикова прикащик, полковника Василия Измайлова прикащик Семен Мартынов, полковника князь Александра Большого-Черкасского сотский Степан Федоров.

В *городе Темникове* убиты до смерти: питейных сборов поверенной Яков Кленов, поручица вдова Прасковья Ребинина, капитан Дмитрий Кочеев, подпоручик князь Михайла Мансырев, прапорщик Николай Ермолов, гвардии капрал, князь Илья Еникеев, жена его Матрена Давыдова, гвар-

lib.pushkinskijdom.ru

дин капрал, князь Василий Девлеткильдеев, капитана Александра Мошкова прикащик Терентий Иванов, татарин Аися Халеев.

В Тамбовском уезде убиты до смерти: поручика Афанасия Сатина прикащик, из дворян отставной ротный квартирмистр Максим Досекин, из однодворцев отставной капрал Василий Мишин, надворного советника Ивана Мосолова крестьянин Семен Бирюков.

В городе Нижнем-Ломове убито до смерти: священник Иван Иванов, поручик Петр Анучин, секупд-манор Степан Евсюков, капитан Яков Калмыков, поручик Иван Симаков, прапорщик Тихон Маслов, прапорщик Василий Клишов, манор Иван Соколов.

В уезде: секретарь Никита Григорьев сын Подгорнов, жена его Ирина Степанова, сноха его, Авдотья Петрова, прапорщик Иван Слепцов, жена его Акулина Алексеева, подпоручик Алексей Слепцов, жена его Аграфена Сергеева, капитан Лаврентий Слепцов, каптенармус Федор Слепцов, жена его Марья Степанова, прапорщик Василий Лепунов, сержант Александр Микешин, жена его Анна Андреева, князь Михайла Мансырев, прапорщик Петр Скорятин, капитан князь Семен Мамлеев, прапорщик князь Спиридон Мамлеев, поручик князь Михайло Ишеев, прапорщика Василья Гедеева жена Анна Филатьева, поручица Авдотья Малахова, поручица Евгения Исаева, подпрапорщик Иван Малахов, жена его Марья Михайлова, дочь девица Агафья, князь Василий Петров, сын Кугушев, манор Федор Никифоров, надворный советник Василий Иванчин, жена его Авдотья Родионова, сын их поручик Аким Иванчин, жена его Ирина Федорова, протоколист Михайла Дедекин.

В городе Верхнем-Ломове убиты до смерти: премьер-маиор Иван Болоцкой, капитаны: Иван Степанов, Иван Дьяконов; подпоручик Никита Суколенов, поручик Нефед Евлахов, солдат Федор Лепилин, из дворян канцелярист Михайла Смирнов, жена его Афимья Иванова, воеводского товарища Нетецкого дворовый человек Дмитрий Никитин, воеводский товарищ, титулярный советник Петр Нетецкой, дворянская жена вдова Ульяна Сурина, надворный советник Никифор Хомяков, подпоручик капитан Вышеславцов, помещика Василия Титова, прикащикова жена Ульяна Козмина, надворный советник Иван Богданов, жена его Наталья Иванова, прапорщик Ефим Юматов, жена его Ирина Леонтьева, дочь их малолетная Марья, прапорщик Пантелей Трунин, жена его Прасковья Ефимова, поручик Федор Мосолов, фурьер Иван Мещеринов, канцелярист Никифор Смирнов, секунд-маиора Ивана Вышеславцова жена Лукерья Иванова, вахмистр Максим Хомяков, дворянин Петр Веденяпин, сын его поручик Кондратий, помещика Матвея Дубасова крестьянин Спиридон Анофриев, капитанша Анна Болкошина, инвалидный солдат Лукиан Курочкин, корнет Иван Мещеринов, прапорщик Артамон Шмаков, поручика Константина Веденяпина жена Пелагея Леонтьева, подпоручика Михайла Веденяпина жена Марья Алексеева, маиор Иван Григоров, племянница его Авдотья Иванова, экономический казначей, поручик Андрей Молчанов, подпоручика Алексея Вышеславцова жена Матрена Иванова, прапорщик Григорий Евсюков, прапорщика Пантелея Трунина крестьянин, а как зовут, неизвестно, помещика Языкова прикащик Егор Григорьев, вдова поручица Татьяна Врацкая, татарин Бикмай Дубин, незнаемый офицер, помещица Авдотья Волженская, подпоручик Василий Вышеславцов, поручика Фоки Исаева жена Евгения Андреева, генерал-поручика и кавалера Амплея Шепелева служитель Иван Уланов.

Самарской дистанции, в Борской крепости, убиты до смерти: переводчик Арапов, отставной капитан Петр Рогов, Хилковских крестьян два человека, отставных конной гвардии два, тайного советника Обухова крестьян два.

В городе Саратове убиты до смерти: отставной прапорщик Артамон Шахматов, полевой артиллерии сержант Павел Шахматов, отставной прапорщик Козма Рахманинов, поручика Матвея Селезнева жена вдова Марья Иванова, отставной прапорщик Алексей Протопопов, отставной прапорщик Афанасий Толпыгин, из дворян коллежский регистратор Иван Аврамов, жена его Ирина Иванова, бывшего саратовского коменданта Томаса Юнгера жена вдова Шарлотта Крестьянова, корнет Гаврила Болотин, жена его

lib.pushkinskijdom.ru

Фекла Алексеева, дети: Федор, Григорий, дочь Степанида теща того Болотина, Марфа Ильина, дворянина Алексея Болотина жена Авдотья Степанова, дети: сын Никифор, дочери: Мелания, Марфа; дворянин Степан Родионов, отставной прапорщик Михайла Ахматов, дворянин Яков Болотин, отставной прапорщик Григорий Автамоном сын Быков. *Саратовского баталиона секунд-маиоры:* Петр Астафьев, Иван Мосолов. *Капитаны:* Семен Агишев, Василий Портнов, Андрей Маматов, Алексей Тагаев. *Поручики:* Иван Пирогов, Михайла Меренков. *Прапорщики:* Иван Уланов, Евдоким Портнов, лекарь Иоган Рамелов, бывший в городе Петровске смотритель над межевщиками коллежский ассесор Борис Наикул, команды его: подпоручик Федор Спижарнов, прапорщик Петр Скуратов, Корнет Петр Калмыков. *Ведомства конторы опекунства иностранных:* поручики: Михайла Ермолаев с женою, Иван Широков с женою, прапорщик Иван Ушаков, протоколист Иван Образцов, регистратор Иван Винш, аптекарь Иван Аменде. *Артеллерийского первого фузелерного полку:* капитан князь Андрей Баратаев, поручик Михайла Буданов, подпоручик Василий Хотяинцов, штык-юнкер Адриан Федоров, лекарь Семен Рудзевич.

В городе Дмитриевске, что на Камышенке, убиты до смерти: полковник и Дмитриевский комендант Каспар Меллин, капитан Семен Агишев, городовой лекарь Степан Беляев, жена его Катерина Федорова, дочь девица Матрена.

Бывшие в Николаевской слободе при соляном комиссарстве: присутствующий, титулярный советник Илья Башилов, поручик Сергей Богатырев.

В городе Царицине убиты до смерти: легкой полевой команды командир секунд-маиор барон фон-Диц. *Капитаны:* Дмитрий Шеншин, Иван Шилов. *Поручики:* Дмитрий Денисьев, Александр Рокотов, адьютант Семен Романов. *Прапорщики.* Александр Палочевский, Илья Булашев, Иван Буткевич, лекарь Даниель Амбразиус.

Царицынских баталионов, первого: поручик Иван Климов. *Второго:* подпоручик Алексей Книгин.

В Волском войске убиты до смерти: войсковой старшина Григорий Поляков, депутат Андрей Дьячонков, Московского легиона казачьей команды отставной прапорщик Иван Хуторсков. *Казаки:* Петр Зайченков, Петр Гресков, Яков Греков.

В Новохоперском уезде: частный смотритель Новохоперского баталиона, подпоручик Павел Еглевский, подпоручик Филипп Тенишев, однодворец Матвей Тверитинов, господ Нарышкиных прикащик Лука Невзоров, малороссиянин Николай Ракитинов; означенных же господ Нарышкиных прикащик Иван Евреинов, жена его Наталья, теща его Татьяна Григорьева.

[9] См. Benjamin Bergmann's nomadische Streiferein u. s. w.

[10] Маврин с 1773 года находился при Бибикове; он отряжен был от Секретной комиссии в Яицкий городок, где и производил следствие. Маврин отличался умеренностью и благоразумием

[11] Императрица 22 октября 1774 года писала Вольтеру: Volontiers, monsieur, je satisferai votre curiosité sur le compte de Pougatschef: ce me sera d'autant plus aisé, qu'il y a un mois qu'il est pris, ou pour parler plus exactement qu'il a été lié et garotté par ses propres gens la plaine inhabitée entre le Volga et le Jaïk, où il avait été chassé par les troupes envoyées contre eux de toutes parts. Privés de nourritture et de moyens pour se ravitailler, ses compagnons excédés d'ailleurs des cruautés qu'ils commettaient et ésperant obtenir leur pardon, le livrèrent au kommandant de la forteresse du Jaik qui l'envoya à Simbirsk au géneral comte Panine. Il est présentement en chemin pour être conduit à Moscou. Amené devant le comte Panine, il avoua naivement dans son interrogatoire qu'il était cosaque du Don, nomma l'endroit de sa naissance, dit qu'il était marié à la fille d'un cosaque du Don, qu'il avait trois enfants, que dans ces troubles il avait épousé une autre femme, que ses frères et ses neveux servaient dans la première armée, que lui même avoit servi, les deux premières campagnes, contre la Porte, etc. etc.

Comme le général Panine a beoucoup de cosaques du Don avec lui, et que les troupes de cette nation n'ont jamais mordu à l'hameçon de ce brigand, tout ceci fut bientôt vérifié par les compatriotes de Pougatschef. Il ne sait ni lire, ni écrire, mais c'est un homme extrêmement hardi et déterminé.

lib.pushkinskijdom.ru

Jusqu'ici il n'y a pas la moindre trace qu'il ait été l'instrument de quelque puissance, ni qu'il ait suivi l'inspiration de qui que ce soit. Il est à supposer que M-r Pougatschef est maitre brigand, et non valet d'âme que vive.

Je crois qu'après Tamerlan il n'y en a guère un qui ait plus détruit l'espèce humaine. D'abord il faisait pendre sans rémission, ni autre forme de procès toutes les races nobles, hommes, femmes et enfants, tous les officiers, tous les soldats qu'il pouvait attraper: nul endroit où il a passé n'a été epargné: il pillait et saccageait ceux même, qui pour éviter ses cruautés, cherchaient à se le rendre favorable par une bonne réception: personne n'etait devant lui a l'abri du pillage, de la violence et du meurtre.

Mais ce qui montre bien jusqu'où l'homme se flatte, c'est qu'il ose concevoir quelque espérance. Il s'imagine, qu' à cause de son courage, je pourrai lui faire grâce, et qu'il ferait oublier ses crimes passés, par ses services futurs. S'il n'avait offensé que moi, son raisonnement pourrait être juste et lui pardonnerais. Mais cette cause est celle de l'empire qui a ses loix.[1]

[1]² Le marquis de Pougatschef dont vous me parlez encore dans votre lettre du 16 décembre, a vécu en scélerat et va finir en lâche. Il a paru si timide et si faible en sa prison, qu'on a été obligé de la préparer à sa sentence avec précaution, creunte qu'il ne mourût de peur sur le champ.—[2]

---

[1] Я охотно удовлетворю, сударь, ваше желание узнать правду о Пугачеве: сделать это мне будет тем более легко, что месяц тому назад он был захвачен, точнее говоря, связан и закован своими собственными людьми в необитаемых равнинах между Волгою и Яиком, куда он был загнан войсками, посланными против него со всех сторон. Лишенные провианта и средств доставать его, товарищи Пугачева, пресытившись к тому же жестокостями, которые они совершали, и надеясь добиться прощения, доставили его к коменданту Яицкой крепости, который отправил его в Симбирск к генералу графу Панину. В настоящее время он находится на пути в Москву. Привёденный к графу Панину, он чистосердечно признался на допросе, что он донской казак, назвал место своего рождения, сказал, что он был женат на дочери одного донского казака, что имел троих детей, что во время смуты он женился на другой женщине, что его братья и племянники служили в первой армии, что он сам служил, участвовал в двух первых кампаниях против Порты, и т. д и т. д.

Так как в войске генерала Панина много донских казаков и так как войска этой народности никогда не попадались на удочку этого разбойника, то все это было вскоре проверено при помощи земляков Пугачева. Он не умеет читать и писать, но это человек чрезвычайно смелый и решительный. До сих пор не найдено никаких указаний на то, чтобы он являлся орудием какой либо державы или был кем либо подстрекаем, надо думать, что г. Пугачев просто заправский разбойник, а не чей либо слуга.

Мне кажется, что после Тамерлана не было человека, который бы истребил столько людей. Начну с того, что он беспощадно, без всякого суда, вешал всех лиц дворянского происхождения, мужчин, женщин и детей, всех офицеров, всех солдат, которых ему удавалось захватить: ни одно место, где он побывал, не было пощажено: он грабил и разорял даже тех, кто, желая спастись от его жестокости, пытались расположить его к себе, миролюбиво его встречая; никто не был защищен от грабежа, насилия и убийств с его стороны.

Но до чего человек способен заблуждаться — показывает то, что он осмеливается питать какую то надежду. Он воображает, что, во внимание к его храбрости, я могу помиловать его и что своими будущими заслугами он заставит забыть свое преступное прошлое. Если бы он оскорбил только меня, его расчет мог бы оказаться правильным, и я простила бы его. Но здесь затронуты интересы империи, которая имеет свои законы.

[2] Маркиз Пугачев, о котором вы меня снова спрашиваете в письме от 16 декабря, жил как злодей и кончит жизнь как трус. Он оказался таким робким и слабым в своей тюрьме, что пришлось осторожно подготовить его к приговору, из боязни, чтобы он сразу не умер от страха.] *(Письмо императрицы к Вольтеру, от 29 декабря 1774 года.)*

lib.pushkinskijdom.ru

[13] «В скором времени по прибытии нашем в Москву, я увидел позорище, для всех чрезвычайное, для меня же и новое: смертную казнь; жребий Пугачева решился. Он осужден на четвертование. Место казни было на так называемом *болоте*.

«В целом городе, на улицах, в домах, только и было речей об ожидаемом позорище. Я и брат нетерпеливо желали быть в числе зрителей; но мать моя долго на то не соглашалась. Наконец, по убеждению одного из наших родственников, она вверила нас ему под строгим наказом, чтоб мы ни на шаг от него не отходили.

«Это происшествие так врезалось в память мою, что я надеюсь и теперь с возможною верностию описать его, по крайней мере, как оно мне тогда представлялось.

«В десятый день января тысяча семь сот семьдесят пятого года, в восемь или девять часов по пополуночи, приехали мы на болото; на середине его воздвигнут был эшафот, или лобное место, вкруг коего построены были пехотные полки. Начальники и офицеры имели знаки и шарфы сверх шуб, по причине жестокого мороза. Тут же находился и обер-полицеймейстер Архаров, окруженный своими чиновниками и ординарцами. На высоте или помосте лобного места увидел я с отвращением в первый раз исполнителей казни. Позади фрунта все пространство болота, или, лучше сказать, низкой лощины, все кровли домов и лавок, на высотах с обеих сторон ее, усеяны были людьми обоего пола и различного состояния. Любопытные зрители даже вспрыгивали на козлы и запятки карет и колясок. Вдруг все восколебалось, и с шумом заговорило: *везут, везут!* Вскоре появился отряд кирасир, за ним необыкновенной высоты сани, и в них сидел Пугачев; насупротив духовник его, и еще какой то чиновник, вероятно секретарь Тайной экспедиции, за санями следовал еще отряд конницы.

«Пугачев, с непокрытой головою, кланялся по обе стороны, пока везли его. Я не заметил в чертах лица его ни чего свирепого. На взгляд он был сорока лет; роста среднего, лицом смугл и бледен; глаза его сверкали; нос имел кругловатый; волосы, помнится, черные и небольшую бороду клином.

«Сани остановились против крыльца лобного места. Пугачев и любимец его Перфильев, в препровождении духовника и двух чиновников, едва взошли на эшафод, раздалось повелительное слово: *на караул;* и один из чиновников начал читать манифест Почти каждое слово до меня доходило.

«При произнесении чтецом имени и прозвища главного злодея, также и станицы, где он родился, обер-полицеймейстер спрашивал его громко: «Ты ли донской казак Емелька Пугачев?» Он столь же громко ответствовал: «так, государь, я донской казак. Зимовейской станицы, Емелька Пугачев.» Потом, во все продолжение чтения манифеста, он, глядя на собор, часто крестился, между тем, как сподвижник его Перфильев, немалого роста, сутулый, рябой и свиреповидный, стоял неподвижно, потупя глаза в землю [1]. По прочтении манифеста, духовник сказал им несколько слов, благословил их и пошел с эшафота. Читавший манифест последовал за ним. Тогда Пугачев сделал с крестным знаменем несколько земных поклонов, обратясь к соборам; потом с утороплениым видом стал прощаться с народом; кланялся во все стороны, говоря прерывающимся голосом: «прости, народ православный; отпусти мне, в чем я согрубил пред тобою; прости, народ православный!» — При сем слове экзекутор дал знак: палачи бросились раздевать его; сорвали белый бараний тулуп; стали раздирать рукова шелкового малинового полукафтанья. Тогда он сплеснул руками, опрокинулся навзничь, и вмиг окровавленная голова уже висела в воздухе: палач взмахнул ее за волосы. С Перфильевым последовало то же. — *(Из неизданных записок И. И. Дмитриева.)*

[14] Подробности сей казни разительно напоминают казнь другого донского казака, свирепствовавшего за сто лет перед Пугачевым, почти в тех же местах и с такими же ужасными успехами. См. Relation des particularités

[1] По словам других свидетелей, Перфильев на эшафоте одурел от ужаса; — можно было принять его бесчувствие за равнодушие.

lib.pushkinskijdom.ru

de là rebellion de Stenko-Razin contre le grand Duc de Moscovie. La naissance, le progrès et la fin de cette rebellion: avec la manière dont fut pris ce rebelle, sa sentence de mort et son execution, traduit de l'Anglois. pas C. Desmares. MDCLXXXII. — Книга сия весьма редка; я видел один экземпляр оной в библиотеке А. С. Норова, ныне принадлежащей князю Н. И. Трубецкому.

[15] См. Приложения, I.[1]

<ЗАМЕТКИ О ШВАНВИЧЕ>

<1.> Немецкие указы Пугачева были писаны рукою Шванвича.

Отец его, Александр Мартынович, был манором и Кронштадтским комендантом, после переведен в Новгород. Он был высокий и сильный мужчина. Им разрублен был Алексей Орлов в трактирной ссоре. Играя с Свечиным в ломбер, он имел привычку закуривать свою пенковую трубочку, а между тем заглядывать в карты. Женат был на немке. Сын его старший недавно умер. (Слышал от Н. Свечина).

<2.> Анекдот о разрубленной Шванвичем щеке любопытен. Четыре брата Орловы (потомки стрельца Адлера, пощаженного Петром Великим за его хладнокровие перед плахою) были до 1762 году бедные гвардейские офицеры, известные буйной и беспутной жизнью. Народ их знал за силачей, и никто в Петербурге с ними не осмеливался спорить, кроме Шванвича, такого же повесы и силача, как и они. Порознь он мог сладить с каждым из них, но вдвоем Орловы брали над ним верх. После многих драк, они между <собою> положили, во избежание напрасных побоев, следующее правило: один Орлов уступает Шванвичу, и где бы его не встретил — повинуется ему беспрекословно. Двое же Орловых, встретя Шванвича, берут перед ним перед, и Шванвич им повинуется. — Таковое перемирие не могло долго существовать Шванвич встретился однажды с Фед. Орловым в трактире и, пользуясь своим правом, овладел бильярдом, вином и девками. Он торжествовал, как вдруг откуда ни возьмись, является тут же Алексей Орлов, и оба брата, по силе договора, отымают у Шванвича вино, бильярд и девок [а его самого в толчки выгоняют]. Шванвич, уже хмельной, хотел воспротивиться. Тогда Орловы вытащили его из дверей. Шванвич, в бешенстве, стал дожидаться их у выхода, притаясь за воротами. Через несколько минут вышел Алексей Орлов. Шванвич обнажил палаш, разрубил ему щеку и ушел; удар пьяной руки не был смертелен, однако ж Орлов упал. Шванвич долго скитался, боясь встретиться с Орловыми.

Через несколько времени произошел переворот, возведший Екатерину на престол, а Орловых на первую ступень в государстве. Шванвич почитал себя погибшим. Орлов пришел к нему, обнял его и остался с ним приятелем. Сын Шванвича, находившийся в команде Чернышева, имел малодушие пристать к Пугачеву и глупость служить ему со всеусердием. Г. А. Орлов выпросил у государыни смягчения приговора.

<1834 — 1835>

ОБ ИСТОРИИ ПУГАЧЕВСКОГО БУНТА.

(Разбор статьи, напечатанной в «Сыне Отечества», в январе 1835 года).[2]

Несколько дней после выхода из печати «Истории Пугачевского бунта» явился в «Сыне Отечества» разбор этой книги. Я почел за долг прочитать его со вниманием, надеясь воспользоваться замечаниями неизвестного критика. В самом деле, он указал мне на *одну* ошибку и на *три* важные опечатки. Статья вообще показалась мне произведением человека, имеющего мало сведений о предмете, мною описанном. Я собирался при

[1] Документальные «приложения», составившие вторую часть «Ист. Пугачев. бунта», в настоящем издании не перепечатываются. *Ред.*

[2] Статья эта написана в «Современнике» 1836 г., кн. 3. *Ред.*

lib.pushkinskijdom.ru

другом издании исправить замеченные погрешности, оправдаться в несправедливых обвинениях и принести изъявление искренней моей благодарности рецензенту, тем более, что его разбор написан со всевозможной умеренностию и благосклонностию.

Недавно в «Северной Пчеле» сказано было, что сей разбор составлен покойным Броневским, автором «Истории Донского войска». Это заставило меня перечесть его критику и возразить на оную в моем журнале, тем более, что «История Пугачевского бунта», не имев в публике никакого успеха, вероятно не будет иметь и нового издания.

В начале своей статьи, критик, изъявляя сожаление о том, что «История Пугачевского бунта» писана вяло, холодно, сухо, а не пламенной кистию Байрона и проч., признает, что эта книга «есть драгоценный материал, и что будущему историку, и без пособия нераспечатанного еще дела о Пугачеве, не трудно будет исправить *некоторые поэтические вымыслы, невначащие недосмотры*, и дать сему мертвому материалу жизнь новую и блистательную». За сим г. Броневский отмечает сии поэтические вымыслы и недосмотры «не в суд и осуждение автору, а единственно для пользы наук, для его и общей пользы». Будем следовать за каждым шагом нашего рецензента.

Критика г. Броневского.

«На сей-то реке (Яике), — говорит г. Пушкин, — в XV столетия явились донские казаки.»

Выписанное в подтверждение сего факта из «Истории уральских казаков» г. Левшина (см. прим. I. 3—8 стр.) долженствовало бы убедить автора, что донские казаки пришли на Яик в XVI, а не в XV столетии, и именно около 1584 года.

Объяснение.

Есть разница между *появлением* казаков на Яике и *поселением* их на сей реке. В русских летописях упоминается о казаках не прежде как в XVI столетии; но предание могло сохранить то, о чем умалчивала хроника. Наша летопись в первый раз о татарах упоминает в XIII столетии, но татаре существовали и прежде. Г. Левшин неоспоримо доказал, что казаки поселились на Яике не прежде XVI столетия. К сему же времени должно отнести и существование полу-баснословной Гугнихи. Г. Левшин, опровергая Рычкова, спрашивает: как могла она (Гугниха) помнить происшествия, которые были *почти* за сто лет до ее рождения? Отвечаю: так же, как и мы помним происшествия времен императрицы Анны Иоановны, — по преданию.

Критика г. Броневского.

Вся первая глава, служащая введением к «Ист. Пуг. бун.», как краткая выписка из сочинения г. Левшина, не имела, как думает, никакой нужды в огромном примечании к сей главе (26 стр. мелкой печати), которое составляет почти всю небольшую книжку г. Левшина. Книжка эта не есть древность, которой за деньги купить нельзя; посему почтенный автор мог и должен был ограничить себя одним указанием, откуда первая глава им заимствована.

Объяснение.

Полное понятие о внутреннем управлении яицких казаков, об образе жизни их и проч. необходимо для совершенного объяснения Пугачевского бунта; и потому необходимо и *огромное*, (т. е. пространное) примечание к I-й главе моей книги. Я не видел никакой нужды пересказывать по своему то, что было уже сказано как нельзя лучше г-м Левшиным, который, по своей благосклонной снисходительности, не только позволил мне воспользоваться его трудом, но еще и доставил мне свою книжку, сделавшуюся довольно редкою.

lib.pushkinskijdom.ru

Критика г. Броневского.

«Известно, — говорит автор, — что в царствование Анны Иоанновны, Игнатий Некрасов успел увлечь за собою множество донских казаков в Турцию». *Стр. 16.*

Некрасовцы бежали с Дона на Кубань, в царствование Петра Великого, во время Булавинского бунта, в 1708 году. См. Историю Д. войска, Историю Петра Великого Берхмана, и другие.

Объяснение.

Что Булавин и Некрасов бунтовали в 1708 году, это неоспоримо. Неоспоримо и то, что в следующем сей последний оставил Дон и поселился на Кубани. Но из сего еще не следует, чтоб при императрице Анне Иоанновне не мог он со своими единомышленниками перейти на турецкие берега Дуная, где ныне находятся селения Некрасовцев. В Истории Петра I-го в последний раз об них упоминается в 1711 году, во время переговоров при Пруте. Некрасовцы поручены *покровительству Крымского хана* (к великой досаде Петра I, требовавшего возвращения беглецов и наказания их предводителя). Положившись на показания рукописного Исторического Словаря, составленного учеными и трудолюбивыми издателями «*Словаря о святых и угодниках*», я поверил, что Некрасовцы перешли с Кубани на Дунай во время походов графа Миниха, в то время, как запорожцы признали снова владычество русских государей[1]. Но *это показание несправедливо:* некрасовцы оставили Кубань гораздо позже, именно в 1775 году. Г. Броневский (автор «Истории Донского войска») и сам не знал сих подробностей; но тем не менее благодарен я ему за дельное замечание, заставившее меня сделать новые, успешные исследования.

Критика г. Броневского.

«Атаман Ефремов был сменен, а на его место избран Семен *Силин.* Послано повеление в Черкаск сжечь дом Пугачева... Государыня не согласилась по просьбе начальства перенесть станицу на другое место, хотя бы и *менее выгодное;* она согласилась только переименовать Зимовейскую станицу Потемкинскою». Стр. 74.

В 1772 году войсковой атаман Степан Ефремов, за недоставление отчетов об израсходованных суммах, был арестован и посажен в крепость; вместо его пожалован из старшин в наказные атаманы Алексей Иловайский. Силин не был донским войсковым атаманом. Из «Донской истории» не видно, чтобы правительство приказало сжечь дом Пугачева; а видно только, что, по прошению донского начальства, Зимовеская станица перенесена *на выгоднейшее место* и названа Потемкинскою. См. «Историю Д. войска», стр. 88 и 124 части I.

Объяснение.

В 1773 и 74 году войсковым атаманом донского войска был *Семен Сулин* (а не Силин). Иловайский был избран уже на его место. У меня было в руках более пятнадцати указов на имя войскового атамана Семена Сулина и столько же докладов от войскового атамана Семена Сулина. В «Русском Инвалиде», в нынешнем в 1836 году, напечатано несколько донесений от полковника Платова к войсковому атаману Семену Никитичу Сулину во время осады Силистрии в 1773 году. Правда, что в «Истории Донского войска» (сочинении моего рецензента) не упомянуто о Семене Сулине. Это пропуск важный и, к сожалению, не единственный в его книге.

[1] Изменник Орлик, сподвижник Мазепы, современник Некрасова, был тогда еще жив и присежал из Бендер уговаривать старинных своих товарищей.

lib.pushkinskijdom.ru

Г. Броневский также несправедливо оспаривает мое показание, что послано было из Петербурга повеление сжечь дом и имущество Пугачева, ссылаясь опять на свою «Историю Донского войска», где о сем обстоятельстве опять не упомянуто. Указ о том, писанный на имя атамана Сулина, состоялся 1774 года января 10 (NB казнь Пугачева совершилась ровно через год, 1775 года 10 января). Вот собственные слова указа:

«Двор Ем. Пугачева, в каком бы он худом или лучшем состоянии ни находился, и хотя бы состоял он в развалившихся токмо хижинах, имеет Донское войско, при присланном от обер-коменданта Крепости Св. Димитрия штаб-офицере, собрав священный той станицы чин, старейшин и прочих оной жителей, при всех их сжечь, и на том месте через палача или профоса пепел развеять; потом это место огородить надолбами, или рвом окопать, оставя на вечные времена без поселения, как осквернённое жительством на нем все казни лютые и истязания делами своими превосшедшего злодея, которого имя останется мерзостью навеки, а особливо для Донского общества, яко оскорбленного ношением тем злодеем казацкого на себе имени, — хотя отнюдь таким богомерзким чудовищем ни слава войска Донского, ни усердие оного, ни ревность к Нам и Отечеству помрачаться и ни малейшего нарекания претерпеть не может.»

Я имел в руках и донесение Сулина о точном исполнении указа (иначе и быть не могло). В сем-то донесении Сулин от имени жителей Зимовейской станицы просит о дозволении перенести их жилища с земли, осквернённой пребыванием злодея, на другое место, *хотя бы и менее удобное*. Ответа я не нашел; но по всем новейшим картам видно, что Потемкинская станица стоит на том самом месте, где на старинных означена Зимовейская. Из сего я вывел заключение, что государыня не согласилась на столь убыточное доказательство усердия, и только переименовала Зимовейскую станицу в Потемкинскую.

Критика г. Броневского.

Автор не сличил показания жены Пугачева с его собственным показанием; явно, что свидетельство жены не могло быть верно, она, конечно, не могла знать всего и, конечно, не все высказала, что знала. Собственное же признание Пугачева, что он скрывался в Польше, должно предпочесть показанию станичного атамана Трофима Фомина, в котором сказано, что будто бы Пугачев, отлучаясь из дому в разное время, кормился *милостынею!!* и в 1771 был на Куме. — Но Пугачев в начале 1772 года явился на Яик с польским фальшивым паспортом, которого он на Куме достать не мог.

На Дону по преданию известно, что Пугачев до Семилетней войны промышлял, по обычаю предков, на Волге, на Куме и около Кизляра; после первой Турецкой войны скрывался между польскими и глуховскими раскольниками. Словом, в мирное время иногда приходил в дом свой на короткое время; а постоянно занимался воровством и разбоем в окрестностях Донской земли, около Данкова, Таганрога и Острожска.

Объяснение.

Показания мои извлечены из оффициальных, неоспоримых документов. Рецензент мой, укоряя меня в несообразностях, не показывает, в чем оные состоят. Из показаний жены Пугачева, станичного атамана Фомина и наконец самого самозванца, в *конце* (а не в начале) 1772 года приведенного в Малыковскую канцелярию, видно, что он в 1771 году отпущен из армии на Дон, по причине болезни; что в конце того же года, уличенный в возмутительных речах, он успел убежать и, тайно возвратясь домой в начале 1772 года, был схвачен и бежал опять. Здесь прекращаются сведения, собранные правительством на Дону. Сам Пугачев показал, что весь 1772 год скитался он за польской границею и пришел оттуда на Яик, кормясь милостынею (о чем Фомин не упоминает ни сло-

lib.pushkinskijdom.ru

ва). Г. Броневский, выписывая сие последнее показание, подчеркивает слово *милостыня* и ставит несколько знаков удивления (! !); но что ж удивительного в том, что нищий бродяга питается милостынею? Г. Броневский, не взяв на себя труда сличить мои показания с документами, приложенными к «Истории Пугачевского бунта», кажется, не читал и манифеста *о преступлениях кавака Пугачева*, в котором именно сказано, что он *кормился от подаяния* (См. манифест от 19 декабря 1774 года, в «Приложении к Истории Пугачевского бунта»).

Г. Броневский, опровергая свидетельство жены Пугачева, показания станичного атамана Фомина и оффициально обнародованное известие, пишет, что *Пугачев в начале 1772 года* явился на Яике *с польским фальшивым паспортом, которого он на Куме достать не мог.* Пугачев в *начале* 1772 года был на Кубани и на Дону; он явился на Яик *в конце* того же года не с польским *фальшивым* паспортом, но с русским, данным ему от начальства, им обманутого, с Добрянского форпоста. Предание, слышенное г. Броневским, будто бы Пугачев, *по обычаю предков (!)*, промышлял разбоями на Волге, на Куме и около Кизляра, ни на чем не основано и опровергнуто оффициальными, достовернейшими документами. Пугачев был *подозреваем* в воровстве (см. показание Фомина); но до самого возмущения Яицкого войска *ни в каких разбоях не бывал.*

Г. Броневский оспаривая достоверность неоспоримых документов, имел, кажется, в виду оправдать собственные свои показания, помещенные им в «Истории Донского войска». Там сказано, что природа одарила Пугачева *чрезвычайной живостию и с неустрашимым мужеством дала ему и силу телесную и твердость душевную;* но что, *к несчастию, ему не доставало самой лучшей и нужнейшей прикрасы — добродетели;* что отец его был убит в 1738; что, двенадцатилетний Пугачев, *гордясь своим одиночеством, своею свободою, с дерзостию и самонадеянием вызывал детей равных с ним лет на бой, нападал храбро бил их всегда;* что в одной из таких забав убил он предводителя противной стороны; что по пятнадцатому году *он уже не терпел никакой власти;* что на двадцатом году *ему стало тесно и душно на родной земле;* что честолюбие мучило его; что вследствие того он сел однажды на коня и *пустился искать приключений в чистое поле;* что он поехал на восток, *достигнул Волги и увидел большую дорогу;* что встретив четырех удальцев, начал он с ними грабить и разбойничать; что, *вероятно,* он занимался разбоями только во время мира, а во время войны служил в казачьих полках; что генерал Тотлебен, во время Прусской войны, увидев однажды Пугачева, сказал окружавшим его чиновникам: «*чем более смотрю на сего кавака, тем более поражаюсь сходством его с великим князем,*» и проч. и проч. (См. «Историю Донского войска». Ч. II. Гл. XI). Все это ни на чем не основано и заимствовано г. Броневским из пустого немецкого романа «Ложный Петр III», незаслуживающего никакого внимания. Г. Броневский, укоряющий меня в каких-то *поэтических вымыслах*, сам поступил неосмотрительно, повторив в своей «Истории» вымыслы столь нелепые.

Критика г. Броневского.

«Шигаев, думая заслужить себе прощение, задержал Пугачева и Хлопушу и послал к оренбургскому губернатору сотника Логинова с предложением о выдаче самозванца». Но в поставленном тут же под № 12 примечании автор говорит, что сие показание Рычкова невероятно: ибо Пугачев и Шигаев, после бегства их из-под Оренбурга, продолжали действовать заодно.

Если показание Рычкова невероятно, то в текст и не должно было его ставить; если же Шигаев только в крайнем случае в самом деле думал предать Пугачева, то это обстоятельство не мешало продолжать действовать заодно с Пугачевым: ибо беда еще не наступила. Историку, конечно, показалось трудным сличать противоречащие показания и выводить из них следствия; но это его обязанность, а не читателей.

lib.pushkinskijdom.ru

Объяснение.

Выписываю точные слова текста и примечание на оный:

«После сражения под Татищевой, Пугачев с 60 казаками пробился сквозь неприятельское войско и прискакал сам-пят в Бердскую слободу с известием о своем поражении. Бунтовщики начали выбираться из Берды, кто верхом, кто на санях. На воза громоздили заграбленное имущество. Женщины и дети шли пешие. Пугачев велел разбить бочки вина, стоявшие у его избы, опасаясь пьянства и смятения. Вино хлынуло по улице. Между тем Шигаев, видя, что все пропало, думал заслужить себе прощение и, задержав Пугачева и Хлопушу, послал от себя к оренбургскому губернатору с предложением о выдаче ему самозванца, и прося дать ему сигнал двумя пушечными выстрелами.

«*Примечание.* Рычков пишет, что Шигаев велел связать Пугачева. Показание невероятное. Увидим, что Пугачев и Шигаев действовали заодно несколько времени после бегства их из-под Оренбурга».

Шигаев, человек лукавый и смышленый, мог под каким ни есть предлогом *задержать* нехитрого самозванца; но не думаю, чтоб он его *связал:* Пугачев этого бы ему не простил.

Критика г. Броневского.

Стр. 97. «Уфа была освобождена. Михельсон, нигде не останавливаясь, пошел на Тибинск, куда после Чесноковского дела прискакали Ульянов и Чика. Там они были схвачены *Каваками* и выданы победителю, который отослал их скованных в Уфу.» В примечании же 16-м (ст. 51), принадлежащем к сей V главе, сказано совсем другое, именно: «По своем разбитии, Чика с Ульяновым остановилися ночевать в Богоявленском Медноплавильном заводе. Прикащик угостив их и, напоив до пьяна, ночью связал и представил в *Тобольск*. Михельсон подарил 500 руб. прикащиковой жене, подавшей совет напоить беглецов.

Место действия находилось в окрестностях Уфы, а посему прикащик не имел нужды отсылать преступников в Тобольск, находящийся от Уфы в 1145 верстах.

Объяснение.

Если бы г. Броневский потрудился взглянуть на текст, то он тотчас исправил бы опечатку, находящуюся в примечании. В тексте сказано, что Ульянов и Чика были выданы Михельсону в *Табинске* (а не в *Тобольске*, который слишком далеко отстоит от Уфы, а не в Тибинске, который не существует).

Критика г. Броневского.

«Солдатам начали выдавать в сутки только по четыре фунта муки, т. е. десятую часть меры обыкновенной». *Стр. 100.*

Солдат получает в сутки два фунта муки, или по три фунта печеного хлеба. По означенной выше мере выйдет, что солдаты во время осады получали двойную порцию, или что весь гарнизон состоял из 20 только человек. Тут что нибудь да не так.

Объяснение.

Очевидная опечатка: вместо *четыре фунта* должно читать *четверть фунта*, что и составит около *десятой части* меры обыкновенной, т. е. двух фунтов печеного хлеба. Смотри статью «Об осаде Яицкой крепости», откуда заимствовано сие показание. Вот собственные слова неизвестного повествователя: «Солдатам стали выдавать в сутки только по четверти фунта муки, что составляет десятую часть обыкновенной порции.»

lib.pushkinskijdom.ru

Критика г. Броневского.

В примечании 18, стр. 52, сказано, что оборона Яицкой крепости составлена по статье, напечатанной в «Отечественых Записках» и по журналу коменданта полковника Симонова. Как автор принял уже за правило помещать вполне все акты, из которых он что либо заимствовал, то журнал Симонова, нигде до сего ненапечатанный, заслуживал быть помещенным в примечаниях также вполне, как Рычкова — об осаде Оренбурга, и архимандрита Платона — о сожжении Казани.

Объяснение.

Я не мог поместить *все* акты, из коих заимствовал свои сведения. Это составило бы более десяти томов: я должен был ограничиться любопытнейшими.

Критика г. Броневского.

Стр. 129. «Михельсон, оставя Пугачева вправе, пошел прямо на Казань и 11 июля вечером был уже в 15 верстах от нее. — Ночью отряд его тронулся с места. Поутру, в 45 верстах от Казани, услышал пушечную пальбу!...» Маленький недосмотр!

Объяснение.

Важный недосмотр: вместо в 15 *верстах*, должно читать: в *пятидесяти*.

Критика г. Броневского.

Пугачев отдыхал сутки в Сарепте, оттуда пустился вниз к Черному Яру. Михельсон шел по его пятам. Наконец, 25 августа на рассвете, он настигнул Пугачева в *ста пяти* верстах от Царицына. Здесь Пугачев, разбитый в последний раз, бежал, и в семидесяти верстах от места сражения переплыл Волгу *выше* Черноярска.» Стр. 155—156.

Из сего описания видно, что Пугачев переплыл Волгу в 175 верстах *ниже* Царицына; а как между сим городом и Черноярском считается только 155 верст, то из сего выходит, что он переправился через Волгу *ниже* Черноярска в 20 верстах. — По другим известиям, Пугачеву нанесен последний удар под самым Царицыным, откуда он бежал по дороге к Черноярску, и в сорока верстах от Царицына переправился через Волгу, то есть, верстах в десяти ниже Сарепты.

Объяснение.

Выписываю точные слова текста:

«Пугачев стоял на высоте, между двумя дорогами. Михельсон *ночью обошел его* и стал противу мятежников. Утром Пугачев опять увидел пред собою своего грозного гонителя; но не смутился, а смело пошел на Михельсона, отрядив свою пешую сволочь противу донских и чугуевских казаков, стоящих по обоим крылам отряда. Сражение продолжалось недолго. Несколько пушечных выстрелов расстроили мятежников. Михельсон на них ударил. Они бежали, бросая пушки и весь обоз. Пугачев, переправясь через мост, напрасно старался их удержать; он бежал вместе с ними. Их били и преследовали сорок верст. Пугачев потерял до четырех тысяч убитыми и до семи тысяч взятыми в плен. Остальные рассеялись. Пугачев, в семидесяти верстах от места сражения, переплыл Волгу, выше Черноярска, на четырех лодках, и ушел на луговую сторону, не более как с тридцатью казаками. Преследовавшая его конница опоздала четвертью часа. Беглецы, неуспевшие переправиться на лодках, бросились вплавь и перетонули.»

lib.pushkinskijdom.ru

Рецензент пропустил без внимания главное обстоятельство, поясняющее действие Михельсона, который *ночью обошел* Пугачева и, следственно разбив его, погнал не *вниз, а вверх* по Волге, к Царицыну. Таким образом мнимая нелепость моего рассказа исчезает. Не понимаю, каким образом военный человек и военный писатель (ибо г. Броневский писал военные книги) мог сделать столь опрометчивую критику на место столь ясное само по себе!

Критика г. Броневского.

К VI главе 6 примечания не достает. См. 123 и 55 стр.

На карте не означено многих мест, и даже городов и крепостей. Это чрезвычайно затрудняет читателя.

Объяснение.

Цыфр, означающий ссылку на замечание, есть опечатка.

Карта далеко неполна; но оная была необходима, и я не имел возможности составить другую, более совершенную.

Г. Броневский заключает свою статью следующими словами: «Сии немногие недостатки ни мало не уменьшают внутреннего достоинства книги, и если бы нашлось и еще несколько ошибок, книга, по содержанию своему, всегда останется достойною внимания публики.»

Еслибы все замечания моего критика были справедливы, то вряд ли книга моя была бы достойна внимания публики, которая в праве требовать от историка, если не таланта, то добросовестности в трудах и осмотрительности в показаниях. Знаю, что оправдываться опечатками легко; но, надеюсь, читатели согласятся, что *Тобольск* вместо *Табинск; в пятнадцати верстах* вместо *в пятидесяти верстах* и наконец *четыре фунта* вместо *четверти фунта* более походят на опечатки, нежели следующие errata, которые где-то мы видели: *Митрополит* — читай: *простой священник, духовник царский; вала в тридцать саженей вышины,* — читай: *вала в пятнадцать аршин вышины: Петр I из Вены отправился в Венецию,* — читай *Петр I из Вены поспешно возвратился в Москву.*

Рецензенту, наскоро набрасывающему беглые замечания на книгу бегло прочитанную, очень извинительно ошибаться; но автору, посвятившему два года на составление ста шестидесяти осьми страничек, такое небрежение и легкомыслие были бы непростительны. Я должен был поступать тем с большею осмотрительностию, что в изложении военных действий (предмете для меня совершенно новом) не имел я тут никакого руководства, кроме донесений частных начальников, показаний казаков, беглых крестьян, и тому подобного, — показаний, часто друг другу противоречащих, преувеличенных, иногда совершенно ложных. Я прочел со вниманием все, что было напечатано о Пугачеве, и сверх того 18 толстых томов in-folio разных рукописей, указов, донесений, и проч. Я посетил места, где произошли главные события эпохи мною описанной, поверяя мертвые документы словами еще живых, но уже престарелых очевидцев и вновь поверяя их дряхлеющую память историческою критикою.

Сказано было, что «История Пугачевского бунта» не открыла ничего нового, неизвестного. Но вся эта эпоха была худо известна. Военная часть оной никем не была обработана; многое даже могло быть обнародовано только с *высочайшего* соизволения. Взглянув на «Приложения к Истории Пугачевского бунта», составляющие весь второй том, всякий легко удостоверится во множестве важных исторических документов, в первый раз обнародованных. Стоит упомянуть о собственноручных указах Екатерины II, о нескольких ее письмах, о любопытной летописи нашего славного академика Рычкова, коего труды ознаменованы истинной ученостию и добросовестностию — достоинствами столь редкими в наше время, о множестве писем знаменитых особ, окружавших Екатерину: Панина, Румянцева, Бибикова, Державина и других... Признаюсь, я полагал себя в праве ожидать от публики благосклонного приема, конечно, не за самую «*Историю Пугачев-*

lib.pushkinskijdom.ru

ского бунта», но за исторические сокровища, к ней приложенные. Сказано было, что историческая достоверность моего труда поколебалась от разбора г. Броневского. Вот доказательства, какое влияние имеет у нас критика, как бы поверхностна и неосновательна она не была!

Теперь обращаюсь к г. Броневскому, уже не как к рецензенту, но как к историку.

В своей «Истории Донского войска» он поместил краткое известие о Пугачевском бунте. Источниками служили ему: вышеупомянутый роман «Ложный Петр III», «Жизнь А. И. Бибикова», и наконец предания, слышанные им на Дону. О романе мы уже сказали наше мнение. «Записки о жизни и службе А. И. Бибикова» по всем отношениям очень замечательная книга, а в некоторых и авторитет. Что касается до преданий, то есть оные с одной стороны драгоценны и незаменимы, то с другой я по опыту знаю, сколь много требуют они строгой поверки и осмотрительности. Г. Броневский не умел ими пользоваться. Предания, собранные им, не дают его рассказу печати живой современности, а показания, на них основанные, сбивчивы, темны, а иногда и совершенно ложны.

Укажем и мы на *некоторые вымыслы* (к сожалению, не поэтические), на некоторые *недосмотры* и явные несообразности.

Приводя вышеупомянутый анекдот о Тотлебене, будто бы заметившем сходство между Петром III и Пугачевым, г. Броневский пишет: «Если анекдот сей справедлив, то можно согласиться, что слова сии, просто сказанные, хотя в то время не сделали на ум Пугачева большого впечатления, но впоследствии могли подать ему мысль называться императором». А через несколько страниц г. Броневский пишет: «Пугачев принял предложение яицкого казака Ивана Чики, более его дерзновенного, называться Петром III». — Противоречие!

Анекдот о Тотлебене есть вздорная выдумка. Историку не следовало о нем и упоминать и того менее выводить из него какое бы то ни было заключение. Государь Петр III был дороден, белокур, имел голубые глаза: самозванец был смугл, сухощав, малорос; словом, ни в одной черте не сходствовал с государем.

Страница 98. «12 Генваря 1773, раскольники (в Яицком городке) взбунтовались и убили как генерала (Траубенберга), так и своего атамана.»

Не в 1773, но в 1771. См. Левшина, Рычкова, Ист. Пугач. бунта, и пр

Стран. 102. «Полковник Чернышев прибыл на освобождение Оренбурга и 29 апреля 1774 года сражался с мятежниками; губернатор не подал ему никакой помощи» и проч.

Не 29 апреля 1774 г., а 13 ноября 1773; в апреле 1774 года разбитый Пугачев скитался в Уральских горах, собирая новую шайку.

Г. Броневский, описав прибытие Бибикова в Казань, пишет, что в то время (в январе 1774) *самозванец в Самаре и Пензе был принят народом с хлебом и солью.*

Самозванец в январе 1774 года находился под Оренбургом и разъезжал по окрестностям оного. *В Самаре он никогда не бывал, а Пензу взял уже после сожжения Казани*, во время своего страшного бегства, за несколько дней до своей собственной погибели.

Описывая первые действия генерала Бибикова и медленное движение войск, идущих на поражение самозванца к Оренбургу, г. Броневский пишет: «Пугачев, умея грабить и резать, не умел воспользоваться сим выгодным для него положением. Поверив распущенным нарочно слухам, что будто от Астрахани идет для нападения на него несколько гусарских полков с донскими казаками, он долго простоял на месте, потом обратился к низовью Волги и через то упустил время, чтобы стать на угрожаемом нападением месте.»

Показание ложное. Пугачев все стоял под Оренбургом и не думал обращаться к *низовью Волги.*

Г. Броневский пишет: «Новый главноначальствующий, граф Панин, не нашел *на месте* (на каком месте?) всех нужных средств, чтобы утишить пожар мгновенно и не допустить распространение оного за Волгою.»

Граф П. И. Панин назначен главноначальствующим, когда уже Пугачев переправился через Волгу и когда пожар уже распространился от Нижнего-

lib.pushkinskijdom.ru

Новгорода до Астрахани. Граф прибыл из Москвы в Керенск, когда уже Пугачев разбит был окончательно полковником Михельсоном.

Умалчиваю о нескольких незначащих ошибках, но не могу не заметить важных пропусков. Г. Броневский не говорит ничего о генерал-маиоре Каре, игравшем столь замечательную и решительную роль в ту несчастную эпоху. Не сказывает, кто был назначен главноначальствующим по смерти А. И. Бибикова. Действия Михельсона в Уральских горах, его быстрое, неутомимое преследование мятежников оставлены без внимания. Ни слова не сказано о Державине, ни слова о Всеволожском. Осада Яицкого Городка описана в трех следующих строках: «Он (Мансуров) освободил Яицкий Городок от осады и избавил жителей от голодной смерти: ибо они уже употребляли в пищу землю».

Политические и нравоучительные размышления[1], коими г. Броневский украсил свое повествование, слабы и пошлы и не вознаграждают читателей за недостаток фактов, точных известий и ясного изложения происшествий.

Я не имел случая изучать историю Дона и потому не могу судить о степени достоинства книги г. Броневского; прочитав ее, я не нашел ничего нового, мне неизвестного; заметил некоторые ошибки, а в описании эпохи мне знакомой — непростительную опрометчивость. Кажется, г. Броневский не имел ни средств, ни времени совершить истинно исторический памятник. «Тяжкая болезнь — говорит он в начале «Истории Донского войска» — принудила меня отправиться на Кавказ. Первый курс лечения Пятигорскими минеральными водами, хотя не оказал большого действия, но, по совету медиков, я решился взять другой курс. Ехать в Петербург и к весне назад возвращаться было слишком далеко и убыточно; оставаться на зиму в горах слишком холодно и скучно; и так 15 сентября 1831 года отправился я в Новочеркасск, где родной мой брат жил на службе с своим семейством. Осьмимесячное мое пребывание в городе донского войска доставило мне случай познакомиться со многими почтенными особами Донского края» и проч. «В последствии уверившись, что в словесности нашей не достает история Донского войска, имея досуг и добрую волю, я решился пополнить этот недостаток» и проч.

Читатели г. Броневского могли, конечно, удивиться, увидя вместо статистических и хронологических исследований о казаках, подробный отчет о лечении автора; но кто не знает, что для больного человека здоровье его не в пример занимательнее и любопытнее всевозможных исторических изысканий и предположений! Из добродушных показаний г. Броневского видно, что он в своих исторических занятиях искал только невинного развлечения. Это лучшее оправдание недостаткам его книги.

<1836>

---

[1] Например: «Нравственный мир, так же как и физический, имеет свои феномены, способные устрашить всякого любопытного, дерзающего рассматривать оные. Если верить философам, что человек состоит из двух стихий, добра и зла: то Емелька Пугачев бесспорно принадлежал к редким явлениям, к извергам, вне законов природы рожденным; ибо в естестве его не было и малейшей искры добра, того благого начала, той духовной части, которые разумное творение от бессмысленного животного отличают. История сего злодея может изумить порочного и вселить отвращение даже в самых разбойниках и убийцах. Она вместе с тем доказывает, как низко может падать человек, и какою адскою злобою может быть преисполнено его сердце. Если бы деяния Пугачева подвержены были малейшему сомнению, я с радостию вырвал бы страницу сию из труда моего.» <Примеч. Пушкина.>.

lib.pushkinskijdom.ru

ЗАПИСКИ БРИГАДИРА МОРО-ДЕ-БРАЗЕ.

(Касающиеся до Турецкого похода 1711 года).

В числе иноземцев, писавших о России, Моро-де-Бразе заслуживает особенное внимание. Он принадлежал к толпе тех наемных храбрецов, которыми Европа была наводнена еще в начале XVIII столетия и которых Вальтер Скотт так гениально изобразил в лице своего капитана Dalgetty.

Моро был родом французский дворянин. Вследствие какой то ссоры принужден он был оставить полк, в котором служил офицером, и искать фортуны в чужих государствах. В начале 1711 года, услыша о выгодах, доставляемых Петром I иностранным офицерам, приехал он в Россию и принят был в службу полковником. Он был свидетелем несчастному походу в Молдавию, и после Прутского мира был отставлен от службы с чином бригадира. Он скитался потом по Европе, предлагал свои услуги то Австрии, то Саксонии, то Венецианской республике, получал отказы и вспоможения; сидел в тюрьме, и проч.

Он был женат на вдове, женщине хорошей дворянской фамилии, и которая для него переменила свое вероисповедание. Она, как кажется, была то, что французы называют une aventurière [1]. В 1714 году, г-жа Моро-де-Бразе была при дворе государыни великой княгини, супруги несчастного царевича, но не ужилась с молодым графом Левенвольдом и была выслана из Петербурга.

В 1735 году, Моро издал свои записки под заглавием: Mémoires politiques, amusans et satiriques de messire I. N. D. B. C. de Lion, colonel du regiment de dragons de Casanski et brigadier des armées de sa m. czarienne, à Veritopolis chez Jean Disaut-vrai de 3 volumes. В сих записках слишком часто принужден он оправдывать то себя, то свою жену. Они не имеют ни прелести Гамельтона, ни оригинальности Казановы; слог их столь же тяжел, как и неправилен. Впрочем Моро писал свои сочинения с небрежной уверенностию дворянина, а смотрел на их успех с философией человека, знающего цену славе и деньгам. «Qui que vous soyez, ami lecteur» говорил он в своем предисловии: «quelque élevé que soit votre génie quelques supérieures que soient vos lumières, quelque délicate enfin que soit votre manière de parler et d'écrire, je ne vous demande point de grâce et vous pouvez-vous égayer en critiquant ces amusements, que je laisse à la censure publique; mais en vous donnant carrière à mes depens et aux vôtres, car il vous en coûtera votre argent pour lire mes ouvrages souvenez-vous qu' un gallant homme qui se trouve au fond du nord, avec des gens la plupart barbares dont il n'entend pas la langue seroit bien à plaindre, s'il ne savoit pas se servir d'une plume pour se désennuyer en écrivant tout ce qui se passe sous ses yeux. Vous savez qu'il n'est pas donné à tout le monde de penser et d'écrire finement. Sur ce pied vous m'excuserez, s'il vous plaît, s'entened, par la raison qu'il y auroit bien des gens inutiles, s'il n'y avoit que ceux qui pensent et qui écrivent dans le goût rafiné qui s'en

[1] Авантюристка.

lib.pushkinskijdom.ru

mêlessent; vous y perdriez les nouvelles de ces pays perdus, que je vous donne, où les bonnes plumes ne sont pas famillières. Adieu, lescteur mon ami, critiquez; plus il aura de censeurs, mieux mon libraire s'en trouvera. Ce sera une marque qu'il débitera mon livre et qu' il retirera les fruits de son travail.

Sunt sanis omnia sana». [1]

Записки Моро перемешаны с разными стихотворениями, иногда чрезвычайно вольными, большею частию собранными им; ибо он, вероятно, по своей драгунской привычке, располагал иногда чужою литературной собственностию, как неприятельскою.

Впрочем он и сам написал множество стихов. Выпишем несколько строф из его оды к королю Августу, как образец его поэтического таланта.

En quittant le Brabent j'épousai la querelle
Du czar, vorte allié, je cru le bien servir,
J'ai même cru longtems pouvoir lui convenir.
Et quoiqu'il agréa mon zèle,
Je fus contraint de revenir.

*

Le sang que j'ai verse, les pertes que j'ai faites
D'un equipage entier que je n'ai point gagné
Qui fut par le Turban dans ce combat pillé
Furent les tristes interprétes
Qui m'anoncèrent mon congé

*

Renvoyé sans argent du fond de la Russie
Etranger, sans patron et toujours malheureux,
Je cherche le secours d'un prince généreux
A qui je viens offrir ma vie
Egalement comme mes voeux.

*

Ne croyez , grand roi, qu'ardent en espérance,
J'ose vous demander plus que mon entretien,
Dans mon état présent, que je ne me sais rién.
Un peu d'honneur pour ma naissance
Un peu de bien pour mon soutien. [2]

---

[1] Кто бы ты ни был, друг читатель, как бы ни был возвышен твой ум, как бы ни был ты просвещен, как бы ни была, наконец, изыскана твоя манера говорить и писать, — я отнюдь не прошу снисхождения и ты можешь позабавиться критикуя эти шутки, которые я выношу на общий суд; но если я даю тебе возможность повеселиться на мой счет и на твой собственный тоже, — ибо чтение моих сочинений будет стоить тебе денег, — помни все же, что порядочный человек, находящийся на далеком севере среди людей по большей части невежественных, языка которых он не понимает, был бы весьма достоин сожаления, если бы не умел владеть пером, чтобы развлечься описанием всего, что происходит перед его глазами. Ты знаешь, что не всякому дано мыслить и писать остроумно. В этом отношении ты меня извинишь, — если, конечно, пожелаешь, — приняз во внимание, что оказалось бы слишком много ненужных людей, если бы только умеющие мыслить и писать утонченно занимались этим; ты бы лишился в этом случае доставляемых мною сведений об этих затерянных странах, где искусные перья редки. Прощай, друг мой читатель, критикуй, чем более будет критиков, тем лучше для моего издателя. Это будет залогом того, что он распродаст мою книгу и извлечет пользу из своего труда. Для здоровых все здорово.

[2] Покинув Брабант, я примкнул к делу царя,
Вашего союзника, и я надеялся, что хорошо ему служил;
Я даже долго надеялся, что мои услуги ему угодны.
И однако, хотя он принял мое усердие,
Я был вынужден его оставить.

lib.pushkinskijdom.ru

Эти стихи доказывают, что финансы отставного бригадира находились не в цветущем состоянии. Впрочем Август велел выдать ему триста гульденов, и Моро был очень доволен; должно признаться, что ода и того не стоила.

Рассказ Моро-де-Бразе о походе 1711 года, лучшее место изо всей книги, отличается умом и веселостию беззаботного бродяги; он заключает в себе множество любопытных подробностей и неожиданных откровений, которые можно подметить только в пристрастных и вместе искренних сказаниях современника и свидетеля.

Renvoyé sans argent du fond de la Russie [1]

Моро не любит русских и недоволен Петром; тем замечательнее свидетельства, которые вырываются у него поневоле. С какой простодушной досадою жалуется он на Петра, предпочитающего своих полудиких подданных храбрым и образованным иноземцам! Как живо описан Петр во время сражения при Пруте! С какой забавной ветренностию говорит Моро о наших гренадерах, qui, quoique russés, c'est à dire peu pitoyables, vouloient à cheval pour secourir ces braves hongrois [2], на что чувствительные немцы, их начальники, не хотели однако согласиться. Мы не хотели скрыть или ослабить и порицания, и вольные суждения нашего автора, будучи уверены, что таковые нападения не могут повредить ни славе Петра Великого, ни чести русского народа. Предлагаем «Записки бригадира Моро», как важный исторический документ, который не должно смешивать с нелепыми повествованиями иностранцев о нашем отечестве.

Начинаю с замечательнейшего и самого блестящего из событий, коим был я свидетель в этой глухой стороне: именно с войны, объявленной султаном Петру Алексеевичу, императору Великой и Малой России. Но, дабы представить ее в истинном виде, мне должно будет описать предшествовавшие обстоятельства. Позвольте мне[3] обратиться к тому времени, как шведский король Карл XII, восторжествовав над Фридериком-Августом королем польским и курфирстом Саксонским и над его царским величеством[4] бросился в Саксонию, возвел на польский престол Станислава, и принудил Августа отказаться от короны с сохранением единого королевского титула. В это время шведский король мог заключить честный и выгодный мир, предлагаемый ему царем. Положение его было самое счастливое: у него было до 40.000 прекрасного войска, обыкшего к боям и це-

---

Кровь, мною пролитая, понесенная мною потеря
Всего моего багажа, отнюдь мною не заработанного
И разграбленного людьми в тюрбанах во время сражения, —
Таковы были печальные толмачи,
Возвестившие мне мою отставку

Отосланный без денег из глубины России,
Иностранец без покровителя и вечно несчастный,
Я ищу помощи у великодушного государя,
Которому предлагаю свою жизнь
Вместе с пожеланиями ему счастья.

Не подумайте, великий король, что питая пылкие надежды,
Я дерзаю просить о большем, нежели о пропитании, —
Нет, в моем нынешнем положении, без гроша за душой,
Я прошу немного чести ради моего благородного происхожденья
И немного средств, чтобы поддержать мое существование.

[1] Отосланный без денег из глубины России.

[2] Которые, хоть и русские, следовательно мало жалостливые, хотели сесть на лошадей и броситься на помощь храбрым венгерцам.

[3] Моро-де-Бразе относится в своих записках к неизвестной даме. <Примеч. Пушкина>.

[4] Должно было прибавить: и над датским королем Фридериком IV, который начал Северную войну и первый почувствовал когти Шведского льва. <Примеч. Пушкина>.

lib.pushkinskijdom.ru

лые десять лет избалованного победами; у войска всего было вдоволь: оно обогатилось в Саксонии, не без обиды и притеснений обывателям. Главная цель шведского короля была им достигнута. Фридерик-Август был низвержен. Он мог отделаться от прочих своих неприятелей миром, которого они сами домогались. Вспомним, что Карл XII был главным посредником при заключении Ризвицкого мира. Он мог обезоружить Европу, воюющую за испанское наследство, если бы только объявил себя противником стороне несогласной на общий мир. Даже было о том и предположение, устроенное г-м де Бонаком, французским чрезвычайным послом при его дворе; но герцог Марлбруг отвратил удар, прибыв в Саксонию и успев задарить г-на Пипера английским и голландским золотом[1]. Сей министр из благодарности разрушил меры, уже принятые для утверждения общего мира, и завлек Карла XII в преследование Петра в пределы областей его царского величества — роковое предприятие, дорого ему стоившее!

Шведский король вышел из Саксонии со всеми своими полками. Он оставил в Польше, для поддержания Станислава, им коронованного, 20.000 войска (в том числе 9.000 новоприбывшего из Швеции) под начальством генерала графа Крассау, а сам пошел к Днепру, переправился чрез него, не смотря на все препятствия, и приближился к самой Полтаве, где его царское величество остановился и укреплялся, предав огню и разорению собственную землю, дабы отнять у неприятеля способы к пропитанию.

Вся Европа видела конец несчастного похода и падение короля, дотоле непобедимого. Войско его было уничтожено или захвачено в плен. Его совет, чиновники, за ним следовавшие, имели ту же участь; сам король, дабы не попасться в руки своим врагам, пробился с тремя стами конных в турецкую землю, за Днестр, в соседство буджацких татар и искал убежища в Бендерах.

Это удивительное поражение изменило все его дела не только в Польше, но и в собственном его государстве. Крассау, получив о том известие и не будучи в состоянии держаться долее в Польше, поспешно удалился в Померанию. Станислав за ним последовал, страшась попасться в руки приверженцам Августовым.

Польский король обнародовал манифест, в котором отказывался от мира, им заключенного с Карлом XII, объявляя, что принужден был на оный согласиться, дабы избавить свои наследственные области от насилия шведских войск, разоряьших Саксонию. и что министры, им употребленные для переговоров, некстати обязали его и преступили его предписания. Потом явился он в Польше и, поддерживаемый великим гетманом Синявским, имея в своей власти коронное войско и множество приверженцев, он снова вступил на престол и по прежнему признан законным королем.

С другой стороны король датский, видя, что Карл в Турции, а что войско его уничтожено, и полагая, что ему легко будет завоевать Сканию и далее вступить в Швецию, обратил туда свои войска. Генералы его вторгнулись в сию соседственную область, предмет всегдашней его зависти. Но шведы, большею частию кое-как и кой-где набранные люди, разбили их на-голову. Датское войско бежало, подрезав жилы у ног лошадей, дабы не могли они служить неприятелю, и бросив казну, обоз и артиллерию.

Его царское величество, пользуясь разбитием неприятеля, двинул поспешно полки свои в Лифляндию. Между тем короли датский и польский должны были в одно время войти в Померанию, дабы произвести диверсию и облегчить царю завоевание провинции, которой он давно добивался и от которой он уже успел *отлупить*[2] Нарву, дабы защитить Петербург — новый, укрепленный городок, выстроенный им на реке *Нерве* (Nérva) в начале войны.

---

[1] Так вообще думали в Европе. Вольтер с этим не согласен: Il est certain que Charles étoit infléxible dans le dessein d'aller détroner l' Empereur des Russes qu'il ne recevoit alors conseil de personne et qu'il n'avoit pas besoin des avis du comte Piper pour prendre de Pierre Alexiowitz une vengeance qu'il cherchoit depuis longtemps — *Histoire de Charles* XII — <Примеч. Пушкина>.

[2] Dont il avoit déjà écorné Narva. <Примеч. Пушкина>

lib.pushkinskijdom.ru

Сего не довольно: новое бедствие поразило Швецию, где в отсутствие короля учрежден был совет из лучших и благоразумнейших голов всего государства: явилась чума в Стокгольме, в Скании, в Померании и во всей Лифляндии, где свирепствовала во всей своей силе. В сие-то время его царское величество вознамерился овладеть Лифляндией и начал свои завоевания осадою Риги. Город принужден был к сдаче более чумою, нежели силою оружия и бомбами, которые, без сего божьего наказания, не принесли бы царю великой пользы.

Около сего времени прибыл я в Ригу проситься в службу к его царскому величеству, твердо решившись скорее умереть с голоду, нежели воевать противу отечества моего и вредить его пользе.

Царь, после взятия Риги, поручил князю Меньшикову взять Ревель и Пернау, города укрепленные, имеющие гавани на Балтийском море.

Князь Меньшиков завоевал их тем же средством, каким взята была Рига: чума предала их в его руки и увенчала его лаврами, меж тем как осыпала кипарисом несчастную Лифляндию, Курляндию, Литву и Пруссию.

После Ревеля и Пернау князь Меньшиков, не нашед Выборга достойным своего личного присутствия, отрядил к оному генерал-лейтенанта Брекольса (Brecols) [1] с достаточным числом войска, а сам отправился в Петербург отдать во всем отчет его царскому величеству [2]. Он принят был как победитель; его пожаловали губернатором Лифляндии (Он уже был герцогом Ингерманландским).

Порта испугалась быстроте сих завоеваний. Султан и его сановники предвидели, что сосед их, если усилится, то нанесет им современем большие огорчения. Завоевание Азова [3] лежало у них на сердце, тем более, что царь в укреплении оного сделал значительные улучшения и содержал в нем морское войско, притесняя тем турецкую торговлю на Черном море, если уж не вовсе ее уничтожая. Сверх того, для защиты Азова и окрестностей оного, Петр выстроил новые крепости. Все это, при помощи происков шведского короля, понудило Порту объявить войну его царскому величеству. Царь получил о том известие по прибытии князя Меньшикова и по распределении войск по квартирам после столь многотрудной кампании. Он стал не-на-шутку заботиться о приготовлениях к будущему походу, дабы предупредить, буде возможно, опасного неприятеля, который на него навязывался.

Генерал-лейтенант Беркгольц взял Выборг, но не без потери и не без труда. Царь однакож, в знак благоволения, прислал ему свой портрет, осыпанный алмазами, и повелел войска, осаждавшие Выборг, Ревель и Пернов (кроме конницы) распределить по сим городам. Всей же конице, кроме нескольких драгун, приказано итти в Верхнюю-Польшу и в Польскую-Россию (dans la Haute-Pologne et dans la Russie Polonaise), где легче было ее продовольствовать нежели в Лифляндии, коей все почти селения опустошены были чумою [4].

Около ноября месяца курьер от князя Меньшикова привез уполномоченному генерал-комиссару лифляндскому, барону Левенвольду, приказание собрать рижских дворян и объявить им, что князь через месяц прибудет в Ригу для принятия от них присяги в верности и подданстве его царскому величеству. Между разными новостями князь прислал Левенвольду и условия, недавно предложенные Портою царю, во избежание войны, неминуемой в случае несогласия с его стороны. Я жил у Левенвольда. Мы провожали вместе часы веселия на досуге. Он показал мне эти условия; они состояли из семи статей:

---

[1] Беркгольц, генерал-майор. <Примеч. Пушкина>.

[2] Все это писано наобум. Выборг взят был не Беркгольцем, но сдался генерал-адмиралу графу Апраксину, в присутствии самого царя, 11 июля 1710 года. Пернау взят 14 августа того же года не князем Меньшиковым, а генералом Боуром, отряженным из-под осажденной Риги. Ревель взят им же, Боуром, 29 сентября и проч. <Примеч. Пушкина>

[3] Asof, sur la Meir-Noire, пишет Моро. — <Примеч. Пушкина>.

[4] Отселе рассказ Моро становится достоверным. <Примеч. Пушкина>.

lib.pushkinskijdom.ru

I. Возвратить Азов, а укрепления, вновь приложенные к прежним, также и новые крепости, выстроенные по берегам Черного моря, разорить.

II. Расторгнуть совершенно союз, заключенный с Фридериком-Августом, курфирстом саксонским, и принять Станислава королем польским.

III. Возвратить всю Лифляндию и вообще все завоеванное русскими шведскому королю, а Петербург разорить и срыть до основания.

IV. Заключить наступательный и оборонительный союз с королями Карлом XII и Станиславом противу Фридерика-Августа, курфирста Саксонского, если курфирст возобновит притязания свои на польский престол, им уступленный Станиславу.

V. Казакам возвратить прежнюю вольность и преимущества.

VI. Возвратить *натурой или иначе*, все, что король шведский потерял через Полтавское сражение.

VII. Морское войско и флот отвести к Воронежу и с ним к Черному морю не приближаться.

Если б его царское величество находился в положении шведского короля, то и тут Порта не могла бы предложить ему условия более притеснительные. За то их и не приняли. Стали сильно готовиться к войне, дабы доказать Порте, что его величество не дошел еще до того, чтобы мог выслушивать таковые предложения.

Между тем как царь созывал совет за советом для определения мер, нужных противу столь опасного неприятеля, повсюду приготовляли войско к выступлению в поход по первому приказанию. Посреди сих приуготовлений, и в самое то время как государь более всего казался озабоченным, курляндский герцог женился в Петербурге на племяннице государя. Брак сей праздновал князь Меньшиков и праздновал по царски. Но молодой герцог так был невоздержан на пирах, данных по тому случаю, и так много пил Венгерского (к чему русские привыкли), что шесть дней после свадьбы он занемог на обратном пути в свои владения, на первом ночлеге, и умер чрез пять дней. Об нем очень жалели его подданные и все те, которые имели честь быть с ним знакомы. Многие полагали, что не одно венгерское вино было причиною его смерти, но и наслаждения брачные. Герцог был любезный молодой человек и много обещал.

Несколько времени спустя после погребального его шествия чрез Ригу в Митаву, столицу курляндского герцогства, где должен был он быть похоронен между гробами герцогов, своих предков, князь Меньшиков из Ревеля и Пернова, где принимал он присягу дворянства, прибыл в Ригу для той же церемонии. В три дня князь привел к концу препоручение, на него возложенное, и возвратился в Петербург.

Его царское величество отправил из Петербурга своих генералов, каждого к своей дивизии, и повелел генерал-фельдмаршалу графу Шереметеву вывести в поле полки, назначенные к походу, и самому следовать за ними в Днестру, где вся армия должна была собраться.

С другой стороны повелел он адмиралу и вице-адмиралу, находившимся при его особе, ехать в Азов, а сам отправился в Москву. Там осмотрел он рекрутов, набранных по его повелению, и отправил их к Смоленску, где их ожидал отряд, дабы препроводить в Подолию для распределения по полкам. Царь потом занялся последними приуготовлениями, отправил казну и сам наконец поехал в Польшу, поручив князю Меньшикову надзор над неприятелем в Лифляндии.

24 февраля 1711 года дивизия князя Репнина, стоявшая около Ревеля и Пернова, выступила в поход к Подолии, назначенной сборным местом для всех войск. Барон Аллард, один из искуснейших генералов его царского величества, выступил из Литвы с своею дивизией; то же сделали генералы Вейде и барон д'Энгсберг.

Имев честь быть принят полковником Казанского драгунского полка и бригадиром войска его царского величества, получил я приказание ехать в свой полк и к своей бригаде, находившейся в польской России на зимних квартирах. Я имел дозволение взять из Курляндии драгунов, сколько мне их понадобится, для доставления всего нужного мне и людям моим

lib.pushkinskijdom.ru

во время столь долгого пути: от Риги до Сороки, что на Днестре, к стороне Молдавии, где соединилась армия, считается 266 немецких миль, или 532 французских лье Я повиновался данному мне приказанию и отправился в эту дальнюю дорогу с двадцатью только драгунами. Я ехал на Митаву, Вильну, Новогрудск, Слуцк, Давидоградск (от коего в шести французских лье переправился через Днепр, реку опасную, не имеющую берегов, и разливающуюся направо и налево, на расстояние нескольких лье), потом на Полон, Острог, Мазибушь, Леополь, Замосц, Тарнаполь, Сатанов и Шарград (Разград?), где настиг я армию. Сей последний город был некогда весьма обширен и имел знатную торговлю. Но во время войн Польши с Портою, турки его опустошили; теперь одни развалины свидетельствуют о том, чем был он прежде.

Генерал-фельдмаршал граф Шереметев, вследствие своих повелений, нашел в Бродах всю свою кавалерию, собранную начальником оной, генералом Янусом Фельдмаршал пошел к Могилеву с нею и с пехотными полками Ингерманландским и Астраханским, сопровождавшими его от самой Риги. Тут и переправился он чрез Днестр в трех разных местах и занял Молдавию. Господарь отложился от Порты, передался фельдмаршалу и привел к нему до шести тысяч плохой молдавской конницы; их всадники большею частию вооружены стрелами или полупиками, подобно казакам; все они ужасные воры.

Дивизия генерала Алларта достигла Днестра, первая изо всей пехоты. Вслед за ним прибыли в тот же день генералы Брюс и Гинтер со всею артиллерией и своими полками. Барон Алларт переправился чрез Днестр на понтонах и поспешил занять укрепление в Сороках, чему никто и не думал воспротивиться.

Сорок пять лет перед тем, крепость эта выдержала славную осаду. 40.000 турок и 40.000 татар, под предводительством сераскира, принуждены были после шестимесячных тщетных усилий, со стыдом отступить, покинув лагерь и всю артиллерию, за что сераскир заплатил своею головою.

Генерал Алларт нашел хорошие подземельные погреба, несколько сабель, несколько боченков пороху, но мало съестных припасов.

Il y ordonna des ouvrages extérieurs qu'il traca lui-même et un pont sur le Niester qui eut pour tête le chateau fort bon pour le pays et deux doubles tenailles en queue. [1]

Генерал Алларт, сверх многих других достоинств, есть один из лучших инженеров своего времени Он умеет искусно разведать местные обстоятельства, расположиться лагерем, воспользоваться выгодами и начертать верную карту театру войны

Покамест, по его приказанию, войско занималось работами, генерал-лейтенант Брюс переправил артиллерию под прикрытием неразлучных с нею полков канонерских и бомбардирских; он расположил свой парк влево от укрепления, на полуострове, образуемом рекою.

30 мая дивизия генерала Адама Бейде заняла днестровские высоты в получасе от Сороки, в прекрасной долине, куда прибыл в тот же день генерал-барон Денсберг. На другой ден. 31 мая, генерал князь Репнин стал там же, на левой стороне линии.

Его царское величество из Москвы отправился в польский Ярослав, где, по просьбе его, собраны были королем польские сенаторы, с тем, чтобы принудить, если возможно, республику соединиться с Россиею противу неверных. Но сенаторы решили иначе: положено было республике, держась условий Карловицкого мира, никаким образом не мешаться в эту новую войну, ибо довольно было ей и своих междоусобий.

Не успев в своем намерении, государь отправился в армию в сопровождении генерала Рене, остававшегося в окрестностях Ярослава с частию конницы для охранения особы его величества.

---

[1] Он приказал соорудить внешние укрепления, план которых сам начертил, и мост через Днестр, упирающийся в укрепление, достаточно хорошее для этой местности, и замыкающийся с другого конца двумя двойными бастионами.

lib.pushkinskijdom.ru

12 июня[1] (ст. стиля) государь прибыл на берег Днестра с императрицею, с своими министрами, с казною, с Преображенцами и Семеновцами (les Preobrasenski et Simonowski), своею гвардиею; полки сии, хотя пехотные, но в походе садятся на конь и идут с литаврами, штандартами и трубами (тожь и Ингерманландский и Астраханский). В лагере или в городе им возвращают барабаны.

13 июня, по утру, его величество делал смотр пехоте; после обеда посетил он мост, уже оконченный попечениями генерала Алларта, также и новые укрепления Сороки. Государь был очень доволен. Потом осмотрел он артиллерию и возвратился в свой лагерь.

14-го был у его величества большой военный совет; на нем присутствовали все генералы, которые могли только приехать. И на сем-то совете предприняты были государем, по внушению его министров и русских генералов, меры, произведшие бедствия, которые можно было избежать, если б обратили порядочное внимание на положение, в коем находилось войско, на местные обстоятельства и на состояние земли, в которую готовились вступить; одним словом, если бы его величество согласился с мнением своих *Немецких* генералов[2], которые, кроме его славы и пользы, ничего в виду не имели.

Прежде нежели опишу то, что произошло на знаменитом этом совете, я должен дать вам понятие о состоянии армии. Трудно поверить, чтобы столь великий, могущественный государь, каков без сомнения царь Петр Алексеевич, решившись вести войну противу опасного неприятеля, и имевший время к оной приготовиться в продолжение целой зимы, не подумал о продовольствии многочисленного войска, приведенного им на Турецкую границу! А между тем это сущая правда. Войско не имело съестных запасов и на восемь дней, и могло, если оных не находилось в Молдавии, быть уничтожено не неприятелем, а голодом. Это затруднительное положение известно было всем; генералы, министры, сам государь это знал: комиссары посланы были им в Венгрию для закупки быков, а в Украйну для забрания баранов и муки.

Совет, собранный его величеством на берегу Днестра, и который решил судьбу всей кампании, составляли: великий канцлер граф Головкин, барон Шафиров и господин Сава (Рагузинский) — все трое тайные советники (то же, что во Франции министры), генерал Рене, князь Репнин, Адам Вейде, князь Долгорукий и Брюс (все генералы или лейтенант-генералы). Они составляли партию русских. Партию немцев составляли генералы: барон Алларт и барон Денсберг и лейтенант-генералы барон Остен и Беркгольц. Это разделение на две партии в России признано всеми. Русские, когда им везет, и слушать не хотят о немцах; но коль скоро по своей неопытности попадут они в беду, то уже ищут помощи и советов у одних немцев, и русская партия прячется со стыдом и унынием; ее не видать и не слыхать.

Стали рассуждать о том, что надобно было делать. Войско было собрано, а о турках было не слыхать, как будто бы в мирное время. Правда, несколько тысяч буджацких татар несколько времени пред-сим учинили набег на Русскую Украйну и на землю казаков (en Cozaquie), где они пожгли и ограбили селения, отогнали скот и захватили людей; но при приближении наших полков они уже не смели показываться, и лагерь наш был в совершенном спокойствии. Генерал-фельдмаршал граф Шереметев, стоявший близ Ясс, в самой Молдавии, был точно в том же положении.

Совет начался. Немецкие генералы первые имели честь предложить свое мнение. Они полагали нужным оставаться на берегах Днестра, по двум

---

[1] У Моро поставлено здесь 2 июня: ошибка или опечатка. В журнале Петра Великого сказано: «во 12 день (июня) прибыли (их величества) с гвардией к реке Днестру, где случились с пехотными дивизиями генерала Вейде и Алларта; отселе и от того же числа Петр написал несколько писем. <Примеч. Пушкина>.

[2] Иностранных. См. далее объяснение самого Моро. Как заметно, что здесь говорит иностранец, приверженный к своей партии. <Примеч. Пушкина>.

lib.pushkinskijdom.ru

важным причинам: во-первых, для узнания неприятельских намерений; во-вторых, дабы дать армии отдохнуть после долгого похода. Они представили, что съестные запасы, без которых никакая армия не может существовать, могут быть без больших расходов доставляемы по Днестру; что можно будет устроить магазины в Польше; что, занимая берега Днестра, не должно, однако, оставаться в бездействии, но что, напротив того, надобно итти к Бендерам, которые взять можно в скором времени, укрепить и сделать из них и крепость, и военный магазин en y établissant un pont de communication; что Сорока, находясь уже во власти его величества и будучи укреплена, есть также крепость и магазин; что то же самое можно сделать и в Могилеве (на Днестре), и что таким образом его величество будет иметь три входа в Молдавию, при всех трех переправах через Днестр, и три магазина для своих войск; что турки, будучи принуждены проходить степью, потеряют лошадей, прежде нежели до нас достигнут; что им почти невозможно будет взять наши крепости, защищаемые многочисленным и исправным войском; что вероятно не решатся они их осадить, и того менее переправляться через Днестр и строить мосты в присутствии войск его величества; что если его величество в настоящих обстоятельствах захочет ввести армию свою в Молдавию, то он может ее лишиться и помрачить славу свою; что, по показанию сорокинских жителей, должно, по крайней мере, пять дней проходить необитаемую степь, где нельзя найти ни воды, ни хлеба; что сторона, находящаяся за степью, не изобилует хлебом, ибо оного недостаточно даже на продовольствие жителей, хотя та часть Молдавии мало заселена; что если в Яссах и по ту сторону сего города, и было чем продовольствоваться, то наша конница, стоящая там, в три недели, вероятно, все уже потребила; что пример шведского короля слишком еще свеж, и что не должно отважиться сделать ошибку еще важнейшую, углубляясь в незнакомую землю, о коей все доселе получаемые сведения ничего благоприятного не предвещают.

В заключение, немцы просили его величество быть уверену, что, представляя ему дело, каково оно есть, они не имели ничего в виду, кроме его собственной славы; что когда займем мы берега Днестра и устроим магазины, турки, покусясь на что бы то ни было, утратят свои силы все или отчасти, между-тем как его величество, имея тыл свой свободным, усилит свои войска, будет в состоянии с пользою употребить полки, оставленные в Польше, и после кампании уже безо всякого препятствия проводить неприятеля в его собственную землю, и там расположится по своей воле и приготовится к завоеваниям, прежде нежели турки успеют выйти из зимних своих квартир.

Мнение сие было самое здравое; но русские ему воспротивились. Генерал Рене, хотя родом и курляндец, но по положению своему придерживающийся стороны министров, возразил, что неприлично было бы его величеству защищать реку с такими прекрасными войсками; что в случае истощения запасов, должно будет их достать в самой неприятельской земле; что области греческие, по примеру молдавского господаря, готовы были возмутиться при первом вступлении наших полков в турецкие границы; что, по донесениям генера-фельдмаршала графа Шереметева, за степью до Дуная армию можно будет продовольствовать; что стыдно было бы тратить деньги на построение магазинов, когда можно делать это на счет неприятеля; что надобно войти и углубиться в турецкие земли; что турки будут полу-уничтожены уже и тем, что увидят сильное войско его величества посреди их областей, готовое предписывать им законы; что пример шведского короля здесь вовсе нейдет; что полки наши те же самые, которые разбили его и готовы разбить турков; что таково его мнение, и что славнейшего и полезнейшего способа его царскому величеству избрать не возможно.

С сим мнением согласились русские министры и генералы, и как оно льстило и честолюбивым видам государя, ему охотно последовали, и вопреки благоразумному мнению немцев положено было препраviться через Днестр и войти в степь.

lib.pushkinskijdom.ru

Рассуждая о сем движении, все мы сильно обвиняли тех, которые его присоветывали его величеству. Ясно было, что государь принужден будет отступиться от своих намерений. Но зная, что русский народ склонен к спокойствию, ленив и не любит военных трудов, мы уверены были, что царские министры, опасаясь слишком продолжительной войны, нарочно завлекали государя в неудачу, дабы уменьшить в нем пыл воинский и принудить его к покою. Таково было, по крайней мере, мнение почти всех иностранцев.

---

16 июня, рано утром, дивизии генералов Алларта и Денсберга, выступили в поход; 17-го его величество с Преображенцами, Семеновцами, своими министрами и всею свитою пошел в авангард и вступил в степи. За ним следовал генерал-поручик Брюс с артиллерией. Арьергард составляли дивизия генерала Вейде и конница, приведенная из Ярославля генералом Рене и которую его величество поручил в мое начальство, приказав мне следовать за ним. Дивизия князя Репнина осталась в Сороке для окончания работ и для принятия запасов, которые, по приказанию его величества, должны были быть туда доставлены [1].

Генералы Аллард и Денсберг, вышед из степей, прибыли в лагерь генерал-фельдмаршала, который находился в трех милях от Ясс на выгодном местоположении.

Его величество не долго томился в пустынях; маршируя днем и ночью, достигнул он прекрасной долины, орошаемой Прутом, где и расположил свой лагерь тылом к реке. Он тотчас отправил бочки с водою, на собственных подводах и на лошадях свиты своей, полкам, идущим по степям. Но сие пособие принесло им более вреда, нежели пользы. Солдаты бросились пить с такою жадностию, что многие перемерли. Мы лишились множества людей от безводицы. Жары нестерпимы в сих местах, где видно только небо да горы раскаленного песку, без деревьев, без жителей и без воды [2].

Дивизия Вейдова и артиллерия, после шестидневного перехода чрез ужасные сии пустыни, соединилась с лагерем его величества. 23 июня государь ездил осматривать лагерь генерала-фельдмаршала, и принял в подданство молдавского господаря. С ним было только триста рейтаров. Он пожаловал господарю свой портрет, осыпанный алмазами (что впоследствии времени пригодилось сему турецкому даннику). В тот же вечер его величество возвратился в свой лагерь, а на другой день приказал наводить два моста на Пруте.

Здесь спокойно оставались мы от 22 до 29 июня, как-будто в самое мирное время, ожидая запасов, которые князь Репнин должен был доставать и привезти. 26 фельдмаршал и господарь посетили его императорское величество. Войско стояло в строю. Им отдали честь по всему фронту, и сам государь салютовал саблею, стоя перед Преображенским полком, как генерал-поручик своей армии.

Они приглашены были на торжество, празднуемое ежегодно его величеством в память Полтавского сражения, случившегося 27 июня, по старому стилю.

Все генералы с утра явились к его величеству, дабы вслед за ним отправиться в артиллерийскую церковь, где отслушал он обедню и где придворный священник [3] целых полтора часа говорил проповедь, им сочиненную на случай сего счастливого дня.

Полки выстроены были в боевом порядке и составляли три фаса одного каррея; артиллерия занимала четвертый. После обедни стрельба началась с правой стороны артиллерии и продолжалась по всем фасам; полки

[1] В журнале Петра Великого сказано: «и стояли тут (при городке Сороке) Аллартова дивизия до 20-го июня, а Вейдова и князя Репнина до 22». <Примеч. Пушкина>

[2] Степи Буджацкие не песчаные: они стелются злачной, зеленой равниною, усеяною курганами. Море здесь пользуется правом рассказчика. Правда, что в 1711 году эти степи были голы: трава съедена была саранчею. <Примеч. Пушкина>.

[3] Феофан Прокопович. <Примеч. Пушкина>.

lib.pushkinskijdom.ru

стреляли по мере приближения к ним огня. После того все генералы следовали за его величеством к его палаткам, где, в земле, был утвержден стол необыкновенной длины, и за которым насчитал я до ста-десяти кувертов с каждой стороны.

Его величество находился в центре стола. По правую руку сидел молдавский господарь, по левую граф Головкин, министры, барон Шафиров и Сава (Сава Владислав. Рагузинский); на углах стола генералы, генерал-поручики, генерал-майоры, бригадиры и полковники и прочие, каждый по своему чину, поместились за этим же столом. Кроме Венгерского вина, ничто мне не понравилось. Оно было отличное, то есть то, которое доходило до меня, ибо полковники, сидевшие ниже, пили другое, а подполковникам подносили особливое, капитанам еще хуже, и так далее. (Что показалось мне скупостию, недостойной великого государя). Капитаны Преображенские и Семеновские разносили вина: каждый прислуживал шести персонам, имея в своем распоряжении трех слуг для перемены стаканов и бутылок. Тут-то, милостивая государыня, вино льется как вода; тут-то заставляют бедного человека, за грехи его, напиваться, как скотину. Во всякой другой службе пьянство для офицера есть преступление; но в России оно достоинство. И начальники подают тому пример, подражая сами государю [1].

Императрица, с своей стороны, угощала армейских дам. Почти все иностранные генералы имели с собою своих жен и детей, по той причине, что в случае разлуки срок свидания неизвестен, и что, по недостатку почты, никто от своих не получает известия. Если же и придут письма, то генералы и министры имеют похвальную привычку никогда их не отдавать. Можно переписываться только чрез министров иностранных, но не всегда можно быть с ними в сношении. Я говорю по собственному опыту: в течение четырнадцати месяцев я только мог однажды писать к моей милой графине (которая оставалась в Данциге), и то через барона Лоца, посланника короля польского при дворе его царского величества.

Мало дам явилось к императрице. Генеральша Алларт и генерал-майорша Гинтер одни представились к ее величеству и были милостиво приняты.

Обед государя продолжался целый день, и никому не позволено было выти из-за стола прежде одиннадцатого часу вечера. Пили, так уж пили (on y but ce qui s'appelle boire). Всякое другое вино наверно меня убило бы, но я пил настоящее Токайское, то же самое, какое подавали и государю, и оно дало мне жизнь.

Около пяти часов вечера один из адъютантов князя Репнина привез письма к его величеству. Генерал давал знать, что 4,000 быков, 8,000 баранов и 300 маленьких польских тележек с рожью, мукою (et de grit) отправлены были к нам. Государь тут же распределил, что куда доставить, и приказал тот же час отправить часть в лагерь генерал-фельдмаршалу.

---

28 июня мосты были готовы. Артиллерия потянулась через Прут по мосту, назначенному для двора. Вейдова дивизия переправилась по другому, назначенному для войск, и расположилась лагерем в Ясской долине, в двух милях от прежнего лагеря.

29 июня (по нашему приходится 10 июля, ибо русские держатся еще старого стиля) в день святого Петра, в именины его царского величества, я, следуя обычаю, со всеми генералами пришел поздравить государя. Он принял милостиво наши приветствия и всех нас оставил у себя обедать. Государь празднует и этот день, и обедает с своими министрами и офицерами, когда находится в своей армии.

Около пяти часов генерал-фельдмаршал граф Шереметев приказал мне, чтоб я послал моего адъютанта, стоявшего за мною, посадить ка-

[1] Встарину пили не по нашему. Предки наши говаривали: пьян да умен — два угодья в нем. Впрочем, пьянство никогда достоинством не почиталось. Петр I, указав содержать при монастырях офицеров, отставленных за болезнями, именно исключает больных от пьянства и распутства. <Примеч. Пушкина>.

lib.pushkinskijdom.ru

валерию мою на-конь и велел ей итти вперед к своему лагерю с моим экипажем. Фельдмаршал сказал мне, что мне нужны будут только мои лошади, что я останусь при нем и что он берется быть моим вожатым. Я отдал приказ адъютанту. Кавалерия была в порядке, а экипаж мой заложен. У Русских обыкновенно употребляются телеги, ибо вьючные лошади и лошаки не могли бы выдержать обыкновенные походы их войск (5 à 600 lieux).

Накануне знали, что близь лагеря фельдмаршальского произошло маленькое сражение. 20,000 татар показались на утренней заре и ударили (в рассыпную, по своему обычаю) на передовой пикет, составленный из 600 человек конницы, под начальством подполковника Ропа (de Roop) конно-гренадерского полка моей бригады. Неприятель пробился сквозь отряд, несмотря на все старания командира. Число превозмогло, отряд был окружен отовсюду. Один капитан, родом из Лотарингии, наделал тут чудеса и был убит, к сожалению всех офицеров, знавших его. Подполковник взят был в плен, и убито 250 рядовых. Все это произошло в виду бригадира Шенсова [1] (Ghensof), родом русского, который был отражен с 2.500 человек конницы на подкрепление Ропа и не сделал ни малейшего движения.

Генерал Янус, начальствующий в отсутствие фельдмаршала, при сем случае сделал все, что только было возможно, чтоб исправить сию неудачу и предупредить бо́льшее несчастие. Он велел выехать четырем конно-гренадерским полкам и всячески старался уговорить бригадира Шенсова, чтоб он, по-крайней-мере, хоть показался неприятелю. Но офицер сей отвечал, что он получил приказание охранять лагерь, а не искать неприятелей. Наши конно-гренадеры рассеяли эту сволочь и освободили лагерь (le front du camp).

Никогда генерал Янус не говорил мне без бешенства об этом происшествии и о маневре бригадира Шенсова. А еще должно глотать такие пилюли не морщась и не жалуясь, потому что его величество и фельдмаршал нерхотно выслушивают жалобы и не любят видеть ясные доказательства, чтобы у кого-нибудь из русских недоставало ума или храбрости [2].

Как войска скоро соединятся, то позвольте, милостивая государыня, исчислить вам их силы и познакомить вас с генералами, которые начальствовали полками.

Главнокомандующий — генерал-фельдмаршал граф Шереметев (Его величество во время дела занимает место генерал-лейтенанта).

Дивизия Вейдова состояла из 8 пехотных полков, каждый из 1.400 человек состоящий. Всего 11.200 человек; начальниками оной были: генерал Вейде, генерал-лейтенант Беркгольц (Brecols), генерал-маиоры Голосин (Goloccin) и де-Буш, и бригадиры граф Ламберти и Боэ.

Дивизия Репнина, состоящая из такого же числа полков и людей. Начальники оной: генерал князь Репнин, генерал-лейтенант князь Долгорукий, генерал-маиоры Альфендель и Бом и бригадиры Буш и Голицын.

Дивизия барона Алларта, во всем равная двум первым, была под начальством генерала Алларта, генерал-лейтенанта барона Остена и бригадиров Стафа и Лессе.

Дивизия барона Денсберга, также равная другим, находилась в команде генерала барона Денсберга и бригадира барона Ремкимга (Remquimgue), его зятя.

Не худо заметить, что русские дивизионные начальники имели комплектное число подчиненных им генералов; немцы же оного не имели; особенно барон Денсберг, у которого не было ни генерал-лейтенанта, ни гене-

[1] Таковой фамилии нет ни в книгах нашего дворянства (старинного), ни в списках офицеров того времени. Кажется, дело идет о Шневищеве, одном из начальников драгунских полков, набранных в 1699 году. <Примеч. Пушкина>.

[2] Благодарим нашего автора за драгоценное показание. Нам приятно видеть удостоверение даже от иностранца, что и Петр Великий и фельдмаршал Шереметев принадлежали партии *русской*. <Примеч. Пушкина>

lib.pushkinskijdom.ru

рал-майоров, а только один бригадир, зять его. Это происходило от черного коварства генерал-фельдмаршала, не любившего иностранцев, какой бы нации ни были, и не подавшего им никакой помощи, нарочно для того, чтоб вводить их в ошибки и чтоб иметь случай упрекать его царское величество за привязанность его к иноземцам. Однакож барон Денсберг есть тот самый, который с таким великодушием и храбростию защищал Кельскую крепость, осаждаемую герцогом Виллером в начале прошедшей войны. Он доказал, что был достоин начальствовать не только двенадцатитысячным отрядом, но и целыми армиями.

Полки Преображенский, Семеновский, Ингерманландский и Астраханский, составляли 15 баталионов, всего 15.000 человек, и были под начальством самого его царского величества, генерал-лейтенанта князя Голицына и бригадира графа Шереметева (сына фельдмаршала); сюда же принадлежали полки канонерский и бомбардирский, каждый из 1.500 человек состоявший.

Дивизия генерала Януса, состоявшая из 8 полков, каждый из 1.000 человек, была под начальством помянутого генерала, генерал-маиоров Волконского и Вейсбака и бригадиров Моро-де-Бразе, графа Лионского и Шенсова.

Дивизией Рене, равной по числу полков и людей, начальствовали генерал Рене, генерал-маиоры Витман и Шариков (Cherieof), самый образованный, вежливый и любезный изо всех мне знакомых русских, и два бригадира.

Еще один драгунский полк, составлявший гвардию князя Меньшикова, не соединился с армией и остался в Яссах с 2.000 избранных фузиляров, между тем как войско двинулось в Молдавию.

Гвардейский эскадрон его царского величества, состоящий из 300 рейтаров (maitres, reitres?), сопровождал государя в его поездках и другой службы не нес.

Все сии отряды составляли на Днестре 79.800 наличного войска. Каждый полк был укомплектован призванными рекрутами.

Артиллерия состояла из 60 пушек разного калибра, от двадцати до четырех-фунтовых, из 16-ти понтонов на телегах и из 200 подвод с ящиками пороховыми, не считая телег, нагруженных бомбами и ядрами.

Кроме сей артиллерии, в каждом полку пехотном и конном находились четыре малые орудия двух и трех-фунтовые. Они всегда следуют за полком с малыми своими ящиками и с нужными офицерами. Их зовут корпусными детьми (ce qu'ils appelent les enfants des corps) [1].

При каждом полке находятся также малые телеги с аммуницией, которая, в случае нужды, всегда под рукою, что очень хорошо придумано и достойно похвалы.

Таковы были силы его царского величества. Здесь не считаю 10.000 казаков и 6.000 молдаван, годных только для опустошения земли, как и татаре. Сей армии было бы весьма достаточно, чтобы управиться с турками, если б ею хорошо предводительствовали, если б во время ввели ее в неприятельские земли и если б ее не разделили, как вы впоследствии увидите.

29 июня его царское величество сидел за столом до семи часов вечера. Встав изо стола, держал он совет. Генерал Рене предложил отрядить 15,000 человек в Валахию, хорошую сторону, в которой всего было много и которая могла продовольствовать армию. Он утверждал, что валахский воевода [2], будучи одной нации и одного исповедания с молдавским господарем, не замедлит покориться, соединит войско свое с войсками его величества и доставит нам жизненные запасы.

Генерал-поручик Беркгольц был единственный немец на сем совете. Он сильно воспротивился предложению генерала Рене, по причине той, что

---

[1] Кадеты? <Примеч Пушкина>

[2] Бранкован, господарь Валашский, еще прежде Кантемира, был с Петром в переговорах, и обещал ему с ним соединиться. <Примеч. Пушкина>

lib.pushkinskijdom.ru

турки побеждали всякий раз, как против них войска действовали отдельно. Он привел в пример принца Карла V (Лотарингского), который во второй поход, после снятия Венской осады, разделил на четыре отряда свое войско, дабы удобнее оное продовольствовать, и видел, как турки разбили все четыре отряда один за другим, не могши подать им никакой помощи. Но все его рассуждения пропали втуне. Было положено отрядить войско, а начальство поручено генералу Рене, как подавшему первый на то совет. Кроме сих 15,000 отряженных в Валахию [1], 4,000 должны были оставаться в Сороке, дабы сберегать нам отступления и для сопровождения провианта, в случае, еслиб мы остались в Молдавии; 2,000 в Могилеве, через который можно было бы воротиться в случае неудачи, да 3,000 в Яссах, для охранения Молдавии и для удержания жителей в повиновении.

Фельдмаршал с 9-ти часов вечера сел верхом, и я, вслед за ним, прибыл в его лагерь. Господарь остался с его царским величеством. Он был среднего роста, сложен удивительно стройно, прекрасен собою, важен и с самой счастливой физиономией. Он был учтив и ласков; разговор его был вежлив и свободен. Он очень хорошо изъяснялся на латинском языке, что было весьма приятно для тех, которые его разумели.

Мы догнали мою конницу в версте от фельдмаршальского лагеря, куда и прибыли в 4 часа утра. Тут увидел я в первый раз летучих кузнечиков (саранчу). Воздух был ими омрачен: так густо летали они. Не удивляюсь, что они разоряют земли, через которые проходят, ибо в Молдавии видел я иссохшее болото, покрытое высоким тростником, который съеден был ими на два вершка от земли.

Остальной лагерь его величества перешел через Прут 30 июня. Мост, через который переправился государь с своею свитою, был тотчас разобран; другой оставлен под охранением 500 гренадеров для дивизии князя Репнина, которую ожидали.

Фельдмаршал, возвратясь в свой лагерь, велел призвать бригадира Шенсова и высказал ему все, что заслуживало его гнусное поведение, о котором донесено ему было при его приезде одним драгунским полковником моей бригады. Он приказал бригадным маиорам отрядить по 20 человек с каждой бригады для устроения двух мостов, находившихся в тылу нашего лагеря, дабы ему беспрепятственно можно было, в случае нужды, итти соединиться с его величеством. Это стоило труда, потому что мосты наведены были на малых челнах, из выдолбленных пней, кое-как собранных по берегам Прута. Медные понтоны оставались при его величестве для надобностей его собственных. Того же самого числа (30 июня) генерал Рене прибыл к фельдмаршальскому лагерю и собрал полки, долженствовавшие итти в Валахию под его начальством. Он выступил на другой день по утру и уже в армию не возвращался. Он соединился с кавалерией уже в польской России, после кампании, когда армия там отдыхала.

В лагере его царского величества и в фельдмаршальском оставались в бездействии до самого 7 июля. В сей день фельдмаршал получил от государя приказание оставить постепенно лагерь и перевести свою малочисленную армию за реку, находившуюся у него в тылу. Фельдмаршал ездил осматривать долину, назначенную им для нового лагеря, и возвратясь, в тот же день отдал в приказе, что полки станут переправляться один после другого во избежание смятения, могущего произойти на мостах в случае, если войска выступят все в одно время.

Генерал Янус, на которого возложено было исполнение сего, взял с собою бригадира Шенсова, дабы в случае нападения от неприятеля во время переправы, иметь достаточную причину не употреблять офицера столь ненадежного. Он оставил его у моста, с двумя маиорами и 20-ю драгунами, для надзирания за исправностию в исполнении приказов.

8 июля, на утренней заре, экипажи барона Денсберга, с несколькими полками, переправились по мосту, назначенному для пехоты. Между тем,

[1] У Рене было восемь драгунских полков (5.056), баталион Ингерманландцев, да 5,000 молдаван. <Примеч. Пушкина>

lib.pushkinskijdom.ru

экипажи генерала Януса потянулись было по мосту, назначенному для кавалерии. Но фельдмаршал, сам заблагорассудив оставить лагерь, приказал переправить прежде свои, а остальным экипажам генерала Януса не позволил переправиться прежде полков Астраханского и Ингерманландского с их обозами. Фельдмаршал во всяком случае рад был делать неприятность иностранным генералам.

9 июля с утра войско и обозы потянулись, и только малая часть успела переправиться, как более 30,000 татар явились перед лагерем. Войско остановили и тотчас выстроили в боевом порядке, под прикрытием рогаток. Пикет отозвали; по приказанию генерала Януса, два баталиона гренадер поставлены были на оба фланга, и в сем расположении стали ожидать приближения татар, дабы угостить их картечью из тридцати орудий. Фельдмаршал, генерал барон Денсберг, генерал-лейтенант барон Остен и бригадир барон Ремкинг приехали из нового лагеря, где они находились с прошедшего дня. Фельдмаршал был очень доволен мерами, принятыми генералом Янусом для защищения старого лагеря в случае нечаянного нападения. Он отослал генерала Денсберга с его бригадиром к новому лагерю, для охранения оного, а в старом оставил только генерал-лейтенанта Остена под начальством генерала Януса, с полками, не успевшими еще переправиться. Их было довольно против и вдвое-большего числа татар.

Но как они час-от-часу умножались, то фельдмаршал приказал казакам и молдаванам (находившимся в новом лагере) прогнать и преследовать неприятеля. Они пустились с быстротою неимоверною, но которая час от часу более и более ослабевала. С обеих сторон все кончилось скаканием, да кружением.

Один капитан, родом венгерец, вступивший в службу его царского величества, так же как и многие из его соотечественников, после падения его светлости принца Рогоци, находился в лагере с несколькими венгерцами, в надежде быть употребленным в дело. Он уговорил отряд казачий поддержать его, обещаясь доказать, что не так-то мудрено управиться с татарами. Казаки обещались от него не отставать. Он бросился с своими двенадцатью венгерцами в толпу татар и множество их перерубил, пробиваясь сквозь их кучи и рассевая кругом ужас и смерть. Но казаки их не поддержали, и они уступили множеству. Татары их окружили, и все тринадцать пали тут же, дорого продав свою жизнь; около их легло 65 татар, из коих 14 были обезглавлены. Всех менее раненый из сих храбрых венгерцев имел 14 ран. Все бывшие, как и я, свидетелями их неуместной храбрости, сожалели о них. Даже наши конные гренадеры, хотя и русские, т. е. хоть и не очень жалостливые сердца, однакож просились на коней, дабы их выручить; но генерал Янус не хотел взять на себя ответственности и завязать дело с неприятелем[1].

Пока татаре привлекали на себя наше внимание, генерал Янус, предвидя, что наше отступление могло быть обеспокоено еще бо́льшим числом татар и даже самими турками, приказал переправить все корпусные экипажи, всех лошадей драгунских и прочей кавалерии и остальные экипажи офицеров, дабы тем удобнее отступить до нового лагеря теснинами, ведущими к мостам, что и производилось во весь тот день и в ночи.

Между тем татаре, не видя никакого движения в лагере, где полки наши стояли все еще в боевом порядке за рогатками, ожидая смело их нападения, около третьего часа пополудни отступили, наскакавшись вдоволь, и, таким образом, дали генералу Янусу возможность безопасно переправиться в новый лагерь, куда вступил он самый последний (10 июля).

Он приказал разобрать оба моста и караулить лодки. По нашу сторону реки они могли пригодиться. К ним нарядили капитана с двумястами гренадер.

---

[1] Кажется, русские варвары в этом случае оказались более жалостливыми, нежели иностранцы, ими предводительствовавшие. <Примеч. Пушкина>.

lib.pushkinskijdom.ru

Того же дня фельдмаршал отдал приказ отрядить по 200 человек с бригады для делания фашинных мостов через большой и глубокий ручей, называемый Малым-Прутом, и протекавшим во сте шагах от нашего нового лагеря, дабы в случае нужды можно было тотчас выступить.

Мосты поспели к полудню 11 июля. В 5 часов вечера, один из генерал-адъютантов его царского величества привез фельдмаршалу приказ, вследствие коего мы 12 июля оставили лагерь, и в одной миле от оного нашли его царское величество. Вся армия там соединилась и таким образом расположилась вся на одной линии. Царь с полками Преображенским, Семеновским, Астраханским и Ингерманландским стоял по левую сторону, и следственно в авангарде. Дивизии Алларта, Денсберга, Януса со всею остальною кавалерией, Брюс с артиллерией и Вейде стояли на правой руке, лицом к горе и имея Прут у себя в тылу.

13-го армия пошла в поход, принимая влево. Экипажи составляли вдоль Прута вторую колонну. Мы прошли три мили до ночи и расположились лагерем, приняв вправо (en faisant à droite). Пространство между рекою и горами не позволяло нам расшириться и составить две линии. Мы стали в том порядке, как стояли наканупе и как целый день маршировали (т. е. в одну линию).

14-го мы подвинулись еще на три мили, не видав ни города, ни деревни, но кое-где близь лесов рассеянные лачужки, которые показались нам жалкими обителями. Это нас удивило, тем более, что на наших картах по берегам Прута назначено было множество городов и деревень. Мы стали лагерем так же, как и в предыдущие два дни.

15-го армия прошла еще три мили; но переход через крутую гору, находящуюся на самом берегу реки, остановил войско. Мы достигли места, назначенного для лагеря, не прежде как в три часа пополуночи. Мы в тот день видели за сей горою старинную могилу одного молдавского государя. Она имела вид четвероугольной пирамиды, будучи гораздо шире в основании, нежели в высоте.

Молдаване, следовавшие за армиею, из коих многие хорошо говорили по-латыни, рассказали нам о ней следующее предание:

Государь, покоящийся в сей могиле, был великий воин, но несчастный во всех своих предприятиях. Учинив нападение на земли одного из своих соседей, он привлек его в свои собственные владения. Оба войска сошлись и сразились в той долине. Кровопролитная битва длилась два дня. Молдавский государь остался победителем; неприятельское войско было им истреблено или захвачено в плен, а противник его найден был между мертвых тел, пронзенный одиннадцатью стрелами. Но победитель, в то самое время, как приносил богу благодарения, умер от раны, полученной им в том сражении, и которой он сгоряча не почувствовал. Он не имел детей, и войско избрало себе в государи одного из своих начальников. Первым повелением нового государя было каждому воину, каждому молдавскому жителю и каждому рабу принести на три фута земли на сие место. Он после того воздвигнул эту земляную пирамиду, в средине коей находится комната со сводом. Там похоронено тело его предшественника, а комната наполнена сокровищами, принадлежавшими его врагу. — Потом вход в комнату был заделан и пирамида окончена. На вершине ее находилась площадка, сохранившаяся доныне; на ней возвышался трофей из оружия убитых, ныне уже не существующий. Повествователь присовокупил, что все из государей, властвовавших потом, которые хотели проникнуть в сокровенную комнату, умерли прежде, нежели могли вынуть хоть один камень заграждавшего входа. Курган показался нам тщательно покрытым дерном. Мы спросили у нашего молдавана: кто смотрит за могилою? Он отвечал, что жители, поселенные кругом в трех милях отселе, ежегодно в марте и в сентябре месяце приходят стричь могилу ножницами, подобными тем, кои употребляются нашими садовниками. Он прибавил, что когда того не делают, тогда бывает неурожай. В заключение, он нас уверял, что с тех пор, как саранча напала на их землю, всё было ею разорено, кроме пространства, заключенного в этих трех милях окружности, куда она не залетала, хотя была везде, и с боков и сзади.

lib.pushkinskijdom.ru

Этой истории и ее последствиям мы поверили только отчасти хотя повествователь и хвалился быть дворянином и военным человеком.

16-го его царское величество приказал выслать 1.000 человек конных гренадер, под начальством г. полковника Ропа, с двумя вожатыми, данными царю самим господарем, следовавшим за его величеством со всем своим молдавским двором. Полковник Роп имел повеление изъездить всю сторону, находившуюся влево от армии, вдоль Прута, дабы удостовериться, возможно ли неприятелю напасть на нас с тыла? Он возвратился вскоре и объявил нам, что капитан, наряженный с двумя-стами гренадерами для охранения лодок, составлявших мосты фельдмаршальского лагеря, и который подвигался вместе с армией, был убит, а с ним и все его люди. Жители, бывшие при полковнике, видели его за две мили от лагеря и показали ему побоище. Они сказывали, что татаре, в числе 20.000, переправились через реку, каждый держась за хвост своей лошади, и неожиданно напали на капитана в одной теснине, где он и погиб с своим отрядом.

Это заставило его царское величество расположить вдоль реки гренадерские взводы в некотором расстоянии один от другого, имевшие между собою коммуникацию и начальствуемые одним подполковником, двумя капитанами и четырьмя поручиками.

В тот же день генерал князь Репнин, сделав усиленный переход, стал на той же линии и занял правую руку или арьергард.

Армия наша, вся вместе состоявшая из 79.800 человек, не считая казаков и молдаван, и по отряжении войск в Валахию и на охранение Сороки, Могилева и Ясс, все еще составлявшая 55.000, уже не составляла и 47.000, как то оказалось на смотру, сделанном 17 июля по приказанию государя: следствие беспрестанных трудов, перенесенных полками, из коих пехотные шли без отдыха от самого 24 февраля (нов. ст.). По счастию, смертность пала по большей части на одних рекрут, которые видимо таяли. Это могу я доказать моими табелями, которые я сохранил. Из всех четырех полков моей бригады, составлявших 4.000 человек, на сем смотру 724 оказались убывшими, из коих только 56 убиты в помянутом сражении при пикете.

17-го генералу Янусу повелено быть готову выступить рано утром со всею нашею конницею и с генералами, ею начальствовавшими, и явиться за час перед светом в палатки его царского величества, дабы получить от него приказания касательно того похода. Как я имел честь приносить ему приказы и всякий день приходить узнавать от него, не было ли чего прибавить для бригады, то я явился к нему. Он просил меня приехать за ним на другой день за полтора часа до свету и сопроводить его к царю, к чему я с охотою и приготовился. И так 18-го перед светом явились мы к его царскому величеству.

Государь отдал генералу свои повеления, и как ни он, ни я по-русски не разумели, то его величество повелел их объяснить на французском и немецком языке, и вручил нам тот же приказ, писанный по-русски с латинским переводом на обороте.

Приказ состоял в том, чтобы нам итти по реке Пруту восемь миль (или 16 лье) до того места, где турки, по донесениям скороходов или шпионов (coureurs ou espions), должны были наводить свои мосты. Если бы генерал их нашел, то должен он был на них ударить и уничтожить их работу, коли только мосты не могли нам пригодиться и остаться в наших руках. Во всяком случае он должен был известить обо всем государя через четырех драгунов, посланных <через> полчаса один после другого. В случае же, если турков не встретим, то итти к Дунаю и там остановиться, о чем также донести.

Выслушав приказ и хорошо его поняв, мы приступили к исполнению оного, хотя генерал и я не без смеху видели, что употреблены были драгуны и кавалерия на атаку укрепленных мостов (tête de pont). Мы выступили из лагеря в 5 часов и пошли по одной линии, эскадрон за эскадроном. Экипажи наши тянулись в другую линию вдоль берега Прута, во избежание нечаянного нападения. Мы отрядили вперед на довольно

lib.pushkinskijdom.ru

большое расстояние двух конных гренадер с обнаженными палашами, за ними шестеро других с одним унтер-офицером, и подкрепили их двумя стами рейтаров (? maîtres), дабы могли они выдержать первые выстрелы и дать нам время с выгодою атакозать неприятеля. В таком порядке как мы, так и наш обоз, шли без помешательства и довольно скоро. Около 11-ти часов утра, прошед не более как 2 мили (или 4 французских лье), вдруг очутились мы совсем неожиданно, в теснине весьма узкой, ибо река протекала ближе к горе, около которой мы всё еще тянулись. Генерал Янус, г. Видман (генерал-маиор) и я поехали к передовому отряду гренадер, которые остановились и дали нам знать, что чем далее они ехали, тем уже становилась дорога.

Генерал Янус приказал войску остановиться для отдыха, и мы отправились высматривать местоположение. Земля, неприметно возвышаясь, закрывала от нас сторону, находившуюся перед нами. Когда достигли мы последней точки сего возвышения, увидели перед собою широкую долину и, казалось, весьма гладкую, а вдали множество белых голов, скачущих по долине с большою ловкостию и быстротою. Мы тотчас съехали влево, в густоту дерев, растущих на берегу Прута. Мы подъехали как можно ближе к неприятелю и наконец усмотрели два укрепления (deux têtes-de-ponts fraisées et palissadées en forme de demi-lune) защищаемые множеством пехоты, которую признали мы впоследствии, по ее колпакам, за янычаров. За ними увидели мы два готовые моста, через которые крупной рысью переправлялась конница и соединялась с тою, которая находилась уже в долине.

Высмотрев все добрым порядком, все вместе и каждый особо: генерал Янус, Видман и я, мы возвратились рысью тою-же дорогою и соединились с нашими полками. Тут мы держали совет все трое между собою, ибо генерал не имел никакой доверенности к князю Волконскому и к Вейсбаху (генерал-маиорам), а того менее к бригадиру Шенсову.

Нечего было терять времени. Мы решились спешить нашу конницу и выстроить ее в карре, поставя экипажи в средине. Генерал написал письмо к государю. Мы перенесли нашу маленькую артиллерию в арьергард и на оба фланга, между третьим и чствертым рядом (войско выстроено было в 4 шеренги). Мы приказали артиллерийским офицерам зарядить пушки картечью, а конным гренадерам, составлявшим наш арьергард (или фронт каррея со стороны турок), не стрелять, без приказания, что бы ни случилось и лечь на брюхо при первой команде. Когда наши 32 орудия были установлены, тогда мы вывели из рядов слабых и больных солдат, большею частию рекрут, и приказали им держать лошадей, находившихся, как и экипажи, в центре каррея. Мы препоручили авангард князю Волконскому, правый фланг авангарда Вейсбаху, величайшему трусу во всей Германии, а левый бригадиру Шенсову. Видман и я, по воле генерала, остались при его особе.

Отроду мы не видывали офицеров столь смущенных, как наших трех авангардных генералов. Беспокойство их очень забавляло нас в арьергарде и вселяло в нас истинную к ним жалость.

В сем порядке мы двинулись, дабы возвратиться туда, отколе мы пришли (?). Генерал Янус, Видман и я дивились исправности сведений, доставляемых его царскому величеству его шпионами: в двух милях от лагеря находили мы два моста, наведенные и укрепленные, когда предполагали найти их еще только начатыми в 8-ми милях, и то не наверное. Вдруг драгун, оставленный нами в тылу, выстрелил вместо сигнала и прискакал к нам. Мы скомандовали полуоборот направо арьергарду, полуоборот вправо и влево флангам, и таким образом составили фрунт со всех четырех сторон. Только-что успели выстроиться, как увидели мы две толпы в чалмах, скачущие треугольником и ревущие во все горло, как бешеные, думая нас уничтожить. Но как скоро они приближились, первый ряд наших гренадеров лег на земь, и мы встретили их залпом из 12 орудий миниатюрной нашей артиллерии, что удержало их стремление, охладило их пылкость и лишило их очень многих товарищей. Однакож это не помешало им нас окружить. Но, встретя со всех сторон отпор и видя, что на-

lib.pushkinskijdom.ru

падать на нас опасно, они довольствовались тем, что издали досаждали нам и огнестрельным оружием, и своими стрелами.

Здесь, милостивая государыня, должен я вам чистосердечно признаться, что будучи приучен к огню шестью генеральными сражениями и четырнадцатью осадами, при коих присутствовал я с тех пор, как служу, между прочими при осаде Монмелияна в 1691 и Намура в 1692, я столько опасаюсь огня, сколько то надлежит человеку доброму и твердому; но мысль о стрелах была для меня столь ужасна, что я внутренне боялся их, того не показывая. Однакож, когда я увидел их малое действие, я к ним привык и стал смотреть на них, как на чучела, стыдясь моего панического страха.

Было два часа по-полудни на наших часах, как турки к нам приближились и с нами поздравствовались. С той поры до десяти часов вечера более пятидесяти тысяч их сидели у нас на шее, не смея ни ударить на нас, ни расстроить нас. Единственный их успех состоял в замедлении нашего марша. Они так часто нас останавливали, что от двух часов до десяти прошли мы не более как четверть мили. Ночью, однако, сделали они важную ошибку, которой мы и воспользовались, не имея никакой охоты пропустить случай соединиться с нашим центром, т. е. со всею армией: они все, без изъятия, при наступлении ночи ретировались в ту сторону, откуда явились. Заметив сие, генерал отправил адъютанта на лучшей своей лошади с донесением государю обо всем, что произошло с тех пор, как имел он честь писать его величеству. Он решился итти ночью, как можно поспешнее, и мы прошли более мили довольно скоро и безо всякого препятствия. Теперь признаюсь, что если бы господа белые колпаки отрезали нам дорогу, выставя пред нами толпу своей конницы и оставя таковую же у нас в тылу, то мы принуждены были бы ночью стоять и, может быть, не успели бы на другой день соединиться с нашей армией и были бы принуждены уступить усталости, если уж не силе.

Турки догнали нас на рассвете в бо́льшей силе, нежели накануне, но всё без пехоты и без артиллерии. Они беспокоили нас стрельбою беспрерывною. Около 5 часов утра увидели мы пехоту, приближающуюся к нам на помощь и которая гордым и медленным своим движением вселила робость в скакунах и наездниках: генерал барон Денсберг со всею дивизией шел на обеспечение нашего отступления. Корпус его соединился с нашим; он сменил наших конных гренадер, находившихся беспрестанно в арьергарде, двумя своими гренадерскими баталионами и дал почувствовать неприятелю беспрерывным и сильнейшим огнем, что не так-то легко было нас смять и помешать нам соединиться с армиею [1].

Армия его царского величества не ожидала, когда мы выступали, чтобы мы к ней возвратились с таким прекрасным и многочисленным обществом. Однако так случилось, к величайшему нашему сожалению, и едва вступили мы в лагерь, как увидели противоположную гору покрытою неприятельскими полками.

Генерал-фельдмаршал тремя пушечными выстрелами дал сигнал всей линии выстроиться в боевом порядке, что и было тотчас исполнено. Как турки подступали с левой стороны, то Преображенцы, Семеновцы и полки Ингерманландский и Астраханский вытерпели по большей части огонь неприятельский и во весь тот день почти не имели покоя.

Я не говорил, милостивая государыня, о потере, претерпенной нами во время отступления, и, может быть, полагаете вы, что мы никого не потеряли. Это было бы слишком счастливо. Довольно уж и того, что мы не погибли под усилиями пятидесяти тысяч человек, сражавшихся противу 8 и менее. Мы лишились одного подполковника, двух капитанов, трех по-

---

[1] Петр негодовал на генерала Януса; в журнале его сказано: «и конечно мог оный Янус их задержать (турков), ежели б сделал так как доброму человеку надлежит». Но, как замечает генерал Бутурлин в истории русских походов, ничто не могло помешать визирю перейти Прут повыше того места и стать в тыл русской армии. <Примеч. Пушкина>

lib.pushkinskijdom.ru

ручиков. Ранены были: подполковник моего полка, два поручика и триста с чем-то драгунов и других конных рядовых; раны большею частию были легкие. Генерал барон Денсберг потерял одного пехотного полковника, о котором весьма сожалели, семь или восемь раненых офицеров, 160 рядовых убитыми и 246 ранеными — все это менее чем в два часа с половиною времени. Нет сомнения, что весь наш отряд был бы истреблен, если бы неприятель ранее мог нас заметить. Но он дал нам время выстроиться в карре, что и способствовало нам удержаться и спасло нас от смерти или рабства.

Около пяти часов вечера, 19 июля, его царское величество приказал призвать своих генералов, дабы советоваться с ними о том, на что надлежало решиться. Генералы: Янус, Аллларт, Денсберг, генерал поручики Остен и Беркгольц явились, но ни один из генералов русских, ни из министров его величества не показались. Даже и генерал-фельдмаршала тут не было. Генерал Янус взял меня с собою, и таким образом был я свидетелем всему, что ни происходило. На сем-то совете генерал Янус упрекнул его величество в небрежении, оказываемом иностранным его генералам, к которым прибегали только тогда, как дела были уже в отчаянном положении. Он сказал, что неслыханное дело, чтобы он, будучи начальником всей кавалерии и первым генералом армии, не был заранее уведомлен о предположениях всего похода. Он жаловался потом на неуважение министров и русских генералов и в заключение сказал его царскому величеству, что те же самые люди, которые завлекли его в лабиринт, должны были и вывести. Все иностранные генералы с большим удовольствием слушали генерала Януса. Царь всячески старался обласкать его, и так убедительно просил от него советов, что не на шутку стали думать об исправлении запутанного положения, в котором находилась армия.

Турок, слишком приближившийся к нашему левому флангу во время нашего отступления, схвачен был шестью нашими конными гренадерами и приведен к генералу Янусу, который приставил к нему строгий караул и тотчас по вступлении в лагерь отослал его к государю.

Пленного допросили. Он показал, что турецкая армия состояла из ста-пятидесяти тысяч, т. е. из 100,000 конницы и 50,000 пехоты, что вся конница должна была к вечеру соединиться, но что пехота, при которой находилось 160 артиллерийских орудий не могла прибыть прежде, как к завтрашнему дню около полудня.

По сим известиям, после оказавшимся достоверными, приняты были в совете следующие меры:

Положено было армии воротиться назад, устроясь в карре и оградясь рогатками; экипажи, конница и артиллерия должны были оставаться в центре, и в таком порядке надлежало было стараться по возможности совершить небесславное отступление. Недостаток конницы более всего мог нам повредить. Наши лошади были совсем изнурены, а турецкие свежи и сильны.

Отдан был приказ вследствие сих положений. Армия все еще находилась в боевом порядке, на одной линии, с своими рогатками перед собою. Повелено было всем генералам и офицерам уменьшить по возможности свои экипажи и жечь всё ими бросаемое.

При наступлении ночи государь, государыня императрица, министры и весь двор перенеслись на правую сторону с левой, которая стала авангардом. Между тем готовились устроить батальон-карре, что и сделано было в ночь. Гора, по которой рассеяна была турецкая конница, явилась нам вся в огнях, разложенных неприятелем.

Ненужно сказывать вам, что ночь эта прошла в смятении и беспорядке. Мы видели, что турки на горе то двигались вперед, то шли назад, и не могли судить о их намерении иначе, как наугад. Генерал барон Аллларт, генерал барон Остен и я, мы занимали тот же пост и находились близко друг от друга. И как главным предметом была для нас гора, занимаемая неприятелем, то мы только и старались понять, что происходило там и к чему клонились эти марши и контр-марши, замеченные нами перед наступлением ночи. Мы подумали, что намерение неприятеля было окружить

lib.pushkinskijdom.ru

нашу армию и напасть на нее со всех сторон. Это казалось нам очевидно по движению полков, которые возвращались к тому месту, откуда пришли, дабы обойти левый наш фланг и растянуться вдоль берега Прута, с коего имели предосторожность снять все наши посты.

Неприятелю легче было судить о наших движениях. Он стоял над нами на высоте и лагерь наш был освещен, как среди белого дня, бесчисленным множеством фур и телег, сожигаемых вследствие повеления.

В эту ночь не прошли мы четверти мили. Мы осмотрелись уже на рассвете, и тогда только увидели опасность, в которой находились. Постарались исправиться, каждый на своем посту. Одной только важной ошибки, сделанной князем Репниным, не могли исправить прежде целых шести часов.

Генерал сей начальствовал правым флангом нашего карре и не рассудил, что, как ни медленно подвигалась голова отряда, хвост его непременно должен следовать за нею рысью и вскачь, дабы не отставать; он прошел усиленным маршем, думая, что все дело состояло в том, чтоб уйти как можно далее. Таким образом разрезал он фланг, и чем далее подвигался, тем шире становился промежуток, им оставленный.

Экипажи, заключенные в центре, растянулись на просторе, полагая себя огражденными рогатками, и так-то растянулись, что большая часть отделилась от батальона-карре и шла в степи безо всякого прикрытия. Турки, заметив оплошность и видя, что экипажи составляли угол, незащищенный никаким отрядом, скользнули вдоль правого фланга под нашим огнем, отрезали все экипажи, вышедшие из батальона, и захватили их. Экипажей было тут довольно: более двух тысяч пятисот карет, колясок, телег малых и больших попались в руки неприятелю. Здесь-то, милостивая государыня, потерял я свою карету и весь свой обоз. Я успел спасти только une petite paloube с моим бельем и платьем довольно порядочным.

Несколько дам были умерщвлены с детьми своими в каретах. Жена полковника Ропа, взятого в плен в сражении при пикете, погибла с тремя своими детьми. Почти все слуги, управлявшие экипажами или тут же замешавшиеся, имели ту же участь.

Ошибка князя Репнина была замечена, но слишком поздно. Послан был к нему один из адъютантов его величества с повелением остановиться. Между тем выставили несколько артиллерийских орудий в промежуток правого фланга, дабы отогнать неприятеля и воспрепятствовать ему прорваться. Целых пять часов употреблено было на исправление ошибки непростительной для генерала. Турки, окружавшие нас со всех сторон и с утра самого не оставлявшие нас в покое, усилили огонь во время долгого нашего разтаха.

Это было причиною тому, что турецкая пехота и артиллерия в течение дня успела нас догнать.

Генерал барон Аллард был легко ранен в руку; зять его подполковник Лиенро (Lienrot) ранен был смертельно близь него; генерал-маиор Волконский также. Все трое были на левом фланге, на углу фрунта арръергарда (près de l'angle du front de l'arrière garde). Генерал-лейтенант барон Остен ранен был в правое плечо, что не помешало ему надзирать за безопасностию своего поста, где чрезвычайно стало жарко, когда догнала нас турецкая пехота.

Около пяти часов вечера фрунт нашего батальон-карре дошел до реки Пруга. Его величество приказал остановиться и выстроиться. Арръергард, сделав полуоборот направо, стал нашим правым флангом, а правый фланг левым. Едва успели мы произвести сие нужное движение, как турки уперлись своими обоими флангами к реке и заключили нас с трех сторон двойною линией, расположенной полукружием. Несколько времени спустя, горы, находящиеся по той стороне реки, заняты были шведами, поляками Киевского Палатина и буджацкими татарами.

Выстроенные в батальон-карре и со всех сторон обращенные лицом к неприятелю, мы завалили землею наши рогатки, и пока часть полков по-

lib.pushkinskijdom.ru

гребала нас, остальная производила беспрестанный огонь на неприятеля который с своей стороны также укреплялся.

Около семи часов, как я возвращался к генералу Янусу, начальствовавшему на правом фланге, где находился и мой пост, исполнив данное им поручение, я был ранен пулею в правую руку, но довольно легко, и мог остаться на своем месте, где люди падали в числе необыкновенном, ибо неприятельская артиллерия почти не давала промаха. В восемь часов вечера три орудия были у меня сбиты. Его величество, посетивший мой пост, как и прочие, приказал их исправить в ночь и к ним присовокупить двенадцатифунтовое орудие.

Могу засвидетельствовать, что царь не более себя берег, как и храбрейший из его воинов. Он переносился повсюду, говорил с генералами, офицерами и рядовыми нежно и дружелюбно (avec tendresse et amitié), часто их расспрашивая о том, что происходило на их постах.

При наступлении ночи роздали нам, по 800 на каждый полк, новоизобретенных ножей, с трех сторон острые как бритвы, которые, будучи сильно брошены, втыкались в землю; нам повелели их бросать не прежде, как когда неприятель вздумает нас атаковать. В эту ночь неприятель сделал только два покушения: одно при свете фейерверка на пост, занимаемый генерал-поручиком Остен-Сакеном, а другое на пост генерал-маиора Буша. Их отразили с той и другой стороны. Они приближились снова уже на рассвете и дали знать о себе беспрерывным огнем из ста-шестидесяти пушек, поддержанных беспрестанной стрельбою их конницы и пехоты.

Будем справедливы: генералы Янус, Алларт и Денсберг, генерал-поручики Остен и Беркгольц, генерал-маиоры Видман и Буш и бригадир Ремкинг сделали более, нежели можно пересказать. Между тем, как русские начальники показывались только ночью, а днем лежали под своими экипажами, генералы иностранные были в беспрестанном движении, днем поддерживая полки в их постах, исправляя урон, нанесенный неприятелем, давая отдыхать солдатам наиболее усталым и сменяя их другими, находившимися при постах, менее подверженных нападению неприятеля.

Должно конечно отдать им эту справедливость, и не лишнее будет, если признаемся, что его царское величество им обязан своим спасением, как и спасением своей царицы, своих министров, своей казны, своей армии, своей славы и величия. Из русских же генералов отличился один князь Голицын, ибо если князь Волконский и был ранен, то так уж случилось от его несчастия, а не через его собственную храбрость.

Коли ночь показалась нам коротка, потому что не были мы обеспокоены, то утро за то показалось нам очень долгим, по причине быстрого и беспрестанного неприятельского огня, от которого много мы терпели, по крайней мере, на правом нашем фланге, со стороны фрунта. Войско приближенное к реке, было совсем безопасно.

Около девяти часов утра его величество, коему небезъизвестно было, что иностранные генералы одни могли спасти его армии, приказал позвать их в центр экипажей, где находилась его палатка. Генерал Янус, которого царь приглашал особенно вместе с бароном Остеном, взял меня с собою к его величеству. Государь милостиво осведомился о моей ране, которая очень меня беспокоила, потому что я только еще промывал ее вином, данным мне генерал-маиором Бушем. У меня не было ни капли. Телеги мои были в числе тех, которыми овладели турки.

Государь, генерал Янус, генерал-поручик Остен и фельдмаршал держали долгое тайное совещание. Потом они все подошли к генералу барону Аллартy, лежавшему в карете по причине раны, им полученной, и тут, между каретою сего генерала и каретою баронессы Остен, в которой находилась г-жа Буш, положено было, что фельдмаршал будет писать к великому визирю, прося от него перемирия, дабы безопасно приступить к примирению обоих государей.

Трубач генерала Януса отправился с письмом, и мы ожидали ответа, каждый на своем посту, как объявили нам о смерти генерал-маиора Видмана.

lib.pushkinskijdom.ru

Это была невозвратная потеря для царя. Видман был человек достойный и честный, прямой, правдивый, добрый товарищ и хороший кавалерийский офицер, основательно знавший свое дело. Все об нем сожалели, тем более, что он находился не на своем посту: он служил в дивизии генерала Рене и должен был бы с ним отправиться в Валахию, еслиб его царское величество не оставил его в своей армии, из уважения к нему.

Не прошло двух часов по отъезде трубача, как увидели мы, что он возвращается с агою янычаров. Турок прибыл на пост, где находился генерал-поручик Беркгольц и сказал ему на арабском языке, на котором Беркгольц изъяснялся хорошо, что великий визирь соглашался на требуемое перемирие и давал нам знать, чтобы мы прекратили наш огонь (что и с их стороны будет учинено), и чтобы мы присылали комиссаров для переговоров о мире.

Мы не дождались повелений генерал-фельдмаршала и остановили огонь, каждый на своем посту, и в минуту на той и другой стороне водворилось спокойствие.

Не прошло и двух часов со времени, что перемирие было объявлено и что барон Шафиров отправился в лагерь великого визиря в качестве комиссара с препоручением трактовать о мире, как увидели мы всю турецкую армию около наших рогаток: турки приехали нас навестить и полюбоваться нами в нашей клетке. Наконец они так приблизились, что генералы наши возымели подозрение, особенно генерал Янус, который послал г. Беркгольца к великому визирю, прося его приказать войску своему возвратиться в окопы и учредить караулы для удержания турок в повиновении, что с нашей стороны должны были сделать и мы.

Генерал-лейтенант Беркгольц возвратился с тем же янычарским агою, который одним словом погнал всю турецкую армию в ее окопы. Он расставил потом караулы (vedettes) со стороны их, а мы с нашей.

Признаюсь, милостивая государыня, изо всех армий, которые удалось мне только видеть, никогда не видывал я ни одной прекраснее, величественнее и великолепнее армии турецкой. Эти разноцветные одежды, ярко освещенные солнцем, блеск оружия, сверкающего на подобие бесчисленных алмазов, величавое однообразие головного убора, эти легкие, но завидные кони, все это на гладкой степи, окружая нас полумесяцем, составляло картину невыразимую, о которой, несмотря на все мое желание, я могу вам дать только слабое понятие.

Когда увидели, что дело клонилось к миру не на шутку, мы отдохнули, переменили белье и платье. Вся наша армия, начиная с царя, походила на трубочистов: пот, пыль и порох так покрывали нас, что мы друг друга уже не узнавали. Менее нежели через три часа все явились в золоте, всякий оделся как можно великолепнее.

22-го вечером узнали через барона Шафирова, прибывшего из турецкого лагеря для объяснений с его величеством о некоторых спорных пунктах и через час уехавшего обратно, что все шло хорошо, и что конечно мир будет заключен.

Не могу, милостивая государыня, здесь не упомянуть о благоразумном поступке, который заставил нас уважать турецкий народ. Какой-то спаги, или, что все равно, всадник, перешел за указную черту и явился близь моего поста, где прогуливался я с сыном барона Денсберга, подполковником в Белозерском полку, и с генерал-маиором Вейсбахом.

Этот спаги говорил что-то нашим драгунам, находившимся за рогатками, размахивая своею саблею и полагая, видно, что мы понимали его наречие. Офицер, разъезжавший около их лагеря, заметил, что спаги перешел за положенную черту, и, давая знак возвратиться в лагерь, с твердостию выговаривал ему. Спаги его не послушался; офицер, после двукратного требования, приближился к нему молча и махом своей сабли чисто отрубил руку, которая упала с саблею к нашим ногам; потом, продолжая путь свой с тем же хладнокровием, простился с нами, коснувшись рукою чалмы своей. Спаги не стал тратить времени и ускакал во весь опор, оставя руку и саблю у ног молодого Денсберга. Сейчас поступок неверного служит уроком для христиан, с какою строгостию должно хранить свое слово, данное и неприятелям.

lib.pushkinskijdom.ru

22-е и 23-е числа прошли в нетерпеливом ожидании столь нужного и столь желаемого мира. Положение, в котором мы недавно находились, того требовало. Оно было ужасно. Смерть или рабство — не было средины. Нам должно было выбрать из двух одно, еслиб великий визирь сделал свое дело и служил с усердием государю своему. Надлежало ему только быть осторожным, укрепляться в окопах и оставаться в бездействии. Армия наша не имела провианта; пятый день большая часть офицеров не ели хлеба; тем паче солдаты, которые пользуются меньшими удобностями. Лошади были изнурены (étoient depuis le même temps au filet); некоторые генералы имели при себе несколько кулей овса и кое-как поддерживали своих лошадей; остальные же кони лизали землю и были так изнурены, что когда пришлось употребить их в дело, то не знали, седлать ли, запрягать ли их, или нет.

Вечером 23 июля (по старому стилю) бригадиры получили приказ отобрать розданные ножи, по 600 на каждый полк, и побросать их ночью в реку через надежных офицеров. Узнали также, что в артиллерийском парке зарыто было множество пороху, бомб, гранат и ядер, также и оружия, предварительно сломанного, что предвещало нам конец нашим бедствиям.

Наконец, милостивая государыня, 24-го увидели мы одну из придворных повозок (paloube), в которой везли 200.000 червонцев золотом и вещами, обещанных бароном Шафировым в подарок великому визирю. В полдень его царское величество чрез своего генерал-адъютанта объявил всем генералам, что он заключил с Портою твердый, неколебимый и вечный мир, и приказал дать знать о том всем офицерам и рядовым своей армии.

Если бы сказали нам 22-го июля утром, что мир заключен будет таким образом 24-го, то всякий почел бы, конечно, мечтателем и сумасшедшим того, кто б осмелился ласкать нас надеждою на такое несбыточное счастие. Я помню, что когда трубач генерала Януса отправился с письмом фельдмаршала, в котором просил он перемирия, генерал сказал нам, возвращаясь к нашим постам, что тот, кто завел его царское величество в это положение, должен был быть величайшим безумцем всего света; но что если великий визирь примет наше предложение в настоящих обстоятельствах, то это первенство принадлежит ему. Богу угодно было, чтоб генерал неверных ослеплен был блеском двух-сот-тысяч червонцев, для спасения великого множества честных людей, которые, поистине, находились в руках турок.

В час пополудни оттоманы обнародовали мир, и почти в то же время фельдмаршал отдал приказ армии выступить в поход в шесть часов вечера, в новом боевом порядке, коего план роздан был всем генералам, дабы каждый из них занял свое место. Войско должно было выступить из лагеря с распущенными знаменами, с барабанным боем и с флейтами перед каждым полком.

Не нужно было приказывать офицерам, у коих оставались еще экипажи, их облегчить: необходимость и так уж того требовала. Множество добра побросали в лагере, ибо лошади едва таскались изнуренные и чуть живые.

Прежде нежели оставим лагерь, вы позволите, милостивая государыня, исчислить вам потерю обеих армий в эти четыре дня. Достоверно, что его царское величество лишился не более, как 4.800 человек убитыми. Из генералов убит один г. Видман; два полковника, пять подполковников, 18 капитанов и 26 нижних чинов разделили с ним ту же участь. Турки чистосердечно признались нам, что они потеряли убитыми 8,900 человек, между прочим, одного любимца их султана и множество офицеров.

24-го, в 6 часов вечера, армия выступила в поход центром правого фланга. Четыре батальона, в нем находившиеся, составляли фрунт под командою генерала барона Денсберга, генерал-майора Альфенделя и бригадира Моро-де-Бразе (Moreau de Brasey, comte de Lion en Beance). Прочие генералы следовали по старшинству: Адам Вейде и князь Голицын составляли арьергард, а солдаты несли рогатки, как и во время сражения. Армия, составляя батальон-карре, гордо прошла мимо турок, выстроенных в одну линию в долине, по левую нашу руку. Мы шли до самой ночи по берегу Прута, который был от нас вправо, а горы влево.

lib.pushkinskijdom.ru

Один французский инженер, по имени Терсон, человек самый честный, уважаемый царем и русскими, приятель всего света, удостоверил меня, что есть люди, имеющие верные предчувствия о своей смерти Сей француз подружился со мною в Риге, где я узнал его; и когда шесть месяцев после, встретились мы в той же армии, он часто делал мне честь навещать меня и довольствоваться моей хлеб-солью. В тот день, когда возвратились мы в лагерь, в сопровождении неприятелей, он ко мне пришел поздравить меня с достославным нашим отступлением и с тем, что генерал Янус благосклонно отзывался ему обо мне, радуясь, что в сем случае имел меня при себе. Я отвечал, что генерал Янус отдавал свои приказания с такою ясностию, что офицеру, как бы тупо ни было его понятие, невозможно было их не выполнить. Умирая с голоду, я ел с большим аппетитом то, что мог еще найти годного в моих запасах, и Терсон последовал моему примеру. Тут открыл он мне за тайну, что ему из Молдавии не вытти и что он оставит в ней свои кости. Я всячески старался рассеять его мрачное предчувствие, но тщетно. Заключили мир; армия выступила. Терсон прибыл к моему посту и довольно долго со мною разговаривал. Я стал смеяться на его предчувствием, доказывая его ложность, ибо мир был заключен. Он отвечал, что генерал Янус, которому также он открылся, делал ему то же рассуждение, но что он и мне даст тот же ответ, как и генералу, именно, что он из Молдавии еще не вышел, и что мы успеем над ним посмеяться, когда войско перейдет за Днестр. Несколько времени спустя, он меня оставил и поехал к генералу Янусу, который, страдая подагрой, ехал в карете вдоль правого фланга во сте шагов от фрунта. Поговорив с ним немного, он оставил его по некоторой нужде. Один из татар, следовавших за нашей армией, в намерении что-нибудь подцепить, проскакав мимо его, воткнул в него копье и оставил его мертвым, не сняв даже с него шляпы. Генерал Янус послал за мною своего адъютанта и показал мне его тело, принесенное к батальону гренадерами, и которое было еще тепло. Мы жалели об нем от всего сердца и дивились, между тем, предчувствиям, которые оспоривал я с упрямством. Фельдмаршал послал трубача к великому визирю с жалобою на нарушение условий. Трубач возвратился ночью с предписанием вешать всех татар, которые попадутся нам в руки, гоняясь за нашей армией.

При совершенном наступлении ночи, его царское величество велел остановиться батальону-карре. Мы выстроились как можно исправнее. Мы расположились на биваках. Ночлег был краток и ночь чрезвычайно дождлива.

Не правда ли, что вы находите меня нечувствительным в отношении к вашему полу, ибо до сих пор не говорил я вам о всем, что претерпели дамы, находившиеся в нашей армии? Вообразите их себе, милостивая государыня, посреди ужасов четыре-дневного сражения, подверженных тем же опасностям, как и мы; кареты их простреляны были пулями, разбиты пушечными ядрами, и эти милые дамы должны были попасться в плен, если не погибнуть в нечаянном нападении, коего мы только и опасались. Не знаю, более ли они страдали во время битвы, нежели радовались о своем избавлении; но знаю, что генерал-маиорша Буш, три недели после, не могла еще оправиться от страха, ею претерпенного в те четыре дня, как мы имели дело с турками.

Как об условиях мира хранили глубокое молчание, то мы (иностранцы) никого и не расспрашивали, а рассуждали о них между собою, не сомневаясь, чтоб они не были весьма тягостны для его царского величества. Однако мы узнали обо всем в походе (25 июля) и совсем неожиданным для нас образом.

Армия выступила в поход на рассвете с экипажем, умепьшенным, по крайней мере, двумя третями. В полдень пришли мы в теснину, где мы так долго простояли в начале нашего похода. Я был один из начальников авангарда или фрунта нашего батальон-карре, который, для большей удобности экипажей, разделился при входе в теснину. Мы первые прибыли в долину, находящуюся за тесниною: место приятное, окруженное густыми деревьями и огражденное слева высокими, лесистыми горами, а справа рекою Прутом, разливающим на свои берега прохладу, которой мы и воспользовались. Там

lib.pushkinskijdom.ru

настигли меня спачала генерал-маиор Буш, а вслед за ним генерал барон Остен. Все трое мы проголодались. Карета госпожи Буш ехала невдалеке. Муж ее послал спросить, нет ли у ней, чем бы нам пообедать. Эта милая дама прислала нам бутылку Венгерского вина, четыре холодных цыпленка, хлеба довольно черствого, но все ж хлеба, и мы, при приближении такого сильного сикурса, избрали местоположение и стали работать с одинаковою жадностию. Бутылка нашлась недостаточной для утоления нашей жажды: мы послали за подкреплением, которое и было нам доставлено с тою же любезностию. Только-что мы кончили наш обед, фельдмаршал на нас наехал и попросил нас угостить трех пашей, присланных от великого визиря к его царскому величеству, покамест государь не даст им ответа. Мы к ним отправились. Один из них говорил хорошо по-немецки и еще лучше по-латине. Он достался на мою долю; друзья мои довольствовались оба одним из остальных, говорившим только по-немецки. В минуты первых приветствий слуги фельдмаршальские разбили шатер, постлали наземь ковер турецкий, на который усадили мы наших трех пашей. Они сели, сложив ноги крестом, и велели принести себе трубки, коих чубуки столь были длинны, что головки их лежали на земле.

Сначала разговор наш был общий. Они сказали нам, что великий визирь послал их предложить его царскому величеству 2.000 человек спаги для отогнания татар, нас преследующих, и из коих шестеро ночью были пойманы, не считая тридцати убитых нашими конными гренадерами. Наконец, паша, говоривший по-латине, коль скоро узнал, что я француз, подозвал меня к себе и громко объявил, что французы были приятели туркам. Тогда, вступив в частные рассуждения, я спросил у него, по какой причине и на каких условиях заключили они мир? Он отвечал, что твердость наша их изумила, что они не думали найти в нас столь ужасных противников; что, судя по положению, в котором мы находились, и по отступлению, нами совершенному, они видели, что жизнь наша дорого будет им стоить, и решились, не упуская времени, принять наше предложение о перемирии, дабы нас удалить. Он объявил, что в первые три дня артиллерия наша истребила и изувечила множество из их единоземцев, что у них было 8.000 убитых и 8.000 раненых, и что они поступили благоразумно, заключив мир на условиях, почетных для султана и выгодных для его народа.

Вы чувствуете, милостивая государыня, что, увидя случай отозваться с похвалою о нашей армии, я не стал скромничать и, признаюсь, отроду не хвастал я с таким усердием и не встречал подобной доверенности. Потом я сказал ему, что, будучи доволен изъяснением причин, по которым заключили они мир, я хотел бы знать и условия оного; он охотно исполнил мое желание, выпивая кофе, который между тем им подносили. И вот они, сии условия, которые тем более изумили меня, что, основываясь на предложениях, показанных мне в Риге Левенвольдом, я полагал короля шведского истинною причиною войны.

1) Его царское величество возвратит туркам Азов, срыв новые укрепления оного, также и крепости, выстроенные им по берегу.

2) Флот свой и морское войско переведет он в Воронеж и не будет иметь другой, ближайшей пристани к Черному Морю, кроме как Воронежской.

3) Казакам возвратит их старинную вольность, а Польше Украйну польскую, так же как и Эльбинг и другие города, им захваченные.

4) Выведет без изъятия все полки, находящиеся в разных частях Польши, и впредь ни под каким предлогом и ни в каком случае не введет их обратно сам или через своих генералов.

5) Наконец его царское величество даст королю шведскому свободный пропуск в его государство, даже, в случае нужды, и через свои владения, с конвоем, который дан будет от султана; также не станет никаким образом тревожить короля во время проезда его через польские владения, обязуясь в то же время удержать и Фридерика-Августа, курфирста Саксонского от всякого неприязненного покушения, как на особу короля, так и на конвой, его сопровождающий.

lib.pushkinskijdom.ru

Таковы были условия мира, столь полезного и столь нужного для славы его царского величества. Прибавьте к тому и 200.000 червонцев, подаренных великому визирю (что подтверждено мне было моим пашею).

Он сказал мне, что спустя час по отступлении армии нашей, Шведский король переехал через Прут на челноке, сделанном из выдолбленного пня, пустив лошадь свою вплавь, и сам-шест прискакал в лагерь великого визиря; что король говорил ему с удивительною гордостию и между прочим сказал, что, «если один из его генералов вздумал бы только заключить таковой мир, то он отрубил бы ему голову, и что ему, визирю, должно то же самое ожидать от султана». На всю эту брань великий визирь отвечал только то, что он имел от султана приказание, и что он ничего не делал без согласия одного министра (de Sa Hautesse), находящегося в его лагере, и своего военного совета.

Мы разговаривали обо всем этом, как фельдмаршал пришел нам объявить, что его величество принимает учтивое предложение великого визиря. Паши откланялись, взяв с собою шестерых татар, схваченных нами ночью, и отослали их связанных к великому визирю для примерного наказания.

Я всегда воображал себе турков людьми необыкновенными; но мое доброе о них мнение усилилось с тех пор, как я на них насмотрелся. Они большею частию красивы, носят бороду, не столь длинную, как у капуцинов, но снизу четыреугольную, и холят ее, как мы холим лошадей. Эти паши, хотя все трое разного цвета, имели красивейшие лица. Тот, с кем я разговаривал, признался мне, что ему было 63 года, а на взгляд нельзя было ему дать и сорока пяти.

Армия наша, расстроившая батальон-карре при входе в теснину, разделилась в долине, находящейся при выходе из оной. Его царское величество с Преображенцами, Семеновцами, Астраханцами и Ингерманландцами стал в авангарде, в двух милях от теснины. Генерал-лейтенант Брюс с артиллериею и дивизия князя Репнина следовали за его величеством и расположились лагерем в полуторе мили; генерал барон Денсберг в одной мили; генерал барон Алларт в полу-мили с кавалериею, которою командовал он по приказанию его величества, ибо г. Янус страдал в это время подагрою. Дивизия же Адама-Вейде осталась при выходе из теснины. Двухтысячный турецкий отряд разделился на три части: одна осталась в тылу армии, а две другие расположились по ее флангам. В таком расположении и наблюдая все те же дистанции, мы пошли на Яссы, где надеялись найти все запасы, нужные для обратного нашего похода через степи. Мы достигли сего города в шесть переходов, каждый в четырех милях состоявший. Там оставались мы четыре дня и запаслися всем, что могли только найти.

Много претерпел бы я во время сего перехода, если бы генерал барон Алларт, зная, что я потерял весь мой экипаж, не снабдил меня великодушно повозкою, четверкою лошадей и прекрасною палаткой с ее маркизою. А как в повозочке моей (paloube) с одеждой и бельем находилась и постеля, то я в своем несчастии почитал себя счастливейшим из смертных.

Дав четырехдневный отдых своей армии и собрав запасы для перехода через степи, его царское величество повел нас вдоль Прута до Станопа (Stanope), по дороге не столь трудной и дальней, как Сороцкая. В Станопе мы стояли опять четыре дня, по той причине, что его величество приказал навести один только мост для переправы всей армии.

Здесь расстались мы с тремя пашами и с их отрядом. Дорогой имел я честь несколько раз с ними разговаривать, а однажды и обедать вместе у генерал-лейтенанта барона Остена. Они попросили рису, вареного на молоке, и наелись им, насыпав кучу сахара. Мы никак не могли заставить их пить Венгерского вина, как ни просили; они предпочитали кофе, сваренный по их обычаю, и который пили они целый день.

От Станопа армия в четыре дня пришла к Могилеву на Днестр, куда прибыл уж Сороцкий гарнизон, истребив мост и наружные укрепления города. Новый мост, который должно было навести на Днестре, задержал нас тут еще восемь дней. Буджацкие татаре вздумали было нас беспокоить. Казачий полковник заманил их по-своему в засаду. 160 были убиты, шестеро взяты в плен, и фельдмаршал велел их повесить всех на одном

lib.pushkinskijdom.ru

дереве, на самой высокой из соседних гор, дабы устрашить тех, которые вздумали бы опять нас беспокоить в нашем лагере или фуражировке, что не переставали они чинить с нами от самого Станопа.

Мост был готов, и армия спокойно переправилась в трое суток. Шесть батальонов гренадер остались в арьергарде лагеря, из опасения, чтоб татаре, кроющиеся в горах, не потревожили переправы наших последних полков. Но они оказались более благоразумными, нежели мы предполагали; проученные последнею своею неудачей, они уже не показывались, и отступление наше совершилось со всевозможным спокойствием.

Во время нашего пребывания в лагере за Днестром, в Подолии, его царское величество пожелал узнать в точности потерю, им понесенную в сей краткий, но трудный поход. Приказано было каждому бригадиру представить к следующему утру подробную опись своей бригаде, определив состояние оной в первый день вступления нашего в Молдавию и то, в котором находилась она в день отданного приказа. Воля его царского величества была исполнена: из 79.800 людей, состоявших на лицо при вступлении нашем в Молдавию, если вычесть 15.000, находящихся в Валахии с генералом Рене, оставаться надлежало 64.800, но оказалось только 37.515. Вот все, что его царское величество вывел из Молдавии. Прочие остались на удобрение сей бесплодной земли, отчасти истребленные огнем неприятельским, но еще более поносом и голодом.

На третий день нашего пребывания в новом лагере, куда припасы стекались изобильно из Каменца и других городов Подольских, государь, императрица, свита их и министры (за исключением барона Шафирова и графа Шереметева, оставленных в лагере турецком заложниками мира) отправились incognito в десять часов вечера, под прикрытием одного только гвардейского эскадрона, к Ярославу. Там, по приказанию государя, приготовлены были суда, на которых он Вислою отправился в Торн, где императрица, в то время брюхатая на седьмом месяце, располагалась родить. Это был первый ее ребенок с того времени, как она признана была императрицей: честь, коей она достойна более многих принцесс, которые должны бы краснеть от стыда, видя, что женщина ничтожного происхождения (une femme de rien), безо всякого образования, не воспитанная в чувствах величия и душевной возвышенности, свойственных высокому рождению, поддерживает сан императорский со всею честию, величием и умом, которые можно было бы только ожидать от самой знатнейшей крови.

На другой день отъезда его величества, фельдмаршал с всею армией выступил в поход и остановился лагерем в Шарграде, куда, по его приказанию, съехались все генералы из разных мест, где они находились, ибо армия была распределена по разным направлениям для удобства продовольствия и фуражировки.

Когда генералы собрались в палатках фельдмаршала, он объявил им, что его царское величество, заключив мир с турками, не имел уже надобности в столь великом числе генералов, что он имел повеление от государя отпустить тех из них, которые, по их большому жалованию, наиболее были ему тягостны, что он именем его царского величества благодарит их за услуги, ими оказанные, особенно в сей последний поход; потом он роздал абшиды генералам, коим прилагаю здесь список, включая в том числе тех, которые оставили службу его величества с 1 января 1711 года.

Список генералам, отпущенным его царским величеством или оставившим его службу без отпуску.

Фельдмаршал генерал-лейтенант Гольц отошел без отпуску, не получив 60.000 экю и более должного ему жалованья. Генерал Янус отошел без отпуску по той же причине. Генерал барон Денсберг отпущен с абшидом. Генерал-лейтенант барон Остен отпущен с абшидом. Генерал-лейтенат Берггольц отпущен с абшидом. Генерал-лейтенант Ностиц, Эльбингский комендант, отошел без абшида, самовольно удовлетворив себя 50.000 экю, которые считал за государем. Бригадир граф де-Фриз отошел без отпуска. Бригадир Моро-де-Бразе (comte de Lion en Beance) отпущен с абшидом.

lib.pushkinskijdom.ru

Бригадир Боэ отпущен с абшидом. Бригадир барон Ремкинг отпущен с абшидом. Бригадир граф Ламберти отпущен с абшидом. Барон Денсберг, кавалерийский полковник, отпущен также с абшидом. Полковник от инфантерии Миропс отпущен также с абшидом. На следующий же 1712 г. отпущены с абшидом генерал барон Алларт и генерал-лейтенант Флюгель. 14 иностранных полковников отпущено с абшидом; некоторые же отошли сами. 22 подполковника отпущены с абшидом, отчасти отошли. 156 капитанов отпущены или отошли сами.

Фельдмаршал не слишком много истратил денег, отпуская всех сих офицеров, ибо никому ничего не заплатил; и до сих пор за ним пропадает жалования моего за тринадцать месяцев,[1] по 130 рублей на месяц (рубль стоил 5 франц. ливров): я получал 70 рублей как бригадир, 40 как полковник и 20 как капитан.

Генерал барон Денсберг имел ужасную схватку с фельдмаршалом касательно денег; но это ни к чему не послужило. Делать было нечего; мы решились терпеть. Генерал барон Денсберг, генерал-лейтенант барон Остен и я отправились вместе через Satanope (Тарнаполь), (где мы встретили полки генерала Рене, возвращающиеся из Валахии, и которые там обогатились в той же мере, как мы обнищали) и потом через Замосц в Леополь, где целый месяц отдыхали от трудов нашего сумасбродного похода. В сем-то городе познакомился я с госпожею коронною старостиной и ее сестрою, госпожею великой хорунжихою. Обе они сестры великому коронному гетману Синявскому. Сии дамы оказали мне множество вежливостей; между прочим получил я от старостины прекрасного испанского табаку, который оживил мой нос, совсем изнемогавший без сей благодетельной помощи, для меня необходимой.

Из Леополя мы приехали в Варшаву, где отдыхали еще один месяц. Оттуда Вислою отправился я с бароном Остеном и его супругою в Данциг, где нашел я мою жену и семейство мое, умноженное одною наследницею, милым и прекрасным ребенком.

<1835>

---

[1] Кажется, слышишь храброго капитана Dalgetty, жалующегося на недоимки и неисправность в платеже жалованья. <Примеч. Пушкина>

lib.pushkinskijdom.ru

АНЕКДОТЫ[1].

I.

На Потемкина часто находила хандра. Он по целым суткам сидел один, никого к себе не пуская, в совершенном бездействии. Однажды, когда был он в таком состоянии, множество накопилось бумаг, требовавших немедленного его разрешения; но никто не смел к нему войти с докладом. Молодой чиновник, по имени Петушков, подслушав толки, вызвался представить нужные бумаги князю для подписи. Ему поручили их с охотою, и с нетерпением ожидали, что из этого будет. Петушков с бумагами вошел прямо в кабинет. Потемкин сидел в халате, босой, нечесанный, грызя ногти в задумчивости. Петушков смело объяснил ему в чем дело, и положил пред ним бумаги. Потемкин, молча, взял перо и подписал их одну за другою. Петушков поклонился и вышел в переднюю с торжествующим лицом. «Подписал.»... Все к нему кинулись, глядят: все бумаги в самом деле подписаны. Петушкова поздравляют. «Молодец! нечего сказать». Но кто-то всматривается в подпись — и что-же? на всех бумагах вместо: князь Потемкин — подписано: *Петушков. Петушков, Петушков*...

II.

Надменный в сношениях своих с вельможами, Потемкин был снисходителен к низшим. Однажды ночью он проснулся и начал звонить. Никто не шел. Потемкин соскочил с постели, отворил дверь и увидел ординарца своего, спящего в креслах. Потемкин сбросил с себя туфли и босой прошел в переднюю тихонько, чтоб не разбудить молодого офицера.

III.

Молодой Ш. как-то напроказил. Князь Б. собирался пожаловаться на него самой Государыне. Родня перепугалась. Кинулась к князю Потемкину, прося его заступиться за молодого человека. Потемкин велел Ш. быть на другой день у него, и прибавил: «да сказать ему, чтоб он со мною был посмелее». — Ш. явился в назначенное время. Потемкин вышел из кабинета в обыкновенном своем наряде, не сказал никому ни слова и сел играть в карты. В это время приезжает князь Б. Потемкин принимает его как нельзя хуже, и продолжает играть. Вдруг он подзывает к себе Ш. «Скажи, брат» — говорит Потемкин, показывая ему свои карты — «как мне тут сыграть?» — Да мне какое дело, ваша светлость — отвечал ему Ш.— играйте, как умеете! «Ах, мой батюшка» — возразил Потемкин — «и слова нельзя тебе сказать; уж и рассердился!» Услыша таковой разговор, князь Б. раздумал жаловаться.

---

[1] Опубликовано в «Современнике» 1836 г., кн. III. *Ред.*

lib.pushkinskijdom.ru

IV.

Граф Румянцев однажды рано утром расхаживал по своему лагерю. Какой-то майор в шлафроке и в колпаке стоял перед своею палаткою, и в утренней темноте не узнал приближающегося фельдмаршала, пока не увидел его перед собою лицом к лицу. Майор хотел-было скрыться, но Румянцев взял его под руку, и, делая ему разные вопросы, повел с собою по лагерю, который между тем проснулся. Бедный майор был в отчаянии. Фельдмаршал, разгуливая таким образом, возвратился в свою ставку, где уже вся свита ожидала его. Майор, умирая от стыда, очутился посреди генералов, одетых по всей форме. Румянцев, тем еще недовольный, имел жестокость напоить его чаем, и потом уже отпустил, не сделав никакого замечания.

V.

Некто, отставной мичман, будучи еще ребенком, представлен был Петру I в числе дворян, присланных на службу. Государь открыл ему лоб, взглянул в лицо, и сказал: «Ну, этот плох! Однако, записать его во флот. До мичманов авось дослужится». Старик любил рассказывать этот анекдот, и всегда прибавлял: «Таков был пророк, что и в мичманы-то попал я только при отставке!»

VI.

Всем известны слова Петра Великого, когда представили ему двенадцатилетнего школьника, Василия Тредьяковского: *вечный труженик!* Какой взгляд! какая точность в определении! В самом деле, что был Тредьяковский, как не вечный труженик?

VII.

Граф Самойлов получил Георгия на шею в чине полковника. Однажды во дворце Государыня заметила его, заслоненного толпою генералов и придворных. «Граф Александр Николаевич,» сказала она ему — «ваше место здесь впереди, как и на войне».

VIII.

Государыня Екатерина II говаривала: «Когда хочу заняться каким-нибудь новым установлением, я приказываю порыться в архивах и отыскать, не говорено-ли было уже о том при Петре Великом, — и почти всегда открывается, что предполагаемое дело было уже им обдумано».

IX.

Петр I говаривал: «Несчастия бояться, — счастья не видать».

X.

Любимый из племянников князя Потемкина был покойный Н. Н. Раевский. Потемкин для него написал несколько наставлений; Н. Н. их потерял и помнил только первые строки: *Во-первых, старайся испытать не трус-ли ты; если нет, то укрепляй врожденную смелость частым обхождением с неприятелем.*

XI.

Когда родился Иоанн Антонович, то императрица Анна Иоанновна послала к Эйлеру приказание составить гороскоп новорожденному. Эйлер сначала отказывался, но принужден был повиноваться. Он занялся гороскопом вместе с другим академиком. Они составили его по всем правилам астрологии, хоть и не верили ей. Заключение, выведенное ими, испугало обоих математиков — и они послали императрице другой гороскоп, в котором предсказывали новорожденному всякие благополучия. Эйлер сохранил однако ж первый и показывал его графу К. Г. Разумовскому, когда судьба несчастного Иоанна Антоновича совершилась.

<1836>

lib.pushkinskijdom.ru

ОБЪЯСНЕНИЕ.

Одно стихотворение, напечатанное в моем журнале[1], навлекло на меня обвинение, в котором долгом полагаю оправдаться. Это стихотворение заключает в себе несколько грустных размышлений о заслуженном полководце, который в великий 1812 год прошел первую половину поприща, и взял на свою долю все невзгоды отступления, всю ответственность за неизбежные уроны, предоставя своему бессмертному преемнику славу отпора, побед и полного торжества. Я не мог подумать, чтобы тут можно было увидеть намерение оскорбить чувство народной гордости и старание унизить священную славу Кутузова; однакож меня в том обвинили.

Слава Кутузова неразрывно соединена со славою России, с памятью о величайшем событии новейшей истории. Его титло: спаситель России; его памятник: скала святой Елены! Имя его не только священно для нас, но не должны ли мы еще радоваться, мы Русские, что оно звучит Русским звуком?

И мог ли Барклай-де-Толли совершить им начатое поприще? Мог ли он остановиться и предложить сражение у курганов Бородина? Мог ли он после ужасной битвы, где *равен был неравный спор*, отдать Москву Наполеону и стать в бездействии на равнинах Тарутинских? Нет! (Не говорю уже о превосходстве военного гения.) Один Кутузов мог предложить Бородинское сражение; один Кутузов мог отдать Москву неприятелю, один Кутузов мог оставаться в этом мудром, деятельном бездействии, усыпляя Наполеона на пожарище Москвы, и выжидая роковой минуты: ибо Кутузов один облечен был в народную доверенность, которую так чудно он оправдал!

Неужели должны мы быть неблагодарны к заслугам Барклая-де-Толли, потому что Кутузов велик? Ужели после двадцати-пятилетнего безмолвия, поэзии не позволено произнести его имени с участием и умилением? Вы упрекаете стихотворца в несправедливости его жалоб; вы говорите, что заслуги Барклая были признаны, оценены, награждены. Так, но кем и когда?... Конечно не народом, и не в 1812 году. Минута, когда Барклай принужден был уступить начальство над войсками, была радостна для России, но тем не менее тяжела для его стоического сердца. Его отступление, которое ныне является ясным и необходимым действием, казалось вовсе не таковым: не только роптал народ ожесточенный и негодующий, но даже опытные воины горько упрекали его и почти в глаза называли изменником. Барклай, не внушающий доверенности войску ему подвластному, окруженный враждою, язвимый злоречием, но убежденный в самого себя, молча идущий к сокровенной цели и уступающий власть, не успев

---

[1] «Полководец» Пушкина, анонимно напечатанный в третьей книжке «Современника». «Объяснение» появилось в книге четвертой. *Ред.*

lib.pushkinskijdom.ru

оправдать себя перед глазами России, останется навсегда в истории высоко поэтическим лицом.

Слава Кутузова не имеет нужды в похвале чей бы то ни было, а мнение стихотворца не может ни возвысить, ни унизить того, кто низложил Наполеона и вознес Россию на ту степень, на которой она явилась в 1813 году. Но не могу не огорчиться когда в смиренной хвале моей вождю, забытому Жуковским, соотечественники мои могли подозревать низкую и преступную сатиру— на того, кто некогда внушил мне следующие стихи, конечно, недостойные великой тени, но искренние и излиянные из души.

Перед гробницею святой
Стою с поникшею главой...
Все спит кругом; одне лампады
Во мраке храма золотят
Столбов гранитные громады
И их знамен нависший ряд.

Под ними спит сей властелин
Сей идол северных дружин,
Маститый страж страны державной,
Смиритель всех ее врагов,
Сей остальной из стаи славной
Екатерининских орлов.

В твоем гробу восторг живет!
Он Русский глас нам издает;
Он нам твердит о той године,
Когда народной веры глас
Воззвал к святой твоей седине
«Иди, спасай!» Ты встал — и спас... и проч.

<1836>

lib.pushkinskijdom.ru

НЕИЗДАННОЕ И ЧЕРНОВОЕ

1. <ЗАМЕТКИ О РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И НАБРОСКИ ЖУРНАЛЬНЫХ СТАТЕЙ>

<О СЛОГЕ>.

Д'Аламбер сказал однажды Лагарпу <:> не выхваляйте мне Бюфона, [этот человек] пишет: «Благороднейшее изо всех приобретений человека было сие животное гордое, пылкое и проч.». Зачем просто не сказать— лошадь? — Лагарп удивляется сухому рассуждению философа. Но д'Аламбер был очень умный человек — и, признаюсь, я почти согласен с его мнением.

Замечу мимоходом, что дело шло о Бюфоне — великом живописце природы. Слог его цветущий, полный, всегда будет образцом описательной прозы. Но что сказать об наших писателях, которые, почитая за низость изъяснить просто вещи самые обыкновенные, думают оживить детскую прозу дополнениями и вялыми метафорами! Эти люди никогда не скажут *дружба*, не прибавя: «сие священное чувство, коего благородный пламень, и проч.» — Должно бы сказать рано по утру, — а они пишут: «едва первые лучи восходящего солнца озарили восточные края лазурного неба». Как это все ново и свежо, разве оно лучше потому только что длиннее?

Читаю отчет какого нибудь любителя театра: «сия юная питомица Талии и Мельпомены, щедро одаренная Аполлоном». Боже мой! да поставь: «это молодая хорошая актриса», и продолжай — а будь уверен, что никто не заметит твоих выражений, никто спасибо не скажет.

«Презренный завистливый зоил, коего неусыпная зависть излизает усыпительный свой яд на лавры русского Парнасса, коего утомительная тупость может только сравниться с неутомимой злостию»... Боже мой, зачем просто не сказать *лошадь;* не короче ли — «Г-н издатель такого-то журнала»...

Вольтер может почесться лучшим образцом благоразумного слога — Он осмеял в своем Микромегасе изысканность тонких выражений Фонтенеля, который никогда не мог ему того простить —

Точность и краткость, вот первые достоинства прозы. Она требует мыслей и мыслей — без них блестящие выражения ни к чему не служат; стихи дело другое — (впрочем в них не мешало бы нашим поэтам иметь сумму идей гораздо позначительнее, чем у них обыкновенно водится. С воспоминаниями о протекшей юности, литература наша далеко вперед не подвинется).

Вопрос, чья проза лучшая в нашей литературе? — Ответ: *Карамзина.* Это еще похвала не большая — скажем несколько слов об сем почтенном...

<1822>.

<ТОЛЬКО РЕВОЛЮЦИОННАЯ ГОЛОВА...>.

Только революционная голова, подобная Мир. <Мар.?> и Пестелю, может любить Россию — так, как писатель только может любить ее язык. Всё должно творить в этой России и в этом русском языке.

<1822—1823>.

lib.pushkinskijdom.ru

<ПРИЧИНАМИ ЗАМЕДЛИВШИМИ ХОД НАШЕЙ СЛОВЕСНОСТИ...>

Причинами замедлившими ход нашей словесности обыкновенно почитаются: 1) общее употребление французского языка и пренебрежение русского — — все наши писатели на то жаловались, — но кто же виноват, как не они сами. Исключая тех, которые занимаются стихами, русский язык ни для кого не может быть довольно привлекателен — — у нас еще нет ни словесности, ни книг; все наши знания, все наши понятия с младенчества почерпнули мы в книгах иностранных, мы привыкли мыслить на чужом языке; (метафизического языка у нас вовсе не существует); просвещение века требует важных предметов размышления для пищи умов, которые уже не могут довольствоваться блестящими играми воображения и гармонии, но ученость, политика и философия еще по русски не изъяснялись — (метафизический язык) проза наша так еще мало обработана, что даже в простой переписке мы принуждены *создавать* обороты слов для изъяснения понятий самых обыкновенных; и леность наша охотнее выражается на языке чужом, коего механические формы давно уже готовы и всем известны.

Но русская поэзия, скажут мне, достигла высокой степени образованности. Согласен, что некоторые оды Державина, несмотря на неровность слога и неправильность языка, исполнены порывами истинного гения, что в *Душеньке* Богдановича встречаются стихи и целые страницы достойные Лафонтена, что Крылов превзошел всех нам известных баснописцев, исключая, может быть, сего же самого Лафонтена, что Батюшков, счастливый сподвижник Ломоносова, сделал для русского языка то же самое, что Петрарка для италианского; что Жуковского перевели бы все языки, если б он сам менее переводил...

<1824>

<О НАРОДНОСТИ В ЛИТЕРАТУРЕ>.

С некоторых пор вошло у нас в обыкновение говорить о народности, требовать народности, жаловаться на отсутствие народности в произведениях литературы, — но никто не думал определить, что разумеет он под словом народность.

Один из наших критиков, кажется, полагает, что народность состоит в выборе предметов из Отечественной Истории, другие видят народность в словах, т. е. радуются тем, что изъясняясь по русски употребляют русские выражения.

Но мудрено отъять у Шекспира в его *Отелло, Гамлете, Мера за меру* и проч. — достоинства большой народности; Vega и Калдерон поминутно переносят во все части света, заемлют предметы своих трагедий из итальянских повестей, из французских etc; Ариосто воспевает Карломана, французских рыцарей и китайскую <красавицу>; трагедии Расина взяты им из древней <истории>. Мудрено однако ж у всех сих писателей оспоривать достоинства великой народности. — Напротив того, *что есть народного* в русской <трагедии> и, как справедливо заметил <Державин>, что есть народного в *Ксении* <Озерова>, рассуждающей шестистопными ямбическими стихами о власти родительской с наперсницей среди стана Димитрия.

Народность в писателе есть достоинство, которое вполне может быть оценено одними соотечественниками — для других оно или не существует, или даже может показаться пороком — ученый немец негодует на учтивость героев Расина, француз смеется, видя в Калдероне Кориолана, вызывающего на дуэль своего противника. Все это носит однако ж печать народности. —

Есть образ мыслей и чувствований, есть тьма обычаев, поверий и привычек, принадлежащих исключительно какому нибудь народу — Климат, образ правления, вера дают каждому народу особенную физиономию— которая более и менее отражается в зеркале поэзии—

<1826>

lib.pushkinskijdom.ru

<О СМЕЛОСТИ ВЫРАЖЕНИЙ>.

Есть различная смелость: Державин написал: <«был на высоте честей»>, когда счастие «тебе хребет свой с грозным смехом повернуло, ты видишь, видишь как мечты сиянье вкруг тебя заснуло».

Описание водопада.

Алмазна сыплется гора
С высот и проч.

Жуковский говорит о боге.

Он в дым Москвы себя облек.

Крылов говорит о храбром муравье, что

Он даже хаживал один на паука.

Калдерон называет молнии огненными языками небес глаголющих земле; Мильтон говорит, что адское пламя давало токмо различать вечную тьму преисподней.

Мы находим эти выражения смелыми, ибо они сильно и необыкновенно передают нам ясную мысль и картины поэтические.

Французы доныне еще удивляются смелости Расина, употребившего слово pavé, помост.

Et baiser avec respect le pavé de tes temples.[1]

И Делиль гордится тем, что он употребил слово vache.[2] Презренна словесность, повинующаяся таковой мелочной и своенравной критике. — Жалка участь поэтов (какого б достоинства они впрочем ни были) если они принуждены славиться подобными победами над предрассудками вкуса! —

Есть высшая смелость: смелость изобретения, создания, где план обширный объемлется творческою мыслию — такова смелость Шекспира, Dante, Milton, Гете в *Фаусте*, Молиера в *Тартюфе;* Байрона в *Чильд-Гарольде.*

<1827>

<О ВДОХНОВЕНИИ И ВОСТОРГЕ>.

Статья «О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие» и «Разговор с г. Булгариным», напечатанные в *Мнемозине*, [обратили на себя внимание многих и] послужили основанием всего, что сказано было противу <романтической> литературы в последние два года.

Статьи сии написаны человеком ученым и умным. Он везде прилагает причины своего образа мыслей и даже доказательства своих суждений, дело довольно редкое в нашей литературе. Никто не стал опровергать его, потому ли, что все с ним согласились, потому ли, что никто не надеялся сладить с атлетом, повидимому, сильным и опытным.

Несмотря на то, многие из суждений его ошибочны во всех отношениях. Он разделяет русскую поэзию на лирическую и эпическую. К первой относит произведения старинных поэтов наших, ко второй Жуковского и его последователей.

Теперь, положим, что разделение сие справедливо и рассмотрим каким образом критик определяет степень достоинства сих двух родов.

Мы например выписываем сие мнение, потому что оно совершенно согласно с нашим, что такое *сила* в поэзии? сила в изобретеньи, в расположении плана, в слоге ли? «*Свобода?*» в слоге, в расположении. Но какая же свобода в слоге Ломоносова и какого плана требовать в торжественной оде?

Вдохновение? есть расположение души к живому принятию впечатлений, следственно, к быстрому соображению понятий, что и способствует объяснению оных.

Вдохновение нужно в поэзии, как и в геометрии.

Критик смешивает вдохновение с восторгом.

---

[1] И благоговейно лобызать помосты (плиты) твоих храмов.
[2] Корова.

lib.pushkinskijdom.ru

Нет; решительно нет — *восторг* исключает *спокойствие*, необходимое условие *прекрасного*. Восторг не предполагает силы ума, располагающей частями в отношении к целому. Восторг не продолжителен, непостоянен, следственно, не в силе произвесть истинное великое совершенство — (без которого нет лирической поэзии). *Гомер* неизмеримо выше Пиндара — ода стоит на низших степенях поэм, — не говоря уже об эпосе, трагедия, комедия, сатира все более ее требуют творчества (fantaisie [1]) воображения — гениального знания природы.

Но *плана* нет в оде и не может быть — единый план Ада есть уже плод высокого гения. Какой план в Олимпийских одах Пиндара? Какой план в Водопаде, лучшем произведении Державина?

Ода исключает постоянный труд, без коего нет истинно великого.

Восторг есть напряженное состояние единого воображения, вдохновение может быть без восторга, а восторг без вдохновения <не существует>.

<1826—1827>

<«СЕВЕРНАЯ ЛИРА»>.

Альманахи сделались представителями нашей словесности. По ним современем станут судить о ее движении и успехах. Несколько приятных стихотворений, любопытные прозаические переводы с восточных языков — имя Баратынского, Вяземского ручаются за успех *Северной Лиры*, первенца московских альманахов.

Из стихотворений греческая песнь Туманского, к Одесским друзьям (его же) отличаются гармонией и точностию слога и обличают решительный талант. Между другими поэтами в первый раз увидели мы г-на Муравьева и встретили его с надеждой и радостию. О г. Шевыреве умолчим, как о своем сотруднике.

Заметим, что г-ну Абраму Норозу не должно было бы переводить Dante, а г-ну Ознобишину — Андрея Шенье. — Предоставляем арабским журналистам заступаться за честь поэтов, переводимых г-ом Делибюрадером, — что касается до нас, то мы находим его преложения изрядными для татарина.

Прозаическая статья о Петрарке и Ломоносове могла быть любопытна и остроумна. В самом деле сии два великие мужа имеют между собою сходство. Оба основали словесность своего отечества, оба думали основать свою славу важнейшими занятиями, но вопреки им самим более известны как народные стихотворцы. — Отделенные друг от друга временем, обстоятельствами жизни, политическим положением отечества, они сходствуют твердостию, неутомимостью духа, стремлением к просвещению, наконец уважением, которое умели приобрести от своих соотечественников. Но г-н Р<аич> — глубокомысленно замечает, что Петрарка был влюблен в Лауру, а Ломоносв уважал Петра и Елисавету; что Петрарка писал на ламоносов латинской поэмы не написал. Он в любопытном отступлении рассказывает, что старик приходил из Испании в Рим к Титу Ливию и что *такой же* старец, но к тому ж *слепой* приходил *видеть* Петрарку — каковой чудесный пример наш Ломоносов не может представить. Наконец, что Роберт, король Неаполитанский, спросил однажды у Петрарки, отчего он не представился Филиппу и проч. но что он (г. Р.) не знает, что бы сказал Ломоносов в таком случае.

Долго г-н Р<аич> не знал почему — — — — — — — Сомнительно.

<1827>

<В ЗРЕЛОЙ СЛОВЕСНОСТИ ПРИХОДИТ ВРЕМЯ....>

В зрелой словесности приходит время, когда умы, наскуча однообразными произведениями искусства. ограниченным кругом языка условленного, избранного, обращаются к свежим вымыслам народным и к странному

[1] Фантазия.

lib.pushkinskijdom.ru

просторечию, сначала презренному. — Так некогда во Франции светские люди восхищались музою Ваде, так ныне Wordsworth, Coleridge увлекли за собою мнение многих. — Но Ваде не имел ни воображения, ни поэтического чувства, его остроумные произведения дышат одною веселостию, выраженной площадным языком торговок и носильщиков. Произведения английских поэтов, напротив, исполнены глубоких чувств и поэтических мыслей, выраженных языком честного простолюдина. У нас это время, слава богу, еще не приспело, так называемый язык богов так еще для нас нов, что мы называем поэтом всякого, кто может написать десяток ямбических стихов с рифмами. Прелесть нагой простоты так еще для нас непонятна, что даже и в прозе мы гоняемся за обветшалыми украшениями, поэзию же, освобожденную от условных украшений стихотворства, мы еще не понимаем.

Мы не только еще не подумали приблизить поэтический слог к благородной простоте, но и прозе стараемся придать напыщенность. — Опыты Жуковского и Катенина были неудачны, не сами по себе, но по действию, ими произведенному. Мало, весьма мало людей поняло достоинство переводов из Гебеля и еще менее силу и оригинальность *Убийцы*, баллады, которая может стать наряду с лучшими произведениями Бюргера и Саувея.— Обращение убийцы к месяцу, единственному свидетелю его злодеяния: «Гляди, гляди плешивый» — стих, исполненный истинно трагической силы показался только смешон людям легкомысленным, не рассуждающим, что иногда ужас умножается, когда выражается смехом — Сцена тени в Гамлете вся писана шутливым, даже низким слогом, но волос становится дыбом от Гамлетовых шуток. — <1828>.

<НЕСКОЛЬКО МОСКОВСКИХ ЛИТЕРАТОРОВ...>

Несколько московских литераторов, приносящих истинную честь нашему веку, как своими произведениями, так и нравственностию, видя беспомощное состояние нашей словесности и паскуча звуками кимвала звенящего, решились составить общество для распространения правил здравой критики Курганова и Тредьяковского и для удержания отступников и насмешников в границах повиновения и благопристойности.

Общество имело первое свое заседание на Малой Бронной в доме г. Х., бывшего корректора типографии, 17 октября сего года, при стечении многочисленной публики. — Некоторые соседние дамы удостоили заседание своим присутствием.

Председателем был избран единогласно г-н Трандафырь, знаменитый переводчик одного бессмертного романа.

Секретарем был избран единогласно же Никодим Невеждин — молодой человек из честного сословия слуг, оказавший недавно отличные успехи в словесности и обещающий быть законодателем вкуса, несмотря на лакейский тон своих статеек.

Ждали г-на Сранцова — но он не мог придти по причине флюса, полученного им на ярмонке во время метания чрезвычайно счастливой тальи.

Г-н Трандафырь открыл заседание прекрасною речию, в которой трогательно изобразил он беспомощное состояние нашей словесности, недоумение наших писателей, подвизающихся во мраке, не озаренных светильником критики г-на Траидафырина. — Красноречиво убеждал он приняться за дело. «Что сделали мы до сих пор, почтенные слушатели» сказал он, «перевели романы, доставлявшие нам 700 рублей от Ширяева, и разобрали заглавный лист Истории Государства Российского — труды бессмертные бесспорно, но совершенно недостаточные [для полного преобразования словесности и для истребления неутомимых наших врагов.]» После речи г-на председателя г-н Невеждин прочел проект нового журнала, имеющего быть издаваемым в следующем 1830 году, под названием *Азиатский Рак*. Журнал сей будет выходить каждый месяц по одной книжке — каждая книжка будет заключать в себе 4 отдела.

Отдел. I. Изящная словесность. Переводы Байрона с польского; стихи молодых семинаристов; отрывки из записок г-на Трандафырина (для примеру г-н секретарь общества прочел пленительное описание отрочества почтен-

lib.pushkinskijdom.ru

ного г-а Трандафырина. Все с удовольствием слушали милые проказы маленького купчика и тогда уже столь много обещавшего).

Отдел. II. Критика.

<1829>

<МНОГИЕ НЕДОВОЛЬНЫ НАШЕЙ ЖУРНАЛЬНОЙ ПОЛЕМИКОЮ...>

Многие недовольны нашей журнальной полемикою за дурной ее тон, незнание приличий и т. п. Неудовольствие очень несправедливое. Ученый человек, занятый своим делом, погруженный в размышления, может не иметь времени являться в обществе и приобретать навык суетной образованности, подобно праздному жителю большого света. Мы должны быть снисходительны к его простодушной грубости — залогу добросовестности и любви к истине. Педантизм имеет свою хорошую сторону. Он только тогда смешон и отвратителен, когда легкомыслие и невежество выражаются языком [«Вестника Европы» и «Атенея»] пьяного семинариста.

<1829>

<ЗАМЕТКА О ПУБЛИКАЦИЯХ *Ап* В «СЕВЕРНОЙ ЗВЕЗДЕ»>

Возвратясь из путешествия, узнал я, что г. Бестужев-Рюмин, пользуясь моим отсутствием, напечатал несколько моих стихотворений в своем альманаке.

Неуважение к литературной собственности Автора сделалось так у нас обыкновенно, что поступок г-на Бестужева ни мало не показался мне странным. Так например, г-н Федоров напечатал под моим именем однажды <неразб.> идиллическую нелепость, сочиненную вероятно камердинером г-на П<ан>аева.

Но когда Альманак нечаянно попался мне в руки, и когда в предисловии прочел я нежное изъявление благодарности издателя г-ну Ап., доставившему ему (г. Бестужеву) П<иесы>, из коих 5 и удостоились печати — признаюсь, удивление мое было чрезвычайно.

В числе пьес, доставленных г-ном Ап., некоторые принадлежат мне в самом деле; другие мне вовсе неизвестны. Г-н Ап собрал давно написанные и <неразб.> [мои стихи], заменил своими стихами те, кои не могли быть пропущены цензурой. Однако, как в мои лета и в моем положении неприятно отвечать за свои пр<оказы отрочества> и за чужие произведения, то честь имею объявить г-ну Ап, что при первом таковом же случае принужден буду прибегнуть к покровительству законов.

<1829>

<АЛЬМАНАШНИК>.

Господи боже мой, вот уже четвертый месяц живу в Петербурге, таскаюсь по всем передним, кланяюсь всем канцелярским начальникам, а до сих пор не могу получить места. Я весь прожился, задолжал, а я-ж отставной, того и гляди в яму посадят —

— А по какой части собираешься ты служить?

— По какой части? — Господи боже мой! да разве я не русский человек? Я на все гожусь — разумеется хотелось бы мне местечка потеплее, но дело до петли доходит, теперь я и всякому рад.

— Неужто у тебя нет таки ни единого благодетеля?

— Благодетеля? Господи боже мой! да в каждом министерстве у меня по три благодетеля сидит — Все обо мне хлопочут, все обо мне докладывают — а я всё таки без куска хлеба —

— Служба тебе знать не дается — Возьмись-ка за что нибудь другое.

— А за что прикажешь?

— На пример за литературу —

lib.pushkinskijdom.ru

— За литературу? Господи боже мой! в сорок три года начать свое литературное поприще —

— Что за беда? а Руссо? —

— Руссо вероятно ни к чему другому не был способен. [1] Он не имел в виду быть винным приставом — Да к тому-же он был человек ученый, а я учился в Московском университете —

— Что за беда, затевай журнал —

— Журнал? а кто-же подпишется.

— Мало-ли кто, Россия велика, охотников довольно.

— Нет, брат: нынче их не надуешь. Их отучили: все говорят: деньги возьмет, а журнала не выдаст или не додаст. Кому охота судиться из 35 рублей. [2]

— Ну так пиши Выжигина —

— Выжигина? Господи боже мой: написать Выжигина не штука; пожалуй я вам в четыре месяца отхвачу 4 тома, не хуже Орлова и Булгарина, но покаместь успею с голоду околеть —

— Знаешь-ли что? Издай Альманак.

— Как так? —

— Вот как: выпроси у наших литераторов по нескольку пьэс, кой-что перепечатай. Закажи в долг виньетку, сам выдумай заглавие, да и тисни с богом.

— В самом деле. Да я ни с кем из этих господ не знаком.

— Что нужды: ступай себе к ним — скажи им что ты юный питомец муз; впервые выступаешь на поприще славы и решился издать Альманак, а между тем просишь их воспоможения и покровительства —

— А что ты думаешь — ей богу я с отчаяния готов и на Альманак.

— Советую дела не откладывать.

— Сегодня-ж начну свои визиты.

— И дело: желаю тебе всякого успеха.

Кабинет стихотворца.

(Всё в большом беспорядке. Посредине стол. Стихотворец и трое молодых людей играют в кости).

Стихотворец, гремя стаканчиком. Я в руке. Sept à la main... neuf.... Sacredieu.... neuf et sept.... neuf et sept.... neuf... [3] мое... кто держит.

Гость. Экое счастие: держу.

Стихотворец. Sept à la main.... (про себя). Это кто?

Входит Альманашник (одному из гостей). Я давно желал иметь счастие представиться вам — Позвольте одному из усерднейших ваших почитателей... Ваши прекрасные сочинения...

Гость. Вы ошибаетесь: я кроме векселей ничего не сочиняю: вот хозяин.

Альманашник. Позвольте одному из усерднейших...

Стихотворец. Помилуйте... радуюсь что имею честь с вами познакомиться... садитесь, сделайте милость...

Альманашник. Вы заняты... Извините: я вам помешал.

Стихотворец. О нет... мы будем продолжать —— Sept à la main... 3 крепс —— Какое несчастие (Передает кости).

Гость. Сто рублей à prendre.

Стихотворец. Держу... *(Играют)*. Что за несчастие... *(Смотрит косо на Альманашника)*.

Альманашник. Я в первый раз выступаю на поприще славы и решил издать Альманак... я надеюсь, что вы...

---

[1] Зачеркнуто: Ему не обещали вице-губернаторства.

[2] Зачеркнуто: К тому ж я честный человек, и плутовать публично не намерен.

[3] Семь в руке... девять... Проклятие... девять и семь... девять и семь... девять.

lib.pushkinskijdom.ru

Стихотворец. Пятую руку проходит!... и всегда я попадусь... Вы издаете Альманах? под каким заглавием?... прошел — я более не держу.

Альманашник. *Восточная звезда* — — Я надеюсь что вы не откажетесь украсить ее драгоценными...

Стихотворец берет стаканчик. Позвольте: сто рублей à prendre... Sept à la main.... крепс — так. Это удивительно; первой руки не могу пройти — *(плюет, вертит стул)*. Несносный альманашник; он мне принес несчастие.

Альманашник. Надеюсь, вы не откажетесь украсить мой Альманак своими драгоценными произведениями...

Стихотворец. Ей богу — нет у меня стихов, — все разобраны, журналистами, альманашниками... Держу всё... что? прошел опять!.. Это непостижимо — Проклятый альманашник.

Альманашник *(вставая)*. Позвольте надеяться, что если будут у вас свободные пьески...

Стихотворец *(провожая его до дверей)*. Отыщу непременно, и буду иметь счастие вам доставить.

Альманашник. Поверьте, что крайность, бедственное положение, жена и дети —

Стихотворец *(его выпроводив)*. На силу отвязался — Экое дьявольское ремесло!

Гость. Чье? твое или его.

Стихотворец. Уж верно мое хуже. Отдавай стихи одному дураку в Альманак, чтоб другой обругал их в журнале. Жена и дети—чорт его бы взял... человек, кто там.

Входит слуга.

Стихотворец. Я говорил тебе, альманашников не пускать.

Слуга. Да кто их знает, альманашник-ли, нет-ли.

Стихотворец. Дурак, это по лицу видно. Я в руке: sept à la main...

(Играют).

Харчевня.

(Бесстыдин, Альманашник обедают).

— Гей водки.

— 9 рюмка! И я за всё плачу — а что толку!

— Увидишь как пойдет наш Альманак: с моей стороны даю 34 стихотворения, под пятью подпишу А. П., под пятью другими Е. Б., под пятью еще К. П. В. Остальные пущу без подписи; в предисловии буду благодарить господ поэтов, приславших нам свои стихотворения — Прозы у нас вдоволь: лихое обозрение словесности, где славно обруганы наши знаменитые писатели, наши аристократы... знаешь.

— Никак нет-с, не знаю —

— Не знаешь, о да ты видно журнала моего не читаешь... Вот видишь-ли: аристократами (разумеется в ироническом смысле) называются те писатели, которые с нами не знаются, полагая вероятно, что наше общество не завидное — Мы было сперва того и не заметили, но уже с год как спохватились, и с тех пор ругаем их наповал... Теперь понимаешь...

— Понимаю.

— Водки! Эти аристократы... (разумеется, говорю в ироническом смысле)... вообразили себе, что нас в хорошее общество не пускают. Желал бы я посмотреть, кто меня не впустит; чем я хуже другого — Ты смотришь на мое платье...

— Никак нет, ей богу...

— Оно немного поношено; меня обманули на вшивом рынке... К тому же и не стану франтить в харчевне — [но на балах, о на балах] я великой щеголь, это моя слабость. Еслиб ты видел меня на балах... Я славно тан-

lib.pushkinskijdom.ru

дую, я танцую французскую кадриль. Ты не веришь... (встает шатаясь, танцует). Каково?

— Прекрасно.

(Бесстыдин зацепляет стакан и роняет его).

— Боже мой — стакан в дребезгах... Его поставят на счет — и еще граненый —

— Как на счет? — его склеят... вот и всё (подбирает стекло и подает).

(Расплачивается охая, выводит под руку Бесстыдина, он на ногах не стоит).

— Так и быть, взять извощика —

Бесстыдин. Сделай одолжение... посади меня верьхом — а сам садись поперек, да поедем по Невскому, люблю франтить, это моя слабость—

— И вот моя последняя опора! Господи боже мой!

— Можно видеть барина?

— Никак нет — он почивает.

— Как, в 12-ть часов?

— Он возвратился с балу в 6-м часу.

— Да когда-же его можно застать.

— Да почти никогда.

— Когда-же ваш барин сочиняет —

— Не могу знать.

— Экое несчастие! — — — Доложи своему барину, что приходил рекомендоваться... Да скажи, не знаешь-ли ты какого нибудь сочинителя...

<1830>.

ДЕТСКАЯ КНИЖКА.

Ветреный мальчик.

Алеша был очень не глупый мальчик, но слишком ветрен и заносчив. Он ничему не хотел порядочно научиться. Когда учитель ему за это выговаривал, то он старался оправдываться разными увертками. Когда бранили его за то, что он пренебрегал французским или немецким языком, то он отвечал, что он русский, и что довольно для него, если он будет понимать слегка иностранные языки. Латинский, по его мнению, вышел совсем из употребления, и одним педантам простительно было им заниматься; русской грамматике не хотел он учиться, ибо недоволен был изданною для народных училищ и ожидал новой философической. Логика казалась ему наукой прошлого века, недостойною наших просвещенных времен, и когда учитель бранил его за *вокабулы*, Алеша отвечал ему именами Шеллинга, Фихте, Кузеня, Геерена, Нибура, Шлегеля и проч. — Что же? при всем своем уме и способностях Алеша знал только первые 4 правила арифметики и читал довольно бегло по русски, прослыл невеждою, и все его товарищи смеялись над Алешею.

Маленький лжец.

Павлуша был опрятный, добрый, прилежный мальчик, но имел большой порок — он не мог сказать трех слов, чтоб не солгать. Папенька его в его имянины подарил ему деревянную лошадку. Павлуша уверял, что эта лошадка принадлежала Карлу XII и была та самая, на которой он ускакал из Полтавского сражения. Павлуша уверял, что в доме его родителей находится поваренок астроном, форрейтор историк и его птичник Прошка сочиняет стихи лучше Ломоносова. Сначала все товарищи ему верили, но скоро догадались, и никто не хотел ему верить даже тогда, когда случалось ему сказать и правду.

Ванюша, сын приходского дьячка.

Ванюша, сын приходского дьячка, был ужасный шалун. Целый день проводил он на улице с мальчишками, валяясь с ними в грязи и марая свое праздничное платье. Когда проходил мимо их порядочный человек,

lib.pushkinskijdom.ru

Ванюша показывал ему язык, бегал за ним и изо всей силы кричал: «пьяница, урод, развратник! зубоскал, писака! безбожник, нигилист!» — и кидал в него грязью. — Однажды степенный человек, им замаранный, рассердился и, поймав его за вихорь, больно побил его тросточкой. Ванюша в слезах побежал жаловаться своему отцу. Старый дьячок сказал ему: поделом тебе, негодяй; дай бог здоровья тому, кто не побрезгал поучить тебя. Ванюша стал очень печален, почувствовал свою вину и исправился.

<1830>.

<РАЗГОВОР>.

А. Читал ты замечание в *«Литературной Газете»*, где сравнивают наших журналистов с демократическими писателями XVIII столетия?

Б. Читал.

А. Как же ты его находишь?

Б. Довольно неуместным.

А. Конечно, иначе нельзя и думать. Как не стыдно литераторам обижать таким образом свою братью!

Б. Согласен.

А. Русские журналисты не заслуживали такого унизительного сравнения!

Б. А так извини: я с тобою несогласен.

А. Как так?

Б. Я было тебя не понял. Мне казалось, что ты находишь обиженными демократических писателей XVIII столетия, которых (как очень хорошо сказано в *Газете)* с нашими никаким образом сравнить нельзя, — а между тем сравнивают.

А. Да помилуй, эти французские писатели такие люди, что боже упаси! посмотри, как негодуют наши журналисты от одной мысли быть им уподоблеными этим господам.

Б. Да кто же эти французские писатели, о коих упомянуто в *Литературной Газете?*

А. А я почему знаю.

Б. Так я же тебе их назову: добродетельный Томас, прямодушный Дюкло, твердый Шамфор и другие столь же умные, как и честные люди, не бессмертные гении, но литераторы с отличным талантом.

А. Зачем же обруганы они в *Литературной Газете?*

Б. То то я и говорю. —

А. Как можно печатать такую клевету? Умные и честные литераторы станут кричать: повесим их, повесим! и аристократов к фонарю.

Б. Извини, брат. Опять было тебя не понял. Этого в *Газете* не сказано.

А. Как не сказано? постой она при мне... (вынимает из кармана Газету). А ты прав, ты прав. Сказано только, что эпиграммы их приуготовили крики etc. — Так неужто в самом деле эпиграммы приуготовили Французскую Революцию?

Б. О Французской Революции *Литературная Газета* молчит и хорошо делает.

А. Помилуй, да посмотри же, читай: les aristocrates à la lanterne[1] и повесить и т. д. Ça ira.

Б. И ты видишь тут Французскую Революцию!

А. А ты что тут видишь, если смею спросить.

Б. Крики бешеной черни.

А. А что же значили эти крики?

Б. Что тогдашняя чернь остервенилась противу дворянства и вообще противу всего, что не было чернь.

А. Вот, я тебя и поймал: а отчего чернь остервенилась именно на дворянство.

Б. Потому что с некоторых пор дворянство было ей представлено сословием презренным и ненавистным. —

---

[1] Аристократов к фонарю.

lib.pushkinskijdom.ru

А. Следственно я и прав. В крике les aristocrates à la lanterne вся Революция.

Б. Ты не прав. В крике les aristocrates à la lanterne один жалкий эпизод Французской Революции — гадкая фарса в огромной драме.

А. И честные и добрые писатели были тому причиною! Но если и в самом деле, то уж конечно неумышленно!

Б. Вероятно.

А. A propos [1], какого ты мнения о Полиньяке?

Б. Милый мой, ты знаешь, что о политике я с тобою никогда не говорю.

[А. Итак, revenons à nos moutons [2], обратимся к литераторам. Неужто в самом деле эпиграммы французских писателей приуготовили крики les aristocrates à la lanterne?

Б. Тахово по крайней мере мнение *Литературной Газеты*.

А. А твое мнение? нельзя узнать.

Б. Экой лукавый! заманиваст опять меня в политику. Не узнаешь!

А. И ты мне не будешь отвечать?

Б. Нет.]

А. Ну так обратимся к нашим литераторам. Читал ли ты, как отделала *Пчела* всю *Литературную Газету*, издателя и сотрудников за это замечание?

Б. Нет еще.

А. Так прочти же (дает ему журнал).

Б. Что значут эти точки?

А. Ах! я спрашивал — тут были ругательства ужасные, да цензор не пропустил.

Б. *(Отдавая журнал)*. Жаль, в этих ругательствах может быть был смысл, а в строках печатных его нет.

А. Вот тебе еще что то *(дает другой журнал)*.

Б. *(Прочитав)*. Тут и ругательства есть, а смысла всё таки не более.—

А. Так ты видно стоишь за *Литературную Газету*. Давно ль ты сделался аристократом?

Б. Как аристократом? что такое аристократ?

А. Что такое аристократ? о, да ты журналов не читаешь! Вот видишь ли: издатель *Литературной Газеты* и сотрудники его и читатели его — все аристократы (разумеется в ироническом смысле).

Б. Воля твоя, я смысла тут никакого не вижу. — Будучи сам литератором, я читаю *Литературную Газету;* ибо мне любопытно знать ее мнения; мне досадно видеть в ней иногда личности и колкости, ответы, возражения, мелочную войну, которую не худо предоставить литературным башкирцам; но никогда я не видал в *Литературной Газете* ни дворянской спеси, ни гонения на прочия сословия. Дворяне ли: барон Дельвиг, князь Вяземский, Пушкин, Баратынский и пр. мне до того и дела нет. Они об этом не толкуют. Заступясь за грамотное купечество, в лице г-на Полевого, они сделали хорошо, заступясь ныне за просвещенное дворянство, они сделали еще лучше.

А. Это замечание могло повредить невинным.

Б. Что ты, шутишь или сам ты невинный. — Кто же сии невинные?

А. Как, кто? Издатели *Северной Пчелы*.

Б. Так успокойся ж. Образ мнения почтенных издателей *Северной Пчелы* слишком хорошо известен и *Литературная Газета* повредить им не может, а г. Полевой в их компании под их покровительством может быть безопасен.

А. Что значит avis au lecteur? [3] к кому это относится? ты скажешь к журналистам, а я так думаю, не к цензуре ли?

Б. Да хоть бы и к цензуре, что за беда. Уж есть ли существует у нас цензура, то не худо оградить и сословия как ограждены частные лица от явных нападений злонамеренности. Позволяется и нужно нападать на

---

[1] Кстати.

[2] Вернемся к нашим баранам.

[3] Предупреждение читателю.

lib.pushkinskijdom.ru

пороки и слабости каждого сословия, но смеяться над сословием потому только, что оно такое то сословие, а не другое, нехорошо и не позволительно. И на кого журналисты наши нападают? ведь не на новое дворянство, получившее свое начало при Петре I и императорах и по большей части составляющее нашу знать, истинную, богатую и могущественную аристократию — pas si bête [1]. Наши журналисты перед этим дворянством вежливы до крайности. Они нападают именно на старинное дворянство, кое ныне, по причине раздробленных имений, составляет у нас род среднего состояния, состояния почтенного, трудолюбивого и просвещенного, состояния, коему принадлежит и большая часть наших литераторов. Издеваться над ним (и еще в оффициальной Газете) не хорошо — и даже неблагоразумно. [Положим что эпиграммы демократических французских писателей приуготовили крики les aristocrates à la lanterne; у нас таковые же эпиграммы, хоть и не отличаются их остроумием, могут иметь последствия еще пагубнейшие.....] Подумай о том, что значит у нас сие дворянство вообще и в каком отношении находится оно к народу.....

А. Кажется, ты прав. Но почему же некоторые журналы вступились с такою братскою горячностию за *Северную Пчелу*?

Б. Потому что свой своему по неволе брат.

А. Отчего же замечание *Газеты* показалось сначала столь предосудительным даже людям самым благомыслящим и благородным?

Б. Потому что политические вопросы никогда не бывали у нас разбираемы. Журналы наши, ненарочно наступив на один из таковых вопросов, сами испугались движения ими произведенного. Нет прения без двух противных сторон; ты политикой не занимаешься, но это тебе понятно, не правда ли? — Демократические наши журналы напав на дворянство...

А. Опять демократические журналы! Какой ты неблагонамеренный.

Б. Как же ты прикажешь назвать журналы, объявившие себя противу аристократии? В прямом или переносном смысле, все таки они демократические журналы. Итак, эти журналы, нападая на дворянство, должны были найти отпор и нашли его в *Газете Литературной*. Все это естественно и даже утешительно. Но, повторяю, вопросы политические еще для нас новость....

А. Знаешь ли ты что? Мне хочется разговор наш передать издателю Литературной Газеты, чтоб он напечатал его себе в оправдание.

В. И хорошо сделает. Есть обвинения, которые не должны быть оставлены без возражений, от кого б они впрочем не происходили.

<1830>

<ОТРЫВКИ ИЗ РАЗГОВОРОВ>.

<1>

А. Читали вы в последнем № *Газеты* критику?

В. Нет — я не читаю русской критики. —

А. Напрасно. Ничто иное не даст вам лучшего понятия о состоянии нашей литературы.

В. Как! неужели вы полагаете, что журнальная критика есть окончательный суд произведениям нашей словесности?

А. Нимало! У нас никогда критика не имеет почти никакого влияния на судьбу какого-нибудь произведения. Но она дает понятие об отношениях писателей между собою, о большей или меньшей их известности, наконец о мнениях, господствующих в публике.

В. Мне не нужно читать [*Вестник Европы*], чтобы знать, что поэмы Пушкина в моде — и что романтической поэзии у нас никто не понимает — что же касается до отношений г-на Раича к г. Полевому, г-на Каченовского к г. Булгарину — это вовсе не любопытно.....

А. Однако же иногда забавно. —

В. Вам нравятся кулачные бойцы.

А. Почему же нет. Державин их воспевал. Наши бояре ими тешились.— Мне столь же нравится князь Вяземский в схватке с каким-нибудь записным

[1] Они не настолько глупы.

lib.pushkinskijdom.ru

журнальным буяном, как граф Орлов в бою с ямщиком. — — Это черты народности. —

В. Вы упомянули о князе Вяземском. — Признайтесь, что из высшей литературы он один пускается в полемику.

А. Позвольте... сперва скажите, что вы называете высшей литературой.

<2>

Тем хуже для литературы. — Если бы все писатели, заслуживающие уважение, доверенность публики, взяли на себя труд управлять общим мнением, то вскоре критика сделалась бы не тем, чем она есть. Не любопытно ли было бы, например, читать мнение Гнедича о романтизме, или Катенина об нынешней элегической поэзии? Не приятно ли было бы видеть Пушкина, разбирающего трагедию Хомякова! Эти господа в короткой связи между собою и вероятно друг другу передают взаимные замечания о новых произведениях. — Зачем не сделать и нас участниками в их критических беседах.

Публика довольно равнодушна к успехам словесности — истинная критика для нее не занимательна. Она изредко смотрит на драку журналистов, мимоходом слушает монолог раздраженного автора — или пожимает плечами.

Воля ваша, я останавливаюсь, смотрю и слушаю до конца и аплодирую тому, кто сбил своего противника. Если б я сам был автор, то почел бы за малодушие не отвечать на нападение — какого бы оно роду ни было. Что за аристократическая гордость позволять всякому уличному шалуну метать в тебя грязью! посмотрите на английского лорда: он готов отвечать на учтивый вызов gentelman [1] и стреляться на кухенрейтерских пистолетах или снять с себя фрак и box'авать на перекрестке с извозчиком. Это настоящая храбрость. Но мы и в литературе, и в общественном быту слишком чопорны, слишком дамоподобны.

Критика не имеет у нас никакой гласности, вероятно и писатели высшего круга не читают русских журналов и не знают, хвалют ли их или бранят. —

Извините, Пушкин читает все № *Вестника Европы*, где его ругают, что значит по его энергическому выражению — *подслушивать у дверей, что говорят об нем в прихожей*. —

Куда как любопытно!

Любопытство, по крайней мере, очень понятное! — Пушкин и отвечает эпиграммами, чего вам более.

Но сатира не критика — эпиграмма не опроверженье. — Я хлопочу о пользе словесности, не только о своем удовольствии. —

<1830>.

Опыт отражения некоторых не-литературных обвинений.

Сколь ни удален я моими привычками и правилами от полемики всякого роду, но еще не отрекся я совершенно от права самозащищения.

Southey.

У одного из наших известных писателей спрашивали, зачем не возражал он никогда на критики. — Критики не понимают меня, отвечал он, а я не понимаю моих критиков. — Если будем судиться перед публикою, вероятно, и она нас не поймет. — Это напоминает старинную эпиграмму:

Глухой глухого звал к суду судьи глухова.
Глухой кричал: моя им сведена корова.
Помилуй, возопил глухой тому в ответ,
Сей пустошью владел еще покойный дед.
Судья решил: Почто итти вам брат на брата
Не тот и не другой, а девка виновата.

[1] [Джентльмена.]

lib.pushkinskijdom.ru

Можно *не удостоивать ответом своих критиков* (как аристократически говорит сам о себе Издатель Истории Русского Народа), когда нападения суть чисто литературные и вредят разве одной продаже разбранной книги. Но из уважения к себе не должно оставлять без внимания по лености или добродушию оскорбления личные и клеветы, ныне к несчастию слишком обыкновенные. Публика не заслуживает такого неуважения.

Если в течении 16-ти-летней авторской жизни я никогда не отвечал ни на одну критику (не говорю уж о ругательствах), то сие происходило конечно не из презрения. [1]

Состояние критики само по себе показывает степень образованности всей литературы вообще. Если приговоры журналов наших достаточны для нас, то из сего следует, что мы не имеем еще нужды ни в Шлегелях, ни даже в Лагарпах. Презирать критику значит презирать публику (чего боже сохрани). Как наша словесность с гордостию может выставить перед Европою Историю Карамзина, несколько од, несколько басен, пэан 12 года Ж<уковского>, перевод Илиады, несколько цветов элегической поэзии,— так и наша критика может представить несколько отдельных статей, исполненных светлых мыслей и важного остроумия. Но они являлись отдельно, в расстоянии одна от другой, и не получили еще веса и постоянного влияния. — Время их еще не приспело.

Не отвечал я моим критикам не потому также, чтоб и не доставало во мне веселости или педанства; не потому, чтоб я не полагал в сих критиках никакого влияния на читающую публику.

Я замечал, что самое глупое ругательство, неосновательное суждение, получает вес от волшебного влияния типографии. [2] Нам всё еще *печатный лист кажется святым*. Мы всё думаем: как может это быть глупо или несправедливо? ведь это напечатано!

Но признаюсь, мне совестно было итти судиться перед публикою и стараться насмешить ее (к чему ни малейшей не имею склонности). Мне было совестно для опровержения критик повторять школьные или пошлые истины, толковать об азбуке и риторике, оправдываться там, где не было обвинений, а, что всего затруднительнее, важно говорить:

Et moi je vous soutiens que mes vers sont très bons. [3]

[Например, один из моих критиков, человек впрочем добрый и благонамеренный, разбирая кажется *Полтаву*, выставил несколько отрывков и вместо всякой критики уверял, что таковые стихи сами себя *дурно рекомендуют*. Что бы мог я отвечать ему на это! А так поступали почти все его товарищи], ибо критики наши говорят обыкновенно: это хорошо

---

[1] Перед этим зачеркнуто: Будучи русским писателем, я всегда почитал долгом следовать за текущей литературою и всегда читал с особенным вниманием критики, коим подавал я повод. Чистосердечно признаюсь, что похвалы трогали меня как явные и вероятно искренние знаки благосклонности и дружелюбия. Читая разборы самые неприязненные, смею сказать, что всегда старался войти в образ мыслей моего критика, и следовать за его суждениями, не опровергая оных с самолюбивым нетерпением, но желая с ними согласиться со всевозможным авторским себяотвержением. К несчастию замечал я, что по большей части мы друг друга не понимали. Что касается до критических статей, написанных с одною целью оскорбить меня каким бы то ни было образом; скажу только, что они очень сердили меня, по крайней мере в первые минуты, и что следственно сочинители оных могут быть довольны, удостоверясь, что труды их не потеряны.

[2] Перед этим зачеркнуто: Перечитывая самые бранчивые критики, я нахожу их столь забавными, что не понимаю, как мог на них досадовать; кажется, еслиб хотел я над ними посмеяться, то ничего не мог бы лучшего придумать, как только их перепечатать безо всякого замечания. Однако ж я видел...

[3] А я утверждаю, что мои стихи очень хороши!

lib.pushkinskijdom.ru

потому, что прекрасно, а это дурно потому, что скверно. Отселе их никак не выманишь.

Еще причина и главная: леность. Никогда не мог я до того рассердиться на непонятливость или недобросовестность, чтоб взять перо и приняться за возражения и доказательства. Нынче, в несносные часы карантинного заключения, не имея с собою ни книг, ни товарища, вздумал я для препровождения времени писать возражения не на критики (на это никак не могу решиться), но на обвинения не-литературные, которые нынче в большой моде. Смею уверить моего читателя (если господь пошлет мне читателя), что глупее сего занятия отроду ничего не мог я выдумать.

Один из великих наших сограждан сказал однажды мне (он удостоивал меня своего внимания и часто оспоривал мои мнения),[1] что если у нас была бы свобода книгопечатания, то он с женой и детьми уехал бы в Константинополь. Всё имеет свою злую сторону—и неуважение к чести и удобность клеветы суть одни из главнейших невыгод свободы тиснения. У нас, где личность ограждена цензурою, естественно нашли косвенный путь для личной сатиры, имянно *обиняки*. Первым примером обязаны мы** [2] который в своем журнале напечатал уморительный Анекдот о двух Китайских журналистах, которых судия наказал бамбуковою палкою, за плутни, унижающие честное звание литератора. Этот Китайский анекдот так насмешил публику и так понравился журналистам, что с тех пор, коль скоро газетчик прогневался на кого нибудь, тотчас в листках его является известие из за границы (и большею частию из за Китайской), в коем противник расписан самыми черными красками, в лице какого нибудь вымышленного, или безыменного писателя. Большею частию сии Китайские анекдоты, если не делают чести изобретательности и остроумию сочинителя, по крайней мере достигают цели своей, по злости, с каковой они написаны. Не узнавать себя в пасквиле безыменном, но явно направленном, было бы малодушием. Тот о котором напечатают, что человек такого то звания, таких то лет, таких-то примет — — крадет например платки из карманов — все таки должен отозваться и вступиться за себя, конечно не из уважения к Газетчику, но из уважения к публике. Что за аристократическая гордость, дозволять всякому негодяю швырять в вас грязью. Английской лорд равно не отказывается и от поединка на кухенрейтерских пистолетах с учтивым джентельменом и от кулачного боя с пьяным конюхом. Один из наших литераторов бывший, говорят, в военной службе, отказывался от пистолетов, под предлогом, что на своем веку он видел более крови, чем его противник чернил. Отговорка забавная, но в таком случае, что прикажете делать с тем, который по выражению Шатобриана, comme un homme de noble race, outrage et ne se bat pas?[3]

Однажды (официально) напечатал кто-то, что такой то Французский стихотворец, подражатель Байрону, печатающий критические статьи в Литературной Газете, человек подлый и безнравственный, а что такой то журналист, человек умный, *скромный*, храбрый, служил с честью сперва одному отечеству, потом другому и проч.[4] Фр<анцуз> отвечал подлинно так, что скромный и храбрый журналист об двух отечествах, вероятно долго будет его помнить. On en rit, j'en ris encore moi-même.[5]

---

[1] Н. М. Карамзин. *Ред.*

[2] Анекдот о распре Каченовского и Полевого, напечатанный Булгариным в «Северной Пчеле» 1829 г. *Ред.*

[3] Как человек благородного происхождения, оскорбляет и не дерется.

[4] «Анекдот» о столкновении двух «французских» литераторов, в котором Булгарин очень прозрачно противопоставил себя Пушкину. Ответом последнего явилась заметка «О Записках Видока» (см выше стр. 62). *Ред.*

[5] Над этим смеются, я сам еще смеюсь.

lib.pushkinskijdom.ru

В другой газете объявили, что я собою весьма неблагообразен, и что портреты мои слишком льстивы — На эту личность я не отвечал, хотя она глубоко меня тронула.

Иной говорит: какое дело критику или читателю хорош-ли я собой или дурен, старинный ли дворянин или из разночинцев, добр-ли или зол, ползую-ли я в ногах сильных или с ними даже не кланяюсь, играю-ли я в карты, и тому под. — Будущий мой биограф, коли бог пошлет мне биографа, об этом будет заботиться. А критику и читателю дело до моей книги и только. Суждение, кажется, поверхностное. Нападения на писателя и оправдания, коим подают они повод — суть важный шаг к гласности прений о действиях так называемых общественных лиц (hommes publics), к одному из главнейших условий высоко образованных обществ. В сем отношении и писатели, справедливо заслуживающие презрение наше, ругатели и клеветники, приносят истинную пользу —

Мало по малу образуется и уважение к личной чести гражданина и возрастает могущество общего мнения, на котором в просвещенном народе основана чистота его нравов.

Таким образом дружина ученых и писателей, какого б <рода> они ни были, всегда впереди во всех набегах просвещения, на всех приступах образованности. Не должно им малодушно негодовать на то, что вечно им определено выносить первые выстрелы и все невзгоды, все опасности [ремесла].

Недавно в Пекине случилось очень забавное происшествие[1]. Некто из класса грамотеев, написав трагедию, долго не отдавал ее в печать — но читал ее неоднократно в порядочных Пекинских обществах и даже вверял свою рукопись некоторым Мандаринам — Другой грамотей (следуют китайские ругательства) или подслушал трагедию из прихожей (что говорят за ним важивалось) или, тихонько взяв рукопись из шкатулки Мандарина (что в старину также с ним случалось), склеил на скору руку из довольно нескладной трагедии чрезвычайно скучной роман. Грамотей-трагик, человек бесталанный, но смирный, поворчав немного, оставил было в покое похитителя, но Грамотей-романист, человек ловкий и беспокойный, опасаясь быть обличенным, первым стал кричать изо всей мочи, что трагик Фан Хо обокрал его бесстыдным образом. Трагик Фан Хо, рассердясь не на шутку, позвал романиста Фан-Хи в совестный Пекинский суд и проч. и проч.

Сам съешь.[2] Сим выражением в энергическом наречии нашего народа заменяется более учтивое, но столь же затейливое выражение: *обратите это на себя.* То и другое употребляется нецеремонными людьми, которые пользуются удачно шутками и колкостями своих-же противников. Сам съешь есть ныне главная пружина нашей журнальной полемики — Является колкое стихотворение, в коем сказано, что Феб, усадив было такого-то, велел его после вывести лакею, за дурной тон и заносчивость, нестерпимую в хорошем обществе — и тотчас в ответ явилась эпиграмма, где то-же самое пересказано немного похуже с надписью: *сам съешь.*[3]

Поэту вздумалось описать любопытное собрание *букашек*[4] — Сам ты букашка, закричали бойкие журналы, и стихи то твои букашки, и друзья то твои букашки — Сам съешь.

---

[1] Этот «китайский анекдот» расшифровывается историей столкновения Булгарина с Пушкиным по поводу сходных мест в трагедии «Борис Годунов» (1825 г.) и в романе «Дмитрий Самозванец» (1829 г.). *Ред.*

[2] Происхождение сего слова: остроумный человек показывает шиш и говорит язвительно: съешь, а догадливый противник отвечает: сам съешь. (Замечание для *будуарных* или даже для *паркетных* дам, как журналисты называют дам им незнакомых). <Примеч. Пушкина>

[3] Намек на эпиграмму Баратынского «Писачка в Фебов двор явился» и на ответные стихи Полевого («Пришел поэт и пущен на Парнас») в «Моск. Телеграфе» 1830 г. *Ред.*

[4] Эпиграмма Пушкина «Собранье насекомых» вызвала полемические пародии в «Вестн. Европы» и в «Моск. Телеграфе» 1830 г. *Ред.*

lib.pushkinskijdom.ru

Господа чиновные журналисты вздумали было напасть на одного из своих собратиев за то, что он не дворянин. Другие литераторы позволили себе посмеяться над нетерпимостию дворян-журналистов[1] — Осмелились спросить, кто сии феодальные Бароны, сии незнакомые Рыцари, гордо требующие Гербов и Грамот от смиренной братии нашей? Что-же они в ответ? Помолчав немного, господа чиновные журналисты с жаром возразили, что в литературе дворянства нет, что чваниться своим дворянством перед своею братьею (особенно мещанам во дворянстве) уморительно смешно, что и настоящему дворянину 600 летние его грамоты не помогут в плохой прозе или посредственных стихах. Ужасное *Сам-съешь!* К несчастию в Литературной Газете отыскали, кто были Аристократические литераторы, открывшие гонение на недворянство. А публика то что? — А Публика, как судия беспристрастный и благоразумный, всегда соглашается с тем, кто последний жалуется ей. На пример в сию минуту она, покаместь, совершенно согласна с нашим мнением: т. е. что *сам съешь* вообще показывает или мало остроумия или большую надеянность на беспамятство читателей и что фиглярство и недобросовестность унижают почтенное звание литераторов, как сказано в Китайском Анекдоте № 1.

Мы так привыкли читать ребяческие критики, что оне даже нас и не смешат.[2] Но что сказали бы мы, прочитав например следующий разбор Ф е д р ы, если б к несчастию написал ее русский и в наше время. Извольте.

«Нет ничего отвратительнее предмета, избранного г. сочинителем. Женщина замужняя, мать семейства влюблена в молодого олуха, побочного сына ее мужа (IIII). Какое неприличие! Она не стыдится в глаза ему признаваться в развратной страсти своей (IIII). Сего недовольно: сия фурия, употребляя во зло глупую легковерность супруга своего, взносит на невинного Ипполита гнусную небывальщину, которую из уважения к нашим читательницам не смеем даже объяснить !!! Злой старичишка, не входя в обстоятельства, не разобрав дела, проклинает своего собственного сына (II) — после чего Ипполита разбивают лошади (III); Федра отравливается, ее гнусная наперсница утопляется и точка. Вот что пишут, не краснея, писатели, которые, и проч. (тут личности и ругательства); вот до какого разврата дошла у нас Литература—кровожадная, развратная ведьма с прыщиками на лице!»

Шлюсь на совесть самих критиков. Не так ли, хотя и более кудрявым слогом, разбирают они каждый день сочинения, конечно не равные достоинством произведениям Расина, но верно ничуть не предосудительнее оных в нравственном отношении.

Спрашиваем: должно ли серьезно отвечать на таковые критики, хотя б они были писаны и по латыни, а приятели называли этот [вздор] глубокомыслием.

Еслиб Недоросль, сей единственный памятник народной сатиры, еслиб Недоросль, которым некогда восхищались Екатерина и весь ее блестящий двор, явился в наше время, то в наших журналах, посмеясь над правописанием Фонвизина, с ужасом заметили бы, что Простокова бранит Палашку *канальей и собачьей дочерью,* а себя сравнивает с *сукою* (II). «Что скажут дамы, воскликнул бы критик, ведь эта комедия может попасться дамам!» — В самом деле страшно! Что за нежный и разборчивый язык должны употреблять господа сии с дамами! Где бы, как бы послушать!

---

[1] Глумление Булгарина в 1825 г. над купеческим званием Полевого вызвало резкую отповедь кн. Вяземского в «Москов. Телеграфе», а в 1830 г. тот же Булгарин иронизировал над «шестисотлетним дворянством», не делающим «глаже и умнее ни прозы, ни стихов» («Сев. Пчела» 1830 г., № 94). *Ред.*

[2] Зачеркнуто: Сравнивая Шекспира с Байроном, недавно один из наших критиков считал по пальцам, где более мертвых? В трагедии одного или в повести другого. Вот в чем полагал он существенную разницу между ими. Мнение наших критиков о нравственности и приличии, если разобрать его, удивительно забавно.

lib.pushkinskijdom.ru

А дамы наши (бог им судья!) их и не слушают и не читают, а читают этого грубого Вальтер Скотта, который никак не умеет заменять просторечие простомыслием.

Граф Нулин наделал мне больших хлопот. Нашли его (с позволения сказать) похабным, — разумеется в журналах (в свете приняли его благосклонно), и никто из журналистов не захотел за него вступиться. Молодой человек ночью осмелился войти в спальню молодой женщины и получил от нее пощечину. Какой ужас! Как сметь писать такие отвратительные гадости? Автор спрашивал, что бы на месте Натальи Павловны сделали петербургские дамы? Какая дерзость!

Кстати о моей бедной сказке (писанной, будь сказано мимоходом, самым трезвым и благопристойным образом) — подняли против меня всю классическую древность и всю европейскую литературу. Верю стыдливости моих критиков; верю, что Граф Нулин точно кажется им предосудительным. Но как же упоминать о древних, когда дело идет о благопристойности? И ужели творцы шутливых повестей: Ариост, Боккачио, Лафонтен, Касти, Спенсер, Чаусер, Виланд, Байрон, известны им по одним лишь именам? Ужели, по крайней мере, не читали они Богдановича и Дмитриева? Какой несчастный педант осмелится укорить *Душеньку* в безнравственности и неблагопристойности? Какой угрюмый дурак станет важно осуждать *Модную жену*, сей прелестный образец легкого и шутливого рассказа? А эротические стихотворения Державина, невинного, великого Державина? Но отстранив неравенство поэтического достоинства, Граф Нулин должен им уступить и в вольности, и в живости шуток.

Эти г. критики нашли странный способ судить о степени нравственности какого-нибудь стихотворения. У одного из них есть 15-тилетняя племянница, у другого 15-тилетняя знакомая, и всё, что по благоусмотрению родителей еще не дозволяется им читать, провозглашено неприличным, безнравственным, похабным! Как будто литература и существует только для 16-тилетних девушек! Благоразумный наставник, вероятно, не даст в руки ни им, ни даже их братцам, ни единого из полных сочинений классического поэта, особенно древнего; на то издаются хрестоматии, выбранные места и тому под; но публика не 15-тилетняя девица, и не 13-тилетний мальчик. Она, слава богу, может себе прочесть без опасения и сказку доброго Лафонтена и эклогу доброго Виргилия и всё, что про себя читают сами г. критики, если критики наши что-нибудь читают кроме корректурных листов своих журналов.

Все эти господа, столь щекотливые насчет благопристойности, напоминают Тартюфа, стыдливо накидывающего платок на открытую грудь Дорины, и заслуживают забавное возражение горничной:

Vous êtes donc bien tendre à la tentation
Et la chair sur vos sens fait grande impression!
Certes, je ne sais pas quelle chaleur vous monte:
Mais à convoiter, moi, je ne suis point si prompte,
Et je vous verrais nu du haut jusques en bas,
Que toute votre peau ne me tenterait pas. [1]

Безнравственное сочинение есть то, коего целию или действием бывает потрясение правил, на коих основано общественное счастие или достоинство человеческое. — Стихотворения, коих цель горячить воображение любострастными описаниями, унижают поэзию, превращая ее божественный

---

[1] Однако, вы очень податливы на искушенье,
И тело сильно действует на ваши чувства!
Не понимаю, право, что за пылкость вас одолела.
Я совсем не так быстра на плотские желания,
И предстань вы мне голым от головы до пят, —
Вся ваша кожа меня бы не соблазнила.

Мольер, «Тартюф», действие III, сцена 2.

lib.pushkinskijdom.ru

нектар в воспалительный состав, а музу — в отвратительную Канидию. Но шутка, вдохновенная сердечною веселостию и минутною игрою воображения, может показаться безнравственною только тем, которые о нравственности имеют детское или темное понятие, смешивая ее с нравоучением, и видят в литературе одно педагогическое занятие.

К стати: начал я писать с 13-ти летнего возраста и печатать почти с того же времени. Многое желал бы я уничтожить как недостойное даже и моего дарования, каково бы оно ни было. Иное тяготеет, как упрек, на совести моей — — По крайней мере не должен я отвечать за перепечатание грехов моего отрочества, а тем паче, за чужие проказы. В Альманахе, изданном г-ном Федоровым, между найденными бог знает где стихами моими, напечатана Идиллия, писанная слогом переписчика стихов г-на Панаева. Г-н Бестужев, в предисловии какого-то Альманаха, благодарит какого-то г-на Ап. за доставление стихотворений, объявляя, что не все удостоились напечатания.

Сей г-н Ап. не имел никакого права располагать моими стихами, поправлять их по своему и отсылать в Альманах г. Бестужева вместе с собственными произведениями стихи, преданные мною забвению или написанные не для печати (например, *Она мила, скажу меж нами*), или которые простительно мне было написать на 19 году, но непростительно признать публично в возрасте более зрелом и степенном (например *Послание к Юрьеву*).

Отчего издателя Литературной Газеты и его сотрудников называют Аристократами (разумеется *в ироническом смысле*, пишут остроумно журналисты). В чем-же состоит их Аристократия? В том-ли, что они дворяне?— Нет; все журналы побожились уже, что над званием никто не имел и намерения смеяться. Стало быть в дворянской спеси? Нет; в Литературной Газете доказано, что главные сотрудники оной одни и вооружились противу сего смешного чванства, и заставили чиновных литераторов уважать собратиев мещан. Может быть в притязаниях на тон *высшего* общества? Нет; они стараются сохранить тон *хорошего* общества; проповедают сей тон и другим собратьям, но проповедают в пустыне. Не они поминутно находят одно выражение *бурлацким*, другое *мужицким*, третье *неприличным для дамских ушей*, и т. п. Не они гнушаются просторечием и заменяют его простомыслием (niaiserie) (N.B. не одно просторечие). Не они провозгласили себя опекунами высшего общества. Не они вечно пишут приторные статейки, где стараются подделаться под светский тон также удачно, как горничные и камердинеры пересказывают разговоры своих господ. Не они comme un homme de noble race outragent et ne se battent pes. [1] Не они находят 600 летнее дворянство мещанством; не они печатают свои портреты с гербами весьма сомнительными — разбирают дворянские грамоты, и провозглашают такого <-то> мещанином, такого-то Аристократом. Не они толкуют вечно о *будуарных читательницах, о паркетных* (?) *дамах*. От чего же они Аристократы (разумеется в ироническом смысле)?

В одной газете (почти официальной) сказано было, что прадед мой Абрам Петрович Ганнибал, крестник и воспитанник Петра Великого, наперсник его (как видно из собственноручного письма Екатерины II), отец Ганнибала, покорившего Наварин (см. Памятник, воздвигнутый в Царском Селе гр. Орлову), генерал-аншеф и проч. — был куплен шкипером за бутылку рому *—

[1] Как человек благородного происхождения, оскорбляют и не дерутся.

* Голиков говорит, что он был прежде камердинером у государя, но что Петр, заметя в нем дарования и проч.. Голиков ошибся. У Петра не было камердинеров, прислуживали ему деньщики, между прочими Орлов и Р<умянцев>, — родоначальники исторических фамилий. <Примеч. Пушкина>

lib.pushkinskijdom.ru

Прадед мой, если был куплен, то вероятно дешево, но достался шкиперу, коего имя всякой русской произносит с уваженнем и не в суе.

Простительно выходцу не любить ни Русских, ни России, ни истории ее ни славы ее.[1] Но не похвально ему за русскую ласку марать грязью священные страницы наших летописей, поносить лучших сограждан и, не довольствуясь современниками, издеваться над гробами праотцев.

Возвратясь из под Арзрума, написал я послание к князю **.....[2] В свете оно тотчас было замечено и .....[3] были мною недовольны. Светские люди имеют в высокой степени этого рода чутье. Один журналист принял мое послание за лесть итальянского аббата, — а в статейке, заимствованной у Мерсье, заставил вельможу звать меня по четвергам обедать. Так то чувствуют они вещи и так то описывают светские нравы.[4]

Род мой один из самых старинных дворянских.[5] Мы происходим от прусского выходца Радши или Рачи, человека знатного (мужа честна, говорит летописец), приехавшего в Россию во время княжения святого Александра Ярославича Невского (см. Русский Летописец и Историю Российского Государства). От него произошли Пушкины, Мусины-Пушкины, Бобрищевы-Пушкины, Бутурлины, Мятлевы, Поводовы и другие. Карамзин упоминает об одних Мусиных-Пушкиных (из учтивости <к> покойному графу Алексею Ивановичу). В малом числе знатных родов, уцелевших от кровавых опал царя Ивана Васильевича, Историограф имянует и Пушкиных. В царствование Бориса Годунова Пушкины были гонимы и явным образом обижаемы в спорах местничества. Г. Г. Пушкин, тот самый, который выведен в моей трагедии, принадлежит к числу самых замечательных лиц той эпохи — столь богатой историческими характерами. Другой Пушкин во время междуцарствия, начальствуя отдельным войском, один с Измайловым, по словам Карамзина, *сделал честно свое дело*. При избрании Романовых на <царство> 4 Пушкиных подписались под избирательною грамотою, а один из них, окольничий, под <соборным деянием> о уничтожении местничества (что мало делает ему чести). При Петре они были в опозиции, и один из них, стольник Федор Алексеевич, был замешен в заговоре Циклера и казнен вместе с ним и Соковниным. Прадед мой был женат на меньшой дочери адмирала графа Головина, первого в России Андреевского Кавалера и проч. Он умер очень молод и в заточении, в припадке ревности или сумасшествия зарезав свою жену, находившуюся в родах — Единственный сын его, дед мой Лев Александрович, во время мятежа 1762 года остался верен Петру III, не хотел присягнуть Екатерине— и был посажен в крепость вместе с Измайловым (странны судьба <и> союз сих имен!) См. Рюлиера и Кастера. Чрез 2 года выпущен по приказанию Екатерины и всегда пользовался ее уважением, он уже никогда не вступал в службу и жил в Москве и своих деревнях.[6]

---

[1] Не дописано: Но не простительно было бы нам дозволять всякому [выходцу клеветать].

[2] Число точек точно соответствует числу букв фамилии: Юсупову.

[3] Пять точек в подлиннике.

[4] Будем справедливы: г. Полевого нельзя упрекнуть в низком подобострастии, перед знатными, напротив, мы готовы обвинить его в юношеской заносчивости, не уважающей ни лет, ни звания, ни славы, и оскорбляющей равно память мертвых и отношения к живым.

<Примеч. Пушкина>.

[5] Перед этими строками в рукописи зачеркнуто: В одной газете оффициально сказано было, что я мещанин во дворянстве. Справедливее было бы сказать — дворянин во мещанстве.

[6] Зачеркнуто: Ныне огромные имения Пушкиных раздробились и пришли в упадок, последние их родовые поместия скоро исчезнут, имя их останется честным, единственным достоянием темных потомков некогда знатного боярского рода. — Я русской дворянин, и знал своих предков прежде, чем узнал Байрона.

lib.pushkinskijdom.ru

Если быть дворянином значит подражание английскому поэту, то сие подражание весьма невольное. Но что есть общего между привязанностию лорда к своим феодальным преимуществам и бескорыстным уважением к мертвым прадедам, коих минувшая знаменитость не может доставить нам ни чинов ни покровительства. Ибо ныне знать нашу, большею частию составляют роды новые, получившие существование свое уже при императорах.

Но от кого бы я ни происходил — от разночинцев, вышедших во дворяне, или от одного из самых старинных русских родов, от предков, коих имя встречается почти на каждой странице истории нашей, образ мнений моих от этого никак бы не зависел; и хоть нигде доныне я его не обнаруживал и никому до него дела нет, но отказываться от него я ничуть не намерен.

Каков бы ни был образ моих мыслей, никогда не разделял я с кем бы ни было демократической ненависти к дворянству. Оно всегда казалось мне необходимым и естественным сословием великого образованного народа. Смотря около себя и читая старые наши летописи, я сожалел, видя как древние дворянские роды уничтожились, как остальные упадают и исчезают, как новые фамилии, новые исторические имена, заступив место прежних, уже падают ничем не огражденные, и как имя дворянина, час от часу более униженное, стало наконец в притчу и посмеяние даже разночинцам, вышедшим во дворяне, и досужим [журнальным] балагурам!

Образованный Француз иль Англичанин дорожит строкою старого летописца, в которой упомянуто имя его предка, честного рыцаря, падшего в такой то битве, или в таком-то году возвратившегося из Палестины. Но Калмыки не имеют ни дворянства, ни истории. Дикость, подлость и невежество не уважает прошедшего, пресмыкаясь пред одним настоящим. И у нас иной потомок Рюрика более дорожит звездою двоюродного дядюшки, чем историей своего дома, т. е. историей Отечества. И вто ставите вы ему в достоинство! Конечно есть достоинство выше знатности рода, именно: достоинство личное, но я видел родословную Суворова, писанную им самим; Суворов не презирал своим дворянским происхождением.

Имена Минина и Ломоносова вдвоем перевесят может быть все наши старинные родословные — но не уж то потомству их смешно было бы гордиться сими именами. [1]

<1830>

---

[1] Неоконченная статья «Опыт отражения некоторых литературных обвинений», в которой Пушкин предполагал объединить часть набросанных им осенью 1830 г. полемических заметок, восстановлена на основании следующего ее плана:

Опыт отражения некоторых не-литературных обвинений.

§ 1. О личной сатире. — Кит<айские> Анекд<оты>. — Сам съешь.
§ 2. О нравственности. — О графе N<улине>. — Что есть безнравственное сочинение. — О Видоке.
§ 3. О Лит<ературной> Аристокр<атии>. — О дворянстве.
§ 4. Разговор о примеч<аниях> Литературной Газеты>.

<§ 5> Заключение.

Набрасывая этот план, Пушкин предусматривал в нем порядок размещения только наиболее значительных заметок, не оговаривая всех попутных разъяснений и фактических иллюстраций к основным темам. И те и другие размещены нами на основании или самого их положения в рукописях или всякого рода авторских отметок на последних. Из ранее написанных вещей Пушкин предполагал включить в «опыт» заметку о «Видоке» <см. выше стр. 62> и «Разговор о примечании Лит. Газеты» <см. стр. 338>, но, поскольку соответственно переработать он этих статей не успел, мы их здесь и не перепечатываем. Вовсе не было написано (или не дошло до нас) «Заключение» статьи. *Ред.*

lib.pushkinskijdom.ru

<ЗАМЕТКИ, ИСКЛЮЧЕННЫЕ ИЗ «ОПЫТА ОТРАЖЕНИЯ НЕКОТОРЫХ НЕЛИТЕРАТУРНЫХ ОБВИНЕНИЙ»> [1]

<1. О ЦЕНЕ «ЕВГЕНИЯ ОНЕГИНА»>

Между прочими литературными обвинениями укоряли меня слишком дорогою ценою *Евгения Онегина* и видели в ней ужасное корыстолюбие. Это хорошо говорить тому, кто отроду сочинений своих не продавал, или чьи сочинения не продавались, но как могли повторять то же милое обвинение издатели *Северной Пчелы*? Цена устанавливается не писателем, а книгопродавцами. В отношении стихотворений число требователей ограничено. Оно состоит из тех же лиц, которые платят по 5 рублей за место в театре. Книгопродавцы, купив, положим, целое издание по рублю экземпляр, всё-таки продавали б по 5 рублей. — Правда, в таком случае автор мог бы приступить ко второму дешевому изданию, но и книгопродавец мог бы тогда сам понизить свою цену и таким образом уронить новое издание. Эти торговые обороты нам, мещанам писателям, очень известны. — Мы знаем, что дешевизна книги не доказывает бескорыстия автора, но или большое требование оной, или совершенную остановку в продаже.

Спрашиваю: что выгоднее — напечатать 20.000 экземпляров одной книги и продать по 50 копеек, или напечатать 200 экземпляров и продавать по 50 рублей?

Цена последнего издания басен Крылова, во всех отношениях самого народного нашего поэта (le plus national et le plus populaire) [2] не противоречит нами сказанному. Басни (как и романы) читает и литератор, и купец, и светской человек, и дамы, и горничные, и дети. — Но стихотворение лирическое читает токмо любитель поэзии. — А много ли их? —

<2. ШУТКИ НАШИХ КРИТИКОВ>.

Шутки наших критиков приводят иногда в изумление своею невинностию. Вот истинный анекдот: в лицее один из младших наших товарищей и, не тем будь помянут, добрый мальчик, но довольно простой и во всех классах последний, сочинил однажды два стишка, известные всему лицею:

Ха ха ха, хи хи хи
Дельвиг пишет стихи.

Каково же было нам, Дельвигу и мне, в прошлом 1830 году в первой книжке важного *Вестника Европы* найти следующую шутку. Альманах *Северные Цветы* разделяется на прозу и стихи — Хи, хи! Вообразите себе, как обрадовались мы старой нашей знакомке! Сего не довольно. Это *хи хи* показалось видно столь затейливым, что его перепечатали с большой похвалой в Северной Пчеле:

«*хи хи*, как весьма остроумно сказано было в Вестнике Европы etc».

Молодой Киреевский в красноречивом и полном мыслей обозрении нашей словесности, говоря о Дельвиге, употребил сие изысканное выражение: древняя муза его покрывается иногда душегрейкою новейшего уныния. Выражение, конечно, смешное. Зачем не сказать было просто. — В стихах Дельвига отзывается иногда уныние новейшей поэзии? Журналисты наши, о которых г. Киреевский отозвался довольно непочтительно — обрадовались, подхватили эту душегрейку, разорвали на мелкие лоскутки и вот уже год, как ими щеголяют, стараясь насмешить свою публику. Положим, всё та же шутка каждый раз им и удается; но какая им от того прибыль? публике почти дела нет до литературы, а малое число любителей верит наконец не шутке, беспрестанно повторяемой, но постепенно, хотя и медленно, пробивающимся мнениям здравой критики и беспристрастия.

<1830>

---

[1] К перечню заметок «Опыта» <см. план его на стр. 349> Пушкин приписал названия еще трех: 1) «О невинности и о Киреевском — хи-хи», 2) «О цене Евгения Онегина», 3) «О знаменитост<ях?>», но первые два затем вычеркнул. *Ред.*

[2] Самого национального и самого популярного.

lib.pushkinskijdom.ru

<ЛИТЕРАТУРА У НАС СУЩЕСТВУЕТ...>

Литература у нас существует, но критики еще нет — у нас журналисты бранятся именами *классик* и *романтик*, как старушки бранят повес франмасонами и волтерианцами, не имея понятия ни о Вольтере, ни о франмасонстве.

<1829—1830>

<О КРИТИКЕ И ПОЛЕМИКЕ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ».>

Отдавая полную справедливость благонамеренности и беспристрастию вашей *Газеты*—признаюсь, не мог я согласиться с мнениями, которые обнаруживает она касательно критики и полемики.

Во-первых, что значат вечные толки о *вежливости*? Если бы критики наших журналов погрешали единой своею грубостию, то беда была бы еще не большая.

[Вы поминутно говорите о приличии журнала], но позвольте дать заметить, что и *Газета*, стараясь быть равно учтива и важна в отношении ко всем книгам, ею разбираемым, без сомнения погрешала бы противу правил приличия, [как и прочие наши журналы].—В обществе вы локтем задели вашего соседа, вы извиняетесь—очень хорошо.—Но гуляя в толпе под качелями, толкнули лавочника—вы не скажете ему: mille pardons. [1] Вы зовете извозчика—и говорите ему: пошол в Коломну, а не: *сделайте одолжение, потрудитесь свезти в Коломну*.—Разница критиковать Историю Государства Российского — и например ***.

У нас вошло в обыкновение между писателями, заслужившими доверенность и уважение публики, не возражать на критики. Редко кто-нибудь из них подаст голос, и то не за себя. Обыкновение вредное для литературы. Таковые анти-критики имели двоякую пользу: исправление ошибочных мнений и распространение здравых понятий касательно искусства. Вы скажете, что по большей части журнальная критика заключается в личностях и брани, что публика etc. — —

Возразят, что иногда нападающее лицо само по себе так презрительно, что честному человеку никак нельзя войти в сношение с ним не марая себя. В таком случае объяснитесь, извинитесь перед публикою. Видок вас обругал. Изъясните, почему вы никаким образом отвечать ему не намерены. В этом отношении мне нравится одна из статей вашего журнала как доброе дело.

Вы советуете....

<1830>

<КРИТИКОЮ У НАС БОЛЬШЕЮ ЧАСТИЮ ЗАНИМАЮТСЯ...>

Критикою у нас большею частию занимаются журналисты, т. е. entrepreneurs [2], люди понимающие свое дело, но не только не *критики*, но даже и не литераторы.

В других землях писатели пишут или для толпы, или для малого числа [3]. У нас последнее невозможно, должно писать для самого себя.

<1830-ые годы>

<КРИТИКА — НАУКА ОТКРЫВАТЬ КРАСОТЫ...>

Критика — наука открывать красоты и недостатки в произведениях искусств<,> литературы. Она основана 1) на совершенном знании правил, коими руководствуется художник или писатель в своих произведениях, на 2) глубоком изучении образцов, и на деятельном наблюдении современных замечательных явлений.

Не говорю о беспристрастии — кто в критике руководствуется чем бы то ни было, кроме чистой любви к искусству, тот уже нисходит в толпу, рабски управляемую низкими корыстными побуждениями.

---

[1] Тысяча извинений.

[2] Предприниматели.

[3] Сии, с любовию изучив новое творение, изрекают ему суд и таким образом творение, не подлежащее суду публики, получает в ее мнении цену и место ему принадлежащее. <Примеч. Пушкина>

lib.pushkinskijdom.ru

Где нет любви к искусству, там нет и критики. Хотите ли быть знакомым с художеством? — говорит Винкельман. — Старайтесь полюбить художника, ищите красот в его созданиях.

<1830-ые годы>

<НАБРОСКИ СТАТЕЙ О БАРАТЫНСКОМ>.

<I>

Наконец появилось собрание стихотворений Баратынского, так давно и с таким нетерпением ожидаемое. Спешим воспользоваться случаем высказать наше <мнение> об одном из первоклассных наших поэтов и (быть может) еще недовольно оцененном своими соотечественниками.

Первые произведения Баратынского обратили на него внимание. — Знатоки с удивлением увидели в первых опытах зрелость и стройность [необыкновенную].

Сие преждевременное развитие всех поэтических способностей может быть зависело от обстоятельств, но уже предрекало нам то, что ныне выполнено поэтом столь блистательным образом.

Corrige le valet, mais respecte le maître![1] Соперники Баратынского — Батюшков и Жуковский. Сравн<ение.....>

Первые произведения Баратынского были элегии и в этом роде он первенствует. Ныне вошло в моду порицать элегии — как в старину старались осмеять оды; но если вялые подража<тели> Ломоносова и Баратынского равно несносны, то из того еще не следует, что роды лирический и элегический должны быть исключены из разрядных книг поэтической олигархии.

Да к тому же у нас почти не существует чистая элегия. У древних отличалась она особым стихосложением, но иногда сбивалась на идиллию, иногда входила в трагедию, иногда принимала ход лирической — (чему в новейшее время видим примеры у Гете).

Tous les genres sont bons excepté l'ennuyeux.[2]. Вот основание поверхностной критики. Un sonnet sans défaut vaut seul un long poême.[3] Хорошая эпиграмма лучше плохой трагедии. Что это значит? Можно ли сказать, что бутылка шампанского лучше дурной погоды?

<1827>.

<II>

Пора Баратынскому занять на русском Парнассе место, давно ему принадлежащее. — Наши поэты не могут жаловаться на излишнюю строгость критиков и публики — напротив. Едва заметив в молодом писателе навык к стихосложению, знание языка и средств оного, уже тотчас спешим приветствовать его титлом Гения, за гладкие стишки — нежно благодарим его в журналах *от имени человечества*, неверный перевод, бледное подражание сравниваем без церемонии с бессмертными произведениями Гете и Байрона *: добродушие смешное, но безвредное; истинный талант доверяет более собственному суждению, основанному на любви к искусству, нежели мало-обдуманному решению записных Аристархов — [Зачем] лишать златую посредственность невинных удовольствий журнальным торжеством.

Из наших поэтов Баратынский всех менее пользуется обычной благосклонностию журналов. — От того ли, что верность ума, чувства, точность выражения, вкус, ясность и стройность менее действуют на толпу, чем преувеличение (exagèration) модной поэзии — потому <ли>, что наш поэт некоторыми эпиграммами заслужил негодование братии, не всегда смиренной, — как бы то ни было критики изъявляли в отношении к нему или недобросовестное равнодушие или даже неприязненное расположение. — Не

---

[1] Исправляет слугу, но чтит хозяина.

[2] Все жанры хороши, за исключением скучного.

[3] Один безукоризненный сонет стоит длинной поэмы.

* Таким образом набралось у нас несколько своих Пиндаров, Ариостов и Байронов и десятка три писателей, делающих *истинную честь нашему веку*. <Примеч. Пушкина>.

lib.pushkinskijdom.ru

упоминая уже об известных шуточках покойного Благонамеренного, известного весельчака — заметим, что появление Эды, произведения столь замечательного оригинальной своею простотою, прелестью рассказа, живостью красок — и очерком характеров, слегка, но мастерски означенных, появление Эды подало только повод к неприличной статейке в Северной Пчеле и слабому возражению, кажется, в Московском Телеграфе.

Как отозвался Московский Вестник об собрании стихотворений нашего первого элегического поэта! — (Упоминаю обо всем этом для назидания молодых писателей) — Между тем Баратынский спокойно усовершенствовался — последние его произведения являются плодами зрелого таланта.

Последняя поэма Баратынского, на <печатанная> в Северных Цветах, подтверждает наше мнение. Сие блестящее произведение исполнено оригинальных красот и прелести необыкновенной — Поэт с удивительным искусством соединил в быстром рассказе тон шутливой и страстной, метафизику и поэзию.

Поэма начинается описанием московского бала — Гости съехались, пожилые дамы сидят в пышных уборах, сидят около стен и смотрят на толпу с *тупым вниманием*. Вельможи в лентах и звездах сидят за картами, и встав из <за> ломберных столов иногда приходят

Взглянуть на <мчащиеся пары
Под гул порывистый смычков>.

Молодые красавицы кружатся около их

Гусар крутит свои усы,
Писатель чоп<орно остр>ится>

Вдруг все смутились; посыпались вопросы. Княгиня Нина вдруг уехала с бала

<Вся зала шопотом полна:
«Домой уехала она!
Вдруг стало дурно ей». Ужели?
— В кадрили весело вертясь,
Вдруг помертвела! — Что причиной?
Ах, боже мой! Скажите, князь,
Скажите, что с княгиней Ниной>

—Бог знает, отвечает с супружеским равнодушием князь, занятый своим бостоном. Поэт отвечает вместо князя — ответ и составляет поэму. —

Нина исключительно занимает нас. Характер ее новый, развит con amore, [1] широко и с удивительным искусством, для него поэт наш создал совершенно сво<бодный?> язык и выразил на нем все оттенки своей метафизики — для нее расточил он всю элегическую негу, всю прелесть своей поэзии

(Выписки)

Напрасно поэт берет иногда строгий тон порицания, укоризны, напрасно он с принужденной холодностью говорит о ее смерти, сатирически описывает нам ее похороны, и шуткою кончает поэму свою — мы чувствуем, что он любит свою бедную, страстную героиню — Он заставляет и нас принимать болезненное соучастие в судьбе падшего, но еще очаровательного создания.—

Арсений есть тот самый, кого должна была полюбить бедная Нина. — Он сильно овладел ее воображением, и никогда вполне не удовлетворяя ни ее страсти, ни любопытству — должен был до конца сохранить над нею роковое свое *влияние* (ascendant).

<1828>

[1] С увлечением.

lib.pushkinskijdom.ru

<III>

Баратынский принадлежит к числу отличных наших поэтов. Он у нас оригинален — ибо мыслит — Он был бы оригинален и везде, ибо мыслит по своему, правильно и независимо, между тем как чувствует сильно и глубоко. Гармония его стихов, свежесть слога, живость и точность выражения должны поразить всякого, хотя несколько одаренного вкусом <и> чувствами. Кроме прелестных элегий и мелких стихотворений, знаемых всеми наизусть и столь неудачно поминутно подражаемых, Баратынский написал две повести, которые в Европе доставили бы ему славу, а у нас были замечанны одними знатоками. Первые, юношеские произведения Баратынского были некогда приняты с восторгом. Последние, более зрелые, более близкие к совершенству, в публике имели меньший успех — Постараемся объяснить тому причины. Первой должно почесть самое сие усовершенствование и зрелость его произведений. Понятия <и> чувства 18 летнего поэта еще близки и сродны всякому, молодые читатели понимают его и с восхищением в его произведениях узнают собственные чувства и мысли, выраженные ясно, живо и гармонически. Но лета идут — юный поэт мужает, талант его растет, понятия становятся выше, чувства изменяются— Песни его уже не те — А читатели те же, и разве только сделались холоднее сердцем и равнодушнее к поэзии жизни — Поэт отделяется от них, и мало по малу уединяется совершенно. Он творит — для самого себя и если изредка еще обнародывает свои произведения, то встречает холодность, невнимание и находит отголосок своим звукам только в сердцах некоторых поклонников поэзии, затерянных в свете, как он уединенных — Вторая причина есть отсутствие критики и общего мнения — У нас литература не есть потребность народная — Писатели получают известность посторонними обстоятельствами — Публика мало ими занимается — Класс читателей ограничен — и им управляют журналы, которые судят о литературе как о политической экономии, о политической экономии как о музыке, т. е. на обум, по наслышке, безо всяких основательных правил и сведений, а большею частию по личным расчетам. Будучи предметом их неблагосклонности, Баратынский никогда за себя не вступался, не отвечал ни на одну журнальную статью. Правда, что довольно трудно оправдываться там, где не было обвинения, и что с другой стороны довольно легко презирать ребяческую злость и площадные насмешки — тем не менее их приговоры имеют решительное влияние — [1]

Третья причина эпиграммы Баратынского — сии мастерские, образцовые эпиграммы не щадили правителей русского Парнасса. — Поэт наш не только никогда не нисходил к журнальной полемике и ни разу <не> состязался с нашими Аристархами, не смотря на необыкновенную силу своей диалектики, но и не мог удержаться, чтоб сильно не выразить иногда своего мнения в этих маленьких сатирах, столь забавных и язвительных. Не смеем упрекать его за них. Слишком было бы жаль, еслиб они не существовали * —

Сия беспечность о судьбе своих произведений, сие неизменное равнодушие к успеху и похвалам, не только в отношении к журналистам, но и в отношении публики—очень замечательны. Никогда не старался он малодушно угождать господствующему вкусу и требованиям мгновенной моды, никогда не прибегал к шарлатанству, преувеличению (exageration) для произведения большего эффекта, никогда не пренебрегал трудами неблагодарными, редко замеченными, трудами отделки и отчетливости, никогда не тащился по пятам свой век увлекающего Гения, подбирая им оброненные колосья; он шел своею дорогой один и независим. — Время ему занять степень, ему

---

[1] Далее не дописано: И в Баратынском таковые....

* Эпиграмма, определенная законодателем французской пиитики Un bon mot de deux rimes orné скоро стареет, и живее действуя в первую минуту, как и всякое острое слово теряет всю свою силу при повторении— Напротив в эпиграмме Батарынского сатирическая мысль приемлет оборот то сказочный, то драмматический и развивается свободнее, сильнее — — Улыбнувшись ей как острому слову, мы с наслаждением перечитываем ее как произведение искусства. <Примеч. Пушкина>.

lib.pushkinskijdom.ru

принадлежащую — и стать подле Жуковского и выше певца Пенатов и Тавриды.

Перечтите его Эду (которую критики наши нашли *ничтожной*, ибо, как дети, от поэмы требуют они происшествий); перечтите сию простую восхитительную повесть; вы увидите с какою глубиною чувства развита в ней женская любовь. Посмотрите на Эду после первого поцалуя предприимчивого обольстителя.

Взор укоризны, даже гнева
Тогда поднять хотела дева
Но гнева взор не выражал
Веселость ясная сияла
В ее младенческих очах — —

Она любит как дитя, радуется его подарком, резвится с ним, беспечно прибыкает к его ласкам — Но время идет, Эда уже не ребенок.

<На камнях розовых твоих>
Весна <игриво засветлела,
И ярко зелен мох на них,
И птичка весело запела,
И по гранитному одру
Светло бежит ручей сребристой,
И лес прохладою душистой
С востока веет по утру;
Там за горою, дол таится,
Уже цветы пестреют там;
Уже черемух фимиам
Там в чистом воздухе струится:
Своею негою страшна
Тебе волшебная весна.
Не слушай птички сладкогласной!
От сна восставшая, с крыльца
К прохладе утренней лица>
Не обращай <и в дол прекрасной
Не приходи...>

Какая роскошная черта, как весь отрывок исполнен неги. Эда влюблена.....

<1831>.

<ЗАМЕТКИ О ДЕЛЬВИГЕ>.

<1> ДЕЛЬВИГ

Дельвиг родился в Москве (<6 августа> 1798 года). Отец его, умерший генерал-маиором в 182<8> году, был женат на девице Рахмановой.

Дельвиг первоначальное образование получил в частном пансионе; в конце 1811 года вступил он в Царскосельский Лицей. Способности его развивались медленно. Память у него была тупа; понятия ленивы. На 14-м году он не знал никакого иностранного языка и не оказывал склонности ни к какой науке. В нем заметна была только живость воображения. Однажды вздумалось ему рассказать нескольким из своих товарищей поход 1807-го года, выдавая себя за очевидца тогдашних происшествий. Его повествование было так живо и правдоподобно, и так сильно подействовало на воображение молодых слушателей, что несколько дней около него собирался кружок любопытных, требовавших новых подробностей о походе. Слух о том дошел до нашего директора А. Ф. Малиновского, который захотел услышать от самого Дельвига рассказ о его приключениях. Дельвиг постыдился признаться во лжи столь же невинной, как и замысловатой, и решился ее поддержать, что и сделал с удивительным успехом, так что никто из нас не сомневался в истине его рассказов, покаместь он сам не признался в своем вымысле. Будучи еще пяти лет от-роду, вздумал он рассказывать о каком-то чудесном видении и смутил им всю свою семью. В

lib.pushkinskijdom.ru

детях, одаренных игривостию ума, склонность ко лжи не мешает искренности и прямодушию. Дельвиг, рассказывающий о таинственных своих видениях и о мнимых опасностях, которым будто бы подвергался в обозе отца своего, никогда не лгал в оправдании какой-нибудь вины, для избежания выговора или наказания.

Любовь к поэзии пробудилась в нем рано. Он знал почти наизусть собрание Русских стихотворений, изданное Жуковским. С Державиным он не расставался. Клопштока, Шиллера и Гельти прочел он с одним из своих товарищей, живым лексиконом и вдохновенным комментарием. Горация изучил в классе, под руководством профессора Кошанского. Дельвиг никогда не вмешивался в игры, требовавшие проворства и силы; он предпочитал прогулки по аллеям Царского села и разговоры с товарищами, коих умственные склонности сходствовали с его собственными. Первыми его опытами в стихотворстве были подражания Горацию. Оды: к Диону, к Лилете, Дориде, писаны им на пятнадцатом году и напечатаны в собрании его сочинений безо всякой перемены. В них уже заметно необыкновенное чувство гармонии и той классической стройности, которой никогда он не изменял. [1] Впрочем никто не обратил тогда внимания на ранние опресноки столь прекрасного таланта! Никто не приветствовал вдохновенного юношу, между-тем как стихи одного из его товарищей, стихи посредственные, заметные только по некоторой легкости и чистоте мелочной отделки, в то же время были расхвалены и прославлены, как некоторое чудо. Но такова участь Дельвига: он не был оценен при раннем появлении на кратком своем поприще; но он еще не оценен и теперь, когда покоится в своей безвременной могиле!

<1833 — 1834>.

<2.> О ДЕЛЬВИГЕ

Идиллии Дельвига удивительны. Какую должно иметь силу воображения, дабы из России так переселиться в Грецию, из 19 столетия в золотой век — и необыкновенное чутье изящного, дабы так угадать греческую поэзию сквозь латинские подражания или немецкие переводы — эту роскошь, эту негу, эту прелесть более отрицательную, чем положительную, не допускающую ничего запутанного, темного или глубокого, лишнего, неестественного в описаниях, напряженного в чувствах, ничего, что отзывалось бы новейшим остроумием, сию вечную новизну и нечаянность простоты и добродушия, дабы так совершенно оградить себя от прозаического влияния остроумия, умничания, от игривой неправильности романтизма,— дабы сохранить полноту и равновесие чувств, тонкость соображений.

<1827>

<3.>

Я ехал с В<яземским> из Петербурга в Москву. Дельвиг хотел меня проводить до Царского Села.

10 августа 1830 поутру мы вышли из городу. В<яземский> должен был нас догнать на дороге.

Дельвиг обыкновенно просыпался очень поздно, и разбудить его преждевременно было почти невозможно. Но в этот день встал он в осьмом часу, и у него с непривычки кружилась и болела голова. Мы принуждены были зайти в низенький трактир. Дельвиг позавтракал. Мы пошли далее, ему стало легче, головная боль прошла, он стал весел и говорлив.

Завтрак в трактире напомнил ему повесть, которую намеревался он написать. Дельвиг долго обдумывал свои произведения, даже самые мелкие. Он любил в разговорах развивать свои поэтические помыслы, и мы

[1] Зачеркнуто: В то время (1814 году) покойный Влад<имир> Измайлов был издателем Вестника Европы. Дельвиг послал ему свои первые опыты; они были напечатаны без имени его и привлекли внимание одного знатока, который, видя произведения нового, неизвестного пера, уже носящие на себе печать опыта и зрелости, ломал себе голову, стараясь угадать тайну Анонима.

lib.pushkinskijdom.ru

знали его прекрасные создания несколько лет прежде, нежели были они написаны. Но когда наконец он их читал, выраженные в звучных гекзаметрах, они казались нам новыми и неожиданными —

Таким образом Русская его Идиллия, написанная в самый год его смерти, была в первый раз рассказана мне еще в лицейской зале, после скучного математического класса[1] —

<1834>

<4.>

Дельвиг не любил поэзии мистической. Он говаривал: чем ближе к небу, тем холоднее.

<30-ые годы>

<5.>

Дельвиг однажды вызвал на дуэль Булгарина... Булгарин отказался, сказав: «скажите барону Дельвигу, что я на своем веку видел более крови, нежели он чернил».

<30-ые годы>

<6.>

Дельвиг звал однажды Рылеева к девкам. «Я женат», — отвечал Рылеев. «Так что-же, сказал Дельвиг, разве ты не можешь отобедать в ресторации, потому только, что у тебя дома есть кухня?»

<30-ые годы>

<7.>

Д —[2] говаривал, что самою полною сатирою на некоторые литературные общества был бы список членов с означением того, что кем написано. —

<1833>

<О РУССКИХ ЖУРНАЛАХ>

Определяйте значение слов, говорил Декарт, — [и вы избавите свет от половины его заблуждений]. Некоторые из наших писателей видят в русских журналах представителей народного просвещения, указывателей общего мнения и проч. — и вследствие сего требуют для них того уважения, каким пользуются «Journal des débats» и «Edimburgh review».

Журнал в смысле, принятом в Европе, есть отголосок целой партии, периодические памфлеты, издаваемые людьми, известными сведениями и талантами, имеющие свое политическое направление — свое влияние на порядок вещей. Сословие журналистов есть рассадник людей государственных. Они знают это и, собираясь овладеть общим мнением, они страшатся унижать себя в глазах публики недобросовестностью, переметчивостью, корыстолюбием или наглостью. По причине великого конкурса невежество или посредственность не может овладеть монополией журналов, и человек без истинного дарования не выдержит l'epreuve [3] издания. Посмотрите, кто во Франции, кто в Англии издает сии противуборствующие журналы? Здесь Шатобриан, Мартиньяк, Перонет, там Кеннинг, Гиффорд, Джефри, Питт. Что ж тут общего с нашими журналами и журналистами. — Шлюсь на собственную совесть наших литераторов — спрашиваю, по какому праву *Северная Пчела* будет управлять общим мнением русской публики; какой голос может иметь *Северный Меркурий*?

<1831>

<ПЛАН ИЗДАНИЯ РУССКИХ ИСТОРИЧЕСКИХ ПЕСЕН И СТАТЬИ О НИХ>.

Вступление.
Но есть одно в осн<овании?>
Оригинальность отрица<ния?>

---

[1] Приписка Пушкина: La raison de ce que D<elvig> a si peu écrit tient à sa manière de composer. [Причина, по которой Дельвиг так мало написал, кроется в его манере сочинять].

[2] Вернее всего, прочесть «Дельвиг». *Ред.*

[3] Испытания.

<30-ые годы>

lib.pushkinskijdom.ru

Истор<ические> п<есни>.
О Ив<ане Грозном>.—О Мас<трюке Темрюковиче>.—О Ст<еньке> Раз<не>. — О Цыклере. — О Петре. — О Шереметеве. — О Меншикове.— Казацк<ие песни>. — Далее про Фермора. — Про Сув<орова>.
Новейшее влияние. Мера, рифмы...
Сумар<око>в

<1831—1832>

О НОВЕЙШИХ РОМАНАХ

Barnave, Confess<ion>, Femme guill<otinée>—Eugene Sue.—De Vigny, Hugo. — Balzac, Scènes <de la vie privée>, Peau de chagr<in>, Contes bruns, drolati<ques> — Musset, Tables de nuit. — Поэзия фр<анцузская>— Byron
Муравьев. — Полевой (Пол. — романист). — Свиньин. — Карамзин.

<1832>

<О «ПУТЕШЕСТВИИ К СВ. МЕСТАМ»> А. Н. МУРАВЬЕВА.

В 1829 году внимание Европы было обращено на Адрианополь, где решалась судьба Греции, целые 8 лет занимавшей помышления всего просвещенного мира.—Греция оживала, могущественная помощь Севера возвращала ей независимость и самобытность. —

Во время переговоров, среди торжествующего нашего стана, в виду смятенного Константинополя, один молодой поэт думал о ключах Св. Храма, о Иерусалиме, ныне забытом христианскою Европою — для суетных развалин Парфенона и Ликея. — Ему представилась возможность исполнить давнее желание, <неразобр.> любимую мечту отрочества. Г. М<уравьев> через г<енерала> Дибича получил дозволение посетить св. места — и к ним отправился через Константинополь и Александрию. Ныне издал он свои путевые записки.

С умилением и невольной завистью прочли мы книгу господина М<уравьева>. Здесь...., говорит другой рус<ский> путешественник, — —[1] Но молодой наш соотечественник привлечен туда не суетным желанием обрести краски для поэтического романа, не беспокойным любопытством найти насильственные впечатления для сердца усталого, притупленного. Он посетил св. места, как верующий, как смиренный простодушный крестоносец, жаждущий повергнуться во прах пред гробом Христа Спасителя. — Он traverse[2] Грецию, préoccupé[3] одною великой мыслию, он не старается, как Ш<атобриан>, воспользоваться противуположными [красотами мифологий] Библии и Одиссеи — Он не останавливается, он спешит, он [мимоходом] беседует с ст<рашным?> преобразователем Египта,[4] проникает в глубину пирамид, пускается в пустыню, оживленную черными шатрами бедуинов и верблюдами караванов, вступает в обетованную землю, наконец с высоты вдруг видит Ерусалим — —.

<1832>

<МЫСЛИ НА ДОРОГЕ>

ШОССЕ.

Узнав, что новая московская дорога совсем окончена, я вздумал съездить в Петербург, где не бывал более пятнадцати лет. Я записался в контору поспешных дилижансов (которые показались мне спокойнее прежних почтовых карет) и 15 октября в десять часов утра выехал из тверской заставы.

---

[1] Место для вставки какой-то цитаты. *Ред.*
[2] Пересекает.
[3] Занят.
[4] Магомет-Али. *Ред.*

lib.pushkinskijdom.ru

Катясь по гладкому шоссе, в спокойном экипаже, не заботясь ни о его прочности, ни о прогонах, ни о лошадях, я вспомнил о последнем своем путешествии в Петербург по старой дороге. Не решившись скакать на перекладных, я купил тогда дешевую коляску и с одним слугою отправился в путь. Не знаю, кто из нас, Иван или я, согрешил перед выездом, но путешествие наше было неблагополучно. Проклятая коляска требовала поминутно починки. Кузнецы меня притесняли, рытвины и местами деревянная мостовая совершенно измучили. Целые шесть дней тащился я по несносной дороге и приехал в Петербург полумертвый. Мои приятели смеялись над моей изнеженностию, но я не имею и притязаний на фельдегерское геройство и, по зимнему пути возвратясь в Москву, с той поры уже никуда не выезжал.

Вообще дороги в России (благодаря пространству) хороши и были бы еще лучше, если бы губернаторы менее об них заботились. Например: дерн есть уже природная мостовая; зачем его сдирать и заменять наносной землею, которая при первом дождике обращается в слякость? Поправка дорог, одна из самых тягостных повинностей, не приносит почти никакой пользы и есть большею частью предлог к утеснению и взяткам. Возьмите первого мужика, хотя крошечку смышленного, и заставьте его провести новую дорогу: он начнет, вероятно, с того, что пророет два параллельные рва для стечения дождевой воды. Лет 40 тому назад один воевода, вместо рвов, поделал парапеты, так что дороги сделались ящиками для грязи. Летом дороги прекрасны; но весной и осенью путешественники принуждены ездить по пашням и полям, потому что экипажи вязнут и тонут на большой дороге, между тем как пешеходы, гуляя по парапетам, благословляют память мудрого воеводы. Таких воевод на Руси весьма довольно.

Великолепное московское шоссе начато по повелению императора Александра; дилижансы учреждены обществом частных людей. Так должно быть и во всем: правительство открывает дорогу, частные люди находят удобнейшие способы ею пользоваться.

Не могу не заметить, что со времен восшествия на престол дома Романовых у нас правительство всегда впереди на поприще образованности и просвещения. Народ следует за ним всегда лениво, а иногда и неохотно.

Собравшись в дорогу, вместо пирогов и холодной телятины, я хотел запастися книгою, понадеясь довольно легкомысленно на трактиры и боясь разговоров с почтовыми товарищами. В тюрьме и в путешествии всякая книга есть божий дар, и та, которую не решитесь вы и раскрыть, возвращаясь из английского клоба или собираясь на бал, покажется вам занимательна, как арабская сказка, если попадется вам в каземате или в поспешном дилижансе. Скажу более: в таких случаях, чем книга скучнее, тем она предпочтительнее. — Книгу занимательную вы проглотите слишком скоро, она слишком врежется в вашу память и воображение; перечесть ее уже невозможно. Книга скучная, напротив, читается с расстановкою, с отдохновением — оставляет вам способность позабыться, мечтать; опомнившись, вы опять за нее принимаетесь, перечитываете места, вами пропущенные без внимания etc. Книга скучная представляет более развлечения. — Понятие о скуке весьма относительное. Книга скучная может быть очень хороша; не говорю об книгах ученых, но и об книгах, писанных с целию просто литературною. Многие читатели согласятся со мною, что *Клариса* очень утомительна и скучна, но со всем тем роман ричардсонов имеет необыкновенное достоинство.

Вот на что хороши — путешествия.

Итак, собравшись в дорогу, зашел я к старому моему приятелю, коего библиотекой привык я пользоваться. Я просил у него книгу скучную, но любопытную в каком бы то ни было отношении. Приятель мой хотел было мне дать нравственно-сатирический роман, утверждая, что скучнее ничего быть не может, а что книга очень любопытна в отношении участи ее в публике, но я его благодарил, зная уже по опыту непреодолимость нравственно-сатирических романов. «Постой», сказал мне <Соболевский>, «есть у меня для тебя книжка». С этим словом вынул он из-за полного

lib.pushkinskijdom.ru

собрания сочинений Александра Сумарокова и Михаила Хераскова книгу, повидимому, изданную в конце прошлого столетия. «Прошу беречь ее», сказал он таинственным голосом. «Надеюсь, что ты вполне оценишь и оправдаешь мою доверенность». Я раскрыл ее и прочел заглавие: *Путешествие из Петербурга в Москву.* С.П.Б. 1790 году с эпиграфом:

Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лаяй.
Тилимахида. Кн. XVIII ст. 514.

Книга, некогда прошумевшая соблазном и навлекшая на сочинителя гнев Екатерины, смертный приговор и ссылку в Сибирь; ныне типографическая редкость, потерявшая свою заманчивость, случайно встречаемая на пыльной полке библиомана или в мешке брадатого разносчика.

Я искренно благодарил <Соболевского> и взял с собою путешествие. Содержание его всем известно. Радищев написал несколько отрывков, дав каждому в заглавие название одной из станций, находящихся на дороге из Петербурга в Москву. В них излил он свои мысли безо всякой связи и порядка. В Черной Грязи, пока переменяли лошадей, я начал книгу с последней главы и таким образом заставил Радищева путешествовать со мною из Москвы в Петербург.

МОСКВА

Москва! Москва!... восклицает Радищев на последней странице своей книги и бросает желчью напитанное перо, как будто мрачные картины его воображения рассеялись при взгляде на золотые маковки Москвы белокаменной. Вот уже Всесвятское... Он прощается с утомленным читателем; он просит своего сопутника подождать его у околицы; на возвратном пути он примется опять за свои горькие полу-истины, за свои дерзкие мечтания. Теперь ему некогда: он скачет успокоиться в семье родных, позабыться в вихре московских забав. До свидания, читатель! Ямщик, погоняй! Москва! Москва!...

Многое переменилось со времен Радищева... Ныне, покидая смиренную Москву и готовясь увидеть блестящий Петербург, я заранее встревожен при мысли переменить мой тихий образ жизни на вихрь и шум, ожидающий меня, голова моя заранее кружится....

Fuit Troja, fuimus Trojani[1]. Некогда соперничество между Москвой и Петербургом действительно существовало. Некогда в Москве пребывало богатое, неслужащее боярство, вельможи, оставившие двор, люди независимые, беспечные, страстные к безвредному злоречию и к дешевому хлебосольству; некогда Москва была сборным местом для всего русского дворянства, которое изо всех провинций съезжалось в нее на зиму. Блестящая гвардейская молодежь налетала туда ж из Петербурга. Во всех концах древней столицы гремела музыка и везде была толпа. В зале благородного собрания два раза в неделю было до пяти тысяч народу. Тут молодые люди знакомились между собою; улаживались свадьбы. Москва славилась невестами, как Вязьма пряниками; московские обеды (так оригинально описанные князем Долгоруким) вошли в пословицу. Невинные странности москвичей были признаком их независимости. Они жили по своему, забавлялись, как хотели, мало заботясь о мнении ближнего. Бывало, богатый чудак выстроит себе на одной из главных улиц китайский дом с зелеными драконами, с деревянными мандаринами под золочеными зонтиками. Другой выедет в Марьину рощу в карете из кованного серебра 84-ой пробы. Третий на запятки четвероместных саней поставит человек пять арапов, егерей и скороходов и цугом тащится по летней мостовой. Щеголихи, перенимая петербургские моды, налагали и на наряды неизгладимую печать. Надменный Петербург издали смеялся и не вмешивался в затеи старушки Москвы. Но куда девалась эта шумная, праздная, беззаботная жизнь? Куда девались балы, пиры, чудаки и проказники — все исчезло. Остались одни невесты, к которым нельзя, по крайней мере, применить грубую пословицу: vieilles

[1] Была некогда Троя, были мы троянцы,

lib.pushkinskijdom.ru

comme les rues [1]: Московские улицы, благодаря 1812 году, моложе московских красавиц, все еще *цветущих розами!* Ныне в присмиревшей Москве огромные, боярские дома стоят печально между широким двором, заросшим травою, и садом, запущенным и одичалым. Под вызолоченным гербом торчит вывеска портного, который платит хозяину 30 рублей в месяц за квартиру; великолепный бель-этаж нанят мадамой для пансиона — и то слава богу! На всех воротах прибито объявление, что дом продается и отдается в наймы, и никто его не покупает и не нанимает. Улицы мертвы; редко по мостовой раздается стук кареты; барышни бегут к окошкам, когда едет один из полицмейстеров со своими казаками. Подмосковные деревни также пусты и печальны: роговая музыка не гремит в рощах Свирлова и Останкина; плошки и цветные фонари не освещают английских дорожек, ныне заросших травою, а, бывало, уставленных миртовыми и померанцевыми деревьями. Пыльные кулисы домашнего театра тлеют в зале, оставленные после последнего представления французской комедии. Барский дом дряхлеет. Во флигели живет немец управитель и хлопочет о проволочном заводе. Обеды даются уже не хлебосолами старинного покроя, в день хозяйских именин или в угоду веселых обжор, в честь вельможи, удалившегося от двора, но обществом игроков, задумавших обобрать наверное юношу, вышедшего из под опеки, или саратовского откупщика. Московские балы.... Увы! Посмотрите на эти домашние прически, на эти белые башмачки, искусно забеленные мелом.... Кавалеры набраны кое-где—и что за кавалеры! *Горе от Ума* есть уже картина обветшалая, печальный анахронизм. Вы в Москве уже не найдете ни Фамусова, который *всякому, ты знаешь, рад* и князю Петру Ильичу, и французу из Бордо, и Загорецкому и Скалозубу, и Чацкому; ни Татьяны Юрьевны, которая

Балы дает нельзя богаче
От Рождества и до поста,
А летом праздники на даче.

Хлестова в могиле; Репетилов в деревне. Бедная Москва!...

Петр I не любил Москвы, где на каждом шагу встречал воспоминания мятежей и казней, закоренелую старину и упрямое сопротивление суеверия и предрассудков. Он оставил Кремль, где ему было не душно, но тесно; и на дальнем берегу Балтийского моря искал досуга, простора и свободы для своей мощной и беспокойной деятельности. После него, когда старая наша аристократия возымела свою прежнюю силу и влияние, Долгорукие чуть было не возвратили Москве своих государей; но смерть молодого Петра II-го снова утвердила за Петербургом его недавние права.

Упадок Москвы есть неминуемое следствие возвышения Петербурга. Две столицы не могут в равной степени процветать в одном и том же государстве, как два сердца не существуют в теле человеческом. Но обеднение Москвы доказывает и другое: обеднение русского дворянства, происшедшее *частию* от раздробления имений, исчезающих с ужасной быстротою, *частию* от других причин, о которых успеем еще потолковать.

Но Москва, утратившая свой блеск аристократический, процветает в других отношениях: промышленность, сильно покровительствуемая, в ней оживилась и развилась с необыкновенною силою. Купечество богатеет и начинает селиться в палатах, покидаемых дворянством. С другой стороны, просвещение любит город, где Шувалов основал университет по предначертанию Ломоносова.

Московская словесность выше петербургской. Литераторы петербургские, по большей части, не литераторы, но предприимчивые и смышленые литературные откупщики. Ученость, любовь к искусству и таланты бесспорнмо на стороне Москвы.

Московский журнализм убьет журнализм петербургский. Московская критика с честию отличается от петербургской. Шевырев, Киреевский, Погодин и другие написали несколько опытов, достойных стать наряду с луч-

[1] Стары, как улицы.

lib.pushkinskijdom.ru

шими статьями английских Reviews[1], между тем как петербургские журналы судят о литературе, как о музыке; о музыке, как о политической экономии, т. е. наобум и как-нибудь, иногда впопад и остроумно, но большею частию неосновательно и поверхностно.

Философия немецкая, которая нашла в Москве, может быть, слишком много молодых последователей, кажется, начинает уступать духу более практическому. Тем не менее влияние ее было благотворно: она спасла нашу молодежь от холодного скептицизма французской философии и удалила ее от упоительных и вредных мечтаний, которые имели столь ужасное влияние на лучший цвет предшествовавшего поколения!

Кстати: я отыскал в моих бумагах любопытное сравнение между обеими столицами. Оно написано одним из моих приятелей, великим меланхоликом, имеющим иногда свои светлые минуты веселости

МОСКВА
и
ПЕТЕРБУРГ.

ЛОМОНОСОВ.

В конце книги своей Радищев поместил слово о Ломоносове. Оно писано слогом надутым и тяжелым. Радищев имел тайное намерение нанести удар неприкосновенной славе *Росского Пиндара.* Достойно замечания и то, что Радищев тщательно прикрыл это намерение уловками уважения и обошелся со славою Ломоносова гораздо осторожнее, нежели с верховной властию, на которую напал с такой безумной дерзостию. Он более тридцати страниц наполнил пошлыми похвалами стихотворцу, ритору и грамматику, чтоб в конце своего слова поместить следующие мятежные строки.

«Мы желаем показать, что в отношении российской словесности тот, кто путь ко храму славы проложил, есть первый виновник в приобретении славы, хотя бы он войти во храм не мог. Бакон Веруламский недостоин разве напоминания, что мог токмо сказать, как можно размножать науки? Недостойны разве признательности мужественные писатели, восстающие на губительство и всесилие для того, что не могли избавить человечество из оков и пленения? и мы не почтем Ломоносова, для того, что *не равумел правил поворищного стихотворения и томился в эпопеи, что чужд был в стихах чувствительности, что не всегда проницателен в суждениях и что в самых одах своих вмещал иногда более слов, нежели мыслей*».

Ломоносов был великий человек. Между Петром I и Екатериною II он один является самобытным сподвижником просвещения. Он создал первый университет. Он, лучше сказать, сам был первым нашим университетом. Но в сем университете профессор поэзии и элоквенции не что иное, как исправный чиновник, а не поэт вдохновенный свыше, не оратор мощно увлекающий. Однообразные и стеснительные формы, в кои отливал он свои мысли, дают его прозе ход утомительный и тяжелый. Эта схоластическая величавость, полу-славенская, полу-латинская, сделалась было необходимостию: к счастию, Карамзин освободил язык от чуждого ига и возвратил ему свободу, обратив его к живым источникам народного слова.

В Ломоносове нет ни чувства, ни воображения. Оды его, писанные по образцу тогдашних немецких стихотворцев, давно уже забытых в самой Германии, утомительны и надуты. Его влияние на словесность было вредное и до сих пор в ней отзывается. Высокопарность, изысканность, отвращение от простоты и точности, отсутствие всякой народности и оригинальности, вот следы, оставленные Ломоносовым. Ломоносов сам не дорожил своею поэзиею и гораздо более заботился о своих химических опытах, нежели о должностных одах на высокоторжественный день тезоименитства и проч. С каким презрением говорил он о Сумарокове, страстном к своему искусству, *об этом человеке, который ни о чем, кроме как о бедном своем*

[1] «Обозрений».

lib.pushkinskijdom.ru

рифмичестве не думает.... Зато с каким жаром говорит он о науках, о просвещении. Смотрите письма его к Шувалову, к Воронцову и пр.

Ничто не может дать лучшего понятия о Ломоносове, как следующий рапорт, поданный им Шувалову, о своих упражнениях с 1751 года по 1757.

«По ордеру вашего сиятельства велено всем академическим профессорам и адъюнктам, чтобы рапортовали вашему сиятельству о своих трудах и упражнениях в науках с 1751 года поныне. В силу оного рапортую, что с того времени до нынешнего числа по моей профессии и в других науках я учинил погодно.

В 1751 году.

В химии. 1) Произведены многие опыты химические, по большей части огнем для исследования натуры цветов, что значит того же году журнал лаборатории на 12 листах и другие записки. 2) Говорил сочиненную свою речь о пользе химии на российском языке. 3) Вымыслил некоторые новые инструменты для физической химии.

В физике. 1) Делал опыты в большие морозы для изыскания: какою пропорциею воздух сжимается и расширяется по всем градусам термометра. 2) Летом деланы опыты зажигательным стеклом и термометром, коль высоко втекает ртуть в разных расстояниях от зажигательной точки. 3) Сделаны опыты, как разделять олово от свинца одним плавлением, без всяких посторонних материй простою механикою, что изрядный успех имеет и весьма дешево становится.

В истории. Читал книги для собрания материй к сочинению российской истории: Нестора, законы Ярославли, большой летописец, Татищева первый том, Кромера, Вейсселя, Гелмолда, Арнолда и другие, из которых брал нужные эксцерпты или выписки и примечания, всех числом 653 статьи, на 15 листах.

В словесных науках. 1) Сочинил трагедию, *Демофонт* называемую. 2) Сочинял стихи на иллюминации. 3) Собранные прежде сего материи к сочинению грамматики начал приводить в порядок. Давал приватные лекции студентам в российском стихотворстве; а особливо Поповскому, который ныне профессором. 4) Диктовал студентам сочиненное мною начало третьей книги красноречия о стихотворстве вообще.

В 1752 году.

В химии. 1) Деланы многие химические опыты для теории цветов, о чем явствует в журнале сего года на 25 листах. 2) Показывал студентам химические опыты тем курсом, как сам учился у Генкеля. 3) Для ясного понятия и краткого познания всей химии диктовал студентам и толковал сочиненные мною в физической химии пролегомены на латинском языке, которые содержатся на 13 листах в 150 параграфах, со многими фигурами, на шести полулистах. 4) Изыскал способы и практикою доказал, как составлять мусию. 5) По канцелярскому указу обучал составлению разноцветных стекол, присланного из канцелярии строений ученика Дружинина для здешних стеклянных заводов.

В физике. 1) Нинил электрические воздушные наблюдения с немалою опасностию. 2) Зимою повторял опыты о разном протяжении воздуха по градусам термометра.

В истории. Для собрания материалов к российской истории читал Кранца, Претория, Муратория, Иорнанда, Прокопия, Павла дьякона, Зонара, Феофана Исповедника, Леона Грамматика и иных эксцерптов нужных на 5 листах в 161 статье.

В словесных науках. 1) Сочинил оду на восшествие на престол ее императорского величества. 2) Письмо о пользе стекла. 3) Изобретал иллюминации и сочинял к ним стихи: на 25 апреля, на 5 сентября, на 25 ноября. 4) Оратории второй части красноречия сочинил 10 листов

В 1753 году.

В химии. 1) Продолжались опыты для исследования натуры цветов, что показывает журнал того же года на 56 листах. 2) По окончании лекций делал новые химико-физические опыты, дабы привести химию сколько можно к философскому познанию и сделать частью основательной физики: из оных

lib.pushkinskijdom.ru

многочисленных опытов, где мера, вес и их пропорция показаны, сочинены многие цифирные таблицы, на 24 полулистовых страницах, где каждая строка целый опыт содержит.

В физике. 1) С покойным профессором Рихманом делал химико-физические опыты в лаборатории для исследования градуса теплоты, который на себя вода принимает от погашенных в ней минералов, прежде раскаленных. 2) Чинил наблюдения электрической силы на воздухе с великою опасностию. 3) Говорил в публичном собрании речь о явлениях воздушных, от электрической силы происходящих, с истолкованием многих других свойств натуры. 4) Делал опыты, коими оказалось, что цветы, а особливо красный, на морозе ярчее, нежеле в теплоте.

В истории. 1) Записки из упомянутых прежде авторов приводил под статьи числами. 2) Читал Российские Академические Летописцы без записок, чтобы общее понятие иметь пространно о деяниях российских.

В словесных науках. 1) Для российской грамматики привел глаголы в порядок. 2) Пять проэктов со стихами на иллюминации и фейерверки: на 1 января, на 25 апреля, на 5 сентября, на 25 ноября и на 18 декабря.

В 1754 году.

В химии. 1) Сделаны разные опыты химические, которые содержатся в журнале сего года на 46 листах. 2) Повторением поверены физико-химические таблицы, прошлого года сочиненные.

В физике. 1) Изобретены некоторые способы к сысканию долготы и ширины на море при мрачном небе. В практике исследовать сего без адмиралтейства невозможно. 2) Деланы опыты метеорологические над водою, из Северного Океана привезенною, в каком градусе мороза она замерзнуть может. Притом были разные химические растворы морожены для сравнения. 3) Деланы опыты при пильной мельнице в деревне, как текущая по наклонению вода течение свое ускоряет и какою силою бьет. 4) Делал опыт машины, которая бы, подымаясь кверху сама, могла поднять с собою маленький термометр, дабы узнать градус теплоты на вышине, которая хотя слишком на два золотника облегчалась, однако к желаемому концу не приведена.

В истории. Сочинен опыт истории славянского народа до Рюрика: Дедикация, вступление; глава 1, о старобытных жителях в России; глава 2, о величестве и поколениях славянского народа; глава 3, о древности славянского народа, всего 8 листов.

В словесных науках. 1) Сочинил оду на рождение государя великого князя Павла Петровича. 2) Изобрел фейерверк, который был представлен на новый 1754 год и стихи сделал. Также делал проэкты на иллюминацию и фейерверки: к 25 апреля, к 5 сентября, к 25 ноября.

В 1755 году.

В химии. Деланы разные физико-химические опыты, что явствует в журнале того ж года на 14 листах.

В физике. 1) Сочинил диссертацию о должности журналистов, в которой опровергнуты все критики, учиненные в Германии против моих диссертаций, в комментариях напечатанных, а особливо против новых теорий о теплоте и стуже, о химических растворах и упругости воздуха. Оная диссертация переведена господином Формеем на французский язык и в журнале, называемом: *Немецкая библиотека* (Bibliothèque germanique) на оном языке напечатана. 2) Сочинил письмо о северном ходу в Ост-Индию Сибирским океаном.

В истории. Сделан опыт описанием владения первых великих князей российских: Рюрика, Олега, Игоря.

В словесных науках. 1) Сочинил и говорил в публичном собрании слово похвальное блаженые памяти государю императору Петру Великому. 2) Сочинив большую часть грамматики, привел к концу, которая в нынешнем году печатью к концу приходит. 3) Сочинил письмо о сходстве и переменах языков.

В 1756 году.

В химии. 1) Между разными химическими опытами, которых журнал на 13 листах, деланы опыты в заплавленных накрепко стеклянных сосудах,

lib.pushkinskijdom.ru

чтобы исследовать: прибывает ли вес металлов от чистого жару. Оными опытами нашлось, что славного Роберта Бициия мнение ложно, ибо без пропущения внешнего воздуха вес сожженного металла остается в одной мере. 2) Учинены опыты химические со вспоможением воздушного насоса, где в сосудах химических, из которых был воздух вытянут, показывали на огне минералы такие феномены, какие химикам еще неизвестны. 3) Ныне лаборатор Клементьев под моим смотрением изыскивает по моему указанию, как бы сделать для фейерверков верховые зеленые звездки.

В *физике*. 1) Изобретен мною новый оптический инструмент, который я назвал никоптическою трубою (tubus nycopticus); оный должен служить к тому, чтобы ночью видеть можно было. Первый опыт показывает на сумерках ясно те вещи, которые простым глазом не видны и весьма надеяться можно, что старанием искусных мастеров может простереться до такого совершенства, какого ныне достигли телескопы и микроскопы от малого начала. 2) Сделал четыре новоизобретенные мною пендула, из которых один медный, длиною в сажень, однако служит чрез механические стрелки против такого, который бы был вышиною с четвертью на версту. Употребляется к тому, чтобы узнать, всегда ли с земли центр, притягающий к себе тяжкие тела, стоит неподвижно или переменяет место. 3) Говорил в публичном собрании сочиненную мною речь о цветах.

В истории. Собранные мною в нынешнем году российские исторические манускрипты для моей библиотеки, пятнадцать книг, сличал между собою для наблюдения сходств в деяниях российских.

В словесных науках. 1) Сочиняю героическую поэму, именуемую: *Петр Великий*. 2) Сделал проект со стихами для фейерверка к 18 декабря сего года.

Сверх сего в разные годы зачаты делать диссертации: 1) О лучшем и ученом мореплавании. 2) О твердом термометре. 3) О трясении земли. 4) О первоначальных частицах, тела составляющих. 5) О градусах теплоты и стужи, как их определить основательно со мнением о умеренности растворения воздуха на планетах. К совершению привесть отчасти препятствуют другие дела, отчасти протяжным печатанием комментариев охота отнимается».

Сумароков был шутом у всех тогдашних вельмож: у Шувалова, у Панина. Его дразнили, подстрекали и забавлялись его выходками.

Фонвизин, коего характер имеет нужду в оправдании, забавлял знатных, передразнивая Александра Петровича в совершенстве. Державин исподтишка писал сатиры на Сумарокова и приезжал как ни в чем не бывало наслаждаться его бешенством. Ломоносов был иного покроя. С ним шутить было накладно. Он везде был тот же: дома, где все его трепетали; во дворце, где он дирал за уши пажей; в Академии, где по свидетельству Шлецера, не смели при нем пикнуть. Немногим известна стихотворная перепалка его с Дмитрием Сеченовым, по случаю *Гимна Бороде*, не напечатанного ни в одном собрании его сочинений. Она может дать понятие о заносчивости поэта, как и о нетерпимости проповедника. Со всем тем Ломоносов был добродушен. Как хорошо его письмо о семействе несчастного Рихмана! В отношении к самому себе он был очень беспечен и, кажется, жена его хоть была и немка, но мало смыслила в хозяйстве. Вдова одного старого профессора, услыша что речь идет о Ломоносове, спросила: «О каком Ломоносове говорите вы? не о Михаиле ли Васильевиче? То-то был пустой человек! бывало от него всегда бегали к нам за кофейником. Вот Тредьяковский, Василий Кирилович — вот этот был почтенный и порядочный человек.» Тредьяковский был конечно почтенный и порядочный человек. Его филологические и грамматические изыскания очень замечательны. Он имел о русском стихосложении обширнейшее понятие, нежели Ломоносов и Сумароков. Любовь его к Фенелонову эпосу делает ему честь, а мысль перевести его стихами и самый выбор стиха, доказывает необыкновенное чувство изящного. В *Телемахиде* находится много хороших стихов и счастливых оборотов. Радищев написал о них целую статью (см. собрание сочинений Н. Радищева). Дельвиг приводил часто следующий стих в пример прекрасного гекзаметра.

lib.pushkinskijdom.ru

Корабль Одиссеев
Бегом волны деля, из очей ушел и скрылся.

Вообще изучение Тредьяковского приносит более пользы, нежели изучение наших старых писателей. Сумароков и Херасков верно не стоят Тредьяковского, — habent sua fata libelli [1].

Радищев укоряет Ломоносова в лести и тут же извиняет его. Ломоносов наполнил торжественные свои оды высокопарною хвалою; он без обиняков называет благодетеля своего графа Шувалова своим благодетелем; он в какой-то придворной идиллии воспевает графа К. Разумовского под именем Полидора; он стихами поздравляет графа Орлова с возвращением его из Финляндии; он пишет: «*Его сиятельство граф М. Л. Воронцов, по своей высокой ко мне милости, изволил взять от меня пробы мозаических составов для покавания ее величеству.*—Ныне все это вывелось из обыкновения. Дело в том, что расстояние от одного сословия до другого в то время еще существовало. Ломоносов, рожденный в низком сословии, не думал возвысить себя наглостию и запанибратством с людьми высшего состояния (хотя, впрочем, по чину, он мог быть им и равный). Но зато умел он за себя постоять и не дорожил ни покровительством своих меценатов, ни своим благосостоянием, когда дело шло о его чести или о торжестве его любимых идей. Послушайте, как пишет он этому самому Шувалову, *предстателю муз, высокому своему патрону*, который вздумал было над ним пошутить: «Я, ваше высокопревосходительство, не только у вельмож, но ниже у господа моего бога дураком быть не хочу».

В другой <раз>, заспоря с тем же вельможею, Ломоносов так его рассердил, что Шувалов закричал: «Я отставлю тебя от Академии!» Нет, возразил гордо Ломоносов,—разве Академию от меня отставят. Вот каков был этот униженный сочинитель похвальных од и придворных идиллий!

Patronage (покровительство) до сей поры сохраняется в обычаях английской литературы. Почтенный Кребб, умерший в прошлом году поднес все свои прекрасные поэмы to his Grace the Duke etc [2]. В своих смиренных посвящениях он почтительно упоминает о милостях и высоком покровительстве, коих он удостоился etc. В России вы не встретите ничего подобного. У нас, как заметила M-me de Stäel, словесностию занимались, большею частию, дворяне (En Russie quelques gentilshommes se sont occupés de littérature [3]) Это дало особенную физиономию нашей литературе; у нас писатели не могут изыскивать милостей и покровительства у людей, которых почитают себе равными, и подносить свои сочинения вельможе или богачу, в надежде получить от него 500 рублей, или перстень, украшенный драгоценными каменьями. Что же из этого следует? что нынешние писатели благороднее мыслят и чувствуют, нежели мыслил и чувствовал Ломоносов и Костров? позвольте в том усумниться.

Нынче писатель, краснеющий при одной мысли посвятить книгу свою человеку, который выше его двумя или тремя чинами, не стыдится публично жать руку журналисту, ошельмованному в общем мнении, но который может повредить продаже книги, или хвалебным объявлением заманить покупщиков. Ныне последний из писак, готовый на всякую приватную подлость, громко проповедует независимость, и пишет безыменные пасквили на людей, перед которыми растилается в их кабинете.

К тому ж с некоторых пор литература стала у нас ремесло выгодное и публика в состоянии дать более денег, нежели его сиятельство такой-то или его высокопревосходительство такой-то. Как бы то ни было, повторяю, что формы ничего не значат. Ломоносов и Кребб достойны уважения всех честных людей, несмотря на их смиренные посвящения; а господа NN всетаки презрительны — несмотря на то, что в своих книжках они проповедают независимость и что они свои сочинения посвящают не доброму и умному вельможе, а какому-нибудь шельме и врялю, подобному им.

---

[1] Книги имеют свою судьбу.
[2] Его светлости, герцогу, и т. д
[3] России несколько дворян стали заниматься литературой.

lib.pushkinskijdom.ru

БРАКИ.

<«Здесь я видел также изрядной опыт самовластия дворянского над крестьянами. Проезжала тут свадьба. Но вместо радостного поезда и слез боязливой невесты, скоро в радость претвориться определенных, зрелись на челе определенных вступать в супружество печаль и уныние. Они друг друга ненавидят и властию господина своего влекутся на казнь, к алтарю отца всех благ, подателя нежных чувствований и веселий, виждителя истинного блаженства, творца вселенныя. И служитель его примет исторгнутую властию клятву, и утвердит брак! И сие назовется союзом божественным! И богохуление сие останется на пример другим! И неустройство сие в законе останется ненаказанным!.... Почто удивляться сему? Благословляет брак наемник; градодержатель, для охранения закона определенный, дворянин. Тот и другой имеют в сем свою пользу. Первый ради получения мзды; другой, дабы, истребляя поносительное человечеству насилие, не лишиться самому лестного преимущества, управлять себе подобным самовластно. О! горестная участь многих миллионов! конец твой сокрыт еще от взора и внучат моих»..... *Путешествие*, стр. 417 — 418>.

Радищев в главе *Черная Грязь* говорит о браках поневоле и горько порицает самовластие господ и потворство *градодержателей* (городничих?). Вообще, несчастие жизни семейственной есть отличительная черта во нравах русского народа. Шлюсь на русские песни: обыкновенное их содержание — или жалобы красавицы, выданной замуж насильно; или упреки молодого мужа постылой жене. Свадебные песни наши унылы, как вой похоронный. Спрашивали однажды у старой крестьянки, по страсти ли вышла она замуж? По страсти, отвечала старуха, я было заупрямилась, да староста грозился меня высечь. Таковые страсти обыкновенны. Неволя браков давнее зло. Недавно правительство обратило внимание на лета вступающих в супружество: это уже шаг к улучшению. Осмелюсь заметить одно: возраст, назначенный законным сроком для вступления в брак, мог бы для женского пола быть уменьшен. Пятнадцатилетняя девка и в нашем климате уже *на выдании*, а крестьянские семейства нуждаются в работницах.

РЕКРУТСТВО. ГОРОДНЯ.

<«Въезжая в сию деревню, не стихотворческим пением слух мой был ударяем, но пронзающим сердца воплем жен, детей и старцев. Встав из моей кибитки, отпустил я ее к почтовому двору, любопытствуя узнать причину приметного на улице смятения.

Подошед к одной куче, узнал я, что рекрутский набор был причиною рыдания и слез многих толпящихся. Из многих селений казенных и помещичьих сошлися отправляемые на отдачу рекруты.

В одной толпе старуха лет пятидесяти, держа за голову двадцатилетнего парня, вопила: «Любезное мое дитятко, на кого ты меня покидаешь? Кому ты поручаешь дом родительский? Поля наши поростут травою, мохом наша хижина. Я бедная, престарелая мать твоя скитаться должна по миру. Кто согреет мою дряхлость от холода, кто укроет ее от зноя? Кто напоит меня и накормит? Да все то не столь сердцу тягостно; кто закроет мои очи при издыхании? Кто примет мое родительское благословение? Кто тело предаст общей нашей матери сырой земле. Кто придет воспомянуть меня над могилою? Не канет на нее твоя горячая слеза; не будет мне отрады той.»

Подле старухи стояла девка уже взрослая. Она также вопила. «Прости мой друг сердечной, прости мое красное солнушко. Мне, твоей невесте нареченной, не будет больше утехи, ни веселья. Не позавидуют мне подруги мои. Не взойдет надо мною солнце для радости. Горевать ты меня покидаешь, ни вдовою, ни мужнею женою. Хотя бы бесчеловечные наши старосты, хоть дали бы нам обвенчаться; хотя бы ты, мой милой друг, хотя бы одну уснул ноченьку, уснул бы на белой моей груди. Авось ли бы бог меня помиловал и дал бы мне паренька на утешение.»

Парень им говорил: «перестаньте плакать, перестаньте рвать мое сердце. Зовет нас государь на службу. На меня пал жеребей. Воля божия.

lib.pushkinskijdom.ru

Кому не умирать, тот жив будет. Авось-либо я с полком к вам приду. Авось-либо дослужуся до чина. Не крушися, моя матушка родимая. Береги для меня Прасковьюшку». — Рекрута сего отдавали из экономического селения.

Совсем другого рода слова внял слух мой в близь стоящей толпе. Среди оной я увидел человека лет тридцати, посредственного роста, стоящего бодро и весело на окрест стоящих взирающего.

«Услышал господь молитву мою», вещал он. «Достигли слезы несчастного до утешителя всех. Теперь буду хотя знать, что жребий мой зависеть может от доброго или худого моего поведения. Доселе зависел он от своенравия женского. Одна мысль утешает, что без суда батожьем наказан не буду!»

Узнав из речей его, что он господской был человек, любопытствовал от него узнать причину необыкновенного удовольствия. На вопрос мой о сем он ответствовал: «Если бы, государь мой, с одной стороны поставлена была виселица, а с другой глубокая река, и, стоя между двух гибелей, неминуемо бы должно было идти направо или налево, в петлю или в воду, что избрали бы вы, чего бы заставил желать рассудок и чувствительность? Я думаю, да и всякой другой, избрал бы броситься в реку в надежде, что, переплыв на другой брег, опасность уже минется. Никто не согласился бы испытать, тверда ли петля, своей шеею. Таков мой был случай. Трудна солдатская жизнь, но лучше петли. Хорошо бы и то, когда бы тем и конец был, но умирать томною смертию, под батожьем, под кошками, в кандалах, в погребе, нагу, босу, алчущу, жаждущу при всегдашнем поругании; государь мой, хотя холопей считаете вы своим именем, нередко хуже скотов, но, к несчастию их горчайшему, они чувствительности не лишены. Вам удивительно, вижу я, слышать таковые слова в устах крестьянина; но, слышав их, для чего не удивляетесь жестокосердию своей собратии, дворян». *Путешествие*, стр. 370 — 374>.

Самая необходимая и тягчайшая из повинностей народных есть рекрутский набор. Образ набора везде различествует и везде влечет за собою великие неудобства. Английский *пресс* подвергается ежегодно горьким выходкам оппозиции и со всем тем существует во всей своей силе. Прусское Landwehr система сильная и искусно принаровленная к государству, но еще не оправданная опытом, возбуждает уже ропот в терпеливых пруссаках. Наполеоновская конскрипция производилась при громких рыданиях и проклятиях всей Франции.

Чудовище склонясь на колыбель детей
Считало годы их кровавыми перстами.
Сыны в дому отцов минутными гостям
Являлись etc.

Рекрутство наше тяжело; лицемерить нечего. Довольно упомянуть о законах противу крестьян, изувечивающихся во избежание солдатства. Сколько труда стоило Петру Великому, чтобы приучить народ к рекрутству!—Но может ли государство обойтиться без постоянного войска? Полумеры ни к чему доброму не ведут. — Конскрипция по кратковременности службы, в течение 15 лет, делает изо всего народа одних солдах. В случае народных мятежей, мещане бьются, как солдаты; солдаты плачут и толкуют, как мещане. Обе стороны одна с другой тесно связаны. Русский солдат, на 24 года отторженный от среды своих сограждан, делается чужд всему, кроме своему долгу. Он возвращается на родину уже в старости. Самое его возвращение уже есть порука за его добрую нравственность; ибо отставка дается только за беспорочную службу. Он жаждет одного спокойствия. На родине находит он только несколько знакомых стариков. Новое поколение его не знает и с ним не братается.

Власть помещиков, в том виде, в каковом она теперь существует, необходима для рекрутского набора. — Без нее правительство в губерниях не могло бы собрать и десятой доли требуемого числа рекрут. Вот одна из тысячи причин, повелевающих нам присутствовать в наших поместиях, а не разоряться в столицах под предлогом усердия к службе, но в самом деле из единой любви к рассеянности и к чинам.

lib.pushkinskijdom.ru

Очередь, к которой придерживаются некоторые помещики-филантропы, не должна существовать, пока существуют наши дворянские права. Лучше употребить сии права в пользу наших крестьян и, удаляя от среды их вредных негодяев, людей заслуживших тяжкое наказание и проч., делать из них полезных членов обществу. — Безрассудно жертвовать полезным крестьянином, трудолюбивым, добрым отцом семейства, а щадить вора и пьяницу обнищалого — из уважения к какому-то правилу, самовольно нами признанному. И что значит эта жалкая пародия законности! Радищев сильно нападает на продажу рекрут и другие злоупотребления. Продажа рекрут была в то время уже запрещена, но производилась еще под рукою. *Простодум.* в комедии Княжнина говорит, что

Три тысячи скопил он дома лет в десяток
Не хлебом, не скотом, не выводом теляток,
Но кстати в рекруты торгуючи людьми.

Но запрещение сие имело свою невыгодную сторону: богатый крестьянин лишался возможности избавиться рекрутства, а судьба бедняков, коими торговал безжалостный помещик, вряд-ли чрез то улучшилась.

СЛЕПОЙ.

Слепой старик поет *стих об Алексее, божием человеке.* Крестьяне плачут; Радищев *рыдает вслед за Ямским собранием... О природа! колико ты властительна!* Крестьяне дают старику милостыню. Радищев *дрожащею рукою* даст ему рубль. Старик отказывается от него, потому что Радищев дворянин. Он рассказывает, что в молодости лишился он глаз на войне в наказание за свои жестокости. Между тем баба подносит ему пирог. Старик принимает его *с восторгом. Вот истинная благостыня,* восклицает он. Радищев, наконец, дарит ему шейный платок и извещает нас, что старик умер несколько дней после и похоронен с этим платком на шее. — Имя Вертера, встречаемое в начале главы, поясняет загадку.

Вместо всего этого пустословия, лучше было бы, если бы Радищев, к стати о старом и всем известном *стихе,* поговорил нам о наших народных легендах, которые до сих пор еще не напечатаны и которые заключают в себе столь много истинной поэзии. Н. М. Языков и П. В. Киреевский собрали их несколько.

РУССКОЕ СТИХОСЛОЖЕНИЕ.

<«Стихотворство у нас, говорил товарищ мой трактирного обеда, в разных смыслах как оно приемлется, далеко еще отстоит величия. Поэзия было пробудилась, но ныне паки дремлет, а стихосложение шагнуло один раз и стало в пень.

Ломоносов, уразумев смешное в польском одеянии наших стихов, снял с них несродное им полукафтанье. Подав хорошие примеры новых стихов, надел на последователей своих узду великого примера и никто доселе отшатнуться от него не дерзнул. По несчастию случилося, что Сумароков в то же время был; и был отменной стихотворец. Он употреблял стихи по примеру Ломоносова, и ныне все вслед за ними не воображают, что бы другие стихи быть могли, как ямбы, как такие, какими писали сии оба знаменитые мужи. Хотя оба сии стихотворцы преподавали правила других стихосложений, а Сумароков и во всех родах оставил примеры, но они столь маловажны, что ни от кого подражания не заслужили. Если бы Ломоносов преложил Иова или псалмопевца дактилями, или если бы Сумароков Семиру или Димитрия написал хореями, то и Херасков вздумал бы, что можно писать другими стихами, опричь ямбов и более бы славы в осмилетнем своем приобрел труде, описав взятие Казани свойственным эпопее стихосложением. Не дивлюсь, что древний треух на Виргилия надет ломоносовским покроем; но желал бы я, чтобы Омир между нами не в ямбах явился, но в стихах, подобных его, гекзаметрах, и Костров, хотя не стихотворец, а переводчик, сделал бы эпоху в нашем стихосложении, ускорив шествие самой поэзии целым поколением.

lib.pushkinskijdom.ru

Но не одни Ломоносов и Сумароков остановили российское стихосложение. Неутомимой возовик Тредияковский не мало к тому способствовал своею *Телемахидою*. Теперь дать пример нового стихосложения очень трудно, ибо примеры в добром и худом стихосложении глубокий пустили корень. Парнасс окружен ямбами и рифмы стоят везде на карауле. Кто бы ни задумал писать дактилями, тому тотчас Тредияковского приставят дядькою, и прекраснейшее дитя долго казаться будет уродом, доколе не родится Мильтона, Шекспира, или Вольтера. Тогда и Тредияковского выроют из поросшей мхом забвения могилы, и *Телемахиде* найдутся добрые стихи и будут в пример поставляемы.

Долго благой перемене в стихосложении препятствовать будет привыкшее ухо ко краесловию. Слышав долгое время единогласное в стихах окончание, безрифмие покажется грубо, негладко и нестройно. Таково оно и будет, доколе французской язык будет в России больше других языков в употреблении. Чувства наши, как гибкое и молодое дерево, можно вырастить прямо и криво, по произволению. Сверх же того, в стихотворении, так, как и во всех вещах, может господствовать мода, и если она хотя несколько имеет в себе естественного, то принята будет без прекословия. Но все модное мгновенно: а особливо в стихотворстве. Блеск наружный может заржаветь, но истинная красота не поблекнет никогда. Омир, Виргилий, Мильтон, Расин, Вольтер, Шекспир, Тассо и многие другие читаны будут доколе не истребится род человеческий.

Излишним почитаю я беседовать с вами о разных стихах, российскому языку свойственных. Что такое ямб, хорей, дактиль или анапест, всяк знает, если немного кто разумеет правила стихосложения. Но то бы было не излишнее, если бы я мог дать примеры, в разных родах достаточные. Но силы мои и разумение коротки. Если совет мой может что-либо сделать, то я бы сказал, что российское стихотворство, да и сам российской язык гораздо обогатились бы, если бы переводы стихотворных сочинений делали не всегда ямбами. Гораздо бы эпической поэме свойственнее было, если бы перевод *Генриады* не был в ямбах, а ямбы некраесловные хуже прозы». *Путешествие*, стр. 350—354>.

Радищев, будучи нововодителем в душе, силился переменить и русское стихосложение. Его изучения *Телемахиды* замечательны. Он первый у нас писал древними лирическими размерами. Стихи его лучше его прозы. Прочитайте его *Осьмнадцатое столетие*, *Сафические строфы*, басню, или вернее элегию *Журавли* — все это имеет достоинство. В главе, из которой выписал я приведенный отрывок, помещена его известная ода [на волность]. В ней много сильных стихов.

Обращаюсь к русскому стихосложению. Думаю, что современем мы обратимся к белому стиху. Рифм в русском языке слишком мало. Одна вызывает другую. *Пламень* неминуемо тащит за собою *камень*. Из за *чувства* выглядывает непременно *искусство*. Кому не надоели *любовь* и *кровь*, *трудный* и *чудный*, *верной* и *лицемерной*, и проч.

Много говорили о настоящем русском стихе. А. Х. Востоков определил его с большою ученостию и сметливостию. — Вероятно будущий наш эпический поэт изберет его и сделает народным.

МЕДНОЕ. [РАБСТВО].

<«Во поле береза стояла, во поле кудрявая стояла, ой люли, люли, люли, люли..... Хоровод молодых баб и девок — — пляшут — — подойдем поближе, говорил я сам себе, развертывая найденные бумаги моего приятеля. — Но я читал следующее. Не мог дойти до хоровода. Уши мои задернулись печалию, и радостный глас нехитростного веселия до сердца моего не проник. О, мой друг! где бы ты ни был, внемли и суди.

Каждую неделю два раза вся российская империя извещается, что Н. Н. или Б. Б. в несостоянии или не хочет платить того, что занял, или взял, или чего от него требуют. Занятое либо проиграно, проезжено, прожито, проедено, пропито, про..... или раздарено, потеряно в огне, или воде, или Н. Н. или Б. Б. другими какими-либо случаями вошел в долг, или под взыскание. То и другое наравне в ведомостях приемлется.— —Публи-

lib.pushkinskijdom.ru

куется— —«Сего.... дня по полуночи в 10 часов, по определению уездного суда или городового магистрата, продаваться будет с публичного торга отставного капитана Г.... недвижимое имение, дом состоящий в... части, под Но... и при нем шесть душ мужеского и женского полу; продажа будет при оном доме. Желающие могут осмотреть заблаговременно». *Путешествие*, стр. 341—342>.

Следует картина ужасная, тем что она правдоподобна. Не стану теряться вслед за Радищевым в его надутых, но искренних мечтаниях... с которыми на сей раз соглашаюсь поневоле.....

ШЛЮЗЫ. ВЫШНИЙ ВОЛОЧЕК.

В Вышнем Волочке Радищев любуется шлюзами — благословляет память того, кто, уподобясь природе в ее благодеяниях, сделал реку, *рукодельною* — и все концы единой области привел в сообщение. С наслаждением смотрел он на канал, наполненный нагруженными барками; он видит тут истинное земли изобилие, избытки земледелателя и во всем его блеске мощного пробудителя человеческих деяний, *корыстолюбие*. Но вскоре мысли его принимают обыкновенное свое направление.—Мрачными красками рисует <он> состояние русского земледельца — и рассказывает следующее: <«Некто, не нашед в службе, как то по просторечию называют, счастия или не желая оного в ней снискать, удалился из столицы, приобрел небольшую деревню, например, во сто или в двести душ, определил себя искать прибытка в земледелии. Не сам он себя определял к сохе, но вознамерился наидействительнейшим образом всевозможное сделать употребление естественных сил своих крестьян, прилагая оные к обрабатыванию земли. Способом к сему надежнейшим почел он уподобить крестьян своих орудиям, ни воли, ни побуждения не имеющим; и уподобил их действительно в некотором отношении нынешнего века воинам, управляемым грудою, устремляющимся на бою грудою, а в единственности ничего не значущим. Для достижения своей цели, он отнял у них малый удел пашни и сенных покосов, которые им на необходимое пропитание дают обыкновенно дворяне, яко в воздаяние за все принужденные работы, которые они от крестьян требуют. Словом сей дворянин некто всех крестьян, жен их и детей заставил во все дни года работать на себя. А дабы они не умирали с голоду, то выдавал он им определенное количество хлеба, под именем месячины известное. Те, которые не имели семейств, месячины не получали, а по обыкновению лакедемоняни пировали вместе на господском дворе, употребляя для соблюдения желудка в мясоед пустые щи, а в посты и постные дни, хлеб с квасом. Истинные розговины бывали разве на святой неделе.

Таковым урядникам производилася также приличная и соразмерная их состоянию одежда. Обувь для зимы, то есть, лапти делали они сами; онучи получали от господина своего; а летом ходили босы. Следственно, у таковых узников не было ни коровы, ни лошади, ни овцы, ни барана. Дозволение держать их господин у них не отымал, но способы к тому. Кто был позажиточнее, кто был умереннее в пище, тот держал несколько птиц, которых господин иногда бирал себе, платя за них цену по своей воле.

При таковом заведении не удивительно, что земледелие в деревне Г. некто было в цветущем состоянии. Когда у всех худой был урожай, у него родился хлеб сам четверт; когда у других хороший был урожай, то у него приходил хлеб сам десят и более. В недолгом времени к двумстам душам он еще купил двести жертв своему корыстолюбию; и поступая с сими равно как и с первыми, год от году умножал свое имение, усугубляя число стенящих на его нивах. Теперь он считает их уже тысячами и славится как знаменитый земледелец». *Путешествие*, стр. 272—275>.

Помещик, описанный Радищевым, привел мне на память другого, бывшего мне знакомого лет 15 тому назад. Молодой мой образ мыслей и пылкость тогдашних чувствований отвратили меня от него и помешали мне изучить один из самых замечательных характеров, которые удалось мне встретить. Этот помещик был род маленького Людовика XI. Он был тиран, но тиран по системе и по убеждению — с целью, к которой двигался

lib.pushkinskijdom.ru

он с силою души необыкновенной и с презрением к человечеству, которого не думал и скрывать. Сделавшись помещиком двух тысяч душ, он нашел своих крестьян, как говорится, избалованными слабым и беспечным своим предшественником. Первым старанием его было общее и совершенное разорение. — Он немедленно приступил к совершению своего предположения и в 3 года привел крестьян в жестокое положение. Крестьянин не имел никакой собственности — он пахал барскою сохою, запряженной барскою клячею, скот его был весь продан, он садился за спартанскую трапезу, на барском дворе; дома не имел он ни штей, ни хлеба. Одежда, обувь выдавалась ему от господина, — словом, статья Радищева кажется картиною хозяйства моего помещика. — Как бы вы думали? Мучитель имел виды филантропические. Приучив своих крестьян к нужде, терпению и труду, он думал постепенно их обогатить, возвратить им собственность, даровать им права!—Судьба не позволила ему исполнить его предначертания. Он был убит своими крестьянами во время пожара.

ТОРЖОК.

Расположась обедать в славном трактире Пожарского, я прочел статью под заглавием *Торжок*. В ней дело идет о свободе книгопечатанья; любопытно видеть о сем предмете рассуждение человека, вполне разрешившего самому себе сию свободу, напечатав в собственной типографии книгу, в которой дерзость мыслей и выражений выходит изо всех пределов.

Приступая к рассмотрению сей статьи, долгом почитаю сказать, что я убежден в необходимости цензуры в образованном, нравственном и христианском обществе, под какими бы законами и правлением оно бы ни находилось.

Мысль! великое слово! Что же и составляет величие человека, как не мысль? Да будет же она свободна, как должен быть свободен человек: *в пределах закона, при полном соблюдении условий, налагаемых обществом.*

«Мы в том и не спорим, говорят противники цензуры. Но книги, как и граждане, ответствуют за себя. Есть законы для тех и для других К чему же предварительная цензура? пускай книга сначала выйдет из типографии, и тогда, если найдете ее преступною, вы можете ее ловить, хватать и казнить, а сочинителя или издателя присудить к заключению и к положенному штрафу».

Но мысль уже стала гражданином, уже ответствует за себя, как скоро она родилась и выразилась. Разве *речь* и *рукопись* не подлежат закону? Всякое правительство в праве не позволить проповедывать на площадях, что кому в голову придет, и может остановить раздачу рукописи, хотя строки оной начертаны пером, а не тиснуты станком типографическим. Закон не только наказывает, но и предупреждает. Это даже его благодетельная сторона.

Действие человека мгновенно и одно (insolé); действие книги множественно и повсеместно. Законы противу злоупотреблений книгопечатания не достигают цели закона: не предупреждают зла, редко его пресекая. Одна цензура может исполнить то и другое.

Один из французских публицистов остроумным софизмом захотел доказать незаконность и безрассудность цензуры. Если, говорит он, способность говорить была бы новейшим изобретением, то нет сомнения, что правительства не замедлили б установить цензуру и на язык; издали бы известные правила, и два человека, чтоб поговорить между собою о погоде, должны были бы получить предварительное на то позволение.

Конечно: если бы *слово* не было общей принадлежностию всего человеческого рода, а только миллионной части оного — то правительства необходимо должны были бы ограничить законами права мощного сословия людей говорящих. Но *грамота* не есть естественная способность, дарованная богом всему человечеству, как язык или зрение. Человек *безграмотный* не есть урод и не находится вне вечных законов природы. И между грамотеями не все равно обладают *возможностию* и самою *способностию* писать

lib.pushkinskijdom.ru

книги или журнальные статьи. Писатели во всех странах мира суть класс самый малочисленный изо всего народонаселения. Печатный лист обходится около 35 рублей; бумага также чего-нибудь да стоит. Следственно печать доступна не всякому. Противники всякой аристократии, разве не видите вы, что аристократия самая мощная, самая опасная — есть аристократия людей, которые на целые поколения, на целые столетия налагают свой образ мыслей, свои страсти, свои предрассудки? Что значит аристократия породы и богатства в сравнение с аристократией пишущих талантов? Никакое богатство не может перекупить влияние обнародованной мысли. Никакая власть, никакое правление не может устоять противу всеразрушительного действия типографического снаряда. Уважайте класс писателей, но не допускайте же его овладеть вами совершенно.

Взгляните на нынешнюю Францию. *Людовик-Филипп*, царствующий милостию свободного книгопечатания, принужден уже обуздывать сию свободу, несмотря на отчаянные крики оппозиции.

Сказав откровенно и по чистой совести мнение мое о свободе книгопечатания, столь же откровенно буду говорить и о цензуре.

Высший присутственный приказ в государстве есть тот, который ведает дела ума человеческого. Устав, коим судии должны руководствоваться, должен быть священ и непреложен. Книга, являющаяся перед его судом, должна быть принята, не как извозчик, пришедший за нумером, дающим ему право из платы рыскать по городу, — но с уважением и снисходительностию. Цензор есть важное лицо в государстве, сан его имеет нечто священное. Место сие должен занимать гражданин честный и нравственный, известный своим умом и познаниями, а не первый коллежский ассессор, — который, по свидетельству формуляра, учился в университете. Рассмотрев книгу и дав оной права гражданства, он уже за нее отвечает, ибо слишком было бы жестоко подвергать писателя, честно соблюдающего узаконенные правила, двойной и тройной ответственности, под предлогом злоумышления, бог ведает какого. Но и цензора не должно запугивать — придираясь к нему за мелочи, неумышленно пропущенные им, и делать из него уже не стража государственного благоденствия, но грубого будочника, поставленного на перекрестке с тем, чтоб не пропускать народа за веревку. Большая часть писателей руководствуется двумя сильными пружинами, одна другой противудействующими: *тщеславием* и *корыстолюбием*. Если запретительною системою будете вы мешать словесности в ее торговой промышленности, то она предастся в глухую рукописную оппозицию, всегда заманчивую, и успехами тщеславия легко утешится о денежных убытках.

Земская цензурная управа тщательно должна быть отделена от *духовной* — как было доныне в России. Цензор духовного звания не может иногда без явного неприличия позволить то, что в светском писателе не подлежит ни малейшей укоризне. Например, божба, призыв имени божия всуе, шутки над некоторыми грехами etc. Что было бы верхом неприличия в книге феологической, то разве лицемер или глупец может осудить в комедии или в романе.

Нравственность (как и религия) должна быть уважаема писателями. Безнравственные книги суть те, которые потрясают первые основания гражданского общества, те, которые проповедуют разврат, рассевают личную клевету, или кои целию имеют распаление чувственности приапическими изображениями. Тут необходим в цензоре здравый ум и *чувство приличия* — ибо решение его зависит от сих двух качеств. Не должен он забывать, что большая часть мыслей не подлежит ответственности, как те дела человеческие, которые закон оставляет каждому на произвол его совести.

Было время (слава богу, оно уже прошло и, вероятно, уже не возвратится), что наши писатели были преданы на произвол цензуры самой бессмысленной: некоторые из тогдашних решений могут показаться выдумкой и клеветою. Например, какой-то стихотворец говорил о *небесных* глазах своей любезной. Цензор велел ему, вопреки просодии, поставить вместо *небесных* голубые — ибо слово небо принимается иногда в смысле высшего промысла! В славной балладе Жуковского назначается свидание накануне Иванова дня, цензор нашел, что в такой великий праздник грешить неприлично, и никаким образом не хотел пропустить баллады В. Скот-

lib.pushkinskijdom.ru

та. Некто критиковал трагедию Сумарокова, цензор вымарал всю статью и написал на поле *переменить, соображаясь с мнением публики*. Ода *Похвала водке* была запрещена, потому что пьянство запрещено божескими и человеческими законами. Спрашивается, каков был цензор и каково было писателям.

Радищев в статье своей поместил *Историческое повествование о происхождении цензуры*. Если бы вся книга была так написана, как этот отрывок, то, вероятно, она бы не навлекла грозы на автора. В сей статье Радищев говорит, что цензура была в первый раз установлена инквизицией. Радищев не знал, что новейшее судопроизводство основано во всей Европе по образу судопроизводства инквизиционного (пытка, разумеется, в сторону). *Инквизиция* была потребностию века. История ее мало известна и ожидает еще беспристрастного исследователя. То, что в ней отвратительно, есть необходимое последствие и духа и нравов времени.

РУССКАЯ ИЗБА

В *Пешках* (на станции ныне уничтоженной) Радищев съел кусок говядины и выпил чашку кофию. Он пользуется сим случаем, дабы упомянуть о несчастных африканских невольниках и тужит о судьбе русского крестьянина, не употребляющего сахара. Все это было тогдашним модным красноречием. Но замечательно описание русской избы:

<«Четыре стены до половины покрытые так, как и весь потолок, сажею; пол в щелях на вершок, по крайней мере, поросший грязью; печь без трубы, но лучшая защита от холода, и дым, всякое утро вимою и летом наполняющий избу; окончины, в коих натянутый пузырь смеркающийся в полдень пропускал свет; горшка два или три; (счастлива изба, коли в одном из них всякий день есть пустые щи!). Деревянная чашка и кружки, тарелками называемые; стол топором срубленный, который скоблят скребком по праздникам. Корыто кормить свиней или телят, буде есть, спать с ними вместе, глотая воздух, в коем горящая свеча как будто в тумане или за завесою кажется. К счастию, кадка с квасом, на уксус похожим, и на дворе баня, в коей, коли не парятся, то спит скотина. Посконная рубаха, обувь данная природою, онучки с лаптями для выхода». *Путешествие*, стр. 412—413>.

Наружный вид русской избы мало переменился со времен Мейерберга. Посмотрите на рисунки, присовокупленные к его путешествию. Ничто так не похоже на русскую деревню в 16 столетии, как русская деревня в 1833 году. Изба, мельница, забор — даже эта елка, это печальное тавро северной природы — ничто, кажется, не изменилось. Однако произошли улучшения, по крайней мере, на больших дорогах: труба в каждой избе; стекла заменили натянутый пузырь; вообще более чистоты, удобства, того, что англичане называют comfort[1]. Очевидно, что Радищев начертал карикатуру; но он упоминает о бане и о квасе, как о необходимостях русского быта. Это уже признак довольства. Замечательно и то, что Радищев, заставив свою хозяйку жаловаться на голод и неурожай, оканчивает картину нужды и бедствия сею чертою: *и начала сажать хлебы в печь*.

Фонвизин, лет за пятнадцать пред тем путешествовавший по Франции, говорит, что, по чистой совести, судьба русского крестьянина показалась ему счастливее судьбы французского земледельца. Верю. Вспомним описание Лабрюера[2]; слова госпожи Севинье еще сильнее тем, что она говорит

[1] Комфортом.

[2] «L'on voit certains animaux farouches des mâles et des femelles, répandus par la campagne, noirs, livides, et tout brulés du soleil, attachés à la terre qu'ils fouillent et qu'ils remuent avec une opiniâtreté invicible: ils ont comme une voix articulée, et quand ils se lèvent sur leurs pieds, ils montrent une face humaine et en effet ils sont des hommes. Ils se retirent la nuit dans des tannieres où ils vivent de pain noir, d'eau et de racines: ils épargnent aux autres hommes la peine de semer, de labourer et de recueillir pour vivre, et méritent ainsi de ne pas manger de ce pain qu'ils ont semé». Les Caractères. [По полям рассеяны какие-то дикие животные, самцы и

lib.pushkinskijdom.ru

без негодования и горечи, а просто рассказывает, что видит и к чему привыкла. Судьба французского крестьянина не улучшилась в царствование Людовика XV и его преемника....

Прочтите жалобы английских фабричных работников: волоса встанут дыбом от ужаса. Сколько отвратительных истязаний, непонятных мучений! какое холодное варварство с одной стороны, с другой какая страшная бедность! Вы подумаете, что дело идет о строении фараоновых пирамид, о евреях, работающих под бичами египтян. Совсем нет: дело идет о сукнах г-на Смидта или об иголках г-на Джаксона. И заметьте, что все это не злоупотребление, не преступление, но происходит в строгих пределах закона. Кажется, что нет в мире несчастнее английского работника, но посмотрите, что делается там при изобретении новой машины, избавляющей вдруг от каторжной работы тысяч пять или шесть народу и лишающей их последнего средства к пропитанию..... У нас нет ничего подобного. Повинности вообще не тягостны. Подушная платится миром; барщина определена законом, оброк не разорителен (кроме как в близости Москвы и Петербурга, где разнообразие оборотов промышленности усиливает и раздражает корыстолюбие владельцев). Помещик, наложив оброк, оставляет на произвол своего крестьянина доставать оный, как и где он хочет. Крестьянин промышляет, чем вздумает, и уходит иногда за 2,000 верст вырабатывать себе деньгу.... Злоупотреблений везде много; уголовные дела везде ужасны.

Взгляните на русского крестьянина: есть ли и тень рабского унижения в его поступи и речи? О его смелости и смышленности и говорить нечего. Переимчивость его известна. Проворство и ловкость удивительны. Путешественник ездит из края в край по России, не зная ни одного слова по русски, и везде его понимают, исполняют его требования, заключают с ним условия. Никогда не встретите вы в нашем народе того, что французы называют un badaud[1]; никогда не заметите в нем ни грубого удивленія, ни невежественного презрения к чужому. В России нет человека, который бы не имел своего *собственного* жилища. Нищий, уходя скитаться по миру, оставляет *свою* избу. Этого нет в чужих краях. Иметь корову везде в Европе есть знак роскоши; у нас не иметь коровы есть знак ужасной бедности. Наш крестьянин опрятен по привычке и по правилу: каждую субботу ходит он в баню; умывается по нескольку раз в день... Судьба крестьянина улучшается со дня на день по мере распространения просвещения... Благосостояние крестьян тесно связано с благосостоянием помещиков; это очевидно для всякого. Конечно: должны еще произойти великие перемены; но не должно торопить времени и без того уже довольно деятельного. Лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от одного улучшения нравов, без насильственных потрясений политических, страшных для человечества....

ЭТИКЕТ.

Власть и свободу сочетать должно на взаимную пользу. Истина неоспоримая, коею Радищев заключает начертание о уничтожении придворных чинов, исполненное мыслей, большею частию ложных, хотя и пошлых.

Предполагать унижение в обрядах, установленных этикетом, есть просто глупость. Английский лорд, представляясь своему королю, становится на колени и целует ему руку. Это не мешает ему быть в оппозиции,

---

самки, черные, побагровевшие, сожженные солнцем, склонившиеся к земле, которую они роют и ковыряют с непреодолимым упорством; между ними как будто слышна членораздельная речь, а когда они выпрямляются, то мы видим человеческое лицо; и действительно, это — люди. На ночь они удаляются в свои логовища, где питаются черным хлебом, водой и кореньями; они избавляют других людей от труда сеять, обрабатывать и собирать для пропитания, и в награду за все это лишены возможности есть тот хлеб, который сами сеют. «*Характеры*»].

[1] Простофиля.

lib.pushkinskijdom.ru

если он того хочет. Мы всякой день подписываемся *покорнейшими слугами*, и, кажется, никто из этого еще не заключал, чтобы мы просились в камер-динеры.

Придворные обычаи, соблюдаемые некогда при дворе наших царей, уничтожены у нас Петром Великим при всеобщем перевороте. Екатерина II занялась и сим уложением и установила новый этикет. Он имел перед этикетом, наблюдаемым в других державах, то преимущество, что был основан на правилах здравого смысла и вежливости общепонятной, а не на забытых преданиях и обыкновениях, давно изменившихся. Покойный государь любил простоту и непринужденность. Он ослабил снова этикет, который, во всяком случае, не худо возобновить. Конечно, государи не имеют нужды в обрядах, часто для них утомительных; но этикет есть также закон, к тому же, он при дворе необходим, ибо всякому имеющему честь приближаться к царским особам необходимо знать свою обязанность и границы службы. Где нет этикета, там придворные в поминутном опасении сделать что-нибудь неприличное. Не хорошо прослыть невежею; неприятно казаться и подслужливым выскочкою.

<1833 — 1835>.

<РАЗГОВОР С АНГЛИЧАНИНОМ.>

Строки Радищева навели на меня уныние. Я думал о судьбе русского крестьянина.

К тому ж подушное, боярщина, оброк,
И выдался ль когда на свете
Хотя один мне радостный денек?

Подле меня в карете сидел англичанин, человек лет 36, я обратился к нему с вопросом: что может быть несчастнее русского крестьянина?

Англичанин. Английский крестьянин.

Я. Как? Свободный англичанин, по вашему мнению, несчастнее русского раба.

Он. Что такое свобода?

Я. Свобода есть возможность поступать по своей воле.

Он. Следственно, свободы нет нигде, — ибо везде есть или законы, или естественные препятствия.

Я. Так, но разница покоряться предписанным нами самими законам, или повиноваться чужой воле.

Он. Ваша правда. Но разве народ английский участвует в законодательстве? разве власть не в руках малого числа? разве требования народа могут быть исполнены его поверенными?

Я. В чем вы полагаете народное благополучие.

Он. В умеренности и соразмерности податей.

Я. Как —

Он. Вообще повинности в России не очень тягостны для народа. Подушная платится миром. — Оброк не разорителен (кроме в близости Москвы и Петербурга, где разнообразие оборотов промышленника умножает корыстолюбие владельцев). Во всей России помещик, наложив оброк, оставляет на произвол своему крестьянину доставать оный, как и где он хочет. Крестьянин промышляет, чем вздумает, и уходит иногда за 2,000 верст вырабатывать себе деньгу. — И это называете вы рабством? Я не знаю во всей Европе народа, которому было бы дано более простору действовать.

Я. Но злоупотребления [частные]...

Он. Злоупотреблений везде много. Прочтите жалобы английских фабричных работников — волоса встанут дыбом. Вы подумаете, что дело идет о строении фараоновых пирамид, о евреях, работающих под бичами египтян. Совсем нет: дело идет об сукнах г-на Шмидта или об иголках г-на Томпсона (сколько отвратительных истязаний, непонятных мучений! какое холодное варварство с одной стороны, с другой какая страшная бедность!). В России нет ничего подобного.

Я. Вы не читали наших уголовных дел.

lib.pushkinskijdom.ru

Он. Уголовные дела везде ужасны; я говорю вам о том, что в Англии происходит в строгих пределах закона, не о злоупотреблениях, не о преступлениях. О, кажется, нет в мире несчастнее английского работника — что хуже его жребия. Но посмотрите, что делается у нас при изобретении новой машины, вдруг избавляющей от каторжной работы тысяч пять или десять народу и лишающей их последнего средства к пропитанию....

Я. Живали вы в наших деревнях?

Он. Я видал их проездом и жалею, что не успел изучить нравы любопытного вашего народа.

Я. Что поразило вас более всего в русском крестьянине?

Он. Его опрятность, смышленность и свобода.

Я. Как это?

Он. Ваш крестьянин каждую субботу ходит в баню; умывается каждое утро, сверх того несколько раз в день моет себе руки. О его смышленности говорить нечего. Путешественники ездят из края в край по России, не зная ни одного слова вашего языка, и везде их понимают, исполняют их требования, заключают условия; никогда не встречал я между ими то, что соседи наши называют un badaud [1], никогда не замечал в них ни грубого удивления, ни невежественного презрения к чужому. Переимчивость их всем известна; проворство и ловкость удивительны...

Я. Справедливо: но свобода? неужто вы русского крестьянина почитаете свободным.

Он. Взгляните на него: что может быть свободнее его обращения с вами? есль-ли и тень рабского унижения в его поступи и речи? [Вы не были в Англии?]

Я. Не удалось.

Он. Так вы не видали оттенков подлости, отличающей у нас один класс от другого. Вы не видали раболепного maintien [2] нижней палаты перед верхней, джентельменства перед аристократиею; купечества перед джентельменством, бедности перед богатством, повиновения перед властью. А нравы наши, а conversation criminal [3], а продажные голоса, а уловки министерства, а тиранство наше в Индии, а отношения наши со всеми другими народами.

Англичанин мой разгорячился и совсем отдалился от предмета нашего разговора. Я перестал следовать за его мыслями — и мы приехали в Клин.

<1833 — 1834>.

9 декабря.

<ЗАМЕЧАНИЯ НА «ПЕСНЬ О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ».>

Песнь о Полку Игореве найдена была в библиотеке графа А. Ив. Мусина-Пушкина и издана в 1800 году. Рукопись сгорела в 1812 году. Знатоки, видевшие ее, сказывают, что почерк ее был полу-устав XV века. Первые издатели приложили к ней перевод, вообще удовлетворительный, хотя некоторые места остались темны или вовсе невразумительны. Многие после того силились их объяснить. Но, хотя в изысканиях такого рода последние бывают первыми (ибо ошибки и открытия предшественников открывают и очищают дорогу последователям), первый перевод, в котором участвовали люди истинно ученые, все еще остается лучшим. Прочие толкователи наперерыв затмевали неясные выражения своевольными поправками и догадками, ни на чем не основанными. Объяснениями важнейшими обязаны мы Карамзину, который в своей *Истории* мимоходом разрешил некоторые загадочные места.

Некоторые писатели усумнились в подлинности древнего памятника нашей поэзии и возбудили жаркие возражения. Счастливая подделка может ввести в заблуждение людей незнающих, но не может укрыться от

---

[1] Простофиля.

[2] Поведения.

[3] Преступные махинации.

lib.pushkinskijdom.ru

взоров истинного знатока. Вальполь не вдался в обман, когда Чаттертон прислал ему стихотворения старого монаха Rowley, Джонсон тотчас уличил Макферсона. Но ни Карамзин, ни Ермолаев, ни А. Х. Востоков, ни Ходаковский никогда не сомневались в подлинности *Песни о Полку Игореве*. Великий скептик Шлецер, не видав еще *Слова о Полку Игореве*, резко назвал оное подлогом, но прочитав, признал подлинно древнее произведение и не почел даже за нужное приводить тому доказательства; так очевидна казалась ему истина!

Другого доказательства нет, как слова самого песнотворца. Подлинность же самой песни доказывается духом древности, под который невозможно подделаться. Кто из наших писателей в 18 веке мог иметь на то довольно таланта. Карамзин? но Карамзин не поэт. Державин? но Державин не знал и русского языка, не только языка *Песни о Полку Игореве*. — Прочие не имели все вместе столько поэзии, сколь находится оной в плане ее, в описании битвы и бегства. Кому пришло бы в голову взять в предмет песни темный поход неизвестного князя. Кто с таким искусством мог затмить некоторые места из своей песни словами, открытыми впоследствии в старых летописях или отысканными в других славянских наречиях, где еще сохранились они во всей свежести употребления. Это предполагало бы знание *всех* наречий славянских. Положим, он ими бы и обладал, неужто таковая смесь естественна. Гомер, — если и существовал, искажен рапсодами.

Ломоносов жил не в XII столетии. Ломоносовские оды писаны на русском языке с примесью некоторых выражений, взятых им из библии, которая лежала пред ним. Но в Ломоносове вы не найдете ни польских, ни сербских, ни иллирийских, ни болгарских, ни богемских, ни молдавских, ни других наречий славянских.

«СЛОВО О ПЛЪКУ ИГОРЕВЕ СЫНА СВЯТОСЛАВЛЯ ВНУКА ОЛЬГОВА».

§ 1. «Не лепо ли ны бяшет братие начати старыми словесы трудных повестий о плку Игореве, Игоря Святославича. Начатися же тъй песни по былинам сего времени а не по замышлению Бояню».

Все, занимавшиеся толкованием *Слова о Полку Игореве* перевели: Не прилично ли будет нам, не лучше ли нам, не пристойно ли бы нам, не славно ли, други, братцы... воспеть древним складом, старым слогом, древним языком трудную, печальную песнь о Полку Игореве Игоря Святославича. Но в древнем славянском языке частица *ли* не всегда дает смысл вопросительный, подобно латинскому ne; иногда *ли* значит *только*, иногда — *бы*, иногда — *же;* доныне в сербском языке сохраняет она сии знаменования. В русском частица *ли* есть или союз разделительный, или вопросительный, если управляет ею отрицательное *не*, в песнях не имеет она иногда никакого смысла и вставляется для меры так же, как и частицы и, что, а, как, уж, уж как *(замечание Тредьяковского)*.

В другом месте *Слова о Плку ли* поставлено также, но все переводчики решили, что это есть ошибка переписчика и перевели не вопросом, а утвердительно. То же надлежало бы сделать и здесь.

Во-первых, рассмотрим смысл речи: по мнению переводчиков, поэт говорит: Не воспеть ли нам об Игоре по старому? Начнем же петь по былинам сего времени (то есть по новому) — а не по замышлению Боянову (т. е. не по старому). Явное противуречие[1]. — Если же признаем, что частица *ли* смысла вопросительного не дает, то выйдет: Не прилично, братья, начать старым слогом печальную песнь об Игоре Святославиче; начаться же песни по былинам сего времени, а не по вымыслам Бояна.

Стихотворцы никогда не любили упрека в подражании и неизвестный творец *Слова о Плку Игореве* не приминул объявить в начале своей поэмы,

[1] Очень понимаем, почему А. С. Шишков не отступил от того же мнения. Сочинителю *Рассуждения о старом и новом слоге* было бы неприятно видеть, что и во время сочинителя *Слова о Плку Игореве* предпочитали былины своего времени старым словесам. <Примеч. Пушкина>

lib.pushkinskijdom.ru

что он будет петь по своему, по новому, а не тащиться по следам старого Бояна. Глагол *бяшет* подтверждает замечание мое: он употреблен в прошедшем времени (с неправильностию в склонении, коему примеры встречаются в летописях) и предполагает condition'альную частицу. Неприлично было *бы*. Вопрос же требовал бы настоящего или будущего.

§ 2. «Боян бо вещий аще кому хотяше песнь творити, то растекашется мыслию по древу, серым волком по земли, шизым орлом под облакы.» —

Не решу, упрекает ли здесь Бояна или хвалит, но, во всяком случае, поэт приводит сие место в пример того, каким образом слагали песни в старину. Здесь полагаю описку, или даже поправку, впрочем незначительную: растекашется мыслию по древу — тут пропущено слово *Славием*, которое довершает уподобление; должно, думаю, читать растекашется *скача славием по мыслену древу;* тем более, что ниже сие выражение употреблено [1].

§ 3. «Помняшет бо речь первых времен усобице.»

Не один из толкователей не перевел сего места удовлетворительно. Дело здесь идет о Бояне; все это продолжение прежней мысли: Поминая предания о прежних бранях (усобица значит брань, ополчение, а не междуусобие, как перевели некоторые. Между-усобие есть уже слово составленное), напускал он и проч. «Помняшет бо речь первых времен усобице тогда пущаше і соколов на стадо лебедей etc.» 10 соколов, напущенные на стадо лебедей, значили 10 пальцев, возлагаемых на струны. Поэт изъясняет иносказательный язык Соловья старого времени, и из'яснение столь же великолепно, как и блестящая аллегория, приведенная им в пример. А. С. Шишков сравнивает сие место с началом поэмы Смерть Авеля [2]. Толкование Александра Семеновича любопытно (том 7, страница 43). Итак, надлежит паче думать, <что в древние времена соколиная охота служила не к одному увеселению, но тако ж и к некоторому прославлению героев, или к решению спора, кому из них отдать преимущество. Может быть, отличившиеся в сражениях военачальники или князья, состязавшиеся в славе, выезжали на поле каждый с соколом своим и пускали их на стадо лебединое с тем, что чей сокол удалее и скорее долетит, тому прежде и приносить общее поздравление в одержании преимущества над прочими>.

Г-н Пожарский с сим мнением не согласуется: ему кажется неприличным для русских князей *доказывать первенство свое, кровию, приобретенное,* полетом соколов. Он полагает, что не князья, а стихотворцы напускали соколов, — а причина такого древнего обряда, думает он, была скромность стихотворцев, не хотевших выставлять себя перед товарищами. А. С. Шишков, в свою очередь, видит в мнении Я. Пожарского *крайнюю неосновательность и несчастное самолюбие.* — (том II-ой, страница 388). К крайнему нашему сожалению, Г. Пожарский не возразил.

«Почнем же, братие, повесть сию от старого Владимера до нынешнего Игоря (здесь определяется эпоха, в которую написано *Слово о Плку Игореве)* иже изтягнул ум крепостию своею. «Изтянул» — вытянул, натянул, изведал, испробовал. *(Пожарский:* опоясал, первые толкователи: напрягши ум крепостию своею). Изтянул, как лук, изострил, как меч — метафоры, заимствованные из одного источника.

«Наплънився ратного духа, наведе своя храбрыя полки на землю Половецкую за землю Русскую. Тогда Игорь возре на светлое солнце и виде от него тьмою вся своя воя прикрыты и рече Игорь к дружине своей. Братие и дружино! луце ж бы потяту быти, неже полонену быти». (Лучше — быть убиту, нежели полонену. В русском языке сохранилось одно слово где *ли* после *не* не имеет силы вопросительной *нежели.* Слово *неже* употреблялось во всех славянских наречиях и встречается и в *Слове о Плку Игореве:* луце ж etc).

---

[1] Примечание. Г-н Вельтман перевел это место: «*былое воспеть*, а не вымысел Бояна *кого мысли текли в вышину, как соки по дереву.*» Удивительно! <Примеч. Пушкина>.

[2] Но что есть общего между манерной прозою г-на Геснера и поэзией Песни об Игоре. <Примеч. Пушкина>.

lib.pushkinskijdom.ru

«А всядем, братие, на свои борзые комони да позрим синяго Дону». Суеверие, полагавшее затмение солнечное бедственным знаменованием, было некогда общим.

«Спала Князю ум похоти и жалость ему знамение заступи искусити Дону Великаго». Слова запутаны. Первые издатели перевели: Пришло Князю на мысль пренебречь (худое) предзнание и изведать (счастия на) Дону великом. Заступить имеет несколько значений: омрачить, lumen impedio[1], помешать, удержать. Пришлось Князю, мысль похоти и горесть знамение ему омрачило, удержало. Спали Князю в ум желание и печаль. Ему знамение мешало (запрещало) искусити Дону великаго. «Хощу бо (так хочу же, сказал,) рече копие преломити конец поля Половецкого с вами, Русици, хощу главу свою приложити, а любо испити шеломом Дону.»

«О Бояне, соловью стараго времени, а бы ты сиа пълки ущекотал, скача славию, по мыслену древу, летая умом под облаками, сплетая хвалы на все стороны сего времени. — (Если не ошибаюсь, ирония пробивается сквозь пышную хвалу) рища в тропу Трояню чрес поля на горы.» (Четыре раза упоминается в сей песни о *Трояне*.... но кто сей *Троян*, догадаться ни по чему невозможно, говорят первые издатели). 5 *страница* издания Шишкова. Прочие толкователи не последовали скромному примеру: они не хотели оставить без решения то, чего не понимали.

Чрез всю Бессарабию проходит ряд курганов, памятник римских укреплений, известный под *названием Троянова вала*. Вот куда обратились толкователи и утвердили, что неизвестный Троян, о коем 4 раза упоминает *Слово о Полку Игореве*, есть никто иной, как римский император. Должно ли не шутя опровергать такое легкомысленное объяснение? Но и тропа Троянова может ли быть принята за Троянов вал, когда несколько ниже определяется *(страница* 14 издания Шишкова) «вступила Девою на землю Трояню, на синем море у Дону.» Где же тут Бессарабия? «Следы Трояна в Дакии, видимые по сие время, должны были быть известны потомкам дунайских славян». (Вельтман). Почему же?

«Пети было песнь Игореви, того Олга внука. Не буря соколы занесе чрез поля широкая.»... Поэт повторяет опять выражения бояновы — и, обращаясь к Бояну, вопрошает: «или, не так ли петь было, вещий Бояне, Велесов внуче?» («Комони ржут за Сулою; звенить слава в Кыеве; трубы трубять в Новеграде; стоять стязи в Путивле; Игорь ждет мила брата Всеволода»).

Теперь поэт говорит сам от себя не по вымыслу Бояню, по былинам сего времени. Должно признаться, что это живое и быстрое описание стоит иносказаний соловья старого времени.

«И рече ему Буй-Тур Всеволод: один брат, один свет светлый, ты Игорю. Оба есве Святославичи: седлай брате, свои борзыи комини — а мои ти готовы (готовы значат здесь известны, значение сие сохранилось в иллирийском славянском наречии. Ниже мы увидим, что половцы бегут *неготовыми* (неизвестными) дорогами. Если же *неготовыми* значило бы не *мощенными,* то что же бы значило *готовые кони?)* оседланы у Курьска на переди.»

«А мои ти Куряни сведомы». (Сие повторение того же понятия другими выражениями подтверждает предыдущее мое показание. Это одна из древнейших форм поэзии. Смотри Священное Писание).

Кмети под трубами повиты. Г. Вельтман говорит, что кметь значит вообще крестьянин, мужик, — Kar gospóda stori krivo, kmeti mórjo plazhat shivo.

<1834>

<О РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ, С ОЧЕРКОМ ФРАНЦУЗСКОЙ>

Наши критики не согласились еще в ясном различии между родами классическим и романтическим. Сбивчивым понятием о сем предмете обязаны мы французским журналистам, которые обыкновенно относят к

[1] Заслоняю свет.

lib.pushkinskijdom.ru

романтизму всё, что им кажется ознаменованным печатью мечтательности и германского идеологизма или основанным на предрассудках и преданиях простонародных: определение самое неточное. Стихотворение может являть все сии признаки, а между тем принадлежать к роду классическому. К сему роду должны отнестись те стихотворения, коих *формы* известны были грекам и римлянам, или образцы коих они нам оставили; следственно сюда принадлежат: эпопея, поэма дидактическая, трагедия, комедия, ода, сатира, послание, ирония, эклога, элегия, эпиграмма и басня. Если же вместо формы стихотворения будем брать за основание только *дух*, в котором оно писано, — то никогда не выпутаемся из определений. Гимн Пиндара духом своим, конечно, отличался от оды Анакреона, сатира Ювенала от сатиры Горация. *Освобожденный Иерусалим* от *Энеиды*—однакож все они принадлежат к роду классическому. Какие же роды стихотворений должно отнести к поэзии романтической? — Те, которые не были известны древним и те, в коих прежние формы изменились или заменены другими.

Не считаю за нужное говорить о поэзии греков и римлян. Каждый образованный европеец должен иметь достаточное понятие о бессмертных созданиях величавой древности. Взглянем на происхождение и на постепенное развитие поэзии новейших народов.

Западная империя клонилась быстро к падению, — а с нею науки, словесность и художества. Наконец, она пала, просвещение погасло, невежество омрачило окровавленную Европу. Едва спаслась латинская грамота в пыли книгохранилищ монастырских, монахи соскобляли с пергамента стихи Лукреция и Виргилия и вместо их писали на нем свои хроники и легенды.

Поэзия проснулась под небом полуденной Франции — рифма, новое украшение стиха, с первого взгляда столь мало значущее, отозвалась в романском языке, имела сильное влияние на словесность новейших народов. Побежденная трудность всего приносит нам удовольствие — любить размеренность, соответственность (simetria) свойственно уму человеческому. Ухо обрадовалось удвоенным ударениям звуков. — Трубадуры играли рифмою, изобретали для нее все возможные изменения стихов, придумывали самые затруднительные формы — явились triolet, баллада, рондо, сонет и проч. От сего произошла необходимая натяжка выражения; какость, жеманство вовсе неизвестное древним, — мелочное остроумие заменило чувство, которое не может выражаться в трилетах. Мы находим несчастные сии следы в величайших гениях новейших времен.

Но ум не может довольствоваться одними игрушками гармонии. Воображение требует картин и рассказов — трубадуры обратились к новым источникам вдохновения, воспели любовь и войну, оживили народные предания, — родились ле, роман и фаблио.

Темные понятия о древней трагедии и церковные празднества подали повод к сочинению *таинств* (mystères). Почти все писаны на один образец и подходят под одно условие, но к несчастию в то время не было Аристотеля для установления непреложных законов мистической драматургии.

Долго Россия оставалась чуждою Европе. Приняв свет христианства от Византии, она не участвовала ни в политических переворотах, ни в умственной деятельности Римско-Кафолического мира. Великая эпоха возрождения не имела на нее никакого влияния; рыцарство не одушевило предков наших чистыми восторгами, и благодетельное потрясение, произведенное крестовыми походами, не отозвалось в краях оцепеневшего севера..... России определено было высокое предназначение. Ее необозримые равнины поглотили силу монголов и остановили их нашествие на самом краю Европы; варвары не осмелились оставить у себя в тылу порабощенную Русь и возвратились на степи своего востока. Образующееся просвещение было спасено растерзанной и издыхающей Россией.... [1].

---

[1] А не Польшею, как еще недавно утверждали европейские журналы,— но Европа в отношении к России всегда была столь же невежественна, как и неблагодарна. <Примеч. Пушкина>.

lib.pushkinskijdom.ru

Духовенство, пощаженное удивительной сметливостью татар, одно — в течении двух мрачных столетий — питало бледные искры византийской образованности. В безмолвии монастырей иноки вели свою беспрерывную летопись. Архиереи в посланиях своих беседовали с князьями и боярами, утешая сердца в тяжкие времена искушений и безнадежности. Но внутренняя жизнь порабощенного народа не развивалась. Татаре не походили на мавров. Они, завоевав Россию, не подарили ей ни алгебры, ни Аристотеля; старинные наши архизы и вивлиофики, кроме летописей, не представляют почти никакой пищи любопытству изыскателей. Несколько сказок и песен, беспрестанно поновляемых изустным преданием, сохранили полуизглаженные черты народности, и *Слово о Полку Игореве* возвышается уединенным памятником в пустыне нашей древней словесности.

Споры великокняжества с уделами, единовластия с вольностями городов, самодержавия с боярством и завоевания с народной самобытностью не благоприятствовали свободному развитию просвещения. Но в эпоху бурь и переломов цари и бояре согласны были в одном: в необходимости сблизить Россию с Европою. Наконец, явился Петр.

Россия вошла в Европу, как спущенный корабль, — при стуке топора и при громе пушек. Но войны, предпринятые Петром Великим, были благодетельны и плодотворны. Успех народного преобразования был следствием Полтавской битвы и европейское просвещение причалило к берегам завоеванной Невы.

Петр не успел довершить многое, начатое им. Он умер в пору мужества, во всей силе творческой своей деятельности. Он бросил на словесность взор рассеянный, но проницательный. Он возвысил Феофана; ободрил Копиевича, не взлюбил Татищева за легкомыслие и вольнодумство и угадал в бедном школьнике *вечного труженика* Тредьяковского. Семена были посеяны. Сын молдавского господаря воспитывался в его походах; а сын холмогорского рыбака, убежав от берегов Белого моря, стучался у ворот Заиконоспасского училища. Новая словесность, плод новообразованного общества, скоро должна была родиться.

В начале 18-го столетия французская литература обладала Европою. Она должна была иметь на Россию долгое и решительное влияние. Прежде всего надлежит нам ее исследовать.

Два обстоятельства имели решительное действие на дух европейской поэзии — нашествие мавров и крестовые походы.

Мавры внушили ей иступление и нежность любви, приверженность к чудесному и роскошное красноречие востока. Рыцари сообщили ей свою набожность и простодушие — новые понятия о геройстве и вольность нравов походных станов Годфрида и Ричарда.

Таково было смиренное начало романтической поэзии.

Отрасли романтической поэзии пышно процвели в Италии и Гишпании. Италия присвоила себе ее эпопею, полу-африканская Гишпания завладела трагедиею и романом. Англия противу имен Dante, Ариосто и Кальдерона с гордостью выставила имена Спенсера, Мильтона и Шекспира, в Германии (что довольно странно) отличилась новая сатира, едкая, шутливая. Гете оживил сатиру Ренеке Фукс. Во Франции тогда поэзия все еще младенчествовала. Лучший стихотворец Вильон воспевал в площадных куплетах кабаки и виселицу и почитался первым народным поэтом! Наследник его Марот, живший в одно время с Ариостом и Камоенсом, rima des triolets, fit fleurir la ballade.[1]. Проза уже имела решительный перевес. Скептик Монтань и циник Рабле были современники Тассу.

В Италии и в Гишпании народная поэзия уже существовала прежде появления ее гениев. Они пошли по дороге уже проложенной. Были поэмы прежде ариостова *Орланда*, были трагедии прежде созданий de Vega и Кальдерона. Во Франции просвещение застало поэзию в ребячестве без всякого направления, безо всякой силы. Образованные умы века Людовика XIV справедливо презрели ее ничтожность и обратили её к

[1] Слагал триолеты, писал мастерские баллады.

lib.pushkinskijdom.ru

древним образцам. Буало, человек, одаренный умом резким и здравым и мощным талантом, обнародовал свой Коран — и французская словесность ему покорилась.

P. S. Не должно думать однако ж, чтоб и во Франции не остались никакие памятники чистой романтической поэзии. Сказки Лафонтена и Вольтера и *Дева* сего последнего носят на себе ее клеймо. Не говорю уже о многочисленных подражаниях, по большей части, посредственных: легче превзойти гениев в забвении всех приличий, нежели в поэтическом достоинстве.

Люди, одаренные талантом, будучи поражены ничтожностию и должно сказать, *подлостью* французского стихотворства, выдумали, что скудость языка была тому виною и стали стараться пересоздать его по образцу древнего греческого. Образовалась новая школа, коей мнения, цель и усилия напоминают школу наших славяно-руссов, между коими также были люди с дарованиями. Но труды Ронсара, Жоделя и Дюбелле остались тщетными. Язык отказался от направления ему чуждого и пошел опять своей дорогою.

Наконец, пришел Малерб, с такой ярой точностию, с такою строгою справедливостию, оцененной великим критиком.

Enfin Malherbe vint et le premier en France
Fit sentir dans les vers une juste cadence
D'un mot mis en sa place enseignat le pouvoir
Et réduisit la Muse aux règles du devoir.
Par ce sage écrivain la langue réparée
N'offrit plus rien de rude à l'oreille épurée
Les stances avec grace apprirent à tomber
Et le vers sur le vers n'osa plus enjamber.[1]

Но Малерб ныне забыт подобно Ронсару. Сии два таланта истощили силы свои в борении с усовершенствованием стиха... Такова участь, ожидающая писателей, которые пекутся более о механизме языка, наружных формах слова, нежели о мысли — истинной жизни его, независящей от употребления!

Каким чудом посреди [общего сего жалкого ничтожества французской поэзии, недостатка истинной критики и шаткости мнений, посреди общего падения вкуса] вдруг явилась толпа истинно-великих писателей, покрывших таким блеском конец XVII века. Политическая ли щедрость кардинала Ришелье, тщеславное ли покровительство Людовика XIV — были причиною такого феномена? или каждому народу судьбою предназначена эпоха, в которой созвездие гениев вдруг является, блестит и исчезает? Как бы то ни было, вслед за толпою бездарных, посредственных или несчастных стихотворцев, заключающих период старинной французской поэзии, тотчас выступают Корнель, Паскаль, Боссюэт и Фенелон, Буало, Расин, Молиер и Лафонтен. И владычество их над умами просвещенного мира гораздо легче объясняется, нежели их неожиданное пришествие.

Некто у нас сказал, что французская словесность родилась в передней etc. Это слово было повторено и во французских журналах и замечено, как жалкое мнение (opinion déplorable). Это не мнение, но истина историческая, буквально выраженная: *Марот* был камердинером Франциска I-ого (valet de chambre), Молиер камердинером Людовика XIV. Буало, Расин и Вольтер (особенно Вольтер), конечно, дошли до гостиной.

---

[1] Наконец, пришел Малерб и первый во Франции
Дал почувствовать в стихах точную гармонию,
Показал силу слова, помещенного на должном месте.
И подчинил музу правилам долга.
Исправленный этим мудрым писателем, язык
Перестал являть разборчивому уху что-либо грубое —
Строфы научились литься с изяществом,
И один стих не дерзал более вторгаться в другой.

lib.pushkinskijdom.ru

но все-таки через переднюю. Об новейших поэтах говорить нечего. Они конечно на площади, с чем их и поздравляем.

Влияние, которое французские писатели произвели на общество, должно приписать их старанию принаравливаться к господствующему вкусу и мнениям публики. — Замечательно, что ни один из известных французских поэтов не бежал (?) из Парижа. Вольтер, изгнанный из столицы тайным указом Людовика XV. полу шутливым, полу важным тоном советует писателям оставаться в Париже, если дорожат они покровительством Аполлона и бога вкуса.

Ни один из французских поэтов не дерзнул быть самобытным, ни один, подобно Мильтону, не отрекся от современной славы.

Расин перестал писать увидя не-успех своей *Гофолии*. Публика (о которой Шамфор спрашивал так забавно: сколько нужно глупцов, чтобы составить публику?), легкомысленная, невежественная публика была единственною руководительницею и образовательницею писателей. Когда писатели перестали толпиться по передним вельмож, они, дабы вновь взойти в доверенность, обратились к народу, лаская его любимые мнения или фиглярствуя независимостию и странностями, но с одною целию: выманить себе репутацию, или деньги! В них нет и не было бескорыстной любви к искусству и к изящному — жалкий народ.

Несмотря на ее видимую ничтожность, Ришелье чувствовал важность литературы. Великий человек, унизивший во Франции феодализм, захотел также связать и литературу. Писатели (класс бедный и насмешливый, дерзкий) были призваны ко двору и задарены пенсиями, как и дворяне Людовик XIV следовал системе кардинала. Вскоре словесность сосредоточилась около его трона. Все писатели получили придворную должность. Корнель, Расин тешили короля заказными трагедиями, историограф Буало воспевал его победы и назначал ему писателей, достойных его внимания, Боссюет и Флешье проповедывали слово божие в его придворной капелле, камердинер Мольер при дворе смеялся над придворными. Академия первым правилом своего устава положила: хвалу великого короля. Были исключения, бедный дворянин Лафонтен (несмотря на господствующую набожность) печатал в Голландии свои веселые сказки о монахинях, а сладкоречивый епископ в книге, наполненной смелой философиею, помещал язвительную сатиру на прославленное царствование. Зато Лафонтен умер без пенсии, а Фенелон в своей епархии, отдаленный от двора за мистическую ересь. Отселе вежливая, тонкая словесность, блестящая, аристократическая, немного жеманная, но тем самым понятная для всех дворов Европы — ибо высшее общество, как справедливо заметил один из новейших писателей, составляет во всей Европе одно семейство.

Между тем дух исследования и порицания начинал проявляться во Франции. Ничто не могло быть противуположнее поэзии, как та философия, которой XVIII век дал свое имя. Она была направлена противу господствующей религии, вечного источника поэзии у всех народов и любимым орудием ее была ирония холодная и осторожная и насмешка бешеная и площадная. Вольтер, великан сей эпохи, овладел и стихами, как важной отраслию умственной деятельности человека. Он написал эпопею, с намерением очернить католицизм. Он 60 лет наполнял театр трагедиями, в которых, не заботясь ни о правдоподобии характеров, ни о законности средств, заставил он свои лица кстати и не кстати выражать правила своей философии. Он наводнил Париж прелестными безделками, в которых философия говорила общепонятным и шутливым языком, одною рифмою и метром отличавшимся от прозы. И эта легкость казалась верхом поэзии. Наконец и он, однажды в своей старости, становится поэтом, когда весь его разрушительный гений со всею свободою излился в циничной поэме, где все высокие чувства, драгоценные человечеству, были принесены в жертву демону смеха и иронии. Влияние Вольтера было неимоверно. Около великана копошились пигмеи, стараясь привлечь его внимание своими приношениями. Умы возвышенные следуют за ним. Задумчивый Руссо провозглашает себя его учеником; пылкий Дидрот есть самый ревностный из его апостолов. Англия в лице Юма и Гиббона и Вальполя приветствует энцикло-

lib.pushkinskijdom.ru

педию, Екатерина вступает с ним в дружескую переписку, Фридрих с ним ссорится и мирится; общество ему покорно. Европа едет в Ферней на поклонение. Наконец Вольтер умирает, с восторгом благословляя внука Франклина — и приветствуя новый свет словами, дотоле неслыханными.

Общество созрело для великого разрушения. Все еще спокойно, но уже голос молодого Мирабо, подобно отдаленной буре, глухо гремит из глубины темниц, по которым он скитается. — — — —

Смерть Вольтера не останавливает потока. Бомарше влечет на сцену, раздевает до нага и терзает все, что еще почитается неприкосновенным. Министры Людовика XVI нисходят в арену спорить с писателями. Старая монархия, созданная Людовиком XIV, хохочет и рукоплещет. Следы Великого Века (как называли французы век Людовика XIV) исчезают. Древность осмеяна, святыня обоих заветов обругана, истощенная поэзия превращается в мелочные игрушки остроумия; роман — делается скучною проповедью или галлереею соблазнительных картин...

Европа, оглушенная, очарованная славою французских писателей, преклоняет к ним подобострастное внимание. Германские профессора с высоты кафедры провозглашают правила французской критики. Англия следует за Францией на поприще философии, поэзия в отечестве Шекспира и Мильтона становится суха и ничтожна, как и во Франции, Ричардсон Фильдинг и Стерн поддерживает славу прозаического романа. Италия отрекается от гения Dante, Metastasio подражает Расину.

Обратимся к России.

Приступая к изучению нашей словесности, мы хотели бы обратиться назад и взглянуть с любопытством и благоговением на ее старинные памятники — мы желали бы с благовением и старательно развернуть пыльные рукописи; воскресить песнопения баянов, сказки и песни веселых скоморохов или комедии — сравнить их с этою бездной поэм, романсов, мистерий иронических, и любовных, и простодушных, и сатирических, коими наводнены европейские литературы средних веков.

Нам приятно было бы наблюдать историю нашего народа в сих первоначальных играх творческого духа — сравнить влияние завоевания скандинавов с завоеванием мавров, видеть разницу между простодушною сатирою французского trouvère [1] и лукавой насмешливостию скомороха, между площадною шуткою полудуховной мистерии и затеями нашей старой комедии. Но, к сожалению, старой словесности у нас не существует. За нами темная степь — и на ней возвышается единственный памятник: *Песнь о Полку Игореве.*

Словесность наша явилась вдруг с 18 столетия, подобно русскому дворянству, без предков и родословий.

Кантемир. Ломоносов. Тредьяковский. Влияние Кантемира уничтожается Ломоносовым, Тредьяковского — его бездарностью. Почтенное борение Тредьяковского. Он побежден. Сумароков. — *Екатерина* (Вольтер). Фонвизин. Державин.

Начало русской словесности; Кантемир в Париже обдумывает свои сатиры, переводит Горация, умирает 28 лет. Ломоносов, плененный гармониею ритма, пишет, в первой своей молодости, оду, исполненную живости etc и обращается к точным наукам, dégoûté [2] славою Сумарокова. Сумароков в сие время. Тредьяковский — *один, понимающий свое дело...*

Ничтожество общее. Французская обмельчавшая словесность envahit tout. [3] Знаменитые писатели не имеют ни одного последователя в России, но бездарные писаки, грибы, выросшие у корней дубов: Дорат, Флориян, Мармонтель, Гишар, M-me Жанлис овладевают русской словесностию.

<1834>

---

[1] Трувера.
[2] Проникшись отвращением.
[3] Заполняет все.

lib.pushkinskijdom.ru

<ЗАМЕТКИ, СВЯЗАННЫЕ С ИЗДАНИЕМ «СОВРЕМЕННИКА»>

<1. ПРОГРАММА ИЗДАНИЯ>

Журнал под названием *Современник* выходит каждые три месяца по одному тому.

В нем будут помещаться стихотворения всякого роду, повести, статьи о нравах, и тому подобное; (оригинальные и переводные) критики замечательных книг русских и иностранных; наконец статьи, касающиеся вообще искусств и наук.

Цена за годовое издание 25 р. асс., с пересылкою 30 р. асс.

А. Пушкин.

<2. ПЕРЕЧЕНЬ СТАТЕЙ, НАМЕЧЕННЫХ ДЛЯ ЖУРНАЛА> [1].

Поход 1711 +
St. Kazanova +
Путешествие В. Л. <Пушкина> (Дмитриева)
Календарь <на 1721 год> +
Путешествие Радищева +
Собрание Русских песен.
Тредьяковский
О Пугачеве +
Сказки,
Русские шутки.
О Ваньке Каине
L'Abbé Chappe
Antidote
О легчайшем способе <возражать на критики> Дашкова.
О пословицах
О Histoires tragiques
Aventuriers etc.
О Библиотеке Новикова
О Путешествии Арт<иллериста> И. Р<адожицкого>
О М<émoires de> S<anson>.

Опыты библиографические.

<3.> ПРИМЕЧАНИЕ О ПАМЯТНИКЕ КНЯЗЮ ПОЖАРСКОМУ И ГР<АЖДАНИНУ> МИНИНУ. [2]

Надпись *Гражданину Минину*, конечно, не удовлетворительна:

Он для нас или мещанин Косма Минин по прозванию Сухорукой, или думный дворянин Косма Миничь Сухорукой, или наконец *Кузьма Минин, выборный человек от всего Московского Государства*, как назван он в грамоте о избрании Михаила Феодоровича Романова. Всё это не худо было бы знать, также как имя и отчество князя Пожарского. Кстати, недавно в одной исторической статье сказано было, *что Минину дали дворянство и боярство;* но что спесивые вельможи не допустили его в думу и принудили в 1617 году удалиться в Нижний Новгород. — Сколько несообразностей! Минин никогда не бывал боярином; он в думе заседал, как *думный дворянин;* в 1616 их было всего два: он и Гаврила Пушкин. Они получали по 300 р. окладу. О годе его смерти нет нигде никакого известия; *полагают*, что Минин умер в Нижнем Новгороде, потому что он там похоронен, и что в последний раз упомянуто о нем в списке дворцовым чинам в 1616.

Издатель.

---

[1] Одни из этих статей (вероятно, отмеченные крестиком) были готовы, другие начаты, третьи только задуманы. *Ред.*

[2] «Примечание» это предназначалось для статьи «Прогулка по Москве» в третьей книге «Современника».

lib.pushkinskijdom.ru

<4. ОТ ИЗДАТЕЛЯ>

Издатель, извиняясь в своей неосмотрительности, покорнейше просит особу, подписавшуюся на получение Современника *в гор. Холме*, прислать к нему свой адрес, который затерялся.

<НАБРОСКИ СТАТЕЙ ДЛЯ «СОВРЕМЕННИКА»>

ПУТЕШЕСТВИЕ

В. Л. П.

Путешествие <N. N. в Париж и Лондон писанное за три дня до путешествия. В трех частях. Москва, тип. Платона Бекетова, 1808. in 16°>. Картинка <на заглавном листе> представляет <В. Л. Пушкина, берущего урок декламации у Тальма>.

Эта книжка никогда не была в продаже. Несколько экземпляров розданы были приятелям автора, от которого имел я счастие получить и свой (чуть ли не последний). Я храню его, как памятник благосклонности, для меня драгоценной.....

Путешествие есть веселая, незлобная шутка над одним из приятелей автора; покойный В. Л. П<ушкин> отправился в Париж и его младенческий восторг подал повод к сочинению маленькой поэмы, в которой с удивительной точностью изображен весь В<асилий> Л<ьвович> — Это образец игривой легкости и шутки живой и [незлобной].

Есть люди, которые не признают иной поэзии, кроме страстной или выспренней. Есть люди, которые находят и Горация прозаическим (спокойным, умным, рассудительным? так ли?) Пусть так. Но жаль было бы, если б не существовали прелестные оды, которым подражал и наш Державин.

Для тех, которые любят Катулла, Грессета и Вольтера, для тех, которые любят поэзию не только в ее лирических порывах или в дивном вдохновении элегии, не только в обширных созданиях драмы и эпопеи, но и [в младенческой] игривости шутки, и в забавах ума, вдохновенного веселостию[1] — — —

Искренность драгоценна в поэте. Нам приятно видеть поэта во всех состояниях, изменениях его живой и творческой души: и в печали и в радости, и в парениях восторга, и в отдохновении чувств — и в Ювенальском негодовании, и в маленькой досаде на скучного соседа....

Благоговею пред созданием Фауста, но люблю и эпиграммы etc.

Виноват: я бы отдал все, что было писано у нас в подражание лорду Байрону за следующие не задумчивые и не восторженные стихи, в которых поэт заставляет героя своего восклицать друзьям:

<Друзья! Сестрицы! я в Париже!
Я начал жить, а не дышать!
Садитесь вы друг к другу ближе
Мой маленький журнал читать>

<«ПУТЕШЕСТВИЕ В СИБИРЬ» АББАТА ШАПП Д'ОТРОША И «АНТИДОТ» ЕКАТЕРИНЫ ВТОРОЙ.>.

В числе иностранцев, посетивших Россию в прошедшем столетии, Шапп д'Отрош заслуживает особенное внимание. Он был послан французскою

---

[1] Не дописано.

lib.pushkinskijdom.ru

Академию Наук для наблюдения в Тобольске перехода Венеры по солнцу, долженствовавшего совершиться <26 мая> 176<1>года. — Аббат выехал из Петербурга <10> марта и <10 апреля> прибыл в Тобольск, где и оставался до <июля.>

В <1768 году> аббат напечатал свое путешествие, которое смелостью и легкомыслием сильно оскорбило Екатерину — [Она сама решилась опровергнуть ложное] <и> неблагонамеренное и велела Миллеру и Болтину отвечать Аббату.

<«ИСТОРИЯ ПОЭЗИИ» С. П. ШЕВЫРЕВА>

<История Поэзии. Чтения Адъюнкта Московского университета. Степана Шевырева. Том первый, содержащий в себе Историю поэзии Индейцев и Евреев, с приложением двух вступительных чтений о характере образования и поэзии главных народов новой Западной Европы. Москва. В тип. А. Семена. 1835>.

История Поэзии, явление утешительное, книга важная!

Россия по своему положению, географическому, политическому — etc. есть судилище, приказ Европы — Nous sommes les grands jugeurs [1] — Беспристрастие и здравый смысл наших суждений касательно того, что делается не у нас, удивительны — примеры тому.

Критика литературная у нас ничтожна: по чему? Потому, что в ней требуется не одного здравого смысла, но и любви к науке — Взгляд на нашу критику — Мерзляков — Шишков — Дашков — etc.

Шевырев при самом вступлении своем обещает не следовать ни эмпирической системе французской критики, ни отвлеченной философии Немцев (стр. <6—11>) — Он избирает способ изложения исторический — и поделом: таким образом придает он науке заманчивость рассказа —

Критик приступает к истории Западных Словесностей —

В Италии видит он чувственность Римскую, побежденную Христианством — обретающую покровительство Религии — воскресшую в художествах, покорившую своему роскошному влиянию строгий кафолицизм, и снова овладевшую своей отчизною.

В Испании признает он те же начала — но встречает Мавров, и видит в ней Магометанское направление (?).

Оставляя роскошный юг, Шевырев переходит к северным народам, рабам нужды. пасынкам природы.

В туманной Англии, видит от Нужду, развивающую Богатство — промышленность, труд, изучение — литературу без преданий etc., вещественность.

В Германских священных лесах открывает он уже то стремление к отвлеченности, к уединению, к феодальному разъединению, которые и доныне господствуют и в политическом составе Германии, и в системах ее мыслителей, и при дворах ее князьков, и на кафедрах ее профессоров.

Франция, *средоточие Европы*, представительница жизни общественной, жизни всё вместе эгоистической и народной — В ней Наука и Поэзия — не цели, а средства — Народ (der Herr Omnis) [2] властвует со всей отвратительной властию демократии — — В нем все признаки невежества — презрение к чуждому, une marque pétulente et tranchante — etc. [3]

Девиз России: Suum cuique. [4]

---

[1] Мы великие судьи!
[2] Господин Всякий.
[3] Печать необузданности и грубости и т. п.
[4] Каждому свое.

lib.pushkinskijdom.ru

<НАЧАЛО СТАТЬИ О ЖЕЛЕЗНОЙ МАСКЕ>.

Вольтер в своем Siecle de Louis XIV (в 1760), первый сказал несколько слов о Железной Маске.

«Несколько времени после смерти кардинала Мазарини, пишет он, случилось происшествие беспримерное, и что еще удивительнее, неизвестное ни одному историку. Некто, высокого росту, молодых лет, благородной и прекрасной наружности, с величайшей тайною послан был в заточение на остров св. Маргариты. Дорогою невольник носил маску, коей нижняя часть была на пружинах, так что он мог есть, не сымая ее с лица. Приказано было, в случае если б он открылся, его убить. Он оставался на острове до 1690 году, когда Сен-Марс, губернатор Пиньрольской крепости, быв назначен губернатором в Бастилью, приехал за ним и препроводил его в Бастилию, всё также маскированного. Перед сим, маркиз де Лувоа посетил его на сем острове, и говорил с ним стоя, с видом уважения. Неизвестный посажен был в Бастилью, где всевозможные удобности были ему доставляемы. Ему ни в чем не отказывали. Он любил самое тонкое белье и кружева. Он играл на гитаре. Стол его был самый отличный. Губернатор редко садился перед ним. Старый лекарь, часто его лечивший в различных болезнях, сказывал, что никогда не видывал его лица, хотя и осматривал его язык, и другие части тела. По словам лекаря, он был прекрасно сложен, цветом довольно смугл. Голос его был трогателен; он никогда не жаловался и не намекал о своем состоянии.

Неизвестный умер в 1703 году и был похоронен ночью, в приходе св. Павла. Удивительно и то, что в то время, когда привезен он был на остров св. Маргариты, никого из важных особ в Европе не исчезло. Невольник сей, безо всякого сомнения, был особа важная. Доказательством тому служит происшествие, случившееся в первые дни его заточения на острове. Сам губернатор приносил ему кушанье на стол, запирал дверь и удалялся. Однажды невольник начертал что-то ножем на серебряной тарелке и бросил ее из окошка. Рыбак поднял тарелку на берегу моря, и принес ее губернатору. Сей изумился. Читал-ли ты, что тут написано, спросил он у рыбака, и видел-ли кто у тебя эту тарелку? Я не умею читать, отвечал рыбак. я сей час ее нашел, никто ее не видал. Рыбака задержали, пока не удостоверились, что он в самом деле был безграмотный и что тарелки никто не видал. Губернатор отпустил его, сказав: ступай; счастлив ты, что не умеешь читать — — —

Г. де Шамильяр был последний из министров, знавших эту странную тайну. Зять его, маршал де ла Фельяд сказывал мне, что при смерти своего тестя он на коленах умолял его открыть, кто таков был человек в железной маске. Шамильяр ответствовал, что это государственная тайна, и что он клялся ее не открывать. Многие из моих современников подтвердят истину моих слов. Я не знаю ничего ни удивительнее, ни достовернее».

Сии строки произвели большое впечатление. Любопытство было сильно возбуждено. Стали разыскивать, разгадывать, предполагать. Иные думали что Железная Маска был граф de Vermandois, осужденный на вечное заключение будто бы за пощечину, им данную дофину (Людовику XIV). Другие видели в нем герцога де Бефор, сего феодального демагога, мятежного любимца черни Парижской, пропавшего без вести во время осады Кандии в 16<69 г.>; третьи утверждали, что он был никто иной, как герцог Монмуф, и проч. и проч. Сам Вольтер, опровергнув все сии мнения с ясностью критики, ему свойственной, романически думал или выдумал, что славный невольник был старший брат Людовика XIV, жертва честолюбия и политики жестокосердой. Доказательства Вольтера были слабы. Загадка оставалась неразрешеною. Взятие Бастилии в 1789 году и обнародование ее архива ничего не могли открыть касательно таинственного затворника.

<1836>

lib.pushkinskijdom.ru

2. <ДРАМА И ТЕАТР>.

МОИ МЫСЛИ О ШАХОВСКОМ.

Шаховской никогда не хотел учиться своему искусству и стал посредственной стихотворец — Шаховской не имеет большого вкуса, он худой писатель — что ж он такой? — Не глупой человек, который, замечая всё смешное или замысловатое в обществах, пришед домой, всё записывает и потом как ни попало вклеивает в свои комедии —

Он написал *Нового Стерна*, холодный пасквиль на Карамзина. —

Он написал водевиль *Ломоносов:* представил отца русской поэзии в кабаке, и заставил его немцам говорить русские свои стихи и растянул на три действия две или три занимательные сцены —

Он написал *Ковак стихотворец* — в нем есть счастливые *слова*, песни замысловатые — но нет даже и тени ни завязки, ни развязки. — *Маруся* занимает, но все прочие холодны и скучны. —

Ни говорю о *Встрече незванных* — пустом представлении, без малейшего искусства или занимательности —

Он написал поэму *Шубы — и все дрожат.* [1]

Наконец он написал *Кокетку.* [2] —

И наконец написал он комедию — хотя исполненную ошибок во всех родах, в продолжении трех первых действий холодную и скучную и без завязки, но все комедию. —

Первые ее явления скучны. Князь Холмской, лицо не действующее, усыпительный проповедник, надутый педант — и в Липецк приезжает только для того, чтобы пошептать на ухо своей тетке в конце пятого действия.

<1815>

МОИ ЗАМЕЧАНИЯ ОБ РУССКОМ ТЕАТРЕ.

Должно ли сперва поговорить о себе, если захочешь поговорить о других? Нужна ли старая маска Лужнического пустынника для безымянного критика Истории К<арамзина>? Должно ли укрываться в чухонскую деревню, дабы сравнивать немку Ленору с шотландкой Людмилой и чувашкой Ольгою? [3] Ужели, наконец, необходимо для любителя французских актеров и ненавистника русского театра прикинуться кривым и безруким инвалидом, как будто потерянный глаз и оторванная рука дают полное право и криво судить и не уметь писать по русски? Думаю, что нет, и потому не прилагаю здесь ни своего послужного списка, ни свидетельства о рождении, ни росписи своим знакомым и друзьям, ни собственной апологии. Читатель, которому до меня нет никакой нужды, этим нимало не оскорбится, и если ему нечего делать, то пробежит *мои замечания об Русском Театре*, не заботясь по какому поводу я их написал и напечатал.

Публика образует драматические таланты. Что такое наша публика?

Пред началом оперы, трагедии, балета молодой человек гуляет по всем десяти рядам кресел, ходит по всем ногам, разговаривает со всеми знакомыми и незнакомыми. «Откуда ты?» — «От Сем..., от Сосн..., от Кол..., от Ист...» [4] — «Как ты счастлив!» — «Сегодня она поет — она играет — она танцует — похлопаем ей — вызовем ее! она так мила! у ней такие глаза! такая ножка! такой талант!..» — Занавес подымается. Молодой человек, его

---

[1] Цитата из сатиры Д. В. Дашкова. *Ред.*

[2] «Урок кокеткам или Липецкие воды» (1815 г.). *Ред.*

[3] Намек на анонимную статью Гнедича об «Ольге» Катенина и «Людмиле» Жуковского. *Ред.*

[4] Недописаны имена Семеновой, Сосницкой, Колосовой, Истоминой. *Ред.*

lib.pushkinskijdom.ru

приятели, переходя с места на место, восхищаются и хлопают. Не хочу здесь обвинять пылкую, ветренную молодость, знаю, что она требует снисходительности. Но можно ли полагаться на мнения таковых судей?

Часто певец или певица, заслужившие любовь нашей публики, фальшиво дотягивают арию Боэльдье или della Maria. Знатоки примечают, любители чувствуют, они молчат из уважения к таланту. *Прочие* хлопают из доверенности и кричат форо из приличия.

Трагический актер заревет громче, сильнее обыкновенного; оглушенный раек приходит в исступление, театр трещит от рукоплесканий.

Актриса... Но довольно, будет, если скажу, что невозможно ценить таланты наших актрис по шумным одобрениям нашей публики.

Еще замечание. Значительная часть нашего партера (т.-е. кресел) слишком занята судьбою Европы и Отечества, слишком утомлена трудами, слишком глубокомысленна, слишком важна, слишком осторожна в изъявлении душевных движений, дабы принимать какое нибудь участие в достоинстве драматического искусства (к тому же русского). И если в половине седьмого часу одни и те же лица являются из казарм и совета занять первые ряды кресел, то это более для них условный этикет, нежели приятное отдохновение. Ни в каком случае невозможно требовать от холодной их рассеянности здравых понятий и суждений, и того менее — движения какого нибудь чувства. Следовательно, они служат только почтенным украшением Большого каменного театра, но вовсе не принадлежат ни к толпе любителей, ни к числу просвещенных или пристрастных судей.

Еще одно замечание. Сии великие люди нашего времени, носящие на лице своем однообразную печать скуки, спеси, забот и глупости, неразлучных с образом их занятий, сии всегдашние передовые зрители, нахмуренные в комедиях, зевающие в трагедиях, дремлющие в операх, внимательные может быть, в одних только балетах, не должны ль необходимо охлаждать игру самых ревностных наших артистов и наводить лень и томность на их души, если природа одарила их душою?

Но посмотрим, достойны ли русские актеры такого убийственного равнодушия. Разберем отдельно трагедию, комедию, оперу и балет и постараемся быть снисходительными и строгими, но особливо беспристрастными.

Говоря об русской трагедии, говоришь о Семеновой — и, может быть, только об ней. Одаренная талантом, красотою, чувством живым и верным, она образовалась сама собою. Семенова никогда не имела подлинника. Бездушная французская актриса Жорж и вечно восторженный поэт Гнедич могли только ей намекнуть о тайнах искусства, которое поняла она откровением души. Игра всегда свободная, всегда ясная, благородство одушевленных движений, орган чистый, ровный, приятный и часто порывы истинного вдохновения, всё сие принадлежит ей и ни от кого не заимствованно. Она украсила несовершенные творения несчастного Озерова и сотворила роль Антигоны и Моины; она одушевила измеренные строки Лобанова; в ее устах понравились нам славянские стихи Катенина, полные силы и огня, но отверженные вкусом и гармонией. В пестрых переводах, составленных общими силами и которые, по несчастью, стали нынче слишком обыкновенны, слышали мы одну Семенову, и гений актрисы удержал на сцене все сии плачевные произведения союзных поэтов, от которых каждый отец отрекается по одиночке. Семенова не имеет соперницы. Пристрастные толки и минутные жертвы, принесенные новости, прекратились, она осталась единодержавною царицею трагической сцены. Было время, когда хотели с нею сравнивать прекрасную комическую актрису Валберхову, которая в роли Дидоны живо напоминала нам жеманную Селимену (так, как в роли *Ревнивой жены* напоминает она и теперь Карфагенскую царицу) *. Но истинные

---

* Иные почитают лучшею ролью г-жи Валберховой — роль *Ревнивой жены*. Совершенно несправедливо. Разве они не видали ее в *Мизантропе*, в *Нечаянном закладе*, в *Пустодомах* и проч. <Примеч. Пушкина>.

lib.pushkinskijdom.ru

почитатели ее таланта забыли, что видали ее в венце и мантии, которые весьма благоразумно сложила она для платья с шлейфом и шляпки с перьями.

В скромной одежде Антигоны, при плесках полного театра, молодая, милая, робкая Колосова явилась недавно на поприще Мельпомены. Семнадцать лет, прекрасные глаза, прекрасные зубы (следовательно — частая приятная улыбка), нежный недостаток в выговоре обворожили судей трагических талантов. Приговор почти единогласный назвал Сашеньку Колосову надежной наследницей Семеновой. Во всё продолжение игры ее рукоплесканья не прерывались. По окончанию трагедии она была вызвана криками исступления, и когда г-жа Колосова большая

Filiae pulchrae mater pulchrior [1],

в русской одежде, блистая материнскою гордостью вышла в последующем балете, всё загремело, всё закричало. Счастливая мать плакала и молча благодарила упоенную толпу. Пример единственной в истории нашего театра. Рассказываю просто, не делая на это никаких замечаний. Три раза сряду Колосова играла три разные роли с равным успехом. Чем же всё кончилось? Восторг к ее таланту и красоте мало по малу охолодел, похвалы стали умереннее, рукоплескания утихли; перестали ее сравнивать с несравненною Семеновой; вскоре стала она являться пред опустелым театром— Наконец, в ее бенефис, когда играла она роль Заиры,—все заснули, и проснулись только тогда, когда христианка Заира, умерщвленная в 5-м действии трагедии, показалась в конце довольно скучного водевиля в малиновом сарафане, в золотой повязке, и пошла плясать по русски с большою приятностию на голос: *Во саду ли, в огороде.*

Если Колосова будет менее заниматься флигель-адъютантами е. и. в., а более—своими ролями; если она исправит свой однообразный напев, резкие вскрикиванья и парижской выговор буквы *р*, очень приятный в комнате, но не приличной на трагической сцене; если жесты ее будут естественнее и не столь жеманными, если будет подражать не только одному выражению лица Семеновой, но постарается себе присвоить и глубокое ее понятие о своих ролях, — то мы можем надеяться иметь современем истинно хорошую актрису, не только прелестную собой, но и прекрасную умом, искусством и неоспоримым дарованием. Красота проходит, таланты долго не увядают. Кто нынче говорит об Каратыгиной, которая, по собственному признанию, никогда не могла понять смысла ни единого слова своей роли, если она писана была стихами? Было время, когда ослепленная публика кричала об чудном таланте прелестной любовницы Яковлева; теперь она наряду с его законною вдовою, и никто не возьмет на себя решить, которая из них непонятнее и неприятнее. Скромная, никем незамеченная Яблочкина, понявшая совершенно всю ничтожность лица трагической наперсницы, предпочитается им обеим простым, равнодушным чтением стихов, которое, по крайней мере, никогда не вредит игре главной актрисы.

Долго Семенова являлась перед нами с диким, но пламенным Яковлевым, который, когда не был пьян, напоминал нам пьяного Тальма. В то время имели мы двух трагических актеров! Яковлев умер; Брянской заступил его место, но не заменил его. Брянской, может быть, благопристойнее вообще, имеет более благородства на сцене, более уважения к публике, тверже знает свои роли, не останавливает представлений *внезапными своими болезнями;* но за то какая холодность! какой однообразный тяжелый напев!

По мне, — уж лучше пей,
Да дело разумей.

Яковлев имел часто восхитительные порывы гения, иногда порывы лубочного Тальма. Брянской всегда, везде одинаков. Вечно улыбающийся Фингал, Тезей, Орозман, Язон, Димитрий — равно бездушны, надуты, принужденны, томительны. Напрасно говорите вы ему: расшевелись, батюшка! развернись, рассердись, — ну, ну! Неловкий, размеренный, сжатый

[1] «Прелестной дочери прелестнейшая мать».

lib.pushkinskijdom.ru

во всех движениях, он не умеет владеть ни своим голосом, ни своей фигурою. Брянской в трагедии никогда никого не тронул, а в комедии не рассмешил. Не смотря на это, как комической актер, он имеет преимущество и даже истинное достоинство.

Оставляю на жертву *бенуару* Щеникова, Глухарева, Каменогорского, Толченова и проч. Все они, принятые сначала с восторгом, а после падшие в презрение самого райка, *погибли без шума*. Но из числа сих отверженных исключим Борецкого. Любовь, иные думают, несчастная, к своему искусству, увлекла его на трагическую сцену. Он не имеет величественной осанки Яковлева, ни даже довольно приятной фигуры Брянского; его напев еще однообразнее и томительнее, вообще играет он хуже его. Certes! c'est beaucoup dire [1] — со всем тем, я Борецкого предпочитаю Брянскому. Борецкой имеет чувство, мы слыхали порывы души его в роли Эдипа и старого Горация. Надежда в нем еще не пропала. Искоренение всех привычек, совершенная перемена методы, новый образ выражаться, могут сделать из Борецкого, одаренного средствами душевными и физическими, актера с великим достоинством.

Но оставим неблагодарное поле трагедии и приступим к разбору комических талантов.

<1819>

<ИЗО ВСЕХ РОДОВ СОЧИНЕНИЙ САМЫЕ НЕПРАВДОПОДОБНЫЕ...>

Изо всех родов сочинений самые (invraisemblance [2]) неправдоподобные сочинения драматические, а из сочинений драматических — трагедии, ибо зритель должен забыть — по большей части, время, место, язык, должен усилием воображения согласиться в известном наречии — к стихам, к вымыслам. Французские писатели это чувствовали и сделали свои своенравные правила — место, время (действие). Занимательность, будучи первым законом драматического искусства, единство действия должно быть соблюдаемо. Но место и время слишком своенравны — от сего происходят какие неудобства, стеснение места действия. Заговоры, изъяснения любовные, государственные совещания, празднества — всё происходит в одной комнате! — Непомерная быстрота и стесненность происшествий — наперсники... a parte [3] столь же не сообразны с рассудком — принуждены были в двух местах — и проч. И все это ничего не значит. Не короче ли следовать школе романтической, которая есть отсутствие всяких правил, но не всякого искусства? — Интерес — единство.

Смешение родов комического и трагического — напряжение, изысканность необходимых иногда простых выражений.

<Середина 20-х годов>

<ДРАМАТИЧЕСКОЕ ИСКУССТВО РОДИЛОСЬ НА ПЛОЩАДИ...>

Драматическое искусство родилось на площади — для народного увеселения. Что нравится народу, что поражает его? Какой язык ему понятен?

С площадей, ярманки (вольность мистерий) Расин переносит ее во двор. Какое было ее появление?

(Корнель, поэт испанский).

Сумароков, Озеров — (Катенин).

Шекспир, Гете — влияние его на нынешний французский театр, на нас. Блаженное невсдение критиков, осмеянное Вяземским; они на словах согласились, признали романтизм, а на деле не только его не держутся, но детски нападают на <него>.

---

[1] Правда, это сильно сказано.

[2] Неправдоподобие.

[3] Речи «в сторону».

lib.pushkinskijdom.ru

Что развивается в трагедии? какая цель ее? Человек и народ. Судьба человеческая, судьба народная. Вот почему Расин велик, несмотря на узкую форму своей трагедии. Вот почему Шекспир велик, несмотря на неравенство, небрежность, уродливость отделки.

Что нужно драматическому писателю? Философию, бесстрастие, государственные мысли историка, догадливость, живость воображения, никакого предрассудка, любимой мысли. *Свобода.*

Между тем как эстетика со времен Канта и Лессинга развита с такой ясностию и обширностию, мы всё еще остаемся при понятиях тяжелого педанта Готшеда; мы всё еще повторяем, что *прекрасное* есть подражание изящной природе, и что главное достоинство искусства есть *польза.* Почему же статуи раскрашенные нравятся нам менее чисто мраморных и медных? Почему поэт предпочитает выражать мысли свои стихами. И какая польза в тициановой Венере и в Аполлоне Бельведерском?

Правдоподобие все еще полагается главным условием и основанием драматического искусства. Что если докажут нам, что и самая сущность драматического искусства именно исключает правдоподобие.

Читая поэму, роман, мы часто можем забыться и полагать, что описываемое происшествие не есть вымысел, но истина. В оде, в элегии можем думать, что поэт изображал свои настоящие чувствования, в настоящих обстоятельствах. Но [может ли сей обман существовать] в здании, разделенном на две части, из коих одна наполнена зрителями, которые etc. etc.

Если мы будем полагать правдоподобие в строгом соблюдении костюма, красок времени и места, то и тут мы увидим, что величайшие драматические писатели не повиновались сему правилу. У Шекспира римские ликторы сохраняют обычаи лондонских алдерманов. У Кальдерона храбрый Кориолан вызывает консула на дуэль и бросает ему перчатку. У Расина полу-скиф Ипполит ее поднимает и говорит языком молодого благовоспитанного маркиза. А корнелеву Клитемнестру сопровождает швейцарская гвардия. Римляне Корнеля суть если не испанские рыцари, то гасконские бароны. Со всем тем, Кальдерон, Шекспир и Расин стоят на высоте недосягаемой — и их произведения составляют вечный предмет наших изучений и восторгов.

Какого же правдоподобия требовать должны мы от драматического писателя? Для разрешения сего вопроса, рассмотрим сначала, что такое драма и какая ее цель.

Драма родилась на площади и составляла увеселение народное. Народ, как дети, требует занимательности, действия — драма представляет ему необыкновенное, истинное происшествие. Народ требует сильных ощущений — для него и казни зрелище. Трагедия преимущественно выводила пред ним тяжкие злодеяния, страдания сверхъестественные, даже физические (например, Филоктет, Эдип, Лир). Но привычка притупляет ощущения — воображение привыкает к убийствам и казням, смотрит на них уже равнодушно — изображение же страстей и излияний души человеческой для него всегда ново, всегда занимательно, велико и поучительно. Драма стала заведовать страстями и душою человеческою.

Смех, жалость и ужас суть три струны нашего воображения, потрясаемые драматическим волшебством. Но смех скоро ослабевает, и на нем одном невозможно основать полного драматического действия. Древние трагики пренебрегали сею пружиною. Народная сатира овладела ею исключительно и приняла форму драматическую, более как пародию. Таким образом родилась комедия — со временем столь усовершенствованная. Заметили, что высокая комедия не основана единственно на смехе, но на развитии характеров, и что она нередко близко подходит к трагедии.

Истина страстей, правдоподобие чувствований в предполагаемых обстоятельствах — вот чего требует наш ум от драматического писателя.

Драма оставила площадь и перенеслася в чертоги по требованию образованного, избранного общества. Поэты переселились ко двору. Между тем, драма остается верною первоначальному своему назначению — действовать на толпу, занимать ее любопытство. Но тут что привлекает внимание обра-

lib.pushkinskijdom.ru

зованного, просвещенного зрителя, как не изображение великих, государственных происшествий. Отселе история, перенесенная на театр — и народы и цари, выведенные перед нами драматическим поэтом. В чертогах драма изменилась, голос ее понизился. Она не имела уже нужды в криках. Она оставила маску преувеличения, необходимую на площади, но излишнюю в комнате. Она явилась проще, естественнее. Чувства более утонченные уже не требовали сильного потрясения. Она перестала изображать отвратительные страдания, отвыкла от ужасов, мало по малу сделалась благопристойна и важна.

(Отселе важная разница). Творец трагедии народной был образованнее своих зрителей, он это знал, давал им свои свободные произведения с уверенностию в своей возвышенности — и публика признавала беспрекословно, чувствуя <свою> слабость. При дворе, наоборот, поэт чувствовал себя ниже своей публики. Зрители были образованнее его, по крайней мере, так думал и он и они. Он не предавался вольно и смело своим вымыслам. Он старался угадывать требования утонченного вкуса людей, чуждых ему по состоянию. Он боялся унизить такое-то высокое звание, оскорбить таких-то спесивых своих зрителей — отселе робкая чопорность, смешная надутость, вошедшая в пословицу (un héros, un roi de comédie [1], привычка смотреть на людей высшего состояния с каким то подобострастием и придавать им странный, нечеловеческий образ изъяснения. У Расина (например) Нерон не скажет просто, je serai caché dans ce cabinet [2]—но caché près de ces lieux je vous verrai, Madame [3]—Агамемнон будит своего наперсника, говорит ему с напыщенностию Oui, c'est Agamemnon... [4]

Мы к этому привыкли, нам кажется, что так и быть должно. — Но надобно признаться, [у Шекспира этого незаметно] — И если иногда герой выражается в его трагедиях, как конюх, то нам это не странно, ибо мы чувствуем, что и знатные должны выражать простые понятия, как простые люди.

Драма оставила язык общепонятный и приняла наречие модное, избранное, утонченное.

Не имею целию и не смею определять выгоды и невыгоды той и другой трагедии — развивать существенные разницы систем Расина и Шекспира, Кальдерона и Гете. Спешу обозреть историю драматического искусства в России.

Драма никогда не была у нас потребностию народною. Мистерии Дмитрия Ростовского, трагедии царевны Софии Алексеевны были представляемы при царском дворе и в палатах ближних бояр — и были необыкновенным празднеством, а не постоянным увеселением. Первые труппы, появившиеся в России, не привлекли народа, не понимающего драматизма и не привыкшего к его условиям. [Попытки Волкова не имели успеха.] Явился Сумароков, несчастнейший из подражателей. Трагедии его, исполненные противусмыслия, писанные варварским изнеженным языком, нравились двору Елизаветы, как новость, как подражание парижским увеселениям. Сии вялые, холодные произведения не могли иметь никакого влияния на народное пристрастие. [Театр оставался поприщем, чуждым нашим обычаям.] Озеров это чувствовал. Он попытался дать нам трагедию народную — и вообразил, что для сего довольно будет, если выберет предмет из народной истории, забыв, что поэт Франции брал все предметы для своих трагедий из римской, греческой и европейской истории, и что самые народные трагедии Шекспира заимствованы им из италиянских новелей.

После *Дмитрия Донского*, после *Пожарского*, произведения незрелого таланта, мы всё не имели трагедии. *Андромаха* Катенина (может быть, лучшее произведение нашей Мельпомены по силе истинных чувств, по

---

[1] Герой, король комедии.
[2] Я спрячусь в этой комнате.
[3] Спрятанный вблизи этих мест, я буду вас видеть, сударыня.
[4] Да, это Агамемнон.

lib.pushkinskijdom.ru

духу истинно трагическому) не разбудила однако ж ото сна сцену, опустелую после Семеновой.

Ермак идеализированный, лирическое произведение пылкого юношеского вдохновения, не есть произведение драматическое. В нем все чуждо нашим нравам и духу, всё, даже самая очаровательная прелесть поэзии.

Комедия была счастливее. Мы имеем две драматические сатиры.

Отчего же нет у нас народной трагедии? Не худо было бы решить, может ли она и быть. Мы видели что народная трагедия родилась на площади, образовалась и потом уже была призвана в аристократическое общество. У нас было бы напротив. Мы захотели бы придворную, сумароковскую трагедию низвести на площадь — но какие препятствия!

Трагедия наша, образованная по примеру трагедии Расина, может ли отвыкнуть от аристократических своих привычек (от своего разговора размеренного, важного и благопристойного)? Как ей перейти к грубой откровенности народных страстей, к вольности суждений площади — как ей вдруг отстать от подобострастия, как ей обойтись без правил, к которым она привыкла, где, у кого выучиться наречию, понятному народу, какие суть страсти сего народа, какие струны его сердца, где найдет она себе созвучие, — словом, где зрители, где публика?

Вместо публики встретит она тот же малый, ограниченный круг — и оскорбит надменные его привычки (dédaigneux), вместо созвучия, отголоска и рукоплесканий услышит она мелочную привязчивую критику. Перед нею восстанут непреодолимые преграды — для того, чтоб она могла расставить свои подмостки надобно было бы переменить и ниспровергнуть обычаи, нравы и понятия целых столетий.

Перед нами, однако ж, опыт народной трагедии...

<1830>

<РАЗБОР ДРАМЫ М. П. ПОГОДИНА «МАРФА ПОСАДНИЦА»>

Прежде, чем станем судить, поблагодарим неизвестного автора за добросовестность его труда, поруку истинного таланта. Он написал свою трагедию не по расчетам самолюбия, жаждущего минутного успеха, не в угождение общей массе читателей, не только не приготовленных к романтической драме, но даже решительно ей неприятствующих [1]. Он написал свою трагедию вследствие сильного внутреннего убеждения, вполне предавшись независимому вдохновению, уединясь в своем труде.—Без сего самоотвержения в нынешнем состоянии нашей литературы ничего нельзя произвести истинно достойного внимания.

Автор *Марфы Посадницы* имел целию развитие важного исторического происшествия: падения Новагорода, решившего вопрос о единодержавии России. Два великих лица представлены ему были историею. Первое — Иоанн, уже начертанный Карамзиным, во всем его грозном и хладном величии, второе — Новгород, коего черты надлежало угадать.

Драматический поэт — беспристрастный, как судьба — должен был изобразить столь же искренно отпор погибающей вольности, как глубоко обдуманный удар, утвердивший Россию на ее огромном основании. Он не должен был хитрить и клониться на одну сторону, жертвуя другою. Не он, не его политический образ мнений, не его тайное или явное пристрастие должно было говорить в трагедии, — но люди минувших дней, умы их, предрассудки. Не его дело оправдывать, обвинять и подсказывать речи. Его дело воскресить минувший век во всей его истине. Исполнил ли сии первоначальные, необходимые условия автор *Марфы Посадницы*? Отвечаем: исполнил — и если не везде, то изменило ему не желание, не убеждение, не совесть, но природа человеческая, всегда несовершенная, — сколько глубокое добросовестное исследование истины и живость воображения юного, пламенного ему послужили.

---

[1] Не говорим уже о журналах, коих приговоры имеют влияние не только на публику, но даже на писателей, которые, хотя ими пренебрегают, но опасаются печатных насмешек и ругательства. <Примеч. Пушкина>.

lib.pushkinskijdom.ru

Иоанн наполняет трагедию. Мысль его приводит в движение всю машину, все страсти, все пружины — в первой сцене Новгород узнает о властолюбивых его притязаниях и о нечаянном походе. Негодование, ужас, разногласие, смятение, произведенное сим известием, дают уже понятие о его могуществе. Он еще не появлялся, но уж тут, — как Марфа, мы уже чувствуем его присутствие. Поэт переносит нас в московский стан среди недобольных князей, среди бояр и воевод. И тут мысль об Иоанне господствует и правит всеми мыслями, всеми страстями. Здесь видим могущество его владычество, укрощенную мятежность удельных князей, страх, наведенный на них Иоанном, слепую веру в его всемогущество. Князья свободно и ясно понимают его действия, предвидят и изъясняют высокие замыслы; послы новогородские ожидают его. Является Иоанн. Речь его послам не умаляет понятия, которое поэт успел внушить. Холодная твердая решимость, обвинения сильные, притворное великодушие, хитрое изложение обид, — мы слышим точно Иоанна, мы узнаем мощный государственный его смысл, мы слышим дух его века — Новгород отвечает ему в лице своих послов. Какая сцена! Какая верность историческая! Как угадана дипломатика русского вольного города! Иоанн не заботится о том, правы ли они или нет. Он предписывает свои последние условия. Между тем готовится к решительной битве. Но не одним оружием действует осторожный Иоанн. Измена помогает силе. Сцена между Иоанном и вымышленным Борецким — (кажется нам) невыдержанною. Поэту не хотелось совсем унизить новгородского предателя — отселе заносчивость его речей и недраматическая (т. е. неправдоподобная) снисходительность Иоанна. Скажут: он терпит, ибо ему нужен Борецкий — правда. Но пред его лицем не смел забыться бы Борецкий и изменник не говорил бы уже вольным языком новогородца. Зато с какой полнотою, с каким спокойствием развивает Иоанн государственные свои мысли! — и заметим, откровенность вот лучшая лесть властителя и единственно его достойная. Последняя речь Иоанна (Российские бояре, вожди, князья и проч.) кажется нам не в духе властвования Иоанна. Ему не нужно воспламенять их усердия, он не станет им изъяснять причины своих действий. Довольно если он скажет им — завтра битва, будьте готовы.

Мы расстаемся с Иоанном, узнав его намерения, его мысли, его могущую волю — и уже видим его опять, когда молча въезжает он победителем в преданный ему Новгород. Его распоряжения, переданные нам историею, сохранены и в трагедии без добавлений затейливых, без объяснений. Марфа предрекает ему семейственные несчастия и погибель его рода. Он отвечает.

Что господу угодно — да свершится!
Спокоен я, исполнив подвиг свой.

Таково изображение Иоанна, изображение согласное с историей, почти везде выдержанное — в нем трагик не ниже своего предмета. Он его понимает ясно, верно, знает коротко — и представляет нам без театральных преувеличений, без надутости, чопорности, без противусмыслия, без шарлатанства.

<1830>

3. <ИНОСТРАННЫЕ ЛИТЕРАТУРЫ>.

О ФР<АНЦУЗСКОЙ> СЛОВЕСНОСТИ.

Изо всех литератур она имела большое влияние на нашу. Ломоносов, следуя немцам, следовал ей — Сумароков — (Тредьяковский нехотя отделил стихосложением) — Дмитриев, Карамзин, Богданович — вредные последствия — манерность, робость, бледность — Жуковский подражал немцам — Батюшков и Баратынский — Парни — некоторые пишут в русском роде, из них один Крылов, — коего слог русский — Князь Вяземский имеет свой слог — Катенин — пиесы в немецком роде — слог его свой —

Что такое французская словесность? Трубадуры. Малерб держится 4 строками оды к *Дюперье* и стихами *Буало*. Менар, чистый, но слабый, Ракан, Воатюр — дрянь — Буало, Расин, Мольер, Лафонтен, Ж. Б. Руссо, Вольтер — *Буало* убивает французскую словесность, его странные сужде-

lib.pushkinskijdom.ru

ния, зависть Вольтера — французская словесность искажается — русские начинают ей подражать — Дмитриев — как можно ей подражать: ее глупое стихосложение — робкий, бледный язык — вечно на помочах, Руссо в одах дурен — Державин.

Не решу, какой словесности отдать п<редпочтение>, но есть у нас свой язык; смелее! — обычаи, история, песни, сказки — и проч.

Что между ими общего?

<Нач. 20-х годов>.

<ЗАМЕТКИ О ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ>[1]

<I>

Французы ничуть не ниже англичан в Истории. — Если первенство чего нибудь да стоит, то вспомните, что Вольтер первый пошел по новой дороге — и внес светильник философии в темные архивы истории. Робертсон сказал, что если бы Вольтер потрудился указать на источники своих сказаний, то бы он, Робертсон, никогда не написал своей истории. 2-е. Лемонте есть гений 19-го столетия — прочти его Обозрение царствования Людовика XIV и ты поставишь его выше Юма и Робертсона. Рабо де Ст Этьен — дрянь

<II>

Век романтизма не настал еще для Франции. — Лавинь бьется в старых сетях Аристотеля — Он ученик трагика Вольтера, а не природы.

Tous les recueils de poésies nouvelles dites romantiques sont la honte de la littérature françoise [2].

Ламартин хорош в Наполеоне, в Умирающем поэте — вообще хорош какой то новой гармонией.

Никто более меня не любит прелестного André Chenier — Но он из классиков классик — от него так и несет древней греческой. поэзией. Вспомни мое слово: первый гений в отечестве Расина и Буало — ударится в такую бешеную свободу, в такой литературный карбонаризм — что твои немцы — а покамест поэзии во Франции менее, чем у нас

<1824>.

<ОБ АНДРЕЕ ШЕНЬЕ>.

<1.> Andre Chenier погиб жертвою французской революции на 31 году от рождения — Долго славу его составляло несколько слов, сказанных о нем Шатобрианом, и два или три отрывка, и общее сожаление об утрате всего прочего. — Наконец, творения его были отысканы и вышли в свет 1819 года — Нельзя воздержаться от горестного чувства.

<1825>

<2.> Французские критики имеют свое понятие об романтизме. Они относят к нему все произведения, носящие на себе печать уныния или мечтательности. Иные даже называют романтизмом неологизм и ошибки грамматические. Таким образом Андрей Шенье, поэт, напитанный древностию, коего даже недостатки проистекают от желания дать французскому языку формы греческого стихосложения — попал у них в романтические поэты.

<1830>

<ОБ АЛЬФРЕДЕ МЮССЕ>

Между тем как сладкозвучный, но однообразный Ламартин готовил новые благочестивые размышления под заслуженным названием Harmonies religieuses [3], между тем как важный Victor Hugo издавал свои блестящие, хотя и натянутые восточные стихотворения (les orientals),

---

[1] Заметки эти сделаны Пушкиным 5 июля 1824 г. в Одессе на письме кн. П. А. Вяземского к В. Ф. Вяземской. *Ред.*

[2] Все сборники новейшей, так называемой романтичной поэзии, — позор французской литературы.

[3] Религиозные гармонии.

lib.pushkinskijdom.ru

между тем, как бедный скептик Делорм воскресал в виде исправляющегося неофита, и строгость нравов и приличий была объявлена в приказе по всей французской литературе, вдруг явился молодой поэт с книжечкой сказок и песен и произвел ужасный соблазн — Musset взял, кажется, на себя обязанность воспевать одни смертные грехи, убийства и прелюбодеяние. Сладострастные картины, коими наполнены его стихотворения, превосходят, может быть, своею живостию самые обнаженные описания покойного Парни. О нравственности он и не думает, над нравоучением издевается и, к несчастию, чрезвычайно мило, с важным александрийским стихом чинится как нельзя менее, ломает его и коверкает так, что ужас и жалость. Воспевает луну такими стихами, какие осмелился бы написать разве только поэт блаженного XIV века, когда не существовали еще ни Буало, ни г.г. Лагарп, Гофман и Кольне. Как же приняли молодого проказника? За него страшно. Кажется, видишь негодование журналов и все ферулы поднятые на него. Ничуть не бывало. Откровенная шалость любезного повесы так изумила, так понравилась, что критика не только его не побранила, но еще сама взялась его оправдывать, объявила, что *Испанские сказки* ничего не доказывают, что можно описывать разбойников и убийц, даже не имея целию объяснить, сколь непохвально это ремесло — а быть, между тем, добрым и честным человеком; что живые картины наслаждений простительны 20летнему поэту, что, вероятно, семейство его, читая его стихи, не станет разделять ужас газет и видеть в нем изверга, что, одним словом, поэзия вымысел и ничего с прозаической истиной жизни общего не имеет. Слава богу! давно бы так, м. г. Не странно ли в XIX веке воскрешать чопорность и лицемерие, осмеянные некогда Молиером, и обходиться с публикою, как взрослые люди обходятся с детьми, не дозволять ей читать книги, которыми сами наслаждаетесь, и впопад и невпопад ко всякой всячине приклеивать нравоучение. Публике это смешно, и она своим опекунам уж верно спасибо не скажет.

Итальянские и испанские сказки отличаются, как уже мы сказали живостию необыкновенной. Из них *Porcia*, кажется, имеет более всего достоинства: сцена ночного свидания; картина ревнивца, поседевшего вдруг; разговор двух любовников на море, все это прелесть. Драматический очерк *Les marrons du feu* [1] обещает Франции романтического трагика — —. А в повести *Mardoche* Musset первый из французских поэтов умел схватить тон Байрона в его шуточных произведениях, что вовсе не шутка. Если будем понимать слова Горация, как понял их английский поэт, то мы согласимся с его мнением: трудно прилично выражать обыкновенные предметы.

NB в эпиграфе к *Дон-Жуану*.

Difficile est proprie communia dicere. Communia [2] значит не обыкновенные предметы, но *общие всем* (дело идет о предметах трагических, всем известных, общих в противуположность предметам вымышленным. См. ad Pisones) [3]. Предмет *Дон-Жуана* принадлежал исключительно Байрону.

<1830>

<О ВИКТОРЕ ГЮГО>

Всем известно, что французы народ самый anti-поэтический. Лучшие писатели их доказали сколь чувство изящного было для них чуждо и непонятно (Montagne, Voltaire, Montesquieu [4], Лагарп и сам (?) Руссо, славнейшие представители сего остроумного и положительного народа).

Если обратим внимание на критические результаты, обращающиеся в народе и принятые за литературные аксиомы, то мы изумимся их ничтожности или несправедливости. Корнель и Вольтер, как трагики, почитаются у них равными Расину; Ж. Б. Руссо доныне сохранил прозвище *великого*. Первым лирическим поэтом почитается теперь несносный Беранже, сла-

[1] Жареные каштаны.
[2] Трудно хорошо выразить общеизвестные вещи.
[3] Послание к Пизонам («О поэтическом искусстве»).
[4] Монтень, Вольтер, Монтескье.

lib.pushkinskijdom.ru

гатель натянутых и манерных песенок, не имеющих ничего страстного, вдохновенного, а в веселости и остроумии далеко отставших от прелестных шалостей Коле. Не знаю, признались ли, наконец, они в тощем и вялом однообразии своего Ламартина, но тому лет 10 они без церемонии ставили его наравне с Байроном и Шекспиром.

Разумеется, что их гонения столь же несправедливы, как и любовь. Между мало известными молодыми талантами нынешнего времени Делорм-Сент-Бев менее всех известен, а между тем он чуть ли не самый замечательный.

Стихотворения его, конечно, очень оригинальны и, что важнее, исполнены искреннего вдохновения. В *Литературной Газете* упомянули о них с похвалою, которая (?) показалась преувеличена. — Ныне Victor Hugo поэт и человек с истинным дарованием взялся оправдать мнения петербургского журнала: он издал под заглавием Les feuilles d'automne [1] том стихотворений, очевидно писанных в подражание книге Сент-Бева: *Les Consolations* [2]

<1832>

<О РОМАНАХ ВАЛЬТЕРА СКОТТА>

Главная прелесть романов Walter Scott состоит в том, что мы знакомимся с прошедшим временем не с с enflure [3] французских трагедий, — не с чопорностию чувствительных романов, — не с dignité [4] истории, но современно, но домашним образом — Ce qui me dégoûte c'est ce que [5] — Тут наоборот ce qui nous charme dans le roman historique — c'est que ce qui est historique est absolument ce que nous voyons — Schakespeare, Гете, Walter Scott [6] не имеют холопского пристрастия к королям и героям. — Они не походят (как герои французские) на холопей, передразнивающих *la dignité* et *la noblesse* — Ils sont familiers dans les circonstances ordinaires de la vie, leur parole n'a rien d'affecté, de théâtral même dans les circonstances solennelles — car les grandes circonstances leur sont familières.

On voit que Walter Scott est de la petite société des Rois d'Angleterre. [7]

<1827>

<О БАЙРОНЕ>

<1.> Ни одно из произведений лорда Байрона не сделало в Англии такого сильного впечатления, как его поэма *Корсар*, несмотря на то, что она в достоинстве уступает многим другим: *Гяуру* в пламенном изображении страстей, *Осаде Коринфа*, *Шильонскому Узнику* в трогательном развитии сердца, в трагической силе *Паризине*, наконец 3 и 4-ой главам *Child Harold* [8] в глубокомыслии и высоте парения истинно лирического и в удивительном Шекспировском разнообразии *Дон-Жуану*. — *Корсар* неимоверным своим успехом был обязан характеру главного лица, таинственно напоминающего нам человека, коего роковая воля правила тогда одной частью Европы, угрожая другой.

---

[1] Осенние листья.

[2] Утешения.

[3] Напыщенностью.

[4] Достоинством.

[5] То, что меня отталкивает, это.

[6] Что нас очаровывает в историческом романе — это то, что историческое в них есть подлинно то, что мы видим — Шекспир, Гете, Вальтер Скотт.

[7] *Достоинство* и *благородство* — они просты в повседневных случаях жизни, в их речах нет ничего приподнятого, театрального, даже в торжественных обстоятельствах, так как великие события для них привычны. Видно, что Вальтер Скотт принадлежит к интимному кругу английских королей.

[8] Чайльд-Гарольд.

lib.pushkinskijdom.ru

По крайней мере, английские критики предполагали в Байроне сие намерение, но вероятнее, что поэт и здесь вывел на сцену лицо, являющееся во всех его созданиях и которое, наконец принял он сам на себя в Чильд-Гарольде. Как бы то ни было, поэт никогда не изъяснил своего намерения: сближение с Наполеоном нравилось его самолюбию.

Байрон мало заботился о планах своих произведений, или даже вовсе не думал о них: несколько сцен, слабо между собою связанных, составляют <*неразобр.*> <4> были ему достаточны для сей бездны мыслей, чувств и картин. Критики оспаривали у него гений драматический и Байрон за то всё и досадовал — дело в том, что он постиг — полюбил один токмо характер — etc. — —

Вот почему, несмотря на великие красоты поэтические, его трагедии вообще ниже его гения, и драматическая часть в его поэмах (кроме разве одной Паризины) не имеет никакого достоинства. —

Что же мы подумаем о писателе, который из поэмы *Корсар* выберет один токмо план, достойной нелепой и <*неразобр.*> повестей—и по сему детскому плану составит драматическую трилогию, заменив очаровательную глубокую поэзию Байрона прозой надутой и уродливой, достойной наших несчастных подражателей покойного Коцебу — ? вот что сделал г-н Олин написав свою романтическую трагедию *Корсер*,—подражание <Байрону>. — Спрашивается: что же в байроновой <поэме> его поразило — неужели план? о miratores [1].....

<1827>

<2.> Английские критики оспаривали у лорда Байрона драматический талант; они кажется правы — Байрон столь оригинальный в *Чильд-Гарольде*, в *Гяуре* и в *Дон-Жуане* делается подражателем коль скоро вступает на поприще драматическое — в *Manfred'e* он подражал *Фаусту*, заменяя простонародные сцены и субботы другими, по его мнению, благороднейшими; но *Фауст* есть величайшее создание поэтического духа, он служит представителем новейшей поэзии, точно как *Илиада* служит памятником классической древности. —

В других трагедиях, кажется, образцом Байрону был Alfieri. — *Каин* имеет одну токмо форму драмы, но по бессвязности сцен и отвлеченным рассуждениям в самом деле относится к роду скептической поэзии Чильд-Гарольда. Байрон бросил односторонний взгляд на мир и природу человеческую, потом отвратился от них и погрузился в самого себя. В *Каине* он постиг, создал и описал единый характер (именно свой), всё, кроме нeко..... etc. отнес он к сему мрачному, могущественному лицу, столь таинственно пленительному. Когда же он стал составлять свою трагедию, то каждому действующему лицу роздал он по одной из составных частей сложного и сильного характера — и таким образом раздробил величественное свое создание на несколько лиц мелких и незначительных.

Байрон чувствовал свою ошибку и впоследствии времени принялся вновь за Фауста, подражая ему в своем *Превращенном Уроде* (думая тем исправить le chef d'oeuvre [2]).

<1827>

<3.> Гете имел большое влияние на Байрона. Фауст тревожил воображение Чильд-Гарольда. Два раза Байрон пытался бороться с великаном романтической поэзии — и остался хром, как Иаков.

<1829 — 1831>

<4.> Род Байронов, один из самых старинных в английской аристократии, младшей между европейскими, произошел от норманца Ральфа де Бюрон (или Бирона), одного из сподвижников Вильгельма Завоевателя. Имя Байронов с честию упоминается в английских летописях. Лордство дано их фамилии в 1643 году. Говорят, что Байрон своею родословною дорожил более, чем своими творениями. Чувство весьма понятное. Блеск его предков и почести, которые наследовал он от них, возвышали поэта: напротив того, слава, им самим приобретенная, нанесла ему мелочные оскорбления, часто

[1] Поклонники; Пушкин написал miratores вместо imitatores. *Ред.*
[2] Шедевр.

lib.pushkinskijdom.ru

унижавшие благородного барона, предавая имя его на произвол молве, [ко всему равнодушной и ничем не уважающей].

Капитан Байрон, сын знаменитого адмирала и отец великого поэта, навлек на себя соблазнительную славу. Он увез супругу лорда Carmarthen и женился на ней тотчас после ее развода. Вскоре потом она умерла в 1784 году, оставя ему одну дочь. На другой год расчетливый вдовец для поправления своего расстроенного состояния женился на мисс Gordon, единственной дочери и наследнице Георгия Gordon'a, владельца Гайфского. Брак сей был несчастлив: 23,500 f. st. (587,500 руб.) были расточены в два года; и mistriss Байрон осталась при 150 ф. st. годового дохода; в 1786 году муж и жена отправились во Францию; возвратились в Лондон в конце 1787.

В следующем году 22 января леди Байрон родила единственного своего сына, Георгия Гордона Байрона. (Вследствие распоряжений фамильных, наследница Гайфская должна была сыну своему передать имя Гордона). Новорожденного крестили герцог Гордон и полковник Доф. При его рождении повредили ему ногу и лорд Байрон полагал тому причиною стыдливость или упрямство матери.

В 1790 леди Байрон удалилась в Абердин и муж ее за нею последовал. Несколько времени жили они вместе. Но характеры были слишком несовместны — вскоре потом они разошлись. Муж уехал во Францию, выманив прежде у бедной жены своей деньги, нужные ему на дорогу. Он умер в Валенсьене в следующем 1791 году.

Во время краткого пребывания своего в Абердине он однажды взял к себе маленького сына, который у него и ночевал; но на другой же день он отослал неугомонного ребенка к его матери и с тех пор уже его не приглашал.

Мистрисс Байрон была проста, вспыльчива и во многих отношениях безрассудна. Но твердость, с которой умела она перенести бедность, делает честь ее правилам. Она держала одну только служанку, и когда в 1798 году повезла она молодого Байрона вступать во владение Ньюстида, долги ее не превышали 60 ф. st.

Достойно замечания и то, что Байрон никогда не упоминал о домашних обстоятельствах своего детства, находя их унизительными.

Маленький Байрон выучился читать и писать в абердинской школе. В классах он был из последних учеников — и более отличался в играх. По свидетельству его товарищей, он был резвый, вспыльчивый и злопамятный мальчик, всегда готовый подраться и отплатить старую обиду.

Некто Патерсон, строгий пресвитерианец, но тихий и ученый мыслитель, был потом его наставником, и Байрон сохранил о нем благодарное воспоминание.

В 1796 году леди Байрон повезла его *в горы* для поправления его здоровья после скарлатины. Она поселилась близ Баллатера.

Суровые красоты шотландской природы глубоко впечатлелись в воображение отрока.

Около того же времени осьмилетний Байрон влюбился в Марию Доф. 17 лет после того, в одном из своих журналов, он описал свою раннюю любовь: (Mémoires <de Lord Byron, publiés par T. Moore, t. I, Paris, 1830, p.> 31—33).

В 1798 году умер в Ньюстиде старый лорд Вильгельм Байрон. Четыре года пред сим родной внук его скончался в Корсике, и маленький Георгий Байрон остался единственным наследником имений и титула своего рода. Как несовершеннолетний, он отдан был в опеку лорду Карлилю — дальнему его родственнику, — и восхищенная mistriss Байрон осенью того же года оставила Абердин и отправилась в древний Ньюстид с одинадцатилетним своим сыном и верной служанкой Мери Гре.

Лорд Вильгельм, брат адмирала Байрона, родного деда его, был человек странный и несчастный. Некогда на поединке заколол он своего родственника и соседа Г. Чаворта. Они дрались без свидетелей, в трактире при свечке. Дело это произвело много шуму и Палата Перов признала убийцу виновным. Он был однако ж освобожден от наказания, с тех пор

lib.pushkinskijdom.ru

жил в Ньюстиде, где его причуды, скупость и мрачный характер делали его предметом сплетен и клеветы. Носились самые нелепые слухи о причине развода его с женою. Уверяли, что он однажды покусился ее утопить в Ньюстидском пруду.

Он старался разорять свои владения из ненависти к своим наследникам. Единственные собеседники его были старый слуга и ключница, занимавшая при нем и другое место. Сверх того дом был полон сверчками, которых лорд Вильгельм кормил и воспитывал. Несмотря на свою скупость, старый лорд имел часто нужду в деньгах и доставал их способами, иногда весьма предосудительными. Таким образом продал он Рочдаль родовое владение, без всякого на то права (что знали и покупщики; но они надеялись выручить себе выгоды, прежде нежели наследники успеют уничтожить незаконную куплю).

Лорд Вильгельм никогда не входил в сношение с молодым своим наследником, которого звал не иначе, как *мальчик, что живет в Абердине.*

Первые годы, проведенные лордом Байроном в состоянии бедном, не соответствовавшем его рождению, под надзором пылкой матери, столь же безрассудной в своих ласках, как и в порывах гнева, имели сильное, продолжительное влияние на всю его жизнь. Уязвленное самолюбие, поминутно потрясенная чувствительность оставили в сердце его эту горечь, эту раздражительность, которые потом сделались главными признаками его характера.

Странности лорда Байрона etc заимствованы. Мур справедливо замечает, что в характере Байрона ярко отразились и достоинства и пороки многих из его предков: с одной стороны смелая предприимчивость, великодушие, благородство чувств — с другой необузданные страсти, причуды и дерзкое презрение к общему мнению. Сомнения нет, что память, оставленная за собою лордом Вильгельмом, сильно подействовала на воображение его наследника, — многое перенял он у своего странного деда в его обычаях — и нельзя не согласиться в том, что Манфред и Лара напоминают уединенного Ньюстидского барона.

Обстоятельство, повидимому, маловажное имело столь же сильное влияние на его душу. В самую минуту его рождения нога его была повреждена—и Байрон остался хром на всю свою жизнь. Физический сей недостаток оскорблял его самолюбие. Ничто не могло сравниться с его бешенством, когда однажды мистрисс Байрон выбранила его *хромым мальчишкой.* Он, будучи собою красавец, воображал себя уродом и дичился общества людей, мало ему знакомых, — опасаясь их насмешливого взгляда. Самый сей недостаток усиливал в нем желание отличиться во всех упражнениях, требующих силы физической и проворства.

<1835>

<О ШЕКСПИРЕ>

<1.> Лица, созданные Шекспиром, не суть, как у Мольера, типы такой-то страсти, такого-то порока, но существа живые, исполненные многих страстей, многих пороков; обстоятельства развивают перед зрителем их разнообразные и многосторонние характеры. У Мольера скупой скуп—и только; у Шекспира Шайлок скуп, сметлив, мстителен, чадолюбив, остроумен. У Мольера лицемер волочится за женою своего благодетеля, лицемеря; принимает имение под сохранение, лицемеря; спрашивает стакан воды, лицемеря. У Шекспира лицемер произносит судебный приговор с тщеславною строгостию, но справедливо; он оправдывает свою жестокость глубокомысленным суждением государственного человека; он обольщает невинность сильными, увлекательными софизмами, не смешною смесью набожности и волокитства. Анжело лицемер — потому что его главные действия противуречат тайным страстям! А какая глубина в этом характере!

Но нигде, может быть, многосторонний гений Шекспира не отразился с таким многообразием, как в Фальстафе, коего пороки, один с другим связанные, составляют забавную, уродливую цепь, подобную древней вакханалии. Разбирая характер Фальстафа мы видим, что главная черта его есть сластолюбие; с молоду, вероятно, грубое, дешевое волокитство было

lib.pushkinskijdom.ru

первою для него забавою, но ему уже за пятьдесят. Он растолстел, одрях; обжорство и вино приметно взяли верх над Венерою. Во вторых, он трус, но, проведя свою жизнь с молодыми повесами, поминутно подверженный их насмешкам и проказам, он прикрывает свою трусость дерзостью уклончивой и насмешливой. Он хвастлив по привычке и по расчету. Фальстаф совсем не глуп, напротив, он имеет и некоторые привычки человека, нередко видавшего хорошее общество. Правил нет у него никаких. Он слаб, как баба. Ему нужно крепкое испанское вино (the sack), жирный обед и деньги для своих любовниц; чтоб достать их, он готов на все, только б не на явную опасность.

В молодости моей случай сблизил меня с человеком, в коем природа, казалось, желая подражать Шекспиру, повторила его гениальное создание. *** был второй Фальстаф: сластолюбив, трус, хвастлив, не глуп, забавен, без всяких правил, слезлив и толст. Одно обстоятельство придавало ему прелесть оригинальную. Он был женат. Шекспир не успел женить своего холостяка. Фальстаф умер у своих приятельниц, не успев быть ни рогатым супругом, ни отцом семейства; сколько сцен, потерянных для кисти Шекспира!

Вот черта из домашней жизни моего почтенного друга. Четырехлетний сынок его, вылитый отец, маленький Фальстаф III, однажды в его отсутствии повторял про себя: — Какой папинька хлаблий! как папиньку государь любит! Мальчика подслушали и кликнули. «Кто тебе это сказывал, Володя?» — Папинька, — отвечал Володя.

<1834>

<2.> Отелло от природы не ревнив—напротив: он доверчив. Вольтер это понял и, развивая в своем подражании создание Шекспира, вложил в уста своего Орозмана следующий стих.

Je ne suis point jaloux... Si je l'étais jamais! [1]

<1834?>

<О МАКИАВЕЛЛИ>

Divide et impera [2] — есть правило государственное, не только махиавелическое (принимаю это слово в его общенародном значении).

✸

Езуит Посевин, столь известный в нашей истории, был один из самых ревностных гонителей памяти макиавелевой. Он соединил в одной книге все клеветы, все нападения, которые навлек на свои сочинения бессмертный флорентинец и тем остановил новое издание оных. Ученый Conringius, издавший Il principe [3] в 1660 году, доказал, что Посевин никогда не читал Макиявеля, а толковал о нем по наслышке.

✸

Человек по природе своей склонен более к осуждению, нежели к похвале, (говорит Макиявель, сей великий знаток природы человеческой). — Глупость осуждения не столь заметна, как глупая похвала; глупец не видит никакого достоинства в Шекспире, и это приписано разборчивости его вкуса, странности и т. п. Тот же глупец восхищается романом Дюкредюмениля — или *Историей* г. Полевого — и на него смотрят с презрением, хотя в первом случае глупость его выразилась яснее для человека мыслящего.

<1830-ые годы>

---

[1] Я отнюдь не ревнив... Неужели я был когда-либо ревнивым!
[2] Разделяй и властвуй.
[3] «Государь».

lib.pushkinskijdom.ru

<О ПОЛЕ ПОТТЕРЕ>

Поль-Потер род. в Энкгуйзене в 1625 году — 15 лет был уж известен — учился у отца, писал скоро с умом и свободой — умер в Амстердаме, 1654 году. (Conversations Lex.) [1]

<1831>

4. <ОТРЫВКИ ИЗ ПИСЕМ, МЫСЛИ И ЗАМЕЧАНИЯ.> ПРЕДИСЛОВИЕ [2].

Дядя мой однажды занемог. Приятель посетил его. — Мне скучно, сказал дядя, — хотел бы я писать, но не знаю, о чем. — «Пиши все, что ни попало», отвечал приятель, «мысли, замечания литературные и политические, сатирические портреты и т. п. Это очень легко. Так писывал Сенека и Монтань». Приятель ушел и дядя последовал его совету. Поутру сварили ему дурно кофе, и это его рассердило; теперь он философически рассудил что его огорчила сущая безделица,—[он взял перо и лист бумаги] и написал: «Нас огорчают иногда сущие безделицы». В эту минуту принесли ему журнал, он в него заглянул и увидел статью о драматическом искусстве, написанную рыцарем романтизма. Дядя, коренной классик, подумал и написал: «я предпочитаю Расина и Мольера Шекспиру и Кальдерону, несмотря на крики новейших критиков». — Дядя написал еще дюжины две подобных мыслей и лег в постелю. На другой день послал он их журналисту, который учтиво его благодарил, и дядя мой умел удовольствие перечитывать свои мысли напечатанные.

Стерн говорит, что живейшее из наших наслаждений кончится содраганием почти болезненным. Несносный наблюдатель! Знал бы про себя, многие того не заметили б.

Милостивый государь! Вы не знаете правописания и пишите обыкновенно без смысла. Обращаюсь к вам с покорнейшею просьбою: не выдавайте себя за представителя образованной публики и решителя споров трех литератур. С истинным почтением и проч.

<1827>

✸

Кс. [находит] какое-то сочинение глупым — [«Чем вы это докажете?» — Помилуйте.] — простодушно уверяет <он> — да я мог бы так написать.

✸

Проза князя Вяземского чрезвычайно жива. Он обладает редкой способностию оригинально выражать мысли — к счастью он мыслит, что довольно редко между...

ибо должно стараться иметь большинство голосов на своей стороне. Уважайте глупцов [3].

✸

Повторенное острое слово становится глупостью. Как можно переводить эпиграммы? — разумею не антологические, в которых развертыв-

---

[1] Энциклопедический словарь.

[2] Это предисловие предназначалось для заметок, опубликованных Пушкиным в «Сев. Цветах на 1828 г.» (см. выше, стр. 37—42). В рукописи «Отрывков из писем» сохранились и печатаемые нами вслед за предисловием две сентенции («Стерн говорит» и «Милостивый государь»). Прочие афоризмы отнесены к «Отрывкам из писем, мыслям и замечаниям» предположительно. *Ред.*

[3] Часть этого афоризма («должно стараться» и т. д.) вошла в напечатанные самим Пушкиным «Отрывки из писем». См. стр. 41. *Ред.*

lib.pushkinskijdom.ru

вается поэтическая прелесть, но ту, которую Буало определяет Un bon mot de deux rimes orné [1]

✸

Браните мужчин вообще, разбирайте все их пороки, не один не подумает заступиться. Но дотроньтесь сатирически до прекрасного пола — все женщины восстанут на вас единодушно — они составляют *один* народ, одну секту. — —

✸

Одна из причин жадности, с которой читаем записки великих людей, наше самолюбие: мы рады ежели сходствуем с замечательным человеком чем бы то ни было, мнениями, чувствами, привычками, — даже слабостями и пороками. Вероятно больше сходства нашли бы мы с мнениями, привычками и слабостями людей вовсе ничтожных, если б они оставляли нам свои признания.

<1827>

✸

Ne pas admettre l'existance de Dieu, c'est être plus absurde que ces peuples qui pensent du moins que le monde est posé sur un rhinocéros. — [2]

<1827—1828>

✸

В миг, когда любовь исчезает в душе нашей, сердце еще лелеет ее воспоминание. Так гладиатор у Байрона соглашается умирать, но воображение носится по берегам родного Дуная.

<1827 — 1828>

✸

Первый несч<астный> воздыхатель возбуждает чувствительность женщины, прочие или едва замечены или служат лишь — — Так в начале сражения первый раненый производит болезненное впечатление и истощает сострадание наше.

<1827 — 1830?>

✸

Торвальдсен, делая бюст известного человека, удивлялся странному разделению лица, впрочем прекрасного — верх грозный, нахмуренный, низ же, выражаемый всегдашней улыбкою. Это нравилось Торвальдсену.

Questa è una bruta figura [3].

<1828 >

✸

Одна дама сказывала мне, что если мужчина начинает с нею говорить о предметах ничтожных, как бы приноравливаясь к слабости женского понятия, то в ее глазах он тотчас обличает свое незнание женщин. В самом деле: не смешно ли почитать женщин, которые так часто поражают нас быстротою понятия и тонкостию чувства и разума, существами низшими в сравнении с нами? Это особенно странно в России, где царствовала Екатерина II и где женщины вообще более просвещены, более читают,

---

[1] Острое слово, украшенное двумя рифмами.

[2] Не признавать существование бога значит быть более абсурдным, чем те народы, которые, по крайней мере, думают, что мир покоится на носороге.

[3] Это — отвратительная фигура.

lib.pushkinskijdom.ru

более следуют за европейским ходом вещей, нежели мы, гордые бог ведает почему. <1830>

✸

У нас употребляют прозу, как стихотворство: не из необходимости житейской, не для выражения нужного смысла, а токмо для приятного проявления форм.

<1827—1828>

✸

Переводчики — почтовые лошади просвещения.

<1830>

✸

Stabilité — première condition du bonheur public.
Comment s'accomode-t-elle avec la perfectibilité indéfinie? [1]

<1831>

✸

Какой то лорд, известный ленивец, для своего сына пародировал известное изречение: Не делай никогда сам то, что можешь заставить сделать через другого; N., известный эгоист прибавил: Не делай никогда для другого то, что можешь сделать для себя.

<Нач. 30-х годов>.

✸

Зависть сестра соревнования, следственно из хорошего роду.

<1831>

✸

Не откладывай до ужина того, что можешь съесть за обедом

<1835>

✸

L'exactitude est la politesse des cuisiniers.

<1835>

✸

Желудок просвещенного человека имеет лучшие качества доброго сердца: чувствительность и благодарность. <1835>

5. <ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ>. <СТАРИННЫЕ ПОСЛОВИЦЫ>

Не суйся середа прежде четверга. Смысл иронический; относится к тем, которые хотят оспорить явные законные преимущества: вероятно выдумано во времена местничества.

В праздник жена мужа дравнит (выписка из Кирши).

Горе лыком подпоясано, разительное изображение нищеты; *см. Древние Стихотворения.*

Иже не ври же его же не пригоже. Насмешка над книжным языком: видно и встарину острились насчет славянизмов.

Кнут не архангел души не вынет, а правду скажет; Апология пытки, пословица палача, выдуманная каким-нибудь затейником.

На посуле как на стуле. *Посул* церковная дань, а не обещание, как иные думали, следственно пословица сия значит — на подарках можно спокойно сидеть, как бы на стуле.

Беспечальным сон сладок.

Не твоя печаль чужих детей качать — не твоя забота; *печаль* от глагола *пекусь.*

Бодливой корове etc. Пословица латинская.

Бог даст день, бог даст и пищи. Этой пословицей бедняк утешал однажды голодную жену. — Да, отвечала она, пищи, пищи, да с голоду и умри.

Нужда научит калачи есть, т. е. нужда мать изобретения и роскоши.

Кто в деле (в должности), *тот и в ответе* (в посольстве).

<1820-ые годы?>

[1] Устойчивость режима — первое условие народного счастья. Как согласовать ее с возможностью бесконечного совершенствования?

lib.pushkinskijdom.ru

<ГРАММАТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ>

Стих: *Два века ссорить не хочу* [1], критику показался неправильным. Что гласит грамматика? Что действительный глагол, управляемый отрицательною частицею, требует уже не винительного, а родительного падежа. Например: *я не пишу стихов*. Но в моем стихе глагол *ссорить* управляем не частицею *не*, а глаголом *хочу*. Ergo, [2] правило сюда нейдет. Возьмем, например, следующее предложение: Я не могу вам позволить начать писать... *стихи*, а уж, конечно, не *стихов*. Неужто электрическая сила отрицательной частицы должна пройти сквозь всю эту цепь глаголов и отозваться в существительном? Не думаю.

Кстати о грамматике. Я пишу *цыганы*, а не *цыгане*, *татаре*, а не *татары*. Почему? Потому что все имена существительные, кончающиеся на *анин*, *янин*, *арин*, *ярин*, имеют свой родительный во множественном на *ан*, *ян*, *ар*, и *яр*, а именительный множественного на *ане*, *яне*, *аре* и *яре*. Все же существительные, кончающиеся на *ан*, и *ян*, *ар* и *яр*, имеют во множественном именительный на *аны*, *яны*, *ары* и *яры*, а родительный на *анов*, *янов*, *аров* и *яров*.

Единственное исключение: имена собственные. Потомки г-на Булгарина будут гг. Булгарины, а не Булгаре.

*

У нас многие (между прочими и г. Каченовский, которого, кажется, нельзя упрекнуть в незнании русского языка) спрягают: *решаю*, *решаешь*, *решает*, *решаем*, *решаете*, *решают*. Вместо *решу*, *решишь* и проч. *Решу* спрягается как грешу.

*

Иностранные собственные имена, кончающиеся на *е и о у*, не склоняются. Кончающиеся на *а ъ и ь* склоняются в мужеском роде, а в женском нет, и против этого многие у нас погрешают. Пишут: книга, сочиненная Гетем и проч.

*

Как надобно писать *турков* или *турок*? то и другое правильно. *Турок* и *турка* равно употребительны.

*

Вот уже 16 лет, как я печатаю, и критики заметили в моих стихах 5 грамматических ошибок (и справедливо) [3]. Я всегда был им искренно благодарен и всегда поправлял замеченное место. — Прозой пишу я гораздо неправильнее, а говорю еще хуже и почти так, как пишет Г. **.

*

Многие пишут *юпка*, *сватьба* — вместо *юбка*, *свадьба*. Никогда в производных словах *т* не переменяется на *д*, ни *п* на *б*, а мы говорим *юбочница*, *свадебный*.

*

Двенадцать, а не *двънадцать*. Две сокращено из *двое*, как *три* из *трое*.

*

Пишут: *тълега*, *телъга*. Не правильнее ли: *телега* (от слова *телец* — телеги запряжены волами)?

*

Разговорный язык простого народа (не читающего иностранных книг и, слава богу, не выражающего, как мы, своих мыслей на французском языке) достоин также глубочайших исследований.

---

[1] Стих из «Евгения Онегина», гл. IV, стр. XXXIII. *Ред.*

[2] Итак.

[3] 1. Остановлял взор *на отдаленные громады*. — 2. На *теме* гор *(темени)*. — 3. *Воил* вместо *выл*. — 4. *Был откаван* вместо *ему отказали*. — 5. *Игумену* вместо *игумну*. <Примеч. Пушкина>.

lib.pushkinskijdom.ru

Альфиери изучал италиянской язык на флорентинском базаре: не худо нам иногда прислушиваться к московским просвирням. Они говорят удивительно чистым и правильным языком.

✸

Московский выговор чрезвычайно изнежен и прихотлив. Звучные буквы *щ* и *ч* пред другими согласными в нем изменены. Мы даже говорим *женшины*, *нослег* (см. Богдановича).

✸

[Шпионы подобны букве ъ. Нужны они в некоторых только случаях, но и тут можно без них обойтиться, а они привыкли всюду соваться]

<1830>

Множество слов и выражений, насильственным образом введенных в употребление, остались и укоренились в нашем языке. Например *трогательный* от слова touchant (смотри справедливое о том рассуждение г. Шишкова). *Хладнокровие*, это слово не только перевод буквальный, но еще и ошибочный. Настоящее выражение французское есть sens froid[1], хладномыслие, а не sang froid[2]. Так писали это слово до самого 18 столетия, Dans son assiete ordinaire[3]. Assiete значит положение, от слова asseoir[4], но мы перевели каламбуром — в своей тарелке —

Любезнейший, ты не в своей тарелке. *Горе от Ума.*

<1830-ые годы>

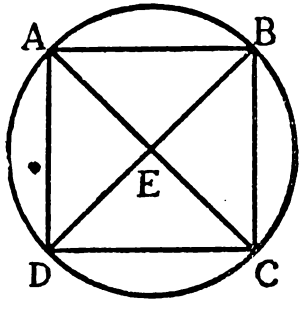
✸

Грамматика не предписывает законов языку, но изъясняет и утверждает его обычаи. —

<1835>

✸

Форма цыфров арабских составлена из следующей фигуры:

AD (1) ABDC (2) ABECD (3) ABD + AE (4) etc.

Римские цыфры составлены по тому же образцу.

<1835>

---

[1] С холодными чувствами.
[2] С холодною кровью.
[3] В своей обычной посадке (положении).
[4] Сажать.

lib.pushkinskijdom.ru

✡

Буквы, составляющие славянскую азбуку не представляют никакого смысла. *Аз, буки, веди, глаголь, добро* etc. суть отдельные слова, выбранные только для начального их звука. У нас Грамматин первый, кажется, вздумал составить апоффегмы из нашей азбуки. Он пишет: первоначальное значение букв, *вероятно*, было следующее: аз бук (или буг!) ведю — т. е. я бога ведаю (!), глаголю: добро есть; живет на земле, кто и как люди мыслит. Наш Он покой, рцу. Слово (Logos) твержу... (и прочая, говорит Грамматин; вероятно, что в прочем не мог уже найти никакого смысла). Как это все натянуто! Мне гораздо более нравится трагедия, составленная из азбуки французской. Вот она:

ENO et IKAEL.

Tragédie.

Personnages.

Le Prince Eno.
La Princesse Ikaël, amante du Prince Eno.
L'abbé Pécu, rival du Prince Eno.
Ixe, Igrec, Zède } garde du Prince Eno.

Scène unique.

Le Prince Eno, la Princesse Ikaël, L'abbé Pécu. gardes.

Eno.

Abbé! cédez...

L'abbé.

Eh! f....

Eno (mettant la main sur sa hache d'armes).

J'ai hache!

Ikaël (se jettant dans les bras d'Eno).

Ikaël aime Eno (ils s'embrassent avec tendresse).

Eno (se retournant vivement).

Pécu est resté? Ixe, Igrec, Zède! prenez Mr. l'abbé et jettez le par les fenêtres. [1]

<1830-ые г.>

---

[1] Эно и Икаэль.

Трагедия.

Действующие лица.

Принц Эно.
Принцесса Икаэль, возлюбленная принца Эно.
Аббат Пекю, соперник принца Эно.
Икс, Игрек, Зед } телохранители принца Эно.

Сцена единственная.

Принц Эно, принцесса Икаэль, аббат Пекю, телохранители.

Эно.

Аббат! уступите...

Аббат.

Э! ф...

Эно (хватаясь за секиру),

У меня — секира!

Икаэль (бросаясь в объятия Эно)

Икаэль любит Эно (они нежно целуются).

Эно (с живостью оборачиваясь).

Пекю остался? Икс, Игрек. Зед! возьмите господина аббата и выбросьте его в окно.

lib.pushkinskijdom.ru

6. <СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ>

<НЕВОЗМОЖНО, ЧТОБЫ ЛЮДИ...>

1. Il est impossible que les hommes ne conçoivent avec le temps la ridicule atrocité de la guerre comme ils ont concu l'esclavage, la royauté etc. Il verront que nous sommes destinés à manger, à boire et à être libre.

2. Les constitutions qui sont un grand pas de l'esprit humain et qui n'en sera pas unique — tendant nécessairement à diminuer le nombre des troupes d'un etat, l'esprit de la force armée étant directement opposé à toute idée constitutionnelle. il serait très possible qu'avant 100 ans l'on n'eût plus d'armée permanente.

3. Quant aux grandes passions et aux grands talents militaires on aura toujours la guillotine — la société se soucie fort peu d'admirer les grandes combinaisons d'un général victorieux — on à bien autre chose à faire — et ce n'est que pour cela qu'on s'est mis sous l'égide de lois.

Rousseau qui ne raisonnait pas mal pour un Cr de prot.[1] dit en propres termes[2] . . . . . (. . .). Il est évident que ces terribles moyens dont il parlait c'etaient les révolutions—or nous y sommes. Je sais bien que toutes ces r. s. tr. mau.,[3] le témoignage d'un petit garçon comme Rousseau qui n'a jamais gagné une pauvre bataille ne peut avoir aucun poids — mais la dispute est toujours une très bonne chose en ce qu'elle aide à digérer — du reste elle n'a jamais persuadé personne [il n'y a que les imbéciles qui pensent le contraire][4].

<1821>

---

[1] В подлинном тексте не совсем ясно сокращение, которое здесь условно расшифровывается: croyant de protestantisme.

[2] Цитата из Руссо не выписана. Очевидно Пушкин имеет в виду «Суждение о проекте вечного мира аббата Сен-Пьера», где Руссо пишет, что вечный мир «осуществим лишь насильственными и опасными для человечества мерами». *Ред.*

[3] Сокращенные слова вписаны. Может быть их следует читать так: toutes ces raisons sont très mauvaises.

[4] 1. Невозможно, чтобы люди со временем не пришли к пониманию смешной жестокости войны, как они пришли к пониманию рабства, королевской власти и т. п. Они убедятся, что мы созданы для того, чтобы есть, пить и быть свободными.

2. Так как конституции — которые представляют шаг вперед в развитии человеческой мысли и этот шаг не будет единственным — необходимо стремятся к уменьшению войск в государстве, ибо принцип вооруженной силы прямо противоположен всякой идее конституционализма, то весьма вероятно, что не пройдет ста лет, как более не будет постоянной армии.

3. Что же касается великих страстей и великих военных талантов, то еще остается гильотина: общество не слишком жаждет восхищаться великолепными стратегическими планами победоносного генерала; у него много другого дела, и только для того оно поставило себя под защиту законов.

Руссо, который рассуждал уж не так плохо для верующего протестанта, говорит в следующих подлинных выражениях: . . . . . (. . .). Ясно, что эти ужасные средства, о которых говорит Руссо—революции. Но вот они настали. Я понимаю, что все эти доводы очень слабы и свидетельство такого мальчишки, как Руссо, не выигравшего ни одной даже маленькой победы, не может иметь веса.

Но спор всегда хорош, так как способствует пищеварению; впрочем, прения еще никогда никого не убедили [только глупцы думают иначе].

lib.pushkinskijdom.ru

<ЗАМЕТКА О РЕВОЛЮЦИИ ИПСИЛАНТИ>

NOTICE SUR LA RÉVOLUTION D'IPSYLANTI.

Le hospodar Ipsylanti trahit la cause de l'etérie et fut cause de la mort de Riga etc. Son fils A. fut ethériste (probablement du choix de Capo-d'Istria et de l'aveu de l'empereur). Les frères, Кан, Кантогони, Софианос, Тапо. Michel Suzzo fut reçu ethériste en 1820; Alexandre Suzzo, hospodar de Valachie, apprit le secret de l'ethérie par son secrétaire (Valetto) qui se laissa pénétrer ou gagner en devenant son gendre. Alex. Ipsylanti en janvier 1821 envoya un certain Aristide en Servie avec un traité d'alliance offensive et défensive entre cette province et lui, general des armées de la Grèce. Aristide fut saisi par Alexandre Suzzo, ses papiers et sa tête furent envoyés à Constantinople — cela fit que les plans furent changé tout de suite. Michel Suzzo écrivit à Kichinef. On empoisonna Alexandre Suzzo et Ipsylanti passa à la tête de quelques arnautes et proclama la révolution.

Les *capitans* sont des indépendants, corsaires, brigands ou employés turcs revêtus d'un certain pouvoir. Tels furent Lampro etc. et en dernier lieu Formaki, Iordaki-Olimbiotti, Колокотрони, Контогони, Anastas etc. Iordaki-Olimbiotti fut dans l'armée d'Ipsylanti. Ils se retirèrent ensemble vers la frontière de la Hongrie. Alex. Ipsylanti menacé d'assassinat s'enfuit d'après son avis et fulmina sa proclamation. Iordaki à la tête de 800 h. combattit 5 fois l'armée turque, et s'enferma enfin dans le monastère (de Skovlien). Trahi par les juifs, entouré des turcs, il mit le feu à la poudre et sauta.

Formaki, capitan, ethériste, fut envoyé de la Morée à Ipsylanti, se battit, en brave et se rendit à cette dernière affaire. Décapité à Const. [1]

---

[1] *Заметка о революции Ипсиланти.* Господарь Ипсиланти изменил делу гетерии и был виновником смерти Ригаса и т. д. Его сын А. был гетеристом (вероятно, по выбору Каподистрии и с согласия императора). Его братья, Кан, Контогони, Софианос, Тапо. Михаил Суццо сделался гетеристом в 1820 году; Александр Суццо, валашский господарь, узнал о существовании гетерии от своего секретаря (Валетто), который, сделавшись его зятем, не сумел оберечь тайну или выдал ее. Алекс. Ипсиланти в январе 1821 г. послал некоего Аристида в Сербию с предложением наступательного и оборонительного союза между этой провинцией и им, генералом греческой армии. Аристид был схвачен Александром Суццо, и его бумаги вместе с его головой были отосланы в Константинополь — это заставило немедленно переменить планы. Михаил Суццо написал в Кишинев. Александр Суццо был отравлен, и Ипсиланти, став во главе нескольких арнаутов, объявил революцию.

«Капитаны» — это независимые, корсары, разбойники или турецкие чиновники, облеченные некоторой властью. Таков был Лампро и т. п., и наконец — Формаки, Иордаки-Олимбиотти, Колокотрони, Контогони, Анастас и т. д. Они все отступили к венгерской границе. Алекс. Ипсиланти, боясь быть убитым, счел необходимым бежать и разразился своей прокламацией. Иордаки, во главе 800 чел., 5 раз сражался с турецкой армией и наконец заперся в (Сковлянском) монастыре. Преданный евреями, окруженный турками, он поджег пороховой склад и взорвался.

Формаки, капитан и гетерист, был послан в Морею к Ипсиланти, храбро сражался и сдался в последней битве. Был обезглавлен в Константинополе.

lib.pushkinskijdom.ru

<ЗАМЕТКА О ПЕНДА-ДЕКЕ>

NOTICE SUR PENDA-DEKA

Penda-Déka fut élevé à Moscou — en 1817 il servit à un évêque grec refugié, et fut remarqué de l'empereur et de Capo-d'Istria. Lors du massacre de Galatz il s'y trouva. Deux centes grecs assassinèrent 150 turcs. 60 de ces derniers furent brulés dans une maison où ils s'étaient réfugiés. P.-D. vint quelques jours après à Ibraïl comme éspion. Il se présenta chez le Pacha et fuma avec lui comme sujet russe. Il rejoignit Ipsylanti à Tergovitch: celui-ci l'envoya calmer les troubls de Jassy — il y trouva les grecs vexés par les boyards; sa présence d'esprit et sa fermeté les sauverent. Il prit de munitions pour 1,500 tandis qu'il n'en avait que 300. Pendant 2 mois il fut prince de Moldavie Кантакузен arriva et prit le commendement. On ce retira vers Sinka. Кант. envoya P.-D. reconnaître les ennemis. L'avis de P.-D. fût de se fortifier à Barda (1-re station vers Jassy). Кантакузен se retira à Skovlian et demanda que P.-D. fit son entrée dans la quarantaine. Penda-Deka accepta. P.-D. nomma son second Papas-Ouglou — Arnaute.

Il n'y a pas de doute que le prince Ipsylanti eut pu prendre Ibraïl et Jourja. Les turcs fuyaient de toutes parts croyant voir les russes à leur trousse. A Boucharest les députés bulgares (entre autre Capidgi) proposèrent à Ipsylanti d'insurger tout leur pays — il n'osa!

Le massacre de Galatz fut ordonné par A. Ipsylanti en cas que les turcs ne voulûssent pas rendre les armes [1].

<1821>.

<ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАМЕЧАНИЯ.>

№ I.

По смерти Петра I движение переданное сильным человеком, всё еще продолжалось в огромных составах государства преобразованного. Связи древнего порядка вещей были прерваны на веки; воспоминания старины мало по малу исчезали. Народ, упорным постоянством удержав бороду и русской кафтан, доволен был своей победою и смотрел уже равнодушно на немецкий образ жизни обритых своих бояр. Новое поколение, воспитанное под влиянием европейским, час от часу более привыкало к выгодам просвещения. Гражданские и военные чиновники более и более умножа-

[1] *Заметка о Пенда-Деке.* Пенда-Дека был воспитан в Москве — в 1817 г. он служил у одного бежавшего греческого епископа, был замечен императором и Каподистрией. Он находился в Галаце во время тамошней резни. Двести греков убили 150 турок. 60 из их числа были сожжены в одном доме, где они спрятались. Несколько дней спустя П.-Д. прибыл в Ибраил в качестве шпиона. Он явился к паше и курил с ним, как русский подданный. В Терговиче он встретился с Ипсиланти: тот послал его успокоить беспорядки в Яссах — он нашел там греков, притесняемых боярами; его находчивость и твердость спасли его. Он запасся снаряжением на 1500 человек, тогда как на самом деле у него было только 300. Впродолжение 2 месяцев он был князем Молдавии. Затем прибыл (Кантакузен) и принял командование. Отступили к Стинке. Кант. послал П.-Д. разведать о врагах. П.-Д. советовал укрепиться в Барде (1-я остановка по дороге в Яссы). Кантакузен отступил в Сковлян и предложил П.-Д. подвергнуться карантину. Пенда-Дека согласился. П.-Д. назначил своим лейтенантом арнаута Папаса-Углу.

Нет сомнения, что князь Ипсиланти мог бы овладеть Ибраилом и Джурджей. Турки бежали во все стороны, вообразив, что за ними гонятся русские. В Бухаресте болгарские делегаты (в том числе Капиджи) предлагали Ипсиланти поднять всю их страну — он не посмел!

Галацкую резню велел произвести Ипсиланти, в случае, еслибы турки не захотели сложить оружия.

lib.pushkinskijdom.ru

лись; иностранцы, в то время столь нужные, пользовались прежними правами; схоластической педантизм по прежнему приносил свою неприметную пользу. Отечественные таланты стали изредко появляться и щедро были награждаемы. Ничтожные наследники северного исполина, изумленные блеском его величия, с суеверной точностию подражали ему во всем, что только не требовало нового вдохновения. Таким образом, действия правительства были выше собственной его образованности и добро производилось ненарочно, между тем как азиатское невежество обитало при дворе.[1]

Петр I не страшился народной свободы, неминуемого следствия просвещения, ибо доверял своему могуществу и презирал человечество, может быть более, чем Наполеон.[2]

Аристократия после его неоднократно замышляла ограничить самодержавие; к счастию, хитрость государей торжествовала над честолюбием вельмож и образ правления остался неприкосновенным. Это спасло нас от чудовищного феодализма и существование народа не отделилось вечною чертою от существования дворян. Если бы гордые замыслы Долгоруких и проч. совершились, то владельцы душ, сильные своими правами, всеми силами затруднили б или даже вовсе уничтожили способы освобождения людей крепостного состояния, ограничили б число дворян и заградили б для прочих сословий путь к достижению должностей и почестей государственных. Одно только страшное потрясение могло бы уничтожить в России закоренелое рабство; нынче же политическая наша свобода неразлучна с освобождением крестьян, желание лучшего соединяет все состояния противу общего зла, и твердое, мирное единодушие может скоро поставит нас на ряду с просвещенными народами Европы. Памятниками неудачного борения аристократии с деспотизмом остались только два указа Петра III о *вольности дворян*, указы, коими предки наши столько гордились и коих справедливее должны были бы стыдиться.

Царствование Екатерины II имело новое и сильное влияние на политическое и нравственное состояние России. Возведенная на престол заговором нескольких мятежников, она обогатила <их> на счет народа и унизила беспокойное наше дворянство. Если царствовать значит знать слабость души человеческой и ею пользоваться, то в сем отношении Екатерина заслуживает удивление потомства. Ее великолепие ослепляло, приветливость привлекала, щедроты привязывали. Самое сластолюбие сей хитрой женщины, утверждало ее владычество. Производя слабый ропот в народе привыкшем уважать пороки своих властителей, оно возбуждало гнусное соревнование в высших состояниях, ибо не нужно было ни ума, ни заслуг, ни талантов для достижения второго места в государстве. Много было званых и много избранных; но в длинном списке ее любимцев, обреченных презрению потомства, имя странного Потемкина будет отмечено рукою истории. Он разделит с Екатериною часть воинской ее славы, ибо ему обязаны мы Черным морем и блестящими, хоть и бесплодными победами в северной Турции.[3]

---

[1] Доказательства тому царствование безграмотной Екатерины I, кровавого злодея Бирона, и сладострастной Елисаветы. <Примеч. Пушкина>

[2] Дальше зачеркнуто. В самом деле история представляет около его всеобщее рабство. Указ, разорванный кн. Долгоруким и письмо с берегов Прута приносят великую честь необыкновенной душе самовластного государя; впрочем, все состояния, окованные без разбора, были равны перед его *дубинкою*. Всё дрожало, всё безмолвно повиновалось.

[3] *Бесплодными*, ибо Дунай должен быть настоящею границею между Турциею и Россией. Зачем Екатерина не совершила сего важного плана в начале Французской Революции, когда Европа не могла обратить деятельного внимания на воинские наши предприятия, а изнуренная Турция нам упорствовать? Это избавило бы нас от будущих хлопот. <Примеч. Пушкина>

lib.pushkinskijdom.ru

Униженная Швеция и уничтоженная Польша, вот великие права Екатерины на благодарность русского народа. Но со временем история оценит влияние ее царствования на нравы, откроет жестокую деятельность ее деспотизма, под личиной кротости и терпимости, народ угнетенный наместниками, казну расхищенную любовниками, покажет важные ошибки ее в политической экономии, ничтожность в законодательстве, отвратительное фиглярство в сношениях с философами ее столетия, — и тогда голос обольщенного Вольтера не избавит ее славной памяти от проклятия России.

Мы, видели, каким образом Екатерина унизила дух дворянства. В этом деле ревностно помогали ей любимцы. Стоит напомнить о пощечинах, щедро ими раздаваемых нашим князьям и боярам, о славной расписке Потемкина, хранимой доныне в одном из присутственных мест государства,[1] об обезьяне графа Зубова, о кофейнике князя Куракина и проч. и проч.

Екатерина знала плутни и грабежи своих любовников, но молчала. Ободренные таковою слабостию, они не знали меры своему корыстолюбию, и самые отдаленные родственники временщика с жадностию пользовались кратким его царствованием. Отселе произошли сии огромные имения вовсе неизвестных фамилий, и совершенное отсутствие чести и честности в высшем классе народа. От канцлера до последнего протоколиста всё крало и всё было продажно. Таким образом развратная государыня развратила и свое государство.

Екатерина уничтожила звание (справедливее название) рабства, а раздарила около миллиона государственных крестьян (т. е. свободных хлебопашцев), и закрепостила вольную Малороссию и польские провинции. Екатерина уничтожила пытку,—а тайная канцелярия процветала под ее патриархальным правлением; Екатерина любила просвещение, а Новиков, распространивший первый лучи его, перешел из рук Шешковского[2] в темницу, где и находился до самой ее смерти. Радищев был сослан в Сибирь; Княжнин умер под розгами — и Фон-Визин, которого она боялась, не избегнул бы той-же участи, если б не чрезвычайная его известность.

Екатерина явно гнала духовенство, жертвуя тем своему неограниченному властолюбию, и угождая духу времени. Но, лишив его независимого состояния и ограничив монастырские доходы, она нанесла сильный удар просвещению народному. Семинарии, [которые зависели от монастырей, а ныне от епископов,] пришли в совершенный упадок. Многие деревни нуждаются в священниках. Бедность и невежество этих людей, необходимых в государстве, их унижает, и отнимает у них самую возможность заниматься важною своею должностию. От сего происходит в нашем народе презрение к попам и равнодушие к отечественной религии, ибо напрасно почитают русских суеверными: может быть нигде более, как между нашим простым народом, не слышно насмешек на счет всего церковного. Жаль! ибо греческое вероисповедание, отдельное от всех прочих, дает нам особенный национальный характер.

В России влияние духовенства столь-же было благотворно, сколько пагубно в землях римско-католических. Там оно, признавая главою своею папу, составляло особое общество, независимое от гражданских законов и вечно полагало суеверные преграды просвещению. У нас, напротив того, завися, как и все прочие состояния, от единой власти, но огражденное святыней религии, оно всегда было посредником между народом и государем, как между человеком и божеством. Мы обязаны монахам нашей историею, следственно и просвещением. Екатерина знала всё это и имела свои виды.

---

[1] Потемкин послал однажды адъютанта взять из казенного места 100.000 рублей. Чиновники не осмелились отпустить эту сумму без письменного вида. Потемкин на другой стороне их отношения своеручно приписал: дать, е... м... <Примеч. Пушкина>.

[2] Домашний палач кроткой Екатерины. <Примеч. Пушкина>

lib.pushkinskijdom.ru

Современные иностранные писатели осыпали Екатерину чрезмерными похвалами: очень естественно; они знали ее только по переписке с Вольтером, и по рассказам тех именно, коим она позволяла путешествовать.

Фарса наших депутатов, столь непристойно разыгранная имела в Европе свое действие; «Наказ» ее читали везде и на всех языках. Дорольно было, чтобы поставить ее наряду с Титами и Траянами; но, перечитывая сей лицемерный «Наказ», нельзя воздержаться от праведного негодования. Простительно было фернейскому философу превозносить добродетели Тартюфа в юбке и в короне, он не знал, он не мог знать истины, но подлость русских писателей для меня непонятна.

Царствование Павла доказывает одно: что и в просвещенные времена могут родиться Калигулы. Русские защитники самовластия в том несогласны и принимают славную шутку г-жи де-Сталь за основание нашей конституции: «En Russie le gouvernement est un despotisme mitigé par la strangulation» [1].

2 авг. 1822

<ЗАМЕЧАНИЯ НА АННАЛЫ ТАЦИТА>

<1.>

Тиберий был в Иллирии, когда получил известие о болезни престарелого Августа — Неизвестно, застал ли он его в живых — Первое злодеяние его (замечает Тацит) было умерщвление Постумы Агриппы, внука Августова. Если в самодержавном правлении убийство может быть извинено государственной необходимостию,—то Тиберий прав. Агриппа, родной внук Августа, имел право на власть и нравился черни необычайною силою, дерзостью и даже простотою ума — Таковые люди всегда могут иметь большое число приверженцев—или сделаться орудием хитрого мятежника. Неизвестно, говорит Тацит, Тиберий или его мать Ливия убийство сие приказали — Вероятно Ливия — но и Тиберий не пощадил бы его.

<2.>

Когда сенат просил дозволения нести тело Августа на место сожжения,—Тиберий позволил сие *с насмешливой скромностию.* Тиберий никогда не мешал изъявлению подлости, хотя и притворялся иногда будто бы негодовал на оную — Но и сие уже впоследствии. В начале же, решительный во всех своих действиях, казался он запутанным и скрытным в одних отношениях своих к сенату.

<3.>

Август, вторично испрашивая для Тиберия трибунства, точно ли в насмешку и для невыгодного сравнения с самим собою хвалил наружность и нравы своего пасынка и наследника?

В своем завещании из единой ли зависти советовал он не распространять пределов империи, простиравшейся тогда от — до —

<4.>

Тиберий отказывается от управления Государства, но изъявляет готовность принять на себя ту часть оного, которую на него возложат.

Сквозь раболепство Галла Азиния видит он его гордость и предприимчивость—негодует на Скавра, нападает на Гатерия, который подвергается опасности быть убиту воинами и спасен просьбами Августы Ливии —

Тиберий не допускает, чтобы Ливия имела много почестей и влияния не *от зависти,* как думает Тацит, не увеличивает вопреки мнению сената, число преторов, установленное Августом (12).

---

[1] Правление в России есть самовластие, ограниченное удавкою.

lib.pushkinskijdom.ru

<5.>

Первое действие Тибериевой власти есть уничтожение народных собраний на Марсовом поле — следственно, и довершение уничтожения республики. Народ ропщет — Сенат охотно соглашается (Тень правления перенесена в сенат).

<6.>

35. Германик, тщетно стараясь усмирить бунт легионов, хотел заколоться в глазах воинов. Его удержали — Тогда один из них подал ему свой мечь говоря: *Он вострее.* Это показалось (говорит Тацит) слишком злобно и жестоко самым яростным мятежникам. По нашим понятиям слово сие было бы только грубая насмешка — но самоубийство так же было обыкновенно в древности, как поединок в наши времена и вряд ли бы мог Германик отказаться от сего предложения, когда бы прочие не воспротивились. —

Мать Мессалины советует ей убиться, Мессалина в нерешимости подносит нож то к горлу, то к груди, и мать ее не удерживает — Сенека не препятствует свой жене Паулине, решившейся последовать за ним, и проч. Предложение воина есть хладнокровный вызов, а не неуместная шутка.

<7.>

52. Тиберий не мог доволен быть Германиком, оказавшим много слабости в погашении бунта [легионов.] Германик соглашается на требования мятежников, ограничивает время службы, допущает самовольные казни, даже междуусобную битву. Блестящие поражения неприятеля при Марсорских селениях не заглаживают столько явных ошибок — Тиберий в своей речи старался их прикрыть риторическими украшениями — меньше хвалил Друза, но откровеннее и вернее. Счастливые обстоятельства благоприятствовали Друзу, но сей оказал и много благоразумия, не склонился на требования мятежников, сам казнил первых возмутителей, сам водворил порядок.

<8.>

53. Юлия, дочь Августа, славная своим распутством и ссылкой Овидия, умирает в изгнании, в нищете, может быть, но не *от нищеты и голода,* как пишет Тацит — Голодом можно заморить в тюрьме.

<9.>

С таковыми глубокими суждениями не удивительно, что Тацит, *бичь тиранов,* не нравился Наполеону, удивительно чистосердечие Наполеона, в том признававшегося, не думая о добрых людях, готовых видеть тут ненависть тирана к своему мертвому карателю —

Тацит говорит о Тиберии, что он не любил сменять своих проконсулов наместников, однажды назначив. Ибо, прибавляет он важно, злая душа его не желала счастия многих —

<1825 — 1827>

В УСЛОВИЯХ ДЕСПОТИЧЕСКОГО ГОСУДАРСТВА...

Je suppose sous un gouvernement despotique des esclaves et des gens libres — c'est à dire ceux dont la propriété et la volonté dépendent des lois du souverain et ceux qui sont la propriété de quelques individus.

Cet état de choses rentre dans le régime patriarchal, épargne aux gouvernements une infinité d'embarras, de procés, simplifie l'administration et lui donne beaucoup de viguer.

Gardez vous donc d'abolir l'esclavage surtout dans un état.

Le liberté des paysans. [1]

<1820-ые годы>

[1] Предположим, в условиях деспотического государства, существование рабов и людей свободных, то есть таких, коих собственность и воля зави-

lib.pushkinskijdom.ru

<ЗАМЕЧАНИЯ НА КНИГУ «О ГОСУДАРСТВЕННОМ КРЕДИТЕ» М. Ф. ОРЛОВА>

Конечно никто не *изобретал* кредита (доверенности). Он проистекает сам собою, как *условие, как сношение*. Он родился при первом меновом обороте —

Необходимое условие.

Возвращение капитала не есть, конечно, господствующая мысль при частном кредите, но умножение оного посредством процентов. — У людей торговых капиталы разделены на мелкие части. —

Сам по себе налог слеп и падает без разбора на все состояния. — Нет, налог *может* отозваться во всех состояниях, но обыкновенно падает на одно — отсель ошибка физиократов или налога на землю, падающего на земледелие, и нечувствительного множеству других сословий. —

<1834>

<НАБРОСКИ ТРЕТЬЕЙ СТАТЬИ ОБ «ИСТОРИИ РУССКОГО НАРОДА» Н. А. ПОЛЕВОГО>

<I.>

Противуречия, промахи, указанные в разных журналах, доказывают конечно не невежество г. Полевого (ибо сих обмолвок можно было избежать, дав себе время подумать или справиться), но только непростительную опрометчивость и поспешность. Презрение, с каким г-н Полевой отзывался в своих примечаниях о Карамзине, издеваясь над его трудом, — оскорбляло нравственное чувство уважения нашего к великому соотечественнику. — Но сия опрометчивость и необдуманность сильно повредили г. Полевому в мнении малого числа просвещенных и благоразумных читателей, ибо они поколебали, если не вовсе уничтожили доверенность, которую обязан он был им внушить. — Теперь мы читаем Историю Русского Народа, не полагаясь на добросовестность труда и верность разысканий, — но на каждое слово невольно требуем подтверждения постороннего, если не имеем терпения или способов справляться сами. — *История Русского Народа* состоит из отдельных отрывков, часто не имеющих между собою связи по духу, в коем они писаны, и походит более на разные журнальные статьи, чем на книгу, обдуманную одним человеком и проникнутую единством духа. —

Несмотря на сии недостатки, История Русского Народа заслуживала внимания по многим остроумным замечаниям (NB. Остроумием называем мы не шуточки, столь любезные нашим веселым критикам, но способность сближать понятия и выводить из них новые и правильные заключения), по своей живости, хоть и неправильной, по взгляду и по воззрению недальному и часто неверному, но вообще новому и достойному критических исследований. —

Второй том, ныне вышедший из печати, имеет, по нашему мнению, большое преимущество перед первым.

1) В нем нет сбивчивого предисловия и гораздо менее противуречий и многоречия.

2) Тон нападения на Карамзина уже гораздо благопристойнее.

3) Самый рассказ не есть уже пародия рассказа Карамзина, но нечто собственно принадлежащее г. Полевому.

II том начинается взглядом на всеобщее состояние Европы в XI столетии.

сят от законов монарха, и таких, которые являются собственностью каких нибудь лиц.

Этот порядок приближается к патриархальному строю, избавляет правительство от бесконечного количества затруднений, судебных тяжб, упрощает управление и т. д. и придает ему большую мощь. Итак, остерегайтесь уничтожить рабство, особенно в монархическом государстве.

Свобода крестьян.

lib.pushkinskijdom.ru

<2.>

Г. Полевой предчувствует присутствие истины, но не умеет ее отыскать и вьется около. Он видит, что Россия была совершенно отделена от Западной Европы. Он предчувствует тому и причину, но вскоре желание приноровить систему новейших историков и к России увлекает его. — Он видит опять и феодализм (называет его семейственным феодализмом) и в сем феодализме средство задушить феодализм же, полагает его необходимым для развития сил юной России. — Дело в том, что в России не было еще феодализма, как первые <*неразобр.*> не суть еще бароны феодальные, а были уделы, князья и их дружина; доказательство, что Россия не окрепла и не развилась во время *княжеских драк* (как энергически назвал Карамзин удельные междоусобия) но, напротив, ослабла и сделалась легкою добычею татар, — что аристократия не есть феодализм и что аристократия, а не феодализм, никогда не существовавший, ожидает русского историка. Объяснимся.

Феодализм частность. Аристократия общность.

Феодализма в России не было. Одна фамилия, Варяжская, властвовала независимо, добиваясь великого княжества.

ФЕОДАЛЬНОЕ СЕМЕЙСТВО ОДНО (VASSAUX).

Бояре жили в городах при дворе княжеском, не укрепляя своих поместий, не сосредоточиваясь в малом семействе, не враждуя противу королей, не продавая своей помощи городам. Но они были вместе, придворные товарищи составили союз, считались старшинством, крамольничали. —

Великие князья не имели нужды соединяться с народом дабы их усмирить. — [Они пользовались их раздорами родословными, изо всей силы препятствуя им соединиться] — Аристократия стала могущественна — Иван Васильевич III держал ее в руках при себе — Иван IV казнил — В междуцарствие она возросла до высочайшей степени. Она была наследственна, отселе местничество, на которое до сих пор привыкли смотреть самым детским образом — Не Феодор, но Языков, т. е. меньшое дворянство уничтожило местничество и боярство, принимая сие слово не в смысле <придворного?> чина, но в смысле аристократии.

Феодализма у нас не было, и тем хуже. —

Освобождение городов не существовало в России. Новгород на краю России и соседний ему Псков были истинные республики, а не *общины* (comunes) удаленные от великого княжества и обязанные своим бытием сперва хитрой своей покорности, а потом слабости враждующих князей. — Феодализм мог бы, наконец, родиться, как первый шаг учреждений независимости (общины второй), но он не успел. Он развился во время татар, был подавлен Иоанном III, — гоним, истребляем Иоанном IV, — стал развиваться во время междуцарствия, постепенно упразднялся искусством Романовых и наконец разом уничтожен Петром и Анною Ивановною, указом 1731 года уничтожившей указ Петра.

История древняя кончилась богочеловеком, говорит г-н Полевой. Справедливо. Величайший духовный и политический переворот нашей планеты есть христианство. В сей-то священной стихии исчез и обновился мир. — История древняя есть история Египта, Персии, Греции, Рима — История новейшая есть история христианства. — Горе стране находящейся вне европейской системы! Зачем же г-н Полевой за несколько страниц выше повторил пристрастное мнение 18-го столетия и признал концом древней истории падение Западной Римской Империи, — как будто самое распадение оной на Восточную и Западную не есть уже конец Рима и ветхой системы его?

Гизо объяснил одно из событий христианской истории: *европейское просвещение*. Он обретает его зародыш, описывает постепенное развитие и, отклоняя все отдаленное, все постороннее, *случайное*, доводит его до нас сквозь темные, кровавые, тяжелые и порою рассветающие века.

Вы поняли великое достоинство французского историка. Поймите же и то, что Россия никогда ничего не имела общего с остальною Европою;

lib.pushkinskijdom.ru

что история ее требует другой мысли, другой формулы, как мысли и формулы, выведенные Гизотом из истории христианского Запада. — Не говорите: *Иначе нельзя было быть*. Коли было бы это правда, то историк был бы астрономом, и события жизни человеческой были бы предсказаны в календарях, как и затмения солнечные. Но провидение не алгебра. — Ум человеческий, по простонародному выражению, не пророк, а угадчик, он видит общий ход вещей и может выводить из оного глубокие предположения, часто оправданные временем, но невозможно ему предвидеть *случая*. Один из остроумнейших людей XVIII столетия предсказал Камеру французских депутатов и могущественное владычество России, но никто не предсказал ни Наполеона, ни Полиньяка — — мощного, мгновенного орудия провидения.

<1831>

<О НАРОДНОМ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВЕ>

„C'était bien le moins que 24 millions d'hommes contre 200,000 eussen la moitié des voix". Bailly.

Mais les 200.000 étaient déjà en quelque sorte l'élite de la nation, élite revêtue de privilèges, excessifs à la vérité, mais représentant la partie éclairée et propriétaire. C'était donc un contresens de la neutraliser, tandis qu'il ne fallait qu'y apporter une modification. C'était un contresens de ne pas les considérer ces 200.000 h. comme partie de 24 millions. —

Le tiers état = la nation — moins la noblesse — le clergé. *Rabaut St. E.* c. à d. la nation = le peuple — ses représentants. —

Le mode établi par les états généraux était essentiellement républicain — le clergé et la noblesse figurant la chambre haute n'étant pas un degré entre la royauté et le peuple, mais seulement un des côtés d'une même chambre [1]

<1831?>

<ПОСТАНОВЛЕНИЯ, НИСПРОВЕРГНУТЫЕ ВО ФРАНЦИИ...>

<1.>

Прежде нежели приступим к описанию преоборота ниспровергшего во Франции все до него существовавшие постановления, должно сказать каковы были сии постановления.

Феодальное правление было основано на праве завоевания. Победители присвоили себе землю и собственность побежденных, обратили их самих в рабство и разделили все между собою. Предводит<ели> получили бо́льшие участки — слабые прибегнули к покровительству сильнейших.

Каждый владелец управлял в своем участке по своему, устанавливал свои законы, соблюдая свои выгоды, и старался окружить себя достаточным числом приверженцев, для удержания в повиновения своих вассалов, или для отражения хищных соседей. Для сего избирались бо́льшею частию вольные люди, составлявшие некогда войско завоевателей. Со временем они

---

[1] «Менее всего допустимо, чтобы 24 миллиона человек против 200.000 имели половину голосов». Байи.

Но эти 200.000 были уже в некотором роде отборная часть нации, хотя и облеченная чрезмерными преимуществами, но представляющая собою класс просвещенный и имущий. Следовательно было неразумно обессиливать этот класс, а следовало внести только некоторые изменения. Было неразумно не рассматривать эти 200.000 как часть 24 миллионов.

«Третье сословие равняется нации минус знать и духовенство» Рабо де Сент Этьен. Это значит: нация равняется народу минус его представители. Порядок, установленный генеральными штатами являлся по существу республиканским — духовенство и знать, представлявшие собою верхнюю палату, являлись при нем не промежуточной ступенью между королевской властью и народом, а лишь одним крылом той же палаты.

lib.pushkinskijdom.ru

смешались с побежденными; установились взаимные обязательства между владельцами и вассалами и стихия независимости сохранилась в народе.

Короли, избираемые в начале владельцами, были самовластны токмо в собственном своем участке; в случае войны с неприятелем, новых налогов или споров между двумя могущими соседями, они созывали сеймы.

Сеймы сии составляли с начала одни знатные владельцы и военные люди; духовенство было призвано впоследствии властолюбивыми Палатными Мерами (maires du palais) а народ гораздо позже, когда королевская власть почувствовала необходимость противупоставить новую силу дворянству, соединенному с духовенством.

Судопроизводство находилось в руках владельцев. Для записывания их постановлений избирались грамотеи из простолюдинов, ибо знатные люди занимались единственно военной наукою и не умели читать. Когда же война призывала баронов к защите королевских владений или собственных замков, то в их отсутствии сии грамотеи чинили суд и расправу с начала от имени баронов, а впоследствии са <ми от себя>.

<2.>

Продолжительные войны дали им время основать свою самобытность. Таким образом родились парламенты.

Нужда в деньгах заставила баронов и епископов продавать вассалам права, некогда присвоенные завоевателями. Сначала откупились рабы от вассалов, за тем общины приобрели привиллегии. Впоследствии времени, короли, для уничтожения власти сильных владельцев, непрестанно покровительствовали общины, и мало по малу народ откупился, владельцы обеднели и стали проситься на жалование королей. Они выбрались из феодальных своих вертепов, и стали являться arrivoisés в дворцовые передние —

Короли почувствовали всю выгоду сего нового положения, дабы (subvenir au frais de nouvelle depense) прикрыть новые необходимые расходы они прибегнули к продаже судебных мест, ибо доходы от прав покупаемых городами начали истощаться и казались уже опасными. Сия мера утвердила независимость de la Magistrature (гражданских сановников) и сие сословие вошло в соперничество с дворянством, которое возненавидело его.

Продажа гр<аждански>х мест упорочила правление достаточной части народа, следств<енно> столь же благоразумна и представляет такое же [основание] как и нынешние законы о выборах — Писатели XVIII века напрасно вопили противу сей меры, будто бы варварской <и> нелепой.

Но вскоре короли заметили до какой степени сия мера ограничила их самовластие и укрепила независимость сановников — Ришелье установил комиссаров, т. е. сановников временно уполномоченных королем. Законники возроптали как на нарушение прав своих и злоупотребление общественной доверенности — Их не послушали и самовластие министра подавило и их и феодализм —

<3.>

Феодальное правл<ение> основ<анное> на праве завоев<ания>
Что были предвод<ители>.
Что был народ.
Короли. Телохранители.
Продажа вольн<ости городам>.
Власть корол<евская>.
Парламент<ы>.
Venalité des charges.
Ришелие —
Споры Арист<окрации> с Парл<аментами>.
Уничтожение феодализма.
Люд<овик> XIV.

<1831>

lib.pushkinskijdom.ru

<ЗАМЕТКИ О РУССКОМ ДВОРЯНСТВЕ>

<1>

Ignorance des seigneurs Russes, tandis que les mémoires, les écrits politiques, les Romans — Napoléon gazetier, Canning poète, Brougham, les députés, les pairs — les femmes. — Chez nous les seigneurs ne savent pas écrire. — Le tiers état — L'Aristocratie [1].

<1827—1829>

<2>

Attentant de Феодор. — Lâcheté de la haute noblesse (между прочим и моего прадура Никиты Пушкина). Pierre I, — Son Указ de 1714. — Les range — Chute de la Noblesse.

Opposition des Dolgorouky (niaise, dans le genre de celle de Panine).

Pierre III — Истинная причина Дворянской грамоты. Екатерина — Alexandre — Новосильцов, Чарторижский — Кочубей — Spéransky — Popovitch turbulent et ignoré. —

Les moyens avec lesquelles on accomplit une révolution, ne sont plus ceux qui la consolident — Pierre I, est tout à la fois Robespierre et Napoléon (La Revolution incarnée).

La haute noblesse n'étant pas héréditaire (de fait). Elle est donc noblesse à vie; moyens d'entourer le despotisme de stipendiaires dévoués — et d'étouffer toute opposition et toute indépendance.

L'hérédité de haute - noblesse est une garantie de son indépendance — le contraire est nécessairement moyen de tyrannie, ou plutôt d'un despotisme lâche et mou. Despotisme: lois cruelles, coutumes douces [2].

<1830?>

<3>

Что такое дворянство потомственное? Сословие народа высшее, т. е. награжденное большими преимуществами касательно собственности и частной свободы. Кем? Народом или его представителями. С какою целию? С целию иметь мощных защитников или близких и непосредственных к властям предстателей — Какие люди составляют сие сословие? Люди, которые имеют время заниматься чужими делами. Кто сии люди? Люди, отменные по своему богатству или образу жизни. Почему так? Богатство доставляет ему способ не трудиться, а быть всегда готову по первому призыву du Souverain [3]. Образ жизни, т. е. неремесленный или земледельческий, ибо все сие налагает на работника или земледела различные узы. Почему так? Земледелец зависит от земли им обработанной, и более всех неволен, ремесленник от числа требователей торговых, от мастеров и покупателей. Нужно ли для дворянства приуготовительное воспитание? Нужно. — Чему учит-

---

[1] Невежество русских бар, между тем как мемуары, политические сочинения, романы — Наполеон газетчик, Каннинг поэт, Брум, депутаты, пэры — женщины — У нас баре не умеют писать. Третье сословие, Аристократия.

[2] Покушение Феодора...—Низость высшего дворянства...—Петр I.—Его указ 1714 г. — Чины. — Падение дворянства.

Оппозиция Долгоруких (нелепая, вроде оппозиции Панина.)

Петр III — Александр — Сперанский — Прыткий и безвестный попович.

Средства, которыми достигается революция, недостаточны для ее закрепления — Петр I—одновременно Робеспьер и Наполеон (воплощение революции).

Высшее дворянство не потомственно (фактически). Следовательно, оно пожизненно; деспотам окружает себя преданными наемниками, и этим подавляется всякая оппозиция и независимость.

Потомственность высшего дворянства есть гарантия его независимости—обратное неизбежно связано с тиранией, или вернее с низким и дряблым деспотизмом. Деспотизм: жестокие законы и мягкие нравы.

[3] Государя.

lib.pushkinskijdom.ru

ся дворянство? Независимости, храбрости, благородству, (чести вообще). Не суть ли сии качества природные — так; но образ жизни может их развить, усилить — или задушить. — Нужны-ли они в народе, также как например трудолюбие? Нужны, ибо они la sauve garde[1] трудолюбивого класса, которому некогда развивать сии качества.

Кто составляет дворянство в республике? Богатые люди, которыми народ кормится.

А в государстве? Военные люди, которые составляют гвардию и войско государево.

Чем *кончается* дворянство в республике? Аристократ<ией> прав. А в государстве? Рабством народа. А = Б.

Что составило в России древнюю аристократию? — Варяги <,> богатые военные славяне и воинственные пришельцы. Какие были права их? Равные княжеским, ибо они были малые князья, имели свои дружины и переходили от одного государя к другому. Отчего г. Полевой говорит, что они были наровне со *смердами*? Не знаю. Но самое молчание летописцев о их правах показывает, что права сии были ничем неограничены. Какое время *силы* нашего боярства? Во время уделов, удельные князья соделавшись сами боярами. Когда пало боярство? При Иоаннах, которые к одному местничеству не дерзнули прикоснуться. Были ли дворянские грамоты?... (Минин). Было ли зло местничество? Натурально-ли оно? Везде-ли существовало оно? За чем уничтожено было оно? И было-ли оно в самом деле уничтожено? *Петр.* Уничтожение дворянства чинами. Маиоратства — уничтоженные плутовством Анны Ивановны. Падение постепенное дворянства; что из того следует? Восшествие Екатерины II, 14 декабря и т. д.

<30-ые годы>

<4>

Русское Дворянство что ныне значит? — Какими способами делается дворянство? — Что из этого следует? — Глубокое презрение к сему званию — Дворянин помещик — Его влияние и важность — рекрутство — права. Дворянин в службе — дворянин в деревне. — Происхождение дворянства. Дворянин при дворе.

<1833—1835 г>

<ЗАМЕТКИ К «ИСТОРИИ ПУГАЧЕВСКОГО БУНТА»[2].>

1.

Стран. 16. Пугачев был уже пятый самозванец, принявший на себя имя императора Петра III. Не только в простом народе, но и в высшем сословии существовало мнение, что будто государь жив и находится в заключении. Сам великий князь Павел Петрович долго верил, или желал верить сему слуху. По восшествии на престол первый вопрос государя графу Гудовичу был: жив ли мой отец?

2.

Стран. 18. Пугачев говорил, что сама императрица помогла ему скрыться.

3.

Стран. 20. Первое возмутительное воззвание Пугачева к Яицким казакам есть удивительный образец народного красноречия, хотя и безграмотного. Оно тем более подействовало, что объявления, или *публикации* Рейнсдорпа были писаны столь же вяло как и правильно, длинными обиняками, с глаголами на конце периодов.

4.

Стран. 25. Бедный Харлов, на кануне взятия крепости, был пьян, но я не решился того сказать, из уважения его храбрости и прекрасной смерти.

---

[1] Оплот, охрана.

[2] Эти заметки представлены были Пушкиным императору Николаю I как материалы, которые он по цензурным соображениям «не решился напечать, на которые могут быть любопытны для его величества». Ссылки на страницы имеют в виду текст первого издания «Истории Пугачевского бунта». *Ред.*

lib.pushkinskijdom.ru

5.

Стран. 34. Сей Нащокин был тот самый, который дал пощечину Суворову (после того Суворов, увидя его, всегда прятался и говорил: боюсь, боюсь! он дерется). Нащокин (Воин Васильич) был один из самых странных людей своего времени. Сын его написал его записки: отроду не читывал я ничего забавнее. Государь Павел Петрович любил его и при восшествии своем на престол звал его в службу. Нащокин отвечал государю: Вы горячи и я горяч; служба в прок мне не пойдет. Государь пожаловал ему деревни в Костромской губернии, куда он и удалился. Он был крестник императрицы Елисаветы и умер в 1809 году.

6.

Стран. 54. Чернышев (тот самый, о котором государыня Екатерина II говорит в своих записках) был некогда камер-лакеем. Он был удален из Петербурга повелением императрицы Елисаветы Петровны. Императрица Екатерина вступив на престол, осыпала его и брата своими милостями. Старший умер в Пбурге комендантом крепости.

7.

Стран. 55. Карр был пред сим употребляем в делах, требовавших твердости, и даже жестокости, (что еще не предполагает храбрости и Карр это доказал). Разбитый двумя каторжниками он бежал под предлогом лихорадки, лома в костях, фистулы и горячки. Приехав в Москву, он хотел явиться с оправданиями к князю Волхонскому, который его непринял. Карр приехал в благородное собрание, но его появление произвело такой шум и такие крики, что он принужден был поспешно удалиться. Ныне общее мнение если и существует, то уж гораздо равнодушнее, нежели как бывало в старину. Сей человек, пожертвовавший честью для своей безопасности, нашел однакоже смерть насильственную: он был убит своими крестьянами, выведенными из терпения его жестокостию.

8.

Стран. 56. Императрица уважала Бибикова и уверена была в его усердии, но никогда его не любила. В начале ее царствования был он послан в Холмогоры, где содержалось семейство несчастного Иоанна Антоновича, для тайных переговоров. Бибиков возвратился влюбленный без памяти в принцессу Екатерину, (что весьма не понравилось государыне); Бибикова подозревали благоприятствующим той партии, которая будто бы желала возвести на престол государя великого князя. Сим призраком беспрестанно смущали государыню, и тем отравляли сношения между матерью и сыном, которого раздражали и ожесточали ежедневные мелочные досады и подлая дерзость временщиков. Бибиков не раз бывал посредником между императрицей и великим князем. Вот один из тысячи примеров: великий князь, разговаривая однажды о военных движениях, подозвал полковника Бибикова (брата Александра Ильича), и спросил во сколько времени полк его, в случае тревоги, может поспеть в Гатчину? На другой день Александр Ильич узнает, что о вопросе великого князя донесено, и что у брата его отымают полк. Александр Ильич, расспросив брата, бросился к императрице, и объяснил ей, что слова великого князя были ни что иное, как военное суждение, а не заговор. Государыня успокоилась, но сказала: скажи брату своему, что в случае тревоги, полк его должен идти в Петербург, а не в Гатчино.

9.

Стран. 73. Густав III, изъявляя в 1790 году все свои неудовольствия, хвалился тем, что он несмотря на все представления, не воспользовался смятением, произведенным Пугачевым. — Есть чем хвастать, говорила государыня, что король не вступил в союз с беглым каторжником, вешавшим женщин и детей.

10.

Стран. 78. Уральские казаки (особливо старые люди) доныне привязаны к памяти Пугачева. Грех сказать,, говорил мне 80-ти летняя казачка, на него мы не жалуемся; он нам зла не сделал. — Расскажи мне, говорил я Д. Пья-

lib.pushkinskijdom.ru

нову, как Пугачев был у тебя посаженным отцем? — Он для тебя Пугачев, отвечал мне сердито старик, а для меня он был великий государь Петр Федорович. Когда упоминал я о его скотской жестокости, старики оправдывали его, говоря: не его воля была; наши пьяницы его мутили.

11.

Стран. 82. И. И. Дмитриев уверял, что Державин повесил сих двух мужиков более из поэтического любопытства, нежели из настоящей необходимости.

12.

Стран. 84. Казни, произведенные в Башкирии генералом князем Урусовым, невероятны. Около 130 человек были умерщвлены посреди всевозможных мучений. «Остальных, человек до тысячи (пишет Рычков), простили, отрезав им носы и уши». — Многие из сих прощенных должны были быть живы во время Пугачевского бунта.

13.

Стран. 93. Князь Голицын, нанесший первый удар Пугачеву, был молодой человек и красавец. — Императрица заметила его в Москве на бале (в 1775), и сказала: как он хорош, настоящая куколка! Это слово его погубило. Шепелев (в последствии женатый на одной из племянниц Потемкина), вызвал Голицына на поединок и заколол его, сказывают, изменнически. Москва обвиняла Потемкина....

14.

Стран. 135. Замечательна разница, которую правительство полагало между дворянством личным и дворянством родовым. Прапорщик Минеев и несколько других офицеров были прогнаны сквозь строй, наказаны батогами и проч. А. Шванвичь только ошельмован преломлением над головою шпаги. Екатерина уже готовилась освободить дворянство от телесного наказания. Шванвичь был сын кронштадского коменданта, разрубившего некогда палашем, в трактирной ссоре, щеку Алексея Орлова (Чесменского).

15.

Стран. 137. Кто были сии смышленые сообщники, управлявшие действиями Самозванца? — Перфильев? Шигаев? — Это должно явствовать из процесса Пугачева, но к сожалению я его не читал. не смев распечатать без высочайшего на то соизволения.

16.

Стран. 138. Молодой Пулавский был в связи с женою старого Казанского губернатора.

17.

Стран. 145. В Сараньске архимандрит Александр принял Пугачева со крестом и евангелием, и во время молебствия, на ектинии упомянул государыню Устинию Петровну. Архимандрит предан был гражданскому суду, в Казани. 13 окт. 1774 года в полдень приведен он был в оковах в собор. Его повели в алтарь и возложили на него полное облачение. Солдаты с примкнутыми штыками стояли у северных дверей. Протопоп и протодиакон поставили его посреди церкви, во всем облачении и в оковах. После обедни был он выведен на площадь; ему прочли его вины. После того сняли с него ризы, обрезали волосы и бороду, и сослали на вечное заточение. Народ был в ужасе и жалел о преступнике. В указе было велено вывести Александра в одежде монашеской. Но Потемкин (Петр Сергеевич) отступил от сего, *для большего эффекта.*

18.

Стран. 157. Настоящая причина, по которой Румянцев не захотел отпустить Суворова, была зависть, которую питал он к Бибикову, как вообще ко всем людям, коих соперничество казалось ему опасным.

lib.pushkinskijdom.ru

Стран. 164. Падуров, как депутат, в силу привиллегий, данных именным указом, не мог ни в каком случае быть казнен смертию. Не знаю, прибегнул ли он к защите сего закона; может быть он его не знал; может быть судьи о том не подумали; тем не менее казнь сего злодея противузаконна.

ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ.

Весь черный народ был за Пугачева; духовенство ему доброжелательствовало, не только попы и монахи, но и архимандриты, и архиереи. Одно дворянство было открытым образом на стороне правительства. Пугачев и его сообщники хотели сперва и дворян склонить на свою сторону, но выгоды их были слишком противуположны. (NB. Класс приказных и чиновников был еще малочислен, и решительно принадлежал простому народу. Тоже можно сказать и о выслужившихся из солдат офицерах. Множество из сих последних были в шайках Пугачева. Шванвичь один был из хороших дворян).

Все *немцы*, находившиеся в средних чинах, сделали честно свое дело. Михельсон, Муфель, Меллин, Диц, Деморин, Дуве etc. Но все те, которые были в бригадирских и генеральских, действовали слабо, робко, без усердия: Рейнсдорп, Брант, Карр, Фрейман, Корф, Валленштерн, Билов, Декалонг, etc. etc.

Разбирая меры, предпринятые Пугачевым и его сообщниками, должно признаться, что мятежники избрали средства самые надежные и действительные к достижению своей цели. Правительство с своей стороны действовало слабо, медленно, ошибочно.

Нет худа без добра: Пугачевский бунт доказал правительству необходимость многих перемен, и в 1775 году последовало новое учреждение губерниям. Государственная власть была сосредоточена; губернии слишком пространные, разделились; сообщение всех частей государства сделалось быстрее, etc.

<1834—1835>

7. <ЗАПИСИ РАССКАЗОВ И АНЕКДОТОВ>:

ЗАПИСКИ П. В. НАЩОКИНА ИМ ДИКТОВАННЫЕ В МОСКВЕ. 1830.

Я начинаю себя помнить на большом, барском дворе, сидящим в песке (что почитается средством противу так называемой английской болезни). Около меня толпа нянек и мамушек и шестнадцать дворовых мальчишек, готовых попеременно таскать меня во весь дух в колясочке с барского на черный двор, и на деревенский базар. — — Помню отца моего, и вот в каких обстоятельствах. Назначен отъезд в Петербург. На дворе собирается огромный обоз — крыльцо усеяно народом — гусарами, егерями, ливрейными лакеями, карликами, арапами, отставными маиорами в старинных мундирах и проч. Отец мой между ими в зеленом плаще. — Одноколка подана. Меня приносят к отцу, с ним проститься — он хочет взять меня с собою — я плачу: жаль расстаться с нянею.... Отец с досадой меня отталкивает — садится в одноколку, выезжает, за ним едет весь обоз — двор пустеет, челядь расходится — и с тех пор впечатления мои становятся слабы и неясны до 10-го года моего возраста — .

Тут сцена переменяется; но сперва скажу несколько слов о моих родителях. Отец мой генерал-поручик В. В. Нащокин, принадлежит к замечательнейшим лицам екатерининского века. Он был малого роста, сильного сложения, горд и вспыльчив до крайности. Несколько анекдотов, сохранившихся по преданию, дадут о нем понятие. После похода, в котором он отличился, он, вместо всякой награды, выпросил себе и многим своим офицерам отпуск, и уехал с ними в деревню, где и жил несколько месяцев, занимаясь охотою. Между тем начались вновь военные действия. Суворов успел отличиться, и отец мой, возвратясь в армию, застал уже его в александровской

lib.pushkinskijdom.ru

ленте. «Так-то, батюшка В. В.», сказал ему Суворов, указывая на свою ленту, «покаместь вы травили зайцев, и я затравил красного зверя». Шутка показалась обидною моему отцу, который и так уж досадовал; в замену эпиграммы он дал Суворову пощечину. Суворов перевертелся, вышел, сел в перекладную, прискакал в П. Б., бросился в ноги государыне жалуясь на отца моего. Вероятно, государыня уговорила Суворова оставить это дело, для избежания напрасного шума. Несколько времени, спустя, присылают отцу моему Георгию при рескрипте, в коем было сказано, что за обиду, учиненную храброму, храбрый лишается награды, коей он достоин, но что отец мой получает орден по личному ходатайству А. В. Суворова. Отец мой не принял ордена, говоря, что никому не хочет он быть обязану, кроме как самому себе. Вообще, он никого не почитал не только высшим, но и равным себе. Кн. Потемкин заметил, что он и о боге отзывался хотя и с уважением, но всё как о низшем по чину, так что когда он был генерал-майором, то на бога смотрел как на бригадира, и сказал, когда отец мой был пожалован в генерал-поручики: Ну, теперь и бог попал у Нащокина в 4-ый класс, в порядочные люди! — Будучи назначен командиром корпуса, находящегося в Киевской губернии, вскоре по своему прибытию в оной, дал он за городом обед офицерам и городским чиновникам. Киевский комендант, заметя, что попойка пошла не на шутку, тихонько уехал. Отец, заметя его отсутствие, взбесился, встал изо стола, приказал корпусу собраться и повел его к городу. Поднялась пальба; ни одного окошка не осталось в Киеве целого, — город был взят приступом, и отец мой возвратился со славою в лагерь, ведя предателя-коменданта военнопленным. По восшествии на престол государя Павла I, отец мой вышел в отставку, объяснив царю на то причину: «Вы горячи и я горяч, нам вместе не ужиться». Государь с ним согласился и подарил ему воронежскую деревню. Отец мой жил барином. Порядок его разъездов дает понятие об его жизни. Собираясь куда-нибудь в дорогу подымался он всем домом. Впереди на рослой испанской лошади ехал поляк Куликовской с волторною — прозван он был Куликовским по причине длинного своего носа; должность его в доме состояла в том, что в базарные дни обязан он был выезжать на верблюде и показывать мужикам lanterne magique. В дороге же подавал он волторною сигнал привалу и походу. За ним ехала одноколка отца моего; за одноколкою двуместная карета про случай дождя — под козлами находилось место любимого его шута Ивана Степаныча. Вслед тянулись кареты, наполненные нами, нашими мадамами, учителями, няньками и проч. За ними ехала длинная решетчатая фура с дураками, арапами, карлами, всего 13 человек. Вслед за нею точно такая-же фура с больными борзыми собаками. Потом следовал огромный ящик с роговою музыкою, буфет на 16-ти лошадях, наконец повозки с калмыцкими кибитками и разной мебелью (ибо отец мой останавливался всегда в поле). Посудите-же, сколько при всем этом находилось народу, музыкантов, поваров, псарей и разной челяди.

В числе приближенных к отцу моему два лица достойны особенного внимания: дурак Ив. Степ. и арапка Мария. Арапка отправляла при нем должность камердинера, она была высóкого роста и зла до крайности. Частехонько диралась она с моим отцом, который никогда не сердился на нее. Иван Степаныч — лицо историческое. Он был известен под именем дурака нашей фамилии. Потемкин, не любивший шутов, слыша многое о затеях Ив. Степ., побился об заклад с моим отцом, что дурак его не рассмешит. Ив. Ст. явился, Потемкин велел его привести под окошко и приказал себя смешить. Положение довольно затруднительное.—Ив. Степ. стал передразнивать Суворова, угождая тайной неприязни Потемкина, который расхохотался, позвал его в свою комнату и с ним не расставался. Государь Павел Петрович очень его любил, и Ив. Степ. имел право при нем сидеть в его кабинете. — Шутки его отменно нравились государю. Однажды царь спросил его, что родится от булочника? — Булки, мука, крендели, сухари и пр., отвечал дурак. — А что родится от гр. Кутайсова? — Бритвы, мыло, ремни и проч. — А что родится от меня? — Милости, щедроты, чины, ленты, законы, счастье и проч. — Государю это очень полюбилось. Он вышел из кабинета и сказал окружающим его придворным: — Воздух

lib.pushkinskijdom.ru

двора заразителен; вообразите: уж и дурак мне льстит. Скажи, дурак, что от меня родится? — От тебя, государь, отвечал, рассердившись, дурак, родятся бестолковые указы, кнуты, Сибирь и проч. Государь вспыхнул — и полагая, что дурак был подучен на таковую дерзость, хотел узнать непременно — кем. Ив. Ст. именовал всех умерших вельмож ему знакомых. Его схватили, посадили в кибитку и повезли в Сибирь. Воротили его уже в Рыбинске. При государе Александре был он также выслан из П. Б. за какую-то дерзость. — Он умер лет 6 тому назад.

Мать моя была в своем роде столь-же замечательна как и мой отец. Она была из роду Нелидовых. Отец, заблудившись на охоте, приехал в дом Нелидову, влюбился в его дочь и свадьба совершилась на другой-же день. Она была женщина необыкновенного ума и способностей. Она знала многие языки, между прочим греческий, — английскому выучилась она 60 лет. Отец мой ее любил, но содержал в строгости. — Много вытерпела она от его причуд. На пример: она боялась воды. Отец мой в волновую погоду сажал ее в рыбачью лодку и катал ее по Волге. Иногда, чтоб приучить ее к военной жизни, сажал на пушку и палил из под нее. До глубокой старости сохранила она вид и обхождение знатной дамы. Я не видывал старушки лучшего тону.

Сестра моя была старше меня несколькими годами, — она была красавица и считалась таковою в Москве. Я с братом воспитывался дома. У нас было множество учителей, гувернеров и дядек, из коих двое особенно для меня памятны.

<Один> пудреный, чопорный француз, очень образованный, бывший приятель Фридриха II, с которым игрывал он дуэты на флейте, — а другой, которому <я> обязан первым моим пиянством, эпохою в жизни моей. Вот как это случилось. Однажды, скучая продолжительностию вечернего урока, в то время, как учитель занялся с братом моим, я подкрался и задул обе свечки. Матери моей не было дома. Случилось, что во всем доме, кроме сих двух свечей, не было огня, а слуги, по своему обычаю, все ушли, оставя дом пустым. Учитель насилу их нашел, насилу добился огня, насилу добрался до меня и в наказание запер меня в чулан. Вышло, что в чулане спрятаны были разные съестные припасы. Я, к неизъяснимому утешению, тотчас отыскал тут изюм и винные ягоды и наелся вдоволь. Между тем, ощупал я штоф, откупорил его, полизал горлышко, нашел его сладким, попробовал из него хлебнуть, мне это понравилось. Несколько раз повторил свое испытание — и вскоре повалился без чувств. Между тем, матушка приехала. — Учитель рассказал ей мою проказу, — и с нею отправился в чулан, — будят меня. Что-же? Встаю, шатаясь, бледный; на полу разбитый штоф, от меня несет водкой как от Панкратиевны «Опасного соседа». Матушка ахнула..... На другой день просыпаюсь поздно, с головной болию, смутно вспоминаю вчерашнее. Гляжу в окно и вижу, что на повозку громоздят пожитки моего учителя. Няня моя объяснила мне, что матушка прогнала его, затем-де, что он вечор запер меня в чулан. —

<1830>

TABLE TALK[1].

<1.> Славный анекдот об указе, разорванном князем Яковом Долгоруким, рассказан у Голикова ошибочно и не вполне. Долгорукий после дерзкого своего поступка уехал домой из сената. Государь, узнав обо всем, очень прогневался и приехал к нему. Князь Яков стал перед ним на колени и просил помилования. Государь, побранив его, стал с ним рассуждать о сущности разорванного указа. Долгорукий изложил ему свое мнение. «Разве не мог ты то же самое сказать, заметил ему Петр, не раздирая моего указа?» — Правда твоя, государь, отвечал Долгорукий, но я знал, что если я его раздеру, то уже впредь таковых подписывать не станешь, жалея мою старость и усердие. — Государь с ним помирился, но, приехав к себе, приказал царице, которая к князьям Долгоруким была особенно милостива,

[1] Застольные разговоры.

lib.pushkinskijdom.ru

призвать князя Якова и присоветывать ему на другой день при всем сенате просить прощения у государя. Князь Яков начисто отказался. На другой день он, как ни в чем не бывало, встретил в сенате государя и более, чем когда-нибудь, его оспоривал. Петр, видя, что с ним делать нечего, оставил это дело и более о том уже не упоминал.

(Сл<ышал> от кн. А. Н. Голицына)

<2.> Однажды маленький Арап, сопровождавший Петра I в его прогулке остановился за некоторою нуждой и вдруг закричал в испуге: «Государь! Государь! из меня кишка лезет!» Петр подошел к нему и, увидя, в чем дело, сказал: «врешь: это не кишка, а глиста!» — и выдернул глисту своими пальцами. Анекдот довольно не чист, но рисует обычаи Петра.

<3.> *Богородицыны дочки.* Царевича Алексея Петровича положено было отравить ядом. Деньщик Петра Первого <Ведель> заказал оный аптекарю Беру. В назначенный день он прибежал за ним, но аптекарь, узнав для чего требуется яд, разбил склянку об пол; деньщик взял на себя убиение царевича и вонзил ему тесак в сердце. (Все это мало правдоподобно). Как бы то ни было, употребленный в сем деле деньщик был отправлен в дальную деревню, в Смоленскую губернию. Там женился он на бедной дворянке из роду, кажется Энгельгардовых. Семейство сие долго томилось в бедности и неизвестности. В последствии времени **<Ведель> умер, оставя вдову и трех дочерей. Об них напомнили императрице Елисавете, — она не знала, под каким предлогом вытребовать ко двору молодых **<Ведель.> Князь Одоевский выдумал сказку о Богородице, будто бы явившейся к умирающей матери и приказавшей ей надеяться на ее милость. Девицы призваны были ко двору и приняты на ноге фрейлин. Они вышли замуж уже при Екатерине: одна за Панина, другая за Чернышева (Анна Родионовна, умершая в прошлом 1830 году), третья не помню за кем.

<4.> При Елисавете было всего три фрейлины. При восшествии Екатерины сделали новых шесть — вот по какому случаю. Она, не зная как благодарить шестерых заговорщиков, возведших ее на престол, заказала шесть вензелей, с тем, чтоб повесить их на шею шестерых избранных. — Но Никита Панин отсоветывал ей сие, говоря: это будет вывеска. Императрица отменила свое намерение и отдала вензеля фрейлинам.

<5.> Граф К. Разумовский был в заговоре 1762 г. Исполнение было ускорено изменою одного из сообщников. Екатерина уже бежала из Петергофа, а Разумовский еще ничего не знал. Он был дома. Вдруг слышит, к нему стучатся. «Кто там?» — Орлов, отоприте. — Алексей Орлов, которого до тех пор гр. Разумовский не видывал, вошел и объявил, что Екатерина в Измайловском полку, но что полк, взволнованный двумя офицерами (дедом моим Л. А. Пушкиным и не помню кем еще), не хочет ей присягать Разумовский взял пистолеты в карманы, поехал в фуре, приготовленной для посуды, явился в полк и увлек его. Дед мой посажен был в крепость, где и сидел два года.

<6.> Когда граф д'Артуа приезжал в Петербург, то государыня приняла его самым ласковым и блистательным образом. Он ей, однако, надоедал, и она велела сказать дамам своим, чтоб они постарались его занять. Однажды посадила она графа д'Артуа в свою карету. Граф д'Ав...., капитан гвардии принца, имея право повсюду следовать за ним, хотел было сесть также в карету, но государыня остановила его, сказав: «Cette fois ci c'est moi qui me charge, d'être le capitaine des gardes de m-r le comte d'Artois».[1]

(Сл. от кн. К. Ф. Долгорукого).

<7.> Некто князь Михаил Васильевич Хованский, возвратясь из Парижа в Москву, отличался невоздержанностию языка и при всяком случае язвительно поносил Екатерину. Императрица велела сказать ему через фельдмаршала графа Салтыкова, что за таковые дерзости в Париже сажают в Бастилию, а у нас недавно резали язык, что не будучи от природы же-

[1] На этот раз с Вашего разрешения капитаном гвардии графа д'Артуа буду я.

lib.pushkinskijdom.ru

стока, она *для такова бездельника, каков Хованский* (собственные слова императрицы) нрав свой переменять не намерена, однако, советует ему впредь быть осторожнее.

<8.> Зорич был очень прост. Собираясь в чужие края, он не знал, как назвать себя, и непременно думал путешествовать под чужим именем, чтоб не обеспокоить Европу. Он был влюблен в кн. Долгорукую, которая жила в Могилеве, где муж ее начальствовал дивизией. У Зорича был домашний театр, и княгиня играла в нем в опере Annette et Lubin. Зорич, не зная, как ее угостить, вздумал велеть палить из пушек, когда Annette взойдет хозяйкой в свою хижину. Когда она бросается на колени перед своим господином, то из-за кулис велено было выдвинуть ей бархатную подушку etc.

<9.> Когда Пугачев сидел на Меновом дворе, праздные москвичи, между обедом и вечером, заезжали на него поглядеть, подхватить какое-нибудь от него слово, которое спешили потом развозить по городу. Однажды сидел он задумавшись. Посетители молча окружали его, ожидая, чтоб он заговорил. Пугачев сказал: «известно по преданиям, что Петр I, во время Персидского похода услыша, что могила Стеньки Разина находилась невдалеке, нарочно к ней поехал и велел разметать курган, дабы увидеть хоть его кости...» Всем известно, что Разин был четвертован и сожжен в Москве. Тем не менее сказка замечательна, особенно в устах Пугачева. В другой раз некто***, симбирский дворянин, бежавший от него, приехал на него посмотреть и, видя его крепко привинченного на цепи, стал осыпать его укоризнами. *** был очень дурен лицом, к тому же и без носу. Пугачев, на него посмотрев, сказал: «правда, много перевешал я вашей братии, но такой гнусной образины, признаюсь, не видывал.»

<10.> Потемкин, встречаясь с Шишковским, обыкновенно говаривал ему: «что, Степан Иванович, каково кнутобойничаешь?» На что Шишковский отвечал всегда с низким поклоном: «помаленьку, ваша светлость!»

<11.> *О Потемкине.* Однажды Потемкин, недовольный запорожцами, сказал одному из них: «знаете ли вы, хохлачи, что у меня в Николаеве строится такая колокольня, что как станут на ней звонить, так в Сече будет слышно?» — «То не диво; у нас у Запорозцине е такие кобзары, що як заграють, то аж у Петербурси затанцують».

<12.> *О Потемкине.* N. N., вышедший из певчих в действительные статские советники, был недоволен обхождением князя Потемкина. «Хиба вин не тямит того, що я такий еднорал, як вин сам». Это пересказали Потемкину, который сказал ему при первой встрече: «что ты врешь? какой-ты генерал? ты генерал-бас!»

<13.> Потемкину доложили однажды, что некто граф Мор..., житель Флоренции, превосходно играет на скрипке. Потемкину захотелось его послушать; он приказал его выписать. Один из адъютантов отправился курьером в Италию. Явился к графу М...., объявил ему приказ светлейшего и предложил тот же час садиться в его тележку и скакать в Россию. Благородный виртуоз взбесился и послал к чорту и Потемкина и курьера с его тележкою. Делать было нечего. Но как явиться к князю, не исполнив его приказания! Догадливый адъютант отыскал какого-то скрипача, бедняка не без таланта, и легко уговорил его назваться графом М... и ехать в Россию. Его привезли и представили Потемкину, который остался доволен его игрою. Он принят был потом в службу под именем графа М. и дослужился до полковничьего чина.

<14.> Живший в Москве и считавшийся в отпуску, один из адъютантов Потемкина, получает приказ; родственники засуетились, не знают, чему приписать требования светлейшего. Одни боятся незапной немилости, другие видят неожиданное счастие. Молодого человека снаряжают наскоро в путь. Он отправляется из Москвы, скачет день и ночь и приезжает в лагерь светлейшего. Об нем тотчас докладывают. Потемкин приказывает ему явиться. Адъютант с трепетом входит в его палатку и находит Потемкина в постеле, со святцами в руках. Вот их разговор: *Потемкин.* Ты, братец, мой адъютант такой-то? — *Адъютант.* Точно так, ваша светлость. — *Потемкин.* Правда ли, что ты святцы знаешь наизусть? *Адъютант.* Точно так. —

lib.pushkinskijdom.ru

Потемкин (смотря в святцы). Какого же святого празднуют 18 мая? — *Адъютант.* Мученика Феодота, ваша светлость. *Потемкин.* Так. А 29 сентября? — *Адъютант.* Преподобного Кириака. — *Потемкин.* Точно. А 5 февраля? — *Адъютант.* Мученицы Агафьи. — *Потемкин* (закрывая святцы). Ну, поезжай же себе домой.

<15.> *О Потемкине.* Князь Потемкин во время очаковского похода влюблен был в графиню ***. Добившись свидания и находясь с нею наедине в своей ставке, он вдруг дернул за звонок, и пушки кругом всего лагеря загремели. Муж графини ***, человек острый и безнравственный, узнав о причине пальбы, сказал, пожимая плечами: «экое кири куку».

<16.> О Потемкине. Когда Потемкин вошел в силу, он вспомнил об одном из своих деревенских приятелей и написал ему следующие стишки:

Любезный друг,
Коль тебе досуг,
Приезжай ко мне.
Коли не так,
<Мать твою растак>
Лежи в говне.

Любезный друг поспешил приехать на ласковое приглашение.

<17.> Суворов наблюдал посты. Потемкин однажды сказал ему смеясь: «видно, граф, хотите вы въехать в рай верхом на осетре». Эта шутка, разумеется, принята была с восторгом придворными светлейшего. Несколько дней после, один из самых низких угодников Потемкина, прозванный им Сенькою-бандуристом, вздумал повторить самому Суворову: «правда ли, ваше сиятельство, что вы хотите въехать в рай на осетре?» Суворов обратился к забавнику и сказал ему холодно: «знайте, что Суворов иногда делает вопросы, а никогда не отвечает».

<18.> Кречетников, при возвращении своем из Польши, позван был в кабинет императрицы. «Исполнил ли ты мои такие приказания?» спросила императрица. — Нет, государыня, отвечал Кречетников. Государыня вспыхнула. «Как нет!» Кречетников стал излагать причины, не дозволившие ему исполнить высочайшие повеления. Императрица его не слушала; в порыве величайшего гнева она осыпала его укоризнами и угрозами. Кречетников ожидал своей погибели. Наконец императрица умолкла и стала ходить взад и вперед по комнате. Кречетников стоял ни жив, ни мертв. Чрез несколько минут государыня снова обратилась к нему и сказала уже гораздо тише: «Скажите же мне, какие причины помешали вам исполнить мою волю?» Кречетников повторил свои прежние оправдания. Екатерина, чувствуя его справедливость, но не желая признаться в своей вспыльчивости, сказала ему с видом совершенно успокоенным: «Это дело другое. Зачем же ты мне тотчас этого не сказал?»

(Слышал от гр. Вьельгорского).

<19.> *6 октября 1834 г.* — Дмитриев предлагал императору А<лександру> Муравьева в сенаторы. Царь отказал начисто и, помолчав, объяснил на то причину. Он был в заговоре Палена. Пален заставил Муравьева писать конституцию, — а между тем произошло дело 11 марта. Муравьев хвастался, впоследствии времени, что будто бы он не иначе соглашался на революцию, как с тем, чтоб наследник подписал хартию. Вздор. — План был начертан Рибасом и Паниным. Первый отстал, — раскаясь и будучи осыпан милостями Павла. — Падение Панина произошло от того, что он сказал, что все произошло по его плану. Слова сии были доведены до государыни Марии Феодоровны — И Панин был удален.

(Слышал от Дмитриева).

<20.> Когда в 1815 году дело шло о восстановлении Польши, тогда граф Поццо-ди Борго прислал государю свое мнение. (Граф противился всеми силами исполнению сей великой ошибки). Государь, прочитав его, сказал князю Козловскому: «Le comte Pozzo a plus d'esprit que moi, je le lui

lib.pushkinskijdom.ru

accorde. Mais ce que je sais bien, c'est que j'ai plus de conscience, et vous pouvez le lui dire». [1] Козловский не преминул. Поццо отвечал: «Cela peut-être; aussi dans cette occasion, n'ai-je pas parlé comme confesseur». [2]

<21.> Государь долго не производил Болдырева в генералы за карточную игру. Однажды, в какой-то праздник, во дворце, проходя мимо его в церковь, он сказал: «Болдырев, поздравляю тебя». Болдырев обрадовался; все бывшие тут думали, как и он, и поздравляли его. Государь, вышед из церкви и проходя мимо Болдырева, сказал ему: «поздразляю тебя: ты, говорят, вчерась выиграл». — Болдырев был в отчаянии.

<22.> Никто так не умел сердить Сумарокова, как Барков. Сумароков очень уважал Баркова, как ученого и острого критика и всегда требовал его мнения касательно своих сочинений. Барков, который его обыкновенно не баловал, пришел однажды к нему, воскликнул: «Сумароков первый русский стихотворец! Сумароков великий человек» — сказал он ему. Обрадованный Сумароков велел тотчас ему подать водки: только того и хотелось. Барков при сем случае напился пьян и, взяв шляпу, сказал ему: «не верь, Александр Петрович; я тебе солгал: первый-то русский стихотворец — я, второй Ломоносов, а ты только что третий». Сумароков чуть его не зарезал.

<23.> Барков заспорил однажды с Сумароковым о том, кто из них скорее напишет оду. Сумароков заперся в своем кабинете, оставя Баркова в гостиной. Через четверть часа Сумароков выходит с готовой одою и не застает уже Баркова. Люди докладывают, что он ушел и приказал сказать Александру Петровичу, что-де его *дело в шляпе*. Сумароков догадывается, что тут какая нибудь проказа. В самом деле, видит он на полу свою шляпу и — — —.

<24.> Херасков очень уважал Кострова, и предпочитал его талант своему собственному. Это приносит большую честь и его сердцу, и его вкусу. Костров несколько времени жил у Хераскова, который не давал ему напиваться. Это наскучило Кострову. Он однажды пропал. Его бросились искать по всей Москве и не нашли. Вдруг Херасков получил от него письмо из Казани. Костров благодарил его за все его милости, «но, писал поэт, воля для меня всего дороже.»

Костров был от императрицы Екатерины именован *университетским стихотворцем* и в сем звании получал 1,500 рублей жалованья.

Когда наступали торжественные дни, Кострова искали по всему городу для сочинения стихов и находили обыкновенно в кабаке или у дьячка, великого пьяницы, с которым был он в тесной дружбе.

Однажды в университете сделался шум. Студенты, недовольные своим столом, разбили несколько тарелок и швырнули в экономa несколькими пирогами. Начальники, разбирая это дело, в числе бунтовщиков нашли баккалавра Ермила Кострова. Все очень изумились. Костров был нраву самого кроткого, да уж и не в таких летах, чтоб бить тарелки и швырять пирогами. Его позвали в конференцию. «Помилуй, Ермил Иванович, сказал ему ректор, ты-то как сюда попался?» — «Из сострадания к человечеству», отвечал добрый Костров.

<25.> Сатирик Милонов пришел однажды к Гнедичу пьяный, по своему обыкновению, оборванный и разтрепанный. Гнедич принялся увещевать его. Разтроганный Милонов заплакал и, указывая на небо, сказал: «там, там найду я награду за все мои страдания...» — Братец, возразил ему Гнедич, посмотри на себя в зеркало: пустят-ли тебя туда?»

<26.> У Крылова над диваном, где он обыкновенно сиживал, висела большая картина в тяжелой раме. Кто-то ему дал заметить, что гвоздь на которой она была повешена, не прочен, и что картина когда-ни-

---

[1] Граф Поццо рассуждает тоньше, чем я, — согласен. Но я хорошо знаю, что я совестливее, и Вы можете это ему передать.

[2] Возможно; потому то в данном случае я и говорил не как исповедник.

lib.pushkinskijdom.ru

будь может сорваться и убить его. «Нет, отвечал Крылов, угол рамы должен будет в таком случае непременно описать косвенную линию и миновать мою голову».

<27.> Графа Кочубея похоронили в Невском монастыре. Графиня выпросила у государя позволение огородить решеткою часть пола, под которой он лежит. Старушка Новосильцева сказала: «посмотрим, каково-то будет ему в день второго пришествия. Он еще будет карабкаться через свою решетку, а другие давно уж будут на небесах».

<28.> *Об арапе графа С***. У графа С** был арап, молодой и статный мущина. Дочь его от него родила. В городе о том узнали вот по какому случаю. У графа С** по субботам раздавали милостыню. В назначенный день нищие пришли по своему обыкновению; но швейцар прогнал их, говоря сердито: «ступайте прочь, не до вас! у нас графинюшка родила арапченка, а вы лезете за милостыней.»

<29.> Денис Давыдов явился однажды в авангард к князю Багратиону и сказал: «главнокомандующий приказал доложить вашему сиятельству, что неприятель у нас на носу, и просит вас немедленно отступать». Багратион отвечал: «неприятель у нас на носу? на чьем? если на вашем, так он близок; а коли на моем, так мы успеем еще отобедать.»

<30.> Генерал Раевский был насмешлив и желчен. Во время турецкой войны, обедая у главнокомандующего графа Каменского, он заметил, что кондитер вздумал выставить графский вензель на крылиях мельницы из сахара, и сказал графу какую-то колкую шутку. В тот же день Раевский был выслан из главной квартиры. Он сказывал мне, что Каменский был трус, и не мог хладнокровно слышать ядра; однако под какою-то крепостию он видел Каменского вдавшегося в опасность. Один из наших генералов, не пользующийся блистательной славою, в 1812 году взял несколько пушек, брошенных неприятелем, и выманил себе за то награждение. Встретясь с генералом Раевским и боясь его шуток, он дабы их предупредить, бросился было его обнимать; Раевский отступил и сказал ему с улыбкою «кажется, ваше превосходительство принимаете меня за пушку без прикрытия.»

<31.> Раевский говорил об одном бедном маиоре, жившем у него в управителях, что он был заслуженный офицер, отставленный за отличия с мундиром без штанов.

<32.> Французские принцы имели большой успех при всех дворах, куда они явились. Были, однако ж, с их стороны некоторые промахи. Они сыпали деньги и дорогие подарки. В Берлине старый принц Витгенштейн сказал Брессону, который хвастался их расточительностию: «mais, mon cher m-r Bresson, ce n'est pas convenable du tout; vos princes sont de la maison de Bourbon et non pas de la maison Rotschild».[1]

(Сл. от гр. Вьельгорского). Июнь 1836.

<33.> Голландская королева, женщина с умом замечательным и резким, сказала принцу Орлеанскому на бале: «J'avais des projets hostiles pour vous.» Et quoi donc, madame? — «Je voulais paraître inondée de fleurs de Lys.» Madame, отвечал принц, croyez que j'aurais donné tout mon sang pour avoir le droit de porter cet emblême.[2]

1836, июнь.

<34.> Будри, профессор французской словесности при царскосельском лицее, был родной брат Марату. Екатерина II переменила ему фамилию по просьбе его, придав ему аристократическую частицу de, которую Будри тщательно сохранял. Он был родом из Будри. Он очень уважал память

[1] Но, мой дорогой г. Брессон, ведь это же вовсе неприлично; ваши принцы принадлежат к дому Бурбонов, а не Ротшильдов.

[2] У меня были по отношению к Вам враждебные намерения. — Какие же сударыня? — Я хотела появиться, вся покрытая лилиями. — Сударыня, поверьте, что я отдал бы всю мою кровь за право носить эту эмблему.

lib.pushkinskijdom.ru

своего брата, и однажды в классе, говоря о Робеспьере, сказал нам, как ни в чем не бывало: c'est lui qui sous main travailla l'esprit de Charlotte Corday et fit de cette fille un second Ravaillac.[1] Впрочем, Будри, несмотря на свое родство, демократические мысли, замасленный жилет и вообще наружность, напоминавшую якобинца, был на своих коротеньких ножках очень ловкий придворный. Будри сказывал, что брат его был необыкновенно силен, несмотря на свою худощавость и малый рост. Он рассказывал также многое о его добродушии, любви к родственникам, etc. etc. В молодости его, чтобы отвратить брата от развратных женщин, Марат повел его в гофшпиталь, где показал ему ужасы венерической болезни.

<1831—1836>.

<35.> Старый генерал Щ. представлялся однажды Екатерине II. «Я до сих пор не знала вас,» сказала императрица. «Да и я, матушка государыня, не знал вас до сих пор,» отвечал он простодушно. «Верю, возразила она с улыбкой: «где и знать меня, бедную вдову!»

<36.> Шувалов, заспорив однажды с Ломоносовым, сказал ему сердито: «Мы отставим тебя от академии». — «Нет, возразил великий человек: разве академию отставите от меня».[2]

РАЗГОВОРЫ Н. К. ЗАГРЯЖСКОЙ

12 августа 1835 г. — Вы слышали про Ветошкина? Это удивительно, что никто его не знает. Надобно вам сказать, что Торжок был в то время деревушка. Государыня сделала из него порядочный городок. Жители торговали (не знаю, как это сказать: ils faisaient le commerce de grains) крупами, что ли? — и привозили на барках, не помню куда. Вот, этот Ветошкин был прикащиком на этих барках. Он был раскольник. Однажды он является к митрополиту и просит объяснить ему догматы православия. Митрополит отвечал ему, что для того нужно быть ученым, знать по гречески, по еврейски и бог ведает, что еще. Ветошкин уходит от него и через два года является опять. Вообразите, что в это время успел он выучиться всему этому. Он отрекся от своего раскола и принял истинную веру. В городе только что про него и говорили. Я жила тогда на Мойке, дверь об дверь с графом А. С. Строгоновым. Ром жил у них в учителях,—тот самый, что подписал потом определение <о казни Людовика XVI.> Он очень был умный человек, c'était une forte tête, un grand raisonneur, il vous eût rendu claire l'Apocalypse[3]. — Он у меня был каждый день со своим питомцем. Я ему рассказываю про Ветошкина. — Madame, c'est impossible. — Mon cher m-r Romme, je vous répète ce que **tout le mond** me dit. Au reste si vous êtes curieux de savoir ce qu'il en est, vous pouvez voir Ветошкин chez le prince Potemkine, il y vient tout les jours. — Madame, je n'y manquerai pas[4]. Ром отправился к Потемкину и увиделся с Ветошкиным. Он приходит ко мне. Hé bien, m-r? — Madame, je n'en reviens pas: c'est que veritablement c'est un savant[5]. Мне очень хотелось встретить

---

[1] Это он тайком настроил Шарлотту Корде, сделав из этой девушки второго Равальяка.

[2] Два последних анекдота, не сохранившиеся в рукописи, напечатаны в «Литературной Газете» 1830 г., № 8, без имени автора. *Ред.*

[3] Это был большой умница, мастер порассуждать—он бы Вам разъяснил Апокалипсис.

[4] Сударыня, это невозможно. — Мой дорогой г. Ром, я вам повторяю то, что все говорят. Впрочем, если хотите проверить, можете повидать (Ветошкина) у кн. Потемкина, — он бывает у него каждый день. — Сударыня, я непременно так и сделаю.

[5] Ну что, сударь? — Сударыня, я не могу притти в себе от изумления; это настоящий ученый.

lib.pushkinskijdom.ru

Ветошкина. Ив. Ив. Шувалов доставил мне случай увидеть его в своем доме. Я застала там двух молодых раскольников, с которыми Ветошкин имел une controverse (прение). Ветошкин был тщедушный мужчина лет 35. Прение их очень меня занимало. После того за ужином я сидела против Ветошкина. Я спросила его, каким образом добился он учености. «Сначала было трудно, отвечал он, а потом все легче да легче. Книги доставляли мне добрые люди, граф Ник<ита> Иванович да князь Григорий Александрович.» — Вам, думаю, скучно в Торжке? — «Нет, сударыня, я живу с моими родителями и целый день занят книгами.» Потемкин, страстный ко всему необыкновенному, наконец так полюбил Ветошкина, что не мог с ним расстаться. Он взял его с собою в Молдавию, где Ветошкин занемог тамошней лихорадкою и умер почти в одно время с князем. — Очень странный человек этот Ветошкин.

12 августа. — Это было перед самым Петровым днем; мы ехали в Знаменское,—матушка, сестра Елисавета Кириловна, я—в одной карете, батюшка с Василием Ивановичем — в другой. На дороге останавливает нас курьер из кабинета, подходит к каретам и объявляет, что государь приказал звать нас в Петергоф. Батюшка велел было ехать, а Василий Иванович сказал ему: «полно, не слушайся; знаю, что такое. Государь сказал, что он когда-нибудь пошлет за дамами, чтоб они явились во дворец, как их застанут, хоть в одних рубашках. И охота ему проказить накануне праздника.» Но курьер попросил батюшку выйти на минутку. Они поговорили — и батюшка велел тотчас ехать в Петергоф. Подъезжаем ко дворцу; нас не пускают, часовой сунул к нам в окошко пистолет или что-то этакое. Я испугалась и начала плакать и кричать. Отец мне сказал: «полно, перестань; что за глупость», и потом, оборотясь к часовому: «мы приехали по приказанию государя» — «Извольте-ж итти в караульню» — батюшка пошел, а нас отправили к ***, который жил в домиках. Нас приняли. Часа через два приходят от батюшки просить нас в Monplaisire. Мы поехали; матушка в спальнем платье, как была. Приезжаем в Monplaisire; видим множество дам, разряженных, en robe de cour [1]. А государь с шляпою на бекрень и ужасно сердитый. Увидя государя, я испугалась, села на пол и закричала: «ни за что не пойду на галеру». Насилу меня уговорили. Миних был с нами. Мы приехали в Кронштадт. Государь первый вышел на берег; все дамы за ним. Матушка с нами осталась на галере (мы не принадлежали той партии). Графиня ** <Анна> Карловна Воронцова обещала прислать за нами шлюпку. Вместо шлюпки через несколько минут видим государя и всю его компанию, бегут назад — все опять на галеру — кричат, что сейчас станут нас бомбардировать. Государь ушел à fond de cole [2] с графиней Лисаветой Романовной; а Миних, как ни в чем не бывало, разговаривает с дамами, leur faisant la cour [3]. Мы приехали в Ораниенбаум. Государь пошел в крепость, а мы во дворец; на другой день зовут нас к обедне. Мы знали уже всё. Государь был очень жалок. На эктинье его еще поминали. Мы с ним простились. Он дал матушке траурную свою карету с короною. Мы поехали в ней. В Петербурге народ принял нас за императрицу и кричал нам ура. На другой день государыня привезла матушке ленту.

12 августа. — Потемкин очень меня любил; не знаю, чего бы он для меня не сделал. У Машеньки была une maitresse de clavecin [4]. Раз она мне говорит: «Madame, je ne puis rester à Pétersbourg. — Pourquoi ça? — Pendant l'hiver je puis donner des leçons, mais en été tout le monde est à la campagne et je ne suis pas en état de payer un équipage, ou bien de rester oisive. — Mademoiselle, vous ne partirez pas; il faut arranger cela de manière ou d'autre. [5]

[1] В придворных туалетах.
[2] В трюм.
[3] Занимая их.
[4] Учительница, обучавшая ее игре на клавесине.
[5] Сударыня, я не могу оставаться в Петербурге. — Почему? — Зимой я могу давать уроки, а летом все разъезжаются по дачам, и я не в состоянии оплачивать экипаж или оставаться без работы. — Сударыня, вы не уедете; надо это уладить так или иначе.

lib.pushkinskijdom.ru

Приезжает ко мне Потемкин. Я говорю ему: «как ты хочешь, Потемкин, а мамзель мою пристрой куда-нибудь.» — Ах, моя голубушка, сердечно рад, да что для нее сделать, право не знаю.' — Что-же? через несколько дней приписали мою мамзель к какому-то полку и дали ей жалованье. Нынче этого сделать уж нельзя.

Orloff était mal élevé et avait un trés mauvais ton [1].

Однажды у государыни сказал он при нас: по одежке держи ножки. Je trouvai cette expression bien triviale et bien inconvenante. C'était un homme d'esprit et depuis fe crois qu'il s'est formé. Il avait l'air d'un brigand avec sa balafre [2].

Потемкин, сидя у меня, сказал мне однажды: «Наталья Кириловна, хочешь ты зѣмли?» — Какие земли? — «У меня там есть, в Крыму». — Зачем мне брать у тебя земли, к какой стати? — «Разумеется, государыня подарит, а я только ей скажу.» — Сделай одолжение. — Я поговорила об этом с Тамарой, который мне сказал: «спросите у князя планы, а я вам выберу земли.» Так и сделалось. Проходит год; мне приносят 80 рублей. «Откуда батюшка?» — С ваших новых земель, — там ходят стада, и за это вот вам деньги. — «Спасибо, батюшка.» Проходит еще год, другой, Тамара говорит мне: «что ж вы не думаете о заселении ваших земель? десять лет пройдут, так худо будет; вы заплатите большой штраф.» — Да что-же мне делать? — «Напишите вашему батюшке письмо, он не откажет вам дать крестьян на заселение.» Я так и сделала; батюшка пожаловал мне 300 душ. Я их поселила; на другой год они все разбежались, не знаю отчего. В то время Кочубей сватался за Машу. Я ему и сказала: «Кочубей, возьми, пожалуйста, мои крымские земли, мне с ними только что хлопоты.» Что же? Эти земли давали после Кочубею 50,000 рублей доходу. Я очень была рада.

Потемкин приехал со мною проститься. Я сказала ему: «Ты не поверишь, как я о тебе грущу.» — А что такое? — «Не знаю, куда мне будет тебя девать.» — Как так? — «Ты моложе государыни, ты ее переживешь; что тогда из тебя будет? Я знаю тебя, как свои руки: ты никогда не согласишься быть вторым человеком.» Потемкин задумался и, сказал: «не беспокойся; я умру прежде государыни; я умру скоро.» И предчувствие его сбылось. Уж я больше его не видала.

Orloff était régicide dans l'ame, c'était comme une mauvaise hibitude [3]. Я встретилась с ним в Дрездене, в загородном саду. Он сел подле меня на лавочке. Мы разговорились о Павле I «Что за урод? Как это его терпят?» — Ах, батюшка, да что-ж ты прикажешь делать? ведь не задушить же его? — «А почему ж нет, матушка?» — Как, и ты согласился бы, чтобы дочь твоя Анна Алексеевна вмешалась в это дело?» «Не только согласился бы, а был бы очень тому рад.» Вот каков был человек!

Я была очень смешлива; государь, который часто езжал к матушке, бывало, нарочно смешил меня разными гримасами; он не похож был на государя.

Государь: (Петр III) однажды объявил, что будет в нашем доме церемония в сенях. У него был арап Нарцисс; этот арап Нарцисс подрался на улице с палачем, и государь хотел снять с него бесчестие (il voulait le réhabiliter). Привели арапа к нам в сени, принесли знамена, и прикрыли его ими. Тем и дело кончилось.

<1835>

---

[1] Орлов был плохо воспитан и отличался дурным тоном.

[2] Я нашла это выражение весьма пошлым и очень неприличным. Он был человеком неглупым и впоследствии, я думаю, приобрел манеры. Его шрам делал его похожим на разбойника.

[3] Орлов был в душе цареубийцей, это было у него как бы дурной привычкой.

lib.pushkinskijdom.ru

<МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ ПЕТРА ВЕЛИКОГО>.

ГЛАВА I.

Петр родился в Москве в 7180 году мая 30-го (1672).

Рождение царевича праздновали трехдневным торжеством при колокольном звоне и пушечной пальбе. Царь, в знак своей радости, даровал прощение осужденным на смерть, возвратил из ссылки преступников, роздал богатую милостыню, простил народу долги и недоимки, искупил невольников, заключенных за долги.

Царевич был окрещен июня 29, в субботу, на праздник верховных апостолов Петра и Павла, в Чудовом монастыре, от Патриарха Иоакима. Восприемниками были брат его царевич Феодор Алексеевич и тетка его царевна Ирина Михайловна. Рассказывают, будто бы на третьем году его возраста, когда, в день именин его, между прочими подарками, один купец подал ему детскую саблю, Петр так ей обрадовался, что, оставя все прочие подарки, с нею не хотел даже расставаться ни днем, ни ночью. К купцу же пошел на руки, поцеловал его в голову, и сказал, что его не забудет. Царь пожаловал купца гостем, а Петра, при прочтении молитвы духовником, сам тою саблею опоясал. При сем случае были заведены *Потешные*. Перед своею кончиною царь назначил приставниками к царевичу боярина Кириллу Полуехтовича Нарышкина и при нем окольничих кн. Петра Ивановича Прозоровского, Федора Алексеевича Головина и Гаврила Ивановича Головкина. Царь Алексей Михайлович скончался 30 января 1676 года, оставя Петра трех лет и осьми месяцев.

Царь Феодор Алексеевич оставил при вдовствующей царице весь ее штат. В 1677 г. она имела при себе, 102 стольников. Потешные, большею частию, были дети их. Петр начал учиться грамоте 12-го марта 1677 года, по благословению святейшего патриарха. Учителем его был челобитного приказа дьяк Никита Моисеевич Зотов, бывший знакомый боярину Ф. Соковнину, который и привел его во дворец ко вдовствующей царице — Зотов по утрам обучал царевича грамоте и закону, а после обеда рассказывал ему российскую историю. Покои дворца были расписаны картинами, изображавшими главные черты из истории, главные европейские города, здания, корабли и проч. Иноземцы, приставленные также к царевичу, Лефорт и Тиммерман, учили его геометрии и фортификации.

Милославские, во время царствования Феодора, утесняли Нарышкиных; из них ни один не был произведен в большие чины. Дед царевича, Кирилл Полуехтович, определенный Алексеем Михайловичем главным судиею в приказе Большого Дворца, был отставлен.

Боярин Иван Максимович Языков предложил однажды вдовствующей царице, под предлогом тесноты, перебраться в другой дворец, отдаленный от царского дворца. Царица не захотела, и подослала Петра с своим учителем к царю Феодору. Петр поцеловал его руку и пожаловался на Языкова, сравнивая себя с царевичем Димитрием, а боярина с Годуновым. Царь извинился перед Натальей Кирилловной и отдал ей Языкова головою. Языков был на время отдален.

Царица жила обыкновенно в Потешном дворце царя Алексея Михайловича, отчего и Петр его предпочитал.

15 августа 1680 г. Зотов был от него удален по *наветам*. Он был послан с полковником стрелецким, стольником Василием Тяпкиным, в Крым, для заключения мирного договора на 20 лет, что и случилось 15 января 1681 года. Зотов воротился 8 июня. Неизвестно, продолжал ли он учить царевича.

Страленберг и «Рукопись о зачатии» повествует, что царица, едучи однажды весною в один монастырь, при переправе через разлившийся ручей, испугалась и криками своими разбудила Петра, спавшего у ней на руках. Петр до четырнадцати лет боялся воды. Князь Борис Алексеевич Голицын, его обер-гофмейстер, излечил его. Миллер тому не верит.

Когда слабому здравием Феодору советывали вступить во второй брак, тогда ответствовал он: «Отец мой имел намерение нарещи на престол брата

lib.pushkinskijdom.ru

моего царевича Петра; то же сделать намерен и я». Сказывают, что Феодор то же говорили и Языкову, который ему сперва противоречил и наконец отвратил разговор в другую сторону, и уговорил его на второй брак. В самом деле, 1682 года февраля 16, Феодор женился на Марфе Матвеевне Апраксиной, но в тот же год апреля 27 скончался, наименовав Петра в преемники престола (в чем не согласен Миллер. См. Оп. Тр. Ак. Ч. V., стр. 20). Царевичу Иоанну было шестнадцать лет, а Петру десять лет.

О избрании см. Оп. Тр. Ак. Ч. V., стр. 123.

Все государственные чины собрались перед дворцом. Патриарх с духовенством предложил им избрание, и стольники и стряпчие, и дьяки, и жильцы, и городовые дворяне, и дети боярские, и гости, и гостиной и черных сотен и иных имен люди единогласно избрали царем Петра.

Патриарх говорил потом боярам и окольничим, и думным, и ближним людям, и они были того же мнения.

Петр избран был 10 мая 1682 года, и в тот же день ему присягнули; царица Наталья Кирилловна наречена была правительницею, но чрез три недели все рушилось. Боярин Милославский и царевна София произвели возмущение. План их был:

1) Истребить приверженцев Петра.
2) Возвести царем Иоанна.
3) Царя Петра лишить престола. (?)

Сумароков и князь Хилков утверждают, что Милославский удержал стрельцов от присяги, — Голиков, дабы согласить их с летописью, говорит: многих стрельцов.

Главные сообщники Милославского были племянник его Александр Шегловитой, Цыклер, Иван и Петр Толстые, Озеров, Санбулов и главные из стрелецких начальников: Петров, Чермнов, Озеров и проч. Сумароков в числе приверженцев Софии именует и Иоакима.

Санбулов начал возмущение. Он закричал в толпе стрельцов, что бояре отняли престол у законного царя и отдали его меньшому брату, слабому отроку. Александр Милославский и Петр Толстой рассеяли слухи, что Иоанн уже убит, и роздали стрельцам письменный список мнимым убийцам, приверженцам царицы Натальи Кирилловны.

Мая 15. Стрельцы, отпев в Знаменском монастыре молебен с водосвятием, берут чашу святой воды и образ Б. Матери, предшествуемые попами, при колокольном звоне и барабанном бое, вторгаются в Кремль.

Деда Петра, Кирилла Полуехтовича, принудили постричься, а сына его Ивана при его глазах изрубили.

Убиты в сей день братья Натальи Кирилловны, Иван и Афанасий, князья Михайло Алегумович Черкасской, Долгорукие Юрий Алексеевич и сын его Михайло, Ромодановские Григорий и Андрей Григорьевичи, боярин Артемон Сергеевич Матвеев, Салтыковы — боярин Петр Михайлович и сын его стольник Феодор, Иван Максимович Языков (?), стольник Василий Иванов, думные люди Иван и Аверкий Кирилловы, Иларион Иванов с сыном, подполковники: Горюшкин, Юренев, Данилов и Янов; медики ф. Гаден и Гутменш. Стрельцы, разбив Холопий приказ, разорвали крепости и провозгласили свободу господским людям. — Но дворовые к ним не пристали.

Мая 18. Стрельцы вручили царевне Софии правление, потом возвели в соцарствие Петру брата его Иоанна. 25 мая царевна-правительница короновала обоих братьев. София уже через два года приняла титло самодержицы-царевны (иногда и царицы), называя себя во всех делах после обоих царей. Др. Вивл. Ч. VII, стр. 400.

Стрельцы получили денежные награждения, право иметь выборных, имеющих свободный въезд к великим государям, позволение воздвигнуть памятник на Красной площади, похвальные грамоты за государственными печатьми, переименование из стрельцов в надворную пехоту. Выборные несли сии грамоты на голове до своих съезжих изб, и полки встретили их с колокольным звоном, барабанным боем и с восхищением. Сухарев полк один не принял участия в бунте.

lib.pushkinskijdom.ru

Царевна поручила стрелецкий приказ боярам князьям Хованским — Ивану Андреевичу и сыну его Феодору, любящим стрельцов и тайным раскольникам аввакумовской и никитской ереси.

Вскоре после того (?) стрельцы под предводительством расстриги попа Никиты производят новый мятеж, вторгаются в соборную церковь во время служения, изгоняют патриарха и духовенство — которое скрывается в Грановитую палату. Старый Хованский представляет патриарху и царям требования мятежников о словопрении с Никитой. Стрельцы входят с налоем и свечами и с каменьями за пазухой, подают царям челобитную. Начинается словопрение. Патриарх и холмогорский архиепископ Афанасий (бывший некогда раскольником) вступают в феологический спор. Настает шум, летят каменья (сказка о Петре, будто-бы усмирившем смятение). Бояре при помощи стрельцов-не раскольников изгоняют наконец бешеных феологов. Никита и главные мятежники схвачены и казнены 6-го июня. Царица Наталья Кирилловна, по свидетельству венецианского историка, удалилась с обоими царями в Троицкий монастырь. — После того Петр удалился в село Преображенское и там умножает число потешных (вероятно без разбору: отселе товарищество его с людьми низкого происхождения). Старый Хованский угождал всячески стрельцам. Он роздал им имение побитых бояр. Принимал от них жалобы и доносы на мнимые взятки и удержание *поможных денег*. Хованские взыскивали, не приемля оправданий и не слушая ответчиков.

София возвела любимца своего князя Голицына на степень великого канцлера. Он заключил с Карлом XI (1683) мир, на тех же условиях, на коих был он заключен двадцать лет прежде. Россия была в миру со всеми державами, кроме Китая, с которым были неважные ссоры за город Албазин при реке Амуре.

Бояре, приверженные к Петру, назначили ему в обер-гофмейстеры князя Бориса Алексеевича Голицына. Он овладел доверенностию молодого царя и делал перевес на его сторону. Многие бояре, а особливо дети их, перешли на сторону Петра.

Царевна в сие время женила брата своего Иоанна на Прасковье Феодоровне Салтыковой (1684 года января 9). Петру I, бывшему по двенадцатому году дана была полная свобода. Он подружился с иностранцами. Женевец Лефорт (23(?) годами старше его) научил его гол. (?) языку. Он одел роту Потешную по-немецки. Петр был в ней барабанщиком и за отличие произведен в сержанты. Так начался важный переворот, впоследствии им совершенный: истребление дворянства и введение чинов. В сие время князь Василий Голицын, бывший главным в комиссии о разобрании дворянских родов и о составлении родословной книги, думал возобновить местничество, уничтоженное царем Феодором в 1681 году. Комиссия была учреждена под начальством боярина князя Владимира Дмитриевича Долгорукова и окольничего Чаадаева.

Бояре с неудовольствием смотрели на потехи Петра и предвидели нововведения. По их наущению сама царица и патриарх увещевали молодого царя оставить упражнения, неприличные сану его. Петр отвечал с досадою, что во всей Европе царские дети так воспитаны, что и так много времени тратит он в пустых забавах, в которых ему однакожь никто не мешает, и что оставить свои занятия он не намерен. Бояре хотели внушить ему любовь к другим забавам и пригласили его на охоту. Петр, сам ли от себя или по совету своих любимцев, но вздумал пошутить над ними: он притворно согласился; назначил охоту, но приехав объявил, что с холопями тешиться не намерен, а хочет, чтоб господа одни участвовали в царском увеселении. Псари отъехали, отдав псов в распоряжение господ, которые не сумели с ними справиться. Произошло расстройство. Собаки пугали лошадей; лошади несли, седоки падали, собаки тянули снуры, надетые на руки неопытных охотников. Петр был чрезвычайно доволен — и на другой день, когда на приглашение его ехать на соколиную охоту господа отказались, он сказал им: «знайте, что царю подобает быть воином, а охота есть занятие холопское».

lib.pushkinskijdom.ru

В день преполовения (того жь 1684 г.) оба царя были на крестном ходу по городской стене и потом обедали у патриарха. Петр расспрашивал патриарха об установлении сего хода и о других церковных обрядах. После обеда приехал он с боярами на Пушечный двор и повелел бомбами и ядрами стрелять в цель. Он сам, не смотря на представления бояр, запалил пушку — и, узнав, что поручик Франц Тиммерман хорошо знает науку артиллерийскую, повелел его к себе прислать и уехал в Преображенское.

На другой день Тиммерман был ему представлен. Петр взял его к себе в учителя — велел отвести ему комнату подле своей, и с той поры по нескольку часов в день обучался геометрии и фортификации. Он в рощах Преображенского, на берегу Яузы, повелел выстроить правильную маленькую крепость, сам работал, помогал Тиммерману расставлять пушки и назвал крепость Пресбургом. Он сам ее атаковал и взял приступом. Потом в присутствии бояр сделал ученье стрелецкому Тарбееву полку. Он осуждал многое в артикуле царя Алексея Михайловича (см. т. I, стр. 179). В доказательство он одному капральству велел выстроиться и сам скомандовал по-своему. С той поры старый артикул был им отменен и новый введен в употребление. (Крекшин).

Миллер относит учреждение Потешного войска к 1687 году, потому что в Разрядных книгах продолжительное пребывание царя в Преображенском начинается с того году. Но наборы начались уже в 84. Записные книги доказывают, что в 87 увеличилось число Потешных, ибо царь уже начал набирать из придворных и конюшенных служителей, и вскоре их прибавилось так много, что уже должно было часть оных поселить в селе Семеновском. Отселе *Сем. и Преобр.* Петр из Бутырского полка взял пятнадцать барабанщиков (в 1687 г.). Лефорт (в том же году) произведен в полковники. Учреждена конница. Оп. Тр. Ч. IV. *«о начале гвардии»*. Петр, находясь однажды на Сокольничьем дворе, узнал, что всех охотников до трехсот человек. С согласия брата, взял из них молодых в Потешные.

1684 г. мая 14-го. Посольство от цесаря Леопольда.

Целью оного было склонить Россию на войну с Турцией. Отвечали, что заключенного царем Феодором двадцатилетнего мира нельзя нарушить, и что Россия ничего не может предпринять, пока Польша не отречется от своих притязаний на Смоленск, Киев и всю Украйну и не заключит вечного мира.

1684 г. июня 1-го и 2-го Петр осматривал патриаршую библиотеку. Нашед оную в большом беспорядке, он прогневался на патриарха и вышел от него, не сказав ему ни слова.

Патриарх прибегнул к посредничеству царя Иоанна. Петр повелел библиотеку привести в порядок и отдал ее, сделав ей опись, на хранение Зотову, за царской печатью.

Стрельцы между тем продолжали своевольничать. Они самовольно схватили стольника А. Ф. Барсукова и солдатского полковника Мат. Кравкова, мучили их на правеже за мнимые долги, и домы их разорили. Своего заслуженного полковника Янова, негодуя на его строгость, они с похода вытребовали в Москву и казнили. У Хованских с Милославским завязалась ссора. Милословский принужден был скрываться по своим деревням и оттоле посылать царям и правительнице доносы на Хованских, обвиняя их в потворстве стрельцам, у коих, говорил он, готовится новый бунт против обоих царей, партиарха и ближних бояр. Он доносит, что Ф. Хованский, хвастая своею породою, происшедшей от королей польских Ягеллов, похваляется браком сочетаться с царевною Екатериной Алексеевной Правительница поверила Милославскому. Государи укрылись в с. Коломенское. 1685 г. марта 2 найдено прибитое к дворцовым дверям письмо, в коем объявлено было намерение Хованских истребить весь царский дом и овладеть государством. Государи уехали в Саввин монастырь — послали

lib.pushkinskijdom.ru

откуда грамоты в Москву и во все города, повелевая войскам и пахотным людям (и всякого звания) быть как можно скорее в село Воздвиженское, куда они и отправились. Все сие сделано было в величайшей тайне. Хованскому послана была особая похвальная грамота, в коей повелевалось ему и сыну немедленно для нужных советов отправиться к государям (куда?). Феофан говорит, что Хованский не хотел прежде сего отлучиться от стрельцов, подозревая недоброжелательство двора. 17 сентября (в день св. Софии) боярин кн. Мих. Иван. Лыков схватил старого Хованского на дороге в селе Пушкине и сына его на реке Клязьме в его отчине — и привел обоих в оковах в село Воздвиженское, где, прочтя им указ, без всякого следствия, им и стрельцам Одинцову с товарищами отрубили головы.

Между тем оба царя прибыли в Троицкий монастырь. Туда собралось и множество войск изо всех городов (иные говорят до 30, а другие до 100.000). Дан указ боярину кн. Петру Семеновичу Урусову идти с замосковскими городовыми дворянами в Переяславль-Залесский. Бояр. Алексею Сем. Шеину с коломенс., рязанск., путивл. и каширскими дворянами — в Коломну. Бояр. князю Влад. Дмит. Долгорукову с серпухов., алексинск., тарузск., одоевск. и калужск. — в Серпухов; а новгородскому дворянству послана похвальная грамота.

Сын Хованского, комнатный стольник царя Петра, прибежал в Москву и объявил стрельцам о казнях Воздвиженских; стрельцы взбунтовались. Они овладели царскою пушечною, ружейной и пороховой казною, укрепились в Москве, расставили всюду караулы и никого не стали пускать ни в город, ни вон из города. Они громко грозились пойти к Тр. Известясь о том, двор укрепился в монастыре. В сие самое время, пишут летописцы, дана Петру отрава, от которой страдал он целую жизнь. Царевна не знала, что делать. По совету Голицына, она думала употребить противу стрельцов поселенный в особой слободе (при царе Алексее Михайловиче) Иностранный полк, и послала офицеров оного в монастырь для получения о том указа от государей.

18 сентября из Троицы прибыл к патриарху стольник Зиновьев с грамотою о винах и казнях Хованских. Стрельцы потребовали, чтоб грамота была им прочтена, и чуть было не убили Зиновьева — крича: пойдем к Троице и всех побьем. Услышав, однако, что государи повелевают забрать и других князей Хованских, именно: двух Петров и Ивана, да спальников Феодора и Ивана, дабы, сняв с них боярство и дворянство, сослать — пришли в робость. И боярин Михайло Петр. Головин, прибывший из Тр. для принятия Москвы в свое ведение, — успел их укротить. Патриарх, по просьбе их, за них заступился. Им прислано было повеление выдать зачинщиков бунта. Они их перехватали, и сверх того, отрядили из всех полков для того на казнь. Выборные шли, двое неся плаху, а третий топор. Милославский остановил следствие и суд. Государи простили виновников. Хованского привели в монастырь. Он сослан был в Сибирь, и 30 человек казнены.

Началась реакция. Головин собрал проданные стрельцами пожитки бояр, убитых в первом бунте, и возвратил их наследникам.

Государи наградили войско и чиновников за их верность и усердие.

Перед выездом повелено всем, кроме стрельцов, быть вооруженными.

Государи остановились в селе Алексеевском. Стрельцы прибегнули опять к патриарху, и он с выборными приехал умолять государей. Выборные просили позволение столб сломать и жалованные грамоты возвратить.

Тогда двор поднялся в Москву. От самого села до Москвы стрельцы стояли по обеим сторонам дороги, падая ниц перед государями. Иоанн оказывал тупое равнодушие; но Петр быстро смотрел во все стороны, оказывая живое любопытство. У самой Москвы стрелецкие начальники поднесли государям хлеб-соль и отдали пожалованные грамоты.

Петр уехал в Преображенское.

София же повелела Голицыну произвести новое следствие. Несколько их были казнены. Четыре полка посланы служить на границах. Приближенным своим (не из знатных) роздала места. Стрелецкий приказ пору-

lib.pushkinskijdom.ru

чила в ведение Щегловитому; а молодого князя Голицына, двоюродного брата любимца, пожаловала главным судьей казанского дворца.

Китайский император Кан-Хий прислал государю грамоту с мирными предложениями. Назначен посольский съезд, и главным выбран окольничий Феодор Алексеевич Головин (Ежемес. Соч. 1757 г. Ч. II — 206).

Во Францию отправлен посланник стольник Семен Алмазов, с дьяком Дмитриевым. Датскому резиденту дозволено купить и вывезти из России хлеба 100.000 четвертей.

1686 г. Австрийский император, не успев заключить союз с Россией, обратился к Собескому, который в 1676 г., принужден был уступить Каменец и заключить с Портою невыгодный мир. Негоциации сии имели успех и были весьма выгодны для России, ибо 26 апреля 1686 г. Польша утвердила вечно за Россией Смоленск, Киев, Новгород-Северский и всю по сей стороне Днепра лежащую Украйну.

По словам же «Поденной записки»: *Смол., Киев. и Северск. Мал. Рос. областей 57 городов по Черный лес и по Черное море.*

Россией заплачено Польше 1.500.000 польских злотых (или 187.500 рублей) и заключен в пользу Австрии оборонительный и наступательный союз. Россия обязалась также чрез посольство предложить о вступлении в сей же союз Англии, Франции, Испании, Голландии и Дании.

Мир сей утвержден присягою в *Ответной* (Посольской палате). После того послы и бояре вошли в Грановитую палату, где сидели на тронах оба царя — и перед ними был налой с евангелием. Дьяк Емельян Украинцев принял евангелие из рук царского духовника, и послы вторично присягнули. После того оба государя говорили речь и дали обещание хранить тот мир ненарушимо. Вельможи, заключившие условия, с нашей стороны были бояре: князь Вас. Вас. Голицын, Бор. Петр. Шереметев, Ив. Ив. Бутурлин, окольничие: Скуратов и Чаадаев и думный дьяк Украинцев. Голицын получил золотую чашу весом в 9 фунтов, кафтан в 500 рублей, да в Нижн. Новг. волость Богородицкую (3.000 дв.).

Вследствие сего, в следующем 1687 году были отправлены послами: в Англию — Василий Семенович Подсвинков, во Францию и Испанию — стольник ближний князь Яков Феодорович Долгорукой и стольник князь Мышецкий, к Голл. штатам — дьяк Василий Постников, в Данию — дьяк Любим Домнин, Швецию и Бранденбургию — дьяк Борис Протасов («Под. записки»). Посольства сии не имели успеха. Папа объявлен был от авст. имп. покровителем и защитником союза.

Петр продолжал между тем свои изучения и потехи. Одно из них происходило на Пресне. Петр стрелял *из всех пушек.*

Петр занимался строением крепостей и учениями. Иоанн, слабый здравием и духом, ни в какие дела не входил. Вельможи, страшась ответственности впоследствии времени, уклонились от правления — и царевна София правила государством самовластно и без противоречия.

В совете царском положено было: когда Венеция нападет на Морею, поляки на границы Подолии, Волыни, а цесарцы в Венгрии и Трансильвании вооружатся — тогда нам идти в Крым. Тут же объявлен был от Петра главнокомандующим князь Голицын. *В Большом полку* назначен начальником сей же Голицын, (? бояр.) князь Константин Щербатов, окольничий Аггей Шепелев и думный дьяк Украинцев. *В Новгор. полках:* боярин Алексей Шеин, окольничий князь Данило Борятинский. *В Рязанском разряде:* боярин князь Влад. Долгорукий, окольничий Петр Скуратов. *В Севских полках:* окольнич. Леонтий Неплюев. *В Низовых полках:* стольник Ив. Леонтьев и Вас. Дмитриев Мамонов (кн?). *В Белогородских:*

lib.pushkinskijdom.ru

бояр. Борис Шереметев и малороссийский гетман Ив. Самойлович. Генералу Гордону (под нач. Голицына) поручен был от Петра особый отряд (сколько?), из лучшего войска состоявший. Государь осмотрел его сам и изъявил Гордону свое благоволение. Армия состояла (по мнению нек.) из 40.000, (а по свидетельству двух летописей, известных Голикову, из 200.000).

Крымский поход был бесполезен для России. Войско возвратилось ни с чем, ибо степи на двести верст были выжжены татарами. Обвиняли Самойловича в тайном согласии с татарами. Он был лишен гетманства и сослан с сыном своим сперва в Нижний, а потом в Сибирь. Старший сын его казнен в Севске за возмущение. Генеральный есаул (?) Ив. Мазепа избран Мал. гетманом (1687 г.). Царевна наградила щедро князя Голицына, всех начальников и даже простых воинов. Первый получил 1,000 дворов крестьян и золотую *братину;* все офицеры получили золотые медали (каждая была в 300 черв. и осыпана алмазами); простые солдаты получили медали, старые по золотой, молодые по вызолоченной.

Сей поход принес большую пользу Австрии ибо разрушил союз, заключенный в Адрианополе между крымским ханом, французским послом и славным трансильванским принцем Текели. По сему союзу хан должен был дать 30,000 войска в помощь верховному визирю при вступлении его в Венгрию; сам же хан с таковым же числом должен был вместе с Текели напасть на Трансильванию. Франция обязывалась помогать Текели деньгами и дать ему искусных офицеров.

В летописной *Истории царя Михайла Феодоровича и его преемников* сказано, что Петр был недоволен походом, и упрекал князя Голицына в том, что он только что раздражил татар, а отступлением обнажил границы. Тогда повелено трем полкам (30,000) стать по *Белогородской черте,* под начальством боярина князя Михайла Ромодановского и думного дьяка Авраама Хитрово.

Между тем (1688 г.) янычары свергли Магомета и возвели Солимана II. Но как Польша не воспользовалась внутренними смятениями для начатия войны, то и Россия оставалась в покое.

Хан собрал меж тем войско с намерением вторгнуться в Россию. 25 января 1689 года[1] в царском совете положено его предупредить. Князь Голицын опять выступил в поход, и при впадении Самары в Днепр заложил крепость Богородицкую, по плану голландца архитектора (?). Петр в сей поход посылал своего любимца Лефорта, дабы, говорит Голиков, ведать поведение начальников. Перед его отъездом взял он себе в лакеи (несправедливо) Меншикова и записал в Потешные (см. Гол. Часть I, стран. 205).

Супруга царя Иоанна сделалась беременна: сие побудило царицу Наталью Кирилловну и приближенных бояр склонить и Петра к избранию себе супруги. Петр 27 янв. (по друг. 17) 1689 г. женился на Евдокии Феодоровне Лопухиной, и в следующем 1690 году родился несчастный Алексей.

Брак сей совершился противу воли правительницы. Петр уже чувствовал свои силы и начинал освобождаться от опеки. Прибывшего из похода князя Голицына он к себе не допустил. Царевна употребила ласки и просьбы, дабы умилостивить молодого государя, который, хотя, наконец, и допустил Голицына к руке своей, но сделал ему строгий выговор за вторичную неудачу. Царевна скрыла свое неудовольствие, ибо видела уже необходимость угождать юному царю. Молва обвиняла Голицына (а некоторые говорят, что доносы офицеров подтвердили обвинения), будто бы он был подкуплен ханом. Царевна успела выпросить у Петра согласие на награды, коими осыпала она своего любимца.

Бояре, угадывая причину сих щедрот, и видя опасность прямо приступить к удалению Голицына и к лишению власти правительницы, избрали (говорит Гол.) дальнейшую, но бесполезную к тому дорогу. Царевна стала помышлять о братоубийстве. Она стала советываться с князем Голицы-

[1] Год начинался в сентябре. <Примеч. Пушкина.>

lib.pushkinskijdom.ru

ным (раскольником, замечает Гол.), открыла ему намерение Петра заключить ее в монастырь (?). Голицын, помышлявший уже о престоле, с нею согласился во всем и на всякий случай отослал сына своего в Польшу с частию своего имения.

Но гроза уже готовилась. 8-го июля 1689 г., во время соборного крестного хода в церковь казанской богородицы, когда государи вышли из собора за крестами, тогда правительница пошла вместе с ними. Петр с гневом сказал ей, что она, как женщина, не может быть в том ходу без неприличия и позора. Царевна его не послушалась, и Петр, не дошед еще от Успенского до Архангельского собора, оставил торжество и уехал в село Коломенское, а оттоле в Преображенское.

Царевна приступила к исполнению своего умысла. Она снеслась с Щегловитым и предначертала с ним новый мятеж. Щегловитый в ночь на 5-е (по др. на 9-е) августа собирает до 600 стрельцов на *Лыков* двор (где ныне арсенал) и дерзкой речью приуготовляет их к бунту против *Петра*, который *вводит немецкие обычаи*, одевает войско в немецкое платье, имеет намерение истребить православие, а с тем и царя Иоанна и всех бояр и проч. Разъяренные стрельцы требуют, чтоб их вели в Преображенское; но двое из них, Мих. Феоктистов и Дм. Мельнов, успели прибежать прежде, и через князя Бориса Алексеевича Голицына открыли Петру весь заговор. Петр с обеими царицами, с царевной Наталией Алексеевной, с некоторыми боярами, с Гордоном, Лефортом и немногими Потешными убежал в Троицкий монастырь. Перед восходом солнца прискакал Щегловитый с убийцами, но узнав об отсутствии царя, сказал, что будто приезжал он для смены стражи и поспешил обо всем уведомить царевну. Она не смутилась и не согласилась последовать совету князя Голицына, предлагавшего ей бежать в Польшу.

Скоро все приближенные к государю особы приехали к нему в Троицкий монастырь. Оттуда послал он в Москву указ к своим боярам и иностранцам — быть немедленно к нему с их полками. 10-го явились к Петру Стремянного полка полковник Циклер и пятисотный Ларион Ульфов, да пятидесятник Ипат Ульфов, да с ними пять стрельцов с доносом на Щегловитова.

Царевна притворясь ужаснувшеюся новому мятежу, втайне однакожь старалась разжечь оный через Щегловитова. Она именем царя Иоанна не допустила исполнить требования Петра, приславшего к Иоанну стольника Ив. Велико-Гагина, *чтоб позволил царь Иоанн быть изо всех полков выборным стрельцам;* так и от себя Петр посылал в стрелецкие полки *свой государев указ*, чтоб были к нему выборные *для подлинного розыску*, и с *ними полковники, такожде и гостям и гостиной сотни посадским людям и чернослободцам* (Поденная записка). Царь Иоанн (говорит венец. ист.) дал указ под смертною казнию не отлучаться из Москвы. Мятежа однакожь не было. Царевна, видя, что приверженцы Петра час от часу становятся сильнее, прибегнула к посредничеству тетки своей царевны Татьяны Михайловны и сестер своих царевен Марфы и Марии, дабы примириться с Петром. Они прибыли к Троице и пали к стопам государевым, повторяя затверженное оправдание. Петр, их выслушав, стал доказывать преступление правительницы. Царевна Татьяна осталась с ним в монастыре, а другие две царевны, возвратясь к правительнице, объявили о неудаче своего посредничества.

София прибегнула к патриарху старец отправился к Троице. Но Петр не только его не послушал, но и дал ему знать, что сам он должен быть лишен своего сана и на место его уже назначен архимандрит Сильвестр. Патриарх задержан был в монастыре. Царевна в ужасе поехала сама, в сопровождении знатных особ, держа в руках икону Спасителеву. Но Петр, узнав, что она остановилась в селе Воздвиженском, послал к ней стольника Ив. Ив. Бутурлина сказать, что в монастырь ее не впустят, и чтоб она поехала назад. Царевна упорствовала, говоря, что она непременно хочет увидеть своего брата. Петр послал ей князя Ив. Бор. Троекурова с последним словом, что буде она не повинуется, то поступлено будет с нею нечестно. Царевна в отчаянии возвратилась в Москву.

lib.pushkinskijdom.ru

Петр вторично писал брату своему о присылке к нему выборных, а им послал опять указ, и 5-го сентября все прибыли в монастырь. Петр вышел пред них на крыльцо с царицей Натальей Кирилловной, с теткою царевной Татьяной и с патриархом, и приказал вслух читать доносы стрелецкие о злодейских умыслах Щегловитова и главных его соучастников: полковника Семена Резанова и выборных стрельцов Обросима и Никиты Гладковых, Козьмы Черного и друг. По прочтении, все предстоящие приговорили казнить осужденных.

Петр благодарил за усердие, и половину к нему прибывших послал в Москву с двумя стами солдат (Потешных?) при Б. П. Шереметеве и полковнике Нечаеве, с повелением схватить преступников, а боярам послал указ явиться к нему. Бояре поспешили повиноваться. Князь Голицын и сын его, Леонтий Неплюев и восемь окольничьих были в том же числе, но их не впустили, а велели встать на постоялых дворах и дожидаться указа. Посланные в Москву не могли отыскать Щегловитого, сокрытого самою царевною в ее тереме. Они возвратились с прочими его сообщниками. Петр послал опять за Щегловитым полковника Сергеева со ста выборными и писал брату, жалуясь на покровительство, оказываемое злодею. Царевна, видя гибель несчастного ее сообщника, велела ему *в запас* приобщиться св. таин. Сергеев прибыл и требовал от нее выдачи изменника. Правительница старалась еще его спасти, но Сергеев объявил ей, что по указу Петра будет он принужден обыскивать ее покои, а царь Иоанн через П. Ив. Прозоровского прислал сказать ей, что он не только за вора Щегловитого, но и за нее с братом своим ссориться не намерен, и приказывал ей выдать Щегловитова. София в слезах повиновалась, и вместе с изменником (гов. Гол.) выдала беспрекословное свидетельство собственной вины своей.

Щегловитый и его сообщники отданы были боярам на суд (кн. Троекурову, Бутурлину и друг.) (?). Четыре дня он ни в чем не признавался. Стали его пытать голодного, несколько дней не евшего. Щегловитый после нескольких ударов кнутом во всем признался и подал свои показания *на письме за своею рукою*. Пред сим признанием просил он, чтоб велели его накормить. Он и двое из его сообщников (?) были колесованы; прочим отрезали язык, других ссылали. Из них Обросим Петров, когда вели его на казнь, громко винился перед народом, увещевая всех научиться от его примера.

Князь Троекуров, человек умный, *ярый и строгий*, принял в ведение свое Стрелецкий приказ. А розыскные дела поручены боярину Тихону Никитичу Стрешневу.

Вскоре казнен монах Сильвестр Медведев, бывший в *Приказе татебных дел* подъячим. Он пойман был близь Смоленска, в Бизюкове монастыре.

Князь Голицын приведен был в Троицкий монастырь. Его не допустили до царя. На крыльце, в присутствии боярина Стрешнева, прочтены ему его вины, за которые он и сын его лишены боярства и имения и сосланы в недальние города. После, однако, сосланы они в Сибирь, в Пустозерск, потом переведены на Мезень, после же на Пинег, где старый князь умер, а сын его наконец прощен. Бояр. Леонтий Роман. Неплюев осужден был точно так же.

Голиков прибавляет следующие подробности и объяснения:

8-го июня (в день крест. хода) голова Стрелецкого Приказа окольничий с стр. полковниками и другими чиновниками—Оброською Петровым, Кузькою Черным, Сенькою Рязановым, Ивашкою Муромцевым, Демкою Лаврентьевым, Мишкою Чечеткою, Микиткою Евдокимовым, Егоркою Романовым — собрались и начали заговор.

Дабы озлобить стрельцов, избрали они некоего подъячего Шошина, станом и лицом схожего с бояр. Л. К. Нарышкиным. Нарядив его в боярское платье (?) и придав ему *свиту*, заставили его разъезжать по караулам, нападать на стрельцов, бить их и мучить. Шошин ломал им суставы, отсекал пальцы и, нападая в рощах на простой народ, многих бил кнутьями и палками и иным резал языки, приговаривая, что он боярин Нарышкин, и что он, мстя за братьев, шел их истребить, а сестра-де моя (Нат. Кир.) и Петр

lib.pushkinskijdom.ru

меня послушают. Стрельцы, приходя в Приказы, *являли свои раны и записывали.*

Злодеи думали умертвить государя во время пожара. Щегловитый и Обр. Петров на то и покусились. Первый приехал в Преображенское (когда?), расставил в *тайных местах* и в буераках стражу, и сам (по праву звания своего) явился к государю и, прошедши до спальни, вышел. В полночь загорелось одно строение, но вскоре было утушено; в ту же ночь пожар возобновился и снова был утушен. Люди придворные и народ возымели подозрение, целую ночь стерегли и не расходились. Заговорщики, видя свою неудачу, распустили сокрытую стражу и отправились в Москву до рассвета.

Поутру донесено о пожарах царю. Петр, еще не подозревая истины, но полагая зажигателей ворами, велел всюду расставить стрельцов Сухарева полка. Щегловитый представлял ему, что надежнее и удобнее стражу составить изо всех полков стрелецких. Но (NB) Петр на то не согласился. После были еще разные покушения. Заговорщики думали совершить цареубийство в Кр. дворце, или на дороге из Преображенск., стерегли его на пути, в Кремль вводили ночью стрельцов, которые должны были дожидаться на Лыковом и на Нитяном дворе.

Сам Щегловитый забирался иногда на верх Грановитой палаты, а другие препровождали ночи на верху церкви Распятия Христова.

Когда Петр, известясь (8-го августа) о злоумышлении, скрылся в Тр. мон., тогда бывшие настороже вестники дали знать о том Соковнину (?). Заговорщики, устрашась, распустили всех стрельцов по домам.

Петр повелел: имена приезжающих бояр (в мон.) записывать, благодаря их за усердие, и они расставили около монастыря и по московск. дороге стражу.

Царь Иоанн призывал (получив письмо от Петра) к себе Щегловитова и его сообщников, расспрашивая их о смятении. Они во всем отперлись, а доносили о злодействах Нарышкина. Иоанн им поверил, и тогда они купно с царевною просили его: *да един он царствует.* Царь с гневом ответствовал, что он брату, яко достойнейшему, самовольно уступает престол. Вы же всуе мятетесь... и повелел их, сковав, отослать в монастырь.

По привезении их, Петр повелел патриарху *допросить их по духовенству.* Они принесли повинную и отдали написанную к Софии челобитную от имени всех стрельцов о принятии ею единовластного правления. Петр сию челобитную и распросные речи за патриаршим свидетельством отослал в Москву к Иоанну.

Вины кн. Голицыных сказаны были, что они без указу великих государей имя сестры их царевны Софии Алексеевны во всех делах и посольских грамотах установили обще с именами государей писать самодержицею, и что в крымском походе пользы никакой не учинили (тут есть несообразность).

Оставалась ненаказанной главная виновница смятений, сестра обоих царей, правительница София. Петр послал ей приказ добровольно удалиться в монастырь. Царевна отклонилась от исполнения воли своего брата и готовилась бежать в Польшу. Тогда Петр послал Троекурова в Москву с повелением взять царевну и, не говоря ни слова, заключить ее в Новодевичий монастырь. Троекуров в точности исполнил приказание Петра; для виду предварительно отнеслись о том к Иоанну.

Царевна самодержавно правительствовала семь лет с половиною. На монетах и медалях изображалась она (по другую сторону царей) в короне, порфире и со скипетром с надписью: Бож. мил. в. г. цари и в. кн. И. А. П. А. и благов. гос. цар. (а иногда и царица) и в. кн. С. А. вс. вел., мал. и бел. России самодержцы. Титул сей давался ей во всех грамотах, указах и письменных делах.

Изданы во время ее правления: пищевой наказ о межевании земель, о разборах *по сортам* людей и войска, о распределении дворцовых черно-слободских мест и беломестных дворов, корчемный устав и до ста пятидесяти указов. Между сими указ, повелевающий казнить смертию лекаря, уморившего своего больного.

---

lib.pushkinskijdom.ru

7-го сентября от имени обоих царей состоялся указ, чтоб ни в каких делах имени бывшей правительницы не упоминать.

Петр выехал из монастыря и отправился в Москву. В с. Алексеевском встретили его все чины московские при бесчисленном множестве народа. Стрельцы от самого села до Москвы лежали по дороге на плахах, в коих воткнуты были топоры, и громко умоляли о помиловании. Петр въехал в Москву 10 сентября и прямо прибыл к собору. От заставы до самого собора стояло войско в ружье. Петр за спасение свое отслужил благодарственное моление. Перед ц. домом встретил его Иоанн. Оба брата обнялись, и старший, в доказательство своей невинности, уступил меньшому все правление, и до самой кончины своей (1696 г.) вел жизнь мирную и уединенную.

Отселе царствование Петра единовластное и самодержавное.

<ТРИ ОТРЫВКА ИЗ ДРУГИХ ГЛАВ.>

1703.

Посреди самого пылу войны, Петр Великий думал об основании гавани, которая открыла бы ход торговле с северозападною Европою и сообщение с образованностию. Карл XII был на высоте своей славы; удержать завоеванные места, по мнению всей Европы, казалось невозможно. Но Петр Великий положил исполнить великое намерение, и на острове, находящемся близь моря, на Неве, 16 мая заложил крепость С.-Петербург (*одной рукою заложив крепость, а другой ее защищая.* Голик.). Он разделил и тут работу. Первый болверк взял сам на себя, другой поручил Меншикову, 3-й графу Головину, 4-й Зотову (*канцлеру,* пиш. Голик.), 5-й князю Трубецкому, 6-й кравчему Нарышкину. Болверки были прозваны их именами. В крепости построена деревянная церковь во имя Петра и Павла, а близь оной, на месте, где стояла рыбачья хижина, деревянный же дворец на 9 саженях в длину и 3-х в ширину, о 2-х покоях с сенями и кухнею, с холстинными выбеленными обоями, с простой мебелью и кроватью. Домик Петра в сем виде сохраняется и поныне.

В крепости определен комендантом полковник Рен. Меншикову, как генерал-губернатору завоеванных городов и земель, поручено надзирание над новоначинавшимся. городом. Отведено место для гостинного двора, пристани, присутственных мест, адмиралтейства, государева дворца, сада и домов знатных господ. Город Нейшанц был упразднен, и жители оного переведены, и были первые петербургские поселенцы.

Петр послал Шереметева взять крепость Копорье, а генерал-маиора Ф. Вердена на под Ямы. Обе крепости вскоре сдались на капитуляцию; гарнизоны выпущены в Нарву.

Когда народ встречался с царем, то, по древнему обычаю, падал пред ним на колена. Петр Великий в Петербурге, коего грязные и болотистые улицы не были вымощены, запретил коленопреклонение, а как народ его не слушался, то Петр Великий запретил уже *сие под жестоким наказанием, дабы,* пишет Штелин, *народ ради его не марался в грязи.*

Петр ездил в Ямы и Копорье, наименовал первый Ямбургом, и повелел его укрепить. Там узнал он, что Кронюрт идет из Лифляндии с 12.000 ч., в намерении напасть на Петербург. Петр его предупредил с полками своей гвардии и 4 драгунскими, и нашед его в крепких местах у реки Сестры, прогнал его до Выборга, положив 2.000. В то же время под Ямбург подступил нарвск. ком. генерал-маиор Горн, но прогнан с уроном от Шереметева; в разных местах сверх того шведы были побиваемы.

Вслед за сим на олонецкой верфи, в присутствии Петра, заложены 6 фрегатов; отправлены к Шереметеву четыре наставления, между прочим о вымерении ладожского устья и как подымается полая вода, *понеже зело нужны и там некоторые суда.* К Апраксину писал он, чтобы *по весне исправлялся пушками* и заготовлял *сие* для кораблей, но не начинал их строить.

Из Олонца прибыл государь на новопостроенном фрегате Штандарт с 6-ю ластовыми судами в Петербург, куда вскоре пришел первый корабль

lib.pushkinskijdom.ru

голландский с товарами, напитками и солью. Обрадованный Петр велел отвести шхиперу и матросам постой в доме Меншикова; они обедали за его столом, и Петр сидел с ними (С.-Петербургские Ведомости, 1703 года, декабря 15), подарил шхиперу 500 черв., а каждому матросу 300 ефим.; второму кораблю вперед обещано тоже (300 черв. шхиперу). Товары, по приказанию государя, тотчас были раскуплены.

Петр всегда посещал корабельщиков на их судах. Они угощали его водкой, сыром и сухарями. Он обходился с ними дружески. Они являлись при его дворе, угощаемы были за его столом... Их уважали и, вероятно, не любили. (Анекдот об аладьях. Кухмистер государев звался Фелтен. Летний дворец. См. *Штелина и Голикова).*

1-го октября в третий раз Петр заключил условие с Августом, обязавшись усилить его саксонцев 12.000 пехоты, да дать 300.000 руб. Все было исполнено. Деньги посланы с обер-комиссаром кн. Дм. Голицыным.

Петр видел еще нужду в пространной гавани, в кою могли бы входить большие корабли, и крепости для прикрытия Петербурга. В октябре, когда шел уже лед, он ездил осматривать остров Котлин, лежащий в Финском заливе, в 30 верстах от Петербурга. Он выметил форватер между сим островом и мелью, против него находившеюся; на той мели, в море, определил построить крепость, а на острове сделать гавани и оные укрепить, и сам делал тому *план* и *проспект.*

Потом государь с Шереметевым отправился в Москву, оставя у Ямбурга окольничего П. Апраксина с 5-ю палками.

В Москву въехал он торжественно. По указу его были сделаны трои триумфальных ворот. Четвертые выстроил Меншиков. Потом занялся гражданским устройством государства, особенно финансами. *Доходы не составляли и 6 или 7 миллионов* (?). *Беер и другие* (?). *Щербатов.*

1709.

27 июля до восхождения солнечного, неприятель тронулся, с намерением аттаковать нашу конницу, и для того думал прежде овладеть редутами — но пушки оных от правого неприятельского крыла оторвали 6-ть батальонов пехоты и несколько десятков эскадронов конницы и понудили их уйти в лес — главная шведская армия пробивалась сквозь редуты, наша конница сбивала неприятельскую (взяв 14 штандартов и знамен). Неприятель беспрестанно подкреплял свою конницу, а нам сие делать было невозможно; предводитель оной, храбрый Рен ранен был в бок. Петр повелел Боуру (заступившему Рена) отступить справа от нашего ретраншемента, с наблюдением, чтоб гора была у него во фланге, а не назади (дабы неприятель не мог утеснить ее под гору). Боур стал отступать, а неприятель его преследовать. Тогда шведы очутились под огнем нашего укрепления, и приняты были пушками во фланг — они отступили на пушечный выстрел, и выстроились в боевом порядке.

Петр меж тем отрядил Меншикова, Гейншина и Ренцеля с 5 полками конницы и 5 батальонами пехоты, противу отступившей в лес кавалерии (от наших редутов). Неприятель был порублен. Генерал-маиор Шлипенбах сдался, а генерал-маиор Розен отступил к Полтавским апрошам.

Петр отправил Меншикова и Рейнцеля с повелением аттаковать шанцы шведские и Полтаву освободить. Меншиков наехал на 3.000 отряд (резервный), стоявший позади правого шведского крыла у леса — Меншиков их аттаковал и разбил, и возвратился к Петру, поруча Ренцелю довершить остальное.

Розен по приближению Ренцеля ушел с 3 бывшими с ним полками в свои крепости и окопы. Но русский генерал его аттаковал и Розен сдался.

Тогда Петр вывел из укрепления свою армию и выстроил ее следующим образом: корпус армии стоял в двух линиях, третью (6 полков) оставил в укреплении при генерал-маиоре Гинтере; конница стояла на крыльях на правом под командою Боура, на левом Меншикова. Артиллерией управлял генерал-поручик Брюс. 3 баталиона при полковнике Головине стояли на горе у монастыря для сообщения с городом. 6-ть полков Драгунских при

lib.pushkinskijdom.ru

генерал-маиоре Волконском—между малороссийским войском и нашим для сообщения с Скоропадским и в случае нужды для сикурса главному войску.

Петр объехал со своими генералами всю армию, поощряя солдат и офицеров, и повел их на неприятеля. Карл выступил ему навстречу; в 9-ом часу войска вступили в бой. — Дело не продолжалось и двух часов — шведы побежали. —

На месте сражения сочтено до 9234 убитыми — Голиков погибшими полагает 20.000, на 3 мили поля усеяны были трупами —Левенгаупт с остальными бежал, бросая багаж и коля своих раненых. Ушедших было до 16,000, а с людьми разного звания до 24.000.

В начале взяты в плен генерал-маиор Штакельберг и Гиментон, генерал-фельдмаршал Рейншильд, принц Виртембергский с множеством офицеров и тысяч солдат; 2.900 наших были освобождены. Пленные пригнаны в лагерь.

В Шанцах взяты шведский министр граф Пипер с тайными секретарями Цыдельгельмом и Дибеном, весь королевский кабинет с несколькими миллионами денег, весь обоз и проч.

Карл, упавши с качалки, был заблаговременно вынесен и увезен к Днепру. — Он соединился с войском своим под Переволочною — тут оставил он его и бежал в Турецкие границы с несколькими сот драбантов и с генералами Лагерскроном и Шпаром.

В Полтавское сражение король имел 31 полк, свою гвардию, лейб-драгунов, лейб-регимент и драбантов, волохов, запорожцев и мазепинских сердюков 2.000 — всего более 50.000, одних шведов до 40,000. Наших было более, но все было решено первой линией (10.000 войска). Мы потеряли бригадира Феленгейма, полковников Лова и Нечаева, 37 штаб и обер офицеров, 1.305 унтеров и рядовых. Ранены Рен, бригадир Полонский, 5 полковников, 70 штаб и обер офицеров и 3,214 унтер офицеров и рядовых.

Петр пригласил несколько генералов к себе обедать, отдал им шпаги и пил за здоровье своих учителей — шведские офицеры и солдаты также были угощены и проч.

В тот-же день послал он Гольцу приказ всячески не допускать короля соединиться с польским его войском и пресек рассылкою легких войск все дороги из Турции.

Князь Голицын и Боур преследовали бегущих. На другой день Петр послал к ним в помощь Меншикова, и занялся погребением убитых офицеров особо, рядовых в одну общую могилу. Войско стояло в строю. Полковые священники отпевали тела. Петр плакал и сам при троекратной стрельбе бросил первую горсть праха. 29-го день своих имянин, Петр угощал опять пленников, а 30-го отправился в след Меншикову и прибыл в Переволочную. Уже неприятель без бою отдался Меншикову, имевшему не более 9,000. Число сих пленных было 24,000 — Петр повелел выдать им провиант. Узнав от Левенгаупта о бегстве короля в Турцию, он отрядил бригадира Кропотова и Волконского вслед за ним по разным дорогам. Запорожцев взято в Переволочной 220; прочие разбежались, иные утонули в Днепре, не многие ушли с Мазепою. Потом Петр возвратился в Полтаву.

Меншиков пожалован в фельдмаршалы, Шереметев, Репнин, Голицын и Долгорукий и проч. деревнями; граф Головкин канцлером; барон Шафиров под-канцлером; сей-же Долгорукий и боярин Мусин-Пушкин, тайными действительными советниками. Репнин, Брюс, Рен, Аларт, Ренсель — орденами (?), штаб и обер офицеры портретами царя с алмазами, золотыми медалями — все рядовые годовым не в зачет жалованьем и серебряными медалями — иностранцам большею частию даны деньги; в том числе полтавский комендант полковник Келин — он произведен в генерал-маиоры — получил портрет с алмазами и проч.

Пленным определено содержание (?).

Запорожцы, взятые в Переволочной и явившиеся потом с повинною, (вопреки указам) были прощены — старшины отосланы были в Сибирь на поселение, а начальники обращены в поселяне.

Петр по просьбе своих генералов принял на себя чин генерал-поручика (дабы чрез чин не быть произведену.).

lib.pushkinskijdom.ru

Мазепа перешел за Днепр прежде короля. Взято пушек 22, гаубиц 2 и мортир 8. Артиллерия шведская в разных сражениях уменьшена была.

Карл прислал Мардофельда в Полтаву *под видом некоего комплимента* (Голиков) но он был задержан, ибо не имел ни письма, ни паспорта. Открылось потом, что Карл присылал его с предложением о мире, на тех условиях, кои предлагал Петр. Ему отвечали, что уже поздно — однако, отпустили с тем, чтоб за него отпущен был кто ни будь из наших знатных пленных и с новыми мирными условиями. Сей Армаред под Калишем взят был в плен и освобожден по просьбе Августа. Он имел дозволение говорить с Петром, в присутствии Шафирова, по просьбе коего отпущен Цидельгейм, дабы обще с шведским сенатом старались они о мире.

В самый день сражения Петр уведомил Апраксина и других (от 9 и 10-го июля:) о своей победе. Колычеву в Воронеж писал, чтоб он уведомил о том *товарищей* царя Косенца и Ная; в другом письме к нему же, что в Коротояк отправлены будут 3,000 шведов, и когда на *середе* начнется крепость, то бы их на работу употребить. *Апраксину* (от 9 июля): полагая что тою осенью к Выборгу приступить нельзя будет, полагает осадить Ревель, для того приказывает в Нарву из Петербурга доставить пушки и проч. — Повелевает ему достать Корелу, *ибо в оной водяной путь невозбранный* и проч.

13 июля Петр отступил от Полтавы в Решетиловку за духотою от мертвых тел и стояния двух армий. Тут повелел он пленным шведам экзерсироваться в его присутствии, предал суду изменника бригадира Мильфельса, которого и расстреляли. — Петр писал опять Колычеву о чертеже и проч., о кузнецах и проч., посылал ему и г-дам Козенцу и Наю по шпаге шведской и уведомил, что 3.000 шведов уже посланы при полковнике Нелидове. Замечательна последняя статья по резолюции на вопросы Колычева: на каждого корабельного мастера возложив по части, прибавляет он, — *кроме моей доли.* Мастера Скляева, находившегося при сражении, произвел он в капитаны (морские) — он объявляет Колычеву за тайну о будущей морской кампании, и приказывает, чтоб 4 или 5 кораблей были бы готовы.

Петр отрядил Шереметева для осады Риги, со всею пехотою и частию кавалерии — а князя Меншикова в Польшу с большею частию конницы дабы выгнать Красова и Лещинского, соединясь с Гольцом. Репнин оставлен на границе для наблюдения татар, турков и казаков. Пленных (знатных) отправил он в Москву, а простых по городам, и с Меншиковым и со многими министрами и генералами прибыл в Киев 22 июля.

Здесь он узнал Феофана Прокоповича, ректора киевских училищ. Речь его понравилась Петру и он принял его в свою особую милость. Он занемог, но не оставил своих упражнений, писал отцам убитых утешительные письма и проч. Колычеву с мастерами велел быть в Москве к декабрю и проч. Курбатову приказал, когда губернаторы и воеводы съедутся в Москву в конце года, то быть там и бурмистрам по одному человеку с города.

Петр запрещает Апраксину раззорять Финляндию, *ибо нам же придется разоренное исправлять.* надеется на мир и ходатайство Цидельгельма, повелевает погодить идти в Кореду, надеясь сам подоспеть к Ревелю — около 14 сентября быть на Нарве, оставя в Кронштоте и на Котлине 10.000 человек, в Петербурге 2 или 1.500, в Шлиссельбурге 500, в Нарве 600, в Пскове и Новгороде ничего и проч.

Апраксина с *флагманами* произвел Петр в шаут-бенахты. Петр благодарил его из Киева от 13 августа (смотр. Голик ч. III. — 131.)

Отпустя в Польшу Меншикова, Петр 15 августа выехал из Киева и 24 отобедал у Гольца. Лещинский и Красов уж бежали в Померанию. Сначала они рассеивали ложные слухи о полтавской битве; наконец, Лещинский в Померании отказался от короны. Польские вельможи отовсюду съезжались к Петру с поздравлениями. Яблонский, Дзялинский и Шука оставили Лещинского и прибегли к Августу, которого Петр объявил законным королем. Август с 14.000 саксонц. вступил в Польшу, рассея манифест, с коим отречение свое представляя не действительным яко принужденное и без согласия речи им данное, вопреки своей присяге, и объявил,

lib.pushkinskijdom.ru

что он вновь вступает в права свои, по требованию Петра и проч. Он послал Великого конюшева Фицтума к Петру, приглашал его в Торунь и повторил ту же просьбу не доехав до Кракова.

7-го сентября Петр из Люблина прибыл в местечко Сольцы и осмотрел войско Синявского. Здесь получил он третье приглашение Августа чрез Флеминга, а от Прусского короля чрез камергера фон-Калекена. Петр обещался обоим.

Петр в Сольцах к 20-му сентября велел сделать 10-ть судов, на коих весною отправился в Торунь. Конюший Фицтум и ген. фельдмар. <Флеминг> были при нем в гребцах и конвое, Вятский полк при кн. Алексее Голицыне.

Петр между прочим послал Апраксину манифесты Августа, дабы оные доставить Либкеру и Кастюртейну и проч.

Кн. Голицыну повелевает быть с войском своим к Каневу, и уведомляет, что идет вслед за Красовым гвар. подполк.

Долгорукому, чтобы он с виленских жидов доправил штрафу 20.000 еф. за то, что обещались от себя посылать шпионов и солгали; и взять под стражу 40 или 50 лучших, пока не заплатят.

Король бежал к Очакову, но его туда не впустили; русские его преследовали живо: 1., Переяславский полк Томора (:Томара?) первый нагнал его, взял в плен генерал-аудитора, ген. кр. комиссар, 3 офицер. и 60 рядов.; 2., В Велиже взято 8, убит. 30; 3., Бригадир Кропотов убил до 200, и взял 260 (в том числе ген. ауд.), 4., генерал-маиор Волконский догнал короля при Днестре. Король успел переправиться с малым числом и остальных 200 чел. были убиты, в плен взяты 4 оф. и 209 ряд., многие перетонули. Король приехал в Бендеры. Паша принял его с пушечной пальбою. На другой день король послал в Константинополь Неугебаура.

23 сентября Петр прибыл в Варшаву. Паны и между ними великий канцлер князь Радзивилл и епископ Луцкий приняли его пушечною пальбою Петр остановился в доме маршала Белинского до ночи; ночевал на реке 24-го утром в сопровождении польских вельмож отправился в Торунь.

26-го за пол-мили от сего города встретил его Август на двух *прамах*. Король при встрече с царем смутился и изменился в голосе и в лице. Петр поздравлял его, сказал ему, что прошедшего поминать не должно, что он знает, что за необходимость заставила короля поступить вопреки собственной пользы; но между тем Петр имел на себе ту самую шпагу, которую Август подарил Карлу XII. Оба государя обедали вместе на речке, и въехали в Торунь верхами при пушечной пальбе. — Все войско саксонское и *мещанское* стояло под ружьем — Петр до 5-го часа ночи пировал у короля; король, его министры и генерал с драбантами проводили его до дома, где король, дождавшись его выхода, кричал ему *виват*.

28 сентября в день Левенгауптской баталии, король обедал у Петра, пили за здравие обоих государей при пушечной пальбе из крепости и стрельбе выстроенного войска.

29-го и 30-го Петр и король занялись возобновлением союза, нарушенного Алт-Ранстадским трактатом. В Торунь приехал барон фон-Ранцов с поздравлениями и предложениями к заключению настоящего и общего союза. Петр повелел российскому министру при датском дворе князю Долгорукову заключить оный. В Торуне сверх сего заключен общий оборонительный трактат с королями прусским, польским и датским, после чего Петр и Август объявили Регенбургскому имперскому собранию, что ежели дозволено будет шведскому войску над союзниками учинить действие военное, или вступить обратно в Польшу, то Петр по праву войны будет гнать неприятеля повсюду, где только его найдет — и требовал *гарантии* всей империи.

Петр писал Апраксину, чтоб он и датский посланник дожидались его в Петербурге; жалеет, что дела задержали его в Польше, и что время для взятия Ревеля уже прошло; повелевает оному одну блокаду (без артиллерии) и подводы распустить и проч., что бригадир Кропотов при местечке Чернявцах на остальных шведов напал (между ими и 500 запорожцев) побил их и перетопил в *Пруте* и проч.

lib.pushkinskijdom.ru

Поляки противники Августа, прибегнули к ходатайству Петра. Тогда же прибыл к Августу и турецкий посол с поздравлениями и с уверениями в дружбе и в добром соседстве.

10-го сентября Петр отправился Вислою в Мариенверд, для свидания с прусским королем. Август провожал его 8 миль, до Саксонского лагеря. Петр осмотрел войско и экзерсиции. Тут принял он Бобруйского старосту Сапегу, главного мятежника, прибегнувшего к его заступлению. Он приехал по повелению Петра, обнадежив его прощением Августа. Таким образом Петр пригласил короля и со всеми его подданными.

14-го сентября Петр поехал рекою же, от Мариенверда с полу-мили. 15-го на берегу Вислы встретил его король; оба с торжеством въехали в город в одной карете и остановились в том же доме. Они обедали за церемониальным столом. На третий день заключил и четвертый союз.

19-го оба государя обедали у Меншикова. (Граф Д. в своих записках говорит: je n'ai jamais vu boire plus de vin de Hongrie[1] и рассказывает анекдот о Рене: «Ronne, Ronne, mon ami! Dans un autre pays tu ne verras pas de sitôt une excellence». Петр подарил Фредерику шпагу, которую носил он под Полтавою, и не смотря на то, что она была тяжела, длинна и неловка, король, во все время носил ее на себе. Петр на пирах умел себя воздерживать. — Долгорукий при сем случае выпросил прощение за своего родственника (мнимого Баварского посланника, смотри выше). Петр приказал присоветывать ему, не вмешиваться более в политические сплетни, за которые впредь ему так дешево не отделаться. Votre maj. — s'il'y revient peut lui faire donner le knout[2].

Петр заметил, что кнут слишком тяжкое наказание, и хотел дать почувствовать, что в России за все про все кнутом не дерут. Долгорукий говорит о умеренности и благопристойности Петра и проч.

На сем обеде король пожаловал Меншикову свой орден и предложил о сочетании царевны Анны Иоановны с герцогом Курляндским, на что Петр и соизволил.

В Мариенверд прибыл к Петру Флемин, и по молчанию его Петр догадался о причине его приезда, и сказал ему не обинуясь что быв оставлен всеми своими союзниками в самую опасную минуту не обязан он исполнять условия трактата ими же нарушенного, и что завоевания, им одним совершенные, ни с кем делить он не намерен, а всего менее с Августом и республикою. Дело шло о обещании Петра возвратить Польше Лифляндские города, некогда ей принадлежавшие.

Петр меж тем предписал генерал-маиору Ностицу выбить шведский гарнизон из Ельбинга и город занять, а Меншикову расположиться на границе венгерской на зиму.

23 октября Петр отправился к Риге сухим путем. Вперед для угощения на станциях отправлен чрезвычайный посланник Кейзерлинг, два маиора и комиссар. Петр поехал на Прейсмарк, Бартен, Штейн, Отнюргенц, Инстербург.

29 октября Петр прибыл на польскую границу, где свирепствовала *моровая язва,* почему Петр принужден был делать большие объезды. С дороги писал он к русским начальникам о предосторожности противу язвы и легкомыслия поляков (письма Петра к Ушакову в декабре), об отправлении пленных к Серпухову (для торжественного въезда в Москву и проч. и проч.).

6 ноября Петр прибыл в Митаву. Чины курляндские встретили его за городом, дворянство и городские бурмистры все верхами. Петр въехал в город верхом.

9-го ноября прибыл он под Ригу, в лагерь Шереметева. — Около города все укрепленные посты были заняты; крепость же обершанец на западном берегу Двины была укреплена снова (шведы хотели было при его приближении оную разорить, но не успели) и названа Питершанец.

---

[1] Я никогда еще не видел, чтобы пили столько венгерского.

[2] Ваше величество, если он примется за прежнее может приказать отстегать его кнутом.

lib.pushkinskijdom.ru

Петр осмотрел все, 11-го ноября при себе велел поставить мортиры на кетели, и сам бросил первые три бомбы, первая упала на кирку св. Петра, другая на болверг, третья в купеческий дом, потом с Шереметевым, с польским сенатором Троцким, воеводой Огинским осматривал крепости; при проезде его мимо ветряных мельниц шведы выстрелили по нем из пушек. Петр повелел держать город в тесной осаде, а иначе не добывать, потому что время уже позднее, что гарнизон велик, а крепость способна к сильной обороне, и что спешить нечего, ибо нет ни малой опасности от шведов, а помощи быть не откуда. Потом Петр отправился в Петербург, заезжая во все завоеванные города и везде установил порядок.

Шереметев поручил осаду Репнину с 7.000 войсками, а сам на зиму расположился в Митаве. В декабре уехал он в Москву.

23 ноября Петр прибыл в Петербург и занялся гражданскими делами.

В погребение странных и пришельцев заложил он церковь св. Самсона, и повелел другую заложить и в Полтаве, во имя Петра и Павла и того же Самсона. Он дал указ о поспешности строений городских и увеселительных своих домов и садов; а знатному дворянству о каменных домах *по планц*, также и пристаней и магазинов на островах С.-Петербурга и Котлине. Он своими руками заложил 54 пушечный корабль «Полтава» и 7-го декабря поехал в Москву, дождаться Меншикова в селе Коломенском и также и поляков и пленных; учредил порядок, торжественного выезда на подобие римских триумфов и 21-го вошел в Москву при пушечной пальбе, колокольном звоне, барабанном бое, военной музыке и восклицании наконец с ним примиренного народа: Здравствуй, государь, отец наш.

18 декабря родилась царевна Елисавета Петровна.

1725.

1-го января Феофан говорил проповедь в присутствии Петра Великого.

1-го же издан указ о снятии лишних караулов.

Король испанский Филипп V заключил торговый союз с императором австрийским Карлом VI и женил Дона-Карлоса на эрцгерцогине Марии-Терезии.

Георгий I был недоволен. Он подозревал тайные статьи в пользу претендента. Франция завидовала выгодам торговым Австрии.

Фридерик-Вильгельм неохотно платил Австрии магдебургские пошлины. Отселе ганноверский договор, оборонительный.

Франция и Англия обязались поддерживать права на Бергское наследство короля прусского.

Швеция, Дания и Голландия приступили к тому же союзу.

Австрия вступила в союз с Россиею. Петр начал переговоры с Пруссией...

Петр послал в Архангельск корабельному мастеру Баженову приказ строить три корабля груландских, 3 бота и 18 шлюбок.

Он назначил *Беринга* (капитана) для открытия пути в Восточную Индию через Ледовитый океан. Петр получил известие от Матюшкина.

Шамхал, собрав 30.000 войск, осадил крепость Св. Креста. Генерал-маиор Кропотов его разбил и землю его разорил. Петр уничтожил звание шамхала (см. Ежем. Сочин. 1760. 11—38 etc.).

Петр (по свидетельству Катофора) на Иордане простудился и занемог горячкою.

Петр повелел сало, юфть, воск etc. в чужие края сухим путем не возить.

Издан полицейский указ о продаже съестных припасов.

О размещении солдат, где есть пустые строения в городах.

Объяснен указ о утайке душ.

О сборах.

16-го января Петр начал чувствовать предсмертные муки. Он кричал от рези.

Он близь своей спальни повелел поставить церковь походную.

22-го исповедывался и причастился.

lib.pushkinskijdom.ru

Все петербургские врачи собрались у государя. Они молчали; но все видели отчаянное состояние Петра. Он уже не имел силы кричать и только стонал, испуская мочу.

При нем дежурили три — четыре сенатора.

25-го сошлись во дворец весь сенат, весь генералитет, члены всех коллегий, все гвардейские и морские офицеры, весь синод и знатное духовенство.

Церкви были отворены: в них молились за здравие умирающего государя, народ толпился перед дворцом.

Екатерина то рыдала, то вздыхала, то падала в обморок; она не отходила от постели Петра, и не шла спать, как только по его приказанию.

Петр царевен не пустил к себе. Кажется, при смерти помирился он с виновною супругой.

26-го утром Петр повелел освободить всех преступников, сосланных на каторгу (кроме 2-х первых пунктов и убийц), для здравия государя.

Тогда же им дан указ о рыбе и клее (казенные товары).

К вечеру ему стало хуже. Его миропомазали.

27-го дан указ о прощении не явившимся дворянам на смотр. Осужденных на смерть по артикулу по делам военной коллегии (кроме etc.) простить — дабы молили они о здравии государевом.

Тогда-то Петр потребовал бумаги и перо и начертал несколько слов неявственных, из коих разобрать можно было только сии *отдайте все*... перо выпало из рук его. Он велел призвать к себе царевну Анну, дабы ей продиктовать... Она вошла — но он уже не мог ничего говорить.

Архиерей псковский и тверской и архимандрит Чудова монастыря стали его увещевать. Петр оживился — показал знак, чтобы они его приподняли, и возведши очи вверх, произнес засохлым языком и невнятным голосом: *сие едино жажду мою утоляет; сие едино услаждает меня.*

Увещевающий стал говорить ему о милосердии божием беспредельном. Петр повторил несколько раз: *верую* и *уповаю.*

Увещевающий прочел над них причастную молитву: верую, господи, и исповедую, яко ты еси и прочее. Петр произнес: верую, господи, и исповедую; верую, господи: помози моему неверию, и *сие все, что весьма дивно* (сказано в рукописи свидетеля), *с умилением, лицо к веселию елико мог устроевая говорил; по сем вамолк*...

Присутствующие начали с ним прощаться. Он приветствовал всех тихим взором; потом произнес с усилием *после*... Все вышли, повинуясь в последний раз его воле.

Он уже не сказал ничего. 15 часов мучился он, стонал, беспрестанно дергая правую свою руку — левая была уже в параличе. Увещевающий от него не отходил. Петр слушал его и несколько раз силился перекреститься.

Троицкий архимандрит предложил ему еще раз причаститься. Петр в знак согласия приподнял руку, его причастили опять. Петр казался в памяти до 4 часа ночи. Тогда начал он охладевать и не показывал уже признаков жизни. Тверской архиерей на ухо ему продолжал свои увещевания и молитвы об отходящих. Петр перестал стонать, дыхание остановилось; в 6 часов утра 28-го января Петр умер на руках Екатерины.

Екатерина провозглашена императрицей. (Велением Меншикова, помощью Феофана и тайного советника Макарова).

В тот же день обнародован манифест.

Полкам в Петербурге роздано жалованье. Генерал-маиор Дмитриев-Мамонов послан в Москву к сенатору графу Матвееву.

2-го февраля напечатана присяга и разослана по всему государству.

Труп государя вскрыли и бальзамировали. Сняли с него гипсовую маску.

Тело положено в меньшую залу. 30-го января народ допущен к его руке.

4-го марта скончалась 6-летняя царевна Наталия Петровна. Гроб ее поставлен в той же зале.

8-го марта возвещено народу погребение. Через два дня оное совершилось. См. Голикова.

15-го декабря <1835 г.>

lib.pushkinskijdom.ru

<ОТДЕЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ.>

1672—1689.

1. Иеромонах Симеон Полоцкий и иеромонах же Дмитрий (впоследствии св. ростовский митрополит) занимались при дворе Алексея Михайловича астрологическими наблюдениями и предсказаниями.

2. Петр с немногими потешными убежал в Троицкую лавру. Голдон говорит: без штанов.

1697.

3. Во время путешествия в Берлин с посольством, государь однажды в пьянстве выхватил шпагу против Лефорта и просил потом у него прощения.

4. В Амстердаме посетил он и зазорные дома (. . . . . .) с их садами.

1698.

5. Петр, отправляясь в Англию, Лефорта оставил в Амстердаме и, расставаясь с ним, плакал, вероятно будучи пьян.

1698—1700.

6. Петр в начале своего путешествия узнал о неспокойствии стрельцов, но он продолжал свой путь, готовясь к ужасному предприятию.

Генералы, думая устрашить стрельцов, повелели стрелять выше головы; попы закричали, что сам бог не допускает оружию еретическому вредить православным. Начались казни... Лефорт старался укротить рассвирипевшего царя.

[Тогда же (1699) состоялся указ — всем русским подданным, кроме крестьян и духовных, брить бороду и носить платье немецкое: сперва венгерское, а потом мужескому полу верхнее — саксонское и французское, а нижнее и камзолы — немецкие (с ботфортами), женскому полу — (немецкое). С ослушных брать пеню в воротах (московских улиц) с пеших 40 к., с конных 2 р. Запрещено было купцам продавать, а портным шить русское платье, под наказанием (каким?)].

1706.

7. Петр Меншикову писал, что в Петербурге было наводнение, и проч. Кланяется всем, как оружие носящим, так и иглу имеющим (Екатерине).

1707.

8. Петр в Петербурге женился в ноябре, в соборной церкви св. Троицы, на Екатерине, мариенбургской....., бывшей замужем за шведским трубачем, потом.... <*не разобрано*> Шереметева и Меншикова.

Екатерина родилась 16 апреля 1688 года. Варшавский указ о недозвании бить челом — отменен.

1709.

9. В Мариенверде Петр виделся с прусским королем. Петр не пьянствовал, умел себя воздержать.

1711.

10. У князя Меншикова на фейерверке на щите надпись: «Иде же правда, там и помощь божия», однако бог помог не нам.

1713.

11. Повелел новгородскому губернатору Корсакову, чтобы все дворяне были к 1-му декабрю к смотру, под опасением лишения чести и живота. С похмелья, видно.

1714.

12. В Риге: смотри истинный анекдот о мощах девицы Ф. Грот.

13. В сие же время издан тиранский указ о запрещении во всем государстве каменного строения под страхом конфискации и ссылки.

lib.pushkinskijdom.ru

1715.

14. Петр опять издал один из своих жестоких указов: он повелел приготовлять юфть новым способом, по обыкновению своему за ослушание угрожая кнутом и каторгою.

В Хиву посланцем и шпионом послан был Бекович.

1718.

15. Приказывает юфть для обуви делать не с дегтем, а с ворванным салом, под страхом конфискаций и галер, как обыкновенно кончаются хозяйственные указы Петра.

16. a) Царевича женил на принцессе Вольфенбительской. Она, кажется, изменила мужу с молодым Левенвольдом. Царевич разлюбил и взял себе в наложницы чухонку.

b) Оппозиция вся была на стороне царевича; духовенство, гонимое протестантом царем, обращало на него все свои надежды. Петр ненавидел сына, как препятствие настоящее и будущего разрушителя его создания.

c) Царевна запутывает Дубровского и Нарышкина.

d) Другое дело озлобило Петра: супруга его Евдокия в связи с Глебовым.

e) Царица высечена и отвезена в Новую Ладогу.

f) Петр хвастался своею жестокостью.

g) Царевич отпирался; пытка развязала ему язык; он показал на себя новые вины и наговаривал, устрашенный сильным отцом и изнеможенный истязаниями.

h) При приговоре духовенство, как бабушка, сказало на-двое.

i) Царевич умер отравленный.

k) Есть предание: в день смерти царевича торжествующий Меншиков увез царя в Ораниенбаум и там возобновил оргии страшного 1698 года.

l) Указ — запрещается бедным просить милостыню — жестокий, тиранский, как обыкновенно.

1719.

17. a) Скончался царевич и наследник Петр Петрович: смерть сия сломила наконец железную душу Петра.

b) 1-го июня Петр занемог (с похмелья).

1721.

18. Достойна удивления разность между государственными учреждениями Петра Великого и временными его указами. Первые суть плоды ума обширного, исполненного доброжелательства и мудрости, вторые нередко жестоки, своенравны и, кажется, писаны кнутом. Первые были для вечности, или по крайней мере для будущего, — вторые вырвались у нетерпеливого самовластного помещика.

NB (Это внести в Историю Петра, обдумав.).

19. По учреждении синода, духовенство поднесло Петру просьбу о назначении патриарха; тогда-то (по свидетельству современников графа Бестужева и барона Черкасова) Петр, ударив себя в грудь и обнажив кортик, сказал: «Вот вам патриарх!».

20. Сенат и синод подносят ему титул отца отечества, всероссийского императора и Петра Великого. Петр недолго церемонился и принял их.

21. Сенат (т.-е. 8 стариков) прокричали vivat — Петр ответил речью, гораздо более приличной и рассудительной, чем это все торжество.

22. Указ о возвращении родителям деревень и проч., принадлежащих им и невинным их детям, также и о платеже заимодавцам. NB. Сей закон справедлив и милостив, но факт, из коего он проистекает, сам по себе несправедливость и жестокость. От гнилого корня отпрыск живой.

1722.

23. Петр был гневен. Дворяне не явились на смотр. Издал указ, превосходящий варварством все прежние.

24. Манифест о праве наследства, т.-е. уничтожил всякую законность в порядке наследства, а отдал престол на произволение самодержца.

lib.pushkinskijdom.ru

25. Указ: предоставляется на волю помещиков строить новые усадьбы для солдат или разместить их по избам. Но и тут закорючка своевольства и варварства.

26. Петр обрезал волосы, из них сделал парик, ныне видимый на его статуе.

1723.

27. Петр предал суду Меншикова и Шафирова; последнего за то, что при всем сенате разругал . . . . . обер-прокурора.

28. Малороссияне, оскорбленные в своих правах учреждением Малороссийской канцелярии, прислали к Петру депутатов. Петр посадил их в крепость.

29. Указ: в церквах деньги собирать в два кошелька в разные пения: для царя и для богадельни.

1724.

30. При установлении синода (для задобрения монахов) возвратил он духовенству управление имениями.

31. Указ синоду о монашестве; Петр сим указом превратил монастыри мужские в военные госпитали, монахов в лазаретных служителей, а монахинь в прядильниц, швей и кружевниц.

(Выписал для них мастериц из Брабанта).

32. 1-го мая назначено торжество коронации (Екатерины). Накануне Меншиков подал просьбу государю о отпуске повинных штрафов, чрез руки (Екатерины). Петр согласился на все.

33. Камергер Монс де Лакроа и сестра его Балк были казнены. Монс потерял голову, сестра его высечена кнутом, два ее сына камергер и паж разжалованы в солдаты. Императрица, бывшая в тайной связи с Монсом, не смела за Монса просить; она просила за его сестру. Петр был неумолим. Оправдалась ли Екатерина в глазах грозного супруга? По крайней мере, ревность и подозрение терзали его. Он повез ее около эшафота, на котором торчала голова несчастного; он перестал с нею говорить — доступ к нему был ей запрещен; один только раз, по просьбе любимой его дочери Елисаветы, согласился отобедать с той, которая в течение 20 лет была неразлучною его подругою.

1725.

34. 22-го января Петр на смертном одре не имел силы кричать, а только стонал, испуская мочу.

35. Петр царевен не пустил к себе; кажется, при смерти помирился он с виновною супругою.

<ЗАМЕТКИ ПРИ ЧТЕНИИ ВВЕДЕНИЯ К «ДЕЯНИЯМ ПЕТРА ВЕЛИКОГО» ГОЛИКОВА.>

Голиков. Введение.

Philipp Johann von Stralenbergs nord und östlicher Theil von Europa und Asien Stokholm 1730.

Штраленберг говорит о двух сторонах существующих в России, за и против Петра I. Оппозиция негодует

1) на возведение на высокие степени людей из ниского звания, без различия с дворянами.

2) что государь окружил себя молодыми людьми, также без разбору.

3) что дозволяет им осменвать бояр, наблюдающих старые обычаи,

4) что офицеров, выслужившихся из солдат, допускает к своему столу и с ними *фамильярно* обходится (в том числе, Лефорт).

5) Что сыновей боярских посылает в чужие края для обучения художествам, ремеслам и наукам, недостойным дворянского звания,

6) что записывает их в солдаты и употребляет во всякие работы.

7) что дал князю Ромадановскому власть неограниченную. Всё сие бояре почитали истреблением знатных родов, унижением дворянства и безнравственностию. Прочие причины негодования суть:

1) Истребление стрельцов.

lib.pushkinskijdom.ru

2) Учреждение тайной канцелярии.

3) Данное холопьям дозволение доносить на господ, укрывающихся от службы — и описывание их имения в пользу доносителей.

4) Новые разорительные подати.

5) Построение С.-Петербурга, чищение рек и строение каналов.

6) Военные суды, жестокость и невежество судей.

7) Отменение в определениях и приговорах изречения: государь указал, а бояре приговорили. Следствием сей меры было, говорит Штр. то, что никто не смел государю говорить правды.

8) Славление христа о святках государя и первых бояр, ругательство веры, училище пьянства.

9) Принуждение, чинимое купцам товары привозить в П. Б. и торговые казенные караваны в Пекин — разорительные для торговли.

10) Перемену русского платья, бритье бород, немецкие обычаи, иностранцы — причины мятежей и кровопролития.

11) Суд над царевичем.

Густав Ваза узнал, что королева Елисавета прислала п. Ивану Васильевичу пушки в подарок, жаловался ей на то. На большом сейме в Любеке 1563 году определено не впускать в Россию корабельных мастеров, что ими было исполнено, когда до 300 художников и мастеров прибыли было в Любек морем. Герберштей был того-же мнения.

Особы, доставившие важнейшие сведения Голикову, были: Д. Т. Сов. Сенат. и кав. Ив. Ив. Неплюев, адмиралы Алексей Ив. Нагаев, Сем. Ив. Мордвинов, Ив. Лукьянович Талызин, комиссар Крекшин, и московские купцы Сериков, Евреинов, Полупрославцев и Ситников и олонецкий куп. Барсуков. Незнамые Голикову люди, на которых он, однако, ссылается, суть: превосх<одительные> господа *граф* Андр. Ив. Ушаков, Фед. Ив. Соймонов, барон Ив. Ант. Черкасов и Абр. Петр. Ганнибал.

Князь Ромадановский был истинный бич горделивости боярской.

Святки праздновались до 7 января. Петр одевал знатнейших бояр в старинные платья и возил их по разным домам *под разными именами (?)*. Их потчивали по обычаю вином и водкою и принуждали пьянствовать, а молодые любимцы приговаривали: пейте, пейте, — старые обычаи лучше ведь новых.

«И как поехал от Вас, не знаю; понеже зело удоволен был Бахусовым даром. Того для всех прошу, если кому нанес досаду, прощения, а паче от тех, которые при прощании были да *не напаметуют*, всяк сей случай и проч.» (Письмо Петра к гр. Апраксину.)

За посылание молодых людей в чужие края, старики роптали, что гос. отдалял их от православия, научал их басурманскому еретичеству. Жены молодых людей, отправленных, *за море*, надели траур (синее платье) *(Фамильное предание)*.

Народ почитал Петра Антихристом.

Подати при Петре:

1) Пошлины со всяких товаров, с дров, сена, всякого хлеба, и других съестных припасов, *со всего* продаваемого в городах на ярманках и торжках, во владельческих и монастырских селах и деревнях, с весов и мер, с мельниц, мостов и перевозов, с рыбных ловель, с ульев и меду, с пустошей, с лавок и шалашей, с бань торговых и домашних, с варения пив и других питьев, с извощиков, с найму работников, с постоялых дворов, с лошадей и с пригоняемого в Москву скота на продажу, с трески — рыбы (ловимой в Кольском уезде) и проч.

lib.pushkinskijdom.ru

2) Пошлина со всяких крепостей, с явки (за явление) духовных и отпускных, с подачи челобитен исковых и явочных, с записки и *печатания* (печати), и всяких сделок, договоров, писем (заемных) и всяких сделок, с венечных памятей, свадеб иноверческих и со вновь введенной герб. бумаги.

3) Сбор денег на содерж. войска с тех кои прежде обязаны были служить, с жалованных поместий, и сбор с губерний на флот и армию.

4) *Подушная*, (перепись генеральная государству) по 80 коп., потом по 70 с однодворцев и купцов и по 1 р. 20 коп. Иностранцы, торгующие в Сибири, сравнены в оброке с русскими.

5) Сбор для Ладожского канала.

6) Сбор *временный* с хлебопашцев по 1 четверику с двора, а *единожды* с души. (на магазины).

7) Сбор на один год со всех получающих жалование от фельдмаршала до солдата, и от министра до подъячего — также и с духовных, состоящих на жаловании (кроме иностранцев, служащих по контрактам и без контракта).

Примеч. Голикова:

Большая часть сих податей уже существовала, иные взимались не для государя — четверть хлеба была от 25 до 30 коп.;

С венечной памяти взымалось по 25 коп.

Рыбий клей и икра, соболи, ревень, поташ, смольчуг и табак были казенной монополией.

Первыми пользовалось духовенство.

Соболями сибирское начальство, чиновники и купцы (продавались в сибирском приказе).

Поташ и смольчуг были губительны для лесов.

Доходы питейные, соленые и таможенные издревле принадлежали казне. — Петр пресек кормчество, воровство в сольных промыслах, поташный провоз etc. Он умножил доходы отпуском в Европу, в Персию и Китай — казенных товаров.

Петр заключает мир со Швецией, не сделав ни копейки долгу, платит Швеции 2,000,000 р., прощает государственные долги и недоимки, и персидскую войну оканчивает без новых налогов (с пошлиной на получающих жалование). По смерти своей оставляет до 7,000,000 р. сбереженной суммы.

Годовой расход его двора не превосходил 60,000.

Петр I когда призывал купца Мейера в сенат, то всегда приказывал ставить для него стул.

Петр замышлял о соединении Черного моря с Каспийским — и предпринял уже ту работу.

Отпуск в Пекин казенных караванов принес пользу русским купцам, ибо китайцы дешевле покупали товары на нашей границе, чем в Пекине от комиссаров казенных. Купцы наши с тех пор сами стали ездить в Пекин.

Петр, получив от Апраксина *слишком учтивое письмо* (пишет Голиков) отвечал, что он сомневается к нему-ли оно писано; *ибо оно с вельными чинами, чего де я не люблю и ты знаешь как к компании своей писать.* В другом письме запрещает он ему слово *величество.*

В деяниях стоглавого собора (при царе Ив. Вас. в 7059 г.) между прочим: «Творящие брадобритие не навидимы от бога, создавшего нас по

lib.pushkinskijdom.ru

образу своему» — Далее *правило св. апостолов:* «Аще кто браду брест и преставится тихо, недостоит над ним петь, ни просфоры, ни свещи по нем в церковь приносите, с неверными да причтется» etc. *(Обличение неправды раскольничей. 1745 г.).*

Царевич Алексей Петрович родился 1690 г. февр. 29. До 699 находился он при матери своей царице Евдокии Федоровне, когда была она заключена в Суздальский монастырь. Суеверные мамы и приставники ожесточили его противу отца, а духовные особы, при обучении его православию, встретили в нем ненависть к нововведениям. При чтении священных книг останавливали его при некоторых текстах, выводя разные из оных политические заключения. Петр до самого того времени не имел времени им заняться. По истреблении же стрельцов и заключении царицы, обратил он на него свое внимание, и приставил к нему двух господ Нарышкиных, ошибочно полагая их к себе приверженными. В 1701 году Петр назначил Меншикова обер-гофмейстером к царевичу, а гофмейстером министра своего ст. и воен. сов. фон Гизена (или Гуйсена). Сей Гизен написал историю Петра I-го, но не кончил оной. Петр дал ему письменную инструкцию (от 3 апр. 1703 г.) чему должен он обучать царевича; между тем ожесточенный отрок выучился только притворствовать. Потом Петр произвел его сержантом гвардии, брал его с собою в походы. В разных сражениях, при взятии Ноттенбурга, Шлиссельбурга, Копорья, Ямбурга, и Нарвы царевич находился при нем, но в безопасности. Он сопровождал отца во время его путешествий в Польшу, в Архангельск etc. Петр употреблял его и в государственных делах, а перед турецким походом поручил ему и главное правление.

Государь после казни ростовского архиерея Досифея, отправился в П. Б. Занялся учреждением коллегий, определил в сенат генерал- и обер-прокуроров, издал указ о строении домов, печей, труб и кровель, безденежно роздал П. Б. жителям парусные и гребные суда, и установил по праздничным и *повсенедельным* дням *экзерсиции* на воде. По вскрытии Невы занялся он еще более флотом и корабельными работами, беспрестанно разъезжал из П. Б. в Кронштадт и обратно — Все полагали, что дело царевича кончено и предано забвению. Вдруг оно возобновилось. *Пойманы были* письма, и у некоторых найдены в платьях, и Петр велел снова начать следствие.

Петр простил многих знатных преступников, пригласил их к своему столу и пушечной пальбою праздновал с ними свое примирение (Ломоносов).

Петр звал к себе Лейбница и Вольфа, первому пожаловал почетный титул и пенсию. Лейбниц уговорил славного законоведца и математика Голдбиха Христиана приехать в Россию.

Иеромонах Симеон Полоцкий и иеромонах-же Димитрий (в последствии св. ростовский митрополит) занимались при дворе Алексия Михайловича астрологическими наблюдениями и предсказаниями. Первый из них пророк за 9 месяцев до рождения Петра славные его деяния, и письменно утвердил, что «по явившейся близ Марса пресветлой звезды он ясно видел и как бы в книге читал, что зачеснийся в утробе царицы Наталии Кирилловны сын его, (царя) назовется Петром, что наследует престол его, и будет таким героем, что в славе с ним никто из современников сравниться не может» и проч.

Сохранилась при академии наук и имп. библиотеке переписка двух ученых; один бывший тогда в Москве посланником соединенных Нидерланских генеральных штатов Николай Гейнзиус пишет в Утрехт Иоанну Георгию Гревиусу от 1 июня 1672 о рождении царевича, и о предречениях. Гревиус от 9 апр. 1673 отвечает следующим письмом: (том I введение, стр. 135). В самый день рождения Петра, Людовик XIV перешел через

lib.pushkinskijdom.ru

Рейн, а Турецкий султан через Днестр и первый завоевал 4 провинции соедин. Нидерландов, а второй Подолию и Каменец.

Астроном Лекссель, член П. Б. Акад. Наук исследовал, было ли во время рождения Петра или за 9 мес. до оного какое нибудь небесное необыкновенное явление «пресветлой звезды близ Марса (правда) не оказалось, но прочее планет течение было весьма благополучным предзнаменованием».

При императрице Анне Иоановне, академик Крафт был должностным ее астрологом. Сохранилось в календаре 1730 года его предсказание о вскрытии Невы 9-го апреля, (что и сбылось.)

<ПЛАН ВВЕДЕНИЯ В «ИСТОРИЮ ПЕТРА ВЕЛИКОГО»>

ОЧЕРК ВВЕДЕНИЯ.

Введение — Россия извне
Россия внутри
Подати
Торговля
Военная сила
Дворянство
Народы
Законы
Просвещение
Дух времени

---

§ 1

Россия, долго терзаемая междуусобиями и притесняемая хищными соседями, отдыхала под управлением Романовых.[1]

Отношения России 1) к Швеции и Польше
» » 2) к Турции
» » 3) к прочей Европе

1) Склонна к Польше уже обессиленной, неприязнена к Швеции усиливающейся час от часу.

2) Смотрит осторожно на Турцию, опасается влияния оной на Запорожье и Украину —

3) Прочей Европе начинает быть известна, а для Австрии нужна, как достойная соперница Турции.

§ 2

Россия разделена на воеводства, управляемые боярами
Бояре беспечные
Их дьяки алчные
Народ:

Правосудие отдаленное, в руках дьяков.
Подати многотяжкие и неопределенные.
Беспорядок в сборе оных.
Пошлины, и таможни внутренние.
а) притеснения
в) воровство

Внешняя торговля:
а) Архангельская в младенчестве
в) Персидская
с) Волга

---

[1] Далее несколько слов не дописано: *Михаил Феод. заключил* etc., *Алекс. Мих. прикавал* etc., *Феодор пекся о подтверждении успехов и о внутреннем улучшении* etc.

lib.pushkinskijdom.ru

Военная сила начинала получать регулярное образование
Стрельцы, казаки, образ войны и вооружения.
Законы, более обычаи, нежели законы — неопределены, судьи безграмотны, дьяки плуты,
Нравы дикие, свирепые etc.
Просвещение развивается со времен Бориса; правительство впереди народа; любит иноземцев и печется
о науках. Духовенство. Его критический дух.

КАМЧАТСКИЕ ДЕЛА.

(От 1694 до 1740 года).

1 <ЗАМЕТКИ ПРИ ЧТЕНИИ «ОПИСАНИЯ ЗЕМЛИ КАМЧАТКИ» С. П. КРАШЕНИННИКОВА.>

§ 1. Сибирь была уже населена от Лены к востоку до Анадырска, по рекам, впадающим в Ледовитое море.

Прикащики имели поручение проведовать о новых народах и землях и приводить их в подданство.

Пенжинские и Олюторские коряки были объясачены *(кем?)*, от них узнали о существовании Камчатки. Оленные коряки *паче* о том известили.

§ 2. Первый из русских, посетивших Камчатку был Федот Алексеев; по его имени Накул р. называется Федотовщиною.

Он пошел из устья *Колымы* Ледовитым морем в 7 кочах, занесен он был на реку Камчатку, где он и зимовал; на другое (?) лето обошел он (?) <Курильскую> Лопатку, и на реке Тигиле убит от коряк.

§ 3. Служивый Семен Дежнев в отписке своей потдверждает сие с некоторыми изменениями: он показывает, что Федот, будучи разнесен с ним погодою, выброшен *на берег в передний конец за реку Анадырь*. В этой отписке сказано, что в 7162 (1654) ходил он возле моря в поход и отбил у коряк якутку бывшую любовницу Федота, которая сказывала, что Федот с одним служивым умер от цынги, что товарищи его побиты, а другие спаслися в лодки и уплыли неведомо куда. Развалины зимовья на р. Никуле видимы еще были в 1730 году.

§ 4. *Крашенинников* полагает, что Федот погиб не на Тигиле, а меж Анадыром и Олюторским, следуя от Тигиля обратно к Анадырску морем или сушею по Олюторскому берегу.

§ 5. В 7203 (1695) Владимир Атласов прислан был от якутского прикащика (из Якутска) в Анадырский острог сбирать ясак с присудных (приписных) к Анадырску коряк и юкагирей.

§ 6. В следующий 204 <год> Атласов послал к *Апушским* корякам Луку Морозку с шестнадцатью человеками за ясаком. Оный Морозка не дошел до Камчатки токмо 4 днями. Взял он между тем Камчатский острожек и в *Погроме* получил неведомо какие письма, которые и представил Атласову.

§ 7. Атласов, взяв с собою шестьдесят человек служивых, да столько же юкагирей, отправился на следующий 1697 год, после ясачного сбору, на Камчатку. Он оставил в Анадырске тридцать восемь человек казаков (с ним, следственно, было всего сто человек казаков).

§ 8. Атласов *ласкою* склонил к ясачному платежу Акланский, Каменный и Усть-Таловский острожки — да один взял с бою и потом (пишет он) 1-го февраля 1697 г. пошел в Олюторскую землю.

§ 9. Словесное предание гласит, что он разделил свой отряд на двое — Морозку послал на Восточное море, а сам пошел к Пенжинскому.

§ 10. Юкагиры (шестьдесят человек) изменили ему на Полане. Произошло сражение. Три казака были убиты. Атласов и еще пятнадцать человек ранены. Казаки их отбили и без них продолжали свой поход к югу.

§ 11. Оба отряда соединились на Тигиле и собрали ясак с народов, живущих по рекам: Напане, Тигилю, Иче, Сиунче и Харыузовой. До Каланской (?) не дошли за 3 дня. По словесному преданию, Атласов дошел де реки Нынгичу (Голыгиной) за три дня от реки Игдыг (Озерной). — NB. Бобры звались *каланами* и на той реке промышлялись.

lib.pushkinskijdom.ru

§ 12. На реке Иче Атласов взял у камчадалов пленника японца (Узакинского ?).

§ 13. От реки Голыгиной Атласов пошел обратно тою же дорогою до реки Ичи, потом перешел на Камчатку, построил Верхний Камчатский острог и, оставя в нем казака Потапа Серюкова, отправился в Якутск, куда и прибыл в 7208 году (1700) июля 2-го.

§ 14. Из Якутска отправился он в Москву с японским пленником и с ясачной казною, собранной им на Камчатке (см. IV — 194).

§ 15. Атласов за свою службу пожалован в Москве *кавачьим головою по городу Якутску*, и велено ему снова ехать на Камчатку, набрав на казачью службу сто человек в Тобольске, в Енисейске и в Якутске из казацких детей. Сверх того снабжен он в Москве и Тобольске малыми пушками, пищалями, свинцом и порохом. В Тобольске дано ему полковое знамя, барабанщик и сиповщик.

§ 16. Но в следующем 1701 году Атласов, едучи из Тобольска по реке Тунгузке, разбил *дощаник* с китайскими товарами гостя Логина Добрынина. По его челобитью, Атласов с десятью товарищами посажен в тюрьму; а на его место в Камчатку, отправлен ц<аре>м казак Михайло Зиновьев бывалый на Камчатке (сказано в отписке) еще прежде Атласова (с Морозкою?).

§ 17. Три года спустя, после выезда Атласова, на Камчатку приехал сын боярский Тимофей Кобелев, первый камчатский *прикащик*. Потап Серюков, оставленный Атласовым в Верхнем Остроге, не сбирал ясак и торговал мирно с камчадалами. По прибытии Кобелева, сдал он ему начальство и со своими людьми отправился обратно в Анадырск; но коряки их не допустили и умертвили всех.

§ 18. В бытность свою на Камчатке Т. Кобелев перенес Верхний Острог на реку Кали-Кыг, да построил зимовье на Елавке. Ясак же сбирал *повольный* по реке Камчатке и по морям Пенжинскому и Бобровому и в 1704 году прибыл с ясачною казною в Якутск.

§ 19. Кобелева сменил Зиновьев и правил Камчаткою с 1703 до 1704 г. Он завел первый ясачные книги и поименно стал вписывать камчадал. Зимовья Нижние камчатские перенес на Ключи; построил острог на Большой реке; перевел служивых людей (по их просьбе) из Укинских зимовий на Камчатку и, учредя во всем некоторый порядок, возвратился в Якутск с ясаком.

§ 20. Осенью 1704 года приехал его сменить пятидесятник Василий Колесов. Он *сидел на приказе* по апрель 1706 года. При нем был первый поход в *Курильскую землицу*, и человек двадцать курильцев *объясачены*, прочие разбежались.

§ 21. На смену ему послан был еще в 1704 г. якутский сын боярский Вас. Протапопов, да казак Вас. Шелковников; но не доехали, и от олюторов убиты на пути с десятью человеками служивых.

§ 22. В конце августа 1706 года сидячие коряки, Косухина острожка (около реки Пенжины) близь Усть-Таловки, умышляли нападение на Колесова; но он о том был уведомлен от *сидячих же коряков* другого (Акланского) острожка, им соседнего. — И он прибыл в Якутск благополучно.

§ 23. На Акланском острожке жил он пятнадцать недель, ожидая зимнего пути. Здесь застал он семь казаков, оставшихся после Шелковникова с подарочной и пороховою казною, посланной в камчатские остроги. Колесов отправил их туда, дав им двадцать одного человека из своего отряда и назнача им в начальники Семена Ломаева, которому поручил он и сбор ясака во всех трех острогах.

§ 24. Косухинские коряки и некоторые другие покушались паки напасть на Колесова, но до того не допущены.

§ 25. После Колесова были *закащиками* на Камчатке в Верхнем Остроге — Федор Анкудимов, в Нижнем — Федор Ярыгин, а в Большерецком — Дмитрий Ярыгин. При них взбунтовались большерецкие камчадалы. Острог казачий сожгли, а казаков всех побили. На Бобровом море тогда же убит ясачный сборщик с пятью человеками.

lib.pushkinskijdom.ru

§ 26. Причиною возмущения полагает Крашенинников притеснения от казаков, мысль, что русские люди беглые (isolés), коих легко перевесть, и надежду на коряков и олюторов в непропуске русских из Анадырска, ибо смерть Протопопова и Шелковникова до них дошла.

§ 27. Казаки были в малолюдстве и принуждены были быть осторожны. Они до времени оставили изменников в покое. Они дали знать о том однако ж в Якутск (?). Печальные сии известия заставили правительство вспомнить об Атласове; он был освобожден и отправлен на Камчатку. Ему возвратили преимущества, данные ему в Москве от сибирского приказа в 1701 году. Ему дана полная власть над казаками (кнут и батожье). Велено прежние вины заслуживать, обид никому не чинить, и противу иноземцев строгости не употреблять, коли можно обойтись ласкою. За преступление наказа объявлена ему смертная казнь.

§ 28. Но Атласов не доехал еще и до Анадырска, как уже все почти казаки послали на него челобитные, выведенные из терпения его самовластием и жестокостию. Однако ж он благополучно прибыл в Камчатку в июле 1707 года и от *закащиков* вместе с ясачною казною принял и начальство над Острогами. У Атласова было 2 пушки.

§ 29. Немедленно, в августе того же года, Атласов отправил на Бобровое море семьдесят человек казаков под начальством Ивана Таратина, для наказания убийц ясачных сборщиков. Поход их продолжался до 27-го ноября. От Верхнего Острога до Авачи они шли без сопротивления; но близь Авачинской губы на ночлеге, впервые встретили их камчадалы. Врагов было до 800. Произошло сражение. Камчадалы были разогнаны; у казаков убито шесть человек. Камчадалов в плен взято три человека; чрез них собран ясак (IV — 200). После того Татарин возвратился в Верхний Острог с ясаком и с заложниками.

§ 30. Избалованные потворством своих начальников, казаки не могли вынести сурового управления Атласова. В декабре 1707 года они взбунтовались, отрешили его от начальства, а в оправдание свое написали в Якутск длинные жалобы на обиды и преступления, учиненные Атласовым (см. IV — 201).

§ 31. Бунтовщики на место Атласова выбрали Верхнего Острога прикащика Семена Ломаева (см. выше). Атласов посажен в *кавенку* (в тюрьму), и пожитки его взяты ими в *казну*. (Сколько—см. 203).

§ 32. Атласов бежал из тюрьмы и явился в Нижний Камчатский Острог. Он потребовал от закащика Фед. Ярыгина сдачи начальства; тот не согласился, но оставил Атласова на воле.

§ 33. Якутская *канцелярия* (?), между тем, получа еще с дороги посланные челобитные, отправила обо всем донесение в Москву, а на место Атласова послала в Камчатку прикащиком сына боярского Петра Чирикова с пятьюдесятью человеками рядовых при пятидесятнике и с четырьмя десятниками. Снаряду дано ему две пушки медные, сто ядер, пять пуд. свинцу, восемь пуд. пороху. — Между тем, в январе 1709 г. в канцелярии получено известие о самовольном отрешении Атласова от начальства. Из Якутска, вслед за Чириковым, отправлена *указная память*, чтобы он по делу сему учинил следствие и прислал оное на рассмотрение в Якутск с *выборным* Сем. Ломаевым; также и сборную казну за 1707, 708 и 709 годы.

§ 34. Оная указная память в Анадырске Чирикова уже не застала и за малолюдством к нему оттуда не отправлена.

§ 35. Дорога была не безопасна. По Олюторскому и Пенженскому морю пути были заняты. 20-го июля 1709 г. олюторы дерзнули днем напасть на Чирикова, убили десять человек служивых и бывшего при казне сына боярского Ивана Панютина, казну и военные запасы разграбили и остальных держали три дня в осаде, на пустом месте. Наконец, 24-го июля, Чириков пробился и рассеял дикарей, потеряв двух человек.

§ 36. Чириков, прибыв на Камчатку, принял начальство; он отрядил на Большую реку пятидесятника Ивана Харитонова с сорока казаками для усмирения дикарей. Но оные собрались в великом множестве, напали на

lib.pushkinskijdom.ru

казаков, восемь человек убили, почти всех остальных переранили; четыре недели держали их в осаде, от которой спаслись они бегством.

§ 37. Чириков сам с пятидесятью казаками ходил к Бобровому морю, к Японской Бусе (?). Японцы полонены были мирными камчадалами, жившими близь той Бусы. Дикари, увидев казаков, разбежались по лесу, оставя японцев, которые им и выручены. В том походе усмирил он дикарей от Жупановой реки до Островной и наложил снова на них ясак.

§ 38. В августе (?) прибыл на смену Чирикова пятидесятник Осип Миронов, отправленный *по выбору* из Якутска в 40 человеках. Таким образом собрались на Камчатке три прикащика: Атласов, законно неотрешенный, Чириков и Миронов (он же и Липин).

§ 39. Чириков сдал Миронову Верхний Камчатский Острог, а сам в октябре поплыл в Нижний Камчатский — *ботами* со своими служивыми. Он намеревался там перезимовать и оттоле отправиться с казною Пенженским морем. Миронов 6-го декабря отправился из Верхнего Острога в Нижний для наряду казаков к судовому строению и препровождению ясачной казны.

§ 40. Исправя свое дело, Миронов обратно ехал в Верхний Острог, вместе с Чириковым. 23-го января 1711 г. на дороге был он зарезан от казаков. Злодеи думали убить и Чирикова, но по просьбе его дали ему время покаяться, а сами, в числе тридцати одного человека, поехали обратно в Нижний Камчатский Острог, дабы убить Атласова. Не доехав за полверсты, отправили они трех казаков к нему с письмом, предписав им убить его, когда станет он его читать. Но они застали его спящим и зарезали. Так погиб камчатский Ермак!

§ 41. Бунтовщики вступили в Острог и, разделясь на трое, стали на три двора, по десяти человек вместе. Главные из них были: *Данило Анцыфоров да Иван Козыревский.* Бунтовщики расхитили пожитки убитых прикащиков, завели *круги* стали выносить знамя, умножились до семидесяти пяти человек, выбрали атаманом Анцыфорова, Козыревского есаулом; с Тигиля привезли пожитки Атласова, им отправленные туда, дабы везти их Пенженским морем, расхитили съестные припасы, паруса и снасти, заготовленные для морского пути от Миронова, и уехали в Верхний Острог, а Чирикова бросили скованного в пролуб, марта 20-го 1711 года.

§ 42. 17-го апреля 1711 года подали они в Верхний Острог для отсылки во Якутск *повинную челобитную*, в которой об Атласове умолчено, а Чириков и Миронов обвинены обыкновенным образом (см. IV — 207). Бунтовщики извинялись дальним расстоянием, и что-де прикащики не допустили бы челобитчиков до Якутска. Опись взятого добра на артель представили тут же с большою невинностию.

§ 43. Между тем думали они заслужить свои вины. Весною отправились они из Верхнего Острога на Большую реку. В начале апреля они взяли Камчатский Острожек, между реками Быстрою и Гольцовскою (где ныне Русский Большерецкий Острог). Они там и засели, и жили до конца мая.

§ 44. 22-го мая приплыло к оному острожку множество камчадалов и курильцев и осадили казаков с криком и угрозами. 23-го казаки, отслужа молебен (с ними был архимандрит Мартиан от Филофея, митрополита тобольского и сибирского, в 1705 году отправленный в Камчатку, для проповедания слова божия), выслали половину своих людей на вылазку. Сражение продолжалось до вечера. Казаки одолели, потеряв три человека убитыми. Дикарей убито и потоплено столько, что Большая река запрудилась их трупами. После сей победы все Большерецкие острожки покорились и стали ясак платить по прежнему.

§ 45. После того ходили бунтовщики в Курильскую землицу и были за проливом на первом Кур. острову и жителей обложили впервые ясаком.

§ 46. В том же 1711 году приехал на Камчатку Василий Севастьянов (он же и Щепеткой) на смену Миронова, не ведая ничего о убиении трех прикащиков. Севастьянов стал собирать ясак в Нижнем и Верхнем Остроге. Бунтовщик Анцыфоров, узнав о его прибытии, сам приехал к нему в Нижний Острог, с ясачной казною, собранной им в Большерецком. Сева-

lib.pushkinskijdom.ru

стьянов не осмелился ни посадить его в тюрьму, ни чинить над ним следствие. Он отправил его снова сборщиком на Большую реку. Анцыфоров на обратном пути привел в повиновение дикарей, живущих по Пенжинскому морю и рекам Конпаковой и Воровской.

§ 47. В феврале 1712 года Анцыфоров был убит от авачинских камчадалов. Узнав о его скором прибытии на Авачу, устроили они пространный балаган с тайными тройными подъемными дверями. Они приняли его с честию, лаской и обещаниями; дали ему несколько аманатов из лучших своих людей и отвели ему балаган. На другую ночь они сожгли его. Перед зажжением балагана, они приподняли двери и звали своих аманатов, дабы те скорее побросались вон. Несчастные отвечали, что они скованы и не могут трогаться, но приказывали своим товарищам жечь балаган и их не щитать, только бы сгорели казаки.

Так погиб храбрый Анцыфоров, может быть, предупредя заслуженную казнь и оставя по себе громкую память и пословицу (см. IV — 210): «На Камчатке проживешь здорово семь лет, что ни сделаешь; а семь лет проживет, кому бог велит».

§ 48. Ободренный смертью Анцыфорова, Щепоткой послал нарочных в Верхний Острог, чтоб словить убийц трех прикащиков. Один был схвачен, привезен в Нижний Острог и в пытке показал, что Анцыфоров имел намерение умертвить Щепеткого, разбить оба острога, разграбить казну и бежать на острова, где и хотел поселиться со своими единомышленниками. Анцыфоров думал привести в действие свое намерение, когда приезжал в Нижний Острог с ясачным сбором, но отложил оное, быв в слишком малолюдстве.

§ 49. В 1712 году июня 8-го Щепеткой, оставя в Верхнем Остроге закащиком Козырева, а в Нижнем Фед. Ярыгина, отправился по Олюторскому морю до Олюторской реки. Не дошед за два дня до *Глотова жилья*, по причине мелкости и быстроты рек, оградился он, по недостатку в лесе, земляными юртами. Олюторы ежедневно на него нападали. Он послал в Анадырск, требуя подвод и помощи; и сам с осьмидесятью четырьмя человеками оставался в своем остроге до 9-го января 1713 года. Шестьдесят человек и несколько оленных подвод, наконец, к нему прибыли, и ясачный сбор довезен до Якутска в январе 1714 г.; Оного сбора казна не получала с самого 1707. Он состоял в 332 сорока соболей, 3,282 лисиц красных, 7 бурых, 41 сиводущетых, да 259 морских бобров.

§ 50. Вскоре после отъезда Щепеткого закащик Верхнего Острога, Квергызов (Козырев?) приплыл на ботах в Нижний Острог, овладел оным, мучил Фед. Ярыгина, свинцовыми кистенями, да *ключем* вертел ему голову, а других людей на дыбу подымал (также и тамошнего попа). Ярыгина принудил *постричься* в монахи, сдал острог казаку Богдану Канашеву, а сам, подговоря 18 человек нижне-шантальцев, возвратился в Верхний Острог.

§ 51. 10-го сентября 1712 г. прибыл на Камчатку Василий Колесов, уже бывший там прикащиком, и из казацких пятидесятников пожалованный дворянином по московскому списку. Он из Якутска отправлен был на смену Севастьянову в 1711 г. и дорогою получил указ о розыске над убийцами трех прикащиков. По прибытии своем он казнил двух человек смертию, других торговою казнию. Иван Козыревский, по смерти Анцыфорова бывший в Большерецком Остроге прикащиком, высечен плетьми; но Кыргызов не пошел под суд к Колесову, острога своего ему не сдал и с 90 человеками, при пушках, приехал к Нижнему Острогу, грозясь его разорить; в это самое время большерецкие казаки приехали туда с повинною.

§ 52. Колесов, опасаясь, чтоб обе сии стороны не соединились, запретил было ехать всем им в острог. Но Киргизов не послушался, поехал со всеми своими людьми, стал содержать крепкий караул днем и ночью. Он требовал от Колесова, чтоб сей дал ему указ идти на проведывание острова Карагинского, а между тем подговаривал нижнешантальских казаков. Не успев ни в том, ни в другом, возвратился он в Верхний Острог. Казаки его разделили-

lib.pushkinskijdom.ru

лись на две стороны, не видя надежды сделать суда и мимо Нижнего проплыть в море. Киргизова посадили в казенку. Колесов (в 1713) принял Верхний Острог, Киргизова с главными сообщниками казнил смертию, других кнутом; послушные служивые пожалованы в *конные казаки*, а закащики в дети боярские. Козыревского, с 55 казаками и двумя пушками, послал Колесов на Большую реку строить суда и заслуживать свои вины, *проведывая* новых островов и Японского царства.

§ 53. Козыревский исполнил сие поручение. Он привел в ясак жителей Курильской лопатки, покорил первые два Курильские острова и привез Колесову известие о торговле сих островов с купцами города Матмая (IV — 214).

§ 54. Колесова в 1713 сменил дворянин Иван Енисейский. Он заложил церковь на Ключах. Туда перенесен и Нижний Острог, ибо прежнее место окружено болотами и водою понимается. Новый сей острог и с церковью сожжен в 1731 году, во время Камчатского бунта.

§ 55. При нем был поход на авачинских дикарей, некогда изменою убивших Анцыфорова. Их осадили в их остроге и две недели держали в осаде; камчадалы отразили храбро два приступа. Наконец были сожжены и перерезаны. Противу них было сто двадцать казаков, до ста пятидесяти покоренных дикарей. Также взят был приступом камчатский острожек Паратун. С того времени авачинские камчадалы стали платить ясак ежегодный, а не повольный, как то было прежде.

§ 56. Енисейский весною 1714 г. отправился вместе с Колесовым на судах по Олюторскому морю. Оба везли свой ясак. В августе дошли они до реки Олюторской благополучно. Там встретили они дворянина Афанасия Петрова, который разбил олюторов и, разоря их острог *Большой посад*, строил Олюторский острог. При нем было много анадырских казаков и юкагирей. Здесь они осеневали, и зимним путем все три дворяне отправились вместе в Якутск (см. ясак их IV — 216).

§ 57. Юкагиры, бывшие при Афанасии Петрове, сильно на него негодовали за обиды и притеснения. Он их не отпускал на их промыслы, брал их в подводы под камчатскую казну, хотя по указу должен был брать коряцкие подводы и проч. Декабря 2-го, не доходя до Акланского Острога, они его убили на Таловской вершине и казну разграбили. Колесов и Енисейский спаслися в Акланский острог и шестнадцать человек. Но юкагиры их осадили и угрозами принудили коряков их умертвить. Казна досталась не токмо дикарям, но и нашим казакам, ибо юкагиры торговали с ними, меняя соболей и лисиц на китайский табак. Таким образом пятидесятник Алексей Петриковский наменял, между прочим, 20 сороков соболей (которые с него в казну и отправлены, когда стали доискивать разграбленный ясак).

§ 58. Коряки Пенжинского моря *уговорены* и в ясак приведены уже в 1720 г. якутским дворянином Степаном Трифоновым. По убиении же трех дворян намерены они были напасть на Анадырск и подговаривали к тому чукчей.

§ 59. После того казну через Анадырск уже не высылали, а проведан морской путь в Охотск, а путь через Анадырск совсем оставлен, кроме посылок с письмами. На той дороге с 1703 г. погибло до двухсот русских. Морской путь открыт в 1715 г. якутским казаком Козьмою Соколовым, отправленным от полковника Якова Елчина, при управлении Алексея Петриковского.

§ 60. Петриковский, назначенный в прикащики, превзошел всех своих предшественников в жадности и лютости. Один из казаков замучен им в вилах до смерти. Казаки, по наущению Козьмы Соколова, посадили его в тюрьму и взяли пожитки его в казну. Они превосходили казну, собранную в два года со всей Камчатки (IV—219).

§ 61. Беспокойства между туземцами были незначительны (IV—220).[1]

§ 71. Петриковского сменил Козьма Вежливцов, после сего приехал из Анадырска в прикащики Козьма Григорьев Камкин. В 1718 г. из Якутска прибыли три прикащика: Иван Уваровский (в Нижний), Ив. Поротов

[1] Текст заметок, составивших §§ 62 по 71, до нас не дошел. *Ред.*

lib.pushkinskijdom.ru

(в Верхний) и Василий Кочанов (в Большерецкий острог). Сей последний свержен был казаками и на полгода посажен в тюрьму. Он бежал. Мятежники взяты в Тобольск и наказаны.

§ 72. Прикащиков сменил 1719 г. дворянин Иван Харитонов. Он ходил на сидячих коряков, на Паллан-реку, и там убит изменниками. Казаки его успели спастись и сожгли убийц в их юрте.

§ 73. Прикащики приезжали ежегодно; возмущений от дикарей важных не было. Камчадалы били по два, по три человека сборщиков в Курилах и на Аваче.

§ 74. В 1720 году описывали Курильские острова *навигаторы*, Иван Еврейнов и Федор Лузин, и доезжали почти до Матмая.

§ 75. В 1728 г. была *первая* Камчатская академическая экспедиция, и возвратилась в Петербург в 1730.

§ 76. Наконец, в 1729 прибыла в Камчатку *партия* при капитане Дмитрии Павлуцком и якутском казачьем голове Афанасии Шестакове (убитом от чукочь в 1730). (Смотри наказ, им данный, IV—222).

§ 77. В том же 1729 пятидесятник Штанников взят под стражу за убиение японцев, бурею занесенных на камчатские берега (см. пространную повесть о том IV — 222 в прим.).

§ 78. В 1730 сбирал ясак на Камчатке служивый Иван Новогородов, а в 1731 пятидесятник Михаил Шехурдин, главные причины бунта Камчатского.

§ 79. Открытие пути через Пенжинское море имело важное следствие для Камчатки. Суда с казаками приходили ежегодно; экспедиции следовали одна за другою. Дикари не смели возмущаться. Когда же капитан Беринг отбыл в Охотск, а партия поплыла к Анадырю, дабы соединиться там с Павлуцким и итти на немирных чукчей, тогда камчадалы решились исполнить давние свои замыслы.

§ 80. Во всю зиму нижнешантальские, ключевские и еловские камчадалы разъезжали будто бы в гости по всей Камчатке, уговаривая и приуготовляя всех к общему возмущению. По убиению Шестакова распустили они слух, что чукчи идут на Камчатку войною, усыпляя тем подозрение казаков. Они намерены были у морских гаваней учредить караулы, приезжих служивых принимать ласково, а дорогою убивать изменнически, и всеми мерами до Анадырска известий не допускать.

§ 81. Главный начальник бунта был еловский таион Фед. Харчин, да дядя его Голгочь, ключевский таион.

§ 82. Последний прикащик камчатский Шехурдин выехал с ясаком благополучно; партия близь устья Камчатки взгрузилась на судно и вышла в море для похода к Анадырску. Камчадалы, бывшие у ней в подводах, не дождавшись ее отбытия, поспешили дать знать бунтующим таионам, дожидавшимся на ключах. 20-го июля 1731 г. камчадалы на ботах устремились вверх по Камчатке, бия казаков, зажигая летовья, забирая баб и детей и проч. Харчин и Голгочь прибыли немедленно в острог (Нижний) и зажгли попов двор с намерением приманить на пожар казаков, как охотников, что им и удалось. Все казаки с женами и детьми были перерезаны. Все домы сожжены, кроме церкви и крепости, где хранилось имение русских; немногие спаслись и приехали на устье Камчатки.

§ 83. К счастию, партия еще стояла, за нечаянно восставшим противным ветром. Поход к Анадырску был остановлен. Надлежало удержать завоеванное, прежде нежели думать о новых завоеваниях.

§ 84. Между тем ключевский есаул Чегечь, оставшийся у моря, узнав от русских беглецов о взятии острога, поспешил туда со своими людьми, побивая всех встречных казаков, и объявил Харчину, что партия в море еще не ушла. Мятежники испугались, они засели во взятом остроге и дали знать вверх по Камчатке, чтобы все жители съезжались к ним в завоеванный острог. Но они сделать того не успели.

§ 85. Они вкруг острога сделали каменную стену, разобрав церковную трапезу, разделили между собою казачьи пожитки, нарядились в их платья, иные в женские, другие в поповские. Стали плясать, шаманить и объедаться.

lib.pushkinskijdom.ru

Новокрещенный Фед. Харчин призвал Савина, новокрещенного грамотея, надел на него поповские ризы и велел ему петь молебен, за что и подарил ему тридцать лисиц *(Смотри* IV — 229).

§ 86. Командир партии, штурман Яков Генс, отправил 21-го июля шестьдесят человек к взятому острогу, обещая прощение и приказывая покориться. Бунтовщики не послушались. Харчин кричал им со стены «я здесь прикащик, я сам буду ясак собирать; вы, казаки, здесь не нужны».

§ 87. Казаки послали к Генсу за пушками. Получив оные, 26-го июля начали они стрелять по острогу; вскоре оказались проломы; осажденные стали робеть, и пленные казачки начали убегать из острога. Харчин, видя невозможность защищаться, оделся в женское платье и бежал.

§ 88. За ним пустилась погоня; но он так резво бегал, что мог достигать оленей. Его не догнали.

§ 89. После того человек тридцать сдались. Прочие были перестреляны. Чегечь оборонялся храбро. От стрельбы во время приступа загорелась пороховая казна; острог, кроме одной церкви, обращен был в пепел. Все камчадалы погибли, не спаслись и те, которые сдались. Ожесточенные казаки всех перекололи. Русских убито четыре человека на приступе. Церковь, по отбытии русских, сожжена камчадалами.

§ 90. Камчадалы Камакова острожка готовы были пристать к Харчину (всего сто человек); к счастию, партия не дала им на то времени. Малолюдные острожки непременно последовали бы их примеру.

§ 91. Харчин соединился с другими таионами и был готов плыть к морю дать бой *со служивыми*. Но при реке *Ключевке*, при самом его выступлении, встречен он был *партиею*. Произошло сражение. Он отступил на высокое место по левую сторону Ключевки. Казаки стали по правой.

§ 92. Харчин думал сперва угрозами принудить партию возвратиться в море, но потом, стоя у реки, пустился в переговоры. Харчин потребовал одного аманата и пошел в стан казачий. Он обещался привести в повиновение сродников своих и подчиненных. Его обласкали и отпустили назад. Но он прислал сказать, что сродники его на то не согласились. Брат Харчина и таион Товачь остались с казаками.

§ 93. На другой день Харчин, пришед к реке, потребовал опять аманатов и допущение к новым переговорам. Казаки на то согласились. Но когда он переехал к ним, они его схватили, а своим аманатам, плывшим с камчадалами в лодке, закричали, чтоб они побросались в реку; между тем, чтоб их не закололи, прицелились к камчадалам ружьями. Те разбежались, аманаты спаслись. Камчадалы рассеяны двумя пушечными выстрелами. Верхоеловский таион Тигиль побежал со своим родом к вершинам Еловским, ключевской таион Голгочь — вверх по Камчатке, прочие — по другим местам; но казаки их преследовали и всех истребили. Тигиль долго сопротивлялся, перекололся своих жен и детей и сам себя умертвил. Голгочь убит от своих за то, что он разорял их острожки на реках Шаниной и Козыревской, когда они не хотели пристать к его бунту.

§ 94. Между тем вся Камчатка восстала. Дикари стали соединяться, убивать повсюду русских, лаской и угрозою вовлекая в возмущение соседей; казаки острогов Верхнего и Большерецкого ходили по Пежинскому морю, поражая всюду мятежников. Наконец соединилась с ними команда из Нижнего острога. Они пошли на Авачу противу трех сот тамошних мятежников и, разоря их укрепленные острожки, насытясь убийством, обремененные добычею, возвратились на свои места.

§ 95. Якутского полку маиор Мерлин прибыл вскоре на Камчатку. Он и Павлуцкий жили там до 1739 года. Они построили Нижний Камчатский острог ниже устья Ратуги. Им поручено следствие. Иван Новогородов, Андрей Штанников и Сапожников повешены, также и человек шесть камчадалов. Прочие казаки высечены, что кнутом, кто плетьми. Камчадалы, *бывшие у них в крепостной неволе*, отпущены на волю, и впредь запрещено их кабалить.

§ 96. До царствования императрицы Елисаветы Петровны не было и ста человек крещеных.

<20 января 1837>

lib.pushkinskijdom.ru

<ПЛАН И НАБРОСОК НАЧАЛА СТАТЬИ О ЗАВОЕВАНИИ КАМЧАТКИ.>

Сибирь уже была покорена. Прикащики услыхали о Камчатке и сме<ло...>

Описание Камчатки. — Жители оной. — Федот кочевщик. — Атласов, завоеватель Камчатки.

Завоевание Сибири постепенно совершалось [в течение целого столетия]. Уже все от Лены до Анадыри реки, впадающие в Ледовитое море, были открыты казаками, и дикие племена, живущие на их берегах или кочующие по тундрам северным, были уже покорены смелыми сподвижниками Ермака. Явились смельчаки, сквозь неимоверные препятствия и опасности устремившиеся посреди враждебных и диких племен, приводили их под высокую царскую руку, налагали на них ясак и бесстрашно селились между ими в своих деревянных острожках.

<1837>.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ И ВЫПИСКИ.

1. <МНЕНИЕ МИТРОПОЛИТА ПЛАТОНА>.

Мнение митрополита Платона о Дмитрии *Самозванце* будто бы воспитанном у Езуитов удивительно детское и романическое. Всякой был годен чтоб разыграть эту роль: доказательство: после смерти Отрепьева, Тушинской Вор и проч. Езуиты довольно были умны, чтоб знать природу человеческую и невежество русского народа.

6 июля 1831.

2. <ЗАМЕТКИ ПО ИСТОРИИ УКРАИНЫ.>

<I.>

Sous le nom d'Ukraine ou de *Petite Russie* l'on entend une grande étendue de terrain réuni au colosse de la Russie et qui comprend les gouvernements de Tchernigov, Kiov, Harkov, Poltava et Kamenetz-Podolsk.

Le climat y est doux, la terre féconde, elle est boisée vers l'occident au midi s'étendent ces plaines immenses traversées par de larges rivières et où le voyageur ne rencontre ni bois ni colline.

Les Slaves ont de tout temps habité cette vaste contrée. Les villes de Kiov, Tchernigov et Lubetch sont aussi anciennes que Novgorod-Veliki, ville libre et commersante, dont la fondation remonte aux premiers siècles de notre ère.

Les Polanes habitaient les bords du Dniepre, les Severiens et les Soulitchs les bords de la Disna, de la Seme et du Soula, les Radimitchs sur les rivages de la Soge, les Drégovitchs entre la Dvina occidentale et le Pripete, les Dreyliens en Volynie; les Bouges et les Doulebes sur le Boug; les Loutitchs et les Tiverces à l'embouchure du Dniestre et du Danube.

Vers le milien du 9 siècle Novgorod fut conquise par les Normands, connus sous les noms de Varègues-Rousses Ces hardis aventuriers portèrent plus loin leur invasion, subjuguèrent tour à tour les peuplades qui habitaient les bords du Dniepre, du Boug, de la Disna. Les différentes peuplades Slaves qui adoptèrent le nom de Russes, grossirent l'armée de leurs vainqueurs. Ils s'emparèrent de Kiov où Oleg établit le siège de sa dominatian. Les Varègues-Rousses se rendirent terribles au Bas-Empire et plus d'une fois leur flotte barbare vint menacer la riche et faible Byzance Ne pouvant les repousser par la force des armes elle se flatte de les attacher au joug de la réligion: l'évangile fut prêché aux sauvages adorateurs de Peroune, et Vladimir subit le bartême. Ses sujets adoptèrent avec une stupide indifférence la réligion que préférait leur Chef.

Les Russes devenus formidables aux peuples les plus éloignés étaitent toujours en butte aux invasions de leurs voisins les Bolgares, les Petchenegues et les Polovtsi. Vladimir partagea entre ses fils les conquêtes de ses ancêtres.

Ces princes dans leurs apanages étaient des délégués du souverain, chargés de contenir les émeutes et de repousser l'ennemi. Ce n'était pas là, comme on voit, le gouvernement féodal, système basé sur l'indépendance des individus et le droit égal au butin.

lib.pushkinskijdom.ru

Mais bientôt les rivalités et les guerres éclatèrent et pendant plus de deux cents ans durèrent sans interruption. La résidence du souverain fut transportée dans la ville de Vladimir. Tchernigov et Kiov perdirent peu à peu leur importance. Cependant d'autres villes s'élevèrent au midi de la Russie: Korsoune et Boguslave sur la Rossi (gouvernement de Kiov), Starodoub sur le Babentza (gouv. de Tchernigov), Strezk et Vostrezk (gouv. de Tchernigov), Tripol (près de Kiov), Loubny et Chorol (gouv. de Poltaya); Prilouk (gouvernement de Poltava), Novgorod-Seversky (gouv. de Tchernigov). Toutes ces villes existaient déjà vers la fin du XIII siècle.

Tandis que les petits fils de Vladimir le tyran se disputaient entre eux son héritage, et que les peuplades guerrières qui habitaient à l'Est de Mer Noire venaient servir d'auxiliaires aux uns et partager les dépouilles des autres—un fléau inattendu vint frapper les princes et les peuples de la Russie.

Les Tartares se présentèrent aux frontières de la Russie; ils étaient précédés de ces mêmes Polovtsi qui chassés de leurs pâturages se refugiaient en foule auprès des princes qu'ils avaient tour à tour servis et dépouillés. Les princes s'assemdlèrent à Kiov; la guerre y fut résolue; la multitude accourut de toute part et se rangea sous leurs drapeaux. Georges, grand prince de Vladimir fut le seul qui ne voulut pas prendre sa part des dangers de cette expédition. L'affaiblissement des apanages était les fruits qu'il en attendait.

L'armée des princes réunie aux Polovtsi s'avança contre un ennemi inconnu et déjà redoutable. Des envoyés Tartares parurent sur les bords du Dnièpre au moment où l'armée Russe en effectuait le passage. Ils proposèrent aux princes l'alliance contre les Polovtsi; mais ceux-ci usèrent de leur influence et les envoyés furent égorgés. L'armée avançait toujours; cependant les dissentions ne tardèrent pas à s'y élever. Les deux Mstislav, le prince de Kiov et celui de Galitz, en vinrent à une rupture ouverte. Arrivé sur les bords du Kalka (rivière du gouvernement de Iekaterinoslav) Mstislav de Galitz le passa avec ses troupes, tandis que le reste de l'armée sous la conduite du prince de Kiov se retrancha sur le bord opposé. Le lendemain (31 mai 1224) l'ennemi parut — et la bataille s'engagea entre l'armée Tartare et le corps avancé composé des troupes du prince de Galitz et des Polovtsi. Ceux-ci plièrent d'abord et portèrent le désorde dans les rangs des Russes. Ceux-ci combattaient encore, animés par l'exemple du brave Daniel de Volynie, mais l'orgueil insensé des princes fut cause de leurs perte; Mstislav de Kiov n'envoya pas de secours au prince de Galitz et celui ne voulut pas en demander.

Bientôt tout fut en déroute, les Polovtsi en fuyant tuaient les Russes pour les dépouiller à la hâte. Les Russes repassèrent le Kalka poursuivis par les Tartares et dépassèrent le camp du prince de Kiov, qui, spectateur immobile de leur défaite, comptait encore sur ses propres forces pour repousser les vainqueurs qui bientôt l'entourèrent. Les Tartares entamèrent une négotiation à la faveur de laquelle ils s'emparèrent du camp. Le carnage fut horrible. Mstislav et quelques autres princes subirent un sort affreux: les Tartares, après les avoir liés et couchés par terre, les couvrirent d'une planche et s'assirent dessus en écrasant tout vifs.

Ainsi périt une armée naguère si formidable. Les Russes furent poursuivis jusqu'à Tchernigov et Novgorod-Seversky; tout fut livré aux fer et aux flammes. Tout à coup les vainqueurs s'arrêtèrent et leur horde se retira vers l'Est où elle rejoignit la grande armée de Tchingis-han campée alors en Bukharie.[1]

<1831?>

[1] Украиной или Малороссией называют обширное пространство, соединенное с колоссом Россией и состоящее из губерний Черниговской, Киевской, Харьковской, Полтавской и Подольской.

Климат там мягок, земля плодородна; страна в своей западной части покрыта лесом. На юге тянутся огромные равнины, перссекаемые широкими реками, где путешественник не встретит ни леса ни холма.

Славяне с незапамятных времен населяли эту обширную область; города Киев, Чернигов и Любеч не менее древни, чем Новгород Великий, свободный торговый город, основание которого относится к первым векам нашей эры.

lib.pushkinskijdom.ru

Поляне жили на берегах Днепра, северяне и суличи на Десне, Семи и Суле, радимичи — на берегах Сожа, дреговичи между Западной Двиной и Припетью, древляне в Волыни, бужане и дулебы по Бугу, лутичи и тиверцы у устьев Днестра и Дуная.

К середине девятого века Новгород был завоеван норманнами, известными под именем варяго-русов. Эти предприимчивые удальцы, вторгаясь далее вглубь страны, подчинили себе, одно за другим племена, жившие на Днепре, Буге, Десне. Различные славянские племена, принявшие имя русских, увеличили войска своих победителей. Они захватили Киев, и Олег сделал его своей столицей. Варяго-русы стали грозой Восточно-Римской Империи и не раз их варварский флот появлялся у стен богатой и слабой Византии. Не будучи в состоянии отразить их силой оружия, она гордилась тем, что смирила их посредством религии. Дикие поклонники Перуна услышали проповедь евангелия, и Владимир принял крещение. Его подданные с тупым равнодушием усвоили веру, избранную их вождем.

Русские, наводившие ужас на отдаленные народы, сами постоянно подвергались нападениям соседних племен: болгар, печенегов и половцев. Владимир разделил между своими сыновьями земли завоеванные его предками. Эти князья в своих уделах являлись представителями государя, которым было поручено подавлять возмущения и отражать нападения врагов. Это, как мы видим, вовсе не была феодальная система, основанная на независимости отдельных лиц и на равном праве их участия в добыче.

Но вскоре начались раздоры и войны, длившиеся непрерывно более чем двести лет. Столица государя была перенесена во Владимир. Чернигов и Киев потеряли постепенно свое значение. Тем временем, в южной России возникли другие города: Корсунь и Богуслав на Роси (в Киевской губернии), Стародуб на Бабенце (в Черниговской губ.), Стрецк и Вострецк (в Черниговской губ.), Триполь (под Киевом), Лубны и Хорол (в Полтавской губ.), Прилуки (в Полтавской губ.), Новгород Северский (в Черниговской губ.). Все эти города существовали уже к концу XIII века.

В то время как внуки Владимира-тирана занимались раздорами и воинственные племена, обитавшие к востоку от Черного моря, оказывали помощь одним из них, чтобы делить добычу, доставшуюся от других, неожиданное бедствие обрушилось на русских князей и весь народ.

Татары появились у границ России. Им предшествовали всё те же половцы, прогнанные со своих пастбищ и массами устремившиеся к тем князьями, которым раньше они служили или которых разоряли. Князья собрались в Киеве. Война была решена; отовсюду стекался народ и становился под знамена. Один только Георгий, великий князь Владимирский, не пожелал принять участие в опасностях похода. Он ожидал ослабления уделов в результате этой войны.

Войска князей, соединившись с половцами, продвигались против неведомого, но уже грозного врага. Татарские послы прибыли на берег Днепра в то время, как русские войска начали переправу. Они предложили князьям союз против половцев; но последние употребили всё свое влияние, и послы были перебиты. Войска продвигались всё дальше; между тем, не замедлили вспыхнуть раздоры. Два Мстислава, князь Киевский и князь Галицкий, дошли до открытого разрыва. Прибыв на берег Калки (река в Екатеринославской губернии), Мстислав Галицкий перешел ее с своим войском, в то время, как остальная армия, под начальством князя Киевского, укрепилась на противоположном берегу. На следующий день (31 мая 1224 года) враг появился, и началась битва между татарскими войсками и передовым отрядом, состоявшим из войск князя Галицкого и половцев. Последние вскоре дрогнули и внесли беспорядок в ряды русских. Те еще сражались, воодушевляемые примером храброго Данила Волынского, но безрассудная гордость князей была причиной их гибели. Мстислав Киевский не посылал подкрепления князю Галицкому, а тот его не желал просить.

Вскоре смятение объяло всех; бегущие половцы убивали русских, чтобы торопливо их грабить. Русские отступили за Калку, преследуемые татарами, и миновали лагерь князя Киевского, который, оставаясь неподвижным зри-

lib.pushkinskijdom.ru

<II>

Что ныне называется Малороссия?
Что составляло прежде Малороссию?
Когда эторгнулась она от России?
Долго ли находилась под владычеством татар.
От Гедемина до Сагайдачного
От Сагайдачного до Хмельницкого
От Хмельницкого до Мазепы
От Мазепы до Разумовского.

3. <УДЕЛЬНЫЕ КНЯЗЬЯ...>

Удельные князья, наместники при Владимире, независимы потом, Святополк II учреждает *Княжеские Съезды*, прекратившиеся при татарах. Митрополит Алексей учреждает *третейский суд*.

Боярство (родовое?) поддерживалось местничеством (первый боярин *Свенельд*). При царе *Феодоре Алексеевиче* знатных родов 507, а прочих дворян до 315.

Кабальный холоп. Всякий имел оного за долг свыше 15 руб.

Полный пленник, купленный при свидетелях, убеглый кабальный, преступник.

<1831?>

4. <ВЛАДЕТЕЛЬНЫЕ ФЕОДАЛЫ...>

Les seigneurs féodaux avaient les uns envers les autres des devoirs et des droits.[1]

Удельные князья зависели от единого Великого князя и то весьма неопределенно (но меж собою —) — бояре их не были в свою очередь владельцы, но их придворные сподвижники.

<1831?>

5. <МОСКВА БЫЛА ОСВОБОЖДЕНА.>

Москва была освобождена Пожарским, польское войско удалилось; король шведский думал о замирении. Последняя опора Марины, Заруцкий, злодействовал в отдаленном краю России. Отечество отдохнуло и стало думать об избрании себе иового царя. Выборные люди ото всего государства стеклись в разоренную Москву и приступили к великому делу. Долго не могли решиться, помнили горькие последствия двух недавних выборов. Многие бояре не уступали в знатности родам Шуйских и Годуновых; каждый думал о себе, или о родственнике; вдруг, посреди прений и всеобщего недоумения, произнесено было имя Михаила Романова.

Михаил Федорович был сын знаменитого боярина Федора Никитича, некогда сосланного царем Борисом и неволею постриженного в монахи, в царствование Лжедимитрия (1605) из монастырского заточения возведенного на степень митрополита Ростовского и прославившего свое иноческое имя в истории нашего отечества.

Отец Федора Никитича, Никита Романович был женат на сестре царя Иоанна Васильевича, и следовательно, юный Михаил по женскому колену происходил от Рюрика, ибо родная бабка его, супруга Никиты Романовича,

---

телем их поражения, еще расчитывал на собственные силы, чтобы отразить победителей, которые вскоре его окружили. Татары начали переговоры, которые позволили им овладеть лагерем. Произошло страшное избиение. Мстислав и некоторые другие князья подверглись ужасной участи: татары связали их, и положили на землю, покрыли доской, на которую сели, раздавив их заживо.

Так погибло войско, еще недавно грозное. Татары преследовали русских до Чернигова и Новгорода-Северского; предавая все огню и мечу. Внезапно победители остановились и их орда ушла на восток, где она соединилась с великой армией Чингис-Хана, стоявшей в то время в Бухаре.

[1] Владетельные феодалы имели одни по отношению к другим обязанности и права.

lib.pushkinskijdom.ru

была родная сестра царя Иоанна Васильевича. С самых первых лет испытал он превратности судьбы. Младенцем разделял он заточение с матерью своею, Ксенией Ивановной, в 1600 году под именем инокини Марфы постриженной в пустынном Онежском монастыре.

Лжедимитрий, определив им приличное роду их содержание, перевел их в костромской Ипатской монастырь.

<1831—1832>

6. <В ДРЕВНИЕ ВРЕМЕНА.>

В древние времена при объявлении войны *жильцы* рассылались с грамотами царскими по всем воеводам и другим земским начальникам <*рас*>-*спросить о здоровье* и повелеть всем дворянам вооружаться и садиться на коней со своими холопями (по 1 со 100 человек) — Не для кого не было исключения, кроме престарелых, увечных и малолетных. Не имевшим способов для пропитания давалось жалованье; кочующим племенам и казакам также — и сие войско называлось *кормовым*. На зиму все войска распускались.

Царь Иван Васильевич во время осады Казани учредил из детей боярских регулярное войско под названием стрельцов. — Оно разделялось на пешее и конное, равно вооруженное копиями и ружьями. Стрельцы получали жалование и провиант — и комплектовались наборами неопределенными когда и с какой области (в [1] году по 1 ч<еловеку> с двух дворов).

Впоследствии число их простиралось до 40.000. Они разделялись на Московские и городовые.—Городовые обыкновенно оставались для оберегания границ; — но Московские жили в праздности и неге и мало по малу потеряли совершенно дух воинственного повиновения. — Они пустились в торги и государи не только терпели такое злоупотребление, но даже указами подтверждали оное. — Не смотря на выгоды, дворяне гнушались службою стрелецкою, и считали оную пятном для своего рода — по сей причине большая часть их начальников была низкого происхождения —

<Нач. 30-х гг.>

7. <ЗАМЕТКИ ПРИ ЧТЕНИИ «НЕСТОРА» ШЛЕЦЕРА>.

Шлецер — введ. стр. I.

Саги — стр. 7. О важности Руск. слов <есности>.

Смотри чем начал Шлецер свои критические исследования! Он переписывал летописи слово в слово, буква в букву... стр. IX *предуведомл.* А наши!

Разница между *Русьми* и Византийским Рѡς ч. II глава 6. *Байер* отыскивает начало Руси стр. XXVII *предувед.*<*омления*>.

XXXIV *стр.* Мнение Шлецера о Русск. Истории — NB статья Чедаева, *Далее*: Екатерина II *много* сделала для истории, но Академия *ничего*. Доказательство как правительство у нас всегда впереди. XL думает, что книга его (Probe <rusischer Annalen> etc.) забыта по крайней мере в России.

<1832?>

8. <ПРИКАЗЫ>.

Приказы: 1) *Надворный* ведал дела переносные (cour de cassation) *Расправная палата* (сенат); *Золотая палата* (ведала службу дворян); *Приказ посольский*, кроме дел иностранных, ведал таможни, аптеки, врачей. *Приказ Большия казны* — Департамент уделов. *Земский* — управа благочиния московская. *Житный, Бронный, Монастырский, Стрелецкий, Пушкарский, Ямской, Холопий; Казанский дворец* ведал царства Астраханское, Казанское и Сибирское; *Каменный приказ*, учрежденный Годуновым, ведал постройку каменных зданий. Сверх того временные приказы, напр. *Приказ о прекращении разбоев.*

При удельных князьях *тиуны*, судьи, посадники, *волостели*, тысяцкие.

[1] Пропуск в тексте. *Ред.*

lib.pushkinskijdom.ru

Городничий — *Дворской.*

Губернский предводитель — *воевода*, впоследствии главный уездный судья, губной староста, судия, целовальник — заседатель уездного суда. *объездной* — исправник. *«Прикащик»* — *посадский* — председатель городской думы. *Поместный прикащик* — дворянский предводитель (сбивчиво, дурно).

<1833>

9. <МАТЕРИАЛЫ О ЗЕМСКОМ СУДЕ> [1]

Земский суд.

Исправник
Заседатель земского суда.
Секретарь
Стряпчий
Письмоводитель (писарь)
Солдат (унтер инвалидный)
Священник ближний

Привозят — *Зерцало* в избе.
Свящ. с крест., с еванг.<елием>
Следствие: донос на кого?
Форма допроса. [Чей ты]?... Зовут меня Д... двор. чел. такого то господ. Отроду столько-то. Вероисповедание. На исповеди и у свят. прич. бываю через год. Наперед сего в штрафах *(в приводах)* под следствием и судом никогда не был. Ты убийца — за что — и как. Апелляцию — срок год.

<1832>

10. <ВЫПИСКИ ИЗ ЧЕТЬ МИНЕЙ>.

Трапеза — Толк, толмачь — Разрешать (кого) —
Рим ветхий — Великородный — Тверда аки наковальня — Муж конского чина (всадник)

Вложи (диавол) убо ему мысль о родителех, яко жалостию сокрушатися сердцу его, воспоминающе велию отца и матере любовь, юже к нему имеша. И глаголаша ему помысл: что ныне творят родители твои без тебя, колико многую имут скорбь, и *тугу* и плачь о тебе, яко не ведущим им отшел еси. Отец плачет, мать рыдает, братия сетуют, сродницы и ближние жалеют по тебе и весь дом отца твоего в печали есть тебе ради. Еще же вспоминаше ему лукавый богатство и славу родителей, и пять братий его и различная мирская суетствия во ум его привождаше. День же и нощь непрестанно таковыми помыслами смущаше его, яко уже изнемощи ему телом, и еле живу быти ово бо от великого воздержания и иноческих подвигов, ово же от смущения помыслов, изсше яко скудель крепость его, и плоть его бе яко трость ветром колеблема.

(Житие преподобн. отца нашего Иоанна Кущника. Иануар ei <15>)

Рубо — рубище. — Дельва — (бочка или ящик?).
и дубраву всякого древа своею рукою насади (Ч. М. Житие св. Ора черноризца).
Куколь (capuchon) cuculum—Урбус. — С путем (с жалованием).

Приидоша к прельщенному преподобные отцы Никон игумен и Иоанн иже по нем быть игумен, Пимен постник, Исаия, иже быть еп. Ростовский, Матфей прозорливый, Исаия Затворник печерский, Агапит врач, Григ. чуд. Никола иже быть еп. Тмут., Нестор летописец, Григорий творец канонов, Феоктист, иже быть еп. черниг., Онисифор прозорливый: сии вси в добродетелях сияющии пришедше молитву творяху к богу о Никите (Житие пр. Никиты, затворника Печерского).

<Нач. 30-х гг.>

---

[1] Справка эта связана с работой над «Дубровским». *Ред.*

lib.pushkinskijdom.ru

11. <ВЫПИСКА О САВВЕ СТОРОЖЕВСКОМ>.

Декабря 3. Преставление преподобного отца нашего Саввы, игумена святыя обители пресвятой богородицы, что на Сторожех, нового чудотворца.

(Из пролога:). Преподобный отец наш Савва от юности своей Христа возлюбил, а мир возненавидел, и, пришед к преподобному Сергию, приял ангельский образ и стал подвизаться, угождая богу постом, бдением, молитвами, смиренномудрием и всеми добродетельми, желая небесная блага приять от господа. Многие искушения претерпел он от бесов, но победил их помощию вышнего и над страстями воцарился. Тогда, по наставлению учителя своего, великого Сергия, отошел он от обители Святыя Троицы и поселился в пустыне на горе, называемой Сторожи, в верху Москвы-реки, в расстоянии одного поприща от Звенигорода и сорока от града Москвы. Там святый иночествовал в безмолвии, терпя ночные морозы и тяготу жара дневного. — Услыша о добродетельном житии его, многие иноки и люди мирские от различных мест начали к нему приходить, дабы жить при нем и от него пользоваться. И принимал он всех с любовию, и был им образец смирения и иноческих трудов, сам черпая и нося воду и другие потребности правя, научая тем братию не лениться и не губить дней своих праздностию, изобретательницею всего злого. Потом некий христолюбивый князь, пришед к блаженному отцу Савве, умолил его построить храм на том месте и (злато) сумму, нужную на создание оного, дал святому. И святой прошение князя исполнил и построил храм честного и славного рождества пречистой богоматери и обитель пречудесную и великую для душеспасительного пребывания в ней иноков. Там он *добре* пас во имя Христа собранное стадо, водя оное на пажить духовную, и был некогда единожителем божественному Сергию, сотворил многие добрые дела о господе. В поздней старости впал он в болезнь телесную и, недолго пострадав, призвал братию и поучал их божественным писаниям, наказывающим хранить чистоту телесную, иметь братолюбие, украшаться смирением и прилежать посту и молитве. Тогда поставил им в игумены одного из учеников своих и всем братиям заповедал пребывать у игумена в послушании и в повиновении. Наконец, дав им всем мир и последнее целование, в добром исповедании предал душу свою в руци божии декабря 3-го дня, во всем благоугодив владыке своему, Христу. Услышав о преставлении святого, князья и бояре, и окрест живущие, и все христолюбивые граждане Звенигорода стеклись с великой любовию на погребение отца, принесши с собою больных своих, и, проводив его псалмопением надгробным, положили его с честию в им построенной церкви пресвятой богородицы, на правой стороне. Честные его мощи и до нынешнего дня многие и различные исцеления источают приходящим с верою, во славу Христа, бога нашего, угодниками своими и по преставлении многие чудеса творящего, ему же слава ныне, и присно, и во веки веков, аминь.

<Нач. 30-х гг.>

---

12. <МАТЕРИАЛЫ О СОКОЛИНОЙ ОХОТЕ>.[1]

Семеновский потешный двор.
Светлица для выдерживания птиц.
Челиг — самец, дикомить — самка.
Оленья перчатка.
Обносцы — ремешки оленьи с красным сукном.
Кречет больше и серее сокола. Сокол посизее.
Должник — в два аршина ремень сыромятный.
Вабил, свабило — гусиные крылья (4) с сырым мясом *для вабки.*
Шалгач — мешок для живой птицы. *На ремне.*
Пущеная птица — для обучения сокола.
Дербенички напущаются попарну — один снизу, другой сверху (дермлички).

[1] Большая часть этих материалов заимствована из «Урядника сокольничья пути» царя Алексея Михайловича (1668 г.). *Ред.*

lib.pushkinskijdom.ru

Колокольчик привязан к ноге, коли сокол отбудет, то начинает чесаться etc.

Дермлички с кречетом, *копчик* с соколом.

Вертлуг железный — *на чем* вертится вабило.

Помычки — ловчие крестьяне.

Стул — где сначала сидят кречеты.

Талунбасы — род барабана для пугания птиц.

Помцы } сети.
Тайник }

С благовещения их подымают, т. е. на руки берут, до Петрова дня. (Учат). Учат сокола, заструнив нос вороне. Сокол бьет ее когтями за голову, носом глотку — *как добудет* — (грачей, галок, ворон, голубей, утку).

Вечеровое поле.

Зарьял, зарьяет—от зноя утомится.

Юрчак — конвульция, корчь — болезнь сокола.

Чины: *Ястребник, Кречетник, Сокольник* — унтер офицер.

Начальники: Статейничий, главный. Подстатейничий.

Секрет.: Расходчик.

<Нач. 33-х гг.?>

lib.pushkinskijdom.ru

АВТОБИОГРАФИЯ.

<ОТРЫВКИ ЛИЦЕЙСКОГО ДНЕВНИКА — 1815 ГОДА.>

. . . . . большой грузинский нос, а партизан почти и вовсе был без носу. Давыдов является к Бенигсену: князь Багратион, говорит, прислал меня доложить вашему высокопревосходительству, что неприятель у нас на носу...

— На каком носу, Денис Васильевич? отвечает генерал. Ежели на вашем, так он уж близко, если же на носу князя Багратиона, то мы успеем еще отобедать...

Жуковский дарит мне свои стихотворения.

✱

28 ноября.

Шишков и г-жа Бунина увенчали недавно князя Шаховского лавровым венком, на этот случай сочинили очень остроумную пьесу под названием:

ВЕНЧАНЬЕ ШУТОВСКОГО.

(Гимн на голос: de Duhamel).

Вчера в торжественном венчаньи
Творца *затей*,
Мы зрели полное собранье
Беседы всей,
И все в один кричали строй:
Хвала, хвала тебе, о Шутовской!
Хвала, Герой!
Хвала, Герой!
Он злой Карамзина гонитель,
Гроза Баллад,
В беседе добрый усыпитель,
Хлыстову брат,
И враг талантов записной!
<Хвала, хвала тебе, о Шутовской!>
Хвала, Герой!
Хвала, Герой!
Всей братьи дал свои он *Шубы*,
И все дрожат!
Его величие не трубы —
Свистки гласят.
Он мил и телом и душой!
Хвала, хвала тебе, о Шутовской!
Хвала, Герой!
Хвала, Герой!
И вот под сенью обветшалой
Старик седой!
Пред ним вязанки прозы вялой,
Псалтырь в десной,
Кругом поэтов бледный строй:
Хвала, хвала тебе, старик седой!
О дед седой! (bis)
Хвала, Герой!
Хвала, Герой!
И вдруг раздался за дверями
И скрып и вой —
Идут сотрудники с гудками
И сам Герой!
Поет он гимн печальный свой.
Хвала, хвала тебе, о Шутовской!
Хвала, Герой!
Хвала, Герой!
«Я князь, поэт, директор, воин —
«Везде велик,
«Венца лаврового достоин
«Мой тучный лик.
«Венчая, пойте всей толпой:
«Хвала, хвала тебе, о Шутовской!
«Хвала, Герой!
«Хвала, Герой!
«Писал я на друзей пасквили
«И на Отца,
«Поэмы, тощи водевили —
«Им нет конца.
«И *воды* я пишу водой.
«Хвала, хвала тебе, о Шутовской!
«Хвала, Герой!
«Хвала, Герой!
«Еврей мой написал Дебору,
«А я списал,
«В моих твореньях много сору —
«Кто ж их читал?
«Доволен, право, я собой.
«Хвала, хвала тебе, о Шутовской!
«Хвала, Герой!
«Хвала, Герой!
Потом к Макару и Ежовой
Герой бежит.
«Вот орден мой — венок лавровый.
«Пусть буду бит,
«За то увенчан красотой!»
«Хвала, хвала тебе, о Шутовской!
Хвала, Герой!
Хвала, Герой!

✱

29 <ноября.>

Итак я счастлив был, итак
я наслаждался,
Отрадой тихою, восторгом упивался...

lib.pushkinskijdom.ru

И где веселья быстрый день?
Промчался летом сновиденья,
Увяла прелесть наслажденья,
И снова вкруг меня угрюмой скуки тень.

Я счастлив был!.. нет, я вчера не был счастлив, поутру я мучился ожиданьем, с неописанным волнением стоя под окошком, смотрел на снежную дорогу, ее невидно было! Наконец я потерял надежду, вдруг нечаянно встречаюсь с нею на лестнице, сладкая минута!...

Он пел любовь, но был печален глас.
Увы! он знал любви одну лишь муку!

Жуковский.

Как она мила была! как черное платье пристало к милой Бакуниной! Но я не видел ее 18 часов, ах!
Какое положенье, какая мука! Но я был счастлив 5 минут.

*

10 декабря.

Вчера написал я третью главу *Фатама или разума человеческого:* Право естественное. Читал ее С. С. и вечером с товарищами тушил свечки и лампы в зале. Прекрасное занятие для философа! Поутру читал *Жизнь Вольтера.*

Начал я комедию — не знаю, кончу ли ее.

Третьего дни хотел я начать героическую поэму Игорь и Ольга, а написал эпиграмму на Шаховского, Шихматова и Шишкова, — вот она:

Угрюмых тройка есть певцов:
Шихматов, Шаховской, Шишков.
Уму есть тройка супостатов:
Шишков наш, Шаховский, Шихматов.
Но кто глупей из тройки злой?
Шишков, Шихматов, Шаховской!

Летом напишу я *Картину Царского Села.*
1. Картина сада.
2. Дворец. День в Царском Селе.
3. Утреннее гулянье.
4. Полуденное гулянье.
5. Вечернее гулянье.
6. Жители Царского Села.

Вот главные предметы вседневных моих записок. Но это еще *будущее.*

Вчера не тушили свечек; зато пели куплеты на голос: бери себе повесу. Запишу, сколько могу упомнить:

НА ГЕОРГИЕВСКОГО.

Предположив — и дальше
На грацию намек,

Ну-с—Августин богóслов
Профессор Бутервек,

или

Над печкою богóслов
А в печке Бутервек.

Потом Нинобы группа,
Корреджиев тьма-свет,
Прелестна Грациозность
И счастлив он поэт.

lib.pushkinskijdom.ru

НА КАЙДАНОВА.

Потише, животины!
Да долго ль говорю?
Потише — Бомгольм. Борнгольм,
Еще раз повторю.

НА КАРЦЕВА.

Какие ж вы ленивцы!
Ну, на кого напасть?
Да нуте-ка, Вольховский.
Вы ересь понесли.
А что читает Пушкин?

Подайте-ка сюды!

Ступай из класса с богом.
Назад не приходи.
А слышали ль вы новость?
Наш доктор стал ленив, } Или ревнив
Драгуна посылает, } И граф послал драгуна,
Чтоб отпереть жену;
А Камараж взбесился,
Романа обокрал;
А Фридебург свалился,
Наш Доктор хромоглазой
В банк выиграл вчера,
А следственно гоняет
Он лошадей с утра.

НА ШУМАХЕРА.

Скажите мне шастицы
Как например: wenn so
Ie weniger und desto
Die Sonne scheint also. [1]

НА ГАКЕНА.

Мольшать! я сам фидала
Мальшать! я гуфернер!
Мольшать! — ты сам софрала,
Пошалуюсь теперь.

НА ВЛАДИСЛАВЛЕВА.

Матвеюшка, дай соли,
Нет моченьки, мой свет (брат, нет).
Служил я государю
Одиннадцать уж лет.

НА ЛЕВАШОВА.

Bonjour, Messieurs, [2] — потише!
Поводьем не играй!

---

[1] . . . . . *если так, чем* меньше, *и тем... Итак,* солнце светит.
[2] Здравствуйте, господа.

lib.pushkinskijdom.ru

Уж я тебя потешу
A quand l'équitation. [1]

НА ВИЛЬМУШКУ.

Лишь для безумцев, Зульма,
Вино запрещено,
А Вильмушке поэту — А не даны поэту
Стихи писать грешно. — Ни гений, ни вино.

НА ЗЯБ. и ПЕТР.

Какой столичный город,
Желательно бы знать?
А что такое ворот,
Извольте мне сказать?

НА ИКОННИКОВА.

Скажите: раз, два, три,
Тут скажут все скоты:
Да где ж ее взрасти?
Да на святой Руси!

НА КУНИЦЫНА.

Известен третий способ:
Через откупщиков,
В сем случае помещик
Владелец лишь земли.

✱

17 <декабря.>

Вчера провел я вечер с Иконниковым.

Хотите ли видеть странного человека, чудака, — посмотрите на Иконникова. Поступки его — поступки сумасшедшего; вы входите в его комнату: видите высокого худого человека, в черном сюртуке, с шеей, окутанной черным изорванным платком. Лицо бледное, волосы не острижены, не расчесаны; он стоит задумавшись, кулаком нюхает табак из коробочки — он дико смотрит на вас — вы ему близко знакомый, вы ему родственник или друг — он вас не узнает, вы подходите, зовете его по имени, он вскрикивает, кидается на шею, целует, жмет руку, хохочет задушевным голосом, кланяется, садится, начинает речь, не доканчизает, трет себе лоб, ерошит голову, вздыхает. Перед ним карафин воды; он наливает стакан и пьет, наливает другой, третий, четвертый, спрашивает еще воды и еще пьет, говорит о своем бедном положении. Он не имеет ни денег, ни места, ни покровительства, ходит пешком из Петербурга в Царское Село, чтобы осведомиться о каком-то месте, которое обещал ему какой-то шарлатан. Он беден, горд и дерзок, рассыпается в благодареньях за ничтожную услугу или простую учтивость, неблагодарен и даже сердится за благодеяние ему оказанное, легкомыслен до чрезвычайности, мнителен, чувствителен, честолюбив. Иконников имеет дарования, пишет изрядно стихи и любит поэзию: вы читаете ему свою пиесу — наотрез говорит он: такое-то место глупо, без смысла, низко, зато за самые посредственные стихи кидается вам на шею и называет вас гением. Иногда он учтив до бесконечности, в другое время груб нестерпимо. Его любят иногда, смешит он часто, а жалок почти всегда.

[1] Когда будет урок верховой езды?

lib.pushkinskijdom.ru

<ИЗ КИШИНЕВСКОГО ДНЕВНИКА. 1821 г.>

2 апреля. Вечер провел у N. G. Прелестная гречанка. Говорили об А. Ипсиланти; между пятью греками, я один говорил как грек; все отчаивались в успехе предприятия этерии. Я твердо уверен, что Греция восторжествует, и 2.500.000 турков оставят цветущую страну Эллады законным наследникам Гомера и Фемистокла. С крайним сожалением узнал я, что Владимиреско не имеет другого достоинства, кроме храбрости необыкновенной — храбрости достанет и у Ипсиланти.

3 <апреля>. Третьего дня хоронили мы здешнего митрополита; во всей церемонии более всего понравились мне жиды: они наполняли там тесные улицы, взбирались на кровли и составляли живописные группы. Равнодушие изображалось на их лицах; со всем тем — ни одной улыбки, ни одного нескромного движения! Они боятся христиан и потому во сто крат благочестивее их.

Читал сегодня послание князя Вяземского к Жуковскому. Смелость, сила, ум и резкость; но что за звуки! *К кому был Феб из Русских ласков*— неожиданная рифма «Херасков» не примиряет меня с такой какофонией. Баратынский — прелесть.

9 апреля. Утро провел я с Пестелем; умный человек во всем смысле этого слова. Mon coeur est matérialiste, говорит он, mais ma raison s'y refuse [1]. Мы с ним имели разговор метафизический, политический, нравственный и проч. Он один из самых оригинальных умов, которых я знаю...

Получил письмо от Чедаева. Друг мой, упреки твои жестоки и несправедливы; никогда я тебя не забуду. Твоя дружба мне заменила счастье, — одного тебя может любить холодная душа моя. — Жалею, что не получил он моих писем: они его бы обрадовали. Мне надобно его видеть.

В Сыне Отечества напечатали одно письмо мое к Василию Львовичу. Это меня взбесило; тотчас написал Гречу официальное письмо.

Вчера князь Дм. Ипсиланти сказал мне, что греки перешли через Дунай и разбили корпус неприятельской.

4 мая был я принят в масоны.

9 мая. Вот уже ровно год как я оставил Петербург. Третьего дня писал я к князю Ипсиланти, с молодым французом, который отправляется в греческое войско. Вчера был у кн. Суццо.

Баранов умер. Жаль честного гражданина, умного человека.

26 мая. Поутру был у меня Алексеев. Обедал у Инзова. После обеда приехали ко мне Пущин, Алексеев и Пестель—потом был я в здешнем остроге. N. Тарас Кирилов. Вечер у Крупенских.

6 июня написал следующую записку:

Avis à M-r Deguilly, ex-officier françois.
Il ne suffit pas d'être un Jean Foutre, il faut encore l'être franchement. A la veille d'un foutu duel au sabre on n'écrit pas sous les yeux de sa femme des jérémiades et son testament etc. etc. [2] — оставим этого несчастного.

18 Juillet 1821. Nouvelle de la mort de Napoléon.
Bal chez l'archevêque arménien. [3]

---

[1] «Сердцем я материалист, но мой разум этому противится».

[2] К сведению г-на Дегильи, бывшего французского офицера.
Недостаточно быть мерзавцем, надо еще быть им открыто. Накануне дуэли на саблях, с которой улепетывают, не пишут на глазах жены иеремиад и духовного завещания и пр. и пр.

[3] 18 июля 1821. Известие о смерти Наполеона. Бал у армянского архиепископа.

lib.pushkinskijdom.ru

<ЗАПИСИ В ТЕТРАДИ 1820—1822>

O... disoit en 1820: révolution en Espagne, révolution en Italie, révolution en Portugal, constitution par ci, constitution par là... Messieurs les souverains, vous avez [mal] fait une sottise en detrônant Napoléon. [1]

Le général R. disoit à N. affligé d'un mal d'aventure: il n'y a qu'un pas du sublime au sublimé. [2]

Р., встретив однажды человека весьма услужливого, сказал ему: Вы простудитесь, на дворе сыро, мокро (maquereau). [3]

Plus ou moins j'ai été amoureux de toutes les jolies femmes que j'ai connues, toutes se sont passablement morguées de moi; toutes à l'exeception d'une seule ont fait avec moi les coquettes. [4]

<ИЗ ЧЕРНОВЫХ БУМАГ 1822—1824 гг.>

<1822—1823.>

После обеда во сне видел Кхбкр. [5] 1 июля день счастливый.

---

3 nov. 1823 u. b. d. M. R.

Joué avec S-i. et Sin., perdu, soupé C. E. V. [6].

<1824, Одесса.>

<ВСТРЕЧА С П. А. ГАНИБАЛОМ. 1824>.

1824, ноября 19-го, Михайловское. Вышед из Лицея, я почти тотчас уехал в псковскую деревню моей матери. Помню, как обрадовался сельской жизни, русской бани, клубники и проч... но все это нравилось мне не долго. Я любил и доныне люблю шум и толпу и согласен с Вольтером в том.... деревня est le premier...

<*На обороте того же листка:*> ...попросил водки. Подали водку. Налив рюмку себе, велел он и мне поднести, я не поморщился — и тем, казалось, чрезвычайно одолжил старого Арапа. Через четверть часа он опять попросил водки — и повторил это раз 5 или 6 до обеда. Принесли... кушанья поставили.

О ДЕРЖАВИНЕ.

Державина видел я только однажды в жизни, но никогда того не забуду. Это было в 1815 году, на публичном экзамене в лицее. Как узнали мы, что Державин будет к нам, все мы взволновались. Дельвиг выскочил на лестницу, чтобы дождаться его и поцаловать ему руку, руку — написавшую «Водопад». Державин приехал. Он вошел в сени, и Дельвиг услышал, как он спросил у швейцара: где, братец, здесь нужник? Этот прозаиче-

---

[1] О. говорил в 1820 году: революция в Испании, революция в Италии, революция в Португалии, конституция тут, конституция там. Господа государи, вы поступили глупо, свергнув Наполеона с престола.

[2] Генерал Р. говорил N., пораженному подагрой: От высокого до сулемы лишь один шаг. (В этой переделке известной поговорки «от высокого до смешного лишь один шаг» непереводимая игра слов: по-французски sublime значит высокое, а sublimé — сулема). *Ред.*

[3] Игра слов: maquereau значит сводник.

[4] Я был ~~когда-то~~ более или менее влюблен во всех красивых женщин, которых знал; все они изрядно пренебрегали мною; все они, за исключением только одной, со мною кокетничали.

[5] Кюхельбекера.

[6] Играл с Ш. и Син., проиграл, ужинал у гр. Е. В<оронцовой>.

lib.pushkinskijdom.ru

ский вопрос разочаровал Дельвига, который отменил свое намерсние и возвратился в залу. Дельвиг это рассказывал мне с удивительным простодушием и веселостию. Державин был очень стар. Он был в мундире и в плисовых сапогах. Экзамен наш очень его утомил: он сидел, подперши голову рукою; лицо его было бессмысленно, глаза мутны, губы отвисли. Портрет его (где представлен он в колпаке и халате) очень похож. Он дремал до тех пор, пока не начался экзамен Русской словесности. Тут он оживился: глаза заблистали, он преобразился весь. Разумеется, читаны были его стихи, разбирались его стихи, поминутно хвалили его стихи. Он слушал с живостию необыкновенной. Наконец вызвали меня. Я прочел мои «Воспоминания в Царском Селе», стоя в двух шагах от Державина. Я не в силах описать состояния души моей: когда дошел я до стиха, где упоминаю имя Державина, голос мой отроческий зазвенел, а сердце забилось с упоительным восторгом... Не помню, как я кончил свое чтение; не помню, куда убежал. Державин был в восхищении: он меня требовал, хотел меня обнять... Меня искали, но не нашли...

<30-ые годы.>

<ВООБРАЖАЕМЫЙ РАЗГОВОР С АЛЕКСАНДРОМ I.>

Когда бы я был царь, то позвал бы Александра Пушкина и сказал ему: Александр Сергеевич, вы сочиняете стихи. Александр Пушкин поклонился бы мне с некоторым скромным замешательством, а я бы продолжал: Я читал вашу оду *Свобода*. Она написана немного сбивчиво, мало обдуманно... Тут есть 3 строфы очень хорошие... Вы поступили неблагоразумно... Я заметил, вы старались очернить меня в глазах народа распространением нелепой клеветы. Вижу, что вы можете иметь мнения неосновательные; что вы не уважили правду личную, честь даже в царе. — Ах ваше величество, зачем упоминать об этой детской оде? Лучше бы вы прочли хоть 3 и 6 песнь «Руслана и Людмилы», ежели не всю поэму, или I часть «Кавказского пленника» или «Бахчисарайский фонтан». «Онегин» печатается; буду иметь честь отправить 2 экз. в библиотеку вашего величества к Ив. Андр. Крылову, и если ваше величество найдете время... — Помилуйте, Александр Сергеевич. Наше царское правило: дела не делай, от дела не бегай. Скажите, неужто вы всё не перестаете писать на меня пасквили? Это нехорошо. Вы не должны на меня жаловаться; если я вас и не отличал еще, дожидая случая, то вам жаловаться не на что. Признайтесь: любезнейший наш товарищ король Гишпанский или император австрийский с вами не так бы поступил. За все ваши проказы вы жили в теплом климате. Что вы делали у Инзова и у Воронцова? — Ваше величество, Инзов меня очень любил, и за всякую ссору с молдованами объявлял мне комнатный арест и присылал мне, скуки ради, Франкфуртский Журнал. А его сиятельство граф Воронцов не сажал меня под арест, не присылал мне газет, но, зная Русскую литературу как герцог Веллингтон, был ко мне чрезвычайно... — Скажите, как это вы могли ужиться с Инзовым, а не ужились с графом Воронцовым? — Ваше величество, генерал Инзов добрый и почтенный, он русский в душе; он не предпочитает первого английского шалопая всем известным и неизвестным своим соотечественникам; он уже не волочится, ему не 18 лет; страсти если и были в нем, то уж давно исчезли. Он доверяет благородству чувств, потому что сам имеет чувства благородные, не боится насмешек, потому что выше их, и никогда не подвергнется заслуженной колкости —, потому что со всеми вежлив. Не опрометчив, не верит <*неразбр.*> пасквилям,—ваше величество, вспомните, что всякое слово вольное, всякое сочинение <*неразбр.*> приписывают мне так, как всякие остроумные вымыслы князю Цицианову. Я не опровергал их никогда из [ложного] великодушия и иногда имел слабость и дур..., от дурных стихов не отказывался, надеясь на добрую славу своего имени, а от хороших, признаюсь, и силы нет отказываться. Слабость [непростительная]. [Впрочем, хорошо, хорошо]. Но вы же и Афей? вот что уж никуда не годится. — [Чем же я Афей] Ваше величество... как можно судить человека по письму, писанному товарищу, можно ли школьниче-

lib.pushkinskijdom.ru

скую шутку взвешивать как преступление, а две пустые фразы судить как бы всенародную проповедь? Я всегда почитал вас, как лучшего из европейских нынешних властителей [увидим однако, что будет из Карла X], но ваш последний поступок со мною <*неразбр.*> [непохож ни на] и смело ссылаюсь на собственное ваше сердце — противоречит вашим правилам и просвещенному образу мыслей... — Признайтесь, вы всегда надеялись на мое великодушие? — [Хоть бы то было и правда]. Это не было бы оскорбительно вашему величеству: вы видите, что я не ошибся в моих расчетах... Я бы тут..... [Александр Пушкин] тут бы разгорячился и наговорил мне много лишнего [хоть отчасти правды]. Я бы рассердился и сослал его в Сибирь, где бы он написал [эпич.] поэму *Ермак* или *Кочум*, <*неразбр.*> размером и с рифмами.....

<1824—1825>

ВОСПОМИНАНИЯ О КАРАМЗИНЕ.

... запечатлены печатью вольномыслия. Болезнь остановила на время образ жизни, избранный мною. Я занемог гнилою горячкою. Лейтон за меня не отвечал. Семья моя была в отчаянии; но через шесть недель я выздоровел. Сия болезнь оставила во мне впечатление приятное. Друзья навещали меня довольно часто: их разговоры сокращали скучные вечера. Чувство выздоровления — одно из самых сладостных. Помню нетерпение, с которым ожидал я весны, хоть это время года обыкновенно наводит на меня тоску и даже вредит моему здоровью. Но душный воздух и закрытые окна так мне надоели во время болезни моей, что весна являлась моему воображению со всей поэтическою своей прелестью. Это было в феврале 1818 года. Первые восемь томов Русской Истории Карамзина вышли в свет. Я прочел их в своей постеле с жадностью и со вниманием. Появление сей книги (как и быть надлежало) наделало много шуму и произвело сильное впечатление; 3.000 экземпляров разошлось в один месяц (чего никак не ожидал и сам Карамзин) — пример единственный в нашей земле. Все, даже светские женщины, бросились читать Историю своего отечества, дотоле им неизвестную. Она была для них новым открытием. Древняя Россия казалась найдена Карамзиным, как Америка Коломбом. Несколько времени ни о чем ином не говорили. Когда, по моем выздоровлении, я снова явился в свет, толки были во всей силе. Признаюсь, они были в состоянии отучить всякого от охоты к славе. Ничего не могу вообразить глупее светских суждений, которые удалось мне слышать насчет духа и слога Истории Карамзина. Одна дама, впрочем весьма почтенная, при мне, открыв вторую часть, прочла вслух: *Владимир усыновил Святополка, однако не любил его... Однако!...* Зачем не *но*? Однако!.. как это глупо! чувствуете ли всю ничтожность вашего Карамзина? Однако! — В журналах его не критиковали. Каченовский бросился на одно предисловие...

У нас никто не в состоянии исследовать огромное создание Карамзина, — зато никто не сказал спасибо человеку, уединившемуся в ученый кабинет во время самых лестных успехов и посвятившему целых 12 лет жизни безмолвным и неутомимым трудам. *Ноты Русской истории* свидетельствуют обширную ученость Карамзина, приобретенную им уже в тех летах, когда для обыкновенных людей круг образования и познаний давно окончен и хлопоты по службе заменяют усилия к просвещению. — Молодые якобинцы негодовали; несколько отдельных размышлений в пользу самодержавия, красноречиво опровергнутых верным рассказом событий, — казались им верхом варварства и унижения. — Они забывали, что Карамзин печатал Историю свою в России; что государь, освободив его от цензуры, сим знаком доверенности некоторым образом налагал на Карамзина обязанность возможной скромности и умеренности. Он рассказывал со всей верностью историка, он везде ссылался на источники — чего ж более требовать было от него? Повторяю, что История Государства Российского есть не только создание великого писателя, но и подвиг честного человека.

lib.pushkinskijdom.ru

Некоторые из людей светских письменно критиковали Карамзина. Никита Муравьев, молодой человек, умный и пылкий, разобрал предисловие или введение: предисловие!... Мих. Орлов, в письме к Вяземскому пенял Карамзину, зачем в начале Истории не поместил он *какой-нибудь блестящей гипотезы о происхождении славян*, т.-е. требовал романа в истории — ново и смело! Некоторые остряки за ужином переложили первые главы Тита Ливия слогом Карамзина. Римляне времен Тарквиния, не понимающие *спасительной пользы самодержавия*, и Брут, осуждающий на смерть своих сынов, *ибо редко основатели республик славятся нежной чувствительностию*, конечно были очень смешны. Мне приписали одну из лучших русских эпиграмм; это не лучшая черта моей жизни.

...Кстати, замечательная черта. Однажды начал он при мне излагать свои любимые парадоксы. Оспоривая его я сказал: Итак вы рабство предпочитаете свободе. Карамзин вспыхнул и назвал меня своим клеветником. Я замолчал, уважая самый гнев прекрасной души. Разговор переменился. Я встал. Скоро Карамзину стало совестно, и, прощаясь со мною как обыкновенно, упрекал меня, как бы сам извиняясь в своей горячности. Вы сказали на меня то чего ни Шихматов, ни Кутузов на меня не говорили. В течение шестилетнего знакомства только в этом случае упомянул он при мне о своих неприятелях, против которых не имел он, кажется, никакой злобы; не говорю уж о Шишкове, которого он просто полюбил. Однажды, отправляясь в Павловск и надевая свою ленту, он посмотрел на меня наискось и не мог удержаться от смеха. Я прыснул, и мы оба расхохотались...

<1826>

<ВСТРЕЧА С КЮХЕЛЬБЕКЕРОМ.>

15 октября 1827. Вчерашний день был для меня замечателен. Приехав в Боровичи в 12 часов утра, застал я проезжего в постеле. Он метал банк гусарскому офицеру. Перед тем я обедал. При расплате недостало мне 5 рублей, я поставил их на карту. Карта за картой, проиграл 1,600. Я расплатился довольно сердито, взял взаймы 200 руб. и уехал очень недоволен сам собою. На следующей станции нашел я Шиллерова «Духовидца», но едва успел прочитать я первые страницы, как вдруг подъехали четыре тройки с фельдъегерем.—Вероятно, поляки? сказал я хозяйке. — Да, отвечала она, их нынче отвозят назад. — Я вышел взглянуть на них.

Один из арестантов стоял, опершись у колонны. К нему подошел высокий, бледный и худой молодой человек с черною бородою, в фризовой шинеле, и с виду настоящий жид — я принял его за жида, и неразлучные понятия жида и шпиона произвели во мне обыкновенное действие; я поворотился им спиною, подумав, что он был потребован в Петербург для доносов или объяснений. Увидев меня, он с живостию на меня взглянул. Я невольно обратился к нему. Мы пристально смотрим друг на друга — и я узнаю Кюхельбекера. Мы кинулись друг другу в объятия. Жандармы нас растащили. Фельдъегер взял меня за руку с угрозами и ругательством — я его не слышал. Кюхельбекеру сделалось дурно. Жандармы дали ему воды, посадили в тележку и ускакали... Я поехал в свою сторону. На следующей станции узнал я, что их везут из Шлиссельбурга, но куда же?

Луга.

<ЗАПИСИ 1826—1828 ГГ.>

29 июля 1826 г. Услышал о см<ерти Ризнич> 25 <июля.>

У.<слышал> о смерти Рылеева, Пестеля, Муравьева-Апостола, Каховского, Бестужева-Рюмина 24 <июля>.

---

lib.pushkinskijdom.ru

14 juillet 1826....
2 août 1827 j. h.
4 août R. J. P. Jich en songe.[1]

И я бы мог как [шут на]
И я бы мог

<ЗАПИСИ 1828 г.>

18 мая у княгини Голицыной etc.

---

25 июня
Фанни
Няня +
Elisa e Claudio.

---

2 окт.
Письмо к Царю.
le cadavre[2] — Dorl.....
вечер у кн. Dolg.

---

16 окт.
1828
С. П. Б.
Гр. Т... от Гос.

PROLOGUE.[3]

Я посетил твою могилу — но там тесно: les morts m'en distrait[4] — теперь иду на поклонение в Царское Село и в Баболово.
Царское Село!.... (Gray) les jeux de Lycée, nos leçons — — Delvig et Kuchel... la poësie —[5] Баб...

<Конец 20-х гг.?>

<ПРОГРАММА ЗАПИСОК.>

Семья моего отца — его воспитание — французы учителя — [Mr] Bous *неразбр.* Mr Martin. Отец и дядя в гвардии. Их литературные знакомства. — [Свадьба отца]. — Бабушка и ее мать — их бедность. — Иван Абрамович. — Свадьба отца. — Смерть Екатерины — рождение Ольги. — Отец выходит в отставку, едет в Москву. — Рождение мое.

Первые впечатления. Юсупов сад — Землетрясение — Няня. Отъезд матери в деревню — Первые неприятности. — Гувернантки. [Смерть Николая]. [Ранняя любовь]. — Рождение Льва. — Мои непритные воспоминания. Смерть Николая. — Монфор — Русло — Кат. П. и Ан. Ива. — Нестерпимое состояние. — Охота к чтению. Меня везут в П. Б. Езуиты. Тургенев. Лицей.

---

[1] 4 августа ... во сне.
[2] Труп. — Дорл.
[3] Пролог.
[4] Покойники меня от нее отвлекают.
[5] (Грей) лицейские забавы, наши уроки — Дельвиг и Кюхельбекер... поэзия.

lib.pushkinskijdom.ru

1811.

Дядя Василий Львович.—Дмитриев. Дашков. Блудов. <*Неразбр.*> с <*неразбр.*> Ан. Ник. — Светская жизнь — *Лицей*. Открытие. Государь. Малиновский. Куницын, Аракчеев. — Начальники наши. — Мое положение. — Философич. мысли. — Мартинизм. — Мы прогоняем Пилецкого. — [Смерть Малиновского].

1812 г.

1813.

Государыня в Сарском Селе. . Гр. Кочубей. Смерть [Пилецкого] Мал<иновского>.—Безначалие. Чачков. Фролов—15 лет.

1814.

[Экзамен. Галичь. Державин — стихотворство — смерть].
Известие о взятии Парижа. — Смерть Малиновского. Безначалие. — [Приезд Карамз]. — [Первая любовь — Жизнь Карамзин.] <*Неразбр.*> Приезд матери. Приезд отца. Стихи etc. — Отношение к <*неразбр.*> Мое тщеславие.

1815.

[Екзамен. — Сти.]

<1830>

<РОДОСЛОВНАЯ ПУШКИНЫХ И ГАНИБАЛОВ.>

Несколько раз принимался я за ежедневные записки, и всегда отступался из лености. В 1821 году начал я мою биографию, и несколько лет сряду занимался ею. В конце 1825 г., при открытии несчастного заговора, я принужден был сжечь свои тетради, которые могли замешать имена многих, а может быть и умножить число жертв. Не могу не сожалеть о их потере (они были бы любопытны): я в них говорил о людях, которые после сделались историческими лицами, с [всей] откровенностию дружбы или короткого знакомства. Теперь некоторая торжественность их окружает и, вероятно, будет действовать на мой слог и образ мыслей, — за то буду осмотрительнее в моих записках. Если записки будут менее живы, то более достоверны.

Избрав себя лицом, около которого постараюсь собрать другие, более достойные замечания, скажу несколько слов о моем происхождении.

Мы ведем свой род от прусского выходца *Радши* или *Рачи* (мужа честна, говорит летописец, т. е. знатного, благородного), въехавшего в Россию во время княжества св. Александра Ярославича Невского. От него произошли Мусины, Бобрищевы, Мятлевы, Поводовы, Каменские, Бутурлины, Кологривовы, Шереметиновы и Товарковы. Имя предков моих встречается поминутно в нашей истории. В малом числе знатных родов, уцелевших от кровавых опал царя Ивана Васильевича Грозного, историограф именует и Пушкиных. Григорий Гаврилович Пушкин принадлежит к числу самых замечательных лиц в эпоху самозванцев. Другой Пушкин во время междуцарствия, начальствуя отдельным войском, один с Измайловым, по словам Карамзина, «сделал честное свое дело». Четверо Пушкиных подписались под грамотою о избрании на царство Романовых, а один из них, окольничий Матвей Степанович, под соборным деянием об уничтожении местничества (что мало делает чести его характеру). При Петре I сын его, стольник Федор Матвеевич, уличен был в заговоре против государя и казнен вместе с Цыклером и Соковниным. Прадед мой Александр Петрович был женат на меньшой дочери графа Головина, первого Андреевского кавалера. Он умер весьма молод, в припадке сумасшествия зарезав свою жену, находившуюся в родах. Единственный сын его, Лев Александрович, служил в артиллерии и в 1762 году, во время возмущения,

lib.pushkinskijdom.ru

остался верен Петру III. Он был посажен в крепость и выпущен через два года. С тех пор он уже в службу не вступал, а жил в Москве и в своих деревнях.

Дед мой был человек пылкий и жестокий. Первая жена его, урожденная Воейкова, умерла на соломе, заключенная им в домашнюю тюрьму за мнимую или настоящую ее связь с французом, бывшим учителем его сыновей, и которого он весьма феодально повесил на черном дворе. Вторая жена его, урожденная Чичерина, довольно от него натерпелась. Однажды он велел ей одеться и ехать с ним куда-то в гости. Бабушка была на сносях и чувствовала себя нездоровой, но не смела отказаться. Дорогой она почувствовала муки. Дед мой велел кучеру остановиться, и она в карете разрешилась чуть ли не моим отцом. Родильницу привезли домой полумертвую, и положили на постелю всю разряженную и в бриллиантах. Всё это знаю я довольно темно. Отец мой никогда не говорил о странностях деда, а старые слуги давно перемерли.

Родословная матери моей еще любопытнее. Дед ее был негр, сын владетельного князька. Русский посланник в Константинополе как-то достал его из сераля, где содержался он аманатом, и отослал его Петру Первому вместе с двумя другими арапчатами. Государь крестил маленького Ибрагима в Вильне, в 1707 году, с польскою королевою, супругою Августа, и дал ему фамилию Ганибал. В крещении наименован он был Петром; но как он плакал и не хотел носить нового имени, то до самой смерти назывался Абрамом. Старший брат его приезжал в Петербург, предлагая за него выкуп. Но Петр оставил при себе своего крестника. До 1716 года Ганибал находился неотлучно при особе государя, спал в его токарне, сопровождал его во всех походах, потом послан был в Париж, где несколько времени обучался в военном училище, вступил во французскую службу, во время испанской войны был в голову ранен «в одном подземном сражении» (сказано в рукописной его биографии), и возвратился в Париж, где долгое время жил в рассеянии большого света. Петр I неоднократно призывал его к себе, но Ганибал не торопился, отговариваясь под разными предлогами. Наконец государь написал ему, что он неволить его не намерен, что предоставляет его доброй воле возвратиться в Россию или остаться во Франции; но что во всяком случае он никогда не оставит прежнего своего питомца. Тронутый Ганибал немедленно отправился в Петербург. Государь выехал к нему навстречу и благословил образом Петра и Павла, который хранился у его сыновей, но которого я не мог уже отыскать. Государь пожаловал Ганибала в Бомбардирскую роту Преображенского полка капитан-лейтенантом. Известно, что сам Петр был ее капитаном. Это было в 1722 году.

После смерти Петра Великого судьба его переменилась. Меншиков, опасаясь его влияния на императора Петра II, нашел способ удалить его от двора. Ганибал был переименован в маиоры тобольского гарнизона и послан в Сибирь с препоручением измерить китайскую стену. Ганибал пробыл там несколько времени и самовольно возвратился в Петербург, узнав о падении Меншикова и надеясь на покровительство князей Долгоруких, с которыми был он связан. Судьба Долгоруких известна. Миних спас Ганибала, отправя его тайно в Ревельскую деревню, где и жил он около десяти лет, в помнутном беспокойстве. До самой кончины своей, он не мог без трепета слышать звон колокольчика. Когда императрица Елисавета взошла на престол, тогда Ганибал написал ей евангельские слова: помяни мя, егда приидеши во царствие свое. Елисавета тотчас призвала его ко двору, произвела его в бригадиры, и вскоре потом в генерал-маиоры и в генерал-аншефы, пожаловала ему несколько деревень в губерниях Псковской и Петербургской, в первой: Зуево, Бор, Петровское и другие; во второй: Кобрино, Суйду и Тайцы, также деревню Раголу, близ Ревеля, в котором несколько времени был он обер-комендантом. При Петре III вышел он в отставку и умер философом (говорит его немецкий биограф), в 1781 году, на 93-м году своей жизни. Он написал-было свои записки на французском языке, но в припадке панического страха, коему был подвержен, велел их при себе сжечь вместе с другими драгоценными бумагами.

lib.pushkinskijdom.ru

В семейственной жизни прадед мой Ганибал так же был несчастлив, как и прадед Пушкин. Первая жена его, красавица, родом гречанка, родила ему белую дочь. Он с нею развелся и принудил ее постричься в Тихвинском монастыре, а дочь ее Поликсену оставил при себе, дал ей тщательное воспитание, богатое приданое, но никогда не пускал ее себе на глаза. Вторая жена его, Христина-Регина фон-Шеберх, вышла за него в бытность его в Ревеле обер-комендантом, и родила ему множество черных детей обоего пола.

Старший сын, Иван Абрамович, столь же достоин замечания, как и его отец. Он пошел в военную службу вопреки воле родителя, отличился и, ползая на коленях, выпросил отцовское прощение. Под Чесмой он распоряжал брандерами и был один из тех, которые спаслись с корабля, взлетевшего на воздух. В 1770 году взял Наварин; в 1779 выстроил Херсон. Его постановления доныне уважаются в полуденном краю России, где в 1821 году видел я стариков, живо еще хранивших его память. Он поссорился с Потемкиным. Государыня оправдала Ганибала и надела на него Александровскую ленту; но он оставил службу и с тех пор жил по большей части в Суйде, уважаемый всеми замечательными людьми славного века, между прочими Суворовым, который при нем оставлял свои проказы, и которого принимал он не завешивая зеркал и не наблюдая никаких тому подобных церемоний.

Дед мой, Осип Абрамович — настоящее имя его было Январий, но прабабушка моя (родом шведка) не согласилась звать его этим именем, трудным для ее немецкого произношения: «Шорн шорт», говорила она, «делат мне шорна репят и дает им шертовск имя», — дед мой служил во флоте и женился на Марье Алексеевне Пушкиной, дочери тамбовского воеводы, родного брата деду отца моего (который доводится внучатным братом моей матери); и сей брак был несчастлив. Ревность жены и непостоянство мужа были причиною неудовольствий и ссор, которые кончились разводом. Африканский характер моего деда, пылкие страсти, соединенные с ужасным легкомыслием, вовлекли его в удивительные заблуждения. Он женился на другой жене, представя фальшивое свидетельство о смерти первой. Бабушка принуждена была подать просьбу на имя императрицы, которая с живостию вмешалась в это дело. Новый брак деда моего объявлен был незаконным, бабушке моей возвращена трехлетняя ее дочь, а дедушка послан на службу в черноморский флот. 30 лет они жили розно. Дед мой умер в 1807 году, в своей псковской деревне, от следствий невоздержной жизни. Одиннадцать лет после того бабушка скончалась в той же деревне. Смерть соединила их. Они покоятся друг подле друга в Святогорском монастыре.

<30-ые годы>

<ЗАПИСКИ 1831 г.>

26-го июля. Вчера государь император отправился в военные поселения (в Новгородской губернии) для усмирения возникших там беспокойств. Несколько офицеров и лекарей убито бунтовщиками. Их депутаты пришли к Ижору с повинною головою и с роспискою одного из офицеров, которого перед смертию принудили бунтовщики письменно показать, будто бы он и лекаря отравливали людей. Государь говорил с депутатами мятежников, послал их назад, приказал во всем слушаться гр. Орлова, посланного в поселения при первом известии о бунте, и обещал сам к ним приехать. «Тогда я вас прощу», сказал он им. Кажется, все усмирено, а ежели нет еще, то все усмирится присутствием государя.

Однако же сие решительное средство, как последнее, не должно быть употребляемо. Народ не должен привыкать к царскому лицу, как обыкновенному явлению. Расправа полицейская должна одна вмешиваться в волнения площади, — и царский голос не должен угрожать ни картечью, ни кнутом. Чернь перестанет скоро бояться таинственной власти и начнет тщеславиться своими сношениями с государем. Скоро в своих мятежах она будет требовать появления его, как необходимого обряда. Доныне государь, обладающий даром слова, говорил один; но может найтись в толпе голос для

lib.pushkinskijdom.ru

возражения. Таковые разговоры неприличны, а прения площадные превращаются тотчас в рев и вой голодного зверя. Россия имеет 12.000 верст в ширину. Государь не может явиться везде, где может вспыхнуть мятеж.

Покамест полагали, что холера прилипчива как чума, до тех пор карантины были зло необходимое. Но как скоро начали замечать, что холера находится в воздухе, то карантины должны были тотчас быть уничтожены. 16 губерний вдруг не могут быть оцеплены, а карантины, не подкрепленные достаточной цепью, военною силою, — суть только средства к притеснению и причины к общему неудовольствию. Вспомним, что турки предпочитают чуму карантинам. В прошлом году карантины остановили всю промышленность, заградили путь обозам, привели в нищету подрядчиков и извозчиков и чуть не взбунтовали 16 губерний. Злоупотребления неразлучны с карантинными постановлениями, которых не понимают ни употребляемые на то люди, ни народ. Уничтожьте карантины, народ не будет отрицать существования заразы, станет принимать предохранительные меры и прибегнет к лекарям и правительству; но покамест карантины тут, меньшее зло будет предпочтено большему, и народ будет более беспокоиться о своем продовольствии, об угрожающей нищете и голоде, нежели о болезни неведомой и коей признаки так близки к отраве.

29-го июля. Третьего дня государыня родила великого князя Николая. Накануне она позволила фрейлине Россети выйти за Смирнова. Государь приехал перед самыми родами императрицы. Бунт в Новгородских колониях усмирен его присутствием. Несколько генералов, полковников и почти все офицеры полков Аракчеевского и короля прусского перерезаны. Мятежники имели списки мнимых отравителей, т. е. начальников и лекарей. Генерала они засекли на плаце. Над некоторыми жертвами убийцы ругались. Посадив на стул одного маиора, они подходили к нему с шутками: ваше высокоблагородие, что это вы так побледнели? Вы сами не свои. Вы так смирны— и с этим словом били его по лицу. Лекарей убито 15 человек, один из них спасен больными, лежащими в лазарете. Этот лекарь находился 12 лет в колонии, был отменно любим солдатами за его усердие и добродушие. Мятежники отдавали ему справедливость, но хотели однако же его зарезать, ибо и он стоял в списке жертв. Больные вытребовали его из-под караула. Мятежники хотели было ехать к Аракчееву в Грузино, чтоб убить его, а дом разграбить. 30 троек были уже готовы. Жандармский офицер, взявший над ними власть, успел уговорить их оставить это намерение. Он было спас и офицеров полка Прусского короля, уговорив мятежников содержать несчастных под арестом, но после его отъезда убийства совершились. Государь обедал в Аракчеевском полку. Солдаты встретили его с хлебом и медом. Арнт, находившийся при сем, сказал им с негодованием: «Вам бы должно вынести кутью». Государь собрал полк в манеже, приказал попу читать молитвы, приложился и обратился к мятежникам. Он разбранил их, объявил, что не может им простить, и требовал, чтобы они выдали ему зачинщиков. Полк обещался. Свидетели с восторгом и изумлением говорят о мужестве и силе духа императора.

Восемь полков, возмутившихся в Старой Руссе, получили повеление идти в Гатчино.

Сентября 4. Суворов привез сегодня известие о взятии Варшавы. Паскевич ранен в бок. Мартынов и Ефимович убиты. Гейсмар ранен. — Наших пало 6.000. Поляки защищались отчаянно. Приступ начался 24 августа. Варшава сдалась безусловно 27. Раненый Паскевич сказал: Du moins j'ai fait mon devoir. [1] Гвардия всё время стояла под ядрами. Суворов был два раза на переговорах и в опасности быть повешенным. Государь пожаловал его полковником в Суворовском полку. Паскевич сделан князем светлейшим. Скржинецкий скрывается. Лелевель при Ромарино. Суворов видел в Варшаве Montebello (Lasne) Высоцкого, зачинщика революции, гр. А. Потоцкого и других. Взятие под стражу еще не началось. Государь тому удивился; мы также.

[1] По крайней мере я исполнил мой долг.

lib.pushkinskijdom.ru

Сколько в суворовском полку осталось? спросил государь у Суворова.— 300 человек, ваше величество. — «Нет, 301: ты в нем полковник».

На днях скончался в П. Б. Фон-Фок, начальник 3-го отделения Государевой канцелярии (тайной полиции), человек добрый, честный и твердый. Смерть его есть бедствие общественное. Государь сказал: J'ai perdu Fock; je ne puis que le pleurer et me plaindre de n'avoir pas pu l'aimer [1]. Вопрос: кто будет на его месте? важнее другого вопроса: что сделаем с Польшей?

Мнение Жомини о польской кампании. Главная ошибка Дибича состояла в том, что он, предвидя скорую оттепель, поспешил начать свои действия наперекор здравому смыслу. 15 дней — разницы не сделало бы. Счастье во многом помогло Паскевичу: 1) он не мог перейти со всеми силами Вислу, но на Палена Скржинецкий не напал: 2) он должен был пойти на приступ, а из Варшавы выступило 20.000 и ушли слишком далеко. Ошибки Скржинецкого состояли в том, что он пожертвовал 8.000 избранного войска понапрасну под Остролецкой. Позиция его была чрезвычайно сильная, и Паскевич опасался ее. Но Скржинецкого сменили недовольные его действиями или бездействием начальники мятежа, и Польша погибла.

<ЗАМЕТКА О ХОЛЕРЕ>

В конце 1826 года я часто видался с одним дерптским студентом (ныне он гусарский офицер и променял свои немецкие книги, свое пиво, свои молодые поединки на гнедую лошадь, польские грязи и настоящую войну). Он много знал, чему научаются в университетах, между тем как мы с вами выучились танцовать. Разговор его был прост и важен. Он имел обо всем затвержденное понятие, в ожидании собственной поверки. Его занимали такие предметы, о которых я и не помышлял. Однажды, играя со мною в шахматы и дав конем мат моему королю и королеве, он мне сказал: холера-morbus подошла к нашим границам и через пять лет будет у нас.

О холере имел я довольно темное понятие, хотя в 1822 г. старая молдованская княгиня, набеленная и нарумяненная, умерла при мне в этой болезни. Я стал его расспрашивать. Студент объяснил мне, что холера есть поветрие, что в Индии она поразила не только людей и животных, но и самые растения, что она желтой полосою стелется вверх по течению рек, что по мнению некоторых она зарождается от гнилых плодов и прочее — всё, чему после мы успели наслыхаться.

Таким образом в дальнем уезде Псковской губернии молодой студент и ваш покорнейший слуга, вероятно одни во всей России, беседовали о бедствии, которое через 5 лет сделалось мыслию всей Европы. (Как после этого не полюбить университетского учения).

Спустя 5 лет я был в Москве: домашние обстоятельства требовали непременно моего присутствия в нижегородской деревне. Перед моим отъездом Вяземский показал мне письмо, только что им полученное: ему писали о холере, уже перелетевшей из Астраханской губернии в Саратовскую губернию. По всему видно было, что она не минует и Нижегородской (о Москве мы еще не беспокоились). Я поехал с равнодушием, коим был обязан пребыванию моему между азиатцами.

Они не боятся чумы, полагаясь на судьбу и на известные предосторожности, а в моем воображении холера относилась к чуме как элегия к дифирамбу. Приятели, у коих дела были в порядке (или в привычном беспорядке, что совершенно одно), упрекали меня за то и важно говорили, что легкомысленное бесчувствие не есть еще истинное мужество.

На дороге встретил я Макарьевскую ярманку, прогнанную холерой. Бедная ярманка! Она бежала как пойманная воровка, разбросав половину своих товаров, не успев пересчитать свои барыши!

---

[1] Я потерял Фока; могу лишь оплакивать его и жалеть о себе, что не мог его любить.

lib.pushkinskijdom.ru

Воротиться в Москву казалось мне малодушием; я поехал далее, как, может быть, случалось вам ехать на поединок, с досадой и большой неохотой.

Едва успел я приехать, как узнаю, что около меня оцепляются деревни, учреждаются карантины. (Народ ропщет, не понимая строгой необходимости и предпочитая зло неизвестности и загадочное непривычному своему стеснению, мятежи вспыхивают то здесь, то там нелепые). Я занялся моими делами, перечитывая Кольриджа, сочиняя сказочки и не ездя по соседям.

Между тем начинаю думать о возвращении и беспокоиться о карантине. Вдруг (2 октября) получаю известие, что холера в Москве. [Я попался в западню, как-то мне будет вырваться на волю]. Страх меня пронял — в Москве... но об этом когда-нибудь после. Я тотчас собрался в дорогу и поскакал. Проехав 20 верст, ямщик мой останавливается: застава!

Несколько мужиков с дубинами охраняли переправу через какую-то речку. Я стал расспрашивать их (выведывать о карантине, о начальнике): ни они, ни я хорошенько не понимали, зачем они стояли тут с дубинами и с повелением никого не пускать. Я доказывал им, что вероятно где-нибудь да учрежден карантин, что не сегодня, так завтра на него наеду, и в доказательство предложил им серебряный рубль. Мужики со мной согласились, перевезли меня и пожелали многие лета.

I <1831?>

<ПРОГРАММА ЗАПИСОК.>

Кишенев. — Приезд мой из Кавказа и Крыму — Орлов — Ипсиланти — Каменка — Фонт. — Греческая революция — Липранди — 12 год — mort de sa femme — le rénégat[1] — Паша Арзрумской.

<1833>

<ДНЕВНИК 1833—1835 гг.>

1833.

24 ноября. Обедал у К. А. Карамзиной, видел Жуковского. Он здоров и помолодел. Вечером rout у Фикельмонт, странная встреча: ко мне подошел мужчина лет 45, в усах и с проседью. Я узнал по лицу грека и принял его за одного из моих старых кишеневских приятелей. Это был Суццо, бывший молдавский господарь. Он теперь посланником в Париже; не знаю еще, зачем здесь. Он напомнил мне, что в 1821 году был я у него в Кишеневе вместе с Пестелем. Я рассказал ему, каким образом Пестель обманул его и предал Этерию, представя ее императору Александру отраслию карбонаризма. Суццо не мог скрыть ни своего удивления, ни досады, — тонкость фанариота была побеждена хитростию русского офицера! Это оскорбляло его самолюбие.

Государь уехал нечаянно в Москву накануне в ночь.

27. Обед у Энгельгарда, говорили о Сухозанете, назначенном в начальники всем корпусам. C'est apparemment pour donner une autre tournure à ces établissements[2], сказал Энгельгард. Осуждают очень дамские мундиры — бархатные, шитые золотом, — особенно в настоящее время, бедное и бедственное.

Вечер у Вяз<емских>.

28. Роут у В. С. Салтыкова. Гр. Орлов говорит о турецком после: C'est un animal. — Il a donc un secrétaire? — Oui, un Phanariote, et c'est tout dire.[3]

29. Три вещи осуждаются вообще — и по справедливости: 1) выбор Сухозанета, человека запятнанного, вышедшего в люди через Яшвиля, педераста и отъявленного игрока, товарища Мартынова и Никитина. Государь видел в нем только изувеченного воина и назначил ему важнейший пост в государстве, как спокойное местечко в домс инвалидов. 2) Дамские

---

[1] Смерть его жены, отступник.

[2] Это, очевидно для того, чтобы дать другой оборот сим заведениям.

[3] — Это скотина. — А есть у него секретарь? — Да, какой-то фанариот, и этим всё сказано.

lib.pushkinskijdom.ru

мундиры. 3) Выдача гвардейского офицера v.-Бринкена Курляндскому дворянству. Бринкен пойман в воровстве; государь не приказал его судить по законам, а отдал его на суд курляндскому дворянству. Это зачем? К чему такое своенравное различие между дворянином псковским и курляндским; между гвардейским офицером и другим чиновником? Прилично ли государю вмешиваться в обыкновенный ход судопроизводства? Или нет у нас законов на воровство? Что, если курляндцы выключат его из среды своего дворянства и отошлют его, уже как дворянина русского, к суду обыкновенному? Вот вопросы, которые повторяются везде. Конечно, со стороны государя есть что-то рыцарское, но государь не рыцарь... Или хочет он сделать опять из гвардии то, что была она прежде? Поздно!

Молодая графиня Штакельберг (урожд. Тизенгаузен) умерла в родах. Траур у Хитровой и у Фикельмонт.

Вчера играли здесь Les Enfants d'Edouard [1], и с большим успехом, — трагедия, говорят, будет запрещена. Экерн удивляется смелости применений... Блай их не заметил. Блай кажется прав.

30 нояб. Вчера бал у Бутурлина (Жомини), любопытный разговор с Блайем: зачем у вас флот в Балтийском море? для безопасности Петербурга? но он защищен Кронштатом. Игрушка!

— Долго ли вам распространяться? (Мы смотрели карту постепенного распространения России, составленную Бутурлиным). Ваше место Азия; там совершите вы достойный подвиг цивилизации... etc.

Несколько офицеров под судом за неисправность в дежурстве. Великий князь их застал за ужином, кого в шлафорке, кого без шарфа... Он поражен мыслию об упадке гвардии — Но какими средствами думает он возвысить ее дух? При Екатерине караульный офицер ехал за своим взводом в возке и в лисьей шубе. В начале царствования Александра офицеры были своевольны, заносчивы, неисправны — а гвардия была в своем цветущем состоянии...

При открытии Александровской колонны, говорят, будет 100.000 гвардии под ружьем.

Декабрь 1833.

3. Вчера государь возвратился из Москвы, он приехал в 38 часов. В Москве его не ожидали — Во дворце не было ни одной топленой комнаты — Он не мог добиться чашки чаю.

Вчера Гоголь читал мне сказку, *Как Ив. Ив. поссорился с Ив. Тимоф.*,— очень оригинально и очень смешно.

4 вечером у Загряжской (Нат. Кир.). Разговор о Екатерине: Наталья Кирилловна была на галере вместе с Петром III во время революции. Только два раза видела она Екатерину сердитою, и оба раза на кн. Дашкову. Екатерина звала ее в Эрмитаж. Кн. Дашкова спросила у придворных, как ходят они туда. Ей отвечали: через алтарь. Дашкова на другой день с десятилетним сыном прямо забралась в алтарь. Остановилась на минуту— поговорила с сыном о святости того места—и прошла с ним в Эрмитаж. На другой день все ожидали государыни, в том числе и Дашкова — Вдруг дверь отворилась, и государыня влетела и прямо к Дашковой. Все заметили по краске ее лица и по живости речи, что она была сердита. Фрейлины перепугались. Дашкова извинялась во вчерашнем проступке, говоря, что она не знала, чтобы женщине был запрещен вход в алтарь.

— Как вам не стыдно, — отвечала Екатерина, — вы русская — и не знаете своего закона; священник принужден на вас мне жаловаться... Наталья Кирилловна рассказала анекдот с большой живостию. Княгиня Кочубей заметила, что Дашкова вошла вероятно в алтарь — в качестве президента Русской академии. Второго анекдота я не выслушал. —

Шум о дамских мундирах продолжается, — к 6-му мало будет готовых, — позволено явиться в прежних русских платьях.

Храповицкой (автор записок) был некогда адъютантом у графа Кирилла Разумовского. У Елисаветы Петровны была одна побочная дочь, *Будакова*. Это знала Наталья Кирилловна от *прежних* елисаветинских фрейлин.

---

[1] Дети Эдуарда.

lib.pushkinskijdom.ru

Государыня пишет свои записки... Дойдут ли они до потомства? Елисавета Алексеевна писала свои, они были сожжены ее фрейлиною; Мария Федоровна также, — государь сжег их по ее приказанию, — какая потеря! Елисавета хотела завещать свои записки Карамзину (слыш. от Катерины Андреевны).

6 декабря. Именины государя. Мартынов комендант. 4 полных генералов. — Перовский — генерал-лейтенант. — Меншиков адмирал. Дамы представлялись в русском платье. На это некоторые смотрят как на торжество. Скобелев безрукий сказал кн. В-ой: я отдал бы последние три пальца для такого торжества! В. сначала не могла его понять.

Обедал у гр. А. Бобринского... Мятлев читал уморительные стихи. Молодые офицеры, которых великий князь застал ночью в неисправности, и которые содержались под арестом, прощены.

14 декабря. Обед у Блая, вечер у Ст.

11-го получено мною приглашение от Бенкендорфа явиться к нему на другой день утром. Я приехал. Мне возвращен «Медный всадник» с замечаниями государя. Слово *кумир* не пропущено высочайшей цензурою; стихи

И перед младшею столицей
Померкла старая Москва,
Как перед новою царицей
Порфироносная вдова —

вымараны. На многих местах поставлен (?), — все это делает мне большую разницу. Я принужден был переменить условия со Смирдиным.

Кочубей и Нессельроде получили по 200,000 на прокормление своих голодных крестьян, — эти четыреста тысяч останутся в их карманах. В голодный год должно стараться о снискании работ и о уменьшении цен на хлеб; если же крестьяне узнают, что правительство или помещики намерены их кормить, то они не станут работать, и никто не в состоянии будет отвратить от них голода. Всё это очень соблазнительно — В обществе ропщут, — а у Нессельроде и Кочубей будут балы — (что также есть способ льстить двору).

15. Вчера не было обыкновенного бала при дворе; императрица была нездорова. — Поутру обедня и молебен. 15 бал у Кочубея. — Императрица должна была быть, но не приехала. Она простудилась. — Бал был очень блистателен. — Гр. Шувалова удивительно была хороша.—

17. Вечер у Жуковского. Немецкий amateur[1] ученик Тиков, читал Фауста — неудачно, по моему мнению —

В городе говорят о странном происшествии. В одном из домов, принадлежащих ведомству придворной конюшни, мебели вздумали двигаться и прыгать; дело пошло по начальству—кн. В. Долгорукий нарядил следствие — Один из чиновников призвал попа, но во время молебна стулья и столы не хотели стоять смирно. Об этом идут разные толки. N сказал, что мебель придворная и просится в Аничков.

Улицы не безопасны. Сухтельн был атакован на Дворцовой площади и ограблен. Полиция, видно, занимается политикой, а не ворами и мостовою. — Блудова обокрали прошедшею ночью.

1834.

1 января. Третьего дня я пожалован в камер-юнкеры — (что довольно неприлично моим летам). Но двору хотелось, чтобы Наталья Николаевна танцовала в Аничкове. Так я же сделаюсь русским Dangeau.

Скоро по городу разнесутся толки о семейных ссорах Безобразова с молодою своей женою. Он ревнив до безумия. Дело доходило не раз до драки и даже до ножа, — он прогнал всех своих людей, не доверяя никому. Третьего дня она решилась броситься к ногам государыни, прося развода или чего-то подобного. Государь очень сердит. Безобразов под арестом. Он, кажется, сошел с ума.

---

[1] Любитель.

lib.pushkinskijdom.ru

Меня спрашивали, доволен ли я моим камер-юнкерством. Доволен, потому что государь имел намерение отличить меня, а не сделать смешным,— а по мне хоть в камер-пажи, только б не заставили меня учиться французским вокабулам и арифметике.

Встретил новый год у Натальи Кирилловны Загряжской. Разговор со Сперанским о Пугачеве, о Собрании Законов, о первом времени царствования Александра, о Ермолове etc. —

7-го. Вигель получил звезду и очень ею доволен. Вчера был он у меня. — Я люблю его разговор — он занимателен и делен, но всегда кончается толками о мужеложстве. — Вигель рассказал мне любопытный анекдот. Некто Норман или Леэрман, сын кормилицы Екатерины II, умершей 96 лет, некогда рассказал Вигелю следующее. — Мать его жила в белорусской деревне, пожалованной ей государыней. Однажды сказала она своему сыну: Запиши сегодняшнее число: я видела странный сон. Мне снилось, будто я держу на коленях маленькую мою Екатерину в белом платьице — как помню ее 60 лет тому назад. Сын исполнил ее приказание. Несколько времени спустя, дошло до него известие о смерти Екатерины. Он бросился к своей записке, — на ней стояло 6-ое ноября 1796. Старая мать его, узнав о кончине государыни, не оказала никакого знака горести, но замолчала — и уже не сказала ни слова до самой своей смерти, случившейся пять лет после.

В свете очень шумят о Безобразовых — Он еще под арестом — Жена его вчера ночью уехала к своему брату, к дивизионному генералу. Думают, что Безобразов не останется флигель-адъютантом.

Государь сказал княгине Вяземской: J' espère que Pouchkine a pris en bonne part sa nomination. Jusqu'à présent il m'a tenu parole, et j'ai été content de lui etc. etc. [1] Великий князь намедни поздравил меня в театре: — Покорнейше благодарю, ваше высочество; до сих пор все надо мною смеялись, вы первый меня поздравили.

17 <*января*>. Бал у гр. Бобринского, один из самых блистательных. Государь мне о моем камер-юнкерстве не говорил, а я не благодарил его. Говоря о моем Пугачеве, он сказал мне: Жаль, что я не знал, что ты о нем пишешь; я бы тебя познакомил с его сестрицей, которая тому три недели умерла в крепости *неразбр.* (с 1774-го году!). Правда, она жила на свободе в предместье, но далеко от своей донской станицы, на чужой, холодной стороне. Государыня спросила у меня, куда ездил я летом. Узнав, что в Оренбург, осведомилась о Перовском с большим добродушием.

26-го января. В прошедший вторник зван я был в Аничков. Приехал в мундире. Мне сказали, что гости во фраках. — Я уехал оставя Наталью Николаевну, и, переодевшись, отправился на вечер к С. В. Салтыкову — государь был недоволен, и несколько раз принимался говорить обо мне: Il aurait pu se donner la peine d'aller mettre un frac et de revenir. Faites lui des reproches. [2]

В четверг был у кн. Трубецкого, траур по каком-то князе (т. е. принце). Дамы в черном. Государь приехал неожиданно. Был на пол-часа. Сказал жене: Est-ce à propos de bottes ou de boutons que votre mari n'est pas venu dernièrement? [3] (Мундирные пуговицы. Старуха гр. Бобринская извиняла меня тем, что у меня не были они нашиты).

Барон д'Антес и маркиз де Пина, два шуана, будут приняты в гвардию прямо офицерами. Гвардия ропщет. Безобразов отправлен на Кавказ, жена его уже в Москве.

28 февраля. Протекший месяц был довольно шумен, — множество балов, раутов etc. Масленица. Государыня была больна, и около двух недель не выезжала, я представлялся. Государь позволил мне печатать

---

[1] Я надеюсь, что Пушкин принял в хорошую сторону свое назначение. До сих пор он держал данное мне слово, и я был доволен им, и пр. и пр.

[2] Он мог бы задать себе труд съездить надеть фрак и возвратиться. Попеняйте ему.

[3] Из-за башмаков или из-за пуговиц ваш муж не явился недавно?

lib.pushkinskijdom.ru

Пугачева; мне возвращена моя рукопись с его замечаниями (очень дельными). В воскресенье на бале, в концертной, государь долго со мною разговаривал: он говорит очень хорошо, не смешивая обоих языков, не делая обыкновенных ошибок и употребляя настоящие выражения —

Вчера обед у гр. Бобринского. Третьего дня бал у гр. Шувалова. На бале явился цареубийца Скарятин. Великий князь говорил множество каламбуров: полиции много дела; (такой *распутной* масляницы я не видывал). Сегодня бал у австрийского посланника.

6 марта. Слава Богу! Масленица кончилась, а с нею и балы.

Описание последнего дня масленицы *(4-го мар.)* даст понятие и о прочих. Избранные званы были во дворец на бал утренний к половине первого. Другие на вечерний, к половине девятого. Я приехал в 9. Танцовали мазурку, коей оканчивался утренний бал. Дамы съезжались, а те, которые были с утра во дворце, переменяли свой наряд — Было пропасть недовольных: те, которые званы были на вечер, завидывали утренним счастливцам. Приглашения были разосланы кое-как и по списку балов князя Кочубея; таким образом ни Кочубей, ни его семейство, ни его приближенные не были приглашены, потому что их имена в списке не стояли — Всё это кончилось тем, что жена моя выкинула. Вот до чего доплясались.

Царь дал мне взаймы 20,000 на напечатание Пугачева — Спасибо.

В городе много говорят о связи молодой княгини С<уворовой> с графом В<итгенштейном> — Заметили на ней новые бриллианты, — рассказывали, что она приняла их в подарок от В. — (будто бы по завещанию покойной его жены), что С. имел за то жестокое объяснение с женою etc. etc. Всё это пустые сплетни: бриллианты принадлежали К-вой, золовке С-вой, и были присланы из Одессы для продажи. Однако неосторожное поведение С-вой привлекает общее внимание. Царица ее призывала к себе и побранила ее, царь еще пуще. С-ва расплакалась. Votre Majesté, je suis jeune, je suis heureuse, j'ai des succès, voilà pourquoi l'on m'envie, etc.[1] С. очень глупа, и очень смелая кокетка, если не хуже —

Соб. говорит о графе Вельегорском: Il est du juste milieu, car il est toujours entre deux vins.[2]

3 марта. Был я вечером у кн. Одоевского. Соб. любезничая с Ланской (бывшей Полетика), сказал ей велегласно: le ciel n'est pas plus pur que le fond de mon cul.[3] Он ужасно смутился, свидетели (в том числе Ланская) не могли воздержаться от смеха. Княгиня Одоевская обратилась к нему, позеленев от злости, — Соб. убежал.

13 июля 1826 года в полдень, государь находился в Царском Селе. Он стоял над прудом, что за Кагульским памятником, и бросал платок в воду, заставляя собаку свою выносить его на берег. В эту минуту слуга прибежал сказать ему что-то на ухо. Царь бросил и собаку, и платок и побежал во дворец — собака, выплыв на берег и не нашед его, оставила платок и побежала за ним. Фр.... подняла платок в память исторического дня.

8 марта. Вчера был у Смирновой, ц. н., анекдоты: Жуковский поймал недавно на бале у Фикельмон (куда я не явился, потому что все были в мундирах) цареубийцу Скарятина и заставил его рассказывать 11-ое марта. Они сели. В эту минуту входит государь с гр. Бенкендорфом и застает наставника своего сына, дружелюбно беседующего с убийцей его отца! Скарятин снял с себя шарф, прекративший жизнь Павла I-го — Княжна Туркистанова, фрейлина, была в тайной связи с покойным государем и с кн. Владимиром Голицыным, который ее обрюхатил. Княжна призналась государю. Приняты были нужные меры, и она родила во дворце, так что никто и не подозревал. Императрица Мария Федоровна приходила к ней и читала ей евангелие, в то время как она без памяти лежала в постеле. Ее перевезли в другие комнаты — и она умерла. Государыня сердилась, узнав обо всём: Вл. Голицын разболтал всё по городу —

---

[1] Ваше величество я молода, я счастлива, имею успех, вот почему мне завидуют, и пр.

[2] Он держится середины, потому что всегда меж двух бутылок.

[3] Небо не чище недр моего зада («cul» — вместо «coeur», сердце).

lib.pushkinskijdom.ru

На похоронах Уварова покойный государь следовал за гробом. Аракчеев сказал громко (кажется А. Орлову): Один царь здесь его провожает, каково-то другой там его встретит? (Уваров один из цареубийц 11-го марта).

Государь не любит Аракчеева. Это изверг, говорил он в 1825 году (après avoir travaillé avec lui et rentrant chez l'impératrice dans le plus grand désorde de toilette) [1].

17 марта. Вчера было совещание литературное у Греча об издании русского Conversation's-Lexicon [2]. Нас было человек со сто, большею частию неизвестных мне русских великих людей. Греч сказал мне предварительно: Плюшар в этом деле есть шарлатан, а я пальяс: пью его лекарство и хвалю его. Так и вышло. Я подсмотрел много шарлатанства и очень мало толку. Предприятие в миллион, а выгоды... Не говорю уже о чести. Охота лезть в омут, где полощутся Булгарин, Полевой и Свиньин — Гаевский подписался, но с условием. Князь Одоевский и я последовал его примеру. Вяземский не был приглашен на сие литературное сборище. Тут я встретил доброго Галича и очень ему обрадовался. Он был некогда моим профессором и ободрял меня на поприще, мною избранном. Он заставил меня написать для экзамена 1814 года мои *«Воспоминания в Царском Селе»*. Устрялов сказывал мне, что издает процесс Никонов. Важная вещь!

Третьего дня обед у австрийского посланника. Я сделал несколько промахов: 1) приехал в 5 часов, вместо 5½, и ждал несколько времени хозяйку, 2) приехал в сапогах, что сердило меня во всё время. Сидя втроем с посланником и его женою, разговорился я об 11-м марте. Недавно на бале у него был цареубийца Скарятин; Фикельмонт не знал за ним этого греха. Он удивляется странностям нашего общества, но покойный государь окружен был убийцами своего отца. Вот причина, почему при жизни его никогда не было бы суда над молодыми заговорщиками, погибшими 14-го декабря. Он услышал бы слишком жестокие истины, — государь, ныне царствующий, первый у нас имел право и возможность казнить цареубийц или помышления о цареубийстве; его предшественники принуждены были терпеть и прощать.

Много говорят о бале, который должно дать дворянство по случаю совершеннолетия государя наследника. Князь Долгорукий (обер-шталмейстер и петербургский предводитель) и граф Шувалов распоряжают этим. Долгорукий послал Нарышкину письмо, писанное по-французски, в котором просил он его участвовать в подписке. Нарышкин отвечал. «Милостивый государь, из перевода с письма вашего сиятельства усмотрел я etc». Вероятно купечество даст также свой бал. Праздников будет на пол-миллиона. Что скажет народ, умирающий с голода?

Из Москвы пишут, что Безобразова выкинула.

Из Италии пишут, что графиня Полье идет замуж за какого-то принца, вдовца и богача, — похоже на шутку, но здесь об этом смеются и рады верить.

20. Третьего дня был у кн. Мещерского. Из кареты моей украли подушки, но оставили медвежий ковер, вероятно за недосугом.

Некто Карцов, женатый на парижской девке в 1814 году, развелся с нею и жил розно. На днях он к ней пришел ночью и выстрелил ей в лицо из пистолета, заряженного ртутью. Он под судом, она еще жива.

2 апреля. На днях (в прошлый четверг) обедал у кн. Ник. Трубецкого с Вяземским, Нар. и с Кукольником, которого видел в первый раз. Он кажется очень порядочный молодой человек. Не знаю, имеет ли он талант. Я не дочел его «Тасса», и не видал его «Руки» etc. Он хороший музыкант. Вяземский сказал об его игре на фортепьяно: Il brédouille en musique comme en vers. [3] Кукольник пишет Ляпунова. Хомяков тоже—Ни тот, ни другой не напишут хорошей трагедии. Барон Розен имеет более таланта —

---

[1]. Поработав с ним и возвращаясь к императрице в совершенно беспорядочном костюме.

[2] Энциклопедии.

[3] «Он бормочет в музыке как в стихах».

lib.pushkinskijdom.ru

Третьего дня в Английском клобе избирали новых членов. Смирнов (кам.-юнкер) был забалотирован; иные говорят потому, что его записал Икскуль; другие потому, что его смешали с его однофамильцем игроком. Не правда: его не хотели выбрать некоторые гвардейские офицеры, которые, подпив, тут буянили. Однако большая часть членов вступилась за Смирнова. Говорили, что после такого примера ни один порядочный человек не возьмется предложить нового члена, что шутить общем мнением не годится, и что надлежит снова балотировать. Закон говорит именно, что раз забалотированный человек не имеет уже никогда права быть избираемым, но были исключения: гр. Чернышев (воен. министр) и Гладков (обер-полицмейстер), их избрали по желанию правительства, хотя по первому разу они и были отвергнуты. Смирнова балотировали снова, и он был выбран — Это впрочем делает ему честь — он не министр и не обер-полицмейстер. И знак уважения к человеку частному должно быть ему приятно.

Кн. Одоевский, доктор Гаевский, Зайцевский и я выключены из числа издателей Conversation's Lexicon. Прочие были обижены нашей оговоркою; но честный человек, говорит Одоевский, может быть однажды обманут; но в другой раз обманут только дурака. Этот лексикон будет не что иное, как «*Северная Пчела*» и «*Библиотека для чтения*» в новом порядке и объеме —

В прошлое воскресение обедал я у Сперанского. Он рассказал мне о своем изгнании в 1812 году. Он выслан был из Петербурга по Тихвинской глухой дороге. Ему дан был в провожатые полицейский чиновник, человек добрый и глупый. На одной станции не давали ему лошадей; чиновник пришел просить покровительства у своего арестанта: ваше превосходительство! помилуйте! заступитесь великодушно. Эти канальи лошадей нам не дают —

Сперанский у себя очень любезен. — Я говорил ему о прекрасном начале царствования Александра: *Вы и Аракчеев, вы стоите в дверях противоположных этого царствования, как Гении Зла и Блага.* Он отвечал комплиментами и советовал мне писать историю моего времени.

7 апреля. «Телеграф» запрещен. — Уваров представил государю выписки, веденные несколько месяцев и обнаруживающие неблагонамеренное направление, данное Полевым его журналу. (Выписки ведены Брюновым, по совету Блудова). Жуковский говорит: *я рад, что «Телеграф» запрещен, хотя жалею, что запретили.* «Телеграф» достоин был участи своей; мудрено с большей наглостию проповедовать якобинизм перед носом правительства, но Полевой был баловень полиции. Он умел уверить ее, что его либерализм пустая только маска —

Вчера raout у гр. Фикельмонт. S. не была. Впрочем весь город.

Моя «*Пиковая дама*» в большой моде — Игроки понтируют на тройку, семерку и туза. При дворе нашли сходство между старой графиней и кн. Натальей Петровной и, кажется, не сердятся...

Гоголь по моему совету начал Историю русской критики.

8 апреля. Вчера raout у кн. Одоевского. Изъяснения с S. К. Вся семья гр. Л**. гр. Кас.., идеализированная ее мать. Сейчас еду во дворец представиться царице.

2 часа. Представлялся. Ждали царицу часа три. Нас было человек 20. Брат Паскевича, Шереметев, Болховской, два Корфа, Вольховский и другие. Я по списку был последний. Царица подошла ко мне смеясь: Non, c'est unique!.. Je me creusais la tête pour savoir quel Pouchkine me sera présenté. Il se trouve que c'est vous!.. Comment va votre femme? Sa tante est bien impatiente de la voir en bonne santé, la fille de son coeur, sa fille d'adoption...[1] и перевернулась. Я ужасно люблю царицу, несмотря на то, что ей уж 35 лет и даже 36.

---

[1] «Нет, это беспримерно!.. я себе голову ломала, думая, какой Пушкин будет мне представлен. Оказывается, что это вы!.. Как поживает ваша жена? Ее тетке хочется поскорее увидеть ее в добром здоровье, — ведь она дочь ее сердца, ее приемная дочь»....

lib.pushkinskijdom.ru

Я простился с Вольховским, который на днях едет в Грузию. Болховской сказывал мне, что Воронцову вымыли голову по письму Котляревского (героя). Он (т. е. Б.) очень зло отзывается об одесской жизни, о гр. Воронцове, о его соблазнительной связи с О. Нарышкиной etc. etc. — Хвалит очень графиню Воронцову.

Бринкена, сказывают, финляндское дворянство повесило или повесит.

10 апреля. Вчера вечер у Уварова — живые картины — Долго сидели в темноте. S. не было — скука смертная! После картин вальс и кадриль, ужин плохой — Говоря о Свиньине, предлагающем Российской Академии свои манускрипты XVI-го века, Уваров сказал: надобно будет удостовериться, нет ли тут подлога. Пожалуй, Свиньин продаст за старинные рукописи тетрадки своих мальчиков.

Говорят, будто бы Полевой в крепости: какой вздор! —

11-е апреля. Сейчас получаю от графа Строгонова листок «Франкфуртского журнала», где напечатана следующая статья:

S.-Pétersbourg, 27 février.

Depuis la catastrophe de la révolte de Varsovie les Coryphées de l'émigration Polonaise nous ont démontré trop souvent par leurs paroles et leurs écrits que pour avancer leurs desseins et disculper leur conduite antérieure, ils ne craignent pas le mensonge et la calomnie: aussi personne ne s'étonnera des nouvelles preuves de leur impudence obstinée... [1]

(Дело идет о празднике, данном в Брюсселе польскими эмигрантами, и о речах, произнесенных Лелевелем, Пулавским, Ворцелем и другими. Праздник был дан в годовщину 14-го декабря).

... après avoir faussé de la sorte l'histoire des siècles passés pour la faire parler en faveur de sa cause, M. Lelevel maltraite de même l'histoire moderne. En ce point il est conséquent.

Il nous retrace à sa manière le développement progressif du principe révolutionnaire en Russie, il nous cite l'un des meilleurs poëtes Russes de nos jours afin de révéler par son exemple la tendance politique de la jeunesse Russe. Nous ignorons si A. Pouchkine à une époque où son talent éminent en fermentation ne s'étoit pas débarrassé encore de son écume, a composé les strophes citées par Lelevel; mais nous pouvons assurer avec conviction qu'il se repentira d'autant plus des premiers essais de sa Muse, qu'ils ont fourni à un ennemi de sa patrie l'occasion de lui supposer une conformité quelconque d'idées ou d'intentions. Quant au jugement porté par Pouchkine relativement à la rebellion Polonaise il se trouve énoncé dans son poëme *Aux detracteurs de la Russie* qu'il a fait paraître dans le temps.

Puisque cependant le S. Lelevel semble éprouver de l'intérêt sur le sort de ce poëte *rélegué aux confins réculés de l'empire,* notre humanité naturelle nous porte à l'informer de la présence de Pouchkine à Pétersbourg, en remarquant qu'on le voit souvent à la cour et qu'il y est traité par son Souverain avec bonté et bienveillance.... [2]

---

[1] «С.-Петербург, 27 февраля. Со времени крушения варшавского мятежа корифеи польской эмиграции слишком часто доказывали нам своими словами и писаниями, что для того, чтобы дать ход своим намерениям и оправдать свое прежнее поведение, они не страшатся лжи и клеветы: поэтому никто не будет поражен новыми образцами их упорного бесстыдства»....

[2] «...извратив таким образом историю прошедших веков, чтобы заставить ее говорить в пользу данного дела, г. Лелевель так же дурно поступает с новейшей историей. В этом отношении он последователен.

Он передает нам на свой лад поступательное развитие революционного принципа в России, он цитирует нам одного из лучших современных русских поэтов, чтобы на его примере выявить политическое направление русской молодежи. Не знаем, сложил ли А. Пушкин в те времена, когда его неперебродивший выдающийся талант еще не избавился от накипи, строфы, приведенные Лелевелем, но можем убежденно уверять, что он тем более раскается в первых опытах своей Музы, что они доставили врагу его отечества случай предположить в нем какое бы то ни было сходство мыслей

lib.pushkinskijdom.ru

14 апреля. Вчера концерт для бедных. — Двор в концерте — 800 мест и 2000 билетов!

Ропщут на двух дам, выбранных для будущего бала в представительницы петербургского дворянства: княгиню К. Ф. Долгорукую и графиню Шувалову. Первая наложница кн. Потемкина и любовница всех итальянских кастратов, а вторая — кокетка польская, т. е. очень неблагопристойная. Надобно признаться, что мы в благопристойности общественной не очень тверды.

Слух о том, что Полевой был взят и привезен в Петербург, подтверждается. Говорят, кто-то его встретил в большом смущении здесь на улице тому с неделю.

16-го. Вчера проводил Наталью Николаевну до Ижоры. Возвратясь, нашел у себя на столе приглашение на дворянский бал и приказ явиться к графу Литте. Я догадался, что дело идет о том, что я не явился в придворную церковь ни к вечерне в субботу, ни к обедне в вербное воскресение. Так и вышло: Ж. сказал мне, что государь был недоволен отсутствием многих камергеров и камер-юнкеров, и сказал: если им тяжело выполнять свои обязанности, то я найду средство их избавить.

Литта, толкуя о том же с К. А. Нарышкиным, сказал с жаром: Mais enfin il y a des règles fixes pour les chambellans et les gentilhommes de la chambre. На что Нарышкин возразил: pardonnez moi, ce n'est que pour les demoiselles d'honneur. [1]

Однакож я не поехал на головомытье, а написал изъяснение.

Говорят, будто бы на днях выдет указ о том, что уничтожается право русским подданным пребывать в чужих краях. Жаль во всех отношениях, если слух сей оправдается.

Сув. брюхата и, кажется, не во время. Любопытные справляются в «Инвалиде» о времени приезда ее мужа в Петербург. Она уехала в Москву.

Середа на святой неделе. Праздник совершеннолетия совершился. Я не был свидетелем. Это было вместе торжество государственное и семейственное. Великий князь был чрезвычайно тронут. Присягу произнес он твердым и веселым голосом, но, начав молитву, принужден был остановиться и залился слезами. Государь и государыня плакали также. Наследник, прочитав молитву, кинулся обнимать отца, который расцеловал его в лоб и в очи и в щеки и потом подвел сына к императрице. Все трое обнялися в слезах. Присяга в Георгиевской зале под знаменами была повторением первой — и охолодила действие. Все были в восхищении от необыкновенного зрелища— многие плакали; а кто не плакал, тот отирал сухие глаза, силясь выжать несколько слез. Дворец был полон народу; мне надобно было свидеться с Катериной Ивановной Загряжской — я к ней пошел по задней лестнице, надеясь никого не встретить, но и тут была давка. Придворные ропщут; их не пустили в церковь, куда, говорят, всех пускали. Всегда много смешного подвернется в случаи самые торжественные. Филарет сочинял службу на случай присяги. Он выбрал для паремии главу из Книги Царств, где между прочим сказано, что *царь собрал и тысящников, и сотников, и евнухов своих.* К. А. Нарышкин сказал, что это искусное применение к камергерам, а в городе стали говорить, что во время службы будут молиться за евнухов. Принуждены были слово евнух заменить другим.

Милостей множество. Кочубей сделан государственным канцлером.

и стремлений. Что касается до высказанного Пушкиным суждения о польском восстании, то оно заключается в его пьесе «Клеветникам России», которую он выпустил в свет в свое время.

Так как однако г. Лелевель, повидимому, интересуется судьбою этого поэта, «сосланного в отдаленные края империи», то присущее нам естественное человеческое чувство вынуждает нас сообщить ему, что Пушкин живет в Петербурге, и отметить, что его часто видят при дворе, причем он пользуется милостью и благоволением своего государя»....

[1] Но наконец есть же определенные правила для камергеров и камер-юнкеров. — Извините, это только для фрейлин. [Игра слов: règles по-французски значит и правила, и регулы.].

lib.pushkinskijdom.ru

Мердер умер, человек добрый и честный, незаменимый. Великий князь еще того не знает. От него таят известие, чтобы не отравить его радости. Откроют ему после бала 28-го. Также умер Аракчеев, и смерть этого самодержца не произвела никакого впечатления. Губернатор новогородский приехал в Петербург и явился к Блудову с известием о его болезни и для принятия приказаний на счет бумаг, у графа находящихся. Это не мое дело, отвечал Блудов, отнеситесь к Бенкендорфу. В Грузино посланы Клейнмихель и Игнатьев.

Петербург полон вестями и толками об минувшем торжестве. Разговоры несносны. Слышишь везде одно и то же. Одна Смирнова по прежнему мила и холодна к окружающей суете. Дай бог ей счастливо родить, а страшно за нее.

3 мая. Прошедшего апреля 28 был наконец бал, данный дворянством по случаю совершеннолетия великого князя. Он очень удался, как говорят, — не было суматохи при разъезде, ни несчастия на тесной улице от множества собравшегося народа.

Царь уехал в Царское Село.

Мердер умер в Италии — Великому князю, очень к нему привязанному, не объявляли о том до самого бала.

Вышел указ о русских подданных, пребывающих в чужих краях. Он есть явное нарушение права, данного дворянству Петром III; но так как допускаются исключения, то и будет одной из бесчисленных пустых мер, принимаемых ежедневно к досаде благомыслящих людей и ко вреду правительства.

Гуляние 1-го мая не удалось от дурной погоды, — было экипажей десять. Графиня Хребтович однако поплелась туда же: мало ей рассеяния. Случилось несчастие: какая-то деревянная башня, памятник затей Милорадовича в Екатерингофе, обрушилась, и несколько людей, бывших на ней, ушиблись. Кстати вот надпись к воротам Екатерингофа:

Хвостовым некогда воспетая дыра!
Провозглашаешь ты природы русской скупость,
Самодержавие Петра
И Милорадовича глупость.

Гоголь читал у Дашкова свою комедию. Дашков звал Вяземского на свой вечер, говоря в своей записке:

Molière avec Tartuffe y doit jouer son rôle
Et Lambert, qui plus est, m'a donné sa parole[1].

Вяземский отвечал:

Как! будет граф Ламбер и с ним его супруга.
Зовите ж и Лаваль.

Лифляндское дворянство отказалось судить Бринкена, по тому что он воспитывался в корпусе в Петербурге. Вот тебе шиш, и по делом.

10 мая. Несколько дней тому получил я от Жуковского записочку из Царского Села. Он уведомлял меня, что какое-то письмо мое ходит по городу, и что государь об нем ему говорил. Я вообразил, что дело идет о скверных стихах, исполненных отвратительного похабства, и которые публика благосклонно и милостиво приписывала мне. Но вышло не то. Московская почта распечатала письмо, писанное мною Наталье Николаевне, и, нашед в нем отчет о присяге великого князя, писанный, видно, слогом не официальным, донесла обо всем полиции. Полиция, не разобрав смысла, представила письмо государю, который сгоряча также его не понял. К счастию письмо показано было Жуковскому, который и объяснил его. Всё успокоилось. Государю неугодно было, что о своем камер-юнкерстве отзывался

[1] «Тартюфа» прочитать нам должен там Мольер,
И, более того, дал слово быть Ламбер.
[Из 3-ей сатиры Буало «Описание одного смешного обеда».] *Ред.*

lib.pushkinskijdom.ru

я не с умилением и благодарностью, — но я могу быть подданным, даже рабом, но холопом и шутом не буду и у Царя Небесного. Однако какая глубокая безнравственность в привычках нашего правительства! Полиция распечатывает письма мужа к жене и приносит их читать царю (человеку благовоспитанному и честному), и царь не стыдится в том признаться — и давать ход интриге, достойной Видока и Булгарина! Что ни говори, мудрено быть самодержавным.

12 <мая>. Вчера был парад, который как-то не удался. Государь посадил наследника под арест на дворцовую обвахту за то, что он проскакал галопом вместо рыси.

Аракчеев во время прошедшего царствования выпросил майоратство для Грузина, предоставя себе избрать себе наследника, а в случае незапной смерти поручая то государю. Он умер не написав духовной и не причастившись, потому что, по его мнению, должен он был дожить до 30 августа, дня открытия Александровской колонны. Государь назначил наследником графу Аракчееву кадетской Новогородский корпус, которому и повелено назваться Аракчеевским.

21 <мая>. Вчера обедал у Смирновых с Полетикой, с Вельгорским, и с Жуковским. Разговор коснулся Екатерины. Полетика рассказал несколько анекдотов. Некто Чертков, человек крутой и неустойчивый, был однажды во дворце, Зубов подошел к нему и обнял его, говоря: Ах ты мой красавец! Чертков был очень дурен лицом. Он осердился и, обратясь к Зубову, сказал ему: я, сударь, моею фигурою фортуны себе не ищу. Все замолчали. Екатерина, игравшая тут-же в карты, обратилась к Зубову и сказала: вы не можете помнить *такого-то* (Черткова по имени и отчеству), а я помню и могу вас уверить, что он очень был недурен.

Конец ее царствования был отвратителен. Константин уверял, что он в Таврическом дворце застал однажды свою старую бабку с графом Зубовым. Все негодовали, но вошарился Павел, и негодование увеличилось. Lahatpe показывал письма молодого великого князя (Александра), в которых сильно выражается это чувство. Я видел письма его же Ланжерону, в которых он говорит столь же откровенно. Одна фраза меня поразила: Je vous écris peu et rarement parce que je suis sous la hache.[1] Ланжерон был тогда недоволен и сказал мне: voilà comme il m'écrivait; il me traitait de son ami, me confiait tout — aussi lui étais-je dévoué. Mais à présent, ma foi, je suis prêt à detacher ma propré écharpe.[2] В Александре было много детского. Он писал однажды Лагарпу, что, дав свободу и конституцию земле своей, он отречется от трона и удалится в Америку. Полетика сказал: L'Empereur Nicolas est plus positif, il a des idées fausses comme son frère, mais il est moins visionaire.[3] Кто-то сказал о государе: Il y a beaucoup de praporchique en lui et peu de Pierre le Grand.[4]

2 июня. Много говорят в городе об Медеме, назначенном министром в Лондон. Это дипломатические *суспиции*, как говорят городничихи. Англия не посылала нам посланника; мы отзываем Ливена. Блай недоволен, он говорит: mais Medème c'est un tout jeune homme, c'est à dire un blanc-bec.[5] Государь не хотел принять Каннинга (Stangfor), потому что, будучи великим князем, имел с ним какую-то неприятность.

26 мая был я на пароходе и провожал Мещерских, отправляющихся в Италию.

На другой день представлялся великой княгине. Нас было человек 8. Между прочим Красовский (славный цензор). Великая княгиня спросила

---

[1] Я пишу вам мало и редко, потому что я под топором.

[2] Вот как он мне писал; он обращался со мною как со своим другом, все мне поверял, — зато и я был ему предан. Но теперь, право, я готов снять с себя собственный шарф.

[3] Император Николай положительнее, у него есть ложные идеи, как у его брата, но он менее мечтателен.

[4] В нем много прапорщика и мало Петра Великого.

[5] Но ведь Медем совсем молодой человек, т.-е. молокосос.

lib.pushkinskijdom.ru

его: Cela doit bien vous ennuyer d'être obligé de lire tout ce qui paraît. Oui, V. A. I. отвечал он, la littérature actuelle est si détestable que c'est un supplice.[1] Великая княгиня скорей от него отошла — говорила со мной о Пугачеве.

Вчера вечер у Катерины Андреевны. Она едет в Тайцы, принадлежавшие некогда Ганибалу, моему прадеду. У нее был Вяземский, Жуковский и Полетика. — Я очень люблю Полетику. Говорили много о Павле I-м, романтическом нашем императоре.

3-го июня обедали мы у Вяземского: Жуковский, Давыдов и Киселев. Много говорили об его правлении в Валахии. Он, может, самый замечательный из наших государственных людей, не исключая Ермолова, великого шарлатана.

Цари уехали в Петергоф.

Вечер у См.... с женой выиграл 1,200 р.

Генерал Болховской хотел писать свои записки (и даже начал их; некогда, в бытность мою в Кишеневе, он их мне читал). Киселев сказал ему: помилуй! да о чем ты будешь писать? что ты видел? — Что я видел? возразил Болховской. Да я видел такие вещи, о которых никто и понятия не имеет. Начиная с того, что я видел голую жопу государыни (Екатерины II-ой, в день ее смерти).

Гр. Фикельмон очень болен. Семья его в большом огорчении. Elisa им и живет.

19 числа послал 1000 Нащокину. Слава Богу! слухи о смерти его сына ложны.

Тому недели две получено здесь известие о смерти кн. Кочубея. Оно произвело сильное действие; государь был неутешен. Новые министры повесили голову. Казалось, смерть такого ничтожного человека не должна была сделать никакого переворота в течении дел. Но такова бедность России в государственных людях, что и Кочубея некем заменить! Вот суждение о нем: C'était un esprit éminemment conciliant, nul n'excellait comme lui à trancher une question, à amener les opinions à s'entendre etc.[2] Без него Совет иногда превращался только что не в драку, так что принуждены были посылать за ним больным, чтоб его присутствием усмирить волнение. Дело в том, что он был человек хорошо воспитанный, — и это у нас редко, и за то спасибо. О Кочубее сказано:

Под камнем сим лежит граф Виктор Кочубей.
Что в жизни доброго он сделал для людей,
Не знаю, чорт меня убей.[3]

Согласен; но эпиграмму припишут мне, и правительство опять на меня надуется.

Здесь прусской кронпринц с его женою. Ее возили по Петергофской дороге, и у ней глаза разболелись.

22 июля. Прошедший месяц был бурен. Чуть было не поссорился я со двором, — но все перемололось. Однако это мне не пройдет.

Маршал Мезон упал на маневрах с лошади и чуть не был раздавлен Образцовым полком. Арнт объявил, что он вне опасности. Под Остерлицом он искрошил кавалергардов. Долг платежом красен.

Последний частный дом в Кремле принадлежал кн. Трубецкому. Екатерина купила его и поместила в нем сенат.

9 авг. Трощинский в конце царствования Павла был в опале. Исключенный из службы, просился он в деревню. Государь, ему на зло, не велел

---

[1] Вам, должно быть, очень докучна обязанность читать всё, что появляется. — Да, в. и. в., современная литература так противна, что это мученье.

[2] Это был ум в высшей степени примирительный; никто не умел так хорошо, как он, решить какой-нибудь вопрос, привести мнения к согласию и проч.

[3] На полях рукою князя П. А. Вяземского здесь приписано: «Надобно было бы кончить: Не знаю хоть убей». *Ред.*

lib.pushkinskijdom.ru

ему выезжать из города. Трощинский остался в Петербурге, никуда не являясь, сидя дома, вставая рано, ложась рано. Однажды, в 2 часа ночи, является к его воротам фельдъегерь. Ворота заперты. Весь дом спит. Он стучит, никто нейдет. Фельдъегерь в протаявшем снегу отыскал камень и пустил его в окошко. В доме проснулись, пошли отворять ворота — и поспешно прибежали к спящему Трощинскому, объявляя ему, что государь его требует, и что фельдъегерь за ним приехал. Трощинский встает, одевается, садится в сани и едет. Фельдъегерь привозит его прямо к Зимнему дворцу. Трощинский не может понять, что с ним делается. Наконец видит он, что ведут его на половину великого князя Александра. Тут только догадался он о перемене, происшедшей в государстве. У дверей кабинета встретил его Пален, обнял и поздравил с новым императором. Трощинский нашел государя в мундире, облокотившимся на стол и всего в слезах. Александр кинулся ему на шею, и сказал: будь моим руководителем. Тут был тотчас же написан манифест и подписан государем, не имевшим силы ничем заняться.

28 ноября. Я ничего не записывал в течении трех месяцев. Я был в отсутствии — выехал из Петербурга за 5 дней до открытия Александровской колонны, чтоб не присутствовать при церемонии вместе с камер-юнкерами, — моими товарищами, — был в Москве несколько часов — видел А. Раевского, которого нашел поглупевшим от ревматизмов в голове (может быть это пройдет). Отправился потом в Калугу на перекладных, без человека. В Тарутине пьяные ямщики чуть меня не убили, но я поставил на своем. — Какие мы разбойники? говорили мне они. — Нам дана вольность, и поставлен столп нам в честь. Графа Румянцева вообще не хвалят за его памятник и уверяют, что церковь была бы приличнее. Я довольно с этим согласен. Церковь, а при ней школа, полезнее колонны с орлом и с длинной надписью, которую безграмотный мужик наш даже еще не разберет. В Заводе прожил я 2 недели, потом привез Наталью Николаевну в Москву, а сам съездил в нижегородскую деревню, где управители меня морочили, а я перед ними шарлатанил, и, кажется, неудачно. Воротился к 15 октября в Петербург, где и проживаю. Пугачев мой отпечатан. Я ждал всё возвращения царя из Пруссии. Вечор он приехал. Великий князь Михаил Павлович привез эту новость на бал Бутурлина. Бал был прекрасен. Воротились в 3 ч.

5 декабря. Завтра надобно будет явиться во дворец. У меня еще нет мундира. Ни за что не поеду представляться с моими товарищами камер-юнкерами, молокососами 18-летними. Царь рассердится,—да что мне делать? Покаместь давайте злословить.

В бытность его в Москве нынешнего году много было проказ. Москва, хотя уж и не то, что прежде, но все-таки имеет еще похоти боярские, des velléités d'Aristocratie. [1] Царь мало занимался старыми сенаторами, заступившими место екатерининских бригадиров, — они роптали, глядя, как он ухаживал за молодой княгиней Долгоруковой (за дочерью Сашки Булгакова! говорили ворчуны с негодованием).

Царь однажды пошел за кулисы и на сцене разговаривал с московскими актрисами; это еще менее понравилось публике. В бытность его пойманы зажигатели. Князь М. Голицын взял на себя должность полицейского сыщика, одевался жидом и проч. В каком веке мы живем! — В Нижнем-Новгороде царь был очень суров и встретил дворянство очень немилостиво. Оно перетрусилось и не знало за что (ни я).

Вчера был у Лекса. Я знал его в 821 году в Кишеневе. У него не было кровати, он спал вместе с каким-то чиновником под одним тулупом. Я первый открыл Инзову, что Лекс человек умный и деловой.

В тот же день бал у Салтыкова. N. N. сказала: Voilà M-me Iermolof, la sale (Lassale) [2]. Ермолова и Куроваль (дочь ген. Моро) всех хуже одеваются.

---

[1] Аристократические потуги.

[2] Игра слов. «Вот госпожа Ермолова, грязная». («La sale», грязная произносится так же, как «Lassale», фамилия).

lib.pushkinskijdom.ru

Я все таки не был 6-го во дворце — и рапортовался больным. За мною царь хотел прислать фельдъегеря или Арнта.

18-го дек. Третьего дня был я наконец в Аничковом. Опишу всё в подробности, в пользу будущего Вальтер-Скотта.

Придворный лакей поутру явился ко мне с приглашением: быть в 8½ в Аничковом, мне в мундирном фраке, Наталье Николаевне как обыкновенно.

В 9 часов мы приехали. На лестнице встретил я старую графиню Бобринскую, которая всегда за меня лжет и вывозит меня из хлопот. Она заметила, что у меня треугольная шляпа с плюмажем (не по форме: в Аничков ездят с круглыми шляпами; но это еще не всё). Гостей было уже довольно, бал начался контрдансами. Государыня была вся в белом, с бирюзовым головным убором; государь в кавалергардском мундире. Государыня очень похорошела. Граф Бобринский, заметя мою треугольную шляпу, велел принести мне круглую. Мне дали одну, такую засаленную помадой, что перчатки у меня промокли и пожелтели. — Вообще бал мне понравился. Государь очень прост в своем обращении, совершенно по домашнему. Тут же были молодые сыновья Каннинга и Веллингтона. У Дуро спросили, как находит он бал. Je m'ennuie, отвечал он. — Pourquoi cela? — On est debout, et j'aime à être assis.[1] Я заговорил с Ленским о Мицкевиче и потом о Польше. Он прервал разговор, сказав: Mon cher ami, ce n'est pas ici le lieu de parler de la Pologne. Choisissons un terrain neutre, chez l'ambassadeur d'Autriche par exemple.[2] Бал кончился в 1½.

Утром того же дня встретил я в Дворцовом саду великого князя. — Что ты один здесь философствуешь? — Гуляю. — Пойдем вместе. Разговорились о плешивых. — Вы не в родню, в вашем семействе мужчины молоды оплешивливают. — Государь Александр и Константин Павлович оттого рано оплешивили, что при отце моем носили пудру и зачесывали волосы; на морозе сало леденело, и волоса лезли. Нет ли новых каламбуров? — Есть, да нехороши, не смею представить их вашему высочеству. — У меня их также нет; я замерз. Доведши великого князя до моста, я ему откланялся (вероятно противу этикета).

Вчера (17) вечер у S. Разговор с Нордингом о русском дворянстве, о гербах, о семействе Екатерины I-ой etc. Гербы наши все весьма новы. Оттого в гербе князей Вяземских, Ржевских пушка. Многие из наших старых дворян не имеют гербов.

22 декабря, суббота. В середу был я у Хитровой. Имел долгий разговор с великим князем. Началось журналами. — Вообрази, какую глупость напечатали в «Северной Пчеле»: дело идет о пребывании государя в Москве. «Пчела» говорит: «Государь император, обошед соборы, возвратился во дворец и с высоты красного крыльца *низко* (низко!) поклонился народу». Этого не довольно: журналист дурак продолжает: Как восхитительно было видеть великого государя, преклоняющего священную главу перед гражданами московскими! — Не забудь, что это читают лавочники. Великий князь прав, а журналист конечно глуп. Потом разговорились о дворянстве. Великий князь был противу постановления о почетном гражданстве: зачем преграждать заслугам высшую цель честолюбия? Зачем составлять tiers état[3], сию вечную стихию мятежей и оппозиции? Я заметил, что или дворянство не нужно в государстве, или должно быть ограждено и недоступно иначе, как по собственной воле государя. Если в дворянство можно будет поступать из других состояний, как из чина в чин, не по исключительной воле государя, а по порядку службы, то вскоре дворянство не будет существовать или (что все равно) всё будет дворянством. Что касается до tiers état, что же значит наше старинное дворянство с имениями, уничтоженными бесконечными раздроблениями, с просвещением, с ненавистью противу аристократии и со всеми притязаниями на власть и богатства? Эдакой страшной стихии мятежей нет и в

[1] Мне скучно. — Это почему? — Все стоят, а я люблю сидеть.

[2] Мой милый друг, здесь неуместно говорить о Польше. Изберем какую-нибудь нейтральную почву, у австрийского посла например.

[3] Третье сословие.

lib.pushkinskijdom.ru

Европе. Кто были на площади 14 декабря? Одни дворяне. Сколько ж их будет при первом новом возмущении? Не знаю, а кажется много. Говоря о старом дворянстве, я сказал: Nous, qui sommes aussi bons gentilhommes que l' Empereur et Vous... etc.[1] Великий князь был очень любезен и откровенен. Vous êtes bien de votre famille, сказал я ему: tous les Romanof sont révolutionnaires et niveleurs.[2] — Спасибо: так ты меня жалуешь в якобинцы! благодарю, voilà une réputation qui me manquait.[3] Разговор обратился к воспитанию, любимому предмету его высочества. Я успел высказать ему многое. Дай бог, чтобы слова мои произвели хоть каплю добра!

Цензор Никитенко на обвахте под арестом, и вот по какому случаю: Деларю напечатал в «Библиотеке» Смирдина перевод оды В. Юго, в которой находится следующая глубокая мысль: Если де я был бы богом, то я бы отдал свой рай и своих ангелов за поцелуй Милены или Хлои Митрополит (которому досуг читать наши бредни) жаловался государю, прося защитить православие от нападений Деларю и Смирдина. Отселе буря. Крылов сказал очень хорошо:

Мой друг! когда бы был ты бог,
То глупости такой сказать бы ты не мог.

Это всё равно, заметил он мне, что я бы написал: когда б я был архиерей, то пошел бы во всем облачении плясать французский кадриль. А всё виноват Глинка (Федор). После его ухарского псалма, где он заставил Бога говорить языком Дениса Давыдова, цензор подумал, что Он пустился во всё тяжкое...

Псалом Глинки уморительно смешон.

1835.

8 января. Начнем новый год злословием, на счастие...

Бриллианты и дорогие каменья были еще недавно в низкой цене. Они никому не были нужны. Выкупив бриллианты Натали Николаевны, заложенные в московском ломбарде, я принужден был их перезаложить в частные руки, не согласившись продать их за бесценок. Нынче узнаю, что бриллианты опять возвысились. Их требуют в кабинет, и вот по какому случаю.

Недавно государь приказал князю Волконскому принести к нему из кабинета самую дорогую табакерку. Дороже не нашлось, как в 9,000 руб. Князь Волконский принес табакерку. Государю показалась она довольно бедна. Дороже нет, отвечал Волконский. — Если так, делать нечего, — отвечал государь: — я хотел тебе сделать подарок, возьми ее себе. Вообразите себе рожу старого скряги. С этой поры начали требовать бриллианты. Теперь в кабинете табакерки завелися уже в 60,000 р.

Великая княгиня взяла у меня Записки Екатерины II и сходит от них с ума.

6-го умерла С. М. Смирнова, милая молодая девушка.

В конце прошлого года свояченица моя ездила в моей карете поздравлять великую княгиню. Ее лакей повздорил со швейцаром. Комендант Мартынов посадил его на обвахту, и Катерина Николаевна принуждена была без шубы ждать 4 часа на подъезде. Комендантское место около полустолетия занято дураками, но такой скотины, каков Мартынов, мы еще не видали.

---

[1] Мы, такие же хорошие дворяне, как император и вы и т. п.

[2] Вы истинный член вашей семьи. Все Романовы революционеры и уравнители.

[3] Вот репутация, которой мне недоставало.

lib.pushkinskijdom.ru

6-го бал придворный (приватный маскарад). Двор в мундирах времен Павла I-го. Граф Панин (товарищ министра) одет дитятей. Бобринский Брызгаловым (кастеланом Михайловского замка; полуумный старик, щеголяющий в шутовском своем мундире, в сопровождении двух калек-сыновей, одетых скоморохами. *Замеч. для потомства*). Государь полковником Измайловского полка etc. В городе шум. Находят это всё неприличным.

Февраль. С генваря очень я занят Петром. На балах был раза 3; уезжал с них рано. Придворными сплетнями мало занят. Шиш потомству.

На днях в театре Граф Фикельмон, говоря, что Bertrand и Raton не были играны на петербургском театре по представлению Блума, Датского посланника (и нашего старинного шпиона), присовокупил: Je ne sais pourquoi; dans la comédie il n'est seulement pas question du Danemarck. [1] Я прибавил: pas plus qu'en Europe. [2]

Филарет сделал донос на Павского, будто бы он лютеранин, — Павский отставлен от великого князя. Митрополит и синод подтвердили мнение Филарета. Государь сказал, что в делах духовных он не судия; но ласково простился с Павским. Жаль умного, ученого и доброго священника! Павского не любят. Шишков, который набил академию попами, никак не хотел принять Павского в число членов за то, что он, зная еврейский язык, доказал какую-то нелепость в *корнях* президента. Митрополит на место Павского предлагал попа Кочетова, плута и сплетника. Государь не захотел и выбрал другого, человека, говорят, очень порядочного. Этот приезжал к митрополиту, а старый лукавец сказал: я вас рекомендовал государю. Qui est-ce que l'on trompe ici? [3]

В публике очень бранят моего Пугачева, а что хуже — не покупают. Уваров большой подлец. Он кричит о моей книге как о возмутительном сочинении. Его клеврет Дундуков (дурак и бардаш) преследует меня своим цензурным комитетом. Он не соглашается, чтоб я печатал свои сочинения с одного согласия государя. Царь любит, да псарь не любит. Кстати об Уварове: это большой негодяй и шарлатан. Разврат его известен. Низость до того доходит, что он у детей Канкрина был на посылках. Об нем сказали, что он начал тем, что был б..., потом нянькой, и попал в президенты Академии Наук как княгиня Дашкова в президенты Российской Академии. Он крал казенные дрова и до сих пор на нем есть счеты (у него 11,000 душ), казенных слесарей употреблял в собственную работу etc. etc. Дашков (министр), который прежде был с ним приятель, встретил Жуковского под руку с Уваровым, отвел его в сторону, говоря: как тебе не стыдно гулять публично с таким человеком!

Цензура не пропустила следующие стихи в сказке моей о золотом петушке

Царствуй, лежа на боку

и

Сказка ложь, да в ней намек,
Добрым молодцам урок.

Времена Красовского возвратились. Никитенко глупее Бирукова.

<ВСТРЕЧА С Н. И. НАДЕЖДИНЫМ.>

Я встретился с Надеждиным у Погодина. Он показался мне весьма простонародным, vulgar, скучен, заносчив, и безо всякого приличия. Например он поднял платок, мною уроненный. Критики его были очень глупо написаны, но с живостию, а иногда и с красноречием. В них не было мыслей, но было движение, шутки были плоски.

<Нач. 30-х гг.>

---

[1] Не знаю почему; только о Дании нет речи в комедии.

[2] Не больше, чем в Европе.

[3] «Qui diable est-ce donc qu'on trompe ici?» «Кого же тут, чорт возьми, обманывают?» [Слова Дон Базиля в «Севильском цырюльнике» Бомарше.

lib.pushkinskijdom.ru

О ДУРОВЕ.

Дуров — брат той Дуровой, которая в 1807 году вошла в военную службу, заслужила георгиевский крест и теперь издает свои записки. Брат в своем роде не уступает в странности сестре. Я познакомился с ним на Кавказе в 1829 г., возвращаясь из Арзрума. Он лечился от какой-то удивительной болезни, в роде каталепсии, и играл с утра до ночи в карты. Наконец он проигрался, и я довез его до Москвы в моей коляске. Дуров помешан был на одном пункте: ему непременно хотелось иметь сто тысяч рублей. Всевозможные способы достать их были им придуманы и передуманы. Иногда ночью, в дороге, он будил меня вопросом: «Александр Сергеевич! Александр Сергеевич! как бы, думаете вы, достать мне сто тысяч?» Однажды сказал я ему, что на его месте, если уж сто тысяч были необходимы для моего спокойствия и благополучия, то я бы их украл. «Я об том думал», отвечал мне Дуров. — Ну, что ж? «Мудрено; не у всякого в кармане можно найти сто тысяч, а зарезать или обокрасть человека за безделицу не хочу: у меня есть совесть». Ну, так украдьте полковую казну. «Я об этом думал.» — Что же? «Это можно бы сделать летом, когда полк в лагере, а фура с казною стоит у палатки полкового командира. Можно накинуть на дышло длинную веревку и припречь издали лошадь, а там на ней и ускакать; часовой, увидя, что фура скачет без лошадей, вероятно испугается и не будет знать что делать; в двух или трех верстах можно разбить фуру, а с казною бежать. Но тут много также неудобства. Не знаете ли вы иного способа?» — Просите денег у государя. «Я об этом думал.» — Что же? «Я даже и просил.» — Как! безо всякого права? «Я с того и начал: ваше величество! я никакого права не имею просить у вас то, что составило бы счастие моей жизни; но, ваше величество, на милость образца нет, и так далее.» — Что же вам отвечали? «Ничего.» — Это удивительно. Вы бы обратились к Ротшильду. «Я об этом думал.» — Что ж, за чем дело стало? «Да, видите ли: один способ выманить у Ротшильда сто тысяч; было бы так странно и забавно написать ему просьбу, чтоб ему было весело, потом рассказать анекдот, который стоил бы ста тысяч. Но сколько трудностей!.. Словом, нельзя было придумать несообразности и нелепости, о которой бы Дуров уже не подумал. Последний прожект его был — выманить эти деньги у англичан, подстрекнув их народное честолюбие и в надежде на их любовь к странностям. Он хотел обратиться к ним с следующим speech: «Гг. англичане! я бился об заклад об 10.000 рублей, что вы не откажетесь мне дать взаймы 100.000. Гг. англичане! избавьте меня от проигрыша, на который навязался я, в надежде на ваше всему свету известное великодушие.» Дуров просил меня похлопотать об этом в Петербурге чрез английского посланника, и своей прожект высказал мне не иначе, как взяв с меня честное слово не воспользоваться им. Он готов был всегда биться об заклад, и о чем бы то ни было. Говорили ли о женщине, — «хотите со мной биться об заклад, прерывал Дуров, что через три дня я буду ее иметь?» Стреляли ли в цель из пистолета, — Дуров предлагал стать в 25 шагах и бился о 1.000 рублей, что вы в него не попадете. Страсть его к женщинам была также замечательна. Бывши городничим в Елабуге, влюбился он в одну рыжую бабу, осужденную к кнуту, в ту самую минуту, как она была уже привязана к столбу, а он, по должности своей, присутствовал при ее казни. Он шепнул палачу, чтобы он ее поберег и не трогал ее прелестей, белых и жирных, что и было исполнено; после чего Дуров жил несколько дней с прекрасной каторжницей. Недавно получил я от него письмо: Он пишет: история моя коротка: я женился, а денег всё нет. Я отвечал ему: жалею, что из 100.000 способов достать 100.000 рублей ни один еще, видно, вам не удался.

<1835>

lib.pushkinskijdom.ru

ЗАМЕТКИ О СВОИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ.

<ПЛАН ПЕРВОГО НЕОСУЩЕСТВЛЕННОГО ИЗДАНИЯ СТИХОТВОРЕНИЙ>[1]

I часть.

Послания.

К Александру.
К Жуковскому.

К Батюшкову.
К Галичу.

Дельвигу *
Дельвигу
Сестре *
Бонапарте *
К Юдину
Пущину.

Ломоносову.[1]
Трубецкому.
Лицинию.
Кюхельбекеру.
Аристарху.
Оправданная лень.
Друзьям.
Шишкову.
Актрисе.
[Завещание].

<2 часть>

Лирические

Наполеон на Эльбе.
Воспоминания в Царском Селе
Оранскому принцу.
Певец.
Слеза.
Истина.
Усы.
Мечтатель.
Ринальдо
и все пьески.
Пирующие студенты.

XV элегий.
Эпиграммы. Надписи.
Картины.
Леда.

<Осень 1816 г.>

<НАБРОСКИ ПРЕДИСЛОВИЯ К «БОРИСУ ГОДУНОВУ»>[2]

<I>

Благодарю вас за участие, принимаемое вами в судьбе «Годунова»; ваше нетерпение видеть его очень лестно для моего самолюбия; но теперь, когда по стечению благоприятных обстоятельств, открылась мне возможность его напечатать, предвижу новые затруднения, мною прежде и не подозреваемые.

С 1820 года будучи удален от Московских и Петербургских обществ, я в одних журналах мог наблюдать направление нашей словесности. Читая жаркие споры о романтизме, я вообразил, что и в самом деле нам наскучила правильность и совершенство классической древности и бледные, однообразные списки ее подражателей, что утомленный вкус требует иных, сильней-

---

[1] Некоторые из произведений, отмеченные в этом перечне, до нас не дошли («Бонапарте», «Ринальдо»); посланиями «Трубецкому» и «Кюхельбекеру» следует считать «Городок» и «К другу стихотворцу»; черта под некоторыми именами обозначает вторые послания к тем же лицам; звездочкой отмечены, вероятно, вещи, требовавшие правки; «Завещание» вычеркнуто потому, что это же произведение внесено было уже в перечень под названием «Друзьям» <«Мое завещание друзьям».> *Ред.*

[2] Теоретические положения и исторические справки, которые Пушкин предполагал вложить в предисловие к Борису Годунову, выросли из черновых заметок, включенных летом 1825 г. в недописанное и неотправленное французское письмо к Н. Н. Раевскому. Традиционной формой *письма* Пушкин воспользовался и для того варианта предисловия к «Б. Г.», который он предполагал в 1828 г. поместить в «Московском Вестнике» (без имени конкретного адресата, см. печатаемый нами текст I), и для той переработки начального француз. варианта, которая относится к 1829 г. (Текст II). *Ред.*

lib.pushkinskijdom.ru

ших ощущений и ищет их в мутных, но кипящих источниках новой, народной поэзии. Мне казалось однако довольно странным, что младенческая наша словесность, ни в коем роде не представляющая никаких образцов, уже успела немногими опытами притупить вкус читающей публики; но, думал я, французская словесность, всем нам с младенчества и так коротко знакомая, вероятно причиною сего явления. Искренно признаюсь, что я воспитан в страхе почтеннейшей публики и что не вижу никакого стыда угождать ей и следовать духу времени. Это первое признанье ведет к другому, более важному: так и быть, каюсь, что я в литературе скептик (чтоб не сказать хуже) и что все ее секты для меня равны, представляя каждая свою выгодную и невыгодную сторону. Обряды и формы должны ли суеверно порабощать литературную совесть? Зачем писателю не повиноваться принятым обычаям в словесности своего народа, как он повинуется законам своего языка? Он должен владеть своим предметом, не смотря на затруднительность правил, как он обязан владеть языком, не смотря на грамматические оковы.

Твердо уверенный, что устарелые формы нашего театра требуют преобразования, я расположил свою трагедию по системе отца нашего Шекспира; и принесши ему в жертву пред его алтарь два классические единства, едва сохранил последнее. Кроме сей пресловутой тройственности есть и единство, о котором французская критика и не упоминает (вероятно не предполагая, что можно оспоривать его необходимость) единство слога — сего 4-го необходимого условия французской трагедии, от которого избавлен театр испанский, английский и немецкий. Вы чувствуете, что и я последовал столь соблазнительному примеру.

Что сказать еще? Почтенный Александрийский стих переменил я на пятистопный белый; в некоторых сценах унизился даже до презренной прозы, не разделил своей трагедии на действия, словом написал трагедию истинно романтическую, — и думал уже, что публика скажет мне *большое спасибо*.

Отказавшись добровольно от выгод мне представляемых системою искусства, оправданной опытами, утвержденной привычкою, я старался заменить сей чувствительный недостаток верным изображением лиц, времени, развитием исторических характеров и событий.

Между тем, внимательнее рассматривая критические статьи, помещаемые в журналах, я начал подозревать, что я жестоко обманулся, думая, что в нашей словесности обнаружилось стремление к романтическому преобразованию. Я увидел, что под общим словом романтизма разумеют <произведения, носящие печать уныния или мечтательности> [1] что, следуя сему своевольному определению, один из самых оригинальных писателей нашего времени, не всегда правый, но всегда оправданный удовольствием очарованных читателей, не усумнился включить Озерова в число поэтов романтических, — что наконец наши журнальные Аристархи без церемонии ставят на одну доску Данте и Ламартина, самовластно разделяют европейскую литературу на классическую и романтическую, уступая первой — языки латинского юга и приписывая второй германские племена севера, так что Данте (il gran Padre Alighieri) [2], Ариосто, Лопец де Вега, Кальдерон и Сервантес попались в классическую фалангу — которой победа, благодаря сей неожиданной помощи, доставленной издателем Московского Телеграфа, кажется, будет несомненно принадлежать.

Всё это сильно поколебало мою авторскую уверенность. Я начал подозревать, что трагедия моя есть анахронизм.

Между тем, читая мелкие стихотворения, величаемые романтическими, я в них не видел и следов искреннего и свободного хода романтической поэзии, но жеманство лже-классической Франции. Скоро я в том удостоверился.

Вы читали в первой книге Московского Вестника отрывок из «Бориса Годунова», сцену летописца. Характер Пимена не есть мое изобретение.

---

[1] Определение романтизма не выписано Пушкиным, и для него оставлен пробел. Заимствуем его из другой статьи Пушкина. *Ред.*

[2] Великий отец Алигиери.

lib.pushkinskijdom.ru

В нем собрал я черты, пленившие меня в наших старых летописях, умилительная кротость, простодушие, нечто младенческое и вместе мудрое, усердие, набожность к власти царя, данной им богом — совершенное отсутствие суетности пристрастия — дышат в сих драгоценных памятниках времен давно минувших, между коими озлобленная летопись князя Курбского отличается от прочих летописей как бурная жизнь Иоаннова изгнанника отличается от смиренной жизни безмятежных иноков.

Мне казалось, что сей характер всё вместе нов и знаком для русского сердца; что трогательное добродушие древних летописцев, столь живо постигнутое Карамзиным и отраженное в его бессмертном создании, украсит простоту моих стихов и заслужит снисходительную улыбку читателя; что же вышло? Обратили внимание на политические мнения Пимена и нашли их запоздалыми; другие сомневались, могут ли стихи без рифмы называться стихами. Г-н З. предложил променять сцену Бориса Годунова на картинки Дамского Журнала. Тем и кончился строгий суд почтеннейшей Публики.

Что ж из этого следует; — что г-н З. и публика правы, но что гг. журналисты виноваты, ошибочными известиями введшие меня во искушение. Воспитанные под влиянием французской литературы, русские привыкли к правилам, утвержденным ее критикою и неохотно смотрят на всё, что неподходит под сии законы. Нововведения опасны и кажется не нужны.

Хотите ли знать, что̀ еще удерживает меня от напечатания моей трагедии? Те места, кои в ней могут подать повод применения, намеки, allusions. Благодаря французам, мы не понимаем, как драматический автор может совершенно отказаться от своего образа мыслей, дабы совершенно переселиться в век им изображаемый. Француз пишет свою трагедию с Constitutionnel или с Quotidienne перед глазами, дабы шестистопными стихами заставить Сциллу, Тиберия, Леонида высказать его мнение о Виллеле или о Каннинге. От сего затейливого способа на нынешней французской сцене слышно много красноречивых журнальных выходок, но трагедии истинной не существует. Заметьте, что в Корнеле вы применений не встречаете, что кроме Эсфири и Вереники нет их и у Расина. Летописец французского театра видел в Британике смелый намек на увеселения двора Людовика XIV.

Il ne dit, il ne fait que ce qu'on lui prescrit etc.

Но вероятно ли, чтоб тонкий, придворный Расин осмелился сделать столь ругательное применение Людовика к Нерону? Будучи истинным поэтом, Расин, написав сии прекрасные стихи, был исполнен Тацитом, духом Рима; он изображал ветхий Рим и двор тирана, не думая о Версальских балетах. Самая дерзость сего применения служит доказательством, что Расин о нем и не думал, как Юм или Вальполь (не помню кто) замечают о Шекспире в подобном же случае.

<1827—1828>

<II>

Voici ma tragédie puisque vous la voulez absolument, mais avant que de la lire j'exige que vous parcouriez le dernier tome de Karamzine. Elle est rempli de bonne plaisanteries et d'allusions fines à l'histoire de ce temps là comme nos sous-oeuvres Kiov et de Kamenka.[1] Il faut les comprendre *sine qua non*.

A l'exemple de Schekspeare je me suis borné à développer une époque et des personnages historiques sans rechercher les effets théatrals, le pathetique Romanesque etc... le stile en est mélangé — Il est trivial et bas, là où j'ai été obligé de faire intervenir des personnages vulgaires et grossieurs — quand aux grosses indecences n'y faites pas attention: cela a été écrit au courant de la plume et disparaitra à la première copie. Une tragédie sans amoir souriait à mon imagination. Mais outre que l'amour

[1] Некоторыми из этих «обиняков» Пушкин воспользовался в послании 1821 г. к В. Л. Давыдову («Меж тем как генерал Орлов»): «И за здоровье *тех* и *той* до дна, до капли выпивали» и пр. По этому условному языку «те» — карбонары, а *та* — конституция. *Ред.*

lib.pushkinskijdom.ru

entroit beaucoup dans le caractère romanesque et passionné de mon aventurier, j'ai rendu Дмитрий amoureux de Marina pour mieux faire ressortir l'etrange caractère de cette dernière. Il n'est encore qu'esquissé dans Karamzine. Mais certes c'était une drôle de jolie femme. Elle n'a eu qu'une passion et ce fut l'ambition mais à un degré d'énergie, de rage qu'on a peine à se figurer. Après avoir gouté de la royauté; voyez la ivre d'une chimère, se prostituer d'aventurier en aventurier — partager tantôt le lit dégoutant d'un juif tantôt la tente d'un cosaque, toujours prête à se livrer à quiconque peut lui présenter la faible ésperance d'un throne qui n'existait plus. Voyez la braver la guerre, la misère, la honte, en même temps traiter avec le roi de Pologne de couronne à couronne et finir, miserablement l'existence la plus orageuse et la plus extraordinaire. Je n'ai qu'une scène pour elle, mais j'y reviendrai si dieu me prête vie. — Elle me trouble comme une passion. — Elle est horriblement polonaise comme le disait [la cousine de M-me Lubomirska].

Гаврила Пушкин est un de mes ancêtres, je l'ai peint tel que je l'ai trouvé dans l'histoire et dans les papiers de ma famille. — Il a eu de grands talents, homme de guerre, homme de cour, homme de conspiration surtout. C'est lui et Плещеев qui ont assuré le succès du Самозванец par une audace inouie. — Après je l'ai retrouvé à Moscou l'un des 7 chefs qui la defendaient en 1612, puis en 1616 dans la Дума siegeant à côté de Козьма Минине, puis воеводой à Нижний, puis parmi les députés qui couronnèrent Romanof, puis ambassadeur. — Il a été tout, même incendiaire comme le prouve une Грамота que j'ai trouvé à Погорелое Городище — ville qu'il fit bruler (pour la punir de je ne sais quoi) à la mode des proconsuls de la Convention National. —

Il compte revenir aussi sur Шуйский. — Il montre dans l'histoire un singulier mélange d'audace, de souplesse, et de force de caractère. Valet de Godounof, il est un des premiers Boyards à passer du coté de Дмитрий. Il est le premier qui conspire et c'est lui même, notez cela, qui se charge de retirer les marrons du feu, c'est lui même qui vocifère qui accuse, qui de chef devient enfant perdu. — Il est prêt à perdre la tête, Дмитрий lui fait grace déjà l'echaffaud, il l'exile et avec cette generosité étourdie qui caractérisait cet aimable aventurier il le rappelle à sa cour, il le comble de biens et d'honneurs. — Que fait Шуйский qui avait frisé de si près la hache et le billot? Il n'a rien de plus presser que de conspirer de nouveau, de réussir, de se faire élire tsar, de tomber et de garder dans sa chûte plus de dignité et de force d'âme qu'il n'en eu pendant toute sa vie.

Il y a beaucoup du Henri 4 dans Дмитрий. — Il est comme lui brave, généreux et gascon, comme lui indifferent à la religion — tout deux abjurant leur foi pour çause politique, tout deux aimant les plaisirs et la guerre, tout deux donnant dans des projets chimériques — tout deux en buttes aux conspirations. Mais Henri 4 n'a pas à se reprocher Ксения — il est vrai que cette horrible accusation n'est pas prouvée et quant à moi je me fais une réligion de ne pas y croire. —

Грибоедов a critiqué le personnage de Iob — le patriarche, il est vrai était un homme de beaucoup d'esprit, j'en ai fait un sot par distraction.

En écrivant ma Годунов j'ai réfléchi sur la tragédie — et si je me mêlais de faire une préface, je ferais du scandale — c'est peut-être le genre le plus méconnu. On a tâché d'en baser les loix sur la vraisemblance, et c'est justement elle qu'exclut la nature du drame; sans parler déjà du temps, des lieux etc. quel diable de vraisemblance y a-t-il dans une salle coupée en deux dont l'une est occupée pas 2000 personnes, sensées n'être pas vues par celles qui sont sur les planches.

2) *La langue.* Par exemple le Philoctète de la Harpe dit en bon françois après avoir entendu une tirrade de Pyrrhus: Helas j'entends les doux sons de la langue grecue. Tout cela n'est-il pas d'une invraisemblance de convention? Les vrais génies de la tragèdie ne se sont jamais soucié d'une autre vraisemblance que celle des caractères et des situations. Voyez comme Corneille a bravement mené le Cid: ha vous voulez la règle de 24 heurs? Soit. Et la dessus il vous entasse des evenements pour 4 mois. Rien de plus ridicule que les petits changements des règles reçues. Alfieri est profondement frappé du

lib.pushkinskijdom.ru

ridicule de *l'a parte*, il le supprime et la dessus allonge le monologue. Quelle puérilité!

Ma lettre est bien plus longue que je ne l'avais voulu faire. — Gardez la, je vous prie car j'en aurais besoin si le diable me tente de faire une préface.[1]

<1829>

---

[1] Вот моя трагедия, раз вы непременно ее желаете; но я требую чтобы прежде, чем читать ее, вы пробежали последний том Карамзина. Она наполнена славными шутками и тонкими намеками, относящимися к истории того времени, как наши киевские и каменские обиняки. Надо понимать их— это непременное условие.

По примеру Шекспира, я ограничился изображением эпохи и исторических лиц, не гоняясь за сценическими эффектами, романтическим пафосом и т. под. Стиль ее — смешанный. Он площадной и низкий там, где мне приходилось выводить людей простых и грубых; что касается грубых непристойностей, — не обращайте на них внимания; это писалось наскоро и исчезнет при первой переписке. Мне улыбалась мысль о трагедии без любовной интриги; но любовь не только вошла существенной частью в романтический и страстный характер моего авантюриста, я заставил Дмитрия влюбиться в Марину, чтобы лучше оттенить необычный характер этой последней. У Карамзина он только лишь очерчен, но, конечно, это была странная красавица; у нее была только одна страсть — честолюбие, но до такой степени сильное, бешеное, что трудно себе и представить. Посмотрите, как она, попробовав царской власти, опьяненная призраком, отдается одному проходимцу за другим, разделяя то отвратительное ложе жида, то палатку казака, всегда готовая отдаться каждому, кто только может дать ей хотя слабую надежду на более уже не существующий трон. Посмотрите, как она переносит войну, нищету, позор и в то же время сносится с польским королем, как коронованное лицо с равным себе, и жалко кончает свое бурное и необычайное существование. У меня для нее только одна сцена, но я еще вернусь к ней, если бог продлит мою жизнь. Она волнует меня, как страсть. Она ужас, что за полька, как говорила [кузина г-жи Любомирской].

Гаврила Пушкин — один их моих предков; я изобразил его таким, каким нашел в истории и в наших семейных бумагах. Он обладал большими талантами как воин, придворный и как заговорщик в особенности. Это он и Плещеев обеспечили успех Самозванца своей неслыханной дерзостью. Затем я снова нашел его в Москве одним из 7 начальников, защищавших ее в 1612 году, потом в 1616 г. — в Думе, заседающим рядом с Козьмой Мининым, потом — воеводой в Нижнем, потом — между выборными людьми, венчавшими на царство Романова, потом — послом. Он был всем — даже поджигателем, как это доказывается грамотою, которую я нашел в Погорелом Городище — городе, который он выжег в наказание не знаю за что, подобно проконсулам Национального Конвента.

Я рассчитываю также вернуться и к Шуйскому. Он представляет в истории странную смесь смелости, изворотливости и силы характера. Слуга Годунова, он одним из первых бояр переходит на сторону Дмитрия. Он первый начинает заговор, и он-же, заметьте, берет на себя всю тяжесть риска, кричит, обвиняет и из начальника делается отчаянной головой. Он близок к тому, чтобы лишиться головы, но Дмитрий дает ему помилование уже на лобном месте, высылает, а затем, с тем ветренным великодушием, которое отличало этого милого авантюриста, снова призывает его к своему двору и осыпает милостями и почестями. Что же делает Шуйский, чуть было не попавшийся под топор и на плаху? Он спешит создать новый заговор, успевает, избирается царем, падает, и в крушении своем сохраняет больше достоинства и душевного величия, нежели в продолжение всей своей жизни.

Дмитрий очень напоминает Генриха IV. Как тот — он храбр, великодушен и хвастлив, как тот — равнодушен к религии; оба они из соображений политических отрекаются от своей веры; оба любят удовольствия и войну; оба предаются несбыточным проэктам, оба являются центром заговo-

lib.pushkinskijdom.ru

<3>

Je me présente ayant [renoncé à] changé ma manière première — n'ayant plus à illustrer un nom inconnu et une première jeunesse je n'ose plus compter sur l'indulgence avec laquelle j'avais été accueilli — Ce n'est plus le sourire de la mode que je brigue — Je me retire volontairement du rang des ses favoris, en faisant mes humbles remerciements de la faveur avec laquelle elle avait accueilli mes faibles essais pendant dix ans de ma vie.[1]

Lorsque j'ecrivais cette tragédie, j'étais seul à la campagne ne voyant personne, ne lisant que les journaux etc. — d'autant plus volontiers que j'ai toujours cru que le romantisme convenait seul à notre scène; je vis que j'étais dans l'erreur. [C'est donc avec] j'éprouvais [donc] une grande répugnance à livrer au public ma tragédie — je voulais au moins la faire précéder d'une préface et la faire accompagner de notes. — Mais je trouve tout cela fort inutile.[2]

<1830>

<4>

С величайшим отвращением решаюсь я выдать в свет Бориса Годунова. Успех или неудача моей трагедии будет иметь влияние на преобразование драматической нашей системы. Боюсь, чтоб собственные ее недостатки не были б отнесены к романтизму — и чтоб она тем самым не замедлила хода — Хотя успех *Полтавы* ободряет меня.

19 июля 1829. Арзрум.

ров. Но у Генриха IV не было на совести Ксении, хотя, правда, это ужасное обвинение и не доказано, и, что до меня, то я считаю своею священной обязанностию ему не верить.

Грибоедов критиковал мое изображение Иова, — патриарх действительно был человек большого ума, я же по недосмотру, сделал из него глупца.

Создавая своего «Годунова», я размышлял о трагедии, но если б я вздумал написать предисловие, то вызвал бы скандал. Это, быть может, наиболее неизвестный вид произведений. Законы его старались обосновать на правдоподобии, а оно-то именно и исключается самою сущностью драмы; не говоря уже о времени, месте и проч., какое, чорт возьми, правдоподобие может быть в зале, разделенной на две части, из коих одна занята 2000 человек, будто бы невидимых для тех, которые находятся на подмостках.

2) *Язык.* Например у Лагарпа Филоктет, выслушав тираду Пирра, говорит на чистом французском языке: «Увы! я слышу сладкие звуки греческой речи» и т. д. Все это не есть-ли условное неправдоподобие? Истинные гении трагедии заботились всегда исключительно о правдоподобии характеров и положении. Посмотрите, как смело Корнель поступил в Сиде: «А, вы хотите правило о 24 часах? Извольте. И тут же нагромоздил событий на 4 месяца. Нет ничего смешнее мелких изменений общепринятых правил. Альфиери глубоко почувствовал, как смешны речи «в сторону», — он их уничтожает, но за то удлиняет монологи. Какое ребячество!

Письмо мое вышло длиннее, чем я хотел. Прошу вас, сберегите его, так как оно мне понадобится, если чорт соблазнит меня написать предисловие.

[1] Представляюсь с новыми приемами в создании. Не имея более надобности заботиться о прославлении неизвестного имени и первой своей молодости, я уже не смею надеяться на снисхождение, с которым был принят доселе. Я уже не ищу благосклонной улыбки моды. Добровольно выхожу я из ряда любимцев, принося ей глубокую мою благодарность за все то расположение, с которым принимала она слабые мои опыты в продолжении 10 лет моей жизни.

[2] Когда я писал эту трагедию, я был один, в деревне, не видел никого, не читал ничего кроме газет и т. д. — тем более охотно, что я всегда считал, что только романтизм подходит для нашей сцены; я убедился, что заблуждался. [Поэтому с] мне [поэтому] крайне претила мысль предложить мою трагедию публике — я хотел, по крайней мере, предпослать ей предисловие и дать примечания. — Но я нахожу все это совершенно бесполезным.

lib.pushkinskijdom.ru

<5>

С отвращением решаюсь я выдать в свет [свое] <сочинение>.

И хотя я вообще всегда был довольно равнодушен к успеху иль неудаче своих сочинений, но признаюсь, неудача *Бориса Годунова* будет мне чувствительна, а я в ней почти уверен. Как Монтань, могу сказать о своем сочинении: *C'est une oeuvre de bonne foi*[1].

Писанная мною в строгом уединении, вдали охлаждающего света, плод постоянного труда, добросовестных изучений, трагедия сия доставила мне всё, чем писателю насладиться дозволено: живое вдохновенное занятие, внутреннее убеждение, что мною употреблены были все усилия, наконец одобрение малого числа [людей избранных.]

Трагедия моя уже известна почти всем тем, коих мнениями я дорожу. В числе моих слушателей одного недоставало, того, кому обязан я мыслию моей трагедии, чей гений одушевил и поддержал меня; чье ободрение представлялось воображению моему сладчайшею наградою и единственно развлекало меня посреди уединенного труда.

<1829>

<6>

Изучение Шекспира, Карамзина и старых наших летописей дало мне мысль облечь в драматические формы одну из самых драматических эпох новейшей истории. Несмущаемый никаким иным влиянием — Шекспиру я подражал в его вольном и широком изображении характеров, в небрежном и простом составлении типов. Карамзину следовал я в светлом развитии происшествии, в летописях старался угадать образ мыслей и язык тогдашних времен — Источники богаты! Умел ли ими воспользоваться — не знаю. По крайней мере, труды мои были ревностны и добросовестны. —

Долго не мог я решиться напечатать свою драму. — Хороший или худой успех моих стихотворений, благосклонное или строгое решение журналов о какой нибудь стихотворной повести слабо тревожили доныне мое самолюбие. Критики слишком лестные не ослепляли его, читая разборы самые оскорбительные, старался я угадать мнение критика, понять со всевозможным хладнокровием, в чем именно состоят его обвинения. — И если никогда не отвечал я на оные, то сие происходило не из презрения, но единственно из убеждения, что для нашей литературы il est indifferent,[2] что такая-то глава Онегина выше или ниже другой. — Но, признаюсь искренно, неуспех драмы моей огорчил бы меня, ибо я твердо уверен, что нашему театру приличны народные законы драмы Шекспировой — а не придворной обычай трагедии Расина — и что всякий неудачный опыт может замедлить преобразование нашей сцены — (Ермак А. С. Хомякова есть более произведение лирическое, чем драматическое. Успехом своим оно обязано прекрасным стихом, коим оно написано).

Приступаю к некоторым частным объяснениям. Стих, употребленный мною (пятистопный ямб) принят обыкновенно англичанами и немцами. — У нас первый пример оному находим мы кажется в Аргивянах; А. Жандр в отрывке своей прекрасной трагедии, писанной стихами вольными, преимущественно употребляет его — я сохранил цезуру французского пентаметра на второй стопе — и, кажется, в том ошибся, лишив добровольно свой стих свойственного ему разнообразия — Есть шутки грубые, сцены простонародные. — Хорошо, если поэт может их избежать, если же нет, то ему нет нужды стараться заменять их чем нибудь иным. Поэту не должно быть площадным из доброй воли.

Нашед в истории одного из предков моих, игравшего важную роль в сию нещастную эпоху, я вывел его на сцену, не думая о щекотливости приличия, con amore[3], но [без всякой дворянской спеси]. Изо всех моих подражаний Байрону дворянская спесь была самое смешное. Аристократию нашу составляет дворянство новое; древнее же пришло в упадок, права его

[1] Это — добросовестное произведение.
[2] Безразлично.
[3] С любовью.

lib.pushkinskijdom.ru

уравнены с правами прочих состояний, великие имения давно раздроблены, уничтожены и <*неразб.*> и проч. — Принадлежать старой Аристократии не представляет никаких преимуществ в глазах благоразумной черни, и уединенное почитание к славе предков может только навлечь нарскание в странности или бессмысленном подражании иностранцам.

<1829—1830?>

<7>

Дух века требует важных перемен и на сцене драматической. Может быть и они обманут надежды преобразователей. Поэт, *живущий на высотах созданий*, яснее видит, может быть, и недостатки справедливых требований и то, что скрывается от взоров волнуемой толпы, но напрасно было бы ему бороться. Таким образом Lope de Vega, Шекспир, Расин уступали потоку; но гений, какое направление ни изберет, останется гений — суд потомства отделит золото ему принадлежащее от примеси.

<1830>

<8>

Вероятно трагедия моя не будет иметь никакого успеха. Журналы на меня озлоблены. Для публики я не имею главной привлекательности — молодости и новизны литературного имени. К тому же, главные сцены уже напечатаны или искажены в подражаниях. Раскрыв наудачу исторический роман г. Булгарина, нашел я, что у него о появлении Самозванца приходит объявлять царю кн. В. Шуйский. У меня Борис Годунов говорит наедине с Басмановым об уничтожении местничества, у г. Булгарина также. Всё это — драматический вымысел, а не историческое сказание. Один у другого... Но это еще не беда, Les beaux ésprits se rencontrent. [1]

<1830>

<9>

Pour une préface. Le public et la critique ayant accueilli avec une indulgence [passionnée] mes premiers essais et dans un temps ou la sévérité et la malveillance m'eussent probablement dégouté de la carrière que j'allais embrasser, je leur dois reconnaissance entière, et je les tiens quitte envers moi — leurs rigueur et leur indifférence ayant maintenant peu d'influence sur mes travaux. [2]

<1831>

<ОТРЫВОК ЗАМЕТКИ О «ДЕМОНЕ»>.

. . . Многие того же мнения. Иные даже указывали на лицо, которое Пушкин будто бы хотел изобразить в этом своем *странном* стихотворении. кажется они неправы, по крайней мере вижу в Демоне я цель иную, более нравственную.

В лучшее время жизни, сердце еще не охлажденное опытом, доступно для прекрасного. Оно легковерно и нежно.

Мало по малу вечные противуречия существенности, рождают в нем сомнения <.> чувство мучительное, но непродолжительное. Оно исчезает, уничтожив навсегда надежды и поэтические лучшие предрассудки души. Недаром великий Гете называет вечного врага человечества *духом отрицающим*. И Пушкин не хотел ли в своем демоне олицетворить сей дух *отрицания или сомнения?* и в <*нрзб.*> картине <начертать влияние его> на нравственность нашего века?

<1827>

---

[1] Мысли умных людей встречаются.

[2] Для предисловия. Публика и критика, принявшие мои первые опыты с живым снисхождением и притом в такое время, когда строгость и недоброжелательство отвратили бы меня, вероятно, навсегда от поприща, мною избираемого, заслуживают полной моей признательности: они расплатились со мной совершенно. С этой минуты их строгость или равнодушие уже не могут иметь влияния на труды мои.

lib.pushkinskijdom.ru

<ЗАМЕТКИ О РАННИХ ПОЭМАХ>

Руслана и Людмилу вообще приняли благосклонно. Кроме одной статьи в Вестнике Европы, в которой побранили весьма неосновательно, и весьма дельных вопросов, изобличающих слабость создания поэмы, кажется, не было об ней сказано худого слова. Никто не заметил даже, что она холодна. Обвиняли ее в безнравственности, за некоторые слегка сладострастные описания, за стихи, мною выпущенные во втором издании:

О страшный вид! волшебник хилый
Ласкает сморщенной рукой

За вступление, не помню, которой песни:

Напрасно вы в тени таились etc.

и за пародию *Двенадцати спящих дев*. За последнее можно было меня пожурить порядком, как за недостаток эстетического чувства. Непростительно было, особенно в мои лета, пародировать в угождение черни девственное, поэтическое создание. Были прочие упреки, довольно пустые. Есть ли в Руслане хоть одно место, которое в вольности шуток могло быть сравнено с шалостями, хоть например Ариоста, о котором поминутно твердили мне? Да и выпущенное мною место было очень смягченное подражание Ариосту. (Orlando Canto V и VIII). [1]

Кавказский Пленник — первый неудачный опыт характера, с которым я насилу сладил; он был принят лучше всего, что я ни написал, благодаря некоторым элегическим и описательным стихам. Но зато Николай и Александр Раевские и я, мы вдоволь над ним смеялись.

Бахчисарайский Фонтан слабее Пленника и, как он, отзывается чтением Байрона, от которого я с ума сходил. Сцена Заремы с Марией имеет драматическое достоинство. Его, кажется, не критиковали. А. Раевский хохотал над следующими стихами:

Он часто в сечах роковых
Подъемлет саблю — и с размаха
Недвижим остается вдруг,
Глядит с безумием вокруг.
Бледнеет etc.

Молодые писатели вообще не умеют изображать физические движения страстей. Их герои всегда содрагаются, хохочут дико, скрежещут зубами и проч. Всё это смешно, как мелодрама.

Не помню кто заметил мне, что невероятно, чтобы скованные вместе разбойники могли переплыть реку. Все это происшествие справедливо и случилось в 1820 году, в бытность мою в Екатеринославле.

О *Цыганах* одна дама заметила, что во всей поэме один только честный человек и то медведь. Покойный Рылеев негодовал, зачем Алеко водит медведя и еще собирает деньги с глазеющей публики. — Вяземский повторил то же замечание. Рылеев просил меня сделать из Алеко хоть кузнеца, что было бы не в пример благороднее. Всего бы лучше сделать из него чиновника 8 класса или помещика, а не Цыгана. В таком случае, правда, не было бы и всей поэмы: ma tanto meglio. [2]

<1830>

---

[1] «Неистовый Роланд», песни V и VIII.
[2] Но тем лучше.

lib.pushkinskijdom.ru

<ОБ «ЕВГЕНИИ ОНЕГИНЕ»>

<1>

Наши критики долго оставляли меня в покое. Это делает им честь: я был далеко, и в обстоятельствах неблагоприятных. По привычке полагали меня всё еще очень молодым человеком. Первые неприязненные статьи, помнится, стали появляться по напечатании четвертой и пятой песни Евгения Онегина.

Разбор сих глав, напечатанный в Атенее, удивил меня хорошим тоном, хорошим слогом и странностию привязок. Самые обыкновенные риторические фигуры и тропы останавливали критика; можно ли сказать *стакан шипит*, вместо *вино шипит в стакане? Камин дымит*, вместо *пар идет из камина?* Не слишком ли смело *ревнивое подозрение? неверный лед?* Как думаете? Что бы такое значило:

Мальчишки
Коньками ввучно режут лед?

Критик догадывается, однако ж, что это значит: мальчишки бегают по льду на коньках.

Вместо: На красных лапках гусь тяжелый
Задумав плыть по лону вод
Ступает бережно на лед.

Критик читал: *На красных лапках гусь тяжелый*
задумал плыть...

и справедливо замечал, что недалеко уплывешь на красных лапках.

Некоторые стихотворческие вольности; после отрицательной частицы *не* — винительный, а не родительный падеж; *времян* вместо *времен*, как например, у Батюшкова:

То древню Русь и нравы
Владимира *времян*...

приводили критика моего в великое недоумение. Но более всего раздражал его стих:

Людскую молвь и конский топ.

«Так ли изъясняемся мы, учившиеся по старым грамматикам, можно ли так коверкать Русский язык?» Над этим стихом жестоко потом посмеялись и в Вестнике Европы. *Молвь* (речь) слово коренное русское. *Топ* вместо топот, столь же употребительно, как и *шип*, вместо *шипение* [1] и *хлоп* вместо *хлопание* (следственно вовсе не противно духу русского языка)...

На ту беду и стих то весь не мой, а взят целиком из русской сказки «И вышел он за ворота градские, и услышал конский топ и людскую молвь». *(Бова Королевич).*

Изучение старинных песен, сказок и т. п. необходимо для совершенного знания свойств русского языка. Критики наши напрасно ими презирают.

<2>

В 4-ой книге Атенея напечатан разбор 4-ой и 5-ой главы Онегина.

Под романтизмом Автор разумеет оговорку, выручающую поэта. Разбирая характеры в романе, он их находит вообще безнравственными — порицает Онегина за то, что он открыто и нравственно поступает с Татьяной, в него влюбленной, и что жмет руку у Ольги с дурным намерением подразнить своего приятеля.

Ему странно, что *тихий* (?) *мечтательный* (?) Ленский за сущую безделицу хочет вызывать Онегина на дуэль и называет свою бесстрастную

---

[1] Он шип пустил по зменному — Древние Русские Стихотворения. <Примеч. Пушкина>.

lib.pushkinskijdom.ru

невесту кокеткой и ветренным ребенком, ибо молодые люди обыкновенно стреляются за дело и любовники никогда не поревнуют по пустякам.

Негодует на Татьяну за то, что раз увидев Онегина, она влюбилась без памяти и пишет ему любовное письмо; что, конечно, очень неприлично.

Наконец находит он, что две главы никуда не годятся, о чем я с ним и не спорю.

Что касается до стихосложения, то критик отзывается о нем снисходительно и с похвалою — хотя и находит в 2-ой главе Онегина 91 мелочь и еще сотни других, которые цепляют (?) людей, учившихся по старым грамматикам.

Из 291 мелочи — многие достойны осуждения, многие не требуют от Автора милостивого отеческого заступления. — Вольно всякому хвалить и порицать все, что относится ко вкусу, — но критик ошибся, указывая на некоторые погрешности противу языка и смысла — и я решился объяснить ему правила грамматики и риторики, не столько для собственной его пользы, как для назидания молодых словесников.

Времян. Следственно Державин ошибся сказав глагол времен. Но Батюшков, (который впрочем ошибался почти столь же часто, как и Державин), сказал

То древню Русь и нравы
Владимира Времян.

Что звук пустой вместо подобно звуку, как звук. Частица *что* вместо грубого *как* употребляется в песнях и в простонародном нашем наречии, столь чистом, приятном. Крылов употребляет *что.*

NB. Кстати о критиках. Вслушивайтесь в простонародные наречия, молодые писатели — вы в них можете научиться многому, чего не найдете в наших журналах. —

Так одевает бури тень
Едва рождающийся день.

Там где сходство именительного падежа с винительным может произвести двусмыслие, должно, по крайней мере, писать все предложения в естественном его порядке (sine inversione).[1]

Стесняет сожаление, безумные страданья, есть весьма простая метафора. —

Два века ссорить не хочу.

Кажется есть правило об отрицании *не:* а то вместо ссорить кого, выйдет, — *много ли времени?*

Грамматика наша еще не пояснена. Замечу во-первых, что так называемая стихотворческая вольность допускает нас со времен Ломоносова употреблять indifféremment[2] после отрицательной частицы *не* родительный и винительный падеж. Во-вторых — в чем состоит правило: что действительный глагол, непосредственно управляемый частицею *не,* требует вместо винительного падежа родительного. Например — *Я не пишу стихов.* — Но если действительный глагол зависит не от отрицательной частицы, но от другой части речи, управляемой оною частицею, то он требует падежа винительного. — Например, я не хочу писать стихи, я не способен писать стихи. — В следующем предложении. — Я не могу позволить ему *начать* писать стихи. Ужели частица *не* управляет глаголом писать?

Если критик об этом подумает, то, вероятно, со мной согласится.

Младой и свежий поцелуй, вместо поцелуя молодых и свежих уст — очень простая метафора.

Мальчишек радостный народ
Коньками звучно режет лед.

В извлечении для смысла: ребятишки катаются по льду.

---

[1] Без инверсии.

[2] Безразлично.

lib.pushkinskijdom.ru

Точно так — сие справедливое изъяснение делает честь догадливости автора.

На красных лапках гусь тяжелый
Задумав плыть по лону вод
Ступает бережно на лед

Лоно не означает *глубины*, лоно значит *грудь*.

Теплотою
Камин чуть *дышет*.

Опять простая метафора.

Кибитка удалая.

Опять метафора.

Людская молвь и конский топ.

(Выражение сказочное. Бова Королевичь).

Читайте простонародные сказки молодые писатели — чтоб видеть свойства русского языка. —

Как приятно будет читать:

Роп вм. ропот,
Топ вм. топот,
Грох вм. грохот,
Сляк вм. слякоть.

На сие замечу моему критику, что роп, топ и прочее употребляют простолюдины во многих наших губерниях. — NB. Мне случалось также слышать стукот вместо стук.

Если наши чопорные критики сомневаются, можно ли дозволить нам употребление риторических фигуров и тропов, о коих они могли бы даже получить некоторое понятие в предуготовительном курсе своего учения, что же они скажут о поэтической дерзости Кальдерона, Шекспира или нашего Державина.

Что скажут они о поэме сего последнего

который вввесить смел
Дух Росса, мощь Екатерины
И опершись на них хотел....

Или о воине, который

Поник лавровою главой.

Люди, выдающие себя за поборников старых грамматик, должны были бы, по крайней мере, иметь школьные сведения о грамматике и риторике — и иметь хоть малое понятие о свойствах русского языка.

<1829>

<3>

Пропущенные строфы подавали неоднократно повод к порицанию. Что есть строфы в Евгении Онегине, которые я не мог или не хотел напечатать — этому дивиться нечего. Но, будучи выпущены, они прерывают связь рассказа и поэтому означается место, где быть им надлежало. Лучше бы было заменять эти строфы другими, или переправлять и сплавливать мною сохраненные.

Но виноват, на это я слишком ленив. Смиренно сознаюсь также, что в Дон-Жуане есть 2 выпущенные строфы.

lib.pushkinskijdom.ru

<4>

Г. Федоров, в журнале, который начал было издавать, разбирая довольно благосклонно 4- и 5-ую главу Онегина, заметил, однако ж, мне, что в описании осени несколько стихов сряду начинаются у меня частицею *уж*, что и назвал он ужами, а что в риторике зовется *единоначатием*. Осудил он также слово *корова*, и выговаривал мне за то, что я барышень благородных и, вероятно, чиновных, назвал *девчонками* (что, конечно, неучтиво), между тем, как простую деревенскую девку назвал девою:

В избушке распевая, дева прядет.

<5>

Шестой песни Онегина не разбирали, даже не заметили в Вестнике Европы латинской опечатки. Кстати: с тех пор, как вышел из Лицея, я не раскрывал латинской книги и совершенно забыл латинский язык. — Жизнь коротка, перечитывать некогда. Замечательные книги теснятся одна за другой, а никто нынче по латыни их не пишет. В 14 столетии, наоборот, латинский язык был необходим и справедливо почитался первым признаком образованного человека.

<6>

Критику 7-ой песни в Северной Пчеле пробежал я в гостях и в такую минуту, когда было мне не до Онегина... Я заметил только очень хорошо написанные стихи, и довольно смешную шутку *об жуке*. У меня сказано:

Был вечер. Небо меркло. Воды
Струились тихо. Жук жужжал.

Критик радовался появлению сего нового лица и ожидал от него характера, лучше выдержанного прочих. Кажется, впрочем, ни одного дельного замечания, или мысли критической не было. Других критиков я не читал, ибо, право, мне было не до них.

NB. Эту критику Северной Пчелы напрасно приписывали г. Булгарину: 1) стихи в ней слишком хороши, 2) проза слишком слаба, 3) г. Булгарин не сказал бы, что описание Москвы взято из Ивана Выжигина (весь отрывок этот был напечатан в Северной Пчеле года два прежде появления Выжигина), ибо г. Булгарин не сказывает, что трагедия Борис Годунов взята из его романа.

<ПРОЭКТ ПРЕДИСЛОВИЯ К VIII и IX ГЛАВАМ>

У нас довольно трудно самому автору узнать впечатление, произведенное в публике сочинением его. От журналов узнает он только мнение издателей, на которое положиться невозможно по многим причинам. Мнение друзей, разумеется, пристрастно, а незнакомые, конечно, не станут ему в глаза бранить его произведение, хотя бы оно того и стоило.

При появлении VII песни Онегина журналы вообще отозвались об ней весьма неблагосклонно. Я бы охотно им поверил, если бы их приговор не слишком уж противоречил тому, что говорили они о прежних главах моего романа. После неумеренных и незаслуженных похвал, коими осыпали шесть частей одного и того же сочинения, странно было мне читать, например, следующий отзыв:

«... Можно ли требовать внимания публики к таким произведениям, какова, например, глава VII Евгения Онегина? Мы сперва подумали, что это мистификация, просто шутка или пародия, и не прежде уверились, что эта глава VII есть произведение сочинителя «Руслана и Людмила», пока книгопродавцы нас не убедили в этом. Эта глава VII — два маленькие печатные листика — испещрена такими стихами и балагурством, что в сравнении

lib.pushkinskijdom.ru

с ними даже Евгений Вельский кажется чем-то похожим на дело *. Ни одной мысли в этой водянистой VII главе, ни одного чувствования, ни одной картины, достойной воззрения! Совершенное падение, chute complète!.... Читатели наши спросят, каково же содержание этой VII главы в 57 страничек? Стихи Онегина увлекают нас и заставляют отвечать стихами на этот вопрос:

«Ну как рассеять горе Тани?
Вот как: посадят деву в сани,
И повезут из милых мест
В Москву на ярманку невест!
Мать плачется, скучает дочка:
Конец *седьмой главе* — и точка. **)

Точно так, любезные читатели, все содержание этой главы в том, что Таню везут в Москву из деревни!» и т. д.

В одном из наших журналов сказано было, что VII глава не могла иметь никакого успеху, ибо наш век и Россия идут вперед, а стихотворец остается на прежнем месте. Решение несправедливое (т. е. в его заключении). Век может идти себе вперед, науки, философия и гражданственность могут усовершенствоваться и изменяться, — но поэзия остается на одном месте. Цель ее одна, средства те же. И между тем, как понятия, труды, открытия великих представителей старинной астрономии, физики, медицины и философии состарелись и каждый день заменяются другими — произведения истинных поэтов остаются свежи и вечно юны.

Поэтическое произведение может быть слабо, неудачно, ошибочно — виновато уж верно дарование стихотворца, а не век, ушедший от него вперед.

Вероятно критик хотел сказать, что Евгений Онегин и весь его причет уже не новость для публики и что он надоел и ей, как журналистам.

Как бы то ни было, решаюсь еще искусить ее терпение. Вот еще две главы Евгения Онегина — последние, по крайней мере, для печати... Те, которые стали бы искать в них занимательности происшествий, могут быть уверены, что в них еще менее действия, чем во всех предшествовавших. Осьмую главу я хотел было вовсе уничтожить и заменить одной римской цыфрою, но побоялся критики. К тому же многие отрывки из оной были уже напечатаны. Мысль, что шутливую пародию можно принять за неуважение к великой и священной памяти, — также удерживала меня. Но Чайльд Гарольд стоит на такой высоте, что каким бы тоном о нем не говорили, мысль о возможности оскорбить его, не могла у меня родиться.

Болдино. 28 ноября 1830.

<ПОЛТАВА.> [1]

Habent sua fata libelli [2]. Полтава не имела успеха. Вероятно она и не стоила его; но я был избалован приемом, оказанным моим прежним, гораздо слабейшим произведениям; к тому ж, это сочинение совсем оригинальное, а мы из того и бьемся.

---

* Прошу извинения у неизвестного мне поэта, если принужден повторить здесь эту грубость. Судя по отрывкам его поэмы, я ничуть не полагаю для себя обидным, если находят Евгения Онегина ниже Евгения Вельского. <Примечание Пушкина>.

** Стихи эти очень хороши, но в них заключающаяся критика неосновательна. Самый ничтожный предмет может быть избран стихотворцем; критике нет нужды разбирать, что стихотворец описывает, но как описывает. <Примечание Пушкина.>

[1] Эта заметка напечатана в «Деннице, альманахе на 1831 год, изданном М. Максимовичем» со следующим поясненнем издателя: «Рукопись, из которой взят сей отрывок, содержит весьма любопытные замечания и объяснения Пушкина о поэмах его и некоторых критиках. Из оной видно, что Поэт не опровергал критик потому только что не хотел. И в д.». В «Деннице» статья озаглавлена: «Отрывок из рукописи Пушкина. (Полтава)». *Ред.*

[2] Книги имеют свою судьбу.

lib.pushkinskijdom.ru

Наши критики взялись объяснить мне причину моей неудачи — и вот каким образом.

Они во-первых объявили мне, что отроду никто не видывал, чтоб женщина влюбилась в старика, и что следственно любовь Марии к старому Гетману (NB исторически доказанная) не могла существовать.

«Ну что ж что ты Честон? Хоть знаю, да не верю». Я не мог довольствоваться этим объяснением: любовь есть самая своенравная страсть. Не говорю уже о безобразии и глупости, ежедневно предпочитаемых молодости, уму и красоте. Вспомните предания мифологические, превращения Овидиевы, Леду, Филлиру, Пазифаю, Пигмалиона — и признайтесь, что все эти вымыслы не чужды поэзии. А Отелло, старый негр, плениший Дездемону рассказами о своих странствиях и битвах?.... А Мирра, внушившая италиянскому поэту одну из лучших его трагедий?...

Мария (или Матрена) увлечена была, говорили мне, тщеславием, а не любовию: велика честь для дочери генерального судии быть наложницею гетмана! — Далее говорили мне, что мой Мазепа *злой и глупой старикашка.* Что изобразил я Мазепу злым, в том я каюсь: добрым я его не нахожу, особливо в ту минуту, когда он хлопочет о казни отца девушки им обольщенной. Глупость же человека оказывается или из его действий, или из его слов: Мазепа действует в моей поэме точь в точь как и в истории, а речи его объясняют его исторический характер. — Заметили мне, что Мазепа слишком у меня злопамятен, что малороссийский гетман не студент и за пощечину или за дерганье усов мстить не захочет. Опять история, опровержена литературной критикой, — опять *хоть знаю, да не верю!* Мазепа, воспитанный в Европе в то время, как понятия о дворянской чести были на высшей степени силы, Мазепа мог помнить долго обиду московского царя и отомстить ему при случае.

В этой черте весь его характер скрытый, жестокий, постоянный. Дернуть ляха или казака за усы всё равно было, что схватить росиянина за бороду. Хмельницкий за все обиды, претерпенные им, помнится, от Чаплицкого, получил в возмездие, по приговору Речи посполитой, остриженный ус своего неприятеля (См. Летопись Конисского).

Старый гетман, предвидя неудачу, наедине с наперсником, бранит в моей поэме молодого Карла и называет его, помнится, мальчишкой и сумасбродом: критики важно укоряли *меня* в неосновательном мнении о шведском короле. У меня сказано где то, что Мазепа ни к кому не был привязан: критики ссылались на *собственные слова* гетмана, уверяющего Марию, что он любит ее *больше славы, больше власти.* Как отвечать на таковые критики?

Слова *усы, визжать, вставай, Мазепа, ого, пора,* — показались критикам *низкими,* бурлацкими выражениями. Как быть!

В Вестнике Европы заметили, что заглавие поэмы ошибочно, и что вероятно не назвал я ее Мазепой, чтоб не напомнить о Байроне. Справедливо, — но была тут и другая причина: эпиграф. Так и Бахчисарайский Фонтан в рукописи назван был *Харемом,* но меланхолический эпиграф (который конечно лучше всей поэмы) соблазнил меня.

Кстати о Полтаве критики упомянули однакож о Байроновом Мазепе; но как они понимали его! Байрон знал Мазепу только по Вольтеровой истории Карла XII. Он поражен был только картиной человека, привязанного к дикой лошади и несущегося по степям. Картина, конечно, поэтическая, и за то посмотрите, что он из нее сделал. Но не ищите тут ни Мазепы, ни Карла, ни сего мрачного, ненавистного, мучительного лица, которое проявляется во всех почти произведениях Байрона, но которого (на беду одному из моих критиков) как нарочно в Мазепе именно и нет. Байрон и не думал о нем: он выставил ряд картин одна другой разительнее — вот и всё. Но какое пламенное создание! Какая широкая, быстрая кисть!

Если ж бы ему под перо попалась история обольщенной дочери и казненного отца, то, вероятно, никто бы не осмелился после него коснуться сего ужасного предмета.

<1830>

lib.pushkinskijdom.ru

<НАБРОСКИ ВОЗРАЖЕНИЙ КРИТИКАМ «ГРАФА НУЛИНА»>[1]

<1>

В Вестнике Европы с негодованием говорили о сравнении *Нулина* с котом, цапцарапствующим кошку (забавный глагол: цапцарапствую, цапцарапствуешь, цапцарапствует). Правда, во всем Графе Нулине этого сравнения не находится, также как и глагола цапцарапствую, но хоть бы и было, что за беда?

<2>

Отчего происходит эта смешная стыдливость и жеманство, эта чопорность деревенской дьячихи,[2] пришедшей в гости к Петербургской барыне? Потому что нашим литераторам хочется доказать, что и они принадлежат высшему обществу (high life haute), что и им известны его законы; не лучше ли было бы им постараться по своему тону и своему поведению принадлежать просто к хорошему обществу (bonne société).....

<3>

Кажется, молодой критик имеет столь же неосновательное понятие о чистоплотности, как и о литературе.

<4>

Но не смешно ли им судить о том, что принято или непринято в свете, что могут <и> чего не могут читать наши дамы, какое выражение принадлежит гостиной (или будуару как говорят эти господа). Не забавно-ли видеть их опекунами высшего общества, куда вероятно им и некогда и вовсе не нужно являться — Не странно ли в ученых изданиях встречать важные рассуждения об отвратительной безнравственности такого-то выражения и ссылки на *паркетных дам*. — Не совестно-ли вчуже видеть почтенных профессоров, краснеющих от светской шутки — Почему им знать, что в мужчине жеманство и напыщенность нестерпимы, еще более выказывают мелкое общество, чем простонародность (vulgarité) и что оно то именно и обличает незнание света. Почему им знать, что откровенные оригинальные выражения простолюдинов повторяются и в высшем обществе, не оскорбляя слуха — между тем как чопорные обиняки провинциальной вежливости возбудили бы только общую невольную улыбку — — Хорошее общество может существовать и не в высшем кругу, а везде где есть люди честные, умные и образованные.

Эта охота выдавать себя за членов высшего общества, вводила иногда наших журналистов в забавные промахи. Один из них думал что невозможно говорить при дамах о блохах, и дал за то строгий выговор — кому-же— одному из молодых блестящих царедворцев — В одном журнале сильно напали на неблагопристойность поэмы, где сказано что молодой человек осмелился войти ночью к спящей красавице. И между тем как стыдливый рецензент разбирал ее как самую вольную сказку Бокаччио иль Лафонтена— все петербургские дамы читали ее, и знали целые отрывки наизусть. Недавно исторический роман обратил на себя внимание всеобщее, и отвлек на несколько дней всех наших дам от fashionable tales[3] и исторических записок. Что-же — Газета дала заметить Автору, что в его простонародных сценах находятся слова ужасные: *сукин сын*.[4] Возможно-ли — Что скажут дамы, если паче чаяния взор их упадает на это неслыханное выражение — Что б они сказали Фон-Визину, который императрице Екатерине читал своего Недо-

---

[1] Эти наброски связаны с «Опытом отражения некоторых нелитературных обвинений». См. выше стр. 345—346. *Ред.*

[2] Незачеркнутый вариант: просвирни в гостях у приезжей горожанки.

[3] Модные повести.

[4] Намек на отзыв о «Юрии Милославском» Загоскина в «Северной Пчеле» 1830 г., № 9. *Ред.*

lib.pushkinskijdom.ru

росля, где на каждой странице эта невежливая Простакова бранит Еремеевну *собачьей дочерью* — Что сказали б новейшие блюстители нравственности и о чтении Душеньки, и об успехе сего прелестного произведения? — Что думают они о шутливых одах Державина, о прелестных сказках Дмитриева? — Модная жена не столь-же ли безнравственна, как и Граф Нулин.

<1830>

<ГРАФ НУЛИН>

В конце 1825 года находился я в деревне. Перечитывая Лукрецию, довольно слабую поэму Шекспира, я подумал, — что если б Лукреции пришло в голову дать пощечину Тарквинию? быть может его охладило б его предприимчивость и он со стыдом принужден был отступить? Лукреция б не зарезалась, Публикола не взбесился бы, не изгнал бы царей и мир и истории мира были бы не те. —

Итак республикою, консулами, диктаторами, Катонами, кесарями, войнами, завоеваниями мы обязаны соблазнительному происшедствию, подобному тому, которое случилось недавно в моем соседстве, в Новоржевском уезде.

Мысль пародировать историю и Шекспира мне представилась. Я не мог воспротивиться двойному искушению и в два утра написал эту повесть.—

<1833?>

<ЗАМЕТКА О МОЦАРТЕ И САЛЬЕРИ>

В первое представление Дон Жуана, в то время когда весь театр, полный изумленных знатоков, безмолвно упивался гармонией Моцарта — раздался свист — все обратились с изумлением и негодованием, и знаменитый Сальери вышел из залы — в бешенстве снедаемый завистью.

Сальери умер лет 8 тому назад. Некоторые немецкие журналы говорили, что на одре смерти признался он будто бы в ужасном преступлении — в отравлении великого Моцарта.

Завистник, который мог освистать Дон Жуана, мог отравить его творца.

<1833>

lib.pushkinskijdom.ru

ЗАПИСКИ ОФИЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ

О НАРОДНОМ ВОСПИТАНИИ.

Последние происшествия обнаружили много печальных истин. Недостаток просвещения и нравственности вовлек многих молодых людей в преступные заблуждения. Политические изменения, вынужденные у других народов силою обстоятельств и долговременным приготовлением, вдруг сделались у нас предметом замыслов и злонамеренных усилий. Лет 15 тому назад молодые люди занимались только военною службою, старались отличаться одною светской образованностию или шалостями; литература (в то время столь свободная) не имела никакого направления; воспитание ни в чем не отклонялось от первоначальных начертаний. 10 лет спустя мы увидели либеральные идеи необходимой вывеской хорошего воспитания, разговор исключительно политический; литературу (подавленную самой своенравною цензурою), превратившуюся в рукописные пасквили на правительство и возмутительные песни; наконец, и тайные общества, заговоры, замыслы более или менее кровавые и безумные.

Ясно, что походами 1813 и 1814 года, пребыванию наших войск во Франции и в Германии должно приписать сие влияние на дух и нравы того поколения, коего несчастные представители погибли в наших глазах; должно надеяться, что люди, разделявшие образ мыслей заговорщиков, образумились; что, с одной стороны, они увидели ничтожность своих замыслов и средств, с другой — необъятную силу правительства, основанную на силе вещей. Вероятно, братья, друзья, товарищи погибших успокоятся временем и размышлением, поймут необходимость и простят оной в душе своей. Но надлежит защитить новое, возрастающее поколение, еще не наученное никаким опытом и которое скоро явится на поприще жизни со всею пылкостию первой молодости, со всем ее восторгом и готовностию принимать всякие впечатления.

Не одно влияние чужеземного идеологизма пагубно для нашего отечества; воспитание, или лучше сказать, отсутствие воспитания есть корень всякого зла. *Не просвещению*, сказано в высочайшем манифесте от 13-го июля 1826 года, *но праздности ума, более вредной, чем праздность телесных сил, недостатку твердых познаний должно приписать сие своевольство мыслей, источник буйных страстей, сию пагубную роскошь полупознаний, сей порыв в мечтательные крайности, коих начало есть порча нравов, а конец — погибель.* Скажем более: одно просвещение в состоянии удержать новые безумства, новые общественные бедствия.

Чины сделались страстию русского народа. Того хотел Петр Великий, того требовало тогдашнее состояние России. В других землях молодой человек кончает круг учения около 25 лет; у нас он торопится вступить как можно ранее в службу, ибо ему необходимо 30-ти лет быть полковником или коллежским советником. Он входит в свет безо всяких основательных познаний, без всяких положительных правил; всякая мысль для него нова,

lib.pushkinskijdom.ru

всякая новость имеет на него влияние. Он не в состоянии ни повторять, ни возражать; он становится слепым приверженцем или жалким повторителем первого товарища, которой захочет оказать над ним свое превосходство или сделать из него свое орудие.

Конечно, уничтожение чинов (по крайней мере, гражданских) представляет великие выгоды; но сия мера влечет за собою и беспорядки бесчисленные, как вообще всякое изменение постановлений, освященных временем и привычкою. Можно, по крайней мере, извлечь некоторую пользу из самого злоупотребления и представить чины целию и достоянием просвещения; должно увлечь все юношество в общественные заведения, подчиненные надзору правительства; должно его там удержать, дать ему время перекипеть, обогатиться познаниями, созреть в тишине училищ, а не в шумной праздности казарм.

В России домашнее воспитание есть самое недостаточное, самое безнравственное: ребенок окружен одними холопями, видит одни гнусные примеры, своевольничает или рабствует, не получает никаких понятий о справедливости, о взаимных отношениях людей, об истинной чести. Воспитание его ограничивается изучением двух или трех иностранных языков и начальным основанием всех наук, преподаваемых каким-нибудь нанятым учителем. Воспитание в частных пансионах не многим лучше; здесь и там оно кончается на 16-ти летнем возрасте воспитанника. Нечего колебаться: во что бы то ни стало должно подавить воспитание частное.

Надлежит всеми средствами умножить невыгоды, сопряженные с оным (например, прибавить годы унтер-офицерства и первых гражданских чинов).

Уничтожить экзамены. Покойный император, удостоверясь в ничтожестве ему предшествовавшего поколения, желал открыть дорогу просвещенному юношеству и задержать как-нибудь стариков, закоренелых в безнравствии и невежестве. Отселе указ об экзаменах, мера слишком демократическая и ошибочная, ибо она нанесла последний удар дворянскому просвещению и гражданской администрации, вытеснив все новое поколение в военную службу. А так как в России все продажно, то и экзамен сделался новой отраслию промышленности для профессоров. Он походит на плохую таможенную заставу, в которую старые инвалиды пропускают за деньги тех, которые не умели проехать стороною. И так (с такого то году) *молодой человек, не воспитанный в государственном училище, вступая в службу, не получает вперед никаких выгод и не имеет права требовать экзамена.*

Уничтожение экзаменов произведет большую радость в старых титулярных и коллежских советниках, что и будет хорошим противудействием ропоту родителей, почитающих своих детей обиженными.

Что касается до воспитания заграничного, то запрещать его нет никакой надобности. Довольно будет опутать его одними невыгодами, сопряженными с воспитанием домашним, ибо 1-е, весьма немногие станут пользоваться сим позволением; 2-е, воспитание иностранных университетов, несмотря на все свои неудобства, не в пример для нас менее вредно воспитания патриархального. Мы видим, что Н. Тургенев, воспитывавшийся в Гетингенском университете, несмотря на свой политический фанатизм, отличался посреди буйных своих сообщников, нравственностию и умеренностию — следствием просвещения истинного и положительных познаний. Таким образом, уничтожив или, по крайней мере, сильно затруднив воспитание частное, правительству легко будет заняться улучшением воспитания общественного.

Ланкастерские школы входят у нас в систему военного образования и, следовательно, состоят в самом лучшем порядке.

Кадетские корпуса, рассадник офицеров русской армии, требуют физического преобразования, большого присмотра за нравами, кои находятся в самом гнусном запущении. Для сего нужна полиция, составленная из лучших воспитанников; доносы других должны быть оставлены без исследования и даже подвергаться наказанию; чрез сию полицию должны будут доходить и жалобы до начальства. Должно обратить строгое внимание на рукописи, ходящие между воспитанниками. За найденную похабную рукопись положить тягчайшее наказание; за возмутительную — исключение из учили-

lib.pushkinskijdom.ru

ща, но, без дальнейшего гонения по службе: наказывать юношу или взрослого человека за вину отрока есть дело ужасное и, к несчастию, слишком у нас обыкновенное.

Уничтожение телесных наказаний необходимо. Надлежит заранее внушить воспитанникам правила чести и человеколюбия. Не должно забывать, что они будут иметь право розги и палки над солдатом. Слишком жестокое воспитание делает из них палачей, а не начальников.

В гимназиях, лицеях и пансионах при университетах должно будет продлить, по крайней мере, 3-мя годами круг обыкновенный учения, *по мере того повышая и чины, даваемые при выпуске.*

Преобразование семинарий, рассадника нашего духовенства, как дело высшей государственной важности, требует полного, особенного рассмотрения.

Предметы учения в первые годы не требуют значительной перемены. Кажется, однако ж, что языки слишком много занимают времени. К чему, например, 6-ти летнее изучение французского языка, когда навык света и без того слишком уже достаточен? К чему латинский и греческий? Позволительна ли роскошь там, где чувствителен недостаток необходимого?

Во всех почти училищах дети занимаются литературою, составляют общества, даже печатают свои сочинения в светских журналах. Всё это отвлекает от учения, приучает детей к мелочным успехам и ограничивает идеи, уже и без того слишком у нас ограниченные.

Высшие политические науки займут окончательные годы. Преподавание прав, политическая экономия по новейшей системе Сея и Сисмонди, статистика, история.

История в первые годы учения должна быть голым хронологическим рассказом происшествий безо всяких нравственных или политических рассуждений. К чему давать младенчествующим умам направление односторонее, всегда непрочное? Но в окончательном курсе преподавание истории (особенно новейшей) должно будет совершенно измениться. Можно будет с хладнокровием показать разницу духа народов, источника нужд и требований государственных; не хитрить; не искажать республиканских рассуждений, не позорить убийства кесаря, превознесенного 2,000 лет, но представить Брута защитником и мстителем коренных постановлений отечества, а Кесаря честолюбивым возмутителем.

Вообще не должно, чтоб республиканские идеи изумили воспитанников при вступлении в свет и имели для них прелесть новизны.

Историю русскую должно будет преподавать по Карамзину. История Государства Российского есть не только произведение великого писателя, но и подвиг честного человека. Россия слишком мало известна русским; сверх ее истории, ее статистика, ее законодательство требуют особенных кафедр. Изучение России должно будет преимущественно занять в окончательные годы умы молодых дворян, готовящихся служить отечеству верою и правдою, имея целию искренно и усердно соединиться с правительством в великом подвиге улучшения государственных постановлений, а не препятствовать ему, безумно упорствуя в тайном недоброжелательстве.

Сам от себя я бы никогда не осмелился представить на рассмотрение правительства столь недостаточные замечания о предмете столь важном, каково есть народное воспитание; одно желание усердием и искренностию оправдать высочайшие милости, мною незаслуженные, понудило меня исполнить вверенное мне препоручение. Ободренный первым вниманием государя императора, всеподданнейше прошу его величество дозволить мне повергнуть пред ним мысли касательно предметов, более мне близких и знакомых.

Александр Пушкин.

<1826>

2. <ЗАПИСКА О МИЦКЕВИЧЕ.>

Adam Mickiewicz, professeur à l'Université de Kovno, ayant appartenu à l'âge de 17 ans, à une société littéraire qui n'exista que pendant quelques mois fut mis aux arrêts par la commission d'enquête de Vilna (1823).

lib.pushkinskijdom.ru

Mickiewicz convint d'avoir connu l'éxistance d'une autre société littéraire, mais d'en avoir toujours ignoré le but, qui étoit de propager le Nationalisme Polonais. Au reste cette société ne dura non plus qu'un moment et fut dissouté avant l'Oukase. Au bout de 7 mois Mickiewicz fut mis en liberté et envoyé dans les provinces Russes, jusqu'à ce qu'il plûte à S. M. l'Empereur de lui permettre de revenir. Il servit sous les ordres du général Witt et sous ceux du général gouverneur de Moscou. Il espère que leurs suffrages lui etant favorables, l'Autorité lui permettra de revenir en Pologne où l'appellent des affaires domestiques. [1].

7 Janvier 182º

3. <ЗАПИСКА О В. Д. СУХОРУКОВЕ.>

Сотник Сухоруков воспитывался в Харьковском университете. В 1820 году бывший атаман употребил его по своим делам, как человека сведущего и смышленого. В то же время граф Чернышов, имея нужду в тамошнем уроженце, призвал его в свою канцелярию. Будучи еще очень молод и находясь в таком затруднительном положении, Сухоруков мог подать повод к неудовольствию графа. В последствии времени литературные занятия сблизили его с Корниловичем, с которым в 1825 году издал он ученую книгу под заглавием *Русская Старина*. Сухоруков был замешан в деле о заговоре, но следственная комиссия оправдала его, оставя в подозрении. Будучи потом откомандирован в Кавказской корпус, Сухоруков был употреблен графом Паскевичем.

Сухоруков имеет отличные дарования и сведения. Доказательством тому служит то, что все бывшие его начальники принуждены были употреблять его, даже не доброжелательствуя ему. С 1821 года предпринял он труд важный не только для России, но и для всего ученого света.

Сухоруков имел некогда поручение от комитета, учрежденного для устройства войска Донского, составить Историю донских казаков. Для сего Сухоруков пересмотрел все архивы присутственных мест и станиц Донской земли, также архивы: Азовской, Саратовской, Царицынской, Астраханской, наконец и Московской. Выписанные им исторические акты заключают более пяти тысяч листов; кроме того Сухоруков приобрел множество разных летописей, повестей, поэм и проч., объемлющих Историю донских казаков. — Все сии драгоценные материалы, вместе со статьями, им уже составленными, Сухоруков должен был, по приказанию генерал-миора Богдановича, уезжая в армию в 1826 г., передать в другие руки, и теперь они едва ли не растеряны.

Имея слабое здоровие, склонность к ученым трудам и малое, но достаточное для него состояние (тысяча рублей годового дохода), Сухоруков сказывал мне, что единственное желание его было бы дозволение хотя [переписать] взять копии с приобретенных им исторических материалов, на которые употребил он пять лет времени, а потом на свободе заняться соста-

---

[1] Адам Мицкевич, профессор университета в Ковне, за принадлежность, в возрасте 17 лет, к одному литературному обществу, которое существовало в продолжение лишь нескольких месяцев, был арестован Виленскою следственною комиссией (1823). Мицкевич сознался, что был осведомлен о существовании другого литературного общества, но всегда был в неведении о цели его, которая состояла в распространении идей Польского Национализма. Впрочем, и это общество существовало лишь самое короткое время и было закрыто до издания указа. По истечении 7 месяцев Мицкевич был выпущен на свободу и выслан в Русские губернии — до тех пор, пока государю императору благоугодно будет разрешить ему возвратиться. Он служил под начальством генерала Витта и Московского генерал-губернатора. Он надеется, что, так как их отзывы для него благоприятны, — Правительство позволит ему возвратиться в Польшу, куда призывают его домашние обстоятельства. 7 января 1928 г.

lib.pushkinskijdom.ru

влением Истории донских казаков, которую надеялся он посвятить его императорскому высочеству великому князю наследнику.

<1831>

4. <ПЛАНЫ ИЗДАНИЯ ГАЗЕТЫ>

<1. ЗАПИСКА, ПРЕДСТАВЛЕННАЯ А. Х. БЕНКЕНДОРФУ.>

Десять лет тому назад литературою занималось у нас весьма малое число любителей. Они видели в ней приятное, благородное упражнение, но еще не отрасль промышленности: читателей было еще мало; книжная торговля ограничивалась переводами кой-каких романов и перепечатанием сонников и песенников.[1]

Несчастные обстоятельства, сопровождавшие восшествие на престол ныне царствующего императора, обратили внимание его величества на сословие писателей. Он нашел сие сословие совершенно преданным на произвол судьбы и притесненным невежественной и своенравной цензурою. Не было даже закона касательно собственности литературной.

Ограждение сей собственности и цензурной устав принадлежат к важнейшим благодеяниям нынешнего царствования.

Литература оживилась и приняла обыкновенное свое направление, т. е. *торговое*. Ныне составляет она отрасль промышленности, покровительствуемой законами.

Изо всех родов литературы, периодические издания всего более приносят выгоды и чем разнообразнее по содержанию, тем более расходятся.

Известия политические привлекают большое число читателей, будучи любопытны для всякого.

Северная Пчела, издаваемая двумя известными литераторами, имея около 3000 подписчиков, естественно должна иметь большое влияние на читающую публику, следственно и на книжную торговлю.

Всякий журналист имеет право говорить мнение свое о нововышедшей книге, столь строго, как угодно ему. Северная Пчела пользуется сим правом — и хорошо делает; законом требовать от журналиста благосклонности или беспристрастия было-бы невозможно и несправедливо. Автору осужденной книги остается ожидать решения читающей публики, или искать управы и защиты в другом журнале.

Но журналы, *чисто литературные*, вместо 3000 подписчиков, имеют едва ли и 300, и следственно голос их был бы вовсе не действительным.

Таким образом, литературная торговля находится в руках издателей Северной Пчелы, и критика, как и политика, сделалась их монополией.

От сего терпят вещественный ущерб все литераторы, не находящиеся в приятельских сношениях с издателями Северной Пчелы: ни одно из их произведений не продается, ибо никто не станет покупать товара, осужденного в самом газетном объявлении.

---

[1] В черновом автографе этого места записки сохранились еще следующие строки:

Человек, имевший важное влияние на русское просвещение, посвятивший жизнь единственно на ученые труды, К<арамзин> первый показал опыт торговых оборотов в литературе. Он и тут (как и во всем) был исключением из всего, что мы привыкли видеть у себя. [Литераторы во время царствования покойного императора, были оставлены на произвол цензуре своенравной и притеснительной — Редкое сочинение доходило до печати. Весь класс писателей (класс важный у нас, ибо по крайней мере составлен он из грамотных людей) перешел на сторону недовольных. Правительство сего не хотело замечать: отчасти из великодушия (к несчастию того не понимали, или не хотели понимать), отчасти от непростительного небрежения. Могу сказать, что в последнее пятилетие царствования покойного государя, я имел на сословие литераторов гораздо более влияния, чем министерство, несмотря на неизмеримое неравенство средств.]

lib.pushkinskijdom.ru

Для восстановления равновесия в литературе нам необходим журнал, коего средства могли-бы равняться средствам Северной Пчелы, т. е. журнал, в коем печатались бы политические и заграничные новости.

Направление политических статей зависит и должно зависеть от правительства, и в сем случае я полагаю священной обязанностию ему повиноваться и не только соображаться с решением цензора, но и сам обязуюсь строго смотреть за каждой строкою моего журнала.

Злонамеренность была бы с моей стороны столь же безрассудна, как и неблагодарна.

<1831.>

<2.>

Что есть журнал европейский. Что есть журнал русской. Нынешние русские журналы. Каков может быть р<усский> журнал.

Часть политическая. Внешняя политика. Происшествия. Политическая Полемика.

Предварительное изъявление мнений правительства. Внутренние происшествия; указы. О мерах правительства. З<аконодательные> Материалы от правительства. Корреспонденция.

Литература. *Внешняя* литература. Лучшие статьи из журналов. Критика иностранных книг. *Внутренняя*. Исторические материалы. Текучая литература. Feuilleton. Théâtre. Библиография. Объявления.

Пособия: повеления министров.

Журнал мой предлагаю правительству — как орудие его действия на общее мнение.

Официальность.

<1832?>

<3>

ДНЕВНИК.

Контора под ведомством Редактора.
Подписка в эксп<едициях> и в почтамте.
Рассылка по домам.
Книги:
1. Подписная, билетов
2. Поступающих денег.
3. Книга прихода и расхода (Grossbuch).
4. Отдельный счет с бумагой.
5. Книги с разнощ. жалоб.
6. Сотрудники
7. Покупки

Исполнитель
Сотрудники

<1832>

lib.pushkinskijdom.ru

DUBIA

ЗАМЕТКИ В „ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЕ“ 1830 г.[1]

<О КАРИКАТУРЕ В АНГЛИИ И О ПОЛЕВОМ.>

Англия есть отечество карикатуры и пародии. Всякое замечательное происшествие подает повод к сатирической картинке; всякое сочинение, ознаменованное успехом, подпадает под пародию. Искусство подделываться под слог известных писателей доведено в Англии до совершенства. Вальтер-Скотту показывали однажды стихи, будто бы им сочиненные. «Стихи, кажется, мои», отвечал он, смеясь, «я так много и так давно пишу, что не смею отречься и от этой бессмыслицы!» Не думаю, чтобы кто-нибудь из известных наших писателей мог узнать себя в пародиях, напечатанных недавно в одном из московских журналов. Сей род шуток требует редкой гибкости слога; хороший пародист обладает всеми слогами, а наш едва ли и одним. Впрочем, и у нас есть очень удачный опыт: г-н Полевой очень забавно пародировал Гизота и Тьерри.

<О ЛИЧНОСТЯХ В КРИТИКЕ.>

Требует ли публика извещения, что такой-то журналист не хочет больше снимать шляпы перед таким-то поэтом или прозаиком? Конечно, нет; но журналист об этом публикует, чтоб его товарищ, получающий по приязни даром листки его (к которому бы не мешало ему лучше зайти мимоходом, да словесно объявить о том) узнал эту важную для них новость. Впрочем, такие извещения излагаются иногда с некоторою дипломатическою важностию. В одном московском журнале вот как отзываются о книге, в которой собраны статьи разных писателей. «*Она не блестит именами знаменитого созвездия русских поэтов и прозаиков. Жалеть ли об этом? По крайней мере, мы не пожалеем*». Эти господа *мы* друг друга, верно, понимают; но доверчивому, скромному и благомыслящему читателю понять здесь нечего. Как можно не пожалеть, что в книге нет ни одной статьи, написанной человеком с отличным талантом? Наконец, всего смешнее, что и сам критик, сначала обещавший не жалеть об этом, признается после, что в этой книге, *которой ему не хотелось было* осуждать, нет ни одной статьи путной: в 1-й статье нет общности; во 2-й автор не умеет рассказывать; 3-ю читать скучно; 4-я — старая песня; в 5-й надоедают офицеры с своим питьем, едою, чаем и трубками; 6-я перепечатана; 7-я тоже, и так далее. Вот до какого противоречия доводят личности. Ужели названия *порядочного* и *здравомыслящего* человека лишились в наше время цены своей?

[1] Твердых доказательств принадлежности этих статей Пушкину нет, но есть основания предполагать его участие в них. *Ред.*

lib.pushkinskijdom.ru

<С НЕКОТОРЫХ ПОР ЖУРНАЛИСТЫ НАШИ>

С некоторых пор журналисты наши упрекают писателей, которым неблагосклонствуют, их дворянским достоинством и литературною известностию. Французская чернь кричала когда-то: les aristocrates à la lanterne![1] Замечательно, что и у французской черни крик этот был двусмыслен и означал в одно время аристократию политическую и литературную. Подражание наше не дельно. У нас в России, государственные звания находятся в таком равновесии, которое предупреждает всякую ревнивость между ними. Дворянское достоинство в особенности, кажется, ни в ком не может возбуждать неприязненного чувства, ибо доступно каждому. Военная и статская служба, чины университетские, легко выводят в оное людей прочих званий. Ежели негодующий на преимущества дворянские неспособен ни к какой службе, ежели он не довольно знающ, чтобы выдержать университетские экзамены, жаловаться ему не на что. Враждебное чувство его конечно извинительно, ибо необходимо соединено с сознанием собственной ничтожности; но выказывать его неблагоразумно. Что касается до литературной известности, упреки в оной отменно простодушны. Известный баснописец, желая объяснить одно из самых жалких чувств человеческого сердца, обыкновенно скрывающееся под какою-нибудь личиною, написал следующую басню:

Со светлым червячком встречается змея
И ядом вмиг его смертельным обливает.
«Убийца!» он вскричал, «за что погибну я?»
— Ты светишь! — отвечает.

Современники наши, кажется, желают доказать нам ребячество подобных применений, и червяков и казявок заменить лицами, более выразительными. Всё это напоминает эпиграмму, помещенную в 32-м № *литературной газеты*.[2]

<О ВЫХОДКАХ ПРОТИВ ЛИТЕРАТУРНОЙ АРИСТОКРАТИИ.>

Новые выходки противу так называемой литературной нашей аристократии столь же недобросовестны, как и прежние. Ни один из известных писателей, принадлежащих будто бы этой партии, не думал величаться своим дворянским званием. Напротив, *Северная Пчела* помнит, кто упрекал поминутно г-на Полевого тем, что он купец, кто заступился за него, кто осмелился посмеяться над феодальной нетерпимостию некоторых чиновных журналистов. При сем случае заметим, что если большая часть наших писателей дворяне, то сие доказывает только, что дворянство наше (не в пример прочим) грамотное: этому смеяться нечего. Если же бы звание дворянина ничего у нас не значило, то и это было бы вовсе не смешно. Но пренебрегать своими предками из опасения шуток гг. Полевого, Греча и Булгарина, не похвально, а не дорожить своими правами и преимуществами глупо. Недворяне (особливо не русские), позволяющие себе насмешки насчет русского дворянства, более извинительны. Но и тут шутки их достойны порицания. Эпиграммы демократических писателей XVIII-го столетия (которых, впрочем, ни в каком отношении сравнивать с нашими невозможно) приуготовляли крики: *Аристократов к фонарю* и ничуть не забавные куплеты с припевом: *Повесим их, повесим.* Avis au lecteur.[3]

---

[1] Аристократов к фонарю!

[2] Эпиграмма Баратынского на Булгарина «Он вам знаком. Скажите кстати» и пр. *Ред.*

[3] Предупреждение читателю.

lib.pushkinskijdom.ru

ОГЛАВЛЕНИЕ

lib.pushkinskijdom.ru

lib.pushkinskijdom.ru

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Пушкин-историк. Статья М. Н. Покровского 5
Пушкин-журналист. Статья И. В. Сергиевского 16

КРИТИКА

Статьи и заметки 1824—1829 гг. (Редактировал Н. К. Козмин).

Письмо к издателю «Сына Отечества» 31
О г-же Сталь и о г. А. Муханове 32
О предисловии г. Лемонте к переводу басен И. А. Крылова . 33
Отрывки из писем, мысли и замечания 37
Отрывок из литературных летописей 42
О «Ромео и Джюльете» Шекспира 45

Статьи и заметки в «Литературной Газете» 1830 г. (Ред. Н. К. Козмин) . . . . . .

I. Из отдела «Библиография».

1. Илиада Гомерова . . . 46
2. Денница, Альманах на 1830 г., изданный М. Максимовичем. 46
3. Юрий Милославский, или русские в 1612 году . . 52
4. Карелия, или заточение Марфы Иоанновны Романовой. Федора Глинки . 54

II. Из Отдела «Смеси».

1. О некрологии генерала от кавалерии Н. Н. Раевского 57
2. О переводе романа Бенжамена Констана: «Адольф» 58
3. О литературной критике 58
4. О записках Самсона . . 59
5. О «Разговоре у княгини Халдиной» Фонвизина 60
6. О статьях князя Вяземского. 60
7. Объяснение к заметке об Илиаде 61
8. О записках Видока . . 62

III. Из Отдела «Библиография» 1831 г.

1. Vie, poésies et pensées de Joseph Delorme 63

Статьи в «Телескопе» и в «Литерат. прибавлениях к Рус. Инвал.» 1831—1833 г. (Ред. Ю. Г. Оксман).

Торжество дружбы, или оправданный Александр Анфимович Орлов 72
Несколько слов о мизинце г. Булгарина и о прочем . . . 77
О сочинениях П. А. Катенина . 80

Статьи в «Современнике» 1836—1837 г. (Редактировал Ю. Г. Оксман).

Собрание сочинений Георгия Конисского, архиепископа Белорусского 82
Александр Радищев 92
Российская Академия 100
Французская Академия . . . 103
Мнение М. Е. Лобанова о духе словесности, как иностранной, так и отечественной 117
Вольтер 123

lib.pushkinskijdom.ru

Стр.

«Фракийские элегии». Стихотворения Виктора Теплякова 129
Джон Теннер. 137
О Мильтоне и Шатобриановом переводе «Потерянного рая» . 156
Последний из свойственников Иоанны д'Арк 164

Редакционные предисловия, послесловия, полемические и информационные заметки. (Ред. Ю. Г. Оксман).

Послесловие к «Долине Ажитугай» 167
Предисловие к Запискам Н. А. Дуровой 167

От Редакции:

1. Для очистки совести нашей 168
2. Статья, присланная нам из Твери 169

Письмо к издателю 169
Примечание к повести «Нос» . 173
Примечание к «Прогулке по Москве» 173
Примечание к записке «О древней и новой России» . . . 173

От Редакции:

1. «Современник» будет издаваться 173
2. Издатель «Современника» не печатал 173
3. Обстоятельства не позволили 174
4. В первом томе «Современника» 174
5. Редакция «Современника» не может 174

О «Старине и Новизне» кн. Вяземского 174

Рецензии и заметки в отделе «Новые книги» (Ред. Ю. Г. Оксман).

Вастола, или желания, повесть в стихах, соч. Виланда . . . 175
Вечера на хуторе близ Диканьки. Повести, изданные Пасичником Рудым Паньком . . . 176
Об обязанностях человека. Сочинение Сильвио Пеллико . . 176
Словарь о святых, прославленных в Российской церкви . 178
Новый роман 180
Кавалерист, — девица, происшествие в России, в 2 частях . 180

Стр.

Ключь к «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина 180

Рецензии, заготовленные для «Современника». (Ред. Ю. Г. Оксман).

<Три повести Н. Павлова, Москва, 1835> 181
<Памятные записки титулярного советника Чухина, или простая история обыкновенной жизни. Сочинение Фаддея Булгарина> 181
<Недовольные, комедия в четырех действиях, сочинение М. Н. Загоскина> 182

ИСТОРИЯ

«История русского народа» Н. А. Полевого (Ред. Н. К. Козмин). Статья 1-я 183
Статья 2-я 185
История Пугачевского бунта (Ред. П. Е. Щеголев) . . . 188
Заметки о Шванвиче (Ред. Ю. Г. Оксман) 286
Об истории Пугачевского бунта. (Разбор статьи, напечатанной в «Сыне Отечества», в январе 1835 г.) (Ред. Ю. Г. Оксман) 286
Записки бригадира Моро-де-Бразе (касающиеся до турецкого похода 1711 года) (Ред. Ю. Г. Оксман) 296
Анекдоты (Ред. Ю. Г. Оксман) 325
Объяснение (Ред. Ю. Г. Оксман) 327

Неизданное и черновое.

Заметки о русской литературе и наброски журнальных статей.

<О слоге> (Ред. Н. К. Козмин) 329
«Голько революционная голова».... (Ред. Н. К. Козмин) . 329
Причинами замедлившими ход нашей словесности.... (Ред. Н. К. Козмин 330
<О народности в литературе> (Ред. Ю. Г. Оксман) . . . 330
<О смелости выражений> (Ред. С. М. Бонди) 331
<О вдохновении и восторге> (Ред. С. А. Рейсер) 331
«Северная Лира». (Ред. Н. К. Козмин) 332

lib.pushkinskijdom.ru

Стр.

В зрелой словесности приходит время (Ред. Н. К. Козмин) 332
Несколько московских литераторов... (Ред. С. М. Бонди) . 333
Многие недовольные нашей журнальной полемикою (Ред. Ю. Г. Оксман) 334
Заметка о публикациях *АП* в «Северной Звезде» (Ред. Ю. Г. Оксман) 334
<Альманашник> (Ред. Ю. Г. Оксман) 334
Детская книжка (Ред. С. М. Бонди) 337
<Разговор> (Ред. Н. К. Козмин) 338
<Отрывки из разговоров> (Ред. Н. К. Козмин) . . . 340
Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений (Ред. Ю. Г. Оксман) 341
О цене «Евгения Онегина» (Ред. Н. К. Козмин) . . . 350
Шутки наших критиков (Ред. Н. К. Козмин) 350
Литература у нас существует, но критики еще нет. (Ред. Н. К. Козмин) 351
О критике и полемике «Литературной Газеты» (Ред. Н. К. Козмин) 351
Критикою у нас, большею частью, занимаются журналисты (Ред. Н. К. Козмин) . . . 351
Критика — наука открывать красоты (Ред. С. А. Рейсер) . 351
Наброски статей о Баратынском. I—III. (Ред. Ю. Г. Оксман). 352
Заметки о Дельвиге. I—VII. (Ред. Ю. Г. Оксман) . . . 355
<О русских журналах> (Ред. Н. К. Козмин) 357
План издания исторических песен. (Ред. Ю. Г. Оксман) . 357
О новейших романах. (Ред. Ю. Г. Оксман) 358
О «Путешествии к св. местам» А. Н. Муравьева (Ред. Ю. Г. Оксман) 358
<Мысли на дороге> (Ред. Н. К. Козмин) 358
<Разговор с англичанином> (Ред. Н. К. Козмин) . . . 376
Замечания на «Песнь о полку Игореве» (Ред. Н. К. Козмин) 377
<О русской литературе, с очерком французской>. (Ред. Н. К. Козмин) 380

Стр.

Заметки, связанные с изданием «Современника» (Ред. Ю. Г. Оксман)

Программа издания 386
Перечень статей, намеченных для «Современника» 386
Примечание о памятнике князю Пожарскому и гражданину Минину 386
От издателя 387

Наброски статей для «Современника» (Ред. Ю. Г. Оксман)

Путешествие В. Л. П.<ушкина> 387
«Путешествие в Сибирь» аббата Шапп д-Отроша и «Антидот» Екатерины второй 387
«История поэзии» С. П. Шевырева 388
Железная маска 389

Заметки о театре и драме.

Мои мысли о Шаховском (Ред. Ю. Г. Оксман) 390
Мои замечания об русском театре. (Ред. Ю. Г. Оксман) . . 390
<Изо всех родов сочинений...> (Ред. Н. К. Козмин) . . . 393
<Драматическое искусство....> (Ред. Н. К. Козмин) 393
Разбор драмы «Марфа Посадница» М. П. Погодина (Ред. Н. К. Козмин) 396

Заметки о западно-европейской литературе (Ред. Н. К. Козмин).

О французской словесности . . 397
<О французских историках и поэтах> 398
<Об Андрее Шенье> I—II . 398
<Об Альфреде Мюссе> . . . 398
<О Викторе Гюго> 399
<О романах Вальтера Скотта> 400
<О Байроне> (Ред. Т. Г. Зенгер и С. А. Рейсер) I—IV 400
<О Шекспире> I—II . . . 403
<О Макиавелли> 1. Divide et impera... 2. Езуит Посевин 3. Человек по природе своей. 404

lib.pushkinskijdom.ru

Стр.

Отрывки из писем, мысли и замечания. (Ред. Н. К. Козмин, Л. Б. Модзалевский, С. А. Рейсер),

1. Дядя мой однажды... 2. Стерн говорит, что живейшее... 3. Милостивый государь... 4. Кс. находит какое-то сочинение.... 5. Проза князя Вяземского... 6. Повторенное острое слово.... 7. Браните мужчин вообще.... 8. Одна из причин жадности... 9. Ne pas admettre... 10. Зависть сестра соревнования.... 11. В миг, когда любовь исчезает... 12. Одна дама сказывала мне... 13. Первый несчастный воздыхатель возбуждает... 14. У нас употребляют прозу... 15. Какой то лорд... 16. Не откладывай до ужина... 17. L'exactitude est la politesse... 18. Желудок просвещенного человека... 405

<Выписка о Поль-Потере> (Ред. Л. Б. Модзалевский) . 405

<Торвальдсен, делая бюст> (Ред. Ю. Г. Оксман) . . . 406

<Переводчики — почтовые лошади просвещения> (Ред. Ю. Г. Оксман) 407

Stabilité—première condition (Ред. Ю. Г. Оксман) 407

Филологические заметки (Ред. Н. К. Козмина и Ю. Г. Оксмана).

<Старинные пословицы> . . 407

<Грамматические замечания>:

1. Стих «Два века ссорить не хочу»... 2. У нас многие... 3. Иностранные собственные имена... 4. Как надобно писать... 5. Многие пишут... 6. Двенадцать, а не... 7. Пишу: телега... 8 Разговорный язык... 9. Альфиери изучал... 10. Московский выговор... 11. Шпионы подобны букве (ять)... 408

<Множество слов и выражений> 409

<Грамматика не предписывает законов> 409

Форма цыфров арабских . . . 409

Стр.

Буквы, составляющие славянскую азбуку 410

Исторические и социально-экономические заметки.

Il est impossimble, que les hommes (Ред. Б. В. Томашевский) 411

Notice sur révolution d'Ipsylanti (Ред. Ю. Г. Оксман) . 412

<Пенда-Дека> (Ред. Ю. Г. Оксман) 413

Исторические замечания. (Ред. П. Е. Щеголев) 413

Замечания на Анналы Тацита. (Ред. Н. К. Козмин) . . . 416

Je suppose sous un gouvernement despotique (Ред. Б. В. Томашевский) 417

Наброски 3-ей статьи об «Истории русского народа» Н. А. Полевого. (Ред. Т. Г. Зенгер и Ю. Г. Оксман) . . . 418

О книге М. Ф. Орлова «О государственном кредите» (Ред. П. Е. Щеголев) 418

«C'etait bien le moins que 24 millions» (Ред. Б. В. Томашевский) 420

Постановления, ниспровергнутые во Франции. I—III. (Ред. Н. К. Козмин) 420

Заметки о русском дворянстве (Ред. Ю. Г. Оксман)

1. Невежество русских бар... 2. Attentat de Феодор... 3. Что такое дворянство.... 4. Русское дворянство что ныне... . 422

Заметки к «Истории Пугачевского бунта». (Ред. Ю. Г. Оксман) 423

Записи рассказов и анекдотов.

Записки П. В. Нащокина, им диктованные в Москве в 1830 году (Ред. Л. Б. Модзалевский) 426

Table Talk. (Ред. П. Е. Щеголев) 428

Разговоры Н. К. Загряжской. (Ред. Ю. Г. Оксман) . . . 434

Материалы по истории Петра Великого. (Ред. П. Е. Щеголев).

Глава I 437

lib.pushkinskijdom.ru

Стр.

Выписки из «Деяний Петра Великого» 1703, 1709, 1725 гг. 447
Отдельные заметки (1672—1725 г.) 455
Заметки при чтении предисловия Голикова к «Деяниям Петра Великого» . 457
Очерк введения в «Историю Петра Великого» (Ред. Ю. Г. Оксман) 461

Камчатские дела (Ред. Ю. Г. Оксман и П. Е. Щеголев).

1. Выписки из «Описания земли Камчатки» С. П. Крашенинникова 462
2. План и набросок начала статьи о завоевании Камчатки 470

Выписки и наброски:

1. Мнение митрополита Платона (Ред. П. Е. Щеголев) 470
2. Заметки по истории Украины (Ред. Б. В. Томашевский) 470
3. Удельные князья (Ред. Б. В. Томашевский) . 473
4. Владетельные феодалы (Ред. Б. В. Томашевский) 473
5. Москва была освобождена Пожарским (Ред. П. Е. Щеголев) 473
6. В древние времена. (Ред. Ю. Г. Оксман) 474
7. Заметки при чтении Шлецера (Ред. Ю. Г. Оксман) 474
8. Приказы (Ред. Ю. Г. Оксман) 474
9. Материалы о земском суде (Ред. Ю. Г. Оксман) 475
10. Выписки из Четь-Миней. (Ред. Ю. Г. Оксман) 475
11. Выписка о Савве Сторожевском (Ред. Ю. Г. Оксман) 476
12. Материалы о соколиной охоте (Ред. Ю. Г. Оксман) 476

АВТОБИОГРАФИЯ

Лицейский дневник 1815 г. (Ред. Н. О. Лернер) . . . 477
Из Кишиневского дневника 1821 года (Ред. Н. О. Лернер) . 482

Стр.

Записи в Кишиневской тетради 1820—1822. (Ред. Н. О. Лернер) 483
Из черновых бумаг 1822—1824 гг. (Ред. Н. О. Лернер). 483
Встреча с П. А. Ганибалом 1824 г. (Ред. Н. О. Лернер) 483
О Державине..... (Ред. Н. О. Лернер) 483
Воображаемый разговор с Александром I. (Ред. Н. О. Лернер) 484
Воспоминания о Карамзине (Ред. Н. О. Лернер) . . . 485
Встреча с Кюхельбекером (Ред. Н. О. Лернер) 486
Записи 1826—1828 гг. (Ред. Н. О. Лернер) 487
Prologue (Ред. Н. О. Лернер) . 487
Программа записок (Ред. Н. О. Лернер) 487
Родословная Пушкина и Ганибалов (Ред. Н. О. Лернер) . 488
Записки 1831 г. (Ред. Н. О. Лернер) 490
Заметка о холере (Ред. Н. О. Лернер) 492
Программа записок (1833 г.), (Ред. Н. О. Лернер) . . . 493
Дневник 1833—1835 г.г. (Ред. Н. О. Лернер) 493
Встреча с Н. И. Надеждиным. (Ред. Н. О. Лернер) . . . 508
О Дурове. (Ред. Т. Г. Зенгер) 509

План первого неосуществленного издания стихотворений (Ред. Ю. Г. Оксман) 510
Наброски предисловия к «Борису Годунову». I—IX. (Ред. С. М. Бонди, Ю. Г. Оксман, Б. В. Томашевский) 510
Отрывок заметки о «Демоне» (Ред. Т. Г. Зенгер) . . . 517
Заметки о ранних поэмах (Ред. Н. К. Козмин) 518
Заметки об «Евгении Онегине» (Ред. С. М. Бонди и Н. К. Козмин) 519
1. Наши критики долго . . 519
2. В 4-ой книге Афенея . 519
3. Пропущенные строфы.... . 521
4. Г. Федоров, в журнале.... 522
5. Шестой песни Онегина. 522
6. Критику 7-ой песни.... . 522
7. Предисловие к VIII и IX главам 522

lib.pushkinskijdom.ru

Стр.

«Полтава» (Ред. П. Е. Щеголев) 523
Заметки о «Графе Нулине» . 525
1. Наброски возражений критикам. I—IV. (Ред. Ю. Г. Оксман) 525
2 <В конце 1825 г. находился я в деревне> (Ред. Н. К. Козмин) 526
Заметка о Моцарте и Сальери (Ред. Н. К. Козмин) . . . 526

Записки официального назначения

1. О народном воспитании (Ред. Н. К. Козмин) . . 527
2. О Мицкевиче (Ред. Ю. Г. Оксман) 529
3 О В. Д. Сухорукове (Ред. Н. О. Лернер) . . 530
4. Об издании газеты (Ред. Ю. Г. Оксман) . 531

1. Десять лет тому назад 531
2. Что есть журнал европейский 532
3. Контора под ведомством. 532

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Статьи из «Литературной газеты» 1830 г., приписываемые Пушкину.

1. Англия есть отечество карикатуры 533
2. Требует ли публика извещения 533
3. С некоторых пор журналисты... 533
4. Новые выходки противу так наз. литературной нашей аристократии . . . 534

Уполн. Главл. В 2174 Зак. 1205 Тир. 65.000
Типография «Известий ЦИК СССР и ВЦИК» Москва.

http://pushkinskijdom.ru